

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

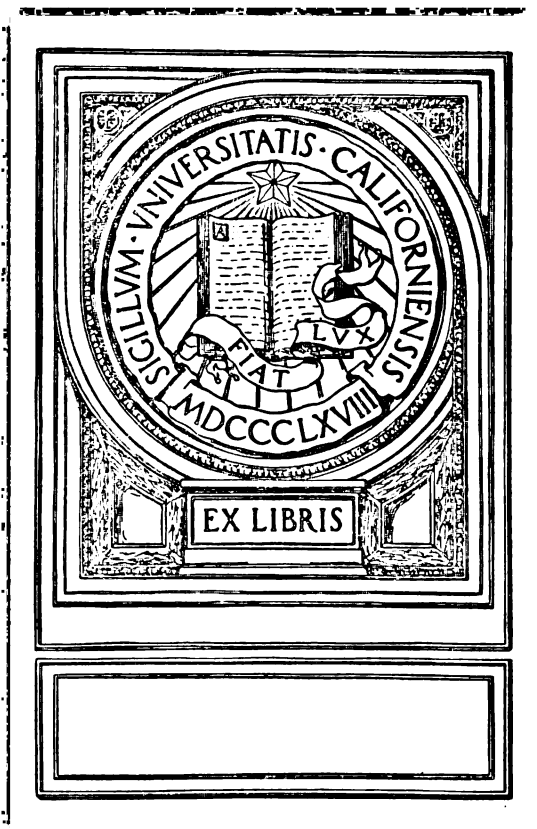
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

LE PASSÉ

ВЫХОД

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

№ 7

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

1908

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Возстаніе урупскихъ казаковъ. **Д. В. Д.**
2. И. П. Каляевъ (изъ воспоминаній). **Егора Созонова.**
3. Воспоминанія объ И. П. Каляевѣ. **Бориса Савинкова.**
4. Кассационная жалоба И. П. Каляева.
5. Подкопъ подъ Херсонское казначейство. **Ө. Юрковскаго.**
6. По поводу воспоминаній Ө. Н. Юрковскаго. **М. Ф. Фроленко.**
7. Изъ воспоминаній Ив. Окунцова. I. Разгромъ Забайкалья генераломъ Ренненкампомъ. П. Читинскія казни.
8. Къ дѣлу Соф. Мих. Гинсбургъ (изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній за 1889 г.“).
9. Царскій Листокъ.
10. Газета Департамента Полиціи: а) аресты членовъ Б. О. П. С. Р. въ 1903 г.; б) покушеніе на Трепова въ 1905 г.; в) крестьянскій союзъ въ 1905 г.; г) политическая и культурная программа земцевъ; д) письмо с.-д.
11. Изъ воспоминаній М. Еф. Бакая. О черныхъ кабинетахъ въ Россіи.
12. Въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія. **В. Л. Бурцева.**
13. Памяти народовольцевъ. (О портретахъ С. Л. Перовской, А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича, Г. Гельманъ, А. И. Баранникова, Н. Колодкевича, Н. Е. Суханова и Ю. Н. Богдановича.) **В. Н. Фигнеръ.**
14. Изъ записокъ Н. В. Клѣтчаникова.
15. Изъ міра мерзости и запустѣнія (1. О Станиславѣ Бржозовскомъ. 2. Письмо А. Святополкъ-Мірской.)
16. Отъ редакціи журнала „Былое“. **В. Л. Бурцева.**

Въ текстѣ напечатаны fac-similes Царскаго Листка и открытаго листа для полученія писемъ съ почты.

LE PASSÉ

ВЫХОДЪ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

№ 7

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11
—
1908

DKI
B89
no. 7-13

NO. 1000
1000000000

Возстаніе 2-го Урупскаго казачьяго полка.

1904-й годъ. Съ театра русско-японской войны шли все новыя и новыя вѣсти о пораженіяхъ. А изъ Россіи тянулись въ далекую Манчурію все новыя и новыя полки. Нѣсколько полковъ Кубанскихъ казаковъ уже находилось въ Манчуріи. Отъ нихъ время отъ времени приходили письма къ роднымъ въ Кубанскія станицы. Не веселья то были письма!... Начальство воруетъ, казаки не имѣютъ самаго необходимаго, японцы всегда оказываются лучше одѣты, лучше обуты и хорошо подготовлены! „Бьютъ нашихъ!“ — поговаривали уже въ станицахъ, какъ ни старалось начальство скрыть размѣры поражений.

Такое было настроеніе, когда по станицамъ Майкопскаго отдѣла объявленъ былъ сборъ казаковъ Урупскаго полка второй очереди. Сколько ни говорило начальство патріотическихъ рѣчей о священной обязанности поддержать славу русскаго оружія, сумрачныя являлись казаки на внезапно объявленную для нихъ службу. Они отбыли уже свои сроки дѣйствительной службы, большинство поженилось, обзавелось дѣтьми, своимъ хозяйствомъ, и вдругъ снова на службу, и на долго ли?! Уходя урупцы прощались съ семьями, — идти надо вѣдь въ Манчурію, — удастся ли снова вернуться на Кубань и снова повидаться съ родными?

Полкъ собрался въ Екатеринодарѣ. О походѣ начальство ничего не говоритъ. Отдѣльныя части рассылаются въ разныя мѣста: 2-ая и 4-ая сотня — въ гор. Новороссійскъ, 5-ая — въ Усть-Лабу, остальные — въ Екатеринодарѣ. Своимъ чередомъ идетъ учебье, а главное донимаютъ парады и караулы. Сегодня въ Новороссійскѣ за городомъ митингъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, — четвертой сотнѣ быть на готовѣ! Въ Екатеринодарѣ забастовка маслобойныхъ рабочихъ, — казаки посылаются патрулями въ объездъ. У богатаго помѣщика N рабочіе поломили сельско-хозяйственныя машины, помѣщикъ шлетъ телеграмму начальнику области, — отдается приказъ казакамъ немедленно выѣхать въ экономію N.

Вотъ уже и война кончилась, а казаки все на службѣ. Рошдуть казаки, а забастовочное движеніе все растетъ. Забастовки идутъ въ экономіяхъ, митинги сначала тайные происхо-

дять въ станицахъ. Изъ газетъ до казаковъ доносятся вѣсти о забастовкахъ солдатъ въ Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Воронежѣ... Наконецъ, 18-го октября въ Екатеринодарѣ дѣлается извѣстнымъ манифестъ. Громадный митингъ собирается въ городскомъ саду. Стройно съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень двигается десятитысячная толпа по главной улицѣ. Около Соборной площади на встрѣчу шестью выходитъ кучка переодѣтыхъ городовыхъ съ царскимъ портретомъ. Все заранѣе расчитано. Камень летитъ въ царскій портретъ, раздается провокаторскій выстрѣлъ. Изъ-за угла выѣзжаетъ приготовленная сотня казаковъ. Раздается команда: „пли!“... Рядъ ружейныхъ выстрѣловъ... Люди бѣгутъ въ ближайшія поперечныя улицы... Послѣ выстрѣловъ быстро собираются черносотенцы, городовые кричатъ: „Къ дому доктора Рохлина! сжечь его!“ Толпа поднимаетъ принесенное бѣлое знамя съ изображеніемъ государственнаго орла. Знаменосецъ становится на тротуарѣ противъ дома Рохлина. Начинается погромъ; вламываются въ домъ, рвутъ книги, бьютъ посуду, ломаютъ мебель. Призваннымъ къ дому казакамъ отдается приказъ: громиламъ не препятствовать. Задумываются казаки. Что бы это значило? всѣ говорятъ, — добрый докторъ и къ народу хорошо относился, а начальство содѣйствуетъ погрому!

А дальше начинаются событія, которыя еще болѣе заставляютъ казаковъ задуматься. Въ городѣ образовывается Рабочій Комитетъ изъ представителей заводовъ и представителей отдѣльныхъ отраслей труда. Митинги происходятъ открыто, въ отведенномъ начальствомъ для митинговъ городскомъ саду. О времени митинговъ рассылаются объявленія отъ имени Рабочаго Комитета. Тысячныя толпы со вниманіемъ выслушиваютъ ораторовъ. Говорятъ о народной нуждѣ, о произволѣ начальства, объ единеніи солдатъ съ народомъ. Выступаютъ интеллигенты, простые рабочіе, время отъ времени — солдаты и казаки.

Казармы Урупскаго полка по сосѣдству съ городскимъ садомъ. Хотя начальство и запрещаетъ посѣщать митинги, но какъ не послушать, что говорятъ про казацкую и солдатскую службу. Казаки раздобываютъ „вольную одежду“, переодѣваются, перелѣзаютъ черезъ заборъ и смѣшиваются съ толпой. Заводятся знакомства съ „вольными“. Соціалисты-революціонеры въ это время усиленно вели пропаганду между солдатами Анапскаго батальона. Нѣсколько человекъ изъ каждой роты посѣщали конспиративную квартиру, запасались тамъ книжками и прокламаціями и раздавали ихъ въ своихъ ротахъ. Завязываются связи и съ казаками. Отдѣльные казаки начинаютъ также посѣщать эту квартиру. Постепенно завязываются сношенія между казаками и солдатами. Особенно связи эти укрѣпляются во время забастовки Анапскаго батальона.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ распропагандированные анаповцы открыто повели агитацію за предъявленіе требованій къ начальству.

Требования были выработаны, весь батальонъ одобрилъ ихъ. Анаповцы заявили, что они не допустятъ къ себѣ въ казармы ни одного офицера, пока требования не будутъ удовлетворены. Были произведены выборы своего начальства. Командиромъ батальона былъ избранъ унтеръ-офицеръ Соловьевъ. Забастовка анаповцевъ протекала совершенно мирно. Отбывались полагавшіеся караулы, производились ученья, но только все подъ командой выбранныхъ изъ своей же среды пачальниковъ. Новостью въ батальонѣ являлись лишь общія собранія ротъ и всего батальона, на которыхъ начальники совѣщались со своими подчиненными и привнимались рѣшенія. Новостью были и посѣщенія „вольныхъ“, допускавшихся съ разрѣшенія выбраннаго батальоннаго командира.

Начальство сначала отнеслось къ забастовкѣ легко и думало привести ее къ концу въ нѣсколько дней. Наказной атаманъ пожелалъ вступить въ переговоры, былъ съ разрѣшенія батальоннаго командира допущенъ въ казармы и увѣщалъ солдатъ подчиниться законной власти. Анаповцы встрѣтили наказнаго атамана почтительно со всеѣмъ полагающимся по закону церемоніаломъ, но изъ своихъ требованій ничего не уступили и принять своихъ офицеровъ отказались. Тогда начальство стало готовить военную силу, чтобы привести анаповцевъ къ подчиненію. Такой силой въ рукахъ начальства могли быть казаки.

Офицеры-урупцы въ разговорахъ съ казаками начали говорить, что солдаты набираются изъ хулигановъ, сегодня онъ — солдатъ, а завтра пойдетъ опять въ шахтеры, что они забыли присягу и надо ихъ проучить.

Но анаповцы, въ свою очередь, тоже не дремали. Около анаповскихъ казармъ находится пороховой погребъ Урупскаго полка. Въ городѣ уже давно ходили слухи, что при первой надобности анаповцы безъ всякаго почти сопротивленія могутъ захватить казачью артиллерію и пороховой погребъ. Начальство знало это и стало высылать усиленные караулы къ пороховому погребу. По ночамъ къ карауламъ подходили анаповцы, разговаривали о своихъ требованіяхъ, объ обидахъ и притѣсненіяхъ со стороны начальства, а эти обиды и притѣсненія тѣ же, что и у казаковъ. Нѣкоторые изъ казаковъ стали посѣщать и казармы анапскаго батальона. Предметомъ обсуждения былъ все тотъ же вопросъ: неужели вы, братья-казаки, будете стрѣлять въ насъ, солдатъ?

Разговоры о томъ, можно ли стрѣлять въ анаповцевъ, стали уже открыто вестись въ казармахъ Урупскаго полка. Разговоры велись въ такомъ тонѣ, что начальство отдало распоряженіе: офицерамъ не отлучаться отъ своихъ сотенъ и поспѣшно удовлетворить главныя требованія анаповцевъ. Забастовка анаповцевъ кончилась, офицеры вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и только въ обращеніи ихъ съ солдатами замѣтна была большая перемѣна.

Урупцамъ уже не угрожаетъ идти съ оружіемъ противъ анаповцевъ. Но тутъ всплыли уже всѣ притѣсненія и обиды, которыя накопились у урупцевъ. Почему насъ держали до сихъ поръ на службѣ? Мы отбыли уже свою службу. Насъ набрали для войны. Война теперь кончена. Не дѣло казаковъ вести полицейскую службу. Царь далъ манифестъ, теперь митинги разрѣшены, на митингахъ люди мирно говорятъ о своихъ нуждахъ, а начальство незаконно посылаетъ насъ разгонять митинги. Нельзя, по манифесту, бить гражданъ... Насъ посылаютъ охранять помѣщичью экономію, а у насъ свои хозяйства остались безъ работниковъ, наши семьи раззоряются... Чего намъ еще ждать? — нужно добиваться самимъ, какъ анаповцы.

Такіе разговоры открыто велись въ казармахъ Урупскаго полка. Особенно выдавался своими рѣчами сотенный фельдфебель Шумаковъ. Молодой, горячій, онъ велъ знакомство съ анаповцами, читалъ книжки, видалъ прокламаціи. На происходившихъ въ казармахъ собраніяхъ онъ выступалъ ораторомъ. Его не смущало и появленіе офицеровъ. Внезапно на собраніе является офицеръ, онъ не кричитъ уже: „смирно! стройся!“, а скромно становится въ сторонкѣ, пробуетъ возражать оратору, доказывая, какъ много начальство печется о казакахъ.

— Знаемъ, знаемъ заботы начальства! — раздается съ разныхъ сторонъ.

— Гдѣ же, ваше благородіе, эти заботы начальства? — возвышается свой голосъ Шумаковъ. У войска есть, говорятъ, большіе войсковые капиталы, о чемъ бы войску и ни позаботиться, какъ не о нашихъ семьяхъ. А развѣ наши семьи получили какую-нибудь помощь? У войска есть стипендіи для казачьихъ дѣтей. Я хлопоталъ о стипендіи для брата. Ее отдали офицерскому сыну. Не для насъ эти капиталы, не для насъ стипендіи!“

— Вѣрно! правда! — раздается сочувственный говоръ казаковъ.

Съ каждымъ днемъ настроеніе казаковъ повышалось. Тотъ или иной выходъ ставился веназбыльнѣмъ. Это понимали всѣ. Въ ночь на 25 ноября рѣшено было собраться наиболѣе вліятельнымъ въ своихъ сотняхъ казакамъ, чтобы прійти къ какому-нибудь общему рѣшенію. На собраніи этомъ окончательное было рѣшено предъявить начальству требованія. Главнымъ требованіемъ должно быть распушеніе полка по домамъ. Пока требованія обсуждались по сотнямъ, произошло событіе, которое ускорило развязку. 14-й и 17-й батальоны, посланные для усмиренія народнаго возстанія въ Сочи, Новороссійскъ и другія мѣста, отказались вести службу и разошлись по домамъ. Немедленно рѣшено было послать депутацію къ сотнямъ, расположеннымъ въ Новороссійскѣ, съ предложеніемъ присоединиться къ ихъ требованіямъ.

Брать депутатами отъ полка вызвалось нѣсколько молодыхъ

казаковъ. 15-го декабря они явились на вокзалъ, обратились къ желѣзнодорожному забастовочному комитету, рассказали о цѣли своей поѣздки, и экстреннымъ поѣздомъ были доставлены въ Новороссійскъ.

Казаки, находившіеся въ Новороссійскѣ, не зная, что происходитъ въ другихъ сотняхъ въ Екатеринодарѣ, недовѣрчиво отнеслись къ депутатамъ. „Пусть къ намъ придутъ старшіе; пусть намъ скажутъ урядники; мы отъ полка не отстанемъ!“ — были общіе отвѣты:

Когда вернувшіеся делегаты сообщили полку объ отвѣтѣ, полученномъ ими отъ расположенныхъ въ Новороссійскѣ сотенъ, немедленно рѣшено было послать новую депутацію. Въ нее вошли исключительно урядники и, притомъ, пользовавшіеся наибольшимъ вліяніемъ въ полку: Курчановъ, Сушковъ, Гаврилюкъ и др. Совѣщанія о посылкѣ депутатовъ происходили уже въ присутствіи офицеровъ. Объ отъѣздѣ избранныхъ депутатовъ сообщили сотенному командиру. Онъ не рѣшился протестовать, и делегаты съ вѣдома начальства ушли изъ казармъ. 17-го декабря особымъ поѣздомъ, предоставленнымъ имъ забастовочнымъ комитетомъ, депутаты были доставлены въ Новороссійскъ. Тотчасъ же по пріѣздѣ депутаты отправились въ казармы 4-й и 6-й сотенъ. Бывшій въ числѣ депутатовъ урядникъ Курчановъ сообщилъ о рѣшеніи полка самовольно уйти со службы, если начальство не исполнитъ ихъ требованія о рѣспускѣ по домамъ и предложилъ казакамъ присоединиться къ ихъ рѣшенію. Раздались крики: „согласны, всё согласны!“, и казаки начали укладывать свои вещи.

Сотенный командиръ, желая раздѣлить казаковъ, скомандовалъ: „кто хочетъ уходить, — направо; кто хочетъ остаться, — налево!“ Налѣво пошли только два казака, много разъ оштрафованные за пьянство и воровство. Раздается общій смѣхъ, и самъ сотенный командиръ, сконфузившись, пробормоталъ: „Такой сволочи мнѣ не надо, можете и вы уходить!“

Былъ уже поздній вечеръ, когда депутаты отправились во 2-ю сотню. Одна полусотня была размѣщена въ товарныхъ вагонахъ на рельсовыхъ путяхъ. Казаки уже спали. Командиръ же полусотни Бѣлгородскій, узнавши о пріѣздѣ депутатовъ и о цѣли, рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не допустить депутатовъ до казаковъ. Онъ выбралъ самыхъ надежныхъ изъ казаковъ и сталъ вмѣстѣ съ ними на караулѣ. Когда депутаты приблизились къ вагонамъ, раздался окликъ: „Кто идетъ?“ — „Депутаты отъ полка!“ — „Зачѣмъ?“ — „Снять со службы!“ — „Вѣстовой! — давай винтовку!“, скомандовалъ офицеръ. Депутаты были безъ оружія. Стоявшіе на караулѣ казаки готовы были стрѣлять. Ничего другого не оставалось, какъ повернуть назадъ. Эта полусотня была единственная, которая не примкнула къ движенію всего полка.

19 декабря, когда депутаты вернулись въ Екатеринодаръ,

было рѣшено, что всѣ сотни встрѣтятъ прибывающихъ изъ Новороссійска. Казаки осѣдлали лошадей и въ полномъ составѣ сотнями отправились на вокзалъ. Видя свои сотни построеными, офицеры рѣшили, что обязанность ихъ — быть при сотняхъ, и также отправились на вокзалъ. Бурные крики „ура“ раздались, когда подошелъ поѣздъ съ урупцами. Въ 12 час. рѣшено было всѣмъ казакамъ Урупскаго полка собраться во дворѣ 3-ей сотни. Размѣстившись командой, казаки собрались во дворѣ 3-ей сотни. Вышелъ Шумаковъ и прочиталъ выработанныя требованія полка. Требования эти изложены такъ: „Просьба 2-го Урупскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска: 1. просимъ всѣмъ полкомъ о роспускѣ въ недѣльный срокъ; 2. удовлетворить всѣхъ нижнихъ чиновъ полка, при роспускѣ, деньгами, положенными отъ казны, войска, города, желѣзной дороги и сотенныхъ артельныхъ суммъ; 3. дать намъ отъ начальства подписку, чтобы за эту просьбу никто изъ нижнихъ чиновъ полка не пострадалъ, какъ полкомъ, такъ и въ одиночку; 4. казаку Александру Сливкину, осужденному въ дисциплинарный батальонъ, смягчить наказаніе“. Требования встрѣтили общее одобреніе. Скоро стало извѣстно, что на сходку казаковъ придутъ наказный атаманъ Одинцевъ, его помощникъ, генералъ Бабичъ, и начальникъ штаба, генералъ Пржевальскій, выслушать претензіи казаковъ. При появленіи начальства подъесаулъ Кучеровъ попробовалъ скомандовать: „Смирно! стройся!“ Къ нему подошелъ урядникъ Курчановъ и заявилъ:

— Ваше благородіе, къ чему стронься, довольно стронлись, полкъ вышелъ изъ повиновенія, — и вы здѣсь не командуете!

— Очень жаль! — пробормоталъ сконфуженный офицеръ.

— Кому жаль, а намъ совсѣмъ не жаль. Товарищи, становись въ кругъ!

Явилось начальство. Начальникъ области, генералъ Одинцевъ, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ стоявшихъ вольно группами казаковъ. Но помощникъ его, генералъ Бабичъ, не вытерпѣлъ и, обратившись къ группѣ стоявшихъ около него урядниковъ, проговорилъ:

— Передъ кѣмъ стоите? Со всѣхъ васъ надо снять нашивки!

Генералъ Бабичъ былъ ненавидимъ всѣми казаками, среди урупцевъ о немъ говорили, что онъ подбиваетъ оставшихся еще на службѣ пластуновъ пойти съ оружіемъ на урупцевъ. На его замѣчаніе раздался глухой ропотъ, который грозилъ перейти въ наступленіе на генерала. Начальникъ области понялъ это и громко заявилъ:

— Только я имѣю право разжаловать и снять нашивки!

Самъ Бабичъ смутился и пробормоталъ:

— Я только шутки ради такъ сказалъ.

— Не до шутокъ намъ здѣсь, — отвѣтили казаки.

— Чего вы хотите? — обратился начальникъ области къ собравшимся казакамъ.

Толпа заговорила вся сразу, трудно было разобрать что-либо въ общемъ говорѣ. Тогда начальникъ области обратился къ толпѣ:

— Кто изъ васъ можетъ говорить, выходи и говори одинъ! Вышелъ урядникъ Курчановъ.

— Прежде, чѣмъ говорить, прошу ваше превосходительство удалитъ нашихъ офицеровъ, — заявилъ Курчановъ.

Начальникъ области велѣлъ офицерамъ отойти.

— Много казаки терпѣли, началъ Курчановъ: насъ кормили такъ, что пищу часто приходилось выбрасывать, наши помѣщенія сырыя, въ нихъ люди заболѣваютъ. Наши офицеры обращались съ нами хуже, чѣмъ со скотами. Мы терпѣли и терпѣли бы дальше. Но начальство заставляетъ насъ идти противъ народа, заставляетъ проливать кровь невинныхъ людей. Полицейской службы казаки больше нести не желаютъ. Войны теперь нѣтъ, и поэтому полкъ требуетъ, чтобы въ теченіе 7-ми дней онъ былъ распущенъ.

Все это было сказано твердо, рѣшительно и поддержано всѣми присутствовавшими казаками. Начальникъ области увидѣлъ, что разговаривать тутъ безцѣльно, обратившись къ казакамъ, сказалъ:

— Не я васъ собиралъ, не могу васъ и распускать. Отъ царя же вамъ разрѣшенія уходить нѣтъ. Вотъ вамъ телеграмма отъ графа Витте, который у царя первымъ министромъ. Онъ приказываетъ казакамъ отправиться въ Новороссійскъ. Тамъ хулиганы захватили городъ и грозятъ разграбить банкъ. Не хотите слушаться, дѣйствуйте, какъ знаете, хотите уходить — уходите!

— Въ Новороссійскѣ нѣтъ хулигановъ, тамъ народъ прогнать своихъ начальниковъ, — раздался голоса прибывшихъ изъ Новороссійска казаковъ.

— А какъ они телеграммы получили, когда вторую недѣлю телеграфъ бастуетъ? — вдругъ раздался голосъ одного изъ урядниковъ. — Насъ обманываютъ, братцы, телеграмма подложная.

— Больше разговаривать нечего, — сказали Курчановъ, — наши требованія начальство удовлетворить не желаетъ, мы должны съ оружіемъ въ рукахъ заставить начальство исполнить наши требованія.

— И ждать больше нечего, — крикнулъ Гаврилюкъ, — пластуны уже ушли, и намъ нужно дѣйствовать открыто. Нужно выбрать командира и уходить.

— Курчанова, Курчанова! — раздалось въ толпѣ.

— Эхъ, братцы, погибать придется, у меня вѣдь жена — ее не оставьте!

— Не оставимъ, не оставимъ! — раздалось по рядамъ казаковъ.

— Ну, так дайте отъ каждой сотни подписку, что меня командиромъ выбераете!

Быстро были написаны по числу сотенъ листы съ уполномочіемъ Курчанова командовать полкомъ и съ обязательствомъ всѣхъ казаковъ подчиниться ему, какъ законному командиру.

— Теперь, братцы, выбрать сотенныхъ командировъ.

Сотни разошлись по разнымъ концамъ двора, намѣтили сотенныхъ командировъ. Курчановъ утвердилъ выборы.

Курчановъ собралъ сотенныхъ командировъ и приказалъ отнынѣ за всѣми распоряженіями обращаться къ нему. Самъ же подошелъ къ оставшемуся въ сторонѣ начальнику штаба и заявилъ:

— Полкъ уходитъ, — кому прикажете сдать посты?

Начальникъ ничего не отвѣтилъ, и со слѣдующаго дня на постахъ урупцевъ стояли уже не разошедшіеся пластуны.

Не сняты, а усилены были только посты около полковой канцеляріи, гдѣ хранилось полковое знамя и денежный ящикъ.

День прошелъ въ сборахъ. Къ Курчанову то и дѣло обращались за распоряженіями. Нѣсколько человекъ было послано снять вѣстовыхъ у офицеровъ. Вѣстовые брали свои вещи и уходили. Нѣкоторые обратились къ офицерамъ за разрѣшеніемъ. „Уходи, уходи, закричалъ офицеръ одному изъ вѣстовыхъ, а то подумаютъ, что я тебя задерживаю.“

Такова была растерянность офицеровъ.

Между тѣмъ, въ городѣ на Соборной площади шелъ десяти-тысячный митингъ. Неожиданно на митингъ явился верхомъ на лошади казакъ. Толпа сначала съ недовѣріемъ посмотрѣла на казака, но пропустила его къ мѣсту предсѣдателя. Предсѣдатель, переговоривши съ казакомъ, объявилъ, что явился посланный отъ Урупскаго полка съ увѣдомленіемъ, что полкъ рѣшилъ не нести больше полицейской службы и уходитъ въ родныя станицы. Полкъ шлетъ привѣтствіе гражданамъ и въ случаѣ преслѣдованія со стороны начальства ждетъ, что народъ поддержитъ его въ его борьбѣ.

Оглушительное „ура“, „слава урупцамъ“ не смолкало на площади. Шапки полетѣли вверхъ. Никогда еще не видѣлъ такой встрѣчи ни одинъ казакъ!

Толпа окончила митингъ и разошлась по улицамъ. Небольшія толпы демонстрантовъ были въ разныхъ мѣстахъ. Между тѣмъ, у начальника оставались еще вѣрными службѣ одни только пластуны. Начальникъ области не хотѣлъ еще признать, что онъ потерялъ власть надъ Урупскимъ полкомъ и отдалъ дежурному адъютанту приказаніе выслать для охраны дворца полсотни конныхъ урупцевъ. Не зная, какъ выполнить приказаніе, адъютантъ обратился къ Курчанову и просилъ его прислать конныхъ казаковъ для охраны дворца и пожалованныхъ

войску знаменъ и регалій, такъ какъ хулиганы покушаются разгромить дворецъ и уничтожить казачьи регаліи.

Послѣднее адъютантъ уже прибавилъ отъ себя. Курчановъ, выслушавъ адъютанта, сказалъ, что никакихъ хулигановъ нѣтъ и никто уничтожать казачьихъ регалій не собирается, и лишь для провѣрки согласился послать десять пѣшихъ казаковъ ко дворцу начальника области. По дорогѣ ихъ встрѣтилъ генераль Бабычъ и, узнавъ, какъ выполнено распоряженіе начальника области, отослалъ ихъ обратно.

Казакі собирались. Къ Курчанову то и дѣло обращались за распоряженіями. Музыканты отказались итти въ циркъ на представленіе безъ распоряженія Курчанова. Начальникъ музыкантской команды идетъ къ Курчанову съ просьбой отпустить музыкантовъ. Завѣдывающій обозомъ отказывается отпустить лошадь командиру полка безъ распоряженія Курчанова. Къ Курчанову обращается администрація, къ Курчанову обращаются представители партій и митинговъ.

Передъ Курчановымъ стоитъ еще главная забота: въ полномъ порядкѣ вывести полкъ изъ Екатеринодара. Ночью на 20 декабря разнесся слухъ, что офицеры рѣшили тайно вынести изъ канцеляріи полковое знамя и денежный ящикъ. Основаніемъ къ возникновенію этого слуха послужило то, что наканунѣ, дѣйствительно, состоялось у начальника области совѣщаніе офицеровъ, на которомъ командиръ полка предложилъ силою завладѣть знаменемъ и денежнымъ ящикомъ и просилъ дать ему для этого оставшихся вѣрными пластуновъ. Но всѣ присутствовавшіе признали это безумнымъ предпріятіемъ. Начальникъ области заявилъ, что городъ наполненъ революціонерами, что онъ не можетъ положиться на пластуновъ и, кромѣ того, „знамя принадлежитъ полку“.

Ночью на собраніи урядниковъ было рѣшено завладѣть полковымъ знаменемъ и денежнымъ ящикомъ. Вечеромъ 22-го декабря отрядъ казаковъ, чемовѣкъ въ 70, во главѣ съ Курчановымъ, подошелъ къ полковой канцеляріи. Въ канцеляріи въ это время занимались писаря. Стоявшій на караулѣ казакъ Дорошенко никого изъ офицеровъ не допускалъ. Одинъ изъ офицеровъ, подъ предлогомъ, что ему нужно поговорить по телефону, попытался пройти, но казакъ загородилъ дорогу. Курчановъ командовалъ выносить знамя и ящикъ. Призвали казака слесаря, который отвернулъ винты, на которыхъ былъ укрѣпленъ ящикъ. Въ немъ находилось 28000 рублей. Когда вынесли знамя, офицеръ отдалъ честь знамени. Ящикъ поставили на двуколку и весь отрядъ двинулся въ казармы. Уходя, Курчановъ захватилъ съ собой нѣсколько бланковъ и печать полка, а канцелярію велѣлъ запереть. Кто-то изъ писарей обратился къ нему съ просьбой не запирать канцеляріи, такъ какъ есть срочныя бумаги.

— Какія тамъ бумаги! — сказалъ Курчановъ, — тутъ дѣло идетъ о нашей жизни, а вы съ бумагами!

22-го декабря происходила нагрузка казаковъ въ вагоны. Особый поѣздъ былъ заготовленъ забастовочнымъ комитетомъ. Нагрузка происходила въ полномъ порядкѣ, только изрѣдка раздавалось „ура!“ изъ рядовъ провожавшихъ желѣзнодорожниковъ. Курчановъ отдавалъ распоряженія. Поѣздъ тронулся. Маршрутъ полка былъ намѣченъ въ Усть-Лабу, а оттуда верхомъ въ городъ Майкопъ предложить атаману отдѣла принять знамя, денежный ящикъ и распустить полкъ по станицамъ.

На промежуточныхъ станціяхъ было нѣсколько отставшихъ. Нѣсколько казаковъ независимо другъ отъ друга, не желая показать своего страха передъ товарищами, тайно ходили къ своимъ офицерамъ и совѣтовались — идти ли имъ вмѣстѣ съ полкомъ. Офицеры дали совѣтъ: идите и при первой возможности возвращайтесь. На первой же станціи одинъ изъ казаковъ незаметно вышелъ изъ вагона и залѣзъ въ тростникъ, гдѣ и пролежалъ, покуда не ушелъ поѣздъ на Усть-Лабу. Нѣсколько человекъ такимъ же образомъ отстали въ Усть-Лабѣ.

Слухъ объ идущемъ въ боевомъ порядкѣ, но безъ офицеровъ, полкъ быстро разнесся по окрестнымъ станицамъ. Поселеніе выходило на встрѣчу, доставлялось продовольствіе. Во все время суммы изъ денежнаго ящика оставались нетронутыми.

Особенно торжественно полкъ былъ встрѣченъ въ Майкопѣ. 27-го въ Майкопѣ происходилъ митингъ по поводу предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу. Вдругъ раздался крикъ: „казакъ ѣдетъ!“ Всѣ заволновались и заговорили: „откуда казакъ? зачѣмъ здѣсь казакъ?“

— Казакъ Урупскаго полка, гонецъ отъ полка! — сказалъ кто-то громко и возбужденно.

— Гдѣ полкъ, когда придетъ? зачѣмъ пріѣхалъ? — посыпались на казака вопросы съ разныхъ сторонъ.

Казака пропустили къ трибунѣ, и онъ съ трибуны объяснилъ, что Урупскій полкъ въ ближайшей станицѣ, скоро придетъ въ Майкопъ и желаетъ заранѣе узнать, какъ примутъ его граждане — радостно или враждебно, и будутъ ли посланы противъ него мѣстныя войска

Раздались крики: „Ура казакамъ! Слава Урупцамъ!“

Попъ попробовалъ что-то сказать о присягѣ, но былъ сташенъ за полы съ трибуны. На трибуну вошелъ старый неслужилый казакъ и, обращаясь къ гонцу и къ народу, началъ говорить:

— Здѣсь сказано было: казаки нарушили присягу, а я говорю вамъ: нѣтъ, они ее не нарушили. Присяги бить гражданъ въ родной странѣ нѣтъ и не должно быть. Казаки отказались исполнить безчеловѣчныя приказанія своего начальства бить своихъ братьевъ; и они обязаны были это сдѣлать.

За то, что вы отказались бить и убивать людей, я низко кланяюсь тебѣ, казакъ, братъ мой!

И говорившій снялъ папаху и низко поклонился гонцу. Это вызвало взрывъ энтузіазма.

Были избраны двѣ депутаціи — одна къ атаману отдѣла съ просьбой не высылать войска противъ казаковъ, другая — для встрѣчи полка. Во вторую депутацію предложили войти городскому головѣ и мѣщанскому старостѣ, какъ представителямъ города.

28-го числа полкъ долженъ былъ явиться въ городъ. Съ ранняго утра на городскомъ выгонѣ начали стекаться толпы народа. Вышелъ весь городъ. Толпа была не менѣе 20 тысячъ. Одинъ изъ священниковъ вынесъ хоругви, чтобы отслужить благодарственный молебенъ. Торговцами были приготовлены столы съ закуской для угощенія прибывающихъ казаковъ.

На встрѣчу полку выѣхалъ, по обязанности службы, и атаманъ отдѣла генераль Косякинъ.

— Полкъ, въ резервную половину стройся! — раздалась громкая команда Курчанова. И шестьсотъ всадниковъ безъ суеты и суматохи, буквально не стукнувъ стремя о стремя, развернулись во фронтъ передъ экипажемъ атамана отдѣла, приѣхавшаго вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ.

Курчановъ подѣхалъ къ атаману отдѣла и доложилъ:

— Ваше превосходительство, 2-ой Урупскій полкъ прибылъ изъ Екатеринодара въ составѣ 5-ти сотенъ безъ офицеровъ, — и подалъ рапортъ съ указаніемъ числа урядниковъ, нижнихъ чиновъ, числа здоровыхъ и больныхъ лошадей.

Атаманъ отдѣла обратился ко всему полку:

— Ну, что же вы мнѣ скажете? Выберите кого-нибудь для доклада.

Курчановъ заявилъ, что онъ уполномоченъ говорить отъ имени полка и что, до получения приказа о роспускѣ, полкъ оставляетъ при себѣ знамя, денежный ящикъ и оружіе.

— Знамя, денежный ящикъ приму, распустить же полкъ не имѣю власти, — сказалъ атаманъ отдѣла.

— Въ такомъ случаѣ полкъ ничего сдавать не будетъ и возвратится въ станицу Гіачинскую.

Атаманъ отдѣла послѣ этого вмѣстѣ съ адъютантомъ уѣхалъ въ городъ.

По отъѣздѣ начальства Курчановъ вызвалъ изъ толпы сотенныхъ командировъ и старшихъ урядниковъ на совѣтъ. Рѣшено было возвратиться въ станицу Гіачинскую. Въ это время къ урядникамъ подошла депутація и просила принять отъ города угощеніе. Городской голова поднесъ хлѣбъ-соль и поздравилъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ городъ. Одинъ изъ членовъ городской депутаціи сказалъ привѣтственную рѣчь. Онъ говорилъ о счастливейшемъ днѣ своей жизни, до котораго онъ дожидъ и котораго ждалъ, что казаки откажутся

стрѣлять въ своихъ братьевъ, и призывалъ казаковъ дать клятву никогда больше не итти съ оружіемъ противъ родного народа.

— Даемъ клятву! — раздались много голосовъ въ рядахъ казаковъ.

Послѣ того былъ отслуженъ молебенъ, и казакамъ было предложено угощеніе отъ города.

Выступление въ станицу Гіачинскую назначено было на слѣдующій день. На ночь казаки размѣстились по домамъ обывателей, а знамя и денежный ящикъ рѣшено было поставить въ мѣщанской управѣ. Вечеромъ произошло вновь совѣщаніе урядниковъ, на которомъ выработаны были текстъ воззванія 2-го Урупскаго полка къ народу. Съ текстомъ воззванія нѣсколько казаковъ отправилось въ типографію, но завѣдующій типографіей отказался напечатать безъ разрѣшенія полицеймейстера. Казаки розыскали полицеймейстера и потребовали, чтобы онъ поставилъ требуемое разрѣшеніе. Увидѣвши вооруженныхъ Урупцевъ полицеймейстеръ написалъ на поданномъ ему текстъ: „По вынужденію урупцевъ и въ огражденіе спокойствія города разрѣшилъ къ печатанію. Исправляющій должность полицеймейстера Ромащукъ.“

Приводимъ дословный текстъ этого воззванія, отпечатаннаго Урупцами въ 10000 экзemplаровъ и перепечатаннаго потомъ организаціями соц.-дем. и соц.-рев. Это воззваніе было помѣщено и въ „Молвъ“ (11 января 1906 г.):

Ко всѣмъ гражданамъ Россіи!

Граждане! Обращаемся къ вамъ за справедливымъ сужденіемъ о нашемъ дѣлѣ. Мы его дѣлали открытымъ и хотимъ, чтобы весь народъ русскій зналъ, что какъ было. Мы останемся вѣрными слугами Его Императорскаго Величества Государя Императора и готовы защищать нашу родину отъ вѣдшихъ враговъ до послѣдней капли крови. Призванные по мобилизаціи 22-го ноября 1904 года во время войны съ Японіей, готовые доказать всему міру свою вѣрность родинѣ, жаждущіе сразиться съ врагомъ, мы волей нашего правительства были оставлены внутри Россіи для несенія полицейской службы. Слѣпо повинувъ нашему начальству, мы ревностно исполняли всѣ его приказанія: били народъ плетью, разгоняли его прикладами, разстрѣливали безоружныхъ гражданъ на улицахъ, топтали ихъ конями, мы охраняли гостиницы и публичные дома, насъ отдавали подъ начальство городскихъ, которые распоряжались нами въ цѣляхъ своей выгоды. Въ голодъ и голодѣ несли мы службу, но безъ ропота молчали, думая, что этимъ исполняемъ волю Государя, но когда манифестомъ 17 октября нашъ Царь далъ русскому народу свободу, когда всѣмъ ясно стало, что онъ хочетъ облегчить жизнь бѣдному люду и когда нашему житью-каторгѣ не стало облегченія, тутъ-то мы стали понимать, въ чемъ главная суть есть. Начальство наше такъ устроило, что манифестъ насъ совсѣмъ не коснулся, какъ будто бы мы были турки, а не такіе же вѣроподданые Государя Императора, какъ будто бы мы были не сыны родины, не такіе же граждане, какъ и вы, не защитники отече-

ства. А между тѣмъ, жить намъ становилось все хуже и хуже, больше не было мочи выносить. Намъ запрещали ходить на митинги, гдѣ говорилось правда, намъ запрещалось подѣ страхомъ наказанія собираться промежь себя, обсуждать свои нужды, а когда мы заявили своему начальству, что насъ кормили двѣдѣдѣмъ хлѣбомъ, что въ казенныхъ сукарихъ были шашки, не говоря уже за мясо и горячую пищу, то одинъ изъ офицеровъ Б. сказалъ съ насмѣшкой, что „вы дѣлаѣте хуже, чѣмъ мои собаки ѣдятъ“, а тутъ еще не понравилось намъ казенное кушанье“. Насъ приравнивали къ собакамъ, не посматрѣли на нашу просьбу. Нами замѣняли лошадей; на насъ вывозили конскій навозъ со двора, какъ это было въ 5-й сотнѣ. Лошадей нашихъ кормили осокой, какъ это было во время пребыванія моего въ лагерномъ сборѣ въ станицѣ Крымской, причемъ отъ такой пищи нѣсколько лошадей пало, а многіе заболевали. Нѣсколько разъ мы заявляли о нашей тяжелой жизни начальству, намъ отвѣчали за наши просьбы обѣщаніями предать суду, отборной бранью и угрозами застрѣлить всякаго, который осмѣлится пожаловаться на свое положеніе, насъ заставляли молча оберегать тѣ „заведенія“, гдѣ офицера въ веселыя проводили время.

Граждане! Тяжело намъ пришлось, такъ тяжело, что и разказать нельзя. Горько и обидно намъ стало, когда послѣ манифеста 17-го октября правительство заставляло идти насъ противъ воли Государя, дозволившаго свободу собраний, слова, совѣсти и союзовъ, когда оно заставляло насъ разгонять собранія, убивать народъ, требующій своихъ законныхъ правъ, какъ это было въ городѣ Екатеринодарѣ, а до того — въ городѣ Новоросіейскѣ. Мы воюли, какое преступленіе мы совершали предъ горячо любимой родиной, исполняя безумныя приказанія своего начальства, а потому мы категорически отказываемся отъ несенія полицейской службы, видя ея преступность, считая ее несомнѣннѣйшей съ воинскою чѣстью казаковъ.

Мы обратились тогда съ заявленіемъ о роспускѣ къ нашимъ офицерамъ, какъ къ старшимъ, такъ и младшимъ, мы объяснили имъ, что война окончена, что насъ держать для усмиренія того народа, который хочетъ свободы, что хозяйства наши безъ насъ поразстроились, что многіе изъ насъ совсѣмъ разорились, что наши жены и дѣти голодаютъ въ то время, какъ мы находимся на полицейской службѣ, мы объяснили имъ, что никто не заботился о нашихъ семействахъ, мы объяснили, что хотимъ развѣхаться по домамъ.

Что же сдѣлало наше правительство?

Поплю ли оно навстрѣчу желаніямъ казачества? — Нѣтъ.

Оно стало угрожать насъ въ бунтѣ, въ измѣнѣ присягѣ Царю и египетству, оно не хотѣло исполнить нашихъ просьбъ, стараясь строптивостью и грубостью задавить голосъ изболѣвшей души. Но, когда наше начальство увидѣло, что мы держимся дружно, то оно не дало намъ окончательно отвѣта, стараясь уклониться отъ него, возбуждая въ то же время противъ насъ пластуновъ. Такъ, напримѣръ, по приказанію генераль-маіора Бабича были вызваны для охраны наказнаго атамана къ дворцу нашихъ 2 конныхъ сотни, въ то же время около дворца стояли двѣ сотни пластуновъ, которымъ предлагали разстрѣлять насъ, какъ бунтовщиковъ, но они отказались такъ же, какъ и мы отказались, когда насъ хотѣли направить на 252-й Анапскій резервный батальонъ.

Когда же такимъ образомъ коварные замыслы нашего начальства

не удалось, благодаря отказу пастуновъ, когда мы узнали, что правительство мобилизуетъ новыхъ казаковъ, быть можетъ, съ цѣлью натравить противъ насъ, то сочли за благо удалиться изъ Екатеринодара въ свой отдѣлъ.

Рѣшили это мы сдѣлать потому, что не хотѣли крови, не хотѣли братоубийственной войны, которую хотѣло устроить наше начальство, натравивъ солдата на казака, брата на брата, чтобы потомъ покрѣпче сѣсть на нашу шею; мы же хотимъ мира и спокойствія; мы хотимъ счастья для всѣхъ гражданъ и, понявъ, наконецъ, поведеніе нашего начальства, которое заставляло насъ избивать нашъ народъ, жаждущій справедливости и свободы, мы присоединяемъ свой голосъ къ голосу всей Россіи и требуемъ:

I. Немедленнаго созыва Государственной Думы на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, такъ какъ только такая Дума можетъ ввести миръ и спокойствіе въ нашу изстрадавшуюся родину.

II. Требуемъ немедленнаго освобожденія всѣхъ людей, пострадавшихъ за дѣло свободы.

III. Чтобы нашъ роспускъ былъ узаконенъ и прочитанъ при станичныхъ сборахъ.

IV. Удовлетворить насъ всѣми довольствіями, положенными отъ казны и войска, а именно: жалованьемъ, ремонтными, провіантскими, приварочными, фуражными, положенными отъ города, желѣзной дороги, и обмундировочными деньгами.

V. Чтобы никто изъ предъявившихъ эти требованія не пострадалъ. — за каждаго пострадавшаго казака возстанетъ на защиту весь 2-ой Урупскій полкъ.

Впредь до исполненія указанныхъ требованій, мы рѣшили оружія оставить при себѣ.

2-й Урупскій полкъ.

По приходѣ полка въ станицу Гіачинскую, казаки размѣстились у станичниковъ. Жители станицы доставляли казакамъ продовольствіе. На Церковной площади происходили ежедневныя собранія, въ которыхъ принимали участіе и станичные жители. Рѣшено было выжидать мѣрь со стороны начальства. Общее убѣжденіе было, что ни солдаты, ни казаки другихъ полковъ не пойдутъ силою противъ урупцевъ.

Большинство казаковъ было распущено по сосѣднимъ станицамъ съ тѣмъ, чтобы по первой тревогѣ всѣ собрались въ станицу Гіачинскую. Для быстраго сбора было назначено шесть участковыхъ начальниковъ. Отъѣзжавшіе казаки брали съ собою нѣсколько экземпляровъ воззванія. Его прочитывали на станичныхъ сходахъ. Постѣ прочтенія его сходъ станицы Штермеской, на которомъ присутствовали какъ казаки, такъ и пришлые, всего до 500 человекъ, единогласно постановилъ приговоръ, въ которомъ говорилось, что посягнокъ урупцевъ правильный и что, если кто-либо изъ нихъ пострадаетъ, то всѣ жители должны съ оружіемъ присоединиться къ урупцамъ. Въ другихъ станицахъ сходы тоже заявляли свое сочувствіе урупцамъ.

Развѣзды урупцевъ по станицамъ вызвали самое серьезное безпокойство начальства. 22-го января генераль Бабичь телеграфировалъ начальнику области, что казаки рѣшили итти по области возбуждать другіе отдѣлы и успѣхъ имѣють, нужно спасать войска вызовомъ армейскихъ войскъ. 30 января начальникъ отряда телеграфировалъ уже, что по всему отдѣлу идетъ поголовная мобилизація.

Оставшіеся въ Гіачинской станицѣ казаки несли караульную службу около знамени и въ станицѣ организовали развѣдки.

30 декабря одному изъ развѣдочныхъ отрядовъ удалось перехватить транспортъ ружей, переправлявшихся изъ Майкопа въ станицу Тепчинскую. Везшимъ оружіе казакамъ было приказано повернуть въ Гіачинскую, гдѣ они и сдали транспортъ Курчанову. Курчановъ приказалъ раздать оружіе желающимъ изъ станичныхъ жителей.

Около Усть-Лабы, откуда идетъ желѣзная дорога, былъ поставленъ сторожевой постъ, чтобы своевременно получать свѣдѣнія о всякихъ передвиженіяхъ войскъ.

Такъ тянулось около мѣсяца. Администрація долго не рѣшалось выступить протпвъ урупцевъ. Наказнымъ атаманомъ были посланы офицеры по станицамъ, чтобы возстановливать общественное мнѣніе станичниковъ противъ урупцевъ. Кой-гдѣ офицерамъ удалось угрозами добиться постановленія приговоровъ объ исключеніи изъ общества непокорныхъ урупцевъ, но большинство отвѣчало, что судить урупцевъ они не могутъ, нѣкоторые сходы требовали, чтобы дѣло объ урупцахъ было представлено на усмотрѣніе государя.

Сами урупцы вѣрили, что если государь узнаетъ причины ихъ ухода со службы онъ оправдаетъ ихъ. Было составлено всеподданнѣйшее прошеніе государю и подписано казаками. Депутатами отъ полка къ государю были посланы Шумаковъ и Крикуновъ. Пріѣхавши въ Царское Село, они были окружены шпиками, выразившими явное намѣреніе ихъ арестовать. Только благодаря хитрости имъ удалось ускользнуть отъ ареста. Со своей поѣздки депутаты вернулись уже постѣ сдачи полка. Побывавши въ своихъ станицахъ и рассказавши о своихъ приключеніяхъ, депутаты, чтобы раздѣлить участь товарищей, отдались въ руки властей.

Начальникъ области издалъ еще приказъ по Кубанскому войску, въ которомъ, рассказывая о томъ, какой несмыслаемый позоръ наложили на славное кубанское войско урупцы, призывать самихъ казаковъ привести урупцевъ къ повинновенію. Приговоръ читался на всѣхъ сходахъ, но только станицы сѣверной части Кубанской области отозвались на него осужденіемъ поступка урупцевъ, но и тамъ не нашлось охотниковъ итти добровольно противъ урупцевъ.

Потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ подавить урупцевъ силами добровольцевъ, начальство начало готовить противъ

михъ вооруженную силу изъ оставшихся вѣрными ему войскъ.

Станица Гиачинская и соеднѣя станицы были объявлены на военномъ положеніи. Всякое сообщеніе между Гиачинской станицей и Усть-Лабой, а также Армавиромъ и Майкопомъ было прекращено. Это было въ концѣ января, когда вооруженныя восстанія въ Москвѣ, въ Ростовѣ, въ Новороссійскѣ и въ дѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ уже были подавлены. Настроеніе было угнетенное. Отряды для усмиренія урупцевъ стали составлять изъ оставшихся на службѣ пластуновъ и двухъ сотенъ Екатеринодарскаго козацьяго полка. Къ нему была присоединена полевая артилерія въ составѣ двухъ орудій. Во главѣ отряда былъ поставленъ войсковой старшина Мудрый.

Неохотно шли казаки, офицеры не были увѣрены, согласятся ли стрѣлять казаки въ урупцевъ. Сами урупцы были увѣрены, что кавказцы въ нихъ стрѣлять не будутъ.

Для наблюденія надъ движеніемъ отряда на станицѣ Гиачинской были выставлены сторожевые посты. Сторожевые казаки пробовали по ночамъ завязать сношенія съ казаками отряда, но безуспѣшно.

Какъ только въ Гиачинской узнали о приближеніи отряда Мудраго, немедленно были посланы гонцы во всѣ стороны, гдѣ наконились урупцы съ требованіемъ собраться. Была устроена общая сходка. Никто не вѣрилъ, чтобы станицу могли бомбардировать. Поэтому рѣшено было первымъ, во всякомъ случаѣ, огня не открывать и только въ случаѣ, если пойдутъ приступомъ и будутъ брать знамя, защищаться до послѣдней крайности. Была намѣчена система обороны, кое гдѣ начали дѣлать окопы, на случай, если не хватить пуль, была устроена мастерская для отливки пуль.

Когда отрядъ окончательно собрался, начальникъ отряда Мудрый послалъ въ Гиачинскую письменное требованіе о безусловной сдачѣ и о выдачѣ зачинщиковъ. Курчановъ, посоветовавшись съ командирами сотенъ отъ имени полка, на бланкѣ полка отвѣтилъ, что полкъ знамени сдавать не будетъ, а на силу отвѣтитъ силою. Отвѣтъ былъ подписанъ: „Временно командующій полкомъ Курчановъ“.

Черезъ нѣсколько дней Мудрый вновь послалъ письменное требованіе сдаться съ предупрежденіемъ, что если сдача не произойдетъ, то 6-го февраля начнется бомбардировка станицы.

Курчановъ вновь отписалъ отказомъ.

6-го февраля, дѣйствительно, открылась пальба изъ орудій. Жители попрятались по погребамъ. Среди урупцевъ началось смятеніе. Нѣкоторые требовали вылазки, чтобы силою завладѣть артиллеріей. Другіе стояли за сдачу.

Послѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ, которыми было разрушено нѣсколько хатъ и снесена крыша въ церкви, къ урупцамъ стали приходить жители станицы съ просьбой не подвергать станицы разгрому. Жители станицы просили послать

ихъ депутатами къ начальнику отряда, чтобы исклопотать для урупцевъ безнаказанность. Урупцы согласились. Войсковой старшина Мудрый на просьбу депутаціи потребоваль, чтобы урупцы сложили козлами винтовки, чтобы явились въ полномъ строю на опредѣленное мѣсто въ трехъ верстахъ отъ станицы, и при этомъ сказалъ: „Дѣло находится въ царскихъ рукахъ, отъ его величества будетъ зависѣть судьба урупцевъ. Ни наказной атаманъ, ни подчиненное начальство за содѣянный поступокъ карать не будетъ, пока не послѣдуетъ приказа отъ его величества или отъ намѣстника кавказскаго“.

Въ тѣхъ же выраженіяхъ посылалъ приказъ по войску начальникъ области.

Выслушавъ отъ депутаціи отвѣтъ Мудраго, урупцы рѣшили подчиниться. Они явились на назначенное мѣсто, гдѣ отъ нихъ потребовали вторичнаго принесенія присяги, послѣ чего Курчанову было предложено вести полкъ въ Екатеринодаръ въ мѣсто постоянной стоянки полка. Денежный ящикъ былъ сданъ тотчасъ же съ неповрежденными печатями. По приходѣ въ Екатеринодаръ были немедленно арестованы Курчановъ, Гаврилюкъ, Сушковъ, всѣ сотенные командиры, всего до 50-ти человекъ. Начато было предварительное слѣдствіе. Суду сначала были преданы всѣ казаки, но позднѣе, по высочайшему повелѣнію, слѣдствіе было прекращено по отношенію ко всѣмъ кромѣ 39-ти, какъ главнымъ подстрекателямъ.

8-14 октября 1906 г. происходилъ судъ надъ урупцами. День суда сопровождался демонстративной забастовкой рабочихъ въ Екатеринодарѣ.

14-го октября былъ вынесенъ приговоръ, по которому Курчановъ осужденъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, Шумаковъ и Бѣчковъ — на 15 лѣтъ, 17 казаковъ въ дисциплинарный батальонъ на разные сроки, 14 человекъ къ аресту на разные сроки. вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ постановилъ ходатайствовать передъ Николаемъ II о смягченіи наказанія.

Смягченія наказанія не послѣдовало...

Д. В. Д.

И. П. Каляевъ.

(Изъ воспоминаній)

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННАГО МИХАИЛА РАФАИЛОВИЧА ГОЦА.

«Вся жизнь мнѣ лишь чудится сказкой, какъ будто все то, что случилось со мною, ждалъ съ раннихъ лѣтъ въ моемъ предчувствіи и зрѣло въ таинникахъ сердца для того, чтобы вдругъ излиться пламенемъ ненависти и мести за всѣхъ»...

I.

Яркимъ, сияющимъ мартовскимъ утромъ, когда улицы Петербурга были заполнены веселымъ, наряднымъ народомъ, спѣвавшимъ выйти на солнце, чтобы насладиться его первыми предвесенними ласками, мы шли умирать.

По дорогѣ туда я зашелъ въ одно мѣсто для встрѣчи съ товарищемъ.

Тамъ было двое.

— Вотъ Поэтъ! — сказалъ мнѣ товарищъ. Я взглянулъ на того, кого называли Поэтомъ. Молодое, интеллигентное, удивительно хорошее лицо все свѣтилось яркой улыбкой. Чистые пронизательные глаза внимательно скользнули по мнѣ и заискрылись такой лаской, что мнѣ стало тепло и хорошо, какъ будто солнце подарило и меня своимъ первымъ предвесеннимъ лучомъ. Захотѣлось пожать ему руку, но была пора разойтись.

Ровно безъ четверти въ 12 я — на посту. По всей Фонтанкѣ, отъ Департамента до Невы и дальше до Зимняго дворца, царитъ странное оживленіе, необычайное даже для этого веселаго дня.

Среди обычной гуляющей публики, какъ хищные щуки среди мирной рыбешки, шныряютъ, странные, подозрительные люди. По виду, они тоже мирный народъ, тоже спѣшаютъ по дѣламъ или наслаждаются солнцемъ. Но опытный глазъ не доверитъ ихъ дѣловитости и беззаботности. Пахнеть шпиономъ...

Я взглянулъ на Цѣнный мостъ: оттуда долженъ показаться роковой сигналъ — его дастъ Поэтъ. Онъ стоитъ, небрежно опершись на рѣшетку. Людской потокъ непрерывной волной несется черезъ мостъ. И среди него одна неподвижная, застывшая въ мечтательной позѣ фигура.

Какой рѣзкій вызывающій контрастъ...

Темныя силы какъ будто уже пронохали — въ чемъ дѣло. Вотъ онъ съ обѣихъ сторонъ Фонтанки, отовсюду стекаются къ нему, вотъ засновали вокругъ, оглядываютъ, обнюхиваютъ.

Вотъ конный жандармъ, что истуканомъ стоитъ у начала моста, устремилъ свой орлиный взглядъ туда же, смотритъ на Поэта, не спуская глазъ. Такъ и кажется, вотъ-вотъ онъ стремительно, птицей кинется къ намѣченной жертвѣ, схватить ее и будетъ „тащить и не пущать“...

Становилось жутко за Поэта, такъ долго стоявшаго подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ взоровъ... Минуты текли за минутами...

Безмятежное яркое сіяніе неба, музыка звонкихъ дѣтскихъ голосовъ, веселый гулъ толпы, радующейся весеннему солнцу, тревожное волненіе ищеекъ и мы, обреченные на смерть и затерянные среди этихъ людей то чужихъ, то враждебныхъ намъ...

Въ душѣ нарастала грозная атмосфера, тяжелая, напряженная, вотъ-вотъ грянетъ!

И вдругъ — бахъ!

Гулъ отдаленнаго выстрѣла потрясъ воздухъ. Невольная дрожь пронизала...

Я оглянулся: ничего особеннаго — петропавловская пушка оповѣстила Петербургъ о полднѣ...

Поэтъ уже не стоялъ, какъ прежде: прогуливаясь взадъ и впередъ по мосту, онъ своимъ отчаяннымъ упорствомъ еще болѣе смущалъ ищеекъ. Навѣрное, они думали: да полно, ужъ не нашъ ли ты братъ?

Агонія затягивалась... Становилось непонятно, какъ его еще до сихъ поръ не схватили. Онъ пришелъ во вражескій лагерь безоружный, съ голыми руками, и не защищенный даже тѣми атрибутами, которые, въ глазахъ охраны, болѣе или менѣе маскировали насъ, остальныхъ...

Еще безконечная четверть часа и вдругъ — вся темная сила стинула, какъ бы по мановенію чьей-то руки, какъ туманъ отъ прорвавшагося утренняго луча.

Мы остались одни, свободные отъ подозрительныхъ взглядовъ и могли, наконецъ, уйти съ этого опаснаго мѣста.

Наше мартовское предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ.

Врагу удалось ускользнуть отъ насъ.

II.

Въ дни тревожной работы и рѣзкихъ переходовъ отъ надеждъ къ разочарованіямъ и обратно, неожиданнымъ громомъ грянула надъ нами катастрофа: палъ жертвою случайнаго взрыва любимый товарищъ, вмѣстѣ съ нами принявшій въ мартовскомъ выступленіи первое боевое крещеніе...*

*) Взрывъ въ Сѣверной Гостинницѣ, при которомъ погибъ Ал. Покотилковъ.

Я мчусь съ побѣдомъ въ Н... Позади трагическая неудача... Неотмщенное русское горе и торжествующее насиліе... Изъ мысли не выходитъ погибшій товарищъ... Зоветь къ дѣлу... Тяжело... Что-то похожее на стыдъ.

Охваченный тоскливыми мыслями, смотрѣлъ я въ окно и вдругъ... я не вѣрялъ глазамъ — въ дверяхъ вагона показался Поэтъ. Какъ будто лучъ солнца ворвался и разогналъ тоску. Молча прошелъ онъ мимо и, бросивши мнѣ только взглядъ загаеннаго привѣта, сейчасъ же скрылся на площадку.

Черезъ минуту я былъ около него.

— Какъ я радъ! — восклицалъ онъ смѣясь и сжимая мнѣ руки. — Знаете, я уже четвертый день ловлю васъ, кочуя по побѣдамъ, идущимъ въ Н. Мнѣ поручено во что бы то ни стало перехватить васъ и доставить въ другое мѣсто, поближе... И вотъ — я арестую васъ именемъ Б. О... Вы — мой плѣнникъ... Шалите, не вырветесь. Ха-ха-ха!...

И онъ заливался чистымъ, радостнымъ, заразительнымъ смѣхомъ... Я тоже смѣялся отъ всей души. Ура! не нужно бѣжать. Я съ благодарностью глядѣлъ на своего избавителя.

Было интересно поближе познакомиться съ тѣмъ, кто съ перваго же взгляда такъ сильно заинтересовалъ меня.

Прежде всего, что въ немъ бросалось въ глаза, это — общее впечатлѣніе внутренняго сіянія. Широкій, благородный лобъ и большіе, свѣтлые, горѣвшіе глубокимъ свѣтомъ глаза, немного насмѣшливые, какъ мнѣ казалось, и слишкомъ проницательные, чтобы не смущаться подъ ихъ взглядомъ...

Худощавое лицо аскета съ улыбкой ясной и озаряющей... Смѣхъ его казался страннымъ, слишкомъ глубокимъ, чтобы быть нормальнымъ. Одѣтъ изысканно, со вкусомъ. Какъ видно, не случайно нарядился бариномъ. Изящество во всемъ, въ костюмѣ, въ манерахъ. Я съ удивленіемъ вглядывался въ этотъ незаурядный типъ революціонера и спрашивать себя, на кого походить.

— Юноша Сергій Радонежскій на картинѣ Нестерова, — пришла мнѣ мысль, но не удовлетворила меня.

— Вы читаете Метерлинка? — спросилъ Поэтъ, увидѣвъ книжку у меня въ рукахъ. По тону вопроса чувствовалось, что спрашивали не изъ простаго любопытства.

— Да, — пробую.

— Почему вы говорите „пробую“?

— Я очень много слыхалъ о Метерлинкѣ и мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ яркимъ представителемъ декадентства, чтобы на немъ узнать, въ чемъ же сущность декадентскаго искусства... Русскихъ декадентовъ я немного знаю и не выношу ихъ.

— Скажите, зачѣмъ вы употребляете опошленное и бессмысленное слово — декадентъ? И еще съ такимъ пренебреженіемъ... Тѣ, кого вы называете декадентами, представляютъ

наше искусство. Они тоже революционеры — да, да, не смѣйтесь! — они революционеры въ искусствѣ... Эти люди умѣютъ подмѣтить самыя тонкіе, неуловимыя оттѣнки чувства, то, что всё мы чувствуемъ, но не умѣемъ выразить, назвать опредѣленнымъ именемъ... Они умѣютъ подбирать для этого такія новыя, оригинальныя краски, которыя дѣлаютъ непонятное понятнымъ. Они — революционеры чувства.

— Почему вы не хотите признать за нами этого благороднаго названія, разъ они открываютъ новые пути къ пониманію живой загадки, которую представляетъ изъ себя человѣкъ?

— А мы съ вами — почему называемся революционерами? Неужели только потому, что боремся съ самодержавіемъ? Нѣтъ! Прежде всего, мы — рыцари духа. Мы боремся за новый міръ, который мы предварительно обрѣли въ нашихъ мысляхъ... Мы видимъ уже стройныя контуры новаго міра — тамъ все новое, прекрасное — можемъ осязать ихъ...

И Поэтъ протянулъ руки, какъ-бы обхватывая что-то невидимое... Мнѣ показалось, въ его широко раскрытыхъ глазахъ вспыхнулъ отблескъ новой, прекрасной зари, восходящей надъ старымъ міромъ...

Поэтъ прервалъ свою рѣчь и радостно засмѣялся... Потомъ снова началъ.

— Мы хотимъ снести нашъ идеалъ съ неба нашей души на землю, не смущаясь тѣмъ, что онъ еще для многихъ непонятенъ... Наша задача — расчистить почву для новаго міра и потому — долой вся старая земная рухлядь... и самодержавіе въ томъ числѣ...

Мы — люди будущаго, люди новой мысли, новой нравственности... Прежде всего — революція въ нашемъ духѣ, а затѣмъ въ окружающемъ.

Поэтому-то мы, новые люди, не должны уподобляться старухамъ, мѣщанамъ духа, не должны приходить въ ужасъ и кричать караулъ всякій разъ, когда какой-нибудь смѣльчакъ, презирая старыя формы, дерзкой рукой проводитъ новыя борозды, пытаясь выразить необычайное, выходящее изъ предѣловъ шаблоннаго чувствованія. Вы, какъ революционеръ, не имѣете права пренебрежительно отмахиваться отъ новаго въ искусствѣ, даже не потрудившись понять его.

Мы горячо сцѣпились: я — на защиту стараго, простого, всѣмъ понятнаго и дорогаго искусства, онъ — на защиту смѣлыхъ исканій, которыя мнѣ, грѣшнымъ дѣломъ, часто казались не порывомъ революціонно-настроенной души, а манерничаньемъ буржуазно-пресыщеннаго сердца.

Было что-то особенное въ моемъ собесѣдникѣ, что никакъ не укладывалось подъ обычную мѣрку, которою я привыкъ мѣрить революционера, особенное не то въ его сужденіяхъ, на мой взглядъ, слишкомъ необычайныхъ для революционера, не то въ словахъ, которыя поражали своею оригинальностью, ко-

лоритностью, не то въ тонѣ — страстномъ и глубокомъ. И этотъ частый, повидимому, безпричинный смѣхъ: какъ будто онъ разговаривалъ самъ съ собою и смѣялся собственнымъ мыслямъ.

Не отрываясь, глядѣлъ я въ его чистые, свѣтлые глаза и чувствовалъ себя неловко, жутко: въ разговорѣ онъ все время обращался ко мнѣ, часто касался меня рукою, но странно, мнѣ казалось — не замѣчалъ меня: онъ смотрѣлъ куда-то поверхъ моей головы и, навѣрное, видѣлъ тотъ прекрасный міръ, который собирался подарить землѣ.

И я замолкъ, чувствуя близость красоты. Я постигалъ то, о чемъ говорилъ Поэтъ, — сколько таятся прекраснаго въ нашей борьбѣ за идею и какъ родственно близка связь добраго съ прекраснымъ.

Увы! — мнѣ теперь не оживить въ памяти словъ Поэта во всей ихъ яркости... Они исчезли навсегда. Осталось только одно ясное воспоминаніе объ ихъ яркости... Цвѣты завяли, остался ароматъ...

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой встрѣчи съ Поэтомъ, было такъ сильно, что, по пріѣздѣ въ Н., я сейчасъ же сдѣлалъ признаніе человѣку, близко знавшему Поэта.

— Долженъ сознаться, что Поэтъ показался мнѣ черезчуръ страннымъ человѣкомъ. Кажется, онъ слишкомъ поэтъ, чтобы это не мѣшало ему быть просто революционеромъ. Есть что-то странное въ немъ: въ его взглядахъ, словахъ, смѣхѣ или еще въ чемъ другомъ — я самъ хорошо не могу дать себѣ отчета... Прекрасный, яркій типъ, но у меня является невольное сомнѣніе, на своемъ ли онъ мѣстѣ.

Тотъ, кому я сдѣлалъ это признаніе, разразился самымъ искреннимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Такова судьба Поэта, — сказать онъ наконецъ. — По первому впечатлѣнію его многіе находятъ страшнымъ. И, безъ сомнѣнія, онъ „странный“, — произнесъ мой собесѣдникъ съ особеннымъ удареніемъ, — только съ какой стороны посмотреть... Вотъ, погодите, познакомитесь съ нимъ поближе, и вы поймете его.

Вечеромъ того же дня я встрѣтился съ Поэтомъ въ городскомъ саду. Завидя меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ и сказалъ дѣловымъ, серьезнымъ тономъ:

— Проїдемся по этой пустынной дорожкѣ. Надо переговорить съ вами.

Мы загерялись въ густой аллеѣ задумчивыхъ тополей. Поэтъ взялъ мою руку и, заглядывая въ глаза, сказалъ:

— Отдайте мнѣ три рубля, которые вы мнѣ задолжали.

Я смотрѣлъ на него, не понимая въ чемъ дѣло... Что это — шутка? Тогда къ чему такой серьезный тонъ?

— Не понимаете? — еще серьезнѣе продолжалъ Поэтъ и еще ближе, настойчивѣе заглянуть въ глаза. — Я прошу от-

дать мнѣ три рубля, которые я, по вашей милости, истратилъ на доктора, и совершенно напрасно, какъ оказалось. Вы нашли меня ненормальнымъ и мнѣ пришлось обратиться къ доктору, чтобы провѣрить ваше наблюдение.

Для меня было бы лучше провалиться сквозь землю, чѣмъ стоять сейчасъ передъ нимъ и смотрѣть въ его серьезные и печальные глаза. У меня ни на минуту не явилось сомнѣние, что Поэтъ, можетъ быть, мистифицируетъ меня. . . Тутъ же онъ рассказалъ всю сцену консультаціи съ докторомъ. . . Въ его передачѣ выходило комично, но мнѣ было не до смѣху. Чувствовалось, что комедія разыгралась на серьезной почвѣ.

Поэтъ не далъ мнѣ оправдываться, объяснять.

— Погодите, вы должны понять, какой важный вопросъ вы затронули. Я вполне понимаю мотивы, по которымъ вы не сохранили про себя вашего наблюдения, а подѣлились имъ съ товарищемъ. Это честно. Мы должны быть безъ спускожденія строги къ самимъ себѣ и къ товарищамъ по организаціи. . . Клевета не должна касаться жены Цезаря. Да не посмѣетъ никто сказать про нашу Организацію, что въ нее идутъ люди, которымъ все равно нѣтъ мѣста въ жизни. Нѣтъ, только тотъ имѣетъ право на свою и чужую жизнь, кто знаетъ всю цѣнность жизни и знаетъ, что онъ отдаетъ, когда идетъ на смерть и что отнимаетъ, когда обрекаетъ на смерть другого.

— Жертва должна быть чистой, непорочной и дѣйствительной жертвой, а не даромъ, который самому обладателю опостылѣлъ и ненуженъ.

— Поэтому, прежде чѣмъ стучаться въ дверь Б. О., пусть каждый изъ насъ строго испытываетъ себя: достоинъ ли онъ, здоровъ ли, чистъ ли. . . Въ святилище надо входить разутыми ногами.

Холодомъ повѣяло отъ этой бѣлоснѣжной чистоты.

Господи, Господи! Кто безгрѣшенъ изъ людей? . . .

Поэтъ замолкъ. Я тоже молча шагаль рядомъ съ нимъ. Было торжественно тихо въ этомъ зеленомъ уголкѣ. Ни одинъ земной звукъ не долеталъ сюда. . . На чистомъ прозрачномъ небѣ загорались первыя чистыя, холодныя звѣзды.

Я взглянулъ на человѣка, шагавшаго рядомъ со мною: онъ былъ задумчивъ и казался мнѣ далекимъ, далекимъ. . . какъ небо.

Я вадохнулъ.

Поэтъ встрепенулся, взялъ мою руку и тепло пожалъ ее.

— Вы понимаете, что я не могъ пройти безъ вниманія мимо вашего отзыва обо мнѣ. Такъ было печально для меня, если бы въ вашихъ словахъ оказалась хоть доля правды.

III.

Армія снова мобилизована. . . Каждый солдатъ на своемъ мѣстѣ. . . Организація ведетъ правильную осаду неприятельской крѣпости. Врагъ силенъ, хитеръ и остороженъ: понять значеніе

взрыва въ Сѣверной гостиницѣ и еще рѣже, чѣмъ прежде, показывается изъ своей берлоги... Только самые необходимые выходы, нерегулярные, украдкой... Подъ непроницаемой стѣнной охраны...

Мы не повторимъ большаго жартовскаго опыта. Прежде всего изучимъ позиціи, соберемъ всѣ данныя, всю подноготную и только тогда въ штурмъ... Вѣрная встрѣча лицомъ къ лицу... одинъ ударъ безъ промаха и.....

Поэтъ на посту.

Еще издали увидѣлъ... чего онъ хохочетъ? — подойти опасно. Набиваетъ ротъ подсолнухами, чтобы заглушить смѣхъ.

— Эй, папиросникъ, десятокъ „Нева“!

Едва вѣрю глазамъ: онъ ли? Элегантный баритъ, какое-то прирожденное, внутреннее изящество — и вдругъ это жалкое существо, одинъ изъ „бывшихъ людей“!

Засаленный пиджакъ въ заплатахъ, съ клочками ваты, рыжіе избытые сапоги, картузь на бекрень... Исхудалъ, лицо осунулось, дико поросло щетиной... Глаза ввалились и стали еще глубже... Неподражаемъ! самъ Плева, со всѣмъ своимъ полицейскимъ нюхомъ, не распозналъ бы артиста.

На ремнѣ черезъ плечо тяжелый ящикъ. Сгорбился весь подъ ношей, жалко смотрѣть. А папиросы уложены идеально: сейчасъ видно настоящаго торгаша, умѣетъ показать товаръ лицомъ...

— Вотъ вамъ, баринъ, „Нева“... Вашихъ двугривенный? Ну, что, хорошо ли?

— Въ конкуренціи. Ты — артистъ... А трудно? Ты исхудалъ.

— Пустяки. Много любопытнаго, когда-нибудь расскажу... Новаго ничего... А у васъ?

— Тоже. Жму руку.

— Прощай!... Извольте сдачи. Благодарю васъ, баринъ.

Цѣлые дни на ногахъ, съ тяжелой ношей на шеѣ. Ни минуты даромъ. Еле свѣтъ, онъ на улицѣ. Торгуешь до поздней ночи. Все — для поддержанія престижа, чтобы пустить пыль въ глаза сожителямъ по квартирѣ и товарищамъ по ремеслу. Вертится на самыхъ людныхъ мѣстахъ. Заводить разговоры, знакомства съ дворниками, съ извозчиками.

— Эй, лихачъ, купи папирось!... Троечку... Красотку... Зеркальце хошь? Кошелекъ для богатой выручки... Картинку патреотическую, какъ русскій мужикъ японца выскъ... Покупай, землякъ!

Извозчикъ зараженъ весельемъ разбитнаго торгаша, беретъ грошевое зеркало, самодовольно любитъ на свое отраженіе и хохочетъ.

— Эй, торгашъ, проваливай отъ нашихъ воротъ! Вишь повадился — въ участокъ хочешь?

— Ну, ну, дядя перестань. И чего кричать? Давай лучше

покуримъ. У меня душистыя... Ты взгляни на этотъ патреть. Знаешь кто? Самъ генераль Стессель, защитникъ Портъ-Артура... Да ты смотри, вѣдь генераль-то на тебя похожъ... а ей богу похожъ! Вотъ хотъ извозчика спроси... Похожъ вѣдь на него генераль, Ванька? Ты на усы-то посмотри, совѣмъ такіе же, ликіе... Купи, землякъ.

Суровый дворникъ пораженъ своимъ сходствомъ съ генераломъ, заглядывается на своего двойника и вступаетъ въ мирные переговоры съ торгашемъ...

Мало-по-малу вокругъ собирается кучка и пошла потѣха... Хохотъ, шутки...

Боже упаси прійти въ такую минуту на свиданье съ Поэтомъ: онъ всецѣло захваченъ игрой и иногда способенъ не замѣтить своего человѣка.

Но всегда такъ удачно кончается. Иногда тотъ-же дворникъ, только-что выкурившій даровую папироску, прогонитъ пріятеля и вдобавокъ еще угоститъ отборнѣйшей руганью. Но Поэтъ никогда не оставался въ долгу, платилъ сторицею... Даже дворники удивлялись его искусству ругаться. Было страшно и больно слышать безобразныя слова въ его устахъ. Чистый, одержимый страстью къ прекрасному, принуждалъ себя произсказать самыя грязныя слова... Что было для него тяжельше? — ящикъ или ругань?

Хуже всего — гороловые. Воистину трудно было цереваривать ихъ безграничную грубость и циничный произволь. Частенько хотѣлось имъ отвѣтить по настоящему, но... знай сверчокъ свой шестокъ! не попадайся самодержцамъ на глаза, да бѣги скорѣе на другую улицу, когда завидѣшь бляху...

Хорошо бѣжать, когда стоишь безъ определенной цѣли, но часто необходимо во что бы ни стало: ждешь, придуть на свиданіе или проѣдетъ министр... Стой, какъ знаешь.

И онъ стоялъ... Рискаю ежеминутно попасть въ участокъ, откупаясь папиросами, отругиваясь...

Онъ былъ искусный пловець и благополучно проплывалъ между Сциллами и Харибдами, среди которыхъ другіе бы непременно потерѣли крушеніе.

Бывало скажешь:

— Зачѣмъ ты гонишься за деталями, за художественной отдѣлкой роли? Могъ бы быть послесловительнѣй къ себѣ. Зачѣмъ выходишь такъ рано утромъ? И зачѣмъ цѣлыми днями таскаешься по улицамъ съ ящичкомъ на шеѣ?

Когда нѣтъ дѣла, время можно было бы проводить въ трактирѣ, въ чайной — это все равно.

— Ну, нѣтъ, не все равно... Какой же я былъ бы паншросникъ... Только выдержанность игры спасаетъ меня... Квартирный хозяинъ спрашиваетъ: „Ты полякъ? разговоръ у тебя польскій, а паспортъ русскій“. Хозяинъ считаетъ меня скрагой. Видитъ, торгую безъ устали... Распачиваюсь за

уголь гривенниками. Просить, просить, — не может вытянуть... Вчера напился пьяный, выпить еще хочется, а не на что. Просить полтинникъ. Цѣлый вечеръ пилил, а я только утромъ далъ четвертакъ... И если бы ты видѣлъ, какъ лѣнливо я развязываю платокъ, гдѣ спрятаны деньги, съ какой неохотой, жалостью отсчитываю по пятакамъ... Прямо жила... Ха-ха-ха!...

— Папиросники меня терпятъ не могутъ — какъ же, конкурентъ! Какъ приду на улицу, гдѣ они привыкли стоять, жалуются на меня дворникамъ, городовымъ... Я очень популяренъ... За то мнѣ всюду дорога. Сами шпионы покупаютъ у меня папирсы, разговаривать при мнѣ не стѣсняются... Вчера, напримѣръ, стоятъ двое и говорятъ: „Завтра намъ отдыхъ“. Понимай — Плевелу не выйдеть...

— Чѣмъ ты питаешься? Вѣроятно, скверно. Ты похудѣлъ.

— Пустяки. По одеждѣ — протягивай ножки. Днемъ раза три зайду въ чайную, напьюсь за пятакъ чаю съ калачомъ. На вечеръ селедка съ чернымъ хлѣбомъ. Хозяева удивляются: „Ну и парень, каменный!... Гроша не истратитъ на себя... И зачѣмъ тебѣ деньги? Капиталы, что ли, хочешь наживать? Не поймешь тебя, не то ты монахъ, не то кашей...“ — „Ну, говорю, деньги вещь хорошая. Накоплю малую толику открою лавку“. Эффектъ! Уважаютъ... Повѣрь, никогда не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ теперь. Эта роль по моему вкусу. Могу жить, какъ, по моему нужно. Ходить въ шкурѣ барина для меня несравненно труднѣе. Тамъ нужно много тратить на себя... Съ дѣтства не привыкъ, — противно, стыдно... А здѣсь живешь, какъ народъ живетъ... Право, хорошо.

Не разъ Поэтъ высказывалъ удовлетвореніе тѣми условіями, въ которыхъ ему теперь приходилось жить. По личному опыту какъ-то не вѣрилось, что тутъ можно обрѣсти счастье. Онъ и въ данномъ случаѣ представлялъ исключеніе...

Поэтъ былъ цѣнный работникъ. Въ его рукахъ всякая работа принимала оригинальный характеръ. Дѣло, которое для другого было только скучной обязанностью, средствомъ, необходимымъ для иной, болѣе важной цѣли, въ глазахъ Поэта приобрѣтало свою особую цѣнность, самостоятельный интересъ. Онъ органически не могъ быть ремесленникомъ и, всегда оставаясь художникомъ, всегда творилъ.

Какъ исполнитель, отличался самою строгою аккуратностью. Ему дня не хватало для работы... Отбывши службу, исполнивши часть общей работы, выпавшей на его долю, онъ принимался за осуществленіе своей системы... Да, у него была своя система, сложная, стройная, настоящее художественное произведеніе...

Нужно сходить туда-то, посмотрѣть тамъ-то. Онъ былъ вездѣсущъ и часто поражалъ безцѣльностью своихъ скитаній...

По неуловимымъ признакамъ возстановлялъ онъ звено за звеномъ цѣлую цѣпь, которая всегда вела къ Цѣпному мосту... Встрѣчался съ министромъ тамъ, гдѣ бы намъ и въ голову не пришло искать Плева. Въ его устахъ описаніе кареты министра превращалось въ поѣму...

Заслушаешься и видишь ее, какъ на яву, со всѣми деталями, вплоть до узора подножекъ... То, что разъ удавалось узнать по описанію Поэта, потомъ легко узнавалось изъ десятка...

Въ Поэтѣ жили какъ-бы двѣ души: одна — практика-революционера, другая — художника. Обыкновенно онъ находились въ мирномъ гармоничномъ сожителствѣ. Но бывали, правда, очень рѣдкіе случаи, когда чувство художника становилось слишкомъ требовательно и брало верхъ надъ практическимъ чутьемъ. Тогда Поэтъ на минуту превращался въ чистаго художника.

Захожу разъ въ церковь. Идетъ воскресная обѣдня. Въ толпѣ молящихся нахожу его. Сегодня онъ выглядитъ очень торжественно. Принарядился для праздника. Видимо, что накануне сходилъ въ баню и смылъ накопившуюся за недѣлю грязь. Новая рубаха форситъ алою краской, пиджакъ имѣетъ такой видъ, какъ будто его достали изъ дальняго ящика, гдѣ онъ хранился всю недѣлю. Сапоги блестятъ отъ ваксы, а волосы — отъ помады.

Важная молитвенная мина чуть-чуть измѣнила ему, когда онъ завидѣлъ меня.

Выхожу на паперть въ полной увѣренности, что онъ постѣдуетъ за мной. Жду его пять—десять минутъ, его нѣтъ. А время дорого... Снова иду въ церковь. Поютъ херувимскую. Поэтъ лежитъ ничкомъ на землѣ... Дѣлаю все, чтобы вызвать его, но онъ не хочетъ и смотрѣтъ на меня и молится жарче, чѣмъ его сосѣдка-старуха...

При выходѣ, конечно, ворчу:

— Ты вѣдь видѣлъ меня. Чего же не вышелъ? Знаешь, время дорого.

И на это — самый невозмутимый отвѣтъ:

— Какъ можно... нужна законченность... чтобы все было, какъ стѣдуетъ — ни сучка, ни задоринки... А теперь пойдемъ въ чайную, хлебнемъ чайку... Праздникъ.

Я и смѣялся и злился.

Рѣдко удавалось подолгу оставаться съ Поэтомъ.

По условіямъ работы онъ былъ изолированъ, одинокъ среди громаднаго города, въ непріятельскомъ лагерѣ. За то, бывало, какая радость, когда случалось поговорить съ нимъ лишній часокъ... Такихъ счастливыхъ моментовъ было очень немного.

Переговоривши о главномъ, онъ спѣшилъ излить свое настроеніе, накопившееся за время невольнаго молчанія.

О чемъ только ни говорили мы съ нимъ! Подъ шумокъ грязнаго трактирчика, въ пьяной толпѣ извозчиковъ и иного бѣднаго люда, онъ — несчастный торгашъ, и я — мѣщанинъ, рѣшали мировые вопросы.

Его душа была полновзвучной арфой, — на все давала свой откликъ.

Предо мной, черта за чертой раскрывалась его глубокая, оригинальная натура.

Не въ нашихъ революціонныхъ обычаяхъ говорить друзьямъ о томъ, что осталось за гранью, съ переходомъ черезъ которую начиналось дѣло... Но о прошломъ Поэта я скоро узналъ.

Не разъ и съ гордостью вспоминалъ онъ отца.

Рабъ, промѣнявшій крѣпостное иго на иго солдатское... Затѣмъ одинъ изъ сѣрыхъ усмирителей Польши, въ мундирѣ русскаго полицейскаго оставшійся человѣкомъ и снискавшій уваженіе польскаго населенія...

Мать — одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя всю жизнь практически разрѣшаютъ вопросъ о женскомъ правѣ трудиться безъ отдыха на осиротѣвшую по смерти мужа семью...

Поэтъ всего разъ коснулся этой святыни... и слова его о матери были кратки и полны сдержанной нѣжности.

— Мнѣ не въ привычку глотать черную корку, — говорилъ онъ какъ бы съ похвалой: я выросъ въ трудовой семьѣ, и трудовыя традиціи, которыми другіе проникаются теоретически, я всосалъ съ молокомъ матери. Я самъ — пролетарій и умѣю жить, если не трудомъ рукъ своихъ, то сокомъ моихъ нервовъ.

И онъ рассказывалъ про тѣ мытарства, которыми его щедро дарила университетская жизнь... Бѣганье по урокамъ, каторжная работа въ газетахъ и, какъ награда, въ результатъ всего Ляшичка...

О своихъ литературныхъ подвигахъ Поэтъ отзывался не безъ недобраго чувства.

— Либеральная пресса... Общество... съ непередаваемой проницей выговаривалъ Поэтъ. — Трусы, рабы!.. слова не могутъ сказать, чтобы вслѣдъ за тѣмъ не ужаснуться собственной дерзости. Шагъ впередъ и два назадъ... И такъ безжалостны къ чужой мысли. Для меня было сущей мукой писать для газетъ — всегда вычеркаютъ самое яркое, чѣмъ больше всего дорожишь.

Я постепенно раскрылъ тѣ этапы, черезъ которые Поэтъ дошелъ до В. О.

Студентъ, ищущій правды и за правду изгнанный изъ святилища науки... Потомъ — пророкъ, одержимый страстью воплотить свою правду въ рабочий народъ и нашедшій вмѣсто свободной арены полицейскій участокъ... Раздумье, какъ результатъ житейскаго опыта и въ странѣ произвола, переопѣнка

всѣхъ цѣнностей, признаніе старой правды не полной и страстное исканіе новой.

О періодѣ перелома Поэтъ говорилъ:

— Сначала я былъ всецѣло захваченъ пропагандой среди рабочихъ, самъ сгоралъ отъ огня, который хотѣлъ зажечь другихъ. Дни безавѣтной вѣры въ соц-демократическую догму были днями свѣтлой, безоблачной юности... Но загремѣли бури, беззаботная юность прошла... Открывалась вся наивность прежнихъ вѣрованій, становилось до очевидности ясно, какъ безрезультатно гибли плоды всей нашей прежней дѣятельности. И было стыдно молчать при видѣ торжествующаго насмѣя... Требовалось дѣло, а не слово... Пропаганда перестала удовлетворять. Глодалъ неотвязный вопросъ, дозволено ли, можно ли?... Требовалось напряженіе всѣхъ силъ для рѣшенія вопроса, нужна была свобода думать, думать... И я ухалъ за границу, чтобы ничто не мѣшало рѣшать.

Слушая Поэта, я часто спрашивалъ себя, подходит ли онъ подъ обычный типъ социалиста и революціонера...

Своимъ отношеніемъ къ трудящемуся человѣку Поэтъ напоминаетъ Глѣба Успенскаго: онъ тоже болѣлъ любовью къ народу, любилъ его совѣстливо... Съ жалостью говорилъ о темнотѣ народной и съ грустной ироніей о смѣшномъ въ народныхъ обычаяхъ. Но то, что сообщало наибольшую яркость и оригинальность Поэту, какъ революціонеру, это — цѣлостное соединеніе въ немъ нѣжной, артистической организаціи съ бурнымъ чувствомъ ненависти къ произволу, отъ котораго страдаетъ народъ.

Нѣжность, сила и красота — вотъ элементы, изъ которыхъ была соткана душа Поэта.

Какъ истый художникъ, Поэтъ обладалъ даромъ предвидѣнія грядущей красоты. Въ его грезахъ идеаль принималъ опредѣленные, стройные контуры. Въ его изображеніи царство будущаго было благородно, прекрасно, заманчиво... Тамъ полновластно царить красота, свобода и справедливость.

Отраженіемъ тѣхъ отношеній, которыя будутъ существовать между людьми въ идеальномъ обществѣ, для Поэта были его отношенія къ товарищамъ по дѣлу. Въ нихъ Поэтъ вносилъ всю теплоту, всю тонкость пониманія, все изящество своей натуры...

Для него товарищъ былъ во-истину нѣчто священное.

Изъ встрѣчъ съ Поэтомъ особенно запомнилась одна бѣлая ночь. Я пришелъ къ нему еще вечеромъ. Заговорили и не замѣтили, какъ подкрались блѣдныя, таинственные сумерки... Мы были одни среди большой площади. Тихо... Лишь изрѣдка простучитъ извозчикъ, тѣнью проскользнетъ пѣшеходъ — и снова тихо...

Рѣшили, что можемъ позволить себѣ побыть вмѣстѣ. Дѣло шло на ладъ и приближалась развязка. Намъ обнимъ предстояло принять въ ней участіе...

Поэтъ снялъ свою ношу и поставилъ ее на распорку,

— Такъ рѣдко вижу съ вами, а видѣться осталось уже не долго — началъ онъ грустно. — Я усталъ... Тратимъ столько энергіи и искусства и на что! Какъ подумаешь, становится страшно... Ужасная охота на человѣка!.. Проклятые! они превращаютъ насъ въ сыщиковъ... Я радъ, что скоро конецъ... — въ немъ вся награда — за все, за все... Достаточно прятаться, выслѣживать, — тамъ мы сойдемся въ открытую, лицомъ къ лицу... И посмотримъ, кто побѣдитъ при видѣ врага...

Такое гордое счастье...

Моя ненависть крѣпнетъ со дня на день... Эта война! Гонять народъ, какъ на бойню... И никакого протеста... Всѣхъ обуялъ патриотизмъ... повальная эпидемія глупости... Эти картинки, я ненавижу... продаю, иной дурень платитъ за нихъ послѣдній пятакъ... На російскихъ героевъ зѣваютъ, разинувши ротъ... „Варягъ“, герои Чемульпо... нахальныя рожи, грудь колесомъ, новый Георгій блеститъ... прутъ себѣ, занявши весь тротуаръ. Съ дороги! новая слава отечества идетъ... И публика разступается, оглядывается... Зайдешь въ чайную, а тамъ: генералъ Куропаткинъ! генералъ Стессель! шапками закидаемъ! въ дребезги сокрушимъ!.. Злоба беретъ; такъ и хочется крикнуть: дурачье, погодите, собьете съ васъ спѣсъ японецъ да научитъ васъ на ваше счастье уму-разуму... Ни проблеска... Душно становится въ этой атмосферѣ. Тоскуешь по жизни... Свѣтлая, умная жизнь — она затаилась и зрѣетъ въ темнотѣ, чтобы вспыхнуть яркимъ пожаромъ. когда придетъ ея чередъ.

Ищешь въ чужой толпѣ друзей, тѣхъ, кому принадлежитъ будущее... Всматриваешься въ лица рабочихъ, студентовъ и думаешь: не онъ ли? Иной разъ по глазамъ видно, что онъ... Такъ и хочется сорвать съ себя маску и сказать: вѣдь мы друзья...

Дворцы... Странно, когда ходишь среди нихъ все одинъ да одинъ, создается иллюзія, какъ будто мы покинуты въ битвѣ съ этими каменными громадами... У меня сжимаются кулаки при видѣ дворцовъ... Какъ они нахально, вызывающе бахвалятся своею каменною непоколебимостью... О, дворцы! погодите, скоро задрожите вы тамъ съ вашими обитателями...

А дома... Какой вопіющій контрастъ между тѣмъ, что я вижу днемъ на улицѣ и тѣмъ, что ночью нахожу въ своей дырѣ... Сердце дрогнетъ невѣдомымъ чувствомъ, какъ будто заглянешь въ глубь народнаго сердца и впервые поймешь его... Часто беретъ зудъ описать все, что перевидалъ за день — вѣроятно, вышелъ бы занятный социальный романъ.

Поэтъ рассказалъ мнѣ свои наблюденія.

При волнующемъ призрачномъ свѣтѣ бѣлой ночи предо мною развернулася яркая, трепещущая живыми красками картина петербургской бѣдноты по угламъ... Тонъ разказа былъ грустенъ и тепелъ отъ жалости къ униженнымъ, лишеннымъ свѣта... Слышалась тоска по далекомъ, прекрасномъ, невѣдомомъ мирѣ бѣдноты...

И вдругъ закончилъ:

— Я часто думаю о послѣднемъ моментѣ. Уже начинаетъ казаться близкимъ, событочнымъ... Мнѣ бы хотѣлось погибнуть на мѣстѣ — отдать все — всю кровь, до капли... Ярко вспыхнуть и сгорѣть безъ остатка... Смерть упоительна!...

Я взглянулъ на говорившаго. Тонъ спокойно-торжественный. Ни тѣни аффектаціи... Только глаза горятъ ярче обыкновеннаго. И лицо странное, незнакомое, преображенное сияетъ.

Замолкъ... Тишина...

„Обреченный!“ — будто молніей обожгло меня. Я похолодѣлъ и непроизвольно схватилъ его за руку. Схватилъ и боюсь отпустить. Держу и гляжу въ его чудное лицо.

Онъ улыбнулся и снова заговорилъ.

— Да, это завидное счастье. Но есть счастье еще выше — умереть на эшафотѣ. Смерть въ моментъ акта какъ будто оставляетъ что то незаконченнымъ... Между дѣломъ и эшафотомъ еще цѣлая вѣчность — можетъ быть, самое великое для чело-вѣка. Только тутъ узнаешь, почувствуешь всю силу, всю красоту идеи. Весь развернешься, расцвѣтешь и умрешь въ полномъ цвѣтѣ... какъ колосъ созрѣвшій, полноцѣсный... Чудесный мистическій бракъ съ идеей... И затѣмъ — унести не высказанной свою ненависть... О, нѣтъ! этого я бы не хотѣлъ... Я хочу излить на нихъ все, что накипѣло на сердцѣ... Хочу заклеить судьей, поставить къ позорному столбу самодержавную Россію — эту всесвѣтную сводницу... Обливать презрѣніемъ, издѣваться надъ судьями, ставить ни во что ихъ строгую, корректную законность... Да, это сладчайшее изъ наслажденій!..

И онъ засмѣялся громко, вызывающе. Точно боевой конь сорвался съ цѣпи и безудержно ринулся въ пылъ битвы...

Теперь не было больно отпустить его...

Пересталъ — и опять тихо, сдержанно: —

— А затѣмъ — умереть спокойно и гордо, со сладкимъ сознаниемъ, что все исполнено, вся чаша выпита... Идя на актъ и потомъ на эшафотъ, умрешь какъ будто дважды — отдаешь двѣ жизни...

На этотъ разъ больше не говорилось. Мы разошлись.

IV.

Итакъ — пора достойно закончить то, на что потрачено столько стараній... Обсуждались детали. Предусматривалось все, что могло послужить помѣхой побѣдѣ. Самое опасное, если охрана окажется на высотѣ своего положенія и не допуститъ близко

къ каретѣ. Кидать издали — повторятъ рысаковскую неудачу. Необходимо прежде остановить лошадей, а потомъ кончать — тогда навѣрное.

Придумывали множество способовъ громоздкихъ, рискованныхъ.

— Къ чему все это? Если надо непременно остановить карету, можно просто броситься съ большою бомбой подъ лошадей... Тутъ можетъ быть сразу удача, если нѣтъ, карета все-таки остановится... Къ лошадямъ прорваться ручаюсь.

Всѣ содрогнулись и взглянули на того, кто предложилъ... Самъ себя приговаривалъ... вѣрная смерть — ужасная — на клочки... Онъ былъ спокоенъ, какъ будто не опѣивалъ всего значенія предложенія... Да и впрямь — что же тутъ особеннаго: вѣдь это онъ предложилъ, онъ ручался — отъ юности обреченный, затаившій мятежный порывъ...

Принято.

Вотъ и день 8 іюля.

Все готово. Сведены послѣдніе счеты съ жизнью.

Въ походъ.

И вдругъ неудача! Одна изъ тѣхъ дикихъ, ничѣмъ необъяснимыхъ случайностей, которыя самое блестящее дѣло сводятъ на нѣтъ... Поэтъ и я не нашли другъ друга въ назначенномъ мѣстѣ... А онъ проѣхалъ, и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ...

Хотѣлось не существовать отъ стыда и бѣшенства... Мы сидѣли среди заброшенной, поросшей бурьяномъ площади. Передъ нами фабрика, грязное закоптѣлое зданіе. Дикій ревъ свистковъ, рѣжущій ухо лягзгъ желѣза, уродливые обрывки разговоровъ...

Какъ все это странно, непонятно... Жизнь не находитъ отклика въ нашихъ сердцахъ и напрасно стучится туда, причиняя боль и досаду... Зачѣмъ все это? Развѣ мы не умерли? Кругомъ грязь, мерзость запустѣнія... И мы повержены въ прахъ — прямо съ неба.

Я неистовствую и почти со злобой смотрю на своего сосѣда. Маленькій, жалкій — сидитъ на кучѣ мусора и смотритъ молча, задумчиво въ черныя зіяющія дыры, вмѣсто оконъ, на фабричной стѣнѣ... О чемъ онъ думаетъ? Почему такъ спокоенъ? Неужели его занимаетъ этотъ шумъ, что мутной волной изливается на насъ сквозь безобразныя дыры?.. Хочется опять сорвать на немъ свою злость... Онъ взглядываетъ на меня и замѣчаетъ мое недружелюбное настроеніе... И говоритъ печально:

— Странный ты: ничего не можешь затаить въ себѣ — все лѣзаетъ наружу... Мы непохожи... У меня въ душѣ адъ...

Голосъ обрывается.

Я схватилъ его руку и прижалъ къ своему пылающему лицу.

Въ ту же ночь мы мчались со скорымъ поѣздомъ.

Лежали рядомъ на сосѣднихъ скамейкахъ и не спали.

Въ каждомъ стукѣ колесъ слышится: позоръ! позоръ! позоръ!

Вдругъ Поэтъ приподнимается на локтѣ и склоняется ко мнѣ лицомъ... Чувствую его горячее дыханіе...

Лицо не хорошее, искаженное непріятной, насмѣшливой улыбкой... Шепчетъ:

— Слышишь, колеса стучать: позоръ! позоръ! Вотъ здѣсь расплата... Хакакири.

И показываетъ на дуло револьвера, выглядывающее изъ-за борта пиджака.

Я отвѣчаю:

— Развѣ это рѣшеніе вопроса?.. Бѣжать съ поля сраженія...

Онъ отвертывается.

Мнѣ вспомнились тутъ тѣ высокія требованія, которыя Поэтъ предъявлялъ ко всякому, кто рѣшался стучаться въ двери Б. О. Да, при такихъ высокіхъ требованіяхъ всякая неудача должна, пожалуй, казаться преступленіемъ, изъ котораго единственный выходъ — хакакири.

Прошла недѣля томительнаго ожиданія.

Какъ сквозъ сонъ помню грустный образъ Поэта.

Насталъ послѣдній день — 15 іюля.

Поэтъ шелъ вторымъ съ мыслью покончить то, что начнетъ первый.

Почти не было надежды, что онъ останется цѣлымъ.

Но посчастливилось сразу, и онъ ушелъ...

Ушелъ, чтобы прійти вторично... Мечта его исполнилась вся...

Совершилъ блестящее дѣло... Путь отъ акта до эшафота прошелъ гордо и честно... И умеръ славно... Упалъ, какъ колось созрѣвшій, полнолѣсный.

Есть самоцвѣтные камни. Волшебною игрою своихъ лучей они манятъ глазъ. Неудержимо хочется взять ихъ въ руку, ласкать, упиваться игрою свѣта...

И боязно прикоснуться, испортить, нарушить гармонію красокъ.

Память о немъ такъ жива, думаю о немъ и вижу, и слышу его до акта, во время акта и послѣ — до конца — онъ всегда и всюду равенъ себѣ.

Сказочное сочетаніе силы, нѣжности, красоты и... святости.

Неудержимый порывъ заставляетъ меня бережно собрать всѣ мелочи, которыя, какъ драгоценныя перлы, хранятся въ памяти. Не воссоздать образъ, живущій въ памяти, о, нѣтъ! только не дать затеряться моимъ сокровищамъ.

Можетъ быть, кто нибудь используетъ ихъ и оживитъ лучезарный, дорогой образъ.

Да живетъ вѣчно!...

Егоръ Созоновъ.

Акат./н. Сентябрь 1906 г.

Изъ воспоминаній объ Иванѣ Каляевѣ.

Я помню его еще въ студенческіе годы. Мы въ его маленькой комнатѣ, на Маломъ Проспектѣ Васильевского Острова. Блѣдный, онъ стоитъ предо мной, и его громадные, чистые и печальные глаза загораются новымъ для меня, то вспыхивающимъ, то снова замирающимъ блескомъ.

— Послушай, — тихо говоритъ онъ: — неужели это вопросъ морали?... Неужели силой нельзя?... Неужели всегда „не убій“?... Вѣдь они убиваютъ?... Вѣдь кровь льется рѣкой. Часто невидимая, всегда невинная... Развѣ не кровь за кровь? Не жизнь за жизнь? И развѣ не преступленья молчать, или говорить, только говорить?...

Онъ смотритъ на меня долгимъ и мучительнымъ взглядомъ. Сквозь пыльные занавѣски искрится первые, еще юные, еще робкіе лучи майскаго утра. Онъ не замѣчаетъ ихъ. Его щеки горять и въ глазахъ свѣтится мука, — мука сомнѣнья и колебанья.

— Развѣ не стыдно жить?... Развѣ не легче умирать и... убивать?... — снова шепчетъ онъ, низко наклоняясь ко мнѣ. Кто рѣшитъ, скажи, кто рѣшитъ? И позволено ли, все ли позволено?... *Niech wstaja dumni, niech ida tlumni...* А если не встанутъ, и не пойдутъ, или не сумѣютъ дойти, дойти до конца, до самаго конца?... На что же тогда мы?... Или это малодушіе? Боязнь смерти и... преступленья? Преступленья ли?

Его голова бессильно опускается на руки. Все ли позволено и позволено ли?... Я медленно ухожу отъ него. И сердце давятъ сомнѣнье и колебанье, — тайна неразрѣшенной и неразрѣшимой загадки.

* * *

Прошло много времени. Жизнь бросала его, какъ осенній вѣтеръ бросаетъ и гонитъ опадающіе, уже готовые умереть листья. И снова мы встрѣтились на минуту. Встрѣтились на распутьи: настоящаго не было и будущее было полно тревоги и тайны.

Я стоялъ на площадкѣ вагона и въ послѣдній разъ крѣпко жалъ ему руку. На этой, залитой электрическими огнями, такой скучной и такой оживленной платформѣ, среди звона, свиста и хаоса, въ толпѣ чужихъ, суетящихся, куда-то спѣшащихъ людей, онъ казался потеряннымъ, маленькимъ и робкимъ. И тѣмъ болѣе странно было слышать его увѣренный и спокойный голосъ.

— Теперь нѣтъ вопросовъ. Да—да и нѣтъ—нѣтъ. Да, — нужно и можно. Нѣтъ, — преступно и стыдно. Кровь вызываетъ кровь. Балмашева повѣсили и повѣсятъ Гершуни. Нужно и можно мстить. Стыдно и преступно ждать и радоваться жизни...

И, помолчавъ, прибавляетъ съ улыбкой:

— И все-таки жизнь хороша. Хороши звѣзды, и небо, и цвѣты, и люди, и... смерть хороша.

Fertig! Abfahren!... Пора въ дорогу, пора прощаться, прощаться надолго... Быть можетъ, навсегда.

„Подожди. Знаешь ли что? Мнѣ кажется, нужно умѣть любить и еще... ненавидѣть. Тогда все можно. Понимаешь, все. И убить можно. Да, и убить!“...

Мелькаютъ огни послѣдняго семафора. Поѣздъ, качаясь, мчитъ, и подъ неумолчный грохотъ его колесъ передо мною встаетъ онъ, спокойный и твердый, а неискусная память повторяетъ слова: „нужно и можно мстить, стыдно и преступно радоваться жизни“...

* * *

Мы сидимъ съ нимъ въ трактирѣ. Онъ уже давно нелегальный. Корректный, въ высокихъ воротникахъ, онъ откинулся на спинку своего стула и смѣется веселымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, ты послушай. Я на границѣ. Нужно платить сто рублей. Сто рублей заплатить имъ!... Конечно, я не заплатилъ. Написалъ заявленіе, — жительство имѣю тамъ-то, заплачу тогда-то. И расписался. По документу, конечно. Подходитъ чидовникъ. Важный, въ погонахъ и съ зеленымъ кантомъ. — Сознайтесь лучше, что вы не тотъ, за кого себя выдаете. — Какъ не тотъ? Что вы? Я бѣдный еврей. Никогда ни въ чемъ замѣшанъ не былъ. Учусь въ Антверпенѣ. Мамаша больна, у папаши мануфактурный магазинъ въ Минскѣ. — Пожалуйте въ Жандармскую... Ты представь себѣ мое положеніе.. Ну, думаю, конецъ и moje uszanowanie...

Машинный Тангейзеръ глухо хрипитъ свою скорбную пѣсню. Сонные половые устало бродятъ по угламъ, а онъ все дрожить отъ смѣха и заражаетъ меня своимъ безпечнымъ весельемъ.

— Вы такой то? — Онъ самый. — Подпись на паспортъ сдѣлана не вами. — Извините, господинъ жандармскій офи-

церъ, это моя подпись. — А я вамъ говорю, что нѣтъ. — Извините, но это такъ. Я подпишусь, и вы увидите, что я правъ. И подписываюсь. Поддѣлать подпись я умѣлъ великолѣпно. Смотрить, сличаетъ, качаетъ головой. — Гм... странно... дѣйствительно... А все-таки нужно васъ обыскать. — Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе... А въ карманѣ внутренний паспортъ... — Елдыринъ! Обыскать!... — Зачѣмъ же-съ, я и самъ... вотъ извольте... Вынимаю все, кромѣ паспорта, конечно. И бумажникъ. Въ бумажникѣ 500 рублей. Посмотрѣлъ. — Вашъ батюшка торговецъ? — Да, отвѣчаю, у папаши мануфактурный магазинъ. — Вы къ родителямъ ѣдете? — Да, я въ Коммерческой Академіи учусь, теперь на праздники домой ѣду. Уставился на меня и молчить. — Елдыринъ, въ вещахъ ничего нѣту? — Никакъ нѣтъ, ваше благородіе. Подобрѣлъ, улыбулся пріятно. — Ну, видно, ошибка. Вы не будьте въ претензіи. Сами знаете, какое время. Трудно ли ошибиться? Не угодно ли папиросу? — Не курю. Подаль на прощанье руку и до свиданья... Ну, какъ тебѣ нравится? Не дураки ли, и не правъ ли я, что со та wisiec nie-utonie?... Человѣкъ, стаканъ чаю съ лимономъ!...

Мы оба смѣемся. Подъ потолкомъ медленно таютъ густые клубы табачнаго дыма и трактирный Тангейзеръ по прежнему рыдаетъ и стонетъ.

Его лицо вдругъ становится серьезнымъ и грустнымъ.

— А, знаешь, выводъ какой? — все нужно дѣлать по японски. Точно, обдуманно, аккуратно. Все, каждую мелочь. Вѣдь, мой провалъ былъ бы нашимъ Кинъ-Чжоу. Изъ-за паспорта, изъ-за какой-то бумажки... Подумай только... Нѣтъ, побѣждаютъ мелочами... О нихъ нужно думать, думать постоянно... Да, постоянно, — задумчиво кончаетъ онъ.

Мы выходимъ вмѣстѣ на улицу. И, прощаясь со мной, онъ опять повторяетъ серьезно и строго:

— По японски, не иначе какъ по японски...

* * *

— Баринъ, вотъ, баринъ, рѣзвая... Съѣздили бы на рѣзвой... Эхъ прокатили бы полтинникъ!...

Я оборачиваюсь. Въ извозничьемъ картузѣ, обросшій густой бородой, маленькій и какой-то для меня новый, онъ улыбается мнѣ своей задумчивой и доброй улыбкой.

Онъ — почти лихачъ, и лошадь — почти рысакъ. Сани съ медвѣжьей полостью, кушакъ ярко краснаго цвѣта, дуга съ рисункомъ, и самъ онъ ухарски поводитъ плечами и кричитъ извозничьимъ басомъ:

— ... Эй ты, путайся тамъ у меня, путайся... Извозчикъ! Проѣзжай, что ли, чертъ этакій!...

Полозья скрипятъ по твердому снѣгу, мимо мелькаютъ яркіе

огни фонарей, на улицѣ смѣхъ и говоръ, и праздничная, такая пестрая и такая чуждая намъ толпа...

Онъ оборачивается ко мнѣ, красный, замерзшій, съ ледяными сосульками на усахъ и, показывая головой на троттуаръ, говорить:

— ... Веселятся... Ну что же, праздникъ... А вчера, въ сочельникъ, я всю ночь ѣздилъ... Господъ возилъ. Хорошіе господа... За заставой баринъ съ барыней гуляли... Цѣлковый на чай пожертвовали... Ты, говорятъ, извозчикъ, откуда, какой, говорятъ, губерніи?... Я, говорю, не адѣшній, востромской я... Что-жъ, спрашиваютъ, въ деревнѣ то лучше? Да, не по своей охотѣ, чай, ѣздимъ-то... Ну ты, балуй у меня, шалая!...

Онъ громко смѣется и продолжаетъ уже серьезно.

— Съ непривычки трудно было немножко. Попа одного возилъ. Спутался въ переулкахъ, не туда завезъ. Ругается попъ, участкомъ грозить. Билетъ, подлець, отниму, по міру, дармоѣдъ, пойдешь... Едва вымолилъ: простите, говорю, ради праздника, батюшка... На постояломъ смѣхи, — какой ты, говорятъ, Ефимъ, хозяинъ. Не хлѣбный ты человекъ, силы въ тебѣ нѣту, хомутъ у тебя украли... А я все крещусь да крещусь: Господи помилуй, дай три цѣлковыхъ наѣздить...

И смѣется опять.

— ... Прокатать тебя?... Э-эхъ, милая!... Теперь все обошлось, — совсѣмъ извозчикъ сталъ. На дворѣ уваженіе, — самъ хозяинъ по имени отчеству, за руку здороваётся. Видитъ, человекъ трезвый, деньги домой отсылаетъ, не балуетъ, въ церковь ходитъ, начальство чтитъ... Карпуха-босыкъ, чуть я въ ворота, шапку долой: — здорово, лихачъ, не помыть ли сани?... За столомъ разговоры: Портъ-Артуръ, Стессель, Государь Императоръ... Видяты съ умомъ. Умъ въ тебѣ, Ефимъ, есть, привыкъ ты... которые извозчики, конечно, безъ ума, какая ѣзда ихъ?... а ты грамотный, диво ли пять цѣлковыхъ привезти можешь...

Онъ старательно объѣзжаетъ городского и совсѣмъ входитъ въ роль:

— Фараоны!... Извозчику жить не дають. Все тебѣ штрафъ да штрафъ... Городовой, околоточный, приставъ, членъ общества покровительства, просто членъ... Начальства этого видимо-невидимо... И всѣ урвать норовяты... Эхъ, жизньъ наша, проклятущая!...

Сани лихо подкатываютъ къ подъѣзду, и онъ уже шепотомъ говорить мнѣ:

— Замерзъ что-ли? Ну, вылѣзай скорѣе... Погрѣйся, а я тебя подожду. Небось, тоже погрѣюсь...

Я сую ему въ руку полтинникъ. Отъ лошади валитъ паръ. Онъ снимаетъ заиндевелый картузъ и кланяется ниако. И

когда я ухожу, и онъ теряется въ морозной мглѣ вечера, мнѣ все еще видится его тихая улыбка, а въ душѣ крѣпнеть вѣра въ успѣхъ и въ побѣду...

* * *

— Въ снѣжки!... Давай играть въ снѣжки!... — Онъ сбѣгаетъ внизъ по откосу и со смѣхомъ, весь въ серебряныхъ блесткахъ, ждетъ меня у рѣки, на дорогѣ.

— Ну, бросай... Ну, бросай же... Скорѣе... Берегись, берегись же...

И въ меня летятъ комья мерзлаго снѣга, и дрожать, и рассыпаются на лету прозрачной, тончайшей пылью...

Спрятался за широкую ель и собираетъ снѣжки, цѣлую грудку снѣжковъ. И опять съ минуту нѣтъ ничего. Только снѣжная пыль и веселая, самоцвѣтная искры. словно дождь серебра и алмазовъ.

И уже бѣжитъ, и тонетъ въ снѣгу, и смѣется, и опять тонетъ...

И вдругъ надъ нами:

— И не стыдъ!... Большіе, а балуютъ...

Снѣжокъ застываетъ въ рукѣ... По откосу идутъ гимназистки. Дѣвочки, съ сумками въ рукахъ, маленькія, совсѣмъ еще дѣти.

— Мы не большіе, кричитъ онъ. Мы тоже дѣти... Дѣти народа...

И бросаетъ въ нихъ снѣгомъ.

Смѣхъ, и снѣжная пыль, и солнце, и веселые вскрики...

На откосѣ цѣлая крѣпость. Въ насъ летятъ градомъ снѣжки, и мы, запорошенные снѣгомъ, отступаемъ къ рѣкѣ и весело слышимъ:

— Убѣжали!... большіе... ха-ха-ха... струсили... стыдно!

Онъ вынимаетъ платокъ. Бѣлый флагъ. Перемирье. Сдаемся. И карабкается вверхъ, въ „Портъ-Артуръ“...

Снимаетъ шапку, жметъ побѣдительницамъ руки, и скоро всѣ ужъ кругомъ него, румяныя, свѣтлыя, и онъ, веселый, рассказываетъ имъ что-то.

Сказку про Недотрогу-Царевну.

И опять смѣхъ. Смѣхъ безъ конца. И солнце смѣется морозомъ, и рѣка сіяетъ серебромъ и огнями...

* * *

Мы ѣхали за-границу. Июльская ночь еще дышала зноемъ. Вечернія звѣзды мигали на лотемнѣвшемъ небѣ, и въ придорожныхъ кускахъ громко эвенѣли лягушки. А вдали, на горизонтѣ, неясно дрожали чьи-то огни и собаки лаяли открыисто и глухо. Это — кордоны. Цѣпь пограничныхъ солдатъ — людей, которые ищутъ насъ, и которыхъ мы вовсе не ищемъ

Старая балагула дрожить и громыкает на поворотахъ. Колеса грузно скрипятъ, пара усталыхъ лошадей едва передвигаетъ ноги, и нашъ возница согнулся и въ тактъ лошадямъ сонно киваетъ своей курчавой, въ засаленномъ картузѣ, головою.

Мы ѣдемъ уже много часовъ. Скоро заря. Высокія сосны потеряютъ свои нѣжныя очертанія, силуеты разбросанныхъ ветвей перестанутъ пугать своей уродливой красотой, встанетъ туманъ надъ желтыми, теперь еще черными полями, и разсѣется та смутная жуть, жуть ночи и лѣса, которая давитъ насъ и заставляетъ зорко вглядываться въ синюю мглу торной, уже столько разъ извѣженной дороги.

— Посмотри, какъ звѣзды горятъ, — говоритъ онъ, наклонившись ко мнѣ, — въ небѣ темно, а онѣ горятъ и свѣтятъ. Знаешь, какъ и у насъ. Вѣдь у насъ темно, безпросвѣтно темно, а звѣзды все-таки есть. Горятъ и не гаснутъ. Развѣ память о Балмашевѣ не свѣтитъ? Развѣ о Егорѣ забудутъ? Рѣдкое счастье Егора... И почему не я, почему?... Онъ бы теперь жилъ, ѣхалъ бы вотъ съ тобой, а я былъ бы счастливъ... Какъ я былъ бы счастливъ... Мнѣ кажется, мы и понять не можемъ, что онъ чувствуетъ теперь, когда уже побѣда, уже конецъ...

Собаки лаютъ все ближе и ближе. Старый еврей вздрагиваетъ и испуганно хватается за кнутъ. И мы, звеня, гремя и задѣвая за камни, мчимся куда-то дальше, все дальше отъ этихъ кордоновъ, жандармовъ, ружей, солдатъ и... Россіи.

Онъ тихо начинаетъ опять:

— Когда я шелъ, мнѣ было все — все равно. И жить не хотѣлось. Въ сердцѣ одно — побѣдить, а тамъ, хоть трава не расти... Вѣдь это странно, не такъ ли?... Теперь вотъ опять хочется жизни... Знаешь, чтобы тихо было, спокойно... Чтобы придти въ себя, забыть все, не думать, не работать, а жить... Просто жить... Дышать, смотрѣть на людей и на небо... Я, должно быть, усталъ... И еще, знаешь, вотъ... Егоръ и Леонъ...

Его голосъ дрожить. Онъ отвернулся и смотритъ куда-то вдаль. И плечи тоже дрожать: къ утру становится холоднѣе.

— Поѣжай, — бросаетъ онъ внезапно возницѣ и, подымая воротникъ, ежится и прячетъ въ него лицо.

Мы молчимъ, а звѣзды уже гаснутъ на небѣ, уже клубится туманъ и скоро, уже скоро заблестятъ первые лучи утренняго, такъ долго жданнаго, солнца...

* * *

Мы стояли съ нимъ передъ Венерой Милосской. Божественная, она холодно смотрѣла на насъ и ей были чужды наши радости и наши тревоги. Она была выше земли и выше земного

неба. Ея дѣвственныя груди никогда не колебались желаньемъ, — нечистымъ желаньемъ счастья, и вѣка равнодушно прошли передъ нею. Къ кому жадно тянулись ея холодныя руки и чьи глаза встрѣчались съ ея каменнымъ взглядомъ?... Безсмертное вставало передъ нами. Синее небо Эллады сливалось съ лазурью теплаго моря, и забытыя тайны, вѣчныя тайны умершихъ боговъ уже рождались, уже воскресали и уже раскрывались передъ нами...

Я обернулся къ нему. Его лицо поблѣднѣло. Въ широко раскрытыхъ глазахъ былъ испугъ. Тотъ испугъ, когда нѣтъ предѣла восторгу. Онъ былъ счастливъ. И счастье пугало его.

Мы медленно возвращались назадъ. Древніе боги тихо ласкали насъ своей немеркнувшей красотой. Мраморныя сатиры и фавны привѣтливо улыбались и кивали намъ головами. Силенъ обнималъ юношу Вакха и тетива туго дрожала въ рукахъ у Дианы.

Онъ не замѣчалъ ихъ. Онъ шелъ устало и грустно. А въ глазахъ еще догараля искры восторга.

У порога онъ обернулся опять. Она стояла все та же, непонятная и всегда равнодушная. И ея прекрасное лицо было попрежнему холодно и безстрастно.

И тогда онъ наклонился ко мнѣ. И я услышалъ его испуганный шепотъ:

— Красота, — вотъ высшая сила жизни. Въ ней счастье, въ ней и награда. Все умираетъ, только красота, недоступная красота живетъ вѣчно...

* * *

2-ое февраля.

Великій князь уже въ театрѣ. Его карета мелькнула бѣлыми огнями и скрылась. Прошли мгновенья, годы... И я ничего не слышалъ...

Мгла и холодъ. Одинокіе фонари еле мерцаютъ. Въ далекихъ углахъ — ни зги, только какія-то тѣни.... И надъ башнями Кремля тучи, — тяжелыя, черныя.

Вотъ онъ идетъ. Идетъ тревожно. Ищетъ глазами меня. Замерзшій, усталый. Снѣгъ хруститъ подъ ногами, и онъ уже близко, — молчить и смотреть.

— „Пойми.... Я боюсь: не преступленье ли противъ насъ всѣхъ?... Но иначе не могъ, пойми... не могъ... Рука сама опустилась... Вѣдь, женщина, дѣти... Дѣти... За что?... Пусть судятъ всѣ, пусть ты судишь... Вѣдь ты мнѣ вѣришь... Я не могу, я и теперъ не могу“...

Онъ весь дрожитъ и окоченѣвшими пальцами крѣпко сжимаетъ свой свертокъ. Какъ бы боится разстаться...

— „Скажи, хорошо ли?... Вѣдь, хорошо?... Пусть живутъ. Развѣ они виноваты? Или ты думаешь, я боюсь? Нѣтъ, ты такъ не думаешь... Я подбѣжалъ къ самой каретѣ. Я замахнулся...“

Я увидѣлъ ихъ и его... И хотѣлъ бросить... въ него... и не могъ... Рука опустилась... Понялъ,—умрутъ и они... Что дѣлать? Что дѣлать?...

Подымается вѣтеръ. По темнымъ дорожкамъ сада вьется морозная пыль. Деревья стонуть и осыпартъ насъ искрами инея. Холодно. Пусто. Мы молчимъ и близко-близко жмемся другъ къ другу.

Онъ говорить. И я слушаю его.

— „Рѣшай ты. Я одинъ не берусь. Если нужно для насъ, для партіи, для всѣхъ,—на обратномъ пути ихъ не будетъ. Ни его, ни ея, ни дѣтей“...

И опять молчить.

— „...Ни меня... Думай. Не обо мнѣ. О партіи и о нихъ. Какъ рѣшимъ, такъ и будетъ... Понялъ?... Какъ рѣшимъ, такъ и будетъ“.

Я вижу его глаза... И мнѣ становится страшно. Мы вмѣстѣ выходимъ. Вьюга бьетъ насъ. Свиститъ и колеть снѣжными иглами. Гдѣ-то, вверху жалобно стонуть куранты...

Я цѣлую его... И вдругъ,—жгучая боль, счастье безъ имени, безъ словъ и безъ предѣла.

* * *

...На далекой башнѣ, въ Кремлѣ, медленно бьютъ часы... Разъ... Два... Два часа. Пора.

— „Прощай, Янекъ“...

— „Прощай“.

И не можемъ разстаться.

Таетъ. По кровельнымъ желобамъ глухо стучитъ вода. Снѣгъ кругомъ заплѣсневѣлый и рыхлый. Тихо, только сердце дрожитъ.

И вдругъ:

— „Не уходи... Подожди немного“...

На Ильинкѣ народъ. Обгоняютъ. Идутъ навстрѣчу. Куда-то спѣшатъ. И все чужіе...

Мы идемъ и молчимъ. И не смотримъ, не видимъ другъ друга.

И вдругъ опять:

— „Не бойся. Не ошибусь. Сдѣлаю все, какъ нужно... И потомъ, по ту сторону—тоже“...

Вотъ и Кремль. Долго стоимъ и смотримъ. Прямо въ глаза. Въ душу. Въ послѣдній разъ.

Онъ кладетъ руку мнѣ на плечо. И глядитъ. И вдругъ быстро цѣлуетъ. Въ губы. Долго и крѣпко.

И надвигается тьма.

Борисъ Савинковъ.

Кассационная жалоба И. П. Каляева въ Сенатъ.

Я знаю, что я долженъ умереть. Идя на кровавое дѣло, я заранѣе приготовился заплатить за него и своею жизнью.

Случаю угодно было вывести меня невредимымъ изъ бури взрыва и передать въ руки закона, именемъ котораго я преданъ смертной казни. Я признаю этотъ приговоръ съ признательнымъ спокойствіемъ чловѣка, исполнившаго свой долгъ, и съ радостью удовлетворенной совѣсти передъ лицомъ всепрощающей вѣчности. Но, умирая по убѣжденію, я не исполнилъ бы своего долга до конца, если бы по мотивамъ личнаго свойства, отказался бы дать объясненія по существу приговора. Именно сознаніе того, что дѣло 4 февраля не есть личное мое дѣло и, слѣдовательно, приговоръ, произнесенный надо мною, имѣетъ распространительное значеніе, и побуждаетъ меня съ холодною серьезностью отдѣлать въ обстоятельствахъ моего дѣла элементъ личныхъ моихъ побужденій и признаній отъ тѣхъ общихъ сторонъ происшествія, какія только и должны войти въ разсмотрѣніе верховнаго суда. Я дѣйствовалъ, какъ членъ Б. О. П. С. Р., былъ исполнителемъ ея приговора и, только въ предѣлахъ полномочій, пославшихъ меня, дѣло мое подлежитъ обсужденію съ принципиальной стороны.

Только по установленіи этой единственно правильной точки зрѣнія на дѣло могутъ получить самостоятельное толкованіе и тѣ эпизоды процесса, въ которыхъ выразилась моя индивидуальность. Другими словами, та или иная оцѣнка моей личности не должна затемнять правильнаго пониманія характера и цѣлей моей партіи. Но и въ оцѣнкѣ моей личности было бы ошибкой рѣшать вопросы лишь на основаніи отрывочныхъ впечатлѣній. Вотъ почему я стараюсь представить въ настоящемъ показаніи мою автобіографію, въ предѣлахъ развитія моихъ убѣжденій, открывшихъ мнѣ доступъ въ Боевую Организацию и затѣмъ дать характеристику всей партіи социалистовъ-революціонеровъ.

Я родился отъ матери польки и выросъ въ Варшавѣ, но всегдѣ чувствовалъ себя русскимъ. Отецъ мой происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ Рязанской губерніи и отъ него я перенялъ любовь къ русскому народу. Изъ гимназіи, единственной русской въ Варшавѣ, я вынесъ какую то романтическую любовь къ Россіи и жажду служенія ей во имя чловѣчества. Но развившаяся во мнѣ съ раннихъ лѣтъ наблюдательность и склонность къ анализу окружающей дѣйствительности, рано приучила меня къ критической оцѣнкѣ общественныхъ порядковъ. Мнѣ было тяжело въ атмосферѣ казенна

патріотизма и національной вражды и вотъ почему я не поступилъ въ варшавскій университетъ, а уѣхалъ въ Москву. Параллельно съ развитіемъ моихъ политическихъ убѣжденій, шло развитіе моихъ общественныхъ симпатій. Мой отецъ служилъ околѣ надзирателемъ въ варшавской полиціи и впослѣдствіи артельщикомъ въ управленіи завода Б. Гантке. Это былъ человекъ честный, не бралъ взятку и потому мы очень бѣдствовали. Братья мои выросли рабочими и мнѣ одному посчастливилось пробраться въ университетъ. Съ юныхъ лѣтъ я свыкъся съ интересами труда и нуждою и сталъ вскорѣ убѣжденнымъ социалистомъ. Я вѣрилъ въ свои силы, восторженно стремился къ высшему образованію и имѣлъ честныя намѣренія быть честнымъ общественнымъ дѣтелемъ, труженникомъ на пользу родному народу. Такимъ я заявилъ себя впервые публично во время студенческаго движенія СПб. университета въ 1899 году. Въ результатѣ я былъ исключенъ безъ права обратнаго поступленія и высланъ на два года подъ надзоръ полиціи въ Екатеринославъ. Это было тяжелымъ ударомъ для меня, навсегда опредѣлившимъ мою судьбу. Живя въ Екатеринославѣ, я работалъ въ газетахъ, изучалъ хозяйственный бытъ Россіи, былъ членомъ ревизіонной комиссіи въ мѣстномъ просвѣтительномъ учрежденіи, но мнѣ жаль было терять мои молодые годы. На всѣ предложенія принять меня въ университетъ, даже по истеченіи срока надзора я получилъ холодный отказъ. Близость моя къ революціоннымъ дѣтелямъ с.-д. и вліяніе народовольческой литературы указали мнѣ выходъ изъ неопредѣленнаго положенія человека, которому отказано въ правѣ жить и развиваться. Съ тѣхъ поръ я сталъ убѣжденнымъ революціонеромъ. Въ 1901 году я принялъ участіе въ комитетѣ партіи с.-д. наканунѣ декабрьской демонстраціи. Демонстранты были разсеяны и изранены полиціей. Я былъ готовъ отвѣтить на это покушеніемъ на жизнь тогдашнато губернатора, графа Келлера, который вообще буйствовалъ въ губерніи, но, будучи одинокъ, долженъ былъ оставить свое намѣреніе. Террористическія идеи глубоко запали мнѣ въ душу, и я искалъ ихъ разрѣшенія въ дѣйствіи. Съ жаждой знанія, съ жаждой такой дѣятельности, которая захватила бы меня всего, я уѣхалъ за границу во Львовъ, гдѣ поступилъ въ университетъ и, кромѣ того, занялся изученіемъ революціонной литературы. Тамъ я опредѣлился окончательно. Дѣло Балмашева было какъ бы моимъ дѣломъ. Но имѣя связи съ социаль-демократами, я рѣшилъ принять участіе въ нелегальной дѣятельности съ цѣлью найти себѣ соратниковъ для открытой революціонной борьбы. Лѣтомъ 1902 года во время переѣзда изъ Львова въ Берлинъ, я былъ арестованъ германской полиціей съ революціонными изданіями на пограничной таможи и выданъ русскимъ властямъ. Этотъ эпизодъ нѣсколько отклонилъ въ сторону мои намѣренія и надолго отсрочилъ ихъ осуществленіе. Выждавъ окончанія этого неприятнаго для меня инцидента, я въ октябрѣ 1903 года уѣхалъ за границу. Съ тѣхъ поръ до послѣдняго дня я ждалъ случая выйти въ качествѣ террориста. Но и непосредственныя чувства въ этомъ направленіи, мои мысли о необходимости подобнаго рода дѣйствія питались вопі-

ющими бѣдствіями, выпавшими на долю моей родины. За границей я испыталъ, съ какимъ презрѣніемъ всё европейцы относятся къ русскому, точно имя русскаго — позорное имя. И я не могъ не прійти къ заключенію, что позоръ моей родины, эта чудовищная война внѣшняя и война внутренняя, этотъ открытый союзъ царскаго правительства съ врагомъ народа — капитализмомъ, — есть слѣдствіе той злостной политики, которая вытекаетъ изъ вѣковыхъ традицій самодержавія.

П. С. Р. рѣшила покарать его наиболѣе чувствительнымъ способомъ — убійствомъ великаго князя Сергѣя Александровича, одного изъ наиболѣе свирѣпыхъ ревнителей культа злосчастнаго имени императора Александра III.

Партія Соціалистовъ-Револуціонеровъ поручила мнѣ привести приговоръ въ исполненіе надъ великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, какъ надъ московскимъ ген.-губернаторомъ. Это я объяснилъ въ подробной мотивировкѣ на судѣ. Но лично я не могъ не знать, что подымаю руку на члена императорскаго дома. Къ сожалѣнію, предсѣдатель не далъ мнѣ возможности подробнѣе высказаться по этому пункту. Я успѣлъ только сказать, что мотивомъ такого твердаго моего убѣжденія являются концессіи въ Корей, послужившія поводомъ къ войнѣ съ японцами. Да, дѣйствительно, — старая придворная партія ревнителей культа реакціи, связанной съ именемъ Александра III, во главѣ которой стоятъ нѣкоторые великіе князья, имѣла рѣшающее вліяніе на руско-японскій конфликтъ изъ-за Кореи и является до сихъ поръ ревностнѣйшимъ сторонникомъ войны во что бы то ни стало. Исторія съ Краснымъ Крестомъ, исторія съ броненосцами — вотъ еще *corpus delicti* противъ этой великокняжеской политики въ стилѣ Сергѣя Александровича.

Такимъ образомъ, прибавленіе въ приговорѣ титула „дяди Е. В.“ къ званію великаго князя Сергѣя Александровича не имѣетъ достаточно основаній изъ моихъ признаній.

Если бы я имѣлъ въ виду Е. В., я сказалъ бы, что я дѣйствовалъ противъ Е. В., и не было бы мнѣ надобности скрывать свою мысль въ общей формулѣ „противъ императорскаго дома.“ Моя формула имѣетъ ограниченительное значеніе и вовсе не касается въ этомъ смыслѣ Е. В., какъ царствующаго монарха. Моя партія, насколько я понимаю партійную политику, не ставила вопроса о личности Е. В. Въ своемъ заявленіи, какъ членъ партіи, сознающій свой долгъ блюсти ея интересы, я также не высказалъ лично отъ себя больше, чѣмъ это мнѣ позволяла партійная дисциплина. Говоря о политикѣ самодержавія въ историческомъ освѣщеніи, о культѣ императора Александра III и т. д., я имѣлъ въ виду не личность Е. В., а партійную реакціонную политику, въ которой великіе князья принимаютъ самое невыгодное для Е. В. участіе. Это я и высказалъ словами: „Если вѣрно то, что такіе министры, какъ Плеве, губятъ монархію, то еще съ большимъ основаніемъ можно сказать, что такіе великіе князья, какъ Сергѣй Александровичъ, губятъ престижъ династіи.“ Въ изъясненіе

настоящаго заявленія, я считаю долгомъ подробнѣе развить свою мысль о томъ, что ни партія, ни я не могутъ быть признаны анархистами.

Поэтому во избѣжаніе неправильнаго толкованія моихъ мыслей, я заявляю свой протестъ противъ включенія формулы — „дяди Е. В.“ — въ окончательной формѣ приговора.

Въ государственномъ вопросѣ партія Соціалистовъ-Революціонеровъ стоитъ на точкѣ зрѣнія европейской социаль-демократіи, проповѣдующей участіе рабочаго народа въ государственномъ управленіи посредствомъ выборныхъ въ парламентъ. Наша партія, какъ и социаль-демократы, выставляетъ въ настоящее время требованіе всеобщаго избирательнаго права и очень далека отъ отрицанія анархистами блага государственнаго народоуправленія. Я могу указать на программу, опубликованную въ одномъ изъ номеровъ „Р. Р.“, а также на заявленіе по случаю убійства Шлеве, въ которомъ она явно ограничиваетъ себя отъ анархистовъ, повторяя заявленіе „Народной Воли“.

Задача партіи въ главнѣйшемъ — это организація крестьянства и городскихъ рабочихъ на началахъ социализма для борьбы съ экономическимъ угнетеніемъ, и политическая программа дѣйствія противъ самодержавія всѣми средствами, не исключая террористическихъ актовъ, есть лишь вынужденная политикой правительства революціонная мѣра. Мы боремся съ самодержавіемъ, какъ съ системой правительственной политики, а вовсе не стремимся къ разрушенію государства. Если мы противъ основныхъ законовъ самодержавія, то только потому, что эти законы лишь прикрытіе произвола. Самое новое уложеніе есть освященіе административнаго усмотрѣнія. Если я не призналъ суда, и закона, который считаю лицепріятнымъ закономъ, то я объяснилъ откровенно почему. Какъ революціонеръ, я заявилъ, что не признаю тѣхъ государственныхъ учреждений (имѣя въ виду судъ сената), которыхъ политическое лицемеріе покрываетъ нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именемъ оскорбленной человѣческой совѣсти ради торжества насилія. Сила моего заявленія во второй, а не въ первой половинѣ. Въ самомъ началѣ засѣданія суда я не призналъ себя подсудимымъ, какъ представитель воюющей съ правительствомъ стороны и его плѣнникъ. Я сказалъ, что судить меня можетъ только свободно и нелицепріятно выраженная народная совѣсть, т. е. судъ присяжныхъ. Политическій судъ не есть судъ совѣсти, и вотъ почему я ограничился на судѣ только фактическими отвѣтами, не обнажая моей совѣсти. У меня нѣтъ и не было личныхъ враговъ. Романтикъ по натурѣ, дисциплинированный суровой школой нужды, я могъ бы быть скромнымъ, но трудолюбивымъ общественнымъ работникомъ. Политическія условія создали изъ меня революціонера и главнымъ мотивомъ такого поворота во мнѣ были человѣческія страданія. Я исполнилъ свой партійный долгъ и никогда не былъ звѣремъ. Это лучше всего можетъ засвидѣтельствовать великая княгиня, съ которой я объяснялся очень сердечно и откровенно, не смотря на сильное возбужденіе, въ

которомъ я находился во время свиданія съ нею. На судѣ предсѣдатель не напомнилъ мнѣ вопросомъ о моемъ отношеніи къ убитому кучеру,—я лично забылъ объ этомъ обстоятельстве, но, конечно, я не желалъ его смерти и былъ крайне удрученъ, когда мнѣ сказали, что онъ умеръ, хотя, согласно правилу поведения на слѣдствіи, я отказался дать какія либо объясненія.

Еще одно обстоятельство, которое, повидимому, составители приговора имѣли въ виду, отмѣтивъ мое звѣрство и безшадное отношеніе къ постороннимъ. Вѣдь, кромѣ кучера въ единственномъ числѣ, никто не пострадалъ, зачѣмъ же говорить о постороннихъ во множественномъ? Очевидно, тутъ рѣчь о великой княгинѣ и моемъ письмѣ къ ней. Въ этомъ письмѣ я имѣлъ неосторожность употребить фразу, которая открываетъ просторъ недобросовѣстному толкованію. Я писалъ: „Будь Вы въ каретѣ, Вы также погибли бы. Но Ваша смерть была бы только ненужной случайностью, противъ которой организація шла обдуманно. Въ этомъ смыслѣ я молитвенно не желалъ Вашей гибели и былъ чрезвычайно радъ, когда Васъ въ каретѣ не оказалось, т. к. то обстоятельство, что Вы остались въ живыхъ,—это также моя побѣда.“ Неправильно построена только первая фраза и, если взять ее отдѣльно, то, дѣйствительно, можетъ представиться, что я не пожалѣлъ бы даже женщину. Но такой смыслъ не вяжется съ послѣдующими фразами моего заявленія. Реального смысла эта неловкая первая фраза не можетъ имѣть никакого и, если имѣетъ, то сверхъ-реальный, предположительный, почти мистическій. Мнѣ доставила много мученій судьба великой княгини. Изъ газетныхъ сообщеній мнѣ было извѣстно, что великая княгиня ѣздитъ иногда съ великимъ княземъ и нужно было произвести нападеніе тогда, когда въ каретѣ былъ бы одинъ князь. 4 февраля я, завидя карету, былъ увѣренъ, что великой княгини въ каретѣ не можетъ быть. Такимъ образомъ, влѣдствіе удачнаго выбора момента покушенія, великая княгиня оказалась внѣ опасности. Это обстоятельство я считаю для себя высшей наградой, которой радуюсь самымъ искреннимъ образомъ и вотъ почему съ сознаниемъ спасенія жизни человѣческой я могу гордиться обнаруженнымъ мною мужествомъ и спокойствіемъ духа, съ какимъ я выполнилъ возложенное на меня порученіе. Зачѣмъ же въ приговорѣ говорится о томъ, что я не пощадилъ постороннихъ? Я рѣшительно протестую противъ этого недобросовѣстнаго обвиненія. Мнѣ можно поставить въ заслугу то обстоятельство, что великая княгиня и никто изъ постороннихъ не пострадалъ, но не вывертывать благоприятный для меня фактъ въ осужденіе.

Въ заключеніе считаю нужнымъ пояснить, почему я не называлъ себя на судѣ. Предсѣдатель говорилъ такъ тихо, что я, будучи оглушенъ взрывомъ, отъ внутреннего волненія не слышалъ перваго вопроса при открытіи суда и не понялъ, о чемъ меня спрашиваютъ. Имѣя въ виду въ самомъ началѣ заявить, что не признаю себя подсудимымъ, я это сказалъ, но на первой фразѣ предсѣдатель меня остановилъ, и я замѣшался.

Въ виду всего вышензложеннаго, находя приговоръ составлен-
нымъ пристрастно и по существу, а равно и по обстоятельствамъ
судебнаго разбирательства, нарушающимъ принципъ правосудія, счи-
таю долгомъ моей чести просить о вторичномъ пересмотрѣ моего дѣла.

Отъ редакціи. — Въ этомъ номерѣ «Былого» мы помѣщаемъ воспо-
минанія о Каляевѣ двухъ его близкихъ друзей и товарищей по дѣлу. Со
временемъ, несомнѣнно, о Каляевѣ будетъ написано очень много и какъ о
человѣкѣ, и какъ объ общественномъ дѣятелѣ.

Каляевъ самъ по себѣ — одинъ изъ удивительно интересныхъ, богато-
одаренныхъ людей, — это былъ хорошій товарищъ, талантливый писатель и
поэтъ, рѣдкій фанатикъ — въ лучшемъ смыслѣ этого слова — своего дѣла.
И художникъ, и биографъ найдутъ въ Каляевѣ благодарный матеріалъ, чтобы
въ яркихъ краскахъ обрисовать своимъ читателямъ его фигуру. Какъ обще-
ственный дѣятель, Каляевъ въ послѣдній годъ своей жизни сыгралъ видную роль
въ русскомъ освободительномъ движеніи: въ дѣлѣ противъ Плеве и вел. кн. С. Ал.
Каляеву принадлежитъ очень многое, — онъ проявилъ въ этихъ дѣлахъ и
иниціативу, и являлся однимъ изъ главныхъ ихъ исполнителей. Его пове-
деніе послѣ ареста, на судѣ и послѣ суда до самой смерти, его исторической
важности тогдашняго письма и заявленія, на которыхъ русской историкъ внима-
тельно остановится, — все это въ свое время глубоко волновало широкіе
слои въ Россіи, и Каляевъ, такимъ образомъ, въ подготовленіе общенарод-
наго движенія 1905—1906 г. внесъ лично огромный вкладъ. Все, кто будутъ
писать объ этихъ годахъ, будутъ говорить и о Каляевѣ.

Кромѣ воспоминаній Созонова и Савинкова мы еще печатаемъ не опу-
бlikовенную кассационную жалобу Каляева въ сенатъ. Конечно, говорить
объ огромномъ значеніи этого документа нѣтъ нужды. Въ настоящее время
мы скажемъ объ этой жалобѣ нѣсколько словъ.

Требую пересмотра своего дѣла, Каляевъ, разумѣется, не имѣлъ въ виду
ни добиться замѣны себѣ смертной казни каторжными работами, ни отсро-
чки казни на нѣсколько недѣль. Онъ спокойно и смѣло смотрѣлъ въ глаза
смерти и для него казнь была лишь новой, послѣдней службой родинѣ. Онъ
добивался и добился новаго разбирательства дѣла въ сенатѣ въ своемъ
присутствіи — это, если не ошибаемся, единственный примѣръ въ русскихъ
политическихъ судахъ — для того, чтобы еще разъ гласно защищать дѣло
своей партіи. Оба суда надъ Каляевымъ — въ Москвѣ и въ Петербургѣ —
имѣли крупное общественное значеніе.

На политическій терроръ Каляевъ смотрѣлъ гораздо шире и глубже, чѣмъ
не только большинство въ партіи с.-р., но шире и глубже, чѣмъ многие изъ
его товарищей по Боевой Организациіи, — въ этомъ случаѣ онъ на задачі
Б. О. смотрѣлъ глазами настоящаго народовольца, — не даромъ онъ въ
прошальномъ письмѣ къ товарищамъ говоритъ о своей партіи, какъ о продолжа-
тельномъ дѣлѣ партіи «Народной Воли» во всей его полнотѣ. Но въ своей
жалобѣ въ сенатъ Каляевъ въ вопросѣ террора всталъ на точку зрѣнія
партіи с.-р., вѣрнымъ выразителемъ которой тогда былъ Гершунъ, напр.,
въ своей рѣчи на судѣ. Самъ Каляевъ даетъ объясненія этихъ мѣстъ своей
жалобы, — онъ съ подчеркиваніемъ говоритъ о дисциплинѣ партіи, которой
считаетъ необходимымъ подчинить и многое въ своихъ взглядахъ. Въ одномъ
изъ писемъ къ товарищамъ Каляевъ пишетъ: «Въ кассационной жалобѣ я
старался провести строго партійный взглядъ и думаю, что ничѣмъ не по-
вредилъ интересамъ партіи своимъ заявленіемъ на судѣ. Я заявилъ, что
убійство вел. князя есть обвинительный актъ противъ правительства и царскаго
дома. Поэтому въ приговорѣ вставлено «дядя Е. В.». Я написалъ въ
кассационной жалобѣ, что въ дѣлѣ противъ вел. князя мнѣ не было нужды
дѣйствовать противъ личности царя, какъ племянника, и потому заявилъ
протестъ, имѣя въ виду будущій процессъ»...

Подкопъ подъ херсонское казначейство въ 1879 году.

Считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя, что я, задавшись цѣлью изложить организаціонную сторону дѣла, буду развѣивать передъ нимъ планъ дѣйствія и указывать систематическое выполненіе, какъ результатъ дѣятельности всѣхъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ предпріятіи, и отнюдь не буду вести описанія въ лицахъ, распредѣляя имъ роли въ разсказѣ по степени ихъ дѣйствительнаго значенія. Такая форма была бы крайне неудобна, помимо массы другихъ соображеній, уже потому, что степень участія нѣкоторыхъ вовсе не выяснена, а нѣкоторые еще до сихъ поръ находятся на свободѣ.

Дѣлаю это предупрежденіе, чтобы читатели не вздумали искать въ моемъ разсказѣ матеріала для оцѣнки дѣйствій лицъ, фигурирующихъ въ дѣлѣ; лица являются здѣсь лишь по столько, по сколько это нужно для выясненія и окраски того или другого обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, для опредѣленія того или другого рѣшенія, предпринятаго всѣми, а потому читатель можетъ относиться критически лишь къ общему ходу дѣйствій — и только. Дѣйствующей единицей для него является сумма всѣхъ лицъ, находящихся въ организаціи.*)

*) Воспоминаніе о подкопѣ въ Херсонѣ принадлежитъ Федору Николаевичу Юрковскому, такъ называемому «инженеру Сашкѣ», — подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ въ свое время и въ литературѣ и въ обществѣ, — этимъ псевдонимомъ имъ самимъ въ подлинникъ подписана печатающаяся здѣсь статья.

По своимъ взглядамъ Юрковскій ближе всего подходилъ къ набатовцамъ и былъ однимъ изъ первыхъ защитниковъ борьбы съ правительствомъ самими крайними террористическими средствами, — онъ развивалъ эти взгляды и тогда, когда большинство выдвинувшихся впоследствии террористовъ еще стояли на почвѣ одной пропаганды. Если не ошибаемся, Юрковскій принималъ и лично участіе въ одномъ изъ самыхъ раннихъ убійствъ шпіоновъ (въ Одессѣ). По различнымъ причинамъ Юрковскій не вошелъ въ организацію партіи «Народной Воли», но переговоры объ его вступленіи въ партію велись передъ самымъ его арестомъ въ 1880 г.

Печатающіяся воспоминанія были написаны Юрковскимъ въ Шлиссельбургской крѣпости не задолго до его смерти (онъ умеръ въ 1896 г.) для ближайшихъ товарищей по заключенію, но были, повидному, отвѣтомъ на старыя его споры на Карѣ въ 1881 — 83 гг.

Авторъ воспоминаній едва ли надѣялся, что они когда нибудь увидятъ свѣтъ, — она были написаны имъ, очевидно, не для печати, но онъ, конечно, зналъ, что внимательными читателями его воспоминаній будутъ дѣятели Департамента Полиціи, и это, несомнѣнно, отразилось на характерѣ изложенія.

Мы не внесли въ рукопись никакихъ измѣненій и не сдѣлали въ ней никакихъ пропусковъ, — печатаемъ ее, какъ очень важный документъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія. Ред.

Въ первый разъ мысль о казначействѣ явилась у меня еще въ 74 году благодаря разговорамъ съ Иваномъ Позульскимъ, когда я содержался въ Николаевскомъ морскомъ острогѣ en quatre съ Дробязгинымъ, Ковальскимъ и Мшенецкимъ. Тогда было еще золотое время повальной пропаганды и, пропагандируя въ острогѣ, мы сблизились съ этимъ арестантомъ; такимъ образомъ, вышло отчасти, что мы распропагандировали другъ друга.

Вскорѣ послѣ выхода на поруки мнѣ пришлось занять мѣсто управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Банова въ Херсонѣ. По дѣламъ завода у меня часто являлась надобность бывать въ казначействѣ (за получкой мелкой серебряной монеты для расплаты съ рабочими). Здѣсь мое вниманіе остановилось на странномъ способѣ храненія суммъ въ подвальной кладовой, причемъ внутри нѣтъ никакого присмотра, вся охрана ограничивается лишь однимъ часовымъ у дверей, какъ будто не допускается возможность проникнуть въ подвалъ помимо дверей. Здѣсь же въ головѣ моей составилъ приблизительный планъ дѣйствія черезъ подкопъ; дѣло представилось въ реально-осуществимомъ видѣ, я произвелъ измѣреніе ширины улицы до дворовъ со-сѣднихъ квартиръ; составилъ приблизительную смѣту предва-рительныхъ затратъ; вычислилъ время, необходимое для про-изводства работъ; словомъ, мысль окончательно окрѣпла и во-просъ стоялъ только за деньгами, — только за деньгами! Сколько этихъ „только“ стояло въ жизни! Фраза эта всегда мнѣ напоминаетъ письма одного пріятели: „Любезный другъ! — пишетъ онъ — дѣло о покупкѣ имѣнія почти состоялось, имѣ-ніе мнѣ очень понравилось, даетъ хороший доходъ и съ пре-миленкинымъ садикомъ вокругъ дома (пріѣзжай на новоселье); хозяинъ продаетъ съ дорогою душою; мы въ цѣнѣ сошлись, и остановка лишь за пустяками — у меня рѣшительно нѣтъ денегъ, и я не предвижу возможности гдѣ либо занять ихъ“. Вотъ эти то пустяки и тормозили мою предприимчивость въ тече-ніе почти пяти лѣтъ; конечно, были и осложняющія причины, и главная между ними — отсутствіе активной поддержки въ товарищахъ, охотнѣе тратившихъ текущія средства на массу иныхъ предпріятій.

Наконецъ, въ 1878 г., вернувшись съ Кавказа послѣ неудав-шейся тамъ попытки пріобрѣсти нелегальнымъ путемъ требу-емую сумму для осуществленія своей задачи, я уже начиналъ терять вѣру осуществить когда либо задуманное, тѣмъ болѣе, что результатъ годовой дѣятельности цѣлаго кружка „меркан-тилистовъ“ былъ все тотъ же ноль. Кружокъ этотъ состоялъ изъ десяти человѣкъ и назывался такъ потому, что въ средѣ его было поставлено прежде всего добыть средства, для изыс-канія которыхъ мы всѣ разѣхались по разнымъ городамъ. Какъ вдругъ въ Одессѣ я случайно встрѣтился съ Россиковой. Это былъ первый попавшійся мнѣ человѣкъ, у котораго оказа-

лось самостоятельно выработанное должное отношеніе къ денежному вопросу. Я съ удовольствіемъ узналъ, что денежная сила считалась важнымъ факторомъ революціонной организаціи, — необходимымъ средствомъ для созданія ея. Безъ этой встрѣчи мнѣ, вѣроятно, не скоро пришлось бы приступить къ дѣлу. Спустя два мѣсяца я получилъ отъ Россиковой предложеніе принять участіе въ нелегальномъ приобрѣтеніи средствъ для революціоннаго дѣла и къ великой радости узналъ, что предметомъ воздѣйствія будетъ служить именно херсонскій государственный банкъ*).

Изъ этого бѣглого очерка исторіи зарожденія во мнѣ, развитія и, такъ сказать, реализаціи банковской идеи видно, что въ послѣднемъ актѣ (реализаціи) я не являюсь инициаторомъ. Честь инициативы и здѣсь такъ же, какъ и починъ въ дѣлѣ террора, всецѣло принадлежитъ русской женщинѣ — и въ этомъ нельзя не сознаться, какъ оно ни странно съ точки зрѣнія установившихся отношеній радикаловъ къ радикальнымъ женщинамъ. Женщина-соціалистъ справедливо можетъ гордиться подобными знаменательными фактами, существующими какъ бы въ пику автору „Мыслей революціонера“.

Прибывъ въ Одессу 1 мая 1879 г. по приглашенію Россиковой, я засталъ въ наличности слѣдующіе ресурсы, съ которыми и надобно было приступить къ дѣлу: заготовлена приспособленная квартира въ Одессѣ, оборотнаго капитала было всего 800 руб. и составъ лицъ, долженствовавшихъ принимать непосредственное участіе, включая и меня, не превышалъ шести человѣкъ — больше не оказалось. Изъ нихъ трое мужчинъ и три женщины; сверхъ того имѣлось еще двое мужчинъ и одна женщина (въ запасъ на всякій случай). Въ этотъ наличный составъ входилъ и Алексѣй Клименко (онъ же Погорѣловъ), уголовный, бѣжавшій изъ арестантскихъ ротъ, проживавшій нелегально по фальшивому паспорту. Природный атеистъ и соціалистъ, слегка распропагандированный штундизмомъ, а потомъ черезъ штундистовъ познакомившійся съ радикалами, это былъ въ высшей степени человѣкъ поворотливый и одаренный недюжиннымъ умомъ; онъ былъ нуженъ, какъ практикъ, которому въ прошлой жизни не разъ приходилось брать товаръ изъ магазиновъ посредствомъ подкоповъ.

Я уже сказалъ, что имѣлась возможность располагать всего только 800 руб., т. е. недоставало до опредѣленной à priori суммы 2200 руб., да и тѣхъ еще не было полностью на рукахъ. А потому, сообразно съ этой цифрой и съ наличнымъ составомъ лицъ, планъ дѣйствій былъ таковъ:

1) занять ближайшую квартиру, изъ которой предназначалось вести подкопъ; расположиться тамъ самымъ семейнымъ

*) Авторъ дѣлаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи очевидную ошибку, употребляя слово «банкъ» вмѣсто казначейство.

домашнимъ образомъ, сообразно характеру внѣшняго вида квартиры;

2) буде свободной квартиры по близости не окажется, употребить всѣ возможныя легальныя и нелегальныя средства выжить жильцовъ наиболѣе удобной по внѣшнимъ признакамъ квартиры;

3) позаботиться объ устройствѣ надежнаго притона гдѣ нибудь по близости. Назначеніе его состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы временно скрыть добытую сумму на тотъ конецъ, если по ея обширности или почему либо другому ее нельзя будетъ сразу вывезти въ Одессу, гдѣ должна быть учреждена центральная агентура всей организациі въ видѣ какого либо торговаго учрежденія для большей замаскировки. Притонъ въ Херсонѣ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы въ немъ была возможность скрыться людямъ, которымъ нельзя будетъ благо- временно выѣхать въ Одессу.

Думать о заготовкѣ собственныхъ перевозочныхъ средствъ не только для вывоза изъ города, но даже для доставки съ театра дѣйствій на другую квартиру, было невозможно въ виду отсутствія денегъ.

Первый блинъ — да и комомъ! Перваго товарища изъ личнаго состава мы потеряли въ первый же день моего при- бытія въ Одессу. Это былъ офицеръ русской арміи, только что вернувшійся изъ-за Дуная съ георгіевскимъ крестомъ. Онъ на- ходился въ отпуску на излѣченіи, вслѣдствіе полученной кон- тузіи при взятіи Шипки. Онъ долженъ былъ устроить притонъ, такъ какъ для этого нуженъ былъ легальный человѣкъ — усло- віе, которому онъ вполнѣ удовлетворялъ. Кромѣ того, онъ во всякую минуту готовъ былъ пожертвовать своею легальностью для стоящаго дѣла. Такимъ образомъ, мы въ немъ понесли не- замѣнимую потерю. Это печальное событіе произошло такъ: явившись за мною въ Крымъ съ предложеніемъ отъ Россико- вой, онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ во время пути о крайне неудовлетворительномъ положеніи денежной стороны, а также, что ему заявлено другимъ кружкомъ о возможности съ нѣкоторымъ рискомъ нелегально приобрести 2000 руб.; за подробностями объ этомъ предложено обратиться въ квартиру Ф—а (Г.). Сумма, какъ разъ недостающая въ нашихъ рессур- сахъ, что и навело на такія соображенія: почему бы не приоб- щить этой суммы къ нашему дѣлу, въ виду большей обеспечен- ности его успѣха, совершивъ все, что нужно для этого, проѣз- домъ черезъ Одессу въ Херсонъ.

Сказано — сдѣлано. Не теряя времени, тотчасъ же съ паро- хода, бросивъ чемоданы въ квартирѣ офицера, отправились мы къ Ф—ву и наткнулись на засаду. Ф—въ былъ уже арестованъ, и насъ препроводили безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ уча- стокъ. Мнѣ удалось выкрутиться только благодаря тому, что товарищъ принялъ великодушно на себя какъ компрометирую-

щее знакомство съ Ф., такъ и всѣ предосудительныя вещи, обыскомъ обнаруженныя въ нашихъ чемоданахъ; тамъ были краски для волосъ, револьверъ, кинжалы, ядъ и проч. Въ то же время онъ искусно разыгралъ роль случайной встрѣчи со мной. Вечеромъ его препроводили куда слѣдуетъ, а меня выпустили, и я, конечно, постарался болѣе не встрѣчаться съ полиціей, такъ какъ на другой же день она спохватилась, догадавшись о своей оплошности, и подняла сыскную тревогу.

Такимъ образомъ, это была первая жертва безденежья, — нѣсколько позже мы всѣ стали его добычей. Кромѣ незамѣнимой стороны — надежнаго оффиціального положенія, мы лишились въ немъ одного изъ энергичныхъ и горячихъ сподвижниковъ дѣла; потеря его была для насъ столь существенно важна, что я немедленно принялъ рѣшеніе сдѣлать предварительно попытку изъять его изъ рукъ тюремщиковъ, съ каковою цѣлью долженъ былъ остаться на время въ Одессѣ и заняться организаціей освобожденія, а Россикова отправилась въ Херсонъ для обзора позиціи и, буде окажется свободная квартира, то немедленно дать задатокъ, чтобы не упустить ее. Такимъ образомъ, дѣло съ перваго раза осложнилось: пришлося комбинировать и людей, и средства на два предпріятія.

Предварительный осмотръ окрестностей банка (?) въ Херсонѣ привелъ къ открытію свободной квартиры, которая была удобна и въ то же время неудобна; удобство состояло въ стратегическомъ положеніи, хотя она и примыкала ко двору вице-губернатора Пашенко, лично знакомаго мнѣ и Россиковой, который и завѣдывалъ отдачей ея въ наймы черезъ посредство дворника, но это маленькое неудобство съ избыткомъ вознаграждалось близостью и удобствомъ веденія подземной мины; неудобство — въ томъ, что она состояла изъ восьми комнатъ, такъ что была для насъ слишкомъ велика и не по карману, требовала соотвѣтственныхъ затратъ для мебелировки и, вообще, приданія квартирѣ вида домовитости. Но выбора не было, и 5-го мая Россикова вручила задатокъ, нанявъ квартиру по подложному паспорту на имя какого то морского доктора, женою котораго заявила себя. Нанимая квартиру, она заявила дворнику, что находить квартиру не въ достаточно приличномъ видѣ и будетъ предварительно отдѣлывать ее на свой счетъ и по своему вкусу выкрасить потолки и стѣны, а также велить осмотрѣть и передѣлать печи.

Имѣя это въ виду, мы рѣшили немедленно начинать дѣло, тѣмъ болѣе, что проектъ освобожденія окончательно не выгорѣлъ, по крайней мѣрѣ, осложнился и затягивался на продолжительный срокъ. Итакъ, рѣшено было приступить къ дѣлу, предоставивъ одному изъ агентовъ (замѣчу въ скобкахъ женщину*) вести дальнѣйшія сношенія и переписку съ тюрьмою,

*) Е. Н. Южаковой.

такъ какъ, покончивъ съ банкомъ, можно будетъ, не стѣсняясь въ деньгахъ, повести атаку на острогъ и шире, и успѣвшиѣ.

Съ этой минуты всѣ наличныя силы стали стягиваться къ Херсону, а резервамъ въ то же время дано знать, чтобы они двинулись къ главному центру, въ Одессу, за полученіемъ дальнѣйшихъ указаній. Россикова отправилась въ Аккерманъ за Алексѣемъ, который явился въ Херсонъ подъ видомъ мастера, снявшаго подрядъ отдѣлки квартиры. Здѣсь вышла преуморительная сцена между Россиковой, Алексѣемъ и дворникомъ. Роли были выполнены артистически: Алексѣй заломилъ небывалую цѣну, предварительно обѣщавъ дворнику могоарычъ, чтобы онъ поддержалъ его, указывая, что барыня пребогатая и ничего не смыслить. Россикова само собою торговалась, какъ подбавить скупой старухѣ, а дворникъ, ведя свою линію, гнулъ въ сторону Алексѣя, стараясь показать въ то же время, что онъ соблюдаетъ интересы барыни. Послѣ окончательнаго соглашенія Алексѣй немедленно нанялъ рабочихъ и принялся малевать стѣны и ломать печи.

Такимъ образомъ, у насъ уже имѣлись двѣ квартиры: агента въ Одессѣ и квартира, предназначенная для подкупа. Надо было имѣть подъ рукою еще притонъ. Въ виду важности предполагаемаго факта, въ Херсонѣ слѣдовало ожидать самыхъ крайнихъ мѣръ для розыска, а потому болѣе безопаснымъ оказалось укрыть его въ другомъ городѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надо было имѣть его подъ рукою, ибо все значеніе притона заключалось въ томъ, чтобы въ случаѣ экстренной необходимости имѣть возможность быстро скрыться, такъ какъ, имѣя хоть восемь часовъ времени, возможно добраться до Одессы, т. е. обойтись безъ притона. Такимъ, удовлетворяющимъ обоимъ требованіямъ, мѣстомъ являлись Алешки. Съ одной стороны, они отстоятъ отъ Херсона всего на разстояніи полутора часовъ шлюпочнаго пути по Днѣпру, съ другой — можно было допустить, что тамъ розыски будутъ слабѣе, потому что весь его полицейскій штатъ не подвѣдомственъ Херсонскому Управленію, т. к. этотъ городъ принадлежитъ уже къ Таврической губерніи. Сверхъ того, между Херсономъ и Алешками съ ранняго утра до поздней ночи существуетъ непрерывное движеніе шаландъ и мелкихъ пароходиковъ и на обѣихъ пристаняхъ круглый годъ кипитъ кипитъ народъ, такъ что въ этой массѣ спящей публики легко замѣшаться и не быть замѣченнымъ. Но главное затрудненіе состояло въ легальномъ, внушающемъ довѣріе званіи, а между нами только и былъ одинъ легальный. Это — арестованный. Оставалось единственное средство — нанять квартиру для какого нибудь дѣйствительнаго семейства, которое не было бы посвящено въ тайну предпріятія, такъ чтобы оно служило дѣлу безъ вѣдома для себя.

Выборъ палъ на семейство одной изъ участницъ — Алексѣевой, и хотя было крайне неловко дѣлать участниками дѣла

и рисковать людьми безъ ихъ вѣдома, но того требовала серьезная важность предназначаемой функціи и было бы недобросовѣстно передъ дѣломъ не сдѣлать всего, что отъ насъ зависѣло въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что помѣщеніе денегъ въ притонѣ предполагалось только въ случаѣ невозможности вывезти ихъ въ Одессу. Такимъ образомъ, допускалась возможность не пускать притона въ дѣйствіе и, кромѣ того, скрытіе капитала являлось уже послѣднимъ актомъ предпріятія, и въ этомъ періодѣ дѣло имѣло гораздо менѣе шансовъ быть открытымъ, чѣмъ во время веденія подкопа, такъ что рискъ на долю посторонней семьи выпадалъ сравнительно малый. Наконецъ, буде дѣло прогоритъ, то слѣдствіемъ легко обнаружатся обстоятельства, доказывающія непричастность извѣстныхъ лицъ къ дѣлу и тѣмъ легче, чѣмъ они сами будутъ менѣе подозрѣвать свое участіе въ немъ.

Старушка Алексѣева проживала въ собственномъ хуторѣ одесскаго предмѣстья „Большой Фонтанъ“, въ 12 верстахъ отъ города; добиться ея согласія на наемъ квартиры въ Алешкахъ выпало на мою долю, какъ человѣку, хорошо знакомому въ семьѣ. Мать знала, что дочь ея Анна больна и лѣчится въ Крыму, а потому я явился къ ней, какъ будто бы только что изъ Крыма, и передалъ ей просьбу дочери нанять для нея квартиру въ Алешкахъ, куда она скоро пріѣдетъ, по совѣту докторовъ, лѣчиться купаньемъ въ имѣющихся тамъ іодистыхъ озерахъ; молодую же Алексѣеву предупредили, что дѣйствуемъ отъ ея имени, отправивъ спеціальнаго посла съ надлежащими инструкціями. Старушка была занята ремонтировкой своего хутора и раньше какъ черезъ мѣсяцъ не могла оставить работы, — срокъ слишкомъ долгій. Тогда я предупредительно предложилъ свои услуги, взявъ на себя хлопоты по найму и устройству квартиры въ Алешкахъ и мнѣ удалось получить для этой цѣли ея вдовій видъ на жительство съ обозначеніемъ проживающихъ при ней взрослыхъ сыновей и дочерей, а также обѣщаніе пріѣхать черезъ недѣлку погостить хоть на нѣсколько дней.

Заручившись этимъ драгоцѣннымъ для насъ документомъ и вернувшись съ нимъ въ агентуру, я ожидалъ распоряженій изъ Херсона отъ Россиковой. Занимаясь на досугѣ окончательнымъ приведеніемъ агентуры въ надлежащій видъ, я приобрѣталъ запасы самыхъ разнообразныхъ вещей, могущихъ понадобиться въ будущемъ.

Около половины мая Россикова вызвала меня, наконецъ, въ Херсонъ съ предупрежденіемъ обратить тщательное вниманіе на гримировку моей особы, такъ какъ пароходъ встрѣчается жандармомъ, проживавшимъ въ домѣ моего брата, гдѣ онъ имѣлъ возможность хорошо познакомиться со мной во время моихъ пріѣздовъ къ брату; сама она обѣщала, что встрѣтитъ меня на пристани. Это была весьма комическая встрѣча: я былъ

въ цилиндрѣ, синемъ *pinse-nez*, съ козлиной бородкой; щегольское пальто, перчатки и франтовской зонтикъ довершали маскарадъ. Меня встрѣтила не Россикова, а какая то сгорбленная старушка съ съдymi волосами; при этой мистификаціи мы, стараясь въ то же время избѣгать жандарма, до тѣхъ поръ безуспѣшно высматривали другъ друга, пока не столкнулись носами, и только тогда могли распознать другъ друга. Мы поняли, что сдѣлали ошибку, не заручившись условными знаками. Тутъ же у пристани стояла заготовленная лодка, въ которую мы и сѣли, чтобы отправиться въ Алешки, гдѣ помѣстились въ номерахъ постоялаго двора подъ именемъ матери и сына Алексѣевыхъ впредь до розысканія удобной квартиры. Мы имѣли въ виду пріучить алешковцевъ къ постепенному водворенію семейства Алексѣевыхъ. Россиковой въ то же время приходилось посѣщать работы Алексѣя въ Херсонской квартирѣ; тамъ она являлась богатой брюнеткой, женою доктора, а здѣсь съдою старушкою, моею матерью, бѣдной, но благородной вдовой. Такъ длилось болѣе недѣли. На мѣстѣ дѣйствій было всего трое: Россикова, Алексѣй и я; у каждаго была своя роль, а у Россиковой даже двѣ за неимѣніемъ необходимыхъ лицъ. Пріездъ остальныхъ ожидался со дня на день.

Положеніе дѣла было таково: въ Алешкахъ требовалось подыскать квартиру, дожидаться пріезда Алексѣевыхъ и, водворивъ ихъ окончательно, покончить съ притономъ. Въ Херсонѣ слѣдовало отдѣлать для жительства одну или двѣ комнаты въ виду того, что не хватало средствъ меблировать всю квартиру прилично званію; въ остальныхъ же передѣлку затянуть до окончанія подкопа. Россикова должна занять эти отдѣланныя комнаты и надзирать за работами въ остальныхъ къ пріезду семьи и мужа, которые, за неимѣніемъ надлежащаго персонала, до конца должны были остаться миѣческими. Подкопъ, въ виду такого положенія, слѣдовало вести возможно быстро, земля должна была скрываться дома, о вывозѣ ея нечего было и думать въ виду того, что во дворѣ были еще квартиры съ жильцами и въ него же выходили окна вице-губернаторскаго дома, да и дворникъ постоянно вертѣлся на глазахъ. Само собою разумѣется, что Россикова въ положеніи докторши не могла поселиться безъ горничной, роль которой должна была играть молоденькая жена Алексѣя съ груднымъ ребенкомъ. Присутствіе этого послѣдняго придавало нѣкоторый колоритъ семейственности. На горничной лежала въ будущемъ обязанность хожденія на базаръ, приготовленіе пиши работающимъ въ минѣ и на нее же возлагалась внѣшняя политика, состоящая въ сплетничаніи про свою барыню съ дворникомъ и съ прислугой другихъ жильцовъ двора. Ожиданія прибытія ея съ Алексѣевой задерживало наши дѣйствія и начинало сильно тревожить, такъ какъ Алексѣй выбивался изъ силъ, стараясь затянуть работу, что было трудновато, потому что въ отсутствіе Россиковой

дворникъ некстати добросовѣстно исполнять ея порученіе присматривать за работой.

Наконецъ, квартира для притона была найдена, мебель для него и для херсонской квартиры была куплена на ярмаркѣ и свезена на мѣсто; прибыла и горничная съ ребенкомъ, и Анна Алексѣева, немедленно пославшая письмо матери съ просьбою поскорѣе пріѣхать хоть на нѣсколько дней. Россикова переселилась въ Херсонъ, а Алексѣева поселилась со мною, уже подъ видомъ сестры въ квартирѣ нашего притона, сообщивъ новымъ хозяевамъ, что мать уѣхала на нѣсколько дней къ себѣ на хуторъ. Въ этой квартирѣ Россиковой не слѣдовало показываться, а мѣсто ея должна была занять уже настоящая мать, которую ожидали со дня на день, чтобы предоставить ей самой предъявить свой видъ въ полицію для прописки. Мы поджидали еще прибытія своихъ рабочихъ рукъ для подкопа, которыми можно было бы замѣнить наемныхъ штукатуровъ, но такъ какъ резервъ мужского персонала, къ сожалѣнію, не былъ такъ исправенъ, какъ женскій и не давалъ о себѣ никакой вѣсти, а время тянуть было уже положительно невозможно, такъ какъ работа въ квартирахъ началась и безъ того ужъ 15 мая, то 26 мая мы торжественно приступили къ специальной работѣ: прорѣзали двѣ доски пола въ углу маленькой кухни, выходящей фасадомъ прямо противъ денежнаго подвала, такъ что образовалось отверстіе аршина полтора длины и около трехъ четвертей ширины, затѣмъ начали рыть колодезь, который былъ углубленъ въ первый же день на четыре аршина. Съ этого времени я оставался нѣсколько дней безвыходно въ квартирѣ Россиковой, скрывая свое присутствіе отъ сосѣдей, и не появлялся въ въ Алешкахъ, чтобы прибывшая къ тому времени мать Алексѣевой не могла заявить, предъявляя паспортъ, о проживаніи у нея посторонней личности.

Первоначальная работа производилась только по ночамъ въ такомъ порядкѣ: Алексѣй работалъ въ колодезѣ, ссылая землю въ ведра, которыя Россикова вытаскивала въ прихожую и подавала мнѣ на веревку, спущенную съ чердака, имѣющаго люкъ въ прихожей; такимъ способомъ я и вытаскивалъ землю на чердакъ. Маша (жена Погорѣлова) находилась въ другой парадной половинѣ квартиры, присматривала за ребенкомъ и слѣдила за внѣшнимъ спокойствіемъ дома. Для большаго удобства на веревкахъ имѣлись желѣзные крючья, такъ что ведро, вынудое изъ колодца тотчасъ же снималось съ крючка, надѣвалось другое порожнее и опускалось обратно, потомъ въ ручную его переносили въ прихожую, гдѣ подвѣшивали на крючекъ второй веревки и т. д. Работа шла безостановочно и быстро.

Такъ какъ почва оказалась глинистая, то мина велась не треугольникомъ, а сводомъ, т. е. въ поперечномъ сѣченіи давала не треугольникъ, обращенный вершиной вверхъ, а имѣла видъ арки. Мина не превышала десяти вершковъ въ ширину

и около одного аршина въ вышину; слѣдовательно, надъ нами пмѣлся пластъ цѣлины въ три аршина. На день полъ тщательно вымывался, прорѣзь маскировалась кухоннымъ столомъ, имѣющимъ между ножками сплошную полку, на которомъ Маша располагалась рубить мясо, печь растапливалась, начиналась стряпня, и дворникъ свободно приходилъ любезничать съ молодой кухаркою; меня запирали въ темный чуланчикъ, а Алексѣй приступалъ къ официальной работѣ — окраскѣ потолоковъ. Россикова входила въ роль барыни. Когда боковая мина достаточно удлинилась, пришлось нѣсколько измѣнить образъ дѣйствій; въ минѣ уже требовалось присутствіе двухъ; землю высыпали на полъ прямо въ кухню, откуда время отъ времени приходилось, вылѣзая изъ мины, тѣмъ же лицамъ вытаскивать ее на чердакъ. Такимъ образомъ, въ рабочихъ рукахъ чувствовался недостатокъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, а подкрѣпленіе къ намъ ни откуда не приходило, несмотря на запросы, постоянно посылаемые въ агентуру. Поэтому пришлось выписать сверхштатную молоденькую радикалку, обладавшую хорошей мускульной силой (Терентьеву. Ред.). Работали день и ночь, чтобы ускорить окончаніе, такъ какъ денежные ресурсы истощались, да и положеніе становилось не совсѣмъ ловкимъ: мужъ съ остальнымъ семействомъ что то ужъ долго не прѣбывалъ. Старуха Алексѣева уже водворилась, и Анна днемъ приходила подъ видомъ гостыи помогать въ работѣ. Самая работа въ минѣ шла такъ: одинъ былъ впереди и велъ собственно мину при помощи копьеобразнаго рѣзца, складывалъ землю въ жестяной ящикъ съ гладкимъ дномъ, другой помѣщался въ самомъ колодцѣ и таскалъ ящикъ при помощи веревки вдоль мины, пересыпалъ землю въ ведра, которыя и вытаскивались женщинами наверхъ, затѣмъ порожній ящикъ оттягивался первымъ обратно за веревку, укрѣпленную къ другому его концу. Такъ какъ, вслѣдствіе недостатка воздуха, свѣчи стали гаснуть, то пришлось озаботиться проведеніемъ вентиляціонной трубы, рукавъ которой шелъ въ отдушину, проведенную въ уголь двора, гдѣ ее покрыли кадкой. Вообще, свѣчи могли горѣть только въ наклонномъ положеніи подъ угломъ въ 45 градусовъ, ихъ подвязывали къ ручкамъ вилокъ, которыя втыкали въ стѣну; желѣзная труба около двухъ вершковъ въ діаметрѣ составлялась изъ многихъ короткихъ колѣнъ, проходила по своду вдоль галереи и увеличивалась по мѣрѣ ея удлиненія. Въ этотъ періодъ всѣхъ обитателей квартиры было: двое насъ, мужчинъ, Россикова, горничная Маша и прибывшая барышня, сверхъ того, иногда приходила помогать Алексѣева. Итакъ, двое мужчинъ на четыре женщины, если принять во вниманіе, что и притонъ держали женщины, и въ Одесѣ главнымъ агентомъ оставалась опять таки женщина, то по всей справедливости это предпріятіе можетъ быть вполне названо женскимъ дѣломъ по тѣмъ ролямъ и степени участія, которое онѣ принимали въ немъ.

Инструментъ, употребляемый для опредѣленія направленія хода подъ землею, былъ столько же простъ, сколько остроумень. Онъ состоялъ изъ двухаршиннаго деревяннаго бруска, по срединѣ былъ вдолбленъ компасъ и уровень; ось послѣдняго совпадаетъ съ продольной осью бруска. Надо замѣтить, что стѣна квартиры, въ которой находилось окно, выходящее противъ кладовой, шла параллельно боковому фасаду погреба. Теперь, если изъ этого окна брускомъ, имѣющимъ насѣчку вмѣсто мушки, взять на прицѣлъ, какъ изъ ружья, направленіе, по которому надо вести мину и замѣтить уголъ отклоненія компасной стрѣлки отъ оси бруска, то, спустившись въ мину, стоитъ только привести брусокъ въ такое положеніе, чтобы получить замѣченный уголъ и тогда уже ясно, что направленіе его и будетъ именно то, по которому слѣдуетъ вести мину. О малѣйшемъ уклоненіи внизъ и вверхъ даетъ знать уровень, а длина всего прибора служитъ для измѣренія пройденнаго подъ землею пространства. Впрочемъ, этотъ инструментъ служилъ только для большей точности, существенной же надобности въ немъ не было, такъ какъ направленіе мины достаточно опредѣлялось направленіемъ стѣны. Всѣ требуемая принадлежности, какъ то: инструменты, приборы, парики, краски для гримировки, оружіе, паспорта на разныя имена и т. д. доставлялись по мѣрѣ надобности изъ главной агентуры, гдѣ заранѣе было заготовлено все, что было необходимо; туда же стекались, какъ въ резервуаръ, деньги, по мелочамъ добываемыя агентами.

Итакъ, все пока шло, какъ по маслу, если не считать того обстоятельства, что вытребованный мужской резервъ не являлся къ намъ на подмогу.

Еще въ началѣ работъ въ одномъ мѣстѣ обнаружилась тронутая земля (т. е. не пѣлина); вѣроятно, въ этомъ мѣстѣ была вырыта когда то глубокая яма, которую впоследствии зарыли. Изъ опасенія обвала пришлось обойти это мѣсто влѣво; такимъ образомъ, мина получила искривленіе, а потому ящикъ съ землей, двигавшійся по прямому направленію, не могъ по прежнему двигаться; онъ постоянно упирался въ образовавшуюся выпуклость съ правой стороны мины и его надо было отводить каждый разъ; для этого устроили слѣва небольшое углубленіе, куда посадили еще одного человѣка. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельстве, чтобы показать, насколько мы нуждались въ рабочихъ. Дня за два или за три до окончанія мины у меня обнаружился сильный пароксизмъ лихорадки, которую я привезъ съ собою съ Кавказа и которую усилила сырая атмосфера мины. Я лежалъ въ бреду, работа приостановилась. Тогда Россикова рѣшилась ввести новую личность, человѣка непосвященнаго въ наше предпріятіе, но съ которымъ она раньше вела кой какіе переговоры. Это былъ Николай Франколи. Такъ какъ еще во время моего управленія заводомъ Банова онъ высказывалъ мысль о возможности подобнаго предпріятія, то можно было ожидать,

что онъ не уклонится отъ участія въ пемъ. Вечеромъ Россикова отправилась къ Франжолли и привела его съ собою. Онъ проработалъ ночь, занявъ мое мѣсто, и обѣщалъ придти на другой день, но больше не являлся по неизвѣстнымъ причинамъ и, какъ оказалось впоследствии, независѣвшимъ отъ него: ему помѣшало административное вмѣшательство.

Въ пятницу утромъ Погорѣловъ, работавшій все время впереди, заявилъ, что съ часу на часъ можно ожидать появленія „манifestа“; вечеромъ онъ возвѣстилъ изъ передняго конца галлерей: „вышелъ манифестъ!“ Я передалъ дамамъ это радостное извѣстiе, означавшее, что показалась передняя стѣна погреба. Однако, разобрать стѣну оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ мы предполагали. Она была сложена изъ громадныхъ камней, величина которыхъ превышала значительно ширину и высоту мины, такъ что вытащить ихъ не было возможности и пришлось вырыть здѣсь же у стѣны глубокую яму, въ которую ихъ и сваливали. Это заняло значительную часть времени; кладка оказалась известковой, а известъ, какъ извѣстно, весьма крѣпко связываетъ камни. Они съ трудомъ подавались дѣйствию лома. Удивляюсь, какъ Алексѣй не зналъ полезнаго въ данномъ случаѣ примѣненія укуса. Толщина стѣны оказалась около двухъ съ половиной аршинъ. Эту длину имѣлъ туннель, образовавшійся послѣ разборки стѣны; ночь, день и слѣдующая ночь прошли въ этой разборкѣ. Наконецъ, въ ночь съ субботы на воскресенье (съ 2 на 3 июня) проломъ былъ оконченъ; образовалось маленькое сквозное отверстiе, черезъ которое можно было просунуть руку въ кладовую. Продолжать далѣе работу было опасно; среди ночной тишины шумъ могъ быть слышанъ часовыми черезъ небольшiя окна, находившiяся въ уровень съ землекъ, да и свѣтъ бросился бы въ глаза, а впотьмахъ трудно ориентироваться въ незнакомомъ мѣстѣ, а потому мы рѣшили ожидать утренняго разсвѣта, когда уличное движенiе будетъ заглушать стукъ нашей работы. Въ эту ночь явился, наконецъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы такъ давно ждали*). Работа была окончена, оставалось подумать объ отступленiи. Вновь прибывшiй не принялъ участiя въ этомъ послѣднемъ актѣ и, проработавъ нѣсколько часовъ, ушелъ и больше не являлся. Что заставило его поступить такимъ образомъ? Причину надо искать въ новизнѣ дѣла и въ шаткости его нравственнаго значенiя. Я зналъ этого человѣка по многимъ дѣламъ: онъ дѣятеленъ, неустрашимъ и очень практиченъ и самъ признавалъ необходимость такого предпрiятiя. Въ чемъ же дѣло? При сговорѣ, давая слово явиться по требованiю, онъ не ожидалъ, не вѣрилъ, не допускалъ возможности успѣха и мало придавалъ значенiя замышлявшемуся; отсюда его легкое отношенiе къ этому дѣлу.

*) Авторъ говоритъ о М. Ф. Фроленко; мы не выпускаемъ этого мѣста къ воспоминанiямъ Куржовскаго, не вѣрно оцѣнивающаго событiя; — ниже мы помѣщаемъ комментарий Фроленко.

Будучи связанъ словомъ въ этомъ предпріятіи, онъ вступилъ въ другое, въ которое и вложилъ уже часть своей души, а потому, получивъ призывъ, онъ и явился нехотя, — ему казалось, что главное мѣсто тамъ, а не здѣсь. Благодаря своей необыкновенной практичности, онъ сразу увидѣлъ и указалъ намъ, что у насъ совершенно не заготовлены пути къ отступленію и, дѣйствительно, это была слабая наша сторона; но вмѣсто того, чтобы помочь намъ устранить этотъ недостатокъ, онъ разсудилъ, что не можетъ взять на себя много риска, такъ какъ у него на рукахъ другое дѣло; этого не случилось бы, если бы съ самаго начала (т. е. при сговорѣ) у него было болѣе искреннее отношеніе къ нашему предпріятію. Привожу этотъ фактъ въ видѣ иллюстраціи страннаго и, если можно такъ выразиться, пассивнаго сочувствія, съ какимъ относились къ предпріятіямъ этого рода даже нѣкоторые изъ выдающихся представителей нашего радикализма.

Дѣйствительно, пора было подумать объ отступленіи. Мы рѣшили отправить съ утреннимъ пароходомъ лишній народъ, а именно Машу съ ребенкомъ и „пріѣзжую барышню“. Россикова, я и Погорѣловъ должны были остаться въ квартирѣ и принять на себя обязанность спрятать добытыя деньги въ безопасныя мѣста.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось слышать недоумѣвающіе вопросы, почему деньги не были тогда же отправлены съ уѣзжавшими въ Одессу? Вотъ почему: наблюдая за жизнью во дворѣ казначейства, мы видѣли, что ежедневно около 11 часовъ утра коммиссія, состоявшая изъ казначея и еще нѣсколькихъ чиновниковъ, спускается въ кладовую, какъ бы производя ревизію и затѣмъ выноситъ въ небольшихъ сундучкахъ деньги, очевидно, для ежедневныхъ расходовъ. По воскресеньямъ присутствіе въ казначействѣ закрыто, но бываетъ ли по воскресеньямъ провѣрка печатей на сундукахъ въ кладовой, — мы не имѣли времени узнать. Дѣло было въ воскресенье на разсвѣтѣ, пароходъ отходилъ въ 7 час. утра; если допустить возможность воскресной провѣрки, то она должна явиться въ 11 час. утра, а такъ какъ пароходъ находится въ пути около 8 часовъ, то въ Одессу онъ приходитъ около 8 час., значитъ тревога произойдетъ въ то время, когда онъ еще будетъ въ пути; телеграмма въ Одессѣ получится ранѣе его прибытія и, слѣдовательно, наши влопаются, если возьмутъ деньги съ собою.

Въ силу такихъ соображеній рѣшено было денегъ съ пароходомъ не отсылать.

Въ пятомъ часу утра, предоставивъ кому слѣдуетъ сваржаться въ путь, мы съ Погорѣловымъ спустились въ мину. Россикова осталась сигнальщикомъ у окна, выходящимъ во дворъ казначейства, прямо противъ часового. Мы, имѣя въ рукахъ по свѣчѣ, проползли на брюхѣ все протяженіе мины (около 8-ми саженой) вплоть до стѣны погреба, расширили от-

верстие настолько, чтобы можно было пролѣзть человѣку, отваливъ для этого нѣсколько камней; вслѣдствіе этого образовался такой сильный сквознякъ, что наши свѣчи погасли. Первый полѣзъ Алексѣй, подвигаясь ощупью. Вначалѣ мы никакъ не могли сообразить, куда мы попали. Всунувъ головы и руки въ образовавшееся отверстие, каждый изъ насъ попеременно ощупывалъ вверху надъ головой, не выше полутора фута, какой-то досчатый потолокъ, и внизу холодный каменный полъ. Проникнувъ въ отверстие стѣны, мы должны были еще нѣкоторое время ползти въ этой низкой непонятной щели. Оказалось, что проломъ находился какъ разъ подъ громаднымъ шкафомъ, стоящимъ на высокихъ ножкахъ. Въ погребѣ былъ полумракъ, не позволявшій разглядѣть предметы, и мы рискнули зажечь спичку; послѣ этого намъ представилось обширное помещеніе, полъ и стѣны котораго выложены каменными плитами въ квадратный аршинъ, посреди столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, вокругъ нѣсколько полукресель какого-то старомоднаго фасона, по стѣнамъ шкафы съ бумагами и только...

Странное чувство овладѣло мною въ этомъ непривычномъ положеніи, среди этой странной обстановки; мы въ пестрыхъ нагѣльных рубахахъ, портахъ и чулкахъ; рядомъ со мною — воръ по ремеслу, который становился моимъ руководителемъ; необходимость обшаривать чужіе шкафы, съ цѣлью отыскать деньги, — какъ хотите, положеніе странное! Право, до тѣхъ поръ мнѣ никогда не приходилось хозяйничать въ чужомъ имуществѣ.

Я, какъ и всѣ, допускалъ подобное положеніе лишь абстрактно, въ теоріи, и вотъ это абстрактное стало конкретнымъ. Все это возбудило во мнѣ не то, чтобы неловкость, — я слишкомъ былъ увѣренъ въ своемъ правѣ, а просто ощущалась какая-то несообразность, несоотвѣтственность положенія. Между прочимъ, Погорѣловъ быстрой привычной рукой рылся въ шкафахъ, безъ церемоніи срывая печати и разбрасывая ихъ по полу. Онъ принесъ мнѣ цѣлую кипу бумагъ; это оказались бланки, свидѣтельства о военной повинности, розовые, бѣлые бланки крестьянскихъ паспортовъ, дворянскія свидѣтельства, различные патенты на право торговли въ кабакахъ, гильдейскія свидѣтельства и т. п. Я отложилъ по пачкѣ всѣхъ этихъ бумагъ, не исключая патентовъ о торговлѣ въ кабакахъ, — пригодятся, дескать, для нашихъ будущихъ притоновъ. Однако, денегъ нигдѣ не было. Тутъ только мы замѣтили въ стѣнѣ небольшую, сплошь окованную желѣзомъ дверь, съ громаднымъ висячимъ замкомъ.

Мнѣ всегда было непонятно, какъ воры ухитряются безъ шума ломать замки. Теперь я это понимаю; дѣло довольно просто: заложивъ небольшой ломикъ въ душку замка, мы обернули натуго этотъ конецъ лома, вмѣстѣ съ замкомъ, тряпкою, и дѣйствовали рычагомъ. Полонка происходитъ безъ шума.

Въ данномъ случаѣ замокъ былъ необыкновененъ по величинѣ и не подавался. „Ладно“, пошутили Погорѣловъ: „за взломъ замка судятъ строже, нехай же замокъ остается цѣлымъ, а мы сорвемъ дверь съ петель“. Однако, и петли оказались такъ крѣпки, что мы ничего не могли подѣлать. „Близокъ локоть, да не укусишь“, ворчалъ Алексѣй, тщетно работая ломомъ. То неожиданное обстоятельство, что погребъ оказался состоящимъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ такой прочной дверью, отняло у насъ два часа лишняго времени, пока удалось, наконецъ, при помощи лома разорвать желѣзную клямку. Дверь эта скрывала за собой такую же комнату, пѣскольно темнѣе и меньше. На полу стояло штукъ двадцать маленькихъ кованыхъ ручныхъ сундуковъ, похожихъ на тѣ, которые ежедневно выносили по утрамъ, кучи небольшихъ мѣшковъ съ мѣдной монетой новой чеканки и три большихъ деревянныхъ сундука, величиной съ обыкновенный столъ, только цемного ниже и шире; каждый изъ нихъ былъ запечатанъ и замкнутъ двойнымъ замкомъ — висячимъ и внутреннимъ. Сундуки были простые, деревянные окованные желѣзными полосами; отсутствіе несгораемой кассы насъ удивило. Что содержать въ себѣ эти сундуки — деньги или тоже бумаги? Съ трудомъ вѣрилось, чтобы большія суммы хранились не въ желѣзныхъ кассахъ.

Свернувъ замки перваго большого сундука, мы подняли крышку. Онъ былъ буквально набитъ пачками аккуратно сложенныхъ кредитокъ всѣхъ цвѣтовъ; синія, красныя, радужныя, каждая пачка представляла собою какъ бы колоду картъ и была оклеена узкой бандеролью съ обозначеніемъ суммъ такой формулой: $1000 \times 10 = 10000$, что означало тысяча штукъ десятирублевыхъ составляютъ десять тысячъ. Вскрыли второй сундукъ — оказалось то же самое. Увидя, что мы едва имѣли возможность опорожнить эти два, мы открыли третій только для того, чтобы посмотреть, нѣтъ ли тамъ золота, его не оказалось — тѣ же бумажки! Болѣе изъ любопытства, чѣмъ по надобности, я отбилъ замокъ у одного маленькаго сундучка. Это оказались земскія суммы, непосредственно выжатая изъ крестьянскаго пота, грязныя, потертыя, засаленныя, онѣ рѣзко отличались отъ новыхъ или почти новыхъ денегъ государственнаго банка, находящихся въ большихъ сундукахъ. Ихъ мы не захотѣли трогать и не взяли изъ этого сундука ни одного рубля. Въ большихъ сундукахъ, какъ потомъ оказалось, были деньги исключительно государственнаго банка, находившіяся на храненіи въ кладовой казначейства. Набивши пазухи депозитками, мы отправились черезъ минуту обратно, чтобы подѣлиться впечатлѣніями и узнать много ли намъ остается времени до 11 часовъ, т. е. до часа ежедневныхъ ревизій.

Убѣжавшія уже одѣвали бурнусы и торопились, такъ какъ было уже безъ четверти семь, и до отхода парохода оставалось только

четверть часа. Намъ тоже нельзя было мѣшкать, такъ какъ по нашимъ расчетамъ выгрузка и переносъ черезъ мину, хотя бы того, что заключалось только въ двухъ сундукахъ, должны были занять часа два, если не больше, и, сверхъ того, нужно было вынести ихъ изъ квартиры. Поэтому, не вылѣзая изъ квартиры, мы сообщили, какая прорва денегъ оказалось въ казначействѣ, высыпали изъ-за пазухи въ опущенное намъ ведро ваяты деньги, и, хотя было рѣшено съ пароходомъ ихъ не отправлять, мы все-таки посоветовали отъѣзжавшимъ захватить хоть по одной пачкѣ на всякій случай и положить ее за пазуху, чтобы, въ случаѣ обыска на пароходѣ, можно было незамѣтно выбросить за бортъ. Онѣ захватили только одну пачку и, къ сожалѣнію, имъ второпяхъ попалась пачка десятирублевыхъ бумажекъ. Если бы онѣ взяли пачку сторублевыхъ, то спасено было бы сто тысячъ, а не десять. Я упоминаю о тѣхъ десяти тысячахъ, которыя остались не разысканными, и которыя — о, судьба! — цѣликомъ пошли на подготовку царскаго взрыва.

Но возвратимся снова хозяйничать въ казначействѣ. При выгрузкѣ сундуковъ мы производили сортировку, стараясь отобрать только пачки съ самыми крупными ассигнаціями; заключающія рублевая, трехрублевая и зачастую даже пятирублевая бросали на полъ, какъ лишній хламъ, способный породить лишь затрудненія. Затѣмъ отобранныя кучи валили черезъ проломъ въ мину, пока не наполнили ее до верху; тогда одинъ изъ насъ пробирался съ величайшимъ трудомъ сквозь эту денежную насыпь къ колодцу, а другой, оставшійся на мѣстѣ, нагружалъ деньгами тотъ самый ящикъ, которымъ прежде мы возили землю; такимъ образомъ при помощи этого ящика и ведра деньги доставлялись въ кухню совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и земля. Въ продолженіе этого въ высшей степени оригинальнаго препровожденія времени Россикова нѣсколько разъ кричала намъ: „Довольно, господа! вылѣзайте!“ Но ей хорошо было говорить — она видѣла только ту массу, которую мы ей препровождали, и не видѣла, сколько еще нашего добра приходилось оставлять во вражскомъ станѣ, куда мы проникли съ такой опасностью. Однако, и я началъ соображать, что мы потеряли уже очень много времени, — вѣдь надо еще успѣть очистить квартиру до 11-ти часовъ. Я подѣлился этими соображеніями съ товарищемъ.

— Эхъ! то богата еще, покинуты треба; ну та де наше не пропало! Нехай еще останется имъ для расхода, щобъ було чимъ насъ памянути!

Мы выгрузили всего только половину сундука, правда, отобравъ самыя крупныя бумажки. Трудно представить себѣ, что изображала кухня, когда мы, вылѣзши изъ мины, вошли въ нее. Эта маленькая комната сплошь была завалена деньгами, въ которыхъ Россикова въ своемъ темномъ платьѣ буквально утопала до пояса. Мы рѣшительно недоумѣвали, что намъ дѣлать

съ этой массой денегъ, какъ ихъ брать и нести. Раньше мы думали взятыя деньги завязать въ узелъ и взять подъ мышку, но ихъ оказалось столько, что и на плечахъ не вынесешь. Наскоро составили военный совѣтъ. Всѣмъ стало очевидно, что держать такую массу денегъ въ одномъ мѣстѣ положительно безрасудно, и что надо разбить ихъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ партіи, такъ что, если пропадетъ одна, то, по крайней мѣрѣ, другая половина будетъ спасена. Тогда Алексѣй заявилъ, что недалеко отъ города, на Чернобаевскихъ хуторахъ, у него есть надежный человѣкъ, который, вѣроятно, теперь на базарѣ съ своей подводой и съ которымъ онъ не разъ прежде имѣлъ дѣла. Онъ не откажется и теперь укрыть насъ съ деньгами. Получивши отъ насъ согласіе, Погорѣловъ тотчасъ же переодѣлся и побѣжалъ разыскивать знакомого, а мы съ Россиковой занялись счетомъ денегъ, чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ ихъ количествѣ, но намъ никакъ не удавалось насчитать болѣе милліона; обыкновенно мы сбивались и начинали снова; однако, удалось опредѣлить, что ихъ гораздо болѣе милліона. Наконецъ, это занятіе намъ такъ надоѣло, что мы рѣшились бросить его и забрать деньги, какъ есть, безъ счету. Подъ руку попалась большая корзина, въ которой прачки обыкновенно носятъ бѣлье. Эту корзину я набилъ самыми крупными пачками, преимущественно сотенными, четвертными и десятирублевыми бумажками. Остальными деньгами насыпали два старыхъ, дырявыхъ мѣшка изъ-подъ угля, болѣе подходящихъ предметомъ не оказалось. Эти мѣшки были обыкновенные полчетвертные, т. е. насыпанный зерномъ каждый вѣсилъ отъ 5 до 6 пудовъ.

Наконецъ, прибылъ Алексѣй съ своимъ знакомымъ хохломъ и наскоро условился съ Россиковой, въ какомъ трактирѣ на базарѣ будетъ ее ожидать, чтобы отправиться вмѣстѣ на хуторъ, такъ какъ она находила болѣе удобнымъ скрываться на хуторахъ, чѣмъ со мною въ Алешкахъ. Взваливъ на плечи мѣшки, они ихъ вынесли на ожидавшую у воротъ подводку и отправились. Я остался, чтобы забрать остальные деньги, а Россикова, чтобы привести въ порядокъ квартиру, сжечь все компрометирующее и выйти послѣдней, замкнувъ квартиру снаружи. На полу валялись еще разбросанныя пачки; я завернулъ ихъ въ одѣяло, что составило, помимо корзины, особый тюкъ, вѣсомъ фунтовъ въ 35. Тщательно переодѣвшись, я отправился за фаэтономъ. Извозчика, само собою, взялъ изъ дальнихъ кварталовъ; вынесъ на него свой тюкъ и корзину, прикрытую чернымъ женскимъ платкомъ, и приказалъ ѣхать на рынокъ, гдѣ купилъ 12 фунтовъ вишенъ, которыми присыпалъ сверху корзину, перемѣнилъ извозчика, потомъ заѣхалъ въ большой бакалейный магазинъ, чтобы имѣть возможность еще разъ перемѣнить извозчика, и тогда только отправился на пристань. Въ Херсонѣ всегда собирается на пристани нѣсколько небогатыхъ

обывателей, ожидающихъ пока наберется полный комплектъ на шаланду — тогда каждому придется менѣе платить за перевозъ, или же, когда кто-нибудь побогаче не заявитъ, что платить самъ за всѣ недостающія мѣста.

Когда я вошелъ въ шаланду, за мной сейчасъ же вскочила какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ, я поторопился приказать лодочнику отвѣливать. Цѣлую дорогу этотъ ребенокъ былъ предметомъ моихъ неусыпныхъ попеченій. Какъ только мать забывается, онъ тотчасъ запускалъ рученку въ мои вишни, что каждый разъ заставляло меня предупредительно подносить ему горсть — изъ опасенія, чтобы онъ, роясь въ корзинѣ, не обнаружилъ того, что скрывалось подъ тонкимъ слоемъ ягодъ, а это, въ свою очередь, заставляло мать съ искреннимъ чувствомъ благодарить меня за вниманіе, оказываемое ея ребенку, и именно въ то время, когда я, не менѣе искренно, желалъ ей вмѣстѣ съ ея ребенкомъ провалиться ко всѣмъ чертямъ.

Было сказано выше, что проломъ былъ оконченъ къ 8-му юня. Прислужено же къ работѣ 26 мая. Итакъ, вся работа была сдѣлана въ 8 дней, а такъ какъ разстояніе между нашей квартирой и кладовой казначейства было около 8-ми сажень, то каждыя сутки мы вырывали среднимъ числомъ 1 сажень, работая днемъ и ночью; впрочемъ, сюда же нужно отнести $4\frac{1}{2}$ аршина колодца и $2\frac{1}{2}$ аршина каменной стѣны, такъ что, собственно говоря, за это время вырыто около 10 сажень.

Въ Алешкахъ извозчицью биржу составляютъ всего двѣ допотопныхъ одноконки, управляемая восьмилѣтними мальчуганами. Я сунулъ подскочившему возницѣ свой токъ и, взявъ корзину въ руки, усѣлся въ дрожки. Мальчикъ уже зналъ, гдѣ я живу, хотя мнѣ никогда до этого времени не приходилось ѣздить съ нимъ. Дома меня встрѣтила только молодая Алексѣева, старуху мы къ тому времени отправили въ Одессу. Въ виду предосторожности на случай обыска надо было закопать привезенныя деньги; полъ въ занимаемомъ нами домикѣ былъ глиняный. Погорѣловъ, осматривая раньше помѣщеніе, совѣтовалъ выкопать яму для этой цѣли подъ печкой. Я не находилъ этого мѣста самымъ удобнымъ и безопаснымъ, а, главное, не хотѣлось, чтобы, кромѣ меня, кто-либо вообще зналъ, гдѣ спрятаны деньги, такъ какъ тогда ключъ къ отысканію ихъ былъ бы въ рукахъ не одного, а двухъ, т. е. было бы вдвое болѣе шансовъ къ отысканію ихъ.

Домикъ былъ окруженъ большой пустошью, сплошь заросшей густымъ бурьяномъ вышиною въ поясъ. Дождавшись ночи и пересыпавъ деньги въ два крѣпкихъ холщевыхъ мѣшка, я запасся большимъ ножемъ, и съ этой ношей прокрался бурьянами къ серединѣ пустоши; здѣсь вырѣзалъ ножомъ часть верхняго слоя земли, такъ что вынулъ кустъ вмѣстѣ съ землей, не повредивъ корня; потомъ тѣмъ же ножомъ, лежа на землѣ, сталъ рыть яму. Заступомъ работать было не-

удобно, такъ какъ сосѣди, спящіе подъ досчатымъ заборомъ своихъ огородовъ, легко могли бы услышать шумъ. Яма была углублена на столько, на сколько позволяла сдѣлать это рука, опущенная въ нее вплоть до плеча, т. е. на полтора аршина; потому яма принимала боковое направленіе въ видѣ маленькой мины, чтобы деньги были лучше защищены отъ дождя цѣльной, которая, разумѣется, должна меньше пропускать воду чѣмъ разрыхленная земля. Закопавъ такимъ образомъ свои мѣшки, я снова вставилъ кустъ на свое мѣсто и полилъ землю водой. Никакихъ признаковъ произведенной работы не осталось — трава росла на своемъ мѣстѣ. Мнѣ казалось, что рыски зарытыхъ денегъ могли быть произведены только при помощи плуга, которымъ надо было бы вскопать всю пустошь, но такъ какъ ни одинъ плугъ не захватываетъ на такую глубину, на какой были зарыты мѣшки, то съ этой стороны я считалъ себя вполне обезпеченнымъ. Такъ какъ уѣхавшія женщины имѣли порученіе немедленно прислать въ Алешки второго резервнаго радикала, о которомъ первый, упоминавшійся выше, сообщилъ, что онъ находится въ Одессѣ, то мнѣ оставалось только ожидать его прибытія; онъ долженъ былъ зайти въ одинъ изъ слѣдующихъ вечеровъ, забрать деньги и тотчасъ же отправиться назадъ, стараясь сдѣлать свой визитъ по возможности конспиративнѣе. Однако, прошли уже четыре дня, а никто не являлся. Между тѣмъ, на базарѣ, въ лавкахъ, на улицахъ, всюду только и говорили о чудесномъ исчезновеніи денегъ изъ казначейства. Я выслушивалъ, удивлялся, развдидъ руками наравнѣ съ другими.

Я сильно надѣялся на легальность своего притона и быть убѣжденъ, что подозрѣніе не падеть на мою квартиру, если только въ нашемъ поведеніи не будетъ ничего страннаго. Такимъ страннымъ, на примѣръ, могъ показаться мой отъѣздъ, такъ какъ мать Алексѣевой уже и безъ того отсутствовала, и, слѣдовательно, изъ цѣлой семьи осталась бы одна моя фиктивная сестра; все это заставило меня оставаться въ Алешкахъ. Въ маленькихъ городкахъ сосѣди постоянно имѣютъ другъ друга на глазахъ, и отсутствіе одного изъ нихъ не можетъ остаться незамѣченнымъ.

Всѣмъ вышеизложеннымъ исчерпывается цѣль моей статьи, но я приведу еще одну картинку моего бѣгства изъ Алешекъ, какъ выразился прокуроръ, или самовольнаго исчезновенія изъ города Алешекъ, какъ назвалъ я его въ своемъ показаніи. Привожу этотъ фактъ, во-первыхъ, потому, что онъ самъ по себѣ интересенъ, а во-вторыхъ, — и это главное, — чтобы объяснить поведеніе Маловички, такъ какъ многіе несправедливо подозрѣваютъ, что онъ былъ подкупленъ мною. Итакъ, возвращаюсь къ разсказу, въ его хронологической послѣдовательности.

На пятый день на горизонтѣ нашей безмятежной жизни

появилась темная туча въ лицѣ исправника Маловички“, — такъ диктовалъ я свое показаніе, сидя за чашкой кофе въ уютной гостиной курскаго жандармскаго полковника. Вотъ какъ это было: около четырехъ съ половиною часовъ утра Алексѣева разбудила меня словами: „вставай, тебя пришли арестовать, тамъ за дверьми стоитъ исправникъ съ квартальнымъ и проситъ, чтобы ты вышелъ на одну минуту, а за со-сѣднымъ заборомъ, я сама это видѣла, спрятаны солдаты съ ружьями.“ Я наскоро одѣлся, сунулъ кинжалъ за поясъ, на всякій случай, такъ какъ самъ еще не зналъ, что придется дѣ-лать. Перешагнувъ порогъ, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ полнымъ брюнетомъ средняго роста.

— Исправникъ Маловичка — отрекомендовался онъ нѣ-скольکو официальному тономъ.

— Очень пріятно, — не угодно ли зайти въ комнату, при-гласилъ я и, когда онъ вошелъ, я продолжалъ! — тѣсно вато здѣсь и безпорядокъ, не взыщите: такой ранній визитъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста!

Мы сѣли къ столу.

— Могу ли освѣдомиться, чему я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ у себя, г. исправникъ?

— Мм... видите ли... Вы, вѣроятно, слышали о томъ, что въ Херсонѣ украдены деньги изъ казначейства?

— Какъ не слышать, весь городъ объ этомъ только и тол-куетъ, но... я все-таки не понимаю, какое отношеніе это имѣ-етъ къ вашему визиту. Сказавъ это, я прибавилъ про себя: ну коли такъ начинаешь, то дѣло еще не совсѣмъ пропащее.

— Вы, пожалуйста, извините... въ такихъ случаяхъ поли-ція хватается за первый признакъ... Дѣло въ томъ, что часть денегъ и нѣкоторые участники отысканы; они указываютъ, что остальные деньги пошли на Алешки, хотя путаются въ своихъ показаніяхъ и указываютъ также и на Николаевъ, говорятъ, что тутъ замѣшаны социалисты... Вы, конечно, не откажетесь помочь намъ въ розыскахъ...

— Съ удовольствіемъ... что могу; въ такихъ случаяхъ обязанность каждаго честнаго человѣка...

— Скажите, пожалуйста, не были вы въ воскресенье въ Херсонѣ?

— Былъ, — отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на него удивленно въ упоръ.

— Гдѣ именно вы провели время?

— Я отправился туда въ субботу и ночевалъ у своего брата.

— Не припомните ли вы, въ которомъ часу вы вернулись въ воскресенье?

— Это было около 11-ти часовъ дня, — катнулъ я напрямки, такъ какъ не оставалось сомнѣнія, что обстоятельства моего прибытія въ Алешки извѣстны до мельчайшихъ подробностей.

— Странно... время какъ разъ совпадаетъ, — проговорилъ

онъ какъ бы про себя, — не привезли ли чего-нибудь съ собою?

— Я купилъ тамъ вишенъ для варенья и привезъ ихъ съ собою.

— Вотъ видите-ли — „вишни“! Лицо его выразило удивленіе.

— Скажите, — началъ онъ поспѣшно, — въ чемъ вы везете ихъ?

— Въ большой корзинѣ, — рубилъ я, заранѣе предугадывая впечатлѣніе, которое должны произвести мои слова на собесѣдника, — были и другія кое-какія покупки: мыло, сахаръ и пріпоминаю всего.

— Ахъ, позвольте, пожалуйста... Эта корзина здѣсь? Я могу ее видѣть?

Онъ обвелъ глазами маленькую комнату.

— Разумѣется, она въ чуланѣ. Вотъ что касается до вишенъ, то ихъ уже не существуетъ, такъ какъ сестра сварилъ изъ нихъ варенье, которое я могу рекомендовать вашему вниманию. Люта, угости-ка насъ своимъ вареньемъ! — обратился я къ Алексѣевой.

— Благодарю! Знаете-ли, эта корзина и надѣлала всю кутерьму: извѣстно, что въ корзинѣ провезены деньги... И... я... право въ затрудненіи...

— А... теперь я понимаю вашу визитъ. Такъ вотъ что

Въ это время Алексѣева поставила на столъ большой сундукъ съ вареньемъ.

— Значитъ мои вишни смутили полицію, — снова началъ я. Ну такъ мы вотъ что сдѣлаемъ, г. исправникъ, улыбнулся я, поѣдимъ эти вишни и напишемъ протоколъ, что вишни эти уже уничтожены, и пусть онъ больше уже никого не смущаютъ.

Я подставилъ ему сундукъ и налилъ изъ бутылки въ стоявшіе на столѣ два стакана краснаго вина и затѣмъ предложилъ сигару. Горько ему впоследствии пришлось эти вишни!

Вотъ цѣликомъ весь разговоръ, который произошелъ между нами. Послѣ этого онъ всталъ, выразилъ надежду, что ему больше не придется беспокоить насъ своимъ визитомъ, пожалалъ намъ всего хорошаго, и мы разстались друзьями.

— „Живите себѣ съ Богомъ!“ — были его послѣднія слова.

Слухъ о томъ, что я откупился — совершеннѣйшій вымыселъ. Въ квартирѣ у меня было всего лишь нѣсколько рублей на расходы.

Въ сущности, Маловичка — въ высшей степени добродушный и, по своему, честный человекъ; если прибавить къ предыдущему разговору, что обстановка маленькаго домика, состоящаго изъ небольшого чулана и одной комнаты съ мазаннымъ поломъ, скромно меблированной съ претензіей на нѣкоторое изящество, съ лампадой передъ образами, съ чистельскими занавѣсками на крошечныхъ окошкахъ, за которыми виднѣются

грядки, усѣянные цвѣтами, говорила о такой мирной жизни, о такомъ мѣщански-буржуазномъ затишьѣ, что совершенно понятно, почему у исправника, — несмотря на имѣвшееся у него предписаніе, — просто не поднялись руки арестовать насъ. Онъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы эта скромная обстановка скрывала за собою херсонскихъ удалцовъ; онъ былъ убѣжденъ, что здѣсь простое совпаденіе случайностей и рѣшилъ выждать болѣе опредѣленныхъ указаній, увѣренный въ томъ, что мы никуда не исчезнемъ, да и то сказать, не всякій обладаетъ способностью хватать встрѣчныхъ и поперечныхъ по малѣйшему подозрѣнію, — для этого нужно родиться жандармомъ! Мнѣ и впослѣдствіи всегда было жаль этого добряка, обремененнаго многочисленной семьей, который какъ бы изъ за меня потерялъ средства къ существованію, хотя я, спасая себя, спасалъ въ сущности дѣло... При томъ не моя вина, что люди даже при нѣкоторой личной порядочности ставятъ себя наравнѣ съ послѣдними прохвостами въ положеніе наемныхъ лакеевъ, которыхъ свой же баринъ хлещетъ за малѣйшее невольное упущеніе. Онъ все таки былъ солдатъ изъ непріятельскаго лагеря, а на войнѣ шашка рубить, не разбирая людей. Такова логика борьбы!

Но вернемся къ разсказу. По уходѣ исправника я очутился въ крайне затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, казалось, что надо было пользоваться минутой п ѣхать, не ожидая второго визита, такъ какъ, по словамъ Маловички, можно было заключить, что арестованные выдали меня, но, съ другой стороны, если судить по дѣйствіямъ исправника, то обстоятельство, что онъ ушелъ, не арестовавъ меня, давала вѣскій доводъ въ пользу предположенія, что, если измѣна и была со стороны арестованныхъ, то во всякомъ случаѣ не полная, можетъ быть, только невольный намекъ... Если бы мы рѣшились ѣхать немедленно, то денегъ нельзя было бы захватить съ собою по той причинѣ, что до ночи ихъ нельзя было откопать незамѣтно для сосѣдей; а между тѣмъ, внезапное наше исчезновеніе было бы несомнѣннымъ доказательствомъ нашего участія въ дѣлѣ и подвергало риску оставленную сумму; выходило, что слѣдуетъ остаться по крайней мѣрѣ на одну ночь, взять деньги и ѣхать на слѣдующій день; но тутъ зарождалось подозрѣніе, не оставили ли насъ на свободѣ именно затѣмъ, чтобы подсмотреть за нами и открыть, гдѣ спрятаны остальные деньги... Алексѣева говорила мнѣ: „поѣзжай немедленно въ Одессу и пошлай сюда завтра же матушку, а я останусь для виду хозяйничать въ домѣ; быть можетъ, твоего отсутствія не замѣтятъ, а если спросятъ, я скажу, что ты поѣхалъ за матерью въ виду страннаго посѣщенія исправника. Если все обойдется благополучно, то послѣ завтра можешь пріѣхать самъ или пришлешь когонибудь за деньгами“. При этомъ она указала на то обстоятельство, что если меня арестуютъ, то, навѣрное, повѣсятъ, между

тѣмъ, какъ женщина отъ этого вполне застрахована. Нельзя было оспаривать основательности послѣдняго обстоятельства, — это было въ самый разгаръ бѣлаго террора, которымъ правительство отвѣтило на дѣйствія революціонеровъ. Я согласился поступить по ея совѣту. Къ вечеру домъ былъ оцѣпленъ солдатами и Алексѣева арестована; денегъ не нашли, хотя изрыли весь полъ. Въ продолженіе недѣли обыски возобновлялись 5 или 6 разъ, — вокругъ дома тоже все перерыли, вскопали грядки, искали подъ деревомъ, но деньги все не отыскивались. Въ это время мы въ Одессѣ готовились къ весьма рискованному предпріятію: перехватить деньги у полиціи. Но это было почти невозможно: мѣры, принятыя для розысковъ превзошли всѣ наши ожиданія. Херсонъ и Алешки были поставлены на военное положеніе, не только весь наличный составъ полиціи, но и команды мѣстныхъ войскъ были поставлены на ноги и солдаты наравнѣ съ полицейскими рыскали по окрестнымъ хуторамъ. По всѣмъ заставамъ разставили караулы, по всѣмъ дорогамъ разслано преслѣдованіе, не было никакой возможности ни прѣхать, ни выѣхать, чтобы не попасться въ руки полиціи. Въ Алешкахъ, едва только подѣзжала къ берегу шаланда съ новой личностью, какъ къ ней тотчасъ же подходилъ околочный съ допросомъ: кто, откуда, зачѣмъ, кого имѣете знакомыхъ? Затѣмъ слѣдоваль осмотръ документовъ, которые оставались при полиціи до отѣзда; за каждымъ прибывшимъ учреждался строжайшій надзоръ. Такимъ образомъ, въ Алешкахъ не было рѣшительно никакой возможности прожить и двухъ дней безъ офиціальнаго предлога, особенно это было трудно для нелегальнаго, а вслѣдствіе крайней миниатюрности городка, нельзя было и придумать такого предлога. Дѣлать нечего, пришлось подыскивать какую нибудь должность. Такъ прошло около двухъ недѣль, по истеченіи которыхъ, я, оставивъ все это дѣло на рукахъ товарищей, уѣхалъ изъ Одессы, такъ какъ мое пребываніе тамъ сдѣлалось серьезно рискованнымъ, вслѣдствіе того, что какой то бездѣльникъ заявилъ полиціи, что лично видѣлъ меня на Цыганской улицѣ. Въ городѣ пошли усиленные облавы, Цыганская улица была оцѣплена и во всѣхъ домахъ произведенъ былъ повальный обыскъ.

Три недѣли спустя полиція, наконецъ, отыскала деньги при помощи желѣзнаго щупа, благодаря безстыдной откровенности арестованной къ тому времени жены Погорѣлова, которая выдала насъ на чистоту, рассказавъ все, что только знала. Въ своихъ показаніяхъ она усиленно настаивала на томъ, что деньги находятся въ Алешкахъ, такъ какъ ей извѣстно, что въ Одессу привезено только 10.000. Это и побудило прокурорскій надзоръ съ новой энергіей возобновить розыски. Подлая женщина за свое гнусное предательство была выпущена на волю.

Въ это время наши ребята уже водворились въ Алешкахъ съ подробнымъ планомъ мѣстности, который я имъ оставилъ.

Кому то изъ нихъ удалось пристроиться къ должности, и они ожидали только ночи, чтобы откопать деньги, которыя, такимъ образомъ, выдерживали атаку съ двухъ сторонъ, такъ какъ въ теченіе дня прибывшій прокуроръ съ новой энергіей взрывалъ пустошь. Враги опередили насъ лишь однимъ днемъ.

Слѣдуетъ объяснить еще, какъ власти узнали о моемъ пребываніи въ Алешкахъ. Уже послѣ своего ареста я узналъ, какъ полиціи удалось добиться указанія на мой притонъ отъ Погорѣлова. Лишь только онъ съ Россиковой были настигнуты на Чернобаевскихъ хуторахъ, полковникъ артиллеріи Мординовъ приставилъ револьверъ къ груди Погорѣлова съ угрозой: „говори, разбойникъ, гдѣ остальные, или я тебя застрѣлю на мѣстѣ“. Алексѣй молчалъ. Тогда послѣдовало приказаніе солдатамъ бить его прикладами, что они буквально и выполняли до тѣхъ поръ, пока Погорѣловъ подъ ихъ ударами не упалъ замертво. Извѣстно, что та же сцена повторилась въ камерѣ прокурора при дознаніи, послѣ чего и полетѣла телеграмма въ Алешки. Очень можетъ быть, что истязуемый, въ полубезсознательномъ состояніи, подъ ударами солдатъ произнесъ нѣсколько словъ, выдавшихъ меня. Очевидно только, что такъ называемаго чистосердечнаго, т. е. подробно показанія онъ не далъ даже при этомъ, не очень гуманномъ, способѣ допроса, иначе мнѣ не удалось бы ускользнуть. Какъ человѣкъ, я не могу строго относиться къ этой вынужденной измѣнѣ Алексѣя.

Вотъ картинка, весьма назидательная и для нашихъ нравственникововъ: извольте посмотрѣть, къ какого рода средствамъ прибѣгаютъ представители правосудія и закона, стоящіе на стражѣ того общества, которое упрекаетъ революціонеровъ за принятіе принципа: „цѣль оправдываетъ средства“. Пытка на формальномъ допросѣ! И это не при Иванѣ Грозномъ, а при Александрѣ-Освободителѣ! Да и мало ли такихъ картинокъ можно было бы привести, ну хотя бы обыскъ въ камерѣ Анны Алексѣевой, во время котораго смотритель разорвалъ ей ротъ, отыскивая записку.

Воля ваша, а рассказъ Успенскаго, въ которомъ коробочка пилулы заполучается ударомъ по плечу бѣднаго аптекаря, послѣ котораго тотъ, прогулявшись въ Соловецкій монастырь и обратно, все еще не можетъ владѣть рукою, дышитъ глубокой жизненной правдой и нисколько не удивительно, что гигантъ-купчина послѣ того, какъ побывалъ на допросѣ, только и дѣлаетъ, что ѣсть да спать, „суставы расправляетъ, отдышаться не можетъ“. Алексѣй, полагать надо, тоже не мало времени расправляетъ суставы, — это уже не рассказъ, а дѣйствительность. Ну, да все это къ дѣлу не идетъ, какъ говорить рассказчикъ, — пора и мнѣ окончить.

Такъ печально закончилось это грандіозное предпріятіе. Въ назиданіе оно оставило намъ твердое убѣжденіе въ необходимости

сти прочной организаціи; не знаю, какъ для кого, но для меня этотъ фактъ въ высшей степени поучителенъ.

Изъ приведеннаго разсказа ясно видны причины неудачи: во первыхъ, недостатокъ денежныхъ средствъ, во вторыхъ, недостатокъ въ людяхъ; то и другое можно подвести подъ одну общую формулу: отсутствіе прочной организаціи. Я не имѣю въ виду организаціи даннаго предпріятія, она едва ли могла быть лучше при тѣхъ условіяхъ, я говорю объ общей организаціи революціонныхъ силъ съ центральнымъ распорядительнымъ отдѣленіемъ, вѣдающимъ обо всѣхъ предпріятіяхъ, одновременно ведущихся въ разныхъ мѣстахъ, и распредѣляющимъ, сообразно съ потребностями каждаго мѣста, какъ людей, такъ равно и общій революціонный капиталъ. При такой организаціи я бы не могъ остаться въ критическую минуту безъ всякой поддержки, предоставленной собственнымъ силамъ и вынужденный избѣгать когтей правительства, уже наложившаго свою тяжелую лапу на дѣло, поглотившее столько труда. Для кого этотъ доводъ не ясенъ, пусть сравнить описанное дѣло съ организаціей любого царскаго варыва хотя бы даже по официальнымъ отчетамъ о процессахъ. Какъ тамъ все подробно до мельчайшихъ подробностей, какая разница въ подготовкѣ, какія средства! И зато, какая разница въ результатахъ! Неудачи, конечно, и тамъ бываютъ. Это зависитъ отъ того, что завѣдующій этими предпріятіями „Комитетъ“ еще далекъ отъ совершенства; но тогда какъ мы, въ случаѣ неудачи теряемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, тамъ наблюдается нѣчто совсѣмъ иное. Въ Москвѣ полиція находить одного лишь „кота“; при взрывѣ дворца ей удается узнать только имя пропавшаго рабочаго, а затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ слѣдовъ!

Это общія причины; въ частности же причина неуспѣха должна быть отнесена насчетъ того, что мы мало озаботились подготовленіемъ отступленія. Въ планѣ хорошо разработана была только наступательная часть и, дѣйствительно, очистка, если такъ можно выразиться, была ведена безукоризненно, по суворовскому правилу: „быстрота и натискъ рѣшаютъ дѣло“. Зато насчетъ отступательныхъ путей, дѣйствительно, оплошали, но разборъ этой части предпріятія выходитъ изъ рамокъ нашего разсказа, который имѣетъ цѣлью показать читателямъ, какъ горсть людей безъ всякихъ орудій, почти съ голыми руками, вооруженная лишь личной энергіей закладывала фундаментъ величественнаго зданія. Зданіе обрушилось, задавивъ строителей, потому что однимъ и тѣмъ же людямъ приходилось быть и каменщиками, и плотниками, и архитекторами, и чернорабочими. Энергія можетъ расходоваться только до извѣстныхъ предѣловъ; ее хватить на то, чтобы добиться цѣли, спрятать же деньги слѣдовало предоставить свѣжимъ силамъ. Рухнуло оно, наконецъ, и оттого, что вмѣсто прочныхъ краугольных кам-

ней, за отсутствіемъ надежнаго матеріала, приходилось употреб-
лять мягкую глину.

Таковы горькіе опыты анархической системы организаціи революціи по принципу вольныхъ федеративныхъ группъ, принципъ, который мы, въ особенности южане, такъ облюбовали, увлеклись формами будущаго, совершенно упуская изъ виду, что бороться приходится не съ будущими условіями, а съ настоящими, и что при настоящихъ формахъ борьбы побѣду можно одержать, лишь противопоставивъ государственной организаціи организованную же силу, да притомъ еще немалую, такъ какъ вѣковая традиціонная организація государства стоитъ еще весьма твердо.

„Служители монархіи, господа, не краснобаи, а практики, и такихъ практиковъ слѣдуетъ желать и вамъ!“— эти слова Лассалья огненными буквами слѣдуетъ запечатлѣть каждому революціонеру вмѣсто того, чтобы вѣрить наивнымъ утопіямъ о развалившихся столпахъ. Оно, конечно, поболтать о гніеніи столповъ можно, да гляди, какъ бы не пришлось еще поболтаться на этихъ столпахъ, — вотъ это ужъ и не такъ, чтобы совсѣмъ складно!

Въ заключеніе выяснено слѣдующее обстоятельство: вначалѣ мною сказано нѣсколько словъ, характеризующихъ мое личное отношеніе, какъ участника, къ описываемому факту съ нравственной стороны. Дѣлая это, я желалъ сдѣлать мой рассказъ по возможности болѣе полнымъ. Между тѣмъ, эти нѣсколько словъ, брошенныхъ мимоходомъ, были приняты многими какъ желаніе отстоять нравственность самаго факта и защищать его отъ тѣхъ нападокъ, которыя сыпались и, къ удивленію, сыпятся до сихъ поръ на него со стороны многомудрыхъ критиковъ революціонной дѣятельности. Поводомъ, давшимъ возможность возникнуть этому недоразумѣнію, является то обстоятельство, что, начиная рассказъ, я совершенно упустилъ изъ виду уровень революціонной культурности читающей публики. Теперь я жалѣю, что коснулся этой стороны. Мнѣ слѣдовало, указывая на общественное значеніе даннаго факта, ограничиться категорическимъ заявленіемъ, что, подобно выстрѣлу Засуличъ, который произвелъ окончательный переворотъ въ пользу извѣстнаго направленія и выяснилъ это направленіе какъ публикѣ, такъ и самимъ дѣйствующимъ лицамъ, точно такъ же, говорю, дѣло о казначействѣ и дѣйствіе его на публику послужило послѣднимъ и окончательнымъ факторомъ для установленія и обобщенія опредѣленнаго взгляда на извѣстную категорію дѣйствій, (взгляда, до сихъ поръ неустановившагося даже въ средѣ самихъ революціонеровъ) въ опредѣленный принципъ, опубликованный нынѣ въ послѣдней программѣ Исполнительнаго Комитета. Принципъ этотъ такъ прочно утвердился, что, не конфу-

зая, фигурируетъ въ первомъ параграфѣ этой программы*). А это важнѣйшее и существеннѣйшее значеніе разсматриваемаго дѣла. Теперь каждому, у кого въ головѣ есть хоть какой нибудь червячекъ, не трудно понять, что разсуждать о нравственности или безнравственности какого либо явленія, входящаго, какъ частный случай, въ общее положеніе, ставшаго руководящимъ принципомъ цѣлаго ряда явленій, становится удѣломъ лицъ, оставшихся слишкомъ далеко позади движенія.

Вотъ все, что мнѣ слѣдовало сказать по этому поводу. Я сказалъ больше и жалѣю объ излишествахъ.

Ө. Юрковскій.

*) Программа эта гласитъ:

«Руководящій принципъ дѣйствій Исп. Комитета вполнѣ опредѣляется отношеніемъ лицъ и общественныхъ группъ къ дѣлу революціи.

§ 1. По отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство можно считать дозволительнымъ».

Отъ ред. Юрковскій по памяти цитируетъ программу И. К., — приведемъ цѣлкомъ то мѣсто изъ программы народовольцевъ, которое имѣетъ въ виду Юрковскій:

1) По отношенію къ правительству, какъ къ врагу, цѣль оправдываетъ средства, т. е. всякое средство, ведущее къ цѣли, мы считаемъ дозволительнымъ.

2) Всѣ оппозиціонные элементы, даже не вошедшіе съ нами въ союзъ, найдутъ въ насъ помощь и защиту.

3) Лица и общественныя группы, стоящія внѣ нашей борьбы съ правительствомъ, признаются нейтральными: ихъ личность и имущество — неприкосновенны.

4) Лица и общественныя группы, сознательно и дѣятельно помогающія правительству въ нашей съ нимъ борьбѣ, какъ вышедшія изъ нейтралитета, признаются за враговъ».

По поводу воспоминаній Э. Н. Юрковскаго.

Россикова, задумавъ совершить подкопъ подъ Херсонское казначейство, рѣшила вести все дѣло болѣе или менѣе самостоятельно, входя лишь въ отдѣльныя соглашенія съ отдѣльными лицами, — и при этомъ старалась избѣгать привлеченія къ дѣлу цѣлыхъ группъ, особенно дѣйствующихъ. У нея была своя цѣль, — для этой цѣли она хотѣла добыть денегъ и ей, конечно, желательно было, чтобы онѣ пошла туда, именно на эту цѣль. Отсюда изъ нея дѣятельности вытекала и нѣкоторая обособленность, даже конспирація. Вступить въ соглашеніе съ такой, положимъ, организаціей, какъ Земля и Воля, ей было просто боязно. Въ случаѣ удачи, деньги, а ихъ предполагалось не много будетъ, по рѣшенію большинства участниковъ, легко могли пойти на другія дѣла, и ее цѣль останется, пожалуй, невыполненной. Поэтому она стала искать такихъ участниковъ, которые заранѣе соглашались съ ее цѣлью или представляли себя въ качествѣ простыхъ помощниковъ въ работѣ по подкопу, не входя въ обсужденіе организаціи всего дѣла. Благодаря этому и получилось то, что тѣ, кто ничего не имѣлъ противъ этого предпріятія, но имѣлъ достаточно людей, чтобы организовать это дѣло, остались въ сторонѣ, зная о немъ лишь въ общихъ чертахъ и не много, боясь даже испугать Россикову своимъ болѣе активнымъ вмѣшательствомъ.

Лично съ Россиковой мы были въ хорошихъ отношеніяхъ и мнѣ приходилось иногда оказывать ей услуги, напр., при ее побѣгѣ изъ дровни, гдѣ ее должны были арестовать. И вотъ, задумавъ устроить подкопъ подъ Херсонское казначейство, Россикова при встрѣчѣ со мною въ Одессѣ въ началѣ 79 г., сообщила мнѣ объ этомъ своемъ проектѣ, пригласила къ участію, обѣщала дать знать, какъ только окончательно выяснится, что домъ для найма будетъ найденъ и можно будетъ начать дѣло. Но въ этомъ же году, въ это же самое время, какъ извѣстно, собирався Липецкій Съездъ, въ организаціи котораго мнѣ пришлось принять участіе. Пришлось часто отлучаться изъ Одессы. Слѣдить мнѣ за развитіемъ Херсонскаго дѣла не было времени, а къ тому же вскорѣ я замѣтилъ и то, что Россиковой желательно все дѣло повести самостоятельно. На вопросы, какъ идетъ дѣло, она отвѣчала, что люди найдены, все организовано, но — объ моемъ участіи вопросъ замалчивался. Самому мнѣ было неловко напоминать, зная, что она побаивается вмѣшательства нашей организаціи и потому я, бывая въ Одессѣ, пересталъ даже спрашивать, какъ и когда начнется само выполненіе предпріятія.

Въ концѣ мая, когда я былъ въ Харьковѣ, получается вдругъ письмо изъ Одессы отъ Южаковой, гдѣ она пишетъ, чтобы я во что бы то ни стало ѣхалъ скорѣй въ Одессу по очень важному дѣлу. Отправляюсь туда и тутъ только узнаю отъ нея, что дѣло въ Херсонѣ начато и что я настоятельно нуженъ тамъ, что тамъ большой недостатокъ въ рабочихъ. Отправляюсь сейчасъ же туда и застаю все уже при концѣ, хотя свѣжій работникъ, былъ все-таки нуженъ, такъ какъ всѣ были утомлены, а доканчивать же надо.

Объ общемъ утомленіи можно судить по тому факту, что когда стали доканчивать выноску земли изъ подкопа, и Россикову помѣстили у окна, чтобы слѣдить за дворомъ кладовой, то вскорѣ нашли ее, глубоко спящей на землѣ, которая сваливалась тутъ же.

Дѣло велось спѣшно и сразу бросалось въ глаза, что многое не принято въ расчетъ особенно отступление, но когда объ этомъ зашла рѣчь, Россикова мнѣ замѣтила: „намъ нужна ваша физическая сила. Если можете помочь намъ, — помогите. — Что же касается до отступления и вообще всего остального, не беспокойтесь — объ этомъ позаботились уже и совѣтъ лишній!“

Такъ какъ я ѣхалъ только помочь въ работѣ, а не давать совѣты или организовать что либо, то я и умоляю, ограничьтесь тѣмъ лишь, что помогъ имъ докончить подкопъ.

Ночью все было кончено. Подкопъ подошелъ подъ кладовую и осталось опустить лишь большую каменную плиту пола этой кладовой. Работать ночью боялись, чтобы шумъ не обратилъ вниманія, и отложили до утра. Другихъ работъ не предвидѣлось. Моя помощь была больше не нужна, какъ всѣ говорили, и я ушелъ къ себѣ въ гостиницу, условившись зайти утромъ рано, чтобы лишь взять въ Одессу 100,000 р.

Утромъ отправляюсь къ дому, вижу: окно открыто, и за нимъ какая то пустота въ комнатѣ. А, между тѣмъ, мы условились, чтобы въ окнѣ былъ поставленъ условный знакъ, что все благополучно, или чтобы кто нибудь долженъ былъ поджидать меня на улицѣ. Не находя ни того, ни другого, пришлось задуматься, войти ли въ домъ, а тутъ, оглядываясь, вдругъ замѣчаю, вдали идетъ Терентьева по направлению къ парходной пристани. Невольно является предположеніе, что деньги переданы ей, и я спокойно отправляюсь тогда на пристань, — и мы уѣхали.

Такимъ образомъ и мой поздній пріѣздъ, и скорый отъѣздъ объясняются не тѣмъ, чтобы это дѣло было мнѣ не по душѣ, что оно казалось шаткимъ въ нравственномъ значеніи, а гораздо проще.

То же надо сказать и о замѣчаніи Ѡ. Н. Юрковскаго относительно товарищей, что они не поддержали его активно, тратя средства на другія предпріятія.

Въ 74 и 75 годахъ Юрковскій состоялъ въ Николаевской группѣ Ковальскаго, Дробязгина и др. — Мысль о предпріятіи подобномъ Херсонскому, онъ говорить, стала его занимать съ 74 г., — значить, подъ товарищами всѣ могутъ легко предположить этихъ именно товарищей, но это будетъ не вѣрно.

Въ 75 г. лѣтомъ и осенью, живя въ Николаевѣ, мнѣ лично пришлось находиться въ тѣсномъ общеніи съ Ковальскимъ, Дробязгинымъ и другими николаевцами. Поэтому мнѣ хорошо извѣстно, что эти его товарищи, убѣдясь за лѣто, что безъ денегъ нельзя вести революціонныя дѣла, единогласно пришли къ заключенію о необходимости добыть ихъ и, если бы тогда имъ было предложено что-нибудь подобное, я увѣренъ, они схватились бы за это обѣими руками. — Такимъ образомъ, говоря о товарищахъ, Юрковскій имѣлъ въ виду, очевидно, кого-нибудь другого, но только не николаевцевъ. Особенно рѣчь не можетъ идти о Ковальскомъ, который открыто проповѣдывалъ, что цѣль оправдываетъ средства.

У Юрковского, вѣроятно, рѣчь шла объ одесситахъ и при томъ той группѣ, которая стояла еще на старой программѣ, признающей лишь пропаганду и поселеніе. Но опять таки это могло относиться лишь къ 74-76 г.г. Въ 77, 78, 79 г.г. принципиальное отрицаніе захвата казенныхъ денегъ осталось лишь у лицъ, отошедшихъ въ сторону, и въ Одессѣ, Кіевѣ легко можно было собрать для подобнаго дѣла людей, лишь бы нашлись средства, чтобы хорошо организовать его.

Недостатокъ лицъ въ Херсонскомъ дѣлѣ поэтому я и объясняю лишь тѣмъ, что могущихъ повести дѣло было боязно привлекать, а тѣ, которые имѣлись подъ рукой, какъ жена и самъ Погорѣловъ, не были даже революціонерами, не говоря уже о штундистахъ—хуторянахъ.

М. Фроленко.

Б

Изъ воспоминаній И. К. Окунцова.

I. Разгромъ Забайкалья ген. Ренненкампомъ.

Ренненкампфъ, тотъ самый Ренненкампфъ, который безпощадно билъ и грабилъ въ 1900 году беззащитное китайское населеніе, а во время послѣдней войны бѣжалъ отъ японцевъ, 7 января 1906 года во главѣ карательнаго отряда, по „высочайшему“ повеленію, появился на рубежѣ Забайкальской области и Маньчжуріи. Съ какими думами, съ какими помыслами вѣзжалъ онъ въ эту область, никто ничего не зналъ тогда. Одно только было извѣстно, что съ нимъ было до 1500 солдатъ и пушки. Съ такой силой ходятъ только въ бой. На межѣ Забайкалья, самодержцемъ котораго онъ былъ назначенъ царскою властію, Ренненкампфъ издалъ воззваніе къ населенію и желѣзнодорожнымъ служащимъ. Въ этомъ воззваніи онъ приглашалъ всѣхъ добровольно подчиняться „законнымъ властямъ“, если-же кто-нибудь не хотѣлъ этого сдѣлать, тотъ долженъ уйти со службы. Съ желающихъ подчиниться „законнымъ властямъ“ бралась росписка. Населеніе къ столь курьезному требованію отнеслось полусерьезно-полушутя. Одни давали росписки другіе — нѣтъ.

Черезъ день было выпущено Ренненкампомъ второе извѣщеніе № 7 къ населенію такого содержанія: „извѣщаю: въ случаѣ покушенія на лицъ, меня сопровождающихъ, жандармскихъ чиновъ и желѣзнодорожной охраны, черезъ часъ послѣ покушенія всѣ арестованные и сданные въ тюрьму, какъ заложники, будутъ подвергнуты смертной казни“.

Ренненкампфъ не хотѣлъ быть такимъ извергомъ для населенія, какимъ былъ Меллеръ - Закомельскій. Онъ хотѣлъ быть благороднѣе, правосуднѣе и не кровожаднѣе: Онъ только хотѣлъ одно — вырвать жало революціи. Онъ не стѣснялся осуждать тактику разстрѣловъ и порокъ барона Закомельскаго.

— Ну, развѣ можно такъ расправляться, такъ поспѣшно судить, — говорилъ Ренненкампфъ по адресу Закомельскаго. Я, если Чита положитъ оружіе, ни одного человека не казню.

И многіе повѣрили этимъ лукавымъ словамъ; повѣрили, не смотря на скорый разстрѣлъ учителя Попова (Коновалова) на

станціи Борая. Нѣкоторые думали, что Ренненкампфъ чуть-ли не спасителемъ явился отъ Закомельскаго и его опричниковъ.

Послѣдній расправлялся единолично и быстро, иногда не записывалъ именъ разстрѣливаемыхъ. Онъ дѣлалъ „по военному“, зная, что все равно ни при какихъ обстоятельствахъ не понесетъ отвѣта. Правительство покроетъ все его убійства и издѣательства. Ренненкампфъ творилъ сперва дознаніе, потомъ судъ и уже послѣ судебного приговора чинилъ расправу. Онъ хотѣлъ обставить дѣло „законнымъ“ порядкомъ. Ренненкампфъ — не убійца, какъ Закомельскій, онъ — законникъ и судья...

Лишь только вступилъ въ предѣлы Забайкалья Ренненкампфъ, немедленно же началъ свою карательную дѣятельность. На ст. Манжуриа его отрядомъ было арестовано нѣсколько человекъ за участіе въ манифестаціи. Арестованные были тутъ же избиты солдатами. Въ числѣ арестованныхъ были схвачены и посажены въ вагонъ карательнаго поѣзда иркутскій учитель Поповъ, извѣстный подъ фамиліей Коновалова, солдатъ желѣзно-дорожнаго батальона Корякинъ и священникъ Ляховскій, который былъ отправленъ сперва въ г. Харбинъ, затѣмъ заточенъ въ Уссурійскомъ монастырѣ (— онъ, кажется, снялъ съ себя рясу). Для Забайкалья революціонная дѣятельность Попова имѣла свое значеніе. Соціалъ-демократъ по политическимъ убѣжденіямъ, онъ въ качествѣ оратора ѣздилъ по линіи желѣзной дороги и на митингахъ пропагандировалъ революціонныя идеи. Помню его ораторствующимъ на одномъ многочелюдномъ митингѣ въ г. Верхнеудинскѣ. Невысокаго роста съ умнымъ лицомъ и быстро бѣгающими глазами онъ велъ себя нѣсколько застычиво и не рисовался своими ораторскими способностями. Въ началѣ своей довольно длинной рѣчи о революціи и контръ-революціи въ Европѣ и Россіи онъ говорилъ нѣсколько тихо и вяло, но по мѣрѣ того, какъ росъ интересъ слушателей къ его рѣчи, онъ оживлялся и, словно упиваясь своимъ ораторствомъ, быстро, легко и громко, излагалъ свои мысли. Въ заключеніе рѣчи онъ, послѣ небольшихъ дебатовъ, предложивъ резолюцію о сверженіи царствующей династіи и скорѣйшемъ введеніи въ Россіи республиканскаго образа правленія. Поповъ на болѣе продолжительное время остановился на ст. Манжуриа, революціонизировать находившихся солдатъ и желѣзно-дорожныхъ служащихъ; изрѣдка онъ объѣзжалъ станціи, лежащія между Манжурией и Китайскимъ разъѣздомъ.

Командиръ 17 стрѣлковаго восточно-сибирскаго полка полковникъ Тишинъ повезъ въ первомъ карательномъ поѣздѣ Попова и Корякина и на ст. Борзя, по приказаніи генерала Ренненкампфа, учинилъ надъ ними „скорый“ военно-полевой судъ. Оба подсудимые были приговорены къ смертной казни. Поповъ встрѣтилъ этотъ приговоръ спокойно и стойко. Приговоръ былъ подтвержденъ Ренненкампфомъ, который утвердивъ смертную казнь Попову, Корякину — же замѣнилъ ее десятилѣтней ка-

торгой*). Поповъ не подавалъ прошенія о помилованіи, хотя защитникъ, назначенный отъ казны, и товарищи уговаривали его подать. Послѣ многократныхъ и упорныхъ просьбъ Поповъ ввѣялъ клочекъ бумажки и написалъ на немъ: „Имѣю мать - старуху“. Больше ничего, — даже не подписался. Изъ вагона, гдѣ сидѣлъ Поповъ съ Корякинымъ, Зезюкевичемъ (въ настоящее время онъ обѣжалъ изъ Акатуйской тюрьмы) и другими товарищами, его повели на разстрѣлъ. Ни слова мольбы или ужаса не вырвалось у него, — ни одной слезы не появилось у него на глазахъ. На могилѣ Попова рабочіе, среди которыхъ онъ пользовался большою популярностью, поставили крестъ. Администрация сожгла и крестъ и столбъ, къ которому разстрѣливаемый былъ привязанъ. Одинокая могила Попова находится недалеко въ сторонѣ отъ ст. Борзя и „во избѣжаніе недоразумѣній“ сравнена съ землею, поглотившей его трупъ.

Послѣ первой казни Ренненкампфъ обѣжалъ всю желѣзнодорожную линію, дѣлалъ ей свой генеральскій осмотръ и генеральные, массовые аресты.

2. Читинскія казни.

Послѣ произнесенія смертнаго приговора надъ нами, насъ троихъ: Шинкмана, Мирскаго и меня, перевели изъ вагона, въ которомъ Ренненкампфъ возилъ насъ, въ арестантскій вагонъ. Здѣсь мы встрѣтились съ новыми товарищами по несчастію — Григоровичемъ (онъ же Костюшко-Валужаничъ), Цупмана, Столярова, Вайнштейна, Кузнецова, отца и сына Кларковъ и Кривоносенко. Всѣ они судомъ, судившимъ насъ, тоже были приговорены къ смертной казни и находились въ мучительномъ ожиданіи. Гнетущее настроеніе царило среди узниковъ. Люди хотѣли жить и не имѣли почти никакихъ средствъ бороться съ произволомъ своихъ насильниковъ.

Жены, матери, родные употребляли всѣ свои усилія, чтобы вырвать дорогихъ людей изъ рукъ царскаго палача Ренненкампфа, который съ какою-то лютою радостью убивалъ свои жертвы и пилъ ихъ кровь. Въ итогъ всѣхъ хлопотъ и тревогъ — изъ восьми спасена была жизнь четверымъ: Кузнецову, Кларкамъ и Кривоносенкѣ смертная казнь была замѣнена каторгой. Въ настоящее время Кузнецовъ и Кривоносенко находятся въ Акатуйской каторжной тюрьмѣ, а Кларки обѣжали оттуда за границу.

Григоровича, Цупмана, Столярова и Вайнштейна Ренненкампфъ рѣшилъ убить.

*) Въ настоящее время Корякинъ находится въ Акатуйской каторжной тюрьмѣ.

1 марта явились въ нашъ вагонъ члены военно-полевого суда, подполковникъ Стридоновъ, прокуроръ Павловъ, секретарь Ермоловъ и защитникъ Норманскій и прочитали осужденнымъ полный приговоръ. Окончательная конфирмація приговора была назначена въ 9 вечера 2 марта.

2 марта, въ 12 часовъ дня, въ вагонъ вошелъ священникъ и обратился къ осужденнымъ, не пожелаютъ ли они принять его предсмертное напутствіе. Смертный ужасъ пробѣжалъ по вагону. Все мгновенно притихло и буквально замерло. Даже солдаты прекратили свой смѣхъ, ругань и разговоры. Стало ясно, что священникъ явился предвѣстникомъ скорой смерти.

Среди четырехъ осужденныхъ двое были православные — Григоровичъ и Столяровъ. Они стали спрашивать священника, на какомъ основаніи онъ, служитель Бога любви и правды, пришелъ напутствовать ихъ, приговоренныхъ къ смерти, а не увѣщевать оазвѣрѣвшаго Ренненкампа, царскаго опричника. Священникъ сталъ говорить, что онъ исполняетъ свою священническую обязанность и больше ничего, и что нужно покаяться и принять причастіе предъ смертью, дабы получить возможность попасть въ рай, гдѣ живутъ всѣ праведники.

— Если вы, — обратился къ нему Григоровичъ, — найдете въ вашемъ евангеліи то мѣсто, гдѣ Христосъ благословлялъ бы убійство, я исповѣдуюсь и приобщусь.

— Такого мѣста нѣтъ въ евангеліи! — сказалъ священникъ.

— Если нѣтъ, то убирайтесь немедленно отсюда и именемъ Христа не творите убійствъ!

Священникъ покраснѣлъ и быстро вышелъ изъ вагона, не сказавъ больше ни слова.

Часа въ два снова явился въ вагонъ судъ и прочиталъ утвержденный Ренненкампомъ приговоръ: Григоровича, Цупсмана, Столярова и Вайнштейна разстрѣлять (для повѣшенія не нашли палача), Кузнецова, двухъ Кларковъ и Кривоносенко сослать на каторгу.

— Палачи! убійцы! — закричалъ Цупсманъ вслѣдъ удалявшемуся суду. — Все равно Россія скоро освободится отъ такихъ негодяевъ, какъ вы!

— А пока такихъ негодяевъ, какъ ты, — пробормоталъ одинъ изъ офицеровъ, — станетъ меньше. И слава Богу!

Судъ ушелъ.

Начались послѣднія минуты невыносимо мучительнаго разставанія съ осужденными на смерть товарищами. Хотѣлось насмотрѣться на ихъ дорогія лица, запомнить ихъ походку, одежду, ихъ прощальныя слова, — особенно слова.

Цупсманъ волновался и всѣмъ рассказывалъ о своей жизни, о томъ, что онъ, нѣмецъ, полюбилъ Россію и вотъ теперь за ея освобожденіе отдаетъ свою жизнь. Онъ перебрѣнулъ бѣлую рубашку на красную.

— Умру, — сказалъ онъ, — въ красномъ.

Вайнштейнъ искалъ глазами въ окнахъ свою мать и, должно быть, для того, чтобы выиграть время и уведомить мать, онъ попросилъ къ себѣ въ вагонъ еврейскаго раввина. Офицеръ, котораго Вайнштейнъ объ этомъ просилъ, черезъ пять минутъ вернулся и сообщилъ, что раввина не нашель. Онъ, конечно, и не искалъ раввина.

Вайнштейна убили только потому, что его, плохо говорившаго по русски, смѣшали, по показанію одного полуидіота свидѣтеля, съ извѣстнымъ въ г. Читѣ соц.-дем. ораторомъ Леонидомъ, успѣвшимъ скрыться.

Столяровъ держалъ себя очень спокойно и говорилъ о своемъ революціонномъ настроеніи.

— 62 года я жилъ и работалъ, — говорилъ Столяровъ, — старикомъ приходится умирать на эшафотѣ и такъ неожиданно. Я все таки счастливъ, что умираю за дорогую Россію.

Григоровичъ почти ничѣмъ не обнаруживалъ своей внутренней тревоги. Довольно долго онъ уговаривалъ волновавшагося Цупсмана и спокойно ожидалъ своей участи. Видно было, что его ужасно мучилъ вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ революціоннаго движенія въ Россіи и объ отношеніяхъ къ нему солдатъ. Онъ, какъ бывший офицеръ, являлся главнымъ руководителемъ военной организаціи въ Читѣ. Среди рабочихъ и особенно среди солдатъ онъ былъ очень популяренъ. На краю могилы Григоровичъ обратился къ солдатамъ, охранявшимъ нашъ вагонъ, со слѣдующей приблизительно рѣчью:

— Мы, солдаты, работали надъ общенароднымъ дѣломъ. Мы добивались лучшей жизни для нашей родины. За это вашъ генераль убиваетъ насъ. Вы можете разстрѣлять насъ, потому что не знаете насъ. Но вотъ на-дняхъ будутъ судить и несомнѣнно осудятъ на смерть солдатъ и казаковъ, тоже боровшихся за народное дѣло. Эти солдаты и казаки — ваши люди, вамъ близкіе. Вотъ ихъ вы не имѣете права, не должны разстрѣливать. А теперь я пожелаю вамъ скорого освобожденія отъ различныхъ безчеловѣчныхъ военныхъ генераловъ и отъ солдатчины. Будьте просто свободными людьми!

И Григоровичъ крѣпко пожалъ всѣмъ солдатамъ руки.

Въ вагонъ никого не впускали — ни родныхъ, ни знакомыхъ. Не давали проститься въ послѣдній разъ предъ открытой уже могилой. Осужденные лишены были возможности получить послѣднее утѣшеніе и поддержку отъ дорогихъ, самыхъ близкихъ людей.

Лобное мѣсто было приготовлено въ виду всей Читы, на горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ 15 лѣтъ тому назадъ оставался проѣздомъ черезъ Забайкалье Николай II. Изъ нашего вагона видно было это мѣсто. Тамъ стояли четыре столба и зіяли четыре темныя ямы.

Время шло. Былъ веселый, солнечный воскресный день. Морозило. Населеніе Читы волновалось, но не ожидало, что

казнь наступить такъ скоро и будетъ происходить на виду у всѣхъ. Дѣйствительно, все произошло неожиданно. Ренненкампфъ не просто каралъ, но еще старался запугать населеніе. Публичныя казни, по его мнѣнію, дѣлали это.

2-го марта, около четырехъ часовъ дня, длинныя шеренги солдатъ въ походной формѣ оцѣпили нашъ вагонъ. Штыки ихъ винтовокъ зловѣщимъ блескомъ играли на солнцѣ; этотъ блескъ иногда попадалъ въ нашъ вагонъ, — отъ него становилось особенно жутко. За солдатскими рядами стояла толпа.

Была неопиcуемая тяжелая минута. Казалось, жизнь встрѣчалась со смертью, жадно рвущейся поглотить свои жертвы.

Вошелъ въ вагонъ дежурный офицеръ, — посолъ самой смерти.

— Осужденныхъ, — сказалъ онъ, — прошу приготовиться и слѣдовать за мною. Черезъ нѣсколько минутъ нужно итти.

Въ вагонѣ отъ этихъ словъ стало еще тише, еще мучительнѣе. Раздалось сдержанныя рыданія. Началось прощаніе, ужасное, большое. Рыданія душили всѣхъ. Рыданія усиливались. Нѣкоторые изъ оставшихся товарищей упали на скамейки и, какъ дѣти, истерически рыдали. Передъ нами были живыя мертвецы. Здоровые люди, мыслящіе, жаждущіе жить, скоро, черезъ 30—40 минутъ, будутъ изрѣшетены пулями окружавшихъ солдатъ.

Болѣе спокойными были сами осужденные на казнь.

Крѣпкія объятія... послѣднее земное прости!...

Они бодро вышли. Мы инстинктивно кинулись за ними. Солдаты удержали насъ. Не успѣли еще осужденные спуститься со ступеней вагона, какъ толпа солдатъ быстро и жадно окружила ихъ. Болѣе 200 солдатъ пошли конвоировать нашихъ товарищей на мѣсто казни.

Приговоренные къ казни обернулись и крикнули: „Прощайте, товарищи!“ и нѣсколько разъ махнули платками и фуражками.

Многочисленная процессія спустилась къ рѣчкѣ, перешла по узкому мосту и длинной вереницей двинулась къ мѣсту казни. Словно были похороны! Шли убивать добрыхъ и беззащитныхъ людей.

Миновали деревню, взопли на гору, и солдаты въ два ряда цѣпью окружили мѣсто казни.

Осужденныхъ подвели къ столбамъ, у подножія которыхъ были выкопаны ямы.

Товарищи просили не привязывать ихъ къ столбамъ. Имъ и глазъ не завязывали. Они встрѣтили смерть открыто и смѣло.

— Братцы, — обратился къ солдатамъ Столяровъ, — стрѣляйте мнѣ, старику, прямо вотъ сюда, въ сердце, чтобы не мучиться!

— Товарищи-солдаты, — сказалъ Григоровичъ, — мы умираемъ за васъ и за народное дѣло!

Стрѣлки выстроились, навели ружья, и по знаку платкомъ офицера выстрѣлили разъ, другой, третій. Послѣ перваго же выстрѣла Цупсманъ, Столяровъ и Вайнштейнъ склонились и кровь струйками потекла изъ ихъ тѣлъ на снѣгъ. Григоровича, повидимому, не задѣла ни одна пуля. Онъ стоялъ бодро и прямо. Только послѣ второго залпа онъ упалъ.

Живые люди стали трупами. . . Солдаты штыками и ногами побросали трупы въ ямы. Оказалось, что Григоровичъ былъ еще съ признаками жизни. Офицеръ пристрѣлилъ его изъ револьвера, когда онъ уже лежалъ въ ямѣ.

Полякъ, встонецъ, еврей и русскій погибли за одно общее дѣло и легли рядомъ въ сырой землѣ.

При казни присутствовалъ врачъ.

Солдаты, по командѣ, вернулись обратно. Только небольшая кучка ихъ осталась на ночь караулить могилы. Столбы пошли на дрова. Всю ночь мы видѣли изъ вагона огонь на дорогахъ могилахъ.

Народъ долго стоялъ и безмолствовалъ. Часть его пришлось разгонять вооруженной силой.

Послѣ казни привели къ намъ въ вагонъ арестованнаго солдата. Онъ послѣ разстрѣла сдѣлалъ земной поклонъ казненнымъ. За это посадили его на гауптвахту на три мѣсяца. . . Арестовали также на мѣсяць одного старика, товарища Вайнштейна, за то, что онъ палачей назвалъ убійцами.

Къ дѣлу С. М. Гинсбургъ.

(Изъ обзора важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ Жан-дармскихъ Управленіяхъ Имперіи въ теченіе 1889 года.)

I.

1889-й годъ снова выдвигаетъ заграничныхъ эмигрантовъ на путь наступательной революціонной дѣятельности и важнѣйшія дознанія, возникшія въ отчетномъ году, были главнымъ образомъ направлены къ изслѣдованію происковъ заграничныхъ революціонеровъ. Послѣдовавшія въ 1887 и 1888 годахъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія мѣропріятія повлекли за собою увольненіе изъ университетовъ большого числа молодыхъ людей, преимущественно евреевъ, которые направились для окончанія образованія въ Швейцарію и присутствіемъ своимъ въ Цюрихъ, Женевъ, Бернъ и др. городахъ, совершенно измѣнили направленіе революціонной дѣятельности эмигрантскихъ кружковъ. При посредствѣ вновь прибывшихъ завязывались сношенія съ Россіей, получались свѣдѣнія о господствующемъ будто бы общемъ неудовольствіи, о возбужденіи умовъ среди учащейся молодежи, — и въ результатъ настроеніе руководящихъ эмигрантскихъ кружковъ, подъ влияніемъ преувеличенныхъ и тенденціозныхъ свѣдѣній, въ значительной степени утратило прежній угнетенный характеръ. Быть можетъ, тутъ не малую роль играло сознаніе необходимости сдѣлать что-нибудь, ради сохраненія авторитета передъ молодежью. Такъ или иначе, наплывъ русскихъ студентовъ въ Швейцарскія учебныя заведенія несомнѣнно послужилъ къ подъему духа среди эмигрантовъ и далъ толчекъ ихъ революціоннымъ стремленіямъ.

Еще осенью 1888 года были получены свѣдѣнія, что студентъ Политехнической школы въ Цюрихъ, купеческій сынъ, еврей, Рафаиль Соловейчикъ долженъ въ ближайшемъ будущемъ прибыть изъ Швейцаріи въ Россію съ порученіями революціоннаго характера. Установленнымъ наблюденіемъ выяснено, что дѣйствительно Соловейчикъ, прибывъ въ ноябрѣ на родину въ Гродненскую губернію, отправился ватѣмъ въ Кіевъ, Одессу и другія мѣстности, гдѣ, съ цѣлью присканія сотрудниковъ для революціонныхъ журналовъ и водворенія нелегальныхъ изданій, вступалъ въ сношенія съ личностями сомнительной благонадежности. Почти одновременно съ появленіемъ Соловейчика имѣлись указанія изъ достовѣрныхъ источниковъ, что кромѣ него въ Россію прибыла осенью изъ заграницы еще какая-то нелегальная личность, повидимому, весьма серьезная и обставленная вполне конспиративно, которая поддерживала сношенія съ извѣстнымъ эмигрантомъ Петромъ Лавровымъ, и получала отъ него письма по адресу студента Харьковскаго Университета Семена Стояновскаго — „для передачи Р. О. Носкову“. По розыскамъ „Носкова“ ни въ Харь-

ковъ, ни въ другихъ мѣстностяхъ не оказывалось, и адресъ этотъ очевидно былъ условнымъ. Между тѣмъ, содержаніе одного изъ писемъ Лаврова къ „Носкову“, добытаго агентурнымъ путемъ, не оставляло сомнѣнія въ революціонныхъ стремленіяхъ прибывшей личности, посылавшей, повидимому, названному эмигранту отчетъ о результатахъ своей поѣздки.

Содержаніе обнаруженнаго письма Лаврова было слѣдующее:

„Дорогіе товарищи и друзья! Въ моемъ отдаленіи отъ родины ничто не можетъ приносить мнѣ столько радости, какъ привѣтъ, приходящій изъ этой далекой родины, отъ той живой молодежи, на которую одну можно возлагать надежду для лучшаго будущаго Россіи. Благодарю васъ, дорогіе товарищи, за ту рѣшимость, которую вы высказываете, продолжать борьбу противъ врага нашего народа, борьбу за социальна-революціонные идеалы. Можетъ быть, впервые побѣда не такъ уже далека, какъ оно кажется. Но намъ слѣдуетъ подготовлять и дальнѣйшія побѣды. Если нашему поколѣнію стариковъ поздно надѣяться, что мы увидимъ торжество идеаловъ, за которые мы боролись, то позвольте намъ ожидать, что вы сдумаете отстоять красное знамя социальнаго переворота, что вы развернете это знамя надъ Россіей и что въ день торжества вы вспомните добрымъ словомъ тѣхъ, которые не дожили до этого важнаго дня, но работали, какъ умѣли, для его приближенія. Посылаю вамъ и вашимъ товарищамъ по дѣлу въ разныхъ углахъ въ Россіи мои лучшія пожеланія“.

Съ другой стороны по адресу Лаврова въ Парижъ, въ началѣ февраля 1889 года послано было изъ С.-Петербурга письмо за подписью „Ваша племянница Нина“ слѣдующаго содержанія:

„Любезный дядя! Меня очень удивляетъ, что „Адельгейда“ не получила до сихъ поръ никакого отвѣта на ея послѣднее письмо. Можетъ быть, вы не получили ея послѣдняго письма, такъ какъ адресъ не совсѣмъ вѣренъ? А. Е. *) писалъ мнѣ, что онъ не долго останется въ квартирѣ, въ которой жилъ тогда, и поэтому я не могла ему писать, хотя я имѣю сообщить много важнаго ему и вамъ. Пожалуйста, сообщите мнѣ надлежащій адресъ, куда бы я могла писать вамъ безъ опасенія. Самая большая новость, которую я могу вамъ сообщить, — это то, что нашъ тогдашній другъ Т. *) теперь въ Петербургѣ. Спрашивается, чѣмъ заплатилъ онъ за это свободное гулянье по улицамъ Петербурга? Парижане наши только много болтаютъ, а помѣшать его отъѣзду изъ Франціи не могли. По этому поводу я вамъ еще кой-что скажу въ слѣдующемъ письмѣ. Я здорова и очень довольна, что прибыла въ Россію. Пожалуйста, спросите элегантную даму, годенъ ли еще адресъ, который она мнѣ дала, я хочу ей сообщить вѣчто интересное, но такъ какъ я не увѣрена, вѣренъ ли адресъ, то откладываю писать ей пока не получу отъ васъ отвѣта да или нѣтъ“.

... Наконецъ, результаты негласнаго наблюденія по г. С.-Петербургу, къ концу 1888 г., указывали, что независимо отъ существованія обычныхъ кружковъ учащейся молодежи, занятыхъ изученіемъ социальныхъ и экономическихъ вопросовъ, въ Петербургѣ въ теченіе 1888 г. возобновился, будто-бы, тайный кружокъ изъ офицеровъ, подъ названіемъ кружка „милитаристовъ“, основаніемъ преступной дѣятельности которыхъ являлось измѣненіе существующаго государственнаго строя

*) Александръ Евгеніевичъ Орловъ.

***) Бывшій эмигрантъ Левъ Тихомировъ.

путемъ захвата власти войскомъ. Изъ лицъ, имѣвшихъ сношенія съ этимъ кружкомъ, обращала на себя вниманіе бывшая слушательница С.-Петербургскихъ педагогическихъ курсовъ, Охтенская мѣщанка Вѣра Гурари, въ квартирѣ которой происходили еще въ 1884 году сходки кружка военной учащейся молодежи.*) Вѣра Гурари была знакома съ какимъ-то офицеромъ Кронштадтской Крѣпостной Артиллеріи, по имени „Петромъ Георгіевичемъ“ и съ офицеромъ по имени „Евгеній“. Гурари съ своей стороны познакомила „Петра Георгіевича“ съ сыномъ Надворнаго Совѣтника Карломъ Качоровскимъ**), который постоянно вертѣлся среди неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ. Принятыми мѣрами установлено, что „Петръ Георгіевичъ“ — поручикъ Крѣпостной Артиллеріи Душевскій, а „Иванъ Константиновичъ“ — поручикъ той же Артиллеріи Чижевскій, поступившіе въ 1888 году первый — въ Военно-Юридическую, а второй — въ Михайловскую Артиллерійскую Академію.

Собразно вышеизложеннымъ даннымъ и направлены были съ конца 1888 года розыски по выясненію круга знакомства заподозрѣнныхъ лицъ, ихъ дѣятельности и сношеній. Въ началѣ 1889 г. имѣлись, кромѣ того, хотя и не въ опредѣленной формѣ, свѣдѣнія изъ за границы, что среди эмигрантовъ въ Швейцаріи предполагается устроить какое-то „дѣло“, и что, будто-бы, нѣсколько эмигрантовъ собираются тайно вернуться въ Россію въ теченіе 1889 года для усиленія рядовъ революціонныхъ дѣятелей.

Между тѣмъ, 14 февраля, въ г. С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, по 5-й линіи, въ д. № 36, въ магазинѣ письменныхъ принадлежностей, какая-то молодая женщина оставила при уходѣ свой кошелекъ, въ которомъ, между прочимъ, оказались двѣ шифрованныя записки и листокъ бумаги, на которомъ былъ написанъ проектъ преступнаго воззванія, по поводу уже совершившагося покушенія на Священную жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Воззваніе это слѣдующаго содержания:

„Устранивъ***) мы считаемъ нравственнымъ долгомъ объяснить русскому обществу значеніе совершившагося. Для тѣхъ, кто вмѣстѣ съ****) считали чудеснымъ спасеніе его при крушеніи поѣзда „17 Ок. 88 г.“, объяснять значеніе его смерти не нужно; воля Провидѣнія, сохранившая его тогда, теперь избрала насъ орудіемъ наказанія за массу причиненнаго имъ зла. Мы должны оправдать наше рѣшеніе передъ тѣми, которые не видятъ пользы въ насиліи и рекомендуютъ мирныя средства работы на пользу народа. Такихъ средствъ въ Россіи, по нашему убѣжденію, не существуетъ: печать скована, право сходокъ никогда не существовало, ходатайствовать о чемъ-нибудь фактически не мыслимо, суды подавлены и уже давно въ нихъ не раздавалось свободное слово, жалкіе остатки земскаго и городскаго самоуправленія затоптаны. Правительство, ссылающее по усмотрѣнію администраціи въ Сибирь за малѣйшую попытку помѣшать вопіющимъ злоупотребленіямъ, парализуетъ страхомъ всякое проявленіе общественнаго мнѣнія; и все это какъ разъ въ то время, когда уже и безъ того истощенную страну новыми

*) Дознаніе по дѣлу военно-революціонныхъ кружковъ 1884—85—86 гг. см. Обз. XII, стр. 56, 112, 165.

**) Состоитъ подъ наблюденіемъ.

***) Т. е. Александра III.

****) Александромъ III.

налогами доводятъ до окончательнаго разворенія; когда расхеды на армію и администрацію изъ года въ годъ возрастаютъ и поглощаютъ непроизводительно всё заработки народа; когда раззорительные займы, подрывая въ корнѣ самую возможность улучшения, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, благосостоянія народа, тратятся на постройку новыхъ дворцовъ, роскошныхъ яхтъ, на блестящіе балы и т. п. ватѣм, тогда какъ народъ безпомощно вымираетъ отъ нищеты и болѣзней, а пьянство, на которомъ выждется государственнй бюджетъ, слончательно подрываетъ здоровье народа въ настоящемъ и будущемъ поколѣніяхъ. Къ довершенію всего правительство задумало уничтожить самую тѣнь самоуправленія и подготавлиетъ возстановленіе крѣпостнаго права съ помѣщицей властью и розгами. Таково безотрадное настоящее! Что же сулило будущее?

Общество по-немногу свыхлось съ реакціей, какъ свыкаются люди съ удушливимъ смрадомъ. Движеніе правительства назадъ ко временамъ Аракчеева становилось все быстрѣе и замѣтнѣе. Самые мягкіе вначалѣ императоры становились къ концу жизни безчеловѣчными тиранами. Чего же можно ожидать отъ того, который, начавъ вистѣлицами, все время держалъ Россію въ осадномъ положеніи, практикуя въ мирное время смертную казнь и сылая тысячами въ административную ссылку. Людей, сочувствующихъ народу, хоронили важно въ казематы Шлиссельбургской крѣпости, не заботясь даже о соблюденіи хотя бы вѣншей формы работнаго суда сенаторовъ. Какъ выйти изъ такого положенія? Гдѣ искать опоры противъ столь ужасной дикой силы, организованной, опирающейся на миллионы штыковъ и располагающей почти столь же многочисленной арміей чиновниковъ и слугъ съ 888-ми милл. дохода?

„Средство одно: неуклонно устранять царя, воплощающаго въ себѣ всю систему деспотизма. И такъ: отказъ отъ неограниченной власти или смерть! Мы твердо рѣшили яврать это тяжелое, но единственное въ Россіи, средство борьбы съ врагами народа. Мы будемъ систематически уничтожать всякаго представителя царской власти, до тѣхъ поръ пока не явится возможность работать для народа законными путями: свободнымъ словомъ въ печати и свободною рѣчью во всероссійскомъ Земскомъ Собраніи. Мы положимъ оружіе только тогда, когда правительство, искренне и навсегда, отказавшись отъ угнетенія народа, сововетъ свободно избранныхъ всей русской землей людей земскихъ и ввѣрить имъ судьбу государетва. Тогда только представители царской власти будутъ въ безопасности.

„Насъ обвиняютъ въ разрушительныхъ намѣреніяхъ. Торжественно заявляемъ, что никогда не тронемъ ничьихъ законно приобрѣтенныхъ правъ. Мы боремся исключительно противъ неограниченной царской власти и призываемъ помочь намъ все русское общество. Наша конечная цѣль — поднять благосостояніе народа во всѣхъ общественныхъ классахъ. Для этого необходимо: облегченіе его нуждъ, образованіе и мѣры, направленные къ увеличенію производительности страны. Наши стремленія просты и легко достижимы:

„а) ограниченіе самодержавія всероссійскимъ Земскимъ Соборомъ, законодательнымъ, выбирающимъ отвѣтственныхъ предъ нимъ министровъ, и контролирующимъ всё отрасли государственнаго управления и народной жизни;

„б) широкое мѣстное городское и земское самоуправленіе;

„в) независимый судъ.

„Въ отношеніи мѣръ, неотложно необходимыхъ, мы считаемъ на первомъ планѣ самое широкое распространеніе, безъ различія вѣроисповѣданія и пола, народнаго образованія, во-первыхъ, низшаго земледѣльческаго и техническаго, во-вторыхъ, средняго съ уничтоженіемъ классизма и, въ-третьихъ, вышшаго общаго и спеціальнаго. Затѣмъ нужно отменить налоги, тяжело падающіе на бѣдные классы общества. Сокращеніе численнаго состава арміи и срока обязательной службы для солдатъ. Уничтоженіе паспортовъ. Бесплатное надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ казенными землями и лѣсомъ. (Фаб.) Средства къ проведенію реформъ мы находимъ въ сокращеніи массы ненужныхъ расходовъ на армію и флотъ, строгой экономіи въ расходахъ и въ продажѣ безчисленныхъ сокровищъ, никому не нужныхъ дворцовъ, награбленныхъ у народа.“

Принятыми къ розыску этой женщины мѣрами первоначально по доверію пало на проживавшую въ меблированныхъ комнатахъ дома № 40, по 5 линіи Васильевскаго острова, слушательницу высшихъ женскихъ курсовъ, С.-Петербургскую мѣщанку Евгенію Григорьеву, которая и ранѣе возбуждала сомнѣніе въ своей политической благонадежности сношеніями съ студентомъ Лѣснаго Института Чешинимъ, принадлежащимъ къ тайнымъ кружкамъ учащейся молодежи. Но затѣмъ оказалось, что какая-то женщина, проживавшая въ одной квартирѣ съ Григорьевой по Швейцарскому національному паспорту на имя уроженки Базельскаго кантона Вильгельмины Браунъ, 18-го того же февраля, выйдя изъ своей квартиры, домогъ болѣе не возвращалась. Разслѣдованіемъ о личности Браунъ было выяснено, что она проживала по національному документу, выданному полиціей округа Листаль, кантона Базель, уроженкѣ села Бубендорфъ, Вильгельминѣ Робертовой Браунъ, 11-го октября (н. с.) 1888 года за № 876, визированному въ Россійской Миссіи въ Бернѣ 13-го того же октября за № 565. Личность эта 22-го октября 1888 года прибыла въ Харьковъ, — остановилась въ гостиницѣ „Вѣна“, 27-го октября перешла въ д. № 6 по Капарской улицѣ, около 15-го ноября выѣхала изъ Харькова, 20-го ноября была въ Москвѣ, гдѣ остановилась въ гостиницѣ „Европа“, а 25-го ноября пріѣхала въ Петербургъ и поселилась первоначально въ д. № 35 по 2-й линіи Васильевскаго острова, а съ 31-го декабря 1888 года перешла въ д. № 40 по 5-й линіи. Хозяева квартиръ въ Петербургѣ, гдѣ проживала Браунъ, удостовѣрили, что ее посѣщали студентъ С.-Петербургскаго Университета Михаилъ Стояновскій и какіе-то два офицера, при чемъ даже послѣ исчезновенія Браунъ, Стояновскій приходилъ въ ея комнату и бралъ какую-то книгу. Собранныя справки указывали, что Михаилъ Стояновскій — родной братъ Семена Стояновскаго, на имя котораго получены изъ заграницы подозрительнаго содержанія письма для передачи какому-то лицу, скрывающемуся подъ именемъ Носкова.

22 февраля (6 марта) 1889 года, въ Швейцаріи, въ гор. Цюрихѣ, произошелъ взрывъ бомбы, которымъ убитъ эмигрантъ Исаакъ Дембо *) и тяжело раненъ эмигрантъ Александръ Дембскій. Обстоятельство это въ виду вышеуказанной прокламаціи вызывало предположеніе о суще-

*) Розыскиваемый по дѣлу преступнаго замысла 1-го марта 1887 год. Общ. XII, стр. 9, 19, 52, 107 и Общ. XIII, стр. 44, 47.

**) Общ. VIII, стр. 45, 97. Общ. IX, стр. 51, Общ. X, стр. 65. Общ. XIII, стр. 44, 51.

ствования связи между прокламаціей и эмигрантами, вслѣдствіе чего у Григорьевой и Михаила Стояновскаго были произведены обыски, при чемъ у нихъ ничего преступнаго не оказалось.

... Предпринятыя розыски выяснили, что Гинсбургъ, она же Вранъ, отправилась по Лозово-Севастопольской дорогѣ въ Севастополь, откуда въ началѣ мая мѣсяца писала въ с. Акимовку бывшему своему жениху, учителю Никифору Сидорову о высылкѣ ей какой-то книги въ Севастополь, по адресу оберъ-фейерверкера Севастопольской Крѣпостной Артиллеріи Алексѣя Орочко, который въ теченіе мая мѣсяца часто видѣлся съ какой-то „Маріей Николаевной“, при чемъ 15-го мая онъ, отецъ его Венедиктъ Орочко, мѣщанка Анна Шестопаль, содержатель аптекарскаго магазина Прейзнеръ съ женой и товарищъ Орочко Полторакинъ, катались по Севастопольскому рейду и гуляли въ Инкерманѣ. Въ личности „Маріи Николаевны“ Полторакинъ призналъ по карточкѣ Софью Гинсбургъ, а Прейзнеръ удостовѣрилъ, что знаетъ ее подъ фамиліей Логвиненко, и что она работала въ мастерской модистки Агафоновой. Послѣдняя указала адресъ „Маріи Николаевны“ въ домъ доктора Меркушева у нѣкой Киселевой, гдѣ, какъ оказалось, Гинсбургъ поселилась съ 31-го марта подъ именемъ и по документу Маріи Марковой Ямпольской. — 26-го мая Гинсбургъ заявила Киселевой, что, по случаю болѣзни родныхъ, она намѣрена выѣхать въ Екатеринославскую губернію, а 28-го мая какой-то неизвѣстный господинъ (оказавшійся впоследствии скрывшимся нынѣ за границу мѣщаниномъ Алексѣемъ Тепловымъ*) привелъ извозчика, на которомъ „Марія Николаевна“, взявъ свои вещи, отправилась на Графскую пристань и переѣхала на яликъ, вмѣстѣ съ Тепловымъ, на Инженерную пристань, а оттуда въ Панаѣотову балку, гдѣ наняли телѣгу на Бельбекъ. На половинѣ дороги они свернули на станцію Мекензѣвы горы, откуда „Марія Николаевна“, передѣвшись, уѣхала по желѣзной дорогѣ въ Вахчисарай, а Тепловъ вернулся обратно въ Севастополь. 31-го мая Гинсбургъ была задержана въ Вахчисарай, въ монастырской гостиницѣ подъ именемъ Вѣры Петровны Руцкой.

... Во время трехмѣсячныхъ почти розысковъ Софьи Гинсбургъ, по ея дѣлу арестованы: въ С.-Петербургѣ: слушательница высшихъ женскихъ курсовъ мѣщанка Евгенія Григорьева, студентъ С.-Петербургскаго Университета мѣщанинъ Михаилъ Стояновскій, слушательница высшихъ женскихъ курсовъ дочь Статскаго Совѣтника Татьяна Слѣпцова, поручики Кронштадтской Крѣпостной Артиллеріи Иванъ Чижевскій и Петръ Душевскій, и сестра послѣдняго домашняя учительница Викторія Душевская; — въ Харьковѣ: студентъ Университета мѣщанинъ Семень Стояновскій, сестра Софьи Гинсбургъ слушательница акушерскихъ курсовъ Елизавета Гинсбургъ, бывшій студентъ, купеческій сынъ Левъ Фрейфельдъ, студентъ мѣщанинъ Исаакъ Шапиро, купеческій сынъ Яковъ Фрейфельдъ; — въ Таврической губерніи: народный учитель Никифоръ Сидоровъ, оберъ-фейерверкеръ Севастопольской Крѣпостной Артиллеріи Алексѣй Орочко, мѣщанка Анна Шестопаль, и на станціи Лозовой — домашняя учительница Марія Ямпольская, по виду которой Гинсбургъ

*) Тепловъ приговоромъ Особаго Прис. Прав. Сената въ апрѣлѣ 1878 года осужденъ къ ссылкѣ на поселеніе по обвиненію въ подстрекательствѣ рабочихъ къ бунту. Въ декабрѣ 1882 г. Теплову разрѣшено возвратиться въ предѣлы Имперіи, гдѣ за нимъ и учрежденъ надзоръ.

жила въ Севастополѣ. Независимо отъ сего задержанъ въ г. Ялтѣ студентъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Сергѣй Чаевъ, служившій посредникомъ въ перепискѣ Татьяны Слѣпцовой.

... Непосредственной причиной обысковъ и арестовъ въ С.-Петербургѣ и другихъ мѣстахъ послужилъ происшедшій 22-го февраля (6-го марта) 1889 года въ Швейцаріи, на одной изъ горъ близъ Цюриха, въ мѣстности называемой Петерстобель, взрывъ бомбы, которымъ убитъ бѣжавшій въ 1887 году за границу, подлежавшій привлеченію къ дѣлу преступнаго замысла 1-го марта 1887 года, понежѣжскій мѣщанинъ Исаакъ Вульфъ Дембо*), проживавшій въ Цюрихѣ подъ именемъ Бришштейна, и тяжело раненъ также скрывшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ за границу по политическимъ причинамъ, дворянинъ Варшавской губерніи Александръ Дембскій**), проживавшій въ Цюрихѣ подъ именемъ Ясинскаго.

Вечеромъ 22 февраля (6 марта) трое русскихъ студентовъ медиковъ Цюрихскаго Университета, Левъ Уманскій, Александръ Поповъ и Моисей Кониковъ доставили въ Кантональный госпиталь сильно раненаго Дембскаго, а черезъ нѣсколько часовъ туда же былъ принесенъ и отысканный на горѣ, съ оторванными ногами Дембо, умершій на слѣдующій день отъ полученныхъ ранъ.

Первоначально лица эти не давали никакихъ объясненій, но за нѣсколько часовъ до смерти, Дембо, сохранившій полное сознаніе, уступая настояніямъ слѣдователя очистить свою совѣсть, сознался, что онъ — „нигилистъ“, и „опыты съ разрывными бомбами“ были предприняты съ „цѣлю подготовленія задуманнаго дѣянія“. Черезъ нѣсколько дней удалось получить нѣкоторыя указанія и отъ Дембскаго, сущность заявленія котораго сводится къ слѣдующему.

За нѣсколько дней до несчастнаго случая, Дембо, съ которымъ Дембскій уже знакомъ давно, сообщилъ ему, что изобрѣлъ взрывчатое вещество, имѣющее „ужасающее дѣйствіе“, и пригласилъ его присутствовать при опытѣхъ съ этимъ взрывчатымъ веществомъ, такъ какъ онъ, Дембо, по близорукости, не могъ судить о послѣдствіяхъ взрыва, а Дембскій обладалъ прекраснымъ зрѣніемъ. Заинтересовавшись этимъ вопросомъ „съ научной точки зрѣнія“, Дембскій принялъ приглашеніе и въ условленное время, послѣ полудня 6-го марта (нов. ст.), они отправились въ избранную заранѣе Дембо мѣстность. Дойдя до вершины горы, Дембо вынулъ изъ кармана три шара различной величины и жестяную коробку, наполненную снѣгомъ, въ которой находилась бутылочка съ жидкостью коричневаго цвѣта. Шары были тутъ же наполнены этой жидкостью, завинчены, и затѣмъ начались опыты, состоявшіе въ бросаніи этихъ шаровъ на скалу, находившуюся по ту сторону горнаго ручья. По словамъ Дембо, взрывъ долженъ былъ послѣдовать отъ удара. Чтобы лучше наблюдать дѣйствіе взрыва на свѣжѣмъ снѣгу, шары были завернуты въ темную бумагу и крѣпко обвязаны бичевками. Опыты метанія снарядовъ продолжались отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ, при чемъ взрыва не послѣдовало. Утомленный, наконецъ, вслѣдствіе напряженія силъ отъ бросанія снарядовъ и доставанія ихъ обратно на крутомъ и мало доступномъ обрывѣ ручья, Дембскій просилъ отложить дальнѣйшіе опыты и, такъ какъ наполненные жидкостью шары могли взорваться отъ теплоты, то они, при по-

*) О Дембо см. Обз. XII, стр. 9, 19, 52, 106, Обз. XIII, стр. 44, 47.

**) См. Обз. VIII, стр. 45, 97, Обз. IX, стр. 61, Обз. X, стр. 65, Обз. XIII, стр. 44, 51.

мощи отвертокъ, приступили къ опорожненію шаровъ, что и удалось сдѣлать только съ шаромъ наименьшаго діаметра. Шляпки винтовъ двухъ остальныхъ были сильно помяты отъ ударовъ, и всё усилія вывернуть ихъ оказались тщетными, вслѣдствіе чего, по словамъ Дембскаго, они уже рѣшили оставить шары на мѣстѣ, и случайно, почти одновременно, уронили ихъ передъ собой въ снѣгъ. За надеіемъ послѣдовалъ страшный взрывъ, сопровождаемый огнемъ, въ видѣ молніи, нанесшій обоимъ имъ тяжкія пораненія. Очнувшись первымъ, Дембскій увидѣлъ, что Дембо оторвало ноги, и отправился, съ большимъ трудомъ, за помощью въ городъ, гдѣ, встрѣтивъ русскихъ студентовъ, рассказалъ о случившемся.

При осмотрѣ на слѣдующій день мѣста происшествія, найдены куски вышеупомянутой темной бумаги, а также жестянка съ бутылочкой, въ которой находилось взрывчатое вещество. Жестянка эта была принесена въ госпиталь и когда ее показали Дембскому, онъ заявилъ, что въ ней находится именно та жидкость, которою наполняли бомбы, и просилъ скорѣе поставить ее въ холодную воду и въ темное мѣсто, такъ какъ въ противномъ случаѣ можетъ послѣдовать взрывъ. Хотя бутылка была сейчасъ же поставлена въ воду, но тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько минутъ пробку сильно выбросило къ потолку и одинъ изъ слугителей, опасаясь большого взрыва, выбросилъ бутылочку на дворъ. Обстоятельство это лишило экспертовъ возможности точно опредѣлить составъ взрывчатого вещества (о которомъ Дембо не пожелалъ дать никакихъ указаній), хотя по нѣсколькимъ каплямъ жидкости, сохранившейся въ бутылочкѣ, экспертъ пришелъ къ заключенію, что жидкость составляла нитроглицеринъ, доведенный чрезъ неполное окисленіе до бинитроглицерина.

Приводимъ заключительныя строки обзора русскаго революціоннаго движенія за 1889 г.

„Вышеизложенныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ проявленіяхъ соціально-революціоннаго движенія въ Швейцаріи свидѣтельствуютъ, что преступныя замыслы съ неизмѣнной настойчивостью продолжаютъ свое пагубное вліяніе: переходя какъ бы изъ поколѣнія къ поколѣнію, они поддерживаютъ броженіе въ умахъ учащейся молодежи, и если 1889-й годъ не далъ ни одного крупнаго политическаго преступленія, то такой результатъ надлежитъ всецѣло приписать бдительности полиціи и жандармскихъ управленій. Настоящее положеніе вещей представляется серьезнымъ въ томъ отношеніи, что заграничные эмигранты, повидимому, рѣшились выступить рѣшительно впередъ и, если у нихъ достанетъ энергіи и средствъ, то, безъ сомнѣнія, они могутъ создать чрезвычайныя осложненія въ трудномъ дѣлѣ политическаго наблюденія. Поэтому все вниманіе жандармскихъ управленій и полиціи должно быть направлено на розыски бѣжавшихъ и окрывающихся отъ преслѣдованія лицъ. Задержаніе хотя бы одного бѣжавшаго, по своимъ послѣдствіямъ, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, приостановить ростъ движенія на продолжительное время и, такимъ образомъ, прервать наслѣдственность революціонныхъ традицій, что представляется дѣломъ первостепенной важности.“

Царскій Листокъ.

Еще въ 1900 году въ № 1 „Былого“ мы обращались къ своимъ корреспондентамъ съ просьбой познакомить насъ съ такъ называемымъ Царскимъ Листкомъ, но только въ настоящее время любопытство наше удовлетворено. Мы не можемъ не подѣлиться съ читателями полученными свѣдѣніями.

Царскій Листокъ — любопытное періодическое изданіе. Онъ, если не ошибаемся, выходитъ въ одномъ экземплярѣ, — озаглавленъ такъ: „Сводъ заслуживающихъ вниманія свѣдѣній по Департ. Полиціи“. Листокъ не печатается, а издается рукописно, какъ это видно изъ прилагаемого fac-simile. Его составители и редактора — члены комитета иностранной цензуры, работающіе по указаніямъ и подъ непосредственнымъ руководствомъ Мин. Вн. Дѣлъ. Въ годъ выходитъ 10—15 тетрадей, — каждый томъ заключаетъ 500—600 стр. На каждой тетради имѣются: 1) помѣтки Николая II (напр., на прилагаемомъ fac-simile черта и двѣ точки); 2) справки Иксуля или (что чаще) Горемыкина о томъ, когда и гдѣ журналъ рассмотрѣнъ царемъ; 3) замѣтки ген.-адъютанта Гессе, самаго близкаго къ царю человека, всегда внимательно читавшаго эти доклады Деп. Полиціи, какъ это можно видѣть по его помѣткамъ на поляхъ.

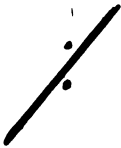
Ниже мы даемъ подробный перечень тѣхъ темъ, о которыхъ говорилось въ докладахъ царю. Читатели легко сами увидятъ, о чемъ докладываютъ царю и тѣмъ, слѣдовательно, онъ интересуется. На первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, борьба съ революціей. Царя очень занимаетъ, что дѣлаютъ эмигранты въ Лондонѣ или Парижѣ, что печатается въ тайныхъ типографіяхъ, кто и какъ предательствуетъ, какія письма перехвачены, что вообще слышно по части искорененія крामолы. Въ видѣ приложеній въ Листкѣ имѣется много очень любопытныхъ гектографированныхъ и печатныхъ прокламацій, копій съ перехваченныхъ писемъ и отобранныхъ при обыскахъ рукописей, билетовъ лотерей, устроенныхъ съ революціонными цѣлями и т. д.

Повидимому, Николай II и его правая рука Гессе еще очень довольны тѣмъ, какъ составляются доклады Министромъ В. Д., и въ продолженіе многихъ лѣтъ характеръ Царскаго Листка не измѣняется: его составители, очевидно, попадаютъ въ точку и удовлетворяютъ спросу. На царя они, очевидно, смотрятъ какъ на главнаго перлюстратора чужихъ писемъ, — это видно изъ того, что „Своды“ переполнены перехваченными письмами, которыя съ почты тотчасъ послѣ перлюстраціи, попадаютъ къ Николаю II, какъ это видно по датамъ, между прочимъ, и перехваченнаго письма Л. Толстого, которое мы печатаемъ ниже

Предполагается, что Николай II очень интересуется результатами обысковъ, арестами, доносами предателей, — и вотъ въ одномъ докладѣ сообщается, что попали на слѣдъ тайной типографіи, въ слѣдующемъ, что типографія, судя по сообщеніямъ тайныхъ агентовъ, находится гдѣ-нибудь около Бобруйска, наконецъ, сообщается радостная вѣсть государственной важности, которую глава многомилліоннаго государства долженъ знать и не можетъ не знать, что эта преступная типографія найдена и притомъ найдена именно въ Бобруйскѣ!...

Соборнаго Во Императорскому Высочайшему
Указу гласнаго въ Свѣдѣніе 15 Сентября 1891

Исполненіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ
Генералъ-Адмирала Николая Николаевича

Долгомъ поставляю себѣ
въ неподданнѣйшемъ преданіи
вѣсти при семъ Вашему
Императорскому Ве
личеству свою записку:
содержащую вниманіе
содержанію по Департаменту
тѣхъ Помощи, за время съ
22 минутоваго Августа
по 11: себѣ Сентября

Заравидѣній Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ
Генералъ-Адмирала Николая Николаевича

Н. В. Ш.

12. Сентября 1891

№ 600

19/5/91 2007

Таково содержаніе Сводовъ „заслужившихъ вниманія“ Николай II свѣдѣній о политической жизни Россіи!.. Это характеризуетъ не только составителей сводовъ и царя, но и весь современный политическій строй въ Россіи. Читая эти своды невольно думаешь, до какого паденія дошла въ Россіи самодержавная власть!... Что полиція обыкновенно пользуется перехваченными письмами —, это извѣстно и всѣмъ тѣмъ, кто отрицаетъ съ думской кафедры существованіе въ Россіи черныхъ кабинетовъ, но чтобы перехваченныя письма чуть не по телеграфу докладывались царю — это едва ли кому могло прійти въ голову. Герценъ рассказывалъ въ „Колоколѣ“, что однажды Александру II принесли изъ тогдашняго III Отдѣленія списокъ лицъ, посѣщавшихъ лондонскаго эмигранта, — Александръ II бросилъ въ печь этотъ списокъ, не читая его, считая для себя позоромъ читать донсои. А теперь какой прогрессъ!... Царскій Листокъ почти сплошь состоитъ изъ доносовъ, изъ перехваченныхъ писемъ, изъ шпионскихъ донесеній, изъ показаній предателей... и польъ всѣмъ этимъ: „Прочелъ съ удовольствіемъ!“...

Впрочемъ, на страницахъ „Былого“ мы не имѣемъ въ виду читать кому бы то ни было мораль. Мы только отмѣчаемъ то, что было. Такова задача нашего органа.

Ниже даемъ содержаніе Царскаго Листка за 1898 г., а потомъ одну изъ его главъ о Л. Толстомъ.

„Сводъ“ 17 XII. 97 — 6 II 98. (3-36)

Объ арестахъ въ С.-Петербур. (о „Красномъ Крестѣ“, 3-7; о рабочихъ въ связи съ „Рабочей Мыслью“, 7-14), Варшавѣ (крест. Гоксецкаго, „являющагося однимъ изъ выдающихся подстрекателей рабочихъ“, 25-27), Ченстоховѣ (инж. Змигродскаго и др. 27-29). — О появленіи воззваній и газетъ въ Николаевѣ („Къ товарищамъ рабочимъ, 29-30); въ Кіевѣ („Раб. Газета“ и брошюры с.-р., 27), — Вильнѣ („Голосъ Рабочихъ“, 19-21), Москвѣ („программа московскаго союза борьбы за освобожденіе раб. класса“, 14-15), Ригѣ (на нѣм. и рус. яз. и откровенное показаніе студ. I. Долгихъ, 22-25), въ Харьковѣ (по поводу изд. студентами брошюры революціоннаго содержанія: „Каутскій. — „Эконом. ученіе К. Маркса“, „К. Цеткина — Перемѣна въ экономич. полож. женщины“, 21-22). — О безпорядкахъ въ Москвѣ и Вышнемъ Волочкѣ (рабочихъ, 30), Эривани (Духов. семинар. 31-32) и въ разн. мѣстностяхъ Россіи (крестьянъ 32-36). Объ установленіи связей между лондонскими и русскими рабочими, 15-19. — О Б. Оржихѣ (31).

„Сводъ“ 6 II — 19 III 98 г. (39-80).

О безпорядкахъ въ Либавѣ (столкновеніе между латыш. и рус. раб. 66-68), въ Кіевѣ (рабочихъ и воззванійхъ с.-р. 60-62), по поводу нормировки раб. дня, 62-66). — О воззваніяхъ въ Екатеринославѣ (53-55, къ рабочимъ); „Колпинскимъ рабочимъ“ (55-56; приложение: прокл. „Къ колпинскимъ рабочимъ“), въ Вильнѣ (Литов. с.-д; 56); въ Харьковѣ („Ко всѣмъ хар. раб.“ 56-57). — Объ арестахъ въ Москвѣ (дѣло „Юж.

Рус. Раб. Союза, 39-45; рязанскаго землячества, 45-47); въ Петербургѣ (въ связи съ воззваніями къ рабочимъ. Откровенное показаніе студ. Леонова. 49-53. Приложение: „Рукопись, отобранная у Леонова“); въ Вильнѣ (сходка мастеровыхъ 57-58); Батумѣ (58-59), Пензѣ (нелегал. библиот. 68-70), въ Варшавѣ (нелег. польск. литер. 70-72), Ковенской губ. (съ жмудско-литовскими воззваніями 72-73), на границѣ (литов. нелег. литер. религіозн. содерж. 73-75). — Дополненіе объ Змигродскомъ (Р. Р. С. — 59-60). — О В. Панкратовѣ (77-78). — О денежномъ отчетѣ „Краснаго Креста“ (75-76) и арестъ въ СПб. рукописн. матеріаловъ для предполагаемыхъ изданій „Краснаго Креста“ (393 фотогр. карточки, планъ Шлиссельб. тюрьмы, біографіи арестованныхъ и ссылныхъ и пр. 79-80). — О купонахъ для сбора денегъ въ Сѣв. Америкѣ въ пользу русск. полит. ссыльныхъ (76-77. Прилож.: экземпляръ купона). — Самоубійство Сыцянка (47-48) и др.

„Сводъ“ 19 III — 20 IV (85-111).

О взрывѣ въ учит. сем. Симбирск. губ. (107-108). — О движеніяхъ рабочихъ въ Лифля. губ. (97-98), Колпинѣ (98-100), Александр. мех. зав. (100-101). — Объ арестахъ въ Ковнѣ (101), членовъ Южно-Р. Раб. Союза (и матеріаловъ для 3 № „Раб. Газеты.“ 86-90. Прилож: манифестъ объ объедин. с.-д. организаціи), Пензѣ (дополненіе. 92-95). Дополненіе о С. Змигродскомъ (96-97). Объ обыскѣ въ Саратовѣ у Валер. Балмашева и др. въ связи съ образованіемъ кружка „Новыхъ Народоольцевъ“ (90-92). О воззваніяхъ въ Вилен. губ. (102), Вильнѣ (первом. 104-105), Ригѣ (105-107. Прилож.: Три экземп. воззваній на рус., нѣм. и латыш. яз.). — Объ организаціи рабочихъ на Брянскомъ зав. въ Орлов. губ. (102-104). — О самоубійствѣ С. Костромина (85-86. Прилож: воззваніе студентовъ по поводу самоубійства). — Объ избіеніи полицейскими чинами врача въ Ковен. губ. (108-109). — О представленіи въ Выборгѣ пьесы — гдѣ выставляется обрядъ католической службы (109-111).

„Сводъ“ 20 IV — 15 V. (115-174)

О покушеніи на директора зав. Рейнера въ Нижег. губ. (138-141). на мастера (Уфим. губ. (137); избитіи управляющаго зав. (Екатерин. губ. 141-142). — О бевпорядкахъ на фабр. и заводахъ (142-144), въ Вилен. губ. (170-172), Подольской. губ. (168-170). — Объ арестахъ въ Елисаветградѣ (и др. мѣстн. „Юж. р. р. Союза“. 124—126); Варшавѣ (рабочихъ П. П. С., 126—127; массовки, 127—129), въ Петроковской г. (133—135), на границѣ (контрабандиста съ над. армянскихъ „Дрошакистовъ“. 166—167). — Объ нелегальныхъ изданіяхъ въ Женевѣ („Матеріалы объ русской печати“. О намѣреніи соц.-д.-овъ лишить жизни нач. СПб. охранки полк. Пирамидова, 122—124). По поводу 1-го мая (кіевск. студент., польск., кіевск. и петерб. рабочихъ. 129—130, 130—133. Приложение: 1. Воззваніе К. Союзн. Студенч. Совѣта, 2. то же, съ описаніемъ праздника, 3. Приглашеніе Польск. Раб. Комитета на массовку, 4. „Кіевск. Союза Б. за Осв. Раб. Кл.“, 5. „Петербургъ“, того же союза). Прокл. въ СПб. (по поводу панихиды о С. Костроминѣ, 136—137. Приложение: „Къ студентамъ“. Объ Кассѣ „Союза Борьбы за Осв. Раб. Кл.“ въ СПб. (135—136). О толстовской англійской колоніи и перехваченномъ письмѣ Л. Толстого [115—122. Приложение Л. Толстой: О помощи духоборамъ]. Чистосердечное показаніе студ:

Ал. Леонова о своихъ „юношескихъ“ увлеченіяхъ (149—163). О бумагахъ, взятыхъ у студ. Шуляковского въ Кіевѣ (163—165). Дополнительныя свѣд. о пропагандѣ въ Пензѣ (145—149), — и пр.

„Сводъ“ 15 V—9 VI (175—243).

О динамитномъ взрывѣ въ Петроков. губ. (177). — Объ убійствѣ пристава (Владикавказъ, 181—182), околот. надаяр. (Баку, 177—180), покушеніе на младш. объѣздчика (Сувалк. губ. 180—181), покушеніе на учителя (183, Эрив. губ.). — О безпорядкахъ рабочихъ въ Або (демонстрація, 182—183), Нижегородской губерніи (184—185 и 187—191), Гродненской губерніи (185—187), Екатеринославской губерніи (191—193), Варшавѣ (коробочная мастерская 194—195), Выборгѣ (собранія рабочихъ, 197—199), забастовки въ разныхъ мѣстностяхъ (199—204), крестьянъ въ Подольской губерніи (173—177), Витебской (землекопы, 193—194). — О сопротивленіи при обыскѣ (Ковна, 184). — Объ арестахъ въ СІВ. (рабочихъ. 207—210), Варшавѣ (196—197, съ проклам. къ рабочимъ отъ с. д.). — Объ нелегальныхъ изданіяхъ въ Екатеринбургѣ (206—207. Приложение: „Къ всѣмъ Екатер. рабочимъ“). Калугѣ (210—211. Прил.: „Рабочимъ вагоннаго цеха калужскихъ мастерскихъ“), брошюркѣ на литовск. языкъ: „Литовцы подъ игомъ москалей“ (204—206), обзорніе литовск. нелег. „интеллигентныхъ“ изданій за границей (226—232), о „Рабочемъ Курьерѣ“ (П. П. С., 232—233), объ изданіи „Манифеста“ Р. С. Д. Р. П.“ (233—235. Приложение: 1. Манифестъ, 2. Листокъ для сбора пожертвованій). — Дознавіе по дѣлу о с. д. пропагандѣ среди латышскаго населенія въ Ригѣ (219—226), о кружкахъ рабочихъ „Ю.-р. р. с.“ въ Николаевѣ (дополненіе, 214—218). — О негласномъ наблюденіи за раб. Обуховскаго завода (211—214). — О самоубійствѣ г. Аптекмана (въ Полтавѣ, 218—219) — О поѣздкѣ эмигранта кн. Черкезова въ Россію (235—240). — Объ организаціи въ Нью-Йоркѣ „Вспомогательн. Союза для Еврейскаго движ. въ Россіи“ (240—242), — и пр.

„Сводъ“ 9 VI—6 VII. (249—290).

О покушеніи на начальника участка (Сухумскій округъ, 249—250), покушеніе на жандарма (249—252). — О сопротивленіи полиціи въ Люблинской губ. (264—265). — О рабочихъ безпорядкахъ въ Варшавѣ (коробоч. мастерскія, 254—255), Екатеринбургѣ (261—264, 274), СІВ. (276), Владим. губ. (275—276), Брян. зав. Орлов. губ. (дополнительн. свѣдѣнія 265—272), на станціи „Сабліно“ Никол. ж. д. (272—274), въ разныхъ мѣстностяхъ (276—279), Черниговѣ (279—282). — Крестьян. волненія въ Волян. губ. (252—253; 260—261), Херсон. губ. (разгромъ имѣнія. 253—254). Кіев. губ. (избіеніе полиціи, 257—260). — О виновненіи партіи арестантовъ, слѣдовавшихъ въ Приленскій край и усмирени ихъ. (250). — Объ арестахъ въ Москвѣ (сходки рабочихъ 289—290); Кіевѣ (транспорта нелег. украинскихъ изданій 283—285), Варшавѣ (двухъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ черныя платья съ красной отдѣлкой, въ чемъ усматривалось демонстраціонное дѣйствіе, 255—257). — О прокламаціяхъ на жмудско-литов. яз. отъ американскихъ раб. на столбахъ СІВ-Варш. ж. д. (282—283), въ Сувалов. губ. (285—286). — Откровенное показаніе раб. Сало (П. П. С., 286—289).

„Сводъ“ 6—24 VII. (294—329).

О забастовкѣ на зав. Илевскомъ, Нижег. губ. (296—298), въ Гродн. губ. (298—300), рабочихъ строящихъ Троицкій мостъ (294—295). — Свѣдѣнія о волненіяхъ рабочихъ въ Екатеринославѣ (295—296). — Объ арестахъ членовъ „Харьк. С. Рабочихъ“ (300—303), въ Москвѣ (сходка рабочихъ, 303—306) на границѣ и въ Нижегородской губерніи (въ связи съ пропагандой „римско-католицизма“, 306—309), на югѣ въ связи съ проваломъ „ю. р. союза“ (313—329. Прилож.: Манифестъ с. д. р. п.) — О голодовкѣ въ Одесской тюрьмѣ (309—310). — О толстовской организаціи въ Авгли (311—312). — О манифестѣ р. с. д. р. п. (310—311).

„Сводъ“ 24 VII—25 VIII. (332—384)

О крест. безпор. въ Тверской губ. (332—334), Пинскомъ уѣздѣ (336—340). — О волненіяхъ раб. въ Москвѣ (забастовка, 344—346), на Брянскомъ заводѣ (предварит. слѣдствіе, 340—344), на станціи Бобринская (346—349). Объ ограбленіи почты близъ Екатеринослава (335—336), на станц. Средне Сиб. ж. д. (383—384). — Объ арестахъ въ СПБ (въ связи съ листовкой „Уставъ Боевой Кассы“ 349—353), въ Елизаветградѣ (въ связи съ „ю. р. раб. с.“ 375—377), Киев. губ. (377—378), на границѣ (М. Ростовцевой. 378—380). — Откровенное показаніе Соркина, арестов. по дѣлу Бѣлост. типогр. (353—360). — Дополнительное показаніе студента Леонова (о Киев. с.-р. 372—375). — О заграничныхъ группахъ револ.-эмиграціи. (Народовольцевъ, с.-р., с.-д., пол. с.-р., анг. общ. друзей русскаго народа, анарх., 360—372). — О самоубійствѣ въ Черниговѣ (найдена брошюра о Дрейфусѣ, 334—335), Николаевѣ (воен. фельдш. 380—381). — О пожарахъ въ Симбир. губ. (381—383).

„Сводъ“ 18 VIII — 15 IX (388—410).

О взрывѣ орудіянаго снаряда (388—389). — О раскрытіи заговора о покушеніи на помѣщика Кочубея крестьянами Черниговской губ., посредствомъ взрывч. веществъ (395—398). — О разбойникахъ близъ г. Елизаветграда (389—395). — Объ отъѣздѣ духоборовъ на о. Кипръ изъ Батума (408—410). — О безпор. рабочихъ въ Нижегородской губ. (406—408), на Брянскомъ зав. (400—405). — О крестьян. безпор. въ Курск. губ. (399—400). — и др.

„Сводъ“ 15 IX — 5 X (414—443)

О крестьян. безпор. въ Бессарабской губ. (415—417), Казанской (425—427), рабочихъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ (421—423), на фабригѣ Мальцева (судебн. приговоръ 420—421), Сосновецк. зав. (428—431), Забайк. обл. (433—434), въ разн. мѣстн. (431—433), ратниковъ ополченія въ Симферополѣ (417—420), евреевъ (попытка отбить изъ рукъ полиціи дѣвушку, желающую принять православіе. 414—415). — О прокламаціяхъ въ Екатеринославской губ. (434—436). — О бѣгствѣ изъ Сибири В. Махновца (441—443). — О закрытіи благотворит. общ. „Помощь Бѣднымъ“ въ виду „безусловно вредной дѣятельности“ (406—440). — О годичномъ отчетѣ общ. „Кр. Кресть“ (440—441). — прилож.: Отчетъ СПБ. общ. „Кр. Кр.“ — со списками заключенныхъ въ СПБ. и рп.

„Сводъ“ 5 X — 22 XII. (446—495)

О безпорядкахъ крестьянъ въ Воронежской губерніи (446—450), Херсонъ (450—453) Варшав. губ. (453—455), Вилен. губ. (459—460), Уфимск. губ. (убійство землевладѣльца, 455—457), новобранцевъ въ Тифлисѣ (457—459), среди студенчества въ Москвѣ (491—493), Варшавѣ (въ связи съ открытіемъ памятника Мицкевичу. 483—489), въ тюрьмахъ въ Кіевѣ (494—495), Москвѣ (попытка самоубійства 480—481). — Объ арестахъ въ Казани (460—464), Плоцкѣ (транспорта нелегальной литературы и лицъ, 464—468), въ Варшавѣ (на вокзалѣ, типогр. принадлежи. 474—476; ученика средне-техн. школы, 489—491) въ СПб. (въ связи съ прокл. „Къ рабочимъ фр.-рус. зав.“ 476—478). — Объ нелег. над. въ Кіевѣ (студ. землячества 472—473), Одессѣ (473—474), Вилен. губ. (объ открытіи памятника Муравьеву), въ Варшавѣ (объ открытіи памятника Мицкевичу 481—483). — О брошюркѣ по поводу значенія Мицкевича (471—472). — Объ раб. организаци въ Ив.-Вознесенскѣ (468—481).

ИЗЪ ЦАРСКАГО ЛИСТКА ОТЪ 20 АПР. — 15 МАЯ 1898 г.

Въ концѣ минувшаго марта графъ Левъ Толстой обратился къ проживающимъ въ Англии двумъ ближайшимъ своимъ послѣдователямъ, Владиміру Черткову и Павлу Буланже, съ просьбою, познакомиться съ однимъ лицомъ, находившимся въ то время въ Ниццѣ, которое расположено помочь деньгами изданію за границей обличительнаго противоправительственнаго толстовскаго органа и намѣрено пожертвовать на это дѣло до ста тысячъ рублей.

Въ настоящее время, по результатамъ наблюденія за границей, видно, что группа послѣдователей графа Толстого въ Англии, къ которой прибавился еще недавно прибывшій изъ Россіи Павелъ Бирюковъ, избрала своимъ мѣстопробываніемъ мѣстечко Ringleigh, вблизи города Мальдона, округа Essex, въ двухчасовомъ разстояніи отъ Лондона. Въ означенномъ пунктѣ обосновалась также и англійская колонія послѣдователей Толстого, руководителями которой являются тѣ же Чертковъ, Буланже и Бирюковъ. Здѣсь устроена прекрасно организованная типографія, наборщиками при которой состоятъ: нѣкій Сименсъ, работавшій раньше при типографіи „Легучихъ Листковъ“, и дочь купца Анна Шарапова. Приверженцы народившейся секты ведутъ оживленную переписку съ Л. Толстымъ, который руководитъ дѣятельностью Пирлейской колоніи. Къ настоящему времени, толстовской группой изданы слѣдующія брошюры:

1. «Напрасная жестокость», Черткова.
2. «Голосъ древней церкви», Трегубова.
3. «Помогите», Бирюкова, Черткова и Трегубова.
4. «Положеніе духоборцевъ на Кавказѣ», Бирюкова и Черткова.
5. «Письма Ольховика».
6. «Какъ читать Евангеліе», Л. Толстого.

7. «Приближеніе конца», его же.
8. «Объ отношеніяхъ къ государству», его же.
9. «Царство Божіе внутри насъ», его же.
10. «Житіе преосвященнаго Владимира, бывшаго Епископа Алеутскаго, нынѣ Епископа Черниговскаго, съ портретомъ Преосвященнаго», новое издание д-ра Судзыловскаго (Руссея).

Независимо отъ вышеизложеннаго, названная группа помѣщаетъ въ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ массу статей, открытыхъ писемъ и воззваній гр. Толстого, имѣющихъ цѣлью дискредитировать русское правительство и его внутреннюю политику по вопросу о сектантствѣ.

Постепенно расширяющаяся дѣятельность послѣдователей Л. Толстого, опирающаяся на сочувствіе къ ней извѣстной части русскаго общества, привела послѣдняго къ мысли основать обличительный органъ, специально предназначенный для распространенія его ученія, и въ основѣ котораго былъ бы положенъ принципъ о невозможности свободы совѣсти безъ свободы политической. Журналъ этотъ, имѣющій выходить подъ редакціей Павла Бирюкова, будетъ носить названіе „Жизнь“. На задуманное предпріятіе уже собрано будто-бы около 100000 р., причемъ однимъ изъ крупныхъ жертвователей въ 20000 рубл. оказывается извѣстный московскій кондитеръ Абрикосовъ, нынѣ пребывающій въ Мальдонѣ. Располагая хорошо организованнымъ перевозочнымъ пунктомъ, Чертковъ рассчитываетъ на широкое распространеніе новой публикаціи, первый номеръ которой, съ имѣющеюся уже въ портфель редакціи руководящей статьей Л. Толстого, долженъ появиться въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ.

Еженедѣльные собранія и собесѣдованія, происходящія въ домѣ, занимаемомъ Чертковымъ, помимо англійчанъ, посѣщаютъ еще слѣдующія лица: Буланже съ женою и матерью, Бирюковъ, жена Черткова, двѣ сестры Шараповы (младшая изъ нихъ Павла — пріятельница Бирюкова), графиня Ростовцева, Абрикосовъ, собирающійся вернуться въ Россію, княгиня Хилкова (Винеръ), двѣ сестры Абрамовы, Масловъ-Стоковъ (который держитъ корректуру), Сименсъ и Сукачевъ. По поводу этого послѣдняго извѣстно, что онъ раньше принималъ участіе въ революціонномъ движеніи и, какъ человѣкъ энергичный и политически образованный, пользуется большимъ авторитетомъ среди толстовцевъ.

Недавно къ Черткову пріѣзжалъ изъ Россіи съ письмомъ отъ графа Толстого, какой то пожилой человѣкъ, фамилія котораго, къ сожалѣнію, осталась невыясненной. Подлиннаго письма не удалось пріобрѣсти, но содержаніе его сводится къ ниже слѣдующему:

„Не знаю, дошло ли до Васъ письмо, въ которомъ я извѣщалъ васъ, что наша цензура препроводивши мнѣ „Daily Chronicle“, обязательно вырѣзала изъ него мое письмо, о по-

мѣщеніи коего въ этой газетѣ я просилъ Васъ. Добудьте мнѣ названный № „Daily Chronicle“ и пришлите вырѣзку моего письма, но не на мое имя, а по адресу Д. (Дашковой) въ Петербургъ. Много не пишу, податель расскажетъ, что нужно. Жду съ нетерпѣніемъ появленія перваго номера („Жизни“). Передовую статью для втораго номера Вамъ скоро привезутъ. Скажите москвичу (Абрикосову), чтобъ онъ не писалъ: за моей корреспонденціей сильно слѣдятъ. Посылайте все Д. (Дашковой)“.

Означенная статья, напечатанная въ газетѣ „Daily Chronicle“ 29 апрѣля 1898 г., переведена въ настоящее время на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „О помощи духоборамъ“ и, повидимому, будетъ рассылаться по Россіи; одинъ экземпляръ сей статьи, при семъ прилагаемый, адресованный въ Москву, на имя Николая Алексѣевича Абрикосова, на дняхъ задержанъ на почтѣ.

Выше упомянутый Абрикосовъ, находится въ Мальдонѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сынъ или близкій родственникъ извѣстнаго московскаго кондитера Абрикосова, и къ точному выясненію его личности приняты надлежащія мѣры“.

„Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было упомянуто, что проживающіе въ окрестности Лондона (мѣстечко Purleigh, близъ гор. Мальдона), извѣстные послѣдователи лжеученія Льва Толстого, Павелъ Буланже, Павелъ Бирюковъ и другіе, согласно мысли самого Толстого, приступили къ подготовленію изданія особаго обличительнаго органа, специально предназначеннаго для распространенія толстовскаго ученія, причемъ, въ основу этого изданія долженъ быть положенъ принципъ о невозможности свободы совѣсти безъ свободы политической. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, первый номеръ упомянутаго органа долженъ выйти въ самомъ непродолжительномъ времени и нынѣ уже набирается въ устроенной, повидимому, на средства Черткова, типографіи; по желанію недавно прибывшаго въ Англію извѣстнаго князя Хилкова, журналъ будетъ носить названіе не „Жизнь“, какъ это предполагалось ранѣе, а „Совѣсть“, такъ какъ органъ этотъ посвящается обсужденію вопросовъ „Свободной совѣсти и мирной жизни на началахъ разума и любви“

Газета Департамента Полиціи.

Для борьбы съ революціонерами департаментъ полиціи создалъ обширную литературу, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытную. Въ этихъ изданіяхъ на каждомъ шагѣ можно встрѣтить не мало путаницы относительно даже фактической стороны движенія, а каково освѣщеніе событій у этихъ жандармскихъ публицистовъ и историковъ — понятно само собою. Все это такъ, — но для историка освободительнаго движенія изданія департамента полиціи тѣмъ не менѣе представляютъ очень важное пособіе, — и мы постараемся познакомить нашихъ читателей со всѣмъ, что мы найдемъ въ департаментскихъ изданіяхъ наиболѣе любопытнаго. Намъ кажется, впрочемъ, что они заслуживаютъ и того, чтобы ихъ цѣликомъ сдѣлать достояніемъ широкой публики.

Свою литературу департаментъ издастъ тайно, въ очень ограниченномъ количествѣ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя обстоятельства помогли намъ познакомиться со многимъ, быть можетъ, съ большинствомъ того, что вышло изъ подъ департаментскаго станка.

Съ 1881 г. департаментъ сталъ издавать ежегодные обзоры революціоннаго движенія отдѣльными томами въ 200—300 страницъ каждый. У насъ имѣются обзоры за 1889, 1895—1902 гг., — въ послѣдующіе годы они, кажется, уже болѣе не издавались. Изъ обзоровъ за предыдущіе годы у насъ имѣются обширные выдержки, но намъ желательно ихъ получить въ оригиналахъ.

Мы будемъ очень благодарны за доставленіе намъ всѣхъ недостающихъ у насъ тайныхъ изданій департамента, или хотя бы копій съ нихъ, — а, кромѣ того, просимъ прислать намъ списки бывшихъ департаментскихъ изданій, чтобы мы точно могли установить, какихъ изъ этихъ изданій у насъ нѣтъ, и принять мѣры къ ихъ отысканію.

Послѣ прекращенія печатанія «обзоровъ» департаментъ сталъ издавать 2—3 раза въ мѣсяцъ литографированную газету въ самомъ ограниченномъ количествѣ и разсылалась она почти исключительно однимъ начальникамъ Охр. Отдѣленій въ специальныхъ пакетахъ съ надписью: «въ собственныя руки». У насъ имѣются лишь 59 ном. этой газеты, а именно: №№ 65—78, 80—88, 94, 96, 103, 107, 113, 116, 118—120, 127—136, 138—144, 146—149, 151—153, 160—163, 65-й № отъ 29 декабря 1903 г., а 163-й отъ октября 1905 г.; — 163 № былъ, повидимому, послѣднимъ и газета болѣе не издавалась.

Ниже мы даемъ краткій перечень содержанія номеровъ, но, кромѣ того, на что мы указываемъ, газета заключаетъ очень много другихъ свѣдѣній. Едва ли какое-либо событіе въ революціонномъ или даже оппозиціонномъ мірѣ проходило не отмѣченнымъ департаментомъ на страницахъ его тайной газеты.

Изъ чтенія этой газеты не трудно понять, что девять десятыхъ всѣхъ свѣдѣній департамента построены на данныхъ, доставляемыхъ провокатурой, и безъ нихъ жандармы были бы безсильны.

Составители газеты не были вполнѣ увѣрены, что ею не могутъ пользоваться и за стѣнами департамента и охранокъ, и потому имена провокаторовъ они скрываютъ подъ туманнымъ выраженіемъ: «получено изъ агентурныхъ источниковъ». Напримѣръ, въ приводимомъ нами отрывкѣ о дѣлѣ покушенія на жизнь Тренова, происхожденіе полученныхъ свѣдѣній объяс-

яется слѣженіемъ, — въ такомъ же духѣ было изложено дѣло извѣстнымъ провокаторомъ Гуровичемъ въ его официальномъ докладѣ объ этомъ покушеніи, напечатанномъ въ «Быломъ» въ 1907 г. N 10. На самомъ дѣлѣ, слѣжка велась только послѣднюю недѣлю, а весь докладъ составленъ Гуровичемъ съ помощью указаній нѣкоторыхъ провокаторовъ, въ томъ числѣ Татарова, дѣйствовавшихъ по указанію Рачковскаго. Кстати, сколько получили провокаторы, — не знаемъ, но Гуровичу дали за это дѣло Владимира 2-й степени, Рачковскій получилъ повышение по службѣ и крупную сумму денегъ.

Когда былъ во время этихъ арестовъ взятъ Б. Моиссенко, департаментъ тогда былъ до такой степени увѣренъ, что арестованъ Б. Савинковъ, что въ нѣбольшемъ у насъ номерѣ газеты департамента полиціи и стояла фамилия Савинкова. Только впоследствии особымъ циркуляромъ велѣно было вмѣсто одной фамилии поставить другую.

Чтобы дать понятіе о газетѣ департамента полиціи, мы даемъ ниже: 1. списокъ нѣкоторыхъ статей и 2. выдержки изъ 5-ти номеровъ.

Ред.

СОДЕРЖАНІЕ ГАЗЕТЫ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ЗА 1903-05 гг.

- № 65. Студенческій вечеръ въ Одессѣ 3-го ноября 1903 г.
№ 67. Съѣздъ русскихъ соц.-дем. въ Брюсселѣ въ 1903 г.
№ 69. Слѣжка за делегаткой Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. — Л. Х. Гоби, дѣятельность Екатеринославскаго соц.-дем. комитета, аресты и пр. (дополненіе къ предыдущему сообщенію).
№ 71. Арестъ Боевой Организациі соц. рев., подготовлявшей покушеніе на Шлеве.
№ 76. Продажа австрійскому правительству неподлежащихъ оглашенію документовъ изъ штаба варшавскаго военнаго округа.
Протестъ русскихъ студентовъ въ Берлинѣ по поводу рѣчи канцлера Булова, оправдывающей существованіе въ Берлинѣ русской политической полиціи.
Вооруженное сопротивленіе 57 ссыльныхъ въ Якутскѣ.
№ 81. Арестъ Спб. комитета Р. С.-Д. Р. П.
№ 82. Арестъ въ Варшавѣ членовъ организациі «Соц.-дем. Корол. Польскаго и Литвы», — Каспржакъ и др.
№ 83. Правила тайнаго наблюденія за нелегальными и вообще подозрительными лицами.
Празднованіе 18 апрѣля (1 мая) въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.
Арестъ въ Спб. кружка революціонеровъ, группировавшихся около Юліи Мержеевской.
№ 84. Мѣры, принятыя къ предупрежденію празднованія 1-го мая.
№ 86. Сводъ правилъ, выработанныхъ въ развитіе утвержденнаго М. В. Д. 12 августа 1904 г. положенія о начальникахъ розыскныхъ отдѣленій. Дневники наблюденія и сводки къ нимъ, — правила для филеровъ. Рабочія волненія въ Армавирѣ въ связи съ самоубійствомъ Кузнецовой.
№ 88. Арестъ подмосковной типографіи соц.-рев.
№ 94. Дѣло о петербургскомъ террористическомъ кружкѣ (Бурцевъ, Пегрескулъ, Гроссманъ, Краковъ и др.).
№ 96. Виленская группа Р. С. С.
№ 103. Покушеніе на одесскаго градоначальника 9 сентября 1904 г.
№ 113. Аресты пролетаріатцевъ въ Варшавѣ.
№ 120. 9-ое января 1905 г. въ СПб.
№ 128. Установленіе личности И. И. Каляева.
Арестъ въ Екатеринославѣ 33 соц.-дем., подготовлявшихъ вооруженную демонстрацію.
№ 129. Революціонная пропаганда среди кадетъ Донск. Александр. кадетскаго корпуса.

- № 130. Крестьянские беспорядки в Курской, Черниговской, Орловской и др. губерниях
- № 132. Подготовительная работа Р. С.-Д. Р. П. по устройству III партийного съезда.
- № 133. Проект «Устава кассы взаимного страхования» на случай ареста, ссылки и временного лишения заработка.
- № 134. Демонстрация в Якутск в время слушания в суд. палате апелл. жалобы осужденных по якутскому процессу.
- № 135. Арест Боевой Организации соц.-рев., подготовившей покушение на Трепова.
- № 139. Слѣжка за с.-р. Н. А. Шишло.
- Воднения среди рабочихъ Петроковской губ.
- № 142. Демонстрация в Павловск 22 мая 1905 г.
- № 148. Списокъ адресовъ, которыми наѣбрень пользоваться Постоянный Комитетъ съѣздовъ Всероссийскаго Союза Инженеровъ и Техниковъ для сношения съ различными отдѣлениями Союза.
- № 149. Списокъ нѣкоторыхъ участниковъ «союза союзовъ» и петербургскаго и московскаго «союзовъ инженеровъ и техниковъ» для выясненія ихъ служебнаго положенія.
- Демонстрация в Сестрорѣцкомъ курортѣ 9-го июня 1905 г.
- № 151. Нѣкоторые паспорта, имѣющіеся у соц.-р-овъ для нуждъ партийныхъ работниковъ.
- Съѣздъ крестьянскаго союза в Москвѣ 31 июля и 1 августа.
- № 161. Письмо с.-д. З., добытое агентурнымъ путемъ.
- № 162. Конспиративный документъ, касающійся вопросовъ тактики соц.-дем. по отношенію къ Госуд. Думѣ.
- Событія, связанныя съ манифестомъ 17-го октября, разыгравшіеся въ разныхъ городахъ Россіи (Архангельскъ, Житомиръ и др.).
- № 163. То же самое.
- Списокъ 138 с.-д., принимавшихъ участие въ стокгольмскомъ съѣздѣ; ихъ примѣты, занятія, профессіи и пр.

Изъ 71 № (отъ 5 февр. 1904 г.)

Осенью минувшаго года въ Россію прибыла изъ за границы съ нѣсколькими подложными паспортами извѣстная по своей близости къ главѣ „Боевой организациі партіи социалистовъ-революціонеровъ“ Григорію Гершуни, дворянка Серафима Клитчоглу, въ качествѣ уполномоченной отъ „Заграничнаго Комитета“ названной Партіи, въ цѣляхъ объединенія разрозненныхъ арестами наличныхъ силъ этой партіи въ С.-Петербургѣ и въ другихъ крупныхъ центрахъ Имперіи и, въ частности, для организациі покушенія на жизнь Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Поселясь первоначально въ Кіевѣ и организовавъ здѣсь кружокъ, разстроенный арестомъ Гершуни, Клитчоглу затѣмъ занялась такою же организационною дѣятельностью въ Москвѣ и Харьковѣ и, наконецъ, поселилась въ С.-Петербургѣ, гдѣ исключительно занялась подготовкой упомянутаго выше террористическаго акта, пользуясь для сего содѣйствіемъ арестованнаго впоследствии (въ ноябрѣ 1903 года) также съ подложнымъ паспортомъ Моисея Розенблума, а по арестѣ послѣдняго ближайшими пособниками Клитчоглу въ С.-Петербургѣ явились бывший студентъ Ист. Инж. Путей Сообщ. Степанъ Андреевъ, студентъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Ва-

свѣдѣній Вовкъ, извѣстный по своему участию въ организованной имъ „Боевой рабочей дружинѣ“, поставившей себѣ задачу устройство вооруженныхъ рабочихъ демонстрацій, Инженеръ Мендель Витебергъ, учительницы Анны Биценко и Александра Егорова, ученикъ Академіи художествъ Владимиръ Михайловъ и капитанъ артиллеріи Александръ фонъ Гротъ, предоставившій свою квартиру для конспиративныхъ свиданій главныхъ заговорщиковъ.

Въ концѣ минувшаго января имѣвшееся за этими лицами наблюденіе обнаружило систематическія хожденія Клитчоглу, Андреева и Михайлова въ районѣ обычныхъ путей проѣзда Министра Внутреннихъ Дѣлъ и дежурство этихъ лицъ въ Лѣтнемъ саду, а 22 января Андреевъ даже сдѣлалъ пробу времени, необходимаго ему для подхода къ каретѣ Министра при слѣдованіи ея по набережной Фонтанки. Нѣсколько дней спустя онъ же, съ часами въ рукахъ, изучалъ время проѣзда экипажа Статсъ-Секретаря Плеве отъ Симеоновскаго до Прачешнаго моста и у зданія Государственнаго Совѣта. Одновременно съ ними, въ районѣ Невскаго проспекта и Морской улицы такое же наблюденіе велъ Мендель Витебергъ.

Эти данныя, въ связи съ агентурными указаціями, приводили къ несомнѣнному убѣжденію, что задуманное покушеніе будетъ осуществлено въ самомъ ближайшемъ будущемъ, вслѣдствіе чего явилась необходимость въ принятіи одновременно мѣръ какъ по отношенію центральной террористической группы въ С.-Петербургѣ, такъ и всѣхъ связей Клитчоглу по другимъ городамъ Имперіи. Предпринятыя 29 и 30 минувшаго Января слѣдственные дѣйствія въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Ростовѣ-на-Дону дали существенныя результаты для привлеченія къ формальному дознанію заподозрѣнныхъ лицъ, у большинства которыхъ обнаружены вещественныя доказательства, вполне уличающія ихъ въ принадлежности въ партіи „соціалистовъ-революціонеровъ“. Въ С.-Петербургѣ, у главныхъ участниковъ задуманнаго покушенія отобраны два плана пути слѣдованія Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ его дома до Зимняго Дворца, револьверъ и усовершенствованный мимеографъ, на которомъ были отпечатаны всѣ послѣднія летучія прокламаціи „С.-Петербургскаго Комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ и обширная, частью зашифрованная переписка. Въ Москвѣ, у Лидіи Езерской найдены 2 револьвера съ патронами, изъ коихъ одинъ системы „Браунингъ“ и отточенный кинжалъ и у нея же въ квартирѣ задержанъ уже ранѣ привлеченный къ дознанію по дѣлу „Московскаго Комитета“ названнаго партіи и перешедшій на нелегальное положеніе дантистъ Гиршъ Ривкинъ. Въ Кіевѣ и Ростовѣ-на-Дону также задержаны 2 нелегальныхъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Клитчоглу, личности коихъ нынѣ выясняются. Всего арестовано по С.-Петербургу 31 человекъ, по Москвѣ — 12 человекъ, по

Кіеву — 14 и по Ростову-на-Дону арестованъ 1 человекъ. После ареста въ Петербургѣ студента Андреева къ нему на квартиру явилась курсистка Бѣлова, которая была арестована, а по обыску на ея квартирѣ найденъ складъ свыше 3000 революціонныхъ изданій. На квартиру же Вовка после его ареста явился неизвѣстный, предъявившій арестовавшимъ его чинамъ полиціи паспортъ на имя Стефанова, оказавшійся подложнымъ. Личность этого человека была вскорѣ выяснена, и онъ оказался мѣщаниномъ Каменевымъ, бѣжавшимъ изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ за совершеніе въ 1898 году взрыва въ Знаменскомъ монастырѣ въ г. Курскѣ.

Изъ 135 № (отъ 28 апр. 1905 г.)

16 и 17 Марта сего года въ С.-Петербургѣ подвергнута слѣдственнымъ дѣйствіямъ группа лицъ, принадлежащихъ къ „Центральному Комитету партіи социалистовъ-революціонеровъ“ и „Боевой Организаци“ этой партіи, проявившая активную дѣятельность въ приготовленіяхъ къ террористическимъ предпріятіямъ, причемъ задержано 11 лицъ, проживавшихъ по подложнымъ паспортамъ, отобрано паспортное бюро съ 40 подложными документами и мастерская для изготовленія разрывныхъ снарядовъ. Всѣ эти данныя произведенной ликвидаціи явились результатомъ тщательнаго обслѣдованія агентурныхъ указаній филерскимъ наблюденіемъ, сумѣвшимъ въ теченіе мѣсяца установить главнѣйшія связи этой группы въ столицѣ и въ другихъ городахъ Имперіи, причемъ самое наблюденіе велось настолько осмотрительно, что злоумышленники совершенно не подозрѣвали его существованія до момента ихъ задержанія, въ которомъ многіе изъ наблюдавшихъ агентовъ принимали личное участіе, рискуя собственной безопасностью. — Состоятельность этого дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

Въ февралѣ сего года были получены агентурныя свѣдѣнія, что группа лицъ, составляющая отдѣльную фракцію „Партіи социалистовъ-революціонеровъ“, подготавливаетъ рядъ послѣдовательныхъ террористическихъ актовъ по отношенію нѣкоторыхъ высочайшихъ Особъ и высшихъ государственныхъ чиновниковъ, причемъ въ числѣ первыхъ жертвъ былъ намѣченъ С.-Петербургскій Генераль-Губернаторъ Свисты Его Величества Генераль-Маіоръ Треповъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, во главѣ организаци стоялъ сынъ чиновника Евсѣй Ивановъ Улановъ, проживавшій по подложному паспорту. По надлежащемъ выясненіи Улановъ оказался извѣстнымъ революціонеромъ дворяниномъ Сергѣемъ Ивановичемъ Барыковымъ. Наблюденіе установленное за Барыковымъ, въ связи съ имѣвшимися агентурными указаніями, выяснило составъ и дѣятельность „Боевой Организаци“.

21 февраля наблюденіемъ было установлено, что Барыковъ

имѣлъ на Николаевскомъ вокзалѣ свиданіе съ неизвѣстнымъ, послѣ чего Барыковъ съ поѣздомъ, отходящимъ ночью, выбылъ изъ С.-Петербурга. Упомянутый неизвѣстный, какъ выяснилось послѣдствіи, проживалъ въ гостиницѣ „Бристоль“ по паспорту на имя Великобританскаго подданнаго Артура-Генри Мюра Макъ - Куллона.

Изъ числа вошедшихъ въ наблюденіе лицъ, состоящихъ членами „Боевой Организаци“, Барыковъ особенно въ близкихъ отношеніяхъ стоялъ съ проживающими въ С.-Петербургѣ Прасковьей Семеновою Волошенко, проживающей по паспорту на имя вдовы чиновника Маріи Егоровой Надеждиной, и неизвѣстнымъ лицомъ, прописаннымъ по паспорту на имя Минскаго мѣщанина Іосифа Іосифова Жемайтиса а также дочерью Статскаго Совѣтника Татьяной Александровою Леонтьевой. Всѣ вышеупомянутыя лица, являясь дѣйствительными организаторами по совершенію террористическихъ актовъ, представляли собой кадръ „Боевой Организаци“. При наблюденіи за Волошенко (Надеждиной) замѣчено свиданіе ея 25 февраля, вмѣстѣ съ женой Барыкова - Надеждой Михайловой, въ Лѣтнемъ саду съ Макъ - Куллономъ, послѣ чего Макъ - Куллономъ встрѣтилъ на Англійской набережной Леонтьеву. Происшедшій 26 февраля въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“ взрывъ, отъ котораго погибъ названный нелегальный, Макъ - Куллономъ, констатировалъ возможность совершенія террористическаго акта въ непродолжительномъ времени, въ виду чего за всѣми наблюдаемыми лицами, входящими въ составъ „Боевой Организаци“, было усилено наблюденіе, въ цѣляхъ немедленнаго выясненія всѣхъ членовъ названной организаци. 13-го Марта наблюдениемъ было замѣчено, что въ буфетѣ Народнаго Дома состоялась сходка нѣкоторыхъ членовъ „Боевой Организаци“, на которой принимали участіе: Надеждина, Жемайтисъ, Барыковъ, розыскиваемый революціонеръ - террористъ Борисъ Моисеенко и неизвѣстный, проживающій по паспорту Минскаго мѣщанина Григорія Иванова Агапова, съ которымъ Волошенко (Надеждина) 11 Марта имѣла кооперативное свиданіе. Въ тотъ же день почнымъ поѣздомъ Моисеенко выѣхалъ изъ С.-Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ на станцію Вишера, гдѣ пересѣлъ на обратный поѣздъ утромъ 12 Марта и возвратился въ С.-Петербургъ. Точно также и съ 14 на 15-е Марта Моисеенко провелъ ночь въ поѣздѣ Варшавской желѣзной дорогѣ. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, онъ остановился въ гостиницѣ „Пале-Рояль“, прописавшись по удостовѣренію Нижегородскаго Полиціи-мейстера на имя сына Надворнаго Совѣтника Александра Алексѣева Никольскаго. 14 Марта наблюдаемый Агаповъ, одѣтый извозчикомъ, выѣхалъ изъ дому и отправился на Морскую улицу, гдѣ останавливался нѣсколько разъ вблизи и около дома, въ коемъ проживаетъ С.-Петербургскій Генераль-Губернаторъ. Во время стоянки Агапова, проходилъ по Мор-

ской Моисеенко и отдалъ письмо посыльному, который все время стоялъ на углу Морской и Почтамской ул. обращая все вниманіе на Генераль-Губернаторскій подъездъ. Получивъ письмо „посыльный“, впоследствии оказавшійся Полтавскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Петровымъ Сидоренко, подошелъ къ извозчику и, поговоривъ съ нимъ, сѣлъ и поѣхалъ на Алексѣевскую улицу, гдѣ противъ дома № 18 они остановились, поговорили минуты 2 и „посыльный“, не расплачиваясь, ушелъ въ д. № 18 по названной улицѣ, гдѣ повидимому оставилъ письмо и затѣмъ возвратился на прежнее мѣсто, а извозчикъ остановился на другой сторонѣ Мойки, откуда можно было видѣть квартиру Генераль Губернатора. Въ 5 часовъ дня Агаповъ отѣхалъ, а его мѣсто занялъ товарищъ, также одѣтый извозчикомъ, оказавшійся впоследствии Егорьевскимъ мѣщаниномъ Григоріемъ Федотовымъ Запольскимъ. Въ этотъ день все наблюдение извозчиковъ было сосредоточено за выходомъ лицъ изъ Генераль Губернаторскаго дома. 15 марта извозчики и посыльный также производили наблюдение, но вниманіе ихъ было преимущественно сосредоточено на площади у Маринскаго Дворца, въ коемъ въ этотъ день назначено было засѣданіе Комитета Министровъ и на Фонтанкѣ воулѣ дома, гдѣ проживаетъ Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Таковые результаты, данные агентурой въ связи съ наружнымъ наблюдениемъ, приводили къ несомнѣнному заключенію о готовящемся на дняхъ покушеніи на жизнь С.-Петербургскаго Генераль-Губернатора Свиты его величества Генераль-Маіора Трепова и Министра Внутреннихъ Дѣлъ Гофмейстера Двора его Величества Булыгина, а потому было признано своевременнымъ приступить къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ въ отношеніи „Боевой Организациі“, и 16 Марта на улицѣ были задержаны члены этой группы. Кромѣ Агапова, Запольскаго, Жемайтиса, Леонтьевой, Волошенко (Надеждиной), Моисеенко (Никольскаго), Сидоренко и Барыкова (Уланова) задержаны также въ Москвѣ жена Барыкова (Уланова), проживавшая по документу на имя мѣщанки мѣс. Смѣлы Анны Михайловой Фроловой, затѣмъ известная по принадлежности къ этой группѣ дочь купца 1-й гильдіи Сура Іосифова Эфруси, и повивальная бабка Фейга - Геня Лейбовна Кацъ; послѣдняя, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, предполагала держать конспиративную квартиру для членовъ „Боевой Организациі“. Затѣмъ арестованъ знакомый Волошенко личный почетный гражданинъ Моисей Абрамовъ Новомѣйскій, который, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, обѣщаль Волошенко оказывать содѣйствіе „Боевой Организациі“. По обыску у нѣкоторыхъ изъ обысканныхъ найдена переписка и шифрованныя замѣтки, а у Леонтьевой, кромѣ того, взрывчатые матеріалы, необходимые для приготовления метательныхъ снарядовъ. Изъ числа задержанныхъ пелегальные Запольскій, Агаповъ, Жемайтисъ и Сидоренко еще на установленны.

3) Изъ 151 № (отъ 18 авг. 1905 г.)

31-го іюля и 1-го августа въ гор. Москвѣ состоялся съѣздъ „крестьянскаго союза“, на который собрались представители крестьянъ 25 губерній; на засѣданіяхъ съѣзда присутствовало около 120 лицъ, причемъ предсѣдательствовали: содержатель книжнаго магазина Сергѣй Курнинъ, ветеринарный врачъ Андрей Тесленко, присяжный повѣренный Алексѣй Стааль и одинъ изъ двухъ братьевъ Семенъ или Василій Мазуренко. Съѣздъ былъ открытъ чтеніемъ составленныхъ сельскими обществами, на основаніи Высочайшаго Указа отъ 18-го февраля сего года, приговоровъ, привезенныхъ участниками съѣзда, послѣ чего было приступлено къ обсужденію вопросовъ, намѣченныхъ программой, но, за недостаткомъ времени рассмотреть всѣхъ предположенныхъ къ обсужденію вопросовъ, были сдѣланы постановленія лишь по важнѣйшимъ изъ нихъ. Между прочимъ, было признано желательнымъ упраздненіе волостныхъ правленій и выборъ должностныхъ лицъ сельской администраціи и полиціи путемъ прямой, равной, тайной и всеобщей баллотировки. Затѣмъ признано желательнымъ учрежденіе мелкой земской единицы и объединеніе мелкихъ земскихъ единицъ въ Уѣздныхъ Земствахъ. Затрагивался также вопросъ о предстоящей коренной реформѣ государственнаго строя и высказано было пожеланіе, чтобы будущая Государственная Дума имѣла характеръ законодательнаго органа съ правомъ контроля надъ администраціей. По аграрнымъ вопросамъ совѣщаніемъ были приняты крайнія постановленія, по коимъ частная земельная собственность должна быть упразднена и земля должна быть выкуплена изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ для распредѣленія между лицами, обрабатывающими землю, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы каждый имѣлъ въ своемъ распоряженіи такое количество земли, какое онъ способенъ обработать личнымъ трудомъ. Мѣстныя пространства, по постановленію совѣщанія, должны считаться государственной собственностью; земли же, занятія фабрично-заводскими предпріятіями, должны находиться въ арендномъ пользованіи у владѣльцевъ. Ближайшія детали аграрнаго вопроса было предложено разработать мѣстнымъ организаціямъ къ слѣдующему съѣзду крестьянъ, который предложено созвать предстоящею осенью. Въ заключеніе были произведены выборы бюро союза крестьянъ, въ составъ восьми членовъ, при чемъ изъ числа избранныхъ извѣстны упомянутые выше Стааль, Тесленко, Курнинъ, Мазуренко, а также лаборантъ Московскаго Университета Александръ Левицкій и бывший ссыльный Натанъ Богоразъ.

По словамъ С. П. Мазуренко, свѣдѣнія объ учредительномъ съѣздѣ В. К. С., повидимому, взяты департаментомъ полиціи изъ корреспонденціи «Слова», а программа съѣзда — изъ повѣстки, разосланной организаторами съѣзда по нѣкоторымъ мѣстамъ, и раздававшейся на самомъ съѣздѣ.

Корреспонденція «Слова», очевидно, не присутствовала на засѣданіяхъ сѣзда, почему, какъ въ его корреспонденціи, такъ и въ дословной ея перепечаткѣ департаментомъ полиціи имѣются значительныя искаженія и даже включены резолюціи, сѣздомъ не обсуждавшіяся и не принимавшіяся.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія неточности текста:

1. Сѣзду былъ подѣ Москвою и представлялъ 22 губерніи.
2. Резолюціи объ «упраздненіи волостныхъ правасій» не принималось.
3. «Мелкая земская единица» не обсуждалась и никакой резолюціи не принималось.

4. Единогласно принято требовать созыва Учредительнаго Собранія, а не Государственной Думы.

5. Сѣздъ высказался противъ выкупа земли. Въ принятой имъ резолюціи сдѣлано исключеніе только для небольшой категоріи лицъ (мелкихъ собственниковъ), которымъ допускалось выдавать выкупъ.

6. О лѣсныхъ угодьяхъ, какъ и о земляхъ фабрично-заводскихъ, на сѣздѣ совершенно ничего не говорилось и резолюцій не принималось.

7. Сѣздъ избралъ Главный Комитетъ изъ 8-ми лицъ, но Сталя, Тесленко, Левинцян и Богоразъ въ него не могли быть избраны, какъ не крестьяне. Сѣздъ постановилъ выбирать только крестьянъ.

4) Изъ 152 № (25 авг. 1905 г.)

21 Августа въ городѣ Москвѣ въ частной квартирѣ доктора медицины Баженова, вопреки запрещенію Московскаго Градоначальника, состоялось собраніе организационнаго бюро частныхъ совѣщаній земскихъ и городскихъ дѣятелей. Командированный въ квартиру Баженова Полиціймейстеръ засталъ тамъ 24 лица и предъявилъ имъ требованіе о закрытіи собранія, но исполнявшій обязанности председателя на этомъ собраніи Предсѣдатель Московской Губернской Земской Управы Головинъ заявилъ, что члены собранія подчинятся физической силѣ. Признавъ неудобнымъ примѣнить въ данномъ случаѣ насильственные мѣры, Полиціймейстеръ вынужденъ былъ остаться для наблюденія. Предметомъ засѣданія, главнымъ образомъ, служилъ вопросъ о времени и мѣстѣ созыва частнаго совѣщанія земскихъ и городскихъ дѣятелей и разрабатывалась программа предстоящихъ занятій этого совѣщанія, но кромѣ того, были прочитаны и подвергнуты разсмотрѣнію доклады: 1) объ участіи общественныхъ дѣятелей въ предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу и 2) объ избирательной программѣ. На слѣдующій день Головинъ, согласно данному имъ обѣщанію, препроводилъ Московскому Градоначальнику обсуждавшіяся на вышеуказанномъ засѣданіи нижеслѣдующія программы по политическимъ и культурнымъ вопросамъ:

I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

1) Всѣ русскіе граждане безъ различія вѣроисповѣданій и національности равны передъ закономъ. Всѣ сословныя преимущества, а равно всѣ ограниченія правъ какъ отдѣльныхъ національностей, такъ и вѣроисповѣданныхъ группъ населенія отмѣняются.

2) Каждому обеспечивается личная свобода. Никто не можетъ быть задержанъ, подвергнутъ преслѣдованію или наказанію иначе, какъ па

точною основаніи закона и помимо судебной власти, а равно и не может быть изъятъ изъ подсудности тому суду, коему дѣло его подвѣдомственно по закону. Учрежденіе чрезвычайныхъ судовъ не допускается.

3) Жилище неприкосновенно. Входъ въ частное жилище безъ согласія хозяина, обыски и выемки допускаются лишь въ случаяхъ и въ порядкѣ, опредѣленныхъ закономъ. Частная переписка можетъ быть вскрываема лишь по постановленію судебной власти.

4) Каждому гражданину предоставляется полная свобода передвиженія. Паспортная система отмѣняется.

5) Каждому обеспечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Никто не можетъ быть преслѣдуемъ за исповѣдываемыя имъ вѣрованія и убѣжденія или принуждаемъ къ исполненію обрядовъ какого нибудь вѣроисповѣданія. Выходъ изъ состава любого вѣроисповѣднаго общества свободенъ. Въ вѣроисповѣдныя общества равно пользуются какъ свободою богослуженія и отправленія своихъ обрядовъ, такъ и правомъ распространять свое вѣроученіе.

6) Каждый воленъ выражать свои мысли изустно или письменно, пропагандировать и распространять ихъ путемъ печати, или инымъ способомъ. Цензура во всѣхъ ея видахъ и наименованіяхъ упраздняется и не можетъ быть восстановлена. Нарушенія закона, совершаемыя въ печати, могутъ быть преслѣдуемы только въ судебномъ порядкѣ и подлежатъ суду присяжныхъ.

7) Публичные собранія могутъ быть свободно устраиваемы какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ.

8) Русскіе граждане могутъ составлять союзы и общества для цѣлей, не противныхъ закону, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія.

9) Право петиціи имѣютъ какъ отдѣльные граждане, такъ и всякаго рода группы, общества, союзы, собранія и т. п.

10) Всѣ должностныя лица за нарушеніе правъ гражданъ подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности на общемъ основаніи, причемъ для привлеченія ихъ къ суду не требуется согласія ихъ начальства.

11) Верховная власть свое право издавать законы, контролировать исполнительные органы и устанавливать государственный бюджетъ раздѣляетъ со всѣмъ народомъ въ лицѣ избранныхъ симъ послѣднимъ представителей.

12) Народные представители избираются всеобщю, прямою, равномъ и закрытою подачею голосовъ.

13) Для установленія закона необходимо рѣшеніе собранія народныхъ представителей, утвержденное ИМПЕРАТОРОМЪ. Ни одинъ актъ, не основанный на постановленіи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы онъ ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

14) Ежегодная роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ устанавливается въ законодательномъ порядкѣ. Для введенія, измѣненія или отмѣны налоговъ, пошлинъ, сборовъ и всякаго рода повинностей необходимо изданіе закона.

15) Членамъ собранія народныхъ представителей принадлежитъ право законодательнаго почина.

16) Министры отвѣтственны передъ собраніемъ народныхъ представителей, которые имѣютъ право запроса и интерpellаціи.

II. КУЛЬТУРНАЯ ПРОГРАММА.

1) Необходимо установление независимаго суда, равнаго для всѣхъ. Судъ присяжныхъ долженъ получить систематическое и широкое при-мѣненіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, которыя теперь рѣшаются безъ его со-дѣйствія (преступленія по должности, проступки по дѣламъ печати и т.д.)

2) Необходимо изданіе закона, который облегчилъ бы привлеченіе къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушение закона и обезпечивалъ бы практическое осуществленіе нача-ля законности въ управленіи.

3) Въ зависимости отъ общихъ правъ личности, необходимо скорѣй-шее уничтоженіе обособленнаго и приниженаго положенія крестьян-ства, освобожденіе его отъ административной опеки и огражденіе его правильной формой суда.

4) Необходимо преобразовать земское и городское самоуправленіе, призвавъ къ участию въ немъ все населеніе и приблизить къ нему самыя учрежденія путемъ созданія мелкихъ самоуправляющихся еди-ницъ, съ тѣмъ чтобы кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправ-ленія былъ значительно расширенъ, обнимая собой всю область мѣст-ныхъ интересовъ и польвъ. Земскія и городскія учрежденія должны быть вполне самостоятельны, обладая распорядительною и исполни-тельной властью.

5) Вопросы народнаго просвѣщенія должны быть выдвинуты впе-редъ въ правительственной политикѣ, которая должна измѣнить свое отношеніе къ интересамъ и задачамъ образовазія.

Въ частности необходимо:

а) введеніе всеобщаго бесплатнаго начальнаго образованія, съ рас-ширеніемъ и поднятіемъ курса начальной школы, которая всецѣло должна быть передана органамъ мѣстнаго самоуправления; развитіе всѣхъ видовъ и средствъ дополнительнаго и внѣшкольнаго образованія.

б) увеличеніе числа среднихъ учебныхъ заведеній въ мѣру обще-ственной потребности; пересмотръ программы средней школы и поло-женія о ней, близкое участіе органовъ мѣстнаго самоуправления и об-щества въ завѣдываніи средней школой; возможная свобода въ про-граммѣ средней школы и въ постановкѣ въ ней учебнаго дѣла.

в) концентрическое расположеніе всѣхъ разрядовъ школъ для созданія связи между ихъ ступенями и для облегченія перехода отъ низшей ея ступени до высшей.

г) автономія университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведе-ній. Доступъ въ нихъ женщинамъ на одинаковомъ основаніи съ муж-чинами. Свобода академическаго преподаванія. Увеличеніе числа выс-шихъ учебныхъ заведеній.

д) развитіе техническаго и профессиональнаго образованія.

е) свобода общественной и частной инициативы въ дѣлахъ просвѣщенія.

4) Изъ 160 № (отъ 20 окт. 1905 г.)*)

Дорогіе товарищи! Пишу вамъ снова; на этотъ разъ нѣ-сколько словъ вообще о грустныхъ нашихъ дѣлахъ. Теперь признакомъ хорошаго тона въ рядахъ соц.-дем. стали разговоры

*) Это письмо сопровождается въ газетѣ слѣдующимъ редакціоннымъ замѣчаніемъ: «При семь препровождается для свѣдѣнія и соображеній начальникамъ Охранныхъ Отдѣленій и розыскныхъ пунктовъ копія полученнаго агентурнымъ путемъ письма за подписью Z., изъ Киева, отъ октября 1905 г. на имя X. въ Вѣну».

о выходѣ изъ подполья, и даже не разговоры, а руготня и подполья и всей нашей предыдущей дѣятельности. Не относясь такъ строго къ прошлому и отнюдь не обольщаясь на счетъ всѣхъ этихъ новыхъ перспективъ, я все же думаю, что мы слишкомъ сжились со своими подпольными трущобами и что насъ заѣдаетъ рутина. Вотъ примѣръ. Въ настоящее время (за послѣдніе годъ-два) чтеніе легальныхъ газетъ среди рабочихъ буквально удесятирилось, особенно много читаютъ послѣдніе мѣсяцы. Помимо чтенія въ одиночку, на массѣ заводоу газетъ читаются большими группами. На Брянскомъ заводѣ, напримѣръ, ежедневно, въ обѣдъ, собирается нѣсколько группъ рабочихъ, въ 30, 40, 50, 100 и 150 человекъ вокругъ чтеца газеты. Тутъ же при чтеніи складывается „общественное мнѣніе“ завода. Вы представляете себѣ во сколько разъ эта аудитория, собирающаяся ежедневно больше всѣхъ нашихъ кружковъ, летучекъ и массовокъ, въ лучшемъ случаѣ удающихся разъ въ недѣлю. Читаютъ, главнымъ образомъ, „Сынъ Отечества“, за что насъ очень и очень благодарятъ демократы-конституціоналисты. Вѣдь мы имъ вспахиваемъ почву. Это, конечно, не мѣшаетъ либеральнымъ инженерамъ прогонять съ завода чтецовъ, преимущественно соц.-дем. На ряду съ этимъ ежедневнымъ чтеніемъ большой газеты, какъ мизерно вліяніе нашей агитаціи, нашихъ маленькихъ, блѣдныхъ и рѣдкихъ листочковъ и еще болѣе рѣдкихъ періодическихъ изданій. И нечего обольщаться на счетъ того, что газету читаютъ и комментируютъ соц.-дем. Не только среди чтецовъ-рабочихъ, но и среди пропагандистовъ-интеллигентовъ, 80—90 % не смогутъ нащупать въ каждой статьѣ буржуазной ереси и установить правильный соц.-дем. взглядъ. Попытки разбирать и подвергать критикѣ разсужденія „С. О.“ очень и очень рѣдко проходятъ удачно. Рабочіе знаютъ, что это — газета либеральная, что къ ней нужно относиться отрицательно, но въ чемъ ея отрицательныя стороны — не вѣдаютъ. Это происходитъ не только съ рабочими. Я знаю нѣсколькихъ сотрудниковъ провинціальной прессы, сочувствующихъ или даже именующихъ себя соц.-дем. и желающихъ проводить соответственные всгляды, но въ силу собственной беспомощности занимающихся перепѣвами Сына. Отъ этого же самого грѣха не избавлено и большинство нашихъ пропагандистовъ. Изъ всѣхъ этихъ разсужденій слѣдуетъ выводъ: легальная газета намъ необходима, какъ ничто другое. Каждый день промедленія — непоправимое упущеніе. И мнѣ кажется, что только рутина подполья, только дурные навыки и пережитки кружковщины не сдѣлали этого вопроса жгучимъ, большимъ вопросомъ партіи. И, между прочимъ, разговоры объ отсутствіи своей газеты ведутся среди „сочувствующихъ“ рабочихъ гораздо въ большей степени, чѣмъ среди членовъ организаціи. Въ Екатеринославѣ, напримѣръ, либералы, „содѣйствуя просвѣщенію народа“, раздадутъ рабочимъ

бесплатно нѣсколько десятковъ номеровъ Сына. Стоящіе внѣ организаціи рабочіе заявили либераламъ, что они будутъ брать у нихъ газеты только въ томъ случаѣ, если на каждый номеръ Сына они будутъ давать и номеръ Коммерч. Россіи. Объ этомъ фактѣ организація узнала случайно и спустя долгое время. (На диспутѣ съ с.-р., которые объявляли „Сынъ Отечества“ своимъ органомъ и всю Россійскую революцію приписывали себѣ. „Мы убили Плеве, отсюда пошла свобода печати, которая всколыхнула всю Россію“).

Мнѣ скажутъ, что я ломлюсь въ открытую дверь и ткнуть перстомъ въ соотвѣтственный пунктъ революціонной конференціи. Но вѣдь съ тѣхъ поръ протекло полгода; о легальной газетѣ рѣшительно ничего не слышно. За то въ это время создается „Пролетарское Дѣло“, приведшее въ такой восторгъ редакцію И. Редакція приглашаетъ всѣхъ содѣйствовать этому симпатичному начинанію и увѣряетъ, что оно принесетъ неисчислимыя блага рабочему движенію. Конечно, блаженны вѣрующіе. . . Но, право, восторги редакціи, мнѣ кажется, вызваны не столько новымъ самимъ заданіемъ, сколько дѣйствительно хорошей типографіей, которою группа пользуется наименѣе цѣлесообразно. Въ самомъ дѣлѣ, съ колоссальными трудностями и громадными затратами въ лучшемъ случаѣ будетъ выходить разъ въ недѣлю газетный полулистъ, на 4/5 наполненный матеріаломъ, находящимъ себѣ мѣсто и въ легальной прессѣ Корреспонденціи этого органа скучны, какъ . . . корреспонденціи „Соц.-дем.“, а статьи — запоздалы. По моему, теперь нелегальнымъ долженъ оставаться только Ц. К., рѣдкія брошюрки и, главнымъ образомъ, листки. Подумать только: вѣдь Одесская группа при такой типографіи можетъ выпускать каждый день листки. Вѣдь она можетъ наводнить ими и фабрики, и мастерскія, и деревни, и университеты, и базары. А „Пролетарское Дѣло“ читаютъ и надъ нимъ зѣваютъ (я это видѣлъ), только десятки организованныхъ.

Можетъ быть я и ломлюсь въ открытую дверь въ томъ отношеніи, что гдѣ-то кто-то всегдѣ уже кое-какіе переговоры о марксистской газетѣ. Но вѣдь не въ этомъ дѣло. Повторяю, печально, то, что вопросъ этотъ не сталъ жгучимъ для нашихъ организацій. А не сталъ онъ жгучимъ благодаря кружковой узости большинства работниковъ партіи и подпольнымъ традиціямъ. Редакція же не только не указываетъ на эту ограниченность, но еще укрѣпляетъ эти вредныя традиции, наприм., своей рецензіей о „Прол. Дѣлѣ“.

На созданіе легальной газеты теперь должно быть направлено преимущественное вниманіе. Это, по моему, теперь самое важное, неотложное партійное дѣло. Газета, какъ ничто другое, сразу расширить, удвоить или утроить нашу работу. Но она, помимо принципиальной выдержанности и строгой партійности, должна быть популярной въ самой высокой степени,

какъ первые три номера „Соц.-дем.“. Популярность — это необходимое оружіе, которымъ можно вышибить изъ занятыхъ позицій „С. От.“, „Бирж. Вѣд.“ и „Новости“, словомъ, всю буржуазную печать, особенно если популярности будетъ соответствовать и дешовизна.

Но мнѣ указать, быть можетъ, на неосуществимость подобной затѣи, на неподходящія цензурныя условія, отсутствіе средствъ и отсутствіе людей.

Что касается цензурныхъ условій, то, при всемъ моемъ пристрастіи къ крѣпкому слову, я думаю, что особенной бѣды не будетъ, если слова „вздыхающее самодержавіе“ будутъ замѣнены словами „отжившій строй“ или какъ-нибудь иначе. Рабочіе всегда просятъ, чтобы прокламаціи писались просто и ясно, а не крикливо и ругательно. Многія газеты уже теперь пишутъ достаточно рѣзко по существу, хотя и безъ крѣпкихъ словъ. То же самое можемъ дѣлать и мы. Конечно, газету очень скоро прихлопнуть, но вѣдь теперь не трудно добыть нѣсколько разрѣшеній на изданіе, и черезъ день выпускать свою газету подъ новымъ заголовкомъ. Теперь съ началомъ избирательной компаніи вольности печати несомнѣнно увеличатся. Наконецъ, предъ нами не закрытъ и еще одинъ путь. Издательство Трахтенберга и Жуковой напечатало нѣсколько книгъ, не пропущенныхъ цензурой, и когда ихъ конфисковали въ Питерѣ, оно продолжало печатать эти произведенія въ легальной типографіи и разсылать по провинціи, и книжные магазины очень свободно продавали ихъ. Почему бы и въ этой области намъ не показать новыхъ примѣровъ захватнаго права, а время теперь такое, что очень скоро и въ провинціи, и въ столицахъ можно будетъ пользоваться легальными типографіями, игнорируя разрѣшенія или запрещенія цензоровъ. Такъ что предъ цензурными тяготами останавливаться нечего.

Если нѣтъ денегъ, если иссякли всѣ источники, то можно учредить акціонерное общество для изданія марксистской газеты, и въ двѣ недѣли сочувствующіе раскупятъ 200—300 сто-рублевыхъ акцій.

Людей для газеты требуется очень немного. И если ихъ нѣтъ, то потому, что пригодные для этой цѣли работники заняты мѣстной работой и пренебрежительно относятся къ „легальной“ дѣятельности. Кромѣ того, имѣется масса силъ, которыя нами не использованы и которыя сами вышлются, какъ только станетъ издаваться газета. Вотъ фактъ. Изъ редакціи „Кіев. Откл.“ вышли 8 или 9 газетныхъ сотрудниковъ въ виду того, что они разошлись съ издателями по вопросу объ отношеніи къ Государственной Думѣ. Сотрудники стоятъ на точкѣ зрѣнія, какъ они въ одной легальной газетѣ выразились, извѣстнаго публициста Л. М. Между прочимъ, этотъ извѣстный публицистъ находитъ время для сотрудничества въ „Пролет Дѣлѣ“, но ему рѣшительно некогда работать для легальной

прессы. Если бы Юлій Осиповичъ*) написалъ брошюрку о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, то она безусловно разошлась бы въ количествѣ 100000 экз. и, помимо нѣсколькихъ сотъ рублей дохода, была бы прочитана миллиономъ читателей. Но Юлію Осиповичу некогда: онъ сотрудничаетъ въ „Прол. Дѣль“, гдѣ максимумъ 1500—2000 читателей, и то сплошь — сознательные рабочіе, которымъ каждая статья въ отдѣльности очень немного дастъ. А легально въ это время о 8-ми часовомъ днѣ выходитъ брошюрка Зейделя, трактующая о томъ, что „всеобщая стачка безсмысленна“, и восхваляющая заслуги социалистическаго министра Мильерана. Расходится она тысячами и вноситъ большія недоумѣнія и смуту въ умы, тѣмъ болѣе, что ее считаютъ книжкой соц.-дем. и что ею пользуются с.-р. и анархисты для нападокъ на насъ, причемъ успѣваютъ озадачить и поставить въ тупикъ даже организованныхъ рабочихъ. Кстати, нельзя ли передѣлать брошюрку „Царская казна и народный карманъ“ такъ, чтобы ее можно было пропустить черезъ цензуру. Потребность въ такой книжкѣ огромная, а нелегальныхъ въ Екатеринбургъ попало всего 9 экз.

Ну, закончу на этомъ.

Теперь еще пару словъ о себѣ; это нелишне для иллюстраціи порядковъ центральныхъ учрежденій нашихъ. 8 дней уже я здѣсь, и несмотря на то, что у меня десятки знакомыхъ, до сихъ поръ не могу добиться свиданія съ кѣмъ-нибудь изъ бюро. Положеніе самое дурацкое. Денегъ нѣтъ, жить не на что, уѣхать — не знаешь куда, да и опять-таки не на что. Въ теченіе всего этого времени никакъ не могу допроситься номеровъ „Искры“ со статьями о Государственной Думѣ, которые мнѣ чрезвычайно необходимы. Я готовъ былъ уже предположить, что я попалъ въ какую-нибудь особенно нелѣпую перестрапу, или что это почему-либо ко мнѣ такое отношеніе, но я встрѣтилъ нѣсколько лицъ, испытавшихъ аналогичныя затрудненія. Все это мнѣ до того надоѣло, что я уже подыскалъ себѣ должность и поступлю на мѣсяць работать, если положеніе мое завтра не измѣнится. Завтра дѣлаю послѣднюю попытку повидать кого-нибудь. Если не удастся, останусь на мѣсяць и спишусь черезъ васъ съ какимъ-нибудь городомъ.

А въ общемъ досадно и тяжело.

Жму руку Z.

P. S. Сообщите въ ящикъ, получено ли это и два предыдущихъ письма, можно ли пользоваться этимъ адресомъ и подъ какимъ номеромъ онъ числится.

* Цедербаумъ «Мартовъ».

Изъ воспоминаній М. Е. Бакая.

О черныхъ кабинетахъ въ Россіи.

Въ широкихъ слояхъ русскаго общества сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что русское правительство въ цѣляхъ сыска нарушаетъ тайну почтовой корреспонденціи, противъ чего неоднократно и заявлялись протесты, какъ въ печати, такъ и съ политическихъ трибунъ. Но такъ какъ вскрытіе частной корреспонденціи является нарушеніемъ правилъ всемірнаго почтоваго союза, и лица, виновныя въ подобномъ преступленіи, подвергаются повсюду тяжкимъ наказаніямъ, то и русское правительство, не только никогда не узаконяло перлюстраціи, но всегда и вездѣ категорически заявляло, что никакой перлюстраціи въ Россіи никогда не существовало и не существуетъ. Такъ еще недавно главный начальникъ почтъ и телеграфовъ Севастьяновъ, отвѣчая на рѣчь депутата Шингарева съ трибуны Государственной Думы, заявилъ, что, не смотря на всѣ разговоры, существованіе „черныхъ кабинетовъ“ — мнѣ. Но, если это можетъ, дѣйствительно, казаться мнѣ мною, не посвященнымъ въ закулисную сторону дѣятельности нашего правительства, то самому г. Севастьянову слишкомъ хорошо извѣстно то, что происходитъ въ его вѣдомствѣ и подъ его покровительствомъ, а потому и заявленіе его въ Государственной Думѣ нельзя назвать иначе, какъ сознательной ложью.

Какъ то въ январѣ мѣсяцѣ 1907 года мнѣ пришлось прочесть въ вечернемъ изданіи „Виржевыхъ Вѣдомостей“ интервью съ Стеткевичемъ, начальникомъ петербургскаго почтамта, который тоже заявлялъ, что онъ ровно ничего не знаетъ относительно существованія „черныхъ кабинетовъ“ и увѣрялъ честнымъ словомъ, что у него въ Петербургскомъ почтамтѣ ничего подобнаго не существуетъ.

Я тогда же рѣшилъ написать и написалъ о „черныхъ кабинетахъ“ все, что зналъ, собираясь напечатать статью о нихъ гдѣ-нибудь въ газетахъ, но мой арестъ и заключеніе въ Петропавловской крѣпости помѣшали мнѣ осуществить этотъ планъ. Только теперь, чуть ли не черезъ 1½ года, я имѣю, наконецъ, возможность подѣлиться съ обществомъ своими свѣдѣніями о такъ упорно отрицаемыхъ „черныхъ кабинетахъ“.

При многочисленныхъ допросахъ въ Петропавловской Крѣпости меня обвиняли, между прочимъ, и въ попыткѣ выдать правительственныя тайны. Тутъ имѣлась въ виду отобранная у меня статья о перлюстраціи, которую я тогда готовилъ по просьбѣ В. Л. Бурцева для печати и читалъ ему ее въ рукописи. Свой отвѣтъ на обвиненіе я формулировалъ приблизительно въ такомъ духѣ: „Перлюстрацію писемъ, которая практикуется въ широкихъ размѣрахъ въ цѣляхъ сыска и которою пользуются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, я считаю преступленіемъ, но если и Департаментъ Полиціи находитъ мой рассказъ о перлюстраціи преступленіемъ, то я прошу предать меня суду.“

При дальнѣйшихъ допросахъ вопросъ объ этой моей статьѣ больше не поднимался.

И вотъ я, какъ человѣкъ, близко знакомый съ вопросомъ о существованіи „черныхъ кабинетовъ“, составляющихъ нераздѣльную часть Департамента Полиціи, заявляю о самомъ широкомъ распространеніи ихъ по всей Россіи, а, чтобы не быть голословнымъ, раскажу все, что я видѣлъ и слышалъ о нихъ.

Довольно важнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ политическаго розыска служитъ перлюстрація писемъ. Во всѣхъ большихъ городахъ, какъ то: въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ и др., эту обязанность исполняютъ чиновники цензуры иностранныхъ газетъ и журналовъ, состоящіе при почтамтахъ, въ распоряженіе которыхъ еще до сортировки поступаетъ безусловно вся корреспонденція. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ нѣтъ цензуры, роль перлюстраторовъ исполняютъ нѣкоторые чиновники почтоваго вѣдомства, которымъ это специально поручено.

Сначала перлюстрировали письма только тѣхъ лицъ, о которыхъ получалось специальное предписаніе изъ Департамента Полиціи, но увидѣли, что изъ этого извлекалось мало существеннаго матеріала; тогда начали подвергать пересмотру вообще всѣ письма изъ-за границы и корреспонденцію внутреннюю, казавшуюся подозрительной. Изъ общей массы просматриваемыхъ писемъ получали нерѣдко цѣнныя данныя, и это дало поводъ увеличить число чиновниковъ, занятыхъ этой работой. Для этого при почтамтахъ отвели особыя помѣщенія и вообще поставили дѣло на широкую ногу.

Перлюстрацію начали производить не только по предписаніямъ Департамента Полиціи, но также по требованіямъ охранныхъ отдѣленій, жандармскихъ управленій, губернаторовъ и др. должностныхъ лицъ. Въ данное время не рѣдкость, что въ маленькихъ городахъ письма извѣстныхъ лицъ перлюстрируются по требованіямъ исправниковъ.

При такой широкой постановкѣ перлюстраціоннаго дѣла явилась полная возможность читать письма огромнаго количества лицъ, а потому въ „алфавиты“ (т. е. въ списки фамилій лицъ, корреспонденція которыхъ подлежитъ обязательной перлюстраціи, — списки эти составляются въ алфавитномъ порядкѣ), вошли не только политически неблагонадежные элементы, но и всѣ тѣ, кто по своему положенію представляетъ интересъ, какъ съ точки зрѣнія полиціи, такъ и отдѣльныхъ властей имущихъ лицъ, — сюда входятъ: представители иностранныхъ державъ, государственные дѣятели, любовницы высокопоставленныхъ лицъ и т. п. Мнѣ, напр., доподлинно извѣстно, что покойный Плеве сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы вся корреспонденція бюрократовъ, бывшихъ въ оппозиціи къ нему, подвергалась тщательному просмотру и въ копіяхъ препровождалась ему лично; такимъ образомъ, ему удавалось знать все, что думали и предпринимали его противники. Укажу на то, что послѣ убійства Плеве у него сдѣлали осмотръ служебныхъ бумагъ, причемъ Лопухинъ, бывший въ то время директоромъ Департамента Полиціи, которому былъ порученъ просмотръ бумагъ, нашелъ копіи со своихъ писемъ. Конечно, перлюстрація писемъ подобныхъ лицъ не могла производиться безъ участія г. г. Севастьяновыхъ.

Всѣ отобранныя письма остаются въ „черныхъ кабинетахъ“ и подвергаются вскрытію. Письмо сначала пробуютъ со всѣхъ сторонъ и разъединяютъ тѣ края, которые менѣе всего склеены. Для того, чтобы вынуть письмо, его можно и не распечатывать, а достаточно имѣть въ углахъ конверта маленькія щели, въ которыя продѣваются тонкіе стальные щипцы, захватывающіе письмо и медленно сворачивающіе его въ трубку. Въ такомъ видѣ письмо легко выпимается изъ конверта, а затѣмъ, такимъ же способомъ вкладывается въ него обратно. Кромѣ этого, существуетъ еще много другихъ приемовъ, позволяющихъ производить незамѣтное вскрытіе письма, но, конечно, выполненіе этой операціи зависитъ исключительно отъ навыка чиновника.

Изъ общей массы писемъ, поступающихъ въ почтамтъ, довольно трудно выбрать тѣ, которыя нужны, но дѣло облегчается и упрощается тѣмъ, что письма подлежащія просмотру по „алфавиту“ всегда извѣстны сортировщикамъ, и они ихъ задерживаютъ для цензуры; изъ остальной же массы выбираются подозрительныя письма и тѣ, на конвертахъ которыхъ подчеркнуты отдѣльныя слова, тѣ, которыя назначены для передачи, напр. „Ванѣ“, „Сонѣ“ и т. п.; даже внѣшній видъ письма иногда самъ по себѣ вызываетъ подозрительное къ нему отношеніе. Адресъ письма, которое оказалось неблагонадежнымъ, заносится въ „алфавитъ“, чѣмъ на будущее время вполне обезпечивается просмотръ всей корреспонденціи по этому адресу. Точно также поступаютъ съ тѣми адресами, которые встрѣчаются въ текстѣ письма.

Изъ писемъ съ подозрительнымъ или завѣдомо нелегальнымъ содержаніемъ или дѣлаются только выписки, или полностью снимаются три копии: одна остается при цензурѣ, другая идетъ къ высшему административному лицу города или края (ген. губ., команд. войсками и т. п.) и третья обязательно въ Департаментъ Полиціи; подлинникъ же письма отправляется по назначенію. Если въ текстѣ письма встрѣчаются предупрежденія о предстоящихъ обыскахъ и арестахъ или если тамъ имѣется шифръ, то письмо въ подлинникѣ отправляется въ Деп. Полиціи, а мѣстнымъ властямъ посылается копія съ сообщеніемъ въ постскриптумѣ, что подлинникъ направленъ туда то. Мнѣ часто приходилось наблюдать, что письмо явно пресудительнаго содержанія, заключающее въ себѣ вполне определенный матеріалъ для возбужденія дѣла противъ адресата или отправителя, доставляется въ подлинникѣ мѣстнымъ жандармамъ, и тѣ въ большинствѣ случаевъ арестовываютъ вмѣстѣ съ письмомъ и самого адресата. Почтамтскій цензоръ сообщаетъ жандармамъ точно, когда будетъ доставлено почталономъ письмо, и вскорѣ послѣ того на квартиру адресата является полиція съ обыскомъ.

Часто случается, что письма, подлежащія просмотру, адресуются „до востребованія“. Въ такихъ случаяхъ на почтѣ ставятъ двухъ филеровъ, и когда за письмомъ является получатель, то почтовый чиновникъ, конечно, по приказанію своего начальства, даетъ знакъ филерамъ, и тѣ устанавливаютъ слѣжку за получателемъ. Если слѣдить не представляется возможнымъ, то адресата арестовываютъ на улицѣ и препровождаютъ, куда слѣдуетъ.

Въ первыя времена, когда перлюстраціонное дѣло находилось въ зачаточномъ состояніи и когда даже чиновники Департамента Полиціи считали вскрытіе частной корреспонденціи преступленіемъ, вся поступающая въ Департаментъ Полиціи перлюстрація, въ копіяхъ и подлинникахъ, направлялась въ секретарскую часть Директора и оттуда уже разсылалась при совершенно секретныхъ предписаніяхъ въ розыскныя учрежденія. Начиная же съ 1902 года, когда дѣло политическаго розыска по всей Россіи перешло къ Зубатову, перлюстрированныхъ писемъ начало поступать такъ много, что стало необходимымъ завести для успѣшнаго веденія дѣла цѣлый штатъ чиновниковъ.

Если встрѣчаются письма съ шифромъ, то они расшифровываются специалистомъ этого дѣла чиновникомъ Департамента Иваномъ Александровичемъ Зыбинымъ (Пантелеймоновская, 9), который въ дешифровкѣ дошелъ до виртуозности, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ему не удается этого сдѣлать. Зыбинъ считается единственнымъ своего рода специалистомъ въ этой области, и онъ даже читаетъ лекціи о шифровкѣ и дешифровкѣ

на шестинедельныхъ курсахъ для офицеровъ, поступающихъ въ отдѣльный корпусъ жандармовъ.

Зыбинъ уже пожилой человѣкъ, занимается этимъ дѣломъ съ давнихъ лѣтъ, получилъ громадный навыкъ, увлекается своей работой и, дѣйствительно, проявляетъ необыкновенную усидчивость и терпѣніе. Кажется, въ 1904 году мнѣ пришлось быть въ Департаментъ Полиціи для получения разъясненій о нѣкоторыхъ дешифрованныхъ письмахъ. Меня направили къ Зыбину. Я, однако, въ теченіе нѣсколькихъ дней долженъ былъ ожидать свиданія съ нимъ. Оказалось, какъ объяснилъ потомъ самъ Зыбинъ, что онъ въ Департаментъ Полиціи заходитъ только за новымъ матеріаломъ, — всю же работу исполняетъ у себя дома. Дѣлается это потому, что дома онъ можетъ сосредоточиться надъ подыскиваніемъ ключей. Тамъ ему никто не мѣшаетъ, и работа его иногда такъ увлекаетъ, что онъ просиживаетъ за ней по цѣлымъ суткамъ.

Пользуясь случаемъ, я обратился къ Зыбину съ просьбой ознакомить меня съ способами разбора шифровъ и на это получилъ указаніе, что письма съ шифромъ заранее извѣстныхъ ключей дешифрируются очень легко, при этомъ онъ мнѣ указалъ на нѣкоторые ключи революціонныхъ организацій, полученные при посредствѣ провокаторовъ. Что же касается всѣхъ остальныхъ ключей, то они подбираются по навыку и соображенію; это работа въ высшей степени трудная, но благодаря постоянному занятію ею умъ Зыбина приспособился къ всевозможнѣйшимъ комбинаціямъ, и онъ съ успѣхомъ справляется со своей трудной задачей. Для Зыбина важно уловить систему ключа и тогда для него не составляетъ труда подобрать соотвѣтствующія значенія для буквъ или цифръ. Употребляемые шифры по произведеніямъ писателей, какъ то: Некрасова, Пушкина, Лермонтова и многихъ другихъ, даже иностранныхъ, часто Гейне, Беранже, безусловно всѣ разбираются Зыбинымъ, ибо постоянная возня съ шифрами по этимъ источникамъ изошрили его память, и иногда цифры сами по себѣ сразу даютъ ему указанія на источникъ.

Къ моему удивленію Зыбинъ сообщилъ, что въ послѣднее время многіе начали пользоваться ключами, которые приведены въ нелегальной брошюрѣ „о шифрахъ“, изданной за границей „Бундомъ“, что благодаря этому ему облегчена работа, такъ какъ не приходится угадывать систему шифра, а достаточно только руководствоваться вышеупомянутой книжкой и подобрать истинныхъ значеній знаковъ.

Въ послѣднее время Зыбину отвели отдѣльный кабинетъ при Особомъ отдѣлѣ, и онъ имѣетъ нѣсколькихъ помощниковъ, которые приучаются къ дешифровкѣ и такимъ образомъ его трудъ облегчается, что даетъ ему возможность еще больше времени отдавать для любимаго занятія. Изъ общаго знакомства съ дешифровкой я вынесъ убѣжденіе, что шифры партій или

комитетовъ очень часто бываютъ черезъ провокаторовъ извѣстны Департаменту, а шифры по системѣ подстрочниковъ популярныхъ писателей въ большинствѣ случаевъ разбираются Зыбинымъ безъ особыхъ затрудненій. Шифрование по опубликованнымъ образцамъ, напр., въ книжкѣ Бунда, сильно облегчаетъ работу расшифровки и, наконецъ шифры по вертикальному направленію названія именъ и отдѣльныхъ выраженій никуда не годны. Самымъ лучшимъ шифромъ, почти неподдающимся расшифрованію, является любая страница малоизвѣстной книги, и эти шифры являются камнемъ преткновенія даже для самого Зыбина.

Для расшифровки пользуются въ Департаментѣ всѣми оплошностями въ перепискѣ. Часто въ письмахъ корреспондентъ сообщаетъ прямо или якобы мимоходомъ упоминаетъ о какихъ-нибудь стихотвореніяхъ, предназначенныхъ на самомъ дѣлѣ для шифра, — но такъ какъ эти письма, равно какъ другимъ путемъ посланныя зашифрованныя записки, попадаютъ одновременно въ Департаментъ, — то это даетъ жандармамъ средство для легкой разборки всей конспираціи.

Письма съ химическимъ текстомъ проявляются и, если не желаютъ, чтобы авторъ и адресатъ прекратили переписку по разѣ обнаруженному адресу, то письма опять возстановляютъ, т.е. попросту поддѣлываютъ, и отправляютъ по назначенію. Такимъ образомъ, является полная возможность на основаніи вскрытой корреспонденціи быть въ курсѣ дѣла, какъ представителей организаций, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Поддѣлка возстановляемыхъ писемъ, партійныхъ явокъ и др., нужныхъ для чего бы то ни было документовъ, производится при Департаментѣ Полиціи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и виртуозомъ поддѣлокъ является чиновникъ Василій Николаевичъ Звѣревъ — (Пантелеймоновская, 9).

Этотъ субъектъ сначала поступилъ въ качествѣ писца въ Московское охранное отдѣленіе. Зубатовъ, замѣтивъ его необыкновенныя способности къ поддѣлкамъ, приспособилъ къ этому дѣлу и поручилъ въ то же время заниматься фотографіей. Когда Зубатова назначили въ Петербургъ завѣдывать „Особымъ отдѣломъ“ Департамента Полиціи, то онъ и Звѣрева взялъ съ собой для того же дѣла, но онъ сталъ тамъ заниматься этимъ уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Звѣревъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 28—30, очень увлеченъ своимъ дѣломъ, и когда я однажды его спросилъ, какимъ образомъ онъ достигаетъ такого искусства въ поддѣлкахъ почерковъ, то онъ съ самодовольствомъ и чувствомъ собственного превосходства отвѣтилъ: „Наука! надо всему учиться!“

Личность Звѣрева, какъ „поддѣлывателя“ въ Департаментѣ очень цѣнится, ибо пока онъ является единственнымъ въ своемъ родѣ и даже подходящаго помощника онъ не имѣетъ.

Кромѣ поддѣлокъ, Звѣревъ недурно умѣетъ разбирать шифры и оказываетъ существенную услугу Зыбину.

Главнымъ же лицомъ по перлюстраціи писемъ является чиновникъ особыхъ порученій VI класса при Департаментѣ Полиціи, Николай Дмитріевичъ Зайцевъ, который, собственно говоря, мало понимаетъ въ практическомъ значеніи перлюстраціонныхъ данныхъ, но все же завѣдуетъ всей перлюстраціей и придаетъ ей огромное значеніе. Личность эта сама по себѣ весьма ничтожна, это — исполнительный канцеляристъ, и на немъ не стоило бы останавливаться, но я все же скажу нѣсколько словъ объ его взглядахъ на перлюстрацію, которые онъ высказалъ мнѣ, хотя бы потому, что эти взгляды являются отраженіемъ мнѣній болѣе высокихъ перлюстраторовъ, какъ-то: Министра Внутреннихъ Дѣлъ, его товарища по полиціи и Директора Департамента Полиціи.

Надо сказать, что въ теченіе всего 1905 года дѣятельность политической полиціи постепенно дезорганизовалась. Происходило это оттого, что высшія власти сами не знали, что дѣлать, никакихъ прямыхъ указаній для борьбы съ революціонными выступленіями не давали и предоставляли дѣйствовать мѣстнымъ властямъ по собственному усмотрѣнію. Неудивительно, что провинціальныя власти, за исключеніемъ немногихъ, перестали заниматься розыскомъ, агентура разбѣжалась или ее распустили, и администраторы сдѣлались только сторонними зрителями происходящихъ событій. Все это естественно отразилось и на перлюстраціи, которая, хотя и поступала по инерціи изъ „черныхъ кабинетовъ“ даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, и Департаментъ Полиціи по прежнему разсылалъ копии съ предложеніемъ произвести разслѣдованіе, больше по привычкѣ къ формальностямъ, чѣмъ по необходимости, но на мѣстахъ почти не обращали никакого вниманія на эти требованія, и они оставались неисполненными.

Въ Варшавскомъ охранномъ отдѣленіи всей перлюстраціей завѣдывалъ помощникъ начальника ротмистръ Шепель, а послѣ его ухода, ее передали мнѣ, причемъ на мою долю перешли неисполненныя требованія Департамента Полиціи почти за весь 1905 годъ.

Отвѣчать на эти бумаги не было никакой физической возможности, да къ тому же требованія бывали настолько нелѣпы и несогласованы съ измѣнившимися порядками, что я рѣшилъ не исполнять ни одного номера. Когда же въ слѣдующемъ году реакція приняла снова самыя широкіе размѣры, когда заднимъ числомъ начали вымещать злобу за причиненныя огорченія, когда все, что недавно было дозволеннымъ, сдѣлалось преступнымъ, тогда и на перлюстрацію обратили особое вниманіе. Во первыхъ, всю накопившуюся перлюстраціонную литературу за предшествовавшее время рѣшили использовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ цѣляхъ ареста всѣхъ неблагонадежныхъ

элементовъ, согласно секретной телеграммѣ Трепова отъ 11 декабря 1905 г. Потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ или его товарищъ обратили особое вниманіе на данныя перлюстраціонныхъ писемъ и часто въ резолюціяхъ на нихъ приказывали автора или адресата немедленно арестовать и, если не найдется данныхъ для формальнаго дознанія, то направлять дѣло въ административномъ порядкѣ. Это являлось новинкой даже для Департамента Полиціи, и потому онъ приступилъ къ тщательному пересмотру всей неисполненной переписки, начиная съ 1904 г. Всюду были разосланы предписанія о немедленномъ исполненіи каждаго номера, причемъ тогда указывалось, что это необходимо въ виду предложенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Полученную въ наслѣдство отъ Шепеля неисполненную перлюстрацію я частью сдалъ въ архивъ, а частью уничтожилъ, не предполагая, что послѣ манифеста 17 октября такія данныя могутъ быть использованы въ качествѣ матеріала для административныхъ взысканій. Мои ожиданія не оправдались и, вмѣсто прекращенія перлюстраціи, она усилилась въ необычайныхъ размѣрахъ. Изъ Департамента Полиціи начали усиленно поступать требованія о немедленномъ исполненіи всѣхъ ранѣ поступившихъ требованій; нѣкоторыхъ изъ этихъ требованій нельзя было исполнить по той простой причинѣ, что бумаги, относящіяся къ нимъ, были уничтожены.

Въ октябрѣ 1906 года я поѣхалъ въ Петербургъ и, между прочимъ, зашелъ въ Департаментъ Полиціи, имѣя въ виду поговорить въ Особомъ отдѣлѣ о неисполненной перлюстраціи. Мнѣ указали, что по этому вопросу надо говорить съ Зайцевымъ (Пантелеймоновская, 13). Я обратился къ нему. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе недалекаго человѣка, но исполнительнаго чиновника. Собственного „я“ и личной инициативы въ немъ не замѣтилъ; все его существо было наполнено мнѣніемъ ихъ превосходительства, а исполнительность выражалась словомъ — „слушаю-съ!“.

Началь я съ того, что объяснилъ ему всю безцѣльность заниматься въ такое время выясненіемъ данныхъ по перлюстраціи, т. к. они за давностью потеряли все свое значеніе, а по чувству справедливости пользоваться такими данными въ административномъ порядкѣ нельзя, ибо въ силу манифеста 17 октября все прошлое должно быть предано забвенію. Далѣе, я говорилъ Зайцеву о томъ, что иногда запросы изъ Департамента Полиціи поступаютъ удивительно абсурднаго характера, какъ, напримѣръ, предлагалось чуть ли не по всѣмъ письмамъ устанавливать наружное наблюденіе за авторами или адресатами. Департаменту Полиціи было хорошо извѣстно, что въ описываемое мною время въ составъ наружнаго наблюденія на всю Варшаву, включая нѣкоторыя окрестности, входило всего на всего 25 филеровъ, часть которыхъ занималась въ канцеляріи, а 2-3 человѣка по-

стоянно дежурили при Отдѣленіи на всякій случай. Такимъ образомъ, въ среднемъ въ ежедневномъ наблюденіи бывало не болѣе 17-20 человѣкъ, а требованія по перлюстраціоннымъ даннымъ достигали тысячи. Или, на примѣръ, перѣдко изъ Департамента Полиціи получалась шифрованная телеграмма такого содержанія: „Нѣкій „Борисъ“ въ письмѣ изъ Варшавы въ Минскъ отъ такого то числа пишетъ, что имъ на дняхъ отправляется литература. Немедленно установите за „Борисомъ“ наблюденіе, выясните сношенія и арестуйте съ литературой“ и т. д. Изъ письма неизвѣстно, какая отправляется литература, кромѣ „Бориса“ другихъ указаній на автора нѣтъ, но Департаментъ Полиціи тѣмъ не менѣе за телеграммой присылаетъ бумагу съ такой же резолюціей министра внутреннихъ дѣлъ. Треповъ былъ еще болѣе простъ и лакониченъ въ резолюціяхъ. Онъ на перлюстраціяхъ писалъ въ большинствѣ случаевъ такого рода резолюціи: „автора арестовать и заключить въ тюрьму“, „автора арестовать и выслать въ сѣверную губернію“, „адресата арестовать и заключить въ тюрьму, пока не назоветъ автора“ и т. д.

Я считалъ вопросъ о перлюстраціи настолько серьезнымъ, что старался детально выяснитьъ Зайцеву всю невозможность и во многомъ бесполезность исполненія требованій Департамента; указывалъ на то, что охранное отдѣленіе независимо отъ Департамента получаетъ изъ цензуры копии тѣхъ же самыхъ писемъ и, если въ нихъ имѣются цѣнные указанія, то всегда старается ихъ использовать въ розыскныхъ цѣляхъ.

Мнѣ пришлось, однако, только пожалѣть, что я старался убѣждать человѣка безъ собственного мнѣнія, т. к. я на все получалъ отвѣтъ въ такомъ духѣ: „Мы должны пользоваться всѣми средствами для борьбы съ революціей и революціонерами, а перлюстраціонныя данныя являются одними изъ самыхъ серьезныхъ, не подлежащихъ сомнѣнію, данныхъ о неблагонадежности той или иной личности. Въ другихъ свѣдѣніяхъ могутъ возникать сомнѣнія, но въ личностяхъ, которыя пишутъ или которымъ пишутъ сомнѣніямъ нѣтъ мѣста. На перлюстрацію теперь обращено особое вниманіе и г. министръ приказалъ докладывать ему копии съ тѣхъ перлюстрированныхъ писемъ, которыя заслуживаютъ вниманія и, какъ сами видите, Департаментъ Полиціи на это обратилъ вниманіе и при предписаніяхъ цитируетъ резолюцію. Тѣ письма, на которыя Департаментъ Полиціи раньше, въ 1904, 1905 гг. не обращалъ вниманія, теперь подлежатъ пересмотру и реализаціи“...

На этомъ нашъ разговоръ и кончился. Что на свѣтъ божій была вытащена перлюстрація за старые годы, то въ этомъ я тогда же убѣдился лично, такъ какъ за однимъ изъ столовъ въ Департаментѣ Полиціи я увидѣлъ чиновника, роющагося въ этомъ хламѣ.

Изъ Департамента Полиціи копии перлюстрированныхъ пи-

семь отправляются начальникамъ губернскихъ жандармскихъ управленій и въ охранныя отдѣленія тѣхъ городовъ, гдѣ проживаютъ авторы и адресаты, съ предложеніемъ выяснитъ ихъ личности, дѣятельность и сношенія и о полученныхъ данныхъ увѣдомитъ. Въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса и т. д. выясненія по письмамъ поручаются полицейскимъ надзирателямъ охранныхъ отдѣленій, которые при посредствѣ швейцаровъ, дворниковъ и прочихъ полуполицейскихъ лицъ выясняютъ образъ жизни и, до нѣкоторой степени, связи адресата. Иногда удается добраться и до дѣйствительнаго адресата, разъ письмо предназначается для передачи. Если изъ переписки видно, что авторъ или адресатъ играютъ не послѣднюю роль въ революціонной организаціи и установка ихъ связей можетъ дать цѣнные данныя, то за такими лицами учреждается филерское наблюдение. Но это бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ филеры безъ внутренняго освѣщенія являются бесполезными; поэтому всегда стараются данныя перлюстраціи освѣтить внутренней агентурой, т. е. секретными сотрудниками-провокаторами. Болѣе или менѣе точныя разслѣдованія по перлюстраціоннымъ даннымъ производятъ только нѣкоторыя охранныя отдѣленія; въ большинствѣ же случаевъ и охранники, и жандармы заботятся лишь о томъ, чтобы исполнить номеръ бумаги, предписывающей произвести разслѣдованіе перлюстраціонныхъ данныхъ. Они производятъ обыски и аресты, зачастую совершенно ошибочные, хотя это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ имъ направлять подобныя дѣла въ административномъ порядкѣ.

Официально отрицая практику перлюстраціи писемъ, жандармы никогда не предъявляютъ матеріала, полученнаго этимъ путемъ въ качествѣ доказательства, а формулируютъ его, какъ агентурныя данныя; поэтому неудивительно, что многія лица не знаютъ, за что они арестованы и идутъ въ ссылку. Мнѣ, напримѣръ, извѣсны случаи, когда арестовывали дѣтей 12-14 лѣтъ и стариковъ 60-70 лѣтъ только потому, что ихъ именами пользовались для адреса иногда безъ ихъ вѣдома, а такъ какъ жандармамъ не удавалось установить дѣйствительнаго получателя, то они и набрасывались на фиктивныхъ адресатовъ.

Въ послѣдніе годы дѣловая переписка между представителями революціонныхъ организацій, повидимому, значительно сократилась, потому и перлюстрація перестала давать нити для большихъ дѣлъ. Объясняется ли это большей конспиративностью или просто революціонныя организаціи отказались пользоваться почтой, но во всякомъ случаѣ, это большой поворотъ къ лучшему. Въ началѣ же девятисотыхъ годовъ, особенно въ 1902—4 гг., всѣ почти революціонныя организаціи вели обширную переписку самаго конспиративнаго свойства. Правда, письма зашифровывались, но вѣдь ключъ при посредствѣ провокаторовъ очень часто дѣлался достояніемъ Департамента Полиціи,

химическій текстъ возстановливался Звѣревымъ и, такимъ образомъ, вся эта революціонная переписка проходила черезъ Департаментъ. За это революціонеры жестоко платились, повидимому, не подозревая, что являются сами виновниками многочисленныхъ арестовъ.

Укажу на то, что въ 1902—3 годахъ Департаменту Полиціи были извѣстны ключи социалистовъ-революціонеровъ, искровцевъ и бундистовъ, было извѣстно очень много адресовъ, какъ русскихъ городовъ, такъ и заграничныхъ, по которымъ направлялась конспиративная переписка. За всей такой корреспонденціей на почтѣ велось тщательное наблюденіе. Достаточно указать на то, что петербургскій комитетъ „Искры“ въ 1902 году былъ „разработанъ“ по письмамъ Лепешинскаго, Радченко, Шнеерсона и др., арестованныхъ по одному и тому же дѣлу въ Петербургѣ. Въ 1903 году по перлюстраціи были установлены всѣ данныя о сѣздѣ той же партіи и выяснено много делегатовъ изъ Россіи.

Въ 1902 и 1903 гг. большую потерю понесла благодаря перлюстраціи партія социалистовъ-революціонеровъ; такъ, напримеръ, вся переписка, происходившая между Саратовомъ, Кіевомъ, Харьковомъ и Петербургомъ находилась всецѣло въ рукахъ Департамента, и послѣдовавшіе аресты многимъ обязаны именно перлюстраціи.

Но самыми неосторожными и злѣйшими врагами своей организаціи являлись „бундисты“. Ихъ шифръ былъ извѣстенъ со дня сѣзда; его выдалъ провокаторъ Арнатскій, убитый впоследствии въ Пинскѣ. Начавшаяся переписка между организаціями отдѣльныхъ городовъ и заграничнымъ комитетомъ сейчасъ же была обнаружена и не выпускалась до полной ея реализаціи; даже переписка, зашифрованная на жаргонѣ или древнееврейскомъ языкѣ была дешифрируема и возстановливаема специалистами.

Вся переписка, происходившая между заграничнымъ комитетомъ, большею частью съ Іосифомъ Милемъ, который подписывался псевдонимами — „Гдаль“, „Гдаль Давидовъ“, „Гдаль Залмановичъ“ и т. д., съ внутренними городами Россіи (съ нимъ переписывались Вайнштейнъ, Роза Левинъ, Невскій, Кацъ и др.), проходила черезъ Департаментъ Полиціи. Для того, чтобы письмо попало изъ Террите и Интерлакена (въ Швейцаріи) въ Варшаву, Сувалки и другія мѣста надо всего 48 часовъ, между тѣмъ, такія письма иногда получались черезъ 7-10 дней, и вполне понятно то справедливое негодованіе г. Миля, которое онъ часто высказывалъ своимъ корреспондентамъ, на задержку въ письмахъ.

Аресты, произведенные 9 августа 1903 года въ Варшавѣ среди „бундистовъ“, явились результатомъ разработки перлюстраціонныхъ данныхъ безъ малѣйшаго участія провокатуры.

Среди членовъ польскихъ партій такой переписки не су-

ществовало, но еврейская фракція Польской Соціалистической Партіи проявила менѣе конспиративности въ своихъ сношеніяхъ съ Гродно, Вильно, Ковно и другими мѣстностями.

Укажу еще на одинъ случай провала цѣликомъ всей организаціи благодаря перепискѣ, къ тому же освѣщенной агентурой.

Въ 1905 г. въ Варшавѣ была арестована военно-революционная организація (Петренко, бр. Фриуафъ, Писаревскіе и пр.), причѣмъ здѣсь не только виноватъ секретный сотрудникъ Герасимъ Мирзоевъ, но и переписка упомянутыхъ лицъ. Печальнѣе и поучительнѣе всего то, что въ частной перепискѣ членъ этой организаціи Ц. Д. давала хорошій матеріалъ охранному отдѣленію для соображеній. Если эта личность и была оправдана, то лишь потому, что перлюстраціонныя данныя „изъ принципа“ не были представлены въ судъ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ.

Если въ настоящее время революціонные дѣятели, какъ представители партій, прекратили или уменьшили конспиративную переписку, то взамятъ этого увеличилась до невѣроятныхъ размѣровъ переписка между отдѣльными революціонерами или только сочувствующими имъ лицами. Выѣтъ съ тѣмъ, усилилась дѣятельность „черныхъ кабинетовъ“ и аресты по перлюстраціоннымъ даннымъ. Существуетъ привычка у молодежи обоого пола писать обязательно о политикѣ, часто преувеличивать свое значеніе въ движеніи, сообщать о томъ, что онъ или она бывають на сходкахъ, занимаются въ кружкахъ, таинственно намекаютъ на то, что они принимаютъ участіе въ чемъ то важномъ, готовящемся совершиться. Нерѣдко сообщаютъ, что они поддерживають знакомства съ общественными дѣятелями, приписывая послѣднимъ чуждыя имъ и неправдоподобныя роли. Въ такихъ письмахъ много бахвальства, но авторы и не подозревають, какой громадный вредъ приносятъ они себѣ, своимъ друзьямъ и уюминаемымъ въ письмахъ лицамъ. Письма съ загадочными намеками, попавъ въ руки жандармовъ, подвергаются провѣркѣ. Если эта провѣрка окажется безрезультатной, то жандармы рѣшаютъ, что авторъ или говоритъ неправду или ведетъ свое дѣло слишкомъ тонко, а потому его „на всякій случай“ арестовывають и ссылають.

Мнѣ пришлось наблюдать много жертвъ собственной неосторожной переписки. Приведу только три случая, но довольно характерныхъ.

Одна дѣвица приѣхала изъ Вахмута Екатериин. губ. въ Варшаву учиться шляпному мастерству; вошла ли она въ мѣстную организацію „Бунда“ — не знаю, но только незадолго до 1 мая она написала письмо своей сестрѣ въ Вахмутъ, въ которомъ сообщала, что они готовятся попочевать генераль-губернатора „бомбочками“ и что ими (т. е. бундистами) уже брошено нѣсколько бомбъ въ казаковъ. Письмо попало въ перлюстрацію и,

несмотря на всю его абсурдность, оно подняло цѣлый переполохъ. Полетѣли телеграммы и, въ концѣ концовъ, сестру авторши обыскали, но она успѣла письмо сжечь, а авторша успѣла до ареста выѣхать изъ Варшавы. Все кончилось хорошо только потому, что письмо уничтожили во время. Но, вѣдь, авторша письма, несомнѣнно, попала бы подъ военный судъ, ибо въ это время въ Варшавѣ бросались бомбы, но только не бундистами, а Польской Соціалистической Партіею, и виновники не находились.

Другой случай былъ въ 1906 году. Анархистка Л. написала письмо въ Лондонъ, въ которомъ сообщала, что „апельсины“ получены и скоро генераль-губернаторъ будетъ ихъ кушать. На основаніи этого письма Л. была арестована и внесена въ списокъ лицъ, подлежащихъ разстрѣлу въ административномъ порядкѣ. Писала Л. неправду, ибо въ то время въ Варшавѣ никакихъ анархистовъ не существовало, а о покушеніи не было даже и рѣчи.

Наконецъ, еще болѣе характерный случай произошелъ съ бундистомъ Борисомъ Герцикомъ въ Варшавѣ въ 1904 г. Онъ задумалъ поступить въ сотрудники охраннаго отдѣленія, чтобы узнавать тамъ секреты въ интересахъ революціонныхъ организацій. Уже сама по себѣ такая мысль является нелѣпой, ибо для всякаго секретнаго сотрудника (провокатора) тайны охранокъ остаются тайнами: дальше конспиративной квартиры и арестовъ по еѣ же даннымъ онъ ничего больше знать не можетъ. Тѣмъ не менѣе, Герцикъ упорно добивался сотрудничества, ходилъ въ охранное отдѣленіе, получалъ деньги, давалъ требуемыя свѣдѣнія, просилъ, чтобы его временно засадили въ тюрьму для того, чтобы приобрести больше довѣрія среди революціонеровъ. Въ то же время онъ сталъ писать длинныя посланія своей невѣстѣ въ Кіевъ, въ которыхъ подробнымъ образомъ описывалъ свои намѣренія и всѣ переговоры съ охранкой. Съ перваго же письма вся переписка сосредоточилась въ охранномъ отдѣленіи, но Герцикъ, ничего не подозрѣвая, писалъ о своихъ успѣхахъ въ дѣлѣ завоеванія довѣрія начальства и, въ концѣ концовъ, его арестовали и по постановленію Особаго Совѣщанія куда то выслали.*)

Независимо отъ того, что почтовое вѣдомство всегда къ услугамъ жандармской полиціи, жандармы имѣютъ полную возможность во всякое время явиться въ почтово-телеграфныя учрежденія и произвести выемку нужной корреспонденціи; для этой цѣли изъ Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ выдаются открытыя листы. Для примѣра приведу одинъ изъ такихъ документовъ.

*) Статья эта уже была набрана, когда въ Жамкѣ было обнаружено, что Герцикъ состоитъ агентомъ Гартманга (Петровскаго), представителя департамента полиціи въ Парижѣ, — очевидно, Герцикъ этимъ ремесломъ своимъ занимался давно.

Секретно

Открытый листъ Нарамбника
Главнаго Управленія почты и теле-
графовъ.

Предъявителю сего Нарамбнику
Варшавскаго Жандармскаго Охраннаго
Отдѣленія Потомковнику Ковалевскому
предоставляется право производить
осмотръ и въ случаѣ необходимости
выписку подлиннаго телеграммы, от-
правленнаго изъ почтово-телеграф-
наго и телеграфнаго учрежденія, при-
чемъ, если произведена выписка, то
дальше быть составленъ о сиемъ актъ
за подписью Нарамбника учрежденія
и Потомковника Ковалевскаго

№: 267.

Нарамбника
Главнаго Управленія Е. Андреевскій

14. Июня 1903.

Нарамбника Отдѣленія Августовича

Этотъ документъ стереотипенъ, одного типа для всей Россіи,
и пользоваться имъ могутъ не только тѣ лица, на имя кото-
рыхъ онъ написанъ, но всякій, кто его имѣетъ при себѣ.
Мнѣ лично приходилось неоднократно являться въ варшав-
скія почтово-телеграфныя отдѣленія съ этимъ самымъ листомъ,
я заявлялъ, кто я, — и мнѣ предоставляли полную свободу

рыться, гдѣ было нужно. Никакихъ актовъ при этомъ не составлялось и я имѣлъ возможность снимать копии, сличать почерки и т. д. Между прочимъ, по этому открытому листу, когда послѣ убійства въ Варшавѣ с.-р.-рами извѣстнаго ихъ провокатора Николая Татарова, мнѣ было поручено слѣдствіе по этому дѣлу, мною были получены копии телеграммъ, которыми онъ обмѣнивался съ Рачковскимъ и Гуровичемъ. Татаровъ служилъ при Департаментѣ Полиціи и Варшавское Охр. Отдѣленіе ничего не знало о немъ. Только во время слѣдствія, а потомъ отъ Гуровича, Марграфскаго и друг., я узналъ, что Татаровъ дѣйствительно былъ провокаторомъ.

Еще проще поступаютъ при наблюденіяхъ за извѣстными лицами. Если филерами замѣчено, что наблюдаемое лицо бросило письмо въ почтовый ящикъ, то одинъ изъ филеровъ немедленно отправляется на главную почту къ цензору или начальнику почты и, согласно установленному порядку, проситъ просмотрѣть всю корреспонденцію изъ указанного почтового ящика. Такимъ путемъ иногда удается извлекать очень полезный для сыска матеріаль.

Заканчивая настоящую статью о „миѳическихъ“ „черныхъ кабинетахъ“, не могу не сказать, что успѣшнѣе всего перлюстрація производится въ Петербургѣ и Варшавѣ, причемъ выдающимися сыщиками въ этомъ дѣлѣ являются: въ первомъ — П. Бронниковъ (Новоисаковская ул., 18, Петербургъ), а во второй — фонъ-Кребсъ (Пенкная, 16-а, Варшава), оба цензора. Съ первымъ изъ нихъ мнѣ пришлось даже неоднократно переписываться по дѣлу перлюстраціи, причемъ долженъ сказать, что Бронниковъ занимается перлюстраціей не въ цѣляхъ служебныхъ выгодъ, а исключительно изъ любви къ дѣлу. Онъ человекъ богатый, имѣетъ состоянія около 600 тысячъ рублей, слѣдовательно, матеріально вполне независимъ, но работа „черныхъ кабинетовъ“ его такъ увлекла, что онъ положительно вошелъ въ нее съ головой. Уловить письмо съ „хорошимъ“, и „интереснымъ“ содержаніемъ и подѣлиться имъ немедленно съ охранкой сдѣлалось для него главнымъ смысломъ въ жизни.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются еще статьи Бакая: о провокаціи и провокаторахъ, о наружномъ наблюденіи, пыткахъ въ Варшавѣ, разстрѣлахъ въ административномъ порядкѣ, убійствахъ, вооруженныхъ сопротивленіяхъ, динамитныхъ мастерскихъ, устраиваемыхъ охранными отдѣленіями черезъ своихъ агентовъ, о зубатовщинѣ, характеристики дѣятелей охранныхъ отдѣленій и департамента полиціи и т. д.

Редакція.

Въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія.

Послѣ долготѣной моей эмигрантской жизни за границей, въ октябрѣ 1905 г. я очутился въ Петербургѣ и съ тѣхъ поръ почти все время я жилъ въ Россіи или Финляндіи.

За это мое пребываніе въ Россіи мнѣ удалось въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія видѣть и слышать много любопытнаго. Въ Парижѣ, на страницахъ заграничнаго „Былого“, объ этомъ я могу теперь кое-что рассказать. Сдѣлаю это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что поиски за этими матеріалами я продолжаю и теперь и, мнѣ кажется, что мои методы собиранія матеріаловъ вѣрны и даютъ желаемые результаты. Такимъ образомъ, мой рассказъ, быть можетъ, будетъ полезенъ для тѣхъ, кто хотѣлъ бы итти къ намъ навстрѣчу, и натолкнеть ихъ на мысли болѣе умѣлаго использованія ими ихъ связей и свѣдѣній.

За эти годы мнѣ пришлось видѣть лучшихъ, наиболѣе яркихъ представителей оппозиціоннаго и революціоннаго движенія, и встрѣчи съ ними мнѣ дали очень много. Но пока объ этихъ встрѣчахъ я не намѣренъ говорить по различнымъ обстоятельствамъ, — тѣмъ болѣе, что наша дальнѣйшая совмѣстная работа съ этими товарищами по отыскиванію историческихъ матеріаловъ и изученія ихъ не требуютъ большихъ переговоровъ. Каждая новая книжка „Былого“ лучше всего будутъ говорить товарищамъ, на чемъ мы могли съ ними сойтись.

Я буду говорить о своихъ встрѣчахъ съ представителями иной среды, гдѣ я нашелъ чрезвычайно много важнаго и любопытнаго для изученія русскаго освободительнаго движенія. Тамъ я получилъ и драгоцѣннѣйшіе документы и объясненіе многоаго такого, что для меня до тѣхъ поръ было не ясно.

* * *

Одна изъ наиболѣе любопытныхъ моихъ встрѣчъ въ этомъ родѣ — была встрѣча съ М. Е. Бакаемъ, чьи воспоминанія начинаются печатаніемъ съ этого номера „Былого“.

Въ маѣ 1906 г. ко мнѣ въ Петербургѣ пришелъ еще молодой человекъ, лѣтъ 27—28, и заявилъ, что желаетъ поговорить со мной наединѣ по одному очень важному дѣлу. Когда мы остались съ глазу на глазъ, онъ мнѣ сказалъ:

— Вы — В. Л. Бурцевъ. — я Васъ знаю очень хорошо, — вотъ Ваша карточка, — я ее взялъ въ Департаментъ Полиціи, — по этой карточкѣ Васъ разыскивали.

Я еще не произнесъ ни слова, и мой собесѣдникъ послѣ нѣкоторой паузы сказалъ:

— По своимъ убѣжденіямъ я — с.-р., а служу въ Департаментъ Полиціи чиновникомъ особыхъ порученій при варшавскомъ охранномъ отдѣленіи.

— Что же Вамъ отъ меня нужно? — спросилъ я.

— Скажу Вамъ прямо, — отвѣтилъ мнѣ мой собесѣдникъ: -- я хочу узнать, не могу ли я быть чѣмъ-нибудь полезнымъ освободительному движенію?

Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, — въ головѣ у меня прогеслись ровнѣмъ десятки разныхъ предположеній... Вопросъ былъ поставленъ прямо... Я почувствовалъ, что предо мной стоялъ человекъ, который, очевидно, выговорилъ то, что долго лежало у него на душѣ и что онъ сотни разъ обдумывалъ, прежде чѣмъ переступить мой порогъ.

Я отвѣтилъ, что очень радъ познакомиться и обстоятельно поговорить, что освободительному движенію полезнымъ можетъ быть каждый человекъ, а особенно служащій въ Департаментъ Полиціи, — если только онъ хочетъ честно, искренне откликнуться на нашъ призывъ.

Мой собесѣдникъ сталъ говорить, что онъ могъ быть полезнымъ въ нѣкоторыхъ с.-р-скихъ практическихъ дѣлахъ, но я его остановилъ словами:

— Я — литераторъ, занимаюсь изученіемъ исторіи освободительнаго движенія, ни къ какимъ партіямъ не принадлежу, и лично я буду говорить только о томъ, что связано съ вопросами изученія исторіи освободительнаго движенія и вопросами, такъ сказать, гигиеническаго характера: выясненіемъ провокаторства и въ прошломъ и въ настоящемъ.

Мой собесѣдникъ, очевидно, не ожидалъ, что я сведу разговоръ на такія, повидимому, безобидныя темы, и мнѣ пришлось очень долго ему объяснять, что его услуги, какъ человека, служащаго въ Департаментъ Полиціи, могутъ имѣть огромное значеніе для изученія освободительнаго движенія и для агитаціи на современныя политическія темы. Мои надежды на агитацію и на Думу особенно его смущали. Онъ твердилъ, что Думу, черезъ мѣсяць—полтора разгонять, что жандармскія силы мобилизируются всюду, что вѣроятію военныхъ, крестьянскихъ и рабочихъ возстаній не придадутъ никакого значенія, что предстоить жестокая реакція и т. д. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы я воалагалъ такія надежды на литературу и заботамъ о ней отводилъ столько мѣста въ нашихъ переговорахъ.

Мой новый знакомый во время первой же нашей встрѣчи хотѣлъ рассказать свою біографію, но я его остановилъ, сказавши, что это пока для меня не нужно, такъ какъ я буду говорить съ нимъ только на литературныя темы, — и лишь впоследствии я узналъ, что это былъ **Бакай**.

Меня, конечно, занялъ вопросъ о мотивахъ, которые привели Бакаю ко мнѣ, и я его спросилъ объ этомъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что на службу въ Департаментъ Полиціи онъ поступилъ случайно, всегда тамъ чувствовалъ себя чуждымъ человекомъ, такъ какъ характеръ службы былъ ему ясенъ, служилъ по инерціи, пока событія послѣдняго времени такъ не раскрыли глаза ему, что далѣе оставаться на службѣ не было силъ. Еще въ 1905 году онъ дѣлалъ попытки переговорить съ

революционерами, но ничего изъ этого не выходило. Онъ заявилъ жнѣ, что къ рѣшенію придти ко мнѣ его привело одно лишь желаніе быть полезнымъ освободительному движенію, и онъ не имѣетъ въ виду какихъ-либо личныхъ интересовъ: въ денежномъ отношеніи онъ обставленъ прекрасно и бюрократическая карьера у него обезпечена, еслибы онъ желалъ продолжать службу. Онъ упоминалъ и возможности провала, но сказалъ, что это его не останавливаетъ, что оставаться на службѣ ни въ коемъ случаѣ не считаетъ болѣе возможнымъ.

Когда онъ говорилъ объ охранномъ отдѣленіи и въ яркихъ краскахъ рисовалъ, что скрывалось тамъ за его стѣнами, — я часто прерывалъ его словами: „Да, да, — мы знаемъ все это!“. На это онъ мнѣ десятки разъ повторялъ: „Нѣтъ, — Вы всего этого не знаете, — Вы даже не подозреваете, какіе ужасы творятся тамъ!“

Онъ говорилъ тономъ искренняго человѣка, — я и тогда не сомнѣвался въ томъ, что онъ пришелъ ко мнѣ безъ задней мысли (какъ это не разъ приходили другіе), а съ желаніемъ выйти на новую дорогу. Впослѣдствіи — я въ этомъ убѣдился вполне, но вначалѣ такъ увѣренъ я не могъ быть. . . Наша встрѣча была такъ необычайна: — сошлись представители двухъ различныхъ міровъ, еще вчера говорившіе на различныхъ языкахъ, и притомъ мы говорили въ Петербургѣ, въ предѣлахъ „досягаемости“ большихъ и малыхъ Герасимовыхъ, Думбадзе и т. п.

Мы говорили пѣлыми часами. Предо мной открылся совершенно новый міръ — съ иными нравами, иной логикой, иными интересами, иной терминологіей. Я, напримѣръ, долго не могъ усвоить, что „сотрудникъ“ означаетъ „провокаторъ“. Мнѣ не безъ труда постепенно удавалось усваивать себѣ то, что я слышала отъ Бака.

Мы видѣлись съ Бакаемъ разъ—два въ мѣсяцъ, а съ его переѣздомъ въ Петербургъ эти свиданія стали еще чаще.

Я съ самаго начала стала убѣждать Бакаю писать свои воспоминанія, и онъ рѣдкій разъ приходилъ ко мнѣ безъ какого-нибудь новаго наброска изъ прошлаго или безъ разсказа о томъ, что дѣлалось теперь. Но объ этомъ разскажу подробнѣе — послѣ какъ-нибудь.

Иногда разсказы Бакаю меня приводили въ ужасъ.

Такъ, однажды, онъ пришелъ и сообщилъ мнѣ:

— Вчера закончился съѣздъ с.-р. въ Тамерфорсѣ, — приняты такія резолюціи.

До этого отъ партійныхъ людей я слышала, что съѣздъ с.-р. долженъ быть состояться, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ начался или даже скоро долженъ состояться.

— Откуда Вы знаете это? — спрашиваю я.

— Былъ въ Департаментѣ Полиціи у завѣдующаго агентурой по Б. О. с.-р.-овъ, — „они“ уже получили свѣдѣнія о съѣздѣ.

Черезъ нѣсколько дней этими своими свѣдѣніями я подѣлился съ с.-р. чекистомъ Крафтомъ.

— Да, съѣздъ именно въ такой-то день закончился. Откуда вы узнали объ этомъ? — спросилъ онъ.

— Прямо изъ Департамента Полиціи! — отвѣчалъ я, и объяснилъ, какъ я узналъ. Крафтъ изумился не менѣе меня.

Нерѣдко на свиданія со мной Бакаю приносилъ интересные документы, — такъ имъ была принесена и записка Пѣтухова, надѣлавшая

въ свое время большой шумъ и въ прессѣ, и въ средѣ правительства. Была назначена даже специальная коммисія для изслѣдованія того, какъ могла попасть въ печать эта записка, переписанная въ одномъ экземпляръ и предназначенная для 3—4 лицъ. Больше всѣхъ, кажется, бился подъ этой загадкой помощникъ ген.-губ. Утгофъ, и такъ и не могъ ее разгадать, а „ларчикъ просто открывался“. Утгофъ такъ дорожилъ запиской Пѣтухова, что не рѣшился послать ее съ кѣмъ-нибудь для прочтенія варшавскому начальнику охраннаго отдѣленія Заварзину и лично самъ ее отвезъ, но не могъ дожидаться Заварзина и далъ ее Бакаю для передачи ему. Бакаю ровно столько пришлось дожидаться пріѣзда Заварзина, сколько нужно было времени, чтобы снять копію съ этой записки. Остальное повятно само собой.

Помню съ какимъ изумленіемъ я услышалъ отъ Бакая въ первый разъ въ Петербургѣ еще лѣтомъ 1906 года, что черезъ порогъ охраннаго отдѣленія перешагнулъ и... Бржозовскій! Еще болѣе меня изумилъ этимъ польскій революціонеръ, которому я тогда же сообщилъ объ этомъ. Полякъ любилъ Бржозовскаго, зачитывался его статьями, видѣлъ въ немъ талантливаго выразителя своихъ взглядовъ на социальныя и политическія вопросы. Черезъ полгода я встрѣтился съ польскимъ с.-д., яркимъ политическимъ врагомъ Бржозовскаго, и сообщилъ ему объ этомъ глубоко печальною извѣстію. Онъ былъ пораженъ и все повторялъ: „Неужели?! — нѣтъ, — это ужасно!“ Я понимаю, что, когда извѣстія о Бржозовскомъ въ началѣ 1908 г. стали, наконецъ, обшимъ достояніемъ и его имя, какъ челоуѣка, служившаго въ охранномъ отдѣленіи, попало въ печать въ списки 50 вновь открытыхъ провокаторовъ, нашлись два польскіе литератора, которые въ отдѣльной брошюрѣ защищали Бржозовскаго. Они находили недопустимымъ, что онъ одновременно писалъ свои чудныя статьи и бѣгалъ въ охранное отдѣленіе за получкой 30 сребрениковъ. Можетъ быть, Бржозовскій еще найдетъ въ себѣ достаточно силъ сказать: „виновать!“ и съ обычнымъ своимъ талантомъ разскажетъ ужасъ паденія такого челоуѣка, какъ онъ...

Въ концѣ 1906 г. Бакай, по моимъ настояніямъ, бросилъ службу въ варшавскомъ охранномъ отдѣленіи, подалъ въ отставку и перѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ на свободѣ занялся писаніемъ своихъ воспоминаній, Онъ приносилъ мнѣ свои статьи для просмотра и по моимъ указаніямъ дѣлалъ потомъ необходимыя дополненія.

Но писать воспоминанія въ виду Петропавловской крѣпости оказалось для Бакая не такъ-то легко и безопасно. Произошли нѣкоторыя обстоятельства, и въ охранномъ отдѣленіи заподозрили Бакая въ нѣмнѣ... Констатировать, что онъ ходилъ ко мнѣ два-три раза въ недѣлю и просиживалъ цѣлыми часами было дѣломъ не хитрымъ. За нимъ стали ходить по пятамъ сыщики, — я убѣждалъ его скрыться. Онъ разъ съ чемоданомъ уже былъ на финляндскомъ вокзалѣ, но увидавши за собой усиленную слѣжку, не уѣхалъ. Онъ все еще думалъ, что „его“ не рѣшатся арестовать! Но вотъ, 31 марта, раннимъ утромъ, его обыскиваютъ, отбираютъ часть просмотрѣнныхъ мною рукописей о пыткахъ въ Варшавѣ, о перлюстраціи, о черныхъ кабинетахъ и т. д., и арестовываютъ.

Въ рукахъ охранниковъ очутился не обычный типъ революціонера. Еще вчера о Бакаѣ никто въ охранкѣ не думалъ, какъ о своемъ врагѣ. Онъ зналъ ихъ секреты, пользовался ихъ безусловнымъ довѣріемъ, онъ

состоялъ уже на дѣйствительной службѣ, вразъ получить чинъ чиновника шестого класса, жалованье ему давали до 300 руб. въ мѣсяць... Идутъ усиленные допросы Бакая, ему грозятъ военнымъ судомъ за немѣну, за указаніе провокаторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые тогда уже были убиты, а другіе вышли, такъ сказать, въ тиражъ, но въ рукахъ жандармовъ оказались лишь бакаевскія статьи по исторіи освободительнаго движенія, да указанія на знакомство со мною. Старается въ допросахъ припутать къ дѣлу меня, — я тогда жилъ въ Петербургѣ, — усиленно слѣдятъ за мной по пятамъ, но благополучно проходить мѣсяць, и я съ паспортомъ уѣхалъ за границу.

Предать суду Бакая было очень неудобно, — очевидно, нельзя было бы обойти молчаніемъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ о перлюстраціи, о провокаціи въ дѣлахъ съ бомбами, которыя выплыли бы наружу, и вотъ его содержать въ Петропавловской крѣпости и послѣ 8 мѣсяцевъ ссылаютъ на три года въ Обдорскъ, гдѣ такъ удобно похоронить и его, и его любопытныя свѣдѣнія. Но за Бакаемъ слѣдомъ ѣдетъ революціонеръ, и въ Тюмени Бакаю удается устроить побѣгъ. Черезъ недѣлю я встрѣтилъ его въ Финляндіи. Это было послѣ ареста Карла, когда надъ всѣми висѣла гроза высылки. Бакая немедленно отправили за границу.

Черезъ 2—3 недѣли я выѣхалъ изъ Финляндіи въ Парижъ и тамъ снова встрѣтилъ Бакаю. На rue Flatters и на rue Lupain я сталъ дослушивать его интересные разсказы и читать его вновь написанныя воспоминанія.

Такъ или иначе, всѣ сообщенія Бакаю должны сдѣлаться общимъ достояніемъ. Въ настоящее время съ его рукописями познакомились представители различныхъ организацій, и они сдѣлали изъ нихъ нужные для себя очень цѣнные выводы. Въ газетахъ появились извлеченія изъ воспоминаній Бакаю и возбуждали общее вниманіе.

* * *

Разсказъ о другіяхъ моихъ встрѣчахъ при отыскиваніи матеріаловъ по исторіи русскаго освободительнаго движенія — я за недостаткомъ мѣста принужденъ отложить до слѣдующаго раза.

Вл. Бурцевъ.

В

Памяти народовольцевъ.

(О портретахъ Перовской, Желябова, Кибальчича, Гельманъ, Бараникова, Колодкевича, Суханова и Богдановича.)

Вы просили сообщить, насколько похожи на свои оригиналы портреты народовольцевъ, съ которыми я жила, встрѣчалась и состояла въ организаціи *).

Боюсь, чтобы длинный перечень не получилъ сходства съ описаниемъ примѣтъ въ паспортахъ, и потому ограничусь лишь небольшимъ числомъ.

* * *

Первый портретъ, о которомъ слѣдуетъ говорить, конечно, будетъ портретъ С. Л. Перовской.

Этотъ портретъ (помѣщенъ въ „Быломъ“ за мартъ 1906 г.) отличается выдающимся сходствомъ, и это единственный портретъ въ мірѣ, который волнуетъ меня каждый разъ, когда я его вижу. Цѣлый рядъ воспоминаній сейчасъ же пробуждается въ памяти, воспоминаній грустныхъ и тяжелыхъ, потому что, прежде всего, вспоминаются послѣдніе дни ея на свободѣ — мартовскіе дни „Народной Воли“...

Лицо Софьи Львовны отличалось необычайной простотой и чрезвычайной привлекательностью. Когда она была въ рубашкѣ, какія носить крестьянки, то казалась настоящей деревенской дѣвушкой. Такой показалась она мнѣ въ первый разъ, который почему-то кажется мнѣ чуть ли не первой встрѣчей съ ней, когда она ночевала у насъ въ семьѣ въ 1877 г. въ Петербургѣ на Прядильной.

Портретъ вполне передаетъ ея молодежавое лицо, въ которомъ было что-то дѣтское, передаетъ и чуть замѣтную складку около губъ, которая мнѣ кажется выраженіемъ настойчивости и упорства, а, можетъ быть, и дѣтскаго каприза. Не видно только ея бѣлой кожи и разлитатаго розоваго цвѣта щекъ, характернаго для блондинки.

*) Статья В. Н. Фигнеръ написана давно по нашей просьбѣ и, повидному, не предназначалась для печати.

Мы просимъ знавшихъ Желябова, Перовскую, Суханова, Колодкевича, Кибальчича, Гельманъ и друг. дополнять сдѣланныя Вѣрой Николаевной характеристики новыми чертами, и, надеемся, что ея статья эта побудитъ многихъ сохранять для исторіи возможно болѣе яркія и полныя описанія этихъ дѣятелей освободительнаго движенія. Для этого необходимо заняться разыскиваніемъ новыхъ ихъ карточекъ и такого рода оцѣнокъ этихъ карточекъ, какъ это сдѣлала въ данномъ случаѣ Вѣра Николаевна.

Помышляя эту статью Вѣры Николаевны, мы будемъ просить всѣхъ, кто только лично знавалъ выдающихся участниковъ русскаго освободительнаго движенія за разные періоды, дать ихъ описанія и характеристики, какъ это сдѣлала Вѣра Николаевна Фигнеръ по отношенію къ своимъ товарищамъ-народовольцамъ.

В. Б.

Доброта сквозила изъ всѣхъ чертъ ея лица, и когда она говорила и улыбалась, — каждого невольно влекло къ ней.

За все время знакомства она почти не измѣнилась: годы, казалось, проходили для ея наружности безслѣдно; только въ послѣднюю зиму часто можно было подмѣтить выраженіе скорби на миловидныхъ чертахъ ея кругленькаго личика.

Во время процесса 1-го марта рассказывали, что присяжный повѣренный Спасовичъ все время рисовалъ портретъ Желябова, и когда я развернула мартовскую книжку „Былого“ за 1906 г. и увидала помѣщенный тамъ набросокъ, якобы изображающій Андрея Ивановича, то мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что это тотъ самый „портретъ“, который рисовалъ Спасовичъ. Спѣшу сейчасъ же заявить, что съ дѣйствительной наружностью Желябова онъ не имѣетъ ничего общаго.

Въ книжкѣ вы видите довольно худощавое, вытянутое сверху внизъ лицо, на которомъ бросаются въ глаза приподнятыя кверху брови и обнаженные зубы. Всякій, кто видалъ стариннаго письма иконы и гравюры, изображающія божіихъ угѣдниковъ и старообрядческихъ начетчиковъ, тотчасъ же признаетъ въ немъ этотъ типъ аскета и фаватика, поборовшаго плоть. . . Ничего подобнаго не было въ Желябовѣ, и если бы, указывая на этотъ портретъ, меня просто спросили, кого онъ мнѣ напоминаетъ, я никогда бы не назвала имени моего товарища по Исполнительному Комитету.

Андрей Ивановичъ имѣлъ атлетическую фигуру, прекрасно сложеную, а его голова была красивой головой типичнаго русскаго крестьянина. Общее выраженіе всей фигуры и лица была мощь, энергія и сила воли. Сѣрые глаза имѣли выраженіе смѣлости, а когда онъ шутилъ въ товарищеской компаніи, они сыпали искры добродушнаго дукавства и насмѣшливости. Темная, окладистая борода лопатой обрамляла довольно широкое лицо съ смуглымъ румянцемъ. Когда онъ смѣялся, всѣ зубы, ослѣпительно бѣлые, ровные, не очень крупные зубы, совершенно обнажались, и каждый могъ полюбоваться ими. Когда онъ являлся ораторомъ и произносилъ рѣчь, то зачастую его брови были приподняты, и, на мой взглядъ, это портило его.

Жизнерадостность была отличительнымъ свойствомъ Желябова. Это былъ здоровый, крѣпкій и вполне нормальный организмъ. Ни одна нота надломленности не звучала въ немъ. Иногда онъ способенъ былъ дурачиться и шалить, какъ ребенокъ, и безконечной бодростью и энергіей звучало каждое его слово, то же выражало и каждое его движеніе. Черты его лица были правильны и гармонировали съ общимъ характеромъ его тѣлосложенія. Если бы онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ, навѣрное, до конца остался бы красавцемъ, такъ какъ подобная наружность съ годами обыкновенно мало измѣняется: въ ней все было опредѣленно и закончено.

Когда онъ выходилъ на улицу, то зимой носилъ длинное пальто и шапку и держалъ грудь колесомъ. Мы смѣялись, что онъ въ этомъ видѣ очень походить на куща. Настоящее русское лицо дѣлало его на улицѣ довольно незамѣтнымъ, въ комнатахъ же его личность обратила бы на себя вниманіе каждого. Но въ ней не было рѣшительно ничего утонченнаго; какъ было уже сказано, это былъ прекрасный мужикъ, переработанный образованіемъ и культурой.

Послѣ процесса 1 марта тщетно искали мы гдѣ-нибудь и у кого-

нибудь его фотографію: таковой рѣшительно не оказывалось. Указали только на гимназическій портретъ (см. „Былое“, августъ 1906 г.), и одинъ художникъ долженъ былъ придѣлать къ нему бороду, чтобы напомнить Желябова зрѣлаго возраста. Къ счастью, это предпріятіе не было выполнено. Этотъ портретъ включаетъ лишь отдаленный намекъ на нашего лидера 79—81 гг. и, надо замѣтить, напоминаетъ его гораздо больше, чѣмъ портретъ времени студенчества, помѣщенный въ августовской книжкѣ „Былого“ за тотъ же годъ.

Если когда-нибудь стоило съ досадой отбросить отъ себя книгу, такъ именно мартовскую книгу „Былого“ (1906 г.) за помѣщенные тамъ портреты Н. И. Кибальчича и Геси Гельфманъ.

Съ Кибальчичемъ я жила въ Одессѣ въ 79 г. на общей квартирѣ и постоянно видалась въ Петербургѣ вплоть до его ареста въ мартѣ 81 г., и положительно поражена была, увидавъ лицо, которое почтенный журналъ выдалъ за Кибальчича. Я прямо отрицаю, чтобы это былъ Николай Ивановичъ, — такого Кибальчича, если онъ когда-либо былъ такимъ, — я не знавала.

Начать съ того, что напечатанный портретъ имѣетъ продолговатыя, рѣзкія черты, и Николай Ивановичъ кажется на немъ брютетомъ. Надѣлъ же онъ былъ шатеномъ, и всѣ черты его лица отличались мягкостью. Таково же было и общее выраженіе лица. Довольно жидкая борода его во время нашего знакомства обыкновенно не была выбрита на щѣкахъ, какъ передаетъ портретъ. Словомъ, ни отдѣльныя черты, ни общее выраженіе лица на напоминаютъ мнѣ лица знаменитаго техника Исполнительнаго Комитета.

Что касается Геси Гельфманъ, то это просто профанція знакомить съ нею публику до достойному коллекцій Ламброзо „преступному типу“, который лежитъ передъ нами на 192 стр. журнала „Былого“ (мартъ 1906 г.).

Крошечнаго роста, съ миниатюрными ручками, Геся Гельфманъ имѣла и миниатюрныя черты лица. Но ея лицо, не бывши красивымъ, никогда не было грубымъ, одутловатымъ, какимъ мы его видимъ тутъ. Никогда у нея не было и тупого выраженія лица. Ея лицо дышало добродушіемъ, привѣтливостью и всегда улыбалось: оно было положительно симпатично, и еще болѣе привлекалъ къ Гесѣ тонкій и звонкій голосокъ ея.

Другой портретъ Геси Гельфманъ въ іюньской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ, повторенный въ „Первомъ женскомъ календарѣ“ г-жи Арианъ 1907 г., гораздо болѣе удаченъ. Онъ относится, повидимому, къ періоду до суда 50-ти, происходившаго въ 1877 году, когда Геся была моложе и имѣла болѣе буржуазный видъ. Въ позднѣйшіе годы, когда она отбыла срокъ наказанія въ рабочемъ домѣ (въ Литовскомъ замкѣ) и бѣжала изъ Старой Руссы, куда была сослана, — она уже не носила прически, которую мы видимъ на этомъ портретѣ. На послѣднемъ — ея волосы въ свѣткѣ, спускающейся довольно низко, и костюмъ болѣе изысканъ, чѣмъ та демократическая одежда, которая была свойственна народолюбцамъ. Въ общемъ портретъ похожъ на оригиналъ: несомнѣнно, это Геся, но только Геся — хорошо причесанная и нарядная.

Портретъ Александра Михайлова помѣщенъ въ февральской книжкѣ „Былого“ 1906 г. Этотъ „хозяинъ“ нашей организаціи, бдительное и суровое око, непрестанно оберегавшее безопасность извнѣ и духъ дисциплины внутри ея, былъ бы на портретѣ переданъ удачно, если бы не та дѣланная поза, которую придалъ ему фотографъ. Такъ и видишь, что послѣдній собственными руками повернулъ эту голову вверхъ и вбокъ и сказалъ: „сидите неподвижно!“ Эта неестественность портитъ все... Лихо закрученные усы на первый взглядъ поражаютъ неприятно, но, надо сказать, что, занимаясь опасными дѣлами, Михайловъ дѣйствительно придавалъ своей наружности фатовскій отгънокъ. Когда онъ жилъ въ Саратовской губерніи, въ с. Синенькіе, среди раскольниковъ, въ качествѣ учителя, ежедневно переходившаго изъ одного дома въ другой для очереднаго питанія, его обликъ былъ обликомъ самаго обыкновеннаго крестьянина, или „дворянина“, какъ мы всѣ тогда его звали.

Большіе сѣрые, влажные глаза Александра Михайлова были полны жизни и ума и напоминали волны моря. Это были въ своемъ родѣ единственные глаза, которыхъ нельзя было забыть, разъ увидавши. Русые волосы немного волнились надъ высокімъ лбомъ, а усы и борода носили чуть-чуть рыжеватый отгънокъ. Когда изъ „дворянковъ“ онъ превратился въ барина, то костюмъ и закручиваніе усовъ совершенно измѣнило его простое и скромное лицо, и было довольно курьезно видѣть этого метаморфозированнаго денди. Но глаза остались тѣ же, и для друзей заслоняли остальное. Красота и выразительность этихъ глазъ переданы на портретѣ лишь отчасти. Въ общемъ это все же не живой портретъ Александра Дмитріевича: въ немъ нѣтъ обычнаго для Александра Дмитріевича одушевленія и блеска жизни.

Товарищемъ дѣтства Александра Дмитріевича и другомъ въ жизни былъ А. И. Баранниковъ, портретъ котораго мы видимъ въ июньской книжкѣ „Былого“ за 1906 г. Этотъ портретъ, дѣйствительно, похожъ на оригиналъ, но далеко не передаетъ дѣйствительнаго образа Баранникова. Онъ имѣлъ фигуру, выдающуюся по своей стройности и красотѣ, и отличался большою физической силой и цвѣтущимъ здоровьемемъ, которыхъ быстро сломились въ Алексѣевскомъ разединѣ, гдѣ онъ умеръ отъ цынги. Его красивое лицо, смуглое, матовое, безъ малѣйшаго румянца, волосы цвѣта воронова крыла и черные глаза дѣлали его непохожимъ на русскаго: его можно было легко принять за „восточнаго человѣка“ — всего болѣе — за кавказца. Выраженіе его лица было мрачнымъ, что еще болѣе усиливалось обычной молчаливостью его. Иногда случалось, что Исполнительный Комитетъ назначалъ для переговоровъ съ кѣмъ-нибудь Желябова вмѣстѣ съ Баранниковымъ. Тогда, въ шутку, мы говорили, что Желябовъ назначается для того, чтобы говорить, а Баранниковъ, — чтобы устрашать. Баранниковъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и выликихъ террористовъ. Его фигура и мрачное лицо вполне гармонировали съ рѣшительностью его убѣжденій, и еслибы нужно было дать физическое воплощеніе террору, то нельзя было сдѣлать лучшаго выбора, какъ взять образъ Баранникова. По смѣлости и отвагѣ это былъ настоящій герой; если кого-нибудь можно назвать ангеломъ мести, такъ именно его. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ, было всегда гро-

мадно. Таково оно было и на судѣ. По крайней мѣрѣ, относительно Спасовича передавали, что на него глубокое впечатлѣніе произвела именно Баранниковъ. Его счастливая наружность обезпечивала ему большой успѣхъ среди женщинъ, и въ нѣкоторыхъ онѣ вымывали настоящее поклоненіе. Но и всѣ вообще къ нему относились съ нѣжностью и любовью.

Смерть этого мегучаго, по своему сложенію, человѣка еще въ равелинѣ — чрезвычайно поразила меня. Я никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что именно онъ, при его молодости, силѣ и едоровьи могъ сойти въ могилу, когда гораздо болѣе слабые пережили первый періодъ заключенія до Шлиссельбурга. Стихотвореніе, написанное мною въ Шлиссельбургѣ въ честь его, хоть и немного, но все же речуетъ этого далеко необыкновеннаго человѣка, прекраснаго какъ физически, такъ и духовно.

НА СМЕРТЬ БАРАННИКОВА.

Зачахъ ты въ страданьяхъ неволи,
Прекрасный, отважный герой!
Заслуживалъ лучшей ты доли —
Мечталъ ты о смерти иной!

* * *

Тебя въ равелинѣ сокрыли,
Сочли неудобнымъ казнить, —
Но жизнь лишь затѣмъ пощадилъ,
Чтобъ медленной цыткой убить!

* * *

Съ душой отважной и скрастной
Для бурь ты былъ всегда и грозь!
Погибнуть на битвѣ опасной
Мечту ты въ могилу унесъ!

* * *

Ты не былъ апостоломъ слова,
Героемъ болтливой толпы...
Съ душою закала иного
Искалъ ты и жаждалъ борьбы!

* * *

Поборникъ свободы и чести
Въ странѣ миллионсвъ рабовъ
Казался ты ангеломъ мести,
Вождемъ непокорныхъ духовъ!

* * *

Съ прекраснымъ лицомъ горделивымъ,
Съ рукой, поднятой на мечь,
Впередъ ты стремился съ призывомъ:
Победа!... Победа или смерть!... *

Другимъ выдающимся человѣкомъ, не дожившимъ до перевода въ Шлиссельбургъ, былъ Н. Колодкевичъ, портретъ котораго помещенъ въ январской книжкѣ „Былого“ 1907 г. Портретъ, несомнѣнно, хорошъ, но Колодкевичъ на немъ красивѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Его чрезвычайно красила роскошная борода, но, надо сказать, что на Воронежскомъ съѣздѣ, гдѣ я въ первый разъ встрѣтила его, она была пробрита на подбородкѣ. и это дѣлало его физиономію положительно ужасной. Традиціонный взглядъ, что шпионы должны имѣть отвратительную наружность, заставилъ меня въ изумленіи остановиться передъ лицомъ этого чудного товарища и человѣка. Я смотрѣла на это лицо положительно съ недоумѣніемъ и подозрительностью: на улицѣ я приняла бы его непременно за шпиона. А, между тѣмъ, привикнувъ, я находила это лицо симпатичнымъ. Оно было чрезвычайно выразительно, нельзя было пройти мимо него и не замѣтить. Прежде всего, бросался въ глаза лобъ — открытый и необыкновенно развитой, съ большими буграми; потомъ, сѣрые глаза, серьезные, суровые; на портретѣ эти глаза смотрятъ прямо и спокойно, обыкновенно же они смотрѣли исподлобья. Громадная черная борода, при этомъ лбѣ и глазахъ, дѣлала его физиономію крайне рѣзкой и поразительной по своей угрюмой мрачности... При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось полнѣйшее несоотвѣтствіе между суровой внѣшностью и нѣжной и гуманной душой Колодкевича. Въ воспоминаніяхъ Поливанова о равелинѣ довольно ярко рисуется трогательный образъ этого чуткаго, чистаго человѣка. Общеніе съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ и это общеніе совершенно измѣняло первоначальное впечатлѣніе. Его внѣшность обнаруживала лишь одну сторону его натуры — энергію и мужественную твердость, а вся доброта и деликатность были скрыты подъ холодной и мрачной оболочкой. Случайно эта двойственность отразилась и въ шутивныхъ прозвищахъ, которыя ему были даны. Играя словами и намекая на его мрачность, мы называли его Угрюмъ-Бурчеевымъ и Змѣемъ-Горынычемъ, а, съ другой стороны, за свой огромный усы, онъ носилъ ласкательное — Коть-Мурлыка.

Перейду къ портрету Н. Е. Суханова (см. январскую книжку „Былого“ 1906 г.). Портретъ рисуется его съ самой невыгодной стороны: измученнымъ, худымъ, съ глубокой скорбной складкой около губъ... Между тѣмъ, наружность Суханова была красива и въ высшей степени обаятельна. Очень высокой, стройный, въ шитомъ золотомъ мундирѣ моряка, съ бѣлокурой головой, юношескимъ цвѣтомъ лица и оживленными сѣрыми глазами — онъ выглядѣлъ мужественнымъ красавцемъ. Но это была красота, проявлявшаяся во всемъ блескѣ, главнымъ образомъ, въ бесѣдѣ: твердый и звучавшій неуклонной прямою и искренностью голосъ, жесты — энергичные и всегда удачно подчеркивавшіе тѣ или иныя мѣста его рѣчи, плѣняли слушателя. Фигура Суханова и его энергичное лицо чудно гармонировали со всѣмъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчала. Уже первое впечатлѣніе, первый взглядъ, брошенный на него, располагалъ къ нему, и при дальнѣйшемъ знакомствѣ чувство симпатіи и уваженія къ Суханову только росло и укрѣплялось. Но онъ обладалъ одной изъ тѣхъ подвижныхъ физиономій передать которыя никакая фото-

графія не въ силахъ, — бумага не запечатлѣваетъ жизни, неуловимой игры чувства и мысли такихъ лицъ. На портретъ Сухановъ производить болѣзненное впечатлѣніе: онъ кажется такимъ нездоровымъ, такимъ утомленнымъ... Хотѣлось бы знать, къ какому періоду относится эта карточка? Быть можетъ, онъ снятъ уже въ тюрьмѣ, гдѣ съ перваго же дня, зная, что его ожидаетъ. Во всякомъ случаѣ, это не тотъ энергичный и полный одушевленія Сухановъ, который въ кружкѣ моряковъ, стоя среди товарищей въ Кронштадтѣ, подчинялъ себя всѣмъ окружающимъ, одушевлялъ сходку и на чей-то вопросъ о правахъ и обязанностяхъ члена партіи „Народной Воли“, отвѣчалъ, энергичнымъ жестомъ поднимая и опуская руку, какъ-будто бросая что-то: „Бомба — вотъ ваше право!.. Бомба — вотъ ваша обязанность!“...

Въ июньской книжкѣ „Былого“ 1906 г. было напечатано, что къ прошенію о помилованіи, которое подала мать Суханова, присоединился и онъ самъ. Я отказываюсь вѣрить этому, и если это дѣйствительно такъ, то единственное объясненіе, согласное съ характеромъ Суханова, было бы, что, изъ жалости къ матери, онъ поступился принципомъ и сдѣлалъ это лишь формально, въ полной увѣренности, что такая просьба совершенно бесполезна. Безъ такой увѣренности онъ никогда не сдѣлалъ бы этого.

Однимъ изъ выдающихся по своему интересу портретовъ является портретъ Ю. Н. Богдановича, этого бывшаго владѣльца магазина сыровъ на М. Садовой, умершаго въ 1887 г. въ Шлиссельбургѣ. Этотъ портретъ и очень похожъ, и очень непохожъ. Дѣло въ томъ, что черты лица и доброе, мягкое выраженіе лица запечатлѣны фотографіей вѣрно; но, если судить по портрету, Богдановичъ былъ красивъ. На дѣлѣ же этого не было, и онъ самъ добродушно указывалъ на это качество своего портрета. На карточкѣ онъ вышелъ брюнетомъ, въ дѣйствительности его волосы были свѣтложелтые, окладистая борода — свѣтло-рыжей, а цвѣтъ лица — красноватый. Въ общемъ, на фотографіи наружность Богдановича — барская, между тѣмъ, это было совершенно простое, демократическое лицо, которое, какъ нельзя болѣе, подходило къ принятой имъ въ 81 г. роли торговца. Это лицо вмѣстѣ съ находчивостью и необыкновеннымъ умѣньемъ держаться и говорить по простонародному послужило главной причиной, почему на его долю выпала эта важная и трудная роль. По отзыву очевидцевъ, въ качествѣ хозяина магазина, за стойкой, онъ въ своемъ бѣломъ фартукѣ былъ восхитителенъ: это былъ настоящій, типичный торговый человѣкъ.

Не отличаясь красотой, наружность Ю. Богдановича была въ высшей степени симпатичной. Она привлекала своимъ мягкимъ и добрымъ выраженіемъ. Его обращеніе было полно простоты, очаровательной задушевности, а рѣчь полна тонкаго юмора. Задушевность была главной отличительной чертой его характера. Его голосъ былъ глубокимъ басомъ, мягкимъ и глубокимъ — вполне гармонизировавшимся со всѣмъ его духовнымъ обликомъ. Колодкевичъ, Сухановъ и Богдановичъ были, на мой взглядъ, людьми самыми выдающимися по своей нравственной чистотѣ, людьми — совершенно идеальными... и это придавало имъ особое чарующее обаяніе. При встрѣчѣ съ ними чув-

становился, какъ мнѣ кажется, не столько дѣятель, сколько чудный человекъ... По крайней мѣрѣ, таково было впечатлѣніе, которое всѣ трое производили на меня. Изъ всѣхъ хорошихъ людей, которыхъ я имѣла счастье встрѣчать, эти трое были самыми лучшими.

Понятно, что портретъ Ю. Богдановича не можетъ удовлетворить меня. Онъ мнѣ лишь напоминаетъ его, но и за это можно быть благодарнымъ.

В. Н. Фигнеръ.

Изъ записокъ Н. В. Клѣточникова.

Въ этой книжкѣ «Былого» мы помѣщаемъ начало замѣтокъ Клѣточникова, которыми онъ въ свое время передалъ Исполнительному Комитету партіи «Народной Воли».

Съ начала 79 года Клѣточниковъ, по совѣту и съ согласія Ал. Михайлова, поступилъ на службу въ департаментъ полиціи и въ продолженіе двухъ лѣтъ доставлялъ партіи драгоцѣнныя свѣдѣнія о дѣятельности тайной полиціи и тѣмъ сослужилъ неоцѣненные услуги дѣлу освободительнаго движенія.

Со времени доставленія Клѣточниковымъ печатаемыхъ нами свѣдѣній прошло уже болѣе 25 лѣтъ, — и мы лишь отчасти можемъ разобраться въ этихъ свѣдѣніяхъ о лицахъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ дѣятельности разнаго рода сыскныхъ учреждений, большинство именъ намъ неизвѣстно, но, печатая эти списки, мы надѣемся, что наши читатели общими усиліями провѣрятъ и дополнятъ данныя, сообщенныя Клѣточниковымъ. Просимъ не стыдиться подробности и не останавливаться надъ неполнотой свѣдѣній и позаботиться объ отысканіи документовъ, которые бы позволили намъ всесторонне воспользоваться свѣдѣніями Клѣточникова. Мы надѣемся этимъ путемъ собрать очень важныя данныя для русскихъ историковъ.

Среди лицъ, упомянутыхъ Клѣточниковымъ еще въ 1880 г., оказывается, были Вороздинъ и Новинскій, вѣдвшіе за границу при переговорахъ съ народолюбцами въ 1882 году, Рачновскій, игравшій въ послѣдніе 20 лѣтъ едва ли не главную роль въ области сыска, Петровскій, занимавшійся перевозкой нелегальной литературы въ началѣ 80 г., — есть цѣлый рядъ именъ, получить о которыхъ дополнительныя свѣдѣнія крайне, крайне интересно и важно.

Клѣточниковъ далъ намъ прекрасный образецъ собранія свѣдѣній о врагахъ освободительнаго движенія, и мы просимъ пополнить наши списки именами лицъ, имѣвшихъ когда-либо, гдѣ-либо, какое-либо отношеніе къ III отд., охраннымъ отдѣленіямъ, департаменту полиціи и т. п. сыскнымъ учреждениямъ. Быть можетъ, изъ многихъ предателей и шпіоновъ давно уже лопухъ выросъ, а ихъ дѣти и внуки борются въ рядахъ борцовъ освободительнаго движенія, — все равно: для изученія исторіи сыска намъ нужны обстоятельныя свѣдѣнія о жизни всѣхъ, кто переступилъ порогъ этихъ домовъ... даже не терпимости, — а безмѣрно хуже, ужаснѣе — домовъ предательства. Для предателей нѣтъ давности. «Все прощается, но іудинъ грѣхъ не прощается!»

«Былое» на своихъ страницахъ обязано хранить память о погибшихъ борцахъ освободительнаго движенія и въ то же время собрать все, что только

возможно объ ихъ врагахъ. На страницахъ «Революціонной Мысли» (1 и 2 №№) недавно было дано много свѣдѣній о предателяхъ послѣдняго періода и объявлено о составленіи очень нужнаго изданія «Черной книги русскаго освободительнаго движенія». Той же задачѣ мы много посвятимъ мѣста въ своемъ журналѣ. Мы обязаны заняться систематическимъ изученіемъ дѣятельности предателей, провокаторовъ, сыщиковъ за весь періодъ нашего движенія. Можетъ быть, скоро эти свѣдѣнія возможно будетъ опубликовать не только въ Парижѣ, но и въ самой Россіи, и эти свѣдѣнія нужны будутъ не только для публицистовъ и историковъ, но и для преданія гласному суду всѣхъ, на чьихъ рукахъ мы увидимъ кровь загубленныхъ ими жертвъ.

Едва ли надо говорить, что къ изученію бумагъ Клѣточникова и къ другимъ аналогичнымъ изысканіямъ надо отнестись очень осторожно, чтобы не произошло какаго-либо печальнаго недоразумѣнія въ родѣ того, какое произошло въ началѣ 80 гг. на основаніи этого самого списка. Въ списокъ была вѣрно указана фамилія студентки-шпіонки, но при этомъ не было дано ни имени, ни какихъ-либо примѣтъ (конечно, потому, что Клѣточникову не удалось ничего большаго достать), — и вотъ, обвиненіе, благодаря тому, что оно не вышло изъ области конспиративныхъ квартиръ, пало на болѣе извѣстную другую студентку, ея однофамилицу. Опубликованіе документовъ, въ родѣ печатающихся записей Клѣточникова, поможетъ не только изучить поднятый вопросъ, но и устранить возможность ошибокъ.

Одно лицо, близкое къ организаціи «Народной Воли», сдѣлало въ 1882 г. въ рукописяхъ Клѣточникова нѣсколько незначительныхъ дополненій. Мы печатаемъ полученную рукопись безъ измѣненій и сокращеній, оставляя даже тотъ порядокъ въ именахъ, каковъ былъ.

Въ слѣдующихъ номерахъ мы дадимъ еще отрывокъ изъ записокъ Клѣточникова.

Ред.

Александровскій, Григорій В., выдаетъ себя за радикала; его сажали въ Шотдѣленіи между камерами Гудковскаго и А. В. Квятковскаго (Чернянскаго) для вывѣдыванія. Адр.: 4 ул. д. № 8, кв. 3.

Алексѣевъ, Ст. Университета, юристъ 2 курса, высокаго роста, блондинъ, голосъ цискливый.

Архиповъ, Ив. Кузьмичъ, рабочій Александровскаго сталел. завода. Анкеръ-Гавничъ, Адр. Гр., В. Сад. и Потровская площадь, д. Кудряева, кв. № 13. Примѣты: средняго роста, волосы курчавые, черные и усы тоже, борода бритая, лицо худощавое, длинный носъ, прямыя, выраженіе лица суровое, похожъ на мастерового или лакея, одѣвается бѣдно, лѣтъ 35. Аяудовъ, Тарасъ, слесарь Выборгскаго пушечнаго сталелитейнаго завода, рабочій, дѣйствующій между рабочими (с. Александровское).

Агатовъ, Ал. Θεодоровъ, присяжный повѣренный, получаетъ 180 р. Алексѣевъ, Петръ Ник., рабочій механическаго завода русскаго Общества, дѣйствуетъ между рабочими. Онъ же Матюшкинъ, онъ же Парсень; по Шлиссельбургскому шоссе, село Смоленское, № 37; знакомъ съ агентомъ Смирновымъ.

Аверьяновъ.

Асс (студ. технологъ?).

Аржонинъ, Густавъ, служащій на Балтійскомъ заводѣ.

Авиновичій, Фебусъ, докторантъ, доносить на студентовъ.

Андрушевичъ, Хр. (см. въ списокъ провинціальныхъ шпіоновъ).

Анненскій, Григор., титулярный совѣтникъ, Сераянская гост. у Обухова моста по Забалканскому проспекту, двоюродный братъ осмыльнаго Н. Ф. Анненскаго, предлагаетъ свои услуги.

Андріевская, бывшая кievская радикалка, сидѣла въ московской тюрьмѣ и въ домѣ Предв. Зака.; выдала около 200 чел. Зовутъ ее: Агафья Александровна, Екат. Каналь, д. 100, кв. 10.

Алексѣевъ, Гдовскій мѣщанинъ, находится подъ (надзоромъ?) за оскорбленіе Величества, — просится въ шпіоны.

Андреевъ, Николай, бывший жандармъ, служитъ на Воронежской жел. дорогѣ.

Anzher. На это имя управа. III отдѣл. получаетъ письма отъ заграничныхъ шпіоновъ.

Алмазовъ, выдалъ Евг. Фигнеръ, доставлялъ въ III отд. №№ «Народной Воли» отъ Богуславской, — женатъ на ней.

Алмазова, студ. Бестужевскихъ курсовъ.

Аксюзе, Анатолій, студ. Универс., выдалъ Рубанчика, Козлова, Виладскаго, оговорилъ, какъ завѣдывавшихъ типографіей Н. В., Льв. Павл. Александрова изъ за границы и Анд. Желябова.

Абрамовъ, Сергій или Александръ, водопроводный мастеръ, посѣщаль трактиръ «Кишиневъ»; средняго роста, плечистъ.

Александрова (м. б. псевдонимъ) ссылается на знакомство съ Гольденбергомъ.

Бѣлановъ, Кирилль Ив., онъ же Андреевъ, Петерб. ст., Кронверкскій пр., д. № 43, кв. № 10. Примѣты: роста средняго, коренастый, широкоплечій, плотный брюнетъ, волосы черные, бакенбарды выбриты, лицо скуластое, смуглое, выраженіе лица суровое, почти жестокое, похожъ на мастерового, одѣвается иногда просто, а иногда шеголевато, въ черный сюртукъ и крахмальную рубашку, лѣтъ 35-ти. Дѣйствуетъ среди молодежи и рабочихъ. Иногда ему даются порученія на желѣзныхъ дорогахъ. Выслѣживалъ (Ант. Токсиса?).

Бокунова, Марія Пантелейм.; адр.: Пески, 5 ул., д. № 20, кв. № 2; средняго роста, худощавая, брюнетка, носъ съ горбомъ, глаза и волосы черные, лѣтъ 35. Типъ восточный. Была надзирательницей въ Домѣ Предв. Зака., а, можетъ быть, и теперь тамъ.

Бендерскій, полковникъ (кажется младшій топографъ межев. канцеляріи), временный шпіонъ, содѣйствующій Кириллову и не безвозмездно.

Баталинъ, издатель «Петерб. Газеты».

Борисовъ, Борисъ Алексѣевъ.

Берковичъ.

Бенедиктовичъ, Пав., братъ его студентъ, кажется, тоже шпіонъ.

Байковъ.

Быковъ.

Бобровъ.

Бѣлина (въ спискѣ заграничныхъ шпіоновъ).

Богдановъ, извозчикъ, бывший швейцаръ, д. № 43 по Литейному проспекту,

Брюно, псевд., — фамилія его Рытво.

Бабичева, Надежда Яковлевна, выдавшая Деб.-Мокріевича и др. Поселилась въ Петербургѣ съ апрѣля 1880 года по Надеждинской улицѣ.

Байковъ, Леонт. Иванов., средняго роста, лѣтъ 40, большая чернорусая борода и большой носъ, правый глазъ вырѣзанъ, но на немъ повязка; сестра его или дочь — акушерка въ Домѣ Предв. Зака.

Блюмъ, Феодоръ Иванов., чиновникъ III отд., посланъ въ Курскую г. для розысканія Ал. Михайлова (Тюринова).

Бороздинъ, Корнилій Андреевичъ, отставной чиновникъ, получаетъ 300 руб. въ мѣсяцъ.

Барановъ, капитанъ 1-го ранга, герой «Весты», (глава?) шпіоновъ всея Россія и заграничныхъ.

Бургардіи, М. Морская, д. № 5.

Богдановъ, Аверкій, мѣщанинъ.

Буздонъ, знакомый Войтина.

Бѣликовъ.

Бабковъ, бывший наборщикъ въ СПБ., былъ сосланъ въ Мезень, недавно

возвращень и вращается между рабочими. Выдалъ Тверитинова, Орлова, Сахарова и др. Примѣты : молодой, ростъ средній, волосы темнорусые, глаза каріе.

Балка. Бойковъ переулокъ д. № 6 (.), высокаго роста, борода бритая, глаза мутные.

Брильянтъ, служитъ въ СПб. Суд. Палатѣ, предлагаетъ свои услуги партіи, очевидно, съ шпионскими цѣлями.

Балабановъ, рабочий.

Баканика, живетъ на Театральной площади.

Базмльская.

Ворковъ или Берковъ, докторъ Порфирій Ив. Петерб. сторона д. 5, кв. 5.

Вильшакъ, Карлъ Петр. У Синяго моста въ домѣ Нѣмецкаго Клуба. Примѣты : малаго роста, среднихъ лѣтъ, глаза и все лицо сладенькіе, заискивающіе, очень разговорчивый ; онъ же членъ Общества призрѣнія нищихъ ; ему же принадлежитъ буфетъ въ Александровскомъ саду. Въ списокѣ агентовъ не значится.

Вядовъ, писарь Главн. Артилл. Управления, на Литейной, живетъ въ домѣ Сергіевского Собора.

Вольфъ, писарь Главнаго Штаба.

Вороничъ, Владиміръ, находится въ Львовѣ подъ псевдонимомъ гражданина Марченко (въ списокѣ заграничныхъ шпионовъ).

Бардзинскій, Пржемыславъ, фармацевтъ.

Вестфалевичъ, Феликсъ, въ Варшавѣ, получаетъ 50 руб. Секретный агентъ.

Вейсбергъ.

Воронинъ, отставной унтеръ-офицеръ, просится въ шпионы (мартъ 80 г.).

Вольфъ, Мавр. Мавр. Невскій просп., домъ Бенардаки, № 84, кв. 15. Чиновникъ.

Васильевъ, Серг. Александр. (изъ III отд.).

Войтицъ, Карлъ Юзеф., австрійскій подданный.

Гольцъ, Елена Феодоровна, Фонтанка, домъ № 113, кв. 170. Небольшого роста, худощавая, длиннокосяя, лѣтъ 35-ти, одѣвается просто, носитъ вуаль, высѣживала Плеханова.

Гунтъ, Яковъ Яковл., студентъ Университета, Моховая, домъ № 16, кв. № 40.

Грешнеръ, Александръ Федоровичъ, управляющій домомъ на углу Казанской и Демидова, д. 27/5. Онъ же инспекторъ типографій, вмѣстѣ съ агентомъ Петровскимъ, специально занимается разыскиваніемъ типографій.

Гильхенъ, Бол. Викент., чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ (Литейный, домъ № 11, кв. 45). Средняго роста, плотный, голова стриженная подъ гребенку, волосы свѣтлые, лицо холеное, круглое, голосъ очень сильный. Временный шпионъ.

Гильдсмейстеръ, Алекс. Ив.; адр.: Максимилиановъ пер., домъ 18, кв. № 1.

Глѣбовъ, былъ въ Кіевѣ, теперь переведенъ въ Нижній-Новгородъ въ распоряженіе Жандармскаго Управления. Постоянно живетъ въ провинціи. Сообщилъ о Поддубенскомъ, бывалъ въ СПб., сопровождаетъ шефа жандармовъ (въ списокѣ провинціальныхъ шпионовъ).

Гядлевскій, сотрудникъ газеты «Новъ»; адресъ: (Разъѣзжая улица №?).

Гейкинъ, баронесса, дѣлаетъ доносы.

Гейманъ, Федоръ, отставной юнкеръ. Адресъ: 3-ья рота Измайловскаго полка, № 7. Нѣсколько разъ дѣлалъ доносы, между прочимъ, донесъ на князю Долгоруку и ст. Ильинскаго.

Грошъ (въ списокѣ провинціальныхъ шпионовъ).

Григорьева, Феодосья, акушерка въ Весьегонскѣ.

Гурскій, Германлау Максъ (въ сп. загран. шпионовъ).

Гириинъ, получаетъ жалованье 200 рублей въ мѣсяцъ.

Гильдштейнъ, студ. Технол. Инст.; знакомый Брильянта.

Гифратъ, Яковъ, Рижскій мѣщанинъ. Фонтанна, № 26. Прежде служилъ въ Ш отд., теперь просится опять (май 80 г.).

Гуль, Васил. Александр. Чиновникъ, ст. сов.

Городискій, колл. ассес. въ Кронштадтѣ.

Гулевичъ, истинный градоначальникъ, братъ жандармскаго офицера (.....).

Гольбинскій, чиновникъ особыхъ порученій у Лорисъ-Мелкова.

Гаевская, содержанка сенатора Извольскаго.

Дреторенко, адресъ: Пантелеймоновская, д. № 4, кв. 8 или 6. Примѣты: роста средняго, коренастый, мужиковатый, волосы, борода и усы темнорусые, носъ длинный и широкий, похожъ на отставнаго солдата. Голосъ грубый, смотреть сурово, изподлобья, лѣтъ 40—45. Тѣлохранитель шефа. Сообщаетъ постоянныя свѣдѣнія о Васильеостровскомъ Патронномъ Заводѣ, знакомъ съ агентомъ Смирновымъ.

Дмитріевъ.

Дмитріева, студ. Бестужевскихъ курсовъ.

Долеглова, Прасковья Иванова, акушерка. Невскій пр., домъ № 82, кв. 30.

Де-Лосе-Валесъ, Главный агентъ Отдѣленія.

Дорифѣевъ.

Доронинъ, служить Отдѣленіи.

Дубининъ, бывший приставъ Казанск., выдаетъ себя за террориста.

Ермолинскій, Василій Владим.; Невскій, д. 82 Максимовыхъ, кв. 24.

Примѣты: роста средняго, худощавый, смуглый, черные волосы (кажется, есть черные усики, примѣты не совсѣмъ точныя). Главный агентъ, вращается между интеллигентной молодежи. Втерся въ кружокъ Дубровиной. Командируется (?) на желѣзныя дороги съ прис. пов. Леонтьевымъ.

Еремѣевъ, Наля, лакей въ домѣ Корниловыхъ, донесъ на Любовь Корнилову.

Ефимовъ, писарь главнаго штаба.

Ершовъ, управляющій домомъ № 24 по Апраксинскому переулку. Донесъ, что у Бѣловой въ квартирѣ № 8 бываютъ подозрительныя лица.

Ждановъ, Александръ Ив., петербургскій мѣщанинъ, выдалъ Трошачскаго, явился подъ фамиліей Трофимова къ его женѣ, послѣ 13 марта 1879 г. съ цѣлью узнать мѣстожительство Мирскаго.

Жоговъ (?) получаетъ поштучно.

Живко-Цукичъ, черногорецъ, въ гостинницѣ «Исмуть», именуется также Мель-(?)—Марталовымъ.

Жуковскій, съ женой, домъ Сивкова, № 4.

Забрамскій, въ Кіевѣ (псевд. Полазовъ), выдалъ Попова, Иванова и др. (въ спискѣ провинциальныхъ шпионовъ). Живетъ въ Локоткахъ (?) Черниговской губерніи, близъ Шостенскихъ пороховыхъ заводовъ (80 г.).

Знамеровскій, Людвигъ Викент. Городской адресъ: Загородный пр. домъ № 22, кв. 20, а когда наслѣдникъ живетъ въ Петергофѣ, то въ домѣ офицера, какаго ... кв. 49. Примѣты: роста средняго, плотный, мускулистый, волосы и усы блдорусые, борода бритая, лицо полное, мясистое, красное, глаза также красноватые, хищные, шея короткая; есть что-то типичное польское въ лицѣ и походкѣ. Похожъ не то на помѣщика, не то на бульдога; лѣтъ 40. Главный тѣлохранитель.

Заусайловъ, Коист. Тимоф.

Зеленина, акушерка, б. к. Ник. Госп.

Зафкинъ.

Зуевъ, студентъ, тифлисскій.

Завьяловъ, Ив., рабочій по Литейному Отд. Патроннаго завода (Тавр. ул., д. 19, кв. 11). Примѣты: высокий, широкоплечій мужикъ, съ большою окладистой рыжеватой бородой.

Захаровъ, Семень, работаетъ на Голубовскомъ заводѣ, разыскиваетъ Батурина.

Завадовскій, бывший вольнослушатель Дух. Академіи.

Истопинъ. . .

Ивановъ, Андр. Иван., пономщикъ, живетъ въ Ижмерномъ замкѣ. Приѣхты: ростъ ниже средняго, худощавый, широкоплечій, волосы, усы и бакенбарды съ сильной просѣдью, благообразенъ, лѣтъ 55.

Ильяшенко, получаетъ поштучко.

Извозчики — три. Адресъ: уголъ Большого пр. и Вольшой Гробешкой ул. № одного изъ нихъ 7174 или 7164.

Извольскій, сенаторъ, съ одорожанкой Гавевской въ св. дружинѣ.

Илевъ, рабочій.

Лесевъ, чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, разбирающій шифрованные письма.

Киселевъ, Серг., въ Арсеналѣ, д. № 24.

Карповичъ, адресъ: Владимирская площадь, домъ № 46, кв. 10. Приѣхты: приземистый, довольно шлютный, средняго роста, лѣтъ 40. Волосы, усы и большая борода черные, носъ длинный . . . ; похожъ на мастерового или приказчика.

Кейзеръ, Алина, акушерка. На углу Казанской и Дежидова, домъ 5/23, кв. 30. Лѣтъ 40, роста высокаго, волосы стриженные, русые, худощавая. Содержательница меблпроевскихъ комнатъ.

Крамеръ, зубной врачъ, Малах Колюшенина, 12—17.

Коханъ, Вельяминъ Арнадьев, уголъ Екатерининскаго и Вознесенскаго, домъ Лихачева, кв. 45. Приѣхты: роста средняго, лицо еврейскаго типа, лѣтъ 30; волосы свѣтлые, темя начинается ото лба, почти безъ волосъ, борода нѣсколько раздвоенная, бѣлокурал, рыжеватая, таме же усы. Выраженіе лица хитрое, лице. Бѣдиль за носомъ до 13 марта. Выслѣживалъ Таксиса и Вознесенскаго, ходитъ въ круглой шапочкѣ или твердой шляпѣ, длинное темное пальто, въ черномъ сюртукѣ и черныхъ брюкахъ.

Кирилловъ, Григор. Григор. Начальникъ сыскной полиціи III отдѣл. Средняго роста, усы и баки черные, съ просѣдью, подбородокъ немного подбритъ, либо облысѣвшій. Волосы темные съ просѣдью; лицо смуглое, глаза синіе, видъ суровый, лѣтъ 40. Принимаетъ самыхъ секретныхъ агентовъ въ Косомъ переулкѣ, д. № 5, Царскаго. У него есть лакей Егоръ, которому иногда даютъ порученія; въ маѣ онъ командированъ куда-то въ гостилицу по какому-то очень важному дѣлу. Въѣбого него прислуживалъ Кириллову агентъ Смирновъ.

Кутузова, Анна Петровна. Уголъ Невского и Надеждинской, д. Яковлева, кв. № 35. Содержитъ меблпроевныя комнаты. Въ началѣ іюня 1879 г. уѣзжала въ Старую Руссу. Приѣхты: лѣтъ 60-ти съ липкомъ, роста средняго, широкоплечая, довольно полная, лицо худощавое съ морщинами, волосы свѣтлые, носъ длинный, подбородокъ нѣсколько выдается, глаза мутные. Страдаетъ ревматизмомъ въ рукахъ и ногахъ. Имѣетъ знакомство во всѣхъ слояхъ общества, имѣетъ большія связи между рабочими, крестить у нихъ дѣтей. Однажды приютила у себя на дачѣ безпаспортнаго социалиста въ видѣ сторожа. Втерлась въ кружокъ Дубровиной черезъ своего квартиранта, князя Кутушева, подѣ видомъ сочувствующей и благотворительной барыни. Даетъ деньги на революціонное дѣло. Дубровиной назвалась Каролиной Андреевной; увезла къ себѣ въ Старую Руссу Твердомедову для выѣзжанія радикальныхъ дѣлъ. Рекомендовала III отд. новаго шпюна Захарова. Попогала 100 рублями субсидіи радикальной слесарной мастерской; въ ней работаютъ Никитинъ и Садовскій, туда же въ мастерскую проникъ и агентъ Соколовъ и рекомендовалъ III отд. Алексѣева, онъ же и Матюшкинъ.

Казарина, студ. юридическихъ курсовъ.

Кучеренко, средняго роста, широкоплечій, съ черной окладистой бородой и усамн, лицо широкое, носъ длинный. Тѣлохранитель шефа. Постоянно дежуритъ въ III отд., глѣ и вочуетъ.

Корвинъ-Кохановскій.

Калюнинъ.

Колобневъ, Вас. Ив., начальникъ шпюновъ III отд., принимаетъ шпюновъ въ квартирѣ Кириллова (на углу Моховой и Пантелеймоновской, домъ 27/27, кв. 8, входъ съ Моховой рядомъ съ Часовней).

Краузе, Рудольфъ, отставной подпор., прогнанъ за воровство. Думаютъ сойтись съ нимъ опять, ибо онъ знаетъ Батурина.

Кудрявцевъ въ, новый шпионъ. Служилъ въ Парижѣ на заводѣ Яблочкова и здѣсь хочетъ поступить на заводъ. Онъ же Еасил. Павловъ поточственный почетн. гражд. (. . .) жилъ одно время въ гостинницѣ Рига; бывший радикалъ. 9 марта уѣхалъ въ Москву для сношенія съ тамошними радикалами. Сисякину (?) написано, чтобы ему была предоставлена полная свобода дѣйствій, и чтобы онъ ни въ коемъ случаѣ не былъ арестованъ. Онъ по настоящему имени (?) польскій эмигрантъ. Адр. Казанская, № 27 (Иванерко?).

Краевскій, онъ же Ивановъ, радикалъ.

Каровинъ, Никол. Петр. Литераторъ, роста средняго, полный, щеки бугроватые, глаза небольшіе, масляные, при разговорѣ прищуриваются и закатываются. Усы маленькіе, борода черная, по линии горизонта рта. Голосъ зычный. Сотрудникъ журнала «Здоровье», корреспондентъ «Голоса» и «Новостей».

Крисутскій (кривъ на одинъ глазъ), сопровождалъ Розова, но не доставилъ (?).

Кара-Дикжанъ (въ спискѣ заграничныхъ шпионовъ).

Крижановскій, сосланъ въ Черниговскую губернію, желаетъ сдѣлать откровенное признаніе.

Куроцыпъ (?), Кармазинъ Ю., Китовъ.

Курбатовичъ, бывший гимназистъ въ Бѣлостокѣ, выдалъ множество лицъ, уѣхалъ въ Николаевъ.

Кони, Николай Семеновъ, бывший ссыльный въ Енисейскѣ; привезенъ въ Петербургъ, дѣлалъ доносы.

Кружева, горничная, выдавшая Эрнста.

Карповичъ, мед. V курса, блондинъ.

Клевцовъ,

Крамеръ, или Кремеръ.

Кошихинъ, студентъ, сосланный въ Архангельскую или Олонецкую губернію, оговорилъ инженера Башинскаго.

Ключниковъ, Петръ, былъ якобы замѣшанъ въ политич. дѣлахъ.

Каѣточниковъ, Никол. Васил. (изъ III отд.).

Корчажниковъ, быв. городской, произведенъ въ околоточные за доносъ на помощника пристава Петерб. части.

Катарскій, въ Зимнемъ дворцѣ, капитанъ, начальникъ стражи, былъ раньше начальникомъ шпионовъ въ Александро-Невской части.

Козичевъ, Александръ Василь., 27 лѣтъ, рабочій, въ Зимнемъ дворцѣ.

Кузнецовъ, Конст. Павл., въ Спб., Фонтанка, д. 23/5, содержитъ меблированныя комнаты, получаетъ фотографіи, разыскиваетъ лицъ отъ градоначальника; примѣты: шатень, съ маленькой бородкой; шпионъ градоначальника (по части свѣдѣній).

Кардо-Сысоевъ, изд. «Сем. Бесѣда» и газеты «Лучъ», обращался къ наслѣднику за субсидіей на это изданіе и на изданіе народныхъ картинъ.

Кононенко, приставъ 1-го участка Московской части. Выдалъ Поливанова.

Крейтеръ, Сергій Петровичъ, поручикъ Л.-Гв. Егерскаго полка.

Кильгастъ, Ив., блондинъ, небольшого роста, интеллигентное лицо.

Бар. Клейстъ.

Кашинскій, раб., Астрах. ул., д. № 23.

Крейскій, развѣзжаетъ; имѣетъ переплетную мастерскую.

Ковалевскій и Ковалевская, мужъ и жена. Онъ — интелдантскій чиновникъ.

Лопухиновъ, адресъ: Михайловская площадь, д. № 2 (Жеребина). Состоялъ для справокъ въ III отд. и весною прикомандированъ къ управл. Шлагту.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Изъ міра мерзости и запустѣнія.

I.

Станиславъ Бржозовскій.

(Naprzod, 5 мая 1908 г.)

Нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдъ за органомъ одной изъ работающихъ въ русской Польшѣ партій („Красное Знамя“, органъ с.-д. Корол. Цольши и Литвы), намъ пришлось опубликовать неслыханный фактъ.

Станиславъ Бржозовскій, одинъ изъ наиболѣе выдающихся современныхъ польскихъ писателей, — шпионъ на службѣ царской полиціи!

Это извѣстіе произвело повсюду сильное впечатлѣніе. Иначе и не могло быть. Вѣдь передъ нами человѣкъ, который, если судить по его произведеніямъ, являющимся отраженіемъ его души, долженъ былъ бы парить надъ самыми вершинами человѣческаго духа. И въ то же время насквозь пропитанъ гнилью!

Какъ это ужасно! Какъ мерзко! Какъ непонятно!

Это — человѣкъ, одаренный необыкновенными способностями, богатымъ литературнымъ талантомъ, рѣдкимъ философскимъ умомъ, поразительнымъ даромъ слова, лучшій литературный критикъ нашего времени.

Когда читаешь его характеристики современныхъ нашихъ писателей, характеристики, вскрывающія ихъ души съ такой удивительной непосредственностью, что онѣ являются передъ тобою, какъ живыя, обнаженные до глубочайшихъ тайниковъ своего бытія, — когда читаешь его статьи, писанныя какъ бы кровью сердца, — когда по его слѣдамъ идешь въ святая-святыхъ глубочайшихъ загадокъ міра и духа, — кому бы тогда пришло въ голову подозрѣвать въ чемъ-либо низкомъ, грязномъ и подломъ эту душу, которая вознесла насъ въ дивныя края творчества человѣческаго генія!

Но это не все! Станиславъ Бржозовскій не только наблюдалъ революціонное движеніе, о которомъ онъ писалъ въ теченіе ряда годовъ отчеты для „охранки“. Вѣдь, всѣ его статьи проникнуты идеей социализма, которая бьетъ ключемъ изъ нихъ. Бржозовскій былъ фанатическимъ глашатаемъ марксистскаго міросозерцанія, въ которомъ онъ видѣлъ глубочайшій синтезъ человѣческаго духа и которое онъ старался развить въ философскую систему, охватывающую въ стройное цѣлое все міровое движеніе и объясняющую всѣ явленія исторіи, человѣчества и природы... И все это было въ его произведеніяхъ, такъ горячо и пылко, производило впечатлѣніе такой стихійной искренности, такой страстной любви къ идеѣ!... И подумаешь, что та же рука, въ томъ же стилѣ, придерживаясь того же научнаго метода, — писала шпионскіе отчеты для царской полиціи, объясняла російскимъ жандармамъ съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи проявленія революціонной борьбы и дѣятельности социалистическихъ партій!

Утромъ — пламенная статья, вечеромъ — полицейскій отчетъ... Тою же рукою, въ томъ же стилѣ! Прямо непостижимо!

Правда, былъ уже разъ въ Варшавѣ шпионъ-литераторъ: Вишневскій, сотрудникъ стараго варшавскаго „Голоса“, а затѣмъ полицейскій шпионъ по политическимъ дѣламъ, недавно убитый боевой организаціей. Но это былъ писатель не такой величины, какъ Бржозовскій!

не такая выдающаяся личность, да и свою шпионскую карьеру онъ началъ, когда закончилъ литературную, а не одновременно.

Правда, пропущенъ Бржозовскаго не безусловно. Находясь въ нуждѣ, онъ, молодой студентъ, укралъ общественныхъ деньги, доверенныя ему „Братской помощью“ слушателей варшавскаго университета. Затѣмъ, при своемъ арестѣ, онъ „проваливалъ“ на допросахъ товарищей. „Грѣхи молодости!“ — общество простило ему ихъ, онъ искупилъ ихъ своимъ талантомъ, своими литературными работами. Но ему уже разъ навсегда былъ отрубанъ доступъ къ конспиративной работѣ, къ непосредственно революціонной дѣятельности въ какой бы то ни было партійной организаціи. Въ революціонную работу могутъ быть допущены лишь совершенно безупречныя лица, выказавшія большую силу характера, астрахованныя отъ какихъ бы то ни было припадковъ слабости.

Для Бржозовскаго оставалась литературная работа. И въ этой области, на полѣ литературнаго творчества, расцвѣлъ талантъ Бржозовскаго, снискавъ ему всеобщія симпатіи...

И этотъ человѣкъ — шпионъ, насквозь провѣденный моральной гнилью! Гдѣ ключъ къ разгадкѣ этой мерзости? Какъ объяснить это уродливое явленіе?

II.

Письмо княгини А. Святополкъ-Мирской.*)

«Просится въ шпионы».

Н. В. Кляточниковъ.

Милостивый Государь!

Я не знаю къ Вамъ ли именно надо обращаться съ предложеніемъ, съ которымъ я обращаюсь, но, думаю, что, если я и ошибаюсь, то Вы будете такъ добры, что направите его, куда слѣдуетъ, и не оставите меня въ неизвѣстности и напрасномъ ожиданіи: я хочу поступить въ тайную полицію — и, разъ я на это рѣшилась, — я буду усердно исполнять принятую на себя обязанность.

Образованіе мое, громкая фамилія, которую я ношу, даютъ мнѣ возможность бывать во всѣхъ слояхъ общества, разумѣется, при условіи, чтобы у меня были средства; такимъ образомъ, пользу я могу приносить большую. Кроме русскаго и польскаго, — владѣю французскимъ языкомъ, что пригодится, если мнѣ понадобится быть за границей по дѣламъ службы. Гарантій моего усердія можетъ служить мое безвыходное положеніе — долги, нужда, которая мнѣ грозитъ и ненависть во всему человечеству: я не могу жалѣть людей, когда никто изъ нихъ пальцемъ не шевельнулъ, чтобы помочь мнѣ, брошенной съ сыномъ мерзавцемъ мужемъ, предварительно заставившемъ меня переносить голодъ, оскорбленія, измѣны на каждомъ шагѣ: онъ даже пытался отравить меня, и никто не заступился, никто не помогъ мнѣ, хотя всѣ знали, какую ваторгу мы терпимъ съ сыномъ. Такъ пожалѣю ли я кого-нибудь?

У Васъ не будетъ агента усерднѣе меня, только дайте мнѣ возможность принять болѣе приличный видъ, имѣть средства, чтобы благотворить между рабочими и студентами и, такимъ образомъ, быть au courantъ всего, что творится въ этой вѣчно волнующейся богемѣ.

*) Печатаемъ письмо Святополкъ-Мирской съ оригинала, посланнаго ею варшавскому ген.-губ., а имъ пересланнаго въ охранное отдѣленіе. Судьба ея снѣгальства намъ неизвѣстна, но, по человечеству, мы, конечно, болѣе хотѣли бы, чтобы она наложилась на себя руки, чѣмъ поступила она службу Его Императорскаго Величества». Ред.

Итакъ, отнынѣ я отдаю мою жизнь на службу Его Императорскаго Величества и рассчитываю, въ свою очередь, на Его Высочайшее Покровительство.

Я прошу, чтобы жалоба, поданная мною на моего мужа на Высочайшее Имя, была разсмотрѣна въ наискорѣйшемъ времени, и такъ какъ, по разсмотрѣннн этого дѣла, окажется, что я была права, то я прошу, чтобы ходатайство мое было исполнено. Мужъ мой не оставился даже передъ ложью и на Высочайшее Имя, и въ отвѣтъ на мою жалобу заявилъ: что въ паспортѣ онъ мнѣ не отказывается (по до сихъ поръ, не смотря на всѣ мои просьбы, не далъ мнѣ его), что не отказывается давать мнѣ и сыну 150 руб. въ мѣсяцъ (но не даетъ ихъ), и что согласенъ дать 1/3 преміи (которую уже всю забралъ изъ насъ). Затѣмъ, онъ заявилъ даже, что подалъ на меня жалобу въ консисторію, — и все это только для того, чтобы оттянуть время до конца службы въ первыхъ числахъ августа, такъ какъ онъ даже не явился на вызовъ коендза въ третій разъ, и я ничего до сихъ поръ изъ консисторіи не получаю. Все это было уловкой, чтобы мое дѣло вѣтмъ не кончилось, а теперь онъ смѣло опять морить меня голодомъ, не давая мнѣ опять ни гроша. Какъ можетъ мужъ ватвѣтъ дѣло въ консисторіи, когда у него нѣтъ ни одного повода жалобы на меня, а у меня полны руки такихъ фактовъ, которые мнѣ даютъ полное право требовать развода, чего я, однако, не хочу. Но дѣль его достигнута: мое дѣло оставлено безъ послѣдствій, и только потому, что этотъ негодяй завралъ и Оберъ-полицеймейстеру варшавскому и въ заявленіи на Высочайшее Имя.

Я прошу учрежденіе, къ которому отнынѣ хочу принадлежать, употребить свое админіе, чтобы дѣло мое разобралось скорѣй, такъ какъ въ августѣ сего года мужъ окончательно покидаетъ Варшаву, и я лишена буду возможности узнать, куда онъ уѣдетъ, и потому мнѣ нельзя будетъ и судиться съ нимъ. Рѣшеніе въ мою пользу дѣла съ мужемъ желательнее еще и потому, чтобы всѣ предполагали, что я именно на эти средства живу.

Я предполагаю, что мои услуги будутъ оплачиваться и дадутъ мнѣ возможность воспитывать сына. Еще мнѣ нужно покровительство Ваше, чтобы сына моего, законнаго мужемъ, приписать къ ихъ роду, въ 6-ю книгу Виленскаго дворянства, въ наискорѣйшемъ времени, чего мужъ мой не хочетъ, но что дамъ съ сыномъ необходимо, такъ какъ иначе его не примутъ въ университетъ.

Я предупреждаю Васъ, что я не первой молодости, но во мнѣ много энергии, а при средствахъ и внѣшность будетъ такая, какая требуется.

Даже въ семьѣ моего мужа, начиная съ его ложной метрики, есть много для полиціи интереснаго. Умоляю о скоромъ отвѣтѣ, и также о немедленномъ разборѣ дѣла моего на Высочайшее имя, поданное за № 36636, V отдѣленіе, этажъ 2-й. При этомъ считаю нужнымъ предупредить, что админія полиціи задерживаетъ бумаги по мѣсяцу.

Сейчасъ я живу этой надеждой — разъ и это не исполнится — положеніе мое сдѣлается критическимъ; мнѣ останется только наложить на себя руки, что и мнѣ нежелательно, и вы потеряете во мнѣ чело-вѣка, который могъ бы принести Вамъ много пользы.

Съ истиннымъ почтеніемъ

Анеля Святополкъ-Мирская.

Иститутская 3, кв. 1.
Варшава (1906 г.)

Отъ редакціи журнала „Былое“.

Выпускомъ настоящаго 7-го № „Былого“ мы возобновляемъ за границей историческій журналъ, издававшійся тамъ въ 1900—1904 гг. Мы прекратили его изданіе въ 1905 году, какъ только въ Россіи оказалась возможность въ легальной литературѣ болѣе или менѣе свободно заняться изученіемъ „былого“ освободительнаго движенія.

Въ настоящее время, Stolypino regnante, всѣмъ, кто хотѣлъ бы въ литературѣ проводить свои идеи безъ утайки, снова приходится или переходить въ подполье, или перебираться за границу. Въ Россіи опять стали невозможны не только свободные публицистическіе органы, но съ большимъ трудомъ могутъ существовать даже строго историческіе журналы.

Возобновляя за границей „Былое“, мы болѣе всего желали бы, чтобы условія русской печати возможно скорѣе измѣнились такъ, чтобы нашъ заграничный станокъ снова сталъ ненужнымъ.

7-й № „Былого“, какъ и предыдущія наши изданія, ясно говоритъ нашимъ читателямъ, какія цѣли мы будемъ преслѣдовать, и наши друзья-читатели безъ особыхъ нашихъ разъясненій поймутъ, чѣмъ они могутъ быть намъ полезны. Съ многими изъ нихъ намъ за эти послѣдніе годы приходилось много бесѣдовать и лично, и письменно, — если же оказалось бы необходимымъ, мы могли бы снова и снова повторить то, о чемъ мы говорили съ ними раньше и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Намъ, слѣдовательно, можно теперь лишь кратко резюмировать свои просьбы къ друзьямъ-читателямъ. Кому въ руки попадутъ эти строки и кто не пойдетъ навстрѣчу начатой нами работѣ, тотъ не можетъ отговориться незнаніемъ того, чего мы ждемъ отъ него, и чѣмъ онъ могъ бы быть полезнымъ въ общемъ дѣлѣ. Разгадка такого равнодушія къ большому, нужному дѣлу, крайне важному, по нашему мнѣнію, для текущей борьбы съ реакціей въ Россіи, будетъ заключаться или въ обычныхъ для большинства халатности и равнодушія къ борьбѣ, или въ непониманіи важности изученія исторіи освободительнаго движенія, или, наконецъ, въ знаменитыхъ „нашихъ разногласіяхъ“, въ преступныхъ „нашихъ разногласіяхъ“, которыя такую славную службу сослужили правительству Александра III и Николая II.

Чтобы продолжать начатое дѣло, мы просимъ нашихъ друзей-читателей доставить намъ:

1. Воспоминанія и статьи объ освободительномъ движеніи, — особенно о 1905-1906 гг., — въ родѣ той статьи, какую мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ объ урупскихъ казакахъ. Этого рода статьямъ мы придаемъ большое значеніе и отведемъ имъ въ нашемъ изданіи много мѣста.

Необходимо возстановить точно картины наиболѣе яркихъ эпизодовъ этихъ замѣчательныхъ послѣднихъ лѣтъ и дать безпристрастную оцѣнку выдающихся дѣятелей того и этого лагеря.

Въ лагерь борцовъ освободительнаго движенія было много работниковъ, о которыхъ слѣдуетъ теперь же подробно рассказать въ литературѣ. Ждемъ ихъ біографій или матеріаловъ для ихъ біографій.

Так же точно нужно возстановить полностью картину дѣятельности правительства за эти годы, собрать данныя и дать обстоятельную характеристику всѣхъ, отъ воли которыхъ зависѣлъ ходъ русской жизни. Для этого намъ прежде всего, конечно, (на этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній) необходимо изучить во всѣхъ мелочахъ личность и дѣятельность царя, который, самъ опредѣлялъ главное направленіе тогдашней правительственной политики и, несомнѣнно, лично оставилъ въ тѣ годы огромный слѣдъ въ русской исторіи. Затѣмъ, предметомъ нашего тщательнаго изученія должна быть дѣятельность великихъ князей, министровъ и другихъ представителей высшей правительственной администраціи и политическаго сыска: Дурново, Витте, Столыпиновъ, Каульбарсовъ и т. д.

На эту тему для „Былого“ необходимо все: обстоятельныя характеристики, документы, отрывочныя факты и т. д.

На эту нашу просьбу мы обращаемъ особенное вниманіе нашихъ корреспондентовъ, — тѣмъ болѣе, что безпристрастное и всестороннее изученіе личности и дѣятельности царя и окружающихъ его всего менѣе доступно русской легальной прессѣ, — а это изученіе такъ важно и такъ необходимо для правильнаго повиманія исторіи и современныхъ событій.

2. Разнаго рода политическіе документы и печатныя произведенія свободной прессы, какъ за послѣдніе, такъ и за предыдущіе годы. Мы страстно хотѣли бы убѣдить всѣхъ, кого слѣдуетъ, что неразумно, преступно хранить архивы въ Россіи подъ бокомъ у Трусевича, Гершельмана, Каульбарса и т. д., — пора перестать думать, что въ Россіи существуетъ конституція, гарантирующая свободу печати и сохранность историческихъ матеріаловъ. Въ Россіи изо-дня въ день изъ опасенія обысковъ уничтожается навсегда огромное количество самыхъ драгоценныхъ документовъ, — а то, что запрятано въ тайники, недоступныя Столыпинымъ, оказывается совершенно недоступнымъ и для изученія, благодаря условіямъ, при которыхъ сохраняется. Поэтому мы просимъ своихъ корреспондентовъ позаботиться о томъ, чтобы имѣющіеся архивы переправить (это такъ не трудно!) за границу. Здѣсь все будетъ сохранено до будущихъ лучшихъ временъ, которыя наступятъ для русскаго общества — надѣемся скоро, — и въ настоящее же время сдѣлается доступнымъ для изученія, а, слѣдовательно, и для того, чтобы всѣмъ этимъ возможно было воспользоваться въ интересахъ современной борьбы.

„Былое“ — не археологическое изданіе, — на его страницахъ уже появилось много того, что оказалось полезнымъ для текущей борьбы.

Всѣ изданія запрещенной литературы (листки, брошюры, номера газетъ) мы просимъ доставлять намъ въ 5—6 экз. для того, чтобы все это, пока въ Россіи царятъ жандармы, сохранить за границей, а современемъ переслать въ главныя русскія книгохранилища.

3. Обвинительныя акты по политическимъ дѣламъ, описаніе процессовъ, письма подсудимыхъ и т. д. Изъ старыхъ процессовъ у насъ нѣтъ даже обвинительныхъ актовъ по дѣламъ: Малиновскаго (74 г.), Ковальской (81 г.), Дзвонкевича (83 г.), Гориновича (83 г.), Оржиха (88 г.) и др. Очень важно собрать обвинительныя акты и др. документы по новѣйшимъ процессамъ: крестьянскимъ, рабочимъ, военнымъ.

4. Тайныя правительственныя изданія, циркуляры, секретныя записки. Тѣмъ, кто имѣетъ возможность доставить такіе документы, мы могли бы сообщать, что особенно желательно достать и чего у насъ пока нѣтъ.

5. Письма, автографы (Желябова, Перовской, Гриневиднаго, А. Михайлова и выдающихся новѣйшихъ дѣятелей), карточки (Ковальскаго 78 г., Россиковой, Кибальчича, Теллалова, Клѣточникова и новѣйшихъ дѣятелей), картины, рисунки. Многія изъ опубликованныхъ карточекъ очень неудовлетворительны. Мы обращаемся къ товарищамъ съ горячей просьбой — бережно отнестись ко всякаго рода историческимъ реликвіямъ и хранить ихъ, чтобы это и теперь и впоследствии могло говорить о тяжелой борьбѣ, которую ведутъ дѣятели освободительнаго движенія и сохранить навсегда память о нихъ. Какъ много погибло и погибаетъ ежедневно изъ того, что мы должны были сохранить, какъ самыя дорогія воспоминанія о „быломъ“ въ оппозиціонномъ и революціонномъ движеніи!...

И въ данномъ случаѣ, — какъ на мѣсто для храненія реликвій, мы укажемъ на за границу, находящуюся за предѣлами досягаемости для Герасимовыхъ и Думбадзе съ ихъ длинными руками и огромными жандарменскими аппетитами, гдѣ ни Клемансо, ни Аскитъ, никто не почувствуетъ желанія занести руку надъ архивами русскаго освободительнаго движенія.

6. Легально или полунегально изданные листки, брошюры, сочиненія и отдѣльные номера періодическихъ изданій, газетъ и журналовъ, какъ лѣвыхъ, такъ и правыхъ партій.

Повторимъ здѣсь то, что мы говорили въ 1 № заграничнаго „Былого“ въ 1900 г.: — то, что нами будетъ получено, будетъ современемъ передано въ общерусскій музей. Теперь основаніе такого музея въ самой Россіи не за горами, потому что не за горами и свобода въ Россіи. Но собираніемъ матеріаловъ и спасеніемъ ихъ отъ уничтоженія мы должны заняться теперь же. Мы надѣемся этой задачей заняться систематически и привлечь къ ней возможно больше товарищей. Условія заграничной жизни даютъ намъ полную къ этому возможность. Мы можемъ съ особымъ удовольствіемъ констатировать, что сознаніе необходимости отыскивать матеріалы и документы явилось у многихъ за послѣдніе годы, — и многимъ изъ собраннаго удалось уже воспользоваться въ текущей журналистикѣ въ интересахъ серьезной общественной борьбы.

Но наша задача не будетъ заключаться только въ собираніи сырыхъ матеріаловъ и использованіи ихъ на страницахъ „Былого“. При нашей редакціи группою лицъ предпринята систематическая сводка разнаго рода хронологическихъ и библиографическихъ данныхъ, относящихся до освободительнаго движенія. Для этой цѣли въ настоящее время предпринята тщательная выборка свѣдѣній изъ имѣющихся печатныхъ источниковъ (изъ книгъ, газетъ, журналовъ и т. д.), — и для этого же нами уже разосланы слѣдующіе вопросные листки, на которые желательно получить возможно полные отвѣты:

1. ВОПРОСНЫЙ ЛИСТОКЪ

для собиранія свѣдѣній объ участникахъ освободительнаго движенія.

Для подготовляющагося словаря участниковъ русскаго освободительнаго движенія и для нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ работъ по новѣйшей исторіи революціонной борьбы редакція „Былого“ проситъ сообщить по слѣдующей программѣ свѣдѣнія обо всѣхъ, кто такъ или иначе былъ причастенъ къ освободительному движенію:

1) фамилія, имя, отчество, псевдонимы (въ литературѣ и жизни), національность, сословіе, вѣроисповѣданіе, образованіе, занятіе и т. д.

- 2) Годъ, число, мѣсто рожденія и другія біографическія свѣдѣнія.
- 3) Когда, гдѣ, по какому дѣлу былъ арестованъ, гдѣ судился, каковы были приговоръ, въ какихъ тюрьмахъ содержался, когда освобожденъ?
- 4) Въ какихъ революціонныхъ дѣлахъ принималъ участіе?
- 5) Не участвовалъ ли въ литературѣ въ какихъ именно изданіяхъ?
- 6) Не было ли въ литературѣ біографическихъ матеріаловъ о немъ и свѣдѣній объ его дѣлѣ? Не были ли помѣщены гдѣ нибудь его портреты?

Желательно получить о каждомъ лицѣ возможно болѣе подробные автобіографическія и біографическія матеріалы (его характеристику, опѣнку его дѣятельности, описаніе отдѣльных эпизодовъ его жизни, свѣдѣнія о настоящемъ мѣстѣ нахожденія и пр.). Просимъ не останавливаться предъ неполнотой и отрывочностью свѣдѣній.

Само собою разумѣется, присланными намъ свѣдѣніями будутъ пользоваться въ литературныхъ работахъ въ предѣлахъ, указанныхъ авторами отвѣтовъ на вопросные листки, и вообще лишь по столыку, по сколько это будетъ возможно по конспиративнымъ и инымъ соображеніямъ.

Примѣчаніе. Аналогичныя свѣдѣнія желательно получать также и о наиболѣе вредныхъ врагахъ освободительнаго движенія: предателяхъ, провокаторахъ, сыщикахъ, жандармахъ, тюремщикахъ, судьяхъ, прокурорахъ и т. д. Необходимо составить также біографическій словарь и этихъ «дѣятелей», — историкамъ освободительнаго движенія придется не мало имѣть дѣла съ ихъ біографіями.

Просимъ нашихъ корреспондентовъ сообщать намъ адреса лицъ, къ которымъ мы могли бы обратиться за дополнительными свѣдѣніями къ даннымъ отвѣтамъ по этому вопросному листку.

2. ВОПРОСНЫЙ ЛИСТОКЪ

для собранія свѣдѣній для хронологической канвы по исторіи освободительнаго движенія.

- а) Установить года и числа событій;
- б) составить списокъ членовъ революціонныхъ и общественныхъ организацій съ указаніемъ времени вступленія ихъ въ организаціи;
- в) дать списокъ лицъ, участвовавшихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ (сѣздахъ, конспиративныхъ квартирахъ, типографіяхъ, террористическихъ покушеніяхъ, побѣгахъ, динамитныхъ взрывахъ и т. д.).
- г) собирать свѣдѣнія о наиболѣе крупныхъ стачкахъ и аграрныхъ движеніяхъ;
- д) указывать литературу, относящуюся къ перечисляемымъ событіямъ.

NB. Свѣдѣнія о событіяхъ слѣдуетъ давать по годамъ, а затѣмъ уже располагать по мѣстностямъ и по отдѣламъ («аресты», «борьба», «побѣги», «некрологи», «правительственныя распоряженія», «литература» и т. д.), — какъ это было сдѣлано въ сборникѣ «За сто лѣтъ».

Сдѣлаемъ сговорку по поводу этихъ разосланныхъ листковъ, — хотя, по правдѣ сказать, эта оговорка излишняя.

Намъ часто приходилось выслушивать замѣчанія такого рода, что по этимъ листкамъ нельзя давать отвѣтовъ относительно всѣхъ лицъ и относительно всѣхъ событій. Это само собою разумѣется: мы живемъ еще, къ сожалѣнію, въ такое время, когда на почтѣ хозяйничаютъ жандармы. Конечно, какъ общее правило, лица, присылающія свѣдѣнія по почтѣ, могутъ давать отвѣты только въ тѣхъ предѣлахъ, которые даны возможно въ рамкахъ, допустимыхъ конспираціей. О многихъ казенныхъ, чье имя не открыто, въ большинствѣ случаевъ нельзя ничего сказать въ данное время; — наоборотъ, о многихъ, изъ находящихся на волѣ легальныхъ лицъ, возможно дать обстоятельныя свѣдѣнія. Но, во всякомъ случаѣ, того, что можно записать и теперь, такъ много, что и это дастъ возможность нарисовать относительно полную картину движенія.

Желающимъ принять участіе въ общей работѣ собранія и систематизаціи свѣдѣній мы могли бы дать еще и спеціальныя указанія.

* * *

Итакъ, возобновляя изданіе заграничнаго „Былого“, мы будемъ горячо убѣждать всѣхъ заняться внимательно изученіемъ ближайшаго и отдаленнаго „былого“ освободительнаго движенія, записывать свои воспоминанія, помочь намъ въ отыскиваніи матеріаловъ и т. д. На изданіе журнала, на веденіе ряда кропотливыхъ хронологическихъ, біографическихъ и бібліографическихъ работъ, на собраніе всего нужнаго для будущаго архива мы будемъ звать товарищей затратить много времени, средствъ и энергіи, но дѣлать это мы будемъ не только въ интересахъ сохраненія свѣдѣній и матеріаловъ для будущихъ историковъ (это тоже очень важно), — это мы будемъ дѣлать въ глубокой увѣренности, что такая работа нужна и въ настоящее время для правильной и широкой постановки нашей освободительной борьбы. Чѣмъ лучше мы будемъ изучать „былое“, тѣмъ большій вкладъ мы сдѣлаемъ въ сегодняшнюю общую политическую борьбу, — тѣмъ правильнѣе мы ее поставимъ.

Для такого служенія дѣлу политической борьбы мы много могли бы сдѣлать на страницахъ заграничнаго историческаго органа. Необходимо только, чтобы нашей задачей было не одно собраніе и печатаніе въ „Быломъ“, хотя бы и очень интересныхъ, и очень важныхъ статей, — а нѣчто большее. Нужно эту работу связать съ происходящей въ Россіи борьбой и отвѣтить на задачи, которыя волнуютъ борющихся въ Россіи, лучше познакомить ихъ съ условіями, въ которыхъ приходится работать, напомнить имъ о лучшихъ страницахъ прошлаго, и подѣлиться опытомъ предшественниковъ, чей примѣръ такъ нуженъ въ данное время. Помочь во время обойти подводные камни, въ нужное время нанести нашему общему врагу ударъ и пригвоздить его къ позорному столбу, сорвать маску съ волковъ въ овечьей шкурѣ, сказать доброе слово тѣмъ, кто, выбиваясь изъ силы, идетъ впередъ, и разказами о „быломъ“ освѣтить дорогу и дать совѣтъ, что дѣлать теперь... теперь, когда реакція достигла своей цѣли и вволю мясничествуетъ.

Таковы задачи заграничнаго „Былого“, — намъ кажется, на эти задачи уже и настоящій номеръ нашего журнала даетъ кой-какіе отвѣты. Мы приглашаемъ и отдѣльныхъ дѣятелей и представителей всѣхъ безъ различій оппозиціонныхъ и революціонныхъ партій воспользоваться страницами нашего органа и продолжать начатую работу.

При серьезной поддержкѣ товарищей, — мы хотѣли бы думать, что она будетъ —, мы достигнемъ поставленныхъ нами цѣлей, — мы въ этомъ увѣрены, мы это знаемъ. Путь, которымъ мы шли до сихъ поръ, уже далъ блестящіе результаты, — мы объ этомъ слышали часто и отъ людей, далеко съ нами несогласныхъ во многихъ крупныхъ вопросахъ.

Дальнѣйшая наша работа должна итти прежнимъ путемъ, но по этому пути надо идти съ новыми силами и новыми товарищами. Мы зовемъ сочувствующихъ намъ друзей-читателей не къ какому-нибудь новому, невѣдомому дѣлу, — мы ихъ зовемъ итти вѣрно намѣченной, провѣренной дорогой.

Вл. Бурцевъ.

15 іюля 1908 г., Парижъ.

и см
азави
бу
бай
ть
д
есни
вс
ран
го
хъ
и
Ч
ав
ав

Отпечатки :

Напечатано :
На стр. 7 и слѣд.
Курчановъ
На стр. 13 и слѣд.
Гіагинскую
На стр. 94
Гессе еще очень

Слѣдуетъ читать :

Кургановъ

Гіагинская

Гессе очень

**„БЫЛОЕ“ можно приобретать также въ слѣдующихъ
книжныхъ магазинахъ :**

- Paris.** Librairie de « L'Humanité », 14, rue du Croissant.
— Librairie Schultz, 3, Place de la Sorbonne.
— Русская книжная торговля, 70, rue Claude Bernard.
— Brockhaus, 17, rue Bonaparte.
— Boyeveau-Chevillet, 23, Rue de la Banque.
— H. Gateau, Rue Castiglioni, 8.
— Le Sondier, 174—176, Boulevard S-t. Germain.
- London.** Russian Free Press Fund, 18, Augustus Road Brackenburg Rd Sheperds Bush.
- Berlin.** Liliental, 101, Friedrichstr.
— Русский Проводникъ. Unter den Linden.
- Genève.** Librairie Georg et Co.
- Vevey,**
Montreux, } Schliesinger.
Territet. }
- Zurich.** Buchhandlung. A. Seidel, Sonnenquai.
- Berne.** Buchhandlung. A. Francke. Bahnhofplatz.
- New-York.** M. N. Maisel, 194, East Broadway.
- Genova.** Libreria Moderna di Giovanni Ricci, Galleria Mazzini.
- Napoli.** Libreria Afitoñio Vallardi, Via Roma 37-38.
- Nice.** Gross, 2, rue Maccaroni.
— O. B. Rosanoff, 3, rue Longchamps.
— Kleidmann, 7, rue Cotta.

Адресъ редакціи журнала „Былое“ :

V. Bourtzeff, 11, rue du Lunain (XIVe arr.), Paris.

Для личныхъ объясненій редакция открыта ежедневно (кромя праздниковъ) отъ 2-хъ до 4-хъ.

Дѣловыя письма, во избѣжаніе недоразумѣній, просить посылать заказными.

На письмахъ, не предназначенныхъ лично редактору, просимъ дѣлать надпись: Въ контору журнала „Былое“.

№№ 1—6 заграничнаго „Былого“ въ продажѣ не имѣются.

Цѣна № 7 „Былого“ — 3 фр.; съ пересылкой и доставкой въ Россію — 2 рубля.

Prix : 3 francs.

LE PASSÉ

Выход

ВЫХОД

СВОРНИКЪ, ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

№ 8

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.

(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

1908

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
1. Революціонные силуэты: I. Максимилианъ Швейцеръ. II. Дора Бриллиантъ. Б. Савинковъ	1
2. Къ портретамъ Л. И. Зильберберга (Штифтаря) и В. М. Сулятицкаго (Гронскаго). Ред.	8
3. Отъ Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли“ (прокламація 1881 г.).	9
4. Автографъ И. П. Каляева.	10
5. Письма Ф. Фрумкиной: I. Открытое письмо въ ре- дакцію „Революціонной Россіи“. II. Письмо къ В. Л. Бурцеву.	11
6. Изъ прошлаго партіи социалистовъ-революціонеровъ (изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній“ за 1898 годъ и изъ „Царскаго Листка“).	23
7. Съѣздъ крестьянъ 18 декабря 1905 г. С. Мазу- ревко	35
8. СПБ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по даннымъ охраннаго отдѣленія. Дмитрій Сверчковъ	40
9. Газета Департамента Полиціи: е) о съѣздѣ с.-д. въ Брюсселѣ; ж) дневники наблюденія; з) аресты въ Екатеринославѣ; и) арестъ С. Слетова; к) объ отно- шеніи с.-д. къ Госуд. Думѣ; л) о съѣздѣ с.-д. въ Стокгольмѣ	45
10. Сводъ правилъ, выработанныхъ въ развитіе утвер- жденнаго Господиномъ Министромъ Внутр. Дѣлъ 12-го августа текущаго (1902) года Положенія о На- чальникахъ Розыскныхъ Отдѣленій.	55
11. Франко-русское шпіонство и франко-русскій союзъ. Л. Б.	58
12. Н. Г. Чернышевскій о революціи. М. Антоновъ	65
13. Разсказъ Николая Егорова о Кронштадтскомъ воз- станіи, записанный его товарищемъ.	70
14. Памяти Николая Егорова. Н.	78
15. Великіе князья на войнѣ (изъ воспоминаній быв- шаго военнаго корреспондента): I. Борисъ въ Ля- оянѣ. II. Кириллъ и Борисъ въ Портъ-Артурѣ. Ф. Купчинскій	82

3032

Максиміліанъ ШВЕЙЦЕРЪ.
(Макъ-Кулонъ)

В. М. СУЛЯТИЦКІЙ.
(Гронскій)

Л. Н. ЗІЛЬБЕРГЪ.
Шингарь

LE PASSÉ

ВЫХОДЪ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

№ 8

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

—
1908

Революціонныя силуэты.*)

I.

Максиміліанъ Швейцеръ.

In die Gassen,
Zu den Massen...

— слышу я, поднимаясь по лѣстницѣ. Онъ поетъ. Значить, работаетъ. Сидитъ, согнувшись надъ какою-то стеклянкой и что-то мѣшаетъ. Сосредоточенно и спокойно. А на полу, на окнахъ, у стѣнъ, — колбы, реторты, паяльные трубки. И пахнетъ остро и тяжело — динамитомъ.

— А, это вы... — не подымаетъ онъ глазъ. — Садитесь!
И опять:

In die Gassen.
Zu den Massen...

Онъ какъ-будто не замѣчаетъ меня. Весь ушелъ въ свою химию. Что-то шипитъ. Что-то варится. Что-то вспыхиваетъ зеленоватымъ огнемъ. И самъ онъ, въ длинномъ передникѣ, съ голыми по локоть руками, черный, съ острой бородкой. Словно алхимикъ средневѣковья.

— In die Gassen... Читали, скоро во Франціи радикальное министерство будетъ... Это хорошо... Это о-чень ко-ро-шо...

— Не все ли равно?

Онъ подымаетъ глаза. Смотритъ на меня, улыбаясь.

— Э, да вы — а-нар-хистъ.

И снова согнулся.

Вотъ онъ кончилъ работу. Встаетъ, красивый и сильный. Руки въ карманы и короткая трубка въ зубахъ.

— А знаете, я чуть не залетѣлъ на воздухъ. Право. Мѣшаю желатинъ и вдругъ вижу — признаки разложенья. Значить, сейчасъ взорветъ. Къ счастью, вода была блиако. Схватилъ ведро, сталь прямо съ рукъ лить. Разбрызгалъ желатинъ и обжегся, конечно. Вотъ такъ. Всею лѣвую сторону. Ручу и ногу... In die Gassen...

Онъ говорилъ равнодушно. Будто не о себѣ. Не о томъ, что ждетъ его каждый день, каждый часъ.

— Сидите. Чай будемъ пить.

И хлопочетъ на кухнѣ.

*) Печатающіеся здѣсь два очерка Б. Савинкова, какъ и статья Ег. Созонова объ И. Жалезѣ, помѣщенная въ 7 М «Былого», взяты нами изъ органа с.-р. «Знамя Труда».

Гдѣ я? Почему мнѣ такъ мирно? Здѣсь, гдѣ дѣлають динамитъ, гдѣ играютъ со смертью... Или оттого, что онъ тутъ? Оттого, что онъ дышитъ здоровьемъ и силой? Что въ немъ нѣтъ тревоги?

Онъ былъ, какъ изъ стали. Напѣвая, сушилъ гремучую ртуть, напѣвая, заряжалъ снарядъ динамитомъ и, словно игрушки, вставлялъ трубки запала. Умѣло, точно и аккуратно. Почти любовно. Будто не вѣря въ опасность. И самъ Кибальчичъ гордился бы имъ.

Ночь на 15-ое іюля.

Мы сидимъ съ нимъ въ саду и устало смотримъ на сцену. Что мы имъ, этимъ людямъ на сценѣ, этой публикѣ лѣтнихъ садовъ, и что они намъ? И все-таки не уходимъ.

Въ эту тихую ночь онъ долженъ сдѣлать четыре снаряда. Четыре бомбы. Для Плеве. Онъ уже не разъ дѣлалъ ихъ. И теперь, въ послѣдній ли разъ?

Я вижу его большіе, стальные, спокойные глаза. Слышу его увѣренный голосъ. И смутная жуть покидаетъ меня. Жуть неизвѣстности. Жуть неизбежной, еще невидимой крови...

— Что день грядущій намъ готовить? — чуть слышно декламируетъ онъ. — Какъ вы думаете, что?

И не ожидая отвѣта:

— Удачу. Непремѣнно удачу...

Почему на этотъ разъ онъ такъ вѣрилъ въ успѣхъ? Почему?

И мнѣ кажется, я воочию вижу его, въ его комнатѣ, опять надъ трубками и ретортами. Надъ ртутью и динамитомъ. На востокѣ уже давно загорѣлась заря, и улица уже проснулась, зѣвая. Скоро день... А онъ, безъ сна, согнувшись надъ рабочимъ столомъ, увѣренный и спокойный, медленно заряжаетъ послѣдній снарядъ. А на завтра громомъ ударитъ взрывъ. Будетъ кровь. Чья? Только ли Плеве?

— Не-пре-мѣнно удачу...

Гдѣ-то высоко мигаютъ электричествомъ фонари, уныло шепчутся листья, и послѣдняя ночь все темнѣетъ... Все ближе къ разсвѣту. Пора.

— До свиданья... До утра.

И въ глазахъ опять нѣтъ тревоги. Что-жъ? За нимъ убѣжденіе, логика жизни и его побѣдная, крѣпкая воля. А, значитъ, за нимъ и удача...

Въ послѣдній разъ я увидѣлъ его опять въ Петербургѣ. Вскорѣ послѣ 9-го января, незадолго до его смерти. Онъ говорилъ о Гапонѣ. И глаза его загорались.

— Видите, что значить рабочая масса, мы не знаемъ ея, не умѣемъ увнать. Вѣдь, это же революція. Нужно въ массу идти, въ массѣ работать.

Въ немъ проснулся народоволецъ. Истинный сынъ тѣхъ, кто брался за динамитъ во имя народа, вѣря въ него, въ его силу,

въ его революцію. Террористъ, онъ мечталъ о мирной работѣ. Только мечталъ.

Онъ велъ дѣло Трепова. Какъ математикъ, дѣлалъ онъ расчеты. Какъ архитекторъ, строилъ. Камень за камнемъ. Методично. Спокойно. Онъ по-прежнему вѣрилъ въ себя, въ точное знанье, въ науку... Только минутами на лицо его тѣнь набѣгала, и губы сжимались крѣпко. Чѣмъ мучился онъ тогда? Что въ немъ рождалось? Какія силы въ душѣ напрягались?

Слѣпая судьба не знаетъ расчета... Онъ умеръ случайно. Ненужною смертью, отъ взрыва. Заряжая снарядъ, на ранней зарѣ, когда улица просыпалась... И съ нимъ въ могилу сошла громадная сила. Сила молодости, сила ума, сила знанья и твердой, какъ сталь, закаленной воли.

II.

Дора Бриллиантъ.

Въ первый разъ я увидѣлъ ее въ обѣдной студенческой комнатѣ, гдѣ-то на краю города, на Жилинской улицѣ, въ Кіевѣ. Былъ мартъ 1904 г., — время Плеве и начало террора. Тогда немногіе смѣли бороться. Но она уже смѣла и, казалось, давно все рѣшила и на все рѣшилась.

И теперь она стояла предо мной тихая и печальная. Такая, какою я ее зналъ во всю ея недолгую жизнь.

— Вы вѣдь знаете, что придется бросить все... семью?

— Да.

Жить тайкомъ, безъ угла...

— Да.

— Быть можетъ, умереть...

— Да.

— Быть можетъ, убить...

Молчанье. Затѣмъ чуть внятное:

— Да.

Я вижу ея громадныя, глубокіе и усталыя глаза. И мнѣ изъ Библии приходитъ на память: „Большія воды не могутъ потушить любви и рѣки не зальютъ ее, ибо любовь крѣпка, какъ смерть.“

Тихая, она всегда молчала. Ни слова о себѣ, о своей жизни, о своихъ мукахъ. Какъ будто нѣтъ этихъ мукъ и не было этой жизни... Кто она, откуда? Незамѣтная, она молча шла умирать. Да и нужны ли слова...

Только ея черныя глаза вспыхивали иногда огонькомъ, — затаеннымъ огнемъ большой, подвижнической любви. Терроръ былъ для нея крестной ношей. Смерть — избавленіемъ. Она

не мирилась съ кровью и шла проливать ее. Искала выхода и не находила. Онъ мерещился ей вдали, какъ счастье, какъ вѣнецъ жизни, какъ непостыдная смерть за народъ, во имя народа. И она умерла, — въ тюрьмѣ.

Быль июль, и на Морскомъ бульварѣ игралъ веселый оркестръ, и на набережной гуляли пары, — тоже веселыя, такія яркія. И надъ нами въ паркѣ гудѣли сосны, и пахло смолой, и кругомъ было солнечно, легко и мирно. А къ Плеве уже неслышно подкрадывалась смерть, и Егоръ Сосоновъ уже готовился къ эшафоту.

Она сидѣла рядомъ со мною. Чертила зонтикомъ по песку. Слушала сосны и далекое море. О чемъ-то думала, загаясь, замолкнувъ. И вдругъ подняла голову:

— Послушайте, я должна вамъ сказать...

Съ берега донеслись звуки вальса... Затихли... Опять... И опять затихли...

— Я не могу. Я не могу, чтобы умеръ другой, чтобы умеръ Егоръ... Я должна умереть, я...

— Вы?

— Я.

И заговорила. Быстро и страстно, словно камень съ сердца упалъ. Словно двери раскрылись. А черные глаза впивались въ меня и ждали, ждали отвѣта...

На бульварѣ кто-то поетъ. Теноръ. Изъ Тоски... Проходятъ какіе-то люди, офицеры, женщины въ кольцахъ, въ бриллиантахъ... Все чужіе, всегда чужіе...

Она опять чертитъ зонтикомъ по песку. Что-то не высказалось. Что-то опять затаилось. Снова закрылись двери.

— Вы не поймете меня... Мнѣ тяжело такъ жить... Тяжко думать о томъ, что, вѣдь, мы убиваемъ...

Подумайте: убиваемъ... Пусть врага. Все-таки, убиваемъ. Конечно, нужно убивать. Нужна кровь. Да, нужна... Но дайте и мнѣ умереть. Не мучьте меня, — дайте. Я не могу жить и у меня нѣту силъ, нѣту...

Я на минуту увидѣлъ тогда ея душу. Въ ней была тьма. Неизбывная мука. Несказанный ужасъ... И я земно кланяюсь ей, — этой мукѣ любви, мукѣ женскаго сердца...

Послѣ Плеве она жила въ лабораторіи. Была хозяйкой, дѣлала опыты, спала на динамитѣ. День за днемъ и мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Она молча училась.

— Вы можете сдѣлать снарядъ?

— Да.

— И ручаетесь за него?

— Да.

— И безъ ошибки?

— О, да.

И все такъ спокойно. Твердо и просто. Что же, она привыкла къ убійству? Привыкла къ крови?... Кто знаетъ, кто скажетъ?

Я узналъ потомъ, привыкла ли она къ крови...

Я ждалъ ее 4-го февраля на Никольской. Ждалъ, чтобы взять изъ ея рукъ снаряды. Она работала ночью. Заряжала ихъ одна, у себя. Заряжала для великаго князя Сергѣя.

Я вижу ее, какъ сейчасъ. Осторожная, она медленно переходитъ черезъ улицу. Увидѣла меня, улыбнулась. Я жду съ тревогой. Сколько извозчиковъ, сколько народу, дѣтей, женщинъ... Кажется, ихъ никогда не бываетъ такъ много... Или это только такъ кажется?... А если ее толкнуть, если уронить, если вдругъ упадетъ. Я смотрю на нее, чуть дыша. Вотъ, вотъ, она уже близко, такая маленькая, такая хрупкая...

— Возьмите. Возьмите скорѣй...

И тяжело дышать. Устала. Едва донесла. А кругомъ опять снуютъ люди, много людей...

— Да уходите же... Уходите...

— Поцѣлуйте Яна. Прощайте.

И уже затерялась въ толпѣ, одинокая, безпріютная, тихая. Это утромъ. А днемъ я опять встрѣчаю ее. Идемъ внизъ по Тверской, къ Кремлю. Ждемъ. Что-то будетъ, что будетъ?... Она крѣпко жметъ мою руку и молчитъ. Она спокойна. Нѣтъ тревоги, нѣтъ больше мысли о смерти. Да и можно ли думать о смерти врага, о крови того, кто самъ весь въ крови?... Да и намъ ли страдать ихъ страдаемъ? Жизнь за жизнь и смерть за смерть?... Онъ долженъ умереть — и онъ умретъ.

Она молчитъ. Кто пойметъ, гдѣ ея мысли...

И вдругъ навстрѣчу мальчишка, рваный, безъ шапки. Въ испугѣ машетъ руками и громко, на всю Тверскую:

— Великаго князя убило... Голову оторвало...

Ея рука выскальзывается изъ моей. Голова падаетъ. И рыданья. Слезы, безудержныя слезы. Словно все скрытое вылилось изъ нихъ, все затаенное, все погребенное гдѣ-то тамъ, на самомъ днѣ ея сердца.

— Успокойтесь... Что съ вами?

— Великаго князя убило... Боже мой, это мы, это я, я его убила... я убила его...

Она хотѣла отдать свою жизнь. Умереть, но не убить... И, живя, мучилась, неизбежно, безмѣрно...

Въ декабрѣ, передъ возстаніемъ въ Москвѣ, готовили бомбы и въ Петербургѣ. Готовила и она. Ее арестовали. И она умерла въ тюрьмѣ, такъ же тихо и молчаливо, какъ и жила... Миръ ей! Ея ненависть была рождена любовью, — тою любовью, которая даетъ міру свѣтъ.

Б. Савинковъ.

**Къ портретамъ Л. И. Зильберберга (Штифтаря) и
В. М. Сулятицкаго (Гронскаго).**

Левъ Ивановичъ Зильбербергъ родился 26 сентября 1880 г. въ г. Елисаветградѣ. Учился сперва въ мѣстной гимназiи, потомъ въ 3-ей Московской, по окончанiи курса въ которой поступилъ въ 1899 г. на физико-математическiй факультетъ московскаго университета (по математическому отдѣленiю). Въ февралѣ 1902 г. былъ арестованъ въ г. Севастополѣ по студенческому дѣлу и въ административномъ порядкѣ сосланъ на 4 года въ Олекминскъ Якутской области. По общестуденческой амнистiи черезъ годъ былъ возвращенъ въ Европейскую Россiю и отбывалъ гласный надзоръ въ Твери. Въ Твери примкнулъ къ П. С. Р. и, организовавъ нѣсколько рабочихъ и крестьянскихъ кружковъ, уѣхалъ въ концѣ 1903 года за границу. На съѣздѣ заграничныхъ организацiй П. С. Р. (1904) былъ представителемъ отъ льежской группы с.-р. Весной 1905 г. вступилъ въ Боевую Организацию и участвовалъ во всѣхъ ея предпрiятiяхъ до постановленiя Совѣта партiи (въ маѣ 1906 г.) о временномъ прекращенiи террора. Лѣтомъ 1906 года организовалъ побѣгъ Б. В. Савинкова изъ Севастопольской крѣпостной гауптвахты. Съ осени 1906 г. руководилъ Центральнымъ Боевымъ Летучимъ Отрядомъ (дѣло ген. Лауница и покушенiе на Царскосельскомъ вокзалѣ на вел. кн. Николая Николаевича). Арестованъ въ Петербургѣ 9-го февраля 1907 г. Былъ вмѣстѣ съ Гронскимъ (В. М. Сулятицкимъ) преданъ военно-окружному суду и приговоренъ къ смертной казни. Казненъ 16-го iюля того же года въ стѣнахъ Петропавловской крѣпости подъ именемъ Владимiра Штифтаря.

Сулятицкiй, Василiй Митрофановичъ, сынъ священника въ Полтавѣ. По окончанiи курса въ Полтавской духовной семинарiи, служилъ въ 1906 г. въ 51 пѣхотномъ Литовскомъ полку вольноопредѣляющимся въ Севастополѣ. 16-го iюля 1906 года вывелъ изъ тюрьмы Б. В. Савинкова и непосредственно послѣ этого вступилъ въ Боевую Организацию. Съ ноября 1906 года участвовалъ въ Центральномъ Боевомъ Летучемъ Отрядѣ. Въ дѣлѣ Лауница находился вмѣстѣ съ „адмираломъ“, застрѣлившимъ Лауница, въ больницѣ.

Арестованъ въ Петербургѣ 9-го февраля 1907 г. и казненъ вмѣстѣ съ Штифтаремъ.

Ред.

Отъ Исполнительнаго Комитета.*)

3-го апрѣля между 9 и 10 часами утра на Семеновскомъ плацу въ Петербургѣ приняли мученической вѣнець социалисты: крестьянинъ Андрей Желябовъ, дворянка Софья Перовская, сынъ священника Николай Кибальчичъ, крестьянинъ Тимофей Михайловъ и мѣщанинъ Николай Рысаковъ.

Судъ надъ мучениками творили царскіе сенаторы, приговоръ диктоваль императоръ Александръ III, онъ же и утвердилъ его.

Итакъ, новое царствованіе обозначилось. Первымъ актомъ самодержавной воли Александра III было приказаніе повѣсить женщину. Не выждавъ еще коронаціи, онъ оросилъ престоль кровью борцовъ за народныя права.

Пусть такъ!

Съ своей стороны, надъ свѣжей могилой нашихъ дорогихъ товарищей мы подтверждаемъ всенародно, что будемъ продолжать дѣло народнаго освобожденія. На этомъ пути не оставятъ насъ висѣлицы, какъ не останавливали онѣ въ прошлое царствованіе цѣлый рядъ бойцовъ, начиная съ Ковальскаго, продолжая Соловьевымъ, Виттенбергомъ, Логовенко, Лизогубомъ, Чубаровымъ, Давиденко, Осинскимъ, Антоновымъ, Брандтнеромъ, Горскимъ, Бильчанскимъ, Ѳедоровымъ, Дубровинымъ, Дробязгинымъ, Малинкой, Майданскимъ, Розовскимъ, Лозинскимъ и кончая Млодецкимъ, Квятковскимъ и Прѣсняковымъ.

Тотчасъ послѣ 1-го марта Исполнительный Комитетъ обнародоваль посланіе къ императору Александру III, въ которомъ доказываль, что единственнымъ средствомъ къ возврату Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія является обращеніе Верховной Власти къ Народу.

Судя по событію 3-го апрѣля, Верховная Власть выбрала иной путь — путь обращенія къ Фролову**), знаменитому сподвижнику въ Бозѣ почившаго Александра II.

Пусть такъ!

Откладывая оцѣнку общей политики Александра III на ближайшее будущее, Исполнительный Комитетъ заявляетъ теперѣ

*) Печатаемъ очень рѣдкую прокламацію партіи Народной Воли. Эта прокламація не была помѣщена въ сборникъ «Литература партіи Н. В.», изданномъ за границей и въ Россіи. Ред.

**) Фамлія палача, исполнявшаго казни въ царствованіе Александра II. Ред.

же, что реакціонная политика по традиціямъ Александра II неизбежно приведетъ къ послѣдствіямъ еще болѣе пагубнымъ для правительства, чѣмъ 1-ое марта, предшествуемое заговорами Николаевскимъ, Одесскимъ, Александровскимъ, Московскимъ и двумя Петербургскими.

Исполнительный Комитетъ обращается съ призывомъ ко всѣмъ, кто не чувствуетъ въ себѣ инстинктовъ раба, кто сознаетъ свой долгъ предъ страждущей родиной, — сомкнуть свои силы для предстоящей борьбы за свободу и благосостояніе Русской Земли.

Исполнительный Комитетъ.

4-го апрѣля 1881 г.

Типографія «Народной Воли» 5-го апрѣля 1881 г.

Автографъ И. П. Каляева.

Жизнь дала мнѣ твердыя убѣжденія и мятежную волю. Кровь и слезы униженной собственнымъ правительствомъ Россіи наполнили мое сердце рѣшительностью отъ лица народа протестовать противъ неслыханнаго озоранія русскаго имени. Самодержавіе указало способъ протеста. Я отдалъ свою жизнь во имя долга за свободу и счастье народной Россіи.

И. П. Каляевъ

«Жизнь дала мнѣ твердыя убѣжденія и мятежную волю. Кровь и слезы униженной собственнымъ правительствомъ Россіи наполнили мое сердце рѣшительностью отъ лица народа протестовать противъ неслыханнаго озоранія русскаго имени. Самодержавіе указало способъ протеста. Я отдалъ свою жизнь во имя долга за свободу и счастье народной Россіи»

И. Каляевъ.

Отъ редакціи. Этотъ автографъ написанъ Каляевымъ въ тюрьмѣ послѣ суда, за нѣсколько дней до казни, на бумагѣ вассальионной каздобы, напечатанной маши въ 7X „Былово“.

Письма Ф. Фрумжиной*).

I. Открытое письмо въ редакцію „Революціонной Россіи“.

Этимъ лѣтомъ русскіе революціонеры пережили скорбные, мрачные дни. Сѣкли демонстрантовъ въ Минскѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, и проклятая русская жизнь выдвинула вопросъ: какъ смыть позоръ? Какъ достойно отвѣтить на поруганную честь революціонеровъ? Этотъ жгучій вопросъ отодвинулъ на время въ сторону всѣ остальные вопросы русской революціонной борьбы и властно требовалъ разрѣшенія. Революціонныя организаціи должны были высказаться по этому поводу, и вотъ мы имѣемъ предъ собою отвѣтъ „Заграничнаго Комитета Бунда“.

Въ статьѣ „Къ вопросу объ организованной мести“ („Посл. Изв.“ № 88), между прочимъ, говорится: „1) Организованная месть есть одинъ изъ видовъ организованнаго террора; 2) организованная месть представляетъ одну изъ фазъ въ развитіи террористической тактики; 3) организація, принявшая въ свою программу организованную месть, тѣмъ самымъ уже вступила на путь обособленія отъ массоваго движенія, по которому она будетъ неуклонно, съ большими или меньшими препятствіями, подвигаться вплоть до вырожденія въ чистую террористическую группу“.

Въ этомъ письмѣ, — не мѣсто касаться террора по существу, такъ какъ это слишкомъ обширный вопросъ. Придется только на основаніи выписокъ изъ статьи „Заграничнаго Комитета Бунда“ доказать всю нелогичность и несостоятельность его разсужденій.

Далѣе, въ этой статьѣ сказано: „Извѣстно, что въ массѣ живетъ большое пристрастіе къ „своимъ средствамъ“. Насилія со стороны рабочихъ, какъ реакція противъ насильничества царскихъ слугъ, неизбежны и борются противъ нихъ было бы нецѣло и нежелательно, но ихъ необходимо ввести въ извѣстныя границы, чтобы они не разрослись въ эпидемію „членовредительства“, косящую всѣхъ безъ разбора: царскихъ башибузуковъ, шпіоновъ, провокаторовъ, фабрикантовъ, штрейкбрехеровъ и проч. Между тѣмъ, акты мести, исходящіе отъ организаціи, на которую рабочіе смотрятъ, какъ на руководительницу, будутъ въ глазахъ массы санкціонировать насиліе вообще“. Увлеченный желаніемъ напугать „Бундъ“ терроромъ, „Заграничный Комитетъ Бунда“ говоритъ здѣсь явную несообразность.

*) Оба письма Ф. Фрумжиной не появлялись въ печати и представляютъ очень цѣнное дополненіе къ интересной ея біографіи, недавно изданной с.-р. въ Россіи. Первое письмо составлено въ рѣзко полемическомъ духѣ, но мы не выбросили изъ него ни одного слова и печатаемъ его, какъ историческій документъ, который, конечно, будетъ комментароваться впоследствии представителями разныхъ партій.

Фрумжина въ 1907 г. бѣжала изъ Сибири и осенью ее казнили въ Москвѣ. Ред.

Допустимъ, что нарисованный имъ „имманентный“ законъ развитія террористической тактики вѣренъ и всей партіи грозитъ: 1) опасность превратиться въ террористовъ, 2) эпидемія „членовредительства“. Тутъ можно сдѣлать два вывода: 1) честь партіи и членовъ партіи дороже всего на свѣтѣ и должна во что бы то ни стало быть восстановлена и 2) для спасенія соц.-дем. принциповъ и во избѣжаніе „членовредительства“ партія должна разъ навсегда отказаться отъ отвѣта хотя бы на самыя позорныя оскорбленія. Сказать прямо и открыто, что послѣ виленскихъ и минскихъ надругательствъ надъ личностью революціонеровъ можно жить, какъ ни въ чемъ не бывало, — не находить возможнымъ даже „З. К. Б.“, высоко держащій знамя социалдемократизма и ревниво охраняющій его отъ вредныхъ и опасныхъ примѣсей. И ему волей-неволей приходится балансировать между двумя вышеуказанными выводами. Мы видимъ со стороны „З. К. Б.“ попытку сѣсть между двухъ стульевъ, щедринское: — „съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой — надо сознаться“. „З. К. Б.“ предлагаетъ: „мстить за оскорбленіе должны члены партіи, которые были подвергнуты позору“. Посмотримъ насколько это предложеніе исправляетъ резолюцію конференціи, по поводу которой была написана статья.

Съ положеніемъ „З. К. Б.“, что между „организованной мезью“ и „организованнымъ терроромъ“ по существу нѣтъ разницы, нельзя не согласиться, но можно итти еще дальше, развить это положеніе: если между „организованной мезью“ и „организованнымъ терроромъ“ не существуетъ разницы, то и между „организованной мезью“ партіи и неорганизованной мезью „подвергнутыхъ позору“ также нѣтъ разницы по существу. Въ концѣ концовъ это тѣ же террористическіе акты. Разница только та, что „вести въ извѣстныя границы пристрастіе рабочихъ къ „своимъ средствамъ“ можетъ только центральная организація партіи, очевидно, что только она компетентна рѣшить такой серьезный вопросъ, какъ отвѣтъ мезью на насилія правительства и только центральная организація партіи, т. е. группа самыхъ опытныхъ и испытанныхъ революціонеровъ, можетъ, какъ слѣдуетъ, взвѣсить всѣ условія и обстоятельства даннаго мѣста и времени, можетъ изъ безчисленнаго множества русскихъ насилій выбрать самое звѣрское и достойное отвѣта, можетъ выбрать подходящаго человѣка, готоваго выполнить этотъ тяжелый и прекрасный долгъ и т. д. и т. д. Если же партія, по совѣту „З. К. Б.“, сниметъ съ себя и ввалитъ эту сложную и трудную работу на плечи массовыхъ людей „подвергнутыхъ позору“, то тогда и только тогда мезь несомнѣнно выродится въ „эпидемію членовредительства, косящую всѣхъ безъ разбора“. Всякому человѣку, безъ предвзятыхъ мнѣній, ясно, что только благотворный контроль партіи можетъ, съ одной стороны, уберечь партію отъ увлеченія

„терроризмомъ“, а, съ другой — наилучшимъ и наицѣлесообразнѣйшимъ образомъ обставить и выполнить акты мести. Угрозы „терроризмомъ“ и „эпидеміи членовредительства“ еще только цвѣточки — ягодки впереди.

Далѣе, „З. К. Б.“, всему міру на удивленіе, ведетъ такую рѣчь: „Партія не можетъ себя считать опозоренной отъ того, что нанесено оскорбленіе ея членамъ. Партія — не арифметическая сумма входящихъ въ нее членовъ, а самостоятельный организмъ, развивающійся по своимъ особымъ законамъ (?) и преслѣдующій свои особыя цѣли. (?) Честь безтѣлеснаго, если можно такъ выразиться, организма не можетъ заключаться въ томъ же самомъ, въ чемъ заключается честь живой, чувствующей и страдающей личности. Поэтому, честь партіи не можетъ требовать отъ нея, чтобы она мстила за оскорбленіе ея членовъ, — это дѣло тѣхъ ея членовъ, которые были подвергнуты позору“.

Оказывается, что наша боль, наши муки не передались заграничнымъ товарищамъ, и наши руководители вмѣсто того, чтобы своимъ авторитетнымъ голосомъ разсѣять хоть немного мракъ, окутывающій насъ, вмѣсто того, чтобы помочь намъ разбираться въ переживаемомъ нами тяжкомъ моментѣ и указать выходъ изъ невыносимаго положенія, нашли возможнымъ отдѣлаться жалкими софизмами и тѣмъ затемнить, запутать для всѣхъ ясное положеніе вещей. Наша мысль мучительно бьется надъ рѣшеніемъ неотложной задачи, выдвинутой русской жизнью, а „З. К. Б.“ преподноситъ намъ іезуитскія разсужденія, что партія безтѣлесна и, значить, не можетъ чувствовать позора; оскорбить можно только личность и эта личность пускай себѣ мститъ, а мы, безтѣлесная партія, займемъ лучше нейтральное положеніе и будемъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ продолжать „строгое соблюденіе принциповъ и неуклонное преслѣдованіе поставленныхъ себѣ цѣлей“. Этотъ отвѣтъ — позорная страничка изъ исторіи русскаго освободительнаго движенія. Умыть руки, какъ Пилать, и спокойно отдать своихъ товарищей на распятіе русскому самодержавію, — значить, вызвать къ себѣ глубокое отвращеніе. Всякій, не желающій заглушить въ себѣ совѣсть дикими софизмами, знаетъ и чувствуетъ одно: партія и члены партіи до того тѣсно, неразрывно связаны, до того сливаются между собою, что отдѣлать одно отъ другого совершенно невозможно. И горе, и радость, и сила, и слабость, и успѣхъ, и неуспѣхъ членовъ партіи не можетъ не отражаться на всей партіи въ цѣломъ. Даже странно доказывать такую элементарную истину. Только та партія, которая является защитой и опорой своихъ членовъ и не бросаетъ ихъ въ критическій моментъ на произволъ судьбы, можетъ привлекать сердца людей. Отвѣтъ же „З. К. Б.“ можетъ и долженъ вызвать горькіе упреки и жалобы еврейской рабочей массы: „мы идемъ протестовать противъ

самодержавнаго гнета, зная, что насъ лично ожидаютъ въ настоящій моментъ жестокаго преслѣдованія разъяреннаго правительства, но мы идемъ во имя и во славу нашей партіи, во имя свѣтлыхъ идеаловъ социализма. Наши личныя страданія блѣднѣютъ предъ великой цѣлью, и мы идемъ своимъ протестомъ положить начало будущей широкой революціи, которая охватитъ всю Россію, идемъ нашей смѣлой борьбой прославить себя и свою партію. И что же? Въ этой борьбѣ наши враги опозорили насъ, надругались надъ нами, побѣжденными борцами, за нашъ смѣлый протестъ, и партія, что звала насъ на борьбу, говоритъ намъ: „вашъ позоръ меня не касается, васъ лично опозорили, вы и смойте этотъ позоръ, а, если вамъ тяжело жить опозоренными, — можете умереть“. Видно, что горькая чаша позора ихъ миновала, что наши муки и стоны не разрываютъ имъ сердца“.

Попытка „З. К. Б.“ умыть руки и поставить себя внѣ позора, попытка вѣдрить въ сознаніе счастливыхъ, не попавшихъ подъ розги, что опозорены только сѣченые, — представляетъ собою непримѣрный фактъ въ исторіи революціоннаго движенія, лозунгъ котораго: „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“. Къ счастью, чувство и сознаніе массъ борющагося пролетаріата не совпадаютъ съ позорными рѣчами „З. К. Б.“; на мѣстѣ подвиговъ русскихъ палачей всѣ революціонеры чувствовали себя опозоренными и никто не пытался свалить всю тяжесть позора, подобно „З. К. Б., исключительно на „тѣхъ членовъ партіи, которые были подвергнуты позору“. Можно надѣяться, что попытка „З. К. Б.“ развратить нравственное сознаніе массы не удастся; залогомъ намъ можетъ служить негодованіе и возмущеніе, охватившее всѣхъ въ Вильнѣ и чувство безконечной радости и облегченія, испытанное всѣми послѣ выстрѣла Лекерта. Минская бундовская организація до сихъ поръ не исполнила своего долга, и это несомнѣнно вызвало подавленное, угнетенное состояніе минской массы; каждый чувствуетъ и свою вину въ фактъ безнаказанности минскихъ палачей; каждый чувствуетъ себя опозореннымъ, и если не всѣмъ, то многимъ жизнь не мила стала въ городѣ, гдѣ такія надругательства надъ личностью революціонеровъ остаются безъ отвѣта. Все это окончательно разбииваетъ лукавыя мудрствованія „З. К. Б.“.

Положеніе „З. К. Б.“, что „личную честь могутъ возстановить лишь сами потерпѣвшіе“, можетъ для болѣе чуткихъ „потерпѣвшихъ“ оказаться смертнымъ приговоромъ. Если „лишь сами пострадавшіе могутъ возстановить свою личную честь“, если ихъ честь не связана между собою, то каждый изъ нихъ долженъ явиться мстителемъ, потому что личная честь не можетъ быть возстановлена мщеніемъ другого, даже другого потерпѣвшаго. Это, конечно, невозможно и, такимъ образомъ, „З. К. Б.“ пригвождаетъ и безъ того истерзанныхъ людей на вѣки къ позорному столбу и этимъ самымъ толкаетъ ихъ къ

самоубійству, которое является единственнымъ выходомъ изъ невыносимаго положенія. Будучи даже такого мнѣнія, что опозоренному человѣку, которому, по какимъ-либо причинамъ, недоступна личная месть, остается одно — самоубійство, мы не должны предписывать самоубійства. Этотъ вопросъ каждый человѣкъ имѣеть право только для себя лично рѣшить. Очень возможно, что и послѣ акта мщенія партіи или одного изъ „потерпѣвшихъ“, остальные „подвергнутые позору“ будутъ себя чувствовать не вполне удовлетворенными, свою личную честь не вполне возстановленной. Такой позоръ нельзя ни забыть, ни простить, и ихъ дѣло, сообразно своему темпераменту, убѣжденіямъ, технической возможности, продолжать дѣло мести, дѣло борьбы съ заклятымъ врагомъ — самодержавіемъ. Но это отнюдь не снимаетъ съ партіи обязанности возстановить свою честь, которая несомнѣнно поругана тяжкимъ оскорбленіемъ членовъ партіи.

Дальше „З. К. Б.“ говорить: „Партія должна реагировать на насилія надъ личностью ея членовъ во имя освободительной борьбы пролетаріата, такъ какъ ничто такъ не угрожаетъ рабочему движенію, какъ попытка правительства унизить человѣческое достоинство рабочихъ“. Последнее заявленіе очень плохое доказательство въ пользу того, что партія безтѣлесна и поэтому не можетъ чувствовать себя оскорбленной; возстановить свою честь партія должна также „во имя освободительной борьбы пролетаріата“. Партія для того и существуетъ, чтобы вести „освободительную борьбу“, и эта то освободительная борьба и обязываетъ партію дорожить своей честью. Сказать, что освободительная борьба исключаетъ и замѣняетъ собою возстановленіе чести партіи по меньшей мѣрѣ непослѣдовательно. Противопологать одно другому никакъ невозможно. Изъ этого заявленія „З. К. Б.“ вытекаетъ, что партія „должна реагировать“, не можетъ оставаться равнодушной зрительницей того, какъ „попытка правительства унизить человѣческое достоинство рабочихъ угрожаетъ рабочему движенію“. Прекрасно. Что же предлагаетъ „З. К. Б.“? Предлагаетъ онъ слѣдующее. Такъ какъ „отвѣтъ партіи на насилія правительства можетъ носить только массовой характеръ“, такъ какъ „личную честь могутъ возстановить лишь сами пострадавшие“, то „партія только обязана настолько революціонизировать своихъ членовъ, чтобы они въ случаѣ чего сумѣли сами постоять за свою честь“. Значитъ, ближайшая задача партіи революціонизировать своихъ членовъ настолько, чтобы они: 1) не оставляли безнаказанными надѣвательства надъ ихъ личностью и 2) чтобы они были готовы выступить съ массовымъ отвѣтомъ.

Какъ и чѣмъ мы можемъ революціонизировать массу?

Русское правительство уже цѣлыми вѣсками подавляетъ всѣми силами всякую искорку протеста, всякую тѣнь чувства человѣческаго достоинства въ русской рабочей массѣ, и въ ре

зультатъ получилось, что масса въ цѣломъ, за исключеніемъ очень малаго количества революціонеровъ, представляетъ собою самую робкую, забитую и темную часть русскаго общества. Насилія правительства, что волной разошлись по всей Россіи, должны были несомнѣнно еще больше пришибить русскую массу. Вопреки увѣреніямъ „З. К. Б.“, что опозорены только сѣченые, — этотъ позоръ давить на всю сознательную часть русской массы, а безсознательная часть чувствуетъ страхъ предъ розгой и, такимъ образомъ, въ російской рабочей массѣ господствуетъ теперь сильнѣйшій упадокъ духа и деморализація. Казалось бы, что для успѣшнаго революціонизировація массы, необходимо, прежде всего, поднять упавшій духъ массы, влить бодрость въ истерзанныя или налуганные души этой массы; показать ей фактами, поступками, примѣромъ, что не всегда „торжествующая свинья“ — самодержавіе — ѣсть правду и проливаетъ кровь борцовъ за правду, что партія беретъ на себя смѣлую защиту замученной правды и не даетъ безнаказанно издѣваться надъ нею. Инициатива партіи ничуть, конечно, не исключаетъ инициативы членовъ партіи. Эта работа партіи — выступленіе въ качествѣ защитницы поруганнаго человѣческаго достоинства — первый шагъ къ революціонизироваію массы и расчищаетъ путь къ дальнѣйшему ея революціонизированію.

Правительство начинаетъ теперь новую систему — систему обезпеченія борющейся массы, и если руководители ея не желаютъ порвать нравственную связь между собой и этой массой, то они не могутъ пройти мимо этой системы и должны быть въ первыхъ рядахъ борцовъ мстителей за поруганную честь членовъ партіи, иначе масса можетъ отречься отъ своихъ руководителей, и тогда дѣло революціонизироваія массы несомнѣнно сильно пострадаетъ. Масса въ своемъ настоящемъ угнетенномъ состояніи менѣе, чѣмъ когда-либо, способна выступить съ массовымъ отвѣтомъ и, такимъ образомъ, совѣтъ „З. К. Б.“ также остается безплоднымъ.

Вспомнимъ вообще, какъ теперь обстоятъ дѣла въ Россіи съ массовымъ отвѣтомъ. Звать людей на демонстрацію, которая, скорѣе всего, послужитъ „прологомъ къ новой поркѣ“, звать ихъ покорно подставлять свои спины подъ нагайки — въ революціонномъ мірѣ теперь считается невозможнымъ. Остается вооруженная демонстрація, но вооруженная демонстрація въ большинствѣ случаевъ пока невозможна по многимъ причинамъ: это слишкомъ серьезный шагъ, это начало революціи и въ Россіи вообще, и въ нашихъ городахъ въ частности, мы еще не въ силахъ и часто не вправѣ выступить съ вооруженной демонстраціей. Все это не можетъ не быть неизвѣстнымъ „З. К. Б.“, и если онъ все-таки отвѣчаетъ на терзающій насъ вопросъ безплодными фразами о массовомъ протестѣ, который очень желателенъ, но сейчасъ не возможенъ, въ то время,

когда мы должны теперь, сейчас смыть съ насъ позорное пятно, то это снова и снова доказываетъ полную оторванность „З. К. Б.“, полное нежеланіе и неумѣіе проникнуться нашей болью и осуждаетъ его на разрывъ съ борющейся массой.

Въ заключеніе такъ и просятся негодующія слова изъ некролога Гирша Лекерта въ № 7-мъ „Революціонной Россіи“, а именно: „Нашлись организаціи, которыя восторженно привѣтствовали ихъ смѣлое дѣло, когда оно было совершено. Но не нашлось организаціи, которая бы обезпечила ихъ попыткѣ успѣхъ. Если Лекертъ идетъ умирать за нашу поруганную честь, то не одними же аплодисментами мы должны откликнуться на его подвигъ. Мы не можемъ покидать безъ поддержки нашихъ передовыхъ борцовъ... Они гибнутъ за насъ и нашъ нравственный долгъ предъ ними будетъ преступно забыть, если мы останемся только пассивными зрителями ихъ гибели. Если намъ нужны такіе самоотверженные поступки, какъ покушеніе Лекерта, то нашъ нравственный долгъ — организованной поддержкой гарантировать имъ всѣ шансы на удачу, которая можетъ быть только счастливой случайностью въ борьбѣ неорганизованной, въ борьбѣ партизанской“.

Р. С. Въ своемъ рабскомъ подражаніи газетѣ „Искрѣ“, „З. К. Б.“ превзошелъ своего учителя, давно уже обезсмертившаго себя своими гнусными нападками на партію социалистовъ-революціонеровъ. И вотъ, сгорая желаніемъ подражать доблестнымъ подвигамъ „Искры“, „З. К. Б.“ позволилъ себѣ возмутительную выходку по отношенію къ партіи соц.-рев., называя, между прочимъ, ихъ дѣятельность: „игрой въ терроръ съ театральными эффектами“. Достаточно привести этотъ одинъ изъ перловъ полемики „З. К. Б.“, чтобы получить понятіе обо всемъ написанномъ по этому поводу.

(Ноябрь 1902 г.)

Минчанка (Ф. Фрумкина).

II. Письмо къ В. Л. Бурцеву.

2-го марта (1907 г.).

Дорогой товарищъ!

Пользуюсь случаемъ обстоятельно отвѣтить на ваше письмо. Большое спасибо за присылку вашего журнала. Когда я разъ замѣтила въ газетахъ объявленіе объ изданіи вашего журнала, — я страшно обрадовалась и сейчасъ же написала въ родную редакцію. Вы исполнили мою просьбу — и много скучныхъ тюремныхъ дней провела я за чтеніемъ дорогого для меня журнала. По прочтеніи, я свои книжки отсыдала въ Акатуй и тамъ ихъ очень усердно читали и читаютъ.

Съ N и другими „стариками“ я встрѣчаюсь; къ вашему плану они отнеслись далеко не сочувственно. Всѣ заняты своими равными дѣлами и всѣхъ гнететъ настоящее положеніе Россіи, и теперь, по выраженію N., „не время раскапывать старое“. Я съ ними не согласна. Это „старое“ слишкомъ дорого и важно для насъ и для будущихъ поколѣній, чтобы его можно было игнорировать. Надо, по моему, сдѣлать все возможное, чтобы оно ожило въ вашихъ изданіяхъ.

Вспоминаются мнѣ девяностые годы. Вся Россія наводнена исключительно социаль-демократическими брошюрами и нигдѣ ни одного слова о славномъ и глубоко-интересномъ прошломъ. На мой вопросъ — почему въ транспортахъ не присылаютъ „Подпольную Россію“, „Андрей Кожуховъ“ и т. п. — мнѣ развѣтили: „намъ повѣія не нужна“. Рабочіе и молодежь не воспитывалась при свѣтѣ могучихъ, яркихъ дѣлъ и подвижнической жизни и смерти героевъ „Народной Воли“. Передъ ними не открывались широкіе горизонты жизненныхъ и подходящихъ къ русскимъ условіямъ — программы и тактики предшественниковъ. Всюду замѣчалось полнѣйшее незнакомство съ исторіей русскаго революціоннаго движенія, почему такъ легко принимались на вѣру лживыя, искаженныя толкованія этой знаменательной для послѣдующаго движенія — исторіи. Какъ слѣпые и глухіе жили люди подъ гипнозомъ социаль-демократической догмы и не понимали и не видѣли настоящую Россію. И меркли, и гасли лучшія стороны человеческой души.

Только и свѣту въ окошкѣ видѣли, что въ бесѣдахъ съ рабочими о рабочемъ днѣ и заработной платѣ и надолго залѣзли въ трясины „экономизма“. Когда самодержавіе вынудило социаль-демократовъ заговорить о политической борьбѣ, то были только слова, слова и слова, фразы для украшенія соц.-дем. литературы, но фразы безъ всякаго содержанія.

Ну, я увлекаюсь и затронула слишкомъ обширную тему. Итакъ, по моему, исторія русскаго революціоннаго движенія представляетъ собою величайшую цѣнность и имѣетъ громадное нравственное и воспитательное значеніе для многихъ и многихъ поколѣній русскихъ борцовъ.

Теперь вы поймете, съ какой готовностью я постараюсь исполнить ваше порученіе. Въ Акатуй я послала вопросный листокъ и просила Гершуни, чтобы отвѣты были составлены подъ его руководствомъ. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ Акатуй также прибыли наши каторжанки: Марія Спиридонова, Измайловичъ, Анастасія Быценко, Лидія Езерская, Школьникъ и Фіалка. Маруся очень больна. Если вамъ нужны подробности объ Акатуѣ и его обитателяхъ, — пишите, и я сообщу. Можете также писать непосредственно въ Акатуй, хотя бы по слѣдующему адресу: Александровскій заводъ, Акатуевская тюрьма, Лидіи Павловнѣ Езерской.

Писать статью о себѣ и о своемъ дѣлѣ — я считаю совершенно излишнимъ. Когда меня привезли изъ Петропавловской крѣпости въ Бутырки — я оттуда послала въ редакцію „Революціонной Россіи“ всѣ подробности о моемъ дѣлѣ, что и было напечатано (съ нѣкоторыми пропусками), въ номерѣ отъ 1-го января 1904 г. По моему, — это вполне достаточно и незачѣмъ снова печатать о неважномъ покушеніи и о рядовомъ революціонерѣ. Вы не можете не согласиться со мною.

Я рѣшила вамъ написать, но не статью о своемъ дѣлѣ, а о томъ, что мучить меня, чѣмъ я вся поглощена и обратиться къ вамъ, какъ къ старому товарищу, за помощь.

Чтобы не вводить васъ въ заблужденіе, надо, прежде всего, сознаться, что я очень мало работала. Если прибавить къ этому, что, кромѣ революціонной работы, для меня ничего не существуетъ, то вамъ нѣсколько выяснится весь трагизмъ моей жизни. Жажда работы и бесплодно прожитая жизнь — что можетъ быть ужаснѣе? Почему такъ неудачно сложилась моя жизнь — слишкомъ долго рассказывать; были всякія причины, но больше всего я, конечно, сама виновата. Революціонное воспитаніе я получила въ социаль-демократическомъ „Бундѣ“, но полное счастье мнѣ дало знакомство съ литературой „Народной Воли“, гдѣ я нашла именно то, что мнѣ было нужно.

При чтеніи Кеннана и т. п. книгъ о гибели и мукахъ русскихъ революціонеровъ, во мнѣ поднималась такая мучительная боль за нихъ, что только мысль о мести и о самой яркой непосредственной борьбѣ съ насильниками — могла меня нѣсколько успокоить. Когда я читала книгу Степняка, какъ Андрей Кожуховъ при видѣ товарищей (передъ ихъ казнью), весь былъ охваченъ однимъ чувствомъ, однимъ желаніемъ — быть на эшафотѣ вмѣстѣ съ ними — я то же самое переживала и понимала тогда разъ навсегда, что большаго счастья, болѣе почетнаго — нѣтъ на свѣтѣ.

Они всѣ были мои святые, ихъ дѣло я считала самымъ желаннымъ и дорогимъ для себя, и самымъ нужнымъ и необходимымъ для Россіи. Съ такими думами и чувствами я уже не могла жить и работать въ рамкахъ социаль-демократической программы; самостоятельно же пойти по новому пути — не хватило силъ и умѣнія; — и такъ я металась и мучилась цѣлые годы.

Послѣ своего освобожденія, по первому бундовскому дѣлу, я узнала, что въ одномъ мѣстѣ образовалась довольно значительная группа съ родственными мнѣ взглядами и намѣреніями. Я поехала туда для того, чтобы сойтись и работать вмѣстѣ. Я указала на то громадное значеніе, какое имѣютъ въ Россіи террористическіе акты и предложила себя для такого дѣла. По нѣкоторымъ причинамъ мое предложеніе было отклонено. Тогда я рѣшила заняться временно типографіей, такъ какъ

меня всегда мучило, что въ Россіи, кромѣ соц.-демократическихъ изданій, нѣтъ ничего, и въ моментъ зарожденія новаго теченія или возрожденія стараго, — я находила самымъ важнымъ — широкое распространеніе литературы желательнаго направленія.

Тутъ тоже пошли неудачи за неудачами: провалы всякіе и т. д. Опять прошло безплодно много времени. Наконецъ, я очутилась въ Кіевѣ. Предварительно пережили одну изъ мучительнѣйшихъ неудачъ. Послѣ порки фонъ-Валемъ виленскихъ демонстрантовъ, минскій жандармскій полковникъ Васильевъ (усердный послѣдователь Зубатова и одинъ изъ организаторовъ „независимой партіи“) продѣлалъ то же самое надъ минскими демонстрантами. Я рѣшила убить его, ухлопала нѣсколько мѣсяцевъ на это дѣло, и меня заставили отказаться отъ него.

Надо вамъ сказать, что я считаю очень важнымъ и нужнымъ всякую революціонную работу, но меня лично сильно влечетъ и влекло всегда къ выполненію террористическаго акта. Думала и думаю только объ этомъ, рвалась и рвусь только къ этому и совладать съ собою не могу. Пыталась я взяться въ Кіевѣ за что-нибудь другое, но было мало толку, и я, въ концѣ концовъ, пришла къ такому заключенію, что незачѣмъ насиловать себя: надо итти туда, куда зоветъ чувство, убѣжденіе, совѣсть. Весь день и весь вечеръ наканунѣ моего послѣдняго ареста я провела съ Z. и впервые высказала ей все, что у меня было на душѣ.

Пришла я съ готовымъ планомъ. Чѣмъ прославился Шуваловъ въ Одессѣ вы, вѣроятно, знаете; знаете также, что по его приказанію произошло въ одесской тюрьмѣ чудовищное избиеніе заключенныхъ, за что одесская группа соц.-революціонеровъ обѣщала (въ специальномъ листкѣ) убить его. Послѣ того прошло полгода и меня мучило, что Шуваловъ остался безнаказаннымъ и еще больше, — что соц.-революціонеры не исполнили своего обѣщанія. Я задумала поѣхать въ Одессу, пойти къ Шувалову, какъ къ градоначальнику, съ какимъ-нибудь прошеніемъ и застрѣлить его. Меня очень огорчало, что акты „Б. О.“ такъ рѣдки, и потому мнѣ хотѣлось выступить хотя бы отъ имени партіи, и мнѣ нужна была санкція.

Z. одобрила мой планъ. Я бы сейчасъ же поѣхала въ Одессу, но я должна была до отъѣзда сдать со своей квартиры типографію. Въ ту же ночь меня арестовали.

Всего не скажешь въ письмѣ; однако, изъ этихъ краткихъ, отрывочныхъ свѣдѣній вы можете составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ нелѣпо прошла моя жизнь.

О покушеніи на Новицкаго вы можете прочесть въ вышеуказанномъ номерѣ „Революціонной Россіи“. Послѣ покушенія я осталась въ рукахъ Новицкаго, и онъ подло отомстилъ мнѣ. Въ кіевской военной крѣпости, куда меня посадили послѣ покушенія, я подвергалась нѣсколько разъ ужасному надругательству: жандармы силой до нага раздѣвали и обыскивали

меня. Все пережитое въ этой крѣпости сильно надорвало мое здоровье. Въ Бутыркахъ я провела изъ-за войны полтора года. Тамъ началась моя „каторга“. Начальникъ Мещнеръ говорилъ мнѣ, какъ лишенной правъ каторжанкѣ, „ты“, — и на этой почвѣ у насъ съ нимъ происходила вѣчная война. Постѣ всевозможныхъ исторій, я нашла, что въ моемъ лицѣ онъ оскорбляетъ человѣка и революціонера, и поэтому нельзя ограничиться только рѣзкими словами, которыя гложуть въ тюремныхъ стѣнахъ, а надо попытаться убить его. За убійство или покушеніе на убійство тюремнаго начальника меня бы судили, а мнѣ только и нуженъ былъ судъ, чтобы вынести на свѣтъ Божій всѣ тюремные ужасы и доказать, что русскаго революціонера нельзя оскорблять безнаказанно. И это мнѣ не удалось. И вотъ, я очутилась въ вагонѣ съ горькимъ сознаниемъ, что меня увозятъ далеко, и я ужъ никогда не отомщу за перенесенныя обиды. Я долго примириться не могла съ этой мыслью, забыть не могла. Последняя неудача меня совсѣмъ доканала и въ каторгу я пріѣхала полумертвой. Въ Зерентуѣ я застала двухъ товарищей: мужа и жену Ройзмановъ („романовцы“). Катя Ройзманъ, какъ самая нѣжная, любящая мать ухаживала за мною. Любовь и ласки товарищей и захватывающія вѣсти изъ Россіи оживили меня. Видите ли, мы только находимся въ какомъ-нибудь Зерентуѣ; а живемъ мы Россіей — и только Россіей. И далекую, недоступную Россію любишь какой-то особенной любовью и тоскуешь по ней, какъ по живому существу.

Лихорадочно, бывало, ждемъ почту, окружаемъ себя газетами и жадно поглощаемъ всѣ скорбныя и радостныя вѣсти изъ несчастной и великой нашей родины. Напряженно мы слѣдили за грандіозной борьбой, развертывающейся по всей Россіи, и еще вмѣстѣ породовались манифесту. Затѣмъ товарищи уѣхали (вы, конечно, знаете, что всѣ романовцы были возстановлены въ правахъ и освобождены), и я осталась одна.

Почта долго не приходила. Наконецъ, пришла, и я узнала, какое страшное горе разошлось въ Россіи, какія чудовищныя преступленія опозорили ее. Я металась по тюремной камерѣ и переживала Томскъ, Тверь, Минскъ, Одессу, Кіевъ и все кровавое кошмарно-страшное, что происходило тогда. Потомъ еще Спиридонова, Москва и казни, казни безъ конца. Трудно передать, какъ я терзалась, какъ рвалась отмстить...

Я выжила тогда и живу до сихъ поръ только благодаря надеждѣ, что я свою жизнь отдамъ за жизнь одного изъ этихъ прославленныхъ палачей. Безъ этой надежды—увѣренности я бы убила себя. *)

Крѣпко жму вамъ руку
Ваша Фр. Фрумкина.

*) Конѣцъ письма мы, по нѣкоторымъ причинамъ, не считаемъ возможнымъ привести. Ред.

Изъ прошлаго партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Отъ редакціи. Подъ обнимъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ мы намѣрены помѣщать всякаго рода матеріалы, документы, замѣтки и воспомнанія, относящіяся къ дѣятельности названной партіи. На этотъ разъ мы заимствуемъ изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ за 1898 и 1899 гг.“ данныя о первыхъ группахъ соціалистовъ-революціонеровъ въ Петербургѣ и Кіевѣ, и помѣщаемъ нѣсколько выдержекъ изъ „Царскаго Листка“, дополняющихъ данныя жандармскаго дознанія.

Само собою разумѣется, что ко всѣмъ этимъ продуктамъ полицейскаго творчества слѣдуетъ относиться съ надлежащей осторожностью.

Со временемъ мы надѣемся познакомить читателей съ дѣятельностью Петербургской и Кіевской группъ по воспомнаніямъ ихъ участниковъ.

I. Петербургская группа соц.-революціонеровъ.*)

Въ началѣ 1898 г. въ Петербургѣ былъ обнаруженъ тайный кружокъ, возникшій по программѣ „народовольцевъ“ и присвоившій себѣ наименованіе „группы соціалистовъ-революціонеровъ“.

Организація эта, стремясь къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя, для болѣе широкой пропаганды революціонныхъ идей въ интеллигентныхъ классахъ, намѣревалась приступить къ изданію подпольной газеты „Рабочій Вѣстникъ“ и отпечатать брошюру, заключающую въ себѣ воспомнанія государственнаго преступника о пребываніи въ Шлиссельбургской крѣпости; съ этою цѣлью „группа“ озабочивалась устройствомъ тайной типографіи. Въ то же время члены ея включали въ программу своей дѣятельности противоправительственную пропаганду среди рабочаго населенія и учащейся молодежи столицы путемъ устныхъ бесѣдъ и широкаго распространенія нелегальной литературы.

*) Первая попытка образованія группы соц.-рев. въ Петербургѣ относится еще къ осени 1896 г., когда, послѣ разгрома послѣдней «Группы Народовольцевъ» (дѣло латинской типографіи), участвовавшіе члены этой группы вмѣстѣ съ нѣсколькими новыми лицами обсуждали вопросъ о продолженіи революціонной дѣятельности въ духѣ партіи «Народной Воли». Но окончателно новая организація возникла позднѣе — лѣтомъ 1897 г. и въ первоначальномъ своемъ составѣ просуществовала до марта 1898 г., когда большинство членовъ ея было арестовано. Ред.

Однако, принятія своевременно мѣры дали возможность произвести аресты участниковъ кружка въ тотъ именно періодъ ихъ дѣятельности, когда они были заняты еще изготовленіемъ статей для „Рабочаго Вѣстника“, пріисканіемъ составныхъ частей типографіи и установленіемъ связей съ лицами, на услуги коихъ они могли рассчитывать впоследствии.

Къ числу наиболѣе важныхъ членовъ кружка принадлежали: горный инженеръ Владиміръ Вознесенскій, не окончившій курса Петровской земледѣльческой академіи Павелъ Сухановъ, ученый лѣсоводъ Николаѣй Буличъ, служившій въ редакціи газеты „Сибирь“ Андрей Эповъ, слушательница женскаго медицинскаго института Серафима Довгелло, дворянинъ Василій Леоновичъ и студентъ Горнаго Института Михаилъ Мельниковъ.

Кромѣ того, въ составъ группы входилъ еще студентъ СПб. университета Александръ Леоновъ.

Изъ числа этихъ лицъ Вознесенскій, Сухановъ и Леоновичъ ранѣе уже обвинялись въ государственныхъ преступленіяхъ, а Буличъ и Довгелло давно были извѣстны своею политическою неблагонадежностью.

Противоправительственная дѣятельность Вознесенскаго, Булича, Суханова и Эпова выразилась, главнымъ образомъ, въ оставленіи и редактированіи статей преступнаго направленія, предназначавшихся къ помѣщенію въ „Рабочемъ Вѣстникѣ“. По обыску у Суханова былъ обнаруженъ цѣлый рядъ рукописей съ изложеніемъ программъ существующихъ социалистическихъ партій, съ тенденціозно-извращенными свѣдѣніями о положеніи рабочихъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ Россіи, о ходѣ рабочаго движенія въ Имперіи, о лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ за послѣдніе годы, и т. д.

Изъ этихъ рукописей особое вниманіе своимъ крайне революціоннымъ характеромъ обращаютъ на себя составленный Сухановымъ очеркъ, подъ заглавіемъ „Рабочіе и конституція“, рѣзко порицающій отношенія правительства къ рабочимъ и признающій „русскихъ социалистовъ отъ слова о ниспроверженіи царскаго деспотизма перейти къ дѣлу“, и статья неизвѣстнаго автора, съ редакціонными исправленіями Суханова и Эпова, начинающаяся словами: „Тихо и мрачно течетъ наша русская жизнь“. Въ этой послѣдней рукописи проводится параллель между русской и заграничною жизнью и указывается, что въ то время, какъ „на Западѣ кипитъ свободная и упорная борьба за лучшее будущее, у насъ въ Россіи все честное молчитъ, какъ будто сномъ объято, тупымъ холоднымъ сномъ, и столько вокругъ грязи и утара, что лишь сильная буря могла бы прояснить пространство и освѣжить атмосферу“... „При явномъ союзѣ съ богатыми классами“, говорится далѣе, „при помощи войска и чиновниковъ, царскій деспотизмъ можетъ дрогнуть у насъ въ Россіи только съ повтореніемъ упорной

Осуществляя свои замыслы, „группа социалистовъ-революціонеровъ“ широко пользовалась услугами весьма многихъ лицъ, изъ числа коихъ наиболѣе энергичную дѣятельность проявлялъ архитекторъ Владиміръ Курицынъ, состоявшій ближайшимъ помощникомъ Вознесенскаго. По порученію послѣдняго, Курицынъ, съ помощью домашней учительницы Александры Померанцевой*) и художника Николая Цириготти, между прочимъ, воспроизвелъ фотографическимъ способомъ около 400 экземпляровъ упомянутаго выше плана Шлиссельбургской тюрьмы, а также изготовилъ, при содѣйствіи Померанцевой, на пишущей машинѣ нѣсколько нелегальныхъ произведеній, предназначавшихся къ отпечатанію. Кромѣ того, Курицынъ бралъ отъ Вознесенскаго на храненіе приобретаемый Буличемъ и Довгелло типографскій шрифтъ и принадлежавшія Вознесенскому преступныя изданія.

Одновременно съ Курицынымъ, въ дѣлахъ „группы“ принимали участіе: дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Глаголева, мѣщанка Вѣра Хатемкина, сынъ священника Георгій Харизоменовъ, слушательница высшихъ женскихъ курсовъ Валентина Антонова, обвинявшіеся уже въ государственномъ преступленіи дворянинъ Петръ Панкратьевъ**) и крестьянинъ Петръ Гусевъ, служившій въ Департаментѣ Таможенныхъ сборовъ Михаилъ Кутомановъ, слушательницы женскаго медицинскаго института Елизавета Раонъ и Серафима Клитчоглу, дочь купца Елена Иванова и фельдшеръ Алексѣй Бобровъ.

Такъ, Глаголева, Хатемкина и Харизоменовъ, по просьбѣ представителей „группы“, переписывали предназначавшіяся къ изданію противоправительственныя статьи; Антонова предоставляла свою квартиру для конспиративныхъ свиданій между собою членовъ „кружка“ и, имѣя обширныя связи въ революціонной средѣ, устраивала у себя вечеринки, на которыхъ участники группы сближались съ представителями другихъ противоправительственныхъ организацій; Панкратьевъ, по порученію Вознесенскаго, передалъ Курицыну для воспроизведенія планъ Шлиссельбургской крѣпости и доставилъ Вознесенскому изготовленные экземпляры; Гусевъ и Кутомановъ, по мѣрѣ надобности, переносили къ Вознесенскому отъ Курицына хранившіяся у послѣдняго нелегальныя изданія; наконецъ, Раонъ, Клитчоглу***), Иванова и Бобровъ принимали къ себѣ на храненіе принадлежавшіе участникамъ кружка типографскій шрифтъ и произведенія подпольной литературы.

Приведенныя данныя послужили основаніемъ для привлеченія всѣхъ поименованныхъ лицъ къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ.

*) Во время производства дознанія она вступила въ бракъ съ Курицынымъ.

**) Въ настоящее время служить въ департаментѣ полиціи. Ред.

***) По обыску у Клитчоглу найдены 80 экземпляровъ брошюры «Объясненіе новыхъ правъ для рабочихъ» и собственноручная ея замѣтка преступнаго содержанія

II. Кіевская группа социалистовъ-революціонеровъ.

Во время производства весной 1898 года въ С.-Петербургѣ дознанія о „группѣ социалистовъ-революціонеровъ“ были получены указанія на существованіе въ Кіевѣ противоправительственной организаціи подъ тѣмъ же наименованіемъ.

Далѣе выяснено, что кіевская „Группа социалистовъ-революціонеровъ“ возникла въ 1896 году и въ составъ ея вошли лица, не вполнѣ сочувствовавшія дѣятельности „Кіевского Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, въ виду того, что участники послѣдняго оставляютъ, будто бы, безъ должнаго вниманія политическую пропаганду, довольствуясь проведеніемъ въ среду рабочихъ лишь однѣхъ экономическихъ теорій. Вслѣдствіе сего, задачи кружка „социалистовъ-революціонеровъ“ сводились, главнымъ образомъ, къ пропагандѣ въ рабочей массѣ идеи борьбы съ самодержавнымъ правительствомъ за политическую свободу.

Центромъ кружка являлся проживавшій въ Кіевѣ частный землемѣръ Иванъ Дьяковъ, привлекавшійся уже ранѣе къ политическому дознанію, къ числу же членовъ организаціи принадлежали студенты университета Св. Владимира: Петръ Красовскій, Василій Петровъ, Василій Виноградовъ, Адамъ Краевскій и Александръ Огарковъ.

Преслѣдуя означенную выше цѣль, Дьяковъ сблизался съ рабочими, организовалъ среди нихъ кружки и устраивалъ за городомъ, въ Кадетской рошѣ, многочисленныя сходки, на которыхъ знакомилъ собиравшихся рабочихъ съ содержаніемъ революціонныхъ сочиненій. Въ преступной пропагандѣ среди рабочихъ участвовалъ вольнослушатель СПб. университета Александръ Леоновъ, руководившій кружкомъ рабочихъ, съ которыми Леонова познакомилъ привлекавшійся къ дѣлу о „Кіевскомъ союзѣ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ мѣщанинъ Григорій Рудерманъ.

„Группа социалистовъ-революціонеровъ“ поддерживала постоянныя сношенія съ противоправительственными организаціями Одессы, Курска и Петербурга. Въ концѣ 1897 года въ Петербургъ пріѣзжалъ Адамъ Краевскій и видѣлся съ принадлежавшимъ къ Петербургской „Группѣ социалистовъ-революціонеровъ“ горнымъ инженеромъ Владиміромъ Вознесенскимъ, съ цѣлью получить отъ него и доставить въ Кіевъ нелегальную литературу, въ февралѣ же 1898 года въ Петербургъ былъ командированъ Василій Петровъ, который имѣлъ свиданіе съ обвинявшимся по тому же дѣлу дѣловодомъ Николаемъ Буlichemъ.

Наблюденіемъ за Дьяковымъ въ г. Кіевѣ было, между прочимъ, замѣчено, что онъ, при чрезвычайно конспиративной обстановкѣ, посѣщаетъ служащаго въ мастерскихъ Ю.-з. ж. д. Карла Каснера, у котораго по вечерамъ собираются рабочіе.

При обыскѣ у Каснера, выбывшаго въ 1897 году въ Варшаву, обнаружено письмо привлеченнаго къ дознанію о „Кіевскомъ союзѣ“ рабочаго Ивана Колесника, свидѣтельствующее о томъ, что Каснеръ былъ однимъ изъ видныхъ руководителей происходившаго въ кіевскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ броженія рабочихъ.

Въ виду изложеннаго, при Кіевскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи возникло дознаніе, къ коему въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены поименованные выше члены кіевской „группы социалистовъ-революціонеровъ“, а также названный Каснеръ, причѣмъ на допросахъ всѣ эти лица голословно отрицали достовѣрность уличающихъ ихъ данныхъ.*)

При производствѣ дальнѣйшаго разслѣдованія по настоящему дѣлу были получены агентурныя свѣдѣнія о принадлежности къ кіевскому кружку „социалистовъ-революціонеровъ“: чиновника кіевской контрольной палаты Алексѣя Іосифова, сына купца Валентина Фомина, студентовъ университета Св. Владимира Дмитрія Тихомірова и Антона Голубца (онъ же Голубчикъ), акушерки Этли Силинской и домашней учительницы Рохли Залкиндъ. По обыскамъ у Іосифова и Голубца обнаружено нѣсколько нелегальныхъ брошюръ, у Залкиндъ найдены № 5 кіевской подпольной газеты „Впередъ“, а въ квартирѣ Силинской оказались двѣ нелегальныхъ статьи по рабочему вопросу. Кромѣ того, у Іосифова отобраны двѣ рукописныхъ прокламаціи къ рабочимъ, противоположительственнаго содержанія.

Въ то же время дознаніемъ выяснено, что Іосифовъ, Фоминонъ, Тихоміровъ, Голубецъ и Залкиндъ вели непосредственную пропаганду революціонныхъ идей среди фабричнаго населенія Кіева, для чего посѣщали рабочихъ: привлеченнаго къ дознанію о „Кіевскомъ комитетѣ россійской социаль-демократической рабочей партіи“ Евгенія Рубашевского, Фавста Остапчука, Петра Петрова и братьевъ Петра и Франца Соловецкихъ. Въ означенной пропагандѣ, вмѣстѣ съ названными лицами, также принимали участіе: дочь подполковника Лидія Катаурова, которая посѣщала Рубашевского и должна была замѣнить Тихомірова послѣ отъѣзда его изъ Кіева, и массажистка Хайна Рисбергъ, устраивавшая въ своей квартирѣ платныя вечеринки для рабочихъ, въ видахъ пріобрѣтенія денежныхъ средствъ на нужды агитаціи.

Въ мартѣ 1899 года, по инициативѣ Іосифова и Силинской, члены „группы“ устроили для печатанія подпольныхъ сочиненій тайную типографію въ квартирѣ сына отставнаго штабс-капитана Леонида Кипкина. Изъ объясненій послѣдняго усматривается, что онъ, постоянно живя въ г. Курскѣ, весной 1898 года познакомился тамъ съ состоявшимъ тамъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи за государственное преступленіе, быв-

*) Александръ Леоновъ привлеченъ къ дознанію въ С.-Петербургѣ.

шимъ студентомъ Киевскаго университета Антониномъ Кокоринимъ, который въ началѣ 1899 года, зная стѣсненное матеріальное положеніе Кишкина, предложилъ ему занятіе въ Кіевѣ. По прїѣздѣ Кишкина въ Кіевъ, Кокоринъ познакомилъ его съ Силинской, которая предложила ему у себя квартиру, гдѣ вскорѣ была устроена тайная типографія. Станокъ-прессъ былъ изготовленъ изъ дерева, по просьбѣ Іосифова, названнымъ выше Фавстомъ Остапчукомъ, а шрифтъ доставили Кишкинъ съ Силинской изъ квартиры акушерки Рыси (Розаліи) Мейдманъ.

Желая отвлечь вниманіе полиціи, Кишкинъ сносился по дѣламъ типографіи съ Іосифовымъ и Силинской чрезъ посредство гражданскаго инженера Александра Вербицкаго, какъ лица свободнаго отъ всякихъ подозрѣній, и въ началѣ апрѣля 1899 г. получилъ чрезъ послѣдняго отъ Іосифова, для напечатанія, оригиналъ прокламаціи къ рабочимъ противоправительственнаго содержанія. Воззваніе это печаталъ типографскій рабочій Юліанъ Волковъ, но, вслѣдствіе недостатковъ станка, работа не удалась, и оттиски вышли не разборчивыми. Тогда рѣшено было типографію уничтожить, и Кишкинъ долженъ былъ уѣхать обратно въ Курскъ, но 13 апрѣля она была обнаружена полиціей и Кишкинъ, вмѣстѣ съ другими поименованными лицами, подвергся задержанію.

III. Изъ предательскихъ показаній А. Леонова.*)

21-го минувшаго февраля, въ Петербургѣ арестованы и привлечены къ дознанію студенты СПб. университета. Николай Завойко-Завильскій, Михаилъ Сумгинъ и Александръ Леоновъ, изобличенные результатами обыска въ гектографированіи преступныхъ изданій къ рабочимъ.

Нынѣ, на допросѣ, Леоновъ, выразивъ раскаяніе въ своей преступной дѣятельности, далъ откровенное показаніе, въ которомъ объяснилъ, что первоначально противоправительственное направленіе возникло въ немъ еще въ 1896 г. въ бытность въ кievскомъ университетѣ, подѣ влияніемъ чтеній нелегальныхъ произведеній, мартовскихъ волненій среди молодежи, а, въ особенности, вслѣдствіе административной высылки въ Уфимскую губернію невѣсты его Ольги Рихардъ, принимавшей участіе въ помянутыхъ волненіяхъ. На пути затѣмъ въ Петербургъ онъ познакомился съ нѣсколькими рабочими, видимо, знакомыми съ нелегальной литературою. Бесѣды съ ними подали ему мысль написать разсказъ противоправительственнаго характера. Затѣмъ, осенью 1897 г., онъ составилъ такого же

*) Въ дополненіе къ предыдущей статьѣ приводимъ три отрывка изъ «Царскаго Листка» за 1898 г. Министръ Вн. Далъ счелъ за долгъ тогда же подѣлиться съ нами предательскими показаніями Леонова!

направленія статью, намѣреваясь впослѣдствіи издать ее тѣмъ или другимъ способомъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ обвиняемый случайно познакомился и сошелся съ бывшимъ слушателемъ университета Василюемъ Леоновичемъ, въ то время уже привлеченнымъ къ дознанію по политическому дѣлу и только что освобожденнымъ изъ-подъ стражи. При свиданіяхъ Леоновичъ поддерживалъ въ немъ нелегальное направленіе, убѣждалъ продолжать дѣло пропаганды, снабжалъ его нелегальными произведеніями, уговаривалъ приступить къ изданію какого-нибудь нелегальнаго сборника и при посредствѣ нѣкоего Черепанова познакомилъ съ рабочими, на квартирѣ которыхъ Леоновъ затѣмъ и устраивалъ чтенія по политической экономіи.

Задавшись цѣлью издавать помянутый сборникъ для рабочихъ, Леоновъ собиралъ отъ послѣднихъ интересующія его свѣдѣнія, составилъ воззваніе къ рабочимъ фабрики Паллиаена отъ имени „соціалистовъ-революціонеровъ“ и, при содѣйствіи товарища своего Завойко-Завильскаго, переписавшаго это воззваніе, отпечаталъ таковое на гектографѣ, сдѣланномъ помянутымъ Завойко-Завильскимъ. Изъ числа изготовленныхъ 150 экземпляровъ, Леоновъ около 50 экземпляровъ передалъ одному рабочему для распространенія, часть уничтожили за негодностью, а остальные отобраны при арестѣ.

Упомянутая въ показаніи Леонова статья, составленная имъ осенью 1897 года, была найдена при обыскѣ въ рукописномъ видѣ, въ формѣ воззванія къ рабочимъ Россіи, подписаннаго „другъ рабочихъ — соціалистъ-революціонеръ“.

Воззваніе это уже не носить, какъ большинство появившихся за послѣднее время прокламацій къ рабочимъ, характера призыва къ экономической борьбѣ рабочаго класса за улучшеніе своего матеріальнаго быта, а представляетъ призывъ къ открытому бунту, возстанію и ниспроверженію существующаго правительства и государственнаго строя. При этомъ указывается рабочимъ, что силой хода всей исторіи рабочій классъ именно призванъ „къ спасенію міра“ и на его долю выпадаетъ задача „обновить и двинуть къ счастью весь человѣческій родъ“. Съ этою цѣлью рабочіе приглашаются свергнуть тяготящее надъ ними ненавистное иго, „напереть и ударить по своему правительству“ и снести съ лица земли представляемую послѣднимъ „темную злобную силу“. Копія означенной рукописи при семъ представляется. („Сводъ“ 98 г. отъ 6 II—9 III, стр. 49—53.)

Привлеченный въ Петербургѣ къ дознанію по обвиненію въ составленіи и распространеніи преступныхъ воззваній, студентъ СПб. университета Александръ Леоновъ, далъ 29 минувшаго апрѣля слѣдующее показаніе:

„Твердо и неуклонно рѣшивъ навсегда покончить со своими

экономическими увлечениями или, правильнее сказать, „игрой въ революцію“, я расскажу чистѣйшую правду всего того печальнаго, хотя и короткаго времени. Знакомство мое съ социалистами-революціонерами началось такимъ образомъ. Въ Кіевѣ, среди знакомыхъ мнѣ товарищей по университету, былъ Петръ Красовскій, отъ котораго въ апрѣлѣ прошлаго года я получилъ впервые прокламацію къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, вслѣдствіе ранѣе высказанной мною просьбы познать меня съ пропагандой среди рабочихъ, такъ какъ дѣломъ этимъ я живо интересовался. Съ Красовскимъ въ то время жилъ студентъ Василій Петровъ, который, какъ мнѣ казалось, также занимался агитированіемъ рабочихъ. Красовскій и Петровъ сначала, видимо, остерегались меня, но впослѣдствіи я узналъ весьма многое изъ ихъ дѣятельности и даже самую исторію образования ихъ кружка. Возникъ этотъ кружокъ во время съѣзда врачей въ Кіевѣ въ 1896 г. Въ то время было гдѣ-то собраніе, состоящее изъ врачей и другихъ лицъ, которые обсуждали положеніе революціоннаго дѣла и, главнымъ образомъ, положеніе рабочаго движенія въ Россіи. Это собраніе, повидимому, было изъ лицъ, не вполне сочувствующихъ дѣятельности „Союза борьбы“, который упрекали въ томъ, что онъ оставляетъ безъ вниманія политическую пропаганду и довольствуется однѣми экономическими теоріями. Но на собраніи были и лица изъ „Союза борьбы“, потому что, мнѣ говорили, что тамъ произошла размолвка. Лица, раздѣлявшія другіе взгляды, вѣроятно, и рѣшили помимо существовавшаго „Союза борьбы“ начать самостоятельную дѣятельность. Изъ послѣдующихъ разговоровъ съ Красовскимъ я вынесъ впечатлѣніе, что новый кружокъ образовался вокругъ кіевскаго землемѣра Дьякова. Съ послѣднимъ познакомилъ меня Петровъ и, оставаясь лѣтомъ въ Кіевѣ, я сталъ часто посѣщать Дьякова, чрезъ котораго постепенно познакомился и съ другими членами кружка, а именно: студентомъ Василіемъ Виноградовымъ и какой-то барышней-еврейкой. Осенью, по возвращеніи Красовскаго и Петрова въ Кіевъ, они также стали бывать на собраніяхъ кружка у Дьякова, а впослѣдствіи, уже въ Петербургѣ, я узналъ отъ пріѣзжавшаго въ Петербургъ Виноградова, что къ означенному кружку принадлежали также студенты Адамъ Краевскій, Огарковъ и Вакаръ. Когда я бывалъ у Дьякова, тамъ говорили о задачахъ кружка „соціалистовъ-революціонеровъ“, причемъ эти задачи сводились къ тому, что интеллигенція должна сблизиться съ рабочими, устраивать кружки, подготавливая „сознательныхъ“ рабочихъ для пропаганды въ рабочей массѣ идеи борьбы рабочаго класса съ правительствомъ за политическую свободу. Въ этомъ направленіи пропаганды политической революціи, кружокъ Дьякова видѣлъ главное отличіе „соціалистовъ-революціонеровъ“ отъ „Союза борьбы“, дѣятельность котораго этотъ кружокъ считалъ недостаточной, такъ какъ она направлялась,

главнымъ образомъ, къ возбужденію борьбы рабочихъ съ хозяевами на почвѣ ихъ экономическихъ интересовъ. Сколько я замѣтилъ, въ кружкѣ Дьякова единодушія не было, такъ, напримѣръ, Красовскій и, впоследствии, Виноградовъ высказывали неудовольствіе на Дьякова за то, что онъ стремится къ главенству въ кружкѣ, такъ что его прозвали даже „генераломъ“. На святкахъ 1897 г. отъ Виноградова я слышалъ, что въ Кіевѣ мѣстная группа „Союза борьбы“, которою руководитъ какой-то интеллигентъ, — „рыжій“ по прозвищу, выпустила къ рабочимъ прокламацію, въ которой также проводилась мысль о необходимости политической борьбы. Появленіе этой прокламаціи было вызвано тѣмъ, что, по словамъ Виноградова, рабочіе стали переходить отъ „Союза“ къ „соціалистамъ-революціонерамъ“, и „Союзъ“ желалъ предупредить это нежелательное для него явленіе.

Моя собственная практическая дѣятельность въ кружкѣ Дьякова выразилась въ противоправительственной пропагандѣ среди рабочихъ, которымъ я два раза въ недѣлю читалъ разныя нелегальныя брошюры, получаемыя отъ Дьякова и одного рабочаго. Занятія продолжались приблизительно 6 недѣль и прекратились вслѣдствіе моего отъѣзда изъ Кіева. Въ августѣ я узналъ отъ Дьякова, что, кромѣ кружковыхъ собраній съ рабочими, предполагается устроить собранія рабочихъ гораздо въ большемъ числѣ для совмѣстныхъ чтеній; при этомъ Дьяковъ предложилъ мнѣ принять участіе въ этихъ собраніяхъ; въ назначенное время я отправился въ Кадетскую роту и засталъ тамъ до 30 рабочихъ, въ числѣ которыхъ двухъ моихъ слушателей. Изъ интеллигентовъ были Дьяковъ и я. На этомъ собраніи читали Дьяковъ и я принесенную Дьяковымъ брошюрку Тува о революціонномъ движеніи, которую Дьяковъ потомъ унесъ съ собою. Болѣе я такихъ собраній не посѣщалъ, но отъ Дьякова и отъ рабочихъ, моихъ слушателей, мнѣ было извѣстно, что бывали и раньше такія же собранія. Отъ рабочихъ же, бывшихъ на томъ собраніи, я слышалъ, что „Союзомъ Борьбы“ устраивались такія же собранія. Когда я собирался осенью 1897 году уѣзжать изъ Кіева, то имѣлъ разговоръ съ Дьяковымъ относительно того, какъ слѣдуетъ вести пропаганду съ точки зрѣнія „соціалистовъ-революціонеровъ“ и слѣдуетъ ли эту пропаганду распространять на крестьянское населеніе; на это Дьяковъ мнѣ отвѣтилъ, что крестьянъ нужно оставить въ сторонѣ, такъ какъ вполне достаточно дѣла предстоитъ съ рабочими. Говоря о дѣятельности кіевскихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“, Дьяковъ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что эта группа имѣетъ сношенія съ Одессой, Курскомъ и Петербургомъ. Когда же я сказалъ ему, что хотѣлъ бы въ Петербургѣ познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ мѣстныхъ соціалистовъ-революціонеровъ, то Дьяковъ назвалъ мнѣ въ качествѣ ~~такихъ~~ горнаго инженера Вознесенскаго и ученаго лѣсовода

Булича, сказавъ, что съ остальными лицами этой группы я могу познакомиться, если встрѣтится къ тому надобность, при посредствѣ Булича и Вознесенскаго; при этомъ Дьяковъ добавилъ, что мнѣ къ Вознесенскому лучше не ходить, такъ какъ за нимъ слѣдятъ, и что можно обратиться прямо къ Буличу, такъ какъ онъ, по выраженію Дьякова, чистый человѣкъ. Давая мнѣ эти указанія, Дьяковъ сказалъ, что Буличъ служитъ въ Главномъ Управленіи сберегательныхъ кассъ, что мнѣ нужно пойти къ Буличу на мѣсто его службы и обратиться къ нему со слѣдующимъ паролемъ: „Вамъ кланяются Иванъ Алексѣевичъ и Николай Павловичъ“. Изъ Кіева я уѣхалъ числа 18 сентября и отправился прямо въ Петербургъ“.

Въ послѣдующихъ показаніяхъ отъ 30-го апрѣля и 1-го мая Леоновъ подробно объяснилъ свою преступную дѣятельность по Петербургу. Изъ этихъ показаній видно, что по прибытіи въ Петербургъ, въ сентябрѣ 1897 года, онъ, согласно указанію Дьякова, немедленно явился къ Буличу съ данною ему явкой и сразу же вступилъ съ нимъ въ конспиративныя сношенія, передавъ Буличу просьбу Дьякова о высылкѣ въ Кіевъ 100 р., повидимому, на нелегальныя изданія, и заявивъ желаніе познакомиться съ рабочими въ цѣляхъ пропаганды. Буличъ обѣщалъ ему содѣйствіе, но посоветовалъ сперва ознакомиться съ Петербургомъ, узнать всѣ проходные дворы и во всякомъ случаѣ поселиться на Петербургской сторонѣ, а не на Васильевскомъ островѣ, гдѣ можно скорѣе попасться. Вскорѣ Леоновъ на одной изъ вечеринокъ познакомился съ бывшимъ студентомъ Леоновичемъ, только что освобожденнымъ изъ тюрьмы по дѣлу тайной народовольческой типографіи. Леоновичъ тогда же заявилъ ему о своей принадлежности къ группѣ „народовольцевъ“, а затѣмъ пришелъ къ Леонову на квартиру вмѣстѣ съ сыномъ коллежскаго ассесора Черепановымъ и сказалъ, что явился отъ имени Булича. Черепановъ познакомилъ обвиняемаго съ рабочими, которымъ онъ читалъ на собраніяхъ нелегальныя брошюры, полученные отъ Леоновича и Булича. Послѣдній, между прочимъ, говорилъ Леоновичу, что пропаганда группы „соціалистовъ-революціонеровъ“ вообще идетъ успѣшно и что занятія ведутся съ сотнею рабочихъ, но что „Союзъ борьбы“ идетъ шире. Числа членовъ группы, однако, Буличъ не указалъ, о Вознесенскомъ же сказалъ, что онъ лично не имѣетъ сношеній съ рабочими и что къ нему ходить нельзя, такъ какъ онъ состоитъ подъ наблюденіемъ. Изъ разговоровъ съ Буличемъ и Леоновичемъ обвиняемый, однако, понялъ, что, кромѣ помянутыхъ лицъ, къ группѣ соціалистовъ-революціонеровъ принадлежатъ также студентъ Мельниковъ и слушательница медицинскаго института Серафима Довгелло. На перваго Буличъ прямо указалъ, какъ на лицо, отъ котораго можно получить все необходимое для пропаганды. Когда впоследствии обвиняемый передалъ Буличу для отпечатанія въ

типографіи воззваніе къ рабочимъ паллизенской фабрики, то, по указанію того же Булича, ходилъ за справками по этому поводу къ Мельникову, который и отвѣтилъ, что воззваніе еще не готово. Оставшіеся и послѣ этого не напечатанной, прокламація была затѣмъ издана обвиняемымъ на гектографѣ при содѣйствіи студента Завойко. Съ Довгелло обвиняемый познакомился у Булича, и затѣмъ въ декабрѣ 1897 года, она давала ему на храненіе свертокъ, въ которомъ помѣщались матеріалы, заготовленные для помѣщенія въ „Рабочемъ Вѣстникѣ“, къ изданію котораго стоялъ близко Буличъ. Одна изъ рукописей, находившихся въ упомянутомъ сверткѣ, была впоследствии набрана типографскимъ шрифтомъ и это обстоятельство свидѣтельствовало, что группа располагаетъ типографіею. Послѣ Рождества 1897 года въ Петербургъ пріѣхалъ членъ кievскаго кружка „соціалистовъ-революціонеровъ“, Адамъ Краевскій, и изъ разговоровъ съ нимъ Леоновъ понялъ, что Краевскій намеренъ былъ взять отъ Вознесенскаго и свезти въ Кіевъ нелегальную литературу, а въ февралѣ пріѣзжалъ изъ Кіева Петровъ и передалъ обвиняемому, что подпольная брошюра „Секретный циркуляръ“ издана не „соціалистами-революціонерами“, а особою группою „рабочихъ-революціонеровъ“, которая совершенно разошлась съ первыми. Петровъ пріѣзжалъ специально къ Буличу, привезъ ему два свертка и имѣлъ съ нимъ какіе-то секретные переговоры.

Буличъ показывалъ обвиняемому гектографированную брошюру „Воспоминанія о Г. А. Лопатинѣ“ эмигранта Лаврова, которая продавалась по 2 рубля на усиленіе средствъ группы „соціалистовъ-революціонеровъ“. Одинъ экземпляръ Леоновъ передалъ Завойко, а отъ послѣдняго получилъ и передалъ Буличу 20 рублей, собранныхъ среди студентовъ въ пользу помянутой группы. Деньги эти ваяла Довгелло. Въ январѣ 1898 года обвиняемый, по просьбѣ Булича, доставилъ послѣднему экземпляръ „Хитрой механики“, которая нужна была, очевидно, для гектографирования и дальнѣйшаго распространенія. Вышеупомянутый Леоновичъ передъ отъѣздомъ, въ 1898 году, изъ Петербурга, рекомендовалъ обвиняемому обращаться за нелегальною литературою къ Валентинѣ Антоновой, совѣтовалъ расширить сношенія съ рабочими и указалъ на служащаго въ редакціи „Сибирь“, Андрея Эпова, который могъ быть въ этомъ полезенъ. Послѣдній обѣщалъ устроить знакомство Леонова съ рабочими, но обѣщанія этого не исполнилъ. („Сводъ“ 1898 г. отъ 20 апрѣля по 15 мая, стр. 149—163.)

„Привлеченный къ дознанію въ СПб. по обвиненію въ составленіи и распространеніи преступныхъ воззваній, студентъ СПб. университета Александръ Леоновъ, давая откровенное показаніе о своей преступной дѣятельности, между прочимъ,

объяснилъ, что знакомство его съ социалистами-революціонерами началось въ Кіевѣ въ минувшемъ году, чрезъ посредство студентовъ мѣстнаго университета Петра Красовскаго и Василя Петрова, близко стоявшихъ къ дѣлу пропаганды среди рабочихъ и принадлежавшихъ къ тайному кружку, группировавшемуся вокругъ землемѣра Ивана Дьякова. Кружокъ этотъ, поставивъ своею задачею сближеніе интеллигенціи съ рабочими и подготовленіе „сознательныхъ“ рабочихъ для пропаганды въ массѣ, считалъ дѣятельность „Сокза борьбы“ недостаточной, такъ какъ она направлялась, главнымъ образомъ, къ возбужденію борьбы рабочихъ съ хозяевами на почвѣ ихъ экономическихъ интересовъ, а не политическихъ. Кружокъ этотъ имѣлъ сношенія съ Одессой, Курскомъ, а также и С.-Петербургомъ чрезъ посредство нынѣ привлеченныхъ къ дознанію въ С.-Петербургѣ горнаго инженера Вознесенскаго и ученаго лѣсовода Булича. Къ этимъ лицамъ послѣ Рождества 1897 года пріѣзжалъ изъ Кіева студентъ университета Адамъ Краевскій за полученіемъ нелегальной литературы и вышеупомянутый Петровъ.

Приведенное показаніе Леонова послужило основаніемъ для возбужденія въ Кіевѣ самостоятельнаго дознанія о кружкѣ „социалистовъ-революціонеровъ“, къ которому, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, привлечено до настоящаго времени 10 человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько студентовъ кіевского университета и трое рабочихъ, избличенныхъ въ распространеніи воззваній отъ „кіевскихъ социалистовъ-революціонеровъ“. („Сводъ“ 1898 г. отъ 24-го іюля по 25 августа, стр. 370—375.)

СЪЪЗДЪ КРЕСТЬЯНЪ 18 ДЕКАБРЯ 1905 г.

Съездъ уполномоченныхъ Саратовскаго Крестьянскаго Союза былъ организованъ партіей социал.-революціонеровъ. Мѣстомъ съезда въ пригласительныхъ повѣсткахъ, разосланныхъ по всѣмъ волостямъ Саратовской губерніи, былъ указанъ г. Саратовъ, въ зданіи фельдшерской школы. По приказанію генералъ-губернатора Максимовича это зданіе было оцѣплено казаками, и въ день съезда они усердно разгоняли нагайками всѣхъ, кто подходилъ къ нему. Въ ближайшихъ переулкахъ организаторами были разставлены свои люди. Тамъ они подбирали крестьянскихъ депутатовъ и направляли ихъ на противоположный берегъ Волги, въ слободу Покровскую, Самарской губерніи, гдѣ на другой день, 18-го декабря, и состоялся этотъ съездъ. На немъ присутствовали, кромѣ организаторовъ съезда, представители партіи соц.-революціонеровъ, также представители Главнаго Комитета и областнаго юго-восточнаго бюро Всер. Кр. Союза.

Въ программу этого съезда, на ряду съ другими вопросами, входилъ также вопросъ о томъ, сохранить ли Сар. Кр. Союзъ по-прежнему свою независимую отъ существующихъ партій организацію, приметъ ли названіе „Крестьянскій Союзъ партій социалистовъ-революціонеровъ“, или примкнетъ къ Всер. Крестьянскому Союзу?

Печатаемая нами здѣсь постановленія этого съезда, по своему содержанию, почти цѣликомъ взяты изъ постановленій ноябрьскаго съезда В. К. С., и заключительная резолюція Саратовскаго крестьянскаго съезда свидѣтельствуютъ, что этотъ вопросъ съездомъ единогласно былъ разрѣшенъ въ пользу виѣспартійной организаціи Всер. Кр. Союза. Это свое рѣшеніе съездъ подтвердилъ и другимъ постановленіемъ, по вопросу о составѣ Губернскаго Комитета Сар. Кр. Союза. Подавляющимъ большинствомъ голосовъ было рѣшено выбрать въ комитетъ членовъ независимыхъ отъ ихъ принадлежности къ той или другой изъ существующихъ революціонныхъ партій. Комитетъ былъ избранъ изъ 12-ти лицъ, членовъ партій — соц.-демократической и соц.-революціонеровъ.

Протоколъ этого съезда не былъ напечатанъ въ виду начавшейся вскорѣ правительственной реакціи. Здѣсь мы печатаемъ, какъ историческій матеріалъ, резолюціи съезда и его манифестъ къ войскамъ и народу.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЪѢЗДА УПОЛНОМОЧЕННЫХЪ САРАТОВСКАГО КРЕСТЬЯНСКАГО СОЮЗА.

1. Частная собственность на землю должна быть уничтожена (50 голосовъ противъ 1).

2. Должны быть отобраны безъ выкупа: земли монастырскія, церковныя, удѣльныя, кабинетскія и государственныя (единогласно).

3. У частныхъ владѣльцевъ земля должна быть отобрана безъ вознагражденія (единогласно).

4. Вся земля должна быть передана безъ всякаго выкупа въ общее уравнительное, справедливое пользованіе всего рабочаго народа безъ наемнаго труда (49 голосовъ противъ 2).

5. Непосредственное распоряженіе землей должно принадлежать самимъ трудящимся земледѣльцамъ, объединеннымъ въ волостныя помѣстныя общины (мелкія земскія единицы). Уравненіе земли между отдѣльными волостными общинами производится уѣздными и губерскими земствами и народнымъ представительнымъ собраніемъ, избранными путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ (50 голосовъ противъ 1).

6. Всѣ лѣса должны остаться во владѣніи всего народа. Верховное право распоряженія ими должно принадлежать народному представительному собранію. Непосредственно завѣдывать мѣстнымъ хозяйствомъ должны земскія учрежденія (единогласно).

7. Земство и государство должны оказывать поддержку трудовымъ крестьянскимъ товариществамъ для развитія общественной, артельной обработки земли и организаціи выгоднаго для крестьянъ сбыта ихъ продуктовъ и покупки нужныхъ имъ товаровъ (единогласно).

8. Не покупать совершенно земли у владѣльцевъ (единогласно).

9. Не брать земли въ аренду (единогласно).

10. Не входить ни въ какія земельные договоры съ владѣльцами (единогласно).

11. Однимъ изъ средствъ борьбы за землю Саратовскій Крестьянскій Союзъ признаетъ общую земледѣльческую забастовку, т. е. отказъ владѣльческимъ хозяйствамъ всѣхъ наименованій въ рабочей силѣ съ цѣлью закрыть ихъ (единогласно).

12. Отказать правительству въ уплатѣ податей, закрыть всѣ винныя лавки и отказаться отъ употребленія вина, чтобы лишить правительство доходовъ отъ винной монополіи (единогласно).

13. Для востановленія правъ чловѣка необходимы: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, свобода собраній, союзовъ, совѣсти, стачекъ, свобода образованія, равноправность національныхъ языковъ, уничтоженіе особыхъ крестьянскихъ законовъ и учрежденій и замѣна ихъ одинаковыми для всѣхъ учрежденіями, основанными на всеобщемъ избирательномъ правѣ (единогласно).

14. Не выбирать ни въ выборщики, ни въ уполномоченные въ Государственную Думу, т. е. бойкотировать ее (единогласно).

15. Считать врагомъ народа всякаго, кто будетъ принимать участіе въ выборахъ въ Государственную Думу (единогласно).

16. Немедленно открыть широкую предвыборную агитацію и выбирать только въ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія (единогласно).

17. Всѣ земскія учрежденія должны быть немедленно преобразованы на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права (единогласно).

18. Чтобы немедленно же уничтожить власть чиновниковъ и дворянъ надъ крестьянскимъ населеніемъ, необходимо: не представлять сельскихъ и волостныхъ приговоровъ на утвержденіе земскихъ начальниковъ, а приводить ихъ въ исполненіе по постановленіямъ сходовъ. Ни по какимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и по судебнымъ, къ земскимъ начальникамъ не обращаться. Не давать земскихъ, волостныхъ и мірскихъ подводъ чиновникамъ и полиціи, не отдавать имъ квартиръ и не посылать къ нимъ сотскихъ, десятскихъ и разсылныхъ лицъ и писарей, и выбрать на ихъ мѣста лицъ, угодныхъ населенію и справедливыхъ. Въ выборахъ этихъ должны участвовать всѣ, проживающіе въ волости отъ 20-ти лѣтняго возраста, безъ различія пола, народности и вѣро:сповѣданія, а не одни только домохозяева. Голосованіе — всеобщее, прямое, равное и закрытое. Отмѣнить всѣ мірскіе и волостные сборы, которые сходы признаютъ для крестьянъ бесполезными. Для охраны общественнаго имущества избрать тѣмъ же порядкомъ, какъ и остальныхъ должностныхъ лицъ, особыхъ уполномоченныхъ. Не давать показаній и свѣдѣній жандармамъ и полиціи по всѣмъ дѣламъ, по дѣламъ же Крестьянскаго Союза, а также по дѣламъ товарищей, борющихся за землю, права и свободу народа, никакимъ властямъ показаній не давать (единогласно).

19. Крестьянскій съѣздъ находитъ необходимымъ крестьянамъ вооружаться для прямой борьбы противъ правительственныхъ насилій и для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, силою оружія, совместно съ городскимъ рабочимъ классомъ, добиться созыва учредительнаго собранія (единогласно).

20. Предложить отъ имени крестьянства солдатамъ возвращаться изъ Манчжуріи съ оружіемъ въ рукахъ и по дорогѣ освобождать арестованныхъ и учредить, гдѣ возможно, временныя правительства (единогласно).

21. Крестьянскій съѣздъ шлетъ горячій привѣтъ великой русской женщинѣ, сразившей генераль-адъютанта Сахарова за его звѣрскія расправы надъ крестьянами (единогласно).

22. Съѣздъ выражаетъ глубокое негодованіе правительству по поводу ареста членовъ бюро Всер. Кр. Союза и всецѣло присоединяется къ манифесту революціонныхъ организацій о бойкотѣ правительственныхъ финансовъ (единогласно).

23. Крестьянскій съѣздъ требуетъ немедленнаго освобожденія, какъ социалистки-революционерки, сразившей Сахарова, такъ и всѣхъ вообще политическихъ заключенныхъ и крестьянъ, сидящихъ за аграрные безпорядки (единогласно).

24. Съѣздъ постановляетъ: войти въ соглашеніе съ революціонными партіями и организаціями для изданія общаго обращенія къ солдатамъ и пригласить сельскія общества и волостные сходы составлять приговоры съ требованіемъ къ солдатамъ, чтобы они отказывались сражаться съ народомъ, подъ страхомъ изгнанія виновниковъ навсегда изъ крестьянской среды (единогласно).

На съѣздѣ участвовали: представители В. К. С., представители партій соц.-революціонеровъ, социаль-демократы и уполномоченные отъ крестьянъ (въ утреннемъ засѣданіи — 51 делегатъ и въ вечернемъ — 59).

Полномочія были даны сельскими сходами и мѣстными крестьянскими союзами. Число уполномочивающихъ голосовъ достигало 10 000.

Съѣздъ призналъ себя губернскимъ и организовался въ Губернскій Крестьянскій Союзъ, принявъ своей программой настоящія постановленія.

Сохраняя эту свою программу, Сар. Кр. Союзъ присоединяется къ Всероссійскому Крестьянскому Союзу.

Избранъ Губернскій Комитетъ изъ 12-ти лицъ.

Согласно 24 пункту постановленій съѣзда, тогда же былъ изданъ слѣдующій „Манифестъ къ Войскамъ и Народу“, подписанный Главнымъ Комитетомъ Всер. Кр. Союза, Саратовскимъ съѣздомъ крестьянъ и всѣми революціонными организаціями г. Саратова.

МАНИФЕСТЪ.

Мы, граждане всея Руси, крестьяне и рабочіе, выборные отъ народа, объявляемъ всѣмъ войскамъ нашей родины, нашимъ дѣтямъ и нашимъ братьямъ, что правительства въ Россіи нѣтъ. 17-го октября рабочій народъ смѣлой борьбой заставилъ царское правительство отдать часть своей власти народу и объявить въ Манифестѣ, что „отнынѣ ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія выборныхъ представителей отъ всего народа“. Но само же правительство явно нарушило и нарушаетъ свой Манифестъ: оно по-прежнему отказывается признавать волю народа, оно по-прежнему продолжаетъ издавать противъ него свои преступные законы, оно объявило войну всему русскому народу: признавъ свободу слова и собраній, оно запрещаетъ газеты и разгоняетъ народныя собранія; признавъ свободу союзовъ, оно заключаетъ въ тюрьмы ихъ членовъ и руководителей; признавъ неприкосновенность личности, оно производитъ массовые аресты, оно избиваетъ, оно разстрѣливаетъ крестьянъ и рабочихъ. И такъ вездѣ и во всемъ. Обманутый народъ снова поднимается на борьбу съ беззаконіемъ правительства, а оно, опираясь на ваши штыки и ваши пушки, тысячами, десятками тысячъ разстрѣливаетъ насъ, сжигаетъ наши жилища, грабитъ наши пожитки. Кровь наша по волѣ шайки преступниковъ, именуемой совѣтомъ министровъ, и по преступной слѣпствѣ вашей, братья-солдаты, льется по всему лицу земли русской. Да не падетъ эта кровь на головы ваши и да не будете вы палачами вскормившаго васъ народа...

Мы привѣтствуемъ и благословляемъ лучшихъ сыновъ нашихъ изъ рядовъ арміи, отказавшихся повиноваться преступной шайкѣ кровопійцы и перешедшихъ на сторону народа... Мы призываемъ настоящимъ Манифестомъ еще не прозрѣвшихъ дѣтей и братьевъ нашихъ покинуть ряды измѣнниковъ народу и встать въ ряды славныхъ борцовъ за народную власть...

Воля народа — законъ.

Мы, выбранные отъ народа, объявляемъ вамъ его волю: отнынѣ вся армія должна прекратить братоубійственное кровопролитіе, должна прекратить братоубійственную борьбу со всемъ народомъ, должна встать въ ряды борцовъ за народную волю.

Кто изъ васъ, братья и дѣти наши, услыша эту нашу волю, преступитъ ее, тотъ пусть больше не знаетъ насъ и пусть не возвращается въ свои семьи. Мы ихъ не примемъ. Мы отъ нихъ отрекаемся.

Да здравствуетъ власть народа! Да здравствуетъ освободительный союзъ гражданъ всея Руси, крестьянъ, рабочихъ и арміи.

Главный Комитетъ Всер. Кр. Союза.
Съѣздъ Всер. Кр. Союза Саратовской губ.
Совѣтъ Раб. Депутатовъ г. Саратова.
Сарат. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.
Сарат. Ком. Партии Соц.-Революціонеровъ

Главный Комитетъ Всер. Кр. Союза, издавая настоящій Манифестъ, призываетъ всѣхъ своихъ членовъ и все крестьянское населеніе теперь же составлять приговоры къ войску, что отнынѣ вся армія должна прекратить братоубійственное кровопролитіе, должна прекратить преступную войну со всемъ народомъ, должна встать въ ряды борцовъ за народную волю.

Главный Ком. Всер. Кр. Союза.

Впослѣдствіи мы познакомимъ читателей съ новымъ матеріаломъ, касающимся исторіи Всеросс. Крест. Союза.

Семень Мазуренко.

Б

СПБ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ
по даннымъ охраннаго отдѣленія.

Секретно.

С.-Петербург. Градоначальника
Отд. по охраненію общ. безопасности
и порядка въ столицѣ
19 ноября 1905 г.
№ 20967.

Начальнику С.-Петербургскаго
Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Во время всеобщей политической забастовки, организованной и возникшей въ октябрѣ сего года по инициативѣ „Союза Союзовъ“, въ столицѣ выступила на сцену новая, весьма серьезная организція, присвоившая себѣ наименованіе „Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“, фактическимъ руководителемъ и вдохновителемъ которой является извѣстный присяжный повѣренный Георгій Степановичъ Носарь, скрывающійся въ столицѣ безъ прописки и въ Совѣтѣ извѣстный подъ псевдонимомъ Хрусталева. Подъ этимъ псевдонимомъ Носарь впервые выступилъ 18-го февраля сего года въ Народномъ Домѣ бр. Нобель во время собранія выборщиковъ въ комиссію Шидловскаго (отношеніе Отдѣленія отъ 19 февраля с. г. за № 3084).

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, являясь организціей безпартиійной, имѣетъ цѣлью объединить дѣйствія столичнаго рабочаго пролетаріата въ его революціонной борьбѣ съ правительствомъ и современнымъ капиталистическимъ строемъ за демократическую республику и социалистическій строй.

Въ составъ Совѣта, число котораго 262 человека, входятъ представители отъ разныхъ организцій и делегаты со всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Предсѣдателемъ Совѣта состоитъ его организаторъ Носарь (Хрусталева), причѣмъ изъ Совѣта выдѣленъ Исполнительный Комитетъ, — фактической вершитель всѣхъ дѣлъ. Въ Исполнительномъ Комитетѣ, состоящемъ изъ 10—15 членовъ, преимущественно интеллигентовъ, прецсѣдательствуетъ тотъ же Носарь.

Хотя октябрская забастовка возникла по инициативѣ „Союза Союзовъ“, но уже и тогда Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ сталъ прояв-

ить свою дѣятельность въ рабочей средѣ. Тогда же появился официальный органъ Совѣта — его „Извѣстія“, печатаемая, какъ извѣстно, въ легальныхъ типографіяхъ съ безмолвнаго согласія однихъ и посредствомъ насильственнаго захвата другихъ. Въ эту забастовку Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ серьезнаго значенія не имѣлъ и руководителемъ забастовки, несомнѣнно, былъ „Союзъ Союзовъ“.

Самостоятельно на арену политической борьбы выступилъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и бросилъ революціонный вызовъ правительству и обществу сего 1-го ноября въ знаменательномъ засѣданіи въ Солянскомъ Городкѣ, гдѣ рѣшено было объявить на слѣдующій день въ столицѣ всеобщую политическую забастовку, какъ протестъ противъ объявленія Привислянскаго края на военномъ положеніи и сужденія обвиняемыхъ въ Кронштадтскихъ беспорядкахъ военно-полевымъ судомъ.

Забастовка состоялась, и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ такимъ образомъ доказалъ, что въ средѣ столичной рабочей массы пользуется громаднымъ авторитетомъ и вліяніемъ.

Во время забастовки состоялся подъ предѣлательствомъ Носаря рядъ засѣданій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ которыхъ обсуждались вопросы, связанные съ забастовкой, современной политической жизнью страны и борьбой съ правительствомъ и капитализмомъ.

Все отчеты о засѣданіяхъ Совѣта напечатаны въ „Извѣстіяхъ“ №№ 5, 6 и 7, выпущенныхъ во время этой забастовки.

На этихъ засѣданіяхъ былъ возбужденъ и обсуждался вопросъ о революціонномъ введеніи 8 часового рабочаго дня на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ и на засѣданіи 6 ноября была вынесена слѣдующая резолюція:

(Слѣдуетъ резолюція о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ.)

Въ виду этой резолюціи съ прекращеніемъ забастовки 7 ноября, рабочіе на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ, подъ давленіемъ делегатовъ, стали вводить 8-ми часовой рабочей день, самовольно уходя съ работъ до свѣтла. Особенно это движеніе отразилось на заводахъ, расположенныхъ по Шиссельбургскому тракту.

Такъ какъ заводчики и фабриканты рѣшили бороться съ самовольнымъ сокращеніемъ рабочаго дня, а рабочіе не уступали, то нѣкоторые фабрики и заводы были закрыты, а рабочимъ объявленъ расчетъ.

12 и 13 ноября состоялись два экстренныхъ засѣданія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ по вопросу о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, на которыхъ вынесена резолюція о необходимости повсемѣстной агитаціи за сокращеніе рабочаго времени. Подробный отчетъ объ этихъ засѣданіяхъ съ резолюціей прилагается.

Въ настоящее время, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ Совѣтъ предлагается обсудить вопросъ о новой забастовкѣ.

Изъ изложеннаго видно, насколько вредна и опасна въ смыслѣ государственномъ дѣятельность Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, главнымъ руководителемъ котораго является вышеназванный Носарь, почему Господинъ Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ выразилъ желаніе о возможно скорѣйшемъ задержаніи его.

Сообщая о вышеизложенномъ Вашему Превосходительству на предметъ возбужденія по настоящему дѣлу формальнаго дознанія, Отдѣленіе проситъ сообщить, что, если вопросъ о привлеченіи Носаря будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, то будетъ указано время и мѣсто, гдѣ можетъ быть арестованъ Носарь.

Начальникъ Отдѣленія

полковникъ Герасимовъ.

И. д. дѣлопр.: М. Красовскій.

Секретно.

С.-Петербург. Градоначальника
Отд. по охраненію общ. безопасности
и порядка въ столицѣ
5 декабря 1905 г.
№ 21761

Начальнику С.-Петербургскаго
Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Послѣ ареста председателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Георгія Степанова Носаря, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ въ засѣданіи 27-го минувшаго ноября выбралъ исполнительное бюро въ лицѣ извѣстнаго писателя социаль-демократа Н. Троцкаго (Яновскаго), рабочаго Обуховскаго завода Петра Злыднева и Введенскаго-Сверчкова, которые коллегіально должны были исполнять обязанности председателя. Такимъ образомъ, дѣятельность Совѣта Рабочихъ Депутатовъ не прекратилась, и въ первомъ же послѣ ареста Носаря засѣданіи Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ постановилъ продолжать подготовку вооруженнаго возстанія съ цѣлью ниспроверженія революціоннымъ путемъ существующаго государственнаго, экономическаго и социальнаго строя въ Россіи.

Для достиженія этой цѣли и подготовки ожидаемой крайними партиями въ скоромъ будущемъ революціи, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и другія организаціи рѣшили подорвать финансовое положеніе въ Имперіи и съ этой цѣлью за своей подписью выпустили объявленіе, озаглавленное „Манифестомъ“, заключающее въ себѣ открытый призывъ къ дѣянію бунтовническому и неповиновенію закону, выразившійся въ призывѣ отказаться отъ взноса выкупныхъ и всѣхъ другихъ казенныхъ платежей. Требовать при всѣхъ сдѣлкахъ, при выдачѣ рабочей платы и жалованья уплаты золотомъ, при суммахъ, меньше пяти рублей, — полновѣсной звонкой монетой. Брать вклады изъ сберегательныхъ кассъ и изъ Государственнаго банка, требуя уплаты всей суммы золотомъ. Не допускать уплаты долговъ по всѣмъ тѣмъ займамъ, которые Царское Правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всѣмъ народомъ.

Этотъ „Манифестъ“ былъ отпечатанъ въ газетахъ: „Сынъ Отече-

ства", „Новая Жизнь“, „Наша Жизнь“, „Свободный Народ“, „Начало“, „Русь“, „Свободное Слово“ и „Русская Газета“, противъ редакторовъ которыхъ возбуждено судебное преслѣдованіе.

3 го сего декабря, вечеромъ, согласно увѣдомленію, полученному Приставомъ I-го участка Нарвской части отъ председателя II Отдѣленія Вольно-Экономическаго Общества, проф. Явейна, въ помѣщеніи названнаго Общества, на углу 4-й роты и Забалканскаго проспекта, должно было состояться засѣданіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, а до этого, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, предполагалось отдѣльное засѣданіе Исполнительнаго Комитета.

Въ виду полученныхъ распоряженій о задержаніи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ 7 час. 20 минутъ вечера въ помѣщеніе Вольно-Экономическаго Общества былъ введенъ нарядъ полиціи и войскъ, причѣмъ въ общемъ залѣ было застигнуто 230 человекъ и въ отдѣльной, такъ называемой „совѣтской комнатѣ“, въ верхнемъ этажѣ, 37 человекъ, засѣдавшихъ за столомъ. Когда былъ замѣченъ приходъ полиціи, одинъ изъ засѣдавшихъ въ „совѣтской комнатѣ“, черезъ окно выходящее въ общій залъ, гдѣ предполагалось засѣданіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, крикнулъ приблизительно слѣдующее: „Товарищи! Исполнительный Комитетъ постановилъ и объявляетъ, чтобы вы не оказывали сопротивленія и не называли себя“. При входѣ полиціи въ „совѣтскую комнату“, гдѣ, какъ выше было сказано, засѣдало 37 лицъ, одинъ изъ нихъ, Н. Троцкій, онъ же Яновскій, вставъ съ мѣста, предложилъ собравшимся не называть себя, заявилъ протестъ противъ насилія и объявилъ „собраніе Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ закрытымъ“.

При послѣдовавшей затѣмъ перенесен задержанныхъ здѣсь лицъ и при личномъ обыскѣ ихъ никто себя не назвалъ, и лишь по разнымъ документамъ установлены слѣдующія лица: врачъ Андрей Юльевъ Фейтъ, дворянинъ Николаѣ Дмитріевъ Авксентьевъ, сынъ купца Юсифъ Гинзбургъ, провизоръ Семень Моисеевъ Клячко, наборщикъ Михаилъ Леонидовъ Киселевичъ, помощникъ контролера Балтійской ж.д. Павелъ Васильевъ Балашевъ, мѣшанинъ Николаѣ Михайловъ Нѣмцовъ, Константинъ Яковлевичъ Мосалевъ, кр. Александръ Никитичъ Плехановъ, Федоръ Флоріановъ Шаняевскій, Василій Ивановъ Зайцевъ, Алекс. Буровъ и Алексѣй Журавлевъ.

Остальные лица не установлены, а судя по примѣтамъ одна изъ трехъ, задержанныхъ въ числѣ членовъ Исполнительнаго Комитета женщинъ, есть извѣстная Вѣра Засуличъ.

При личномъ обыскѣ у некоторыхъ задержанныхъ отобраны разные документы, указанные въ приложенной къ протоколу описи. Затѣмъ, въ комнатѣ, смежной съ „совѣтской“, на шкафу, найдены при обыскѣ 4 конверта съ разными документами, касающимися дѣятельности Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ томъ числѣ протоколъ засѣданія 3-го сего декабря Исполнительнаго Комитета, изъ котораго усматривается, что Исполнительный Комитетъ обсуждалъ вопросъ о возможности немедленнаго вооруженнаго выступленія и всеобщей

забастовки. Тутъ же обнаружена печать съ надписью: „С.-Петербургскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ“.

Въ комнатѣ, гдѣ происходило засѣданіе, собрано много изорванныхъ бумагъ, а подъ шкафами 8 браунинговъ и одинъ револьверъ системы „Смитъ и Вессонъ“, каковое оружіе оставлено для нуждъ Отдѣленія.

Все, застигнутое въ этой комнатѣ, члены Исполнительнаго Комитета арестованы, согласно прилагаемыхъ постановлений.

Сообщая объ изложенномъ, Отдѣленіе препровождаетъ на распоряженіе Вашего Превосходительства:

1. протоколъ, составленный о задержаніи собранія и объ обыскѣ;
2. списокъ задержанныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета;
3. все, отобранное у нихъ по личному обыску и по обыску въ помѣщеніи, гдѣ происходило засѣданіе Исполнительнаго Комитета, и
4. постановленія объ арестѣ (приписка карандашемъ: „будутъ присланы дополнительно“).

Начальникъ Отдѣленія

полковникъ Герасимовъ.

И. д. дѣлопр.: М. Красовскій.

Исторія Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ достаточно извѣстна, и это избавляетъ меня отъ обязанности указывать на извращенія фактовъ, допущенныя охраннымъ отдѣленіемъ въ приводимыхъ документахъ. Напомню только, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ былъ созданъ СІБ. Группой Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи, членъ которой — тов. Зборовскій — предсѣдательствовалъ на двухъ первыхъ собраніяхъ Совѣта.

Дмитрій Сверчковъ.

Газета Департамента Полиции.

6) Изъ 67 № (отъ 8 января 1904 г.)

Въ августъ минувшаго года представители различныхъ организаций „Россійской социаль-демократической рабочей партіи“, въ числѣ 44-хъ лицъ, собрались въ Брюссель на съѣздъ, имѣвшій цѣлью пересмотръ партійной программы, согласованіе дѣятельности всѣхъ группъ названной партіи и преобразование ихъ въ тѣсносочлененное, строго-дисциплинированное сообщество, руководимое „Центральнымъ Комитетомъ“ и „Центральнымъ Органомъ“, которые, въ свою очередь, должны были объединиться „Партійнымъ Совѣтомъ“.

Устройство этого съѣзда было дѣломъ образовавшагося изъ членовъ преступнаго сообщества „Искры“ „Организаціоннаго Комитета“, бюро котораго находилось въ Кіевѣ и который поддерживалъ ближайшія сношенія съ „Кіевскимъ Комитетомъ социаль-демократической рабочей партіи“. Вслѣдствіе этого кіевскіе дѣятели естественно ожидали получить на съѣздѣ преобладаніе.

Между тѣмъ, при выработкѣ партійнаго устава и при выборѣ членовъ въ центральныя партійныя учрежденія, голоса съѣзда раздѣлились, и въ меньшинствѣ, представленномъ двадцатью голосами, оказались бывшіе дѣятели „Организаціоннаго Комитета“.

Неудовлетворенные постановленіями съѣзда, названные дѣятели и единомышленныя съ ними „Кіевскій Комитетъ“ предприняли агитацію, клонившуюся къ тому, чтобы всѣ комитеты „Россійской социаль-демократической рабочей партіи“ выразили недовѣріе избранному на съѣздѣ „Центральному Комитету“. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагался созывъ новаго съѣзда для пересмотра рѣшеній, постановленныхъ въ Брюсселѣ.

Въ противовѣсъ этой агитаціи „Центральный Комитетъ“ разослалъ въ мѣстные комитеты своихъ делегатовъ, изъ коихъ въ ноябрѣ минувшаго года вошли въ наблюденіе одна неуставленная пока личность и дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лидія Христофорова Гоби, пріѣхавшая въ Кіевъ изъ С.-Петербурга и ѣздившая, кромѣ того, въ г.г. Харьковъ и Полтаву.

По сношеніямъ Гоби въ Кіевѣ здѣсь были выяснены лица, занятые подготовкою новаго съѣзда, вслѣдствіе чего, по обследованіи ихъ дѣятельности, было предложено произвести слѣдственныя дѣйствія по настоящему дѣлу.

Во исполненіе сего, въ ночь на 3 января въ г. Кіевѣ были арестованы: массажистка Аснесъ, акушерки Зинаида-Жозефина Бабаева и Анна Крупицкая, студенты Кіевскаго Университета Александръ Богумиль и Сигизмундъ Скибчинскій, студентъ Кіевскаго Политехническаго Института Давидъ Левинъ, фельдшерница Сарра Грин-

гольдъ, Сарра Вишнякъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Париль Дижуръ, жена Коллежскаго Секретаря Анна Елизарова, дочь губернскаго секретаря Юлія Нешеретова, женщина-врачъ Рахиль Ривлина, слушательница акушерскихъ курсовъ Антолина Пльина, Дмитрій Ульяновъ, братъ одного изъ главарей „соціалъ-демократической партіи“, эмигранта Владиміра Ульянова, дворянка Ольга Готфридъ, дочь врача Лидія Шаболовская, Вѣра Лосминская, Крыжановская, бывшій студентъ Харьковскаго Университета Вульфъ Гиршбергъ и его братъ Гиршъ Гиршбергъ, Клара Данюкъ, окончившій Университетъ Цецкъ-Гиршъ Залкиндъ, нелегальный, навававшій себя Савицкимъ и Гутерманъ.

При этомъ у 14 лицъ обнаружены нелегальныя изданія, а у Вульфа Гиршберга, который былъ извѣстенъ, какъ транспортировщикъ нелегальной литературы, у его брата Гирша, у Гутермана и у Ривлиной рукописи весьма серьезнаго конспиративнаго содержанія. Кроме того, у Ривлиной отобрана шифрованная корреспонденція, съ ключомъ къ ней, принадлежащая вышеупомянутой Гоби. Эта корреспонденція въ настоящее время разбирается.

7) Изъ 86 № (отъ 20 мая 1904 г.)

Въ дневникахъ наблюденія и сводкахъ къ таковымъ, представляемыхъ Начальниками Охранныхъ Отдѣленій въ Департаментъ Полиціи на основаніи п. 33 Свода Правиль, выработанныхъ въ развитіе утвержденнаго Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 12-го августа 1902 года Положенія о Начальникахъ Розыскныхъ (Охранныхъ) Отдѣленій, не всегда уместивается должная обработка данныхъ наблюденія и замѣчаются отступленія отъ руководящихъ указаній, которыя содержатся въ п. п. 7—20 инструкціи филерамъ, приложенной къ циркулиру отъ 31 октября 1902 г. за № 6899. Вслѣдствіе сего, нѣкоторые изъ этихъ дневниковъ и сводокъ оказываются несогласными съ образцами таковыхъ, коими Начальники Охранныхъ Отдѣленій снабжены въ Департаментъ Полиціи лично.

Такъ, въ нѣкоторыхъ дневникахъ и притомъ весьма часто не указывается, къ какой именно революціонной группѣ принадлежать наблюдаемые лица. Вошедшія въ сферу наблюденія лица обозначаются иногда только кличками и фамиліями, несмотря на валичность въ Отдѣленіи болѣе подробныхъ о нихъ свѣдѣній. Иногда въ дневникѣ не указывается, кого посѣщаютъ наблюдаемые въ данномъ мѣстѣ, — хотя это и значится по сводкѣ: „мѣста“. Наблюдаемые, о личности коихъ имѣются въ дневникахъ подробныя свѣдѣнія, въ соответствующихъ графахъ сводокъ обозначаются иногда только именами и фамиліями. Кроме того, нѣкоторыми Отдѣленіями представлялись сводки, въ которыхъ большинство лицъ, упомянутыхъ въ дневникѣ, вовсе не значились въ графѣ: „Установка“; между тѣмъ, названная графа должна быть показателемъ всѣхъ выясненныхъ лицъ, поступившихъ въ сферу наблюденія и упомянутыхъ въ данномъ дневникѣ.

Отсутствіе означенныхъ указаній въ дневникахъ и недостатки въ сводкахъ создаютъ значительныя затрудненія при пользованіи ими въ Департаментъ Полиціи, такъ и Жандармскихъ Управленій.

Въ устраненіе сего на будущее время, предлагаю Начальникамъ Охранныхъ Отдѣленій принять къ руководству, при составленіи сказанной отчетности, нижеслѣдующія правила:

А) Дневники.

1. Въ заголовкахъ дневниковъ надлежитъ обязательно указывать, къ какой именно революціонной группѣ принадлежатъ наблюдаемыя лица. Если же въ данномъ дневникѣ, что можетъ быть въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, связаны наблюдениемъ лица различныхъ фракцій, то слѣдуетъ къ дневнику приложить краткій списокъ лицъ, упомянутыхъ въ ономъ, съ обозначеніемъ революціонной группы, къ коей, по мѣющимся въ Отдѣленіи свидѣніямъ, принадлежитъ то или другое лицо.

2. Въ текстѣ дневника лицо, впервые — по его установкѣ — упоминаемое, слѣдуетъ обозначать полностью (фамилію, имя, отчество, лѣта, званіе, кличку, мѣстожительство и занятія).

3. Въ началѣ каждой статьи слѣдуетъ обозначать фамилію, кличку и адресъ лица, за комъ учреждено наблюдение; въ послѣдующемъ же изложеніи этой статьи называть только фамилію, но не кличку. Также слѣдуетъ обозначать и прочихъ лицъ, упоминаемыхъ въ данной статьѣ.

4. Въ каждой статьѣ дневника надлежитъ непременно указывать, кого посѣщаютъ наблюдаемыя лица въ мѣстѣ, названномъ въ данной статьѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ писать: „пошелъ къ такому-то“, но — „пошелъ къ такому-то, въ домъ такой-то“.

5. Если посѣщаемое мѣсто не установлено, то надлежитъ дѣлать объ этомъ помѣтку посредствомъ вопросительнаго знака.

6. Примѣты лицъ, упомянутыхъ впервые въ данной статьѣ, должны быть помѣщены въ концѣ этой статьи.

Б) Сводки.

1. Въ графу „Клички“ слѣдуетъ вносить всѣхъ лицъ, извѣстныхъ подъ таковыми и названными въ данномъ дневникѣ, причемъ клички надлежитъ располагать по алфавиту.

2. Въ графу „Установка“ слѣдуетъ вписывать всѣхъ лицъ, упомянутыхъ въ данномъ дневникѣ, обозначая ихъ фамилію, имя, отчество, лѣта, званіе и занятія; при отсутствіи этихъ данныхъ нужно дѣлать оговорку.

3. Въ графахъ „Кто посѣтилъ“ и „Съ кѣмъ видѣлся“ должно называть кличку и фамилію — если послѣдняя извѣстна.

4. Въ графѣ „Кого посѣтилъ“ слѣдуетъ указывать — квартиру такого-то, въ домѣ такомъ-то.

5. Въ той же графѣ не слѣдуетъ обозначать такихъ мѣстъ, въ которыхъ наблюдаемые бываютъ по обстоятельствамъ, очевидно не имѣющимъ отношенія къ ихъ революціонной дѣятельности.

6. Въ графѣ „Мѣстожительство“ надлежитъ указывать всѣ адреса, по которымъ проживало лицо за отчетный періодъ, съ указаніемъ времени перемѣны адреса.

7. Въ сводку „Мѣста“ слѣдуетъ вписывать всѣ дома, упомянутые въ данномъ дневникѣ, причемъ дома должны быть расположены непременно по порядку номеровъ, или по алфавиту фамилій домовладѣльцевъ.

8. Въ графѣ „Установка“ нужно обозначать лицъ, къ кому относится посѣщеніе, полностью; въ случаѣ же переѣзда таковыхъ въ отчетное время, слѣдуетъ указать, когда и куда они выбыли. Неустановленные мѣста слѣдуетъ отмѣчать въ графѣ „Установка“ вопросительнымъ знакомъ.

Л И Ч Н О Е .

Современно действительно.

ДИРЕКТОРЪ

ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ.

29 Апрель 1904.

21-11-1569/6

I. Въ § 22 свода Правилъ, выработанныхъ въ развѣтѣ утвержденнаго Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 12 Августа 1902 года Подожненія о Начальникахъ Охранныхъ Отдѣленій [циркуляри Департамента Полициа отъ 13 Августа и 21 Октября 1902 г. за № 5200 и 6641] и въ ст. I-й циркулярной записки отъ 11 Сентября 1903 года за № 50, во избѣжаніе непроизводительной траты служебнаго времени наблюдательныхъ агентовъ и непроизводительнаго расходованія денежныхъ средствъ, было разъяснено, что сопровождать наблюденіемъ въ иногороднихъ поѣздкахъ слѣдуетъ только лишь а) въ отношеніи коихъ имѣются спеціальныя на этотъ предметъ распоряженія Департамента Полициа; б) заѣздомъ членовъ легальныхъ; в) основательно подозрѣваемыхъ въ террористическихъ злоумышленіяхъ, и г) относительно которыхъ извѣстно, что поѣздка ихъ имѣетъ нелегальную цѣль.

ОХРАННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
ВЪ Г. ВАРШАВѢ
11-МАЯ 1904

Вх. № 5067

Независимо сего, въ той же статьѣ записки [§ 4 и 5] было указано, что о выѣздѣ каждаго наблюдаемаго въ сопровожденіи агентовъ слѣдуетъ безотлагательно доносить Департаменту, съ подробными свидѣніями о личности выѣзжавшаго и основаніяхъ, послужившихъ къ сопровожденію его. О принятіи въ наблюденіе пріѣзжаго лица, доставленнаго иногородними агентами, въ теченіи сутокъ слѣдуетъ уведомлять соответствующаго Начальника Охраннаго Отдѣленія и одновременно доносить Департаменту Полициа, а послѣ того дополнительно сообщать о результатѣ послѣдшаго наблюденія.

*7/4-4
Раннее наблюдение
расказан 13/4-04.*

Спр. Арх. лист.
написанъ.

Не смотря на столь категорическія требованія, изъ производящихся въ Департаментѣ Полициа дѣлъ усматривается, что Начальники Охранныхъ Отдѣленій, къ сожалѣнію, очень часто допускаютъ отступленія какъ вооб-

Господину Начальнику *Варшавскаго* Охраннаго Отдѣленія.

8) Изъ 69 № (отъ 22 января 1904 г.)

Наблюденіе за делегатками „Центральнаго Комитета Россійской социаль-демократической рабочей партіи“ Лидіей Христофоровой Гоби, о которой упоминалось въ предыдущей запискѣ, и ея подругой, личность коей пока еще не установлена, выяснило, по прїездѣ второй изъ нихъ въ первые числа декабря минувшаго года въ г. Екатеринославъ, ея сношенія съ дѣятелями мѣстнаго социаль-демократическаго „Комитета“, имѣвшаго цѣлью развить его дѣятельность и упорядочить въ интересахъ „Центральнаго Комитета“ отношенія мѣстныхъ дѣятелей къ центральнымъ партійнымъ учрежденіямъ, избраннымъ на заграничномъ съездѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ дѣятельности „Екатеринославскаго Комитета“ было замѣчено оживленіе, выражавшееся, между прочимъ, въ частыхъ собраніяхъ съ организаціонными цѣлями. Эти собранія привели къ полному объединенію „Комитета“ съ другими социаль-демократическими кружками, до сихъ поръ съ ними враждовавшими, и къ принятію послѣдними „комитетской“ программы, тождественной съ программой, выработанною на упомянутомъ съездѣ. Укрѣпивъ такимъ образомъ свои связи и увеличивъ свой личный составъ, „Екатеринославскій Комитетъ“ рѣшилъ возобновить свою типографскую дѣятельность и приступить къ печатанію цѣлаго ряда нелегальныхъ произведеній, изъ числа коихъ были выпущены въ обращеніе въ незначительномъ числѣ экземпляровъ воззванія „Къ обществу“, „Къ народнымъ учителямъ и учительницамъ“ и „Къ крестьянамъ“.

Въ виду достаточнаго выясненія наблюденіемъ дѣйствій лицъ, входившихъ въ составъ „Екатеринославскаго Комитета“ и въ цѣляхъ недопущенія дальнѣйшей его преступной дѣятельности, 17 января въ г. Екатеринославъ и въ Екатеринославскомъ уѣздѣ были произведены обыски, коими обнаружены принадлежности тайной типографіи. При этомъ арестованы 23 лица, съ отобраніемъ у нихъ вещественныхъ доказательствъ ихъ преступной дѣятельности. Изъ числа арестованныхъ двое отказались назвать свои фамилии и относительно двухъ лицъ имѣются подозрѣнія, что они проживали по нелегальнымъ паспортамъ. Личности ихъ въ настоящее время устанавливаются.

9) Изъ 103 № (отъ 16 сентября 1904 г.)

3 сентября на пограничномъ пунктѣ Вержолово арестованъ розыскивавшійся по дѣламъ политическаго характера весьма серьезный революціонный дѣятель, изъ дворянъ Тамбовской губерніи, Степанъ Слетовъ, пытавшійся проникнуть въ Россію подъ чужимъ именемъ, повидимому, съ цѣлью организовать осуществленіе задуманнаго за границею террористическаго предпріятія особой важности.

Названный Слетовъ, въ бытность студентомъ Московскаго Университета, привлекался въ 1896 году къ разслѣдованію по дѣлу „Союзаго Совѣта 45 объединенныхъ землячествъ“ и по поставленію Особаго Совѣщанія былъ высланъ въ Уфимскую губернію подъ гласный надзоръ полиціи на три года. По возвращеніи изъ ссылки онъ принялъ участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и устройствѣ въ Тамбовѣ подпольной типографіи, въ виду чего былъ вновь арестованъ и на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 марта 1902 года подлежалъ вы-

сылкѣ въ Вятскую губернію подѣ гласный надзорѣ полиціи на три года, но означенному въисканію не подвергнутъ, такѣ какѣ не долго до того успѣлъ бѣжать за границу. Поселившись въ Швейцарію, Слетовъ облизился съ мѣстными руководителями партіи социалистовъ-революціонеровъ — женатымъ на его сестрѣ Черновымъ, бывшими ссыльными государственными преступниками Мейшеромъ и Брешковскою, а также убитымъ впоследствии отъ взрыва бомбы въ Сѣверной гостинницѣ въ С.-Петербургѣ Покотилевымъ, въ концѣ же 1903 года прибылъ тайно въ Россію и въ теченіе нѣкотораго времени руководил преступною дѣятельностью „Кіевского Комитета партіи социалистовъ-революціонеровъ“, успѣвъ благополучно избѣгнуть ареста и вновь скрыться за границу.

1-го сентября отъ заграничной агентуры нашей были получены свѣдѣнія, что Слетовъ вновь выѣхалъ въ Россію по паспорту баварца Бенпла съ серьезнымъ порученіемъ отъ „боевой организаціи“ и что по прибытіи въ С.-Петербургъ онъ будетъ имѣть свиданіе въ ресторанѣ Бернгардта на Васильевскомъ островѣ съ матросомъ латышемъ съ пришедшаго изъ Англіи парохода, обязавшимся доставить ему транспортъ заграничныхъ революціонныхъ изданій. При этомъ имѣлись указанія, что Слетова нѣсколько смущаетъ указанный въ паспортѣ Бенпла слишкомъ юный, 20-лѣтній возрастъ владѣльца оного, въ виду чего Слетовъ можетъ въ послѣдній моментъ приобрести себѣ другой паспортъ. Означенныя свѣдѣнія были сообщены на пограничные пункты и 3 сентября Слетовъ былъ узванъ въ Вержоловъ жандармскими чинами, изучившими его наружность по фотографической карточкѣ, приложенной къ циркуляру Департамента Полиціи, въ прибывшемъ изъ-за границы подъ именемъ мѣшанина Хацкеля Гутфарба пассажирѣ. Пропустивъ первоначально Слетова изъ ревизіоннаго зала и давъ ему возможность взять въ кассѣ билетъ до С.-Петербурга и тѣмъ доказать правильность имѣвшихся агентурныхъ свѣдѣній, жандармскій офицеръ на пограничномъ пунктѣ пригласилъ его затѣмъ въ канцелярію и подвергъ обыску, комъ обнаружены паспортъ на имя мѣшанскаго мѣшанина Хацкеля Гутфарба, подложный паспортъ на имя златопольскаго мѣшанина Игнатія Житинскаго, не бывшій въ употребленіи революверъ системы Браунинга и коробка патроновъ къ нему, зашитыя въ фуражку рекомендательныя записки на имя трехъ неизвѣстныхъ лицъ, записная книжка съ крайне загадочными записями, рукопись преступнаго содержанія, двѣ отрѣзанныя по неровной линіи половинки иллюстрированныхъ постквартъ, должнествующія, по видимому, служить удостовереніемъ самоличности предъявителя оныхъ тому держателю другихъ половинокъ этихъ постквартъ, съ которымъ Слетовъ долженъ былъ имѣть конспиративное свиданіе, и деньги въ количествѣ 150 рублей. Слетовъ арестованъ и заключенъ въ С.-Петербургскую крѣпость, причемъ на допросѣ онъ призналъ, что онъ дѣйствительно Слетовъ, но отъ дальнѣйшихъ показаній отказался, объяснивъ, что такое рѣшеніе свое онъ никогда не измѣнитъ.

Одновременно съ симъ по С.-Петербургу было учреждено наблюденіе за лицами, могущими находиться въ сношеніяхъ съ Слетовымъ, и вечеромъ 4 сентября въ ресторанѣ Бернгардта былъ усмотрѣнъ явившійся съ прибывшаго изъ Англіи парохода матросъ, не имѣвшій при себѣ никакой ноши, видимо дожидавшійся кого-то около часу и затѣмъ ушедшій обратно. По установленіи личности названнаго матроса, оказавшагося крестьяниномъ Курляндской губерніи Генрихомъ

Христофоромъ Цирулемъ, онъ былъ задержанъ 7 сентября. Въ тотъ же день приказчикомъ при элеваторѣ въ С.-Петербургскомъ торговомъ порту Поповымъ былъ замѣченъ плывшій по морскому каналу мимо элеватора мѣшокъ, по извлеченіи коего изъ воды въ немъ оказалось около трехъ пудовъ заграничныхъ изданій партій социалистовъ-революціонеровъ и подожженные для тяжести два кирпичика того сорта, изъ котораго дѣлаются парходныя тонки. При допросѣ Цируль показалъ, что при отъѣздѣ изъ Англии къ нему явился неназванный ему человекъ, предложившій ему за деньги доставить въ Петербургъ транспортъ революціонныхъ изданій лицу, которое онъ долженъ встрѣтить въ ресторанѣ Бернгардта и которое онъ можетъ узнать по тому, что у этого лица при входѣ въ ресторанъ будетъ вышущенъ изъ кармана пальто конецъ носового платка. Во исполненіе этого Цируль и привезъ съ собой тотъ тюкъ названій, который былъ послѣ его ареста брошенъ въ море его товарищами и затѣмъ попалъ въ руки полиціи.

10) Изъ 162 № (отъ 3 ноября 1904 г.)

Ниже сего помѣщается, совершенно довѣрительно, для свѣдѣнія и соображеній, копія полученнаго агентурнымъ путемъ конспиративнаго документа, касающагося вопросовъ тактики социаль-демократовъ по отношенію къ Государственной Думѣ.

„Въ виду предстоящаго въ самомъ близкомъ будущемъ созыва Государственной Думы Ц. К., чтобы имѣть возможность учестъ для плановой борьбы въ приближающейся думской кампаніи все силы, средства, имѣющіяся въ партіи, считаетъ необходимымъ получить отъ всѣхъ по возможности обстоятельные отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1. Каково отношеніе ваше и организациі вашей къ созываемой актомъ 6 августа Государственной Думы и къ резолюціи Ц. К. по поводу этой Думы;

2. каковы силы и средства организациі вашей для думской кампаніи въ частности (техника, агитаціонныя и боевыя силы);

3. не находите ли нужнымъ, въ цѣляхъ подвѣять революціоннаго настроенія массы и организациі ея открытыхъ выступленій, перестроить (ее) на организацию быстрыхъ летучихъ агитаціонныхъ группъ для веденія кампаніи въ городѣ и деревнѣ; организацию боевыхъ группъ снабдить оружіемъ съ извѣстною степенью автономности;

4. имѣются ли у васъ еще какія-нибудь революціонныя организациі, ихъ сила, значеніе, степень и вліяніе на населеніе вообще и на рабочую массу въ частности;

5. возможны ли боевыя соглашенія съ ними;

6. ведется ли работа среди крестьянъ и какъ велики связи въ деревнѣ;

7. какъ относятся крестьяне къ нашей кампаніи и къ нашимъ лозунгамъ;

8. замѣчается ли у васъ профессиональное движеніе и каково отношеніе ваше къ нему.

Товарищи! Вамъ нечего говорить о серьезности момента, переживаемаго нами, нашей родиной въ настоящее время и въ тѣхъ серьезныхъ задачахъ, которыя жизнь ставитъ предъ нашей партіей. Вамъ нечего говорить о томъ, что разрѣшеніе этой задачи возможно только при единодушномъ напряженіи всѣхъ силъ и средствъ со стороны нашей партіи. Затѣмъ, объединеніе и руководство этими силами пар-

тіи лежить на Ц. К., но удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи возможно для Ц. К. только при томъ условіи, если всѣ партійныя организациі будутъ постоянно освѣдомлять его о ходѣ борьбы на мѣстахъ и обо всѣхъ фактахъ партійной жизни. Ц. К. надѣется, что мѣстныя партійныя организациі отнесутся со всевозможнымъ вниманіемъ къ поставленнымъ выше вопросамъ и не замедлятъ обстоятельно отвѣтить на нихъ.

Въ первыхъ числахъ сентября состоялась междупартійная конференція социаль-демократическихъ организациі Россіи для выработки общей тактики по отношенію къ Государственной Думѣ. Въ конференціи участвовали представители центральныхъ учрежденій Бунда, Латышск. С.-Д., Р. С. Д. Р. П., Соціалъ-демократія Польши и Литвы и Украинская партія. Въ скоромъ времени нами будетъ разосланъ отчетъ объ этой конференціи, единогласно принята резолюція, предложенная делегатомъ Ц. К. нашей партіи, сущность этой резолюціи такова: 1. использовать предстоящій періодъ избирательной кампаніи, въ цѣляхъ самой широкой агитаціи; устраивать митинги и проникать въ возможно большемъ количествѣ на всѣ избирательныя собранія, раскрывая на нихъ истинный характеръ и цѣли Думы, противопоставлять ей необходимость созыва революціоннымъ путемъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, призывать всѣ истинно демократическіе элементы къ бойкоту Думы, клеймя поворомъ участвующихъ въ собраніи, какъ измѣнниковъ дѣлу народнои свободы. Принимать на всѣхъ собраніяхъ соотвѣтствующія резолюціи объ отношеніи къ Государственной Думѣ и о присоединеніи къ революціонной борьбѣ пролетаріата.

2. Въ цѣляхъ выраженія протеста противъ учрежденія Государственной Думы и оказанія давленія на избирателей и выборщиковъ организовать открытыя массовыя выступленія пролетаріата.

3. Къ самому дню конечныхъ выборовъ въ Думу приурочить повсемѣстныя всеобщія политическія забастовки, манифестаціи и демонстраціи и употребить всѣ средства на то, чтобы выборы не состоялись, не останавливаясь въ случаѣ нужды и предъ насильственными срываніями избирательныхъ собраній“.

11) Изъ 192 № (отъ 28 іюня 1906 г.)

Секретно.

Циркулярно.

Начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій,
Охранныхъ Отдѣленій и розыскныхъ пунктовъ.

Въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ въ Стокгольмѣ состоялась 4-й сѣздъ представителей Россійской социаль-демократической рабочей партіи. Въ числѣ другихъ партійныхъ задачъ, сѣздъ обсуждалъ вопросы о вооруженномъ возстаніи, объ отношеніи къ Государственной Думѣ и къ крестьянскому движенію и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что несвоевременныя „военныя вышки“ ведутъ лишь къ бесполезной растратѣ революціонной энергіи; успѣхъ вооруженнаго возстанія мыслимъ только въ случаѣ дезорганизаціи войскъ и перехода хотя бы части ихъ на сторону мятежниковъ, послѣднее же обстоятельство возможно при участіи въ возстаніи широкихъ слоевъ населенія. Въ виду этого, представляется болѣе цѣлесообразнымъ постепенное и систематическое вовлеченіе народныхъ массъ въ борьбу съ правительствомъ постояннымъ вмѣшательствомъ ихъ во всѣ проявленія политической жизни страны, для чего необходима усиленная агитаціонная дѣятельность среди пролетаріата, крестьянства, мелкой городской буржуазіи, въ войскахъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, народъ приведенъ будетъ къ сознанію необходимости вооруженной силой добиться своихъ политическихъ правъ, до того же времени надлежитъ организовать лишь боевыя дружины, которыя были бы способны внести инициативу и планоубрность въ первые акты предстоящей борьбы. Въ интересахъ успѣшности вооруженія комитеты социаль-демократической партіи должны входить въ соглашенія со всѣми другими революціонными и оппозиціонными группами. Всюду, гдѣ еще предстоятъ выборы въ Государственную Думу, партія социаль-демократовъ, согласно резолюціи съѣзда, должна, не „вступая въ блокъ“ съ другими политическими группами, проводить своихъ членовъ. Желательно, чтобы, при наличности въ нынѣшнемъ составѣ думы депутатовъ изъ партіи социаль-демократовъ, была бы образована въ Думѣ особая фракція, которая поставила бы своей задачей побуждать всѣ остальные думскія партіи къ рѣшительной оппозиціи, сплачивать вокругъ себя всѣ революціонные элементы, выдвигать социальныя, экономическія вопросы и связывать ихъ съ политическими, поддерживать постоянную связь съ широкими рабочими массами и стараться обострять всѣ столкновенія Думы съ правительствомъ. Означенныя столкновенія усилиями социаль-демократической партіи должны быть доведены до предѣловъ, дающихъ возможность сдѣлать конфликты исходной точкой народнаго движенія, направленнаго къ низверженію политическаго порядка; въ то же время партія должна направлять свою дѣятельность къ тому, чтобы въ этихъ столкновеніяхъ обнаруживать передъ народными массами несостоятельность всѣхъ буржуазныхъ партій, которыя примутъ на себя въ Думѣ роль выразителей народной воли, и довести пролетаріатъ, крестьянство и мѣщанство до сознанія полной непригодности Думы, какъ представительнаго установленія и необходимости созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. По отношенію къ крестьянству съѣздъ призналъ необходимымъ создавать всюду, гдѣ окажется возможнымъ, социаль-демократическія организаціи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, „крестьянскіе комитеты“, „совѣты крестьянскихъ депутатовъ“, а также содѣйствовать вступленію сельскаго населенія въ „крестьянскій союзъ“, пока онъ останется безпартійнымъ, и стараться связать эти организаціи, какъ между собою, такъ и съ городскими пролетарскими организаціями. Столкновеніе крестьянъ съ помѣщиками и правительствомъ должны быть по возможности обостряемы, причемъ въ этомъ случаѣ рекомендуются такіе приемы, какъ уборка хлѣба арендаторами безъ взноса арендной платы, отказъ отъ платежа налоговъ и поставки рекрутъ, бойкотъ правительственныхъ учрежденій и т. п.

Препровождая при семь списокъ принимавшихъ участіе на упомянутомъ съѣздѣ лицъ, Департаментъ Полиціи проситъ подлежащія власти выяснитъ личность, дѣятельность и сношенія названныхъ лицъ, буде таковыя проживали или проживаютъ во вѣрренныхъ ихъ наблюдению районахъ и о послѣдующемъ увѣдомитъ.

Подписаль; Директоръ Трусевичъ.
Скрѣпилъ: За Зав. Отд. Пѣшковъ.
Вѣрно: Помощникъ Дѣлопр.

P. S. Въ приложенномъ списокѣ имѣется 139 фамилій съ указаніемъ примѣтъ, — участники съѣзда въ большинствѣ случаевъ названы псевдонимами, какіе оно дали при проискѣ въ шведской полиціи.

Въ 7 № «Былого» мы уже дали нѣсколько отрывковъ изъ газеты департамента полиціи, въ настоящее время даемъ еще нѣсколько новыхъ страницъ изъ той же газеты, а, кромѣ того, печатаемъ «Сводъ правилъ» для розыскныхъ отдѣленій, которые были изданы въ видѣ приложенія къ ней.

Мы печатаемъ факсимиле одной страницы газеты департамента полиціи, но должны оговориться, что печати на оригиналѣ вышли не ясно и мы были принуждены поэтому ихъ подравнять отъ руки.

Впоследствии мы надѣемся напечатать доставленные намъ матеріалы и официальные документы объ организаціи охранныхъ отдѣленій и департамента полиціи, о провокаторахъ и провокатурахъ, наличномъ составѣ охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій, прокурорскаго надзора, военныхъ судовъ и т. д.

Идемъ отъ нашихъ корреспондентовъ новыхъ аналогичныхъ матеріаловъ. Ред.

Сводъ правилъ,

выработанныхъ въ развитіе утвержденного Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 12 августа текущаго года Положенія о Начальникахъ Розыскныхъ Отдѣленій.

1. Задачей Розыскныхъ Отдѣленій является розыскъ по дѣламъ политическимъ.

2. Въ интересахъ розыска, Начальники Отдѣленій постоянно и непосредственно сносятся съ Губернаторами и Градоначальниками, какъ лицами, стоящими во главѣ полиціи, отъ которой они получаютъ свѣдѣнія политическаго характера и которой въ свою очередь сообщаютъ о готовящихся безпорядкахъ или демонстраціяхъ.

3. Отношенія эти должны быть, по возможности, часты, причѣмъ доклады должны дѣлаться лично.

4. Сообщенія о наиболѣе важныхъ происшествіяхъ дѣлаются при первой возможности.

5. Начальники Отдѣленій провѣряютъ получаемыя ими отъ Губернаторовъ свѣдѣнія политическаго характера.

6. Такія же отношенія, въ смыслѣ постоянныхъ обмѣновъ свѣдѣніями, должны поддерживаться и съ Начальниками мѣстныхъ Губернскихъ Жанدارмскихъ Управленій, а также лицами прокурорскаго надзора, наблюдающими за производствомъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

7. Розыскъ производится черезъ агентуру и филерское наблюденіе.

8. На обязанности Начальниковъ Розыскныхъ Отдѣленій лежитъ, главнымъ образомъ, приобрѣтеніе внутренней агентуры.

9. Наблюденіе за учащейся молодежью и рабочими входитъ въ кругъ дѣлъ Начальниковъ Розыскныхъ Отдѣленій.

10. Способы внѣшняго наблюденія опредѣляются распоряженіями Департамента Полиціи и за таковыя Начальники Розыскныхъ Отдѣленій не отвѣчаютъ. Начальники Отдѣленій указываютъ старшимъ филерамъ лицъ, подлежащихъ наблюденію, а выполнение технической стороны наблюденія ближайшимъ образомъ лежитъ на обязанности старшаго филера.

11. Начальники Розыскныхъ Отдѣленій должны ознакомиться съ исторіей революціоннаго движенія и положеніемъ сего движенія въ настоящее время. Должны также слѣдить за революціонной литературой.

12. Съ этимъ они, по возможности, знакомятъ и своихъ секретныхъ сотрудниковъ, развивая въ послѣднихъ сознательное отношеніе къ дѣлу службы.

13. Секретные агенты должны быть извѣстны Директору Департамента. Какъ объ агентахъ, имѣющихся нынѣ, такъ и вновь приобрѣтаемыхъ, Начальники Розыскныхъ Отдѣленій сообщаютъ Директору Департамента частными письмами, безъ черновиковъ и записанія въ журналъ Отдѣленія.

14. При сношеніяхъ съ агентами, живущими внѣ черты города, гдѣ живетъ Начальникъ Розыскаго Отдѣленія, послѣдній или вызываетъ къ себѣ агента и оплачиваетъ его расходы по поѣздкѣ, или посылаетъ къ нему, на тѣхъ же условіяхъ, кого-либо изъ состоящихъ въ его распоряженіи лицъ.

15. Письмоводитель Отдѣленія, старшій филеръ и основной филерскій кадръ организуются Департаментомъ.

16. Всѣхъ служащихъ на пунктѣ Начальникъ Розыскаго Отдѣленія опредѣляетъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Департамента.

17. Начальники Розысканыхъ Отдѣленій, гдѣ наблюденіе уже организовано, должны сообщить Департаменту списки филеровъ, состоящихъ на службѣ.

18. Филеры, въ случаѣ надобности, будутъ перемѣщаемы изъ одного Отдѣленія въ другое распоряженіями Департамента Полиціи.

19. Начальники Розысканыхъ Отдѣленій, кромѣ суточныхъ денегъ, отпускаемыхъ ежедневно, возмѣщаютъ филерамъ также и расходы, вызываемые осуществленіемъ наблюденія (трактиры, извозчики, квартиры и т. п.), по представляемымъ ими счетамъ.

20. Собираніе свѣдѣній, осуществляемое въ Москвѣ и Петербургѣ полицейскими надзирателями, надлежитъ возложить на особыхъ лицъ, не несущихъ филерской службъ.

21. Начальникамъ Отдѣленій рекомендуется ходатайствовать передъ мѣстными Губернаторами и Градоначальниками о зачисленіи этихъ лицъ, равно какъ и своихъ письмоводителей, околоточными надзирателями сверхъ штата.

22. Наблюденіе (§ 7 Положенія о Начальникахъ Розысканыхъ Отдѣленій) въ случаѣ неуказанія того, что за наблюдаемымъ надлежитъ слѣдить и послѣ его выбитія изъ города, должно производиться только въ семь послѣднемъ. Если, однако, есть агентурныя свѣдѣнія о томъ, что выѣздъ дѣлается съ нелегальными цѣлями, надлежитъ продолжать за нимъ наблюденіе и по выбитіи его изъ города. При этомъ филеры передаютъ наблюдаемаго, для дальнѣйшей за нимъ прослѣдки, тотчасъ по прибытіи въ районъ перваго по пути Розыскаго или Охраннаго Отдѣленія филерамъ сихъ Отдѣленій, или филерамъ Летучаго Отряда, если наблюдаемый будетъ проведенъ до такого пункта, гдѣ будетъ организовано наблюденіе Отряда. О выбитіи наблюдаемаго дѣлается предупреденіе по телеграфу, для организаціи встрѣчи.

23. Опросъ филеровъ желательно производить на квартирахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, кои должны проживать съ соблюденіемъ должной конспираціи.

24. Расходы по разѣздамъ филеровъ по дѣламъ службъ внѣ постоянного мѣстопробыванія ихъ покрываются Департаментомъ, коому и представляются счета по этому предмету.

25. Обыски и аресты при ликвидаціяхъ могутъ быть намѣчаемы только при достаточно провѣренныхъ и серьезныхъ данныхъ. Аресты должны намѣчаться въ возможно меньшемъ количествѣ.

26. Личное присутствіе Начальниковъ Отдѣленій на томъ или другомъ обыскѣ предоставляется ихъ усмотрѣнію.

27. Аресты сходокъ производятся примѣнительно къ правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи объ обыскахъ. При этомъ необходимо, прежде всего, принимать мѣры къ предупреденію возможности уничтоженія вещественныхъ доказательствъ, къ разобщенію, личному осмотру собравшихся и къ установленію ихъ самоличности. При затруднительности установленія такихъ лицъ на мѣстѣ, — они препровождаются для сего въ мѣстныя полицейскія учрежденія.

28. Обыски по дѣламъ политическаго характера, вызываемые дознаніями въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Судопр., производятся изложеннымъ въ этой статьѣ порядкомъ, на условіяхъ, указанныхъ въ § 13 Положенія о Начальникахъ Розысканыхъ Отдѣленій.

29. Районъ вѣдѣнія Начальниковъ Розысканыхъ Отдѣленій есть, главнымъ образомъ, городъ, гдѣ живетъ Начальникъ, а затѣмъ въ сферу его дѣятельности могутъ входить тѣ города губерній, кои будутъ обращаться на себя вниманіе наибольшимъ проявленіемъ революціонной пропаганды.

30. Начальники Розысканыхъ Отдѣленій постоянно обмѣниваются другъ съ другомъ свѣдѣніями.

31. Начальникъ Отдѣленія ведетъ каталогъ пелегальнымъ изданіямъ, поступающимъ въ бібліотеку Отдѣленія и, при передачѣ должности, сдаетъ своему замѣстителю и всѣ накопившіяся въ Отдѣленіи изданія.

32. Нелегальную литературу, которая можетъ быть изъята агентурнымъ путемъ, Начальники Розыскихъ Отдѣленій препровождаютъ въ Департаментъ Полиціи.

33. Отчеты о своей дѣятельности Начальники Розыскихъ Отдѣленій представляютъ записками на имя Директора Департамента Полиціи. Существенныя агентурныя свѣдѣнія и наиболее яркіе эпизоды наружнаго наблюденія сообщаются немедленно; дневники же наблюденія, со сводками къ нимъ, — 1-го числа каждаго мѣсяца, а вывѣренный дневникъ — черезъ недѣлю послѣ ликвидаціи.

34. Независимо этихъ дневниковъ и записокъ Начальники Отдѣленій, передъ ликвидацией, представляютъ Директору Департамента подробную мотивированную записку относительно предполагаемаго къ ликвидированію дѣла. Въ этой запискѣ, независимо предшествовавшихъ сообщеній, кои могутъ иногда представлять собою матеріалъ еще и не вывѣренный, должна быть изложена, въ исторической послѣдовательности, вся дѣятельность той или иной организаціи, кой она будетъ касаться.

35. При необходимости производства обысковъ или арестовъ виѣ предѣловъ своего района, въ случаѣ спѣшности, Начальники Розыскихъ Отдѣленій могутъ непосредственно просить объ этомъ подлежащихъ Начальниковъ Жандармскихъ Управленій, а гдѣ есть Начальники Розыскихъ Отдѣленій, то просить таковыхъ. Если же требованіе не спѣшно, — Начальники Розыскихъ Отдѣленій сносятся съ Начальниками Губернскихъ Жандармскихъ Управленій черезъ Начальника мѣстнаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

36. При удостовѣреніи политической благонадежности (§ 17 Положенія о Начальникахъ Розыскихъ Отдѣленій), Начальникъ Губернскаго Жандармскаго Управленія, по поступленіи къ нему запроса, наводитъ справку о данномъ лицѣ по алфавитамъ Управленія и имѣющіяся свѣдѣнія излагаетъ въ надписи на запросѣ, который затѣмъ препровождаетъ въ подлинникъ Начальнику Розыскаго Отдѣленія.

Начальникъ Розыскаго Отдѣленія, по поступленіи къ нему изъ Губернскаго Жандармскаго Управленія, при надписи, запроса съ имѣющимися свѣдѣніями о данномъ лицѣ, наведя въ своемъ Отдѣленіи справку, ставитъ на томъ же запросѣ, при отсутствіи свѣдѣній, штампъ — «свѣдѣній нѣтъ» — и возвращаетъ запросъ Начальнику Жандармскаго Управленія. При наличности же въ Отдѣленіи свѣдѣній Начальникъ Отдѣленія сообщаетъ таковыя надписью на запросѣ, который въ подлинномъ препровождаетъ въ Департаментъ Полиціи, уведомивъ о семъ Начальника Жандармскаго Управленія.

Начальникъ Жандармскаго Управленія, въ свою очередь, получивъ обратно запросъ со штампомъ «свѣдѣній нѣтъ», направляетъ этотъ запросъ въ порядокъ, указанномъ въ циркулярѣ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 29 ноября 1890 г. за № 4910, причемъ въ случаяхъ представленія запросовъ въ Департаментъ Полиціи, а также по полученіи уведомленія Начальника Отдѣленія объ отсылкѣ запроса въ Департаментъ Полиціи, Начальникъ Управленія сообщаетъ лицу или учрежденію, сдѣлавшему запросъ о политической благонадежности, что запросъ этотъ представленъ имъ въ Департаментъ Полиціи на заключеніе.

Лица или учрежденія, отъ которыхъ поступаютъ въ Губернское Жандармское Управленіе запросы о политической благонадежности, не должны быть освѣдомлены о наведеніи по симъ запросамъ справокъ въ Розыскомъ Отдѣленіи.

37. Шапмы по сказаннымъ запросамъ о неблагонадежности не подписываются Начальникомъ Розыскаго Отдѣленія и запросы эти въ журналъ входящихъ бумагъ Отдѣленія не вносятся.

(1902 г.)

Франко-русское шпионство и франко-русский союзъ.

I.

Въ послѣднихъ числахъ мая 1890 года въ русской и польской колоніи въ Парижѣ были произведены многочисленные аресты и обыски. Съ обыскомъ пришли, между прочимъ, и къ покойному Лаврову. Въ числѣ арестованныхъ были Кашинцевъ, А. Тепловъ, Степановъ, супруги Рейнштейнъ, медичка Бромбергъ, Федорова, Мендельсонъ, Дембекій и др. Нѣкоторые изъ нихъ были скоро освобождены, а другихъ привлекли къ отвѣтственности по обвиненію въ изготовленіи взрывчатыхъ веществъ. Судили ихъ 4-го іюля того же года и, за исключеніемъ оправданныхъ г-жъ Рейнштейнъ и Бромбергъ, приговорили всѣхъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію. Одинъ изъ обвиняемыхъ, нѣкій Ландезенъ, припимавшій активное участіе въ „заговорѣ“, успѣлъ ускользнуть отъ ареста, хотя за всѣми „заговорщиками“ усердно слѣдили задолго еще до ихъ поимки. Но на судѣ выяснилось, что этотъ Ландезенъ былъ провокаторомъ и что ускользнуть онъ могъ только потому, что съ арестомъ его предупредительно медлили. А такъ какъ Ландезенъ ко времени суда былъ уже виѣ предѣловъ досягаемости, то судъ не поскупился и во славу безпристрастнаго правосудія приговорилъ... его тѣнь къ цѣлымъ пяти годамъ тюремнаго заключенія.

Въ дѣйствительности, конечно, никакого заговора не было. Дѣло заключалось въ томъ, что въ то безвременье, когда никакого революціоннаго движенія не существовало, все было подавлено, за-границей нашелся небольшой кружокъ революціонеровъ-террористовъ, который рѣшился защищать программу партіи Народной Воли и настаивалъ на возобновленіи немедленныхъ попытокъ убійства Александра III и ближайшихъ ему лицъ, отвѣтственныхъ за реакцію тѣхъ лѣтъ. Къ этому кружку принадлежали лица, за годъ до того времени дѣлавшія подобныя же попытки возобновить дѣятельность партіи Народной Воли при участіи С. М. Гинсбургъ, о дѣлѣ которой былъ напечатанъ любопытный правительственный документъ въ предыдущемъ

номеръ „Былого“. Къ тому времени, когда были произведены аресты въ Парижѣ, нѣкоторые члены этого кружка уже уѣхали въ Россію.

Но этотъ парижскій кружокъ террористовъ-народовольцевъ былъ совершенно оторванъ и отъ всей остальной эмигрантской колоніи, и отъ русскихъ революціонеровъ въ Россіи. Никто не признавалъ важности начатаго ими въ Парижѣ дѣла. Никто тогда и не подозрѣвалъ, какое значеніе придать этой революціонной инициативѣ Александръ III и его правительство. Поэтому, парижскіе народовольцы остались безъ всякой поддержки въ Россіи и за границей.

Во французской печати дѣло это вызвало большой шумъ. Подъ громкими заголовками: „Русскіе террористы въ Парижѣ“, „Дѣло бомбистовъ“, „Русскіе нигилисты“ и т. д., газеты сообщали всевозможныя детали объ арестѣ „заговорщиковъ“, о ихъ жизни, происхожденіи, занятіяхъ и т. д. Но, несмотря на полную гласность, въ дѣлѣ этомъ оставалось что то темное, нераскрытое, и тогда же нѣкоторые независимые органы печати высказали предположеніе, что весь процессъ былъ затѣянъ не безъ участія русскихъ шпионовъ и не безъ вѣдома русскаго посольства. Официозная печать протестовала, понятно, противъ подобныхъ, оскорбительныхъ для французскаго правосудія, подозрѣній и увѣряла самымъ официальнымъ образомъ, что русское правительство тутъ не при чемъ, что все его касательство къ процессу свелось къ тому, что, согласно установившемуся обычаю, о произведенныхъ уже арестахъ было общено дипломатическому представителю его, барону Моренгейму.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и о дѣлѣ „русскихъ террористовъ“ появились болѣе откровенныя признанія — гдѣ бы вы думали? — въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи „франко-русскаго союза“ и написанныхъ не какими нибудь злонамѣренными личностями, а восторженными сторонниками альянса и почтительнѣйшими поклонниками „истинно-русскаго“ царяма, какъ Жюлемъ Гансеномъ, близкимъ человѣкомъ для русскаго посольства и въ частности къ Рачковскому, и Эрнестомъ Додэ, которыхъ и французскіе, и наши русскіе патріоты не заподозрятъ, конечно, ни въ какихъ „предательскихъ“ намѣреніяхъ. По ихъ то свидѣтельству оказывается, что не только русское посольство имѣло касательство къ этому процессу, но что этотъ процессъ сыгралъ не малую роль въ заключеніи франко-русскаго союза.

Во избѣжаніе какихъ-бы то ни было нареканій, я предлагаю имъ самимъ рассказать здѣсь все то, что они сочли возможнымъ опубликовать объ этомъ дѣлѣ, присоединивъ къ нимъ еще одного свидѣтеля, знаменитаго парижскаго сыщика Горона.

II.

„Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ Рибо занялъ постъ министра (иностранныхъ дѣлъ)*), — рассказываетъ Эрнестъ Додэ въ своей „Исторіи Алльянса“**), — и намъ представилась возможность оказать русскому правительству новую услугу, не менѣе важную, чѣмъ тѣ, которыя мы уже ему оказали. И въ данномъ случаѣ поведение французскаго правительства обнаружило похвальную настойчивость въ его рвеніи и его доброжелательствѣ по отношенію къ Россіи.***)

Министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ съ нѣкотораго времени уже зналъ о томъ, что въ Парижѣ скрываются нигилисты. По его приказу, управление сыскной полиціи и префектура, при содѣйствіи русскихъ шпионовъ, присланныхъ во Францію, установили за этими личностями самое строгое наблюденіе. Надзоръ сталъ еще болѣе бдительнымъ, когда узнали, что они дѣятельно занимаются изготовленіемъ взрывчатыхъ снарядовъ, съ намѣреніемъ воспользоваться ими затѣмъ въ Россіи.

Баронъ Моренгеймъ потребовалъ, чтобы имъ помѣшали осуществить ихъ преступныя намѣренія. Фрейсине, Рибо и Констанъ, которымъ онъ высказалъ свои опасенія, самымъ формальнымъ образомъ обязались передъ нимъ въ этомъ отношеніи. Но это его не успокоило. Онъ боялся, какъ бы кому-нибудь изъ этихъ господъ не удалось уѣхать изъ Парижа и проникнуть въ Россію съ одной или нѣсколькими бомбами. Онъ то и дѣло являлся къ Констану, чтобы добиться отъ него приказа объ арестѣ.

— Торопиться нечего, — отвѣчалъ министръ. — Я ихъ всѣхъ знаю. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ ускользнуть, по необходимости повременить съ арестомъ, чтобы можно было застигнуть ихъ на мѣстѣ преступленія и забрать ихъ вмѣстѣ съ изготовленными ими снарядами.

Какъ разъ въ то время, вскорѣ послѣ того, какъ, благодаря рѣшительности Констана, удалось помѣшать манифестаціямъ, назначеннымъ интернаціональнымъ рабочимъ конгрессомъ ко дню 1-го мая, было рѣшено, что президентъ республики совершитъ поѣздку на югъ и на востокъ Франціи. Отъѣздъ былъ назначенъ на 21 мая. Министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ сопровождать президента. Баронъ Моренгеймъ сталъ еще больше беспокоиться, такъ какъ уѣзжалъ тотъ изъ членовъ министерства, энергія котораго внушала ему наибольшее довѣріе. Не повлечетъ ли его отсутствіе ослабленіе

*) Въ кабинетѣ Фрейсине.

**) „Histoire diplomatique de l'Alliance Franco-Russe (1873—1893)“, par Ern. Daudet. Paris 1894.

***) Читатель, надѣюсь, самъ оцѣнитъ по достоинству высоко-полцейскій стиль Эрнеста Додэ.

надзора, который былъ установленъ за проживающими въ Парижѣ нигилистами? Не воспользуются ли они этимъ, чтобы удрать? Посланникъ крайне испугался и желалъ, по крайней мѣрѣ, убѣдиться въ томъ, что распоряженія, отданныя министромъ, будутъ въ точности исполняться и въ его отсутствіи.

Онъ явился къ нему 21 мая, подъ вечеръ, но уже не засталъ его. Министръ только-что уѣхалъ на вокзалъ. Моренгеймъ рѣшилъ отправиться за нимъ туда. Онъ, дѣйствительно, засталъ его тамъ въ ожиданіи президента республики. Разговоръ, который онъ имѣлъ съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, успокоилъ Моренгейма. Онъ убѣдился въ томъ, что мѣры, принятыя Констаномъ, были основательныя, что арестъ нигилистовъ долженъ быть произведенъ на-дняхъ и что до тѣхъ поръ ни одному изъ нихъ не удастся покинуть Парижъ.

Получивъ въ этомъ формальное увѣреніе, онъ уже собирався уйти, но Констанъ замѣтилъ ему, что слишкомъ много лицъ и особенно журналистовъ были свидѣтелями его присутствія на вокзалѣ, чтобы можно было надѣяться на то, что оно пройдетъ незамѣченнымъ, и избѣжать комментариевъ, которые оно бы неминуемо вызвало. Министръ посоветовалъ ему поэтому подождать президента республики, какъ будто-бы онъ за тѣмъ только и пришелъ, чтобы провожать его. Баронъ Моренгеймъ послѣдовалъ этому совѣту, и такимъ то образомъ, черезъ нѣсколько минутъ, Карпо, входя въ вагонъ, былъ приѣтствованъ русскимъ посланникомъ. Очень польщенный этимъ вниманіемъ, истинной причины которой онъ не зналъ, президентъ горячо поблагодарилъ его.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, послѣдовавшихъ за этимъ отъѣздомъ, ничего особеннаго не случилось. Но 26 мая, вечеромъ, Моренгеймъ, крайне взволнованный, явился къ Рибо. Онъ достовѣрно узналъ, что одинъ изъ наиболѣе опасныхъ нигилистовъ готовится къ отъѣзду въ Россію. Вызванные тотчасъ же префектъ полиціи и начальникъ сыскной полиціи заявили, что агентами ихъ уже все выслѣжено и что теперь остается лишь дѣйствовать. Плодъ, такъ сказать, созрѣлъ, но, чтобы снять его, нужны были новыя приказанія министра внутреннихъ дѣлъ.

На слѣдующій день Констанъ долженъ былъ быть въ Шалонѣ. Одному атташе его кабинета было поручено отправиться къ нему, познакомить его съ положеніемъ вещей и просить у него разрѣшенія арестовать заподозрѣнныхъ личностей.

— Я хочу быть въ Парижѣ при ихъ арестѣ, на случай, если меня будутъ интерpellировать объ этомъ, — отвѣтилъ министръ. — Я приѣду завтра вечеромъ. Пусть все будетъ готово къ тому, чтобы произвести аресты.

Онъ, дѣйствительно, вернулся на слѣдующій день въ указанный часъ.

Это было 28 мая. 29-го же, рано утромъ, нигилисты, въ

числѣ девяти человекъ, были арестованы и отправлены въ тюрьму. вмѣстѣ съ ними забрали ихъ бумаги, взрывчатые вещества и снаряды. Скажу мимоходомъ, что при опытахъ, произведенныхъ съ ними въ Медонскомъ лѣсу, снаряды эти произвели, поистинѣ, ужасно разрушающее дѣйствіе.

Царь, узнавшій отъ своего посланника о поведеніи въ этомъ дѣлѣ французскаго правительства, выказалъ себя крайне признательнымъ. Онъ выразилъ (Лабулэ*) свою благодарность въ такихъ выраженіяхъ, которыя достаточно говорили какъ объ искренности, такъ и о глубинѣ чувства государя“.

Рассказывая все это, Э. Доде, конечно, совершенно не чувствуетъ, сколько смѣшного въ томъ, какъ русскій посланникъ скакалъ къ министрамъ, гнался за ними на вокзалъ, торопя ихъ арестами, чуть ли не вопреки успѣху „дѣла“, и настолько поддался страху, что почти забылъ о дипломатіи. Не чувствуетъ онъ также всей униженности той торопливой угодливости, которую проявилъ въ этомъ дѣлѣ французское правительство. Между тѣмъ, послѣднее, несомнѣнно, сознавало известное, по крайней мѣрѣ, неудобство своей роли, достаточнымъ доказательствомъ чему служить то усердіе, съ какимъ оно опровергало все слухи объ участіи въ этомъ дѣлѣ русскаго консулства.

Безвѣднъ отъ себя, что провокаторъ Ландезенъ (настоящая фамилія его Геккельманъ) былъ щедро вознагражденъ за услуги и ему по желанію царя была назначена значительная пенсія. Онъ и до сихъ поръ живетъ гдѣ-то въ Германіи и получаетъ за прежнія услуги пенсію въ 2000 руб. въ годъ.

Нѣкто Карлъ Гансенъ Hansen, служившій при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ и жившій по его слѣдамъ, „официознымъ посредникомъ между русскимъ посольствомъ и французскими министрами иностранныхъ дѣлъ“ и работавшій въ прессѣ — весьма замѣчалъ — для того, чтобы „пропагандировать въ пользу союзныхъ силъ между Франціей и Россіей“^(*). Человекъ же, съ своимъ талантомъ, талантомъ, прибавляетъ нѣкоторый „пропагандистъ“ — такъ, что разсказывать объ этомъ

нѣтъ нужды. Онъ, Гансенъ, служилъ связнымъ съ русскими революціонерами въ Парижѣ и въ Нидерландѣ. Тамъ, въ Нидерландахъ, онъ и предложилъ французскому правительству, въ 1891 году, задержать „указывая на то, что русскіе революціонеры въ эту пору думаютъ, быть

можетъ, удовлетворить подобную просьбу и что ему приходится считаться съ щепетильностью передовыхъ партій“. Но царь все же склонился къ мнѣнію своего агента, которому поручено было выслѣдить русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ, и дать посланнику инструкціи, обратиться съ соотвѣтственнымъ предложеніемъ къ правительству республики. Изъ словъ Гансена можно даже заключить, что для Александра III это было своего рода пробнымъ камнемъ для заключенія союза, такъ какъ нѣсколько неожиданный успѣхъ его предложенія „убѣдилъ его въ томъ, что онъ можетъ рассчитывать на Францію“. „Все позволяетъ думать, — продолжаетъ дальше Гансенъ, — что съ того момента онъ сталъ серьезно готовиться къ сближенію съ нами“. Вообще же Гансенъ полагаетъ, что арестъ „русскихъ нигилистовъ“ имѣлъ „громадное вліяніе на установленіе дружескихъ связей между Россіей и Франціей“. А ужъ кому, какъ не ему знать объ этомъ?

Горонъ, бывшій начальникъ сыскной полиціи въ то время, когда произошло это громадной важности событіе, и, понятно, принимавшій въ немъ близкое участіе, вполне согласенъ съ Гансеномъ въ оцѣнкѣ, которую послѣдній даетъ арестамъ, какъ фактору франко-русскаго союза. Но онъ оскорбился за своего бывшаго начальника, префекта полиціи Лозе, и вообще за честь французской полиціи, которой, въ изложеніи Гансена, отводится лишь второстепенная роль исполнительницы чужихъ, исходившихъ изъ Петербурга чуть ли не приказаній. По мнѣнію Горона, ей принадлежитъ не только исполненіе, но и инициатива почетнаго предпріятія, оказавшагося столь плодотворнымъ въ дипломатическомъ отношеніи. Но и онъ признаетъ, что дѣло не обошлось безъ содѣйствія русскихъ сыщиковъ: Когда Лозе узналъ достовѣрно, что заподозрѣнные лица занимаются изготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ, — рассказываетъ Горонъ, — то онъ „тотчасъ же предупредилъ Р...*), начальника русской полиціи, специально занятой наблюденіемъ за нигилистами за границей и попросилъ его присоединить нѣсколькокихъ своихъ агентовъ къ французскимъ, дабы наблюденіе было полнымъ“...**)

Не стану останавливаться на другихъ деталяхъ, сообщаемыхъ Горономъ. Всего вѣроятнѣе, что дипломатическая сторона дѣла осталась ему мало извѣстной. Но онъ приводитъ въ своихъ мемуарахъ въ высшей степени интересный документъ, поразительно удачно окрашивающій все это дѣло. Это — письмо, съ которымъ русскій посланникъ обратился къ парижскому префекту въ тотъ самый день, когда были произведены аресты.

Вотъ оно:

*) Легко догадаться, что дѣло идетъ о Раичковскомъ.

***) Les Mémoires de M. Goron, ancien chef de la Sûreté. Paris. T. IV. p. 304—311.

Милостивый Государь

Господинъ Префектъ и, позвольте мнѣ прибавить, весьма дорогой, истинный и прекрасный другъ!

Спасибо Вамъ отъ всего сердца! Важная услуга, которую Вы оказали моей странѣ, принадлежить къ тѣмъ, которыя нельзя никогда забыть, ни достаточно высоко оцѣнить!

Благодаря Вашей несравненной энергіи и поразительной ловкости вашихъ дѣйствій, удалось отвратить ужасныя несчастья. Я не могу думать безъ содроганія о тѣхъ катастрофахъ, отъ которыхъ спасло Государя и всю націю дружеское вмѣшательство французскаго правительства. Ни Онъ, ни Она никогда этого не забудутъ. Моя личность мало что значить въ подобномъ случаѣ, но позвольте мнѣ все же сказать Вамъ, насколько я лично счастливъ, что могу благодарить Васъ отъ всей души.

Мнѣ хочется скорѣе пожать Вамъ руку со всей полнотою сердечной и неизмѣнной привязанности и самой дружеской преданности.

Моренгеймъ.

Э. Додэ, очевидно, не безъ основанія говорить о крайне потрясенномъ состояніи русскаго посланника. Не мало же страху онъ долженъ былъ пережить для того, чтобы написать такое изліяніе префекту.

Излишне прибавить, что всѣ участвовавшіе въ предпріятіи отъ префекта до сыщиковъ, были щедро вознаграждены русскимъ царемъ. Какъ бы для того, чтобы лишній разъ подчеркнуть французскому правительству какого рода услуги ему всего болѣе желательны отъ него, Александръ III пожелалъ, по словамъ Горона, „чтобы не его посланникъ, а Лозе сообщилъ Фрейсинё (предсѣдателю совѣта министровъ) о пожалованіи ему ордена Александра Невскаго“. Самому же Лозе досталась какая-то драгоценная вещь, такъ какъ онъ уже раньше, за другія услуги, получилъ отъ царя орденъ.

Со словъ начальника русской полиціи за границей Р... (т. е. Рачковскаго), Горонъ сообщаетъ еще, что Александръ III, узнавъ о произведенныхъ въ Парижѣ арестахъ, воскликнулъ:

— Наконецъ-то, — Франція имѣетъ, значить, правительство!

И, понятно, что, убѣдившись въ этомъ, онъ могъ съ совершенно инымъ чувствомъ согласиться на союзъ съ Франціей.

Мнѣ нечего прибавить къ приведеннымъ сообщеніямъ. Но какъ не удивиться тому самодовольству, съ какимъ цитированные авторы говорятъ объ этихъ фактахъ, столь унижающихъ достоинство Франціи?

Думаю, что рассказанное здѣсь вполнѣ оправдываетъ заглавіе настоящей замѣтки.

Л. В.

Н. Г. Чернышевскій о революціи.

Н. Г. Чернышевскій не раз и совершенно опредѣленно высказывался за необходимость революціонной борьбы для достиженія политической свободы и рѣзко критиковалъ либераловъ, воображавшихъ, что „политическіе перевороты могутъ совершаться безъ всякаго нарушенія уличной тишины“ (V, 414).

Онъ сравниваетъ революцію съ войной:

«Мы не хотимъ рѣшать, хорошая ли вещь военныя победы, — говоритъ онъ, на примѣръ, — но рѣшайтесь, прежде, чѣмъ начнете войну, не жалеть людей; а если хотите жалеть ихъ, то не слѣдуетъ вамъ и начинать войны. Что о войнѣ, то же самое надо сказать и о всѣхъ историческихъ дѣлахъ: если вы боитесь или отвращаетесь тѣхъ мѣръ, которыхъ потребуетъ дѣло, то и не принимайтесь за него и не берите на себя отвѣтственности руководить имъ, потому что вы только испортите дѣло. Нѣтъ ничего хуже, какъ если челоуѣкъ, принимающій на себя руководство дѣломъ, поддается самообольщенію относительно средствъ, требуемыхъ этимъ дѣломъ, и явленій, какія хоугь вызываться этими средствами. Хуже этого развѣ только то, когда онъ не понимаетъ даже и качества дѣла, за которое берется.»¹⁾

Это относится, по мнѣнію Чернышевскаго, къ либераламъ — правителямъ центральной Италіи, Калуру и др.

«Ихъ дѣло — революціонное, — говоритъ онъ, — а они воображаютъ придать ему характеръ законности; принципъ, осуществленіе котораго они хотятъ, — принципъ верховной власти народа, — смертельно враждебенъ принципу легитимности, а они хотятъ приобрѣсти помощь континентальной дипломатіи, которая держится договорнаго права и династическаго принципа; наконецъ, ихъ цѣль — есть цѣль народныхъ стремленій, стало быть, должна достигаться энтузіазмомъ массы, а они хотятъ, чтобы масса не волновалась. Быть можетъ, средства, требуемая этимъ дѣломъ, дурны, — этого мы не знаемъ; но, если они дурны, въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и приниматься за дѣло. Кто не хочетъ средствъ, тотъ долженъ отвергать и дѣло, которое не можетъ обойтись безъ этихъ средствъ. Кто не хочетъ волновать народъ, кому отвратительны сцены, неразрывно связанныя съ возбужденіемъ народныхъ страстей, тотъ не долженъ и брать на себя веденіе дѣла, поддержкою котораго можетъ служить только одушевленіе массы.»²⁾

Въ томъ же родѣ Чернышевскій говоритъ объ австрійскихъ либералахъ³⁾, о прусскихъ⁴⁾ и т. д.

Изъ числа средствъ революціонной борьбы Чернышевскій не разъ останавливался на террористическихъ актахъ. Такъ, касаясь покушенія Орскии на Наполеона III, онъ говоритъ, что „необходимость за-

1) V, 407. — 2) I, 408. См. также II, 693 (политическая хроника 1860 года).
3) I, 398 и далѣе. — 4) IX, 242 и далѣе.

щищать итальянскую национальность для избавления собственной жизни от покушений“ была одним из двухъ, „чрезвычайно сильныхъ“ соображеній, побудившихъ Наполеона III начать войну съ Австріей.¹⁾ Точно также онъ говоритъ объ ужасъ, наведенномъ на правительственную партію убійствомъ герцога Беррійскаго, и о паническомъ страхъ, овладѣвшемъ правительственной партіей“ по случаю покушенія на Людовика Филиппа.²⁾

Какъ образецъ революціонера, онъ выставяетъ библейскую Юдифь. Въ одной библиографической замѣткѣ 1861 г., послѣ критики протекціонизма въ Сѣверной Америкѣ, Чернышевскій довольно неожиданно переходитъ къ исторіи Юдифи и, разсказавъ ее, замѣчаетъ:

«Юдифь поступила недурно. Не очень часто встрѣчаются обстоятельства, требующія такихъ же страшныхъ пожертвованій отъ человѣка, желающаго быть полезнымъ обществу; но постоянно черезъ всю гражданскую жизнь каждаго человѣка тянутся историческія комбинаціи, въ которыхъ обязанъ гражданинъ отказываться отъ известной доли своихъ стремленій для того, чтобы содѣйствовать осуществленію другихъ своихъ стремленій, болѣе высокихъ и болѣе важныхъ для общества. Историческій путь — не троттуаръ Невскаго проспекта; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, — то пыльные, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность. Она — занятіе благотворное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному, можетъ быть, кажется, что Юдифь не заняла себя».³⁾

Но рѣшающее значеніе Чернышевскій придаетъ массовой революціи.

«Какъ споры между различными государствами, — ведутся сначала дипломатическимъ путемъ, точно также и борьба изъ-за принциповъ внутри самого государства ведется сначала средствами гражданскаго вліянія или, такъ называемымъ законнымъ путемъ. Но, какъ между различными государствами, споръ, если имѣетъ достаточную важность, всегда приходитъ къ военнымъ угрозамъ, точно такъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, если дѣло немаловажно. Если споряція государства слишкомъ неравносильны, дѣло обыкновенно уже рѣшается одними военными угрозами: слабое государство исполняетъ волю сильнаго, и этимъ отвращается дѣйствительная война. Точно также и въ важныхъ внутреннихъ дѣлахъ война отвращается только тѣмъ, если одна изъ спорящихъ сторонъ чувствуетъ себя слишкомъ слабою сравнительно съ другой: тогда она смиряется, лишь только увидитъ, что противная партія дѣйствительно рѣшилась прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Но, если два споряція государства не такъ неравносильны, чтобы слабѣйшее изъ нихъ не могло надѣяться отразить нападеніе, то отъ угрозъ доходитъ дѣло и до войны».⁴⁾

Разумѣется, Чернышевскій могъ теоретически признавать огромное значеніе политической свободы и необходимость единоличной и массовой революціонной борьбы для ея достиженія, и въ то же время не участвовать лично въ революціонномъ движеніи; наиримѣрь, онъ могъ считать, что время революціи или хотя бы подготовки ея еще не наступило. Но такое предположеніе совершенно опровергается уже тѣмъ, что Чернышевскій ожидалъ революціи въ Западной Европѣ и въ Россіи въ самомъ близкомъ будущемъ.

1) Политич. хроника 1859 г., I, стр. 9. Смот. также стр. 87. — 2) IX, 152—153. — 3) VIII, 37—98. — 4) Полит. хроника 1862 г., IX, 241. См. также т. II, 197 и дальѣ.

«Трудно надѣяться, — писалъ онъ въ 1860 году, — чтобы слѣдующая весна не принесла съ собою Западной Европѣ сотрясеній», изъ которыхъ самымъ незначительнымъ была бы «война между тѣми или другими державами, безъ внутреннихъ смуть» (VI, 730).

Черезъ годъ онъ сознавался, что эти предсказанія не исполнились и, тѣмъ не менѣе, снова ожидалъ „сильнаго движенія въ Италиі, Венгріи, а потомъ и въ другихъ странахъ Западной Европы на слѣдующую весну“, ибо „признаки перемѣнъ уселились въ теченіе года“ (VIII, 515).

Въ политическомъ хроникѣ за февраль 1862 г. Чернышевскій пишетъ въ томъ же духѣ.

«Зловѣщія птицы начинаютъ каркать похоронную пѣсню надъ существующимъ порядкомъ Западной Европы... Мы не скажемъ, что ошибаются зловѣщія птицы. Обояніе у нихъ тонкое» (IX, 210).

Черезъ два мѣсяца въ послѣднемъ своемъ политическомъ обзорѣ, Чернышевскій опять говоритъ о „тревожномъ, возбуждающемъ нервы состояніи всего континента Западной Европы (IX, 241). Въ частности

«Франція, какъ мы уже много разъ замѣчали, обнаруживаетъ признака расположенія подновить старинную репутацію, гласящую, что она — вулканъ, изъ котораго летелъ лава» и т. д. (IX, 244).

Несомнѣнно, что революція въ Западной Европѣ оказала бы заразителное дѣйствіе на Россію. Но, кромѣ того, и въ самой Россіи Чернышевскій указывалъ цѣлый рядъ признаковъ общественнаго броженія.

«Возьмите, — говоритъ онъ, — напримѣръ, прошлый годъ (т. е. 1861 г. — М. А.). Смуты въ Варшавѣ, смуты въ Россіи, загадочное появленіе программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой къ свѣдѣнію всѣми¹⁾, небывалое движеніе молодежи въ самомъ Петербургѣ, страшная развязка этого движенія, слухи о предполагаемыхъ требованіяхъ дворянства, приготовленіе его къ занятію общественными вопросами, — вотъ сколько въ одинъ годъ новостей, изъ которыхъ каждая передвигала общество все дальше и дальше по одному направленію»²⁾.

Изъ другихъ мѣстъ статьи выясняется, что дѣло идетъ отчасти о крестьянской нуждѣ въ землѣ, а отчасти о тогдашнихъ требованіяхъ конституціи.

Если, такимъ образомъ, Чернышевскій считалъ революцію не только необходимой, но и неизбежной въ ближайшемъ будущемъ, то его участіе въ революціонномъ движеніи является болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ. Но, кромѣ того, онъ вполне отчетливо понималъ, что если даже его дѣятельность ограничится легальными рамками, то и тогда ему предстоятъ безпощадныя преслѣдованія со стороны русскаго правительства.

Вотъ нѣсколько автобіографическихъ мѣстъ въ этомъ смыслѣ.

Въ своемъ дневникѣ 1853 г. онъ записываетъ слѣдующій разговоръ съ своей будущей невѣстой. Когда она, полуслушя полусерьезно, сказала ему, что хотѣла бы имѣть такого мужа, какъ онъ, Чернышевскій отвѣчалъ:

1) Чернышевскій намекаетъ здѣсь на петербургскую газету «Вѣстникъ» и на прокламацію «Къ молодому поколѣнію».

2) Письма безъ адреса, т. X, 2-ая часть, стр. 304.

«Я не могу жениться ужъ по одному тому, что я не знаю, сколько времени я пробуду на свободѣ. Меня каждый день могутъ взять. Какая будетъ тутъ моя роль? У меня ничего не найдутъ, но подозрѣнія противъ меня будутъ весьма сильныя. Что же я буду дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать. Но, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, — это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свои мнѣнія прямо и рѣзко. И тогда я едва ли уже выйду изъ крѣпости. Видите, — я не могу жениться».¹⁾

Возможно, конечно, что Чернышевскій въ данномъ случаѣ просто хотѣлъ щегольнуть передъ любимой дѣвушкой въ роли политическаго дѣятеля. Но, повидимому, эти соображенія были гораздо серьезнѣе, такъ какъ много лѣтъ спустя, уже на каторгѣ, онъ вспоминаетъ о нихъ въ своемъ романѣ „Прологъ къ прологу“, имѣющемъ до нѣкоторой степени автобиографическій характеръ. Герой этого романа Волгинъ, въ которомъ Чернышевскій изобразилъ самого себя, обращается однажды къ своей женѣ съ такими словами:

«Ты знаешь, я держу себя осторожно. . . Одно можетъ повредить тебѣ съ Володею (— сыномъ): перемѣна обстоятельствъ. Дѣла русскаго народа плохи. Будь что-нибудь теперь, намъ съ тобою еще ничего. Обо мнѣ еще никто не заботился бы. Но моя репутація увеличивается. Два-три года, — и будутъ считать меня человѣкомъ съ вліяніемъ. Пока все тихо, то ничего. Но, какъ я говорю, и сама ты знаешь, дѣла русскаго народа плохи. Передъ нашею свадьбою я говорилъ тебѣ и самъ думалъ, что говорю пустяки (курсивъ нашъ. — М. А.). Но, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ видишь, что надобно было тогда предупредить тебя . . .».)

Наконецъ, въ одной изъ политическихъ хроникъ Чернышевскаго (мартъ и апрѣль 1859 г.) мы находимъ у него чрезвычайно характерныя разсужденія о томъ, чего можетъ ждать при абсолютизмѣ выдающійся человѣкъ, сторонникъ политической свободы. Эти разсужденія имѣютъ особый интересъ еще и потому, что исторія людей, о которыхъ писалъ Чернышевскій, въ нѣкоторыхъ частяхъ почти буквально повторилась съ нимъ самимъ. Дѣло шло о бывшихъ министрахъ неаполитанскаго короля Фердинанда II, призванныхъ къ власти въ кратковременную эпоху неаполитанской конституціи, а затѣмъ преданныхъ суду и безъ малѣйшихъ основаній, единственно за образъ мыслей, осужденныхъ на вѣчную каторгу. Чернышевскій на нѣсколькихъ страницахъ, полныхъ жгучаго сарказма, доказываетъ, что „они сами были виноваты въ томъ, чему подверглись“. Неаполитанцамъ, говоритъ Чернышевскій, непростительно не знать о

«неотъемлемыхъ правахъ того рода власти, какой существуетъ въ Неаполѣ. . . Общанія и дѣйствія, противныя этимъ неотъемлемымъ правамъ, могутъ быть вынуждаемы обстоятельствами у человѣческой слабости, но такія уступки по самому принципу теоріи недействительны и, если можно такъ выразиться, противозаконны, и по смыслу теоріи должны быть уничтожаемы».

«Намъ кажется, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Чернышевскій, — что Фердинандъ II никакъ не могъ оставить Поэрію и его товарищей безнаказанными. Они были преданы суду; юридическихъ доказательствъ противъ нихъ не нашлось. Либералы чрезвычайно горячо кричатъ о незаконности наказаній при совершенномъ недостаткѣ доказательствъ, такомъ недостаткѣ, что главнымъ документомъ обвиненія служило подложное письмо, написанное по распоряженію обвинителей какимъ-то господиномъ, получившимъ за то денежное вознагражденіе. Обвиняемые доказали подложность письма, и ге-

1) X, 2-ая ч., стр. 22. — 2) X, 1-ая часть, стр. 59.

нераль-прокуроръ, бывший обвинителемъ, признался, что документъ дѣйствительно фальшивый. Либералы чрезвычайно громко кричать, сказали мы, о незаконности осужденія при такихъ обстоятельствахъ; но, мы думаемъ, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, либералы, останавливаясь на пустыхъ подробностяхъ, упускаютъ изъ виду сущность дѣла. Развѣ не бываетъ такихъ процессовъ, въ которыхъ убѣжденіе судей о виновности или невиновности подсудимаго составляетъ на основаніи впечатлѣнія, производимаго всей ихъ жизнью, его личностью и совокупностью тысячи мелкихъ фактовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ не составляетъ юридическаго доказательства, но которые всѣ вмѣстѣ производятъ нравственное убѣжденіе о его виновности или невиновности? Притомъ намъ кажется, что требовать уликъ противъ Поэріо, значило быть слишкомъ щепетильнымъ формалистомъ. Каждому было извѣстно; что онъ не одобряетъ правительственную систему, которой слѣдовалъ Фердинандъ II до революціи и по укрощеніи революціи; слѣдовательно, онъ имѣлъ образъ мыслей, враждебный господствующему порядку; слѣдовательно, онъ былъ врагомъ правительства; слѣдовательно, правительство было бы виновно передъ самимъ собой и передъ государствомъ, порядокъ въ которомъ должно было охранять, если бы оставило безнаказаннымъ своего врага и такую безнаказанностью ободрило бы людей, имѣющихъ вредный образъ мыслей».

Вся послѣдняя половина этого разсужденія почти буквально примѣнима къ самому Чернышевскому. Несомнѣнно поэтому, что онъ отчетливо предвидѣлъ свою участь и сознательно пошелъ по избранному имъ тернистому пути.

Такимъ образомъ, если даже оставить въ сторонѣ этическія побужденія Чернышевскаго, то все же имѣются на лицо всѣ необходимыя условія его участія въ революціонномъ движеніи его времени.

М. Антоновъ

Разсказъ Николая Егорова о Кронштадтскомъ возстаніи, записанный его товарищемъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года я былъ переведенъ изъ Баку въ Кронштадтъ послѣ попытки матросовъ поднять въ Баку возстаніе. Вскорѣ по пріѣздѣ я сошелся съ кронштадтскими матросами, членами военно-революціонной организаціи, и не замедлилъ и самъ вступить въ ея ряды.

Организація къ этому времени была уже довольно обширной, охватывающей значительныя массы солдатъ и, особенно, матросовъ.

Согласно устава кронштадтской военно-революціонной организаціи были выбраны ротные и экипажные комитеты, а потомъ гарнизонное собраніе и Исполнительный Комитетъ. Въ составъ Гарнизоннаго Собранія входили представители отъ всѣхъ частей гарнизона. Исполнительный Комитетъ состоялъ изъ 10-ти членовъ: 5 человекъ отъ с.-д. гарнизоннаго собранія и 5 — отъ с.-р. Кроме того, съ совѣщательнымъ голосомъ отъ И. К. присутствовали по два человека отъ обѣихъ партій. Исп. Комитетъ засѣдалъ почти каждый день, занимаясь разработкой плана и общей подготовкой возстанія. Надо было выяснить численность войскъ въ Кронштадтѣ, количество оружія на рукахъ и въ складахъ, количество боевыхъ припасовъ, провіанта и пр.

Кроме того, приходилось заниматься и будничной работой: подсчитывали количество распространяемой литературы, распредѣляли имѣющуюся на рукахъ, устраивали сходки и массовки.

Матросы давно уже рвались въ бой и открыто говорили о возстаніи, но, какъ взяться за это дѣло, они не знали. Теперь на помощь намъ пришла правильная организація. Дѣло пошло быстро впередъ. Представители частей по-горло были завалены работой. — „Просто — бѣда!“ — жаловались они: „читать прямо некогда! Развѣ что прочтешь одно названіе книжки!“ Устраиваешь кружки, собираешь митинги, до поздней ночи просиживаешь въ комитетахъ. Работа кипитъ. А тутъ случай подвертывается — надо протестъ начальству организовать. Снова хлопоты, бѣготня. Тамъ дѣло плохо стоитъ, — стало быть надо приналечь, подогрѣть, открыть глаза малосознательнымъ. Не одни, однако, представители жили въ такой суматохѣ — заволновались всѣ матросы, душой почуя близость великаго дѣла. Словно отыскали дорогу къ общему счастью. Бодрость, энергія на всѣхъ лицахъ. . . Душа горѣла — хотѣлось потрудиться. . . „Ровно вино бродитъ“, говорили матросы. Изъ глубины души поднималась старая заглавная ненависть къ начальству. Въ былыя времена она выливалась въ дикихъ стихійныхъ вспышкахъ. Теперь времена измѣнились. Къ намъ проникъ свѣтъ сознанія, и мы поняли, какъ надо бороться. Продолжая ненавидѣть свое начальство, мы думали уже не о мести,

мы загадывали, как сломать все старое устройство, чтобы вмѣсто него построить новую, счастливую жизнь, завоевать ее всему народу.

Разумѣется, на виду была все таки больше наша, матросская жизнь. Не хотѣлось дальше терпѣть надъ собой надвѣтельности. — На этомъ мы мало-по-малу крѣпко спѣлись и тѣсно, сплоченной массой стали надвигаться на своего вѣкового врага — начальство.

Жизнь наша была устроена плохо, и мы первымъ дѣломъ стали требовать улучшенія этой жизни. За нами не признавали никакихъ правъ, — ни человѣческихъ, ни солдатскихъ; униженія, оскорбленія, надвѣтельности слышались на наши головы. Мы стали протестовать противъ всякаго насилія и беззаконія. Въ воздухѣ собиралась гроза, вѣдлись грозные слухи о возстаніи. Матросовъ, словно подмѣнили — они и смотрѣть, и говорить стали иначе. Начальство растерялось. Оно видѣло, что сила дружная стоитъ противъ него, что не сломить этой силы, и дѣлало уступку за уступкой.

— Ура! наша беретъ! Небось стухнули, какъ почували нашу матросскую силу! — говорили довольные матросы.

Еще дружнѣе и энергичнѣе шла послѣ каждой маленькой побѣды работа. Всѣ видѣли силу единенія, всѣ жили въ непрестанной борьбѣ и каждому хотѣлось быть полезнымъ общему дѣлу. Добились улучшения пищи, вѣжливаго обращенія, отпусковъ въ городъ по билетамъ не только въ праздничные дни, но и въ будни — по 20 человѣкъ съ сотни (прежде пускали по 10 человѣкъ съ сотни и только въ праздники); добились смѣщенія нѣсколькихъ ротныхъ командировъ и многихъ другихъ улучшеній.

Разъ какъ-то драгуны избили матросовъ съ „Громобоя“. Возмущенные, они прибѣжали къ себѣ на крейсеръ, который только что вернулся съ Дальняго Востока и стоялъ въ полномъ вооруженіи въ гавани. Разказали товарищамъ о случившемся. Поднялся шумъ, крики: „Что же это, братцы! Долго-ль еще мы будемъ страдать отъ этихъ тирановъ? Всѣхъ перебить! Отметимъ за своихъ!“

Немедленно одни стали готовить катера, другіе бросились къ пушкамъ. Спустили 4 десантныхъ пушки, установили ихъ въ катера и хотѣли двинуться на берегъ. Но тутъ явился командиръ, обѣщая сѣздать къ коменданту съ требованіемъ убрать драгунъ. Матросы рѣшили обождать его возвращенія, не отказываясь, однако, отъ своихъ намѣреній. Черезъ четыре часа драгунъ въ Кронштадтѣ не было.

Или — вотъ еще случай.

Однажды на повѣркѣ было объявлено, чтобы 30 человѣкъ на завтра явились на панихиду по Чухнинѣ, одѣвшись почище. Зашумѣло, загудѣло въ казармахъ. Немедленно было дано знать во всѣ экипажи объ этомъ распоряженіи, снеслись съ партійными организаціями. Въ результатъ было рѣшено ни подъ какимъ видомъ на панихиду не идти. На утро экипажные представители объявили начальству о нашемъ рѣшеніи и объяснили причину.

— Для насъ, — говорили они, — смерть Чухнина не печаль, а великая радость. Мы безъ конца благодарны тому смѣльчаку, который освободилъ родину отъ этого изверга рода человѣческаго.

Три часа говорили тогда матросы. Вся накипѣвшая ненависть вылилась въ горячихъ рѣчахъ. Припоминали передъ начальствомъ всѣ душегубства и обманы правительства, всѣ страданія народа отъ старыхъ порядковъ, все, что закипѣло на сердцѣ, словно чуяли мы, что убійство Чухнина — нашихъ, матросскихъ рукъ, дѣло. Говорили о

новыхъ временахъ, временахъ правды и справедливости, одинаковой для всѣхъ, о счастливой долѣ для всего народа.

Начальство видѣло, что мы — сила, и отступило передъ нами, не поспѣвъ даже наказать говорившихъ.

И много еще было случаевъ въ такомъ родѣ, когда начальство должно было отступать передъ нашей организованностью и единодушiемъ. Даже на самыя темныя головы успѣхи борьбы дѣйствовали хорошо. Всѣ видѣли и понимали, что „сила солону ломить“. Довѣрiе къ представителямъ частей росло и крѣпло. Влiяние организации шло вширь и вглубь. Страхъ передъ начальствомъ пропадалъ. Однако, мы стали понимать, что эта мелкая борьба съ начальствомъ недостаточна, что необходимо и возможно сдѣлать послѣднiй рѣшительный ударъ. Мы хорошо знали, что народъ съ тревогой и надеждой смотритъ въ нашу сторону, въ сторону армiи и флота, мы понимали, что наши пушки и штыки мѣшаютъ ему сокрушить въ концѣ самодержавное правительство. Было обидно и тяжело сознавать это. Само собой, хотѣлось повернуть наше оружіе противъ общаго врага нашего и всего народа...

Таковы были думы и желанiя...

Неоднократно матросы поднимали вопросъ о „выступленiи“, но, хотя и съ большимъ трудомъ, все же удавалось сдерживать ихъ.

Между тѣмъ, послѣдовалъ разгонъ Думы. Настроение среди матросовъ сразу повысилось. Возмущенiе, негодованiе, жажда мести за поруганiе представителей цѣлаго народа наполнили сердца. О возстанiи заговорили громче. 18-го iюня пришло извѣстiе о Свеаборгскомъ возстанiи и, конечно, еще болѣе подняло настроенiе. Гроза надвигалось.

— Пора! — говорили матросы, — пора сбросить правительство, захватить власть и передать ее народнымъ представителямъ, чтобы былъ правильный законъ, поставленный самимъ народомъ. Мы — сыны трудового народа и должны защищать его интересы, а не интересы кучки золотопогонныхъ грабителей, расхищающихъ народное богатство.

Положенiе дѣлъ становилось серьезнѣе. Приходилось готовиться опредѣленно къ возстанiю. Дни и ночи просиживали надъ разработкой подробностей плана возстанiя. Спать не приходилось — было не до того...

Въ ночь на 19-ое iюля мы сидѣли въ своемъ экипажѣ и разсуждали: можемъ ли мы и имѣемъ ли право оставаться спокойными, когда вся родина находится въ нестерпимомъ положенiи, когда голодающихъ крестьянъ вмѣсто хлѣба кормятъ пулями и штыками, когда стонъ и плачь стоитъ надъ землей. Прочли „манифестъ“ членовъ Думы и революционныхъ партій и союзовъ къ армiи и флоту. Каждый высказывалъ свое мнѣнiе. Мнѣнiя сходились: терпѣть дальше не было силы, медлить больше нельзя.

— Какіе же мы сыны народа, если останемся спокойными послѣ разгона Думы?! Наше молчанiе, наше спокойствiе позорно, преступно. Оно, вѣдь, ясно покажетъ народнымъ представителямъ, что ихъ воззванiе къ намъ не встрѣтило никакого отклика.

Нѣкоторые товарищи, незнакомые съ нашими планами, замѣчали:

— Конечно, молчать позорно, желанiя встать за народъ хоть отбавляй, но, гдѣ у насъ сила? гдѣ оружіе?

На это возражали, что не одни мы, матросы, поднимаемся. „Съ

нами будутъ минеры, саперы, крѣпостники*), артиллеристы. Не останутъ енисейцы и доставятъ намъ оружіе“. Говорили долго и много. Между прочимъ, возникъ вопросъ: что дѣлать съ офицерами во время возстанія? Всѣ приходили къ единодушному заключенію, что въ живыхъ ихъ оставлять нельзя, уже по одному тому, что они могутъ воспользоваться случайной заминкой, дурно подѣйствовать на матросовъ и забрать ихъ въ руки. Тогда „пиши — пропало“. При томъ же всѣ они были для насъ деспотами или „драконами“, — какъ ихъ называли матросы. Всѣ они стремились выколотить изъ насъ живую человѣческую душу, заглушить живую мысль. А уже насчетъ искорененія „крамолы“ — куда были горазды. Мы перебрали ихъ всѣхъ по одиночкѣ и не нашли ни одного, достойнаго нашего дѣвѣрія и даже простаго снисхожденія.

— Всѣ они враги намъ и народу. Не будетъ добра, если оставимъ ихъ въ живыхъ. Мы должны ихъ убивать безъ пощады, — закончили свою рѣчь одинъ изъ товарищей.

И съ этимъ нельзя было не согласиться.

Объ этомъ предметѣ еще и раньше у насъ неоднократно поднимались споры съ партійными (с.р.) интеллигентами. Во всемъ мы сходились съ ними, жили душа въ душу, и только въ этомъ вопросѣ никакъ не могли столкнуться. Они настаивали, что офицеровъ нѣтъ нужды убивать, что достаточно ихъ арестовать, чтобы отрѣзать имъ всякую возможность вмѣшаться въ возстаніе. Убивать же они предлагали только въ случаѣ сопротивленія.

— А вдругъ. — говорили они, — вы убьете сочувствующаго или просто хорошаго человѣка? Вѣдь, это скверно было бы. Быть можетъ, онъ перешелъ бы на нашу сторону и принялъ бы на себя командованіе?

Мы, однако, стояли на своемъ, думая, что сочувствующій давно бы уже проявилъ себя добромъ, а не оставался бы вѣрнымъ холопомъ правительства. А если бы кто изъ нихъ и перешелъ къ намъ, такъ, вѣдь, это было бы сдѣлано изъ страха. Какое ужъ тутъ сочувствіе или содѣйствіе? Чертъ съ нимъ совсѣмъ!

— Еще подложить такую свинью, что не возрадуемся, — замѣчали мы. — Ужъ лучше подальше отъ такихъ союзниковъ. Безъ нихъ обойдемся!..

Наша ночная бесѣда была прервана появленіемъ дежурнаго матроса:

— Егоровъ! — позволь онъ меня, — тебя вызываютъ. Иди къ воротамъ!

Съ разгоряченной головой, возбужденный смѣлыми, горячими рѣчами, вышелъ я на дворъ, жадно глотая свѣжій ночной воздухъ. Казалось все приняло особенный оттѣнокъ, все зажило вмѣстѣ съ нами новой, кипучей жизнью. И странно было видѣть обывателей, въ обыкновенномъ обывательскомъ настроеніи, съ сѣмячками, высыпавшими на улицы; странно было слышать шутки и остроты караульныхъ матросовъ у воротъ. Это было какъ-бы неумѣстно. Душа полна необычайнымъ волненіемъ; казалось, что вотъ-вотъ все измѣнится, наступитъ великая торжественная минута — начало новой жизни. Благоговѣющее чувство передъ близкимъ будущимъ разливалось въ душѣ. Духъ захватывало. . .

*) 1-й и 2-й Кроншт. крѣп. пѣхотные батальоны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознание важности минуты, сознание отвѣтственности за великое дѣло всецѣло охватило меня.

Въ такомъ настроеніи я подошелъ къ воротамъ, немного встревоженный неожиданнымъ и подлымъ вызовомъ. За воротами стоялъ вольный товарищъ, блѣдный и, видимо, заволнованный.

— Идемъ погулять, — сказала она, стараясь говорить весело.

Я перескочилъ черезъ заборъ, предчувствуя, что случилось что-то важное.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я.

— Получена телеграмма. Восставшіе суда идутъ въ Кронштадтъ. Соберите скорѣ комитетскихъ, приведите въ обычное мѣсто, — отвѣчалъ товарищъ скороговоркой.

— Значитъ — начинать? — спрашиваю.

— Вѣроятно — да. Обсудимъ — видно будетъ.

Я тотчасъ же вернулся въ экипажъ. Товарищи-матросы окружили меня, разспрашивая тихо, въ чемъ дѣло. Однако, раньше времени тревогу поднимать было нельзя, и я отвѣтилъ, что ничего не случилось.

— Просто пришли за мной — зовутъ гулять, — успокаивалъ я товарищей.

Затѣмъ я бросился разыскивать представителей, чтобы сообщить имъ полученное извѣстіе и позвать на экстренное совѣщаніе. Пройдя въ другіе экипажи, я вызвалъ, кого нужно было, яко-бы на ночную пирушку. Благодаря такой хитрости, удалось успокоить товарищей, которые замѣтно волновались. Такое ужъ время было, что относились ко всему тревожно и подозрительно.

Живо собрались экипажные представители, и мы, перебравшись черезъ заборъ на улицу, отправились на конспиративную квартиру. Засѣданіе къ нашему приходу уже началось, несмотря на то, что представителей всѣхъ частей собрать не удалось. Въ виду послѣдняго, собраніе ни къ чему не пришло: рѣшили обождать до утра.

Въ экипажи мы вернулись въ четыре часа и тотчасъ же собрали экипажные комитеты. Сообщили имъ о пришедшей изъ Свеборга телеграммѣ и предложили на обсужденіе вопросъ: нужно ли выступать? Выяснилось, что долше ждать не приходится. Настроеніе въ командахъ таково, что каждую минуту можетъ загорѣться пожаръ. Недовольство промедленіемъ увеличивается; сдерживать людей становится труднѣе...

Тревожная была эта ночь!

О свѣ никто и не думалъ. Всѣмъ было ясно, что время ожиданій прошло, что наступило время дѣйствій, такое время, когда отдѣльный человѣкъ уже не въ силахъ остановить событий. Каждый обдумывалъ положеніе дѣла въ свое части, шансы на успѣхъ восстанія.

На другой день, въ 8 часовъ утра, представители всѣхъ частей собрались на гарнизонное собраніе, гдѣ каждый сообщилъ мнѣніе своей части о необходимости восстанія. Большинство представителей сообщало самую благоприятную вѣсти. Однако, душа всетаки была не на мѣстѣ. Мы отлично понимали, что однимъ революционнымъ настроеніемъ не побѣдишь, что нужна еще хорошая постановка дѣла и подготовка людей. А въ этомъ отношеніи дѣло не вездѣ шло хорошо. Безпокоили насъ енисейцы, настроеніе которыхъ въ послѣднее время упало; не блестяще обстояли дѣла и у артиллеристовъ. Сноситься съ ними стали недавно и просто не успѣли поставить организацію на

ноги. Вольшинство артиллеристовъ находилось на фортахъ, почему сношенія съ ними были трудны. Они были почти совсѣмъ оторваны отъ насъ. Кромѣ того, еще одно обстоятельство представляло нѣкоторое затрудненіе: не были доставлены въ Кронштадтъ револьверы, бомбы, гранаты, такъ какъ предполагалось, что возстаніе начнется по указанію организацій, а перевозить заранее эти снаряды не было смысла, вслѣдствіе усиленныхъ арестовъ и обысковъ. Все это не было заготовлено.

Собственно при такомъ положеніи вещей трудно было рѣшиться на выступленіе, но, съ другой стороны, нельзя было и откладывать. Телеграмма изъ Свеаборга означала, что возставшіе суда идутъ къ Кронштадту, а, разъ это такъ, надо было выступать немедленно, иначе правительство заняло бы форты черносотенными войсками и разстрѣляло бы суда. Конечно, мы не могли допустить, чтобъ изъ-за нашей нерѣшительности пострадали наши братья-матросы, ожидавшіе найти въ насъ поддержку, а не предательство. Для всѣхъ дѣло было ясно. Поставили на голосованіе... Всѣ высказались за выступленіе. Оставалось еще разъ повторить планъ возстанія. Были внесены послѣднія поправки. Затѣмъ вновь поднялся вопросъ объ офицерахъ. Предлагалось сдѣлать постановленіе — не убивать ихъ безъ крайней необходимости. Мы возражали противъ такого предложенія, заявляли, что у насъ уже принято другое рѣшеніе, но, въ концѣ-концовъ, чтобы не тратить времени на бесплодные споры, согласились дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. На этомъ и закончилось гарнизонное собраніе.

Въ 2 часа дня мы распрощались другъ съ другомъ. Товарищъ Глѣбко, какъ бы предчувствуя свою блиакую смерть, обратился къ намъ съ короткой, но сильно сказанной рѣчью.

— Товарищи, — говорилъ онъ, — въ послѣдній разъ, быть можетъ, мы собрались вмѣстѣ. Кто знаетъ, какой конецъ достанется намъ?! На великое дѣло идемъ: добывать счастье всему народу. Умереть за это дѣло — развѣ это не радость, не счастье?! Кто благо народа цѣнитъ выше всего, выше жизни своей, тотъ пусть идетъ съ нами. Трусамъ здѣсь не мѣсто! Товарищи! Великое дѣло беремъ мы на себя — поклянемся же, что выполнимъ его честно!

— Кланяемся! — отдалось кругомъ.

Лица у всѣхъ были серьезны и точно свѣтились какимъ-то особымъ свѣтомъ, свѣтомъ воодушевленія.

Послѣ рѣчи Глѣбко, мы еще разъ простились и спѣшно разошлись по своимъ частямъ. Терять времени было нельзя. Каждую минуту надо было употреблять съ пользой, чтобы не упустить чего-нибудь, досмотрѣть за всѣмъ. Весь день прошелъ въ сутолокъ и бѣготнѣ. Дѣло затруднялось тѣмъ, что во что бы то ни стало надо было скрыть отъ врага наши планы и приготовления. Да и отъ многихъ товарищей приходилось скрываться до поры до времени, такъ какъ они, не привыкшіе къ осторожности, могли проговориться, кому не слѣдуетъ.

Справка у насъ прошла тихо...

Въ 10 часовъ въ свободномъ помѣщеніи были собраны 50 человекъ самыхъ рѣшительныхъ товарищей изъ трехъ экипажей, стоявшихъ на нашемъ дворѣ (11, 16 и 20). Имъ объявили о возстаніи, познакомили съ общимъ планомъ дѣйствій и распредѣлили между ними обязанности. Затѣмъ выбрали предводители и разошлись по экипажамъ.

Каждый представитель собралъ свою команду и сталъ разъяснять что должно произойти. Что тутъ было!... Разсказать трудно!...

Необыкновенное воодушевление охватило всѣхъ матросовъ. Лица загорѣлись рѣшимостью и вѣрой въ побѣду. Все заходило ходуномъ. Одинъ матросъ въ безмѣрномъ восторгѣ воскликнулъ:

— Наконецъ-то зоря занимается!... Скоро наступитъ день!.. Довольно уже ходили мы въ потемкахъ. Не нужны намъ прожекторы. Они освѣщаютъ путь къ гибели!...

— Товарищи, — прервалъ я оратора, — времени остается немного, надо поспѣшить, идемъ переодѣваться!...

Въ одинъ мигъ весь дворъ покрылся матросами въ темныхъ фланелевыхъ „форменкахъ“ (рубашкахъ). Пробыло 11 часовъ. Настало время дѣйствовать. Назначенные заранее для захвата оружія люди выстроились, и во главѣ съ предводителемъ, въ стройномъ порядкѣ двинулись со двора въ канцелярію нашего экипажа. У входа въ пирамидахъ стояли винтовки. Немного поодаль у денежнаго ящика — часовой, а у окна, съ газетой въ рукахъ, сидѣлъ дежурный офицеръ Стояновскій. Войти въ помещеніе и схватить винтовки было дѣломъ одной минуты. Съ винтовкой въ рукахъ я подбѣжалъ къ Стояновскому и, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ крикнуть, нанесъ ему нѣсколько штыковыхъ ранъ. Несмотря на раны, онъ подбѣжалъ вплотную къ окну, очевидно, съ намѣреніемъ кричать о помощи, но еще нѣсколько штыковыхъ ударовъ положили его.

Такъ палъ первый изъ встрѣтившихся намъ враговъ.

Пока мы справлялись съ Стояновскимъ, другіе взламывали ящикъ съ патронами и револьверами. Разобравъ патроны, мы по командѣ выстроились и зарядили винтовки. Въ полномъ порядкѣ мы вышли на дворъ, гдѣ къ намъ стали пристраиваться безоружные. Въ это время къ намъ приблизился младшій флагманъ 2 ой дивизіи контръ-адмиралъ Беклемишевъ въ сопровожденіи капитана 1-го ранга Родіонова. Подойдя къ намъ, Беклемишевъ строго спросилъ о причинѣ сборища и приказалъ немедленно разойтись по казармамъ. Не успѣлъ онъ кончить, какъ раздался револьверный выстрѣлъ, и пуля прошила обоихъ офицеровъ. Родіоновъ повернулся назадъ, а Беклемишевъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по направленію къ корридору 11-го экипажа. Вслѣдъ имъ обоимъ разомъ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, которыми Родіоновъ былъ убитъ наповалъ, а Беклемишевъ серьезно раненъ. Не дойдя до корридора, онъ повалился.

Между тѣмъ, къ воротамъ подошли матросы 1-й дивизіи. Ворота были заперты на замокъ, ключъ отъ котораго находился у дежурнаго офицера.

За ключемъ, впрсчемъ, остановки не было, — одни изъ товарищей ломомъ вырвалъ скобу, и ворота, такимъ образомъ, были открыты.

Прибывшіе стали кричать намъ, чтобы мы немедля пристраивались къ нимъ. По плану, этого не должно было быть. Мы должны были захватить съ собой машинистовъ, отправиться на катажахъ на форты. Поэтому мы очень удивились новому распоряженію и рѣшили, что первоначальный планъ измѣненъ, такъ какъ предводитель 1-й дивизіи настойчиво требовалъ подчиненія. Было неудобно послушаться еще и потому, что пререканія двухъ предводителей дурно бы подѣйствовали на дисциплину.

Я командовалъ своему отряду строиться, и мы двинулись за 1-й дивизіей на Широкую улицу, гдѣ и остановились.

— Что-жъ дальше? Зачѣмъ вѣдь привели сюда? — спрашивали матросы, видя, что на Широкой улицѣ дѣлать намъ рѣшительно нечего, и что мы стоимъ безъ толку.

Видно было, что предводитель 1-й дивизіи растерялся и самъ хорошо не зная, что надо дѣлать. Правда, что растеряться было неумудренно: всѣ надежды на полученіе оружія рухнули, такъ какъ предполагалось, что присоединившіеся енисейцы снабдятъ насъ оружіемъ, а они не только не возстали, но стояли въ полной боевой готовности для усмиренія. Однако, моему отряду надо было выполнить свое дѣло. Я подошелъ къ предводителю первой дивизіи и рѣшительно потребовалъ объясненія его дѣйствій. Онъ, видимо, на что-то рѣшился, такъ какъ сталъ строить свой отрядъ, а намъ приказалъ идти по своему назначенію.

Что мнѣ было дѣлать? Возвращаться назадъ за машинистами? — это скверно подѣйствовало на людей. Я рѣшилъ немедленно вести отрядъ дальше. Но у насъ мало было оружія (всего 50 человекъ вооруженныхъ), такъ что выполнить свое дѣло было трудно. Я просилъ помощи у первой дивизіи, но получилъ отказъ, такъ какъ и у нихъ самихъ чувствовался не меньшій недостатокъ оружія.

Мы двинулись къ арсеналу, гдѣ должны были ожидать рабочіе и матросы, но ни тѣхъ, ни другихъ мы не нашли. Рѣшено было оставить арсеналь и идти къ енисейцамъ, чтобы попытаться поднять ихъ. По пути зашли на электрическую станцію, ваяя безъ сопротивленія караулъ (человѣкъ 10 матросовъ) и оставили свой. Въ это время мы всѣ были еще полны вѣры въ побѣду и шли впередъ бодрѣе, воодушевленнѣе. Подходимъ къ казармамъ енисейскаго полка, видимъ — боевой знакъ (красный фонарь). Приходилось дѣйствовать осторожнѣе, и мы двинулись въ обходъ. Выйдя на эту же улицу съ противоположной стороны, мы замѣтили выстроенныхъ енисейцевъ, которые при нашемъ приближеніи отошли въ уголъ. Мы стали кричать имъ:

— Товарищи! присоединяйтесь къ намъ! Будемъ вмѣстѣ биться за свободу!

Тотчасъ же затрещали по насъ выстрѣлы. Было ясно: передъ нами во всякомъ случаѣ — не союзники. Отстрѣливаясь, мы стали отходить назадъ. Въ то же время съ другой стороны зарокотали пулеметы. Началась непрерывная трескотня; пули, ударяясь въ камни мостовой, съ виагомъ отлетали въ сторону. Плохо, видно, цѣлили. Большого вреда эта пальба намъ не приносила, но все же приходилось круто. Мы пользовались всякимъ прикрытіемъ: занимали дворы, стрѣляли изъ-за заборовъ, прятались за углы зданій, въ канавки. Положеніе наше становилось сквернымъ: впереди — енисейцы, съ боку — пулеметы, съ тылу подходили тоже енисейцы. А насъ небольшая кучка, и притомъ почти безъ патроновъ.

Дѣло прогорало...

— Куда хочешь, веди насъ! Мы на все готовы! — говорили матросы.

Куда же я могъ повести ихъ, какъ не на вѣрную смерть?!

Идти къ арсеналу не было смысла, такъ какъ, еще подходя къ енисейскимъ казармамъ, мы узнали отъ вольныхъ, что арсеналь взять отрядомъ матросовъ, но что теперь тамъ дѣйствуютъ пулеметы. Пальба оттуда была слышна намъ. А, кромѣ того, мы были отрѣзаны енисейцами отъ центра города. Оставался одинъ выходъ — бѣжать.

— Придется уступить, товарищи! — сказала я, — хотя и досадно по другому выходу нѣтъ.

И мы... бѣжали.

Было горько и обидно. Отчаяніе и неистовая злоба доводила насъ до бѣшенства. Смерть легче перенести, чѣмъ пережить такую минуту. Такъ долго ждали, вѣрили, трудились, всю душу вложили въ дѣло и вдругъ... въ нѣсколько часовъ все рухнуло. Мучительно было сознавать всю безпомощность, невозможность чѣмъ-нибудь поправить дѣло...

Нѣсколько часовъ продолжались поиски бѣжавшихъ. Тысячи были арестованы, и не многимъ удалось спастись, выбравшись изъ этого ада. Но всё мы затаили въ себѣ столько злобы, столько гнѣва, что придетъ время, хлынетъ онъ неудержимой волной и снесетъ всю накопившуюся за столѣтія гниль, очистить мѣсто для новой, свѣтлой жизни, полной радости и правды...

Памяти Николая Егорова.*)

Я встрѣтился съ нимъ въ одной изъ п... столовыхъ. Онъ стоялъ у столика и разговаривалъ съ какой-то дѣвицей. Товарищъ, который шелъ со мною, махнулъ указалъ на него и сказалъ:

— Это — Николай Егоровъ, онъ — матросъ, участвовалъ въ кронштадтскомъ возстаніи, пользовался тамъ популярностью. Иди же познакомься!

Насъ познакомили.

Вкладывая свою руку въ его, я невольно залюбовался этимъ простымъ, чистымъ, свѣтлымъ, добродушнымъ лицомъ. На меня смотрѣли ясные, глубокіе, голубые глаза, лаская своей неизъяенной прелестью. На широко, простомъ лицѣ русскаго труженика-мужика сіяла добродушнѣйшая улыбка.

Перекинувшись нѣсколькими фразами, мы двинулись въ одну изъ нашихъ конспиративныхъ квартиръ, чтобы тамъ окончателно переговорить о покушеніи на генерала Павлова и рѣшить, кто болѣе подходящъ для исполненія труднаго и на первый взглядъ казавшагося неисполнимымъ дѣла.

Когда мы вдвоемъ пришли, товарищи были уже въ сборѣ и мы приступили къ дѣлу. Оказалось, что послѣ трехъ-мѣсячныхъ усилій надъ изученіемъ великолѣпно-обставленнаго съ технической стороны помѣщенія Павлова и образа его жизни, наконецъ, отысканъ былъ способъ добраться до него.

*) Н. Егоровъ въ декабрѣ 1906 г. убилъ главнаго прокурора Павлова, былъ арестованъ на мѣстѣ и черезъ нѣсколько дней его по приговору военного суда повѣсили.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ обсужденія, всѣ остановились на томъ, чтобы на дѣло шли два человѣка, — изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоялъ Николай Егоровъ. Да и, дѣйствительно, лучшаго исполнителя трудно было представить. Онъ былъ человѣкомъ, глубоко вѣрующимъ въ дѣло и горѣлъ жаждой революціонной работы. Для него давно стало очевиднымъ, что враги народа, такъ долго держащіе его въ цѣпяхъ рабства, благоденствующіе за его счетъ, не уступятъ своихъ позицій безъ боя. Онъ понялъ это, и вступилъ въ ряды партіи с.-р. Ихъ девизъ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ — сталъ его девизомъ; ихъ цѣль, ихъ стремленія — стали его цѣлью, его стремленіями.

Вся его недолгая жизнь была рядомъ активныхъ протестовъ, — и, наконецъ, мы видимъ его среди членовъ боевого отряда, куда онъ принесъ свою чистую душу, свою вѣру, свою жизнь, чтобы отдать ее народу. . .

Засѣданіе окончилось. Выборъ второго человѣка палъ на меня. Мы затѣмъ и вышли съ конспиративной квартиры первыми, такъ какъ тогда же должны были получить на другой квартирѣ еще мундшры, а утромъ намъ надо было уже выходить на дѣло.

Тепло, искренно простившись съ товарищами, — они падутствовавали насъ своими грустными, но спокойными взглядами людей, твердо вѣрившихъ въ свое дѣло. . .

Ночь была морозная, тихая, ясная. . .

Я почувствовалъ, какъ Николай схватилъ меня за руку и, наклонивъ ко мнѣ свое восторженное, охваченное торжествующей радостью лицо, сказалъ:

— Умремъ!

Во мнѣ поднялось какое-то неизъяснимое чувство — чувство давно лелѣемой мысли и, глядя на эти ясные, какъ небо, глаза, сжимаемая его руку, я отвѣтилъ:

— И побѣдимъ!

— Да, побѣдимъ! — горячо сказалъ онъ, энергично тряхнувъ головой; и еще разъ, крѣпко пожалъ мнѣ руку, сказалъ:

— Идемъ!

Дорогой мы не сказали больше ни одного слова, но звѣздная ночь позволяла намъ встрѣчаться взглядами, въ которыхъ мы читали другъ у друга, какъ въ открытой книгѣ.

Въ нихъ свѣтилась вѣра въ дѣло, сознаніе важности его, и порой мелькали огоньки затаенной радости исполненной мечты — удовлетворенное чувство борца.

На квартирѣ насъ ожидало разочарованіе. Одежда не была принесена, и мы должны были уйти ни съ чѣмъ. Кромѣ того, въ самомъ планѣ покушенія на Павлова произошли нѣкоторыя осложненія, и оно откладывалось на неопредѣленное время. Намъ же передали, чтобы мы законспирировались.

Съ тяжелымъ чувствомъ я выслушалъ объ этой отсрочкѣ и на моемъ лицѣ навѣрное сказалась досада. Замѣтивъ это, Николай положилъ свою руку на мое плечо и сказалъ:

— Не уйдетъ! — вдемъ!

Мнѣ какъ-то стыдно стало за свою слабость, и эти два слова, сказанныя такъ спокойно и скрѣпленные лучезарнымъ взглядомъ его глазъ, вселили во мнѣ надежду. Съ облегченной душой, вѣрующіе, мы рѣшили ждать.

Это время мы жили вмѣстѣ. Иногда приходили товарищи и сообщали интересующія насъ новости.

Послѣ рѣзкаго перехода изъ стремительно-вертящагося водоворота дѣлъ, мы чувствовали себя въ тихомъ заливѣ, готовясь съ силами, чтобы бодрыми выйти на открытую арену битвы. . .

Никогда, никогда, не забуду я этого времени. Въ эти дни предомною со всей яркостью развернулася идеальная душа Егорова, чтобы навсегда запечатлѣть свой чудный образъ въ моей душѣ. Сидя вечерами одни, свободные отъ всякихъ дѣлъ, мы разговаривали. Шагъ за шагомъ рассказывалъ онъ свою жизнь, полную невзгодъ и лишений. Онъ поражалъ меня ясностью и простотой своихъ сужденій, въ которыхъ чувствовалось глубокая продуманность, полная сознательность и ясный, опредѣленный выходъ изъ существующихъ невозможныхъ условій.

Но особенно пріятно было слышать его, когда онъ говорилъ о страданіяхъ и думахъ крестьянъ. Самъ — крестьянинъ, онъ перенесъ весь этотъ тяжелый бытъ на своихъ плечахъ, онъ со страстностью доказывалъ и развивалъ свои мысли, скрѣпляя ихъ народными вѣрованіями и поговорками о необходимости передачи земли въ руки трудового народа. Но вотъ разговоръ перешелъ на его службу въ солдатахъ, первыхъ боевыхъ революціонныхъ шагахъ въ Баку и, наконецъ, въ Кронштадтѣ, гдѣ Николай стоялъ въ первыхъ рядахъ возставшихъ борцовъ.

Здѣсь еще болѣе рельефно была видна его цѣльная, революціонная натура.

Съ грустью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ какой то тихой и гордой радостью вспоминалъ онъ о павшихъ въ битвѣ товарищахъ.

Твердой рѣшимостью звучали его слова о необходимости активныхъ революціонныхъ выступленій. Онъ говорилъ:

— Только борьбой, упорной борьбой мы достигнемъ великой цѣли — освобожденія народа изъ рукъ поработителей!

Николай поражалъ меня не только глубиной и ясностью своего ума, но и чуднымъ характеромъ; за все время совмѣстной съ нимъ жизни я не замѣтилъ, чтобы онъ сердился; добродушная, свѣтлая улыбка не покидала его лица.

Наконецъ, пріѣхалъ товарищъ и сказалъ, что все налажено и завтра нужно выходить, но въ силу нѣкоторыхъ переменъ въ дѣлѣ, идти долженъ одинъ. На сторонѣ Николая были всѣ преимущества, а потому идти рѣшили ему.

Нѣсколько разъ намъ пришлось провожать его на дѣло. Задача была очень сложная, а времени въ его распоряженіи было слишкомъ мало; или Павловъ не выходилъ на прогулку, или другія причины мѣшали. Егорову приходилось возвращаться обратно.

Онъ простился съ самимъ дорогимъ для него въ мірѣ — съ жизнью, подвелъ всѣ итоги съ ней. У него остался послѣдній долгъ — честно выполнить „свое“ дѣло.

Для остальной жизни онъ уже умеръ, онъ живетъ только для своего дѣла.

Я говорю „своего“, такъ какъ онъ какъ бы сросся съ дѣломъ, которое онъ долженъ выполнить. Онъ глубоко, съ болью, продумалъ свое дѣло въ его деталяхъ. Онъ, какъ мать, родилъ его и любилъ материнской любовью. Онъ не могъ уже представить себя внѣ этого дѣла.

И вотъ, ему не удастся его выполнять, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ!

Что переживалъ онъ въ эти минуты?

О, это самыя тяжелыя, самыя мучительныя минуты въ жизни террориста!

Только сильныя, только глубоко, глубоко вѣрующіе въ святость дѣла люди, способны вынести эту тяжелую нравственную пытку...

Возвращаясь, онъ всегда былъ въ веселомъ, приподнятомъ настроеніи: шутилъ, пѣлъ и страстно, убѣжденно говорилъ товарищамъ:

— Я вѣрю — онъ не уйдетъ!

Наконецъ, наступилъ день, день, который не забудетъ Россія!

Палачъ палъ!...

Л.

Великіе князья на войнѣ.

(Изъ воспоминаній бывшаго военнаго корреспондента Ф. П. Купчинскаго *)

I. Борисъ въ Ляоянѣ.

... Война разгоралась.

Сразу было видно, что особенно настойчиво японцы станут вести блокаду Артурской крѣпости, дабы, закончивъ ее скорѣе, послать на сѣверъ войска, осаждающіе Артуръ, и флотъ для встрѣчи эскадръ Рожденственскаго и Небогатова.

До закрытія сообщеній съ сѣверомъ, когда поѣзда еще свободно циркулировали между Ляояномъ, гдѣ былъ штабъ Куропаткина, и Артуромъ, всѣ инстинктивно чувствовали, да и понимали разсудкомъ, что это тамъ — въ Артурѣ разыграется самая трагическая часть сумасшедшей, ненужной войны. И всѣ стремились въ Артуръ, всѣ, интересовавшіеся войною, „прикомандированные“, „находящіеся въ распоряженіи“, „уполномоченные“, „командированные“ и прочіе, пріѣхавшіе на войну изъ любопытства или расчета получить награду.

Отправились и братья Кириллъ и Борисъ Владиміровичи, дебоши которыхъ въ петербургскихъ ресторанахъ, наконецъ, стали „въ глазахъ общества“ компрометировать августѣйшихъ повѣсь.

— Надо отправить мальчиковъ провѣтриться, — говорил ихъ отецъ, Владиміръ Александровичъ, безпутный дядя Николай второго, извѣстный и въ Россіи, и въ Парижѣ кутежами, дорогими забавами на свой или чужой счетъ.

И „мальчиковъ“ отправили.

*) Статьи Ф. Купчинскаго въ «Руси», печатавшіяся почти непрерывно два года, о томъ, какъ велась война съ японцами, какъ грабилась русская казна русскими генералами и полковниками, интеллигентскими и строевыми, отъ Квантуна до Харбина, отъ Харбина до Петербурга, Москвы, Кіева и Варшавы — доставили немало хлопотъ военному министерству, пытавшемуся въ рядѣ циркуляровъ опровергнуть свои же документы. Автора привлекали «за клевету», но когда стало обнаруживаться безвыходное положеніе военнаго министерства, стали привлекать уже по 129 ст., за прежнюю его литературную дѣятельность, чтобы лишить возможность продолжать слѣдствіе. Авторъ былъ арестованъ и выпущенъ подъ залогъ, но принужденъ былъ покинуть Россію въ виду новыхъ привлеченій по 129 ст. Многое, извѣстное Ф. Купчинскому, не могло быть оглашено въ подцензурной печати, но теперь «Былое» имѣетъ возможность это сдѣлать.

О томъ, какъ дѣйствительно держали себя великіе князья на войнѣ, нигдѣ еще не писалось. Редакціи была бы благодарна за всѣ данныя, присланныя въ ея распоряженіе на интересную для исторіи тему; поведеніе великихъ князей на войнѣ. Р. з.

Одного — старшаго — Кирилла — въ Портъ-Артуръ, въ штабъ адмирала Алексѣева на „Петропавловскъ“, а другою — младшаго — къ Куропаткину въ Ляоянь. Последняго особенно нужно было на нѣкоторое время убрать изъ Петербурга, такъ какъ рядъ полученныхъ имъ пощечинъ отъ разныхъ лицъ, по разнымъ случаямъ его безчинствъ, заставили выйти даже его изъ Л.-В. Гусарскаго полка, въ которомъ онъ числился корнетомъ.

Снарядили „мальчикамъ“ особыя поѣзда, которые по пути своего путешествія къ театру войны, конечно, тормозили и портили все движеніе военныхъ поѣздовъ; послѣдніе задерживались, запаздывали изъ-за великокняжескихъ поѣздовъ, тогда какъ имѣвшаяся въ нашемъ распоряженіи одна желѣзнодорожная колея, конечно, и безъ того, плохо и не во-время доставляла какъ самихъ людей, такъ и припасы.

„Мальчикамъ“ дали особыя свиты.

Эти „свиты“ состояли изъ молодыхъ собутыльниковъ и товарищей по кабакамъ или полкамъ великихъ князей; кромѣ того, возлась безчисленная прислуга, любовницы, лошади, экипажи, собаки, рояли, вина и пр.

Когда эти поѣзда проѣзжали мимо какой-нибудь станціи, тамъ стоялъ невообразимый переполохъ. Дѣлать надо было даже невозможное, только бы пропустить поѣздъ. Начальники станціи теряли голову. Поѣзда съ необходимыми припасами, спѣшившими въ Артуръ, ставились надолго на запасные пути, лишь бы пропустить очень спѣшившихъ на войну великихъ князей.

Поѣздъ Бориса остановили въ Ляоянь, былъ поставленъ на одномъ изъ запасныхъ путей, а Борисъ, прикомандированный къ штабу Куропаткина, получилъ возможность начать свою „дѣятельность“ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Необычная обстановка жизни „на войнѣ“, а, въ сущности, въ тылу войны, очень забавляла много видовъ видавшаго уже на своемъ вѣку — молодого бездѣльника царской крови.

Пьянство, развратъ, карточная игра и дебоши, царившіе въ Ляоянь, поблѣднѣли передъ продѣлками Бориса.

Не имѣя ровно никакихъ дѣлъ, какъ всегда, — Борисъ сталъ забавляться.

Съ утра онъ выѣзжалъ со „свитой“, уже навеселѣ, по китайскимъ деревнямъ.

Безобразія, творившіяся тамъ, не поддаются никакому описанію. Для забавы Бориса насиловались и сѣкли китайскія дѣвушки и мальчики. Убѣждавшихъ прекратить распутство китайцевъ, вступившихся за своихъ, — хватили и били, отрѣзывали косы, сѣкли и пр. Не разъ были высѣчены Борисомъ представители населеній, фудутуны и цян-зюны, прѣезжавшіе просить опомниться и необижать невинныхъ мирныхъ поселянъ. Частыя дѣльныя китайскія депутаціи являлись къ Куропаткину

съ жалобами на Бориса, но всё знали, что эти жалобы ничѣмъ не кончались. Говорили о томъ, что Куропаткинъ во всевозможныхъ формахъ дѣлалъ замѣчанія великому безобразнику, но тотъ мало этимъ смущался.

Офицеры, бывшіе свидѣтелями одного такого „замѣчанія“, рассказали мнѣ очень интересныя подробности, особенно характеризующія полную безнаказанность Бориса, также какъ и полное безсиліе Куропаткина избавиться отъ него.

Это было на станціи Ляоянъ.

Вакханалія пьянствъ, безчинствъ, дракъ, не прекращавшіяся въ зданіи Ляоянскаго вокзала, обратили, наконецъ, на себя вниманіе главнокомандующаго, и Куропаткинъ однажды появился на вокзалѣ, въ „ресторанѣ“, среди облаковъ табачнаго дыма въ гамѣ и крикахъ пьянствующаго офицерства.

Онъ успѣлъ дойти со своимъ адъютантомъ до половинныя залы, когда только его замѣтили и начали вставать.

Покачиваясь, оправились и встали всё офицеры, которые еще не лежали подъ столами мертвыми тѣлами.

Не всталъ только Борисъ, кутившій въ углу со своей шайкой. Онъ развалился небрежно въ креслѣ въ растегнутомъ сюртукѣ и, постукивая каблукомъ по столу, одинъ былъ слышенъ и очень замѣтенъ въ воцарившейся вдругъ тишинѣ.

Исподлобья, надувъ губы, смотрѣлъ онъ на Куропаткина, его „свита“ пыталась ему подражать, но это не удавалось; какъ не были пьяны товарищи Бориса, но они понимали, что эта шалость можетъ стать опасной.

— Вамъ не стыдно, господа офицеры? — началъ Куропаткинъ, — теперь, когда тамъ люди умираютъ, вы безобразничаете и пьянствуете, какъ въ притонѣ какомъ-нибудь, здѣсь, на глазахъ солдатъ, въ двухъ шагахъ отъ моего штаба, вы, которые должны служить примѣромъ солдатамъ!...

Всѣ слушали молча; Борисъ продолжалъ сидѣть и ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, однако, настолько громко, что слышали всѣ; что-то ворчали и его собутыльники.

Куропаткинъ повернулъ голову въ сторону великокняжескаго стола, густо покраснѣлъ, и направился туда. „Свита“ вытянулась. Борисъ замѣтно сконфузился, но продолжалъ сидѣть.

— Ваше высочество! — началъ Куропаткинъ. — Во-первыхъ, встаньте, ваше высочество!...

Борисъ какъ-бы минуту колебался: встать ли ему, или можно продолжать сидѣть? Но постъ сталъ тихо, небрежно подниматься и, облокотившись на столъ руками, привсталъ.

— Что-же, можно и встать! — произнесъ онъ небрежно.

Онъ хотя былъ и пьянъ, но не настолько, чтобы не понимать, что происходитъ.

— Ваше Высочество, — продолжалъ Куропаткинъ, сдерживая волненіе, — я принужденъ буду телеграфировать въ Петербургъ о томъ, чтобы васъ перевели въ распоряженіе намѣ-

стника, тамъ, въ Мукденѣ, вашему высочеству будетъ больше дѣла, да и будетъ пріятнѣе...

— Вотъ еще! — раздался отвѣтъ Бориса, — мнѣ и здѣсь хорошо!

Это было сказано такимъ тономъ, что борисова пьяная свита стала закрывать рты руками, какъ школьники, чтобы не фыркнуть, когда дерзнетъ директору товарищъ.

Куропаткинъ отошелъ.

А Борисъ въ арміи всетаки остался.

Ночью изъ его вагоновъ раздавались женскіе крики, пѣсни и музыка, пьяные, перекликавшіеся голоса, визгъ и шумъ. Изъ маленькихъ оконъ пульмановскихъ вагоновъ рѣкой лился во тьму свѣтъ.

Солдаты шопотомъ передавали другъ другу, проходя:

— Здѣсь его высочество забавляется изволять.

Офицеры, прибывавшіе въ штабъ изъ дѣйствовавшихъ отрядовъ, проходили мимо великокняжескихъ потѣхъ запыленные, грязные, усталые, дрожащіе отъ негодованія и безсильнаго возмущенія.

Иногда Борисъ, нарядный, смѣющийся, надменный, окруженный друзьями-собутыльниками, стоя въ окнѣ своего „вагона-столовой“, острилъ громко по адресу проходившихъ по грязи офицеровъ и вся компанія — „свита“ — раздражалась громкимъ, подобострастнымъ и злымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Все это видѣли солдаты, несшіе повсюду кругомъ и тутъ-же вблизи службу часовыхъ, разсылныхъ, ординарцевъ, деньщиковъ и пр.

Такъ забавлялся на войнѣ великій князь Борисъ Владиміровичъ, двоюродный братъ царя Николая, устроившаго эту войну по наущенію Плеве, для того, чтобы „побѣдить и раздавить въ корнѣ революцію“, какъ выражался Плеве.

Какъ извѣстно, послѣдствія-то были иныя!

II. Кирилль и Борисъ въ Портъ-Артурѣ.

Прикомандированный къ „Петропавловску“, собственно, въ штабъ главнскомандующаго и намѣстника Алексѣева, Кирилль, обѣдая и ужиная въ офицерской столовой, частенько хвастался передъ своими товарищами-офицерами, рассказывая о себѣ и о братѣ, о походахъ петербургскихъ, о кутежахъ и проказахъ веселой, безшабашной жизни.

Молодые офицеры слушали съ замѣраемымъ сердцемъ хвастливые рассказы, завидовали и подострастничали. Часто за общими обѣдами присутствовалъ адмиралъ Макаровъ; между послѣднимъ и Кирилломъ неоднократно происходили пререканія

и недомолвки, вслѣдствіе которыхъ Кириллъ ходилъ часами надутый и недовольный.

— Тамъ вы — великій князь, а здѣсь вы — лейтенантъ флота, которымъ я команду, — сказалъ однажды Кириллу Макаровъ на общемъ обѣдѣ, когда тотъ позволилъ себѣ какую-то великокняжескую вольность.

... Когда въ роковое утро гибели „Петропавловска“ флотъ вышелъ въ море, какъ извѣстно, Кириллъ былъ на „Петропавловскѣ“. Борисъ былъ на одномъ изъ фортовъ и смотрѣлъ въ подзорную трубу; когда флагманское судно, страшнымъ взрывомъ подкинутае кверху, вдругъ какъ бы распалось на двѣ части и исчезло въ столбъ воды, паровъ, огня и чернаго дыма, Борисъ закричалъ на форту, бросилъ трубу и побѣжалъ внизъ, не зная зачѣмъ. Его догнали съ лошадыю и уговорили съѣсть.

— Въ Россію, въ Россію, все погибло! — кричалъ онъ своей свитѣ... и галопомъ спѣшилъ къ вокзалу черезъ городъ.

Въ то же утро генералъ Стессель, считавшій почему-то опаснымъ мое пребываніе въ Портъ-Артурѣ во время сраженій, неожиданно распорядился арестовать меня, требуя моего скорѣйшаго отъѣзда въ Ляоянъ. Я обѣщалъ ему вернуться изъ Ляояна черезъ три дня, а пока покорился и, собравъ вещи, ѣхалъ къ вокзалу въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, эскортировавшихъ меня, обязанныхъ Стесселемъ „увидѣть, какъ я сяду въ поѣздъ и выѣду“.

И ѣхалъ по городу, наблюдая смятеніе, царившее на улицахъ. Тревожная вѣсть о гибели Макарова и „Петропавловска“ обѣжала изъ устъ въ уста, волнуя и мучая. На вокзалѣ я засталъ много жандармовъ и солдатъ, непускавшихъ публику къ поѣзду:

На платформѣ, крича и ругаясь, ходилъ молодой офицеръ-кавалеристъ, изысканно одѣтый, чисто вымытый, съ франтовски подкрученными маленькими усами, въ звенящихъ шпорахъ — это былъ Борисъ.

Заложивъ въ карманы обѣ руки, онъ громко ругался послѣдними словами по адресу желѣзнодорожной прислуги, топалъ ногами и кричалъ.

Чиновники и служащіе почтительно толпились въ сторонѣ, противоположной той, гдѣ, мирно бесѣдуя и куря, стояли борисовы товарищи-субультники, такіе же нарядные и прямозаные, какъ онъ, офицеры.

— Это, чертъ знаетъ, что такое! — неистовствовалъ Борисъ, — я хочу ѣхать въ Россію, а вы не можете дать мнѣ поѣзда! Я требую сейчасъ же поѣзда! — далѣе слѣдовала неповторимая ругань.

— Ваше высочество, — прикладывая дрожащія отъ испуга руки къ козырькамъ, лепетали въ отвѣтъ напуганные великокняжеской руганью служащіе, — мы ничего не можемъ сдѣлать; въ нашемъ распоряженіи нѣтъ свободнаго паровоза въ

эту минуту, подождите хоть полъ часа; поѣздъ будетъ снаряженъ.

Но Борисъ не унимался.

Онъ топалъ ногами, цѣствовалъ, ругался, обзываетъ всѣхъ мошенниками, подлецами, измѣнниками, грозилъ, плевался, даже плакалъ и, наконецъ, заявилъ, что пойдетъ по полотну желѣзной дороги пѣшкомъ.

Его уговаривали, почтительно предлагая успокоиться и немного подождать; но онъ всетаки отправился.

Служащіе не могли удержаться отъ улыбки, видя, какъ онъ зашагалъ по полотну отъ станціи. „Свита“ въ недоумѣніи послѣдовала за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Наконецъ, на вокзалѣ было получено сообщеніе по телефону, что великій князь Кириллъ, котораго сперва сочли погибшимъ, живъ, вытасненъ изъ воды матросами и отправленъ въ коляскѣ на вокзалъ. Приказывалось немедленно приготовить поѣздъ, который долженъ будетъ перевозить потрясеннаго Кирилла въ Ляоянъ и въ Россію.

Погнались за Борисомъ и сообщили извѣстіе, прося вернуться и отбыть съ поѣздомъ брата.

Борисъ ничего не отвѣтилъ, круто повернувъ, пошелъ опять къ станціи.

Я стоялъ у входа, когда онъ вошелъ, ругаясь, въ телеграфную контору и сталъ при мнѣ составлять телеграмму самаго отчаяннаго содержанія.

Я писалъ телеграмму о гибели „Петропавловска“ (телеграмму, послѣ задержанную и не доставленную).

Ждали телеграммы Бориса и моей не принимали. Борисъ нервничалъ и чиркалъ.

Онъ писалъ царю приблизительно такъ:

„Россія погибла, Портъ-Артуръ погибаетъ, Петропавловскъ погибъ, Макаровъ погибъ, братъ погибъ, но спасли изъ воды тяжело раненъ“. И послѣ прибавилъ еще что-то относительно измѣнниковъ и поѣзда...

Со „свитой“ своей онъ точно поссорился; какая-то сконфуженная и притихшая она стояла по-прежнему въ сторонѣ.

Въ комнату вошелъ быстро офицеръ и сказалъ, что привезли раненаго его высочество...

Борисъ сталъ стучать кулаками по столу.

— Ну, такъ поѣздъ, поѣздъ скорѣе, мерзавцы, а то я разнесу все тутъ и всѣхъ... и онъ вышелъ на платформу, вовсе не выразивъ никакой радости при видѣ спасеннаго брата, котораго несли на рукахъ матросы...

Кириллъ былъ такъ напуганъ, что не могъ говорить. Его принесли прямо въ вагонъ и уложили въ постель; онъ стоналъ и плакалъ, конечно, отъ сильнаго моральнаго потрясенія, такъ какъ раненъ не былъ вовсе.

Его вытащили изъ воды матросы, рискуя жизнью, такъ какъ онъ кричалъ, очутившись въ водѣ:

— Я великій князь, великій князь, спасите меня вамъ много заплотять!

При мнѣ пришли къ поѣзду мокрые, обожженные и перевязанные матросы и робко спрашивали случайно у меня:

— Не знаете ли, ваше высородіе, гдѣ тутъ великій князь, — онъ обѣщалъ намъ заплавать за спасеніе; повидать бы хотѣлось, а то уѣдутъ, — забудутъ...

Ихъ провели офицеры къ Кириллу; они вышли отъ него съ заплаканными лицами.

Я долженъ былъ ѣхать съ этимъ поѣздомъ. Жандармы внимательно слѣдили за тѣмъ, уѣду ли я.

Поѣздъ медлил. Кириллъ все писалъ новыя и новыя телеграммы. Изъ оконъ вагоновъ раздавался споръ августѣйшихъ братьевъ, попавшихъ неожиданно въ такую скверную передрагу.

Во всѣ концы летѣли телеграммы Кирилла о томъ, что онъ сильно раненъ, что лежитъ безъ сознанія и проч.

Молва еще и ихъ преувеличивала и въ общемъ выходило то, что въ Ляоянѣ, Мукденѣ и дальнѣйшихъ пунктахъ къ поѣзду князей выходили чуть ли не триумфальныя процессіи офицеровъ изъ штабовъ привѣтствовать „августѣйшаго героя“.

Говорились самыя низкопоклонныя рѣчи, выражалось изумленіе храбрости, мужеству, твердости души великаго князя, спасеннаго на пользу Россіи милосердной десницей всемогущаго...

Кириллъ и Борисъ слушали, стоя въ окнахъ, и принимали за должное триумфъ, пышную лесть и пріятныя слова офицеровъ и благодарили, и ѣхали дальше.

Дорогой Кириллъ оправился совершенно и въ Петербургъ прибылъ веселымъ и здоровымъ.

Борисъ вновь остался въ Ляоянѣ и съ прежнимъ пыломъ принялся за свои подвиги съ китайцами, за пьяные дебоши, кутежи и скандалы, наводя панической ужасъ на селенія мирныхъ китайцевъ однимъ своимъ именемъ...

Послѣ Борисъ, никогда не бывшій ни въ одномъ бою, былъ награжденъ своимъ царственнымъ кузеномъ и слѣдующимъ чиномъ и боевыми орденами...

Парижъ. Октябрь 1908 г.

Ф. Купчинскій.

„Тоже герои“.

Генералы Меллеръ-Закомельскій и Ренненкампфъ.

(Изъ недавняго прошлаго Забайкалья.)

Еще не такъ давно обширную всероссійскую и даже міровую извѣстность стяжали себѣ знаменитымъ „усмирениемъ“ Забайкалья эти генералы.

Имена ихъ повторялись съ ужасомъ и трепетомъ, газеты называли ихъ съ большою опаской и едва рѣшались говорить о творимыхъ ими расправахъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ.

Но всетаки писали и говорили объ этихъ генералахъ достаточно, чтобы общество представляло бы ихъ себѣ совершенно ясно, что за циркулируемыми легендарными слухами о ихъ дѣятельности скрывалась страшная потрясающая трагедія ненужныхъ безчисленныхъ убійствъ-казней, тѣлесныхъ расправъ и проч.

Только общество не знало подробностей этихъ подвиговъ „мирныхъ“ завоевателей забайкальскихъ станцій.

Бывшій начальникъ II отдѣл. службы движенія забайкальской ж.-д., Н. А. Усовъ, въ двухъ, изданныхъ имъ въ Харбинѣ, брошюрахъ описываетъ изумительныя, потрясающія душу подробности расправъ на Забайкалѣ, творившихся генералами Ренненкампфомъ и Меллеръ-Закомельскимъ. По понятнымъ причинамъ, эти книжки не могли видѣть свѣтъ, такъ какъ въ нихъ подробно и ярко описаны эти подвиги, на которыхъ сейчасъ я останавливаю вниманіе читателей.

Уже послѣ „усмирения Забайкалья“ Меллеръ-Закомельскій довольно опредѣленно проявилъ себя въ Прибалтійскомъ краѣ, о чемъ въ свое время много говорила и „легальная“ пресса.

Потому останавливаюсь на дѣятельности забайкальскихъ карательныхъ отрядовъ въ началѣ 1906 г.

Ограничусь краткими данными, провѣренными по вышеупомянутымъ воспоминаніямъ г. Усова.

На станціи „Мысовая“ 19 января была пролита первая кровь. Меллеръ-Закомельскій разстрѣлялъ 6 человекъ. Послѣ генералъ Ренненкампфъ повѣсилъ 5 человекъ, разстрѣлялъ — 13. Многое множество людей было сослано на каторгу, брошено въ

тюремы по ничтожнымъ, случайнымъ, вовсе ничѣмъ не провѣреннымъ подозрѣніямъ.

Число ихъ неизвѣстно.

Меллеръ-Закомельскій разстрѣлялъ тоже 13 человекъ. Это все зарегистрированныя цифры. А сколько было невѣдомо какъ и гдѣ казненныхъ, не внесенныхъ въ оглашенные списки?

И хотя въ январѣ на забайкальской дорогѣ рѣшительно нечего было усмирять, къ Читѣ съ двухъ концовъ, „усмиряя“ и „карая“ придвигались отряды: Ренненкампфъ — съ востока, и Меллеръ-Закомельскій — съ запада.

Г. Усовъ такъ описываетъ историческую встрѣчу двухъ отрядовъ царскихъ опричниковъ.

„Приѣхавъ на станцію „Мурино“, я, прежде всего, спросилъ назначеніе поѣздовъ.

Получилъ отвѣтъ:

„Идетъ генералъ Меллеръ-Закомельскій съ „семеновцами“.

Депеша о назначеніи передана наполовину, потому что въ Слюдянкѣ некому передавать.

Вся смѣна телеграфистовъ перепорота; остальные — разбѣжались.

Невеселыя мысли овладѣли мною, — что это за таинственность?

... Около 10 часовъ вечера подошелъ первый „боевой“ поѣздъ. Такихъ поѣздовъ я еще не видѣлъ. Только что поѣздъ остановился, его окружили солдаты, а изъ поѣзда вышли дежурный по эшелону, довольно полный капитанъ съ черной бородой и ревизоръ движенія Кульчицкій; послѣдній подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ:

— Идите въ задній вагонъ начальника I отд., а съ ними ради Бога, ничего не говорите! Ужасъ! Ужасъ!...“

Г. Усовъ поѣхалъ съ этимъ поѣздомъ.

Изъ разговоровъ съ Меллеръ-Закомельскимъ и офицерами отряда выяснилось, что опредѣленнаго маршрута у отряда еще не было; но чувствовали какое-то соревнованіе съ отрядомъ Ренненкампфа, какое-то страшное соперничество.

— Эхъ, хорошо бы уговорить нашего генерала ѣхать безъ остановки и „взять“ Читѣ раньше Ренненкампфа, — сказалъ какъ-то въ разговорѣ одинъ изъ офицеровъ.

Они точно ревновали къ отряду Ренненкампфа свои возможные лавры въ Читѣ, въ которой, къ слову сказать, тогда было уже спокойно.

— Ренненкампфъ расправится; вѣдь, это авѣрь, — говорилъ другой офицеръ, — перевѣшаетъ забастовщиковъ, какъ собакъ, шкуру спуститъ нагайками...

Отрядъ ѣхалъ и арестовывалъ по дорогѣ „подозрительныхъ“. И никто не зналъ, кто и почему „подозрителенъ“. Часто арестованныхъ отпускали, часто везли съ поѣздомъ.

А когда на дерзкіе и грубые оклики подполковника Забот-

кина однажды одинъ студентъ и одинъ техникъ, арестуемые, робко попросили полномочій, имъ Заботкинъ отвѣтить:

— На будущее время, когда васъ спрашиваютъ, кто вы такіе, вы должны отвѣчать, а не спрашивать полномочія; я ~~вамъ~~ могъ бы показать полномочія, разложить васъ и отодрать нагайками.

А какъ и почему арестовывали явствуетъ, напимѣръ, изъ слѣдующихъ словъ подполк. Заботкина, сказанныхъ г. Марцинкевичу.

— Надо арестовать бывшего и настоящаго старшихъ телеграфистовъ, а также и контролеръ-механика Немельцева; его фizioномія мнѣ показалась очень подозрительной, когда пороли телеграфистовъ въ Слюдянкѣ.

Но... послѣ оказалось, что они были даже внѣ всякихъ подозрѣній въ „неблагонадежности“.

Недурная картина рисуется дальше:

„...Г. Марцинкевичъ сказалъ что-то по-французски подполковнику Заботкину, послѣ чего взяли телеграфиста Яцуна и увели, а спустя 2 минуты въ контору ворвался начальникъ станціи Бакманъ, на которомъ буквально не было лица.

Въ отворенную дверь ворвались душу раздирающіе крики и поди. Заботкинъ сказалъ:

— Ну, теперь можно ѣхать!

Мы вышли и въ корридорѣ я увидѣлъ, что, прислоняясь къ стѣнѣ, въ накинутаго на плечи пальто, которое было въ сѣбгу, едва держась на ногахъ, стоитъ истерзанный телеграфистъ Яцунъ (пять минутъ назадъ вѣрившій въ наступившую „весну“).

Взглядъ, брошенный Яцуномъ на Марцинкевича и Заботкина, я никогда не забуду; въ этомъ взглядѣ выражалось одновременно и страшная безысходная тоска, и мука, и гнѣмой укорь... Кавалось, онъ спрашивалъ: за что вы истерзали меня? За что надругались надо мной?...

... Вошелъ Заботкинъ.

— Ну, что, кончили? всыпали многимъ? — спросили офицеры.

— Всего одному, да мало всыпали; виновать полковникъ, не понялъ меня, — отвѣчаетъ Марцинкевичъ и продолжаетъ: — Хорошо бы для острастки выпороть хотя одного начальника почтовой конторы...

Потомъ офицеры пошли спать.

Марцинкевичъ, по приказу котораго пороли телеграфистовъ, былъ чиновникъ. Одинъ капитанъ (коего полная характеристика ниже) даетъ ему такую характеристику.

— Чиновникъ онъ маленькій, всего титулярный совѣтникъ, но личность способная и замѣчательная; несомнѣнно, далеко пойдетъ! Можетъ представить, выслужилъ пенсію уже 22 года. 11 мѣсяцевъ въ Портъ-Артурѣ пробылъ — засчитали 11 лѣтъ. Вернулся въ Петербургъ — послали его по почтовымъ забастов-

камъ, за каждую командировку прибавляли годъ на пенсію и давали отъ 2 до 3 тысячъ. Полковнику Сыропятову (начальнику жандармскаго управленія сибирск. ж.-д.) онъ такъ понравился, что тотъ предлагалъ ему даже поступить къ нему на службу. Сейчасъ Константинъ Владиміровичъ Марцінкевичъ состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ начальникѣ почтъ и телеграфовъ и командированъ съ нами.

А послѣ, когда зашелъ разговоръ о безпорядкахъ и забастовкахъ, тотъ-же капитанъ рассказывалъ, видимо, съ удовольствіемъ, какъ „хорошо усмиряли“.

— Когда намъ приходилось дѣйствовать прикладами, мы били преимущественно по груди; побьешь, а утромъ человекъ готовъ!...

Недурно?... И этимъ не исчерпываются циничныя откровенности капитана (къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Усова не приведена его фамилія, но самый разговоръ запечатлѣнъ).

Капитанъ рассказываетъ дальше.

— А когда приходилось пороть и не хватало нагаекъ, то жарили шомполами! великолѣпно! мясо клочьями летѣло!

И это еще не всѣ шедевры изъ рассказовъ капитана. Вотъ еще:

— А то пришлось намъ пострѣлять на Иланской (на Сибирской); хорошо пострѣляли: 32 — на мѣстѣ, 62 — ранено, но „хорошо ранено!“ Къ утру врядъ ли остались живы 15 человекъ!...

„... Ужасъ охватываетъ меня, — говоритъ г. Усовъ, — слушая эти разговоры о бойнѣ людей, какъ о чемъ-то простомъ, обыкновенномъ. И изъ двухъ генераловъ я предпочиталъ Ренненкампа, мечтая о томъ, что съ Мысовой получится депеша, что Чита „взята“ и что помощи Меллеръ-Закомельскаго не требуется, хотя одинъ изъ офицеровъ сказалъ, что въ случаѣ, если генералы съѣдутся, то Ренненкампа подчинится Меллеръ-Закомельскому, такъ какъ этотъ старше...“

Какой же генералъ былъ лучше?

Г. Усовъ убѣжденъ, что „лучше“ былъ Ренненкампа, который однажды даже на словахъ заявилъ, что онъ противъ вѣрнаго, хотя и за порку.

Ренненкампа такъ, напримѣръ, выразился про это:

— Да, на забайкальской дорогѣ дѣло обстоитъ много лучше, чѣмъ на сибирской, гдѣ намъ пришлось пострѣлять, но въ этомъ служащіе сами виноваты; хотя я и имѣю полномочія вѣшать, но, слава Богу, до сихъ поръ никого не повѣсилъ; что касается телеграфистовъ, то, конечно, вѣшать ихъ не будемъ, а посѣчь надо; они испугались и многіе дѣйствовали подъ вліяніемъ террора снизу; мы имъ пропишемъ терроръ сверху!

„...А въ ночь съ 18 на 19 около 1 часу ночи въ контору

пришло пять человекъ кондукторовъ, растерзанныхъ, въ крови; у одного голова была разбита ручкой револьвера. . .“

Какъ и за что пороли — вотъ картинка:

— Какъ вы думаете, — спросили подполковника Ковалинскаго, — за четверть водки, сколько всыпать нагаекъ?

— Ну, что же, за четверть — четыре, — отвѣтилъ Ковалинскій.

— Эй, — закричалъ подп. Заботкинъ, — тому жиду, у котораго я отобралъ 11 четвертей водки — всыпать 44 нагайки. Всыпали.

Какъ обращались съ арестованными, можно судить хотя бы по слѣдующему приказу офицера солдатамъ, приведшимъ въ вагонъ жену доктора Радіонова и фельдшерицу Паргалеваскую.

— Въ случаѣ, если они будутъ разговаривать, — бей прикладомъ безъ предупрежденія. . .

Этотъ же поручикъ приказывалъ конвойнымъ:

— Смотри же, помни, если народъ будетъ собираться у поѣзда — стрѣлять безъ предупрежденія!

„Съ поѣздомъ, съ которымъ взяли меня, — рассказываетъ г. Усовъ, — привезли и инженера Рюмина (нач. участка Сиб. ж.-д.), котораго Меллеръ-Закомельскій возилъ съ собою, а офицеры нѣсколько разъ его любезно предупреждали, что онъ скоро будетъ разстрѣлянъ. Также привезли и телеграфистовъ ст. „Мысовая“, одному изъ нихъ этимъ была спасена жизнь, потому что въ числѣ другихъ онъ былъ вызванъ къ разстрѣлу“.

Долженъ былъ быть разстрѣлянъ и самъ Усовъ; онъ пишетъ о томъ, что ему угрожали всюду. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ революціонерами, арестовали и заключили въ тюрьму.

Онъ пишетъ объ этомъ:

„Спокойно относился я къ угрозамъ убить меня, ходилъ всюду, ѣдилъ по линіи. И даже въ тюрьмѣ, когда я узналъ, что по приговору суда генерала Ренненкампа повѣсили моего добраго сослуживца, инженера Медвѣдникова, то я приготовился къ смерти, сдѣлалъ всѣ распоряженія и заявилъ, что буду просить, чтобы меня разстрѣляли, а не вѣшали.“

Авторъ открываетъ одну за другой картины жестокостей, ничѣмъ не оправдываемыхъ, которыя лягутъ несмываемымъ позоромъ на лицъ, допускавшихъ эти жестокости.

Вотъ еще одна изъ картинокъ этихъ усмиреній:

„Поѣздъ Меллеръ-Закомельскаго стоитъ на ст. „Мысовая“. Никого еще не разстрѣляли, но только и городъ, и станція — въ паникѣ.

Обыски, аресты. Все попряталось, притаилось. Никто не можетъ дать себѣ отчета.

За что все это?

Что такое сдѣлалъ городъ и станція, что потребовалось по-

слать карательный поѣздъ, и въ то время, когда жизнь вошла въ колею, люди мирно собираются въ собранія, танцуютъ, играютъ въ карты, пьютъ, т. е. продѣлываютъ все то, что не возбранялось по штату российскимъ городамъ до манифеста?

У меня въ конторѣ идетъ обычная вечерняя работа, на станцію прибылъ пассажирскій поѣздъ.

Вбѣгаетъ въ контору изъ агентовъ, взволнованный, и рассказываетъ, что сейчасъ на станціи съ пассажирскаго поѣзда стащили машиниста, ѣхавшаго пассажиромъ на К.-В. ж.-д., и тутъ же, на глазахъ всей публики, отодрали нагайками.

Передавъ это, агентъ, — убѣжденный монархистъ, съ отчаяніемъ говоритъ

— Боже мой, Боже мой, что они дѣлаютъ? Они своими дѣйствіями способствуютъ революціи!

Трудно въ краткой статьѣ передать всѣ подробности возмутительныхъ расправъ, безчисленныхъ случаевъ насилія, издѣвательствъ надъ беззащитными служащими забайкальской жел. дороги.

Вѣроятно пройдетъ еще очень много времени, пока судъ исторіи прольетъ безпристрастный свѣтъ на дѣйствія этихъ позорныхъ „побѣдителей“ Забайкалья.

Мало того, что людей разстрѣливали массами и по одиночкѣ, офицеры позволяли себѣ глумиться и надъ тѣми, которымъ по странному капризу щадили жизнь.

Такъ, на примѣръ, начальника станціи „Боярскъ“, И. В. Земскова, заставили присутствовать при казни шести человекъ въ качествѣ „почетнаго зрителя“.

Интересныя впечатлѣнія самого Земскова, изложенныя въ письмѣ, нѣкогда опубликованномъ въ „Сибирскомъ Обзорѣннѣ“, но, какъ мнѣ передаютъ, не видѣвшемъ свѣта, благодаря конфискаціи.

То, что, къ сожалѣнію, не могло быть прочитано прежде — теперь подъ защитой „давности“ получаетъ оглашеніе и, конечно, послужитъ предметомъ возмущенія, не меньшаго, чѣмъ въ тѣ времена.

Въ письмѣ описывается вопіющее глумленіе надъ Земсковымъ, подробности разстрѣла при немъ нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ двухъ телеграфистовъ Ермолаева и Ключникова, не виновность которыхъ выяснилась черезъ мѣсяць.

Также при немъ были разстрѣланы еще: старшій телеграфистъ ст. „Чита“, токарь депо „Слюдянка“ Бѣлый и двое неизвѣстныхъ въ солдатскихъ шинеляхъ.

Какъ много не писалось о дѣяніяхъ экспедицій Меллеръ-Закомельскаго и Ренненкампа, но оказывается, что матеріалъ далеко не исчерпанъ. Все выплывающія новыя подробности, дѣйствительно наполняютъ душу негодованіемъ противъ бессмысленныхъ и жестокихъ расправъ.

Письмо просто, но ужасно, потому что дышетъ правдой въ этой простотѣ своей.

Не приводя письма, довольно длиннаго, я думаю, что и нежестѣдующія выдержки совершенно достаточны для выводовъ очень конкретныхъ.

„... Я, какъ бывшій „почетный зритель“ при казни шести человѣкъ, не могу удержаться, чтобы не передать вамъ о послѣднихъ минутахъ казненныхъ и о тѣхъ ужасныхъ минутахъ, которыя пришлось пережить мнѣ: во-первыхъ, видя эту бойню, а, во-вторыхъ, когда сказали, что нужно убить и седьмого, а этимъ седьмымъ былъ я, мое состояніе въ эти минуты можетъ понять только тотъ, кто самъ былъ въ положеніи приговореннаго къ смертной казни, а затѣмъ казнь была отмѣнена“.

Далѣе описывается, какъ автора письма обмаломъ, давъ на его имя телеграмму за подписью его начальника (который этой телеграммы не давалъ), вызвали на ст. „Мысовую“.

Цитирую письмо дальше:

„Пріѣхавъ съ побѣдомъ № 57 воинскимъ въ Мысовую и желая пройти въ телеграфъ, я только что взялся за ручку двери III класса, какъ предо мной, точно изъ земли, выросъ господнѣ въ штатскомъ пальто съ кокардой на фуражкѣ и, грубо взявши меня за руку, спросилъ:

— Вы куда?

— Въ телеграфъ, — отвѣтилъ я.

— Вы кто такой?

— Начальникъ станціи „Боярскъ“.

— Ваша фамилія?

— Земсковъ.

— Солдаты! Взять его! Вы арестованы, — проговорилъ незнакомецъ, обращаясь ко мнѣ.

Подошли два солдата и встали по бокамъ, предварительно щелкнувъ затворами ружей.

— Вы зачѣмъ сюда пріѣхали? — спросилъ незнакомецъ.

— Меня вызвалъ мой начальникъ.

— Это не онъ васъ вызвалъ, а я, чиновникъ Марцинкевичъ, васъ вызывалъ. Вашъ начальникъ (Усовъ) давно арестованъ и сидитъ въ вагонѣ у насъ; теперь очередь за вами, его главнымъ соучастникомъ.

Далѣе Земскова допрашиваютъ: подп. Заботкинъ, Марцинкевичъ и др.

Допрашиваютъ очень грубо и когда допрашиваемый говорить, что не знаетъ, гдѣ находится какая-то типографія, которую они ищутъ, Заботкинъ говоритъ:

— Въ такомъ случаѣ я вамъ покажу картинку, какъ мы будемъ расправляться съ однимъ жидомъ, а потомъ еще разъ прошу васъ пожалуйста за мною.

Далѣе необходимо цитировать, такъ какъ сей разсказъ буквально долженъ быть занесенъ на скрижали исторіи.

„... Я послѣдовалъ въ сопровожденіи тѣхъ же конвойныхъ за Заботкинымъ; послѣдній привелъ насъ на станціонные пути противъ станціи, гдѣ находились два карательные поѣзда ген. Закомельскаго. Здѣсь же, оцѣпленные солдатами, стояли пять человѣкъ въ штатскомъ платьѣ и одинъ въ солдатской шинели. Полковникъ Заботкинъ, подойдя къ бывшему тамъ офицеру, скасалъ, показывая на меня:

— Пожалуйста, не смѣшайте этого господина съ этой публикой (показываетъ на 6 человѣкъ, оцѣпленныхъ солдатами). Онъ раньше будетъ „почетнымъ зрителемъ“.

— Слушаю, — послѣдовалъ отвѣтъ офицера, и меня приобщили къ этой небольшой группѣ шести.

Вѣроятно, думаю я, припоминая слова Заботкина, съ этимъ господиномъ будутъ расправляться, какъ съ жидомъ, т. е. попросту говоря, выпорютъ.

Подходить офицеръ съ записной книжкой и говорить намъ:

— Господа! Кто имѣетъ передать что родственникамъ, то передайте, — все будетъ исполнено.

Помню, какъ телеграфистъ ст. „Мысовая“ Ключниковъ заявилъ:

— У моей квартирной хозяйки имѣются мои сбереженія 150 руб. Перешлите ихъ моей матери.

Передавали и другіе, но что именно — не разобрался; разговоръ же Ключникова остался въ памяти потому, что онъ стоялъ близко отъ меня; я зналъ его лично хорошо, какъ моего бывшего служащаго. Телеграфистъ ст. „Чита“, Савинъ, плакаль, умоляя допросить его:

— Вѣдь я не виновенъ, не скрывался, ѣхалъ въ Иркутскъ за покупками, меня никто не допрашивалъ, — за что же? — всхлипывая, говорилъ онъ, но получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ офицера:

— Поздно!...

Раздается возгласъ:

— Первый, выходи!...

Никто не дѣлалъ нумераціи этимъ несчастнымъ и, естественно, что всѣ остались неподвижно на своихъ мѣстахъ; подходятъ два солдата, берутъ подъ руки перваго попавшагося, оказавшагося слесаремъ депо Слюдянка.

— Прощайте, товарищи! — сказалъ онъ, и твердой походкой направился къ столбу.

Отъ столба слышенъ крикъ:

— Священника просить!

Заботкинъ отвѣчаетъ:

— Вотъ еще чего захотѣлъ! (пересыпаетъ площадной бранью). Священника! — и самъ удалился въ поѣздъ.

Слышатся первый, второй, третій залпъ — и одной жизни нѣтъ...

Расдается команда:

— Слѣдующій!

Идетъ къ столбу „слѣдующій“ безъ помощи солдатъ. Нѣсколько минутъ — и этого не стало.

Пятымъ разстрѣливали Ключникова. Про него скажу вамъ немного болѣе.

Передъ разстрѣломъ онъ расцѣловался со мною, поблагодаривъ за прошлую, совмѣстную службу, бодро направился къ мѣсту казни, сказавъ по пути чиновнику Марцинкевичу.

— Знайте, господинъ чиновникъ, что кровь наша на васъ и на дѣтяхъ вашихъ.

Но отвѣта не послѣдовало.

Первый залпъ въ Ключникова былъ неудачный, попало лишь три выстрѣла, — раздался душу раздирающій крикъ. Крикъ этотъ до сихъ поръ у меня въ ухахъ. Второй залпъ немного лучше первого и за нимъ лишь слышенъ былъ стонъ Ключникова; третій залпъ добилъ уже его окончательно.

Раздается команда:

— Отогрѣть затворы!

Вѣроятно, причина неудавшихся залповъ въ Ключникова была смазка ружейныхъ затворовъ, застывшая отъ 25° мороза...

Прикончивши съ шестымъ человѣкомъ, офицеръ, производившій разстрѣлъ, спрашиваетъ:

— Всѣ, что ли?

— Нѣтъ, — отвѣчаютъ солдаты, — еще одинъ остался.

А этотъ одинъ былъ я!

— Веди! — приказываетъ офицеръ.

Не ожидая, когда поведутъ, я самъ отправился къ столбу. Но въ это время вышелъ изъ карательнаго вагона подп. Заботкинъ и закричалъ:

— Нѣтъ, этого не нужно; онъ былъ у меня „почетнымъ зрителемъ“.

И, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Ну, что, видѣли картинку?

— Благодарю васъ, полковникъ, видѣлъ! — отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ что: я васъ возьму до Верхнеудинска и по пути вы должны показать всѣхъ сообщниковъ. Если же вы не покажете, то съ вами будетъ то же, что съ этими шестью. Пейните тогда на себя!...“

Далѣе описывается это путешествіе до Верхнеудинска, путешествіе еще болѣе тяжкое, мучительное и тревожное, чѣмъ даже самое присутствіе на казняхъ...

Земсковъ ежиги минутно могъ ожидать разстрѣла, которымъ ему грозили.

— Когда меня освободили, голова закружилась, стало въ глазахъ темно; я чуть не упалъ, — говоритъ Земсковъ.

И. В. Земсковъ посѣдѣлъ, побывавъ на казни „почетнымъ зрителемъ“ и вскорѣ внезапно умеръ. А послѣ оказалось, что онъ былъ арестованъ по ошибкѣ, что его смѣшали съ другимъ...

Вотъ каково было это историческое правосудіе карателей! И Меллеръ-Закомельскій разстрѣлялъ еще 7 человекъ на станціи „Могзонъ“; люди были ваяты имъ на станціи „Хилкъ“. По приговору „суда“ Ренненкампа было повѣшено въ Верхнеудинскѣ 5 человекъ, въ „Хилкъ“ разстрѣляно — 8, въ Читѣ — 4 и „Борѣ“ — 1.

Достаточно сказаннаго, чтобы установить наличие дикихъ расправъ „судовъ“, несмыслимымъ позоромъ покрывшихъ оружіе русскаго воинства.

Тѣмъ не менѣе, возможно подробное и всестороннее изслѣдованіе кровавыхъ генеральскихъ подвиговъ въ Забайкальѣ должно имѣть мѣсто въ свободной русской печати, посвятившей себя изслѣдованію и оглашенію всѣхъ выдающихся фактовъ изъ исторіи русской освободительной борьбы, этой борьбы неравной и кровавой...

Подвиги генераловъ Закомельскаго и Ренненкампа должны быть навсегда запечатлѣны особенно въ памяти русскаго воинства, которое, въ угоду царю, генералы повели убивать своихъ же, чтобы „побѣждать“ послѣ безчисленныхъ японскихъ пораженій...

Стараясь одинъ передъ другими выдвинуться, спѣшили эти „герои“ докладывать своему огорченному пораженіями самодержцу о томъ, какъ славно усмиряли они тѣхъ, которые встали или только думали встать противъ этого самодержавія.

Довольный „подвигами“ этихъ генераловъ, благодарный царь сдѣлалъ Меллеръ-Закомельскаго хозяиномъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ этотъ послѣдній сталъ продолжать свою кровавую дѣятельность, помогая царю удерживать шатающееся, непрочное и сомнительное его самодержавіе.

Войска должны знать имена и дѣла этихъ генераловъ, чтобы понять весь ужасъ того состоянія, въ которомъ ихъ держитъ самодержавіе, всю безвыходность ихъ „службы царю“, всю глубину жестокихъ и трагическихъ обмановъ, которыми окутана эта „служба“.

Парижъ, 25 октября (нов. ст.) 1908 г.

Ф. Купчинскій.

Изъ воспоминаній М. Е. Бакая.

Провокаторы и провокація.

Съ давнихъ поръ и до настоящаго времени однимъ изъ главныхъ бичей русскихъ революціонныхъ организацій является провокація. Благодаря этому злу, много погибло и погибаетъ лучшихъ силъ страны на висѣлицахъ, въ каторгѣ и въ ссылкѣ. Судя по послѣднимъ событіямъ, провокація въ рядахъ революціонеровъ не только не уменьшается, но прогрессивно увеличивается, чѣмъ дѣлаетъ всякія организованныя выступленія революціонныхъ организацій противъ хорошо мобилизованнаго правительства довольно затруднительными. Провокація слишкомъ крѣпко застыла въ рядахъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій и непрерывно, какъ древесный червь, подтачиваетъ ихъ силы. Если прослѣдить исторію русскаго революціоннаго движенія не только по источникамъ, доступнымъ каждому, но также по всѣмъ тѣмъ секретнымъ документамъ, которые хранятся подъ замками въ Департаментѣ Полиціи, то мы увидимъ, что само по себѣ правительство со всѣми громадными розыскными средствами, безъ внутренняго предательства, совершенно не въ состояніи бороться съ тайными революціонными организаціями. Девять десятыхъ всѣхъ обысковъ и арестовъ въ средѣ революціонеровъ происходятъ исключительно по даннымъ секретной (провокаторской) агентуры, и потому почти каждый провалъ надо разсматривать, какъ результатъ предательства.

Русское правительство всегда старалось поставить провокацію на должную высоту, справедливо оцѣнивая ея необходимость для своего существованія, и къ этому стремилось всѣми способами. Если эта цѣль ему и не удавалась вполне, то это зависѣло исключительно отъ его неумѣнія взяться за дѣло.

Для приобрѣтенія секретной агентуры и ея сохраненія отъ проваловъ, агенты правительства не останавливались ни передъ чѣмъ, сознавая, что одинъ провокаторъ въ общей суммѣ всегда больше даетъ цѣнныхъ свѣдѣній, чѣмъ сдѣланные обыски и аресты, способные повредить тому же провокатору.

Чтобы заполучить провокатора не останавливаются ни передъ устройствомъ умышленныхъ побѣговъ, ни передъ разстройствомъ крупныхъ судебныхъ дѣлъ, ни передъ подлогами. Чтобы охранить провокатора отъ проваловъ, не арестовываютъ типографій, складовъ литературы и оружія, оставляютъ на свободѣ нелегальныхъ и видныхъ дѣятелей, пропускаютъ безъ арестовъ сходки, съѣзды, допускаютъ террористическіе акты, и, въ концѣ-концовъ, часто тѣ же провокаторы участвуютъ въ террористическихъ актахъ, если это необходимо въ дѣляхъ ихъ самосохраненія, или являются инициаторами покушеній на должностныхъ лицъ въ личныхъ дѣляхъ или въ интересахъ своего начальства.

Многія революціонныя вспышки часто подавлялись не мощью правительства, а исключительно благодаря предательству. Поэтому на вопросъ о провокаторахъ слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе. Между тѣмъ, мы видимъ, что вопросомъ этимъ почти никто изъ революціонеровъ не занимался, его какъ будто совершенно избѣгаютъ, игнорируютъ, нанося себѣ этимъ самый серьезный и трудно поправимый вредъ.

I.

Мнѣ лично пришлось наблюдать, что до убійства Плеве количество провокаторовъ прогрессивно увеличивалось, послѣ этого акта вплоть до 17 октября постепенно падало, а въ дни свободы внутренняя агентура (провокаторство) была на краю полной дезорганизации. Такое разстройство зависѣло отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, участились случаи казни провокаторовъ и, вторыхъ, атмосфера общественнаго настроенія указывала на приближеніе революціоннаго натиска, вслѣдствіе чего провокаторы заблаговременно старались дезертировать изъ охраннаго лагеря, обезпечивая себѣ безопасное отступленіе. Можно указать, какъ общее правило, что слабость правительства вызываетъ отливъ, а усиленіе его — приливъ провокаторскихъ силъ. Передъ 17-мъ октября и послѣ него мы видѣли, что правительство не принимало никакихъ мѣръ противъ явныхъ революціонныхъ выступленій. Это надо объяснить не растерянностью, слабостью или нерѣшительностью его, а просто полнымъ незнаніемъ происходящихъ событій. Русское правительство не можетъ пожаловаться на отсутствіе людей, которые не были бы способны въ какое угодно время поступать такъ, какъ поступали Треповъ, Скалонъ, Столыпинъ, Курловъ, Трусевичъ и проч. лица, имя имъ — легионъ, но все же было время, когда русское правительство являлось безсильнымъ противъ революціонныхъ организаций не потому, что у него не было достаточно грубой силы, а потому, что оно было обезсилено внутреннимъ предательствомъ, и если оно шло въ борьбу, то съ закрытыми глазами. 17-ое октября явилось вынужденнымъ и совершенно

неожиданнымъ поражениемъ подъ напоромъ революціонныхъ силъ, и это показало, что систематическія выступленія хорошо законспирированныхъ организацій, несущихъ минимумъ потерь, могутъ сокрушить силу правительства, которое въ такихъ случаяхъ совершенно безпомощно съ своими полицейскими силами для борьбы съ невидимымъ врагомъ.

Дни свободы являлись днями, когда правительство, въ качествѣ зрителя, но съ предвзятымъ намѣреніемъ, учитывало силы революціонеровъ, которые такъ явно, передъ еще непобѣжденнымъ врагомъ, выставили ихъ на показъ и тѣмъ погубили результаты своихъ долготѣльныхъ трудовъ. Выступленіе Трепова, его знаменитая телеграмма отъ 11-го декабря 1905 г. объ арестѣ всѣхъ представителей революціонныхъ организацій, служитъ нагляднымъ примѣромъ того, что по подсчету правительства, его враги — революціонеры — не были ужъ такъ сильны количественно, разъ предполагалось для всѣхъ ихъ найти мѣста въ тюрьмахъ. Правительство хорошо учло моментъ для того, чтобы поправить свои ошибки и рѣшило непрерывно бороться съ снова ушедшей въ подполье революціей двумя путями: изнутри бороться путемъ широкаго развитія провокаціи, а извнѣ примѣнять грубую силу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

День 11-го декабря 1905 года можно считать послѣднимъ днемъ русской свободы, ибо съ этого дня правительство твердо рѣшило покончить съ революціей и постепенно налагать свое veto на всѣ завоеванныя свободы. Съ этой цѣлью правительство начало организовывать свои темныя силы: въ департаментѣ полиціи, подъ руководствомъ Рачковскаго, ротмистръ Комиссаровъ началъ печатать погромныя воззванія, по охраннымъ отдѣленіямъ ввели пытки, разослали по всей Россіи карательныя отряды, для оправдыванія творимыхъ жестокостей начали устраивать мнимыя покушенія, лабораторіи бомбъ, умышленныя вооруженныя сопротивленія и т. д., составили проскрипціонные списки всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ и нежелательныхъ лицъ. Приступили къ реорганизаціи политическаго сыска и во главѣ его поставили Трусевича, польскаго ренегата, человека злого и способнаго на всѣ подлости, но безусловно умнаго. Его долготѣльная практика при жандармскихъ управленіяхъ въ качествѣ наблюдающаго за дознаніями по дѣламъ политическаго характера познакомила его съ революціоннымъ движеніемъ и революціонерами, а его прокурорская душа превратилась въ душу жандарма. Тотчасъ, по вступленіи Трусевича въ должность директора департамента полиціи, имъ были разосланы телеграммы начальникамъ жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій съ приказаніемъ заняться, не стѣсняясь средствами, немедленнымъ развитіемъ самой широкой провокаціи во всѣхъ слояхъ населенія. Затѣмъ, онъ увеличилъ бюджетъ розыскныхъ органовъ, а для удобства политическаго ро-

ыска среди служащихъ желѣзныхъ дорогъ, обязали желѣзнодорожную жандармскую полицію заняться розыскомъ въ полость отчужденія и отпустилъ на это средства, чего раньше не было; кромѣ того, изъясилъ изъ дознаній дѣла о цѣломъ рядѣ цѣпазній надъ политическими и этимъ санкціонировалъ ихъ; увеличилъ число незаконенныхъ охранныхъ отдѣленій; для удобства розыска раздѣлили Россію на 10 округовъ, объединилъ въ каждомъ изъ нихъ охранныя отдѣленія, жандармскія управленія, розыскные пункты и поставилъ во главѣ округа, такъ называемыя, окружныя охранныя отдѣленія. Окружныя охранныя отдѣленія приспособили къ районамъ революціонныхъ организацій и, такимъ образомъ, сконцентрировали розыскъ по данному району въ одномъ мѣстѣ, гарантировавъ усѣбность ликвидаціи одновременно по всему этому району.

Трусевичъ дошелъ до того, что предложилъ обзавестись филерами — дѣтьми школьнаго возраста для наблюденія тамъ, гдѣ условія не позволяютъ быть взрослымъ. Этотъ ренегатъ не задумался надъ тѣмъ, что подобный развратъ ляжетъ позорнымъ пятномъ на юныя души не понимающихъ дѣтей. Комментаріи здѣсь излишни, ибо этотъ фактъ ясно характеризуетъ этого нравственнаго дегенерата.

Далѣе, онъ приказалъ увеличить жалованья провокаторамъ и выдать имъ единовременныя пособія. Онъ не забылъ поощрить и чиновъ корпуса жандармовъ и охранныхъ отдѣленій: однимъ далъ денежныя пособія, другихъ повысилъ въ должностяхъ, третьихъ путемъ высочайшей милости наградилъ чинами и орденами; изъ послѣднихъ особенно излюбленнымъ сдѣлался крестъ св. Владимира, который по праву можетъ быть названъ „шпіонскимъ“.

Для обслѣдованія эмиграціи снова была восстановлена заграничная агентура, путемъ наполненія ея провокаторами изъ Россіи; раньше въ европейскихъ городахъ сыскомъ занималось нѣсколько чиновниковъ департамента полиціи, напримѣръ, во Франціи и Швейцаріи — Ратаевъ, въ Италиі — Манусевичъ-Мануиловъ (псевдонимъ „Маска“ — иногда писалъ въ „Нов. Вр.“), въ Германіи — Гартингъ, на Балканскомъ полуостровѣ — жандармскій офицеръ Тржецякъ, впоследствии прочищавшій путь эскадрѣ Рождественскаго на таинственномъ пароходѣ „Эсмеральда“, а его помощникомъ былъ Вейсманъ, бывшій содержатель публичныхъ домовъ въ Одессѣ и Бѣлостокѣ, а затѣмъ правая рука варшавскаго оберъ-полицеймейстера барона Нолькена, снова возвратившійся впоследствии къ первоначальному своимъ одесскимъ занятіямъ. Но послѣ дней свободнаго розыска объединили и во главѣ его поставили Гартинга, на вѣстнаго больше подѣ фамиліей Петровскаго, проживающаго въ Парижѣ подѣ фамиліей Veire.

Въ самомъ департаментѣ полиціи тоже произошли измѣненія. Россію раздѣлили на три или, вѣрнѣе, четыре района: 30

падный, южный, восточный и сѣверный, поставилъ завѣдывать ими подполковника Беклемишева, бывшего адъютанта генерала Новицкаго, и подполковника Бремина, бывшего начальника кievскаго охраннаго отдѣленія, который такъ хорошо организовывалъ погромы, ставилъ типографіи, бросалъ бомбы и пр., — нынѣ онъ завѣдуетъ окружнымъ охраннымъ отдѣленіемъ на Кавказѣ.

Это все было, такъ сказать, внутреннія мѣры для борьбы со свободами, о которыхъ общество совершенно не подозрѣвало; что же касается внѣшней мобилизаціи, то карательные поѣзда, вооруженіе жандармовъ винтовками, охранные посты, учрежденіе цѣлаго ряда генераль-губернаторствъ съ диктаторскими полномочіями и т. п. говорили сами за себя.

II.

Правительство изъ опытовъ предыдущихъ лѣтъ прекрасно поняло, что единственно предъ чѣмъ оно можетъ капитулировать, — это передъ непрерывной террористической дѣятельностью, направленной противъ представителей центральныхъ органовъ и охранителей разныхъ степеней, ибо послѣдніе являются главными основаніями для лицъ, выше сидящихъ. Убійство начальника жандармскаго управленія или чина охраннаго отдѣленія производить цѣлый переполохъ въ рядахъ служащихъ и вносить дезорганизацію въ розыскъ, а систематическій терроръ по отношенію къ такимъ лицамъ вызываетъ среди нихъ массовое дезертирство.

Поэтому, съ водареніемъ Трусевича, всѣ силы были направлены на борьбу съ террористическими организаціями и даже не съ цѣлыми организаціями, а только съ тѣми группами и личностями, которыя могли быть способными на эту борьбу. Этимъ же объясняется, почему даже передъ Думой и во дни ея существованія въ большинствѣ охранныхъ и сыскныхъ отдѣленій террористы подвергались самымъ жестокимъ истязаніямъ. Все это дѣялось съ исключительной цѣлью добыть откровенныя признанія и получить нити для розыска. На борьбу съ тогдашнимъ террористическимъ движеніемъ правительство напрягало всѣ свои силы, ибо оно знало и знаетъ, что систематическій терроръ — его гибель, — и около борьбы съ террористами сосредоточивалась почти вся внутренняя политика русскаго правительства.

Другой важной заботой являлась забота о военно-революціонномъ движеніи и въ эту сторону правительство и розыскныя органы направили свои взоры. Уже во время русско-японской войны департаментъ полиціи съ согласія военнаго министра учредилъ на полѣ битвы охранное отдѣленіе. Профессоры и филеры были собраны изъ равныхъ концовъ Россіи,

а начальникомъ ихъ назначили бывшего начальника одесскаго охраннаго отдѣленія подполковника Васильева.

Конечно, подобное учрежденіе въ арміи было основано нелегально, и о немъ знали только высшіе офицеры. Чтобы скрыть настоящее званіе Васильева, его перерядили въ форму штабнаго офицера, и онъ числился офицеромъ варшавскаго военнаго округа.

Для борьбы съ агитаціей въ войскахъ, еще недавно были въ проектѣ, по крайней мѣрѣ, слѣдующія мѣры: ежегодно въ военную службу со всѣхъ концовъ Россіи поступаетъ много провокаторовъ; раньше они терялись для правительства, теперь же рѣшили, что, при приѣмѣ такихъ провокаторовъ на службу, ихъ, съ согласія военнаго начальства, назначаютъ въ такіе полки и мѣстности, которые больше всего нуждаются въ „освѣщеніи“. О такихъ провокаторахъ знаютъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь командиры полковъ, всѣ же агентурныя свѣдѣнія они сообщаютъ мѣстнымъ розыскнымъ органамъ, получаютъ отъ нихъ жалованье и, по ихъ настоянію, получаютъ повышенія въ солдатскихъ чинахъ.

Осуществился ли этотъ проектъ полностью — не знаю, но частично навѣрное, ибо въ 1906 году мнѣ пришлось наблюдать въ варшавскомъ военномъ округѣ провокаторовъ въ военной средѣ. Независимо отъ насажденія въ ряды войскъ собственной провокатуры, департаментъ полиціи добился того, что высшіе военные чины обязываютъ командировъ полковъ и прочихъ отдѣльных частей поощрять доносительство нижнихъ чиновъ на неблагонадежныхъ солдатъ и передавать ихъ доносы для лучшаго использованія жандармамъ. По крѣпостямъ обязанности политическаго сыска въ военной средѣ возложили на начальниковъ жандармскихъ командъ, отпустили имъ суммы на агентуру и стали требовать доносовъ, чего раньше не было. Такимъ образомъ, мы видимъ, что провокаторская зараза пущена въ русскую армію съ двухъ сторонъ: извнѣ — департаментомъ полиціи и изнутри — самимъ военнымъ начальствомъ. Нѣкоторыя мои наблюденія даютъ мнѣ право предполагать, что подобныя мѣры приносятъ для охранителей желаемыя выгоды, и уже въ 1906 году я зналъ о многихъ арестахъ, какъ среди нижнихъ чиновъ, такъ и интеллигенціи, исключительно по доносамъ солдатъ-провокаторовъ. Въ томъ же году, въ петербургскій или кексгольмскій гвардейскій полкъ (но, кажется, въ первый) поступилъ фельдфебель филеръ (шпіонъ) охраннаго отдѣленія и исправно дѣлалъ наблюденія чуть ли не за всѣмъ полкомъ.

Что же касается военныхъ бунтовъ, то они до послѣдняго времени обращали на себя особое вниманіе, такъ какъ частыя ихъ повторенія имѣютъ громадное моральное значеніе за границей, съ ними считаются, они служатъ показателемъ упадка внутренней организаціи Россіи, пораженіемъ единственной опоры

династии и предвѣстникомъ успѣшности революціи, — отчего, конечно, зависитъ кредитъ и отношенія съ иностранными державами.

III.

Такимъ образомъ, ясно, что правительство обратило самое серьезное вниманіе на развитіе провокатуры. Она давала въ руки правительства необходимое средство для борьбы съ революціонными организаціями, благодаря ей оно всегда имѣло возможность предотвратить агрессивныя выступленія революціонеровъ и, кромѣ того, она вноситъ дезорганизацію въ партіи.

Уже передъ роспускомъ первой Гос. Думы правительство было сильно своей провокатурой, — и черезъ нее знало, что на роспускъ Думы революціонныя партіи не въ состояніи реагировать активными выступленіями; но все же за нѣсколько дней до роспуска правительство сочло необходимымъ сдѣлать предварительную анкету черезъ свои розыскныя и полицейскія учрежденія о томъ, какъ можетъ населеніе реагировать на роспускъ Думы и можно ли ожидать соглашеній революціонныхъ партій между собой для общаго выступленія? Солидарность въ дѣятельности революціонныхъ партій всегда беспокоитъ правительство, — оно не вѣрить въ силу и не боится одной какой-либо революціонной партіи, но совмѣстныхъ ихъ выступленій всегда ожидало съ трепетомъ и неувѣренностью въ исходъ своихъ предначертаній.

Отовсюду вскорѣ были получены успокоительныя извѣстія, что населеніе не приметъ участія ни въ какихъ выступленіяхъ и что между вожаками партій, вслѣдствіе постоянныхъ разногласій и желанія играть инициативныя и первенствующія роли, соглашеній не послѣдуетъ. Результатомъ подобной анкеты явилось то, что числа 8 или 9 іюля по всей Россіи были разсланы секретныя шифрованныя телеграммы съ приказаніемъ приготовиться „на всякій случай“ къ 11-му іюля.

Тѣ члены Государственной Думы, которые съ ея трибуны говорили о народномъ возстаніи, въ случаѣ роспуска Думы, находились въ полномъ заблужденіи относительно настроенія массъ и готовности революціонныхъ организацій. Правительство объ этомъ знало еще до анкеты, хотя и не было вполне увѣрено, и поэтому вполне понятно, что оно игнорировало требованія Думы.

На общее положеніе революціоннаго движенія передъ роспускомъ первой Государственной Думы правительство имѣло слѣдующій взглядъ: военные бунты его сильно беспокоили, но, вслѣдствіе географическаго положенія Имперіи, имъ не придавалось рѣшающаго значенія, и правительство было всегда увѣрено въ возможности подавленія такихъ возстаній съ помощью

всѣхъ доступныхъ ему средствъ. Безсиліе революціонныхъ организацій для какихъ-либо выступленій, вслѣдствіе арестовъ, расколовъ и ненахожденія общихъ точекъ для совмѣстной дѣятельности, — все это правительству было хорошо извѣстно и не внушало ему никакихъ опасеній.

Что же касается возможности крестьянскихъ возстаній, то имъ правительство никогда не придавало и не придаетъ никакого значенія, — оно всегда было увѣрено въ успѣшномъ подавленіи ихъ въ самомъ зародышѣ при помощи самага незначительнаго количества штыковъ и нагаекъ. Аграрные беспорядки въ томъ видѣ, въ какомъ они появлялись въ 1906 г., служатъ хорошимъ предлогомъ для экзекуцій, конфискацій и выселенія нежелательныхъ элементовъ изъ предѣловъ безпоясанныхъ мѣстъ. Но, тѣмъ же менѣе, вслѣдствіе того, что аграрные беспорядки и ихъ послѣдствія являются хорошимъ агитирующимъ средствомъ для крестьянской массы, которая доставляетъ солдатъ, и того, что эти беспорядки, главнымъ образомъ, затрагиваютъ жизненные интересы правящей бюрократіи, то, естественно, что эти двѣ причины послужили поводомъ къ назначенію особаго руководства для борьбы съ аграрными движеніями и вообще пропагандой среди крестьянъ.

Роспускъ первой Государственной Думы не сопровождался немедленно ни измѣненіемъ избирательнаго закона, ни полнымъ отобраніемъ завоеванныхъ свободъ. Правительство, хотя и чувствовало себя сильнымъ, а своего врага безсильнымъ, но все же не было вполнѣ увѣрено, что на рѣзкій поворотъ къ реакціи оно не встрѣтитъ должнаго отпора со стороны всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ, и потому рѣшило отбирать всѣ свободы постепенно.

Вопросъ о полной ликвидаціи „конституціи“ былъ рѣшенъ въ теченіе лѣта 1906 года, и вотъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Столыпинъ, по должности шефа отдѣльнаго корпуса жандармствъ, изложилъ свое политическое сглаго въ особомъ секретномъ циркулярѣ, который былъ разосланъ всѣмъ отвѣтственнымъ лицамъ въ парусиновыхъ пакетахъ подъ пятью печатами, — „совершенно довѣрительно“, „лично“. Каждый, получившій циркуляръ обязанъ былъ немедленно телеграфировать: „пакетъ N... получилъ N...“.

Этотъ циркуляръ мнѣ пришлось прочесть; занимаетъ онъ 9 печатныхъ страницъ формата полулиста писчей бумаги.

Прежде всего, Столыпинъ, отъ имени правительства, говорить о томъ, что благодаря бездѣятельности властей, революціонныя и оппозиціонныя организаціи до того обнаглѣли, что начали посягать на измѣненіе государственнаго строя и въ этомъ преуспѣли. Разнузданность общества дошла до того, что всѣ распоряженія правительства игнорировались. Земскія, городскія и общественныя управленія дѣлали свои постановленія вопреки закону, удаляли умѣренный элементъ и замѣщали его

неблагонадежнымъ и т. д. Словомъ, сначала слѣдовало перечисленіе всѣхъ несчастій, которыя принесены манифестомъ 17-го октября. Дальше было предложено немедленно приступить къ дознаніямъ и розыскамъ о бывшихъ забастовкахъ, постановленіяхъ различныхъ обществъ, группъ и учреждений, о произнесеніи рѣчей и т. д., и участниковъ этихъ дѣяній предавать суду. Если окажется, что суды будутъ оправдывать (хотя въ циркулярѣ и оговаривалось, что министромъ юстиціи сдѣлано соотвѣтствующее разъясненіе), то виновныхъ отнюдь не оставлять безъ возмездія, а направлять ихъ дѣла въ административномъ порядкѣ. Въмѣнялось въ обязанность приобретать провокатуру и усилить розыскъ во всѣхъ направленіяхъ. Здѣсь были предусмотрѣны общества, профессиональные союзы, учебныя заведенія, благотворительныя учрежденія, газеты, журналы, книгоиздательства и пр., — и все это предназначалось къ постепенному ликвидированію.

Объ аграрныхъ безпорядкахъ Столыпинъ позаботился особенно и давалъ указанія дѣйствовать безпощадно: производить порку, примѣнять оружіе и высылать въ сѣверныя губерніи мало-мальски подозрительныхъ лицъ.

Вотъ, собственно, въ краткихъ чертахъ credo Столыпина, хотя о многомъ я не сказалъ по той простой причинѣ, что читалъ я этотъ циркуляръ въ сентябрѣ 1906 года, написанъ онъ канцелярскимъ и неудобопонятнымъ слогомъ, а потому я многое забылъ. Но, такъ или иначе, а программа Столыпина, кажется, осуществляется именно согласно этому циркуляру, но она, кажется, еще не вполне исчерпана.

Вторая Государственная Дума была назначена къ открытію просто для оттягиванія времени: еще до ея открытія былъ предрѣшенъ вопросъ о ея роспускѣ. Въ первыхъ числахъ февраля 1907 года мнѣ пришлось говорить съ лицомъ, близкимъ къ творцу русскихъ новѣйшихъ законовъ, товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Крыжановскому, и тотъ, со словъ Крыжановскаго, передавалъ, что Дума при первой возможности будетъ распущена, и правительство воспользуется этимъ для измѣненія избирательнаго закона, который приготовлялся уже тогда. Дѣла о заговорѣ и соц.-демократической фракціи только послужили лучшимъ поводомъ для роспуска Думы и измѣненія избирательнаго закона.

Лично для меня подобная политика правительства и сведеніе манифеста 17 октября на нѣтъ были ясны еще съ декабря 1905 г., и рассказанное мною не является подборомъ фактовъ для извѣстнаго вывода, а только перечисленіемъ бывшихъ приготовленій къ реакціи. Объ этомъ, начиная съ мая 1906 г. и до дня моего заключенія въ крѣпость, я всегда говорилъ Вл. Л. Бурцеву, увѣряя его, что всему виной сильнѣйшая

провокація, которая ставитъ правительство въ курсъ внутренней жизни революціонныхъ партій, тормозитъ ихъ предпріятія, проваливаетъ ихъ начинанія и т. д.

IV.

Я началъ писать о провокаціи, а отклонился въ сторону и занялся мѣропріятіями правительства. На первый взглядъ, это какъ будто и разные вопросы, но по существу своему они дополняютъ другъ друга, и безъ предыдущаго теряется ясность и ширина послѣдующаго.

Моя цѣль — освѣтить всесторонне провокаторскій вопросъ на основаніи личнаго опыта, полученнаго мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда я служилъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій по департаменту полиціи, и подтвердить это фактами, и если будущій историкъ захочетъ провѣрить сообщаемое мною, то онъ найдетъ все нужное въ архивахъ департамента полиціи и охранныхъ отдѣленій.

Провокаторскій вопросъ для всего революціонно-оппозиціоннаго движенія въ Россіи является кардинальнымъ вопросомъ его прошедшей, настоящей и будущей дѣятельности. Выясненіе провокаторскаго вопроса должно послужить для объясненія многихъ ошибокъ и непонятныхъ явленій. Каждый сознаетъ, что это — большой вопросъ, и въ то же время отъ его изученія бѣгутъ, какъ отъ чумы. Кромѣ того, что его не изучаютъ, ему придаютъ мало значенія. Большинство проваловъ надо разсматривать съ точки зрѣнія хотя бы отдѣльной провокаціи, а ихъ объясняютъ или случайностью, или результатомъ усиленной слѣжки. Большинство революціонеровъ страдаетъ „шпіономаніей“ и никто не обращаетъ должнаго вниманія на провокацію. Благодаря столь небрежному отношенію къ этому вопросу, провокація слишкомъ прочно внѣдрилась во всѣ слои населенія и выгнать ее отовсюду не такъ-то легко, хотя и не безнадежно, разъ захотятъ революціонеры заняться серьезнымъ изученіемъ провокаціи и беспощадной борьбой съ ней.

Русскую политическую полицію, т. е. жандармовъ, чиновниковъ и шпіоновъ (филеровъ), окружили какимъ то ореоломъ всепроницаемости, имъ приписываютъ необыкновенный умъ и таланты, говорятъ объ ихъ способностяхъ узнавать революціонеровъ и чуть ли не читать мысли въ ихъ головахъ объ ихъ планахъ и намѣреніяхъ и что, главное, преувеличиваютъ ихъ численность. Многимъ кажется, что за ними ходятъ по пятамъ шпики, что они спуютъ вездѣ и обязательно стоятъ на перекресткахъ, что ихъ всегда много на вокзалахъ, а нѣкоторые доходятъ до того, что утверждаютъ, что будто бы на такихъ вокзалахъ, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, имѣются особые фотографическіе аппараты, которыми снимаютъ спующую публику, и потомъ жандармы фотографію разсматриваютъ для опредѣленія

подозрительныхъ лицъ и т. д. Это — шпиономанія и больше ничего.

Изъ личныхъ наблюдений скажу, что умственный уровень жандармскихъ офицеровъ и чиновниковъ, за весьма немногими исключеніями, очень низокъ. Это — люди сытной жизни, 20-го числа, 6 мая и 6 декабря (въ эти два послѣдніе дня отъ имени царя раздаются награды за заслуги; корпусъ жандармовъ въ эти дни особенно награждается, ибо патрономъ жандармовъ считается св. Николай Чудотворецъ). Умственный кругозоръ ихъ очень узокъ, въ политико-экономическихъ вопросахъ они ничего не понимаютъ, изъ газетъ читаютъ однѣ черносотенныя, — рѣдко можно у нихъ видѣть даже „Новое Время“, въ большинствѣ случаевъ они лѣнтяи, трусы при опасности и злы, когда чувствуютъ себя сильными. Что же касается филеровъ, то умственный кругозоръ ихъ крайне ограниченъ, такъ какъ дѣло ихъ заключается лишь въ томъ, чтобы „смотреть за наблюдаемымъ, гдѣ онъ бываетъ и съ кѣмъ встрѣчается“. Это простой механизмъ, который заводится на день. Ждать отъ тѣхъ и другихъ ума даже непростительно, и если они чуть ли не „чудеса творятъ“ въ розыскѣ, то опять-таки потому, что за ихъ спинами скрываются тѣ же провокаторы.

Невѣжество жандармовъ изъ подъ пера будущаго историка должно войти въ поговорку. И, дѣйствительно, встрѣчаются поразительные феномены умственного убожества. Такъ, напр., вышшій начальникъ московскаго губернскаго жандармскаго управленія, генераль Черкасовъ, пробылъ въ Варшавѣ около 20-ти лѣтъ, все время занимался розыскомъ и дознаніями, но въ 1905 году мнѣ лично пришлось присутствовать при разговорѣ его съ ротмистромъ Петерсономъ, который объяснял генералу передъ его поѣздкой къ генераль-губернатору, какія революціонныя партіи дѣйствуютъ въ Царствѣ Польскомъ и, главное, ихъ различіе между собою. Человѣкъ, прослужившій около 20 лѣтъ, не могъ никакъ составить себѣ элементарныхъ понятій о партіяхъ! Или, еще лучше: начальникъ смоленскаго губернскаго управленія, полковникъ Поляковъ, никакъ не могъ разобраться въ названіяхъ революціонныхъ партій, — и у него соц.-революціонеры, соц.-демократы, бундисты — всѣ причислялись къ революціонно-демократической партіи.

Что же касается филеровъ, то они понимаютъ еще меньше, чѣмъ ихъ непосредственные начальники. Кстати, — большинство думаетъ, что въ каждомъ городѣ очень много шпионовъ, а въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и другихъ крупныхъ центрахъ ихъ насчитываютъ тысячами. Но это не вѣрно. Я фактически знаю, что въ Москвѣ всего 100 филеровъ, въ Петербургѣ — 150, въ Варшавѣ — 30—35 и въ Кіевѣ — столько же; въ другихъ же городахъ число ихъ колеблется отъ 5 до 15 чел.*)

*) На основаніи другихъ источниковъ намъ пришлось тоже убѣдиться, что количество филеровъ не такъ велико, какъ обыкновенно думаютъ. Ред.

Итакъ, я повторяю, что способности охранниковъ слишкомъ ограничены, а количественно они малочисленны. Поэтому, можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, что обыски, аресты и провалы самыхъ конспиративныхъ предприятий слѣдуютъ одни за другими. Гдѣ же искать, въ такомъ случаѣ, объясненія всѣхъ проваловъ и неудачъ какихъ бы то ни было активныхъ выступленій? Искать все это надо лишь въ провокаціи, и только въ ней одной.

Сколько я ни стараюсь, но положительно не могу за нѣсколько лѣтъ подрядъ припомнить, чтобы какіе-либо обыски или аресты, заслуживающіе вниманія, происходили безъ участія провокатуры. Правда, въ 1903 году въ Варшавѣ, напр., произошли обыски и аресты среди буддистовъ безъ участія провокаторовъ, но это случилось исключительно благодаря систематической перлюстраціи переписки заграничнаго комитета „Бунда“ съ комитетами въ Россіи. Но такіе факты бывали очень рѣдко.

Иногда и въ варшавское охранное отдѣленіе являлся какой-нибудь случайный доноситель и за нѣсколько рублей давалъ указанія на сходку революціонеровъ, на дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и т. д. Подобные доносители бывали хотя и не рѣдки, но ихъ разрушительная работа не страшна и случайна. Черезъ нихъ жандармы иногда имѣютъ возможность арестовывать сходки, кружки, наталкиваться на типографіи, литературу и т. д.

Все это, а равно обыски и аресты по случайнымъ причинамъ, при поверхностномъ обсужденіи причинъ проваловъ, объясняется обыкновенно, какъ результатъ наружнаго наблюденія, — но это явная ошибка. Придавать такое значеніе наружному наблюденію, — значить не вдумываться въ факты и совершенно просмотрѣть главную причину проваловъ — провокаціи.

Пользуясь совершенно секретными свѣдѣніями департамента полиціи, я имѣю возможность констатировать, что главнѣйшіе обыски и аресты среди революціонеровъ, произведенные въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, явились почти исключительно результатомъ „агентурныхъ свѣдѣній“, т. е. провокаціи.

Чтобы пояснить свою мысль, я приведу наглядные и поучительные примѣры изъ дѣятельности охраннаго отдѣленія съ провокаторами и безъ нихъ по городу Варшавѣ, такъ какъ съ ней я лучше всего знакомъ.

Польская соц. партія въ концѣ 1904 года образовала „заговорщицко-боевой отдѣлъ“. Одновременно съ этимъ въ его составъ вошло два провокатора Мошекъ Шварцъ и Давидъ Анзенлисъ, рабочіе, лѣтъ по 18—19, малообразованные и почти безграмотные. Съ октября 1904 г. по августъ 1905 г. „боевой отдѣлъ“ намѣревался убить приставовъ Киселева и Фукса, варшавскаго генераль-губернатора Максимовича, дважды пытался отбить Окреже, впоследствии казненнаго, и готовилъ нѣсколько мелкихъ террористическихъ актовъ, но, благодаря вышеупомя-

нутымъ провокаторамъ, всѣ эти акты были своевременно предотвращены и участники арестованы. Въ дальѣйшемъ провокаторы какъ-то отошли въ сторону, но по протореннымъ дорожкамъ и наблюдениямъ за ранѣе указанными ими лицами къ октябрю 1905 года вся группа боевиковъ была почти ликвидирована.

Съ октября 1905 года провокаторовъ по боевой организаціи не было, если не считать студента Плебинскаго, который кое-что сообщалъ о боевой организаціи, какъ членъ партіи, а когда былъ принятъ въ эту организацію, то его командировали за границу въ школу для подготовки къ боевымъ дѣламъ. За это время совершились слѣдующіе террористическіе акты: разгромлены Опатовское (26 тыс. р.), Любартовское и Мазовецкое (486 тыс. р.) кавзачейства, экспропрированы деньги въ поѣздахъ — возлѣ Прушково (162 тыс. р.); Цѣльстинова (40 тыс. р.), Гербы-Ченстохова (7 тыс. р.); убиты — военный генераль-губернаторъ Воюлярлярскій, помощникъ генераль-губернатора Маркграфскій, въ августѣ совершенно неудавшееся покушеніе на Скалода, убитъ полковникъ Николаевъ, жандармскіе подполковники Мурадовъ и Саламатовъ, помощники приставовъ Константиновъ и Ковальскій. Въ маѣ мѣс. одновременно во всѣхъ частяхъ города было разграблено нѣсколько десятковъ винныхъ лавокъ, а въ августѣ въ одинъ день произошло извѣстное избіеніе чиновъ полиціи и солдатъ охранныхъ постовъ. Всего же въ теченіе 1906 года въ Варшавѣ было убито: воинскихъ чиновъ — 20, жандармскихъ — 7, полицейскихъ — 56; ранено: воинскихъ чиновъ — 42, жандармскихъ — 12, полицейскихъ — 42, — всего 179 чел. Варывовъ бомбъ было 10. Ранено взрывами — 50, убито 8 чел. Разгромлено 149 казенныхъ винныхъ лавокъ.

Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ выступленіяхъ, какъ, напримеръ, при разгромѣ винныхъ лавокъ и избіеніи чиновъ полиціи и солдатъ принимало участіе по нѣсколько сотъ человекъ и они готовились къ этому въ теченіе нѣсколькихъ дней, тѣмъ не менѣе, охранное отдѣленіе, не имѣя ни одного даже захудалаго провокатора, абсолютно ничего не знало и впоследствии не открывало виновниковъ совершенныхъ актовъ. Только, когда вошли въ моду пытки и приемы допросовъ въ духѣ Заварзина и Массона,^{*} отъ истязуемыхъ удавалось кое-что узнавать о бывшихъ актахъ.

Изъ числа приведенныхъ актовъ, о первомъ покушеніи на капитана Константинова, были получены агентурныя свѣдѣнія отъ секретнаго сотрудника студента Плебинскаго и участники были арестованы; отъ него же получились свѣдѣнія о готовя-

^{*} Массонъ сначала былъ судебнымъ слѣдователемъ на Кавказѣ, но за взятки его уволили по 3 пункту, послѣ чего онъ былъ принятъ въ охр. отдѣл. и съ согласія своего начальника — ротмистра Заварзина явился къ арестованной Ошарекъ подъ видомъ прасяжника повѣр. и вывѣдать все, что ему нужно было.

щемся покушеніи на Скалона и объ одномъ изъ его участниковъ — Лерчинскимъ, но и только. Несмотря на тщательное наблюдение, покушение, хотя и неудачное, состоялось и никто не былъ задержанъ. Это еще и еще говорить о маломъ значеніи филерскаго наблюденія безъ точныхъ провокаторскихъ указаній.

Взяты мною изъ лѣтописей вершавскаго охраннаго отдѣленія отрывочные факты должны ясно свидѣтельствовать о значеніи провокаціи и указывать на незначительную роль другихъ факторовъ въ дѣлѣ политическихъ розысковъ.

Читатели, можетъ быть, удивятся, что въ приведенныхъ мною примѣрахъ фигурируютъ провалы только среди партій съ террористической дѣятельностью. Сдѣлалъ я это потому, что въ области сыска ничто не обращаетъ на себя такого вниманія. Къ тому, чтобы парализовать его, — сыскныя учрежденія направляютъ почти всѣ свои силы. Единственно чего боится правительство, это — террора постоянного и неизвѣстно куда направленнаго. Поэтому, удачная ликвидація какого-либо террористическаго предпріятія вызываетъ у властей особое радостное настроеніе и нѣкоторое успокоеніе.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что у партій, не признающихъ террора, какъ средства борьбы, нѣтъ провокаторовъ.

Это, конечно, не такъ. Среди другихъ партій, особенно у с.-д., провокація очень сильна и, главное, она у нихъ сохраняется по долгу, что объясняется тѣмъ, что у нихъ не наблюдается той импульсивности въ работѣ, какъ у террористовъ, ликвидаціи ихъ организацій производятся равномѣрно, не спѣша, и всегда возлѣ провокатора оставляются нужныя лица, чѣмъ обезпечивается его революціонная благонадежность.

Имѣя ложное понятіе о качественномъ и количественномъ составѣ охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій, революціонеры всегда преувеличивали личную охрану тѣхъ бюрократовъ, которые почему-либо опасаются нападеній революціонеровъ. Охрана, конечно, существуетъ, но только въ исключительныхъ случаяхъ; такія лица, какъ Столыпинъ, Гершельманъ, Скалонъ и только имъ подобныя охраняются всегда. Другіе же, напримѣръ, Курловъ, Щегловитовъ и проч. охраняются лишь тогда, когда имѣются агентурныя указанія, что въ ближайшемъ времени на нихъ готовится покушеніе.

Остановимся на одномъ примѣрѣ такого невѣрнаго представленія революціонеровъ объ охранѣ тѣхъ лицъ, на жизнь которыхъ они покушались.

Плеве охранялся всего четырьмя филерами, выѣзжалъ изъ дому почти ежедневно по однѣмъ и тѣмъ же дорогамъ. Онъ прекрасно зналъ, что его хотятъ убить и допускалъ, что его, быть можетъ, и убьютъ, сдѣлалъ завѣщаніе, готовился къ смерти, но ни одинъ министръ такъ безстрашно не смотрѣлъ въ глаза опасности, какъ Плеве, и на улицахъ его можно было

встрѣчать чуть ли не ежедневно. Въ 1903 году, глубокой осенью, Плеве около десяти дней жилъ въ Варшавѣ, ежедневно ходилъ обѣдать въ ресторанъ Стемковскаго и любилъ бродить по нѣсколько часовъ сряду по самымъ глухимъ улицамъ (Фрета, Старое мѣсто, Налевки) въ сопровожденіи чиновника для порученій Скондракова, причѣмъ въ это время онъ не приказывалъ филерамъ слѣдовать за нимъ. При такихъ его прогулкахъ я лично столкнулся съ нимъ, совершенно случайно, разъ — на Подвальной улицѣ, а другой — на углу Сенаторской и Медовой.

Точно также въ Петербургѣ, если бы кто захотѣлъ видѣть Плеве, для этого достаточно было пойти на Аптекарскій островъ и ожидать его выѣзда съ дачи или пріѣзда на дачу при самой скромной охранѣ, которая никогда не могла помѣшать совершить все, что угодно.

Между тѣмъ, въ 7 № „Былого“, въ статьѣ Созонова, говорится, что Плеве, въ смыслѣ охраны своей личности, „былъ силенъ, хитеръ и остороженъ: понималъ значеніе взрыва въ Сѣверной гостинницѣ и еще рѣже, чѣмъ прежде, показывался изъ своей берлоги... Только самые необходимые выѣзды, нерегулярные, украдкой... Подъ непроницаемой стѣнной охраны“ и т. д. Говорить это — значитъ имѣть самое неправильное понятіе о своемъ врагѣ. Такая романтичность въ охранномъ лагерѣ всегда вызывала восклицанія: „о, еслибы революціонеры знали о нашихъ силахъ, какъ бы они изумились!“

Всѣ думаютъ, а революціонеры болѣе, чѣмъ кто-либо другой, что и такія лица, какъ Дубасовъ, Дурново, Витте и проч., окружены „непроницаемой стѣнной охраны“, рѣдко гдѣ показываются и принимаютъ всѣ мѣры предосторожности, вплоть до переѣздовъ въ каретахъ скорой помощи. Это — невѣрно: лица эти охранялись и охраняются лишь только тогда, когда имѣются точныя агентурныя свѣдѣнія о готовящихся покушеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ ведется правильное наблюденіе, но опять-таки не за ними, а за указанными провокатурой лицами.

Было время и, по всей вѣроятности, тоже происходитъ и теперь, что нѣкоторые высшіе чиновники, опасаясь за свою жизнь, обращались съ просьбой приставить къ нимъ охрану. Охранное отдѣленіе въ такихъ случаяхъ, за малочисленностью своихъ филеровъ, не посылаетъ ихъ, а предлагаетъ заявителямъ вносить ежемѣсячно извѣстную сумму и на эти деньги нанимаетъ для нихъ по одному или по два человѣка, въ большинствѣ, изъ отставныхъ солдатъ, которымъ говорятъ: „иди и смотри, чтобы не убили такого-то барина“.

Что же касается лицъ, находящихся у дѣлъ, какъ, напр., Столыпинъ, Щегловитовъ, Курловъ, Трусевичъ и др., то къ нимъ, несомнѣнно, приставляютъ агентовъ изъ охр. отдѣленія, но все-таки въ самомъ ограниченномъ количествѣ: около Сто-

лыцина бываетъ человѣкъ 6—8, около Щегловитова и Курлова — по 2, около Трусевича — 3—4 и т. д.

Обязанности этихъ филеровъ очень несложны, и заключаются онѣ въ слѣдующемъ: въ опредѣленное время они приходятъ къ швейцару того дома, гдѣ живутъ упомянутыя лица, и сидятъ тамъ. Минутъ за 15—20 имъ сообщаютъ, что „баринъ“ выѣзжаетъ и тогда они выходятъ на улицу, пристраиваются гдѣ-нибудь въ сторонѣ и осматриваютъ проходящую публику, никогда никого не останавливая и не прогоняя. Какъ только „баринъ“ выйдетъ и сядетъ въ экипажъ, филеры нанимаютъ извозчика и ѣдутъ за нимъ. Филерамъ почти всегда сообщаютъ, куда ѣдетъ „баринъ“, а поэтому они часто не пользуются извозчиками и идутъ къ мѣсту назначенія пѣшкомъ.

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ заключается вся техника „непроницаемой стѣны охраны“ и она очень далека отъ идеальности. Въ охрану назначаютъ самыхъ неопытныхъ, лѣнивыхъ и больныхъ филеровъ, такъ какъ сознаютъ, что наружнымъ наблюдениемъ не предотвратятъ покушеній.

Въ первое время послѣ своего назначенія Столыпинъ охранялся весьма слабо, потомъ, когда усилилась дѣятельность максималистовъ, онъ усилилъ свою охрану и она въ такомъ составѣ существовала до полной ликвидаціи этой группы, а послѣ этого Столыпинъ снова сталъ свободно разѣзжать всюду, гдѣ ему было нужно. Онъ зналъ, что „безъ вѣдома охраннаго отдѣленія“ покушеніе не будетъ произведено и потому былъ спокоенъ. Въ опредѣленные дни и часы Столыпинъ всегда выѣзжалъ и выѣзжаетъ въ Царское Село, въ Думу и т. д. и его могъ не встрѣчать только тотъ, кто не искалъ этого случая. Въ газетахъ писали, что Столыпинъ являлся наканунѣ въ Думу и оставался тамъ ночевать, боясь покушеній. Разумѣется, это — неправда, распускаемая умышленно съ извѣстными цѣлями. Когда Столыпинъ выѣзжаетъ, то находящіеся при немъ филеры всегда осматриваютъ прилегающія мѣстности, но, чтобы они вертѣлись постоянно вблизи его резиденціи, — это невѣрно.

Генераль-губернаторы Чертковъ, Максимовичъ и Скалонъ охранялись всего двумя филерами, причемъ эти назначенія считались какъ бы синекурой, назначеніемъ „для поправки здоровья“, имъ не придавали никакого значенія и все дѣлалось лишь только для выполненія формальности.

Совсѣмъ другая картина получается, когда бываетъ извѣстно, что готовится покушеніе на опредѣленное лицо. Въ такихъ случаяхъ охранное отдѣленіе принимаетъ всѣ мѣры къ выясненію и аресту участниковъ.

Для примѣра возьму готовившееся покушеніе на Щегловитова 7-го февраля этого года.

Участіе въ немъ провокатуры — несомнѣнно. Наблюденіе велось за Щегловитовымъ и онъ въ это время свободно вы-

взжалъ изъ дому. За участниками велась тщательная слѣжка, всѣ были выяснены, и вотъ въ тотъ день, когда готовилось покушеніе, Щегловитовъ не вышелъ изъ дому, а охранное отдѣленіе, мобилизовавъ свои силы еще наканунѣ, начало одновременно арестовывать участниковъ этого дѣла во всѣхъ частяхъ города, причемъ его освѣдомленность доходила до того, что филеры знали, при комъ находятся бомбы или только револьверы.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ распространяться по поводу охранѣ и „непроницаемыхъ стѣнъ“, но скажу только, что присутствіе провокатуры и отсутствіе опыта у руководителей террористическихъ группъ русскихъ революціонныхъ партій только и создаютъ эти легенды.

Въ дѣлѣ предупрежденія покушеній наружное наблюденіе играетъ роль только тогда, когда отъ секретной агентуры получаютъ приблизительно такого рода свѣдѣнія: „N — боевая организація постановила убить такого-то; вскорѣ начнутъ наблюдать, возможно, что въ наблюденіи приметъ участіе какой-нибудь X“. И этихъ данныхъ вполне достаточно, чтобы выяснить извѣстный кругъ участниковъ предполагаемаго покушенія, произвести аресты и ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто судить невѣрно объ истинныхъ виновникахъ. Я взялъ minimum свѣдѣній, необходимыхъ для того, чтобы наружное наблюденіе могло выяснить тѣхъ революціонеровъ, которыхъ наблюдаетъ, и тѣхъ, о которыхъ сообщаются отчеты о наблюденіи, но все же это еще не значитъ предовратить покушеніе. Примѣрами могутъ служить убійство вел. кн. Сергѣя, покушеніе на Скалона и проч.

V.

Надо замѣтить, что, если правительство бонтея партизанскаго террора, неизвѣстно когда и по отношенію къ кому направленаго, то террора такого, которымъ намѣчается къ убійству рядъ лицъ и для котораго приходится создавать цѣлыя сложныя организаціи, оно не бонтея вовсе, такъ какъ, чѣмъ сложнее организація, тѣмъ легче имѣть въ ея средѣ тайную агентуру и тѣмъ труднѣе она обнаруживается.

Уклоняясь въ сторону, я теперь хочу сказать нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ терроръ на администрацію. Это тема обширная и на ней слѣдовало бы остановиться болѣе подробно.

Впервые, послѣ большого промежутка времени, въ Варшавѣ въ 1904 г. было оказано вооруженное сопротивленіе Касиржакомъ при взятіи с.-д. типографіи. Было убито 2 офицера и 3 городовыхъ, и это произвело настолько сильное впечатлѣніе, что въ теченіе недѣли чины охраннаго отдѣленія ходили подавленными, беспомощными и каждый почему-то ожидалъ, что

вот-вот его убьютъ. Чины же наружной полиціи отказывались итти на обыски.

Въ томъ же году, въ ноябрѣ, впервые выступила Польская соц. партія, устроивъ вооруженное сопротивленіе при демонстраціи на Грибной пл. Вскорѣ послѣ этого я былъ въ департаментѣ полиціи, говорилъ о томъ, что произошло, и мнѣ отвѣчали: „Это только цвѣточки, а ягодки впереди. Это только прелюдія къ послѣдующимъ событіямъ и не за горами то время, когда намъ придется складывать свое оружіе и замѣщать мѣсто революціонеровъ за границей“.

Вообще же, уже въ то время въ усиливающейся террористической борьбѣ представители администраціи предвидѣли серьезную опасность для своего существованія и откровенно признавали свое безсиліе въ борьбѣ съ террористами. Теперъ, съ легкой руки Столыпина, администраторы говорятъ: „Вотъ, подождите, висѣлицы, аресты, ссылки и розги выбьютъ всѣ мечтанія изъ головъ революціонеровъ. Они забудутъ о своемъ социализмѣ, и весь этотъ революціонный угаръ вылетитъ у нихъ изъ головъ“. Тогда же сплошь и рядомъ говорили: „Положеніе становится невозможнымъ. Правительство совершенно безсильно и безсистемно. Если бы правительство было немного умнѣе, оно должно было бы пойти на уступки, а то, вѣдь, все равно революціонеры сами все возьмутъ и ужъ насъ не помилуютъ“. Всѣ тогда тяготились своимъ положеніемъ, всѣ стремились уйти, скрыться, сдѣлаться незамѣтными, будучи вполнѣ увѣренными, что революціонеры ихъ не пощадятъ.

Паника администраціи отъ непрерывныхъ террористическихъ актовъ была необычайна и распространялась отъ высшихъ чиновъ до городовыхъ и шпионовъ включительно.

Весь 1906 годъ служилъ нагляднымъ показателемъ всей трусости и низости нашихъ администраторовъ. Они могутъ служить только до тѣхъ поръ, пока ихъ существованію не грозитъ опасность, но какъ только таковая появляется, начинается поголовное бѣгство. Лично мною такая паника наблюдалась среди варшавскихъ охранителей, начиная отъ генераль-губернатора и кончая филерами охраннаго отдѣленія.

Послѣ неудавшагося покушенія на варшавскаго генераль-губернатора Максимовича, онъ въ отчаяніи, со слезами на глазахъ, спрашивалъ ротмистра Петерсона: „вѣдь, меня же убьютъ! Скажите, ради Бога, что мнѣ дѣлать?!“ На это ротмистръ отвѣчалъ, что съ его стороны будетъ сдѣлано все зависящее для огражденія его отъ опасности, но ручаться абсолютно ни за что не можетъ. Послѣ этого, Максимовичъ не рѣшался жить лѣтомъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, а переѣхалъ въ крѣпость Зегржъ, но и тамъ онъ опасался ходить внѣ своего парка. Страхъ у Максимовича былъ такъ великъ, что однажды онъ, прогуливаясь по саду, примыкавшему къ рѣкѣ Бугу, услышалъ шелестъ деревьевъ, воображивъ, что это крадется боевикъ, бро-

силса бѣжать и успокоился лишь тогда, когда прибѣжавшіе адъютанты объяснили, что шорохъ въ кустахъ произвелъ казакъ-кубанецъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ всегда разставляли по кустамъ, „когда ихъ Высокопревосходительство изволятъ прогуливаться“.

Послѣ Максимовича былъ назначенъ Скалонъ, грубый и глупый солдафонъ. Онъ тоже порядочный трусъ, но все же выѣжалъ чаще, чѣмъ Максимовичъ, хотя только экспромтомъ.

Благодаря частымъ террористическимъ актамъ наблюдалось повальное бѣгство изъ корпуса жандармовъ, и туда никто не хотѣлъ поступать. Раньше, бывало, чтобы попасть въ корпусъ, необходимо было быть потомственнымъ дворяниномъ, имѣть образованіе по первому разряду и числиться по нѣсколько лѣтъ кандидатомъ. Въ смутный же періодъ недостатокъ въ жандармахъ былъ такъ силенъ, желающихъ такъ мало, что начали принимать разночинцевъ по происхожденію, съ образованіемъ по второму разряду и даже стали переводить въ корпусъ офицеровъ наружной полиціи. Старые жандармы страшно возмущались этимъ и говорили, что корпусъ опошлится, унижится и наполнится „всякой сволочью“.

По заведенному искони обычаю, чтобы получить въ варшавской полиціи мѣсто пристава или помощника, надо было заплатить за первое — 5 тыс., за второе — 3 тыс. Это, такъ сказать, нормальная такса, неизмѣняемая и строго выполняемая, желающихъ всегда являлось больше, чѣмъ вакансій. Когда же началось массовое избіеніе полиціи, то доходы съ этой области стали малы до небывалыхъ размѣровъ, денегъ никто не хотѣлъ давать и даже даромъ не рѣшались надѣвать полицейскій мундиръ. Въ одно время наблюдался недостатокъ 8 помощниковъ-приставовъ, т. е. одной трети, а о городскихъ нечего и говорить. Послѣднихъ нехватало въ каждомъ участкѣ, и убьлы ихъ равнялась 50—70 % общаго количества.

Несмотря на то, что терроръ почти не касался служащихъ охранныхъ отдѣленій, тѣмъ не менѣе, они были напуганы больше другихъ. Оно и понятно: они всегда знаютъ и чувствуютъ, что первымъ дѣломъ революціонеры должны свести счеты съ ними, а потомъ уже съ другими. И вотъ, когда случилось, что пострадаетъ какой-нибудь служащій охраны, то среди охранниковъ немедленно начиналась паника.

При взрывѣ бомбы на Медовой ул., когда готовилось покушеніе на Максимовича, былъ убитъ филеръ Кочневъ, другіе же были такъ напуганы, что два изъ нихъ убѣжали, и только черезъ три дня прислали въ отдѣленіе своихъ женъ за расчетомъ.

Когда началось возстаніе въ Москвѣ и были брошены двѣ бомбы въ охранное отдѣленіе, то всѣ служащіе разбѣжались, часть ихъ нихъ переѣхала въ окрестности, а другая переселилась въ гостинницы, побросавъ свои квартиры на произволъ

судьбы. Завѣдующій наружнымъ наблюденіемъ Д. В. Поповъ собираясь бѣжать, написалъ записку начальнику отдѣленія, въ которой заявлялъ, что жизнь для него дороже, чѣмъ служба въ охранномъ отдѣленіи. Въ теченіе 8 дней въ охранное отдѣленіе не являлся никто изъ служащихъ и только когда центръ Москвы снова оказался во власти администраціи, кто возвратился обратно.

Въ Варшавѣ, напр., есть мѣстности, куда ни одинъ филеръ не пойдётъ для наблюденія, таковы: еврейскіе кварталы, Повислье и вообще районы съ рабочей средой; здѣсь довольно часто происходили избіенія и потому назначеніе наблюдать въ такія мѣстности равносильно увольненію отъ службы. Подобные районы существуютъ во многихъ городахъ и здѣсь дѣятельность наружнаго наблюденія сводится къ нулю, а, между тѣмъ, въ нихъ обыски происходятъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо.

Вообще, чинамъ полиціи, явной и тайной, присуще быть подъ страхомъ террора, но, удивительное дѣло: какъ только представители власти чувствуютъ, что имъ грозитъ браунингъ или бомба, и знаютъ, что такъ или иначе, но этого не избѣжишь, они дѣлаются кроткими, изъ волковъ превращаются въ ягнятъ, — и тѣ же администраторы превращаются въ пзверговъ, разъ они теряютъ вѣру въ силу революціонеровъ и приобретаютъ увѣренность въ прочности своего положенія.

Въ Варшавѣ терроръ иногда былъ направленъ не только противъ чиновъ администраціи, но также и противъ другихъ лицъ, — иногда онъ направлялся ошибочно; — такъ подъ ударъ революціонеровъ попадали городовые с. д., непрічастные сыску лица, ошибочно подозрѣваемые въ шпіонствѣ, солдаты, шедшіе съ карауловъ, — но, конечно, еще чаще подъ пули попадали тѣ, кто являлся точнымъ исполнителемъ предначертаній начальства.

Весной 1906 года по приговору военно-окружнаго суда подъ предсѣдательствомъ генерала Швейковскаго были приговорены къ смертной казни 5 человекъ, якобы убившихъ начальника Новоминскаго уѣзда. Дѣло это было состряпано въ сыскомъ отдѣленіи, благодаря истязаніямъ, производившимся Гриномъ, съ вѣдома оберъ-полицеймейстера Мейера, и никакихъ иныхъ данныхъ не имѣлось. Когда приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, то чуть ли не на другой день констатировали ошибку, но уже было поздно!...

Швейковскаго революціонеры сочли виновникомъ этихъ казней, и боевая организація партіи „Пролетаріатъ“ произвела на него покушеніе, — въ него стрѣляли и онъ былъ раненъ.

Это былъ первый случай покушенія на военнаго судью, и онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на его коллегъ. Генераль Швейковскій до того испугался, что при немъ въ госпиталѣ дежурили солдаты, а послѣ выхода оттуда онъ немедленно выѣхалъ изъ Варшавы. Трусость этого генерала дошла до комизма: онъ переодѣлся въ статскій костюмъ, гриммировкой

измѣнили фиаіономію, и подъ охраной жандармскаго ротмистра (въ статскомъ костюмѣ) Муева и нѣсколькихъ филеровъ его увезли на вокзалъ и оттуда сопровождали до Бреста.

Я могъ бы привести еще много примѣровъ того страха и паники, которые овладѣваютъ администраторами, какъ только имъ приходится жить въ ожиданіи неминуемаго покушенія, но я отклонился въ сторону, а потому возвращаюсь къ своей основной темѣ. Резюмирую все, сказанное мною по поводу террора, такъ: одна, удачно пущенная бомба или пуля, производятъ въ рядахъ администраціи столько переполоха, сколько не сдѣлаютъ десятки манифестацій, а непрерывная террористическая дѣятельность, производимая небольшими группами, можетъ внести полную дезорганизацію въ ряды правительства.

VI.

Революціонеры не даютъ себѣ отчета о той силѣ, какой обладаетъ провокація и тѣмъ наносятъ себѣ страшный и непоправимый вредъ. Я сейчасъ расскажу объ одномъ случаѣ поразительной невнимательности къ категорическимъ заявленіямъ о грозящей опасности.

Въ концѣ марта 1907 года я шелъ по Большому пр. Петербургской стороны. Ко мнѣ подошелъ бывшій провокаторъ варшавскаго охраннаго отдѣленія Болеславъ Бродскій и спрашиваетъ:

— Какими судьбами вы здѣсь?

— Да, такъ себѣ, взялъ отпускъ и пріѣхалъ, — отвѣчаю. — А вы что здѣсь подѣлываете?

— Я теперь уже — членъ боевой организаціи большевиковъ и служу въ охранномъ отдѣленіи.

— Аа!... — могъ лишь я отвѣтить.

— Ну, расскажите мнѣ, какъ это вы изъ пепесовца (П. П. С) превратились въ эсдека?

— Произошло это очень просто. Попалъ я въ столовую университета черезъ знакомыхъ поляковъ, познакомился со студентомъ Александромъ Нейманомъ, сошелся съ нимъ, и теперь являюсь его помощникомъ въ обученіи рабочихъ за Нарвской заставой боевымъ дѣламъ. Нейманъ читаетъ имъ лекціи о приготовленіи разрывныхъ снарядовъ.

— Онъ теперь въ Питерѣ?

— Нѣтъ, — въ Финляндіи: онъ тамъ находится въ лабораторіи.

— Охранное отдѣленіе обо всемъ этомъ знаетъ?

— Да, конечно. Нейманъ теперь взятъ подъ наблюденіе и мѣсто нахождения лабораторіи точно установлено. Теперь остается выяснитъ еще нѣкоторые районы, и тогда произведутъ аресты. Складъ винтовокъ и револьверовъ также извѣстенъ;

я вижу съ нѣкимъ Петровымъ *) на конспиративной квартирѣ филера Оленичева на Конюшенной улицѣ, и пока получаю только 30 рублей въ мѣсяцъ, но послѣ ликвидаціи обѣщали прибавить.

— Знаете ли что, сказалъ мнѣ Бродскій, зайдемте въ одну квартиру, — здѣсь недалеко, и я вамъ кое-что покажу.

— Нѣтъ, я не могу, не имѣю времени, да мнѣ и нежелательно съ кѣмъ-либо встрѣчаться.

— Да, вѣдь, тамъ никого нѣту, комната въ полномъ моемъ распоряженіи, а жалтъ не будете.

Мы пошли въ домъ № 3, кв. 27 по Бармалѣевой улицѣ, дверь отворила какая-то женщина и безпрепятственно пропустила насъ въ комнату.

— Это комната Неймана, — сказалъ Бродскій, — она предоставлена въ полное мое распоряженіе.

Потомъ Бродскій досталъ изъ кармана ключъ, открылъ ящики стола и вынулъ оттуда свертки, въ которыхъ оказались динамитъ, запалы и болѣе десятка формъ для бомбъ.

— Охранное отдѣленіе и объ этомъ также знаетъ?

— Конечно, знаетъ, я даже кое-что носилъ на конспиративную квартиру**). Думаютъ сдѣлать такъ: когда установятъ связи Неймана въ Финляндіи, и когда онъ будетъ возвращаться, то его на вокзалѣ арестуютъ, въ Финляндіи найдутъ лабораторію, а здѣсь — матеріалы для бомбъ.

Я ушелъ и сейчасъ же отправился къ Вл. Л. Бурцеву, сообщилъ о своей неожиданной встрѣчѣ и просилъ немедленно предупредить кого слѣдуетъ. На другой день я узналъ, что объ этомъ фактѣ, сообщено было кому слѣдуетъ, но изъ этого предупрежденія, очевидно, ничего не вышло. Тогда я отыскалъ еще одного студента с.-р., рассказалъ ему, въ чемъ дѣло, и убѣдительно просилъ розыскать кого-либо изъ большевиковъ и предупредить ихъ. Но небрежное отношеніе къ изученію провокаторскаго вопроса таково, что и на этотъ разъ никто не обратилъ вниманія на предостереженіе.

Вскорѣ, 31 марта, я былъ арестованъ, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ пересыльной тюрьмѣ, встрѣтился съ нѣкоторыми боевиками изъ большевиковъ и узналъ отъ нихъ, что въ связи съ дѣломъ Неймана въ Петербургѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, арестовано было до 70 чел., да въ Финляндіи — 11. На дняхъ, навѣрное, придется быть свидѣтелями процесса этихъ с.-д., съ участіемъ 11-ти, выданныхъ Финляндіей.

Кстати, нѣсколько словъ о Болеславѣ Бродскомъ. Онъ — сынъ состоятельныхъ родителей, проживающихъ въ Варшавѣ; никакъ не могъ закончить своего средняго образованія и, изъ-за денегъ, предложилъ свои услуги охранному отдѣленію. Онъ

*) Ротмистромъ Лукьяновымъ, завѣдующимъ агентурой по с.-д. организаціямъ.

***) т. е. къ Лукьянову-Щегрову.

не принадлежалъ ни къ какой организаціи, но, тѣмъ не менѣе, черезъ своихъ старшихъ братьевъ, людей честныхъ и преслѣдуемыхъ полиціей, имѣлъ нѣкоторыя связи, и уже этимъ былъ полезенъ охранкѣ. Благодаря ему, его же братья и жена одного изъ нихъ неоднократно попадали въ тюрьму. Весной 1906 г. Бродскій уѣхалъ за границу, а, возвращаясь оттуда, попалъ съ нелегальной литературой въ руки жандармовъ, которые, не зная, что онъ агентъ, передали его участковому судебному слѣдователю. Черезъ мѣсяць Бродскаго выпустили изъ тюрьмы, и онъ продолжалъ свою провокаторскую дѣятельность. Осенью того же года дѣло о немъ поступило въ Палату, и ему грозила крѣпость, но начальникъ отдѣленія ротмистръ Заварзинъ обратился къ прокурору Палаты Табокову, выяснилъ, въ чемъ дѣло, и просилъ оказать воздѣйствіе на судъ. Ходатайство было удовлетворено, и Бродскому зачислили въ наказаніе мѣсячное предварительное заключеніе. Послѣ этого Бродскій уѣхалъ въ Петербургъ.

Но возвращаясь къ нашей темѣ.

Значеніе провокаторства какъ для революціонеровъ, такъ и для правительства мнѣ было извѣстно очень хорошо. За свое пребываніе въ Варшавѣ, въ должности чиновника особыхъ порученій, мнѣ пришлось столкнуться со всѣми главными нитями розыска и узнать почти всѣхъ провокаторовъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди. По долгу службы мнѣ приходилось встрѣчаться съ жандармами, чиновниками департамента полиціи и охранныхъ отдѣленій, и я невольно узнавалъ отъ нихъ, что дѣло розыска въ Россіи, а, въ частности, въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ центрахъ поставлено гораздо лучше, чѣмъ въ городахъ Царства Польскаго. Происходило это не только потому, что тамъ больше „просыется въ шпіоны“, но и потому, что въ эти центры были стянуты специалисты по розыску.

Такъ какъ мои желанія были направлены исключительно въ сторону выясненія провокатуры, гдѣ бы то ни было, то, естественно, что при встрѣчахъ съ чиновниками охранныя отдѣленія, вплоть до моего ареста, я всегда ихъ интервьюировалъ въ этомъ направленіи. Я тогда еще считался кандидатомъ въ чиновники для порученій въ Москву, и потому со мной говорили, какъ „со своимъ человѣкомъ“. Изъ этихъ разговоровъ мнѣ стало ясно, какъ глубоко пустила корни провокація и какъ она опасна для революціонеровъ. Въ дальнѣйшихъ своихъ статьяхъ я вернусь къ тому, что я узналъ въ то время въ своихъ разговорахъ съ охранниками, — сейчасъ къ сожалѣнію, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, мнѣ о многомъ приходится умолчать. Я и тогда не сомнѣвался, а послѣдующія событія, въ видѣ полнаго провала сѣверной боевой летучки, прекращеніе активной дѣятельности со стороны боевой организаціи партіи с.-р.,

массовые обыски и аресты среди активных дѣятелей, свободное разгуливаніе Столыпина, Щегловитова, Драчевскаго и др. по Петербургу, только еще больше укрѣпили меня въ увѣренности, что провокація настолько сильна и серьезна, что при ея существованіи все должно разбиться и сводиться на нѣтъ.

Безпристрастное анализированіе причинъ многихъ послѣднихъ проваловъ должно, наконецъ, убѣдить, что искать виновниковъ въ наружномъ наблюденіи и закрывать глаза на серьезную роль провокацій непростительно и преступно. Приступать же теперь къ какой-нибудь работѣ, не обезпечивъ работниковъ отъ внутренняго предательства, бесполезно и, кромѣ новыхъ висѣлицъ и переполненія каторги и ссылки, другого ничего не получится.

VII.

Закончивъ общій обзоръ о значеніи провокатуры, я теперь перехожу къ выясненію болѣе частныхъ вопросовъ, касающихся главнымъ образомъ, взаимоотношеній между провокаторами и охранниками. Для изученія этого вопроса необходимо установить точныя функціи и внутреннюю структуру, такъ называемой „секретной агентуры“.

Многочисленные факты, собранные мною, въ преобладающемъ большинствѣ относятся къ Царству Польскому, но они являются общими и для всей Россіи. Это и понятно. Всѣ охранники и жандармы для всей Россіи одни и тѣ же, приемы у нихъ общіе и департаментъ одинъ и тотъ же. Сегодня ротмистръ Левдииковъ ставитъ типографію въ Николаевѣ, а завтра онъ сдѣлаетъ то же самое въ Одессѣ; ротмистръ Заварзинъ провоцируетъ въ Ростовѣ на Дону, а потомъ переѣзжаетъ въ Варшаву и тамъ дѣйствуетъ въ еще большемъ масштабѣ и т. д. Точно также и провокаторы перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто и вполне однообразно продолжаютъ свою дѣятельность. Слѣдовательно, буду ли я говорить о Варшавѣ или Иркутскѣ, Тифлисѣ или Петербургѣ, отъ этого сущность моего изложенія нисколько не пострадаетъ, и общіе выводы легко могутъ быть построены на основаніи частныхъ фактовъ, такъ какъ они имѣютъ слишкомъ общее значеніе.

Въ моемъ изложеніи мнѣ приходится упоминать поименно многихъ провокаторовъ, частью уже вышедшихъ въ тиражъ, частью находящихся въ подозрѣніи и, наконецъ, быть можетъ, еще здравствующихъ въ рядахъ революціонеровъ. Этотъ шагъ является съ моей стороны вполне обдуманнѣмъ, — свѣдѣнія о провокаторахъ мною точно провѣрены, ошибокъ я абсолютно не допускаю, и потому безъ всякаго колебанія я буду ихъ называть поименно. Вспоминать фамиліи провокаторовъ слѣдуетъ почаще, такъ какъ ихъ имена не рѣдко забываются революціонерами. Намъ приходится наблюдать въ этомъ отношеніи

поражительные факты со многими провокаторами, благодаря лишь тому, что с.-р., с.-д., бундисты и пр., не перепечатывая въ своихъ органахъ обнаруженныхъ предателей, даютъ имъ возможность переѣзжать въ другія мѣста, мѣнять маску партійности и снова подвигаться на томъ же поприщѣ.

Обнаруженный провокаторъ у пепеэзовъ Левенбергъ, переѣзжаетъ въ Бѣлостокъ и дѣлается бундистомъ, а въ Елизаветградѣ — „искровцемъ“. Изгнанный изъ „Пролетаріата“ Кенсицкій, попадаетъ въ эмиграцію — сначала къ анархистамъ, потомъ къ максималистамъ; здѣсь онъ не только освѣщаетъ дѣятельность даннаго момента, но, пользуясь особымъ довѣріемъ у нѣкоторыхъ лицъ, игравшихъ въ свое время видную роль въ максималистскомъ движеніи, выпытываетъ у нихъ подробности совершенія многихъ террористическихъ актовъ и этимъ оказываетъ неоцѣнимую услугу охранѣ для выясненія и созданія новыхъ дѣлъ и т. д.

Изученіе и обнаруженіе дѣятельности провокаторовъ не только поможетъ выясненію многихъ неудачъ революціонеровъ, но также будетъ служить хорошимъ предостереженіемъ для тѣхъ провокаторовъ, которые еще находятся въ средѣ революціонеровъ и предадутъ ихъ. Они, дѣйствующіе провокаторы, должны помнить, что ни увѣренія жандармовъ, ни ихъ собственныя ухищренія, ничто не спасетъ ихъ отъ проваловъ. Рано или поздно, но ихъ имена будутъ открыты.

Ряды провокаторовъ пополняются изъ различныхъ слоевъ населенія, безъ различія національностей, пола, возраста и социального положенія. Тамъ можно встрѣтить молодыхъ дѣвицъ и пожилыхъ женщинъ, юношей, сидящихъ на школьной скамьѣ, и старцевъ съ печатью Іуды. Рядомъ съ хулиганомъ и скрывающимся уголовнымъ преступникомъ, тамъ можно найти рабочаго, студента, куренстку, газетнаго сотрудника, литератора, врача, адвоката, инженера и пр. Въ кадры провокаторовъ принимаются всѣ, кто только способенъ предавать людей, поэтому, естественно, встрѣтить здѣсь представителей всѣхъ общественныхъ круговъ и профессій. Точно сказать, какая среда или профессія даетъ наибольшій процентъ провокаторовъ, по тѣмъ даннымъ, какими я располагаю, — нельзя, но я констатирую фактъ, что до свободъ рабочая среда давала большій процентъ, послѣ же, т. е., когда наступила реакція, число провокаторовъ изъ интеллигенціи сдѣлалось преобладающимъ.

Причины, побуждающія ити въ провокаторы, не сложны, никакихъ особыхъ психологическихъ мотивовъ нѣтъ, а все это дѣлается ради денегъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ бываютъ другія причины. Однихъ посылаетъ въ охранку скудость, другихъ — недостатокъ средствъ для разгульной жизни, третьихъ — желаніе пробить себѣ дорогу въ жизни при помощи этихъ средствъ. Это, такъ сказать, причины чисто меркан-

тильного характера, и эти люди смотрят на провокаторство только, какъ на источникъ дохода.

Ко второй категоріи надо причислить тѣхъ, которые по собственному желанію не пошли бы въ провокаторы, но попадаютъ „туда“ при случаѣ, а такихъ случаевъ бываетъ много. Чаще всего приводятъ ихъ „туда“ чисто шкурные интересы, а именно: желаніе избѣжать наказанія за какія-нибудь криминальныя преступленія, скорѣе освободиться изъ тюрьмы и, наконецъ, потеря заработка вслѣдствіе забастовокъ и пр.

Этимъ перечисленіемъ я не исчерпалъ всѣхъ поводовъ, побуждающихъ кого-либо сдѣлаться провокаторомъ; ихъ, конечно, гораздо больше, но всѣ они въ своемъ основаніи имѣютъ чисто личный интересъ и всегда связаны съ извѣстнымъ денежнымъ вознагражденіемъ.

Однимъ словомъ, главными побудителями будутъ деньги и — что рѣже — желаніе избавиться отъ наказанія.

Провокаторская профессія, какъ наркотическія средства, затягиваетъ человѣка и ожесточаетъ его противъ своихъ близкихъ, товарищей и людей вообще. Для провокаторовъ существуютъ только деньги, похвалы начальства и все новыя и новыя жертвы; сердца ихъ окаменѣваютъ: у нихъ нѣтъ жалости ни къ своимъ братьямъ, сестрамъ, ни къ товарищамъ, женамъ, дѣтямъ; плачь и горе тѣхъ и другихъ не оказываютъ на нихъ никакого вліянія. Здѣсь, дѣйствительно, происходитъ какая-то метарморфоза со всѣмъ существомъ того человѣка, который перешагнулъ „ихъ“ порогъ. Мнѣ часто приходилось наблюдать, когда провокаторъ выдавалъ своихъ братьевъ, сестеръ и близкихъ ему лицъ. У нѣкоторыхъ развивается даже какая-то кровожадность, и при разговорахъ съ жандармами о своихъ жертвахъ, когда имъ сообщаютъ, что арестованные отказываются отъ показаній, — они совѣтуютъ подвергать ихъ истязаніямъ. Возможно, что и пытки надъ политическими приняла широкіе размѣры, благодаря нѣкоторому вліянію провокатуры...

Общую массу провокаторовъ нельзя подвести подъ одинъ уровень, для удобства изученія ихъ необходимо классифицировать и по роду дѣятельности, и по степени довѣрія, питаемаго охранными отдѣленіями къ нимъ. Я раздѣляю ихъ на три категоріи: провокаторы-авантюристы, злостные-провокаторы и провокаторы-комбинаторы.

По моимъ личнымъ наблюденіямъ, больше всего встрѣчается „злостныхъ провокаторовъ“, потомъ идутъ „провокаторы-авантюристы“ и, наконецъ, „провокаторы-комбинаторы“. Послѣдніе изъ нихъ являются продуктомъ самаго послѣдняго времени. Каждая изъ этихъ категорій имѣетъ свои особенности.

„Провокаторы-авантюристы“ комплекуются изъ всѣхъ слоевъ населенія, идутъ они туда съ исключительной цѣлью получить деньги для хорошей жизни. Отличительной чертой ихъ является неискренность въ предательствѣ; они знаютъ,

то чѣмъ дольше въ нихъ будутъ нуждаться, тѣмъ больше они получаютъ заработка, а потому они никогда не выдаютъ сразу всего, но стараются растягивать свои свѣдѣнія на возможно долгое время. Эти люди прекрасно понимаютъ всю тяжесть своего положенія и всегда думаютъ о возможности провала; они стараются заручиться особымъ довѣріемъ у своего начальства, чтобы впослѣдствіи можно было бы пристроиться на службѣ. Подобные типы попадаютъ въ революціонную среду по недораазумѣнію, ибо на жертву они не способны и ихъ больше прельщаетъ показная сторона революціонера, чѣмъ и объясняется та легкость, съ какою они размѣниваютъ свой революціонизмъ на деньги. Обладая нравственной неустойчивостью и любя сильныя ощущенія, такіе люди не могутъ мириться съ тяжелыми днями революціонера на волѣ или въ тюрьмѣ, и легко поддаются соблазну. Тюрьма для такихъ субъектовъ слишкомъ тяжела и потому на предложеніе жандарма поступить въ „секретные сотрудники“ они соглашаются безъ особыхъ колебаній.

Черезъ провокаторовъ начальники охранныхъ отдѣленій и жандармы, ведущіе политическій розыскъ, знакомятся съ революціонерами, какъ таковыми, изучаютъ интимныя стороны ихъ жизни, привычки и слабости. Они намѣчаютъ какого-нибудь изъ такихъ революціонеровъ и приказываютъ арестовать его безъ шума на улицѣ, и доставить къ нимъ. Арестовываютъ обыкновенно тѣхъ, за которыми числятся „дѣла“ и имѣются вполне достовѣрныя „агентурныя свѣдѣнія“. Послѣ ареста имъ ставятъ ультиматумъ: или быть сотрудникомъ, или идти въ тюрьму, причемъ всегда преувеличиваютъ степень грозящихъ наказаній. Подобные эксперименты часто практиковалъ Зубатовъ и училъ имъ своихъ послѣдователей: Герасимова, Спиридоновича и пр. птенцовъ охранки.

Подобные провокаторы иногда проникаютъ въ самыя верхи организацій, и въ теченіе долгаго времени остаются тамъ и проваливаются только отъ случайныхъ причинъ.

Я уже сказалъ, что „провокаторы-авантюристы“ неискренни въ своемъ предательствѣ, и эта неискренность и боязнь быть проваленными доходитъ до того, что они о многомъ умалчиваютъ и сами часто принимаютъ участіе въ нѣкоторыхъ довольно серьезныхъ предпріятіяхъ. Подобное участіе иногда извѣстно начальству, но разъ это требуется высшими соображеніями, особенно интересами сохраненія „сотрудника“ отъ провала, то оно вполне одобряется. Вотъ почему такіе провокаторы, даже будучи заподозрѣны, легко оправдываются передъ товарищами, и главными доводами ихъ честности и невѣроятія измѣны служатъ приводимые примѣры изъ ихъ дѣятельности.

Какъ на примѣръ укажу, что въ 1905 году въ боевой организаціи П. П. С. сотрудничалъ нѣкій Охота. По его свѣдѣніямъ, боевая организація собиралась убить начальника службы

тяги Привислянскихъ ж.-д. Мейера. Установленнымъ наблюдениемъ выяснили предполагавшихся участниковъ нападенія на ихъ не арестовывали по многимъ соображеніямъ. Мейеръ же обставили такъ, что исключалась всякая возможность покушенія. Но, вотъ, его все-таки убиваютъ. Охота говорить, что ему ничего по этому поводу неизвѣстно, и только впоследствии оказалось, что въ это время довѣріе товарищей къ нему немного пошатнулось и, чтобы его возстановить, онъ принялъ участіе въ убійствѣ.

„Провокаторовъ-авантюристовъ“ даетъ почти исключительно интеллигентная среда; будучи развитыми, и зная въ общественно-революціонныхъ дѣлахъ больше, чѣмъ любой жандармъ или охранникъ, они являются ихъ руководителями, они часами просиживаютъ со своими начальниками, знакомятъ ихъ съ партіями, ихъ задачами, составляютъ доклады въ департаментъ полиціи и вообще дѣлаются руководителями розыска. Ихъ цѣляютъ. Такіе провокаторы всегда посвящаются въ дѣла предстоящихъ обысковъ и арестовъ, конечно, среди тѣхъ лицъ, которыя имъ извѣстны, и потому они никогда не допускаютъ, чтобы жандармы затронули тѣхъ лицъ, которыя близки къ нимъ и необходимы имъ въ цѣляхъ самосохраненія.

Въ моей памяти встаетъ цѣлый рядъ авантюристовъ и мнѣ часто приходилось задумываться надъ вопросомъ, почему эти люди шли въ провокаторы?

Станиславъ Бржозовскій, извѣстный польскій писатель, въ расцвѣтъ своего таланта, собираетъ во кругъ себя много поклонниковъ и въ то же время идетъ въ охранное отдѣленіе для того, чтобы „проситься въ шпионы“. Въ то время, когда имъ писались для публики статьи о Кантѣ, Золя, Авенаріусѣ, Михайловскомъ и др., одновременно съ этимъ онъ составлялъ доклады въ охранное отдѣленіе о вредѣ народнаго университета въ Варшавѣ, гдѣ, по его словамъ, подъ видомъ общеобразовательныхъ предметовъ, будутъ пропагандировать идеи социализма. Это непонятно и непостижимо!... Я бы никогда не повѣрилъ, чтобы человѣкъ, пользующійся такимъ именемъ, считающійся духовнымъ руководителемъ цѣлаго поколѣнія, могъ служить въ охранномъ отдѣленіи и получать за это по 150 рублей въ мѣсяцъ!... Но я вѣрю не бумагѣ, не слухамъ, а собственнымъ глазамъ, такъ какъ, однажды, по порученію начальства, вручилъ деньги Бржозовскому за его „труды“, а по его собственноручно писаннымъ отчетамъ о дѣятельности революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ, составлялъ денесенія въ департаментъ полиціи. Эти отчеты, собранные въ одинъ внушительный томъ, долго находились въ моемъ письменномъ столѣ.

И вполне понимаю тѣхъ, кто судитъ о Бржозовскомъ по его сочиненіямъ, но передъ обществомъ открываются въ одномъ

человѣкъ двѣ диаметрально противоположныя души и это еще и еще разъ должно показать, что вопросъ о провокаціи очень важенъ и что съ трудомъ можно указать границы, гдѣ можно съ увѣренностью сказать: здѣсь не можетъ быть провокаціи!...

Въ декабрѣ 1906 года Бржозовскій собирался прѣхать въ Россію, — онъ тогда временно не сотрудничалъ. Охранное отдѣленіе объ этомъ знало, и вотъ ротмистръ Заварзинъ подготовилъ филеровъ на Вѣнскомъ вокзалѣ, приказавъ имъ, пригласить Бржозовскаго въ охранное отдѣленіе для того, чтобы предложить вновь сотрудничать. Я тогда же сказалъ Заварзину, что врядъ ли теперь Бржозовскій пойдетъ служить, ибо онъ матеріально обставленъ не дурно. На это мнѣ Заварзинъ отвѣтилъ: „если онъ не согласится, то я ему покажу его дѣло и вѣрно, что такую вещь можно и въ печать пустить“. Видѣлъ ли Заварзинъ въ этотъ день Бржозовскаго, — не знаю, но прибавлю отъ себя, что угроза Заварзина присуща всѣмъ, ему подобнымъ лицамъ, и она всегда тяготѣетъ надъ головами тѣхъ, кто разъ переступилъ „ихъ“ порогъ.

Янина Боровская, молодая женщина, слушательница краковскаго университета въ Краковѣ съ независимымъ положеніемъ и матеріально обезпеченная. Живетъ всегда въ Краковѣ, знаетъ хорошо польскую эмиграцію, знаетъ всѣ тѣ ужасы, которые переносятъ ея соотечественники въ русской Польшѣ и въ то же время ѣдетъ въ Варшаву предлагать свои услуги охранному отдѣленію. Почему-то ей хотѣлось получать лишніе 100 рублей въ мѣсяцъ, — она и пришла просить ихъ въ охранное отдѣленіе, но ей положили только 75 р. въ мѣс. Деньги ей были нужны не для хлѣба, а для чего-то другого, и она хотѣла получать ихъ во что бы то ни стало; она не старалась выдавать всего, что знала, а сообщала ровно столько, сколько, по ея мнѣнію, стоило на 75 р.

Тадеушъ Плебинскій, — студентъ варшавскаго политехникума, сынъ состоятельныхъ родителей, началъ „сотрудничать“ со школьной скамьи. Сначала „освѣщать“ социалистическую молодежь, а потомъ вошелъ въ польскую соц. партію. Вся его провокаторская дѣятельность является по отношенію къ жандармамъ сплошной неискренностью въ освѣщеніи революціонеровъ; его трехлѣтняя служба и сношенія съ жандармами выработали въ немъ осторожность и онъ выдавалъ лишь только то, что совершенно его не затрагивало. Жалованье онъ началъ получать отъ 25 руб. и дошелъ до 125. Въ 1906 году, въ октябрѣ и ноябрѣ мѣс. начальникъ охраннаго отдѣленія ротмистръ Заварзинъ давалъ Плебинскому по 200 р. въ мѣс., съ тѣмъ условіемъ, что онъ долженъ „открыть“ лабораторію бомбъ, и когда тотъ не исполнилъ своего обѣщанія, снова перевелъ его на 100 рублей.

Весной 1906 года членами боевой организаціи партіи с.-р. былъ убитъ видный членъ ихъ партіи Н. Татаровъ, какъ провока-

торъ. Ошибки здѣсь, конечно, никакой не произошло, и мнѣ пришлось, какъ производившему дознаніе, установить точно его сношенія съ департаментомъ полиціи.

Если тѣ лица, которыя сталкивались съ Татаровымъ на почвѣ партійной работы, захотятъ припомнить о своихъ дѣлахъ съ нимъ, стануть на современную точку понятія о провокаторахъ и охранникахъ, что первые выдаютъ всѣхъ, а вторые реализируютъ всѣ свѣдѣнія, то имъ остается только одно: не признать Татарова провокаторомъ. Напримѣръ, Татаровъ прекрасно былъ освѣдомленъ о дѣлахъ и дѣятеляхъ Польской соц. партіи, такъ какъ онъ числился кандидатомъ въ ихъ Ц. К., тѣмъ не менѣе, имъ не было дано ни одного свѣдѣнія о полякахъ. Подобная тактика неискренности является отличительной чертой провокаторовъ-авантюристовъ и вообще провокаторовъ, знающихъ себѣ цѣну и недовѣрчиво относящихся къ уму жандармовъ.

Ко второму типу провокаторовъ я отношу т. н. „зlostныхъ“. Эта категорія — самая многочисленная и характерной чертой ея представителей является „собачья вѣрность“ своему начальству. Такіе провокаторы всегда бывають до конца откровенны въ своихъ доносахъ, не упускають ни малѣйшихъ мелочей, обо всемъ говорятъ и ничего не жалѣють. У нихъ есть стѣпная вѣра въ свое начальство, которое, молъ, никогда ихъ не оставитъ.

Въ этой категоріи встрѣчаются представители всевозможныхъ общественныхъ группъ. Въ число „зlostныхъ“ провокаторовъ попадають, какъ партійные и сочувствующіе, такъ и совершенно безпартійные люди. Это, по большей части, люди безвольные, безъ серьезныхъ нравственныхъ устоевъ.

Появляется жандармъ для допроса и, видя передъ собою чловѣка съ большой душой, начинаетъ сначала запугивать его серьезностью грозящаго наказанія, продолжительностью неопредѣленнаго тюремнаго сидѣнія и, въ концѣ-концовъ, предлагаетъ получить свободу и матеріальное обезпеченіе. И очень часто, послѣ извѣстнаго періода колебаній, борьбы съ самимъ собою, измученный чловѣкъ принимаетъ предложеніе... и затѣмъ все идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ.

Около революціонеровъ всегда имѣются сочувствующіе и и приготовляющіеся сами стать революціонерами. Они не входятъ въ детали революціонной работы, но ими пользуются для храненія литературы, полученія на ихъ адреса писемъ, ихъ квартиры служатъ для явокъ и т. п. Такія лица чаще всего бывають извѣстны жандармамъ, они знаютъ степень ихъ участія и стараются арестовывать ихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣются найти у нихъ что-либо серьезно компрометирующее. Съ такими лицами жандармы не стѣсняются и прямо съ мѣста въ карьеръ предлагають имъ или сотрудничать, или ждать тяжелаго наказанія. Часто такой арестованный отвѣча

еть, что онъ не революціонеръ, въ партіи не состоитъ и для жандармовъ полезнымъ быть не можетъ.

— Знаемъ это, — отвѣчаетъ жандармъ, — но вы при вашихъ связяхъ скоро войдете въ партію и окажете намъ хорошую услугу.

Иногда жандармы не настаиваютъ, чтобы лицо, согласившееся на предложеніе, выдавало кого-либо. Они говорятъ, что имъ это не важно, а просятъ только давать общее освѣщеніе и общаются не дѣлать ни обысковъ, ни арестовъ у тѣхъ лицъ, которыхъ имъ будутъ указывать. При этомъ жертвѣ стараются вручить „задатокъ“, чѣмъ гарантируется согласіе.

Революціонеры знаютъ, что подобныя, только сочувствующія, лица попали въ тюрьму случайно и къ ихъ освобожденію относятся съ полнымъ довѣріемъ и этимъ способствуютъ проникновенію въ свою среду новаго провокатора.

Часто случается, что арестованные, когда ведутъ переговоры относительно „сотрудничества“, высказываютъ боязнь быть обнаруженными и говорятъ о послѣдствіяхъ этого. Въ такихъ случаяхъ жандармы считаютъ своей обязанностью заявлять, что провалъ — вещь очень рѣдкая, случается по винѣ проваливающихся; что возможность провала, собственно, исключается сохраненіемъ полной тайны относительно личности провокатора, что о немъ будетъ знать только одно опредѣленное лицо, что обыски и аресты по его даннымъ безъ его согласія не будутъ производиться и т. д. „Конечно, — говорятъ жандармы, — провалъ возможенъ, но имѣйте въ виду, что правительство очень заботливо относится къ провалившимся сотрудникамъ, обезпечиваетъ ихъ денежными пособіями, пенсіями и опредѣляетъ на службу. Вотъ, посмотрите на бывшихъ сотрудниковъ — Зубатова, Гуровича, Рачковскаго и др., — до чего они дослужились. Развѣ вамъ въ перспективѣ это не улыбается?“

Случается такъ, что революціонеръ, серьезно привлекаемый по какому-нибудь дѣлу, предлагаетъ свои услуги въ качествѣ провокатора. Если дѣло о такомъ революціонерѣ находится у жандармовъ и прокуроръ о немъ не знаетъ, тогда стараются дѣло замаять, направить его въ административномъ порядкѣ и такъ или иначе, но освободить скорѣе новаго сотрудника изъ-подъ стражи. Чаще всего, подобныя лицъ высылаютъ куда-нибудь, способствуютъ побѣгу или прямо устраиваютъ побѣгъ изъ жандармскаго управленія или охраннаго отдѣленія.

Вообще къ побѣгамъ изъ упомянутыхъ учреждений, отъ сопровождавшихъ жандармовъ или охранниковъ, надо относиться крайне осторожно и изслѣдовать ихъ самымъ тщательнымъ образомъ. Лично мнѣ не приходилось наблюдать, чтобы побѣги завѣдомыхъ провокаторовъ совершались при участіи тюремной стражи или солдатъ конвойной команды, быть можетъ, потому, что послѣдніе всегда являются отвѣтственными, жандармы же и охранники въ такихъ случаяхъ совершенно безотвѣтственны

Совсѣмъ другое дѣло, если предлагающій услуги числится содержащимся подъ стражей за судебными властями. Здѣсь побѣгъ устроить не такъ-то легко, и тогда охранное отдѣленіе или жандармское управленіе стараются такого арестанта подъ какимъ-нибудь предлогомъ взять изъ тюрьмы для допроса и уже здѣсь устраиваютъ побѣгъ. Изъ многочисленныхъ прихвровъ приведу одинъ, весьма обыденный и часто практикуемый.

Осенью 1906 года подъ Варшавой былъ арестованъ цѣлый рядъ членовъ „Боевой Организациі“ и, между прочимъ, руководитель извѣстнаго боевого района Антонъ Дырчъ. Онъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ террористическихъ актовъ, экспроприацияхъ казеннаго имущества и разгромахъ гминныхъ управленій. Свидѣтельскими показаніями своихъ же арестованныхъ товарищей онъ обличался, какъ организаторъ убійства еврея Ягоды. Дѣло принимало серьезный оборотъ, Дырчъ числился за судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Катрановскимъ и ему обвиненіе должно было быть прецѣвлено по 279 ст. XXII кн. св. военн. пост., грозящей смертной казнью. За нѣсколько дней до суда только по дѣлу объ убійствѣ Ягоды Дырчъ дѣлаетъ заявленіе, что онъ желаетъ видѣть начальника охраннаго отдѣленія. Ротмистръ Заварзинъ велѣлъ доставить Дырча въ полицейскій арестъ, а потомъ въ охранку и послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ рѣшилъ немедленно устроить ему побѣгъ, — ужь очень цѣннымъ человѣкомъ являлся для него Дырчъ!...

Однажды привели его изъ полицейскаго ареста, какъ бы для допроса, а потомъ выпустили черезъ парадное крыльцо. Поднялся шумъ, оштрафовали дежурныхъ, напечатали въ газетахъ о побѣгѣ, и въ концѣ-концовъ... приобрѣли секретнаго сотрудника, который впослѣдствіи довольно успѣшно ставилъ висѣлицы, сначала въ Люблинѣ, а потомъ въ Варшавѣ.

Хотя охранное отдѣленіе не имѣло права перевозить чужого арестанта и брать на допросъ, и начальникъ долженъ былъ бы отвѣчать за побѣгъ, но охранка стоитъ внѣ законовъ и дѣло ограничилось лишь только сообщеніемъ, что такой-то арестантъ скрылся. О такихъ побѣгахъ знаетъ немного лицъ. Въ дѣлѣ побѣга Дырча высшее начальство и помощникъ ген.-губернатора Утгофъ были заранѣе освѣдомлены объ этомъ.

Вообще же долженъ сказать, что для приобрѣтенія цѣнной агентуры не останавливаются ни передъ чѣмъ и признаютъ, что всегда можно избавить отъ висѣлицы, чтобы потомъ поставить нѣсколько новыхъ. Если въ такихъ случаяхъ нужно содѣяніе высшего начальства, то оно всегда оказываетъ его.

На почвѣ забастовокъ и лишенія заработка у нѣкоторыхъ рабочихъ и вообще трудящихся возникаетъ недовѣрство противъ агитаторовъ-революціонеровъ; малосознательные элементы видятъ въ нихъ своихъ враговъ, и вотъ часто такія лица отправляются къ жандармамъ съ доносами. Если охранка нуж-

дается въ провокаторахъ, то заявителю они совѣтуютъ не ссориться съ социалистами, лучше познакомиться съ ними поближе, заслужить довѣріе и войти въ ихъ среду; но обязательно обо всемъ доносить. При этомъ объясняютъ, что такимъ путемъ онъ, заявитель, окажетъ огромную услугу правительству въ борьбѣ съ революціонерами и т. д. Въ качествѣ поощренія назначаютъ опредѣленное, но небольшое жалованье. Такимъ образомъ, изъ подобнаго заявителя вырабатывается провокаторъ, который или быстро проваливается, или вырабатывается въ злостнаго предателя.

Къ третьей категоріи я причисляю „провокаторовъ-комбинаторовъ“. Какъ я уже упомянулъ, это — продуктъ послѣдняго времени, выросшій въ Россіи на почвѣ дарованной конституціи и культивируемый русской администраціей. Отличительной чертой „провокаторовъ-комбинаторовъ“ является полное ихъ невѣжество въ революціонныхъ дѣлахъ, безпартіиность, спорадичность донесеній и безразличное отношеніе къ послѣдствіямъ выданнаго имъ дѣла и къ своему провалу. Для такого провокатора важно создать „дѣло“, получить деньги, а объ остальномъ онъ совершенно не заботится. „Провокаторъ-комбинаторъ“ появляется тогда, когда надо заработать деньги, и онъ совершенно не останавливается передъ количествомъ жертвъ, въ большинствѣ случаевъ невинныхъ.

Начиная съ 1906 года, политическимъ розыскомъ усердно начали заниматься не только полиція, но и обыватели. Въ политическомъ розыскѣ увидѣли средство заработать лишнюю копѣйку и засвидѣтельствовать свою преданность отечеству для полученія всякихъ льготъ и повышеній по службѣ. Первымъ пришелъ на помощь правительству въ борьбѣ съ крामीлой Союзъ русскаго народа, а потомъ — „поддонки“ общества. Какъ всегда бываетъ, при самомъ началѣ „сыскной промышленности“ рабочихъ рукъ не хватало, но потомъ оказалось перепроизводство. Много было выловлено обывателей, много занесено въ проскрипціонные списки, а дальше некуда было итти. Промышленность хотя и недолговременная, но успѣла создать цѣлую массу лицъ, которыя только ею и кормились или поддерживались. Чтобы не сидѣть сложа руки, многіе начали устранивать революціонныя дѣла, обманнымъ образомъ привлекать невинныхъ лицъ и потомъ выдавать ихъ жандармамъ. Нужно получить рубль—два, провокаторъ этого типа намѣчаетъ жертву, достаетъ прокламацію и подбрасываетъ ее, а потомъ сообщаетъ жандармамъ. При неразборчивости въ средствахъ розыска, примѣняемыхъ жандармами, чтобы оправдывать свое существованіе, они съ охотой пользуются услугами подобнаго провокаторовъ, по той простой причинѣ, что получаемыя ими свѣдѣнія немедленно утилизируются и добываются легко и по такой дешевой цѣнѣ. Надо кого-нибудь упрятать въ

тюрьму, — обращаются къ подобнымъ провокаторамъ, а еще лучше — въ Союзъ русскаго народа, благо Дубровины и Пуришкевичи всегда имѣютъ про запасъ крамольныя изданія, и нежелательное лицо попадаетъ за рѣшетку.

Если же вульгарные провокаторы комбинируютъ сами, на свой рискъ и страхъ, то провокаторы официальные въ большинствѣ случаевъ создаютъ дѣла съ вѣдома ближайшаго начальства, а иногда, когда думаютъ получить „награду“, и рискуютъ дѣлать это и по собственной инициативѣ.

Для наглядности приведу нѣсколько примѣровъ изъ общей массы комбинаторскихъ дѣлъ.

Долженъ сказать, что обо всѣхъ нижеприводимыхъ и другихъ провокаторско-комбинаторскихъ дѣлахъ я, по просьбѣ В. Л. Бурцева, много написалъ до своего заключенія въ Петропавловскую крѣпость, имѣя въ виду подать въ Государственную Думу, какъ матеріалъ для запросовъ, но всѣ эти мои записки были взяты у меня при обыскѣ и читались тогда Столыпинымъ и Трусевичемъ, и до сихъ поръ находятся при моемъ дѣлѣ въ департаментѣ полиціи. При допросахъ я часто заносилъ въ протоколъ подобные примѣры и просилъ назначить формальное слѣдствіе для констатированія правдивости моихъ заявленій, но Трусевичъ и Столыпинъ сочли неудобнымъ обвинять себя, какъ покровителей всякихъ мерзостей, и предпочли держать меня въ тюрьмѣ, а исполнителей своихъ предназначеній награждать орденами св. Владимира.

Приведу нѣсколько примѣровъ дѣятельности такихъ провокаторовъ.

Въ 1906 году начальникомъ розыскаго пункта въ Николаевѣ былъ ротмистръ Левдиковъ, человекъ, повидимому, честолюбивый и мечтавшій о болѣе широкой дѣятельности, чѣмъ представлялось ему на его мѣстѣ.

У него былъ секретный сотрудникъ въ охранкѣ, его называли, кажется, Николаевымъ, дававшій свѣдѣнія о небольшой группѣ анархистовъ, которые ничѣмъ не проявляли своей дѣятельности.

Не знаю, кто кому предложилъ: Левдиковъ ли Николаеву или наоборотъ, но только было рѣшено облагодѣтельствовать николаевскихъ анархистовъ и поставить имъ на счетъ охраннаго отдѣленія типографію. Деньги были выданы въ достаточномъ количествѣ, и Николаевъ оборудовалъ совместно съ своими товарищами, ничего, конечно, не подозревавшими, довольно порядочную типографію. Въ ней посадили двухъ человекъ, и она начала дѣйствовать, но тутъ, какъ гласило донесеніе Левдикова „Охранное Отдѣленіе на основаніи агентурныхъ свѣдѣній ликвидировало группу николаевскихъ анархистовъ вмѣстѣ съ ихъ типографіей и работавшими тамъ людьми!“

Николаевъ успѣлъ во время [скрыться и перекочевать въ Одессу, гдѣ, какъ опытный человѣкъ, сумѣлъ скоро пробраться въ новую группу анархистовъ.

Левдиковъ же не ошибся въ расчетахъ, что начальство всегда поощряетъ за полезную дѣятельность, и вскорѣ былъ переведенъ въ Одессу начальникомъ охраннаго отдѣленія вмѣсто ушедшаго Боброва. Тамъ онъ на первыхъ же порахъ рѣшилъ проявить свою энергію, и съ этой цѣлью задумалъ временно открыть заговоръ съ бомбами. При помощи того же Николаева и отчасти на деньги охраннаго отдѣленія началось подготовляться покушеніе на ген.-губ. Каульбарса.

Николаевъ заявилъ одесскимъ анархистамъ, что надо казнить Каульбарса и при томъ непременно посредствомъ бомбъ.

— Гдѣ же мы возьмемъ бомбы? — спрашивали анархисты.

— Бомбы сдѣлаемъ, а матеріалъ экспроприруемъ въ аптекѣ — наставлялъ Николаевъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, группа лицъ подъ руководствомъ Николаева зашла въ аптеку, скомандовала: „руки вверхъ!“, приказала выдать сѣры и бертолетовой соли, взяли затѣмъ изъ кассы около 8 рублей денегъ и удалились никѣмъ непреслѣдуемые.

Матеріала и денегъ вполне хватало, чтобы изготовить нѣсколько бомбъ македонскаго образца. По совѣту Николаева, которому, въ свою очередь, посоветовалъ Левдиковъ, для покушенія выбрали табельный день, когда Каульбарсъ выѣдетъ въ соборъ. Но наканунѣ готовившагося покушенія, Левдиковъ произвелъ аресты, взявъ бомбы и торжественно заявилъ, что благодаря этимъ арестамъ спасена жизнь доблестнаго генерала. Черносотенцы отслужили молебенъ и съ умиленіемъ поздравили Каульбарса и поднесли ему адресъ.

Въ 1905 году у начальника варшавскаго охраннаго отдѣленія Шевякова былъ секретный сотрудникъ Идекъ Райхель; давалъ онъ свѣдѣнія о группѣ „анархистовъ-безначаловцевъ“, но потомъ его оттуда выгнали. И вотъ, чтобы получить, кромѣ жалованья, еще единовременное пособіе, Райхель подобралъ 5 человѣкъ безграмотныхъ рабочихъ, досталъ бомбу и предложилъ своимъ соучастникамъ ограбить купца Пинкерта, проживавшаго на Простой ул., въ домѣ № 8. Тѣ согласились. Наканунѣ нападенія Райхель явился къ Шевякову и условился съ нимъ за 100 рублей выдать на слѣдующій день „анархистовъ“ съ бомбой въ то время, когда они пойдутъ къ Пинкертю. Предложеніе было принято, и на другой день на Простой улицѣ разставили агентовъ для арестовъ. Ровно въ 9 часовъ утра къ дому, гдѣ жилъ Пинкертъ начали приближаться экспроприаторы во главѣ съ Райхелемъ, но здѣсь на нихъ устроили облаву, причемъ Райхель для виду отстрѣливался и сбѣжалъ, — всѣ же остальные были арестованы.

Арестованные оказались людьми совершенно неравными, ничего общаго съ анархистами не имѣвшими, и всѣ они заявили, что ихъ подговорилъ къ нападенію Райхель. Несмотря на явную провокацію, подполковникъ Шевяковъ не только не принялъ никакихъ мѣръ противъ Райхеля, но еще добавилъ ему, кажется, 30 рублей награды; а „экспроприаторовъ“ передать судебнымъ властямъ, которые ихъ всѣхъ приговорили къ каторжнымъ работамъ.

Арестъ „анархистовъ“ съ бомбой послужилъ поводомъ къ представленію многихъ агентовъ къ наградамъ (знакамъ отличія и денежнымъ). Такъ, завѣдующій наблюденіемъ Воеводичъ получилъ орденъ Станислава; а филеръ Гуртъ — медаль.

Послѣ „дѣла съ бомбой“ Райхель началъ организовывать мелкія экспроприаціи у частныхъ лицъ, но вскорѣ былъ убитъ членами Боевой Организациі Польской соц. партіи въ то время, когда пытался ограбить табачный магазинъ на ул. Ленно.

Въ 1905 году при посредствѣ двухъ провокаторовъ Мошека Шварца и Давида Айзенлиста, чиновники департамента полиціи Мѣдниковъ, завѣдывавшій наружнымъ наблюденіемъ по всей Россіи, и его помощникъ Луценко, и завѣдывавшій наружнымъ наблюденіемъ въ Варшавѣ Яковлевъ, подготовляли покушеніе на начальника охраннаго отдѣленія ротмистра Петерсона и потомъ на ген.-губ. Максимовича, имѣя въ виду тѣмъ или инымъ путемъ избавитъ его отъ ротмистра Петерсона.

Безусловно, одно изъ этихъ покушеній состоялось бы, но въ послѣдній моментъ Шварцъ измѣнилъ, явился къ Петерсону и рассказалъ ему обо всемъ. Яковлевъ и его сообщники Гудизонъ были немедленно арестованы, по обыскѣ у нихъ нашли письменныя доказательства сношеній съ Мѣдниковымъ и Луценко, касавшіяся готовившихся покушеній. Въ то время директоромъ департамента полиціи былъ Ковалевскій, онъ послалъ въ Варшаву произвести слѣдствіе Макарова, пріятеля и сообщника Мѣдникова. Возможно, что, если бы Ковалевскій въ это время не ушелъ со своей должности, изъ слѣдствія что-нибудь бы и вышло, а такъ все кануло въ Лету. Герои ихъ остались на своихъ мѣстахъ, только Яковлева перевели въ Тифлисъ, гдѣ онъ вскорѣ попался въ аналогичномъ дѣлѣ и тогда его перевели въ Баку.

Послѣ Шевякова начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Варшавѣ былъ назначенъ ротмистръ Заварзинъ. Дѣятельность этого субъекта является сплошной провокаціей. За самое короткое время совместной съ нимъ службы мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ устройства лабораторій; умышленныхъ поѣздовъ, приемъ на службу воровъ (Гутевскій, Пявлека), альфонсовъ, проститутокъ (Червинская), проворовавшихся чиновниковъ (Массонъ), сокрытіе уголовныхъ преступниковъ (Янъ Здраде-

скій), при немъ практиковалось устройство вооруженныхъ сопротивленийъ съ убійствами и казнями (Нове-Минскъ, Нивки, Белдинъ, заводъ Вулканъ и т. д.), бывали уличные расстрѣлы мирныхъ обывателей агентами-хулиганами и т. д. Но обо всемъ этомъ послѣ.

Не могу не отмѣтить еще одинъ изъ очень важныхъ источниковъ свѣдѣній у охранныхъ отдѣленій. Это — свѣдѣнія, получаемыя отъ лицъ, которыя добровольно, иногда безъ видныхъ выгодъ для себя, а иногда и для очень серьезныхъ поблажекъ, вращаются вокругъ охранныхъ отдѣленій и его служащихъ и составляютъ для нихъ очень полезную атмосферу. Зубатовъ, Мѣдниковъ и т. д. всегда бывають окружены лицами, повидимому, не имѣющими никакого прямого отношенія къ сыску и бывають принятыми и среди революціонеровъ, и среди либеральнаго общества. Эти лица бывають очень освѣдомлены относительно всего, что происходитъ въ средѣ, интересной для охранниковъ. Охранники очень дорожатъ такими людьми, — они бывають у нихъ „за всяко-просто“ и также приглашаютъ ихъ къ себѣ. Среди такихъ лицъ, не боящихся знакомствъ съ представителями сыска и того, чтобы охранники не смогли пользоваться ихъ свѣдѣніями для дѣла розыска, можно было бы указать на профессоровъ, литераторовъ, общественныхъ дѣятелей и т. д. Бесѣдуя за чайнымъ столомъ, во время своихъ обывательскихъ разговоровъ, охранники отъ этихъ лицъ выуживають очень часто драгоцѣнныя свѣдѣнія въ ихъ борьбѣ съ революціонерами.

Вотъ, напримеръ, московскій докторъ Г. М. Теріанъ, имѣющій свою лечебницу въ Москвѣ, (М.-Царицынская собств. домъ). Онъ — завсегдаята московскаго охраннаго отдѣленія, личный пріятель Зубатова, Мѣдникова и другихъ подобныхъ дѣятелей. Мнѣ лично приходилось видѣть его и въ московскомъ охранномъ отдѣленіи и въ варшавскомъ, когда онъ нѣсколько разъ заходилъ къ намъ вмѣстѣ съ Мѣдниковымъ въ 1904—5 гг. Онъ тогда ѣздили вдвоемъ за границу лѣчиться на какой-то курортъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ охранниками докторъ Теріанъ часто подавалъ имъ свои совѣты и обсуждалъ планы борьбы съ революціонерами.

Въ разговорахъ съ охранниками Теріанъ тѣмъ болѣе могъ быть полезнымъ, что онъ все время велъ сношенія съ революціонерами, у него служили лица, близкія къ революціоннымъ организаціямъ, у него устраивали склады нелегальной литературы, его квартира служила иногда мѣстомъ для с.-д. конференцій, онъ иногда удачно хлопоталъ объ освобожденіи арестованныхъ и т. д.

Типы, вродѣ доктора Теріана, столько же бывають вредны для революціонеровъ, сколько полезны для охранныхъ отдѣле-

ній и часто трудно бываетъ указать, гдѣ кончается такой доброволецъ-охранникъ и начинается официально-служащій чиновникъ.

Пока заканчиваю на этомъ. Чувствую, что хороводъ провокаціи, состоящій изъ Столыпина, Левенберга, Райхеля, Труевича, проститутки Червинской, писателя Бржозовскаго, Янины Боровской, Пявлоки, Заварзина, Татарова, садиста Герцыка и пр., — нескончаемъ. Чѣмъ дальше углубляешься въ прошлое, тѣмъ больше вспоминаешь фактовъ, — одинъ другого поразительнѣй.

Всѣхъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ провокаторской дѣятельности въ данномъ очеркѣ я привести не могу. — Все, что касается сношеній провокаторовъ со своимъ начальствомъ, система пользованія ихъ свѣдѣніями, классификація свѣдѣній, мѣры предосторожности противъ проваловъ, легко обнаруживаемая „секретность“ провокаторскихъ конспиративныхъ квартиръ, ликвидаціи по даннымъ провокатуры, главныя причины ихъ проваловъ, судьба провалившихся провокаторовъ и т. д. — все это составитъ предметъ слѣдующихъ моихъ статей.

Отъ редакціи. Воспоминанія М. Е. Бакая поднимаютъ одинъ очень важный вопросъ о значеніи провокаціи въ революціонной средѣ. Мы очень жалѣемъ, что, по соображеніямъ конспиративнаго характера, вынуждены были временно выпустить, въ настоящемъ номерѣ нашего журнала, нѣсколько очень интересныхъ страницъ изъ печатающейся статьи и не можемъ пѣликомъ вразъ опубликовать всѣ рукописи, полученныя нами отъ автора этихъ очень важныхъ разоблаченій.

Часть воспоминаній Бакая, кромѣ «Былого», были помѣщены въ 6, 7—8, 9 и 10 №№ «Przedswit», 1—3 №№ «Революц. Мысли», въ «Русскомъ Голосѣ» и т. д., — тамъ же были опубликованы лицами, читавшими рукопись Бакая, списки провокаторовъ (до 50—60 именъ), извлеченные ими изъ его воспоминаній.

На страницахъ слѣдующихъ номеровъ «Былого» мы подведемъ кой-какіе итоги разоблаченіямъ Бакая, но и теперь, со словъ лицъ, близко заинтересованныхъ, можемъ сказать, что свѣдѣнія, сообщенныя Бакаемъ, представляютъ огромный интересъ и подтвердились вполне.

Мы обращаемся ко всемъ, имѣющимъ свѣдѣнія о дѣятельности провокаторовъ, съ просьбой сообщать ихъ намъ для провѣрки и использованія ихъ въ литературѣ. Въ настоящее время нами сдѣлана сводка именъ провокаторовъ, опубликованныхъ въ разное время (до 600 чел.), и мы надѣемся напечатать ее въ недалекомъ будущемъ.

Къ исторіи революціоннаго движенія 1905 г. въ Екатеринославской губ.

Все это было лишь три года тому назадъ, но какимъ далекимъ оно представляется теперь!...

Въ началѣ октября 1905 г. сердце екатеринославской желѣзной дороги — ст. Екатеринославъ — перестало биться: тамъ началась забастовка. Движеніе поѣздовъ начало приостанавливаться, сначала на ближайшихъ участкахъ, а потомъ и на всей дорогѣ. Все замерло, все стало. Лишь отдѣльные поѣзда, состоящіе изъ 2-хъ-3-хъ вагоновъ, слѣдовали одинъ за другимъ въ Екатеринославъ, везя уполномоченныхъ делегатовъ. Но вотъ и манифестъ 17-го октября...

Вездѣ радостныя лица, оживленныя бесѣды. Забылись невзгоды былого и всѣ уносились мечтою въ свѣтлое будущее. Дышалось какъ то шире, свободнѣй. Трудъ начался и легче, и пріятнѣе. Жизнь начала мало-по-мало входить въ норму — новую норму, какъ тогда казалось. День отдавался труду, а вечеромъ всѣхъ тянуло отдохнуть въ общественный клубъ. Свобода слова... свобода собраній...

Какъ быстро они опѣвились, какъ быстро захватили всѣхъ и какъ стали необходимы! Дома не сидѣлось: вѣдь въ клубѣ читались газеты и книги!

Каждый имѣлъ возможность подѣлиться мыслями или попросить разъясненія, если въ прочитанномъ что-либо было для него не ясно. А эти бесѣды, которыя заставляли забывать всѣ невзгоды настоящаго и манили въ свѣтлое будущее, когда не будетъ рабовъ и солнце свободы будетъ грѣть одинаково всѣхъ... Какъ увлекали они!

Такова была картина послѣ 17-го октября почти на всѣхъ станціяхъ екатеринославской жел. дороги; такъ же шла жизнь и на станціи Гришино, которой потомъ суждено было сыграть значительную роль въ декабрьскомъ движеніи.

Помню эти бесѣды, которыя обычно велись подъ предсѣдательствомъ Е—ва или Дейнеги (с.р.), учителя мѣстной школы. Е—въ, человекъ спокойный и уравновѣшенный, увлекалъ умы слушателей. Но сердца ихъ всегда были во власти Дейнеги. Что это былъ за чистый, искренній человекъ! Когда онъ защищалъ положенія, которыя высказывалъ, то покоряла слушателей не такъ его стройная логика, какъ эта искренность. Онъ не зналъ компромиссовъ и весь жилъ тою идеей, въ которую вѣрилъ. Ничто не могло заставить его сойти съ этого пути; когда же указывали на тернии этого пути, то онъ отвѣчалъ такъ просто:

— Ну, что же? — смерть... Но что значить смерть немногихъ изъ насъ, если черезъ нее жизнь всѣхъ будетъ легче, если люди, освободившись и тѣломъ, и духомъ, создадутъ такую жизнь, о которой теперь мы только можемъ мечтать.

Картины рисовались одна ярче другой. Слушатели, боясь пророчить хотя одно только слово, упивались этими волшебными картинами и слушали их, как дивную сказку. А Дейнега говорить и говорить... Сколько любви къ обездоленному, темному народу сквозило въ его рѣчи, сколько желанія отдать себя на служеніе ему, сколько надежды на его свѣтлоз возрожденіе... Рѣчь кончена, а глубокое молчаніе не нарушалось: было какъ-то жалко нарушить то очарованіе, которое охватило слушателей. Такъ велико было бесѣды.

Но не одни только онѣ входили въ программу вечеровъ. Скоро собранія приобрѣли такое довѣріе, что на нихъ неслись для разрѣшенія спорныя дѣла между служащими, ихъ обиды, которыя тутъ-же на собраніяхъ и разрѣшались выборнымъ третейскимъ судомъ. И шло все такъ тихо, такъ покойно.

Но не долго суждено было продолжаться этой идилліи. Первымъ диссонансомъ явились погромы. Отавуки ихъ достигли и до ст. Грешино, около которой расположено значительный поселокъ съ еврейскимъ населеніемъ. Стали появляться какія-то подозрительныя лица, начала циркулировать сначала неопредѣленная молва, — потомъ на базарѣ появились цѣлыя сборища, гдѣ уже громко раздавались призывы къ погрому. Вожаками этой базарной толпы являлись мѣстные русскіе торговцы, которые, надо думать, рѣшили путемъ погрома убить торговую конкуренцію. Дѣло обстояло такъ, что погромъ могъ разразиться съ минуты на минуту, и драма неминуемо произошла бы, если бы не вышли на помощь еврейскому населенію служащіе дороги. Они заявили путемъ объявленій и устною, что они не допустятъ погрома, употребивъ для этого всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, и — погрома не было. Агитація въ пользу погрома, однако, не прекращалась и возможно было предполагать, что она увлечетъ на столько широкія массы изъ окрестныхъ деревенскихъ и шахтерскихъ поддонковъ, что сопротивляться имъ можно только лишь съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ, получила начало самооборона, имѣвшая въ распоряженіи нѣсколько десятковъ револьверовъ. Необходимость самообороны сознавалась всеми настолько ясно, что въ ней морально и матеріально участвовали всѣ служащіе станицы, не исключая и администраціи. И, дѣйствительно, она сослужила свою службу, быстро прекратили начавшіяся были грабежи, къ которымъ прибѣгли за немѣніемъ погрома тѣ подозрительныя личности, которыя не задалго передъ тѣмъ явились неизвѣстно откуда.

Жизнь, казалось бы, начинала снова настраиваться: опять вѣдохнули свободно, опять начались собранія, но что-то закралось въ нихъ такое, что не давало имъ былого пѣвоя. Почувствовалась какая-то тревога, сначала смутная, а потомъ все болѣе и болѣе проявляющаяся — тревога за приобрѣтенныя свободы. Срокъ созыва Думы не указывался; понемногу начались репрессіи. Идиллія уступила мѣсто прозѣ. Все чаще и чаще мысль останавливалась на текущемъ политическомъ моментѣ. Чувствовалось, что побѣда не обезпечена и что предстоитъ еще борьба. Нужно готовиться къ ней, объединившись въ союзъ.

Этотъ вопросъ сталъ скоро центральнымъ. Были, правда, и оптимисты, закрывавшіе глаза на все то, что происходило вокругъ, но и ихъ иллюзіи скоро рушились: тучи репрессій заволокли солнце свободы и привели къ декабрьскимъ событіямъ.

6-го декабря 1905 г. на вечернемъ собраніи распространился упорный слухъ, что въ Екатеринославѣ началась забастовка, на знамени

которой значилось осуществление полновластной Думой свободы, объявленных манифестом 17 октября, при чем свободы эти должны быть проведены въ жизнь отвѣтственнымъ министерствомъ. Сейчас же было рѣшено послать выборныхъ въ Екатеринбургъ, возмѣнивъ на нихъ высылку въ Екатеринбургъ. Оказалось, что тамъ забастовка дѣйствительно началась, и служащимъ ст. Гришино ничего не оставалось, какъ присоединиться къ ней. Но вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніемъ предъ глазами всѣхъ стали вопросы, которые требовали немедленнаго отвѣта. Это были вопросы о высылкѣ хлѣба въ голодающія мѣстности, топливъ въ города, развозки запасныхъ солдатъ съ войны и рабочихъ съ многочисленныхъ угольныхъ и рудныхъ шахтъ, обслуживаемыхъ дорогой. Для всѣхъ было ясно, что „мертвой“ забастовки быть не можетъ. Оказалось, что эти вопросы были предумотрены условиями забастовки и главнымъ станціямъ дороги принадлежало, для руководства необходимымъ для этой цѣли движеніемъ поѣздовъ, выбрать комитеты. Этотъ вопросъ, легкій на первый взглядъ, былъ тяжелъ, однако, для разрѣшенія. Принять все дѣло на себя мастерамъ не рѣшались, боясь оказаться недостаточно опытными въ дѣлѣ руководства движеніемъ, а поручить его лицамъ администраціи не хотѣли, ибо ей не вѣрили. Въ силу этого нельзя было намѣтить общаго рѣшенія вопроса и каждой станціи пришлось его рѣшать по своему. Однако, преобладающимъ элементомъ комитетовъ явились все же рядовые служащіе, ибо члены администраціи, не привыкшіе служить дѣлу по существу, зачастую уклонялись подъ разными предлогами отъ участія въ комитетахъ, хотя и выражали имъ свою солидарность. Большинство комитетовъ были безпартийны; для того, чтобы быть избраннымъ туда требовались лишь общая порядочность и возможно широкое знаніе желѣзнодорожнаго дѣла.

7-го декабря былъ избранъ комитетъ и на ст. Гришино. Въ составъ его вошли люди местной политической окраски: на ряду съ такими с.р., какъ Дѣйнага, тамъ были и совершенно умѣренные люди. Комитетъ, избравъ председателя, занялся возобновленіемъ прерваннаго движенія, призвавъ для этого всѣхъ тѣхъ служащихъ, которые работали на обычное время. Получился такимъ образомъ видъ обычнаго движенія, но съ уменьшеннымъ количествомъ поѣздовъ. Однако, не всѣ комитеты дороги согласились такъ, уако понимать свою роль: на некоторыхъ станціяхъ комитеты владѣли болѣе или менѣе на дѣятельность составившихся почти вездѣ вооруженныхъ самооборонъ, а потому и дружинъ, на другихъ они руководили комитетами. Такъ на сѣздѣй болытай ст. Аадѣвкѣ комитетъ цѣликомъ сталъ во главѣ дружины всей станціи, причемъ председатель комитета Н—въ былъ въ то же время и начальникомъ дружины.

Это обстоятельство заставило съ первыхъ же шаговъ расширить дѣятельность гришинскаго комитета по завѣдыванію движеніемъ поѣздовъ, которое сразу же расширилось и въ смыслѣ увеличенія перевозимыхъ товаровъ. Такъ пришлось заботиться о перевозкѣ скоропортящихся товаровъ и снабжать всѣ станціи продуктами первой необходимости. Комитетъ, такимъ образомъ, былъ заваленъ дѣлами.

Потребовалось большее напряженіе и со стороны обороны. Снова усилились голоса, призывавшіе къ погрому, а къ нимъ еще присоединились слухи о томъ, что крестьяне, терпя убытки отъ приостановки полнаго движенія, рѣшили стомстить желѣзнодорожникамъ. Слухи эти, какъ потомъ выяснилось, не имѣли никакого основанія, но въ то

время они волновали умы настолько, что многие из служащих отпустили свои семьи в города. Количество членов самообороны увеличилось и они вели правильный караул по станции и по всему поселку, прилегающему к ней. Во главе самообороны к этому времени стоял один из агентов дороги К—в, человек дѣятельный и мужественный.

А жизнь выдвигала все новые и новые вопросы. Одним из наиболее важных являлся вопрос о судьбѣ маленькихъ станцій, у начальниковъ которыхъ скоплялись значительныя суммы денегъ в кассахъ и большое количество грузовъ в пакъ-гаузахъ. Сами эти станціи не могли собрать значительныхъ самооборонъ, а положение вещей тогда было таковымъ, что ни одна станція не считала себя гарантированной отъ нападенія. Были предложенія со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ этихъ станцій сформировать поѣздъ съ дружиной для дежурства по линіи. Однако, это предложеніе было отклонено, какъ дорогое и было рѣшено, что начальники маленькихъ станцій сдадутъ свои деньги начальнику станціи Гришино, гдѣ они будутъ находиться подъ защитой мѣстной самооборны. Въ случаѣ же нападенія на пакъ-гаузы должна вызываться на помощь ближайшая самооборона.

Тревога начала мало-по-малу проходить. Къ чему волноваться, когда все было предусмотрено, все предупреждено. Собранія, которые чутко реагировали на событія дня, освободились отъ той нервной заопредѣленности, охватившей было ихъ, и съ жаромъ принялись за прерванную работу. Борьба, в видѣ забастовки, была на лицо и теперь уже не оспаривали необходимость союзовъ. Шелъ только вопросъ о физиономіи, которую должны носить эти союзы.

Представители с.-р. настаивали на включеніе в программу союзовъ политическихъ тенденцій, с.-д. же склонялись на союзы безпартійные, которые давали надежду на вербовку большого количества членовъ.

Къ этому времени измѣнился и составъ слушателей: все болѣе и болѣе появлялись на собранія крестьяне окрестныхъ деревень. Такъ шло время до 10 декабря, когда произошли новыя событія, перевернувшія все и выдвинувшія новыя задачи.

Еще съ вечера 9-го декабря прибыли на ст. Гришино члены главнаго комитета (Екатеринославскаго); они предлагали объѣхать всю екатеринославскую жел. дорогу съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ вещей и по возможности согласовать дѣятельность комитетовъ и дружинъ самооборонъ. Согласованіе комитетовъ оказалось, однако, в виду разнообразія физиономій ихъ, дѣломъ не легкимъ, почти невозможнымъ и пришлось остановиться на томъ, чтобы выдвинуть комитеты съ ясно опредѣлившейся тенденціей. Гришинскій комитетъ принужденъ былъ еще расширить свою дѣятельность въ сферѣ тѣхъ дѣлъ, которыя онъ принялъ на себя и велъ движеніе почти на всѣхъ участкахъ, отъ Екатеринослава до Ростова и Мариуполя. Болѣе успѣшно шло дѣло съ согласованіемъ дѣятельности дружинъ самообороны, ибо они почти вездѣ возникали на одинаковыхъ основаніяхъ съ одинаковымъ административнымъ устройствомъ. Утромъ 10 декабря, когда члены главнаго комитета были еще в Гришино, съ поѣздомъ, идущимъ изъ Ясиноватой по направленію къ Екатеринославу, прибыли солдаты, пересылаемые в полкъ изъ роты, которая несла охрану на ст. Ясиноватая. При солдатахъ были ружья.

Въ виду того, что пассажирское движеніе предназначалось только

для рабочих шахтъ и для запасныхъ, а, слѣдовательно, невооруженныхъ солдатъ, то солдатъ съ оружіемъ не перевозили вовсе, а если они случайно попадали въ поѣзда, то ихъ везли, отобравъ предварительно оружіе на ближайшихъ станціяхъ. У предыдущей партіи солдатъ оружіе было отобрано въ Авдѣевкѣ, станціи, лежащей между Ясноволатой и Гришино. Эта же партія солдатъ какъ-то проскользнула Авдѣевку и ее разоружила Гришинская самооборона.

Предвижу вопросы недоумѣвающего читателя: почему же ротный командиръ отправилъ солдатъ съ ружьями, когда зналъ, что ихъ отбираютъ? Положимъ, что онъ не зналъ условій перевозки солдатъ при началѣ забастовки, но, вѣдь, всего только нѣсколько дней была разоружена первая партія, посланная имъ. Вѣдь не могъ же этого не знать? Зачѣмъ же онъ и вторую партію солдатъ отправилъ съ ружьями? Гдѣ же тутъ логика? — Вѣрно. Логика нѣтъ; и не удивляйтесь: трудно ей быть у всѣхъ членовъ той корпораціи, цѣлыя поколѣнія которой воспитывались на догмахъ: „такъ прика-зано“, „такъ полагается“.

Отобрано было 11 винтовокъ и подсумки съ патронами — по 4—6 на каждую винтовку. О сопротивленіи солдатъ не могло быть и рѣчи — ихъ было слишкомъ мало, да, повидимому, они не намѣрены были сопротивляться, если бы и могли.

Всѣ чувствовали, что вмѣстѣ съ разоруженіемъ солдатъ назрѣваетъ что-то новое, непредвидѣнное, что врѣзывается клиномъ въ жизнь, рѣзко разграничивая время до 10-го декабря и послѣ него. Чувствовалось не по себѣ; волновали разнаго рода вопросы, которые требовали немедленнаго рѣшенія.

Сейчасъ же было созвано экстренное собраніе, на которомъ присутствовали и разоруженные солдаты. Собраніе было бурное; высказывались самыя разнообразныя мнѣнія. Одни, подъ вліяніемъ просьбы солдатъ, указывавшихъ на тѣ кары, которымъ они подвергнутся за утрату винтовокъ, предлагали возвратить ихъ солдатамъ на руки, уничтоживши патроны. Другіе настаивали на томъ, чтобы винтовки были отправлены въ полкъ грузомъ при одномъ солдатѣ, а всю партію пропустить въ полкъ безоружными. Нѣкоторые полагали удобнымъ отдать ружья солдатамъ безъ затворовъ съ тѣмъ, чтобы затворы были отосланы въ полкъ багажемъ. Но всѣ эти мнѣнія потонули въ одномъ: оставить винтовки у себя.

Что же подсказывало это рѣшеніе? Вѣдь, служащіе знали о той ответственности, которую берутъ на себя. Быть можетъ, это было сдѣлано для соблюденія чистоты принципа забастовки? Быть можетъ, служащіе смотрѣли на это разоруженіе еще шире и думали „въ борьбѣ обрѣсти право свое?“ Нѣтъ! Причины, заставившія остановиться на томъ рѣшеніи, которое состоялось, были гораздо проще и вызваны не отвлеченной идеей, а диктовались простой, текущей жизнью. — скажу, употребивъ ея.

Дѣло въ томъ, что все сильнѣй и сильнѣй начали циркулировать слухи о томъ, что въ окрестностяхъ появились казаки, которымъ приказано занять станцію. А казаки были уже извѣстны гришинцамъ. Еще лѣтомъ 1905 года въ поселкѣ при ст. Гришино была расположена (такъ и не выяснилось по чьей просьбѣ) сотня казаковъ, терроризовавшихъ всѣхъ — и жителей поселка, и служащихъ дороги. Пьянство полилось рѣкой. Женщины боялись выходить на улицу; торговцы, увидѣвъ казака, спѣшили убраться со своими товарами. Принимались всѣ мѣры,

чтобы избѣжать поводовъ къ столкновениямъ. И думали: напасть пройдетъ мимо. Маловѣры! Они забыли объ удали казацкой! А она дала себя знать скоро.

Однажды, казакъ, напившись съ баеврынымъ босякомъ, подрался съ нимъ, и довольно ему были выбѣжать и крикнуть: „Нашихъ бьютъ!“ какъ почти вся сотня была на лошадяхъ и казацкія нагайки загуляли на спинахъ всѣхъ, кто попадался подъ руку. Били, не разбирая: били женщинъ, били дѣтей...

Этотъ фактъ былъ въ свое время отмѣченъ и опротестованъ всеми властями: судебной, земской и желѣзнодорожной — и казаки были немедленно убраны.

Память объ нихъ, однако, осталась.

И думалось: неужели опять пережить этотъ гнетъ, стоящій кошмаромъ передъ глазами. Неужели отдать и себя, и своихъ женъ во власть казацкую и отдать тогда, когда разузданность ихъ вышла изъ границъ? Нѣтъ! Все, только не это...

— Ну, еще, если бы не было совсѣмъ никакого оружія, можетъ быть, какъ-нибудь сошло бы, — теплилась у нѣкоторыхъ надежда. — А у насъ револьверы. А что значать они? Револьверы еще больше остервенять казаковъ; а что ими сдѣлаешь? Нѣтъ, нужно имѣть оружіе, но такое, которое представляло бы силу и удерживало казаковъ въ должныхъ рамкахъ. — нужно оставить винтовки у себя.

А отвѣтственность солдатъ? Это ужъ вопросъ второстепенный. Если солдатамъ выдать рѣспіску, что ружья у нихъ отобраны силой, противъ которой они не имѣли возможности сопротивляться, то ихъ наврядъ ли накажутъ.

Такія приблизительныя мысли роились въ головѣ присутствующихъ на собраніи и когда былъ поставленъ вопросъ: удержать ли винтовки у себя или отправить ихъ вмѣстѣ съ револьверами, хотя бы въ Екатеринбургъ (какъ предлагали члены екатеринславскаго комитета), то большинство оказалось на сторонѣ перваго предложенія. Винтовки были оставлены и сданы на руки начальнику самообороны. Велѣдъ за этимъ были разоружены и жандармы станціи.

Мѣстный комитетъ, желая выяснитъ свое отношеніе къ создающемуся положенію вещей, собрался на экстренное засѣданіе. На немъ почти единогласно было рѣшено вѣдать по-прежнему только дѣлами желѣзнодорожнаго хозяйства, которое, какъ говорилось раньше, увеличилось къ этому времени и требовало большихъ заботъ. Это рѣшеніе было естественнымъ тѣмъ болѣе, что большинство членовъ комитета высказалось противъ конфискаціи оружія, а нѣкоторые и противъ разоруженія солдатъ.

Итакъ, имѣлось одиннадцать винтовокъ съ небольшимъ запасомъ патроновъ; этого было слишкомъ мало для выполнения той задачи, которая ставилась обстоятельствами. Это привело къ еще большому единенію между дружинами сосѣднихъ станцій. Но все же оружія было мало. Нужно достать еще; но гдѣ достать? Источникъ остался одинъ — это обезоруженіе остальныхъ солдатъ, несущихъ охрану на станціи Ясиноватая въ количествѣ 55—56 человекъ при офицерѣ и подпорщикѣ.

Та легкость, съ которой солдаты двухъ разоруженныхъ (въ Авдѣевкѣ и Гришино) партій отдавала свои винтовки, вдохнула надежду на усѣхъ, и гришинская и авдѣевская дружины, соединившись, рѣшили попытаться счастья.

Съ утра 11-го декабря гришинокая дружина, вооруженная одинадцатью остробранными винтовками, двумя-тремя Маузерами и нѣсколькими револьверами (большинство самообороны осталось при Гришино), направилась въ Андѣевку и вмѣстѣ съ дружиной этой станицы, вооруженной не лучше гришинокой, продолжала въ Ясиноватую. Когда дружины прибыли въ Ясиноватую, то было уже послѣобѣденное время и какъ солдаты, такъ и офицеры предавались поодѣльному отдыху. Нѣсколько человекъ, съ Дейнегой во главѣ, стиранились къ офицеру и, разбудивъ (онъ спалъ), обезоружили его и объявили, что онъ арестованъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго офицеръ долженъ былъ явиться вмѣстѣ съ представителями отъ дружинъ въ казарму и приказать солдатамъ сдать оружіе. Гарантій должно служить честное слово, данное офицеромъ. Но какъ только приблизились къ дому, отведенному подъ жилище солдаты, офицеръ подаль команду: „въ ружье!“, — и быть убитъ. Однако, команда произвела свое дѣйствіе и вооруженные солдаты готовы, казалось, были исполнять дальнѣйшія распоряженія своихъ офицеровъ, но ихъ не было: старшій былъ убитъ, а младшій (подпоручикъ) отступовалъ. Въ то время, когда происходило все это, большая часть дружины занимала удобныя позиціи, а часть произвела разоруженіе часовыхъ, бывшихъ на станціи. Вскорѣ началось наступленіе. Съ одной стороны, горячая увѣренность, которую сумѣлъ вдохнуть Дейнега, около 20 винтовокъ съ нѣсколькими патронами на каждую, три-четыре Маузера, нѣсколько револьверовъ и охотничьихъ ружей, а съ другой — болѣе 50 винтовокъ въ рукахъ дисциплинированныхъ солдатъ съ неограниченнымъ запасомъ патроновъ. Если бы солдаты хотѣли серьезно защищаться, то ясно, что разоруженіе ихъ было бы дѣломъ неисчислимымъ.

Скоро, однако перестрѣлка прекратилась, начались переговоры, и солдаты сдали дружинамъ свои винтовки.

Такой неожиданный успѣхъ сильно поднялъ духъ дружинниковъ. Теперь уже винтовокъ было до 75 штукъ — есть чѣмъ подѣлиться двумъ дружинамъ. Одно беспокоило — малый запасъ патроновъ. Но и тутъ случай помогъ. При осмотрѣ одной изъ станцій наткнулись на одинъ вагонъ, который, судя по наклейкѣ, значился грузеннымъ каменнымъ углемъ, а „по стуку“, какъ будто, былъ подозрительнымъ. Рѣшено было его осмотрѣть. Оказалось, что онъ нагруженъ патронами въ количествѣ 600 пудовъ. Торжеству не было границъ. Возвращеніе съ этой станціи было триумфальнымъ шествіемъ. Поѣздъ, въ которомъ ѣхала дружина вмѣстѣ въ обезоруженными солдатами, имѣя въ хвостѣ вагонъ съ патронами, ѣхалъ украшенный флагами. На всѣхъ промежуточныхъ станціяхъ собирались къ приходу его толпы народа, дѣлившаго ту радость, которою были переполнены сердца дружинниковъ.

Но вотъ близко и ст. Гришино. Станція запружена народомъ, который осведомлялся о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ на ст. Ясиноватой. Изъ вагона показался сіяющій Дейнега. Ему не дали ступить на платформу, а на рукахъ съ флагами понесли по ней съ пѣніемъ пѣеонъ.

Высадилась дружина, высадились и солдаты. На лицахъ ихъ не было унынія и они, казалось, раздѣляли общую радость. Для нихъ на станціи былъ приготовленъ чай. Проведя нѣсколько часовъ на ст. Гришино, солдаты мирно направились дальше, захвативъ съ собою

рописку въ томъ, что ружья отобраны насильственнымъ путемъ.

Теперь ужъ и казаки стали не страшны: ихъ можно было просто не пустить на станцію. Въдѣ имѣлось 75 винтовокъ съ неограниченными запасомъ патроновъ, и это — кромѣ прочаго вооруженія. Къ тому же на ст. Ясиноватая оказался вагонъ, нагруженный динамитомъ. Правда, винтовки были раздѣлены между двумя дружинами, находящимися на разстояніи 2 часовъ вѣды, но ихъ всегда можно было сконцентрировать въ пунктѣ, подвергающемся нападенію, если это нападеніе предусмотрѣть заранѣе и сдержать первый натискъ. А выставивъ всѣ 75 винтовокъ, предполагалось возможнымъ продержаться вплоть до усиленія, если оно понадобится, и дружинами болѣе далекихъ станцій, — дружинами, у которыхъ было тоже нѣсколько винтовокъ.

Итакъ, рѣшенію подлежали двѣ задачи, а именно: предусмотрѣть нападеніе и задержать его на нѣкоторое время съ наличіемъ того оружія, которое имѣлось на станціи. Для рѣшенія перваго вопроса понадобилось вступить въ связь путемъ телеграфа и телефоновъ съ возможно большимъ количествомъ пунктовъ и увеличить количество патрулей, которые уже не ограничивались обходомъ поселка, а держали пикеты на разстояніи 2-хъ-3-хъ, а иногда и болѣе верстъ отъ станціи.

Такъ какъ винтовки патрулямъ не давались, то скоро ощутился недостатокъ оружія. Рѣшено было использовать всѣ ружья, имѣющіяся на станціи до охотничьихъ включительно; въдѣ отъ оружія патрульныхъ не требовалось боевого значенія, а оно предназначалось лишь для подачи сигнала о приближающейся опасности. Это дало еще нѣсколько членовъ самообороны. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ служащихъ, неучаствовавшихъ фактически въ самооборонѣ, имѣли хорошія охотничьи ружья и, боясь ихъ отдать въ чужія, быть можетъ, неопытныя руки, рѣшили отбывать караулъ сами. Изъ такихъ лицъ составилъ цѣлый патруль, украшающій собой въ настоящее время, какъ ходять слухи, Союзъ русскаго народа.

Итакъ, если бы явилась опасность съ какой-либо стороны, то она была бы предупреждена, — нечаянности въ этомъ смыслѣ быть не могло.

Оставалась другая задача, а именно: задержать нападеніе. Для этой цѣли начали строить баррикады. Баррикады были частью проволочныя и, главнымъ образомъ, изъ шпаль и рельсъ — матеріаловъ, всегда находящихся въ изобиліи въ запасномъ хозяйствѣ железнодорожныхъ дорогъ. И нужно отдать справедливость, что баррикады брали, главнымъ образомъ, не качествомъ, а количествомъ, — было возведено нѣсколько десятковъ. Укрѣплена была, впрочемъ, только одна сторона станціи — наиболее вѣроятная для нападенія менѣе укрѣпленная естественными условіями.

А слухи о дѣлахъ дружины далеко разнеслись по окрестнымъ деревнямъ и настолько ихъ заинтересовали, что на слѣдующій же день, т. е. 12 декабря, залъ общественнаго собранія былъ переполненъ крестьянами. Всѣмъ хотѣлось знать, въ чемъ дѣло и изъ-за чего люди хлопочуть. Хотя имъ и передавали о томъ, что происходило въ собраніяхъ, явившіеся и раньше земляки, но тогда въдѣ о разоруженіи ничего не говорилось. Состоялся исключительно крестьянскій митингъ.

Удовлетворивъ возбужденное любопытство, перешли къ общими

вопросамъ. Развивались, конечно, темы, близко касающіяся крестьянской жизни, захватывающія ихъ глубже всего — это вопросы аграрный и избирательнаго права. Обычно же, когда главными слушателями были жители станціи, вопросовъ общаго характера уже не поднималось. То одинъ, то другой принесетъ какую-либо новость, переданную по телеграфу. Начали появляться бюллетени о ходѣ событій въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Помню, пронесся слухъ по телеграфу о томъ, что Дурново убитъ, Витте арестованъ, а царь вышелъ къ народу, сказавъ, что онъ освобождился теперь отъ путъ и даетъ всѣ свободы, которыя обѣщаль. Я видѣлъ у нѣкоторыхъ слезы радости на глазахъ, когда они передавали эту новость.

Скоро выяснилось, что это былъ только слухъ. Все же, казалось, конецъ близокъ — продержаться еще нѣсколько дней и побѣда!

А время шло.

Возможность стычки съ казаками изъ предположеній перешла въ увѣренность.

Нужно все предусмотрѣть; вѣдь, могутъ быть раненые — необходимо перевязочный пунктъ. Мысль не замедлила воплотиться въ дѣло, и въ одномъ частномъ домѣ расположился перевязочный пунктъ съ старшей сестрой милосердія Добровой (учительницей мѣстной школы) во главѣ.

Въ сестрахъ милосердія недостатка не оказалось. Были прочитаны курсы перевязокъ, и вопросъ о перевязочномъ пунктѣ можно было считать разрѣшеннымъ.

А слухамъ о передвиженіи войскъ не было конца. Нервное настроеніе росло и постройка баррикады, которая велась въ теченіе этихъ дней оставалась, пожалуй, отвлекающимъ средствомъ.

Тѣмъ временемъ русскіе купцы не унывали и, не теряя надежды на погромъ, подъ шумокъ все продолжая агитировать въ этомъ направленіи. Вѣдь, такой удобный случай посчитаться съ ненавистной конкуренціей! Когда-то онъ повторится... Кончилось дѣло тѣмъ, что ихъ привлекли къ народному суду и чуть сгоряча же разстрѣляли. Спасло ихъ заступничество одного изъ видныхъ агентовъ дороги.

А тутъ вдругъ поймали какого-то неизвѣстнаго субъекта, списывающаго ММ вагоновъ. Рѣшили, конечно, что это — шпионъ, и его тоже едва удалось отстоять отъ разстрѣла.

Да, эти дни были временемъ всякихъ возможностей — такъ напряжены были нервы.

Въ одну изъ такихъ тревожныхъ минутъ телеграфъ приноситъ сообщеніе, что по направленію отъ Авдѣвки къ Гришино слѣдуетъ поѣздъ съ очень большой скоростью, не подчиняясь никакимъ сигналамъ. Мелькнула мысль: казаки!... и кому-то даже пришла идея пустить поѣздъ въ туникъ на первой станціи, черезъ которую онъ будетъ слѣдовать. Но тутъ-же эта мысль была отброшена: вѣдь, если бы это были казаки, то авдѣвская дружина объ этомъ знала бы и, конечно, предупредила бы. Рѣшено было подождать поѣздъ и выяснитъ въ чемъ дѣло.

Каково же было удивленіе, когда узнали, что это прибыла авдѣвская дружина съ Н—ымъ во главѣ, оставивъ свою станцію на произволь судьбы. Даже никогда не теряющійся Дейнега — и тотъ былъ сбить съ позиціи и озабоченно спрашивалъ:

— Куда же мы помѣстимъ столько народу?

Но некогда было останавливаться надъ этимъ вопросомъ; нужно позаботиться о присланіи помѣщенія для неожиданныхъ гостей, ибо приближалась ночь. Къ счастью, пустовало общежитіе учениковъ школы, которые въ это время разъѣхались по домамъ, и авдѣевскую дружину удалось кое-какъ устроить. Ночь прошла спокойно.

На слѣдующій день, 14 декабря, телеграфъ принесъ недобрыя вѣсти изъ Горловки, станціи, лежащей въ 2—3 часахъ ѣзды отъ Гришино. Долго велись переговоры по телеграфу, но всего узнать не удавалось. Переговоры шли какъ то сбивчиво и все время откуда-то мѣшали разговорамъ. Получалось впечатлѣніе, что что-то включается въ проведѣніи станціи и затухаетъ переговоры. Къ вечеру удалось, однако, добиться болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній.

Оказалось, что на одной изъ шахтъ, лежащихъ при этой станціи, собрались рабочіе и предъявили какія-то требованія администраціи. Были вытребованы казаки, которые и открыли по этой безоружной толпѣ стрѣльбу.

Вы можете, читатель, представить себѣ взрывы негодованія, которые были вызваны этимъ сообщеніемъ. Болѣе горячіе изъ дружинниковъ хотѣли было немедленно направиться туда для защиты рабочихъ. Но болѣе хладнокровные, соглашаясь въ томъ, что помочь ближнему — дѣло хорошее, уговорили всѣхъ не спѣшить съ поѣздомъ въ Горловку, а узнать точнѣе былъ-ли воообщѣ такой случай и, если былъ, то выяснитъ подробности. Фактъ казался ужъ слишкомъ невѣроятнымъ, а сбивчивые переговоры по телеграфу усугубляли сомнѣнія.

На этомъ и остановились. А Горловка все настойчивѣе и настойчивѣе умоляла о помощи. Въ этотъ же вечеръ былъ отправленъ туда паровозъ съ двумя лицами, на которыхъ и было возложено разслѣдованіе всего того, что произошло, при чемъ они должны были рѣшить по обстоятельствамъ дѣла и вопресъ о поѣздѣ дружины на помощь горловцамъ.

Вскорѣ же получился отъ нихъ отвѣтъ, изъ котораго было видно, что случай, о которомъ говорилось, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто и что помощь нужно немедленно выслать. Была подана тревога, и двѣ дружины (авдѣевская и гришинская) вмѣстѣ съ санитарнымъ отрядомъ направились въ Горловку. Желających ѣхать не только среди служащихъ, но и среди крестьянъ, было настолько много, что пришлось отказывать въ виду недостатка оружія; брались только лица, вооруженныя винтовками, штуцерами и дальнобойными револьверами.

По пріѣздѣ въ Горловку, дружины увидѣли, что онѣ не однѣ: тамъ уже были дружины станціи Дебальцево, Епаніево и др. Дружины эти представляли изъ себя значительную силу по численности, но довольно слабую по вооруженію. Многіе изъ нихъ не имѣли никакого огнестрѣльнаго оружія и явились съ пиками или пашками.

Память объ удачѣ въ Исиноватой значительно помѣшала горловскому дѣлу. Все вралось въ бой, но въ тайникахъ души теплилась надежда, что серьезнаго дѣла не будетъ и все окончится, если не сдачей, то скорымъ отступленіемъ войскъ. Поэтому не было сдѣлано должныхъ приготовленій, не выработано никакого боевого плана. Динамитъ, котораго было больше, чѣмъ надо, не былъ использованъ; сдѣлано было только нѣсколько хлопושекъ. По пріѣздѣ въ Горловку по тому же самому не было сдѣлано нападенія врасплохъ, что было

возможно, въ виду раннаго времени и удобнаго въ смыслъ использо-
ванія холоднаго оружія.

Къ чему, думалось, принимать такія рѣшѣнія мѣры, при которыхъ
возвѣщенъ кровъ человѣческая, когда войска, увидѣвъ знаи силы, ус-
тупаютъ...

И дружины открыто направились къ намѣченнымъ позиціямъ.

Начался горловскій бой. Съ обѣихъ сторонъ зарокотали сначала
отдѣльные выстрѣлы, которые скоро перешли въ горячую перестрѣлку.
Со стороны дружинниковъ терпѣли уронъ, главнымъ образомъ, лица,
вооруженные холоднымъ оружіемъ, сбившіяся въ одну толпу, не зна-
ющую, что ей дѣлать. Успѣхъ клонился, однако, въ сторону дружин-
никовъ: войска дремнули и готовы были отступить. Но въ это время
получилось ими значительное подкрѣпленіе, и бой закипѣлъ снова.
Дейнега, упорный надеждой на побѣду, не могъ уже усидѣть на по-
зиціи, выдвинулся впередъ и продолжалъ перестрѣлку на виду всего
войска. Здѣсь онъ былъ раненъ въ ногу. Это, конечно, не остано-
вило его; онъ чувствовалъ себя поистинѣ счастливымъ человѣкомъ:
ему удалось пролить кровь за народъ, который онъ такъ любилъ, за
идею, въ которую онъ такъ вѣрилъ!...

Положеніе слушающихъ въ это время измѣнилось. Пришло извѣстіе,
что драгуны отрѣзали эдакіе вокзалъ станицы, гдѣ былъ устроенъ
временный перевязочный пунктъ и обстрѣливаютъ его. На перевязоч-
номъ пунктѣ къ тому времени было уже нѣсколько человѣкъ ране-
ныхъ.

Дейнега, съ быстротою сдѣланной перевязкой, направился туда для
того, чтобы возобновить связь съ перевязочнымъ пункткомъ, гдѣ
Доброва, близкая ему по идеаламъ и чувствамъ, была уже ранена. Во
время этого перехода Дейнега получилъ вторую рану, которая, правда,
не была смертельной, но оказалась роковой. Раны вызвали большую
потерю крови, — и Дейнега умеръ съ тою же счастливою и доброй
улыбкой, которая не покидала его при жизни. И все лицо его какъ-
будто говорило:

— Смотрите, какъ легко умирать; не бойтесь разставаться съ
жизнью: вѣдь, вы же несете ее на алтарь народной свободы!...

Рана Добровой оказалась настолько тяжелой, что черезъ нѣсколько
дней свела и ее въ могилу.

Бой, между тѣмъ, замиралъ. Станція была окружена вмѣстѣ съ
перевязочнымъ пункткомъ, ранеными и значительнымъ количествомъ
дружинниковъ, побросавшихъ холодное оружіе. Дружины, вооруженныя
винтовками, отступили къ побѣду и уѣхали, не потерявъ ни одной
винтовки. Всѣ находящіеся на станціи были отпущены подъ условіемъ
не принимать болѣе вооруженныхъ нападеній на войска.

Убитые и тяжело раненные пона были оставлены въ Горловкѣ.

Еще днемъ въ Гришино была получена вѣсть о ранѣ Дейнеги, а
къ вечеру пришло сообщеніе, что его не стало.

Вечеромъ того же 15-го декабря было созвано общее собраніе для
рѣшенія вопроса: что же дѣлать дальше? Потеря Дейнеги сказала
сразу: пессимизмъ вкрался въ душу и послышались голоса о томъ
что нужно сложить оружіе. Е—въ, медшій все время рука объ руку
съ Дейнегой, былъ раненъ и остался вмѣстѣ съ другими ранеными
въ Горловкѣ. Некому было вдохнуть вѣру въ успѣхъ, — и рѣшеніе
сложить оружіе было принято.

А день выдался пасмурный... Пасмурно было и на душѣ. Не

слышно было обычного шума, не видно обычной суетни. На лицах угрюмая тревога...

Съ начала дня уже стало извѣстно, что ст. Дебальцево занята казаками, которые начали свою дѣятельность тѣмъ, что до полусмерти избили инженера Е—го, человека не принимавшаго никакого участія въ движеніи. Были случаи избіенія и другихъ служащихъ. Избіенія повторялись въ интервалахъ повального пьянства, которое шло, какъ говорится, во всю. Станція Авдѣевка оказалась тоже во власти казаковъ. Тамъ они разбивали бочки селедокъ, вытаскивая изъ вагоновъ. И пьянство, пьянство безъ конца.

Повѣяло знакомыми картинами и не нужно было агитаціи для того, чтобы въ головѣ многихъ явилась мысль: а не рано ли мы сложили оружіе?

Могъ ли кто-либо думать, что въ этотъ день еще разъ вспыхнутъ сердца, засверкаютъ очи! А это было такъ... Кто же тотъ могучій ораторъ, который опять поднималъ упавшій духъ? Кто зажегъ пламень уже потухающія сердца?

Наступилъ вечеръ. Общее собраніе началось съ заявленія комитета, который слышалъ въ послѣднее время по своему адресу голоса недовольства о томъ, что онъ слагаетъ съ себя полномочія и проситъ собраніе о выборѣ новаго комитета. Не успѣли рѣшить этотъ вопросъ, какъ на собраніе явилась никому неизвѣстная женщина, которая въ горячей рѣчи убѣждала держаться и не складывать оружія. Рѣчь эта, увлекательная сама по себѣ, попала на благодатную почву, подготовленную событіями дня на сосѣднихъ станціяхъ. Настроеніе поднялось и возбужденная аудиторія пошла стоять до конца. Вопросъ объ оружіи, такимъ образомъ, разрѣшался самъ собой: оно было оставлено на рукахъ у дружины.

Послѣ этого рѣшенія комитетъ напомнилъ собранію о своемъ заявленіи и, несмотря на единогласно выраженное довѣріе, сложилъ съ себя полномочія. Сейчасъ же были произведены новые выборы, причемъ въ новый комитетъ попало нѣсколько членовъ стараго комитета. Собраніе закончилось поздно вечеромъ.

Ночью же рѣшено было послать вагонъ въ Горловку для того, чтобы взять оттуда тѣло Дейнеги. Надѣялись, что за цѣлый день власти уже пришли къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Утромъ 17-го декабря къ станціи приближался печальный поѣздъ съ тѣломъ Дейнеги. Такъ же, какъ и при возвращеніи его изъ Ясиноватой, собрались толпы народа. Взяли его на руки, но не веселая пѣсня провожала его теперъ...

Въ толпѣ плакали...

На слѣдующій день изъ Екатеринослава прибылъ поѣздъ пѣхоты и станція Гришино была занята безъ выстрѣла.

Начались аресты.

II.

Еще по поводу съезда саратовских крестьянъ 18-го декабря 1905 г.

Отъ редакціи. На стр. 35—39 настоящаго номера «Былого» мы привели нѣсколько документовъ о съѣздѣ крестьянъ въ г. Саратовѣ въ 1905 г. На дняхъ въ газетахъ появился отчетъ суда надъ нѣкоторыми участниками этого съѣзда, и мы помѣщаемъ дополнительную замѣтку тов. С. Мазуренко по поводу приговора этого суда.

Въ началѣ текущаго года столыпинская карательная юстиція пронеслась по западной Россіи. Могучая волна крестьянскаго революціоннаго движенія въ Малороссіи закончилась въ этомъ году цѣлымъ рядомъ громкихъ процессовъ Крестьянскаго Союза въ Кіевской, Черниговской, Екатеринославской*) и др. губерній. Теперь газеты принесли извѣстіе, что настала часъ полицейскаго возмездія и для востока Россіи.

21, 22 и 23 октября саратовская судебная палата чинила свой графаретный судъ и расправу надъ членами крестьянскаго съѣзда этой губерніи, бывшаго три года тому назадъ, 18 дек. 1905 г., въ слободѣ Покровской**). Объ этомъ съѣздѣ и его резолюціяхъ въ печати до сихъ поръ ничего не появлялось. На стр. 35—39 настоящаго номера „Былого“ мы даемъ: 1) постановленія этого съѣзда и 2) его манифестъ къ войскамъ.

Изъ сопоставленія этихъ документовъ съ аналогичными документами крестьянскихъ съѣздовъ другихъ губерній можно видѣть насколько Поволжское крестьянство въ своей боевой готовности къ вооруженному возстанію опередило остальную Россію. Объ этой ихъ готовности на ноябрьскомъ всероссійскомъ съѣздѣ крестьянъ въ Москвѣ саратовскій делегатъ говорилъ :

„Когда вспыхнула всеобщая стачка наши крестьяне рѣшили, что настала и ихъ часъ подняться на народныхъ угнетателей. Въ Аткарскомъ уѣздѣ началось съ начала, а затѣмъ распространилось на другіе 7—8 уѣздовъ... Наши организациі должны были запастись оружіемъ. Они добывали его при помощи хитрости въ казенныхъ лѣсахъ и у казенныхъ лѣсничихъ. Съ этимъ оружіемъ онѣ образовали боевыя дружины. Дружины являлись въ экономіи. Ставилась двойная цѣль: первая — все начальство изъ деревень изгонялось, вторая — нападали на экономіи, предлагая помѣщикамъ уѣзжать, отбирали оружіе и отбирали людей въ боевую дружину. Такъ образовался цѣлый рядъ боевыхъ дружинъ“***)

Для подавленія крестьянскаго революціоннаго движенія въ Саратовской губ., какъ извѣстно, царскому правительству пришлось мобилизовать всѣ три рода оружія и назначить главнокомандующимъ, по примѣру войны съ Японіей, бывшаго военнаго министра генераль-адъютанта Сахарова.

О звѣрствахъ Сахарова въ непосредственномъ сотрудничествѣ съ

*) См. «Дѣло о Крестьянскомъ Союзѣ», — «Южная Заря» 1908 г. NN 539, 540, 541, 542, 543 544.

**) «Крестьянскій Союзъ» — „Русск. Вѣд.“, NN 248 и 250.

***) „Протоколы делегатскаго совѣщанія В. К. С.“, стр. 18.

губернаторомъ, а нынѣ — премьеръ-министромъ Столыпинымъ, саратовскіе крестьяне передавали на московскомъ съѣздѣ ужасающіе факты. Делегатъ Балашевскаго уѣзда, со слезами на глазахъ, докладывалъ съѣзду:

„Насъ тамъ рубятъ, жгутъ, насилуютъ... призваны казаки... въ Шепелевкѣ стрѣляли изъ пушекъ. Къ намъ пріѣхалъ генералъ Сахаровъ, — „вѣстникъ мира“, какъ онъ оказалъ, и онъ залилъ губернію кровью...“

Делегатъ Аткарскаго уѣзда говоритъ:

„Положеніе сейчасъ таково: во многія села присланы казаки, которые расправляются жестоко и терзаютъ крестьянъ. Крестьяне сотнями пополняютъ саратовскія тюрьмы...“

Еще лѣтомъ, когда настроеніе саратовскихъ крестьянъ было относительно спокойное, саганы его величества всячески усердствовали надъ ихъ „успокоеніемъ“. Но тогда народъ еще не терялъ надежды приговорами взрастить Столыпина и его агентовъ. Въ своихъ приговорахъ тогда крестьяне писали:

„Мірскимъ приговоромъ мы постановили преслѣдовать господина саратовскаго губернатора удалить отъ насъ казаковъ въ виду того, что они, какъ безпастушная скотина, бродятъ по селу пьяные, наносятъ мірскимъ жителямъ оскорбленія дѣйствіемъ и словами, преслѣдуютъ женщинъ и всѣмъ этимъ явно нарушаютъ тишину и общественное спокойствіе.*)“

Въ такой почтительно-наивной формѣ крестьяне просили г. Столыпина убрать отъ нихъ „безпастушную скотину“. Но скотина продолжала оставаться по селамъ и деревнямъ, продолжала бродить по крестьянскимъ избамъ, избивать народъ, насиловать женъ и дочерей, однимъ словомъ, хозяйничать во славу русскаго оружія. Наглядный методъ правительственныхъ заботъ о нуждахъ русской деревни заставилъ саратовскихъ крестьянъ забросить приговоръ и взяться за оружіе. Ихъ делегатъ отъ того же Петровскаго уѣзда рѣшительно заявилъ на ноябрьскомъ съѣздѣ въ Москвѣ:

„Нашъ крестьянскій союзъ полагаетъ, что своихъ дѣлей можно добиться не приговорами и петиціями, а только съ оружіемъ въ рукахъ востаніемъ.“*)

На такую то почву, вопаханную правительственными агентами и обработанную партійными дѣятелями, пали сѣмена агитаціи Всероссийскаго Крестьянскаго Союза.

Столичные газеты и делегаты всероссійскаго съѣзда крестьянъ принесли сюда, какъ и въ другіе концы Россіи, извѣстныя постановленія съѣзда. Эти постановленія, легшія впоследствии въ основу и революціоннаго манифеста о бойкотѣ правительственныхъ финансовъ и выборскаго воззванія, повсюду въ деревняхъ читались съ завѣтующимъ интересомъ. Какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ, согласно этимъ резолюціямъ, списаннымъ крестьянами прямо съ газетъ, приговорами постановлялось не платить податей, не давать лошадей, смѣстить властей и т. д. Не удивительно поэтому, что всѣ обвинительные акты по дѣламъ Крестьянскаго Союза составляли по одной и той же трафаретной формѣ. Для большей наглядности мы здѣсь приведемъ эту общую форму.

*) Приговоръ крестьянъ села Васильевки, Петровскаго уѣзда.

**) „Протоколы дел. сов. В. К. С.“, стр. 18.

Обвинительный актъ.

„Въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 года въ N—ской губ. началось сильное броженіе среди крестьянъ подъ вліяніемъ распространившагося всюду идеи Всероссийскаго Крестьянскаго Союза... Еще первый, такъ называемый „учредительный“ сѣздъ этого союза, 31 июля и 1 августа 1905 года въ Москвѣ пришелъ къ рѣшительному выводу, что частная собственность должна быть отмѣнена, и земля должна считаться общей собственностью всего народа. Делегатскій сѣздъ 6—10 ноября, съ одной стороны развилъ шире и точнѣе земельныя требованія крестьянъ, а съ другой — опредѣлилъ и ту тактику, путемъ которой крестьянство могло бы получить удовлетвореніе своихъ земельныхъ нуждъ. Тотъ же сѣздъ выработалъ политическую программу Союза и призналъ необходимымъ избрать всенародное учредительное собраніе всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и закрытымъ голосованіемъ для того, чтобы это собраніе установило законодательнымъ путемъ прочное, справедливое и согласное съ волей народа земельное устройство... Напреслѣдованія Крестьянскаго Союза было рѣшено отвѣтить отказомъ въ уплатѣ податей и въ постановкѣ рекрутъ, требованіемъ возврата изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ всѣхъ своихъ вкладовъ и крестьянскихъ капиталовъ и закрытіемъ виновныхъ лавокъ...“

Такимъ образомъ, — говорится дальше въ обвинительныхъ актахъ — теоретическая и тактическая программа В. К. С., совпадая въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ положеніяхъ съ программами п. с.-р. и с.-д.-рѣзе, чѣмъ эти послѣднія, выдвигала на первый планъ общественное переустройство Россіи.“*)

Къ этимъ общимъ обвиненіямъ Екатеринославскаго и Петербургскаго обвинительныхъ актовъ**), саратовскій обвинитель прибавляетъ:

„Объявивъ „бойкотъ“ выборамъ въ Государственную Думу, московскій делегатскій сѣздъ рѣшилъ добиваться немедленнаго изданія закона о созывѣ учредительнаго собранія и заявилъ, что „крестьянство, объединенное въ одинъ великій Всероссийскій Союзъ, добьется удовлетворенія своихъ требованій“. Послѣдовавшая затѣмъ пропаганда идей этой организаціи распространилась и на Саратовскую губ. Здѣсь, подъ вліяніемъ агитаціи, въ значительномъ числѣ селеній были выбраны уполномоченные отъ крестьянскихъ обществъ на губернскій сѣздъ въ Саратовѣ... Агитація эта сопровождалась постановленіями на сельскихъ сходахъ приговоровъ съ политическими и экономическими требованіями и рѣшеніемъ о присоединеніи къ крестьянскому Союзу.“**)

По настоящему дѣлу саратовская Судебная Палата привлекла къ ответственности 17 человекъ. Изъ нихъ на судъ не явились по болѣзни: 1. бывший членъ первой Государственной Думы Аникинъ, 2. Борисовскій и 3. Феологовъ. Объ авторѣ этой замѣтки, повидимому, также привлеченномъ къ настоящему дѣлу, въ правительственныхъ учрежденіяхъ вывѣшено слѣдующее объявленіе:

„На основаніи 846, 847, 848 и 851 ст. Уст. Угол. Судопр. Саратов-

*) Обвинительный актъ. „Южная Заря“, 339.

**) Въ донскомъ обвинительномъ актѣ этихъ обвиненій нѣтъ, такъ какъ Крестьянскій Союзъ на Дону возникъ самостоятельно и раньше учредительнаго сѣзда въ Москвѣ.

***) „Русск. Вѣд.“, 248.

скій Окружный судъ разыскиваетъ крестьянина Криворожской волости, Обл. В. Донскаго, Семена Петровича Маауренко, обвиняемаго по 126 ст. Угол. Улож. Примѣты обвиняемаго“ и т. д.

Изъ лицъ же, явившихся на судъ, приговорены: 1. докторъ В. Д. Ченыкаевъ, 2. агрономъ К. А. Мацѣвичъ и 3. прис. пов. Чумаевскій — къ тремъ годамъ крѣпости каждый. Другіе обвиняемые приговорены къ меньшимъ срокамъ, оправдано только четыре человѣка.

Расправа, по своей суровости, поразительная даже въ нашъ вѣкъ пулеметной юстиціи.

С. Мазуренко.

Изъ міра мерзости и запустѣнія.

III.

Его Превосходительству

Господину Управляющему III отдѣленіемъ собственной

Его Императорскаго Величества Канцеляріи, генераль-
маіору и кавалеру Николаю Владиміровичу Мезенцову.

Потомственнаго дворянина, уволеннаго за
болѣзнь изъ Рижскаго драгунскаго полка
конкеромъ, Александромъ Бутковскаго.

Прошеніе.

Обращаясь къ стопамъ Вашего Превосходительства, прошу Васъ удостоить милостиваго воззрѣнія мою просьбу; не стану описывать Вамъ различныя препятствія, встрѣченныя мною на пути жизни и сильно не благоприятствовавшія моей служебной карьерѣ, — они болѣе или менѣе извѣстны Вамъ; скажу только, что послѣ потери съ помощью поддѣльныхъ актовъ и другихъ злонамѣренныхъ комбинацій моего родового имѣнія, доставшагося мнѣ отъ дѣда, гвардіи полковника Ивана Глинки, стоимость котораго простиралось до 420000 руб. сер., я, благодаря провинціальному произволу и попечительству г. Ковалевскаго (брата бывшаго министра), лишенъ былъ моей мачехой статской совѣтницей Курдюмовой всего состоянія, съ выдачею мнѣ 35000 руб. сер., которыя я прожилъ въ теченіе 5 лѣтъ. Послѣ этого, находясь постоянно за границею и пропустивъ сроки для подачи апелляціонной жалобы, по случаю смерти родного дяди моего, генераль-маіора Величко, командира Рижскаго драгунскаго полка, я обреченъ былъ на вѣчно скитальческую жизнь, которой характеръ измѣнился только со времени поступленія моего въ одинъ изъ банкирскихъ домовъ въ Парижѣ, для веденія иностранной корреспонденціи. Въ 1862 году судьбѣ угодно было сблизить меня съ г. Балашевичемъ, который, присоветовавъ мнѣ пожертвовать мѣстою у банкира, платившаго мнѣ 400 франковъ въ мѣсяцъ, опредѣлялъ меня переводчикомъ шести языковъ въ *Contrôle Général des services extérieurs* въ Парижѣ, гдѣ я пробылъ два съ половиною года, посылая въ Петербургъ длинные документы и свидѣнія первостепенной политической важности, во время разгара Польской революціи; но необузданное тщеславіе и претензіи г. Балашевича на роль дипломатическаго агента понудили шефа Тайнаго

Контроля удалить г. Балашевича изъ Парижа, по неспособности его къ подобной должности и по совершенному незанію иностранныхъ языковъ; меня же, по предварительному увольненію, снова вызвали къ занятію этой должности изъ Берлина, которую я и выполнялъ въ теченіи 11 мѣсяцевъ, имѣя въ виду на первомъ планѣ отечественные интересы, вопреки строгимъ запрещеніямъ прекратить всѣ сообщенія Русскому посольству. Но неосторожность переводчика моихъ пакетовъ, г. Жарницкаго, жившаго подъ именемъ Кольбе, и умышленные козни Балашевича, при помощи агента Клепацкаго, которыхъ разбитое самолюбіе не могло выносить моего надъ нимъ превосходства, да къ тому найденный при обыскѣ у г. Кольбе конвертъ на имя Бутберга, писанный моею рукою, заставили меня утратить мое мѣсто; послѣдствія, оттого происшедшія, уже извѣстны Вашему Превосходительству.

Въ настоящее время, проходя мыслью прошедшее и чувствуя развитіе неизлѣчимой болѣзни, я принялъ твердую рѣшимость объяснить Вамъ, что я не вижу предъ собой ничего прочнаго для будущаго; все тотъ же рядъ однообразныхъ и безотрадныхъ для меня упрековъ со стороны лица, принявшаго когда-то во мнѣ горячее участіе. При всемъ томъ узналъ я отъ него же, что существованіе мое, не приносящее желаемой пользы, составляетъ лишнюю тяжесть. Послѣдую принадлежность безотраднаго существованія я давно предугадывалъ сердцемъ, а теперь вижу подтвержденіе моимъ догадкамъ. Всѣ эти мысли навели меня на рѣшимость дать моей жизни болѣе опредѣленности, переимѣнить хотя характеръ моихъ занятій. Но какимъ образомъ? Въ перспективѣ — апатія, въ которую впадаютъ подобныя мнѣ личности, пройдя сквозь безвѣстности, тысячу неудачъ и ничтожество въ жизни, безъ цѣли, безъ моральной пищи. Я неспособенъ отягчить себя вѣчнымъ притворствомъ, и Вамъ, какъ просвѣщенному начальнику моему, рѣшаюсь заявить откровенно. Какъ тяжела, какъ горька эта жизнь, проведенная безъ пользы, въ ничтожествѣ, такъ какъ мое званіе служить, къ несчастію, аттестатомъ въ одномъ словѣ, тогда какъ много стремленій, благодаря многолѣтней опытности, принести какую-нибудь пользу отечеству и лицамъ, великодушно поддерживавшимъ мое существованіе въ теченіе 8 лѣтъ. Но когда ни способности, ни познанія мои никому не нужны, я невольно впалъ въ ту апатию, въ которую впадаютъ подобныя мнѣ личности тогда, когда могутъ сознать, что ни на комъ, какъ на нихъ, не лежитъ такъ тяжело карательная власть свѣта.

Эти-то горькія убѣжденія и заставили меня обратиться къ великодушію Вашего Превосходительства и просить Васъ, взявъ во вниманіе прежніе мои услуги, мое поведеніе въ послѣднее время въ Петербургѣ и сохраненіе въ теченіе 6 лѣтъ моего пребыванія за границею извѣстныхъ мнѣ секретовъ и свѣдѣній, уволить меня совершенно отъ должности, по неспособности, съ выдачею мнѣ, ничего не имущему, незначительнѣйшаго одновременнаго пособія для пріисканія новаго рода жизни въ Италіи, гдѣ у меня имѣется въ виду поступленіе въ одинъ изъ торговыхъ домовъ. Во всю остальную жизнь я буду признателенъ своею новою жизнью единственно Вамъ и никогда не осмѣюсь утруждать Васъ какими-либо жалобами или просьбами о пособіяхъ.
С.-Петербургъ 1868 года.

IV.

Письмо Гартинга къ провокатору.

Милостивый Государь!

Слѣшу отвѣтить на Ваше письмо. Я выражалъ желаніе видѣть Васъ с.-ромъ оттого, что впоследствии предстоитъ, какъ думаю, болѣе серьезная работа среди с.-р., чѣмъ с.-д., — въ особенности, если среди послѣднихъ Вы не играете особо серьезной роли. Но если Вамъ неудобно примкнуть къ с.-р., то необходимо стремиться, дабы

Вы могли повести экспедицию въ центр с.-д. При переходѣ къ с.-р., таковой легче достигнуть въ Парижъ, чѣмъ въ Женеву, — оттого я и предлагалъ Вамъ временно прѣехать сюда.

Обдумайте хорошенько — возможно ли Вамъ къ осени нормально подготовить этотъ переходъ къ с.-р. и дайте мнѣ отвѣтъ.

Если Вы увидите, что къ с.-р. Вамъ никакъ не подойти, то оставайтесь большевикомъ с.-д., но въ такомъ случаѣ необходимо стремиться примкнуть къ какой-либо группѣ, а не оставаться вольнымъ гражданиномъ. Старайтесь возможно ближе подойти къ „экспедиціи с.-д.“, которая, вѣроятно, должна вскорѣ наладиться.

Мнѣ кажется весьма сомнительнымъ, послѣ всего происшедшаго, чтобы большевики вновь занялись развѣтомъ 500-кредитокъ, добытыхъ при тифлисской экспроприаци, о которомъ Вы мнѣ пишете; изъ сего я заключаю, что Вы не такъ близки къ центру с.-д., какъ увѣряете.

По полученіи отвѣта на это письмо, спишемся относительно денегъ, но, повторяю, — если есть малѣйшая возможность — стремитесь къ с.-р.-мъ.

Во всякомъ случаѣ — мнѣ нужно будетъ съ Вами познакомиться, — и лучше, если бы Вы могли прѣехать сюда подъ видомъ экскурсіи, дня на три, — не беря съ собой сестры, которая можетъ на это время остаться въ Женевѣ. Конечно, на подобную побѣдку я пошлю Вамъ деньги, вмѣстѣ съ ежемесячнымъ.

Жду отвѣта.

Петровскій.

Отъ редакціи. Печатающееся письмо адресовано было лѣтомъ настоящаго года Гартингомъ (Петровскимъ), отцомъ и наставникомъ русскихъ провокаторовъ за границей, къ его агенту въ Женевѣ.

Это письмо фигурировало въ дѣлѣ Герцика, обвиненнаго въ провокаторствѣ женевскими эмигрантами. О Герцикѣ мы писали въ 7 № «Высоты» (на стр. 131).

W.

Письмо Блнца къ священнику въ Парижѣ.

Ваше Преподобіе!

Простите, если ошибся въ титулъ: не силёнъ въ духовной иерархіи. Да не въ титулахъ суть-то.

Настоящее письмо — отнюдь не слезница и не челобитная. Это просьба человѣка, сознающаго не только свои обязанности, но и права, и уважающаго, что просьба его будетъ удовлетворена.

Первое впечатлѣніе, произведенное Вашимъ Высокопреподобіемъ на меня, было то, что я вижу передъ собой человѣка не добраго, но за то очень умнаго, и какъ такового — привыкшаго смотрѣть на людей, какъ на жуликовъ Господа Бога своего. Это, возможно, вѣрно, но бываютъ исключенія. И въ данномъ случаѣ я имѣю честь считать себя таковымъ.

Я обращаюсь къ Вамъ, батюшка, съ просьбой, оказать мнѣ дѣйствительную поддержку, а не благотворительный плевокъ. Я хочу видѣть пастыря Христова, а не бронированное сердце дипломата

Я имѣю право на поддержку, потому что я вынужденъ былъ бѣжать изъ Одессы, гдѣ оказывалъ услуги административной власти въ борьбѣ съ уголовными анархистами. У меня есть документы, если и не удостоверяющіе это прямо, то, по крайней мѣрѣ, косвенно. И если Вы, Ваше Преподобіе, помогаете и безпаспортнымъ, и разнаго рода проституткамъ общественной отзывчивости, то я, человекъ сравнительно честный, имѣю право на поддержку Русскаго Правительственнаго Общества.

То, что я еврей, — не Ваше дѣло. Я хотѣлъ принять Св. Крещеніе, но одесскій ген.-губернаторъ ген. Толмачевъ мнѣ отсовѣтовалъ это, во избѣжаніе толковъ, до поры до времени.

Сейчасъ, когда я временно нуждаюсь въ поддержкѣ и серьезно боленъ, я имѣю право на широкую помощь. Мнѣ не нужно денегъ, — дайте хоть какую-нибудь работу.

Если же мнѣ придется погибнуть голодной смертью, то я предварительно обращусь къ Мих. Осип. Меньшикову. Пусть онъ, который въ свое время такъ великопѣпно освѣтилъ дѣятельность дипломатическихъ миссій и посольствъ за-границей, — пусть онъ дастъ оцѣнку и Вашей дѣятельности, батюшка. Пусть онъ оцѣнитъ дѣятельность тѣхъ, кои широко помогаютъ... только не тѣмъ, кто нуждается. Истинному горю же они вмѣсто хлѣба подають камень.

„Толпыте — и отворять вамъ“... дверь на улицу. — Надѣюсь, что этотъ символъ Вашей филантропической вѣры не будетъ примененъ во мнѣ и помощь будетъ мнѣ оказана въ той мѣрѣ, какая потребна.

Уважающій Васъ

Осипъ. Блиць.

Boul. Rochechouart, 10.

Отъ редакціи. — Письмо О. Блица — наглый шантажъ. Мы публикуемъ это письмо на страницахъ нашего журнала по слѣдующимъ причинамъ.

Блиць — «литераторъ», участвуетъ въ «Южномъ Обзорѣніи» и «Одесск. Нов.», вертится въ революціонной средѣ, стремится знакомиться съ револ. дѣлами и въ то же время находится въ интимной перепискѣ съ приснопамятнымъ одесскимъ Н. И. Толмачевымъ и съ его женой. Въ Одессѣ, гдѣ онъ долго былъ, онъ очень часто посѣщалъ этого Толмачева, снабжалъ его своими статьями, за что Толмачевъ его горячо благодаритъ въ письмахъ, и велъ съ нимъ бесѣды, которыми Толмачевъ такъ дорожилъ. За всѣ эти свои заслуги Блиць получалъ отъ храбраго генерала не рѣдко денежныя пособія.

Все это заставляеть насъ опубликовать письмо Блица и тѣмъ обратитъ на него вниманіе людей, не имѣющихъ съ Толмачевымъ ничего общаго.

Читатели одесскихъ газетъ, быть можетъ, помнятъ переписку Толмачева въ газетахъ съ «налетчикомъ-анархистомъ». Этотъ «налетчикъ» и есть О. Блиць.

Изъ записокъ Н. В. Клѣточникова.

(Продолженіе*)

- Лемчиневскій.
Лебедева, Пантелеймоновская ул., д. Зареля.
Лалошъ, служитъ въ Инспекторскомъ надзорѣ за типографіями.
Лейкинъ, литераторъ, хромой, агентъ Лориса.
Любимовъ.
Ловицкій, Герардъ Матв. (Новая ул., д. 8, кв. 10).
Лукина - Трофимова, бывшая фельдшерница, сожительница Лазаревой, бывшая квартиро-хозяйка.
Лапкинъ, филологъ, 4 курса петерб. универс.
Любимовъ, приставъ Нарвской части 3 уч., взялъ . . .
Лизловъ, атлетъ (?).
Лазарева, Серафима Осиповна, на Бестуж. курсахъ; Новая ул., д. 3, кв. 32. Ее сажали въ Домъ Предвар. Заключ. въ концѣ зимы 81—82 гг.
Маркова, выдаетъ себя за Макарову (Над. ж. кур.).
Молодавскій, Никол. (Фонтанка, д. 93, кв. 46), узнавалъ и слѣдилъ за социалистами въ Кронштадтѣ. Отставной солдатъ, роста средняго, волосы и борода черные съ просѣдью.
Мальцевъ, Прокопъ Ѳеодор. (уголь Озерной и Преображенской, домъ 5, кв. 16), шпионъ Ш отд.
Макаровъ, Никол., составитель словаря.
Меркуловъ, Михаилъ Моисеевъ.
Масленниковъ, Никол. Андр. (Обух. д. 8, кв. 17). Роста средняго, лѣтъ 60, лицо бритое, голова лысая, лицо красноватое, сморщенное и нѣскольکو рѣбоватое. Смотритъ мелкимъ чиновникомъ или приказчикомъ. Участвовалъ въ разыскиваніи типографіи на Гутуевскомъ островѣ и получилъ 100 рублей.
Масальскій, Мих. Мих. (М. Итальянская, д. 26, кв. 31), волосы, усы и небольшая, нѣскольکو раздвоившаяся борода, темнорусая съ красноватымъ отливомъ, носъ широкій, лицо съ подтеками, какъ у пьяницы. Похожъ на жулика. Бывшій тѣлохранитель шефа. Постоянно дежуритъ въ Ш отд., гдѣ и ночуетъ.
Малиновская.
Метропольскій.
Мастеровой, за Московской заставой, д. Бородулина. Роста средняго, худощавый, лицо рѣбое, волосы, усы и небольшая борода черные, на щекахъ подбритъ; ходитъ скоро, какъ будто подпрыгивая, говорить тоже скоро. Глаза черные, лѣтъ 35. Носитъ шляпу черную, высокую. Тѣлохранитель управляющаго Ш отд. Шмидта, постоянно дежуритъ при немъ.
Малькевичъ, Викентъ Викентьев. (Ср. Мѣщанская, 24/24). Средняго роста, худощавый, бритый, лѣтъ 24—25, небольшіе усы и пробивающаяся черная небольшая бородка. Волосы черные, нѣскольکو вьющіеся. Лицо смуглое.
Митрофановъ, Петръ Степановъ (Б. Дворянская, д. 20, кв. 22), имѣетъ вывѣску сапожной мастерской. Агентъ или Ш отд. или Секр. Отд.

*) Начало записокъ Клѣточникова было помѣщено въ 7 номерѣ „Былого“. См. тамъ наше предисловіе къ этимъ запискамъ, написаннымъ въ 1880 г. и дополненнымъ въ 1882 г. другимъ лицомъ. Ред.

Моринъ, Алекс., инженеръ, настоящая фамилія или псевдонимъ одного изъ шпионовъ, выслѣживавшаго транспортъ разрывныхъ снарядовъ изъ-за границы и сопровождавшій его.

Матросовъ.

Матюшкинъ (см. Алексѣевъ).

Минкевичъ, — просится въ шпионы.

Мартыновъ.

Милошевичъ.

Михаевъ, учитель въ провинціи, предлагаетъ услуги.

Михайловъ.

Мавродій.

Михайловъ, А. Михайл., по Б. Садовой противъ Александровскаго рынка.

Николаевъ, Васил. Тимоф.; Петерб. стор., уголь Б. пр. и Введенской д. 35/7, кв. 14.

Новодомневъ, Ал. Яковл.; Екат. просп. д. Яковлева.

Наумова, Ал-дра Андр.; Уголь 4-ой и Дегтярной, д. 28; студентка, записана въ число агентовъ въ началѣ юня.

Николаевъ, Петръ (кажется, Старопетергоф. пр. д. 12/43); примѣты: еврейскій типъ физиономіи, носъ крючковатый, волосы спереди отъ лысины короткіе, сзади длинныя и завитые, черныя, лѣвый глазъ косъ и немного выше правого; бредется, возится съ рабочими; одѣвается франтомъ, носятъ пенсне, знакомъ съ Серг. Соколовымъ и Рейнштейномъ. Письма ему адресуются, кажется, такъ: Старопетергоф. пр., домъ 12/43, Софья Ильининой Ярочкой.

Николаевъ, Арс. Ив., Саперн. пер., д. 4, кв. 31.

Новиковъ,

Нейманъ, Титъ Софрон., Волынскій мѣшанинъ, оставанной прапорщикъ.

Недзыцкій, живетъ въ гостин. «Стар. Рига».

Нотовичъ, Никол. Алек., Невскій пр. 130/55. Секретный агентъ, протеже Адлерберга.

Новацкій, Болеславъ Осипов., 32 лѣтъ.

Недѣлькинъ, Васил. Яковл.

Нивинскій, докторъ сифилитич. болѣзней, печатаетъ свои объявленія въ газетахъ. У него собираются шпионы. Знаменская № 44, кв. 1.

Останъ, студентъ универс., мебляр. комнаты, Невскій 12/12.

Ольховскій, Феодоръ Франц. (у Покров., д. 19/2), знакомъ съ агентомъ Петромъ Николаевичемъ и Феодоровскимъ. Вертится среди рабочихъ. Составляетъ писемъ при фабрикѣ Шау; вертится также и между студенчествомъ. Знакомъ съ Терскимъ агентомъ. Командируется на экспедиціи желѣзной дороги.

Огаревъ, Ф. А., служить въ секр. отд. и (въ?) Академіи наукъ. Живать на урожденной Минской губ. Канцелии; сообщаетъ свѣдѣнія объ Аннѣ Корба. Изъ (его?) знакомыхъ Пресѣцкій служить въ Академіи Наукъ и Генрихъ Янковскій — шпионъ секретнаго отд.

Огильба, ст. Покровскихъ курсовъ (?) двѣ сестры (?).

Оголейтъ, Германъ Герм. Секр. биржевой маклеръ.

Осталыпинъ,

Петровъ, Николай Никоновъ, Екатерин. Каналь, д. 48/24, ст. мед.

Прокоповъ, Павелъ Матв., (живетъ?) Домъ Предварительнаго Заключ. кв. 26.

Павловъ, Мих.: Павл., Васил. остр. 4 л. 43/10.

Петровскій, Конст. Метр. (Мойка за Синимъ мостомъ д. 90, кв. канцелярїи инспектора типографій). Роста нижесредняго, лѣтъ 30 съ лишкомъ; лицо худощавое; волосы темныя, борода бритая, лицо серьезное, хотя и недовольно интеллигентное. Носитъ очки дымчатаго цвѣта или пенсне и цилиндръ. Выступаетъ важно, нѣсколько... Дѣлопроизводитель старшаго инспектора типографій. Дѣйствуетъ среди интеллигенціи, специально занимается разыскиваніемъ типографіи «Земан и Воли»; ему помогаетъ инспекторъ типографіи Грешнеръ (?).

Полеводимъ, Ник. Петр. (Петербург. сторона, Стрѣлинская ул., д. 13

кв. 2). Роста высокого, плечистый, волосы темные, подстриженные, усы и окладистая, нарочно подстриженная борода, тоже темная; лѣтъ 35.

Пахоминъ, бывший околоточный (Кузнецкий пер. д. 11).

Придаткова (Литейный, домъ 29, кв. 13), любовница начальника шпионовъ Колиббева. Оговорила Анну Боградь, студентовъ Злуката, Красивина, Германова.

Петровъ, Родионъ, рабочій.

Петкевичъ, Олимпія, студ. Бестуж. курсовъ, Крюковъ Кан., д. 7, кв. 8.

Полянский, капитанъ 2-го ранга; Васил. остр. 16 л. 5/5-6; доноситъ о квартир. № 1 и 8 того же дома, гдѣ постоянно бываютъ оходы и собранія, и о пропорщикѣ Финлянд. полка Мосягинѣ.

Поновъ (Торг. д. 13., кв. 22, хозяинъ квартиры), постоянно пишетъ доносы. Онъ же представилъ вещи Трофимова (?) наследнику.

Порсievъ, околоточный, одинъ изъ шпионовъ, вращающійся между рабочими за Невской заставой.

Проскуракова,

Постниковъ, кажется, охранникъ.

Пирсанъ, инженеръ изъ компании Мейне.

Потѣхинъ, литераторъ.

Петрова,

Петровский, чиновникъ, радикалъ кievск. Взятъ подъ именемъ Бѣгородскаго мѣщанина Тросима Акимова на границѣ. Сынь помѣщика Курской губ. Даниельмайера. Освобожденъ при перевозкѣ изъ Кіева въ Одессу 11/80.

Познанскій,

Перепелкинъ, Елеазаръ, крестьянинъ Спб. губ.

Поповичъ, Степ., отстав. поруч.

Поликарповъ, студ. унив., представилъ списокъ студентовъ, подлежащихъ исключенію за политическую неблагонадежность.

Переплетниковъ, Мих. Андр., рабочій.

Петровъ, Александръ, командированъ временно въ Вятку. Небольшого роста, брюнетъ.

Петровский, — имѣетъ 4 квартиры.

Рудневъ, ст. Мос. Академіи.

Ритво,

Рудичъ, — Енатерин. пр. д. 3, кв. 20. Брюнетъ, средняго роста, слезливый, лѣтъ 30.

Рейнштейнъ, Татьяна, жена убитаго шпиона, — Дегтярь. переулокъ д. Мохасва 28. кв. 17. Папирсница, знакома съ агентами Петромъ Николаевымъ, Серг. Соколовымъ. Никол. Рейнштейнъ далъ московскимъ радикаламъ адресъ своей жены только на имя Маріаны Тимофеевны Гудковой. Пріея помощи выданъ былъ Обьюрскій.

Рюдкинъ.

Рачковскій, И. И., — М.-Итал. 17/10. Высокаго роста, брюнетъ, черные большіе усы — толстые, короткіе; бороду и бакенбарды, носъ длинный, толстый, глаза черные, цвѣтъ лица блѣдный. Лѣтъ 26—27. Одевается въ сѣрое пальто, твердую, черную шляпу; ходитъ съ тросточной или зонтикомъ. Лицо интеллигентное. Знакомъ съ Селинскимъ, Морозовымъ, Лупкой, также съ агентомъ княземъ Черкасскимъ; былъ одобрителемъ въ Пинегѣ Арх. губ. Теперь прикомандированъ къ Министер. Юстиціи, сотрудничаетъ въ «Новостяхъ», авторъ статьи «Замѣтки о ссыльныхъ» въ III кн. 79 г. «Слова». Находится въ Яссахъ подъ псевдонимомъ, студ. . . . Николая Четуренно или Иванчина.

Ральцевичъ, студ., арестованъ на вечеринкѣ 24 февраля, болгала и сообщилъ объ арестованныхъ, также объ Абрамовѣ и Савиномѣ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,

Господи́нь редакторъ!

Въ № 50 (отъ 21 февраля сего года) газеты „Кіевскія Вѣсти“ была помѣщена слѣдующая замѣтка, перепечатанная, если не ошибаюсь, „Русью“ и „Биржевыми Вѣдомостями“:

„Ходатайство С. Рысса. — Какъ мы слышали, недавно повѣшенный по приговору военно-окружного суда Соломонъ Рыссъ подалъ за нѣсколько дней до казни прошеніе о помилованіи, обѣщая быть вѣрно-подданнымъ монархистомъ. Прошенію этому не было дано хода.“

Считаю необходимымъ по поводу этой замѣтки заявить, что прошеніе о помилованіи, безъ вѣдома и вопреки желанію моего сына, взыскаго съ меня клятвенное обѣщаніе не дѣлать ничего для смягченія его участи, — подавала я. То, что я сдѣлала, является правомъ матери, желающей спасти сына. Что касается „вѣрноподданнаго монархиста“, — приходится удивляться, откуда вычерпнула газета эти лживыя свѣдѣнія.

Не могу не выразить своего негодованія по поводу легкомысленнаго отношенія серьезной, казалось бы, газеты, къ имени человѣка, казненнаго за два дня до этого. Казалось бы, сообщать подобныя свѣдѣнія „по слухамъ“ — болѣе чѣмъ неумѣстно.

Тамара Рыссъ.

Отъ редакціи. — Мы, конечно, считаемъ своимъ долгомъ помѣстить письмо матери Рысса.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ мы получили отъ лицъ, близкихъ къ казненному Рыссу, нѣсколько писемъ съ горячей защитой его памяти. Намъ обѣщаютъ доставить документы, доказывающіе, что всѣ обвиненія, возводимыя на Рысса, составляютъ печальную ошибку.

Для насъ исторія сношенія Рысса съ Департаментомъ Полиціи не вполне ясна, — разумѣется, мы внимательно отнесемъ къ тому, что будетъ прислано намъ въ его защиту.

Рыссъ былъ с.-р., — потомъ перешелъ къ максималистамъ. Въ іюнѣ 1906 г. его арестовали въ Кіевѣ при одной экспроприаціи. Въ тюрьмѣ онъ заявилъ начальнику охраннаго отдѣленія Кулябкѣ-Корсцкому о своей готовности поступить на службу въ Департаментъ Полиціи, если его освободятъ. Кулябко снесся съ Трусевичемъ, директоромъ департамента полиціи, — и Рыссу былъ устроенъ побѣгъ. Одинъ жандармъ за устройство побѣга, тѣмъ же мѣсяцемъ, судился и былъ отправленъ въ каторжныя работы, — другой, равный во время побѣга, умеръ отъ ранъ.

Послѣ своего мнимаго побѣга, Рыссъ въ сопровожденіи двухъ филеро夫 уѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ и тамъ видѣлся въ Департаментѣ Полиціи съ Трусевичемъ, Пышковымъ и др., — они, какъ намъ достоверно извѣстно, смотрѣли на него, какъ на своего вполне заагентуреннаго очень важнаго секретнаго сотрудника. Самъ Рыссъ, повидимому, былъ убѣжденъ, что ему удалось обмануть охранниковъ. Онъ въ это время видѣлся и съ представителями максималистовъ, сообщилъ имъ о своихъ сношеніяхъ съ Департаментомъ и пожимыми указаніями старался отвлечь вниманіе жандармовъ отъ подготавливаемаго нападенія на Фонарномъ переулкѣ. Это, кажется, ему удалось, — и онъ послѣ дѣла въ Фонарномъ переулкѣ скрылся отъ надзора полиціи и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ случайно арестованъ въ Юзовкѣ. Тамъ ему снова предложили служить въ Департаментѣ Полиціи, но онъ отказался, — тогда его предали суду и онъ былъ повѣшенъ въ Кіевѣ

Рыссъ былъ талантливымъ писателемъ и много работалъ по философскимъ вопросамъ. На судѣ онъ горячо защищался отъ обвиненій въ измѣнѣ товарищамъ и умеръ смѣло, какъ революціонеръ, твердо вѣрящій въ свое дѣло.

Разумѣется, мы не можемъ допустить и мысли, чтобы такія попытки сношеній съ Департаментомъ, какія были у Рысса, могли обойтись безъ какихъ-либо выдѣлъ, — а потому мы даже не останавливаемся надъ оцѣнкой переговоровъ Рысса съ Департаментомъ: въ данномъ случаѣ нельзя и сомнѣваться, что онъ совершилъ и ошибку, и преступленіе противъ революціоннаго дѣла.

Отъ редакціи.

Въ рукахъ нашихъ читателей въ настоящее время двѣ вышедшія за границу книжки „Былого“. Намъ нѣтъ надобности подробно говорить имъ, въ какомъ духѣ мы будемъ впредь вести нашъ журналъ и какого рода помощь намъ нужна съ ихъ стороны. Наши просьбы къ читателямъ были полно сформулированы въ нашей статьѣ въ 7 № „Былого“ (156—160 стр.), которая желающимъ можетъ быть выслана по первому требованію.

Скажемъ объ этомъ всего нѣсколько словъ.

Мы просимъ прислать намъ:

1. Матеріалы по исторіи оппозиціонныхъ и революціонныхъ движеній вродѣ тѣхъ, что мы уже помѣстили. За новѣйшее время особенно просимъ прислать матеріалы о процессахъ Никитенко, Лебединцева (Кальвино), Траубенберга (Карла) и т. д.
2. Все, что можетъ характеризовать личность и дѣятельность царя, великихъ князей, представителей высшей бюрократіи.
3. Все, что относится къ выясненію дѣятельности непосредственныхъ враговъ освободительнаго движенія (провокаторовъ, охранниковъ, ихъ руководителей и т. д.).

Обращаемся къ читателямъ еще съ одной спеціальной просьбой.

Въ настоящее время наши работы по собранію и систематизаціи біографическихъ, бібліографическихъ, хронологическихъ и т. п. свѣдѣній по исторіи освободительнаго движенія, о чемъ мы говорили въ 7 № „Былого“ (158 стр.), подвинулись уже довольно далеко, но для окончанія работы намъ необходимо получить недостающія изданія и отвѣты на разосланные листки.

Въ настоящее время особенно нужны газеты 1904—1908 гг. (хотя бы и не полные экземпляры) и отдѣльныя сочиненія по новѣйшей исторіи общественнаго развитія русскаго общества.

За всѣми разъясненіями относительно „Былого“ и упоминаемыхъ работъ по исторіи освободительнаго движенія можно обращаться по адресу:

«*Le Passé*», 11, rue du Lunain, Paris (XIV arr.).

Вл. Бурцевъ.

	Стр.
16. „Тоже герон“. Генералы Меллеръ-Закомельскій и Ренненкампфъ. Ф. Бупчинскій	89
17. Изъ воспоминаній М. Е. Бакая. Провокаторы и провокація.	99
18. Къ исторіи революціоннаго движенія 1905 года въ Екатеринославской губ. П.	137
19. Еще по поводу съѣзда саратовскихъ крестьянъ. 18-го декабря 1905 года. С. Мазуренко	149
20. Изъ міра мерзости и запустѣнія. III. Письмо шпіона къ Мезенцову. IV. Письмо Гартинга (Петровскаго) къ провокатору. V. Письмо О. Блида къ русскому священнику въ Парижѣ.	152
21. Изъ записокъ Клѣточникова.	156
22. Письмо въ редакцію. Тамара Рыссъ	159
23. Отъ редакціи. Вл. Вурцевъ	160

Въ 8 № „Былого“ помѣщены портреты М. Швейпера, Л. П. Зильберберга, В. М. Сулятицкаго и fac-similie газеты Департамента Полиціи.

Содержаніе 7 № журнала „Былое“.

Возстаніе урупскихъ казаковъ. **Д. В. Д.** — **И. П. Калевъ** (изъ воспоминаній). **Егора Созонова**. — Воспоминанія объ **И. П. Калеева**. **Ворлея Савишкова**. — Кассационная жалоба **И. П. Калеева**. — Подкопъ подъ Херсонское казначейство. **Ө. Юрковскаго**. — По поводу воспоминаній **Ө. Н. Юрковскаго**. **М. Ф. Фроленко**. — Изъ воспоминаній **Ив. Окуцова**. **І. Разгромъ Забайкалья генераломъ Ренненкампомъ**. **П. Читинскія казни**. — Къ дѣлу Соф. Мих. Гинсбургъ (изъ «Обзора важнѣйшихъ дознаній» за 1889 г.) | **Царскій Листокъ**. — Газета Департамента Полиціи: а) аресты членовъ **Б. О. П. С. Р.** въ 1903 г.; б) покушеніе на **Трепова** въ 1905 г.; в) крестьянскій союзъ въ 1905 г.; г) политическая и культурная программа земцевъ; д) письмо с.-д. — Изъ воспоминаній **М. Еф. Бакая**. О черныхъ кабинетахъ въ Россіи. — Въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія. **В. Л. Вурцева**. — Памяти народовольцевъ (о портретахъ **Шеровской**, **Желябова**, **Кибальчича**, **Гельманъ**, **Баранникова**, **Колодкевича**, **Суханова** и **Богдановича**). **В. Н. Фигнеръ**. — Изъ записокъ **Клѣточникова**. — Изъ міра мерзости и запустѣнія: 1. О **Станиславѣ Вржзовскомъ**. 2. Письмо **А. Святлопольскъ-Мирской**. — Отъ редакціи журнала «Былое». **В. Л. Вурцева**.

Въ текстѣ напечатаны fac-similie Царскаго Листка и открытаго листа для полученія писемъ съ почты.

**„БЫЛОЕ“ можно приобретать также въ слѣдующихъ
книжныхъ магазинахъ:**

- Paris.** Librairie de « L'Humanité », 14, rue du Croissant.
— Librairie Schultz, 3, Place de la Sorbonne.
— Русская книжная торговля, 70, rue Claude Bernard.
— Brockhaus, 17, rue Bonaparte.
— Boyeveau-Chevillet, 23, Rue de la Banque.
— H. Gateau, Rue Castiglioni, 8.
— Le Sondier, 174—176, Boulevard S-t. Germain.
- London.** Russian Free Press Fund, 48, Augustus Road Brackenburg Rd Sheperds Bush.
- Berlin.** Liliental, 101, Friedrichstr.
— Русский Проводникъ. Unter den Linden.
- Karlsbad.** Starksche Buchhandlung.
- Krakowie.** Ksiegarnia G. Gebethnera i Sp.
- Genève.** Librairie Georg et Co.
- Vevey,**
Montreux, } Schhesinger.
Territet. }
- Zurich.** Buchhandlung. A. Seidel, Sonnenquai.
- Berne.** Buchhandlung. A. Francke. Bahnhofplatz.
- New-York.** M. N. Maisel, 194, East Broadway.
— Редакция газеты «Русский Голосъ» 56-3 Avenue
- Genova.** Libreria Moderna di Giovanni Ricci, Galleria Mazzini.
- Napoli.** Libreria Antofio Vallardi, Via Roma 37-38.
- Nervi.** Libreria Circolante. Via del Pozzo, 72.
- Nice.** Gross, 2, rue Macaroni.
— O. B. Rozanoff, 3, rue Longchamps.
— Kleidmann, 7, rue Cotta.

Адресъ редакціи журнала „Былое“:

V. Bourtzoff, 11, rue du Lunain (XIV^{arr.}), Paris.

Для личныхъ объясненій редакция открыта ежедневно (кромѣ праздниковъ) отъ 2 хъ до 4-хъ.

Дѣловыя письма, во избѣжаніе недоразумѣній, просятъ посылать заказными.

На письмахъ, не предназначенныхъ лично редактору, просятъ дѣлать надпись: Въ контору журнала „Былое“.

№№ 1—6 заграничнаго „Былого“ въ продажѣ не имѣются.

Цѣна каждаго № „Былого“ — 3 фр.; съ пересылкой и доставкой въ Россію — 2 рубля.

Prix : 3 francs.

LE PASSÉ

Выпуск

ВЫПУСК

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

Апрѣль-Май

№ 9-10

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

—
1909

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
1. Борисъ Мищенко-Вноровскій. Борисъ Савинковъ	3
2. Предсмертное письмо Вноровскаго къ роднымъ	5
3. Новъ. Н. А. Саблинъ	6
4. Воспоминанія о Борисѣ Сивявскомъ. К. Ж.	14
5. Н. К. Михайловскій въ 80-е гг. Евг. Колосовъ	35
6. Автографъ Н. К. Михайловскаго	43
7. Судъ и пытка (прокламація)	44
8. Одинъ изъ ликвидаціонныхъ процессовъ. Василій Яроцкій	36
9. Два предсмертныхъ письма: I. Письмо Адольфа Бейма, казненнаго 8 декабря 1906 г. въ Красноярскѣ. II. Письмо Павла Файнберга, убитаго въ Иркутской тюрьмѣ товарищу Анѣ	68
10. Къ біографіи Александра III (4 документа)	70
11. Записка А. А. Лопухина о ризвитіи революціоннаго движенія въ Россіи (1904 г.)	74
12. Откровенныя показанія Н. А. Добротворскаго	79
13. Обвинительный актъ по дѣлу объ Альбертѣ Траубергѣ, Еленѣ Ивановой, Альвинѣ Шенбергѣ, Федорѣ Масокинѣ и друг.	88
14. Въ память тов. А. Д. Трауберга (стихотвореніе)	105
15. Обвинительный актъ по дѣлу Николаѣ (Николаевъ) Пумпянскомъ, Людмилѣ Емельяновой, Ксении (Александровой) Мышецкой и друг.	105
16. Обвинительный актъ по дѣлу объ Аннѣ Распутиной, Лидіи Стуре, Сергѣѣ Барановѣ, Маріо-Кальвино и друг.	153
17. Изъ дневника провокатора Наума Тененбаума	158
18. Письма Наума Тененбаума изъ Одесск. Охр. Отд.	161
19. Приговоръ по дѣлу Тененбаума	163
20. Инструкціи начальникамъ Охр. Отд. по организациіи наружнаго наблюденія	165
21. Мои отношенія къ Азефу. С. Р.	177
22. Изъ записокъ М. Е. Бакая: I. Правительство и провокація. II. Азефъ, Столыпинъ и провокація	191
23. Письмо Азефа къ Б. В. Савинкову	212
24. Обвинительный актъ по дѣлу объ отст. дѣйств. сов. Алексѣѣ Александровичѣ Лопухинѣ	218
25. Дѣло С. Рыса.	237
26. Письмо д-ра Теріана редактору журнала „Былое“.	245
27. Къ дѣлу Герцига.	247
28. Изъ записокъ Н. В. Клѣтчаникова.	248
29. Шпіоны, предатели, провокаторы.	251
30. Отъ редакціи.	256

353

А. Д. Траубергъ («Карлъ»).

В. В. Лебединцевъ (Кальвино).

Л. П. Стуре.

LE PASSÉ

ВЫХОД

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

Мартъ-Апрѣль

№ 9-10

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11
—
1909

Борисъ Мищенко-Вноровскій.

Его давно уже нѣтъ въ живыхъ...

Когда я думаю о немъ, мнѣ приходятъ на память старья, всѣми забытыя сказки. Сказки о рыцаряхъ безъ упрека и страха.

Вотъ онъ стоитъ передо мной, какъ всегда безрадостный и спокойный. Смотритъ темными безъ блеска, глазами и, какъ будто, не видитъ.

— Не подумайте, что я не хочу жить. Не хочу мирно работать. Нѣтъ, я люблю жить. Но вѣдь жить нельзя, къ сожалѣнiю.

На столѣ, догорая, меркнетъ свѣча. Тѣни бродятъ въ углахъ. За окномъ плачетъ дождь.

— Если бы я не хотѣлъ жить, — вотъ мой револьверъ... Нужно жить, чтобы бороться. А бороться, не значить ли умереть?

Онъ смотритъ въ огонь и опять ничего не видитъ.

— А если нужно бороться, то почему не я, а другой? Всѣ любятъ жизнь. Гдѣ справедливость, если я не борюсь и если я не... умру?

— Дубасовъ ѣздитъ съ женой, — продолжаетъ онъ, помолчавъ, — знаетъ, что женщину не убьемъ. Только Плеве и охрану его, Сергѣя и охрану его. Но не женщину, не невиныхъ людей. Не такъ ли?

Онъ говоритъ печально и строго... А за окномъ опять плачетъ дождь.

И оживаетъ Каляевъ.

Я понялъ его тогда. Его душа скорбѣла смертельно. Не

Борисъ Мищенко-Вноровскій.

за себя, за другихъ. За тѣхъ, кто нищъ духомъ и кто не вѣ-
даетъ, что творить. Онъ былъ безъ упрека.

Онъ былъ и безъ страха.

Весело звенять ручьи о веснѣ и въ церквахъ празднично
звонять къ обѣднѣ. На землѣ миръ, радость и тишина, и
нѣтъ крови.

А мы съ нимъ въ плѣну. Мы — волки въ отъѣзжемъ
голѣ. Мы не видимъ весны. Въ паутинѣ скованныхъ мыслей,
мы думаемъ, — какъ спастись?.. Какъ спастись? Немного
отваги и много удачи.

Онъ смотритъ на меня, улыбаясь. Медленно достаетъ ре-
вольверъ и шепчетъ:

— Бѣгомъ... Навстрѣчу... Впередь!

Онъ впереди. Онъ всегда впереди. Съ нимъ терпѣніе и
вѣра.

Теперь солнце горитъ и для насъ. И для насъ радуется
весна, сияетъ высокое небо. Онъ молчитъ. Стоитъ ли говорить
о томъ, чего не было, значить, — быть не могло? Стоитъ ли
думать о жандармахъ, тюрьмахъ, шпіонахъ? Объ этой грязи, —
объ изнанкѣ борьбы?

Я видѣлъ его послѣ бѣгства Изманловичъ. Онъ освободилъ
ее изъ тюрьмы и былъ все тотъ же, — спокойный и строгій.
Зналъ онъ тогда, что его ожидало? Что ее ожидало? Зналъ
ли?... Если зерно не умереть, то и не оживетъ.

Съ марта начались его крестныя муки.

Дубасовъ не уловимъ. За покушеніемъ слѣдуетъ покуше-
ніе. Все неудачи.... Вотъ онъ извожикъ, московскій лихачъ,
— скрипятъ полозья по снѣгу. Вотъ драгунскій корнетъ. Свер-
каетъ сабля на солнцѣ, звякаютъ шпоры. Конвой у дворца
ружьями отдаетъ честь. Вотъ морской офицеръ. Лейтенантъ
черноморскаго флота. Въ рукѣ всегда бомба... Ночи безъ
сна, на утро опять покушеніе.

Много дней ждалъ онъ Дубасова на пути. Не таясь и не
прячась. Открыто и смѣло. Что думалъ онъ въ эти часы?
Былъ онъ смюкоенъ?

Гдѣ бралъ онъ силы? Гдѣ черпалъ отвагу? Ему была
дана вѣра, та вѣра, что двигаетъ горы. Онъ, какъ сказочный
богатырь, поднялъ ее, эту гору, на плечи. И упалъ побѣжден-
ный и все таки побѣдитель.

Онъ умеръ, какъ жилъ. Онъ и не могъ умереть иначе.
Онъ защищалъ свое знамя. Во имя навшихъ, во имя тѣхъ,
что погибнуть. Онъ бросилъ снарядъ безъ пощады и себѣ, —
не думая о спасеніи. И онъ умеръ безъ страха, какъ жилъ
безъ упрека.

Ворисъ Савинковъ.

Предсмертное письмо Вязовскаго къ роднымъ.

Мои дорогіе!

Я предвижу всю глубину вашего горя, когда вы узнаете о моей судьбѣ. Для васъ тяжело будетъ и то, что вашъ сынъ погибъ, и то, что вашъ сынъ сдѣлался убійцей. Вѣрьте, если бы возможно было сохранить мнѣ свою жизньъ для васъ, я это бы сдѣлалъ. Сколько разъ въ юности мнѣ приходило въ голову лишить себя жизни и всякій разъ я отбрасывалъ эту мысль, зналъ какое горе вызвалъ бы мой поступокъ. Я оставался въ живыхъ, я жилъ для васъ. Теперь я живу для васъ, для народа, для всего человѣчества и теперь я приношу свою жизньъ не въ жертву разстроеннымъ нервамъ, а для того, чтобы улучшить, насколько это въ моихъ силахъ, положеніе отчизны, чтобы удовлетворить васъ не какъ родныхъ, а какъ гражданъ. Знайте, что и мнѣ самому въ моемъ актѣ, кромѣ вашего горя, страшно тяжелъ фактъ, что я становлюсь убійцей. И если я не погибну отъ брошенной мною же бомбы, то въ тюрьмѣ мнѣ будутъ рисоваться ваши опечаленныя лица и растерзанный трупъ моей жертвы.

Но иначе нельзя. Если бы не эти два обстоятельства, то увѣряю васъ, трудно бы было найти человѣка счастливѣе меня. Невыразимое спокойствіе, полная вѣра въ себя и надежда на успѣхъ, если не воспрепятствуютъ постороннія причины, наполняютъ меня. На казнь я пойду съ яснымъ лицомъ, съ улыбкой на устахъ. И вы должны утѣшаться тѣмъ, что мнѣ будетъ такъ хорошо! Вѣдь, вы въ своей любви ко мнѣ должны стремиться не къ тому, чтобы я обязательно былъ живъ, а къ тому, чтобы я былъ счастливъ.

О моей любви къ вамъ не буду говорить — вы ее знаете.

Прощайте же дорогіе! Будьте счастливы насколько можете безъ горячо любимаго сына и брата. Спасибо вамъ за вашу любовь, за ваши заботы, за саму жизньъ, которую я приношу трудящейся Россіи, какъ даръ мой горячей любви къ правдѣ-справедливости.

Цѣлую крѣпко, крѣпко всѣхъ васъ четырехъ.

Вячесъ Воря.

Новь.

(Посвящается Аннѣ Васильевнѣ Якимовой. *)

Утро. Ночи тьма рѣдѣть...
День чуть брезжить сталь.
Возвратившись поздно, пьяный
Дремлетъ генераль.
Вотъ, сквозь сонъ, онъ ясно слышитъ,
Отворилась дверь.
И къ нему Малюта входитъ, —
Самъ Малюта-звѣрь.
Къ ложу пышному подходитъ
Твердою стопой,
И съ Малюты глазъ не сводитъ
Генераль съдой...

— Гость неожиданный — что татаринъ!

„Радъ ты, иль не радъ,
„Принимай меня! недаромъ
„Я покинуль адъ!“

— Чѣмъ служить могу Малютѣ? —
Генераль сказааль,
И красивымъ жестомъ, молча,
Кресло указаль.
Съли.

— Слушай-ка, кормилецъ,
„Я вѣ аду слыхаль,
„Что душитъ крамолу грозно
„Ты въ Россіи сталь?“

— Да, служу моей отчизнѣ
„Я по мѣрѣ силъ,
„И косою закона плевель
„Много покосилъ!“

*) Отрывокъ изъ неоконченной поэмы „Новь“ принадлежитъ перу одного изъ самыхъ дѣятельныхъ, талантливыхъ членовъ „Народной Воли“ Н. А. Саблина. Въ 1877—78 гг. онъ судился въ известномъ процессѣ 193-хъ за пропаганду среди крестьянъ. Въ 1881 г. онъ принялъ участіе въ царубійствѣ 1 марта и 3 марта, при арестѣ на конспиративной квартирѣ на Тельжной улицѣ застрѣлился.

А. В. Якимова — тоже участница процесса 193-хъ и участвовала въ дѣлѣ 1 марта 1881 г., — по обвиненію въ принадлежности къ партіи „Народной Воли“ и въ участіи въ царубійствѣ она была осуждена въ каторжныя работы въ 1882 году по процессу 20-ти. Ред.

— Ну, такъ я къ тебѣ съ поклономъ,
„Другъ, — не откажи!
„Разожги ты кровь мнѣ въ жилахъ,
„Пытку покажи!
„Всюду — новъ, чай, тоже въ пыткахъ
„Новый обиходъ?“

— Покажу, изволь, хоть тотчасъ
„Двинемся въ походъ!“

Видитъ дальше, что съ Малютой
Онъ въ тюрьму идетъ,
О быломъ съ нимъ гость дорогой
Рѣчь свою ведетъ :

— При царѣ Иванѣ Грозномъ
„Тихо я пыталъ;
„Много крови пролилъ, мяса
„Много растерзалъ!
„Понатѣшилъ душу вдосталь,
„Если-жъ вспоминать —
„И такихъ видалъ, что пыткой
„Даже не пронять!
„Помню я: одинъ бояринъ
„Приведенъ былъ... Что-жъ?
„Ни словечка — какъ глубоко
„Ни ввонзали ножъ!...
„Изъ спины кроили сразу
„Два ремня — молчить;
„А изъ раны кровь струю
„Алая бѣжить...
„Припекать желѣзомъ стали,
„Думали, пройметъ!
„Все молчить и лишь молитвы
„Тихо къ небу шлетъ!
„Поднялъ я его на дыбу,
„Ногти вырывалъ,
„Кипяткомъ, и льдомъ, и кошкой —
„Всѣмъ его пыталъ, —
„Такъ и бросилъ, не добился,
„Онъ не застоялъ!...
„Черезъ день его въ синодикъ
„Грозный записалъ...
„А то разъ, попалъ въ застѣнокъ
„Соколъ молодой.
„Былъ станичникъ онъ удалый,
„Грабилъ подь Москвой,
„И богатому проѣзду
„Парень не давалъ.
„Бѣдняковъ не трогалъ пальцемъ,
„Самъ имъ помогаль...
„Привели его на пытку...
„Ну, скажи-ка, съ кѣмъ ты грабилъ,
„Добрый молодецъ ?

— Я тутъ весь передъ тобою,
„Ты во мѣ волежь.
„Но предать... скорѣй языкъ свой
„Вывру съ корнемъ вѣнь!“
„Я ему смолой на спину
„Капать привазажь.
„Овъ, какъ пень, стоитъ и терпить.
„Даже не стонажь
„И не морщился — какъ будто
„И смола не жеть!...
„Не томи меня, признайся! —
„Овъ свое поеть!...
„Началь крючьями я тѣло
„Бѣлсе терзаетъ.
„Веадишь крюкъ — и дрогнетъ тѣло
„Вывреть — дрожь опять...
„И на свѣжия я раны
„Солью посыпалъ,
„И спиртами да настоємъ
„Всласть ихъ поливалъ.
„Самъ зашелъ впередъ и въ очи
„Молодцу глажу:
„Слышишь, парень? эй, признайся! —
„Скажешь?

— Не скажу!

„И треща ломились кости,
„И хрустѣла грудь...
„Длиль неистово я пытку,
„Не давалъ вздохнуть.
„Вдругъ глаза перекосылъ...
„Крикъ протяжный... вздохъ...
„И, товарищей не выдавъ,
„Негодяй издохъ!“

— То-то вотъ, вы торопились,
„Какъ бы поскорѣй!
„Зря терзали только тѣло,
„Мучили людей!...
„А вѣдь въ тѣлѣ — образъ божій.
„И терзать грѣшно!
„Вотъ — душа! Она безъ формы:
„Душу ничего!...
„И для дѣла-то полезнѣй —
„Вотъ сюда теперъ, къ подъваду
„Путь, Скуратовъ, намъ!“

Вотъ широкимъ корридоромъ
Направляютъ путь...

— Намъ куда сначала? — къ бабамъ
„Что-ли завернуть?...
„Ишь глаза-то засверкали!...

„Ну, пойдемъ, пойдемъ!...
„Чѣмъ потѣшить дорогого
„Гостя мы найдемъ!“

Самъ надъ шуткой захихикалъ
Мрачный балагуръ
И игриво въ бокъ Малюту
Локтемъ онъ толкнулъ.
И вошли. Малюта ахнулъ —
Камеръ безъ числа!

— Нынче осень урожайна, —
„Много принесла!
„Въ каждой камерѣ стекольце
„Вдѣлано въ двери,
„Коли любо, забавляйся,
„Сколько хошь, смотри!
„Ну, вотъ эта больше года
„Здѣсь ужъ прожила.
„На допросахъ насъ сердила, —
„Черезъ-чуръ смѣла...
„Письмецо съ условнымъ шифромъ
„У нея нашли.
„Ну, дѣвицу тотчасъ взяла,
„Въ крѣпость привезли...
„Вамъ извѣстенъ шифръ? — Конечно!
„Какъ же ей не знать!
„Не угодно-ли намъ способъ
„Этотъ указать?

— Не затѣмъ, чтобъ вамъ открыла,
„Довѣрялись мнѣ!“

— Ну, такъ вамъ придется долго
„Посидѣть въ тюремѣ!

— Вы меня не испугали —
„Знаю это я!

— И смѣить... а жалъ семейства!
„Честная семья!“

Глазъ приставивши, Малюта
На нее глядѣль;
Генералъ въ окно небрежно
Тоже посмотрѣлъ...

— Ничего не измѣнилась:
„Тотъ же самый взглядъ,
„Тѣ-же волосы густые
„По плечамъ лежать.
„Мы недавно только книжки
„Дали ей читать, —
„Стала будто веселѣе:
„Надо отобрать!...

„Эка злоба! И ничѣмъ ей
„Душу не проймешь!
„Ну, сидѣть тебѣ, покуда
Въ землю отойдешь!...

„Черезъ номеръ тутъ дѣвчонка,
„Ей семнадцать лѣтъ...
„На допросахъ: „Все забыла!“
„Весь ея отвѣтъ!
„Года три, какъ ихъ забрали
„Мать и дочерей:
„Бунтовать тамъ въ сельской школѣ
„Вадумали людей!...
„Эта сильно измѣнилась!
„Знать душа болитъ!...
„Посмотри: ребенокъ съ виду.
„А въ ней бѣсъ сидитъ!“

И Скуратовъ съ генераломъ
Приложили глазъ...
Было въ камерѣ темненько,
Слабо пушень газъ...
У стѣны стоялъ ребенокъ,
Глухо онъ рыдалъ...
Вдругъ рыданья перервались,
Онъ захохоталъ...
Дико хохотъ раздавался,
Оглашая сводъ,
Генераль шепталъ:

— „Прекрасно!
„Хорошо идетъ!
„Вотъ теперь мы на допросы
„Вызовемъ тебя!...
„Запоешь ты, какъ намъ надо,
„Нынче у меня!“

Хохотъ кашлемъ замѣнился,
Плюнула въ платокъ, —
На платкѣ образовался
Розовый кружокъ...
И махнула безнадежно
Слабую рукой...

— „Все равно! она шептала:
„Путь оконченъ мой!
„Все равно!... А близко всля,
„Тутъ, вѣдь, за стѣной!“

И къ стѣнѣ она припала
Русой головой...
Вдругъ улыбкой озарились
Блѣдныя черты,
Радость, волю ей рисуютъ
Деракія мечты...

Но, вѣдь, радости ревниво
Гонить прочь тюрьма,
И вотъ образы нны
Видитъ въявь она...
Вотъ въ ея глубокихъ глазкахъ
Отразился страхъ:
Мать передъ нею, какъ живая,
Руки въ кандалахъ...

— „Мама, милая!“ ... И разомъ
Ринулася къ ней...
Силь ужъ нѣту — и упала
Съ крикомъ у дверей...

— „У тебя бѣжить, Скуратовъ,
„По лицу слеза!?
„Полно, полно, ободрися
„И утри глаза!...
„Встарь ты не былъ такъ изнѣженъ!
„Мучиль заурядъ!“...

— „Нѣтъ, клянусь тебѣ, я въ жизни
„Не пыталъ ребятъ!“...

— „Ну, да мы, Малюта, разомъ
„Духъ развеселимъ:
„Диво-дивное покажемъ
„Здѣсь вотъ!... Поглядимъ!...
„Видишь, женщина — красивѣй
„Рѣдко встрѣтишь ты!
„Смѣлый взглядъ, какъ у орлицы,
„Гордые черты...
„Выступаетъ величаво,
„Ростомъ — вѣсьмъ взяла,
„Проживать бы въ свѣтъ павой,
„Нѣтъ — въ народъ пошла:
„Съ мѣсяцъ здѣсь, какъ опросталась,
„Дочку родила.
„Мы ребенка отобрали!
„Долго зла была!
„Неприступна, какъ тигрица,
„Все швыряетъ, рветъ...
„Ночь настанетъ, такъ со злобы
„До утра реветъ!...
„Черезъ недѣлю, словно сняло
„Зло съ нея рукой:
„Вызываетъ прокурора,
„Тотъ пришелъ со мной...
— „Возвратите мнѣ ребенка!“
„Прокуроръ въ отвѣтъ:
— „Въ показаньяхъ откровеннѣй
„Будете иль нѣтъ?“
„Просить, молить:
— „Пожалуйте!“

„Пощадите мать!...
„За какія преступленія
„Долженъ онъ страдать?...
„Вы загубите ребенка“...
— „Чтожь возиться съ нимъ?
„Гдѣ жалѣть намъ паросенка,
„Коль свиней палимъ?!
„Обмерла. Мы постояли
„Такъ минутъ съ пятокъ,
„И ушли... Вдругъ донесенье
„Мнѣ подъ вечерокъ:
„Честь имѣю... И такъ дальше...
„Этого числа
„Безъ причины арестантка
„Вдругъ съума сошла!“
— „Посмотри: качаетъ тряпки
„На своихъ рукахъ!...
„Вооръ блуждающей, безъ смысла,
„И лицо въ слезахъ!
„Вотъ она засустилаеь,
„Мучить скорбь ее...
„Ищеть, ищеть, перерыла
„На рукахъ тряпье —
— „Не нашла?“

И крикъ раздался,
Страшный, скорбный крикъ...
Надъ несчастной издѣвался
Генераль старикъ...
— „Не нашла?... Ну постарайся!
„Это не бѣда!
„Завалился? Что же нѣту?
„Нѣту и слѣда?
„Ахъ, несчастная, какъ жалко —
„Видно не найдетъ?“ ...

Вдругъ страдалница поднялась
И къ окну идетъ,
Словно что-то противъ воли
Въдвную влекло!
Вотъ рукой она взмахнула —
Въ дребеги стекло,
И осколкомъ рѣжетъ шею...
Кровяной фонтанъ
Брызнулъ на стѣну, и стройный
Покачнулся стая...
На колыни опустилась,
Оперлась рукой
И безжизненно упала
На полъ головой.
Видя это, самъ Малюта,
Словно задрожалъ.
Не смутился лишь привычный
Къ дѣлу генераль —

И спросилъ онъ гостя:

— „Нашу

„Какъ вы новъ нашли?

„Вы-ли насъ хитрѣе были?

Мы-ль впередъ ушли?

— „Побѣдили вы!“ Малютинъ

Быль на это сказъ:

„Мы спроста бывали люты,

„Вы — ехиднѣй насъ!“

Н. А. Саблинъ.

Воспоминанія о Борисѣ Сіяевскомъ.

Я помню Бориса славнымъ мальчикомъ гимназистомъ 8 кл. Помню его свѣтлое, ясное лицо, веселые смѣющиеся глаза. Мы шли съ нимъ съ какой то рождественской вечеринки. Онъ увлекся, доказывалъ мнѣ, какъ бесполезны всѣ попытки при помощи слова передѣлать то, что можно измѣнить лишь силою оружія. „Интеллигенція, говорилъ онъ, идетъ въ народъ, а попадаетъ въ тюрьмы; студенты идутъ на демонстрацію, — попадаютъ подъ нагайки казаковъ... Нѣтъ! напрасная трата силъ... Поглядѣлъ я какъ то на нашихъ солдатиковъ. Былъ праздникъ — они стояли шпалерами; стройные ряды тянулись безконечно; штыки сверкали, лица были холодныя, безучастныя. Стояли, какъ истуканы, ходили, какъ заведенныя машины. А сколько такихъ машинъ у нашего царя-батюшки! Развѣ поймутъ они насъ?! Только бомбой мы отнимемъ у правительства возможность заводить эти машины. Одного взорвутъ, другого уложить револьверомъ; третій и самъ побойтся стать на мѣсто убитыхъ. Вотъ поѣду въ университетъ изучать химію, — по моему, самое необходимое въ наше время“.

И, дѣйствительно, въ университетѣ онъ занялся химіей, остальные предметы у него отошли на второй планъ. Экзаменъ по химіи былъ сданъ первымъ. Однако, первый годъ пребыванія въ университетѣ онъ занимался не много. Новая среда, товарищи и кружки, легальные и нелегальные, с.-р-овская студенческая группа, къ которой онъ, какъ террористъ, считалъ

Б. Сіяевскій.

нужнымъ примкнуть: все отнимало время, отвлекало отъ наукъ. Но уже во второй годъ онъ такъ писалъ матери о своихъ занятіяхъ: „Пользуюсь свободной минутой, чтобы написать тебѣ письмо. Дѣйствительно, свободной минуты нѣтъ ни одной; все время употребляю на слушаніе лекцій, чтеніе и занятіе своими науками. Уже и теперь видно, что второй годъ пребыванія на первомъ курсѣ даетъ мнѣ очень многое; фундамента моихъ знаній будетъ проченъ, какъ скала. Длиннаго письма не пишу, т. к. нѣтъ ничего особеннаго, что можно было бы описать въ немъ. О себѣ могу сказать еще разъ: занимаюсь, занимаюсь, занимаюсь. Хочу держать на Рождествѣ всѣ экзамены, а если не позволять всѣхъ, то тѣ, по крайней мѣрѣ, которые позволять. А времени то, вѣдь, всего осталось одинъ съ небольшимъ мѣсяцъ.“ Потомъ, на Рождество ему захотѣлось отдохнуть, видѣть близкаго человѣка и онъ писалъ 12-го дек.: „Приближаются рождественскіе каникулы. Учащіе ѣдутъ въ провинцію домой. Университетская жизнь мало по малу затихаетъ, только изрѣдка, точно собравъ послѣднія силы, вспыхиваютъ отголоски бывшихъ волненій. И теперь, когда такъ хочется домой, приходится оставаться одному... Мама, неужели ты не приѣдешь ко мнѣ на Рождество? Я лишенъ возможности приѣхать въ Ковну, т. к. иначе лишусь урока, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ тѣхъ благоприятныхъ условій, которыя даетъ онъ мнѣ для занятій моими собственными предметами. Поэтому я приглашаю тебя, мама, на Рождество въ Питеръ. Хотѣлось бы, чтобы и Ксения приѣхала, но будетъ ли ей хорошо здѣсь? Ей придется все время сидѣть дома, ибо у насъ теперь полярные морозы. Что касается расходовъ на поѣздку, то они сравнительно не большіе: — только дорога туда и назадъ; я съ удовольствіемъ взялъ бы все на себя, если бы мнѣ въ самомъ недалекомъ будущемъ не предстоялъ взносъ за право ученія въ университетѣ. Все остальное къ твоимъ услугамъ: квартира, столъ, театръ. Все время твоего пребыванія въ Питерѣ предоставляю себя въ твое распоряженіе, — только по магазинамъ ходить не будемъ. Я не описываю тебѣ прелести петербургскихъ театровъ: ты ихъ увидишь сама. Одни они въ Питерѣ могутъ много дать приѣзжему... Затѣмъ, мама, я къ тебѣ съ просьбой. Привези мнѣ слѣдующія книги: Сочиненія Писарева, Скабическаго (3 кн.) Некрасова и Карѣева „Письма къ учащейся молодежи“.

Словомъ, Борисъ жилъ тогда науками, а лѣтомъ ѣдиль къ родственникамъ въ деревню и работалъ тамъ среди крестьянъ, пользуясь книжками „Донской Рѣчи“ и Евангелиемъ.

Осенью 1904 года бывалъ на всѣхъ демонстраціяхъ. Потомъ онъ, смѣясь, рассказывалъ, какъ на одной изъ нихъ съ молоткомъ въ карманѣ (за неимѣніемъ другого оружія) онъ ходилъ по Невскому, готовый вступить въ бой съ казаками.... Но наступило 9 января... На 4-й линіи Вас. Острова строили баррикады. Борисъ былъ тамъ. Веселый и бодрый, онъ съ товари-

щами таскали лѣстницы, телѣги, доски, кадки, рождественскіе елки, — все это сваливалось на улицу, поперекъ дороги, устанавливалось, укрѣплялось. Сваливали телеграфные столбы, проволочкой устроили загражденіе.... Ждали казаковъ. Ждали долго... морозъ былъ сильный... пошли въ чайную грѣться...

Вдругъ крикъ: „Казаки, казаки!!“ Борисъ бросилъ все, вскочилъ и побѣжалъ на улицу. Но волновались напрасно. Казаковъ все не было... Ждали ихъ часовъ до 4 дня, потомъ стали расходиться. Ушелъ и Борисъ, а со всѣхъ сторонъ тревожно говорили: „На дворцовой площади солдаты стрѣляли въ толпу“, „У Нарвскихъ воротъ стрѣляли, — Гапонъ убитъ — Гапонъ арестованъ“...

Потомъ... быстро, быстро стали смѣняться событія. Вокругъ все зашевелилось: встрепонулись рабочіе; загорѣлась дѣятельность партій... а Борисъ засѣлъ за книги... Кипѣла общественная работа могучимъ потокомъ, охватывая всѣхъ... Борисъ рвался къ этой работѣ; душа его была тамъ, но онъ говорилъ: „Сейчасъ я бесполезенъ: по крайней мѣрѣ, то, что я, сейчасъ дамъ, слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что въ состояніи буду дать. Техника меня больше не удовлетворяетъ: необходимо работать среди массъ.... Если бъ я говорилъ о годахъ подготовки, но мнѣ нужно только нѣсколько мѣсяцевъ. Революція кончится не завтра; мои силы пригодятся.... Но время дорого, нельзя терять ни минуты“. И онъ не терялъ. Забылъ университетъ, забылъ товарищей и читалъ; читалъ усиленно, не зная усталости, составлялъ конспекты, пунктъ за пунктомъ разбиралъ наиболѣе существенные, наиболѣе захватившіе его вопросы... Теорія цѣности Маркса не убѣдила его и Туганъ-Барановскій, по его мнѣнію, былъ во многомъ не правъ. Книга Бельтова „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ сильно подѣйствовала на него. Лавровскій взглядъ на вліяніе личности на историческія событія казался ему преувеличеннымъ... Затѣмъ пошли книги по аграрному вопросу, о государствѣ будущаго и т. п. Бывали моменты, когда среди этихъ занятій просыпался точно другой Борисъ, просыпалась другая часть его души, тоскующая, рвущаяся куда то въ ширь, на просторъ.... Его тянуло дальше отъ питерской суетоки и шума, подальше отъ тѣсныхъ улицъ, высокихъ домовъ и маленькихъ людей...

Кто жилъ въ деревнѣ, тотъ чувствовалъ мощь старыхъ, высокихъ лѣсовъ, необъятность широкихъ полей, того всегда будетъ манить и звать этотъ просторъ. „Иногда городъ становится мнѣ противнымъ — говорилъ онъ — и я отдаю послѣднія финансы за часъ, другой катанья на островахъ“. Привлекала его и Нева темная, тихая — за городомъ и веселая въ центрѣ столицы. Нева смѣялась Борису миллионами огней, а внутри Бориса струны звучали и пѣли въ отвѣтъ. Борисъ шелъ вдоль Невы, забывался... Маленькая комнатка, тѣсная жизнь, исчезали

и таяли. Передъ нимъ дворець самодержавія, напротивъ дворець капитала. Гнѣвно дрожать и негодуютъ натянутыя струны. Потомъ замрутъ и заноютъ мучительно больно.... Крѣпость смотреть на Бориса, смотреть и мигаетъ „волчьимъ глазомъ“, а Нева все смѣется широкая, спокойная, течетъ куда то дальше, дальше, — и хочется Борису итти впередъ скорѣй, скорѣй.

Потомъ наступила весна (1905), — онъ уже не одинъ бывалъ на Невѣ, не одинъ смотрѣлъ съ острововъ на широкое море. Онъ любилъ... Прошли моменты безысходной тоски... Радость настоящаго отчасти сглаживала мучительные вопросы будущаго, но не закрывала ихъ.

„Рано или поздно борьба неизбежна, революція разгорится съ новой силой. Мы пойдемъ на Зимній дворець.... Я буду убитъ. Почему? Да потому, что я буду въ первыхъ рядахъ, шадить насъ не будутъ“. Кавалось, черные призраки иногда угнетали его, но проходилъ моментъ, другой — онъ опять смѣялся, глаза свѣтились радостью, черные призраки расплывались, блѣднѣли, ихъ угрозы казались далекими, неосуществимыми.... Борисъ женился... но онъ зналъ, что его семья не можетъ помѣшать ему „отдать свой долгъ народу“. Мы шли какъ то изъ театра и онъ говорилъ: „какъ Гильда звала Солнцесъ на вершину имъ же построеннаго зданія, пусть такъ моя жена зоветъ на высоту, я хочу, чтобы моя жена была также сильна и прекрасна въ своей силѣ“. Точно крылья выросли тогда за спиной Бориса и подняли его надъ землей... Точно чудный моментъ подъема духа, видѣнный имъ на сценѣ театра Коммисаржевской, переданъ ему, охватилъ его впечатлительную душу новой силой жизни и счастья. Это была молодая проснувшаяся душа, полная стремленія къ жизни въ себѣ и вокругъ себя. „Не нужно ярлыковъ, не нужно трафатеровъ, будемъ жить для правды истины и правды справедливости. Но прежде всего читать, читать“. Этого Борисъ никогда не забывалъ, т. к. анализ, что можетъ дать жизни вѣрно понятая двуединая правда. Онъ искалъ ее, мучился, колебался, прежде чѣмъ изъ с.-р. по духу стать убѣжденнымъ с.-р.

Съ осени 1905 г. Борисъ начинаетъ интенсивно работать въ партіи въ качествѣ организатора и пропагандиста Выборгскаго района. Съ утра, обычно, онъ направлялся съ Мал. Мастерской на Выборгскую сторону. „Пролетарскій“ костюмъ и лицо „апостола“ нѣсколько несоотвѣтствовали другъ другу, что не мало огорчало Бориса. Всякій разъ, вспоминая объ этомъ контрастѣ, онъ старался поглубже нахлобучить свою круглую суконную шапку и закрыть ею не только лобъ, но и брови. Товарищи смѣялись. Борисъ иронизировалъ и продолжалъ совершенствовать оной внѣшній видъ. Удастся провести „шпика“, — Борисъ торжествуетъ. „Неужели не стоитъ потрудиться ради того, чтобы дольше поработать?.. Зачѣмъ таскать лишній разъ за собой шпиковъ? Зачѣмъ черезъ мѣсяцъ, полтора попадать въ

тюрьму ни за что, ни про что, если возможно сдѣлать для партіи вдвое больше, проработать мѣсяца три“.

Находясь въ постоянномъ общеніи съ рабочими, онъ видѣлъ, какъ необходима и плодотворна работа среди нихъ.... Всего себя онъ отдавалъ этой работѣ. Не допускалъ ни отговорокъ, ни компромиссовъ. „Нужно итти“... и шель, — ничто не могло удержать его. Онъ шель, знакомился съ рабочими, заводилъ связи, организовывалъ кружки... Съ какимъ волненіемъ онъ отправлялся въ первый разъ въ одинъ изъ такихъ кружковъ!! До самой послѣдней минуты готовился, составлялъ планы, брался то за ту, то за другую книгу... Наконецъ, ушелъ... Вернулся поздно усталый, неудовлетворенный.

„Сказалъ не важно — на двойку... можетъ быть, съ плюсомъ. Я не доволенъ“. Во второй разъ было лучше. Наконецъ, какъ то вечеромъ Борисъ вернулся сияющей, торжествующей. „Ставлю себя 4, — говорилъ по аграрному вопросу часа два безъ перерыва, — было 10 человекъ. Очевидно, остались довольными, — противъ обыкновенія даже аплодировали. Теперь я — настоящій „пропагандистъ“.

Тогда онъ былъ возбужденъ и полонъ свѣтлой радости. Наоборотъ, дѣятельность организатора пришлась ему не по душѣ. Работать Борисъ могъ сколько угодно, но заставлять другихъ дѣлать, „подгонять“, быть нѣкоторымъ образомъ начальникомъ, былъ не въ силахъ. Онъ рѣшилъ всецѣло посвятить себя пропагандистской работѣ и обратился въ Петербургскій Комитетъ съ просьбой снять съ него организаторскія обязанности. Съ утра — на урокъ, днемъ „по дѣламъ“ во всѣхъ концахъ города, вечеромъ въ кружкахъ, Борисъ всегда старался еще попасть на рефераты, митинги. Чаше бывалъ онъ въ университетѣ: былъ тамъ въ послѣдній разъ, послѣ угрозы ввести вооруженную силу.

Университетъ оцѣпленъ войсками; кругомъ, во дворахъ, солдаты... А храмъ науки по прежнему полонъ народа. Настроение у студентовъ повышенное, распорядители предупреждаютъ „нервную“ публику лучше не ходить въ аудиторіи: ждутъ стрѣльбы, боятся провокаціи. Борисъ уговариваетъ нѣкоторыхъ товарищей: „Не ходите, если не увѣрены, что не поддадитесь паникѣ. Насъ могутъ окружить, стрѣлять въ окна... Можетъ быть, придется дня два просидѣть здѣсь въ осадѣ. Не ходите!..“ А самъ пошелъ и былъ до окончанія митинга.

Потомъ университетъ замолчалъ, оборвалась жизнь, бившая ключемъ. Ходить было некуда. Рефераты стали повторяться, новаго давали мало, времени уходило много. Борисъ рѣшилъ, что это время онъ съ большей пользой отдастъ рабочимъ. Утромъ 18-го октября его разбудили: „Вставай, Борисъ! — конституція... манифестъ“. Черезъ минуту Борисъ уже шагалъ по Невскому, забылъ помыться, забылъ о ѣдѣ... Дорогой читаетъ манифестъ. Хочется радоваться, хочется вѣрить: что то мѣшаетъ — вокругъ

тѣ же солдаты. И весело и грустно... Скорѣй, скорѣй на Невскій, — что тамъ? Тамъ люди ходятъ, сидятъ, стоятъ, собираются, расходятся. На Казанской площади группа съ ораторомъ, дальше толпа. Пошли къ Думѣ, заняли трибуну, полились рѣчи. „Не вѣрьте, не вѣрьте — они сегодня дали конституцію, сегодня же ее нарушили: у технологическаго института солдаты рубили пашками... Раненъ Тарле! Товарищи! къ технологическому институту!!!“

Въ 4 час. на Казанскую площадь двинулись тысячи молодыхъ, счастливыхъ лицъ съ десятками красныхъ флаговъ; понеслись восторженные крики, раздались пѣніе, Борисъ захваченъ общимъ потокомъ. Уже Владимірскій проспектъ: то же пѣніе, крики кругомъ; барыни, барышни, дѣвицы, платки, шляпы, котелки, цилиндры, машутъ съ балконовъ, изъ оконъ. Хоть мигъ одинъ счастья! Хоть мигъ мы свободны! „Товарищи, цѣпь! На плотную массу лошади не пойдутъ. Стройтесь рядами!“ говоритъ Борисъ. Стараются образовать ряды; — плохо удается.

На углу Загороднаго пр. и Гороховой улицы остановились. Нѣкоторые побѣжали. На фонарь влѣзаетъ ораторъ. Подходятъ ближе. Борисъ стоитъ со стороны Гороховой. Вдругъ ораторъ дрогнулъ, какъ будто сталъ слѣзать... Послышался трескъ, масса шаркнулась на Гороховую, побѣжала по Загородному проспекту. Стоять было нельзя, бѣжали всѣ и влекли за собой. „Должно быть стрѣляютъ“ мелкаетъ въ головѣ: „но откуда: съ крыши? изъ оконъ? изъ дворовъ?“ — Трескъ продолжается... Кругомъ бѣгутъ, но нѣкоторые лежатъ у канавы, на панели; должно быть, ранены. Однако паника проходить; многіе скоро начинаютъ останавливаться. Выясняется, что стрѣляютъ по Загородному пр. Пронесся раненую. „Долой проклятое самодержавіе!“ , полнымъ слезъ и ненависти голосомъ кричитъ она. Борисъ беретъ оставленное кѣмъ то знамя; подходитъ еще группа, составляется небольшая толпа, шествіе продолжается.... Въмѣсто тысячъ остаются сотни. Идутъ по Гороховой — поютъ... На Садовой снова офицеръ съ извозчика стрѣляетъ въ толпу... Но опять идутъ. Теперь уже на Казанскую площадь. Опять на паперти выстраиваются ряды красныхъ флаговъ... Народу сравнительно немного. Изъ Гостиннаго двора съ флагами, съ пѣніемъ, двигается толпа „патріотовъ“. Ближе, ближе; наклонили флаги, бѣгутъ на красныя знамена. А красныя знамена спокойно развѣваются на паперти. Борисъ не двигается. Въ переднихъ рядахъ начинается драка, потомъ выстрѣлили — одинъ, другой, третій. Былъ моментъ когда красныя знамена заколебались. Но только моментъ. „Патріоты“ разбѣжались. Красныя знамена развѣвались на паперти...

Голодные измученные товарищи уходили домой. Борисъ остался. „Я не могу сегодня думать объ отдыхѣ. Уже 4 час. дня, — можетъ быть, черезъ 2 час. заключенные будутъ среди

насъ... Мы пойдемъ къ тюрьмамъ". Только около 12 час. ночи Борисъ вернулся домой. 23-го предстояли похороны убитыхъ. Ждали новыхъ жертвъ. Борисъ рѣшилъ итти въ переднемъ отрядѣ боевой дружины, но похороны отмѣнили. Борисъ остался цѣль. Черносотенцы дѣйствовали во всю.

Настали дни свободъ: собранія, рефераты, рабочіе клубы устраивались явочнымъ порядкомъ. Открылся клубъ с.-р. и на Выборгской сторонѣ. Цѣлые дни Борисъ проводилъ тамъ. Нужно было вести бесѣды, кружки, читать лекціи, дежурить; подчасъ топить печки, мести полъ. Борисъ переѣхалъ на Выборгскую сторону, погрузился въ дѣла клуба. Анархистъ по духу, онъ по отношенію къ работѣ требовалъ отъ себя педантичной аккуратности.

Въ это время урокъ Бориса прекратился, новаго искать было некогда, а т. к. финансы были въ плохомъ положеніи, приходилось питаться кое-какъ, иногда можно было обѣдать въ университетѣ по бесплатному студенческому билету, иногда ѣсть что нибудь, и какъ нибудь. Единственной поддержкой его здоровья была гимнастика. Около получаса возился онъ съ 5-ти фунтовыми гириами и исключеніе допускалъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Жизнь шла впередъ. Отглынувшая изъ Петербурга волна революціи поднялась въ Москвѣ еще грознѣе, еще выше; поднялась, грозя и призывая новыя силы... А Петербургъ молчалъ. Заводы бастовали и работали, работали и бастовали. Кругомъ было тихо, ужасно, подавляюще тихо. Борисъ волновался. Мучительно настойчиво стучало въ головѣ. Что дѣлать? Гдѣ выходъ изъ леденящаго оцѣпенѣнія? Что сказать? Какъ нарушить молчаніе? Слова не помогаютъ, нужно дѣло скорѣй. сейчасъ: не хотять всѣ, пусть идутъ нѣкоторые, пусть идутъ единицы. Пусть болѣе сильныя подымутъ болѣе слабыя. Борисъ уже не могъ ходить въ кружки говорить, чувствовать свое безсиліе. Онъ окончательно не разстался съ работой пропагандиста, и продолжалъ ставить ее выше всякой другой. Наконецъ, и тамъ онъ не видѣлъ инициативы, желанія дѣйствовать сейчасъ.... Оставались самостоятельныя выступленія.

Нѣсколько рабочихъ согласились итти съ нимъ „бить фонари, устраивать тьму“. Плановъ было много: разоружать городовыхъ, военные патрули, останавливать поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Интеллигенты, пропагандисты выборгской стороны, отговаривали Бориса, но онъ уже рѣшилъ и не колебался. На одномъ изъ случайныхъ митинговъ въ мастерской металлическаго завода Борисъ призывалъ рабочихъ организовать для партизанской войнѣ, дѣйствовать немедленно, пока не поздно. И онъ пошелъ первый, съ нѣсколькими рабочими. Одинъ, другой, третій вечеръ: удалось разоружить нѣсколькихъ городовыхъ. Борисъ остался цѣль. Какъ то днемъ на заводѣ Нобеля былъ митингъ, послѣ котораго группа рабочихъ съ пѣніемъ двинулась къ Самсо-

иевскому пр. Борисъ былъ съ ними. Стали останавливать паровую конку. Прибѣжали городовые, безъ всякихъ предупрежденій, быстро, точно покомандѣ, выхватили револьверы. Посыпались выстрѣлы. Часть рабочихъ бросилась бѣжать, часть отвѣчала на стрѣльбу. Бориса замѣтили; нѣсколько пуль прокужали мимо. Онъ отскочилъ въ сторону. Опять въ него цѣлится городской. Борисъ выстрѣлилъ; городской опустился на колѣни; еще выстрѣлъ — онъ свалился. Потомъ выяснилось, что первая рана со смертельнымъ исходомъ была результатомъ выстрѣла другого товарища. Всѣ разбѣжались. Собралась толпа любопытствующихъ, прискакали казаки. Разъ, два, три, — загрохотали залпы, толпа бѣжала, кричала, разъяренные казаки посылали залпы велѣдъ, а Борисъ былъ уже далеко... Потомъ онъ рассказывалъ о происшедшемъ: „Городовой смотрѣлъ на меня въ упоръ, видѣлъ, что я цѣлюсь, хотѣлъ стрѣлять самъ и не удалось. Шпиковъ, вѣроятно, было масса, теперь имъ ничего не стоитъ изловить меня и повѣсить“. Онъ надѣялся, что эта стычка поддержитъ рабочихъ. Настроеніе было боевое.

Пропаганда отошла на второй планъ. Узнавъ о томъ, что въ одной изъ боевыхъ дружинъ готовится нѣчто серьезное, Борисъ вошелъ въ ея составъ и вызвался идти съ бомбой. Нѣсколько ночей пришлось дежурить, ждали распоряженія комитета, присылки фитилей для бомбъ и тому подобное. Въ концѣ вонцовъ комитетъ не санкціонировалъ проекта дружины. Единственнымъ утѣшеніемъ Бориса остался „Парабеллумъ“, — красивый, блестящій, съ которымъ онъ не расставался. Съ нимъ же онъ былъ и арестованъ 12-го декабря 1905 года. Неожиданно онъ былъ схваченъ, обезоруженъ, — сопротивление было невозможно. Въ участкѣ Петербургской ст. Борисъ отказался отвѣчать на вопросы пристава. Тотъ разбушевался и далъ волю своему языку. „Совѣтую вамъ выпить стаканъ холодной воды“, замѣтилъ Борисъ. Пристава переднуло. „Обратите на него особое вниманіе“ — приказалъ онъ казакамъ. Тѣ отвели Бориса въ часть и тамъ били нагайками, сапогами, повалили и опять били, били до безчувствія.... Потомъ, очнувшись, онъ былъ въ такомъ состояніи, что лишь чувство ответственности передъ партіей удержало его отъ самоубійства. Никогда послѣ онъ не говорилъ объ этомъ избіеніи. Только черезъ двѣ недѣли въ пересыльной тюрьмѣ онъ сталъправляться.

Сидѣть приходилось въ общей камерѣ, заниматься не было возможности. Постоянный шумъ, духота измотали нервы. „Мнѣ жется, еще немного и я сойду съума“, говорилъ Борисъ: „я живу теперь только свиданіями; послѣ вторника жду пятницы, послѣ пятницы вторника и т. д.“

Въ 20-хъ числахъ января 1906 г. ему объявили о ссылкѣ на 3 года административнымъ порядкомъ въ отдаленный уѣздъ Хангельской губ. Но кто думалъ тогда о реальности всѣхъ

безчисленныхъ 3 и 5 лѣтнихъ сроковъ ссылки? Борисъ разсчитывалъ бѣжать при первой возможности и ждать амнистіи на нелегальномъ положеніи. 24 января первая послѣ эпохи „свободы“ партія ссыльныхъ двинулась этапнымъ порядкомъ на сѣверъ. Въ ней былъ Борисъ. Длинный, длинный скверный путь отъ этапа къ этапу, переполненныя тюрьмы, копотъ, грязь — все это измучило физически и духовно. По болѣзни Борисъ остался въ Холмогорахъ.

Лѣсъ, безбрежныя поля, морозный, свѣжій воздухъ, ясное, прозрачное небо, — какъ легко и хорошо было вздохнуть полной грудью, громко, сильно пѣть и будить сонное царство вокругъ! „Къ оружію, друзья! Сомкнитесь въ ряды: Впередъ! Впередъ! Насъ ждетъ земля, и Воля за труды!“ Одинокое призывно звучалъ въ Холмогорахъ теперь голосъ Бориса. Онъ пѣлъ въ избѣ, пѣлъ въ городѣ, и за городомъ. Съ любопытствомъ смотрѣли на „политика“ испитыя, забытыя, обывательскія лица, скромные попы, постные монахи. „Пріѣзжай, писалъ Борисъ женѣ, такъ хочется снова видѣть тебя и говорить, говорить...“ Одиночество тяготило... хотѣлось отдохнуть послѣ тюрьмы, поправиться. Борисъ рѣшилъ просидѣть въ Холмогорахъ весну и лѣто, бѣжать лишь осенью.

Маленькая хатка на краю города, другая такая же въ центрѣ, гдѣ жилъ товарищъ Борисъ, полицейское управленіе, этапное помѣщеніе и длинныя, длинныя вереницы уголовныхъ и политическихъ ссыльныхъ, измученныхъ, — это было все, что могла дать внѣшняя жизнь. Вторникъ, суббота — почта, газеты. Четвергъ въ 1 ч. дня, вдали по дорогѣ изъ Архангельска показывались желтыя полшубки движущагося этапа. Медленно двигался онъ къ Холмогорамъ. А Борисъ стоялъ и ждалъ. Надѣялся увидѣть когонибудь изъ старыхъ товарищей-работниковъ встрѣтить живое, интеллигентное лицо. Однообразная масса разнообразныя лица, какой то оттѣнокъ сѣраго на всемъ — отъ сѣрыхъ солдатскихъ шинелей, отъ сѣрыхъ штыковъ. Остановивались, говорили, а въ субботу опять шли дальше на востокъ на югъ, опять длинной вереницей тянулись и исчезали, — и опять въ Холмогорахъ никто не оставался. Никого не оставляли.

Но весной тронулась Сѣверная Двина, переломала толстыя ледь, перевернула все вокругъ, залила дороги, этапы не могли двигаться дальше. Больше и больше скоплялось ссыльныхъ въ Холмогорахъ, большинство были крестьяне. Жить стали кому нами; стали объединяться, разъединяться, ссориться, мириться. Были и третейскіе суды и строгіе приговоры бойкотировать нѣкоторыхъ крестьянъ за водку и т. п. провинности. Борисъ былъ прямъ и рѣзокъ въ такихъ случаяхъ. По этому поводу свои возмѣнкали третейскіе суды. Трудно было ужиться. Но въ концѣ концовъ среди крестьянъ организовалась группа „крестьянскаго союза“, — съ ними Борисъ работалъ въ ближнихъ деревняхъ распространялъ и продавалъ легальную и нелегальную литера

туру. Всюду ѣздили въ лодкахъ, открывали новые необитаемые острова; гдѣ нибудь далеко въ глуши раскладывали костеръ... воились съ нимъ. Костеръ иногда достигалъ коллосальныхъ размѣровъ, а Борисъ съ товарищами, смѣясь и радуясь, таскали охапки вѣтокъ, сучьевъ, подъ звуки пѣсни и всеобщаго одобренія. Потомъ пекли картофель, варили уху, читали и снова съ пѣсней на лодкѣ плыли въ Холмогоры. Обыватели толпились у берега, молодежь увлекалась, а почтенныя дамы охали и ждали „бунта“. Пѣснь разносилась далеко по рѣкѣ сегодня, завтра неслась то съ рѣки, то съ набережной, то съ острова, нарушая покой Холмогорскихъ жителей, смущая стражниковъ.

Свѣдѣнія доходили до ссыльныхъ заднимъ числомъ, Борисъ узналъ о Свеаборгскомъ возстаніи только очень поздно. Откладывать бѣгство до осени ему казалось невозможнымъ. Онъ говорилъ, что тяжело было не быть съ тѣми, кто умиралъ. Не было денегъ на поѣздку. Нужно было ждать. Приходилось довольствоваться телеграммами, приходившими изъ Архангельска. Въ крайнемъ напряженіи прошло нѣсколько дней. Мечты казались дѣйствительностью, дѣйствительность — мечтами. Революціонеры захватили крѣпость. Свеаборгъ въ рукахъ возставшихъ. Казалось, еще моментъ — революція охватитъ все могучей волной, докатится до Архангельска. Но здѣсь, въ Холмогорахъ, что можно сдѣлать? Какой смыслъ оставаться здѣсь? Такъ Борисъ говорилъ и думалъ, и смѣялся надъ тѣми, кто строитъ планы „революціи“ въ Холмогорахъ. Тамъ, въ центрѣ уже близилась яркая, какъ солнце, желанная революція и притягивала все чистое, кное душой. А смерть? Жутко было за другихъ, за товарищей, за близкихъ людей. Для Бориса же смерти не существовало, онъ видѣлъ лишь маящее солнце и шелъ не оглядываясь, не отклоняясь, не отдыхая. Не существовало препятствій, не дѣлалось обходовъ. Осторожный, хладнокровный въ обыденной революціонной работѣ, онъ въ моменты кипѣнія народной волны, вспыхивалъ, горѣлъ ярко, ярко; и уже не говорилъ объ экономіи силы этого свѣта. Расчетъ, осторожность замѣнялись однимъ желаніемъ, сейчасъ — не теряя ни минуты, напречъ всѣ силы и итти... Тѣмъ труднѣе было ему ждать въ такіе моменты. Но пришлось ждать, и онъ ждалъ, пока не были получены телеграммы о подавленіи Свеаборгскаго возстанія.

А тутъ вокругъ все такъ же невозмутимо, спокойно; тѣ же кущи, попы и монахины. Тотъ же безконечный песокъ вокругъ и гладкая невозмутимая вода. Картины стали скучны, Борисъ звалъ товарищей уѣхать подальше въ лодкѣ, поближе къ Двинѣ, къ лѣсу. „Чувствую, какъ силушка по жилушкамъ переливается, землю бы, кажется, перевернулъ. Скорѣе только теперь за работу! Въ Питерѣ, вѣроятно, публика измучилась, нужны свѣжія силы, я буду полезень“.

Бѣжать было рѣшено въ началѣ августа.

Въ 5 час. утра Борисъ тронулся въ путь. Жутко было его провожать — что-то стонало въ душѣ, и нельзя было подавить этотъ стонъ. Точно юное, стройное дерево гнется, вырывается бурей и ужъ готово исчезнуть гдѣ то вдали. Утро было свѣжее, ясное... всходило солнце, чистое, голубое, небо отражалось въ глазахъ Бориса — грустныхъ и сильныхъ глазахъ. Длинные, вьющіяся волосы точно свѣтились вокругъ его лица. Онъ пошелъ... Обернулся пародъ, другой и скрылся.

Въ 6 ч. утра уходилъ пароходъ въ Архангельскъ. Вечеромъ Борисъ уже въ Архангельскѣ сѣлся на поѣздъ въ Питеръ. Въмѣсто прежняго длинноволосаго, бородастаго „апостола“ теперь былъ молодой человекъ безъ опредѣленной внѣшности. Снова полупролетарскій видъ, короткіе волосы, бритое лицо. Почти у самаго перевоза къ вокзалу Борисъ столкнулся съ Холмогорскимъ жандармомъ. „Душа на полтора аршина провалилась подъ землю“, иронизировалъ потомъ Борисъ: „казалось, одинъ моментъ, жандармъ схватить и тогда не только Питера, но Холмогоръ, пожалуй, не увидишь.“ Но жандармъ прошелъ мимо и много такихъ же проходили по дорогѣ къ Вологдѣ. Проходили и мѣшались въ глазахъ, неприятно волнуя и раздражая Бориса. И невольно мысль его вертится вокругъ участковъ и тюремъ. Встаютъ картины издѣвательствъ, избиеній, нравственныхъ пытокъ... Хочется какъ-нибудь миновать ихъ, не такъ скоро попасть въ ихъ лапы.

Поменьше лишнихъ словъ и дѣлъ, побольше конспираціи, побольше серьезной работы, — этимъ руководился Борисъ при выборѣ работы и взялъ на себя организаторскую и пропагандистскую работу среди солдатъ. Началась агитація, пропаганда. Борисъ работалъ и наблюдалъ. Передъ нимъ пробуждающаяся личность, передъ нимъ мысль начинающаго критика, передъ нимъ чистая душа глубокочувствующаго ребенка. Что скажетъ онъ имъ? Гдѣ то могучее-сильное слово, которое подыметъ ихъ всѣхъ? Нѣтъ... его нѣтъ... Онъ ищетъ его мучительно, но оно исчезло. Сѣрая инертная масса стоитъ, не движется. Единицамъ, смѣльчакамъ, предстоятъ тюрьмы, ссылки, казни. „А дальше? А дальше что же?“ спрашивалъ Борисъ: „они пойдутъ въ борьбу, но въ данный моментъ ничего не возьмутъ, ничего не добьются. Эти довѣрчивыя, славныя, но слабыя еще дѣти, погибнуть и могутъ погубить другихъ“. И иногда онъ просто терялся, не могъ работать, говорить. „Я не гоюсь въ агитаторы, по крайней мѣрѣ, сейчасъ: пропагандистъ я посредственный, это меня не удовлетворяетъ, хочется чего то другого.“ А между тѣмъ всѣ товарищи по Боевой Организациі считали его хорошимъ работникомъ, и ему, какъ представителю Б. О., часто давали отвѣтственные порученія. Но это не мѣняло настроенія Бориса, неудовлетворенность исходила отъ него самаго. Съ раннихъ лѣтъ то больше, то

меньше, то неопредѣленно, неясно, то вполне сознательно влекла она Бориса на просторную дорогу, яркую и прекрасную : на дорогу къ смерти за народъ. Душа звала... но молодость брала свое, жизнь влекла страстно, хотѣлось узнать, разобраться въ ней. 9 января заставило его учиться, чтобы учить-учить прежде всего. Потомъ, любовь молодая, горячая не могла не отразиться на его психологii, не могла не заставить его больше вѣрить въ силу жизни, въ силу знанiя.

Стала надвигаться реакцiя, съ осени 1906 г. повѣяло затишьемъ. Только что покинувъ сѣверные края, Борисъ не могъ почувствовать этого сразу. Но сейчасъ же, однако, онъ почувствовалъ всю тяжесть нелегальной жизни. Въ работѣ первое время много было новаго, многое облегчало и сглаживало ту пустоту въ личной жизни, съ которой пришлось мириться ради конспирацiи. Но потомъ затишье стало сильнѣе давить. Пропагандистская работа удовлетворяетъ все меньше и меньше. Тоскливо становится на душѣ Бориса. Постоянно преслѣдуетъ его мысль, что онъ дѣлаетъ слишкомъ мало, что онъ не годится для большой, немедленной работы созиданiя партii. „Я знаю, что работа теоретическая, идейная должна стоять на первомъ планѣ. Кто можетъ, тотъ долженъ быть теоретикомъ партii, но я не могу, я не гожусь для этой работы. Я постоянно чувствую себя не въ своей тарелкѣ. Если бы не мое нелегальное положенiе, можетъ быть, я сталъ бы заниматься, чтобы работать въ профессиональныхъ союзахъ. Дѣла тамъ много, а силъ мало. Но теперь... Находясь въ полной зависимости отъ партii, связанный съ нею душою и тѣломъ, я ни на минуту не могу первать этой связи и заниматься науками. Я долженъ идти туда, куда влечетъ меня. Ити съ бомбой на какого-нибудь Столыпина, — вотъ все, что я могу сейчасъ. Иначе для меня нѣтъ дѣла, — нѣтъ, лучше смерть!“.

Сама судьба сталкивала, казалось, его съ террористической работой. По дѣламъ Воен. О. ему приходилось сноситься съ товарищами террористами. Въ ноябрѣ 1906 г. онъ уже вошелъ въ ихъ группу. Началась новая дѣятельность, Борисъ былъ доволенъ. Но у него не было еще сильнаго, активнаго желанiя идти на террористическiй актъ. „Если пошлютъ, пойду, но самъ пока вызываться не буду“. Онъ не успѣлъ еще ориентироваться въ новой атмосферѣ, отрѣшиться отъ живыхъ людей, не могъ не видаться съ женой, и не хотѣлъ порвать этотъ нервъ, соединявшiй его съ жизнью. „Я еще не совсѣмъ террористъ, я еще не вполне подчинилъ свои личныя чувства той большой идеѣ, которой долженъ отдать всѣ силы. Но я подчиню, — я добьюсь этого. Террористъ долженъ обладать огромной силой воли, только тогда онъ будетъ настоящимъ работникомъ. И онъ неуклонно шелъ къ этой цѣли. Онъ порвалъ связь со знакомыми, съ друзьями. Даже бывшие товарищи по работѣ въ Воен. О. не знали почему онъ оставилъ организа-

цію, дѣлаетъ ли что-нибудь въ партіи. Встрѣчая его въ вѣдномъ, изящномъ костюмѣ, товарищи удивлялись и, слыша его уклончивые отвѣты на вопросы о „дѣлахъ“, начинали считать его погибшимъ для революціи человекомъ. Это его не смущало. Въ сочувствіяхъ, въ одобреніяхъ онъ не нуждался. Какъ когда то онъ совершенствовалъ свой пролетарскій видъ, такъ теперь онъ изучалъ всѣ тонкости костюма и манеры „лондонскаго денди“. И всетаки костюмъ не сдѣлалъ Бориса „пижономъ“, не подвелъ его подъ общую мѣрку безразличныхъ молодыхъ людей. „Шпики“ замѣчали его, начиналась слѣжка. Борисъ направлялся въ одинъ магазинъ, въ другой, часами возился тамъ: покупалъ, примѣрялъ, и покупалъ. „Воображаю, какъ злился и ругался шпики“, смѣясь, говоритъ Борисъ, передавая о своихъ походахъ.

Приходилось иногда колесить по окраинамъ города, тщательно слѣдить за собой, прежде чѣмъ отправиться на мѣсто назначенія. И никогда въ такихъ случаяхъ Борисъ не урѣзывалъ необходимаго на эти скитанія времени, никогда не терпѣлъ терпѣнія. Много любви было къ дѣлу, къ его цѣли, нужно было, чтобы детально механически точно исполнить ту массу чисто технической, организаціонной работы, которая возлагалась на каждаго работника террориста. Безконечныя явки, дежурства, переговоры — вотъ обыкновенная монотонная жизнь, которую пришлось вести Борису. При этомъ совершенная разобщенность со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Невольно мысли направлялись всегда по одной тернистой дорогѣ, всегда къ одной свѣтлой, сіяющей цѣли. Одна она сіяла гдѣ то въ дали, ярко блестящая, прекрасная, заманчивая. Одна она могла заглушить подавляющую тишину окружающей жизни, заполнить пустоту ея. „Пусть будетъ эта цѣль возможно шире, возможно больше. Слишкомъ мало скажетъ смерть какому-нибудь выскочки офицера, пристава: ихъ такъ много, ихъ не перебьешь. Я бы не хотѣлъ идти на нихъ. Пріятно имѣть дѣло со Столыпинымъ! Вѣдь, ни кадетское „недовѣріе“, ни нашъ „революціоннѣйшій парламентъ“ не могли устранить его. И одинъ выстрѣлъ, одинъ мигъ, — и не станетъ этой кровавой твердыни самодержавія! Вѣдь, въ этотъ мигъ, въ эти нѣсколько мгновеній, замретъ весь міръ, во всѣ концы его разнесутся звуки этого выстрѣла, они прикуютъ къ себѣ мысли, разбудятъ уснувшихъ. Пусть же слушаютъ, пусть думаютъ! Ради этого стоитъ трижды умереть!“

И, когда Борисъ въ декабрѣ мѣсяцѣ перешелъ въ другую боевую группу, имѣвшую дѣло только съ подобными твердынями, настроеніе его поднялось. Большое серьезное дѣло захватило его. Новая среда выше подняла его. Онъ увидѣлъ новыхъ людей, новыя силы. И скоро понялъ и оцѣнилъ великую любовь этихъ людей, носителей одной идеи. Люди стали для него воплощеніемъ идеи, онъ чувствовалъ ихъ при-

тягательную силу, чувствовалъ, что уйти отъ нея онъ не можетъ, какъ не можетъ уйти отъ свѣта и красоты. Тѣни умершихъ, образы каторжанъ, лица живыхъ двигателей революціи, которыхъ онъ теперь ближе узналъ, съ которыми столкнулся, какъ свѣтлые маяки, сочувствовали ему. Нѣкоторые факты ихъ жизни такъ поражали Бориса своей духовной силой и красотой, что Борисъ по нѣсколько дней переживалъ и передумывалъ ихъ. Ярче выступали затуманенные образы. Борисъ учился у нихъ. Онъ воспринималъ то, что они перечувствовали и самъ перерождался. Въ немъ шла огромная внутренняя работа. Онъ плохо спалъ, плохо ѣлъ, похудалъ, измѣнился, замкнулся въ себя и не сразу онъ могъ объяснить, что съ нимъ происходитъ. „Я переросъ свое прошлое „я“, свою прошлую личную жизнь, — такъ должно быть, и нужно! Я долженъ быть достойнымъ носителемъ своего свѣтильника; пусть онъ горитъ до того момента, когда наступитъ мой „чередъ“, когда онъ вспыхнетъ яркимъ пламенемъ и поглотитъ меня. Я долженъ быть всегда готовъ къ этому моменту. Теперь я чувствую въ себѣ силу, теперь не боюсь ни тюрьмы, ни пытокъ“. Онъ говорилъ твердо, увѣренно, — не смѣялись больше его глаза. Въ нихъ была сила, въ нихъ была смерть. Казалось, его душа не знаетъ границъ, казалось, она охватила, прочувствовала всю жизнь, окрѣпла, поднялась надъ міромъ и не было ей больше мѣста въ этомъ мірѣ. Онъ зналъ, что умереть, зналъ, что хочетъ умереть. „Ничего не имѣю противъ, если „они“ повѣсятъ меня, какъ организатора покушенія на.... Если этого не случится, пойду на новое дѣло въ первую очередь, можетъ быть, еще во время функционирования Г. Думы, или сейчасъ же послѣ ея разгона, который, конечно, скоро послѣдуетъ“.

Покушеніе на..... не удалось. Готовилось новое, Борисъ заявилъ о своемъ желаніи итти, и, получивъ согласіе товарищей, сталъ ждать санкціи Ц. К. Настроеніе было повышенное, доброе. „Если будетъ возможность бѣжать, говорилъ Борисъ; я не убѣгу. Всетаки я совершаю преступленіе и своей жизнью искупаю его. Можетъ быть, я не правъ, но иначе я не могу“. „Покушавшіеся на Дубасова стрѣляли въ себя (?), убившій Лауница убилъ и себя, — они такимъ образомъ дали поводъ говорить, что террористы боятся. Нѣтъ! Нужно „имъ“ доказать, что мы не боимся. Пусть они доводятъ до конца свою жестокость! Я пойду совершенно спокойно, послѣ того какъ Ц. К. мнѣ скажетъ, за что я убиваю..... пойду, чтобы нанести ударъ правительственной машинѣ. Если же это не нападеніе, а лишь актъ мести, я откажусь отъ его выполненія“.

Ждать пришлось долго. Въ моментъ крайняго напряженія нервовъ былъ полученъ отвѣтъ отъ Ц. К. Указывая на неподходящее настроеніе Государственной Думы и народа, Ц. К. отказывалъ въ санкціи покушенія. Пришлось еще ждать. Борисъ рассчитывалъ, что запросъ о Чернякѣ группы с-р. въ

Государственной Думѣ измѣнить „либеральное“ настроеніе столыпинской политики. Съ волненіемъ просматривались газеты. Вотъ... вотъ будетъ запросъ. Но его все не было. Нервы утомились. Работу временно приостановили: Борисъ принялся читать, но это было трудно. „Трудно сосредоточиться, говорилъ Борисъ, мысли разбѣгаются. Да и зачѣмъ читать, когда черезъ недѣлю, можетъ быть, буду „на томъ свѣтѣ?“

Изводили Бориса и шпики. Осторожность обострилась, стала граничить съ мнительностью. На каждомъ шагу, у каждаго дома, на всякомъ вокзалѣ онъ видѣлъ разнообразныхъ агентовъ. Какъ то двое такихъ „не желательныхъ“ спутниковъ слѣдовали за нимъ изъ Финляндіи. слѣдили энергично, очевидно, намѣревались арестовать при первомъ удобномъ случаѣ. Въ Бѣлоостровѣ Борисъ пытался отъ нихъ скрыться, но безуспѣшно. Пришлось „подъ конвоемъ“ ѣхать дальше. Скорый поѣздъ шель, не останавливаясь, до Петербурга. Борисъ стоялъ на площадкѣ, съ двухъ сторонъ изъ вагоновъ за нимъ слѣдили три сыщика. Оставалось одно, прыгнуть и бѣжать. Улучивъ минуту, Борисъ вышелъ изъ поля зрѣнія „шпиковъ“ и соскочилъ. Сильный толчекъ свалилъ съ ногъ, съ полъ сажени провезъ по землѣ. Лицо было исцарапано, пальто въ землѣ, калоши свалились. Но Борисъ ничего не замѣтилъ, поднялся, пошелъ. Гдѣ то по близости столкнулся съ рабочими, тѣ съ удивленіемъ на него посмотрѣли. Но онъ шелъ спокойно, потомъ кое-какъ обчистился и добрался до Петербурга. Только на другой день онъ почувствовалъ боль въ ногѣ и былъ доволенъ, что отдѣлался такъ благополучно. Другой разъ, спасаясь отъ преслѣдованій сыщика, Борисъ изъ Удѣльной направился въ Лѣсной, бѣжалъ черезъ Лѣсной паркъ, попалъ въ какой то пустырь, усталъ, остановился. Сыщикъ также сталъ на почтительномъ разстояніи, Борисъ пошелъ ему на встрѣчу, сыщикъ быстро шапгалъ въ противоположную сторону. Борисъ побѣжалъ за нимъ, сыщикъ сталъ удирать со всѣхъ ногъ и скоро былъ далеко. Борисъ могъ продолжать свой путь.

Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣжка стала замѣтнаѣе. Охранка что то замѣтила, что то почувяла и 1 апрѣля 1907 года рѣшила покончить съ гдѣ то смутно-чувствуемымъ неопредѣленнымъ врагомъ. Начались обыски, аресты. Брали всѣхъ, кто казался страшнымъ. Неясныя расплывчатая свѣдѣнія, туманные дутые доносы Ратимова нужно было склеить, размазывать грязными руками творцовъ застѣнка, наклеить грозный ярлыкъ: „Заговоръ противъ священной особы.“*) И охранка старалась въ тѣсномъ единеніи со Столыпинымъ. Съ высоты думской трибуны „великій хирургъ“ провозгласилъ раскрытіе „заговора“. Въ типи сѣрыхъ камеръ за семью замками, за спи-

*) Какъ оказывается, у Охранки были весьма опредѣленные указація отъ Азева объ этомъ заговорѣ. Ред.

нами сыщиковъ чиновники Охраннаго отдѣленія готовили „заговоръ“.

Бориса арестовали на квартирѣ Никитенко. И онъ вслѣдъ за другими исчезъ за стѣнами Петропавловской крѣпости: исчезъ, точно умеръ, точно гдѣ то живо погребли его. Ни звука, ни стога — ничего. Та же стѣна глядѣла на Неву, тотъ же волчій глазъ мигалъ вночами. Но Борисъ былъ тамъ за стѣной и она кавалась другой — родной и близкой. Крѣпость молчала и Борисъ молчалъ 4 мѣсяца. Потомъ, снова ожилъ, отдѣлился отъ нѣмой стѣны. Имъ вручили обвинительный актъ. Борисъ не ждалъ такого оборота дѣла. Но четыре мѣсяца молчанія дали себя чувствовать. Борису хотѣлось говорить и онъ говорилъ съ защитникомъ оживленно и возбужденно, точно забывая о приближающемся приговорѣ.

„Лишь въ Домѣ Предварительнаго Заключенія я снова увидѣла Бориса,“ — рассказываетъ его жена. „Я шла на первое свиданіе, быть можетъ, и послѣднее. Не было силъ подавить волненіе. Отрывки только что полученнаго отъ него письма точно жили въ мозгу. „Что могу тебѣ я сказать въ нѣсколько минутъ, которыми располагаю?... Пишу въ ожиданіи, что вотъ вотъ придется итти въ судъ.... О себѣ.... Петропавловка страшно измѣнила меня, но скорѣе въ хорошую сторону... Мнѣ и Никитенко не миновать казни, да я и не хочу каторги. Я совершенно боленъ и это будетъ лишь большая агонія. По вѣшному виду моему, врядъ ли кто можетъ заключить объ этомъ. Нравственно чувствую себя прекрасно. О тебѣ... я прѣжняго мнѣнія и совѣтую тебѣ дѣлать то, что совѣтовалъ и раньше, если, конечно, есть какая-либо возможность... Если пытать послѣ суда не будутъ, напишу большее въ десять разъ письмо... Въ противномъ случаѣ мое молчаніе будетъ свидѣтельствомъ о... Не хочу говорить тебѣ „прощай!“ вѣдь этого не будетъ на самомъ дѣлѣ. Да и теперь, вѣдь, хотя мы не видимъ другъ... Зовутъ, иду“.

„Что то большое, жуткое и непонятное надвигалось на близкаго человѣка, уносило его куда-то... а я здѣсь ждала его въ въ маленькой, холодной камерѣ... Камень, рѣшетка, военно-чиновныя формы... надзиратель. А за нимъ Борисъ спокойный, улыбающійся. „Здравствуй!“ — онъ говорилъ такъ ровно, безъ тѣни волненія, точно мы вчера видѣлись, точно увидимся много разъ... Спокойно, ясно смотрѣли на меня глаза: что-то свѣтилось въ нихъ глубоко, и лицо Бориса отражало тихую, ясную радость. Невольно передавалось это бодрое настроение... Борисъ говорилъ 2-3 минуты.

— „Кончайте, пожалуйста,“ поднялся помощникъ начальника тюрьмы: „сейчасъ нужно итти“. Я невольно схватила руку Бориса. „Погоди!“ и Борисъ спокойно уговариваетъ помощника начальника тюрьмы: „Вѣдь, мы сейчасъ не пойдемъ, засѣданіе не начинается ранѣе 11 часовъ утра. Вы должны

намъ дать слѣдующія 20 минутъ“.

— Хорошо! приходите въ перерывъ, въ 2 часа дня. Я вамъ дамъ свиданіе“, сказалъ мнѣ помощникъ. Мнѣ не вѣрилось, я едва владѣла собой. Борисъ, улыбаясь, успокаивалъ меня, просилъ принести дѣвочку, — свою дочь.

„Мы простились. Опять рѣшетка, каменный корридоръ, лоботятствующіе надзиратели. Обстановка быстро задавила волненіе. Въ 2 часа я была съ Ириной. Я уже не боялась присутствіемъ ребенка нарушить его спокойствіе, причинить страданіе... Нѣтъ — онъ только радовался свиданію. Онъ смѣялся, глядя на маленькое, глупенькое существо, забавляя ее. Ирина смѣялась, намъ всѣмъ вмѣстѣ было хорошо, въ душѣ не было мѣста предчувствію смерти. Смѣясь, Борисъ говорилъ о томъ, какъ торжественно, подъ какимъ, „почетнымъ конвоемъ“ ихъ перевозили изъ крѣпости въ Домъ Предварительнаго Заключенія; смѣялся надъ комедіей суда, надъ „дураками-жандармами“ Петропавловской крѣпости, которыхъ ему всетаки удавалось обходить и онъ переставался съ товарищами. Вокругъ сидѣли анархисты, террористы.

— „Ну, а ты? Какъ ты себя чувствуешь? — спрашиваю его.

— „Какъ видишь, мнѣ хорошо. Я увѣренъ, что казнь будетъ. Глупо, что влопался, но разъ я уже здѣсь, не приходится ждать ихъ милостей. Я не хочу каторги. У меня не хватитъ силъ 20 лѣтъ просидѣть гдѣ нибудь въ сыромъ подвалѣ Шлиссельбургской крѣпости. Въ Петропавловкѣ уже я былъ боленъ воспаленіемъ слѣпой кишки, одно время началась цынга, вѣроятно, отъ плохого питанія. Только 28 апрѣля они мнѣ выдали мои деньги, явилась возможность питаться нѣсколько лучше, но я не зналъ долго ли придется сидѣть и очень экономилъ. Изъ казенной пищи бралъ одну кашу, немного прикупалъ самъ, — и такъ прожилъ мѣсяца два. Потомъ дѣло было передано въ Военно-Окружной Судъ, я понималъ, что скоро приступятъ къ разбору и сталъ тратить на себя больше. За одинъ іюль у меня вышло около 9 рублей. Соответственно и мое физическое состояніе улучшилось, а здѣсь въ Домѣ Предварительнаго Заключенія чувствую себя совсѣмъ удовлетворительно. Но они успѣли придавить не одно тѣло, они задавили во мнѣ мысль, нѣтъ силъ читать, голова не работаетъ. Вѣдь, въ крѣпости у меня не было ни пера, ни бумаги, — по уставу полагалось на все — прошеніе къ коменданту, на все — покорѣвшая просьба. Я не хотѣлъ итти на это, считалъ не допустимымъ въ моемъ положеніи обращаться къ превосходительному старикашкѣ. Бывали тяжелыя минуты. Крѣпости давила своей тишиной, слышались какіе то стоны, чудились слезы. И вдругъ тишину прорѣзывалъ монотонный заунывный бой часовъ „Коль Славенъ“, — часы играли, а я говорилъ: „А, чортъ поberi, чортъ поberi!“

„Свиданіе скоро кончилось. Черезъ день было второе, по-

томъ еще и еще. И всегда то же спокойное лицо, тѣ же бодрыя слова, тотъ же увѣренный голосъ. Только разъ я видѣла его блѣднѣе обыкновеннаго, лицо было утомленное, точно осунилось. Уже ждали приговора, уже носились слухи о желаніи Николая II разыграть комедію милости. На свиданіи мы были съ матерью мужа. „Тебѣ тяжело, Боря? ты такой блѣдный“, спросила его. Грустно серьезно взглянулъ онъ теперь на меня и сказалъ только: „Должно быть, не легко умирать!“

Мы старались увѣрить его, что если будетъ смертный приговоръ, казнь всетаки не приведутъ въ исполненіе. Всѣ почему то говорятъ объ этотъ предчувствіи, надѣется и мать Никитенки.

— „Но все равно я откажусь отъ этой „милости“, если она будетъ. Ни въ какихъ помилованіяхъ я не нуждаюсь. Что же мы за революціонеры, такіе, если будемъ жить благодѣяніями!“

— „Но вѣдь твоя жизнь, Боря, дороже, чѣмъ смерть. Ты долженъ жить, можетъ быть, вторично идти на смерть, сдѣлать больше“, говорю я.

— „Жить! Но развѣ жизнь въ каторгѣ будетъ жизнью для революціи? Развѣ быть заживо погребеннымъ въ Шлиссельбургъ значитъ жить?“

— „Теперь этого не можетъ быть! Ты — не народоволецъ, наконецъ, не забудь, что времена могутъ скоро измѣниться“.

Мать, рыдая, просила Бориса подумать о ней, пожалѣть ее.

— „Не плачь, мама! говорилъ Борисъ: вѣдь ты знаешь, что ни истерики, ни слезы твои не помогутъ, вѣдь слезами ты никогда ничего не могла со мной сдѣлать... Но не нужно, не плачь, не плачь!“

— „Но ты только послушай“, сдерживаясь, вся въ слезахъ, жалобно тихо говорила мать: забудь меня, забудь жену, подумай только о своемъ ребенкѣ, объ этой маленькой, славной Иринѣ. Какъ она смѣется, какая она здоровенькая. Неужели ты хочешь сдѣлать ее сиротой? Неужели не жаль тебѣ ее? Развѣ легко прожить безъ отцовской ласки? Вѣдь, ты самъ ее не видѣлъ, ты знаешь, какъ это тяжело. Боря! дай мнѣ слово, что ты не откажешься отъ помилованія; пусть милуютъ, что тебѣ, вѣдь, ты не просилъ... Дай мнѣ слово!“

— „Нѣтъ, мама, не могу, не дамъ!“

Опять рыданія и слезы, опять мольбы матери, а Борисъ спокойный и сильный повторяетъ опять:

— „Не проси, я слова дать тебѣ не могу, есть обязанности выше обязанности отца“.

— „Но ты хоть подумай еще. Неужели и этого ты не можешь? Неужели ты такъ мало любишь меня?“

— „Хорошо, — я подумаю!“ И мать успокаивается.

„Я напоминаю Борису о Никитенко, который не будет протестовать въ случаѣ помилованія, наконецъ о Гершуни.

— „Почему же я долженъ съ нихъ брать примѣръ? Пусть другіе берутъ примѣръ съ меня. Сейчасъ я, вѣдь, не знаю, какъ я буду протестовать, что скажу, что сдѣлаю, все будетъ зависѣть отъ формы отмѣны казни, если только они соблагодѣются ее отмѣнить. Не забудь, что, всетаки, я — человекъ, и мнѣ свойственно желаніе жить, — вѣрь, что не захочу умирать, если это не будетъ нужно“.

„16-го августа Никитенко, Синявскій и Наумовъ были приговорены къ смертной казни. Всѣ ждали такого приговора, но были увѣрены, что онъ останется лишь на бумагѣ.

„Мы съ мужемъ говорили о возможности побѣга съ каторги, о необходимости имѣть легальную связь съ волей для постоянныхъ сношеній и переписки. Мать многого сдѣлать не могла. И не смотря на приговоръ, мы всетаки рѣшили вѣнчаться, не смотря на угрозу смерти, всетаки рѣшили вопросы жизни, надѣялись снова быть вмѣстѣ когда нибудь.

И я снова принялась за хлопоты о разрѣшеніи вѣнчаться, и „отцы церкви“ снова находили поводы мнѣ отказывать. Наконецъ, были запрошены „верхи верховъ“. Тамъ препятствій не встрѣтилось, но разрѣшенія все не было:

„18 въ 3 часа дня приговоръ долженъ войти въ законную силу. Мы сидѣли съ Борисомъ въ кабинетѣ начальника тюрьмы, сидѣли и ждали священника. Я совѣтовала мужу присоединиться къ кассационной жалобѣ. „Если сейчасъ не придетъ священникъ, мы больше не увидимся, тебя переведутъ въ Петропавловскую крѣпость, а тамъ мнѣ ужъ не получить свиданія. Я увѣрена, что разрѣшеніе Синода должно быть, можетъ быть, уже есть, если ты присоедилишься къ кассационной жалобѣ, приговоръ не войдетъ еще въ законную силу, — мы успѣемъ повѣнчаться. Въ случаѣ каторги, вѣдь это необходимо. Пусть даже казнь — я тогда до послѣдней минуты могу быть съ тобой! Если ты думаешь о возможности пытки, то сношенія съ волей избавятъ тебя отъ этой возможности. Ты можешь, наконецъ, только сегодня заявить о своемъ присоединеніи къ кассационной жалобѣ, завтра взять обратно“.

— „Нѣтъ, это не возможно. Я не могу даже формулировать мотивовъ отказа отъ кассации. Но чувствую, что не въ правѣ къ ней присоединяться, не желаю ни въ той, ни въ другой формѣ просить пощады у самодержавія. Вѣнчаться необходимо, но я не хочу, чтобъ свѣтлый образъ идеи погаснѣлъ во мнѣ, не хочу измѣнить ему ни однимъ шагомъ... Ты не сидѣла въ крѣпости, не пережила одиночнаго заключенія, ты человекъ свободный и психологія сидящаго въ тюрьмѣ тебѣ не понятна“.

„Свиданіе продолжалось около полчаса, священника мы не

дождались, у меня не было надежды снова увидѣть Бориса, мы простились. Во дворѣ Дома Предварительнаго Заключенія я встрѣтила мать Никитенко. „Приговоръ еще не утвержденъ, поѣзжайте, хлопчите... Еще успѣете!“, — сказала она. Я снова полумашинально, полусознательно стала двигаться и дѣйствовать.

„Въ воскресенье, 19-го, насъ, наконецъ, вѣнчали. Борисъ не хотѣлъ нарушать торжественности окружающихъ и спокойно исполнялъ все, что требовалось для исполненія обряда. Потомъ, 1½ часа длилось наше свиданіе.

„Разрѣшенное послѣ столькихъ холопотъ вѣнчаніе дало больше поводовъ ждать отмѣны казни. Борисъ чувствовал себя хорошо, говорилъ о возможности переписки послѣ суда, о жизни въ каторгѣ.

„Только въ томъ случаѣ, если буду себя чувствовать очень плохо на каторгѣ, я напишу тебѣ, чтобы ты пріѣхала. Подумай о себѣ прежде всего. Разумѣется, это не отнимаетъ отъ насъ возможности видѣться, если я буду сидѣть гдѣ-нибудь поблизости“.

„Знаешь... я не раздѣляю больше цѣликомъ программы с.-р. Я много думалъ въ крѣпости. Я тамъ былъ совершенно свободенъ отъ всякаго вліянія людей, а это такъ много значить. Я больше не вѣрю въ возможность социализаціи, — по моему, это — утопія, вотъ почему и на судѣ я говорилъ, что я не с.-р. Если бы не заявленіе Ц. К., я бы не считалъ себя вправѣ сказать это. Но мы сидимъ на скамьѣ подсудимыхъ, не какъ члены партіи, а какъ особая, самостоятельная организація. Терроръ я признаю необходимымъ средствомъ борьбы, какъ признавалъ и раньше и радъ, что говорилъ о немъ“...

„Настроеніе Бориса, когда онъ бывалъ со мной, видимо было такое же, но въ письмахъ его слышится ожиданіе смерти, — такъ, напримѣръ, онъ писалъ за нѣсколько дней до смерти:

„17-го, 9½ ч. утра. Еще нѣсколько часовъ и приговоръ будетъ объявленъ въ окончательной формѣ. Въ послѣдній разъ увижу товарищей... Въ послѣдній разъ пожмемъ другъ другу руки“.

„20-го мы видѣлись снова, и я ушла съ мыслью, что увижу его завтра, но вечеромъ Соколовъ сказалъ мнѣ, что кассачія отклонена и что надежды на отмѣну казни у него теперь мало.

— Если завтра они еще будутъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, значить казни не будетъ; — если ихъ увезутъ, — казнь уже будетъ приведена въ исполненіе.

Утромъ 21-го въ Домѣ Предварительнаго Заключенія Спьявскаго, Никитенко и Наумова уже не было. Мнѣ сказали, что ихъ увезли въ крѣпость. Была еще слабая надежда. Но

Соколовъ встрѣтилъ меня словами: „Казнь уже совершена въ 5 часовъ утра“.

„Они поспѣшили казнить. Но Борисъ былъ до конца спокоенъ и умеръ гордый и красивый. Спокойно выслушалъ онъ сообщеніе Н. Дм. Соколова, адвоката, о готовящейся казни и радъ былъ, что набавился отъ милости Николая, радъ былъ, что Николай лишній разъ подчеркнулъ свою жестокость. Потомъ ходилъ по камерѣ и долго еще разносилось его громкое пѣніе:

„Надъ міромъ знамя наше вѣетъ,
Оно горитъ и ярко рдѣетъ,
То наша кровь горитъ на немъ“.

Скоро голосъ замолкъ. Пѣсня оборвалась, оборвалась и жизнь прекрасная, какъ пѣсня...

Но все же пѣсня поется и память о Борисѣ живетъ въ этой пѣснѣ. Живетъ чистая, святая...

Черезъ мѣсяцъ родные получили его послѣдній привѣтъ:

„Моей женѣ и матери.

Ночь передъ казнью...

Мы втроемъ сидимъ въ большой общей камерѣ и скрипимъ перьями...

У оконъ стоятъ два солдата съ ружьями, за дверями цѣлый взводъ при офицерѣ...

Умирать легко и хорошо. На душѣ свѣтлое чувство...

Шлю вамъ, мой дорогія, свой привѣтъ.

Прощайте!“

Е. Ж.

Отъ ред. Биографическій очеркъ Б. Спявскаго составленъ на основаніи воспоминаній нѣсколькихъ лицъ.

Н. К. Михайловскій въ 80-е годы.

Н. К. Михайловскій за 1880-е годы извѣстенъ намъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ большой теоретической работы „Патологическая магія“ и цѣлаго ряда газетныхъ фельетоновъ, помѣщавшихся имъ преимущественно въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, а нынѣ перепечатанныхъ въ шестомъ томѣ собранія его сочиненій подъ общей рубрикой „Случайныя замѣтки“ и „Письма о разныхъ разностяхъ“. Но говоря сейчасъ о Михайловскомъ за періодъ восьмидесятихъ годовъ, я не хочу останавливаться ни на той, ни на другой изъ этихъ работъ. Дѣло въ томъ, что существующее собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго отнюдь еще не можетъ быть названо полнымъ, какъ это стоитъ на послѣднемъ четвертомъ изданіи, начатомъ „Русск. Бог.“, а нынѣ перешедшемъ, впрочемъ, къ М. М. Стасюлевичу. Правда, за полнымъ почти отсутствіемъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній, мы не можемъ судить, что именно изъ написаннаго Михайловскимъ для печати не вошло въ собраніе его сочиненій, но что такія статьи или вообще рукописи должны быть, это тоже несомнѣнно. Напримѣръ, въ № 2 „Земли и Воли“ въ отдѣлѣ „На свѣжую воду“ (см. сборникъ В. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“) напечатана, между прочимъ, слѣдующая замѣтка о дѣйствіяхъ тогдашней цензуры: „Изъ ноябрьской книжки „Отечеств. Зап.“ вырѣзаны статьи: Щедрина (объ урядникахъ) и Михайловскаго „Отвѣтъ Цитовичу“. Нынѣ въ собраніи сочиненій Н. К. Михайловскаго этого „Отвѣта Цитовичу“, входившаго несомнѣнно въ его серію „Писемъ къ ученымъ людямъ“, — нѣтъ. Тамъ, правда, есть (см. томъ 4, стр. 620 и слѣд.) „Письмо къ г. Цитовичу“, но оно взято не изъ ноябрьской, а изъ декабрьской книжки „Отеч. Зап.“ 1878 г., при чемъ письмо это написано, повидимому, спѣшно и, какъ явствуетъ изъ текста, взамѣнъ какой-то другой статьи. „Простите за запоздалый отвѣтъ“, обращается къ профессору Цитовичу Михайловскій, „не считаю ни нужнымъ, ни удобнымъ разсказывать, почему онъ запоздалъ“. И въ концѣ статьи: „я хотѣлъ сначала памфлетомъ отвѣчать на памфлетъ и таковъ именно былъ характеръ моего письма, не дошедшаго по адресу“. Но письмо это не только не дошло по адресу, его нѣтъ и въ собраніи сочиненій Михайловскаго, хотя оно было несомнѣнно въ свое время написано.

Быть можетъ, однако, собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго съ этой стороны не особенно многимъ можетъ быть дополнено. Михайловскій былъ настолько умѣлымъ и тактичнымъ, въ своемъ обращеніи съ цензурой, человѣкомъ, хотя это ему и не даромъ давалось, что сберегалъ отъ цензурскаго карандаша даже наиболѣе изъ яркихъ своихъ статей радикально-политическаго характера, каковыми являются у него чуть ли не всѣ „Литературныя замѣтки“ 1879—1881 гг. Можно на это, однако, возразить, что количествомъ не искупается

качество, — пусть этих погибших от цензуры статей было действительно не много, за то это были, вѣроятно, одні изъ лучшихъ работъ Михайловскаго. А кромѣ того, вѣдь, въ собраніе сочиненій Михайловскаго до сихъ поръ не внесены не только эти погибшія безслѣдно статьи, а и цѣлый рядъ статей уже напечатанныхъ раньше и туда не внесенныхъ, хотя онѣ и заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всѣхъ читателей, а тѣмъ болѣе специалистовъ по исторіи литературы. Вотъ этотъ матеріалъ я и имѣю въ виду въ предлагаемой замѣткѣ о политической позиціи Михайловскаго въ періодъ восьмидесятихъ годовъ.

Да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, что я буду утомлять его разными библиографическими изысканіями о томъ, гдѣ и что было напечатано Михайловскимъ. Совсѣмъ нѣтъ, — да и это вышло бы далеко за предѣлы моей темы. Статьи и замѣтки Михайловскаго, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, конечно, не къ однимъ 80-мъ гг. относятся. Напротивъ, хронологически онѣ распредѣляются на протяженіи всѣхъ 40 лѣтъ его литературной дѣятельности, начиная отъ „Книжнаго Вѣстника“, гдѣ, совмѣстно съ Н. Д. Ножинымъ, первымъ русскимъ социологомъ, онъ впервые правильно и систематически занялся литературнымъ трудомъ, и кончая его дѣятельностью въ качествѣ сотрудника и неофициальнаго редактора газеты „Народной Воли“. Но изъ всей массы литературныхъ произведеній Михайловскаго за этотъ періодъ, не внесенныхъ въ собраніе его сочиненій, мы возьмемъ лишь нѣсколько статей изъ эпохи 80-хъ гг., заслуживающихъ, какъ намъ кажется, особеннаго вниманія ужъ потому, что онѣ, относясь къ одной изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ русской общественной жизни, первоначально были напечатаны въ заграничной русской прессѣ, на свободномъ ставкѣ, которому Михайловскій довѣрялъ порой свои завѣтныя мысли и чаянія. Конечно, чрезвычайна интересно послушать свободную, никакой цензурой не сдерживаемую критику нашей „гнусной расейской дѣйствительности“ 80-хъ гг. и при томъ критику, данную такимъ, на рѣдкость замѣчательнымъ, представителемъ русской общественности, какимъ былъ безспорно Н. К. Михайловскій. Статей, представляющихъ эту критику, у насъ не много — всего три, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго, но за то эти работы могутъ занять очень видное мѣсто въ политической публицистикѣ Михайловскаго по своимъ даже чисто литературнымъ достоинствамъ, не говоря о прочемъ.

Такова прежде всего его статья въ 10 № „Народной Воли“, вышедшей подъ редакціей Г. А. Лопатина, о закрытіи „Отеч. Записокъ“. Закрытіе „Отеч. Зап.“ было началомъ поворота въ сторону полнаго упадка общественнаго настроенія. Для Михайловскаго, въ частности, какъ равно для другихъ руководителей и просто болѣе или менѣ постоянныхъ сотрудниковъ этого журнала, закрытіе его было огромнымъ личнымъ ударомъ, очень сильно ихъ поразившимъ, тѣмъ болѣе, значить, характерна его статья по этому поводу въ „Народной Воли“.

„Бурбонъ стоеросовый — чижика съѣлъ“, такъ начинается эта статья, переполненная гнѣвомъ и ненавистью. „Мы не думаемъ смѣяться, — продолжаетъ Михайловскій, — надъ погибшимъ журчаломъ или принижать его. Это былъ почти единственный органъ русской печати, въ которомъ сквозъ дымъ и копытъ цензуры свѣтилась искра пониманія задачъ русской жизни во всемъ ихъ объемѣ. За это онъ долженъ былъ погибнуть — и погибъ. Было бы странно, еслибъ мрачная правительственная сила не наложила раньше или позже руки

на мало-мальски свѣтлое явленіе. Но мы утверждаемъ все таки, что, закрывъ „Отеч. Зап.“, Толстой съѣлъ чижика, и не того отъ него ждали. Ждали искорененія революціи, прекращенія крамолы, а мы живы, и надѣемся, что въ скоромъ времени въ этомъ убѣдятся всѣ^(*)).

И дальше: „Правительственное сообщеніе имѣетъ цѣлью доказать, что не чижикъ съѣденъ, а уничтоженъ очагъ революціи. Не въ нашихъ интересахъ разоблачать ложь и путаницу, переполняющую этотъ документъ. Пусть очагъ революціи остается на углу Литейной и Басейной улицъ. Документъ интересуется насъ съ другой стороны. Уже много лѣтъ правительство держитъ петлю на шеѣ русскаго общества и все ту же ее затягиваетъ. Маого лѣтъ ссылки, тюрьма, каторга, висѣлица поглощаютъ все новыя и новыя жертвы. Чего же достигла напрягшая всѣ силы и, повидимому, торжествующая реакція. Самодержавный повелитель ста миллионъ не освобожденъ изъ гатчинскаго плѣна, — о его прѣвадахъ и отъѣздахъ въ реноподаннѣ узнаютъ на другой день; усиленная охрана нужна по-прежнему: жандармы, сыщики, прокуроры зарабатываютъ свой хлѣбъ въ потѣ лица. Но всего этого мало. Всѣ чрезвычайныя правительственныя мѣры не только не въ состояніи прекратить революціонное теченіе, но даже держать его на томъ же уровнѣ... Когда то правительство и его холопы утверждали, что наши ряды пополняются исключительно „молодыми безумцами“, недоучившимися мальчишками и пр... Теперь же правительственное сообщеніе прямо говоритъ, что извѣстная часть легальной литературы солидарна съ нами и даже входитъ въ составъ нелегальной организаціи, а литература всегда и вездѣ составляетъ цвѣтъ интеллигенціи страны. Молодые безумцы называются здѣсь иногда Лермонтовыми, недоучившіеся мальчишки — Бѣлинскими. На чьей же сторонѣ успѣхъ въ нашей многолѣтней борьбѣ съ русскимъ правительствомъ? Кого устрашили, что предохранили тюрьмы и висѣлицы, если послѣ долгой реакціонной практики правительству приходится закрывать журналъ наиболѣе распространенный, пользующійся наибольшимъ сочувствіемъ публики? Мы принесли много жертвъ, но онѣ принесены не даромъ. Въ этомъ расписывается само правительственное сообщеніе“.

Кончается статья такъ: „... Глупцы, холопы и лжецы толкуютъ объ императорскомъ или государственномъ социализмѣ, который избородитъ нашу голодную родину молочными рѣками съ кисельными берегами. Правительство благосклонно слушаетъ эту сказку. Но, отставая свое мѣсто въ государствѣ, администрація знаетъ только одно: гнать всякую критику, всякій свободный голосъ. Во всемъ остальномъ она не дѣлаетъ ни одного какого бы то ни было опредѣленнаго шага. Правительство хорошо знаетъ, что оно изолгалось, что съ каждымъ днемъ падаетъ его кредитъ на биржѣ и въ дипломати, внутри и внѣ Россіи, въ народной массѣ и въ образованной средѣ. Въ сообщеніи, объявляющемъ о закрытіи „Отеч. Записокъ“, четыре подписавшіе его министры не рѣшались говорить отъ собственнаго имени о революціонномъ вліяніи легальной литературы. Они знаютъ, что никто не повѣритъ либеральному долготерпѣнію, съ которыми они будто бы присутствовали при разулѣ русской печати. Поэтому они ссылаются на показанія какого-то Іуды изъ нашихъ рядовъ, — „одного изъ важныхъ государственныхъ преступниковъ“.

^{*)} Цитирую какъ это, такъ и слѣдующія мѣста изъ статьи о Закрытіи Отеч. Зап. по сборнику Литература социаль.-революц. Партіи. „Народная Воля“ Парижъ. 1905. стр. 693—696.

Опять, на чьей же сторонѣ успѣхъ, если слова даже Іуды, анафемаскаго отребья, вѣсать больше, чѣмъ увѣренія четырехъ русскихъ министровъ". „Таковы выводы, сами собой вытекающіе изъ правительственнаго сообщенія. Можно сказать, таковы мнѣнія правительства о своемъ собственномъ бѣсиліи и лживости. Ни въ томъ, ни въ другомъ мы никогда не сомнѣвались. Пока упрямая, тупая и своеобразная администрація не потыкнется для предоставленія законнаго мѣста свободнымъ представителямъ страны, до тѣхъ поръ русское правительство будетъ падать все ниже. И, наконецъ, падетъ. Мы ждемъ этого часа со спокойствіемъ людей, сознающихъ, что они плывутъ по теченію, съ презрѣніемъ къ тѣмъ, кто хочетъ задерживать историческую необходимость" (курсивъ мой).

Это было писано въ 1884 году, но это не единственная нелегальная статья Михайловскаго въ 1880-е годы. Въ самый разгулъ реакціи, въ 1889 году, отмѣченномъ въ русской жизни созданіемъ чисто крѣпостническаго института земскимъ начальниковъ, Михайловскій пишетъ двѣ передовыя статьи для начавшаго тогда издаваться заграничной органа „Самоуправленія“, которыя и были тамъ напечатаны въ №№ 3 и 4. До сихъ поръ въ литературѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни Михайловскаго. Между тѣмъ, такія свѣдѣнія для насъ тѣмъ болѣе важны въ данномъ случаѣ, что, кажется, Михайловскій не былъ по какимъ-то причинамъ доволенъ своимъ сотрудничествомъ въ „Сам.“ и, вѣроятно, прекратилъ бы его самъ, еслибъ не прекратился вскорѣ самый журналъ. „Самоупр.". Однако, и безъ пояснительныхъ свѣдѣній, благодаря которымъ можно бы получить полную картину отношенія Михайловскаго къ „Самоупр.“, — его статьи, напечатанныя тамъ, чрезвычайно любопытны, такъ какъ вскрываютъ душевную жизнь и настроеніе Михайловскаго конца 80-хъ г. Мы остановимся на этихъ статьяхъ возможно подробнѣе, ибо до сихъ поръ самый фактъ принадлежности ихъ Михайловскому почти не былъ извѣстенъ или во всякомъ случаѣ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе.

Одна изъ нихъ трагуетъ о ренегатствѣ Льва Тихомирова: „Намъ сообщаютъ о пріѣздѣ г. Тихомирова въ Петербургъ, — пишетъ Михайловскій, — нашъ бывшій товарищъ признаетъ полноправнымъ гражданиномъ Россійской Имперіи... Говорятъ, царь объявилъ, что принимаетъ его подъ свое личное покровительство. Г. Тихомировъ выгодно помѣстилъ свое покаяніе“...

Михайловскій не случайно называетъ Тихомирова „нашъ бывшій товарищъ“. Онъ имѣетъ на это двойное право — крупную роль, которую игралъ Тихомировъ въ революціонной средѣ 1870-хъ годовъ, начиная отъ кружка чайковцевъ и вплоть до „Народной Воли“, — и свои собственные отношенія къ тѣмъ же организаціямъ. Въмѣстѣ съ Тихомировымъ Михайловскій редактировалъ, если не прямо составлялъ, знаменитое письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ документовъ русскаго революціоннаго движенія. „Нашъ бывшій товарищъ“, въ примѣненіи къ Тихомирову, могло поэтому означать, какъ былая отношенія его съ революціонной средой вообще, такъ, въ частности, и съ самимъ Михайловскимъ. Но, кромѣ того, у Михайловскаго были, повидимому, помимо чисто дѣловыхъ, и болѣе интимныя встрѣчи съ Тихомировымъ. По крайней мѣрѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ о В. Н. Фигнерѣ (см. „Рев. Россію“ 54 №) онъ говоритъ, какъ одно описаніе именинъ ея въ Шлессельбургской крѣпости напомнило ему „свадьбу Льва Тихомирова“, конечно, подъ

чужимъ именовъ, ибо это было задолго до его превращенія. Для пущей представительности, — рассказываетъ Михайловскій, — я, будучи приглашенъ въ шафера, не помню уже, жениха или невесты, въ первый и послѣдній разъ былъ облеченъ во фракъ, — онъ былъ взятъ на прокатъ. Послѣ свадьбы вся компанія отправилась въ трактиръ къ Палкину и тамъ въ большомъ отдѣльномъ кабинетѣ былъ приглашенъ, послѣ веселаго ужина, таперъ и пошли танцы“....

Но вотъ Тихомировъ сдѣлался полноправнымъ гражданиномъ Россійской имперіи и даже „его бракъ, совершенный подѣ чужимъ именемъ, и происходящія отъ этого брака дѣти признаны законными“. „Въ искупленіе прошлыхъ грѣховъ“ ему предложено, правда, „удалиться на ивсколько лѣтъ въ Новороссійскъ на родину“, однако, если даже эта высылка состоится, а не выдѣтъ „только номинальной“, „то членъ Исполнительнаго Комитета, казвившій отца Александра III, потерпитъ наказаніе меньшее, чѣмъ какой нибудь студентъ за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ или за чтеніе запрещенныхъ книгъ. Жизнь такого студента надолго или навсегда; ему отрѣзаны всѣ пути къ дѣятельности“, — тогда какъ „передъ Тихомировымъ открывается новая карьера“. „Мы не думаемъ, однако, — говоритъ Михайловскій, — что-бъ новый полноправный гражданинъ Россійской имперіи, осыпанный царскими милостями, чувствовалъ себя хорошо. Впослѣдствіи и онъ, безъ сомнѣнія, акклиматизируется и, можетъ быть, даже когда-то горѣвшая революціоннымъ пламенемъ грудь его украсится императорскими и царскими орденами (какъ это нынѣ и дѣйствительно случилось) и успокоится подѣ ними. Но первые шаги его на новомъ пути фатально исполнены противорѣчій и колебаній“. На этихъ первыхъ шагахъ, фатально исполненныхъ противорѣчій и колебаній, Михайловскій и сосредоточиваетъ свою характеристику новаго положенія Тихомирова. Онъ не полемизируетъ съ нимъ и даже не негодуетъ по поводу его „новой карьеры“; онъ дѣлаетъ Тихомирова, благодаря его „обстановкѣ, исполненной противорѣчій и колебаній“, пошлымъ въ глазахъ читателя.

Заключенія Тихомирова начались съ самаго пріѣзда его въ Петербургъ.

„Въ Петербургѣ г. Тихомировъ, не смотря на высочайшее покровительство, окруженъ шпионами. Каждый его шагъ, каждое сказанное имъ написанное имъ слово извѣстны полиціи. При своей зрѣлой революціонной опытности, — говоритъ Михайловскій, — г. Тихомировъ не можетъ не видѣть этого. Его преданное самодержавному строю сердце должно обливаться кровью при видѣ такого недовѣрія. Онъ открыто разорвалъ съ своими прежними единомышленниками, но русское самодержавіе встрѣтило его не распростертыми объятіями, а тѣми же шпионскими глазами и ушами, которые такъ хорошо знакомы ему еще съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ врагомъ самодержавія. Судя по покаянной брошюрѣ, г. Тихомировъ вѣхаль въ страну идилическихъ отношеній между царемъ и подданными. Онъ видитъ, что русское самодержавіе попрежнему охраняется не любовью подданныхъ, а шпионами, жандармами и полиціей. Къ этому присоединяется личная обида недовѣрія и тѣ самыя неудобства положенія травимаго полиціей и муршерами звѣря, на которое г. Тихомировъ такъ горько жалуется въ своей покаянной брошюрѣ. Намъ жаль г. Тихомирова, но мы понимаемъ и это положеніе русскаго правительства“....

Противорѣчія и колебанія въ новомъ положеніи Тихомирова на

этомъ, однако, не кончаются. „Пріѣхавъ въ столицу, г. Тихомировъ отправился прямо въ Петропавловскій соборъ поклониться праху Александра II. Для одного изъ инициаторовъ событія 1 марта 1881 года этотъ театралный эффектъ былъ не лишнимъ. Не Перовской же, Михайлова и Желябова могилы разыскивать ихъ покаявшемуся другу и сотруднику. Но фатальная противорѣчивость начинаній покаявшагося члена Исполнительнаго Комитета отравила этотъ эффектъ. Съ точки зрѣнія нынѣшняго русскаго правительства Александръ II былъ революціонеръ и чествованіе его памяти меньше всего свидѣтельствуеетъ о политической благонадежности... Еще надняхъ самъ царь, положивъ мечъ Бренна на ту чашку вѣсовъ, гдѣ лежалъ проектъ разгрома земскихъ учрежденій, кстати уничтожилъ своимъ словомъ и половину мировой юстиціи. Г. Тихомировъ поторопился ѣхать въ Петропавловскій соборъ: онъ еще не акклиматизировался“.

„Высокопоставленныя лица, съ которыми приходится видѣться г. Тихомирову, — продолжаетъ Михайловскій, — пріятно поражены пылкостью его новой вѣры въ самодержавіе. Но нашему бывшему товарищу трудно войти въ кругъ идей, господствующихъ въ Россіи. Сколько намъ извѣстно, онъ не представилъ ни письменнаго, ни устнаго проекта обновленія Россіи, но намъ пишутъ, что онъ много занимаетъ своихъ чиновныхъ собесѣдниковъ разговоромъ о необходимости широкаго распространенія просвѣщенія. Въ этомъ — де спасеніе отъ язвъ революціи: только невѣжды и только по своему невѣжеству поступаютъ въ революціонные ряды. Такія рѣчи не могутъ не возбудить подозрѣнія въ средѣ Толстыхъ, Деляновыхъ и ихъ пріхвостней: г. Тихомировъ еще не акклиматизировался“.

Не акклиматизировался онъ и въ другихъ отношеніяхъ. „Въ своей покаянной брошюрѣ г. Тихомировъ прудумовательно выдѣлилъ царя изъ состава правительства. Жестокость, глухость и подлость русскаго правительства очевидны. Но самодержавный царь не подлеть и такой критикѣ. Если этотъ гимнъ былъ результатомъ расчета на царскую милость, г. Тихомировъ поступилъ практично. Не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія могъ онъ вернуться въ отечество. Но если г. Тихомировъ дѣйствительно вѣритъ въ самодержавіе Александра III, то ему предстоитъ горькое разочарованіе. Александръ III можетъ быть царемъ самодурнымъ и приказатъ Государственному Совету въ три мѣсяца рассмотреть никакъ не ожидавшуюся реформу мировыхъ учрежденій, но самодержецъ онъ только по имени. Не смотря на свой титулъ самодержца, онъ, по старой конституціонной формулѣ: „*regne, mais ne gouverne pas*“. Онъ царствуетъ, а управляетъ Россіей Толстой съ Побѣдоносцевымъ. Г. Тихомировъ на себѣ испыталъ это. Прибывъ въ Россію съ высочайшаго соизволенія, онъ очутился во власти полиціи и цензуры, которыя не позволили ему даже повторить тотъ гимнъ самодержавія, который онъ свободно спѣлъ заграницей, или изложить варианціи на него въ „Новомъ Времени“*).

„Тихомировъ, по его собственнымъ словамъ, — говоритъ Михайловскій, — много кривилъ душой въ послѣдніе годы своей революціонной дѣятельности. Мы не знаемъ мѣры его теперешней искренности, — продолжаетъ онъ, — но положеніе его продолжаетъ быть ложно на новой почвѣ. Синица надѣлала много шума, но моря не

*) Михайловскій имѣлъ здѣсь въ виду запрещеніе первой же статьи Тихомирова въ «Новомъ Врем.» — первая же его статья для «Нов. Врем.», отвѣтъ Лаврову и Серебрякову, была представлена въ цензуру и запрещена.

зажгла и стала вить себѣ гвѣздо. Это ея личное дѣло, насъ не интересующее. Общій интересъ представляютъ только иллюзіи самодержавія, искренне или не искренне возвышенныя г. Тихомировымъ.“

Смыслъ этихъ общихъ иллюзіи самодержавія, съ точки зрѣнія Михайловскаго, для насъ понятенъ. „Александръ III можетъ быть царемъ самодурнымъ... но самодержецъ онъ только по имени.“ Такова основная иллюзія самодержавія въ характеристикѣ его Михайловскимъ. Но это только основная, а не единственная. вѣриѣ, одна изъ основныхъ его иллюзіи, тогда какъ Михайловскій во второй изъ своихъ статей, напечатанныхъ „Самоуправленіемъ“, вскрываетъ другую характерную особенность самодержавія, чрезвычайно существенную по своему значенію.

„Пусть умираетъ Россія, лишь были бы задужены крамолы“, — вотъ девизъ императорской Россіи 1880-хъ годовъ. „Тысячи русскихъ людей сидятъ по тюрьмамъ и разнымъ отдаленнымъ и не столь отдаленнымъ мѣстамъ. Тысячи русской молодежи подъ разными предлогами не допускаются къ среднему и высшему образованію. Казацкія нагайки хлещутъ на улицахъ первопрестольной столицы студентовъ, виновныхъ въ томъ, что имъ данъ сумасшедшій инспекторъ. Земство не смѣетъ пикнуть и едва держится на волоскѣ, конецъ котораго находится въ рукахъ Толстого. Печать связана по рукамъ и по ногамъ. Полиція покрыла Россію, какъ саванъ мертвеца.“ (см. „Самоуправленіе“ № 3).

Казалось бы, что такое правительство всесильно, на самомъ же дѣлѣ оно дѣтски-безпомощно на каждомъ своемъ шагѣ. Возставая противъ крамолы, оно гонитъ всѣ зачатки культуры въ странѣ въ чемъ бы они не проявились и, губя Россію, роетъ яму вмѣстѣ съ тѣмъ и самю себѣ...

Та сторона дѣятельности правительства, которую въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду Михайловскій, вскрылась аяющей раной въ эпоху японско-русской войны, доказавшей полное банкротство бюрократіи даже въ ея собственномъ дѣлѣ. Въ 80-ые годы никто не ждалъ еще такой катастрофы, хотя лично Михайловскій обращалъ вниманіе, правда, очень бѣгло, и не съ тѣмъ, чтобы быть пророкомъ, на японскій милитаризмъ еще въ 1873 году.*) Александръ III былъ миротворцемъ, — о войнѣ во время его царствованія никто не думалъ, и тѣмъ не менѣе даже на фактахъ, свидѣтельствующихъ, казалось бы, о внутреннемъ процвѣтаніи Россіи и даже особой благодати надъ ней и ея царствующимъ домомъ, можно уже было замѣтить симптомъ возможной, въ извѣстныхъ случаяхъ, огромной катастрофы. Такимъ симптомомъ, въ глазахъ Михайловскаго, напимѣръ, сдѣлалось, какъ это ни странно, чудесное спасеніе царской фамиліи 17 октября 1889

*) См. ст. «На вѣнской всемирной выставкѣ» т. II, «Сочин.» стр. 403. «Въ японскомъ отдѣлѣ дворца промышленности» — говоритъ здѣсь между прочимъ Михайловскій, «все подъ стать маленькимъ узкоглазымъ человечкамъ; все такое мнелѣное, чистенькое, аккуратное, отчетливое и ясное... Тамъ же стоятъ страшные пресстрашные латы и шлемы въ видѣ чудовищныхъ какихъ то рожъ. Должно быть японцы пошмаютъ — пронизируетъ Михайловскій, — что ихъ собственными маленькими и миленькими рожками нѣтъ никакой возможности устратить врага. Впрочемъ, — оговаривается снѣ, — теперь, когда (писано въ іюнѣ 1873 г.), японцы обзавелись пушками и прусскими фельдфебелями, дѣло пойдетъ у нихъ иначе». И дѣйствительно пошло иначе.

года при крушеніи императорскаго поѣзда на Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ. „Богъ спасъ“, — говоритъ, шпешетъ, телеграфируетъ царь. „Богъ спасъ“ — поздравляютъ царя въ вѣрноподданническихъ адресахъ. Богъ спасъ, а не охрана, на которую тратятся милліоны и, не царевы слуги, которые искореняютъ крамолу — проицируетъ Михайловскій въ выше цитированной статьѣ „Самоуправленіа“ — „Громъ грянулъ, но правительство не перекрестилось.“ Русскія газеты рассказали послѣ крушенія исторію многолѣтнихъ старашій Харьковскаго земства обратить вниманіе правительства на Харьковско-Азовскую желѣзную дорогу. Восемь лѣтъ вопіяло земство о безпорядкахъ по управленію и эксплуатаціи дороги, о несчастіяхъ, случавшихся на ней. Но царевы слуги, занятые искорененіемъ крамолы, предпочли дожидаться, чтобы только Богъ спасъ царя. Они „охряняли“ политически благонадежную дорогу и травили земство, какъ политически неблагонадежное, какъ органъ крамолы. Предъ самымъ крушеніемъ сожгли книгу Де-Скороховскаго, обличавшую русскіе желѣзнодорожные порядки; гласность всегда была неблагонадежна, книги — всегда крамола. Заглушая всякій свободный голосъ въ Россіи, они подготовили крушеніе 17 октября.“ И еслибъ царь со всей своей семьей погибъ на Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ, онъ палъ бы жертвой не крамолы, а той борьбы съ крамолы, той жестокой и слѣпой борьбы, которая видитъ панацею въ полиціи.“

„Не наше дѣло спасать царей, — продолжаетъ Михайловскій, — но неужели и на этотъ разъ Россія ограничится вѣрноподданническими адресами съ выраженіемъ радости, что только Богъ спасъ царя, а не скажетъ громко: „царю, царю, что мя говиши?“ — Правительство уже привело Россію къ культурной гибели и застою. — Цѣлыя деревни гниютъ въ сифилисѣ и вырождаются, благодаря отсутствію врачебной помощи; крестьянскія дѣти, норученныя заботамъ церковно-приходскихъ школъ, растутъ въ невѣжествѣ, поразившемъ даже Архіепископа Херсонскаго. А въ это время закрываются женскіе медицинскіе курсы и другія женскія учебныя заведенія, изъ университетовъ изгоняются лучшіе профессора, возвышается плата за ученіе, вводится въ дѣло народнаго просвѣщенія сословный элементъ.“ — Но мало того. — „Сверхъ хроническаго горя родителей, о которомъ говорилъ въ своихъ лицемѣрныхъ рѣчахъ Деляновъ, сверхъ хроническаго выколачиванія недоимокъ, сверхъ болѣзней и вырожденія деревенскаго населенія Россію можетъ постигнуть острое несчастье — война. Въ распоряженіи правительства окажутся, кромѣ пушечнаго мяса, только политически благонадежные подрядчики, поставщики картонныхъ подошвъ, гнилыхъ сухарей и другіе мошенники. Желать ли этого несчастья для Россіи или тогда генералъ Ванновскій будетъ замѣненъ другимъ генераломъ? Богъ можетъ спасти царей, но народы спасаются сами.“

И русскій народъ не исключеніе изъ ряда другихъ. „Тѣхомировъ напрасно ссылался на тотъ идеалъ царя, который будто бы живетъ еще въ сердцахъ милліоновъ русскаго крестьянства. Съ каждымъ днемъ этотъ идеалъ меркнетъ, потому что онъ ничѣмъ не отаивается въ дѣйствительной жизни. Въ послѣднихъ (т. е. 80-хъ г.) аграрныхъ и другихъ безпорядкахъ царь, какъ послѣднее пристанище и верховный защитникъ, уже не упоминается. Этотъ созданный народною фантазіей образъ отходитъ въ вѣчность.“ И пусть — „правящая

въ Россіи фирма „Толстой и Ко“ не хващаетъ уничтоженіемъ кра-
молы, достигнутымъ ея жестокимъ управленіемъ.“ — „Это затишье пер-
едъ бурей. Чѣмъ дальше просуществуетъ фирма, тѣмъ больше озло-
бленія накопится во всёхъ слояхъ общества и тѣмъ страшнѣе будетъ
взрывъ, когда наступитъ его часъ.“

Евг. Колосовъ.

Автографъ Н. К. Михайловскаго.

(Взято изъ его черновыхъ набросковъ по исторіи революціоннаго движенія.)

1881

Идеология	1 лист
Историческая справка	26-28 листов
Кругъ влияния, Малая Россия, Украина, Польша, Финляндия и Швеция	3 листа
Идеология и история России	29 листов
Модернизмъ Свободы и Терапия	19 листов
Историческая справка	
82	
История Свободы	6 листов
История Свободы	13 листов
Идеология Свободы	18 листов
Кругъ влияния и Финляндия	28 листов
Историческая справка и история Свободы	16 листов
История, 22-я (История, Польша, Финляндия, Швеция, Украина, Польша, Финляндия, Швеция, Украина, Польша, Финляндия, Швеция)	9-15 листов
Кругъ влияния	19 листов

Судъ и пытка.

Быль недавно въ Петербургѣ судъ; судили шестерыхъ преступниковъ за участіе въ убійствѣ царя. Судъ былъ обставленъ, какъ извѣстно, торжественно; печать и правительство наперерывъ другъ передъ другомъ восхваляли все нелицепріятіе, справедливость и даже снисходительность къ подсудимымъ. Кончился знаменитый „гласный, скорый, правый и милостивый“ судъ, прочитали приговоръ о смертной казни и вотъ... началось то злодѣйское ехидное и подлое истязаніе людей, которое въ средніе вѣка называлось пыткой, а въ нашъ... но пусть каждый человекъ съ чувствами и мыслью самъ дастъ кличку этому позорному дѣянію. Да, былъ судъ — и была пытка!

Преступники пробовали во всеуслышаніе кричать народу о перенесенныхъ мученіяхъ, произведенныхъ надъ ними въ промежутокъ между „справедливымъ“ судомъ и казнью. Но только одному несчастному Рысакову удалось произнести ужасающія по лаконизму слова: „насъ пытали“! Барабанный бой прекратилъ дальнѣйшее; этого мало. Правительственные опричники, бывшіе при пыткѣ и тѣ не выдерживаютъ зрѣлища ея: они болѣютъ, съ ними дѣлаются галлюцинаціи, бредъ; они невольно раскрываютъ о всемъ видѣнномъ, знакома общество съ закулисной стороной пресловутаго гласнаго суда!*)

Мы — мирные жители. Мы не принадлежимъ ни къ террористамъ, ни просто къ революціонерамъ. Мы обыкновенные люди съ обыкновенными человѣческими чувствами. Но мы возмущены до глубины души тѣмъ, что творится въ мрачныхъ нѣдрахъ нашихъ казематовъ съ политическими преступниками.

Обращаемся къ россиянамъ съ вопросомъ: имѣетъ ли правительство право такъ нагло обманывать все государство, цѣлые 90 милліоновъ, выставляя съ казоваго конца законный, гласный судъ и пряча подъ полой кнутъ, тиски, колодки, дыбы и прочія адскія орудія насилія человѣческой личности?...

У русскаго народа есть пословица: „лежачаго не бьютъ.“

*) Наконецъ, само правительство создало невыгоду впечатлѣнія казни пытаныхъ преступниковъ, не имѣющихъ силъ держаться на ногахъ отъ жесткихъ мученій — и отменило ея публичность. Что ожидаетъ теперь несчастныхъ, лишенныхъ даже поверхностнаго наблюденія зрителей, догадаться не хѣтъ

Народъ не создаетъ по-пусту своихъ пословицъ, и онъ строго блюдетъ ихъ. Но правительство наше не хочетъ знать ничего. Въ своей злобѣ оно попираетъ въ грязь и народную мудрость и христіанскія начала. Оно не довольствуется приговорами къ висѣлицѣ; его не удовлетворяетъ отнятіе жизни. Ему, какъ бѣсноватому юродивому, нужны кровь, крики, раздробленные члены. И оно неистовствуетъ...

Спокойные граждане! Имѣете ли вы духу благодушно заниматься своими дѣлами, слыша стenanія мучениковъ, нашихъ братьевъ, сдавленныхъ рукою палача въ подземельяхъ и заглушенные боемъ барабановъ на площади? Мы отвѣчаемъ за себя — не можемъ.

Мирные обыватели.

Редакція «Чернаго Передѣла» охотно исполняетъ просьбу «Мирныхъ обывателей» и печатаетъ ихъ протестъ, такъ какъ за отсутствіемъ «свободнаго легальнаго слова» въ Россіи революціонная оппозиція не имѣетъ возможности высказать свое мнѣніе.

Отъ ред. — Воспроизводимъ безъ какихъ-либо выпусковъ очень рѣдкую прокламацию 1881 г. по поводу суда и казни Желязова, Перовской, Кибальчича, Михайлова и Рысакова. — Смертній приговоръ Гесси Гельманъ по тому же процессу былъ замѣненъ вѣчною каторжной работой. Она умерла въ началѣ 1882 г. въ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

Одинъ изъ ликвидаціонныхъ процессовъ.

4-го ноября 1906 г. въ Полтавѣ въ 9 час. вечера былъ убитъ начальникъ квартировавшей здѣсь дивизіи г.-м. Полковниковъ. Первое время немедленно начатое полицейское дознаніе не добыло уличавшихъ кого-либо данныхъ. По словамъ мѣстнаго офиціоза: „Полтавскаго Вѣстника“, изложившаго въ № отъ 5-го ноября результаты полицейскаго дознанія, — дѣло обстояло такъ.

По пустынной, слабо освѣщенной нѣсколькими керосиновыми фонарями, Екатерининской улицѣ гулялъ военный писарь Петровъ съ прислугой преподавателя мѣстной мужской гимназіи, Дороховой; на противоположной сторонѣ улицы стояли лошади генерала, который въ этотъ день долженъ былъ открытъ очередные вечера въ мѣстномъ офицерскомъ собраніи. Кромѣ Дороховой, Петрова и Андриенко — кучера генерала — на улицѣ никого, повидимому, не было вплоть до выхода Полковникова. Когда же онъ вышелъ и сѣлся въ экипажъ, — изъ-за растущихъ вдоль тротуара кустовъ показался какой-то человѣкъ, который быстро приблизился къ нему и два раза выстрѣлилъ въ упоръ. Испуганныя лошади дернули и понесли; отъ толчка убитый генераль упалъ на мостовую; Дорохова и Петровъ припались къ забору земскаго склада. Въ этотъ моментъ раздался еще одинъ выстрѣлъ, и Петровъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упалъ на тротуаръ. Стрѣлявшій побѣжалъ по направленію къ темному переулку, вслѣдъ за помчавшимся экипажемъ. Лица его Дорохова не разглядѣла, благодаря волненію и темнотѣ. Одѣтъ же онъ былъ въ сѣрую солдатскую шинель съ блестящими пуговицами. Бросившись къ Петрову, Дорохова нашла его противъ земскаго сельско-хозяйственнаго склада еще живымъ.

„Въ этотъ моментъ изъ земской телефонной станціи выглянуть какой-то мужчина, вѣроятно, служащій; онъ вынесъ по моей просьбѣ стаканъ воды, но приподнятіи нами Петровъ не могъ уже принять воды и тутъ же скончался. Я побѣжала на Кузнечную улицу, къ Полковой канцеляріи, сообщила тамъ о случившемся постовому городовому и писарямъ канцеляріи, изъ которыхъ два, кажется, побѣжали на мѣсто происшествія.

Я разомъ съ городовымъ возвратилась тоже на мѣсто происшествія; тутъ же вскорѣ подошелъ полицейскій чиновникъ, вѣроятно, приставъ. Въ то время, когда совершилось убійство, на той улицѣ, какъ нарочно, никого рѣшительно, нигдѣ не было видно изъ людей“.

Когда Дорохова побѣжала извѣстить о случившемся — къ мѣсту событія на одноконномъ извозчикѣ подъѣхали двѣ служащія женскаго епархіальнаго училища Марченкова и Троицкая. Наткнувшись въ темнотѣ на трупъ Полковникова, онѣ приняли его за пьянаго и послали извозчика оттащить его въ сторону. Къ ихъ ужасу, пьяный оказался убитымъ офицеромъ! Тогда Марченкова, потерявъ, по словамъ болѣе спокойной и уравновѣшенной Троицкой, голову, бросилась къ калиткѣ гимназическаго сада, стукомъ и крикомъ призывая на помощь. Въ этотъ моментъ къ ней подошелъ какой-то человекъ и, толкнувъ ее нѣсколько разъ въ спину, вполголоса проговорилъ: — Дура, сумасшедшая! Чего ты кричишь?! Чего тебѣ надо?!

Кто былъ этотъ таинственный незнакомецъ — слѣдственнымъ властямъ такъ и не удалось установить. Марченкова не могла указать его примѣты, а Троицкая отрицала даже самый фактъ подобнаго милаго разговора. Но какъ бы то тамъ ни было — ни Дорохова, ни эти двѣ свидѣтельницы не дали никакихъ указаній, руководясь которыми слѣдственные власти могли бы направить розыски виновнаго или виновныхъ въ болѣе или менѣе опредѣленную сторону.

Въ этомъ смыслѣ ничтожна была и помощь добровольцевъ. Она свелась фактически только на подготовку почвы для привлеченія къ отвѣтственности не одного, какъ можно было бы предполагать, основываясь на показаніяхъ Дороховой, а нѣсколькихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи самая крупная „заслуга“ принадлежать швейцару театра Рудю. Онъ сообщилъ полиціи о какихъ-то двухъ субъектахъ, наблюдавшихъ въ раздѣвальной театра, по его мнѣнію, за Полковниковымъ днѣй за 10 до убійства, и указать на примѣты. Одинъ изъ нихъ носилъ гимназическую форму, другой — короткое пальто, большую черную папаху и высокіе сапоги.

Положительной стороной добытыхъ полицейскимъ дознаніемъ давнихъ, такимъ образомъ, можно было признать опредѣленность картины событія. За то у полицейскихъ и иныхъ властей не было ничего столь же опредѣленнаго о личности главнаго участника этой драмы — для нихъ онъ (или они) оставался еще въ полномъ смыслѣ слова некоей величиной. Очевидно, что имъ приходилось прибѣгнуть къ испытанному образу дѣйствій. Полиція и разослала по уѣздамъ предписаніе „разыскать и арестовать“ убійцу Полковникова, предприняла „на авось“ цѣлый рядъ обысковъ и „на авось“ же арестовала Сергѣя Кириллова. Съ этого момента и вплоть до конца арестовъ — не-

лѣпныхъ, случайныхъ, какъ и арестъ Кириллова, она пыталась свалить отвѣтственность на первыхъ попавшихся, подозрительныхъ ей лицъ. Однако, первый блинъ выпелъ комомъ. Несмотря на то, что Кирилловъ обладалъ всѣми качествами „подозрительнаго человѣка“ — онъ былъ исключенъ изъ мѣстной гимназіи, приходился братомъ разыскивавшемуся тогда по дѣлу объ убійствѣ въ той же Полтавѣ Дмитрію Кириллову*), не имѣлъ опредѣленныхъ занятій и т. д. — противъ него трудно было подобрать даже косвенныя улики. Да и alibi его было установлено чуть ли что не на первомъ допросѣ. Все таки его продержали около мѣсяца и выпустили только тогда, когда „слѣдъ убійцы“ отыскался, наконецъ, — болѣе, чѣмъ случайно, въ Кременчугѣ.

Въ Кременчугѣ и посейчасъ живетъ „крамольная“ семья Бабкиныхъ. Одинъ членъ ея, Соломонъ (Шулимъ), проживалъ тогда нелегально по паспорту Гарина, такъ какъ въ 1904 г. онъ бѣжалъ отъ воинской повинности за границу. По возвращеніи онъ работалъ въ портняжной мастерской и жилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, столяромъ. Въ квартирѣ имѣлся свободный уголъ, который Бабкины сдали нѣкому Семену Непочатову. Черезъ день послѣ того, какъ этотъ послѣдній переѣхалъ къ нимъ, его арестовали на улицѣ по обвиненію въ вымогательствѣ денегъ у табачнаго фабриканта Володарскаго „на организацію безпартійной боевой дружины“, цѣлью которой была „борьба со всякаго рода насиліемъ“. При арестѣ перепуганный Непочатовъ указалъ и свою квартиру и квартиру двухъ ученицъ фельдшерской школы, гдѣ хранилась печать этой дружины. Такъ какъ Гаринъ во время обыска былъ дома и показался достаточно подозрительнымъ производившему обыскъ приставу Трусевичу, то онъ вмѣстѣ съ Непочатовымъ попалъ сначала въ участокъ, а затѣмъ и въ тюрьму. Заподозрѣнный въ соучастіи Бабкинъ обратилъ на себя вниманіе начальника тюрьмы Милькомановича, и послѣдній посадилъ его въ одну камеру съ нѣкимъ Ковалевымъ, услугами котораго „по службѣ внутренняго наблюденія“ онъ пользовался. А для большій продуктивности работы Ковалева, онъ его снабдилъ „надлежащими инструкціями“, представлявшими квинтъ-эссенцію опубликованныхъ „Полтавскимъ Вѣстникомъ“ (офиціозомъ) данныхъ по „дѣлу объ убійствѣ г.-м. Полковникова“.

Благодаря такой постановкѣ „дознанія“ или „слѣдствія“ (трудно подобрать подходящій терминъ) элементъ случайности въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія дѣла такъ тѣсно переплелся съ элементомъ плановѣрности, что первое время полтавскія

*) Д. Кирилловъ пріѣхалъ въ іюнѣ 1907 г. на границу въ Александрово и тамъ попалъ въ руки жандармовъ. Его привезли въ Полтаву, судили и приговорили къ смертной казни съ ходатайствомъ о замѣнѣ 20 г. каторжныхъ работъ. Ходатайство было уважено и Кирилловъ теперь, какъ говорятъ, въ Московской Центральной пещерной тюрьмѣ.

власти, повидимому, вполне искренно вѣровали въ реальность оговоровъ Ковалева. Но вина въ этомъ отнюдь не падаетъ на Бабкина — помимо случайности ареста, помимо случайности заключенія въ одну камеру съ Ковалевымъ, главная причина успѣшности заключалась въ случайной встрѣчѣ въ тюрьмѣ Бабкина съ нѣкимъ И. З., знавшимъ его по Полтавѣ.

Бабкина нельзя винить, повторяю, потому, что съ его стороны не было ничего такого, чего не бываетъ обычно въ тюремной обстановкѣ — да и отношенія его къ Ковалеву съ перваго же дня опредѣлились отношеніями къ послѣднему тюремнаго населенія. Отношенія же эти были, по меньшей мѣрѣ, враждебны, что вызывалось отчасти тѣмъ, что Ковалевъ долгое время содержался въ той же тюрьмѣ на уголовномъ положеніи (по обвиненію въ цѣломъ рядѣ правонарушеній — отъ вымогательства пятиалтыннаго до торговли живымъ товаромъ включительно), отчасти и его неумѣніемъ подойти къ „политикѣ“, понять ея психологію. Онъ, напримѣръ, называлъ себя болгарскимъ полковникомъ, принимавшимъ, въ качествѣ добровольца, участіе въ русско-японской войнѣ и заявлялъ, что былъ удостоенъ чести представиться государю. Поэтому, Ковалеву не пришлось бы сыграть предназначавшейся ему роли, если бы не указанная мной выше случайность.

И. З. на общей прогулкѣ узналъ, что въ первыхъ числахъ ноября Бабкинъ пріѣзжалъ въ Полтаву и, согласно установившемуся въ нашихъ тюрьмахъ обычаю, заговорилъ объ общихъ знакомыхъ. Къ слову пришлось упомянуть и мое имя и Стеблинъ-Каменской, моей квартирной хозяйки, такъ какъ Бабкинъ прожилъ у меня нѣсколько дней. При разговорѣ присутствовалъ и Ковалевъ, и черезъ нѣсколько дней Бабкинъ и Вескеръ были отправлены въ кандалахъ и подъ сильнымъ конвоемъ въ Полтаву. Туда же отправили и Ковалева, съ цѣлью посадить ко мнѣ.

Меня арестовали 29 ноября 1906 г., т. е. днемъ позже, чѣмъ Бабкина и по совершенно иному поводу.

Мѣстной жандармеріи донесли, что вечеромъ 29-го будутъ переноситься какимъ-то с.р. экспроприированныя на станціи „Полтава-Сортировочная“ револьверы. По распоряженію ротмистра Флоринскаго было организовано „наружное наблюденіе“, т. е., попросту говоря, засады изъ филеровъ и городовыхъ, и меня арестовали на Ново-Николаевской улицѣ. При обыскѣ нашли два револьвера системы „Наганъ“ съ указанными въ накладной Тульского Импер. Оруж. Завода на имя константиноградскаго исправника номерами, зашифрованную бумажку и письмо изъ арестантскихъ ротъ въ тюрьму. Послѣ допроса меня сначала увели въ роты, а черезъ два дня перевели въ тюрьму.

Переводъ этотъ былъ для меня совершенной неожиданностью и, пожалуй, своего рода откровеніемъ, такъ какъ въ тюрьму

сажали „опасныхъ государственныхъ преступниковъ“, каковымъ, насколько я могъ судить раньше, ни при арестѣ, ни при допросѣ меня не считали. Почти мѣсяцъ пребыванія въ тюрьмѣ (до перевода въ мою камеру Ковалева) подтвердилъ мое предположеніе о связи перевода съ измѣненіемъ ко мнѣ отношеній жандармовъ и полиціи. Все это время мнѣ приходилось бороться съ режимомъ „особаго заключенія“ и выслушивать многочисленные намеки тюремныхъ властей.

Какъ ни великолѣпно была проведена система полной изоляціи (изъ „политиковъ“ на всемъ корридорѣ сидѣлъ только одинъ я), я завелъ всетаки знакомство съ людьми, болѣе освѣдомленными о тюремныхъ и „вольныхъ“ дѣлахъ — съ многими уголовными сосѣдями. Благодаря этому, я все время заключенія въ тюрьмѣ (до 28 января) былъ въ курсѣ новостей, и въ одинъ прекрасный день (это было 29 дек.) мнѣ простучали о прибытіи въ тюрьму „кременчугскаго провокатора“ Ковалева. 30-го декабря Ковалева перевели въ мою камеру.

На меня тогда же выборъ администраціи произвелъ странное впечатлѣніе. Почти безграмотный, по внѣшности и акценту — еврей, Ковалевъ отрекомендовался мнѣ окончившимъ четыре факультета, болгарскимъ полковникомъ, славяниномъ, православнымъ... Столь же неудаченъ былъ дебютъ Ковалева и во всѣхъ отношеніяхъ — рассказъ его объ арестѣ и причинахъ его, рассказъ о „женѣ“ и т. д.

Я не беру на себя смѣлости дословно изложить эти милые рассказы — для этого нужно быть талантливымъ беллетристомъ. Я изложу только схему ихъ.

На первомъ планѣ стояла круглая и точная сумма, пожертвованная имъ Одесскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. — 5020 руб., на какую Комитетъ ему выдалъ и росписку („именную и съ печатью“). Эта росписка случайно выпала изъ его кошелька, когда онъ въ Кременчугскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка получалъ свое жалованье — и была поднята „какимъ-то еврейчикомъ“. При выходѣ изъ Банка къ Ковалеву подошелъ околоточный надзиратель и „попросилъ разрѣшенія“ обыскать. При обыскѣ нашлась злосчастная росписка и Ковалевъ попалъ въ кременчугскую тюрьму. Не желая съ нимъ разставаться, жена его заявила, что часть пожертвованія сдѣлана ею — и „теперь сидитъ съ нѣкоей Стеблинъ“.

Такимъ образомъ, помимо того, что изъ этихъ рассказовъ я вывелъ полное подтвержденіе сообщеннаго мнѣ наканунѣ — я отъ Ковалева, цѣнность котораго въ смыслѣ „сердцевѣденія“, какъ мнѣ казалось, должна была стоять не высоко въ глазахъ администраціи, ибо онъ не заявлялъ себя членомъ какой-либо революціонной партіи или группы — узналъ и объ арестѣ моей квартирной хозяйки — А. Н. Стеблинъ-Каменской, и о томъ, что къ ней подсадили субъекта въ стилѣ „Ковалевъ“.

А. Н. арестовали въ среднѣхъ числахъ декабря 1906 года

уже въ качествѣ привлекающейся по „дѣлу объ убійствѣ г.-м. Полковникова“. Тѣмъ не менѣе, не желая заранѣе открывать своихъ картъ, слѣдственные власти ее не допрашивали и въ отвѣтъ на ея запросъ о причинахъ задержанія, ссылались на всеобъясняющую 21 ст. положенія объ усиленной охранѣ. Мнѣ же тогда уже было предъявлено обвиненіе по 1 п. 126 ст. уг. ул. Поэтому ни я, ни она, ни наши семьи не представляли себѣ всѣхъ возможныхъ осложненій, которыя всплыли почти внезапно, когда на допросѣ, въ ночь на 4 января 1907 г., служанка А. Н. — Нестеренкова, подѣ угрозой „заключенія въ арестантскія роты“ (см. ея показанія на судѣ), дала рядъ „цѣнныхъ“ показаній. Дата 4-го января явилась съ этого момента верстовымъ столбомъ, обозначающимъ новый этапъ развитія „дѣла объ убійствѣ Полковникова“, — съ этого момента насъ официально привлекли къ отвѣтственности по этому дѣлу.

Въ связи съ показаніями Нестеренковой администрація арестовала другого квартиранта А. Н. — земскаго статистика Дорошенко, ея дочь Ольгу и жившаго со мной въ одной комнатѣ Парфенова (его черезъ двѣ недѣли выпустили, не предъявивъ ему никакого обвиненія). При обыскѣ на квартирѣ Стеблинъ-Каменской, въ комнатѣ Дорошенко нашли сѣрое офицерское пальто. Кромѣ того, Нестеренкова на вышеупомянутомъ допросѣ показала, что въ то время, когда у меня жилъ Бабкинъ — „французъ“, въ комнатѣ у Дорошенко проживалъ нѣкто „Микола“, который, какъ она слышала, „теперь за крѣпкими стѣнами“. Изъ числа предъявленныхъ ей для опознанія „Микола“ карточекъ заключенныхъ въ ротахъ и тюрьмѣ она указала на карточку Н. Троцкого.

Совершенно отдѣльно отъ этого послѣдовательнаго подбора обвиняемыхъ стоятъ аресты Болотинскаго, Лизы Аграновичъ и др. Тутъ нѣтъ ни непосредственнаго знакомства межъ отдѣльными обвиняемыми (напр., Вскеръ съ Бабкинымъ; Бабкинъ — со мной; я — съ А. Н., Дорошенко, О. Стеблинъ-Каменской, Парфеновымъ; эти послѣдніе — съ Троцкимъ), нѣтъ и искусственно объединяющаго свидѣтеля Ковалева, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Болотинскому. Но зато здѣсь чувствуется извѣстная напряженность, съ какой администрація взялась за созданіе „дѣла объ убійствѣ г.-м. Полковникова“. Изъ всѣхъ арестованныхъ подѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ циркуляра, предписывавшаго „розыскать и арестовать убійцъ Полковникова“, и показаній Ковалева, кромѣ 8 человекъ, никого къ отвѣтственности ни привлекли, такъ какъ благонадежность ихъ послѣ допроса стала настолько очевидной, что ихъ всѣхъ освободили. Освободили и Лизу Аграновичъ, игравшую, по мнѣнію Ковалева, не малую роль, а ея мужа даже не арестовали, хотя, какъ увидимъ дальше, ему приписывалось непосредственное участіе въ драмѣ. Ихъ обоихъ оговорилъ Ковалевъ, тотъ самый Ковалевъ, который далъ толчекъ „дѣлу“,

и, тѣмъ не менѣе, администрація обвиняемыми выбрала не ихъ, а абсолютно съ нами не связаннаго Болотинскаго, потому что въ ея глазахъ доносъ личнаго недруга его былъ достаточнымъ поводомъ для привлеченія. Болотинскій очень часто ссорился со Щербакомъ — рабочимъ той малярной мастерской, гдѣ онъ самъ работалъ. Пріѣхавъ изъ Полтавы, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ террористическаго акта, совершеннаго членомъ симпатичной ему партіи, Болотинскій при встрѣчѣ со Щербакомъ разсказалъ ему объ этомъ актѣ. Весьма вѣроятно, что дѣло именно такъ и происходило, какъ его рисуетъ Щербакъ. Болотинскій и Щербакъ, оба неграмотные почти, могли подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени „сочувствовать“ той или иной партіи и считать ее своей. Болотинскій, насколько мнѣ извѣстно, въ самомъ дѣлѣ не принадлежалъ ни къ какой партіи.

Щербакъ, желая отомстить своему недругу, отправился къ исправнику, изложилъ ему содержаніе разговора — и Болотинскаго арестовали, какъ участника дѣла „нашей партіи“. Его перевели въ Полтавскую тюрьму, такъ же какъ и меня и Бабукина, и продержали нѣсколько дней съ Ковалевымъ.

Связь перечисленныхъ арестовъ съ опредѣленнымъ и притомъ, по отношенію къ семи изъ нихъ, однимъ и тѣмъ же источникомъ, откуда администрація почерпала надлежащія указанія, болѣе чѣмъ очевидна. Для меня, источникъ этотъ съ того момента, когда Ковалева перевели отъ меня къ Болотинскому, былъ извѣстенъ, чего нельзя было сказать о моихъ сопроцессникахъ. Но, и зная его, трудно было представить себѣ такіе „невѣроятныя возможности“, съ которыми намъ пришлось впоследствии имѣть дѣло. Изъ насъ, обитателей квартиры А. Н. Стеблинъ-Каменской, къ событію 4-го ноября никто не имѣлъ отношенія; по своему общественно-политическому міровоззрѣнію мы занимали совершенно разныя, почти непримиримыя позиціи; въ еще большей степени послѣднее обстоятельство имѣло мѣсто по отношенію къ Векеру, члену Береславльскаго (Херсонск. губ.) отдѣла Союза русскаго народа. Вотъ эти-то соображенія вызывали цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Конечно, теоретически мы считали вполне законнымъ такое положеніе вещей въ Россіи, странѣ всѣхъ возможностей. Но на собственномъ опытѣ... Было трудно свыкнуться съ новымъ нелѣпымъ вторженіемъ въ нашу жизнь и съ „непонятнымъ“ привлеченіемъ по совершенно чуждому намъ дѣлу.

Одно только было для насъ несомнѣннымъ, — элементъ случайности отпалъ потому, что такова была воля Ковалева, выражавшая послушно волю „пославшихъ его“. Несомнѣнно было и то, что до суда онъ играетъ роль фактически неопровержимаго свидѣтеля, борьба съ которымъ, при условіяхъ полнаго незнакомства съ характеромъ его „дѣятельности“, была

не по силамъ намъ. А знакомству этому законодатель ставилъ преграды, отрицая состязательную систему слѣдствія.

Лишь когда слѣдствіе закончилось и намъ была предоставлена полная возможность ознакомиться со слѣдственнымъ матеріаломъ, мы въ силахъ были начать борьбу съ Ковалевымъ, борьбу, нужно сознаться, нѣсколько запоздалую. Это съ одной стороны. Съ другой — мы по прочтеніи всѣхъ трехъ объемистыхъ тетрадей дѣла могли себѣ представить детально тотъ аппаратъ, работа котораго создала матеріаль „по дѣлу объ убійствѣ г.-м. Полковникова“.

Въ общемъ схема его была въ достаточной мѣрѣ примитивна, а, по теперешнимъ временамъ, и обыденна. Передаточнымъ колесомъ его служилъ Ковалевъ. Онъ связывалъ и подкрѣплялъ своими показаніями показанія другихъ свидѣтелей, творилъ изъ невинныхъ фактовъ „неопровержимыя“ улики, приводя ихъ, какъ детали событія 4-го ноября. Моторной же силой являлись тѣ, кто направлялъ и настраивалъ Ковалева на опредѣленный ладъ. Сначала это былъ Милькомановичъ, затѣмъ Ивановъ, полтавскій полиціймейстеръ. Правильнѣе было бы вовсе не говорить о Ковалевѣ, такъ какъ не передаточный ремень, а двигатель всего процесса долженъ быть признанъ „творцомъ“ его. Но дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ, показанія Ковалева вначалѣ вызвали у полтавскихъ властей, быть можетъ, вполне искреннее довѣріе къ себѣ. Оговоръ Ковалева былъ направленъ противъ Бабкина и А. Н. Стеблинъ-Каменской. У той же Стеблинъ-Каменской проживалъ я, арестованный съ двумя револьверами, Дорошенко, у котораго нашли офицерское пальто, нелегальный Троцкій. Нелегальными были и Бабкинъ и Вескеръ. Наконецъ, Нестеренкова говорила, что у меня и у Дорошенко собирались какіе-то „товарищи“, что семья А. Н. „дружила“ съ „Мыколой“, отъ котораго не скрыли такого важнаго факта, какъ арестъ А. Н. Затѣмъ она заявила, что въ воскресенье 5-го ноября, на утро слѣдующаго послѣ событія дня, она зашла въ мою комнату и застала тамъ „всклипывающего француза“, который, какъ она знала, эту ночь провелъ не у меня.

Но достаточно было дня пребыванія Ковалева въ моей камерѣ, чтобы власти разочаровались въ плодотворности такого метода „разслѣдованія“. А раньше добытый матеріаль, если и подкрѣплялъ ихъ убѣжденіе въ той или иной степени нашей причастности къ дѣлу, то все-таки не могъ еще довести дѣло до судебного разбирательства, которымъ они грезили и во снѣ и наяву. Надѣяться нельзя было и на то, что слѣдствіе официальнымъ и законнымъ порядкомъ въ состояніи будетъ обосновать обвиненіе серьезными данными. Положеніе, такимъ образомъ, создавалось болѣе чѣмъ трудное; выхода, кромѣ прекращенія дѣла, не было. На помощь пришелъ опытъ полицейской практики за послѣдніе годы, нерѣдко встрѣчавшейся

съ подобнымъ положеніемъ вещей. Если нельзя было извлечь матеріалъ обвиненія изъ данныхъ дознанія, если слѣдствіе было безсильно довести дѣло до желательнаго исхода, то почему бы, — какъ говорилъ этотъ опытъ, — не создать его? Трудно учесть какая роль въ этой „творческой“ дѣятельности принадлежала судебнымъ властямъ въ лицѣ тов.-прокурора окружного суда Сульжикова, но легко это сдѣлать по отношенію къ полицейскимъ властямъ, въ частности къ Иванову. Какъ только выяснилась невозможность получить отъ Ковалева свѣдѣнія о роли въ дѣлѣ того или иного изъ привлеченныхъ, Ивановъ прибѣгъ къ иному методу „разслѣдованія“. Ковалеву онъ сообщалъ регулярно всѣ результаты сначала полицейскаго дознанія, а затѣмъ и предварительнаго слѣдствія; недоувѣряя никому, онъ самолично появлялся въ конторѣ тюрьмы, требовалъ, чтобы къ нему вызвали Ковалева и сидѣлъ съ нимъ подолгу глазъ на глазъ (см. показанія начальника полтавской тюрьмы Тышкова). Послѣ каждаго такого „информаціоннаго“ посѣщенія Ковалевъ вызывалъ Сульжикова, а съ передачей слѣдствія судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ Жириевскому — и послѣдняго и сообщалъ имъ свѣдѣнія, узанныя „у Яроцкаго“.

Подъ видомъ моихъ „откровенныхъ признаній“ Ковалевъ, въ цѣломъ рядѣ протоколовъ допроса, рисовалъ картину убійства, указывалъ, какую роль „игралъ“ тотъ или иной изъ привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемаго, и, влетая въ свои показанія реальные факты, сообщенные ему Ивановымъ, „творимой легендѣ“ придавалъ нѣсколько правдоподобный видъ. Но, нужно оговориться, степень этого правдоподобія зависѣла не столько отъ той крупницы истины, которую Ковалевъ вносилъ въ свои показанія, сколько отъ того, что слѣдственные власти сумѣли искусно связать реальные факты, извѣстные имъ и изъ допросовъ другихъ свидѣтелей, съ легендарными данными, сообщенными имъ, со словъ Иванова, не отличавшимся особой свѣжестью памяти Ковалевымъ. Потому то, когда читаешь слѣдственный матеріалъ — показанія Ковалева, записанныя съ его словъ слѣдователемъ, производятъ впечатлѣніе большаго правдоподобія, чѣмъ написанныя имъ собственноручно.

Показанія Ковалева говорятъ сами за себя неизмѣримо больше, чѣмъ о нихъ можно сказать въ журнальной статьѣ. Поэтому — я и предоставляю читателю самому ознакомиться съ этими цѣнными и интересными документами современности. Къ сожалѣнію, собственноручно написаннаго показанія его у меня нѣтъ — есть только тѣ, которыя были официально признаны слѣдственнымъ матеріаломъ, т. е. литературная обработка которыхъ принадлежитъ слѣдователю. Но и по нимъ можно судить о качествѣ и характерѣ дѣятельности Ковалева.

Считаю необходимымъ подчеркнуть кое-какія мѣста въ нихъ

и пригласить читателя сравнить подчеркнутое съ аналогичными мѣстами другихъ его показаній, а также съ показаніями другихъ свидѣтелей и фактами дѣйствительности.

Первое показаніе Ковалева (относится ко времени совмѣстнаго пребыванія Бабкина и Ковалева въ Кременчугской тюрьмѣ).

Раньше, при министрѣ фонъ-Плеве, а затѣмъ при Треповѣ и Дурново, я состоялъ такъ называемымъ „сотрудникомъ“ при Департаментѣ полиціи и занимался сыскомъ по политическимъ дѣламъ. Въ Кременчугѣ я задержанъ 18-го іюня сего года по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи, въ принадлежности къ революціонному сообществу, въ виду чего я содержусь за Кременчугскимъ генераль-губернаторомъ, хотя дѣло обо мнѣ, какъ сказалъ генераль-губернаторъ, уже прекращено, а о личности моей собраны надлежащія справки. Когда въ ноябрѣ сего года въ Кременчугскую тюрьму заключенъ былъ по политическому дѣлу нѣкій Давидъ Бабинъ, я переведенъ былъ, по распориченію надлежащаго начальства, въ одну камеру съ Бабинымъ, этотъ Давидъ Бабинъ, черезъ нѣкоторое время сдѣлавшись со мной откровеннымъ. какъ-то рассказалъ мнѣ, что революціонными организаціями рѣшено убить кременчугскаго генераль-губернатора, что съ этой цѣлью уже пріѣхали въ Кременчугъ двое, но кто такіе — не объяснилъ, сказалъ только, что они остановились у него же на квартирѣ и что, дескать, на дняхъ мы должны услышать объ убійствѣ генераль-губернатора. Давидъ Бабинъ былъ освобожденъ почему-то, а черезъ два дня въ его же квартирѣ полиціей арестованы были нѣкто Семень Непочатовъ и Урій Горинъ, а вслѣдъ за ними, на другой день, и Давидъ Бабинъ. Я сидѣлъ тогда въ 10-й камерѣ, ко мнѣ и перевели для содержанія вышеупомянутаго Урія Горина. Послѣдній, въ откровенной бесѣдѣ со мной (я выдавалъ себя за агента) и сообщилъ мнѣ слѣдующія данныя объ убійствѣ въ Полтавѣ генерала Полковникова; на эту тему Горинъ самъ перешелъ, рассказывая о своихъ похожденияхъ, мнѣ самому еще не было извѣстно объ этомъ убійствѣ. По словамъ Горина, въ убійствѣ этого генерала въ Полтавѣ участвовало три лица: 1) онъ - Горинъ, 2) какой-то Яшка и 3) Семень Непочатовъ, что эти убійцы, какъ передъ убійствомъ, такъ и послѣ убійства въ теченіе недѣли проживали у нѣкоей Стеблинъ-Камешской, которая и снабдила ихъ оружіемъ - револьверами. Яшка былъ переодѣтъ на убійство въ сѣрую солдатскую шинель съ вензелями на погонахъ „Ф“, переодѣтъ былъ для отвода подозрѣнія въ сторону военной среды; при совершеніи убійства этотъ Яшка находился ближе всѣхъ къ генералу и въ рѣшительный моментъ шелъ будто бы къ генералу на встрѣчу, *) онъ — Горинъ — находился въ то время въ шагахъ десяти отъ генерала, а третій товарищъ ихъ, Непочатовъ, стоялъ на той же улицѣ въ шагахъ шестидесяти; первый выстрѣлъ далъ Яшка, отъ этого выстрѣла генераль и упалъ; онъ — Горинъ — также выстрѣлилъ, но точно не знаетъ, чей выстрѣлъ причинилъ смерть генералу; стрѣляли изъ „браунинга“. Горинъ не говорилъ, чтобы кромѣ генерала была еще какая-либо жертва. Другихъ подробностей этого убійства Горинъ мнѣ не передавалъ, но объяснилъ, что съ мѣста убійства они отправились въ

*) Обѣ раны были сквозныя. Но слѣди на пальто оба отверстія были обожжены, т. е. выстрѣлы были даны въ упоръ. См. протоколы медицинскаго осмотра л. д. 3 и слѣдующія. В. Я.

свою квартиру къ той же Стеблинь-Каменской. По рассказамъ Горина, о замышляемомъ убійствѣ полтавскаго генерала знали такъ же нѣкій Зельманъ Бродскій и Янкель Дрейкинъ; объ участіи же ихъ въ убійствѣ Горинъ ничего не говорилъ. По объясненію Горина, упомянутый Яша задержанъ былъ по другому дѣлу въ Полтавѣ же, но черезъ нѣкоторое время выпущенъ на свободу. По словамъ Горина примѣты обозначеннаго Яши слѣдующія: *еврей, средняго роста, лѣтъ 24-25, съ небольшими темнокорусыми усами, такою же цвѣта волосы на головѣ, носъ средней величины.* Именованнѣйся Горинымъ сталъ потомъ называть себя Шулимомъ Бабкинымъ, но, какъ я узналъ отъ матери Давида Бабкина, при посредствѣ моей жены, упомянутой Шулимъ вовсе не братъ (?) Давида, но какъ его настоящая фамилія — ей не извѣстно, въ революціонныхъ же кружкахъ онъ слыветъ подъ именемъ „французъ-бомбистъ“ (?).

Второе показаніе Ковалева

(мой „откровенныя признанія“ № 1 — листъ дѣла 281).

„Я содержусь въ полтавской тюрьмѣ съ 30-го минувшаго декабря мѣсяца, въ одной камерѣ съ гимназистомъ Василиемъ Яроцкимъ. Когда я, познакомившись съ Яроцкимъ, спросилъ его, въ чемъ онъ обвиняется и за что сидитъ, онъ отвѣтилъ, что содержится по дѣлу объ убійствѣ генерала Полковникова и за какіе-то револьверы. Я тогда и отъ себя высказался, что по дѣлу объ убійствѣ означеннаго генерала и мнѣ кое что извѣстно *отъ содержащагося въ Кременчугѣ Урія Горина, называвшагося „французомъ-бомбистомъ“.* Такъ какъ Яроцкаго это, видимо, заинтересовало и онъ прямо спросилъ меня: „а что говорилъ по этому дѣлу Горинъ?“, то я и передалъ ему, что упомянутый Горинъ обвинялся въ распространеніи прокламацій, привезенныхъ имъ изъ Англіи (?) *анархическаго (?) комитета, что когда, по постановленію Варшавскаго (?) анархическаго (?) комитета, рѣшено было убить въ Полтавѣ генерала Полковникова, то жребій палъ привести это въ исполненіе на Семена Непочатова и Арона Зеликова, но мѣсто этого послѣдняго занялъ добровольно названный Урій Горинъ, который и прибылъ въ Полтаву съ письмомъ къ нѣкому Зельману Бродскому, а этотъ направилъ его, Горина, къ Стеблинь-Каменской, у которой Горинъ и поджидалъ пріѣзда Непочатова два дня. Затѣмъ состоялось засѣданіе комитета (какого?) у Аграновича; и вотъ, когда былъ брошенъ жребій о томъ, кто долженъ итти въ помощь на совершеніе намѣченнаго убійства — жребій, говорю я, палъ на Аграновича и на Василія... На этомъ я остановилъ свой рассказъ, нарочно выжидая, что на это скажетъ Яроцкій; *всю же вышеприведенную исторію дѣла я передавалъ такъ, какъ слышалъ ее отъ Горина въ Кременчугской тюрьмѣ.* Яроцкій, когда я остановился, проговорилъ: „я вижу, что Вы все знаете, такъ Василій — это я, Яроцкій“; на вопросъ мой, а кто это Дорошенко, Яроцкій отвѣтилъ, что онъ на волгѣ (?). Когда затѣмъ я задалъ вопросъ: „а кто же это изъ васъ былъ въ женской одеждѣ?“, Яроцкій сначала высказался, что съ ними, дескать, была женщина, но затѣмъ вскорѣ же внесъ поправку, объяснивъ, что въ женское платье былъ переодѣтъ именно онъ, Яроцкій. Затѣмъ Яроцкій сказалъ мнѣ, что при совершеніи убійства Полковникова было установлено „два поста“: на одномъ, ближайшемъ къ выходящему генералу, находились 1) Урій Горинъ — онъ же „французъ“, 2) Семенъ Непочатовъ и 3) нѣкій Яшка, фамилія котораго неизвѣстна будто бы ему, Яроцкому;*

на другомъ же посту, подлѣ какого то сада, подлѣ угла Екатеринбургской и Кузнецкой улицъ — на посту стояли 4) онъ — Яроцкій, 5) Аграновичъ, 6) Дорошенко. Первые выстрѣлы по генералу дали Яшка и Горинъ, отъ этихъ выстрѣловъ генераль и упалъ, но выстрѣлъ данъ былъ и Непочатовымъ; по той же улицѣ воалъ сада гулялъ какой-то солдатъ съ барышней и вотъ, когда солдатъ сталъ итти на помощь (?) генералу, то овъ, Яроцкій и Аграновичъ дали выстрѣлы въ этого солдата, который тамъ же и свалился, зарядъ - пуля попалъ ему будто бы въ правый бокъ. Послѣ этого онъ, Яроцкій испугался и удралъ прямо къ квартирѣ Стеблинъ - Каменской: ему, Яроцкому, показалось, что его кто то какъ будто преслѣдуетъ и вотъ, чтобы не попасться съ револьверомъ въ рукахъ, онъ револьверъ бросилъ гдѣ-то на улицѣ, бывшій на немъ женскій воротничекъ во время побѣга разстегнулся и спалъ съ него; простоявъ на какомъ то углу минутъ 10 — 15, онъ, Яроцкій отправился къ Аграновичу, у котораго и ночевалъ ту и слѣдующую ночь; отъ жены этого Аграновича — Лизы онъ, будто бы, имѣлъ и дамское платье. Возвратившись потомъ на квартирѣ Стеблинъ - Каменской, Яроцкій узналъ отъ Дорошенко, что онъ нашель брошенный револьверъ и припряталъ подъ тротуары; смотрѣть (?) на револьверъ уже не ходили и тогда же вскорѣ пошли слухи, что револьверъ тотъ и воротничекъ найдены полиціей. У Стеблинъ - Каменской Яроцкій засталъ и Горина — „французъ“ и Непчатова, которые еще съ недѣлю скрывались тамъ, а затѣмъ выѣхали въ Екатеринославъ. Въ ночь на 5-ое сего января, Яроцкій, возвратившись въ камеру послѣ допроса его товарищемъ прокурора, высказался мнѣ, что положеніе его плохо, что ему предъявляется обвиненіе по такимъ статьямъ, что ему грозитъ смертная казнь и между прочимъ сказалъ: „меня „французъ“, кажется, выдалъ; товарищъ прокурора знаетъ положительно все — какъ будто бы тамъ былъ. Я признался въ томъ, что „французъ“ былъ у меня на квартирѣ, но что я участвовалъ въ убійствѣ — этого я не сказалъ и пусть меня хоть рѣжутъ — я ничего за убійство не скажу.“ По объясненію Горина еще въ Кременчугской тюрьмѣ генерала Полковникова убили за то, что онъ ненавидѣлъ вообще политическихъ, особенно — евреевъ, которыхъ онъ будто бы презиралъ. Яроцкій же объясняетъ, что генераль убитъ за жестокое обращеніе съ воинскими чинами, обвинявшимся по дѣлу о безпорядкахъ въ мѣстныхъ полкахъ.

Третье показаніе Ковалева
(продолженіе моихъ „откровенныхъ показаній“ л. д. 283).⁷

Вчера вечеромъ, высказавъ Василию Яроцкому мысль о томъ, что вскорѣ я выйду изъ тюрьмы и по возвращеніи въ Болгарію хотѣлъ бы написать карикатуру (?) о томъ, при какихъ условіяхъ убитъ былъ въ Россіи генераль Полковниковъ, я попросилъ Василія Яроцкаго начертить мнѣ отъ руки планъ мѣстности, гдѣ совершено было означенное убійство. Яроцкій собственной рукой и начертилъ *) мнѣ планъ мѣстности, который я при семъ представляю Вамъ (представляется чертежъ, сдѣланный на одной изъ четвертушекъ сложеннаго листа бумаги); всѣ знаки на этомъ планѣ поставлены собственноручно Яроц-

* Грубая поддѣлка моего почерка на этомъ чертежѣ дала на судѣ экспертамъ основаніе отрицать сходство моего почерка съ почеркомъ человѣка, изобразившаго этотъ планъ. Тѣ же эксперты заключили, что и почеркъ Ковалева не имѣетъ никакого сходства съ почеркомъ документа. Очевидно — здѣсь имѣлся tertius laborens

кимъ; насколько я понялъ, указанный на планѣ постъ № 3 означаетъ то мѣсто, гдѣ именно выходили генералъ къ экипажу и гдѣ стоялъ на посту нѣкій Яшка: въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, на посту № 2, находились, по объясненію Яроцкаго, Урій Горинъ и Непочатовъ, постъ № 1, на перекресткѣ улицы, есть то мѣсто, гдѣ находились остальные три участника убійства, т. е. онъ, Яроцкій, Дорошенко и нѣкій Грановичъ (?) или Грановскій (?), выстрѣломъ отъ этой группы былъ убитъ солдатикъ. Яроцкій не объяснилъ мнѣ, какія это онъ зданія обозначилъ на планѣ по улицѣ; что означаютъ поставленныя имъ жирныя точки на краю тротуаровъ — не знаю, объ этомъ его не спрашивалъ.

Четвертое показаніе Ковалева (л. д. 443-ий).

Добавляю. Я подтверждаю отъ слова до слова обстоятельства, изложенныя въ моемъ заявленіи, которое Вами получено 23 января. Считаю необходимымъ добавить слѣдующее. Послѣ освобожденія моего изъ тюрьмы я завелъ знакомство съ социалистами-революціонерами и отъ Мани Лавиной и дочери Лайбовича узналъ, что Шулимъ Бабкинъ носитъ какую-то другую фамилію. Онъ родомъ изъ Екатеринослава — никому здѣсь не извѣстенъ — вотъ почему Бабкины просили у Васъ его фотографическую карточку, чтобы узнать его на судѣ. Бабкины признали его своимъ роднымъ съ той цѣлью, чтобы спасти человѣка, избавить его, какъ не отбывшаго воинской повинности отъ высылки; они тогда еще не знали, что Шулимъ будетъ обвиняться въ убійствѣ. Иногда Шулимъ назывался не Викторомъ, какъ я сказалъ сейчасъ, а „французомъ“. Получивъ свѣдѣнія, что Зельманъ Бродскій и Дрейкинъ содержатся въ полтавской тюрьмѣ, я не провѣрилъ наличности. Узнавъ, что сборище с.р.-овъ происходитъ у парикмахера по Кузнецкой, за гостинницей „Москва“, я туда отправился и сказалъ, что имѣю порученіе изъ тюрьмы къ Яшѣ отъ гимназиста Яроцкаго. Это было въ четвергъ. Корфъ сказалъ: „приходите въ пятницу, часовъ въ 8 утра“. Я опять пришелъ въ Корфу, сидѣлъ часовъ до 11, смотрю — приходитъ какой то молодой человѣкъ, лѣтъ 25, похожій на того, примѣты котораго мнѣ описывали еще въ Кременчугѣ. Корфъ что-то сказалъ на ухо пришедшему. Послѣдній, побрившись, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Вы были въ тюрьмѣ?“ Я отвѣтилъ, что меня освободили дня четыре и что мнѣ надо передать поклонъ Вамъ или кому другому, который называется Яшей. Пришедшій засмѣялся, сказалъ: „это все равно, что Яша, что я“, и добавилъ, что его только такъ прозываютъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ называется Колей Златковскимъ. Корфъ и его старшій мастеръ, работающій нынѣ у Филиппа, засмѣялись. Я разговорился съ Колей Златковскимъ и передалъ ему, что ему кланяется Яроцкій и проситъ не сознаваться въ убійствѣ (въ соучастіи) Полковникова, т. е. самъ Яроцкій про это будетъ молчать. Коля на это сказалъ: „спасибо за поклонъ; теперь я буду знать, что Яроцкій не признается въ убійствѣ“. Изъ этихъ словъ я заключилъ, что Златковскій не отрицаетъ своего участія въ убійствѣ Полковникова. Говорили мы тихо, разговора нашего не могли слышать. Вскрѣ послѣ этого я слѣдлъса большимъ пріятелемъ Коли. Гулялъ съ нимъ по Александровской, былъ у него въ квартирѣ, на Срѣтенской улицѣ, въ зеленомъ домѣ и, между прочимъ, сказалъ: „въ убійствѣ участвовали Вы, Яроцкій, Урій Горинъ, Непочатовъ, Дорошенко, Грановскій.“ Коля разсмѣялся, сказалъ: „какъ

это доверился Яроцкий, все рассказал, но только Грановский так зовется в комитет, а настоящая его фамилия Болотинский." Потом Златковский добавил: „да, убийство Полковникова очень удачно прошло — до сих пор никто ничего не знает, хорошо, что не пришлось бросить бомбу, которую держал Урий Горинь, а то шумъ привалъ бы народъ и насъ могли задержать. Я только боялся, что Яроцкий выдастъ, но теперь онъ содержится по другому дѣлу. Потомъ на мой вопросъ Златковский сказалъ, что Стеблинъ - Каменская была въ Сибири и ихъ не выдастъ. Про участіе дочери Стеблинъ - Каменской я не спрашивалъ, такъ какъ я боялся, что такіе расспросы будутъ подозрительны. Съ Златковскимъ я ходилъ въ комитетъ, причемъ одинъ разъ меня возили съ завязанными глазами и ввели въ ярко освѣщенный залъ. Златковский говорилъ, что во время убійства была шивель съ буквой „Ф“ на погонѣ, взялъ ее у Стеблинъ-Каменской, а у кого она достала — онъ не знаетъ. Яшка — онъ же Златковский говорилъ, что Болотинскій послѣ убійства пробылъ три дня у брата, который во вторникъ помогалъ ему доставить на станцію два чемодана съ револьверами. Съ ними потомъ Болотинскій поѣхалъ въ Лубны, а братъ возвратился домой. Болотинскій еще въ тюрьмѣ признавался мнѣ въ соучастіи съ какой то барышней въ убійствѣ исправника или помощника-исправника въ Лубнахъ или Люблинѣ. Про Добровольскаго онъ не упоминалъ. Такъ какъ я еще не пользуюсь большимъ доверіемъ, то не могъ узнать мѣста нахождения склада оружія революціонеровъ. Мнѣ же удалось узнать, что Яшка выкрестъ. Онъ служитъ комиссіонеромъ въ книгоиздательствѣ „Эхо“.

Вѣроятно, читатель обратилъ уже вниманіе, съ какой легкостью Ковалевъ завоевываетъ доверіе тѣхъ, съ кѣмъ начальству было угодно его содержать. Въ этомъ отношеніи протоколы рисуютъ его, если и не „талантливымъ“, то, въ значительной мѣрѣ, „даровитымъ“ субъектомъ. Но помимо этого „дарованія“, у Ковалева не оказалось необходимыхъ для блестящаго выполненія роли предпосылокъ. Протоколъ „выемки“ изъ дѣла о мѣщанинѣ заштатнаго города Градижска Юсифѣ Лейбовѣ Красницкомъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на происхождение именно этихъ недостатковъ Ковалева, — несомнѣнно, что уголовная карьера не подготовляетъ „талантливыхъ пособниковъ правосудія“, тѣмъ болѣе — карьера мелкаго уголовного, принадлежащаго къ забитой тюремной „шпанѣ.“ А Ковалевъ — вопреки всѣмъ своимъ титуламъ — именно и представляетъ изъ себя заурядный уголовный типъ. Въ Кременчугѣ онъ былъ арестованъ — само собой разумѣется — не „по политическому дѣлу.“ Говоря это на первомъ допросѣ, онъ, повидимому, собирался „втереть очки“ слѣдственной власти — арестъ его былъ вызванъ, по словамъ кременчугскаго корреспондента „Одесскихъ Новостей“ тѣмъ, что, мнимый полковникъ Ковалевскій... „занимается темными дѣлами и оперируетъ живымъ товаромъ.“ Съ нимъ вмѣстѣ была арестована и соблазненная и увезенная имъ нѣкая Ревекка Перельмутеръ, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка — его послѣдняя жертва.

Раньше, въ городѣ Вознесенскѣ (Херсонской губерніи) онъ,

въ поискахъ „бѣдной, но красивой дѣвушки“ и пользуясь званіемъ полковника („заслуженный и богатый офицеръ“), засваталъ дочь Шлемы Финкельштейна, которую увезъ въ Николаевъ...

Протоколъ „выемки“ рисуется, хотя и съ пробѣлами, и прошлое „этого субъекта“, причемъ, изъ него слѣдуетъ, что все то, чѣмъ онъ прославился въ Кременчугѣ — было только логическимъ завершеніемъ его жизни. Еще 15-лѣтнимъ мальчикомъ онъ бѣжалъ за-границу и съ этого момента онъ мыкается по бѣлу-свѣту, всюду оставляя слѣды своего пребыванія. Одна только Болгарія, да и одна ли только, была удобной ареной для его подвиговъ, на почвѣ вымогательства, по обвиненію въ которыхъ ему пришлось сидѣть — первый разъ 5 мѣсяцевъ, второй — 3 года.

Въ Софій онъ, скрываясь отъ преслѣдованія, проживалъ, пользуясь цѣлою серіей фамилій: Ивана Черкесова, Ивана Ковалева, Ивана Карякина, Ивана Маидракова, Ивана Григорьева, Ивана Петрова, Ивана Ковалевского.

Въ Россію онъ попалъ въ 1904 году, почувавъ въ русско-японской войнѣ удобный для „дѣятельности“ моментъ. Пользуясь паспортомъ, выданнымъ на имя служащаго по военному вѣдомству, Ковалевского, онъ представился въ С.-Петербургѣ болгарскому дипломатическому агенту въ качествѣ желающаго перейти въ отправляющуюся въ Манджурію русскую армію болгарскаго полковника. Протоколъ „выемки“ не даетъ свѣдѣній о роли и похожденияхъ Ковалева въ Манджуріи. Но изъ того, что уже въ 1905 году Ковалевъ появился въ Вознесенскѣ, чтобы подвизаться на поприщѣ уголовщины самаго грязнаго типа, можно вывести заключеніе, что военныя приключенія приписались не по душѣ „полковнику.“

И говорилъ уже, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдственные власти вполнѣ искренне вѣрили правдивости и соотвѣтствію реальной дѣйствительности показаніямъ Ковалева, по крайней мѣрѣ, первое время. Этого нельзя сказать объ администраціи полицейской и тюремной, которой было знакомо прошлое этого „героя нашего времени“ еще задолго до порученія ему отвѣстнаго поста по службѣ „внутренняго наблюденія“, говоря на жаргонѣ нашихъ охранителей. Она воочію могла убѣдиться, насколько политически безграмотенъ этотъ субъектъ, насколько чужда ему психологія „политическихъ“ корридоровъ. Она прекрасно понимала, что съ его помощью всякаго рода „наблюденіе“ далеко не на много облегчится, но у нея не было никого подъ рукой и она прибѣгла къ помощи Ковалева. Фактически Ковалевъ былъ безпомощенъ и наивенъ, какъ ребенокъ, въ своей новой роли, онъ наводнилъ канцелярію генераль-губернатора и тюрьмы доносами, изъ которыхъ ничего въ результатѣ не получилось — и все время „раскрывалъ“ заговоры на жизнь Шгерича (тогдашняго генераль-губернатора Кременчуга), и „от-

кrywаль участниковъ того или иного террористическаго акта. Благодаря такому именно младенческому пониманію роли государственныхъ преступленій, вся дѣятельность его, до появленія въ тюрьмѣ Бабкина не приносила долго жданныхъ плодовъ. Но, съ появленіемъ „подозрительнаго“ Бабкина, Милькомановичъ (начальникъ тютмы) рѣшилъ прибѣгнуть къ новому методу „разслѣдованія“ съ помощью все того же Ковалева, но играющаго на этогъ разъ несложную роль граммофона. И, какъ мы уже видѣли, Ковалевъ не годный къ „службѣ внутренняго наблюденія“, по политической незрѣлости и неопытности, оказался вполне пригоднымъ и очень податливымъ въ новой роли...

* * *

Используя Ковалева и убѣдившись, что съ добытымъ полицейскимъ дознаніемъ и предварительнымъ слѣдственнымъ матеріаломъ, даже и при его посредничествѣ, ничего больше сдѣлать нельзя, Сульжиковъ и Ивановъ предоставили большея собственному теченію. Къ этому времени и относится ихъ передача слѣдствія судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ- Жизневскому, и съ этого момента данныя противъ насъ исчезаютъ со страницъ слѣдственныхъ матеріаловъ. Даже болѣе. Тяжесть добытыхъ раньше уликъ аннулируется, и вотъ почему. Когда Ковалевъ выполнялъ свою задачу, въ рукахъ у властей были всѣ данныя, хотя и съ натяжками и со „свободнымъ“ истолкованіемъ, но въ той или иной степени компрометировавшія насъ — въ частности показанія Щербака, Нестеренковой и Борщовой, самыхъ существенныхъ свидѣтелей обвиненія, вошли уже въ слѣдственные матеріалы. Читатель уже знакомъ съ показаніями двухъ первыхъ свидѣтелей — въ той же мѣрѣ доказательны и существенны и показанія Борщовой, съ той только разницей, что Нестеренкова говорила все-таки кое-что и по „дѣлу объ убійствѣ Полковникова“, тогда какъ эта свидѣтельница показывала лишь „о настроеніи“ семьи Стеблинъ-Каменской. Въ 1905 г., говорила она, Стеблинъ-Каменская сочувственно отнеслась къ желѣзнодорожной забастовкѣ и очень радовалась убійству Литвинова и Филонова. Последнее даже получило „надлежащее освѣщеніе“. А. Н. открыто говорила, что, если всѣхъ такихъ, какъ убитые, перебить, то будутъ всѣ равны и не будетъ бѣдныхъ“. Помимо пассивнаго „сочувствія“, Борщова установила еще и активное „содѣйствіе“, жертвой котораго стала части и она: въ томъ же 1905 г., во время забастовки прислуги, А. Н. „Заставляла и ее примкнуть къ забастовщикамъ“, а затѣмъ, найдя неудобнымъ постоянное присутствіе въ кухнѣ городского — кума, и совсѣмъ отказала отъ мѣста. Это „содѣйствіе“, по словамъ Борщовой, выражалось и въ томъ, что А. Н. давала пріютъ разнымъ подозрительнымъ лицамъ. Покинувъ службу у А. Н., она захо-

дила иногда провѣдать семью Стеблинъ-Каменской, съ которою она „сохранила хорошія отношенія.“ Во время такихъ посѣщеній ей и приходилось видѣть этихъ подозрительныхъ лицъ, но случайно, ибо вопреки „хорошимъ отношеніямъ“, ихъ, повидимому, скрывали отъ нея.

Неоснованность обвиненія, точнѣе — искусственность его, всѣ недочеты полицейскаго дознанія и перваго періода предварительнаго слѣдствія бросались въ глаза незаинтересованному въ исходъ процесса челоуѣку, тѣмъ болѣе, что центральною осью всей сложной юридической машины нашего дѣла „судьбѣ“ угодно было поставить такого безталаннаго субъекта, какъ Ковалевъ. Вотъ почему, какъ только очная ставка выяснила, что и Дорохова, и Марченкова съ Троицкой, и трое служащихъ въ гастрономическомъ магазинѣ отрицаютъ всякое сходство между кѣмъ либо изъ насъ и тѣми лицами, о которыхъ они давали показанія — предварительное слѣдствіе, вопреки искреннимъ желаніямъ Сульжикова и Иванова, должно было свернуть со стараго русла „слѣпого“ довѣрія ковалевскимъ рассказамъ.

Такимъ образомъ, очная ставка можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ развитія „дѣла объ убійствѣ Полковникова.“ До сихъ поръ Ковалевымъ „провѣряли“ показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей, съ этого момента показанія Ковалева стали провѣряться фактами и показаніями другихъ свидѣтелей. Именно такой характеръ слѣдствія побудилъ Ковалева, или, вѣрнѣе, тѣхъ, кто управлялъ этимъ манекеномъ, доставить слѣдователю планъ, нарисованный будто-бы мной по его просьбѣ.

Въ силу этого, съ передачей дѣла Жизневскому, показанія Ковалева, т. е. тѣ показанія, на которыхъ только и можно было построить обвиненіе по 279 ст., мало по малу сходили на нѣтъ, теряли свою, прежде неотражимую, авторитетность.

Я не буду приводить всѣхъ примѣровъ полнаго несоотвѣтствія показаній Ковалева съ фактами реальной дѣйствительности. Читателю достаточно сравнить описаніе событія 4-го ноября и показанія другихъ свидѣтелей, приведенныя въ первой главѣ, чтобы понять, почему слѣдственные власти второго періода съ каждымъ днемъ убѣждались въ необоснованности обвиненія. Какая бы то ни была связь между всѣми обвиняемыми, какая бы то ни была причастность ихъ къ дѣлу, несомнѣнная въ началѣ слѣдствія, въ теченіе осмотровъ, допросовъ и т. д. становились все менѣе и менѣе реальными. Передъ обвиняемыми стояло только одно — послѣднее препятствіе, преодолѣть которое означало — подорвать окончательно обвиненіе, лишить его послѣдней опоры. Всѣхъ насъ арестовали черезъ два мѣсяца послѣ событія; никому изъ насъ день 4-го ноября ничѣмъ особеннымъ не былъ памятенъ, установить мѣсто, гдѣ мы находились въ моментъ убійства, вначалѣ, было

болѣе, чѣмъ трудно. Лишь тогда, когда каждая мелочь нашей личной жизни всплыла въ памяти, когда каждая деталь дѣла стала намъ извѣстной, т. е. къ самому концу слѣдствія, мы могли установить наше alibi. Послѣдняя опора обвиненія рухнула.

Въ связи съ этимъ Жизневскій встрѣтился съ невозможностью послѣдовательной и логичной формулировки обвиненія. Съ одной стороны — показанія Ковалсва не внушали довѣрія, съ другой — кромѣ нихъ, не было ничего такого, на чемъ можно было бы обосновать обвиненіе. Яркимъ образцомъ испытанныхъ имъ затрудненій является мотивировка освобожденія подъ залогъ А. Н. Стеблинъ-Каменской и ея дочери и отвѣтъ на ходатайство другихъ привлеченныхъ къ отвѣтственности о томъ же. Они — и мотивировка и отвѣтъ — расходились въ оцѣнкѣ показаній Ковалева. Мотивировка признавала недостаточность уликъ противъ А. Н. и ея дочери и недостоверность показаній Ковалева. Отвѣтъ же находилъ, что показанія Ковалева слишкомъ серіозныя данныя противъ остальныхъ изъ привлеченныхъ, почему ходатайство ихъ и остается безъ послѣдствій. Вопіющее противорѣчіе это лишь съ перваго взгляда такъ необъяснимо. При болѣе тщательномъ анализѣ нашего процесса мотивы отвѣта пріобрѣтаютъ нѣсколько иной видъ, такъ какъ судебному слѣдователю приходилось считаться съ приказомъ Мин. Внутр. Дѣлъ во что-бы то ни стало передать дѣло-военно-окружному суду. Отсюда, и только отсюда, и вытекало нѣсколько странное „довѣріе“ къ завѣдомо ложнымъ показаніямъ Ковалева; отсюда вытекала и неумолимая послѣдовательность всѣхъ дальнѣйшихъ стадій дѣла...

И такъ, къ концу слѣдствія послѣднія опоры обвиненія уже не существовали; беспочвенность его была болѣе чѣмъ очевидна. Тѣмъ не менѣе, дѣло было передано на распоряженіе кіевскаго генераль-губернатора, а оттуда слѣдственный матеріалъ поступилъ въ кіевскій военно-окружной судъ для составленія обвинительнаго акта по 279 ст. XXII кн. св. В. П. Дѣло, такимъ образомъ, подошло къ конечной стадіи своего развитія, хотя весь путь пройденъ имъ былъ не по законамъ имманентнаго порядка, а подъ усиленнымъ давленіемъ извнѣ.

Въ первыхъ числахъ августа (кажется, 3-го) мы получили обвинительный актъ. Составитель его, помощникъ военнаго прокурора, Балясный, какъ и слѣдовало ожидать, пренебрегъ всѣмъ слѣдственнымъ матеріаломъ, положивъ въ основаніе обвиненія только показанія Ковалева.

7-го августа началось судебное разбирательство, но на этотъ разъ оно было отложено, такъ какъ у прокурора не было возможности пополнить недостаточный матеріалъ обвиненія — Ковалевъ не угостилъ судъ своимъ присутствіемъ. Въ одинаковой мѣрѣ, хотя и по разнымъ соображеніямъ, и мы съ за-

щитой настаивали на необходимости отложить дѣло. Мы чувствовали неблагоприятныя, связанныя съ разбирательствомъ дѣла въ Полтавѣ, обстоятельства.

3-го августа насъ перевели въ Кіевъ.

Переводъ этотъ былъ обусловленъ отчасти и тѣми обстоятельствами, которыя побудили насъ настаивать на томъ, чтобы дѣло было отложено. Мотивы его сводились въ конечномъ счетѣ къ переоцѣнкѣ администраціей (и, какъ увидимъ дальше, — М. В. Д.) значенія нашего процесса. Вокругъ него, благодаря этому, создалась нездоровая лихорадочная атмосфера, преломляясь въ которой, встрѣча, устроенная въ день суда группой знакомыхъ и любопытныхъ, приняла окраску „противуправительственной демонстраціи.“ Кромѣ того, подъ непосредственнымъ вліяніемъ „флюидовъ безпокойства“ создалась легенда о десяти террористахъ, пріѣхавшихъ „съ бомбами въ рукахъ“ мстить всѣмъ и вся, въ случаѣ обвинительныхъ приговоровъ — и была воспринята не только полицейскими чинами, но и членами суда. Настроеніе мѣстной администраціи передалось верховной и, во избѣжаніе нарушенія общественнаго порядка, возможнаго въ случаѣ судебного разбирательства „дѣла объ убійствѣ Полковникова“ въ Полтавѣ, такъ сказать, на аренѣ событія — дѣло было перенесено въ Кіевъ.

Иногда бываетъ, что исходя изъ совершенно разныхъ соображеній, приходятъ къ одному и тому же выводу. Въ данномъ случаѣ, конечно, для насъ не была выгодна окутавшая нашъ процессъ атмосфера, и надо сознаться, еще въ большей степени, чѣмъ для администраціи. Благодаря ей весьма легко могли быть вынесены обвинительные приговоры, хотя „въ дѣлѣ“ и не было данныхъ противъ насъ. Но и помимо этого, для насъ судебное разбирательство въ Полтавѣ было сопряжено съ цѣлымъ рядомъ, выражаясь мягко, „неудобствъ.“ Здѣсь составъ суда собирался изъ старшихъ офицерскихъ чиновъ, еще недавно по службѣ и личнымъ связямъ близкихъ Полковникову; еще живы и свѣжи были воспоминанія о немъ; семья убитаго могла вліять на нихъ въ ихъ домашней обстановкѣ; да, наконецъ, помимо суда официальнаго здѣсь насъ судилъ главнымъ образомъ судъ не гласный, судъ „общественнаго“ мнѣнія, сватовствомъ и кумовствомъ нераздѣльно связанный съ судомъ официальнымъ. Трудно было бы при такихъ условіяхъ ожидать объективной оцѣнки показаній Ковалева. Трудно и потому, что въ судѣ общественнаго мнѣнія большой вѣсъ имѣли голоса непосредственныхъ „творцовъ“ нашего процесса — всѣхъ Ивановыхъ, большихъ и маленькихъ, всѣхъ Сульжиковыхъ, наконецъ, надо думать, потратившихъ столько силъ и энергіи на созданіе громкаго дѣла. Въ непосредственной служебной выгодѣ этихъ „строителей“ было довести дѣло до его конца. Все это взятое вмѣстѣ привело насъ къ тому выводу, который

побудиль М. В. Д. перенести дѣло въ Кіевъ: „пусть судятъ, если неизбѣженъ судъ, подальше отъ Полтавы.“

Первые же дни судебного слѣдствія въ Кіевѣ, начавшагося, насколько помню, 17 сентября — подкрѣпили правильность этого вывода. Правда, трудно вообще ожидать отъ такого зависимаго суда, какимъ является военный, хотя бы тѣни справедливости и, особенно, самостоятельности рѣшеній. Слишкомъ онъ въ этомъ отношеніи выяснился за послѣдніе годы, даже въ сравненіи съ общимъ фономъ зависимости судей отъ правящихъ верховъ. Но въ нашемъ дѣлѣ имъ было проявлено своего рода гражданское мужество. Раскрытая отчасти судебнымъ слѣдствіемъ картина случайности арестовъ, тонко придуманной, но аляповато выполненной махинаціи, выдвинутой властями для „разслѣдованія“, не смотря на свою оторванность и половинчатость, произвела на судей благопріятное для насъ впечатлѣніе. Особенно сильно палъ престижъ полицейскихъ чиновъ — слово которыхъ часто является рѣшающимъ приговоръ —, когда, послѣ торжественныхъ увѣреній Иванова, что „Ковалевъ говоритъ одну святую истину“, вызванъ былъ начальникъ полтавской тюрьмы Тышковъ. Онъ сначала было заявилъ, что ничего не знаетъ, что Ивановъ не могъ видѣться съ Ковалевымъ, такъ какъ, молъ, правила тюремнаго заключенія не допускаютъ подобныхъ свиданій. Но, послѣ прочтенія „для освѣженія памяти“ его показаній у слѣдователя, онъ призналъ, что, дѣйствительно, Ивановъ очень часто выдался съ Ковалевымъ, причемъ свиданія эти происходили въ отдѣльной комнатѣ; но разъ ему пришлось услышать, что они что то читаютъ („какую-то бумагу“) о „дѣлѣ Полковникова“. Характеръ показаній Ковалева помогъ выяснить и начальникъ кременчугской тюрьмы. Онъ заявилъ, что дѣлалъ наставленія, какъ Ковалеву слѣдуетъ вести себя съ Бабкинымъ, котораго онъ подозрѣвалъ въ убійствѣ Полковникова:

„Я снабдилъ его надлежащими инструкціями“.

Прокуроръ Балясный все время пытался свести на нѣтъ благопріятныя для насъ результаты допроса свидѣтелей. Онъ неоднократно напоминалъ полицейскимъ, что они имѣютъ право не ссылаться на источникъ свѣдѣній, разъ они добыли ихъ „агентурнымъ путемъ“. Но, несмотря на то, что полицейскіе вняли призыву Баляснаго — ихъ показанія носили настолько абсурдный характеръ и противорѣчили настолько фактамъ дѣйствительности, что не въ силахъ были поколебать составленную судомъ мнѣніе. Приговоръ въ силу этого могъ быть только оправдательнымъ...

...Впечатлѣніе было нѣсколько испорчено заявленіемъ Баляснаго, что приговоръ будетъ имъ опротестованъ. Черезъ нѣсколько же дней выяснилось, что у суда не хватило гражданского мужества освободить насъ, благо, юридическое основаніе къ отказу было на лицо. Въ „Дѣлѣ“ имѣлось постано-

вление слѣдователя о привлеченіи насъ къ отвѣтственности по 102 и 126 ст. угол. улож. Несмотря на то, что слѣдователь официально разъяснилъ мотивы. сведя привлеченіе по этимъ статьямъ на „Дѣло объ убійствѣ Полковникова“*), насъ, въ виду кассациі дѣла главнымъ военнымъ судомъ, содержали подъ стражей вплоть до того момента, когда намъ вновь пришлось быть невольными участниками судебной, на этотъ разъ, формальной лишь, комедіи.

Третій судъ начался въ среднихъ числахъ декабря, насколько помню — 12-го. Вопреки ожиданіямъ, двери суда открылись передъ публикой и представителями печати. На этотъ разъ показанія свидѣтелей стали достояніемъ общества и дѣло получило огласку. Но на этотъ разъ ряды свидѣтелей, особенно полицейскихъ чиновъ, значительно порѣдѣли — не было ни Иванова, ни Тышкова. Не явился и Сульжиковъ, который предпочелъ и на второй судъ не явиться, понимая всю неловкость своего положенія на судѣ... И не только измѣнился количественно составъ свидѣтелей, опытъ прошлаго суда не прошелъ для нихъ даромъ, ихъ показанія значительно потеряли въ смыслѣ красочности и эффектности, хотя и теперь дѣло не обошлось безъ курьезовъ. Упомяну лишь объ одномъ, чтобы продемонстрировать полную неосвѣдомленность этихъ судей въ вопросахъ политики и социологіи. Приставъ Трусовичъ настойчиво увѣрялъ судей, что Бабкинъ, извѣстный подъ кличкой „Соломонъ-портной“, ѣздилъ въ Лондонъ „учиться анархическому дѣлу“, и на вопросъ, что же онъ подразумѣваетъ подъ „анархическимъ дѣломъ“, отвѣтилъ: „устройство экспроприаций, бомбометательство, вообще — разбой“...

Видя, что и настроеніе суда, и показанія свидѣтелей склоняются не въ пользу обвиненія, помощникъ прокурора Позднякъ прочелъ телеграмму главнаго военнаго суда, въ которой говорилось, что Главный Военный Судъ, по соглашенію съ председателемъ совѣта министровъ, призналъ необходимымъ привлечь насъ, въ случаѣ оправданія по 279 ст. — по 102 и 126 ст. уг. ул. И судъ, и прокуроръ, и защита сочли за лучшее продолжать начатое уже разбирательство, соединивъ его съ новымъ дѣломъ. И въ теченіе судебного слѣдствія Позднякъ особенно подчеркивалъ и напиралъ на данныя, уличавшія насъ въ принадлежности къ партіи.

Какъ на второмъ судѣ не могло быть и рѣчи объ обвинительныхъ приговорахъ, такъ теперь не могло быть сомнѣній, что судъ пойметъ предписанное. Его „гражданское мужество“ не въ силахъ было разрѣшить поставленную Главнымъ Военнымъ Судомъ дилемму по способу Александра Македонскаго — нечего было надѣяться на оправдательный приговоръ. Но суду

*) При дѣлѣ имѣлось извѣщеніе П. С. Р., о томъ, что Полковниковъ убить по постановленію партіи...

было очень трудно выбрать среди насъ „искупительныя жертвы“, данныхъ противъ насъ не было — ни противъ кого-либо одного изъ насъ, ни противъ всѣхъ сразу. Поэтому совѣщаніе суда продолжалось около четырехъ часовъ, пока, наконецъ, задача эта была разрѣшена. 279 ст. и 102 ст. были отклонены по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ. 126 ст. примѣнена, но только къ четверемъ изъ насъ: къ Бабкину (6 лѣтъ каторги), къ Векеру (ссылка на поселеніе), къ Болотинскому (4 года кат. раб.) и ко мнѣ (1 годъ крѣпости). Остальные были оправданы, но имъ еще разъ, кромѣ меня, Дорошенко и Троцкаго*) пришлось видѣть знакомую обстановку суда. Четвертый судъ закончился болѣе суровыми приговорами**), но оправданные въ предыдущемъ судѣ, вышли изъ зала суда оправданными и на этотъ разъ.

Такъ закончилось „дѣло объ убійствѣ г. м. Полковникова“, одно изъ тысячи ликвидаціонныхъ „дѣлъ“ послѣдняго времени...

Василій Зрочкій.

*) Третьій скрывался еще передъ первымъ судомъ; затѣмъ явился на второй судъ и фактъ вины съ всѣми остальными оправданъ и близка, на этотъ разъ съ хвѣт, чтобы больше не являться на судъ.

**) Бабкину — 8 лѣтъ кат. раб.; Векеру — 8 лѣт. кат. раб.; Болотинскому — ссылка на поселеніе.

Два предсмертныхъ письма.

I.

**Письмо Адольфа Бейма,
казненнаго 8-го дек. 1906 г. въ Красноярскѣ.**

Дорогіе товарищи!

Помните, что трехъ невинныхъ товарищей приговорили къ смерти. Винавать одинъ только я, не они!...

Эта кровь не должна быть забыта вами. Не судите зря обо мнѣ: я отдалъ все для народа — и юность, и жизнь, и любовь.

Я любилъ, моя любовь осталась — я умираю.

Но мнѣ не жаль ничего: я исполнилъ, что считалъ нужнымъ, и пожертвовалъ собой.

Простите товарищи, что одну только жизнь могу отдать для народа.

Прошу васъ еще разъ — не судите обо мнѣ зря.

Передайте эти слова на волю: это послѣднее мое желаніе.

Друзья! Братья, дорогіе, прощайте, прощайте, товарищи!

Цѣлую васъ всѣхъ.

Вашъ до могилы

Адольфъ Беймъ.

Красноярская тюрьма, 7 дек. 1906 г.

II.

**Письмо Павла Файнберга,
убитаго въ Иркутской тюрьмѣ товарищу Анѣ.**

„Не течетъ рѣка обратно,
„Что прошло — то неозвратно.“
(Изъ афоризмовъ А. К.)

Дорогой, милый товарищъ!

Вчера намъ передали только ваше письмо отъ 18 — IX. Да, тяжело и больно чувствовать себя, хоть на время побѣжденнымъ. Горько и обидно находиться въ лапахъ палачей и предателей свободы народной. Стѣны тюремныя гнетутъ и давятъ. Хочется крикнуть, да такъ

громко, чтобы крикъ твой могучій и бодрый проникъ во всѣ уголки быта народнаго, чтобы поднялъ онъ всѣхъ трудящихся на бой кровавый, на бой смертный. Гадко и мерзко сидѣть те перь, когда мы нужны тамъ — на волѣ: гдѣ нужна сила, энергія и самоотверженность. Собирайте остатки разбитаго корабля. Крѣпите паруса и смѣло и гордо выступайте въ бой.

Вотъ вамъ нашъ завѣтъ, нашъ товарищескій призывъ. Не сдавайтесь безъ боя! Какъ ни темно теперь, а впереди-то, впереди-то встаетъ огоньки, эти милые желанные огоньки.

Проваль у насъ грандіознѣйшій, а главное — глубѣйшій до чертиковъ. Дѣла наши переданы судебному слѣдователю и со вчерашняго дня уже начались допросы.

Держатся стойко и хорошо:

„Коли жить — будемъ жить,

„Умереть — такъ умремъ.“

Всего, всего вамъ хорошаго.

Крѣпко и горячо васъ обнимаю и цѣлую.

Вашъ Павелъ.

Горячій привѣтъ отъ всѣхъ товарищей. Нашихъ здѣсь до 60 человекъ, а всего въ тюрьмѣ 90 человекъ, вмѣстѣ съ женщинами.

Иркутская тюрьма 30-- IX. 06 г. Камера № 5.

Къ біографіи Александра III.

I.

(Записка къ ген.-адъютанту Черевину.)

Не смотря на мои частыя повторенія, что я не желаю, чтобы когда я выѣзжаю за мною ѣздили мушары и проч., я опять замѣчаю, что приказаніе мое не исполняется. Я не знаю ваши ли это люди или Грессера, но прошу распорядиться, чтобы этого болѣе не было, какъ мѣра совершенно лишняя и конечно ни къ чему не ведущая. — Я разрѣшаю Грессеру, когда онъ находитъ нужнымъ самому иногда слѣдовать за мною, когда извѣстно куда я ѣду, но кромѣ него я не разрѣшаю никому, потому что считаю эту мѣру глупою и весьма неприглядною.

Когда я ѣду по заведеніямъ или госпиталямъ, всегда все полицейское начальство той мѣстности является туда и конечно этого совершенно достаточно.

Прошу въ этотъ разъ слѣвать распоряженія разъ навсегда и чтобы не приходилось мнѣ повторять это каждый годъ снова; мнѣ это надобно.

Я никогда не мѣшаю Вамъ и Грессеру принимать мѣры, которыя вы находите нужными, но слѣдовать за собой положительно запрещаю.

А.

6 февраля 1885 г.

II.

(Телеграмма отъ 4 июля 1886 г.)

ТЕЛЕГРАФЪ Домъ Чюдъ и др. Принята съ аппарата
 изъ Александръ III № 11 Со станци № 2
 Телеграмма № 197 Прислать Кимъ

Разрешъ пр Ответъ 4 II о 19 Службы отъ г

Желать бы имѣть подробное донесеніе
 о несчастномъ взрывѣ бомбы на Пескахъ?
 были ли ранены кромѣ убитыхъ 15
 человекъ? Откуда была доставлена
 бомба и какой конструкціи новой или ста-
 рой что можно сдѣлать для семейства уби-
 тыхъ и кто они? Александръ

Желать бы имѣть подробное донесеніе о несчастномъ взрывѣ бомбы на Пескахъ были ли ранены кромѣ убитыхъ 15 человекъ? Откуда была доставлена бомба и какой конструкціи новой или старой что можно сдѣлать для семейства убитыхъ и кто они?

Александръ.

Отъ ред. — Первая записка Александра III относится къ началу 1885 г., когда партія Народной Воли была разбита и когда всё были далеки отъ мысли о возможности какихъ либо серьезныхъ попытокъ террористической борьбы.

Телеграмма 1886 г. была послана Александромъ III по поводу случайнаго взрыва гранаты въ Петербургѣ. Въ первый моментъ считали взрывъ результатомъ неудачнаго покушенія революціонеровъ.

Для Александра III во все время его царствованія мысль о бомбахъ была какимъ то кошмаромъ — къ ней онъ обращался ежесекундно. Возникновенія террористической партіи онъ боялся болѣе всего на свѣтѣ. Какъ видно изъ 8 N Былого, боязнь террористовъ въ 89-90 г.г. всецѣло охватила Александра III.

Мы надѣемся, что въ слѣдующихъ NN нашего журнала мы сможемъ дать новые документы о томъ, какую огромную роль игралъ терроръ въ русской жизни даже въ тѣ годы, когда среди революціонеровъ существовало самое рѣзкое отрицательное отношеніе къ нему, подъ знаменемъ терро-

ризма стояла лишь самая ничтожная часть революціонеровъ. Приведемъ кстати еще два документа, относящіеся къ характеристикѣ бывшей въ то время охраны царя. Въ настоящее время специальная охрана Николая II доходитъ до 300 чел.

ЗАПИСКА

завѣдывающаго
ОХРАННОЙ АГЕНТУРОЙ.

Секретно.

27 мая 1886 г.

№ 112

Тотъ часъ по прибытіи Ихъ Величествъ въ Петергофъ въ 3 часа 35 минутъ по полудни, я имѣлъ честь представиться Генераль-Адъютанту Рихтеру, заступившему мѣсто Главнаго Начальника Охраны; причѣмъ Генераль Рихтеръ отъ имени Генерала Черевина предложилъ Полковнику Ширинкину заготовить письмо въ четвергъ къ Вашему превосходительству, съ просьбой прислать еще сколько окажется нужно людей, такъ какъ 50 человекъ Охраны считаютъ не достаточнымъ.

Въ случаѣ согласія Вашего Превосходительства на командированіе дополнительно еще 30 человекъ охранной агентуры предполагаемый денежный расходъ не увеличится, такъ какъ въ помѣщеніи нынѣ занимаемомъ въ Петергофѣ по Волконской улицѣ въ домѣ Бота, могутъ помѣститься свободно 60 человекъ, 6 въ Оранжеваумѣ и 6-ть въ Стрѣльнѣ; 8-мъ же агентовъ изъявили желаніе перевести свои семейства и нанять для нихъ помѣщеніе на свой счетъ.

Полковникъ Ильинскій.

Его Превосходительству
С. Петербургскому
Градоначальнику

ЗА ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА

ОХРАНЫ

ЕГО ИМПЕРАТ. ВЕЛИЧЕСТВА

29 мая 1886 г.

№ 192.

ь г. Петергофъ.

Секретно

Милостивый Государь.

Петръ Аполлоновичъ.

Письмомъ отъ 23 сего мая за № 53, Ваше Превосходительство увѣдомили Главнаго начальника Охраны Его Величества о командированіи въ Петергофъ Полковника Ильинскаго, съ Охранною Агентурою въ 50 человекъ.

Генералъ-Адъютантъ Черевинъ, при передачѣ мнѣ (для исполненія) дѣлъ охраны, по случаю отъѣзда своего за границу, заявилъ, что вышеозначеннаго числа агентовъ не вполне достаточно, и что необходимо ходатайствовать объ увеличеніи числа ихъ до 80, какъ было въ прошломъ году.

Вслѣдствіе сего, имѣю честь покорнѣйшее просить Васъ, Милостивый Государь, не отказать, если подобные вышеупомянутымъ чины не особенно заняты службою по ввѣренному Вамъ Градоначальству, командировать въ Петергофъ, въ добавокъ къ присланнымъ 50-ти, еще 30 человекъ; и о послѣдующемъ не оставить меня увѣдомленіемъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ Вамъ почтеніи и преданности.

О. Рихтеръ.

Его Прев-ву
П. А. Грессеру.

Записка А. А. Лопухина

о развитіи революціоннаго движенія въ Россіи (1904 г.)

Въ качествѣ прокурора Харьковской Судебной Палаты мнѣ выпало на долю наблюдать почти воочию небывалое до тѣхъ поръ въ жизни русскаго народа явленіе: въ мартѣ 1902 г. крестьяне нѣсколькихъ, страдавшихъ въ теченіе пяти лѣтъ отъ неурожаевъ и голодовокъ деревень Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, встали, какъ одинъ человекъ, и пошли грабить сосѣднія помѣщичьи усадьбы.

Неподготовленные къ этому власти растерялись, оставляя преступленія роста безнаказанно. Движеніе быстро перенеслось въ сосѣдніе уѣзды — Полтавскій и Валковскій — Харьковской губерніи. Цѣлыя толпы крестьянъ, собиравшихся десятками и сотнями, двгались пѣшкомъ и на подводахъ, изъ усадьбы въ усадьбу, грабя и увозя съ собою все, что попало подъ руку. Распространяясь въ ширь, движеніе росло и въ своемъ ожесточеніи. Сначала крестьяне являлись въ экономіи и требовали хлѣба, картофеля и корма для скота, говоря: „не дадите — все равно возьмемъ“, затѣмъ стали брать все, что хотѣли, молча, безъ предварительныхъ требованій, затѣмъ кое-гдѣ принялись бить служащихъ въ экономіяхъ и, наконецъ, стали жечь усадьбы. Послѣдніе дни безпорядковъ ознаменовались многочисленными поджогами на двухъ крайнихъ пунктахъ охваченной волненіями мѣстности — подъ городомъ Валками и близъ Полтавы.

Рѣшительныя дѣйствія Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго остановили движеніе, но для всѣхъ, наблюдавшихъ его, было совершенно ясно, что въ слѣдующей стадіи безпорядковъ ни одинъ грабежъ не обошелся бы безъ поджога, и озвѣрѣвшій народъ сталъ бы рѣзать помѣщиковъ. Безпорядки эти поистинѣ достойные названія бунта, были до того ужасны, что, оцѣнивая ихъ теперь, почти черезъ три года, нельзя не содрогаться отъ основаннаго на наблюденіи надъ ними сознанія той неожиданной простоты, съ которой можетъ вспыхнуть въ Россіи и разростись народный мятежъ. Если наступитъ минута, когда въ значительномъ количествѣ губерній имперіи станеть жить не въ могогу и если въ одной изъ этихъ губерній появится какой либо виѣшній толчекъ для безпорядковъ, они могутъ разростись въ такое разнузданное движеніе, волны котораго охватятъ территорію столь обширную, что съ нимъ нельзя будетъ справиться безъ кровавой расправы.

Это достаточно доказали вышеописанные беспорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Въ нихъ сказались: обнищаніе крестьянства, сословная его приниженность, созданная долгими годами безправія, отсутствіе сознанія о законѣ и правѣ и тупая жестокость нравовъ. Голодные, не ѣвшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хлѣбъ безъ примѣсы соломы или древесной коры и давно уже не знавшіе мясной пищи, мужики шли грабить чужое добро съ сознаніемъ своей правоты, основаннымъ на безсходности положенія и на томъ, что имъ помощи ждать не отъ кого. И, дѣйствительно, всѣ власти, на коихъ возложено попеченіе о народномъ благосостояніи, оказались въ бездѣйствіи. Было обнаружено, что земскіе начальники годами не посѣщали многихъ мѣстностей своихъ участковъ; несомнѣнно существовавшій въ нѣкоторыхъ деревняхъ голодъ никому изъ властей не былъ извѣстенъ и никто понятія не имѣлъ о степени обдѣлннѣ населенія. Никто не зналъ, что, поставленный только подъ опеку власти и оставленный безъ охраны закона, народъ дошелъ до такого состоянія, что не только нищіе, но даже пользующіеся сравнительнымъ достаткомъ крестьяне способны, какъ то было въ дѣйствительности, идти на грабежъ въ предположеніи, что на это откуда то пришло разрѣшеніе. Никто не зналъ, что многіе изъ крестьянъ уже поддались преступной пропагандѣ. Губернаторъ и губернскія учрежденія не знали, что власти и учрежденія уѣздныя занимаются только канцелярской отпиской, не дѣлая никакого живого дѣла. Они въ своей чиновничьей косонности и не могли ничего знать и дѣлать. Ничего не знало и министерство, ослѣпленное вѣрой въ живучесть своихъ мѣстныхъ органовъ и робкимъ молчаніемъ газетъ.

Беспорядки кончились. Былъ смѣненъ губернаторъ и, что весьма характерно для министерскихъ порядковъ, ровно черезъ годъ смѣненъ тотъ земскій начальникъ, въ участкѣ котораго возстаніе вспыхнуло и относительно котораго было при этомъ обнаружено, что онъ за нѣсколько лѣтъ своей службы на должности земскаго начальника ни разу не былъ ни въ одной деревнѣ своего участка. Этими двумя распоряженіями было закончено „дѣло“ о беспорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ явленій при этихъ беспорядкахъ была революціонная пропаганда. Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія она не была извѣстна нашей деревнѣ. Съ конца ноября или начала декабря 1901 года она, почувявъ благодарную почву, появилась въ Константиноградскомъ и Полтавскомъ уѣздахъ и съ изумительной быстротой возымѣла свое дѣйствіе. Быстрота эта объясняется, помимо благоприятныхъ мѣстныхъ условий, замѣчательно умѣлымъ подборомъ книжекъ, распространявшихся среди крестьянъ. Имъ раздавались печатанные въ Галиціи на малорусскомъ языкѣ рассказы изъ народнаго быта, рисовавшіе и экономическое неравенство и неравенство сословій передъ закономъ, равнодушіе къ крестьянамъ и произволъ властей, тяжесть налоговъ, причины оскуднѣнія крестьянства; въ доступной ихъ малограмотности

формъ имъ давались объясненія всему тому, тяжесть чего они чувствовали, но не понимали, и указывался выходъ — идти противъ богатыхъ, которые живутъ на ихъ счетъ и идти противъ властей, которыя существуютъ только для богатыхъ. Преступныя книжки распространялись въ народѣ въ большомъ количествѣ и читались съ огромнымъ интересомъ. Когда, по окончаніи безпорядковъ, жандармскій офицеръ и товарищъ прокурора выѣхали на мѣсто производить дознаніе, то въ теченіе первыхъ трехъ дней они въ пяти небольшихъ, дворовъ по 12—18, деревняхъ, производя допросы, попутно отобрали 120 революціонныхъ брошюръ, своимъ растерзаннымъ и запачканнымъ видомъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о количествѣ мужицкихъ рукъ, черезъ которыя онѣ прошли. Наблюдая за дознаніемъ по этому дѣлу, я лично видѣлъ крестьянъ, которые свободно вводили въ свою рѣчь ходячіе термны соціалистической литературы и даже въ тюрьмѣ оставались непреклонными въ отрицаніи властей, царя и бога.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Ни одинъ изъ поставленныхъ на очередь грозными событіями вопросовъ не получилъ разрѣшенія и даже не было сдѣлано ничего для усиленія полицейской охраны объединеніемъ ея разрозненныхъ органовъ. За это время во многихъ уѣздахъ Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Херсонской и Кіевской губерній происходили систематическіе поджоги крестьянами помѣщичьихъ усадебъ. Въ Саратовской губерніи крестьяне, въ теченіе одного лѣта, шестнадцать разъ поджигали усадьбу помѣщика Ермолаева, въ Тамбовской — усадьба статсъ-секретаря Безобразова въ теченіе пяти мѣсяцевъ была подожена одиннадцать разъ, въ одной волости Кіевской губерніи, въ теченіе полутора года было совершенно семьдесятъ восемь поджоговъ дворянскихъ имѣній. Лѣтомъ 1904 г. въ Херсонской губерніи было три случая, когда крестьяне, скопищами въ сотни человекъ, нападали на помѣщичьи экономіи, грабили ихъ, поджигали и убивали служащихъ въ нихъ. Отношенія между крестьянами и землевладѣльцами въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ дошли до такого напряженія, что послѣдніе перевозятъ цѣнности въ города, бросаютъ свои родовыя гнѣзда, предпочитая имущественныя потери жизни безъ увѣренности въ личной безопасности. Все это, пріобрѣта значеніе обыкновенныхъ явленій, должно было бы подвинуть разрѣшеніе неразрѣшенныхъ до сего времени мѣстныхъ и государственныхъ вопросовъ, на дѣлѣ же привело къ обратному пути, и самая обыденность событий, дѣлающихъ жизнь въ деревнѣ невозможной, только расширила кругъ примѣненія частныхъ, паллиативныхъ мѣръ и отвлекла правительство отъ мѣръ общихъ.

Противоправительственная пропаганда, не имѣвшая еще недавно никакого успѣха въ крестьянской средѣ, теперь мѣстами начинаетъ властно руководить ею. Во всѣхъ вышеперечисленныхъ губерніяхъ разнуданные проявленія сословной ненависти были результатомъ революціонной пропаганды, находившей для своего успѣха тѣ же благоприятныя условія, что и въ Полтавской и Харьковской губер-

няхъ, — тѣ же обезземеленіе, обнищаніе, правовую и духовную принижѣнность сельскихъ обывателей, произволъ и бездѣйствіе властей.

При общихъ органическихъ недостаткахъ условій мѣстной и государственной жизни, борьба съ крамолой одними полицейскими мѣрами была безсильной. Правительство усугубило репрессіи. Имъ стали подвергаться не только тѣ, кто, ища смуты и добываясь ниспроверженія государственнаго строя, обращалъ наиболѣе вопросы въ средство преступной агитаціи, но и тѣ, кто подымалъ эти вопросы въ искреннемъ стремленіи ускорить ихъ благопріятное для государства разрѣшеніе. Обрушиваясь на сторонниковъ порядка, виноватыхъ только въ самостоятельности мнѣній, административныя кары окончателно откололи ожидавшее удовлетворенія своихъ нуждъ общество отъ правительства. Недовольство охватило такіе слои населенія, которые были всегда опорой порядка и власти. На почвѣ этого недовольства самыя ужасныя проявленія революціонной дѣятельности подпольныхъ кружковъ перестали вызывать хотя бы слабую реакцію. Общество, чуть ли не съ одобреніемъ, стало относиться къ убійству тѣхъ, въ лицѣ коихъ, въ его глазахъ, воплощались и чиновничье безразличіе къ насущнѣйшимъ потребностямъ государства и народа и господство власти надъ закономъ, власти сильной только для преслѣдованія и безсильной для созиданія, начавшей терять мѣру справедливости. Все общественное недовольство сосредоточилось на носителѣ этой власти, бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, видя въ немъ того, кто не допускаетъ народъ искать спасенія у подножія престола.

А революціонное движеніе все росло и росло. Несмотря на страшное напряженіе всѣхъ силъ и общей и государственной полиціи, съ успѣхомъ дѣйствовавшихъ въ отдѣльныхъ, многочисленныхъ случаяхъ, движеніе усилилось и въ ширь и въ глубь и дошло до высшей степени напряженія. За три послѣдніе года были своевременно обнаружены шесть террористическихъ заговоровъ, арестовано около семидесяти подпольныхъ типографій, разбиты многіе противоправительственные кружки, и при всемъ этомъ пе только самое преступное движеніе, но и наиболѣе опасная его тенденція— террористическая усиленно развивается. Съ весны текущаго года, въ городахъ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Бердичевѣ, Екатеринославѣ и Одессѣ народилось новое явленіе анархизма, проповѣдывающаго разрушеніе для разрушенія. Благодаря совершенно невыносимымъ условіямъ, въ которыхъ скученный въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣлости, проживаетъ еврейскій пролетаріатъ, въ его средѣ анархизмъ пустилъ прочные корни. Только въ февралѣ мѣсяцѣ впервые появились его зачатки, а съ тѣхъ поръ, въ февралѣ, въ Вильнѣ былъ произведенъ взрывъ триумфальной арки. Тамъ же, 3 октября, произведенъ взрывъ за городомъ, 6 октября брошена бомба въ помѣщеніи полицейскаго участка, на дняхъ арестовано нѣсколько лицъ за изготовленіемъ ручной бомбы, въ маѣ арестованы въ Вильнѣ два анархиста съ пятью револьверами, прибывшіе для организаци

одновременнаго убійства пяти должностныхъ лицъ, въ іюні большоѣ кружокъ анархистовъ арестованъ въ Одессѣ, нѣсколько мелкихъ кружковъ ихъ арестовано въ городахъ сѣверо-западнаго края, при чемъ въ одномъ случаѣ у членовъ кружка обнаружено нѣсколько десятковъ кистеней и кинжаловъ, заготовленныхъ для вооруженнаго нападенія на полицію. Вооруженныя нападенія эти не только подъ вліяніемъ анархистскихъ организацій, но и вслѣдствіе агитаціи ранѣе существовавшихъ организацій революціонныхъ, въ настоящее время повторяются то тутъ, то тамъ почти ежедневно, и уже въ Москвѣ, 5 декабря, толпа политическихъ манифестантовъ встрѣтила полицію многочисленными выстрѣлами. Возбуждаемая этими событіями толпа, поддерживаемая почти сочувствіемъ общества и безсиліемъ власти устранить коренныя причины народившагося политическаго хаоса, пріучается къ террору. А терроръ доходитъ до крайнихъ предѣловъ дерзости, поражая низшихъ и высшихъ должностныхъ лицъ. Теперь же террористическимъ заграничнымъ кружкомъ задачей поставлено царубійство.

6 декабря 1904 года.

Откровенныя показанія

Н. А. Добротворскаго.

Копія съ откровеннаго показанія даннаго Начальнику Смоленскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ присутствіи Адъютанта Управленія содержащимся въ Смоленскомъ Тюремномъ Замокѣ потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Николаемъ Александровичемъ Добротворскимъ 18, 19 и 20 июля 1889 г. (Прислана въ Петербургъ при отношеніи [отъ 24 июля 1889 г., за № 15].)

Восемнадцатаго (18) Іюля 1889 года я рѣшаюсь откровенно и безъ утайки разсказывать все, что я знаю по дѣлу о Хмѣлевскомъ и Дьяковѣ. До сихъ норъ я не давалъ откровеннаго показанія потому, что не имѣлъ возможности переговорить объ этомъ лично съ г. Начальникомъ жандармовъ, видѣлъ его только въ присутствіи прокурорскаго надзора, а при этомъ послѣднемъ мнѣ обнаруживаться не хотѣлось. Теперь же, добившись личнаго свиданія съ жандарскимъ Начальникомъ и жандарскимъ офицеромъ Поярковымъ, успокоенный ихъ словомъ, что я своими откровенными признаніями не принесу во всякомъ случаѣ вреда и заслужу снисхожденіе, я съ откровенностью готовъ даже показать все извѣстное мнѣ въ революціонномъ мірѣ, но съ тѣмъ, конечно, необходимымъ условіемъ, чтобы мое имя не было скомпрометировано въ глазахъ общества и въ особенности, чтобы не подвергнуться мести со стороны революціонеровъ.

Начну со знакомства съ Середой. Знакомство это состоялось, если не ошибаюсь, въ первый разъ въ лавкѣ книжной, которую я держалъ здѣсь въ Смоленскѣ нынѣшней зимой. Онъ часто ходилъ ко мнѣ въ лавку продавать поддержанные учебники и покупалъ кое какія книги. При разговорахъ съ нимъ, я узналъ, что онъ знакомъ коротко съ М-ле Романовой (женою Зайчневскаго, нынѣ арестованной), съ которой знакомъ былъ такъ же и я. На этомъ у насъ и состоялось сближеніе. Романова нѣсколько разъ, заходя ко мнѣ въ лавку, говорила мнѣ о Середѣ, какъ о человѣкѣ, не только „вполнѣ надежномъ“ (первая рекомендація для революціонера), но и человѣкѣ хотя чтонибудь „дѣлающемъ“. Это не разъ было высказано ею въ пику мнѣ, такъ какъ, по ея мнѣнію, я тогда ничего не дѣлалъ революціоннаго. Разъ она мнѣ сообщила, что Середа устраиваетъ здѣсь въ Смоленскѣ, кружковыя чтенія, въ которыхъ примутъ участіе семинаристы, гимназисты и нѣкоторые изъ молодыхъ людей, и пригласила меня на первое чтеніе, сказавши при этомъ, что здѣсь будетъ присутствовать, между прочимъ, и Зайчневскій, пріѣзжавшій въ ту пору изъ Орла въ Смоленскъ. Вечеромъ, передъ тѣмъ какъ закрывать лавку, ко мнѣ зашелъ Середа и тоже пригласилъ на чтеніе. Мы съ нимъ и отправились на одномъ извозчикѣ въ квартиру двухъ учительницъ

живущих на углу Старо-Петербургской ул. и Свѣной площади въ д. Морозова, вверху. На чтеніи я дѣйствительно засталъ Зайчневскаго, который жарко и горячо говорилъ на тему о необходимости единенія молодежи противъ предразсудковъ общества и противъ тѣхъ „суетныхъ образовъ“, которые угнетаютъ въ настоящее время всѣхъ честныхъ людей. Большинство публики, собравшейся здѣсь, очевидно не совсѣмъ хорошо понимали его, что выразилось и во мнѣніяхъ присутствовавшихъ послѣ рѣчи Зайчневскаго. Зайчневскаго рекомендовалъ Середа не подѣ его фамиліей, а подѣ какой то выдуманной (Ивановъ или Григорьевъ).

Кромѣ его здѣсь была Романова, семинаристъ Зыковъ, другіе фамилій не помню, такъ какъ потомъ съ этими людьми не встрѣчался. Вечеръ этотъ былъ въ квартирѣ учительницъ, изъ которыхъ одной фамилія Вѣлова. Здѣсь былъ, между прочимъ, юнкеръ изъ Копорскаго или Нарвскаго полка, завѣдующій въ своемъ полку библиотеккой. Онъ нѣсколько разъ бывалъ и у меня въ лавкѣ, продавая подержанныя книги; фамилія его литовская, но я ее не запомню. Это знакомый г-жи Бѣловой и Середы.

На второмъ собраніи, устроенномъ Середою, я также былъ, но ни Романовой, ни Зайчневскаго здѣсь не было. Была читана здѣсь статья Щербина о задачахъ русской общественной мысли (изъ „Русской Мысли“), которая возбудила много толковъ. На чтеніи были двѣ учительницы — хозяйки квартиры, Середа, нѣсколько реалистовъ, студентъ Малянтовичъ и Глинка, (не тотъ, что арестовали, а смоленскій Вячеславъ), они много говорили и спорили. Послѣ этого собранія прекратились, такъ какъ учительницы отказали въ квартирѣ, говоря, что они боятся этихъ чтеній. Тогда Середа сталъ искать для себя „дѣла“ и съ этой мыслью отправился въ Москву. Тамъ знакомые студенты (Малянтовичъ и др.) облизнили его должно быть съ революціонерами и онъ пріѣхалъ оттуда въ началѣ мая еще болѣе фанатикомъ революціи чѣмъ былъ до того времени. Онъ пришелъ ко мнѣ и сталъ предлагать разные проекты „дѣла“, „настоящаго дѣла“. Между прочимъ, онъ предлагалъ мнѣ поставить у меня въ лавкѣ легальную часть такъ называемой гимназической библиотекки: нелегальную же ея часть онъ помѣстилъ гдѣ то въ другомъ мѣстѣ (или у учительницъ упомянутыхъ, или у студента Малянтовича). Книги эти изъ гимназической библиотекки находились у меня въ лавкѣ до самаго закрытія, затѣмъ онѣ были забраны Середою къ себѣ домой въ Дубровку, нелегальная же часть библиотекки была увезена Хмѣлевскимъ впоследствии къ себѣ въ Духовщину и тамъ, по его сообщенію, гдѣ то зарыта.

По пріѣздѣ въ Смоленскъ Середа столкнулся у меня въ квартирѣ съ Хмѣлевскимъ, человекомъ также фанатично преданнымъ дѣлу революціи и постоянно болтавшимъ со всякимъ встрѣчнымъ революціонную дребедень. Хмѣлевскій мнѣ былъ знакомъ издавна; я познакомился съ нимъ еще въ то время, когда редактировалъ „Смоленскій Вѣстникъ“ (въ 1887 г.), и съ тѣхъ поръ онъ часто бывалъ у меня, принося мнѣ поправлять свои литературныя работы и иногда проживалъ у меня въ теченіи нѣсколькихъ дней. На этотъ разъ онъ пріѣхалъ изъ Духовщины, кажется, вскорѣ послѣ Пасхи и поселился у меня на житье, такъ какъ я ему предложилъ одну компетитивную работу, (по составленію сборника земскихъ постановленій, ибо я самъ занимался въ это время въ Губернскомъ Земствѣ), за столъ и квартиру.

Съ Середой Хмѣлевкѣй сошелся очень скоро, и вотъ тутъ то они на меня вдвоемъ и насѣли, говоря, что нужно что-нибудь „дѣлать“, что „дѣлать“ настало время и т. д. Я признаю къ стыду и прискорбію своему согласился съ ними, что дѣлать что-нибудь въ смыслѣ революціонномъ нужно, и вотъ былъ выработанъ такого рода планъ: во первыхъ, завести собственную типографію, нелегальную, разумеется, и во вторыхъ (да проститъ мнѣ Богъ!) организовать какое-нибудь покушеніе, если не на Особу самого ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, то по крайней мѣрѣ на кого либо изъ его приближенныхъ, не для самаго убійства однако, а только для того, чтобы надѣлать шуму, такъ какъ такой шумъ полезенъ, такъ сказать, въ томъ смыслѣ, что будить общество отъ спячки. Наибольше ярымъ защитникомъ теоріи убійства или по крайней мѣрѣ покушенія явился Середа, какъ фанатикъ революціи. Хмѣлевскій только поддерживалъ его, а же лишь въ концѣ концовъ согласился, но и то съ тою только оговоркою, что я самъ никогда не пойду на это дѣло и отдаю его на волю другимъ. „Охотники найдутся“, — заключилъ Середа этотъ разговоръ.

Сознаніе, какъ говорятъ, половина исправленія. Но настоящее мое положеніе таково, что сознаніе есть чистое исправленіе, такъ какъ я, въ искупленіе своей вины, не только самъ и охотно и откровенно сознаюсь во всемъ, что было, но еще и обязуюсь предрекающей власти во всѣхъ ея начинаніяхъ противъ революціонеровъ. Такое раскаяніе можетъ быть названо искреннимъ исправленіемъ, и дальнѣйшая моя дѣятельность въ качествѣ агента Жандармскаго Управленія, если только мнѣ это дозволено будетъ, докажетъ вполне, на сколько моя исповѣдь искренна и моя вина заслуживаетъ прощенія.

19-го Іюля.

Для организаціи покушенія предполагалось набрать соотвѣтствующихъ людей и поѣхать въ Петербургъ, гдѣ нанять домъ и оттуда произвести выстрѣлъ, чтобы онъ такимъ образомъ получалъ возможно большую гласность. Середа на первыхъ порахъ предлагалъ устроить подкопъ, по примѣру прежнихъ покушеній, но въ концѣ концовъ согласился, что такъ изъ дома произвести выстрѣлъ будетъ лучше. Къ этому заявился въ Смоленскъ Дьяковъ, который пришелъ ко мнѣ по рекомендательному письму Арцыбушева изъ Курска. Онъ сразу же съ первыхъ словъ заявилъ себя яримъ, даже до дикости яримъ, революціонеромъ и сталъ упрекать насъ въ томъ, что мы ничего не дѣлаемъ. Видя что съ этимъ человѣкомъ скрываться нечего, мы ему объявили то, что задумали, и онъ не только согласился со всѣми, но съ восторгомъ присоединился къ намъ, обѣщая достать денегъ, заработавъ ихъ частной землемѣрной практикой. Въ это время составилъ и планъ заведенія типографіи. Для этого я предложилъ пока воспользоваться своимъ знакомствомъ съ наборщиками типографіи Елишева и поговорить съ ними относительно того, не возможно ли будетъ достать часть шрифта изъ этой типографіи. Изъ наборщиковъ болѣе всѣхъ знакомъ былъ мнѣ Звѣринъ, набравшій газету „Смоленскій Вѣстникъ“, въ которой я, какъ уже упомянулъ выше, работалъ. Его я правда хорошо не зналъ, но многіе разговоры въ тѣхъ намскахъ, которые у насъ бывали съ нимъ въ типографіи прежде, показывали мнѣ, что этотъ человѣкъ стоитъ близко къ революціонному дѣлу. Поэтому я съчелъ возможнымъ обратиться къ нему съ указаннымъ предложеніемъ безъ особаго колебанія. Разъ какъ то

онъ приходитъ ко мнѣ въ лавку, гдѣ находились мы съ Хмѣлевскимъ, и я завожу съ нимъ разговоръ на счетъ того, что хорошо было бы завести, для распространенія нелегальныхъ сочиненій, собственную подпольную типографію. Звѣринъ принялъ это весьма сочувственно, познакомился тутъ же съ Хмѣлевскимъ, и предложилъ самъ свои услуги по доставленію шрифта изъ типографіи Елишева, говоря, что „теперь это удобно“. Чтобы еще болѣе поддержать въ немъ эту охоту, я сказалъ, что и въ другихъ городахъ предпріяты то же самое, хотя ничего подобнаго не зналъ ни о какомъ другомъ городѣ. Хмѣлевскій при этомъ съ своей стороны вызвался ходить къ Звѣрину на квартиру и брать у него украденный шрифтъ по мѣрѣ его накопленія и затѣмъ прятать его. Звѣринъ таскалъ шрифтъ по такъ называемымъ „газетнымъ днямъ“ т. е. въ дни, предшествующіе выходу газеты „Смоленскій Вѣстникъ“ — по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, когда въ качествѣ газетнаго метранпажа оставался послѣ всѣхъ въ типографіи для верстки газеты. На другой день утромъ къ нему приходилъ Хмѣлевскій и забиралъ у него имѣющійся шрифтъ, который затѣмъ относилъ за городъ и зарывалъ въ землю гдѣ-то въ кустахъ. Одинъ или два раза шрифтъ забиралъ Середа, но гдѣ его сохранялъ неизвѣстно. Середа познакомился съ Звѣринымъ въ первый же день послѣ указаннаго соглашенія между мною, Хмѣлевскимъ и Звѣринымъ, если не ошибаюсь, въ гостиницѣ „Желѣзная дорога“, куда мы въ лавкѣ пригласили Звѣрина для болѣе подробныхъ переговоровъ. Сюда же пришелъ и Середа, по нашему увѣдомленію. Въ этой же „Желѣзной дорогѣ“ происходили совѣщанія нѣсколько разъ и потомъ, такъ какъ Звѣринъ боялся ходить ко мнѣ на квартиру и всегда просилъ, чтобы устраивать свиданія съ нимъ или у него на квартирѣ, или же въ гостиницѣ. У меня на квартирѣ Звѣринъ былъ всего два раза; въ „Желѣзной дорогѣ“ я съ нимъ видѣлся тоже два два. Что же касается Середы и Хмѣлевскаго, то они ходили къ Звѣрину на квартиру черезъ каждые два дня, послѣ „газетныхъ дней“, какъ уже было сказано. Когда шрифта набралось порядочно (около пуда, какъ я слышалъ), рѣшили, что его слѣдуетъ отвезти куда нибудь въ деревню, такъ какъ здѣсь въ Смоленскѣ сохранять его неудобно. Но передъ этимъ на сходѣ въ „Желѣзной дорогѣ“ мы рѣшили, что надо напечатать подписные листочки для собиранія денегъ, такъ какъ безъ денегъ нельзя достать типографскаго станка, необходимаго для печатанія. Съ этой цѣлью Звѣринъ обѣщалъ достать изъ типографіи линейки и необходимый шрифтъ и назначилъ время, когда можно было придти къ нему на квартиру для сдѣланія оттисковъ. Въ назначенный день Середа и Хмѣлевскій отправились къ нему на квартиру часовъ въ 10 вечера, захвативши съ собой кусокъ кожи, сукна и щетку — вещи, которыя просилъ принести Звѣринъ, такъ какъ они были нужны для оттисковъ. Въ гостиницѣ же былъ написанъ текстъ заголовка подпольныхъ листковъ. Уйдя къ Звѣрину въ 10 часовъ вечера, они вернулись оттуда часовъ въ 5 утра и принесли съ собой что то только 20 листковъ, на которыхъ было отгиснуто :

„Отъ Исполнительнаго Комитета“.

„Исполнительный Комитетъ приглашаетъ русскихъ гражданъ къ жертвованіямъ въ пользу лицъ, пострадавшихъ отъ насилія русскаго, правительства“.

Изъ этихъ листковъ я взялъ себѣ два, два или три взялъ Середа остальное увезъ съ собою въ Духовщину Хмѣлевскій вмѣстѣ со всѣмъ

кими нелегальными сочинениями. бывшими въ библиотекѣ гимназической и хранившимися гдѣ-то въ частномъ домѣ по просьбѣ Середы (кажется, у реалиста Малияновича или у учительницъ, живущихъ на углу Старо-Петербургской ул. и Свѣной площади). вмѣстѣ съ этимъ онъ отвезъ и шрифтъ, уложивши его въ чемоданъ. Когда потомъ онъ прѣхалъ въ Смоленскъ, я спросилъ его, какъ и гдѣ онъ спряталъ все, что увезъ, и онъ мнѣ сказалъ, что „нелегальныя изданія и подписные листочки зарыты имъ въ Духовщинѣ въ землю, что же касается шрифта, то онъ находится въ надежномъ мѣстѣ близъ станціи Духовской въ 2-хъ верстахъ отъ нея“.

Отъѣздъ Хмѣлевскаго произошелъ въ мое отсутствіе, въ то время когда я былъ, кажется, у Павлинова въ деревнѣ. Середа же присутствовалъ при этой отправкѣ и они вмѣстѣ съ нимъ вырывали изъ земли шрифтъ и пересыпали его въ чемоданъ. Кромѣ устройства типографіи у насъ имѣлось въ виду еще собрать съѣздъ революціонеровъ, такъ какъ партія „Народной Воли“ и всѣ вообще старыя названія, старыя формы отжили и потеряли всякій смыслъ и значеніе. Поэтому для установленія новаго образа дѣйствій, предполагалось собрать съѣздъ, чтобы на немъ условиться касательно возможныхъ дѣйствій и возможной программы на новыхъ началахъ. Первую мысль объ этомъ подалъ Дьяковъ, въ Апрѣлѣ, когда прѣхалъ изъ Курска, при чемъ утверждалъ, что этою мыслию заняты въ настоящее время Арцыбушевъ и Заячневскій, какъ онъ слышалъ объ этомъ отъ перваго. Эта мысль понравилась намъ и мы рѣшили съестись по этому поводу съ Заячневскимъ и Арцыбушевымъ, тѣмъ болѣе, что къ этому представлялся удобный случай, такъ какъ мнѣ лично нужно было ѣхать въ Курскъ, такъ какъ я уговорился съ Фисенко, надателемъ „Курскаго Листка“. Но въ это время послѣдовали аресты въ Курскѣ и Орлѣ и Заячневскій съ Арцыбушевымъ были взяты и мнѣ такъ и не удалось переговорить объ этомъ; ѣхать же дальше Курска куда нибудь, напримѣръ, въ Харьковъ, Кіевъ, чтобы тамъ наставить на собраніе съѣзда я не могъ, такъ какъ не имѣю въ этихъ городахъ никакихъ знакомствъ, да и ѣхать спеціально за этимъ мнѣ не хотѣлось и не было денегъ. Къ этому же я получилъ въ это время въ Курскѣ болѣзнь довольно неприятную, которая заставила меня даже бросить брошюру и ѣхать обратно въ Смоленскъ.

По подписному листу, который я взялъ съ собой, я собралъ около 30 рублей (другой листъ я уничтожилъ), изъ нихъ главную сумму я получалъ въ Рославлѣ при содѣйствіи учителя городского училища Протопопова, который какъ человѣкъ крайнихъ убѣждений, близко къ сердцу принялъ дѣло собранія денегъ между своими знакомыми, набралъ мнѣ 18 или 19 рублей. Затѣмъ одинъ рубль я получилъ здѣсь, въ Смоленскѣ, отъ Форенкранца, ученика Московской евангелической гимназіи, съ которымъ я познакомился еще по книжной лавкѣ, такъ какъ онъ часто ходилъ въ лавку продавать и покупать книги. Съ Протопоповымъ я познакомился давно у Васильева, бывшего сотрудника „Смоленскаго Вѣстника“ и зналъ его всегда, какъ человѣка крайняго. Предпоследній разъ я съ нимъ встрѣтился какъ то въ гостинницѣ, гдѣ онъ и сообщилъ мнѣ, что въ Рославлѣ можно собрать денегъ. Гдѣ и у кого собиралъ деньги Середа я не знаю, но помню, что онъ говорилъ, что одинъ подписной листокъ онъ отдалъ реалисту Малияновичу. У него ли онъ въ настоящее время — не знаю. Хмѣлевскій съ своей стороны говорилъ мнѣ, что онъ отослалъ одинъ

листокъ въ Горы-Горки, откуда онъ и надѣялся скоро получить много денегъ, говоря, что тамъ сборъ былъ „удачень“.

20-го Апрѣля въ Рославль къ Протопопову я заѣзжалъ когда ѣхалъ въ Курскъ.

По прїѣздѣ моемъ изъ Курска въ Смоленскъ я позванъ былъ къ допросу въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о Зайчневскомъ. Это меня не мало обезпокоило. Здѣсь же въ Смоленскѣ я засталъ и Середу, который также началъ бояться, не случилось ли чего съ Хмѣлевскимъ. Вслѣдствіе этого мы написали ему въ Духовщину шифрованное письмо, въ которомъ объяснили, что нужно „спрятать все хорошенько“. Шифръ у насъ былъ такъ называемый буквенный: ключъ къ нему три буквы „сам“; письма, писанныя такой шифровкой, легко отличить отъ обыкновенныхъ писемъ тѣмъ, что при шифрѣ слова всѣ пишутся слитно и пробѣлъ въ серединѣ слова показываетъ, гдѣ слова кончаются (значеніе шифра выяснено жандармскому адъютанту). Впрочемъ, такъ какъ писать этимъ шифромъ очень мудро и можно только съ величайшею медленностью, то онъ не употреблялся нами и имъ было написано, по крайней мѣрѣ мною, только одно это письмо. Шифръ былъ извѣстенъ только мнѣ, Хмѣлевскому, Середѣ и кажется сообщенъ Хмѣлевскимъ еще Звѣрину и Дьякову. Считаю нужнымъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ для характеристики Середы. Онъ издавна считался въ Смоленскѣ главаремъ всѣхъ революціонеровъ, такъ какъ былъ во всякомъ случаѣ и умѣе всѣхъ изъ молодежи и извѣстенъ всѣмъ со школьной скамьи. У него много знакомыхъ среди семинаристовъ, гимназистовъ, реалистовъ и гимназистокъ. Еще когда я не былъ знакомъ съ нимъ я уже слышалъ о немъ, какъ о выдающемся человѣкѣ, умномъ, оригинальномъ и талантливымъ. Необходимо замѣтить, что Середа дѣйствительно, не смотря на свою молодость, человѣкъ очень умный и обладаетъ кромѣ того, несомнѣнными организаторскими способностями, трезвостью и ясностью мысли и достаточной дозой практичности. Все это въ соединеніи съ замѣчательной прямолинейностью его крайнихъ убѣжденій производитъ особое впечатлѣніе и заставляетъ невольно обращать вниманіе на эту личность. Даже я, человѣкъ пожилой, и опытный, поддался какъ то безотчетно, не замѣтно для себя (теперь проанализировавъ все это, я уже начинаю сознавать это) вліянію этой личности и, находясь подъ обаяніемъ ея, началъ, послѣ 6 или 7 лѣтъ, спокойно проведенныхъ, снова заниматься этими сумбурами. Я, конечно, сильнѣе его въ теоретическомъ отношеніи, но въ вопросахъ чисто практическаго свойства онъ всегда бралъ перевѣсъ; первенство оставалось за нимъ также и въ томъ, что онъ съ большимъ жаромъ и энергіей брался за дѣло и непремѣнно старался довести его до конца. Я увѣренъ, что если бы не онъ, никогда никакого дѣла мы бы и не начали, или скоро соскучились бы и не довели его до середины, такъ какъ я человѣкъ теоретически кабинетный и не способный, собственно говоря, ни къ какому практическому дѣлу. Хмѣлевскій же слыхкомъ недалекъ для этого, Дьяковъ — дикъ и не можетъ имѣть вліянія на людей. Середа, выражаясь на языкѣ научномъ, „матойдъ“, т. е. человѣкъ до крайности прямолинейный и фанатическій, пожалуй, немножко сумасшедшій, но непремѣнно увлекающій другихъ на тотъ путь, по которому самъ идетъ. Вотъ почему онъ и сталъ во главѣ дѣла. Середа былъ очень друженъ съ Аделаидою Романовой, которая (въ первый разъ) и познакомила его съ Зайчневскимъ и съ которой они

долго возились здѣсь въ Смоленскѣ надъ организаціей кружка (это еще до моего съ ними знакомства) и надъ устройствомъ чтеній и собраній. Съ Ольгой Романовой у него также, очевидно, были хорошія отношенія, такъ какъ она пересылала ему какія то письма и брала у него для чтенія разную революціонную дребедень (изъ гимназической бібліотеки, которая находилась въ вѣдѣніи Середы), я знаю это потому, что Ольга Романова разъ или два передавала письма Середѣ черезъ меня и разъ просила меня, встрѣтивъ меня на улицѣ, передать революціонную брошюру, подъ заглавіемъ „Борьба съ“... (чѣмъ именно не упомяну, потому что самъ не читалъ и видѣлъ только заголовокъ).

Изъ знакомыхъ Середы выдѣляется семинаристъ Зыковъ, воспитаникъ одного изъ старшихъ классовъ семинаріи. Это такой же убѣжденный революціонеръ, какъ и реалистъ Малянтовичъ, кажется онъ зналъ о шрифтъ и у него былъ подписной листъ, хотя я этого категорически утверждать не могу. Зыковъ этотъ вель прямыя и непосредственныя отношенія съ Середою и распространялъ нелегальныя сочиненія изъ гимназической бібліотеки по семинаріи, Я самъ разъ видѣлъ, какъ онъ принесъ Середѣ въ его квартиру нѣсколько нелегальныхъ сочиненій.

Не могу не отмѣтить здѣсь изъ числа знакомыхъ Середы одного курьезнаго возмутительнаго субъекта священника - революціонера, котораго онъ приводилъ какъ-то ко мнѣ на квартиру. Было это, должно быть, въ Февраль мѣсяцѣ. Разъ Середа, уже довольно коротко познакомившійся со мной, приходитъ ко мнѣ въ лавку и говорить, что сюда въ Смоленскъ пріѣхалъ его знакомый священникъ-революціонеръ и что если я желаю, онъ можегъ познакомить меня съ нимъ. Меня, признаться, сильно заинтересовала такая личность, такъ какъ я до сихъ поръ никогда не видывалъ еще среди духовныхъ лицъ революціонеровъ и я съ охотою согласился на знакомство. Вечеромъ въ тотъ же день послѣ 8 часовъ, когда я возвратился изъ лавки, приходитъ ко мнѣ на квартиру Середа и съ нимъ вмѣстѣ священникъ, оказавшійся дѣйствительно ярымъ революціонеромъ. Онъ, ничтоже сумняшеся, почти съ первыхъ же словъ началъ цинически говорить, что властей на признаеть, въ Бога не вѣритъ и смотритъ на всю религію, какъ на одинъ пустой обрядъ. Я былъ ужасно смущенъ этимъ и высказалъ по этому поводу свое удивленіе, говоря, что я во всякомъ случаѣ въ первый разъ встрѣчаю такого человѣка среди духовенства. „Зачѣмъ вы надѣли рясу?“ — спросилъ я въ заключеніе. „А куда дѣваться прикажете?“ отвѣтилъ онъ мнѣ: — „вѣдь тоже жить нужно, пить, ѣсть хочется“. Я разспрашивалъ его, что онъ дѣлаетъ въ деревнѣ, чѣмъ занимается и какъ проводитъ въ жизнь свои „идеи“. Онъ говорилъ, что въ своемъ приходѣ онъ, кромѣ сельскаго хозяйства, занимается еще тѣмъ, что борется съ кулаками, кабатчиками, возбуждая крестьянъ противъ нихъ, старается внушать прихожанамъ неповиновеніе властямъ и неуваженіе къ нимъ (не въ рѣчахъ и поученіяхъ, а при случаѣ и во время частныхъ разговоровъ съ ними); что проповѣди въ церкви онъ произноситъ не тѣ, которыя посылаются имъ въ духовную цензуру, потому что для послѣдней онъ пишетъ нарочно обыкновенныя „по шаблону“, въ церкви же произноситъ проповѣди устно и экспромтомъ, совсемъ иное; что, наконецъ, онъ устроилъ у себя церковно-приходскую школу, въ которой обучаетъ дѣтей „по своему“, а не такъ какъ въ другихъ школахъ.

Я былъ глубоко возмущенъ всей той массой лицемѣрія, высказываемаго съ такой беззащитностью и наглостью, потому что съ самаго младенчества привыкъ видѣть и смотрѣть на духовныхъ лицъ, какъ на такихъ, у которыхъ слово никогда не расходится съ дѣломъ. По моему мнѣнію, это единственное сословіе, которое сохранило наивную, непосредственную душевную чистоту, которая такъ необходима въ дѣлѣ религіи. Такъ это на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ это вѣрованіе остается у меня отъ свѣтлыхъ дней моей юности, и мнѣ было крайне непріятно видѣть надругательство надъ доброй поэтической стороной моего созерцанія. Я сказалъ объ этомъ послѣ Середѣ, тотъ меня не понялъ или не хотѣлъ понять и назвалъ метафизикомъ. Я просилъ его однако, больше этого священника ко мнѣ не водить. Имени и фамиліи этого урода-священника не помню, хотя Середѣ мнѣ говорилъ про него нѣсколько разъ. Знаю, что онъ живетъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ селъ Бѣльскаго уѣзда. Наружность его не представительна: онъ низенькаго роста съ громадной кудрявой головой, бѣлокурый, говоритъ баскомъ. Середѣ хотѣлъ было къ нему ѣхать въ гости нынѣшнемъ лѣтомъ съ какой то московской барышней, но эта поѣздка не состоялась, потому что барыня была арестована въ Москвѣ. Когда зашла у насъ рѣчь, гдѣ сохранять лучше шрифтъ, то Середѣ предложилъ помѣстить его у этого священника, и онъ не былъ увезенъ туда только потому, что жительство священника слишкомъ далеко отъ Смоленска; да и Хмѣлевскій охотно взялся самъ найти подходящее помѣщеніе для шрифта, говоря, что сдѣлать это легко.

По поводу фразы въ письмѣ Хмѣлевскаго, по которой я былъ арестованъ (о томъ, что ѣздилъ куда то набирать народъ и т. д.) итѣю честь объяснить, что никогда такой фразы я не писалъ не только въ письмѣ къ Хмѣлевскому, но и къ кому бы то ни было другому. Общій характеръ всѣхъ моихъ писемъ сухой, отрывочный дѣловой, такія же (выраженія) витіеватыя фразы какъ приведены въ письмѣ Хмѣлевскаго я могъ бы еще употребить въ журнальной статьѣ, но никакъ не въ письмѣ, въ особенности къ Хмѣлевскому, котораго я всегда считалъ весьма недалекимъ человѣкомъ. Я полагаю, что и онъ самъ, положи руку на сердце, скажетъ, что никогда подобной фразы я ему не писалъ. Во всякомъ случаѣ, я такъ много взялъ на себя своей настоящей исповѣдью, что если бы мною писано было хотя что нибудь подобное, я не преминулъ бы сказать и объ этомъ вполне откровенно, потому что правду ставлю выше всего. Но, клянусь всѣмъ, что для меня въ мірѣ есть святого, клянусь своими малолѣтними дѣтьми и прахомъ дорогой моей матери, которую я любилъ болѣе всего на свѣтѣ, я не писалъ ничего подобнаго. Со стороны Хмѣлевскаго это пустая мальчишеская бравада, задаваніе форсу передъ Дьяковымъ. Иначе я ничѣмъ не могу объяснить этого.

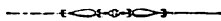
Искренности же моей, послѣ всего мною описаннаго, я полагаю, можно повѣрить.

Книга, отобранная у меня при обыскѣ: „Русскій администраторъ“ находилась у меня давно. Я купилъ ее лѣтъ пять тому назадъ въ Курскѣ на рынкѣ и никогда не подозревалъ даже, что она могла быть запрещенною, такъ какъ я даже ее не читалъ и собирался все опрavitъ по каталогу, запрещена она или нѣтъ. Настоящее признаніе мое (есть) не было вынужденнымъ, оно — плодъ свободнаго сознанія,

что всѣ революціонныя попытки, вродѣ только что описанной, — абсурдъ и величайшая несправедливость передъ Богомъ, правительствомъ и людьми. Сознавая это, я чувствую, что достоинъ суроваго наказанія за свои вины многія и только съ одной стороны, стремленіе по мѣрѣ моихъ силъ и возможности помочь правительству въ борьбѣ съ крамолой, съ другой — мое крайне болѣзненное состояніе заставляеть меня желать и просить прощенія, пощады, такъ какъ кто знаетъ, сколько времени мнѣ еще остается прожить, а мнѣ хотѣлось бы сдѣлать для правительства возможно болѣе, чтобы очистить и себя отъ всякой неблагонамѣренности и смыть это позорное пятно съ своего имени.

* * *

Отъ редакціи. — Въ 7 N «Вылого» мы привели часть „откровенныхъ“ показаній Леонова, а въ настоящемъ N — Добротворскаго. Въ распоряженіи нашей редакціи имѣется рядъ другихъ подобныхъ документовъ, которые будутъ современемъ тоже помѣщены.

Обвинительный актъ

по дѣлу объ Альбертѣ Трауббергѣ, Еленѣ Ивановой, Альвинѣ Шенбергѣ, Федерѣ Масокинѣ и другихъ, преданныхъ петербургскому военно-окружному суду помощникомъ главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

13-го августа 1906-го г. на перронѣ платформы станціи «Новый Петергофъ» выстрѣломъ изъ браунинга былъ убитъ командиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка свиты Его Величества ген.-майоръ Минъ. Съ этого времени въ Петербургѣ послѣдоваль цѣлый рядъ террористическихъ актовъ, совершенныхъ надъ лицами, занимавшими высшія государственныя должности и закончившійся имѣвшимъ мѣсто въ февралѣ текущаго года покушеніемъ на жизнь вел. кн. Николая Николаевича и министра юстиціи Щегловитова. Террористическіе акты эти приводились въ исполненіе въ слѣдующей постепенности: 2-го дек. 1906 г. было совершено покушеніе на убійство ген.-адъютанта Дубасова, 26 дек. того же года убитъ главный воен. прокуроръ ген.-лейт. Павловъ, 17-го янв. 1907 г. лишень жизни начальникъ временной тюрьмы Гудима, 19-го іюля того же года имѣло мѣсто покушеніе на убійство военнаго министра ген.-лейт. Редигера, 13-го августа убитъ начальникъ петербургской тюрьмы полковникъ Ивановъ, 15-го окт. лишень жизни начальникъ главнаго тюремнаго управленія Максимовскій и 19-го октябри совершено покушеніе на жизнь министра юстиціи Щегловитова.

Все, безъ исключенія, привлеченные по обвиненію въ вышеизложенныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, отказываясь на слѣдствіи и судѣ отъ дачи подробныхъ объясненій, однако единогласно заявили, что состоятъ членами Летуцаго Боевого Отряда Сѣверной Области партіи социалистовъ-революціонеровъ и учиненное ими дѣяніе совершили по приговору и порученію этой партіи. Это обстоятельство, какъ и появленіе отчетовъ о политическихъ убійствахъ въ органѣ партіи с.-р. «Знамя Труда» не составляло сомнѣнія ни въ самомъ фактѣ существованіи Л. Б. О. С. О., ни въ дѣйствительной принадлежноти къ нему виновниковъ вышеприведенныхъ террористическихъ актовъ.

Болѣе точныя свѣдѣнія о задачахъ этого общества и способа ихъ осуществленія, о мѣстопохожденіи «штабъ-квартиры» его, о лицахъ, входившихъ въ его составъ, состоявшихъ во главѣ сообщества и руководившихъ имъ, представлялось однако возможнымъ установить лишь послѣ ареста, покушавшагося на жизнь министра юстиціи и привлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго по настоящему дѣлу, бѣлаго унтеръ-офицера 1-ой туркестанской роты Федора Масокина.

По совокупнымъ показаніямъ свидѣтелей: околоточнаго надзирателя Янчевскаго, городскихъ Липунова и Кузина, Федоръ Масокинъ былъ задержанъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 18 окт. 1907 г. около 11 часовъ утра на Волково кладбище прибыла похоронная процессія съ тѣломъ началь-

ника главного тюремного управления Максимовского. Во время литин свидѣтель Янчевскій замѣтилъ молодого человѣка въ фуражкѣ финляндскаго образца, который, протиснувшись черезъ толпу, сталъ на фундаментъ памятника, находившагося въ двухъ-трехъ шагахъ отъ гроба. Поведеніе молодого человѣка, видимо кого-то высматривавшаго и все время то опускавшаго, то вынимавшаго правую руку изъ кармана пальто, побудило свидѣтеля предложить ему зайти въ помѣщеніе сторожей для удостовѣренія личности. Пройдя со свидѣтелемъ нѣсколько шаговъ неизвѣстный бросился въ сторону и побѣжалъ по направленію къ выходнымъ воротамъ, быстро растегивая на бѣгу свое пальто. Предупрежденные крикомъ Янчевскаго городовые Личуновъ и Кузинъ задержали бѣжавшаго и, тутъ же обыскавъ, отобрали находившіеся въ карманахъ тужурки два револьвера системы браунингъ и четыре обоймы къ нимъ съ 7-ю боевыми патронами въ каждой. Въ стволахъ револьверовъ было по патрону, а въ обоймахъ ихъ по шести. Въ одномъ изъ браунинговъ предохранитель былъ переведенъ на боевой взводъ, кромѣ того у задержаннаго оказался запасной головной уборъ (кепка). Первоначально неизвѣстный назвался крестьяниномъ Никитой Стояровымъ, но по доставленіи въ охранный отдѣленіе заявилъ, что онъ бѣглый унтеръ-офицеръ I-ой ташкентской пулеметной роты Федоръ Самойловъ Масокинъ.

Давъ при первомъ допросѣ сбивчивыя объясненія, Масокинъ въ послѣдствіи въ значительной степени ихъ дополнилъ и въ окончательномъ выводѣ установленныя имъ данныя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ 1906 г., состоя старшимъ унтеръ-офицеромъ ташкентской пулеметной роты, обвиняемый, по наущенію нѣсколькихъ неизвѣстныхъ ему вольныхъ людей 28-го декабря 1906 года участвовалъ вмѣстѣ съ часовымъ Фроловымъ въ кражѣ шести пулеметовъ. Вынужденный этимъ поступкомъ къ побѣгу изъ части, Масокинъ заручился отъ своихъ сообщниковъ паспортомъ на имя Никиты Михайлова Стоярова и, выѣхавъ изъ Ташкента, побывавъ въ городахъ Красноводскѣ, Баку и Батумѣ. Въ послѣднемъ онъ получилъ изъ Ташкента предложеніе выѣхать въ Москву и Тверь, гдѣ явиться по указаннымъ адресамъ. Явку на Москву обвиняемый въ настоящее время не помнитъ, въ Твери же онъ отыскалъ служащаго въ управѣ «Александра», которому откровенно рассказалъ... о своемъ положеніи и черезъ котораго поступилъ на должность слесаря въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Осенью 1907 года по предложенію явившагося въ колонію неизвѣстнаго молодого человѣка Масокинъ встрѣтился въ Центральной гостиницѣ съ какой-то пріѣхавшей изъ Петербурга дѣвицей, которая сказавъ, что ему предстоитъ поѣздка въ Петербургъ, о времени выѣзда обѣщала сообщить письмомъ. Такое обвиняемый, дѣйствительно, получилъ и согласно имѣвшемуся въ немъ указанію выѣхалъ не въ Петербургъ, а въ Теріюки, гдѣ въ гостиницѣ, названіе которой онъ не помнитъ, встрѣтилъ ту же дѣвушку и черезъ нее познакомился съ мужчиной, назвавшимся Иваномъ Ивановичемъ («Карлъ»). Получивъ отъ послѣдняго деньги, обвиняемый выѣхалъ въ Выборгъ и поселился на квартирѣ нѣкоего Виктора Сомве, состоявшаго въ военной организаціи и оказывавшаго услуги боевому отряду по найму квартиръ и устройству явокъ.

Въ концѣ августа неизвѣстная барышня высокаго роста, съ большимъ горбатымъ носомъ объявила Масокину о необходимости выѣхать въ Псковъ и отыскать тамъ нѣкоего Ивана Ивановича, мѣстожителство котораго подробно описала. Этотъ Иванъ Ивановичъ поручилъ обвиняемому и другому молодому члѣовѣку маленькаго роста съ черными усиками слѣдить за начальникомъ тюрьмы Бородулинымъ, а затѣмъ, переодѣвъ въ форму разносчика телеграммъ и вооруживъ браунингомъ, приказалъ его убить. Не имѣя намѣ-

решія исполнить это порученіе и боясь ареста, Масокинъ спряталъ полученный браунингъ подъ заборъ и хотя на его звонокъ вышелъ самъ Бородулинъ и лично съ нимъ разговаривалъ, заявилъ Ивану Ивановичу, что начальникъ тюрьмы къ нему не выходилъ, ворваться же въ квартиру онъ не могъ, такъ какъ голоса Бородулина не слыхалъ и потому не знаетъ, въ какой именно комнатѣ онъ въ то время находился.

Для черезъ три послѣ этого Масокинъ выѣхалъ въ Теріоки, узнавъ тамъ объ убійствѣ Бородулина и, уѣхавъ въ Выборгъ, поселился тамъ на квартирѣ повидимому также принадлежащаго къ партіи нѣкоего Линдмана. На квартиру эту какъ то пріѣзжала дѣвушка подъ кличкой «Медвѣженокъ», другая по имени «Агнія» и молодой человекъ «Сергѣй». Побывъ затѣмъ по предложенію «Ивана Ивановича» (Карла) на Иматрѣ, обвиняемый скоро вернулся въ Выборгъ, проѣхалъ отсюда въ Теріоки и въ гостиницѣ «Товарищъ» встрѣтился съ молодымъ человекомъ съ черными усами назвавшимся Леонидомъ и познакомившимъ его, Масокина, съ другимъ молодымъ человекомъ съ свѣтлыми усиками. Послѣдній впоследствии былъ предъявленъ обвиняемому въ охранномъ отдѣленіи и оказался казеннымъ 17-го февраля сего года государственнымъ преступникомъ Синегубомъ.

Нѣсколько дней спустя въ гостиницу явился Иванъ Ивановичъ (Карлъ) снимавшій занятые Масокинымъ и Леонидомъ номера подъ именемъ Ивана Ивановича Мухина, и предупредивъ обвиняемаго, что ему придется выступить въ дѣлѣ на градоначальника, командировалъ его и Леонида въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы Масокинъ купилъ себѣ новую одежду и снялся въ фотографіи. По возвращеніи въ Теріоки, Карлъ изложилъ имъ планъ убійства генерала Драчевскаго, согласно которому въ опредѣленный день они должны были пріѣхать въ Петербургъ, въ домъ N 7 по Глазовой улицѣ отыскать Синегуба, получить отъ него бомбы и браунинги и отправиться съ ними въ Исакиевскій соборъ, гдѣ ожидать дѣвицу, которая при благоприятныхъ для террористическаго акта обстоятельствахъ будетъ молиться съ зажженной свѣчей въ рукахъ, въ случаѣ же невозможности его совершения вытереть лицо платкомъ. Послѣ того какъ Леонидъ и Масокинъ заняли мѣста у здания градоначальства проходъ мимо нихъ Синегуба указывать-бы на необходимость уходить.

Познакомивъ обвиняемаго съ дѣвицей, взявшей на себя сигнализацию въ Исакиевскомъ соборѣ и предъявленной впоследствии обвиняемому подъ фамиліей Распутиной, Карлъ отправилъ всѣхъ ихъ въ Петербургъ для осуществленія убійства градоначальника. Первымъ на Глазовую улицу къ Синегубу явился обвиняемый, за нимъ пришелъ Леонидъ, потомъ дѣвица Кися, принесшая съ собою большую бомбу. Послѣдняя, какъ и другой разрывной снарядъ меньшихъ размѣровъ, были заряжены Кисей и Синегубомъ, вставившими въ нихъ какія-то трубочки, послѣ чего Леонидъ взявъ большую бомбу вышелъ съ Синегубомъ, а маленькую Кися осторожно вложила обвиняемому въ карманъ. Прокладавъ въ Исакиевскомъ соборѣ Распутину долгое время, Масокинъ сталъ убѣждать Леонида уйти, такъ какъ къ вечеру собирался народъ и печальный толчекъ могъ вызвать взрывъ имѣвшихъ у нихъ бомбъ.

Сдавъ бомбы Кисѣ, Масокинъ уѣхалъ въ Теріоки и тамъ изъ разговоровъ ее, Синегуба, «Медвѣженка» и Распутиной узналъ, что планъ вызова генерала Драчевскаго по поводу взрыва на военномъ суднѣ почему-то не удался. Нѣкоторое время спустя къ Леониду зашелъ неизвѣстный Масокину X маленькаго роста съ небольшой свѣтлой бородкой, какъ говорилъ впоследствии Леонидъ, химикъ, изготовлявшій для боевого отряда бомбы и вызвалъ Леонида къ

его женѣ, которая, высушивая смѣсь изъ бертолетовой соли на лампочкѣ, опалила себѣ лицо.

Числа 12-го октября 1907 г. «Иванъ Ивановичъ» (Карлъ) сказалъ обвиняемому, что имъ необходимо сняться и указать мѣсто, куда онъ долженъ притти съ этой цѣлью. Въ этомъ мѣстѣ на другое утро собрались обвиняемый, «Иванъ Ивановичъ», дѣвица, которую звали Кисей, другая, по кличкѣ «Медвѣженокъ», Синегубъ и Леонидъ. Снималъ ихъ господинъ съ черной бородой, который долго прилаживалъ треножникъ, одна изъ ножекъ котораго была сломана. Господинъ этотъ снимавшійся тогда же отдѣльно отъ остальныхъ, впоследствии предъявлялся обвиняемому подъ фамиліей Николай Ивановъ.

14-го октября 1907 г. въ помѣщеніи Масокина явился молодой человекъ по кличкѣ «Жоржъ» и объявилъ, что будетъ ожидать прихода «Ивана Ивановича» (Карлъ). Около 11 ч. вечера къ Масокину собрались «Карлъ», Николай Ивановъ, женщина подъ кличкой «Вѣра» и «Медвѣженокъ» и всѣ вмѣстѣ стали обсуждать планъ массоваго террористическаго акта надъ высшими должностными лицами. Установлено было, что утромъ 15-го октября 1907 г. члены боеваго отряда выѣдутъ въ Петербургъ для выполнения отдѣльныхъ убійствъ и займутъ слѣдующія мѣста: Синегубъ и Кися, вооруженные бомбами и браунингами у подъѣзда министра юстиціи Щегловитова, Анна Распутина должна была ожидать извѣщенія по телефону въ какомъ-то ресторанѣ, «Вѣрѣ» поручалось принести на Мойку въ квартиру нѣкоей «Зои», въ которой ее ожидали бы онъ, Масокинъ, и Леонидъ, — бомбы и — спустившись затѣмъ въ ресторанъ подъ этой квартирой оставаться тамъ до полученія извѣщеній по телефону. Жоржъ и Николай Ивановъ должны были находиться въ садикѣ противъ здания Главнаго Тюремнаго управленія и, выждавъ, когда «Медвѣженокъ», убивъ Максимовскаго, выброситъ черезъ окно на улицу револьверъ, передать объ этомъ по телефону остальнымъ сообщникамъ условной фразой «билеты куплены». По полученіи такого извѣщенія Вѣра сообщаетъ его обвиняемому и Леониду, которые отправляются въ Александровскій садъ выжидать выѣзда ген. Драчевскаго, въ котораго обвиняемый бросаетъ первую, а Леонидъ вторую бомбы. Портретъ генерала Драчевскаго, лицо котораго обвиняемому и Леониду знакомо не было, Карлъ показалъ еще имъ до свиданія. Въ случаѣ, если бы часть плана, порученная Масокину и Леониду, оказалась невыполненной, они должны были отправиться въ указанный Леониду садикъ и передать тамъ бомбы Вѣрѣ.

Дальнѣйшихъ подробностей плана Масокинъ обстоятельно передать не можетъ, такъ какъ внимательно прислушивался лишь къ вопросамъ, касавшимся его роли, но помнить, что одинъ изъ членовъ, переодѣтый прокуроромъ, долженъ былъ въ какомъ то мѣстѣ бросить принесенную въ портфель бомбу, и что «Карлъ» не хотѣлъ допустить участія въ этомъ дѣлѣ Николая Иванова, такъ какъ онъ извѣстенъ полиціи, но послѣдній настоялъ на своемъ и былъ назначенъ сигнальщикомъ.

Когда выѣхали въ Петербургъ другіе участники заговора, обвиняемый не знаетъ. Самъ онъ отправился туда вмѣстѣ съ Леонидомъ утромъ 15 октября и ознакомившись съ мѣстонахожденіемъ квартиры «Зои», явился туда къ 2 час. дня. Поднимаясь по лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Вѣру, а пришедшій раньше его Леонидъ показалъ ему принесенныя послѣдней бомбы, лежавшія въ корзинѣ. Когда уже стемнѣло изъ находящагося подъ квартирой Зои ресторана пришла Вѣра и волнуясь сказала, что уходитъ за справками, такъ какъ дальнѣйшее ея пребываніе въ ресторанѣ возбудитъ подозрѣніе, Леонида же просить, выждавъ нѣкоторое время спуститься къ швейцару и спросить, не было ли сообщенія по телефону о билетахъ. Такъ какъ Леонидъ узналъ

отъ швейцаря, что билеты, къ сожалѣнiю, не куплены, то оба они оставивъ бомбы у «Зои», въ тотъ же вечеръ выѣхали въ Теріоки. Однимъ съ ними поѣздомъ ѣхала и Анна Распутина.

Уже въ Теріокахъ Леонидъ рассказываетъ обвиняемому, что Распутину не пустили въ ресторанъ, гдѣ по плану она должна была находиться и что поэтому она была вынуждена уйти къ сигнальщикамъ въ садъ. Здѣсь, по словамъ Жоржа, поговоривъ съ Николаемъ Ивановымъ они вмѣстѣ куда-то ушли, а Жоржъ оставшись одинъ сообщилъ по телефону, что, къ сожалѣнiю, билеты не куплены.

Въ Теріокахъ обвиняемый занялся усиленными упражненіями въ стрѣльбѣ изъ браунинговъ. Навѣщавшій его тамъ Карлъ часто вспоминалъ убійство Максимовскаго, хвалилъ отвагу «Медвѣженка», ставилъ ее въ примѣръ и говорилъ, что съ такими людьми работать можно. 17 октября поздно вечеромъ къ обвиняемому зашли Карлъ, Жоржъ, Леонидъ и Вѣра съ молодымъ человѣкомъ высокаго роста, оказавшимся при предъявленіи обвиняемому его фотографической карточки казеннымъ Сергѣемъ Горбатовскимъ и всѣ собиравшіе стали вырабатывать планъ убійства должностныхъ лицъ, участіе которыхъ въ похоронной процессіи покойнаго Максимовскаго можно было ожидать.

На этотъ разъ убійство ген. Драчевскаго Леонидъ взялъ на себя, а совершеніе террористическаго акта надъ министромъ Щегловитовымъ было поручено ему, обвиняемому, при содѣйствіи остальныхъ боевиковъ. Изъ числа послѣднихъ Кися, одѣтая въ тотъ же костюмъ, въ которомъ она снималась на группѣ, должна была указать обвиняемому министра юстиціи, ему незнакомаго. Иванъ Ивановичъ предупреждалъ тогда Масокина, что всѣ мѣтки съ бѣлья и платья необходимо спороть, вещей, приобретенныхъ въ Финляндіи, съ собой не брать и въ случаѣ задержанія никакихъ объясненій, кромя указанія, что убійство совершено по приговору Сѣвернаго Летучаго Боевого Отряда, не давать.

Получивъ утромъ 18-го октября отъ Ивана Ивановича четыре рубля на дорогу, два браунинга съ шестью заряженными обоймами къ нимъ и указаниемъ, что министра Щегловитова надо убить обязательно, обвиняемый выѣхалъ вмѣстѣ съ Леонидомъ въ Петербургъ, отправился въ пивную на Коломенской улицѣ и при проходѣ похоронной процессіи тѣла Максимовскаго присоединился къ ней. На Волковомъ кладбищѣ, когда протиснувшись черезъ толпу, онъ, Масокинъ, сталъ на фундаментъ памятника, къ нему подошелъ полицейскій и велѣлъ слѣдовать за собой. Попытка бѣжать не удалась и обвиняемый былъ арестованъ.

При предъявленіи Масокину Альберта Трауберга онъ опозналъ въ немъ того человѣка, котораго въ партіи зналъ подъ кличкой Иванъ Ивановичъ, котораго слѣдователь называлъ Карломъ и который снабдивъ его браунингомъ послалъ на убійство министра Щегловитова. Въ фотографическихъ карточкахъ: Елены Ивановой обвиняемымъ опознана женщина, известная ему подъ кличкой «Вѣра», Рогозинниковой — дѣвушка по кличкѣ «Медвѣженокъ», Елизаветы Лебедевой — дѣвушка по кличкѣ «Кися».

Приобщенный къ настоящему дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства металлическій штативъ отъ фотографическаго аппарата, одна ножка котораго сломана, по словамъ Масокина тотъ самый, съ установкой котораго долго возился Николай Ивановъ при фотографированіи ихъ въ Теріокахъ.

Фактъ нахождения въ Финляндіи «штабъ-квартиры» Сѣв. Лет. Отряда послужилъ основаніемъ къ учрежденію наружнаго наблюденія за ея ближайшими къ столицѣ мѣстечками, въ результатъ которыхъ оказалось, что руководители партіи проживаютъ въ Келломякахъ на дачѣ Боргоэна, а связь съ

находившимися въ Петербургѣ членами поддерживаютъ главнымъ образомъ черезъ нѣкую Марію Павловну Иванову и сына ея Николая Николаевича.

Въ серединѣ сентября 1907 г. въ магазинъ Георгія Боргоэна явилась неизвѣстная хозяину пожилая дама, предложившая сдать принадлежавшую ему и находящуюся въ Келломякахъ дачу, на которой собиралась жить вмѣстѣ съ дочерью и сыномъ. Даму эту, приносившую въ послѣдствіи свидѣтелю мѣсячныя платы, онъ въполнѣ узнаетъ въ предъявленной ему фотографіи Маріи Павловны Ивановой. Составленное тогда же письменное условіе о наймѣ дачи на три мѣсяца съ платою по 5 рублей въ мѣсяцъ дама подписала фамиліей «Иванова». Обстоятельство это установлено протоколомъ осмотра вышеупомянутаго условія, приобщеннаго къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства. По словамъ дворника дачи Боргоэна Михаила Флерова и его жены Аграфены, около половины сентября 1907 г. на дачу пріѣхала очень пожилая женщина, вещи которой: два сундука и корзину онъ, Флеровъ, помогать вносить и развязывать. Женщину эту свидѣтели опознаютъ въ предъявленной карточкѣ Маріи Павловны Ивановой. Вскорѣ послѣ пріѣзда ея Флеровъ и его жена видѣли на дачѣ зятя и дочь «старухи», которая проживъ съ ними недѣлю, уѣхала и съ этого времени стала навѣщать только по субботамъ. Въ одно изъ воскресеній Аграфена Флерова обратила вниманіе, что съ жильцами обѣдали «пожилая дама» Марія Иванова и молодой человѣкъ, котораго свидѣтельница узнаетъ въ предъявленной ей карточкѣ Николая Иванова.

Марія Павловна Иванова съ сыномъ Николаемъ проживала въ меблированныхъ комнатахъ по 13 линіи Васил. Острова въ домѣ № 4. Прислуживавшая имъ горничная Елизавета Ляти, какъ и швейцаръ Сергѣй Ведерниковъ согласно показали, что поселились они тамъ съ 15-го сентября 1907 г., но Николай Ивановъ рѣдко бывалъ дома и большую часть времени проводилъ въ Финляндіи, куда по субботамъ уѣзжала и Марія Павловна. Нѣсколько разъ въ недѣлю къ Ивановымъ пріѣзжала, оставаясь иногда ночевать, племянница Маріи Павловны, которую свидѣтели опознаютъ въ предъявленной имъ фотографической карточкѣ Елены Ивановой. Племянница эта какъ-то уѣхала въ Финляндію съ Николаемъ Ивановымъ, не возвращавшимся тогда домой въ теченіи цѣлой недѣли. Изъ посѣщавшихъ Ивановыхъ лицъ Ляти и Ведерниковъ помнятъ одного студента очень похожаго на мужчину, изображеннаго на предъявленной имъ фотографической карточкѣ за № 19.

Совокупными показаніями агентовъ охраннаго отдѣленія Алексѣя Иванова, Феликса Щучко и Афанасія Михайлова установлено, что Марія Павловна 9-го ноября 1907 г. заходила въ желѣзные магазины Андреевскаго рынка и изъ лавки подъ № 62 вынесла покупку, по внѣшнему своему виду напоминавшую завернутый въ бумагу листъ жести. 10-го ноября около 5 час. вечера она выѣхала въ Келломяки и, отдавъ привезенныя покупки двумъ встрѣтившимъ ее молодымъ людямъ, изъ коихъ одинъ, по словамъ свидѣтеля Иванова, былъ Карлъ, сама направилась къ дачѣ Боргоэна. 11-го ноября она вернулась въ Петербургъ, а 17-го вновь ѣздила въ Келломяки и на этотъ разъ была встрѣчена женщиной, походившей по наблюденію подъ кличкой «Клычъ» (Елена Иванова) «Вѣра». Свидѣтели Юакимъ Новикъ и Семень Земчихинъ видѣли, какъ Марія Иванова 20-го ноября въ одномъ изъ бѣльевыхъ магазиновъ Перинной линіи купила мужскіе кальсоны, отправилась затѣмъ на Караванную и войдя въ булочную вынесла оттуда уложенныя въ коробъ пирожки. По словамъ Земчихина и Никиты Бичкова, Иванова того же 20 ноября около 4 час. вечера уѣхала на станцію Келломяки, съ которой пѣшкомъ пошла къ дачѣ Боргоэна.

Слѣдившими за Ивановой агентами охраннаго отдѣленія Новикомъ и Пав-

ломъ Елнинимъ обнаружено, что 21 ноября около 7 час. вечера она заходила въ д. № 30 по Малой Пушкарской улицѣ, гдѣ оставалась около 20 мин. По наблюдениамъ Елнина этотъ же домъ Иванова посѣтила 22-го ноября, когда вышла оттуда не черезъ ворота, а черезъ парадную дверь. Эти посѣщенія въ связи съ другими обстоятельствами дѣла послужили основаніемъ къ производству обыска въ квартирѣ проживавшаго въ д. № 30 Вячеслава Буркина, коимъ обнаружено письмо, вложенное въ конвертъ со штемпелемъ «XII а 07» и адресомъ: «С.-Петербургъ. Петербургская сторона. Малая Пушкарская, д. № 30, кв. 7. Е. В. Б. Вячеславу Леонтьевичу Бурыгину». Письмо помѣчено № 3 и писано 16, 18 и 19 ноября. Письмо отъ 16 ноября оканчивается словами: «Да, завтра ѣдетъ одинъ человекъ, придетъ къ тебѣ по поводу «Трехъ» отъ Маты». 19 ноября авторъ письма спрашиваетъ: «былъ ли у тебя посланный за «тремя». Твое слово «остороженъ» было мнѣ приятно, но все же позволь тебѣ не повѣрить...» Письмо оканчивается словами: «твоя вся Матинока». По предъявленіи этого письма обвиняемому Вячеславу Бурыгину, онъ объяснилъ, что оно писано проживающей въ Выборгѣ Матрeной Васильевной Корнильевой, которой онъ, Бурыгинъ, многимъ обязанъ и которую имѣлъ обыкновеніе называть уменьшительнымъ именемъ «Мата». Будучи, дѣйствительно, предупрежденъ Корнильевой о томъ, что къ нему явится какой-то человекъ отъ «Маты», обвиняемый, однако, утверждаетъ, что отъ Маты къ нему никто не приходилъ и почему въ предъявляемомъ письмѣ слова: «трехъ» и «тремя» взяты въ кавычки, не знаетъ, полагая, однако, что эти «трое» были, вѣроятно, нелегальные. Марія Ивановой отъ Бурыгинъ, вовсе не знаетъ и не можетъ себѣ объяснить, какъ она узнала его адресъ и для чего посѣщала квартиру. Отказываясь дать какиа-либо объясненія по поводу вышеприведенныхъ фразъ отобраннаго у Бурыгина письма. Матрена Корнильева заявила, что письмо это писала она и что никакого отношенія къ существу предъявленнаго обвиненія оно не имѣетъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1906 г. петербургское охранное отдѣленіе, получивъ свѣдѣнія, что члены Лет. Б. Отряда Сѣверной Области партіи с.-р. и главный руководитель этого отряда, носившій партійную кличку «Карлъ», проживаютъ въ Кедломякахъ на дачѣ Боргоэна и Шамониной, командировало полковника отдѣльнаго корпуса жандармовъ Уранова для ареста упомянутыхъ лицъ и производства обыска въ занимаемыхъ ими помѣщеніяхъ. Прибывъ на разсвѣтѣ 22 ноября съ чинами финской полиціи къ дачѣ Боргоэна полковникъ Урановъ нашелъ двери ея запертыми и былъ принужденъ взломать ихъ, такъ какъ жильцы, суетливо бросавшіе что-то въ отхожее мѣсто, по требованію впустили полицію, не отвѣчали. Произведеннымъ тогда же осмотромъ отхожаго мѣста обнаружены находившіеся въ выгребной ямѣ его револьверы, боевые патроны, фотографическія карточки, переписка, рукописный планъ размѣщенія членовъ Государственнаго Совѣта, конвертъ съ волосами, жестяная оболочка для бомбы, паспорта и другіе предметы. Въ одной изъ комнатъ найдены желтой кожи чемаданъ съ новымъ ненощеннымъ мужскимъ бѣльемъ, фабричныя клейма съ котораго были тщательнo спороты, альбомъ съ фотографическими карточками, книги, переписка и газеты. Во второмъ этажѣ дачи оказалась вполнѣ оборудованная фотографія.

При обыскѣ на дачѣ Шамониной, произведеннымъ 24-го ноября 1907 г. розыскиваемые полиціей лица оказались скрывшимися. Проживавшіе тамъ мужчина и женщина, по удостовѣренію владѣтельницы дачи Ольги Шамониной, пріѣхали 8 ноября, жили очень замкнуто, дверь квартиры всегда держали запертой, окна завѣшанными и прислугу къ себѣ въ комнату не пускали. Въ день обыска на дачѣ Боргоэна оба они уѣхали, а 27 или 28 ноября прислали къ свидѣтельницѣ какую-то финлянку, которая передала ей письмо,

«... просимъ выдать подательницѣ оставленныя на дачѣ вещи». Письмо это, приобщенное къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства, слѣдующаго содержания: «Шамоница, только что узнала отъ знакомыхъ, что во время нашего отсутствія, въ нашей квартирѣ случились небывалыя вещи для Финляндіи — Финляндія и ты пятишься назадъ! Если вы не принадлежите къ тѣмъ господамъ и ваши взгляды насколько-нибудь прогрессивнѣе, то, пожалуйста, позвольте и помогите этой женщинѣ убрать все вещи отсюда. Она наша бывшая прислуга. Вамъ, вѣдь, будетъ понятно, что послѣ всего случившагося нѣтъ возможности поѣхать обратно». Письмо подписано; «Шлю глубокой поклонъ Витенбергъ».

Задержанные 22 ноября на дачѣ Боргоэна мужчина и 2 женщины себя не назвали, но по собраннымъ тамъ же полковникомъ Урановымъ справкамъ оказалось, что одна изъ женщинъ и мужчина проживали подъ фамиліей супруговъ Гольствъ, а другая женщина — подъ фамиліей Альвины Шенбергъ. Предпринятыми департаментомъ полиціи въ видахъ установленія личностей арестованныхъ разслѣдованіями выяснено, что Гольствъ есть бывший письмоводитель судебного слѣдователя 2 участка Рижскаго уѣзда Альбертъ Давидовъ Траубергъ, носившій партійную кличку «Карлъ»; проживавшая по паспорту жены Гольста — дѣвица Елена Александровна Иванова; въ фотографіи другой женщины директоръ частной гимназій въ Ригѣ Маддонъ и классныя дамы Марія Дарзинъ и Луиза Вейнбергъ узнали бывшую свою ученицу Альвину Шенбергъ.

При предъявленіи дворнику дачи Боргоэна Михаилу Флерову и женѣ его Аграфенѣ фотографическихъ карточекъ Альберта Трауберга, Елены Ивановой и Альвины Шенбергъ они признали въ нихъ жильцовъ, арестованныхъ 22-го ноября 1907 г. Масокинъ, какъ уже указывалось выше, показалъ, что Альбертъ Траубергъ то самое лицо, которое онъ зналъ, какъ «Ивана Ивановича» и которое посылало его на убійство министра Щегловитова. Обвиняемая Эльма Розовская установила, что Траубергъ носилъ партійную кличку «Карлъ».

Въ числѣ бумагъ и переписокъ, принадлежавшихъ скрывшимся жильцамъ дачи Шамониной, оказался бланкъ съ готовымъ адресомъ книжнаго магазина Д. Зельтина. Тамъ же обнаружено: три письма на иностранномъ языкѣ за подписью «Фрицъ». Одно изъ нихъ адресовано Эммѣ Витенбергъ, начинается обращеніемъ: «Милая Эммочка!» Въ немъ авторъ, между прочимъ, говоритъ про себя: «Теперь я ужасно скомпрометированная персона и не могу нигуда показываться», другое письмо начинается обращеніемъ: «Милая Эммочка!», а въ третьемъ авторъ замѣчаетъ: «Все подлежить къ сожженію сейчасъ, Эммочка!» Письмо на иностранномъ языкѣ — «для Эммы Вит. Зимній дворецъ 29/X. 1907», подписано оно: «твой Пвашъ и Леша». Письмо съ адресомъ: «Финляндія, Теріоки, до востребованія Г. Тилъ». Содержание письма слѣдующее: «Дорогая дочка Эммочка! Все мы здоровы. Писать могу не много, пальцы нѣмѣютъ. Твоя мать». Два письма съ адресомъ: «Станціи Ликать Пальтеманъ Дуриясъ». Одно изъ нихъ адресовано: «Г-жѣ Э. Витенбергъ», другое «Ея Высокоблагородію М-ль Эммѣ Витенбергъ». Писанное чернилами прошеніе, начинающееся словами: «Правленіе книготорговаго товарищества «Культура» и оканчивающееся подписью: «Э. Витенбергъ».

При осмотрѣ литературы, переписки и вещей, отобранныхъ 22-го ноября на дачѣ Боргоэна, имѣющими отношеніе къ настоящему дѣлу, оказались слѣдующія: 7 экз. печатной брошюры подъ заглавіемъ «Программа партіи с.-р.». Брошюра призываетъ къ революціонной борьбѣ съ существующимъ режимомъ для ликвидаціи самодержавія и созыва Учредительнаго Собранія. Экземпляръ печатнаго листка «партіи с.-р.» съ изложеніемъ причинъ убійства пристава подполковника Роздѣвскаго. Печатный экземпляръ «револю-

ціи партіи с.-р.». Въ резолюціи, между прочимъ, указывается на необходимость учрежденія при боевыхъ летучихъ областныхъ комитетахъ двухъ отрядовъ: террористическаго и экспроприаторскаго, а также образованія специальныхъ школъ для выработки областныхъ инструкторовъ. 5 номеровъ газеты «Земля и Воля», въ которыхъ, между прочимъ, говорится: «Республика — это дѣверъ къ всенародному счастью; самодержавіе — это всенародная затхлая, вонючая тюрьма. Соціалъдемократы, какъ и соціалісты-революціонеры, понимаютъ, что добромъ ничего отъ нашего правительства не получишь и готовятся къ участію во всеобщемъ возстаніи».

Одинъ экземпляръ газеты «Солдатское Чтеніе». Всероссійскій союзъ солдатъ и матросовъ. Газета Финляндскаго отдѣла союза». Въ газетѣ нижніе чины призываются быть готовыми къ скорому выступленію.

2 номера газеты «За Народъ». Въ газетѣ помѣщены оскорбительныя для Государя Императора выраженія и обращенное къ нему требованіе дать отвѣтъ передъ возставшимъ народомъ.

11 экз. газеты «Знамя Труда». Въ № 4 этой газеты помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Убіеніе полковника Иванова и Бородулина», въ № 7 — статья объ убійствѣ Максимовскаго. Въ послѣдней, между прочимъ, говорится: «О, мы, конечно, хорошо знаемъ, что истинные вдохновители этихъ злодѣйствъ тамъ, высоко, выше всего, на ступеняхъ трона. Придетъ и оный день расплаты съ августѣйшимъ тюремщикомъ и истязателемъ всей страны. Но въ предвидѣніи этого дня, который мы стремимся приблизить всѣми силами своего сердца, своего ума и воли, не могутъ остаться безнаказанными и они всѣ, эти малые и большіе тюремщики».

43 печатныхъ, гектографированныхъ и отбитыхъ на пишущей машинѣ брошюръ и листовъ партіи с.-р.

Полудистъ почтовой бумаги, на которомъ чернилами написано: «Помощь нужна крайне немедленно». Слѣдуетъ семь фамилій лицъ, содержащихся въ разныхъ мѣстахъ заключенія.

12 экз. открытыхъ писемъ съ фотографическими карточками государственныхъ преступниковъ. Четыре полотняныхъ не ношенныхъ рубашки, 6 бѣлыхъ мужскихъ кальсонъ не ношенныхъ, 6 паръ мужскихъ носковъ. Все бѣлье совершенно новое съ оставшимися дырочками отъ споротыхъ ирляковъ фирмы. Альбомъ въ сѣромъ коричневомъ переплетѣ съ металлической застежкой. Въ альбомѣ 20 фотографическихъ карточекъ разной величины, среди которыхъ завѣдывающей наружнымъ наблюденіемъ при петерб. охранномъ отдѣленіи, Иванъ Корнильевъ, опознать въ карточкѣ № 21 убійцу полковника Иванова, въ карточкѣ № 15 убійцу генерала Павлова, въ карточкѣ № 28 покушавшихся на жизнь военнаго министра Фельдмана и Александра Карташеву, въ карточкѣ № 10 убійцу Максимовскаго — Rogozинникову.

Оболочка отъ бомбы изъ бѣлой жести конусообразной формы, наполненная пескомъ. Осматривавшій эту оболочку экспертъ пришелъ къ заключенію, что по своей формѣ и устройству она вполне пригодна для изготовленія металлическаго снаряда и два ли могла имѣть какое-либо другое назначеніе.

Паспортная книжка на имя Германа Гольствъ и мѣщанина г. Полтавы Карла Иванова Тиле. По удостовѣренію мѣщанскаго старосты г. Полтавы Печипоренко, на книжкѣ Тиле подписи за мѣщанскаго старосту и члена управы подложны. При сличеніи подписи владѣльцевъ книжекъ Тиле и Гольствъ съ несомнѣнною рукописью Альберта Трауберга, имѣющейся въ 3-хъ дѣлахъ судебнаго слѣдователя 2-го участка Рижскаго уѣзда, экспертъ пришелъ къ заключенію, что обѣ упомянутыя подписи выполнены Альбертомъ Траубергомъ.

Листъ бѣлой бумаги, на которомъ чернилами написано: «29. IX. Пу.»

тедѣлка была! Господи Боже мой! Въ понедѣльникъ К. командировалъ меня вмѣсто себя на явку къ М. Это, чтобы его не спрашивали на счетъ Товѣта. А я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Отправилась. Грязь не пролазная, да ще туманъ. На явкѣ надо мной поохали по случаю моего геройства и умѣнья заходить дорогу (это они, должно быть, вспомнили, какъ одинъ ихній пит. К. искалъ). М. привязался, отчего К. не прѣхалъ. Я отвѣтила, онъ меня переспросилъ. М. удовлетворился такимъ отвѣтомъ. Или онъ дуракъ или меня считаетъ идиоткой, такъ я веду себя съ нимъ, а онъ ничего. Поговорили о мелкихъ дѣлахъ, намъ нужны были явки, онъ далъ нѣсколько адресовъ, называя новыхъ людей, кого хотятъ къ намъ. Это комп. въ 4 ч. изъ кот. одинъ Акимовъ, уб-ца Чухнина. Это — вещь. Еще сообщилъ — будто Н. Н. ухалъ вовсе (не) за-границу, какъ было официально извѣстно, а въ свое умѣние Першино, около ст. Скуратово. Это и совсѣмъ бы хорошо было. У меня сейчасъ же мелькнула мысль, что вотъ туда бы командировать акимовскую компаню, если они все въ стилѣ Акимова. Когда я сказала про Н. Н. и Акимова К., онъ тоже сказалъ, что ихъ надо туда. Это хорошо. Потомъ привязалась съ деньгами. Вмѣсто 500, кот. мы еще не получили за сентябрь, получила 300, да и то пришлось, чертъ знаетъ, куда идти. Говорили, что постараются достать. Говорить съ М. прямо тошно. Онъ напоминаетъ спящую муху. Въ этотъ разъ и совсѣмъ былъ въ меланхоли. Наканунѣ Павла приволокла на явочную квартиру, не попросивъ у хозяина разрѣшенія, 30 ф. динамита для К. М. былъ взволнованъ и сконфуженъ и огорченъ: неловко все же передъ хозяиномъ. Просить, молить взять, но я на этотъ счетъ не получила отъ К. никакихъ приказаній».

Тетрадь въ синей бумажной обложкѣ съ надписью на ней «Е. Ивановой», текстъ въ тетради начинается словами: «Н. И. Дитятинъ. Роль челобитій и земскихъ соборовъ. . .» и кончается фразой «Изъ воеводскихъ отписокъ видно, что депутаты въ М. являлись дьяками. При сличеніи послѣдняго документа, несомнѣнно писаннаго обвиняемой Еленой Ивановой, съ почеркомъ вышеприведеннаго пнойма о явкѣ къ М. экспертъ пришелъ къ заключенію, что обѣ эти рукописи написаны однимъ лицомъ».

Письмо на листѣ почтовой бумаги малаго формата, въ которомъ авторъ, обращаясь къ милому близкому брату, просить не скорбѣть о немъ, рассказываетъ о своемъ отцѣ, покушавшемся на самоубійство, и, между прочимъ, говорить: «утѣшайте меня только вашими побѣдами — ихъ много въ послѣднее время у васъ». Говоря далѣе о женщинѣ, которая красиво умерла, авторъ пишетъ про себя: «такъ умереть, какъ она, я бы не сумѣла, потому что я не такая. Но умереть во имя того, что мнѣ дорого, я хочу и могу по своему, но насколько раньше у меня первое мѣсто занимала мысль о томъ, чтобы хорошо умереть, настолько теперь выступило впередъ ягучее страшное желаніе хорошо убитъ».

Два отдѣльныхъ полулиста почт. бумаги, на которыхъ написано: «Карлу» I. Я такъ привыкла муштровать свою душу и сдерживать все свои чувства, что по временамъ она стала совсѣмъ терять свою чувствительность и вотъ милые, ласковые товарищи отогрѣли ее немножко, дали мнѣ настроеніе, при которомъ я могла написать матери. Это письмо вы можете прочесть, если хотите, но только вы (двое) и Лели — дальше не надо. . .» Далѣе авторъ пишетъ: «Вы, строитель, должны перешагнуть всехъ насъ и отдать себя послѣднимъ. Чтобы пережить многихъ и чувствовать себя все-таки строителемъ — нужны нечеловѣческія силы. . . Онѣ есть у васъ, эти могучія силы, которыя воспитываются великимъ страданіемъ и переживаніемъ души. . . Эти силы побуждаютъ идею не останавливаться ни передъ чѣмъ, пагая черезъ группы близкихъ людей. . . Вамъ придется перешагнуть черезъ Альпину, при-

дется растоптать этот нѣжный цвѣтокъ, на ваши плечи ляжетъ тяжелей гнетъ, какъ бы я хотѣла тогда быть рядомъ съ вами, строитель».

Письмо на полуторахъ листахъ почтовой бумаги, начинающееся словами: «Какъ вы умѣете столько давать душѣ». Въ этомъ письмѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: «Можетъ быть, вы могли бы исполнить маленькую просьбу. Я уже не прошу лично васъ, но, можетъ быть, вы могли бы направить по моей матери. Зачѣмъ, вы меня понимаете. Хорошій она человекъ и не могла быть полезна... Можетъ быть, за это взялась бы Альвина — у нея такое милое, горячее сердечко, вся она, какъ нѣжный черный цвѣтокъ Эдельгейма... Леля, можетъ быть, вы попросили бы захватить свою мать?»

Всѣ три вышеприведенныя письма писаны, по заключенію эксперта, осужденной за покушеніе на убійство военнаго министра ген. Редигера, Зинойдой Кладимой.

Письмо начинается словами: «Получилъ отъ тебя письмо, дорогая мама! я живъ, здоровъ и чувствую себя хорошо, читаю, пишу и мечтаю. Вчера былъ допросъ. Обвиняютъ по 102 ст., за неиспроверженіе существующаго строя и за участіе въ «петербургской организаціи всероссійскаго военно-революціоннаго союза» и оканчивается словами: «Петербург. Кресты. Крѣпко тебя цѣлую. Твой Коля. 9-III-07».

Планъ Государственнаго Совѣта, начерченный по разграфленнымъ страницамъ полосами листъ писчей бумаги съ укаканіемъ помѣнно мѣстъ каждого члена Государственнаго Совѣта. Направо отъ каѳедры председателя обозначены мѣста министровъ и ихъ товарищей въ трехъ столбцахъ, въ такомъ порядкѣ: кн. Васильчиковъ, Редигеръ, Кожовцевъ, баронъ Фредериксъ, Столыпинъ, Философовъ, фонъ-Кауфманъ, Щегловитовъ, Харитановъ, Диковъ и Кривошеинъ.

Полулистъ почтовой бумаги, на которомъ написано: «Въ Государственную канцелярію». Редакція газеты «Современное Слово» имѣетъ честь просить Государственную канцелярію выдать ей сотруднику... билетъ для посѣщенія засѣданій Государственнаго Совѣта. Редакторъ. С.-Петербургъ. Ноября 1907 г.» По предъявленіи рукописнаго плана Государственнаго Совѣта приставу этого Совѣта, Всеволожскому, послѣдній заявилъ, что онъ вполне соответствуетъ такому же плану размѣщенія членовъ Государственнаго Совѣта, отпечатанному Государственной канцеляріей 5 ноября 1905 г. По словамъ того же свидѣтеля сотрудники газетъ допускаются въ залу засѣданія Государственнаго Совѣта по годовымъ билетамъ, выдаваемымъ Государственной канцеляріей. Для полученія такого билета редакторы временныхъ изданій подаютъ въ Государственную канцелярію письменныя заявленія, въ которыхъ указываютъ и называютъ своего сотрудника.

Сопоставляя почеркъ имѣющагося въ дѣлѣ и писаннаго несомнѣнно рукою Николая Иванова прошенія на имя ректора Императорскаго университета объ отстрочкѣ гонорара за второе полугодіе съ нисымами того же Иванова къ матери отъ 9 мартъ, 1907 г. и съ почеркомъ составителя рукописнаго плана размѣщенія членовъ Государственнаго Совѣта, экспертъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти три документа писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Полное сходство почерка, коимъ написанъ проектъ прошенія о выдачѣ входнаго билета на засѣданіе Государственнаго Совѣта съ несомнѣннымъ почеркомъ обвиняемаго Альберта Трауберга, не оставляетъ сомнѣній, по мнѣнію эксперта, въ томъ, что упомянутый проектъ прошенія писанъ имъ.

Нѣсколько негативовъ на стеклѣ и пленкѣ, изъ коихъ два изображаютъ группу лицъ, состоящую изъ двухъ женщинъ и трехъ мужчинъ, снятыхъ въ лѣсу, одинъ — молодого человека, сидящаго на балконѣ, и одинъ — си-

можь пожилой женщины, сидящей за чайным столомъ съ самоваромъ. По изготовленія съ упомянутыхъ негативовъ снимковъ, обвиняемый Масокинъ заявилъ, что группа пяти изображаетъ «Кисю», «Медвѣженка», мужчину съ черными усами «Леоніда», мужчину съ свѣтлыми усами Синегуба и его, обвиняемого, снятыхъ въ лѣсу, въ Теріокахъ, Николаемъ Ивановымъ, а свидетель Михаилъ Флеровъ въ карточкѣ женщины, сидящей за чайнымъ столомъ, опозналъ Марію Павловну Иванову.

Конвертъ желтаго цвѣта съ адресомъ : «Здѣсь, Васильевкѣй островъ, 10 лин. д. 17, кв. 12. Даниилу Григорьеву». Въ конвертѣ письмо слѣдующаго содержания : «Милостивый Государь, Даниилъ Григорьевъ! До сихъ поръ деньги не получили. Послѣдній срокъ въ воскресенье с. м. Надѣюсь, что непременно доставите мнѣ слѣдующія деньги. В. Сел...»

Принятыми охраннымъ отдѣленіемъ мѣражи къ розыску адресата этого письма установлено, что оно писано бывшему служащему отдѣленія писцу Даниилу Григорьеву Ветлугину, уволенному въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1907 г. отъ службы вслѣдствіе несоотвѣтствія своему назначенію и возникшихъ противъ него подозрѣній.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Ветлугинъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что, зная о пѣляхъ сообщества, именовавшагося мѣстнымъ боевымъ отрядомъ Сѣверной области партіи с.-р., вошелъ въ согласіе съ членами ея и за денежное вознагражденіе доставлялъ свѣдѣнія, необходимыя для осуществленія задуманныхъ сообществомъ тяжкихъ преступленій. Познакомившись случайно въ 1905 г. съ нѣкимъ «Гордѣемъ» или «Гордѣевымъ» обвиняемымъ, уже состоявшимъ тогда на службѣ въ охранномъ отдѣленіи, встрѣтилъ его на Цевскомъ въ іюнѣ 1907 г., посѣтилъ въ Келломякахъ и, согласившись на предложеніе Гордѣева давать за денежное вознагражденіе необходимыя ему свѣдѣнія, тогда же сообщилъ, что знаетъ о предполагаемыхъ арестахъ, примѣтахъ начальника отдѣленія, служащаго Статковскаго, ихъ костюмахъ, времени посѣщенія охраннаго отдѣленія и т. п. Гордѣй просилъ собрать побольше свѣдѣній, сказавъ «мы заплатимъ за это», и далъ обвиняемому свой адресъ въ Келломякахъ, указавъ, что въ исключительныхъ случаяхъ нужно зашифровать текстъ. Для шифра онъ указалъ известное стихотвореніе «Скажи-ка, дядя, нѣдъ не даромъ...», причѣмъ пояснилъ, что шифръ надо изображать дробью, въ которой числитель будетъ порядковая строка, а знаменатель соответствующая буква строки. Встрѣтившись нѣкоторое время спустя съ Гордѣемъ въ Петербургѣ, обвиняемый сообщилъ ему внутреннее расположеніе дома, занимаемаго охраннымъ отдѣленіемъ, рассказалъ, что отдѣленіе имѣетъ 13 кварт., куда ходятъ чиновники, и содержитъ извозчиковъ. Въ этотъ разъ онъ, Ветлугинъ, получилъ отъ Гордѣева 25 р. нѣдѣль займа, которыхъ до настоящаго времени ему не вернулъ. Сообщая Гордѣеву свой адресъ : Васильевскій Островъ, 10 линія, д. 17, кв. 12, обвиняемый умышленно просилъ ставить на письмѣ только имя и отчество, чтобы имѣть возможность узнать отъ кого письмо, еслибы оно было безъ подписи.

Допрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ Марія Павловна Иванова и Николай Николаевичъ Ивановъ виновными себя не признали, — причѣмъ первая отъ дачи какихъ-либо объясненій по дѣлу отказалась, а второй заявилъ, что рукописнаго плана размѣщенія членовъ Госуд. Совѣта онъ не чертилъ и о томъ, что сестра его, Елена Иванова, прожиааетъ въ Финляндіи подъ фамиліей Гольбергъ не знаетъ.

Обвиняемые Альбертъ Траубергъ, Елена Иванова и Альвина Шенбергъ, не отрицая своей принадлежности къ Лет. Б. Отряду Сѣверной области партіи с.-р., между прочимъ, показали : Альбертъ Траубергъ, — что съ конца

лѣта 1906 г. получилъ и принялъ отъ Сѣвернаго Областнаго комитета партіи порученіе сформировать отрядъ и руководить имъ. Этимъ отрядомъ, именованнымъ «Летуч. Б. Отрядомъ Сѣверной области партіи с.-р.», были убиты ген.-лейтенантъ Павловъ, полковникъ Ивановъ и тайный совѣтникъ Максимовскій. Елена Иванова, — что съ конца сентября 1907 г. поселилась въ Келломякахъ и съ тѣхъ поръ въ той или иной формѣ принимала участіе во всей дѣятельности отряда. Альвина Шенбергъ, — что, какъ членъ отряда, принимала участіе во всѣхъ его дѣлахъ.

Личность сторожа земской управы въ Твери, къ которому явился обвиняемый Масокинъ, который затѣмъ устроилъ ему мѣсто слесаря въ неприветливой колоніи и при посредствѣ котораго Масокинъ познакомился съ дѣвушкой, которая впоследствии вызвала его въ Теріоки, выяснена тверскимъ охраннымъ отдѣленіемъ. По свѣдѣніямъ послѣдняго, это бывший сторожъ земской управы Мидѣвъ (онъ же Батулинъ), принадлежащій къ партіи с.-р. и скрывавшійся отъ преслѣдованія.

Юня 1907 г. старшій дворникъ дома № 15 по Екатерининскому пр. заявилъ полиціи, что проживавшая въ кв. № 14 Вилгельмина Шмидъ нашла въ комнатѣ своей жилицы, Эммы Резовской, два какихъ-то круглыхъ предмета и двѣ мѣдные трубочки. Заявление это послужило основаніемъ къ произведенію обыска, которымъ въ шкафу Резовской обнаружены двѣ папачны формы съ деревянными днами и жестяными крышками коробки, наполненныя бѣлымъ порошкомъ и двѣ закупоренныя металлическія трубочки.

При изслѣдованіи означенныхъ предметовъ оберъ-фейерверкомъ петерб. склада огнестрѣльныхъ припасовъ надв. сов. Попласкимъ, оказалось, что они составляютъ двѣ бомбы, наполненныя небольшимъ количествомъ бѣлаго взрывчатаго порошка и имѣющія по детонатору, состоящему изъ двухъ трубочекъ съ сѣрною кислотой. Эмма Резовская поселилась въ домъ № 15 въ половинѣ мая 1907 г. По словамъ хозяйки квартиры, гдѣ снимала комнату обвиняемая, Вилгельмины Шмидъ и горничной Елизаветы Зильбергъ, Резовскую, не имѣвшую никакихъ опредѣленныхъ занятій, часто навѣщали разные молодые люди, приносившіе съ собой какіе-то пакеты. Въ числѣ посѣтителей свидѣтельница видѣла латыша среднихъ лѣтъ съ черной бородой, ежедневно бывавшаго у Резовской, молодого человѣка съ небольшими черными усиками и инженера. Послѣдняго, говорившаго обыкновенно по-нѣмецки, Вилгельмина Шмидъ особенно хорошо запомнила и такъ же, какъ Елизавета Зильбергъ безусловно опознаетъ его въ предъявленной имъ картонкѣ Анатоля Блоперковца. Проживъ около двухъ недѣль, Резовская куда-то выѣхала, но бывшіе у нея молодые люди продолжали посѣщать ея комнату, причемъ вскрывали и читали получавшіяся на ея имя письма.

Вернувшись недѣлю черезъ двѣ, Резовская 30 іюля уѣхала въ Финляндію, оставивъ на своемъ столѣ записку слѣдующаго содержанія: «Я уѣхала въ Финляндію и если завтра не вернусь, то ты знаешь, что . . .», даѣе записка была написана на незнакомомъ для Зильбергъ языкѣ. Послѣ отъѣзда Резовской къ ней пришелъ молодой человѣкъ съ черными усиками и, прочитавъ оставленную записку, ушелъ. Все поведеніе Резовской, ея обыкновеніе говорить со своими гостями при закрытыхъ дверяхъ и притомъ настолько тихо, что, пытавшаяся подслушать эти разговоры Зильбергъ, ничего изъ нихъ не удвоила, показались для Вилгельмины Шмидъ настолько подозрительными, что послѣ отъѣзда жилицы она стала осматривать ея вещи и, найдя въ шкафу какія-то коробки, дала объ этомъ знать полиціи. Благодаря устроенной въ квартирѣ засадѣ, былъ задержанъ, почти ежедневно посѣщавшій Резовскую и приносившій ей завернутые въ бумагу пакеты, латышъ, котораго Елизавета Зильбергъ безусловно опознаетъ въ предъявленномъ ей об-

виняемъ Альбертъ Траубергъ. Нѣсколько дней спустя туда-же явился господинъ въ форменной фуражкѣ, оказавшійся впоследствии Анатолиемъ Бѣлоцерковцомъ.

Обстоятельства, при которыхъ задержаны латышь и инженеръ, по показанію свидѣтелей: старшаго помощн. пристава 4-го уч. Спасской части Войко и околоточныхъ надзирателей Дмитрія Лобунскаго, Василія Корабельникова и дворника Алексея Иванова представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ первыхъ числахъ іюля въ кв. № 14 явился молодой человекъ, спросившій Эмму Резовскую. По задержаніи при немъ оказался паспортъ на имя Трентовіуса и бумажникъ со ста двадцатью рублями. Во время составления по поводу ареста протокола, задержанный успѣлъ скрыться, но свидѣтели Войко и Лобунскій хорошо запомнили его лицо и съ увѣренностью утверждаютъ, что на предъявленной имъ карточкѣ Альберта Трауберга изображенъ именно онъ.

6-го іюля 1907 г. около 12 час. дня проходившій по Вознесенскому просп. околот. надзир. Василій Корабельниковъ замѣтилъ на углу Екатерининскаго и Вознесенскаго проспектовъ толпу. Подбѣжавшій къ нему городской сообщилъ, что дворникъ дома № 15 Павловъ задержалъ явившагося на квартиру Резовской господина. Подойдя къ толпѣ, свидѣтель увидѣлъ мужчину въ фуражкѣ инженера, котораго держали за руки два дворника. На предложеніе итти въ участокъ господинъ первоначально отвѣтилъ отказомъ, но затѣмъ пошелъ, а по пути все время оглядывался, видимо выжидая, что изъ толпы кто нибудь его выручитъ. При обыскѣ у задержаннаго оказался планъ примыкавшихъ къ Петербургу желѣзнодорожныхъ путей, спрятанный подъ чулокъ лѣвой ноги. На заданные по поводу этого плана вопросы, инженеръ давалъ сбивчивыя показанія. Задержаннаго 6-го іюля господина свидѣтели Войко, Корабельниковъ и Павловъ вполне опознаютъ въ предъявленной имъ карточкѣ инженера Анатоля Бѣлоцерковца и устанавливаютъ, что у него именно отобрали тотъ планъ желѣзнодорожныхъ путей, который показанъ имъ при допросѣ.

При осмотрѣ черезъ эксперта путей сообщенія Любезнаго отобраннаго у обвиняемаго Бѣлоцерковца плана оказалось, что онъ является снимкомъ съ плана, приложеннаго къ служебному приказу за № 53 отъ 23 марта 1907 г. по Сѣверо-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ, причемъ, однако, на рукописномъ планѣ не обозначены: Сѣверо-Западная вѣтвь, соединяющая станцію Императорскихъ поѣздовъ съ Цѣточнымъ постомъ Николаевской дороги, такъ называемая Бычья вѣтвь соединенія между Варшавской и Балтійской станціями Петербурга и нѣкоторыя другія вѣтви. Вместе съ симъ на рукописномъ планѣ отмѣнены нѣкоторые пункты, которыхъ на приложенномъ къ служебному приказу № 53 печатномъ планѣ нѣтъ. Такъ на рукописномъ планѣ отмѣнены: Лигово, Стрѣльно, Петергофскій дворецъ, Гатчинскій и Царскосельскій дворцы. Независимо отъ сего на рукописномъ планѣ особо отмѣнены штрихами слѣдующіе пункты: станціи Императорскихъ поѣздовъ въ Петербургѣ, станція Царскій Павильонъ, версты №№ 1 и 2 Варшавской линіи, постъ 4-ой версты Балтійской линіи, Татарскій проѣздъ и станція Гатчино-Варшавская. Посты NN° 1 и 2 Варшавской и № 4-й Балтійской являются выходами соединительныхъ вѣтвей, по которымъ Императорскіе поѣзда выходятъ на главные пути. Татарскій проѣздъ — мѣсто выхода Государя Императора для выѣзда на охоту. Имѣющаяся на печатномъ планѣ полная нумерація верствъ, на рукописномъ планѣ отсутствуетъ. Здѣсь отмѣнены только 13, 16 и 20 версты царской вѣтви. На 18-ой верстѣ находится дерѣздъ, которымъ пользуются только во время полевыхъ работъ. на 16 верстѣ — мостъ и на 20 два путепрохода надъ полевыми дорогами. Дороги,

отмѣченныя на рукописномъ планѣ красными чернилами, на печатномъ планѣ не обозначены.

Найденныя при обыскахъ на дачѣ Шамоиной и Боргоэна — бланкъ съ отмѣткой на немъ М. Резовская-1-65, Резовская-80, учебникъ А. Барабанова и Н. Горѣлова, на переплетѣ котораго имѣлась надпись «Альма Резовская и Н. Э. Резовская», фактъ постоянного посѣщенія квартиры Эммы Резовской организаторомъ мѣстнаго боевого отряда Сѣверной обл. Траубергомъ, встрѣчи послѣдняго на этой квартирѣ съ инженеромъ Бѣлоцерковцемъ и обнаруженные у Резовской разрывные снаряды, послужили основаніемъ къ предъявленію Резовской и Бѣлоцерковцу обвиненія къ принадлежности къ вышеупомянутой преступной организаціи.

Спрошенныя по этому поводу дали слѣдующія объясненія: Эмма Резовская, что найденный при обыскѣ на дачѣ Боргоэна учебникъ географіи принадлежить ей, ею же сдѣлана надпись на немъ: «Альма Резовская и Э. Резовская». Съ Альбертомъ Траубергомъ, котораго называли «Карломъ», познакомилась еще въ Ригѣ и, встрѣтивъ затѣмъ случайно въ Петербургѣ, предложила ее навѣщать. Приходилъ «Карлъ» обыкновенно одинъ, но нерѣдко встрѣчался съ другими лицами, которыхъ обвиняемая не знаетъ и которые являлись, говорили, что желаютъ видѣться съ «Карломъ». Инженера Бѣлоцерковца Резовская вовсе не знаетъ, но допускаетъ, что и онъ подобно другимъ могъ заходить къ ней на квартиру для свиданія съ кѣмъ-либо. Найденный въ шкафу свертокъ съ разрывными снарядами принесъ для хранения какой то неизвѣстный обвиняемой латышъ, не предупредившій ее о содержимомъ этого свертка.

Сущность данныхъ инженеромъ Анатоліемъ Бѣлоцерковцемъ объясненій, частію записанныхъ имъ собственноручно, сводится къ слѣдующему.

Работая еще во время студенчества въ социалъдемократическихъ организаціяхъ, обвиняемый принялъ въслѣдствіи программу с.-р. и вступилъ въ въ автономную группу изъ 4-5 человекъ, признавшихъ, какъ и онъ, не только терроръ, но и экспроприаціи казенныхъ суммъ. Для выполненія поставленныхъ себѣ этой группой задачъ, члены ея должны были, пользуясь своими буржуазными преимуществами, занять отвѣтственныя мѣста, собирать необходимый для совершения террористическихъ актовъ матеріалъ, который затѣмъ передавался бы главарю партіи при полной готовности каждого изъ членовъ лично принять активное участіе въ томъ или другомъ актѣ. Эти партійныя цѣли, вполне согласныя съ личными убѣжденіями обвиняемого, признающаго теорію «бунтарства», т. е. необходимость активнаго протеста противъ всякой власти не выбранной, а наследственной и были причиной того, что, несмотря на званіе инженера путей сообщенія, онъ поступилъ на службу контролеръ-механика телеграфа петербургскаго участка Сѣверо-Западныхъ дорогъ, дававшую ему свободный доступъ на всѣ посты, какъ Варшавской линіи, такъ и Императорскаго пути.

Держась чрезвычайно конспиративно, члены автономной группы не перписывались и видѣлись только на явочныхъ квартирахъ, гдѣ ими и былъ разработанъ планъ террористическаго акта надъ Особами Императорскаго дома, не исключая особы Государя Императора, а также убійства министровъ и князя Орлова. Въ частности, была разработана идея взрыва царскаго поѣзда и убійство Великаго Князя Николая Николаевича, которое обвиняемый рѣшилъ совершить единолично во время сопровожденія поѣзда по обязанностямъ службы.

Въ цѣляхъ осуществленія этихъ рѣшеній обвиняемымъ былъ изготовленъ специальный планъ желѣзнодорожныхъ и автомобильныхъ путей, по которымъ ѣздитъ Высочайшія особы, и министры и Орловъ. На этомъ планѣ,

отобранномъ у обвиняемаго при его задержаніи, заштрихованныя мѣста означаютъ исходные или конечные пути, въ которыхъ Высочайшія Особы, Министры и Орловъ садятся и выходятъ изъ вагоновъ или автомобилей. Этими же штрихами обозначены мѣста скрещеній желѣзнодорожныхъ путей между собой и автомобильными дорогами, гдѣ вслѣдствіи перехода на другую вѣтку или открытія шлагбаума для пропуска автомобиля, неизбежно происходитъ задержка въ движеніи, облегчающая исполненіе террористическаго акта. Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ посты №№ 1 и 2 по Варшавской и постъ № 4 версты по Балтійской дорогѣ. Постъ № 2 удобенъ въ томъ отношеніи, что путь тамъ проходитъ по глубокой выемкѣ, гдѣ легче организовать взрывъ поѣзда и забросать его снарядами сверху. Постъ № 1 Варшавской и 4-ой версты Балтійской дороги важны тѣмъ, что Императорскіе поѣзда, переходящіе здѣсь на вѣтки спеціального пользованія задерживаются въ ввиду маневрированія на время отъ 3-5 минутъ. Для большаго удобства наблюденія за поѣздомъ указанныхъ лицъ, обвиняемый поселился въ домикѣ-особнякѣ, на станціи Александровской и установилъ, между прочимъ, что Великій Князь Николай Николаевичъ, ѣздя въ Царское Село на автомобиль, всегда пользуется не прямымъ, а окружнымъ черезъ Гатчину и Татарскій поѣздъ.

Отсутствіе въ автономной группѣ достаточныхъ физическихъ силъ для выполненія задуманныхъ убійствъ заставило ее примкнуть къ другой организациі, подчиненной центральному комитету партіи с.-р., съ какою цѣлью обвиняемый вошелъ въ сношеніе съ 6. отрядомъ Сѣверной области. Свиданія съ представителемъ этого отряда происходили на квартирѣ Эммы Резовской, гдѣ онъ, Бѣлоцерковецъ, и былъ арестованъ съ вышеуказаннымъ планомъ желѣзнодорожныхъ путей.

Въ объясненіяхъ, данныхъ обвиняемымъ при предъявленіи слѣдственнаго производства, онъ, не признавая себя виновнымъ въ приготвленіи къ посягательству на жизнь Государя Императора и другихъ особъ Императорскаго дома, объяснилъ между прочимъ, что планъ взрыва поѣзда съ кѣмъ-либо изъ министровъ и Вел. Княземъ былъ составленъ имъ, но выступилъ ли бы онъ, — не знаетъ, такъ какъ вопросъ этотъ разрѣшился бы въ зависимости отъ состояній его духовныхъ силъ.

На основаніи вышензложеннаго обвиняются :

1) Альбертъ Давидовъ Траубергъ 27 лѣтъ, Елена Александровна Иванова 24 лѣтъ, Альвина Яковлевна Шенбергъ 24 лѣтъ, Федоръ Самойловъ Масокинъ 25 лѣтъ, Анатолій Петровичъ Бѣлоцерковецъ 27 лѣтъ, Эмма Мильда Янова Резовская 18 лѣтъ, Марія Павловна Иванова 50 лѣтъ, Николай Николаевичъ Ивановъ 20 лѣтъ въ томъ, что въ 1907 г., проживая въ Петербургѣ и ближайшихъ къ нему мѣстечкахъ Финляндіи, состояли членами Лег. В. Отряда С. О. п. с.-р., завѣдомо для нихъ поставившему цѣлью своей дѣятельности насильственное ниспроверженіе, путемъ убійствъ высшихъ представителей правительственной власти, установленнаго въ Россіи законами основными законами образа правленія и замѣны его демократической республикой, для каковой цѣли, между прочимъ, устроили явочныя квартиры, гдѣ совместно обсуждали планы предполагаемыхъ убійствъ, собирали свѣдѣнія о примѣтахъ должностныхъ лицъ, времени посѣщенія служебныхъ мѣстъ и имѣли въ своемъ распоряженіи разрывныя снаряды и склады оружія, что предусмотрено въ 51 и 2 ч. ст. 102 угол. улож.

2) Матрена Васильевна Корнильева 38 лѣтъ, Данилъ Григорьевъ Ветлугинъ 27 лѣтъ, Вячеславъ Леонтьевъ Бурягинъ 28 лѣтъ въ томъ, что, не состоя членами упомянутаго въ пунктѣ первомъ, преступнаго сообщества, но

зная, что такое поставило цѣлью своей дѣятельности асилственное ниспроверженіе путемъ убійства высшихъ представителей власти установленнаго въ Россіи основными законами образа правленія, они въ 1907 г. доставляли членамъ названнаго сообщества, необходимыя для осуществленія задуманныхъ ими тяжкихъ преступленій, средства: Корнильева — тѣмъ, что указала квартиру проживавшаго въ Петербургѣ по Малой Пушкирской улицѣ домъ № 30 Вячеслава Бурыгина, гдѣ члены боевой организациі впоследствии встрѣчались и обсуждали способы осуществленія своихъ цѣлей; Бурыгинъ — тѣмъ, что предоставлялъ членамъ боевой организациі для явокъ и свиданій свою квартиру; Ветлугинъ — тѣмъ, что, состоя на службѣ въ Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи, за денежное вознагражденіе доставлялъ упомянутому сообществу свѣдѣнія о примѣтахъ должностныхъ лицъ, расположеніи комнатъ въ зданіи охраннаго отдѣленія и др. Дѣяніе это предусмотрено 51 и 2 ч. 102 ст. уг. улож.

3) Ел. А. Иванова, Н. Н. Ивановъ и Ф. С. Масокинъ въ томъ, что, состоя членами указаннаго въ пунктѣ первомъ преступнаго сообщества вмѣстѣ съ нѣкѣми казенными: Rogozinnikova, «Леонидомъ» и другими лицами, съдѣствіемъ не обнаруженными, умыслили лишить жизни тайн. совѣт. Максимовскаго, петербургскаго градоначальника Драчевскаго, и др. должностныхъ лицъ по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей, выработали планъ этихъ террористическихъ актовъ, назначили день ихъ совершенія на 15 окт. 1907 г., вооружились револьверами и разрывными снарядами и отправились: — Rogozinnikova — въ главное тюремное управленіе для убійства тайн. сов. Максимовскаго, Н. Ивановъ — въ садикъ противъ главнаго тюремнаго управленія съ цѣлью сообщить по телефону о состоявшемся убійствѣ Ел. Ивановой, послѣдняя въ ресторанъ на Мойкѣ для передачи этого извѣстія находившимся въ томъ же домѣ Масокину и Леониду, которые, занявъ опредѣленную мѣста, имѣвшимися при нихъ разрывными снарядами должны были лишить жизни ген.-майора Драчевскаго, — во исполненіе чего Rogozinnikova, дѣйствительно, убила выстрѣломъ изъ револьвера Максимовскаго, убійство же г. Драчевскаго и др. должностныхъ лицъ не послѣдовало лишь потому, что Rogozinnikova не успѣла выбросить изъ окна револьверъ и тѣмъ оповѣстить Н. Иванова о совершившемся убійствѣ Максимовскаго. Дѣяніе это предусмотрено ст. 18 полож. о мѣр. къ охр. госуд. порядка и общ. спок. и 279 ср. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3 -е.

4) Ф. С. Масокинъ въ томъ, что въ 1907 г., состоя членомъ упомянутаго въ пунктѣ первомъ преступнаго сообщества въ цѣляхъ осуществленія задачъ его, умыслилъ лишить жизни министра юстиціи Щегловитова по поводу исполненія имъ служебныхъ обязанностей и во исполненіе сего 18-го октября т. ж. г. и, вооружившись боевыми патронами и револьверами, пришегъ на Волково кладбище, куда по случаю похоронъ тайнаго совѣтника Максимовскаго, долженъ былъ прибыть министръ, и занялъ тамъ наиболѣе удобное для лишенія его жизни мѣсто, но задуманнаго исполнить не успѣлъ, лишь потому, что былъ арестованъ за нѣсколько минутъ до приѣзда т. сов. Щегловитова, что предусмотрено ст. 18 пол. о мѣр. къ охр. госуд. пор. и общ. спок. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-е.

5) А. Д. Траубергъ 27 лѣтъ, въ томъ, что въ 1906 и 1907 гг., состоя членомъ въ упомянутой въ пунктѣ первомъ преступной организациі, по предварительному соглашенію съ другими членами ея, умыслилъ лишить жизни главнаго военнаго прокурора ген.-лейт. Павлова, начальника тюрьмы полк. Иванова, начальника главнаго тюр. управленія т. сов. Максимовскаго и мин. юстиціи Щегловитова по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей и склонилъ Егорова, «неизвѣстнаго», Rogozinnikova и Масокина совершить эти

убійства, — во исполненіе чего Егоровъ 26 декабря 1906 г. лишилъ жизни г.-л. Павлова, «неизвѣстный» 17 августа 1907 г. лишилъ жизни полк. Пванова, Рогозинникова 15 окт. того же года лишила жизни т. с. Максимовскаго, а Масокинъ 18-го октября, имѣя при себѣ заряженные боевыми патронами револьверы, явился на мѣсто предполагаемаго совершенія преступленія, по исполнить задуманнаго не могъ, по обстоятельствамъ отъ него независящимъ. Дѣяніе это предусмотр. 13, 1454 ст. ул. о нак. и ст. 18 пол. о мѣр. къ охр. госуд. пор. и общ. спок. и 279 ст. XXII кн. С. В. II. 1869 г. изд. 3-е.

6) А. П. Бѣлоцерковецъ — въ томъ, что, состоя членомъ автономной группы с.-р., примкнувшей къ Лет. Б. О. С. О. той же партіи, умыслилъ лишить жизни царствующаго Государя Императора и Вел. Кн. Н. Николаевича, для чего разработать и составилъ планъ желѣзнодорожныхъ и автомобильныхъ путей, по которымъ обычно слѣдовали Высочайшія Особы, отмѣтивъ на этомъ планѣ пункты удобные для взрыва императорскаго поѣзда или автомобиля и для метанія въ нихъ разрывныхъ снарядовъ и, самъ, поселившись на станціи Александровской, изучилъ время и способы передвиженія высочайшихъ особъ, послѣ чего принесъ указанный планъ на явочную квартиру Лет. Б. Отряда для совмѣстнаго съ членами отряда исполненія задуманныхъ тяжкихъ преступленій. Дѣяніе это предусмотрѣно 99, 3 п. 101 и 4 ст. угол. улож.

Апрѣля 24 дни 1908 г. г. С. Петербургъ.

Въ память тов. А. Д. Трауберга („Карла“).

«Мнѣ выпала роковая доля посы-
лать своихъ самыхъ близкихъ доро-
гихъ людей на смерть, и по ихъ тру-
памъ взойти на эшафотъ...»

(Изъ рѣчи, произнесенной
Карломъ на судѣ).

Въ бояхъ закаленный, отважный и смѣлый,
Ты въ битвѣ съ врагами все смерти искалъ,
И преданный дѣлу всей пылкой душою,
Любимыхъ и близкихъ на смерть посылалъ.
Не разъ осужденный, погибнуть готовый,
Ты смерти въ лицо безъ тревоги глядѣлъ,
И гибли кругомъ тебя близкіе люди,
Но самъ ты не скоро погибнуть успѣлъ.
Ты жилъ и боролся на смерть обреченный, —
Ты снова предъ смертью стоишь роковой
И, подвиговъ полную жизнь отдавая,
Ты съ поднятой гордо умрешь головой!

Отъ Ред. Авторъ стихотворенія — политическій заключенный, котораго Карлъ собирался освободить изъ тюрьмы, но это сдѣлать ему помѣшало арестъ. Стихотворе-
ніе было написано въ день произнесенія надъ Карломъ смертнаго приговора.

Обвинительный актъ

по дѣлу о мѣщанинѣ Николаѣ (Николаевѣ) Пумпянскомѣ, дочери губернскаго секретаря Людмилѣ Вмелячовой, княжнѣ Ксеніи (Александровой) Мышенцкой и др., преданныхъ суду помощникомъ главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

Въ 1906 г., въ г. Москвѣ, въ организаціи с.-р., на почвѣ организаціонныхъ и программныхъ вопросовъ, образовался расколъ, причемъ болѣе крайніе и болѣе демократичные элементы, отдѣлившись отъ партіи, образовали, такъ называемую, „опозиціонную фракцію партіи с.-р.“ или „опозицію“. При этомъ, подобно тому, какъ въ партіи с.-р. наблюдались два теченія, а именно „максимализмъ“ и „минимализмъ“, точно также тѣ же два теченія сохранились и въ оппозиціонной фракціи, хотя большинство московскихъ оппозиціонеровъ и придерживалось программы „минимализма“. Такимъ образомъ, максималисты оппозиціи явились самымъ крайнимъ крыломъ партіи, принявшимъ и крайнюю точку зрѣнія и въ способахъ борьбы съ современнымъ государственнымъ строемъ съ цѣлью его ниспроверженія и для созданія на развалинахъ его новаго, отвѣчающаго социалистическому міровоззрѣнію максималистовъ. Появившійся въ Москвѣ партійный расколъ не замедлил отозваться и въ другихъ мѣстностяхъ, причемъ въ отличіе отъ раскола, происшедшаго въ г. Москвѣ, въ другихъ городахъ уходили изъ рядовъ партіи преимущественно приверженцы программы максимумъ, почему новообразовавшаяся фракція и приняла наименованіе максималисты. Особенно сильное развитіе организаціи максималистовъ получило въ г. Петербургѣ, гдѣ максималистамъ и удалось произвести два выдающихся по замыслу и крайне дерзкихъ по исполненію актовъ, а именно: покушеніе на жизнь предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, когда взрывомъ, произведеннымъ на министра на Аптекарскомъ островѣ, была полуразрушена сама дача и пострадало, въ общей сложности, около 100 чел. и вооруженное нападеніе 14 октября, на углу Фанарнаго переулка и Екатерин. канала, на помощника казначея петербургской портовой таможи, сопровождавшееся похищеніемъ казенныхъ денегъ въ суммѣ около 400000 рублей (сообщеніе начальника охраннаго отдѣленія въ г. Москвѣ отъ 14 іюля 1907 г. № 10748).

Задачи и цѣли образовавшагося преступнаго сообщества опредѣляются содержаніемъ двухъ воззваній, выпущенныхъ „Б. О. с.-р.-максималистовъ“ и обращенныхъ къ „Товаришамъ крестьянамъ и рабочимъ“ и „Ко всему трудовому народу“. Въ первомъ изъ этихъ воззваній, между прочимъ, говорится: „12-го августа по приговору Б. О. с.-р.-максималистовъ взорвана дача министра внутреннихъ дѣлъ

Столыпина. Ко всеобщему глубокому прискорбию, самъ Столыпинъ, противъ котораго направлялся ударъ, остался живъ"... Призывая далье рабочихъ и крестьянъ на путь революционно-террористической борьбы, воззваніе говоритъ: „Мы думаемъ, что выходъ изъ этого тяжкаго положенія, которое переживаетъ вся Россія, есть; мы думаемъ, что выходъ этотъ найдетъ лишь самъ народъ, а не царь, не помѣщики, не буржуазія; мы думаемъ, что выходъ остался одинъ — социальная революція, т. е. насильственный революционный захватъ всѣмъ народомъ всей земли, всѣхъ средствъ производства (фабрикъ, заводовъ, машинъ и т. д.) всей власти въ свои руки"... Заканчивается воззваніе такъ: „И только тогда, когда не будетъ раздѣленія на бѣдныхъ и богатыхъ, тогда не станутъ ни поработителей, ни порабоченныхъ, только тогда, когда вся власть, начиная съ полицейскаго и кончая власти самаго царя, перейдетъ въ руки народа и всѣ средства производства будутъ объявлены общенародной собственностью; только тогда, когда земля передана будетъ въ пользоваіе трудовому крестьянству, а всѣ фабрики и заводы, рудники и шахты — рабочимъ, только тогда мы сложимъ свое оружіе и первыми воскликнемъ: „Да здравствуетъ миръ!“ А до тѣхъ поръ Б. О. с.-р.-максималистовъ будетъ стоять на своемъ посту и неуклонно выполнять взятое на себя дѣло; до тѣхъ поръ голосъ нашъ будетъ раздаваться къ крестьянамъ и рабочимъ: „Въ борьбу товарищи! Къ оружію за всѣ фабрики и заводы, за всю землю, за всю власть. Да здравствуетъ социальная революція! Да здравствуетъ социальная республика!“ Во второмъ воззваніи, озаглавленномъ „Ко всему трудовому народу“ указывается, между прочимъ, что взрывъ дачи Столыпина на Аптекарскомъ островѣ и конфискація 14 октября казенныхъ денегъ на революціонныя цѣли есть дѣло рукъ Б. О. с.-р.-максималистовъ.

Изъ сообщенія нач. петербургскаго охраннаго отдѣленія видно, что по имѣвшимся въ отдѣленіи свѣдѣніямъ, во главѣ группы максималистовъ, въ качествѣ ея организаторовъ, стояли дворянинъ Владиміръ Мазуринъ, казенный въ г. Москвѣ, крестьянинъ Михаилъ Ивановъ Соколовъ, сынъ священника Дмитрій Басильевъ Виноградовъ, и мѣщанинъ Саломонъ Яковлевъ Рыссъ, именовавшій себя „Иваномъ Николаевымъ“. Всѣ упомянутыя лица принимали участіе въ ограбленіи Моск. общества взаимн. кредита. Поездъ ограбленія означеннаго общества организація максималистовъ разбила на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, изъ коихъ одна, во главѣ съ Мазуринымъ, осталась въ Москвѣ, другая была организована Сол. Рыссъ, онъ же Иванъ Николаевъ въ г. Москвѣ и третья, во главѣ съ Соколовымъ и Виноградовымъ, мѣстомъ преступной дѣятельности избрала г. Петербургъ.

Въ іюнѣ 1906 г. въ Отдѣленіи были получены свѣдѣнія о пріездѣ въ столицу членовъ названной группы максималистовъ, причѣмъ учреденнымъ наблюденіемъ было установлено, что въ д. № 15/1 по Поваровому переул. поселился неизвѣстный по подложному паспорту на имя Коломенскаго мѣщанина Семена Петрова Шапошниковъ (оказавшагося впоследствии упомянутымъ Соколовымъ) вмѣстѣ съ неизвѣстной женщиной (оказавшейся впоследствии дворянкой Наталіей Сергѣевной Климовой), которая проживала съ Шапошниковымъ въ качествѣ его жены по тому же подложному паспорту.

10-го того же іюня въ Петерб. прибыло неизвѣстное лицо съ подложнымъ документомъ на имя Каневскаго мѣщанина Ефима Степанова Ковальчука, которое и поселилось въ д. № 7 по В. Дворянской ул.

Установленнымъ за названнымъ лицомъ наблюдениемъ выяснилось, что Ковальчукъ (кличка по наблюдению „Чемоданъ“), прибывъ въ Петербургъ, въ тотъ же день посѣтилъ проживавшаго въ д. № 58 по 13 линіи Василь. острова, по подложному документу на имя Рязанскаго мѣщанина Данила Федорова Маврина, сношеніе съ коимъ Ковальчукъ поддерживалъ затѣмъ вплоть до своего ареста. Помимо Маврина, Ковальчукъ воевалъ въ непосредственныя сношенія съ проживавшей въ д. № 6 по Рыбацкой ул. по нелегальному док. на имя Коломенской мѣщанки Любови Ивановой Котельниковой, оказавшейся впоследствии дочерью г. с. Л. Сем. Емельяновой. Тѣмъ же наблюдениемъ были зарегистрированы сношенія Ковальчука съ Соколовымъ (Шапопниковымъ) и Климовой, которыя и продолжались непрерывно до середины іюля, когда Соколовъ съ Климовой временно скрылись изъ Петербурга. 11 іюля было установлено посѣщеніе Соколовымъ д. № 64 по Гороховой ул., гдѣ въ отдельной квартирѣ проживали по подложнымъ паспортамъ Спасскій мѣщанинъ Ал. С. Кочетковъ со своей женой Ал. Михайловой и Коломенскій мѣщанинъ А. П. Миляевъ. Какъ выяснилось впоследствии, подъ именемъ супруговъ Кочетковыхъ здѣсь проживали упомянутый выше Виноградовъ и дочь купца Терентьева.

Независимо отъ изложеннаго къ этому же періоду времени въ Отдѣленіе поступили указанія на активное участіе въ дѣятельности группы максималистовъ, прожи завшаго въ столицѣ Московскаго купца Янкеля Евсева Черняка, данными наблюденья за коимъ за 16 іюля, установлены его сношенія съ вышеупомянутымъ Ковальчукомъ. Въслѣдъ за появленіемъ описываемой группы въ Отдѣленіе поступили указанія на намѣренія ея обзавестись на партійный счетъ собственными экипажами и моторами, при помощи которыхъ и предполагалось въ будущемъ осуществлять преступныя замыслы. И, дѣйствительно, въ началѣ іюля Соколовымъ, при содѣйствіи крестьянина Макара Сарычева, нанятаго конюхомъ, были приобретены двѣ лошади, цѣною въ 1104 и 1500 рубл., а также экипажъ, за который было имъ уплачено 400 рубл. Кучеромъ при лошадяхъ состоялъ именованншій себя Никаноромъ Исаевымъ. Тогда же Виноградовъ (подъ именемъ Кочеткова) и инженеръ-технологъ Иванъ Михайловъ Прокофьевъ, нынѣ скрывшійся, приобрѣли въ магазинѣ Фокина два мотора.

По показанію на дознаніи крестьянки Ал. Ефремовой, служившей прислугой въ кв. 5 въ д. № 64 по Гороховой ул., 12 іюля 1906 года, означенная квартира была снята Надеждой Терентьевой и Виноградовымъ, поселившимися здѣсь подъ именемъ супруговъ Кочетковыхъ со своимъ племянникомъ, именованнымъ себя крестьяниномъ А. П. Миляевымъ и носившемъ форму студ. Инст. Инж. Путей Сообщенія. Изъ числа гостей Кочетковыхъ чаще другихъ посѣщалъ Соколовъ, выдававшій себя за доктора и нерѣдко ночевавшій въ квартирѣ, а также Клинова, выдававшая себя за племянницу Кочеткова, А. Н. Кочеткову, которая иногда тоже ночевала въ квартирѣ. Въ числѣ другихъ лицъ у Кочетковыхъ бывала Адель Каганъ. Кочетковы вели роскошный образъ жизни, ни въ чемъ себѣ не отказывали и имѣли собственный моторъ, на которомъ часто ѣздили кататься. 14-го августа Виноградовъ и Терентьева выѣхали изъ квартиры. Миляевъ же еще ранѣе ихъ уѣхалъ въ Финляндію. 19-го іюля, въ виду свѣдѣній объ имѣющейся въ группѣ максималистовъ лабораторіи для изготовленія разрывныхъ снарядовъ, было признано необходимымъ произвести частичную ликвидацію по связямъ названнаго выше Ковальчука.

При обыскѣ, произведенномъ полиціей въ тотъ же день въ квартирѣ занимаемой Дмитріемъ Мавринымъ въ д. № 215 по Мытнинской набережной, у него было найдено пять вполнѣ снаряженныхъ разрывныхъ снарядовъ, четыре снаряженныхъ трубки, предназначенныя для припайки къ крышкамъ оболочекъ снарядовъ, 12 такихъ же жестяныхъ трубокъ, но не снаряженныхъ, пустая жестяная оболочка для снаряда, три стеклянныя трубки съ сѣрною кислотомъ, нѣсколько такихъ же разбитыхъ трубокъ, обрѣзки жести, свинцовыя и оловянныя грузики, цыпальникъ, бумажныя обертки отъ патроновъ для горныхъ работъ съ надписью: „гремячій экстра-динамитъ“ и такія же обертки съ надписью: „гремячій студень“, бикфордовъ шнуръ, бертолетова соль, сѣрнистая сурма и другіе аппараты для снаряженія бомбъ,

По заключенію эксперта, обнаруженіе при обыскѣ въ одной квартирѣ какъ снаряженныхъ бомбъ, такъ и всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для ихъ изготовленія, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что найденныя бомбы были изготовлены въ этой квартирѣ. Тѣмъ болѣе, что при обыскѣ были обнаружены и отбросы этого изготовленія, т. е. обертки отъ динамитныхъ патроновъ, обрѣзки жести, разбитыя трубки и проч. По силѣ взрыва найденныя бомбы слѣдуетъ отнести къ разряду наиболее сильныхъ, такъ какъ гремячій студень, коими они снаряжены, представляетъ собою самое сильное взрывчатое вещество, а всѣ снаряды (6—7 фунтовъ) является предѣльнымъ для удобнаго метанія. Заключение эксперта о разрушительной силѣ снарядовъ вполнѣ подтвердилось при ихъ уничтоженіи, такъ какъ они производили значительное разрушеніе на разстояніи 30 саж., причемъ на разстояніи 20-ти саж. оторвали отъ деревьевъ сучья толщиной въ два вершка.

Будучи арестованъ и предварительно обысканъ Мавринъ былъ отправленъ на извозчикѣ въ полицейскій участокъ въ сопровожденіи околоточнаго надзирателя Смирнова. При выѣздѣ къ Ситному рынку Мавринъ неожиданно выхватилъ откуда-то револьверъ браунинга, выстрѣлилъ въ Смирнова, котораго и ранилъ въ грудь, а самъ бросился бѣжать, причемъ произвелъ выстрѣлъ въ крестьянина Потарина, бросившагося ему на встрѣчу, а другимъ выстрѣломъ ранилъ въ животъ и руку сторожа рынка крестьянина Сидорова, скрывавшаго также попытку задержать Маврина. Однако, Маврину скрыться не удалось и онъ былъ окруженъ на Ситномъ рынкѣ нарядомъ городовыхъ, возвращавшемся изъ зоологическаго сада, подъ начальствомъ шт.-ротм. Оже. Видя себя окруженнымъ, Мавринъ чрезъ нѣкоторое время выстрѣломъ въ голову лишилъ себя жизни.

При обыскѣ, произведенномъ 19 іюля 1906 г. въ квартирѣ именующаго себя Ефимомъ Кавальчукомъ въ д. № 7 по Б. Дворянской ул. младшимъ помощн. пристава 3 уч. Петерб. части Бутузовымъ, у него были найдены, 31 стеклянная трубочка для устройства запальнаго приспособленія въ разрывныхъ метательныхъ снарядахъ, совершенно тождественныя съ трубочками, обнаруженными въ кв. Маврина, записная книжка съ шифрованными записями и письмо, въ которомъ говорится слѣдующее: „Морт... въ февралѣ этого года взялъ у меня на организаціонныя цѣли 800 руб., которыя онъ обѣщавъ возвратитъ послѣ выполнения задуманнаго имъ предпріятія, о неудачѣ и результатахъ котораго Вы теперь освѣдомлены, и во всякомъ случаѣ не позднеѣ іюня этого года. Справки обо мнѣ и объ этомъ долгѣ Вы можете навести у того лица, съ которымъ Вы имѣете здѣсь связи и

которому Вы недавно прислали товарища (барышню съ деньгами для уплаты одного срочнаго большого долга 3600)“. Кроме этого, на отдельных клочках бумаги оказались записки карандашемъ о различныхъ суммахъ, денегъ, начиная съ одного рубля и до 200 рублей, выданныхъ, повидимому, названнымъ лицамъ, въ числѣ коихъ неоднократно упоминается А. П., а также „Б. А.“, „В. Б.“, „Абрамъ“, „Дора“, „Леша“, „Саша“, „Володя“, „Борисъ“ и др.

Тогда же при обыскѣ, произведенномъ въ кв. Ковальчука былъ задержанъ дантистъ Сергѣй Ивановъ Шубинъ, нигдѣ въ Петербургѣ не прописанный. Въслѣдствіе замѣченныхъ сношеній Ковальчука со студентомъ гори. Инст. Дм. Петр. Любимовымъ, проживавшемъ въ отдельной комнатѣ въ д. № 12, 10 линіи Василь. острова, у него былъ произведенъ 19 іюля 1906 г. младшимъ помощн. пристава 1 уч. Васильевской части подпол. Кліоновскимъ обыскъ, причемъ было обнаружено: 8 пистолетовъ системы „браунингъ“, 125 боевыхъ патроновъ къ нимъ, 1400 боевыхъ патроновъ къ магазинному Винчестеровскому ружью, 500 боевыхъ патроновъ къ револьверу системы „Нагана“, 79 обыкновенныхъ паспортныхъ бланковъ. Во время обыска въ кв. Любимова былъ застигнутъ неизвестный, арестованный по постановленію Петербургскаго градоначальника, не пожелавшій дать какія бы то ни было свѣдѣнія о своей личности и при обыскѣ у коего было найдено 49 рубл. 50 коп., относительно происхожденія коихъ онъ также не далъ никакихъ объясненій. По тѣмъ же сношеніямъ Ковальчука былъ арестованъ 20 іюля проживавшій въ д. № 25 по Коломенской улицѣ по подложному паспорту на имя мѣщ. Карпа Сергѣева Мыльниковъ, причемъ при личномъ обыскѣ у него была найдена записная книжка съ разными шифрованными записями, 102 руб. 62 коп. денегъ и описаніе поѣздовъ финляндской ж. д.

Удостоверенный Охр. Отдѣленіемъ фактъ сношенія Ковальчука съ Мавринимъ, Мыльниковымъ, Шубинимъ и Любимовымъ подтвердился на дознаніи нижеслѣдующими обстоятельствами: свидѣтельница крестьянка Ядвига Іосифовна Полякъ категорически удостовѣрила, что Ковальчукъ часто посѣщала Маврина, когда послѣдній жилъ въ квартирѣ 49, д. 52 по Фонтанкѣ, а крестьянка Вѣра Алексѣевна Непрошина показала, что въ числѣ гостей Ковальчука бывали Шубинъ и Мыльниковъ. Агенты петерб. Охр. Отдѣленія Иванъ Фроловъ-Малуновъ и Шуваловъ удостовѣрили, что Ковальчукъ (кличка по наблюденію „чемоданъ“) посѣщала д. 58, кв. 6, 13 линіи Василь. острова, гдѣ жилъ нѣкоторое время Мавринъ, а также бывалъ въ домѣ № 13 по той же линіи, гдѣ жилъ студ. Любимовъ. Къ этому Малуновъ добавилъ, что видѣлъ Ковальчука въ Народн. Домѣ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Мыльниковымъ. Наконецъ, изъ сообщенія начальн. Охр. Отдѣленія усматривается, что Ковальчукъ и Мыльниковъ имѣли 19 іюля того же г. свиданіе въ Ботаническомъ саду съ сыномъ статс. сов. Влад. Лихтенштадтомъ.

Привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ именуяще себя Ковальчукомъ, Мыльниковымъ и неизвестный за № 789 отказались дать какія-либо показанія или объясненія, а равно и представлять какія-либо свѣдѣнія о своихъ личностяхъ. Что касается студ. Любимова, то послѣдній объяснилъ, что все найденное у него принадлежитъ студенческой самооборонѣ, организованной въ цѣляхъ самозащиты отъ хулигановъ и „черной сотни“ и лишь временно хранилось у него. Получено было имъ въ студенческой „Малороссійской столовой“, осно

занной въ февраль 1905 г. въ 6 линіи Василь. Острова и просуществовавшей недолгое время. Паспортные бланки были принесены неизвестнымъ ему человѣкомъ, арестованнымъ въ его кварт. и съ которымъ онъ познакомился на митингахъ въ Горы. Инст. и Университетѣ. Къ этому Любимовъ добавилъ, что лицо Ковальчука представляется ему знакомымъ и онъ допускаетъ, что послѣдній бывалъ у него на квартирѣ въ числѣ другихъ посѣтителей. Заявленіе Любимова о полученіи имъ оружія въ „Малороссійской столовой“ не нашло себѣ, однако, подтвержденія въ данныхъ дознанія, такъ какъ околотоchnый надзиратель Степановъ, подтверждая существованіе означенной столовой, объяснилъ, что никакихъ свидѣній о раздачѣ въ ней оружія не имѣлось, а свидѣтельница крестьянка Андреева, служившая въ этой столовой прислугой, также показала, что не замѣчала сама и отъ другихъ не слышала, чтобы въ столовой раздавалось какое-либо оружіе. Къ этому Андреева добавила, что въ числѣ посѣтителей означенной столовой бывалъ Шубинъ. По сообщенію начальн. московскаго Отр. Отдѣленія Шубинъ былъ заключенъ 29-го ноября 1907 г. подъ стражу по принадлежности къ революціонной организаціи „Искра“, а по справкамъ Департамента Шубинъ привлекался въ 1903 г. при московскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи къ дознанію по обвиненію въ принадлежности къ мѣстному комитету Р. С.-Д. Р. П.

Опрошенный на дознаніи въ качествѣ свидѣтеля сынъ діакона Леонидъ Лавровъ показалъ, что 22 іюля 1906 г. посѣтилъ свою знакомую, дочь стат. сов. Наталью Иванову Сухинову, проживавшую по Николаевской набережной въ д. № 13; онъ засталъ у нея неизвестныхъ ему до того мужчину и женщину, какъ оказалось впоследствии, Соколова и Клару Бродскую. По словамъ Сухиновой, Соколовъ, который назывался „Анатолиемъ Петровичемъ“, былъ членомъ Б. О., а Бродскую слѣдовало называть „Татьяной Ивановной“. Когда Сухинова переехала на новую квартиру въ д. № 45 по 4 линіи Вас. Остр., то однажды сказала Лаврову, что, по просьбѣ Бродской, приметъ къ себѣ на храненіе вещи, которыя долженъ принести какой-то молодой человѣкъ. Вечеромъ того же дня, когда Лавровъ возвратился съ Сухиновой на квартиру послѣдней отъ ихъ общей знакомой Агнесы Лятцъ, то засталъ какого-то молодого человѣка, который обратился къ Сухиновой съ вопросомъ: „Вы Людмила?“ и на утвердительный отвѣтъ Сухиновой задалъ ей второй вопросъ: „Говорили ли Вамъ, что къ Вамъ должны принести вещи?“ — на что Сухинова отвѣтила также утвердительно. Послѣ этого молодой человѣкъ, заявивъ Сухиновой, что онъ принесъ эти вещи, сталъ о чемъ-то шептаться съ Сухиновой, причѣмъ Лавровъ, по просьбѣ послѣдней, вышелъ изъ комнаты въ кухню.

Черезъ нѣкоторое время Сухинова, придя на кухню, сообщила Лаврову, что химикъ снаряжаетъ въ ея комнату бомбы. Вскорѣ молодой человѣкъ позвалъ къ себѣ Сухинову, назвалъ ее Людмилой, причѣмъ Лавровъ также вошелъ въ комнату и здѣсь увидѣлъ на полу три ящика уже снаряженныхъ снаряда. При этомъ химикъ объяснилъ Сухиновой, что разрывные снаряды имѣютъ очень большую силу взрыва и что въ каждомъ изъ нихъ находится 16 фунтовъ динамита и 6 фунтовъ меленита, почему и рекомендовалъ ходить по комнатѣ, какъ можно осторожнѣе, а затѣмъ ушелъ. По предъявленіи Лаврову на дознаніи В. Лихтенштадта, онъ призналъ въ немъ того именно молодого человѣка и химика, который принесъ и снарядилъ разрывные

снаряды въ кварт. Сухиновой. По уходѣ Лихтенштадта пришелъ какой-то мужчина, коего Лавровъ призналъ въ карточкѣ Введенскаго, который также называлъ Сухинову „Людмилой“ и который передалъ ей квитанцію на получение какихъ-то вещей съ Николаевского вокзала.

На другой день утромъ пришелъ Соколовъ и предложилъ Сухиновой перевести эти вещи, а когда она неохотно согласилась на это, то обратился съ этой просьбой къ Лаврову, причѣмъ выдалъ ему на расходы 10 рубл. Лавровъ поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ и получалъ по квитанціи багажъ, состоявшій изъ двухъ чемодановъ и двухъ свертковъ, причѣмъ при возвращеніи засталъ у Сухиновой, кромѣ Соколова, неизвѣстнаго ему до того Виноградова. Свертки стали развязывать Виноградовъ, а чемоданы — Соколовъ. Въ сверткахъ оказались три совершенно новые портфеля и двѣ барашковыя шапки съ краснымъ суконнымъ верхомъ жандармской формы, а въ чемоданахъ полная жандармская форма на два человѣка. Когда вещи были развернуты, то Соколовъ поговорилъ о чемъ-то по секрету съ Сухиновой — и послѣдняя предложила Лаврову уйти изъ квартиры часа на полтора. Выйдя изъ квартиры, Лавровъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Терентьеву, въ рукахъ у которой былъ длинный свертокъ, а когда вернулся часа черезъ два обратно къ Сухиновой, то засталъ въ квартирѣ, кромѣ Соколова, Виноградова и Терентьевой, еще Бродскую, Климсу и трехъ какихъ-то мужчинъ, изъ коихъ одинъ, по словамъ Лаврова, былъ похожъ на Мыльникова. При этомъ Лавровъ замѣтилъ, что въ комнатѣ лежали двѣ жандармскія шапки и двѣ пары высокыхъ сапогъ со шпорами, каковыя вещи были принесены, повидимому, Терентьевой и Климовой, такъ какъ въ чемоданахъ ихъ не было. Впослѣдствіи Лавровъ узналъ отъ Сухиновой, что двое изъ ея гостей примѣряли на себя жандармскую форму. Одинъ изъ примѣрявшихъ былъ „Григорій“, погибшій впослѣдствіи при взрывѣ дачи министра Столыпина, который на третью ночь пребыванія снарядовъ въ квартирѣ Сухиновой ночевалъ въ ней вмѣстѣ съ Лавровымъ.

На пятый день находженія вещей и снарядовъ у Сухиновой послѣдняя сказала Лаврову, что въ этотъ день ихъ отъ нея возьмутъ. Въ этотъ же день Лавровъ былъ съ Сухиновой у Лятца, гдѣ они застали большую компанію, состоящую изъ Соколова, Виноградова, Бродской, Климовой, Терентьевой, Григорія и того мужчины, который примѣрялъ жандармскую форму. О чемъ эти лица разговаривали между собою ему, Лаврову, неизвѣстно, такъ какъ ему, Сухиновой и Лятцу было предложено побыть въ другой комнатѣ. Возвратившись съ Сухиновой на ея квартиру, Лавровъ, по ея просьбѣ, помогъ ей уложить бывшія у нея вещи въ чемоданъ и корзину, послѣ чего отвезъ ихъ на Варшавскій вокзалъ, гдѣ сдалъ на храненіе подъ квитанцію, которую передалъ затѣмъ Сухиновой. Вечеромъ того же дня къ Сухиновой, которой не было тогда дома, пришелъ сначала Введенскій, а затѣмъ Лихтенштадтъ. Послѣдній началъ было разряжать одинъ снарядъ, но затѣмъ, заявивъ, что гораздо опаснѣе разрядить снаряды, чѣмъ перенести ихъ куда нужно, вновь вложилъ въ детонаторъ трубочку съ сѣрной кислотой. Передавъ затѣмъ Введенскому двѣ или три такія же стеклянныя трубочки и посоветовавъ при переноскѣ снарядовъ обернуть ихъ крестообразно проволокой, Лихтенштадтъ ушелъ. На другой день къ Сухиновой пришли въ разное время Климова, Виноградовъ и еще какая-то барышня, послѣ чего снаряды были перевязаны проволокою, обернуты ватой и перенесены на Боль-

шую Морскую ул. въ д. № 49. При этомъ за покупкою ваты ходила Сухинова, а проволоку купилъ Лавровъ, два снаряда поставили на новое мѣсто Виноградовъ и, по просьбѣ послѣдняго, Лавровъ, а третій — Климова и неизвѣстная барышня.

Около 7-го авг. Сухинова переехала на Рыбацкую ул. д. № 6/8, кв. 35, въ коей и прописалась подъ именемъ Евдокии Ивановой Бабаевой, паспортъ на имя коей далъ ей Соколовъ. При этомъ Соколовъ далъ ей также для уплаты новой хозяйкѣ 25 руб.; отъ того же Соколова Сухинова получила деньги на покупку новаго пальто. Къ изложенному Лавровъ добавилъ, что, бывая часто въ кварт. Лятцъ, онъ встрѣчалъ здѣсь Соколова, Климова, Терентьеву, Бродскую, Виноградова, а также Адель Каганъ, Николая Иудина и Гронскаго. Ему, Лаврову, извѣстно, что Лятцъ ѣдила въ сентябрѣ 1906 г. для революц. цѣлей въ г. Выборгъ, откуда привозила оружіе, причеиъ ей было куплено для этихъ поѣздокъ пальто.

Привлеченная къ дознанію въ качествѣ обвиняемой въ принадлежности къ организаціи с.-р.-максималистовъ Сухинова, не признавая себя виновной, въ своемъ подробномъ показаніи объяснила, между прочимъ, что познакомилась съ Соколовымъ, Климовой, Терентьевой, Виноградовымъ и другими лицами черезъ свою прежнюю знакомую Бродскую. Подтверждая дальѣ въ общемъ обстоятельства, изложенныя въ показаніи Лаврова, Сухинова объяснила, однако, что снаряды на ея квартиру были принесены Лихтенштадтомъ безъ ея вѣдома, такъ какъ Бродская просила лишь разрѣшенія переночевать въ ея квартирѣ въ эту ночь двумъ молодымъ людямъ, на что она, Сухинова, и согласилась. Бывая часто у Лятцъ, она, Сухинова, познакомилась тамъ съ Иудинымъ, про котораго Лятцъ сказала, что онъ — „изъ нашихъ“, а также встрѣчала Каганъ и Александра Кискеля, но, однако, не помнитъ при какихъ именно обстоятельствахъ видѣла послѣдняго. Лятцъ ѣдила иногда въ Финляндію и привозила оттуда оружіе, причеиъ для этихъ поѣздокъ, на деньги, полученныя ею отъ Соколова, она купила себѣ франтовское пальто зеленого цвѣта на розовой шелковой подкладкѣ. Въ первыхъ числахъ октября 1906 года она, Сухинова, переѣхала въ г. Москву, гдѣ встрѣтилась съ Лятцъ, также выѣхавшей изъ Петербурга. Въ ноябрѣ къ Лятцъ пріѣзжалъ Иудинъ, завѣщій ее обратно въ Петербургъ. По словамъ Сухиновой, разговаривая однажды съ Иудинымъ, она спросила его, къ какой партіи принадлежитъ какъ онъ, такъ и его соучастники, на что Иудинъ отвѣтилъ, что партія называется „максималисты“ и что программа партіи приближается къ ученію анархистовъ. Къ изложенному Сухинова добавила, что когда она содержалась подъ стражей въ Домѣ Предв. Закл., то однажды подъ ея окнами какія-то дѣвицы стали кричать ей, что Агнеса пропала съ 25000 руб. денегъ и онѣ предполагаютъ, что она арестована и всѣхъ выдала. Одна изъ этихъ дѣвицъ была Кейля Клебанова, какъ признала Сухинова по предъявленной ей карточкѣ, объяснивъ, что Клебанова назвалась тогда „Келей“.

Свидѣтельскимъ показаніемъ аптекарскаго помощн. Жано Адольфа Браунсъ удостовѣряется, между прочимъ, что во время проживанія Лятцъ въ г. Москвѣ ее два раза навѣстилъ Пумпянскій, коего она назвала своимъ петербург. знакомымъ, а показаніемъ Юліи Ивановны Лятцъ подтверждается посѣщеніе той же Лятцъ Иудинымъ.

12 августа 1906 г. былъ произведенъ взрывъ дачи министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпина съ цѣлью покушенія на его жизнь.

Преступление это было совершено тремя злоумышленниками, из которых двое были одеты в форму ротмистров отдѣльнаго корпуса жандармовъ, а третій — в штатскомъ платьѣ. Привезенные ими съ собою разрывные снаряды были вложены въ портфели. Какъ выяснилось на предварительномъ слѣдствіи, злоумышленники отправились на Аптек. островъ изъ квартиры № 4 д. 49 по Морской ул., гдѣ незадолго передъ тѣмъ поселилась Климова подъ именемъ жены мѣщан. Елены Морозовой, и Терентьева, игравшая роль горничной, подъ именемъ Анны Мозакиной.

Допрошенная въ качествѣ обвиняемыхъ по сему дѣлу Климова и Терентьева, не отрицая своего участія въ организаціи покушенія на жизнь министра Вл. Д. Столыпина, но не признавая себя въ томъ виновными, показали: Климова, — что наняла квартиру въ д. № 49 по Морской ул., гдѣ поселилась вмѣстѣ съ другими участниками покушенія и куда доставила разрывные снаряды, заготовленные для взрыва дачи, и Терентьева, — что заказывала для лицъ, бросивших разрывные снаряды, форму жандармскихъ ротмистровъ, приобрѣла обувь и аммуницію и наняла ландо, въ коемъ участники покушенія и отправились на Аптек. островъ. По объясненію Климовой основными ередствами Е. О. с.-р.-максималистовъ послужили 150000 рубл. переданныхъ оппозиціонной фракціей с.-р., изъ числа денегъ, добытыхъ путемъ экстерпріаціи изъ московскаго банка взаимнаго кредита. Деньги эти должны были служить для закупки оружія, динамита и для совершения террористическихъ актовъ. Главнымъ инициаторомъ и организаторомъ задуманнаго убійства министра Столыпина былъ Соколовъ (онъ же Шапошниковъ), носившій конспиративную кличку „Медвѣдь“, а также принималъ въ этомъ участіе Виноградовъ (онъ же Кочетковъ и Розенбергъ), причѣмъ съ первымъ изъ нихъ проживала Климова подъ именемъ жены его Вѣры Васильевой Шапошниковой, а со вторымъ — Терентьева тоже подъ именемъ жены его Кочетовой.

Какъ видно изъ сообщенія начальника петерб. Охранн. Отдѣленія, вскорѣ послѣ упомянутаго взрыва въ Отдѣленіе поступили указанія, что члены группы максималистовъ, скрывшись большею частью изъ столицы, какъ ко времени взрыва, такъ и вслѣдъ за совершеніемъ такового, вновь возобновили свою дѣятельность, причѣмъ въ цѣльяхъ большей конспираціи, мѣстомъ своего жительства избрали Финляндію, откуда и наѣзжали въ столицу для сношеній съ проживающими здѣсь членами группы, въ составъ коей къ этому времени, по свѣдѣніямъ Отдѣленія, вошелъ также студ. Петерб. Унив. Пумпянскій. Данными наблюденія за поименованными лицами выяснилось, что Чернякъ (кличка по наблюденію „Котелокъ“) 28 августа имѣлъ на улицѣ свиданіе съ Лихтенштадтомъ. Въ тотъ же день Пумпянскій (кличка „Кириловскій“) посѣтилъ прибывшихъ наканунѣ изъ г. Москвы и поселившихся въ гостиницѣ Дагмара въ д. № 7 по Садовой ул. Емельянову, проживавшую, какъ указано выше, въ г. Петерб. по подложному документу на имя Котельниковой, и Терентьеву. У этихъ лицъ Пумпянскій пробылъ два часа и вышелъ вмѣстѣ съ Емельяновой, которую и проводилъ затѣмъ на Николаевскій вокзалъ. 30 авг. Пумпянскій, посѣтивъ д. № 5 по Пушкинской ул., вышелъ оттуда съ проживавшимъ тамъ Виноградовымъ, съ коимъ и отправился въ гостиницу „Дагмара“ къ Терентьевой. Спустя 45 минутъ Виноградовъ вышелъ отъ послѣдней съ неизвѣстнымъ, одѣтымъ въ форму студ. Инст. Путей Сообщ. (кличка по наблюденію „Путеецъ“), а черезъ четверть

каза Терентьева вышла вмѣстѣ съ Пумпянскимъ, послѣ чего всѣ четверо встрѣтились въ ресторанѣ „Вѣна“ на улицѣ Гоголя. 31 авг. Пумпянскій посѣтилъ типографію „Будущность“ въ д. № 14 по 2 Родественской ул., которая, по свѣдѣніямъ Охр. Отдѣленія, была частью оборудована на средства максималистовъ и служила для нихъ однимъ изъ явочныхъ мѣстъ, а затѣмъ отправился въ „Сѣверную гостиницу“ въ д. № 118 по Невскому просп., гдѣ въ это время проживали Рыссъ (ключка „Верлинскій“) и Чернякъ.

2 сентября Пумпянскій посѣтилъ Терентьеву, проживавшую въ это время въ д. № 5 по Пушкинской ул., а на другой день, встрѣтивъ на улицѣ Виноградова, вмѣстѣ съ нимъ отправился на Б. Монетную и д. № 17, гдѣ оба они пробыли около двухъ часовъ у тульского мѣщанина Сафонова, послѣ чего Пумпянскій вновь посѣтилъ Рысса. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней Пумпянскій посѣтилъ нѣсколько разъ Климову, проживавшую въ кв. 31, д. 9 по Загородному просп., а также былъ у названнаго выше Сафонова. Утромъ 7 сентября въ Петербургъ прибыли изъ Москвы вмѣстѣ Емельянова (ключка „Крылатка“) и княжна Мышецкая (ключка „Вобла“), причемъ Емельянова гутъ же на вокз. отослала съ посыльнымъ письмо на имя Климовой по адресу въ д. № 9, кв. 31 по Загородному пр. Обстоятельство это было установлено путемъ негласнаго опроса, произведеннаго тутъ же на мѣстѣ полицейскимъ надзирателемъ отдѣленія Антоновымъ, находившимся на Никол. вокзалѣ. Письмо это, однако, не было передано Климовой, такъ какъ послѣдняя къ этому времени уже выѣхала изъ свартыры, отмѣтившись выѣзжей въ Москву.

Вслѣдъ за симъ Емельянова и Мышецкая въ наемной каретѣ отправились на Финл. вокзалъ, куда вскорѣ же явился сынъ надв. сов. С. И. Афанасьевъ (ключка „Шалка“), проживавшій по Ковенскому пер. въ д. № 14. Подойдя къ Емельяновой и Мышецкой, находившимся въ это время въ помѣщеніи буфета I класса, поговорилъ съ ними нѣсколько минутъ, при прощаніи вновь поцѣловался съ Мышецкой и потомъ вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ подъ ключкой „Шляпа“ поѣхалъ къ себѣ на квартиру, а Емельянова и Мышецкая въ 7 час. веч. выѣхали въ Гельсингфорсъ, причемъ въ теченіе всего дня съ вокзала не отлучались.

9 сентября въ Гельсингфорсъ былъ встрѣченъ и Пумпянскій, который, такъ, какъ и Афанасьевъ, имѣлъ тамъ сношеніе съ Емельяновой и Мышецкой. Въ этотъ же день выѣхалъ изъ Петерб. въ Гельс. вышеупомянутый Рыссъ. Во время пребыванія въ Финляндіи наблюденіемъ было установлено сношеніе нижеслѣдующихъ лицъ: Виноградова, Емельяновой, Мышецкой, Пумпянскаго, Климовой, Терентьевой, Рыссъ, Черняка, Афанасьева, нелегальнаго подъ фамиліей Дорголева (ключка „Новый“), студ. петерб. унив. Давыдова (ключка „Рябикъ“), двор. Картвеловой (ключка „Цыганка“), крестьянина Михайлова (ключка „Дубина“), нелегальнаго подъ фамиліей Н. Лебедева (ключка Говарицъ“), Лихтенштадта, мѣщанина Мовши Закгейма (ключка „Хосекъ“) и Дм. Шрейлера (ключка „Судакъ“).

Дальнѣйшимъ наблюденіемъ по Петербургу за вышеупомянутыми лицами были установлены, между прочимъ, нижеслѣдующіе факты: 7 сентября прибылъ изъ Финляндіи Афанасьевъ, который въ этотъ же день вечеромъ выѣхалъ въ г. Курскъ и вернулся обратно въ Петербургъ утромъ 25 сентября, послѣ чего вновь уѣхалъ въ Финляндію, откуда вернулся 20 октября. 30 сентября прибылъ изъ Выборга

Дорофьевъ и съ вокзала поѣхалъ на свою квартиру (Ковенскій пер. д. № 8-28, кв. 10), гдѣ оставалась въ жительство его жена Надежда Федорова. Посѣтивъ на другой день, въ числѣ другихъ лицъ, крестьянина Ивана Петрова Пяткина, проживавшаго на Петербургской сторонѣ, по Большому пр. въ д. № 21, Дорофьевъ 2 октября выѣхалъ въ Выборгъ. Утромъ того же числа прибыли въ Петербургъ по Финляндской ж. д. Михайловъ и Лебедевъ. Дальнѣйшимъ наблюдениемъ за Михайловымъ и Лебедевымъ было установлено посѣщеніе ими Пяткина. По прибытіи въ Петербургъ Лебедевъ и Михайловъ поступили газетчиками: первый — въ контору „Русской Газеты“ и второй — въ контору „Правит. Вѣстн.“. Сверхъ сего было установлено знакомство Михайлова съ газетчикомъ Лукой Лукошкинымъ, оказавшимся впоследствии сыномъ надв. сов. Алексѣемъ Пискаревымъ.

5 октября прибыли изъ Финляндіи Лихтенштадтъ съ своею женою и вышеупомянутымъ Дорофьевымъ, съ коимъ вмѣстѣ и уѣхали съ вокзала. 8 и 11 октября наблюдениемъ было установлено посѣщеніе Дорофьевымъ Пяткина (Петерб. сторона, Большой пр. д. № 21, кв. 41). 20 октября Виноградовъ (Розенбергъ), прибывъ изъ Гельсингфорса, прямо съ вокзала отправился къ Сафонову, проживавшему въ д. № 3 по Архерейской ул., гдѣ пробылъ 1 ч. 30 мин., послѣ чего поѣхалъ на свою квартиру (Загородный пр. д. № 23, кв. 29), а затѣмъ посѣтилъ Дорофьева и Пяткина, у коего находился въ это время наблюдавшійся подъ кличкой „Кучеръ“ крестьянинъ Исаевъ. По выходѣ отъ Пяткина Виноградовъ отправился къ Сафонову, куда къ тому же времени прибыли и Дорофьевъ; здѣсь Виноградовъ пробылъ болѣе двухъ час. 12 октября Лихтенштадтъ со своею женою посѣтилъ супруговъ Сафоновыхъ. 13 октября съ курьерскимъ поѣздомъ по Финляндской ж. д. прибыли въ Петербургъ студ. петерб. унив. Давыдовъ и Картвелова. Разѣхавшись для вида, оба вновь встрѣтились въ Финскомъ пер. и затѣмъ поѣхали на Никол. вокзалъ, гдѣ сдали на храненіе чемоданъ и постельныя принадлежности. При наблюденіи за сношеніями Лебедева и Михайлова было установлено, что 13 и отчасти 14 октября оба они торговали газетами на ходу, при чемъ первый изъ нихъ два раза заходилъ въ чайную, помѣщавшуюся въ д. № 6 въ Фонарн. пер., а второй нѣсколько разъ останавливался у Царскосельскаго вокзала.

14 октября 1906 г. въ началѣ 12 ч. дня, на углу Фонарнаго пер. и Екатерин. канала шайкою вооруженныхъ злоумышленниковъ было совершено нападеніе на помощника казначея петерб. почтовой таможи Германа, сопровождавшаго въ каретѣ для сдачи въ губернское казначейство и Государственный банкъ шестьсотъ слишкомъ тысячъ государственныхъ кредитными билетами, процентными бумагами, серіями и звонкой монетой, причемъ нападавшіе для достиженія своей цѣли открытаго похищенія указанныхъ цѣнностей, бросили нѣсколько разрывныхъ снарядовъ, открыли по сопровождаемому карету конвоемъ стрѣльбу изъ револьверовъ и похитили 398.772 руб. 24 коп.

За участіе въ означенномъ преступленіи Виноградовъ, неизвѣстный, назвавшій себя „Товарищемъ Сергѣемъ“, Ицка Рабиновичъ, Евгений Эйхенбаумъ, Иванъ Мишинъ, Дорофьевъ, Иванъ Толмачевъ (онъ же Исаевъ) и Степанъ Голубевъ были преданы военно-полевому суду, который приговоромъ отъ 16-го октября приговорилъ ихъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковой приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 17 того же октября. Что же касается до преданныхъ озна-

ченному суду Лебедева, Михайлова и Варешкина, то тотъ же судъ постановилъ дѣло ихъ направить къ дослѣдованію за недостаточной очевидностью ихъ участія въ преступленіи. Приговоромъ военно-полевого суда отъ 1 декабря того же года Соколовъ (онъ же Чумбуридзе, Шапошниковъ и „Медвѣдь“), обвинявшійся въ главномъ руководствѣ и организаціи того же преступленія былъ присужденъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, каковой приговоръ въ тотъ же день былъ приведенъ въ исполненіе.

Изложенныя выше свѣдѣнія петерб. Охр. Отд. о сношеніяхъ между собою, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Финляндіи указанныхъ лицъ, изъ коихъ часть участвовала въ вооруженномъ нападеніи 14 октября, находятъ себѣ подтвержденіе въ нижеслѣдующихъ данныхъ дознанія.

По показанію полицейскаго надзирателя Губина въ началѣ сентября 1906 г. Мышецкая и Емельянова выѣхали въ Гельсингфорсъ, гдѣ и поселились. Объ онѣ, повидимому, играли очень важную роль въ революціонной средѣ, такъ какъ къ нимъ являлись всѣ революціонеры, какъ только пріѣзжали въ Гельсингфорсъ. Въ числѣ лицъ, бывшихъ у Емельяновой и Мышецкой, свидѣтель видѣлъ Соколова, Климову, Каганъ, Шрейдера, Иудина, Картвелову, Лебедева, Михайлова и Виноградова. При наблюденіи за Мышецкой и Емельяновой, свидѣтель установилъ также, что Мышецкая два раза заходила въ оружейные магазины и выносила оттуда по нѣсколько револьверовъ разныхъ системъ. По словамъ Губина, всѣ тѣ лица, которые были казнены за экспроприацію 14-го октября были постоянными гостями Мышецкой и Емельяновой.

По показаніямъ агентовъ Охран. Отдѣленія Федорова и Мышкина, наблюдающа въ сентябрѣ 1906 г. за проживавшими въ Гельсингфорсѣ Мышецкой и Емельяновой, они установили, что объ онѣ имѣли обширное знакомство какъ среди лицъ, проживавшихъ въ городѣ, такъ равно и пріѣзжавшихъ изъ Петербурга. Наличие постоянныхъ сношеній и свиданій между этими лицами указывала на существованіе одной организаціи, причемъ не видно было, чтобы кто-либо изъ нихъ имѣлъ опредѣленные занятія, дающія средства къ жизни. Къ указанной группѣ принадлежало отъ 40 до 50 лицъ. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, были: Виноградовъ, Соколовъ, Рыссъ, Закгеймъ, Чернякъ, Терентьева, Давыдовъ, Бѣлоконъ, Миктенштадтъ, Лебедевъ, Михайловъ, Дорофѣевъ и Афанасьевъ.

По показанію Мышкина, 10-го октября Виноградовъ, Закгеймъ, Терентьева, Лебедевъ и Михайловъ съ другими лицами ѣздили на Звѣринный островъ, гдѣ пробыли 2—4 часа.

Полицейскій надзиратель москв. Охр. Отдѣленія Храмоко удостовѣрилъ, что наблюдалъ по порученію своего начальства за Мышецкой и Емельяновой во время проживанія ихъ въ Москвѣ, причемъ отъ товарища своего по службѣ Гришина слышалъ, что Емельянова была знакома съ Маауринымъ. Будучи командированъ въ Гельсингфорсъ и прибывъ сюда 14 сентября, свидѣтель въ тотъ же день встрѣтилъ на улицѣ Мышецкую и Емельянову, причемъ узналъ, что онѣ проживали по Б. Гендриковской ул. въ д. № 13. Наблюдая за ними, свидѣтель установилъ знакомство съ Виноградовымъ, который посѣщалъ ихъ квартиру. 26 сентября Мышецкая и Виноградовъ, Терентьева и неизвестная женщина подъ кличкою „Бракованная“ на лодкѣ отправились на Звѣринный островъ, гдѣ пробыли около 2 ч. и откуда вернулись на пароходъ съ Закгеймомъ, Михайловымъ и другими лицами.

Около 9 октября Емельянова и Мышецкая куда-то выехали из Гельсингфорса.

По показаниям агента петерб. Охр. Отдѣленія Григорьева 7 сент. 1906 г. Емельянова и Мышецкая, прибывъ въ Петербургъ изъ Москвы, отправились на Финляндскій вокз., гдѣ встрѣтились съ Афанасьевымъ, съ которымъ поздоровались и разговаривали, а вечеромъ выѣхали въ Гельсингфорсъ, гдѣ и прожили до 14-го октября. Наблюдая затѣмъ въ Гельсингфорсѣ за Мышецкой и Емельяновой до первыхъ чиселъ октября. Григорьевъ установилъ сношенія съ Афанасьевымъ, часто прѣзжавшимъ изъ Петербурга и посѣщавшимъ ихъ квартиру, съ Дорофьевымъ, съ коимъ были замѣчены на улицѣ и коего онъ 12 сент. провожалъ на вокзалъ съ Дорофьевымъ и Картвеловой, а также Лебедевымъ и Михайловымъ, посѣщавшими ихъ квартиру. Въ частности Григорьевъ удостовѣрился, что 27 сент. Мышецкая, Емельянова, Терентьева, Закгеймъ, Михайловъ вмѣстѣ съ другими необнаруженными лицами ѣздили на Звѣринный островъ и что 28 того же сентября Мышецкая заходила въ оружейные магазины и покупала тамъ револьверы. Тотъ же агентъ Григорьевъ, находясь 4 ноября 1906 г. въ Стокгольмѣ, гдѣ по свѣдѣніямъ Охр. Отдѣленія долженъ былъ состояться съѣздъ максималистовъ, замѣтилъ на пристани прибывшихъ изъ Або Терентьева и Закгейма. Въ тотъ же день Терентьева и Закгеймъ уѣхали по жел. дорогѣ въ Бернинъ и отсюда черезъ станцію Граево проѣхали въ Бѣлостоку, гдѣ временно были упущены слѣдовавшимъ за ними Григорьевымъ изъ виду. 10 ноября Терентьева съ какимъ-то другимъ молодымъ человѣкомъ, оказавшимся впоследствии Кишкелемъ, отправилась въ Одессу, гдѣ и была задержана вмѣстѣ съ Кишкелемъ, причемъ оба они назвались Фроловыми и въ удостовѣреніе своихъ личностей предъявили паспортъ на имя мѣшанина Никиты Иванова Фролова и жены его Анастасіи Петровой. Упомянутый же Мовша Закгеймъ былъ задержанъ 13 ноября также въ Одессѣ, когда прибылъ сюда съ мѣщанкою Дорою Фарберъ (по мужу Казакъ), причемъ Закгеймъ предъявилъ паспортъ на имя Зеликмана, а Фарберъ — на имя мѣш. Ривки Пинской. По показаниямъ агентовъ петерб. Охр. Отд. Кутузова и Богатырева, утромъ 3-го октября Лебедевъ, извѣстный Отдѣленію подъ кличкой „Товарищъ“, прѣхалъ въ Петерб. по Финл. ж. д. вмѣстѣ съ Михайловымъ. Выйдя съ вокзала гѣшкомъ, они разстались въ углу Нижегородской ул. и Финскаго пер., послѣ чего Лебедевъ отправился въ Александровскій рынокъ, гдѣ купилъ себѣ высокія сапоги, картузъ, пиджакъ и русскую синюю рубаху. На рынокѣ Лебедевъ встрѣтился съ тѣмъ же Михайловымъ. Отсюда они отправились сначала въ д. № 85 по Екатерининскому каналу, гдѣ проживалъ Михайловъ, а затѣмъ пошли на Забалканскій просп., гдѣ Лебедевъ нанялъ себѣ комнату въ д. № 14. Когда Лебедевъ вышелъ изъ д. № 85 по Екатерининскому каналу, онъ былъ уже переодѣтъ въ купленное имъ на рынокѣ платье. Къ изложенному агентъ Миняевъ добавилъ, что 10-го октября Лебедевъ посѣтилъ д. № 90 по Садовой ул., куда вскорѣ же пришелъ и Михайловъ, а въ 10 ч. вечера сюда же пришелъ какой-то молодой человѣкъ, вышедшій передъ тѣмъ изъ квартиры Виноградова, и агентъ Петровъ, — что 4 октября Лебедевъ поѣхалъ на извозчикѣ на Петербургскую сторону на Большой пр. и вошелъ во дворъ дома № 19-21, гдѣ посѣтилъ Пяткина, проживавшаго въ квартирѣ № 41, а затѣмъ отправился на Архіерейскую ул. въ д. № 3, гдѣ посѣтилъ Сафонова.

Свидѣтельскими показаніями агентовъ Лузова и Крутикова устанавливается близкое знакомство между собою Михайлова и Лебедева, и показаніемъ агента Николаева удостоверяется, что 6 октября Михайловъ отправился къ воротамъ № 1 по Торговой ул., гдѣ встрѣтился съ газетчикомъ № 82 Пискаревымъ и бесѣдовалъ съ нимъ около часу, послѣ чего вернулся домой.

По показанію владѣльца паспорта, обнаруженнаго у именующаго себя Лебедевымъ, крестьянина Лебедева означенный паспортъ былъ у него похищенъ въ трактирѣ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Во время своего арестованія 14 октября Лебедевъ и Михайловъ числились газетчиками: первый „Русской артели“, а второй конторы „Практическаго Вѣстника“. Допрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ аменующій себя Лебедевымъ и крестьянинъ Михайловъ, отрицая изложенныя выше обстоятельства, объяснили, что знакомы другъ съ другомъ не были и никогда не бывали въ Финляндіи. При этомъ Лебедевъ отказался дать какія-либо свѣдѣнія о своей личности. Того же 14 октября 1906 г. чинами полиціи былъ задержанъ крестьянинъ Пискаревъ, также занимавшійся продажей газетъ и проживавшій въ домѣ № 8 по Малой Подъяческой ул. по подложному паспорту на имя крестьянина Лукошкина. По показанію хозяйки квар., въ коей проживалъ Пискаревъ, крестьянки Ульяны Алексѣевны Чекановой, Пискаревъ жилъ очень бѣдно, продажей газетъ занимался очень мало и послѣ его ареста у него было найдено подъ кроватью около полъ пуда непроданныхъ газетъ. Пискаревъ ежедневно выходилъ изъ дома часу въ девятомъ утра, безъ формы газетчика, но съ сумкой, въ которую онъ клалъ штуки три газетъ. Въ 4 ч. обыкновенно возвращался и, немного отдохнувъ, уходилъ до 1 часу ночи. Дворникъ дома крестьянинъ Григорьевъ показалъ, что часто замѣчалъ, какъ Пискаревъ, находясь у воротъ дома смотрѣлъ зачѣмъ то на Екатерининскій каналъ. Будучи спрошенъ на дознаніи Пискаревъ первоначально отказался назвать себя, а такъ же отказался отъ всякихъ объясненій и лишь при спросѣ 28 февраля 1907 г. назвалъ себя и объяснилъ, что Соколовъ былъ его товарищемъ по саратовскому маринскому земледѣльческому училищу и что вмѣстѣ съ нимъ онъ привлекался къ дознанію при суревомъ жандармскомъ управленіи, но отъ дальнѣйшихъ объясненій отказался.

Изъ сообщенія начальника курскаго жандармскаго губернскаго управленія видно, что Пискаревъ и Соколовъ привлекались въ 1905 г. въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознанію „объ организаціи партіи с.-р.“, каковое дознаніе было прекращено въ силу высочайшаго указа отъ 21 октября 1905 г., причѣмъ изъ этого сообщенія усматривается, что 2 апрѣля 1905 г. въ г. Курскѣ, когда чины полиціи прибыли въ квар. по Авраамовской улицѣ для задержанія собравшихся въ ней членовъ боевой дружины, прибывшихъ по агентурнымъ свѣдѣніямъ въ Курскъ для убійства вице-губер. Курлова, то изъ квартиры послѣдовалъ рядъ выстрѣловъ, всеми былъ раненъ приставъ и стражникъ, изъ числа шеновъ сходки были задержаны: мѣщанка Бродская (подъ фамиліей Змайловичъ), Соколовъ (подъ именемъ Пулихова), Николай Рожновъ Вѣринъ) и Аронъ Звѣринъ (Кацъ), а Пискаревъ успѣлъ скрыться, но черезъ два дня былъ задержанъ съ двумя браунингами подъ фамиліей Крюкова. Во время содержанія этихъ лицъ подъ стражею была задержана записка отъ Бродской къ Пискареву, начинающаяся словами: „Дѣти! не падайте духомъ, показаній не давайте, васъ пустятъ

а меня задержать". По сообщению Начальн. Саратовскаго губернскаго жандармскаго управленія отъ 9 мая 1907 года за № 4845 Пискаревъ привлекался также въ 1902 г. въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу объ образовавшемся въ Саратовскомъ уездѣ социально-революціонномъ сообществѣ, каковое дознаніе было прекращено въ силу того же высочайшаго указа отъ 21 октября 1905 г.

Прибывшіе въ Петерб. утромъ 13 октября съ курьерскимъ поѣздомъ Финляндской жел. дор. студ. Петерб. универс. Давыдовъ и слушательница Рождественскихъ курсовъ Картвелова были задержаны 14 того же октября и арестованы. 27 ноября Давыдовъ, содержась подъ стражею въ полицейскомъ домѣ Спасской части и будучи отправленъ въ баню, подъ конвоемъ служителя Горбарева, на обратномъ пути успѣлъ скрыться и до настоящаго времени не розысканъ.

Будучи допрошена на дознаніи Картвелова объяснила, что прибывъ въ Петербургъ изъ Гельсингфорса 13 октября она весь этотъ день, а также часть слѣдующаго провела, посѣщая своихъ знакомыхъ, назвать коихъ однако отказалась. На вопросъ о знакомствѣ съ Давыдовымъ отвѣчать также отказалась. Къ этому Картвелова добавила, что на совѣщаніяхъ максималистовъ по выработкѣ въ Финляндіи плана экспроприаціи 14 октября участія не принимала и къ партіи этой не принадлежитъ. По обыску, произведенному у Картвеловой, у нея было найдено: 1) 8 открытыхъ писемъ, адресованныхъ въ Гельсингфорсъ, въ коихъ фамиліи, имена и отчества адресатовъ тщательно затушеваны чернилами. Въ этихъ письмахъ упоминается: Александра, Марья, Кузьмина и Вальтеръ; 2) письмо отъ 29 сентября 1906 г. на имя дорогой Саши отъ „Лени“, въ коемъ также всѣ имена и фамиліи сильно зачеркнуты. По показанію крестьянки Любови Тимофѣевой Волтуховой, служившей прислугой въ квартирѣ, въ коей проживала лѣтомъ 1905 г. Картвелова (Нарвское шоссе, домъ № 123), послѣднюю посѣщали двѣ какія то женщины и нѣсколько мужчинъ, причемъ въ карточкѣ обвиняемаго Закгейма (Зеликмана) свидѣтельница признала большое сходство съ однимъ изъ этихъ мужчинъ.

Изъ препровожденныхъ начальникомъ тифлискаго губернскаго жандармскаго управленія трехъ копій съ выдержекъ изъ писемъ, отобранныхъ по обыску у содержавшейся подъ стражею княжны Нины Мачабели, привлеченной въ качествѣ обвиняемой по дѣлу о тифлис. организаціи всероссійскаго воен. союза П. С.-Р. авторомъ коихъ является слушательница С. П. Б. женскаго медицинскаго института Марія Христофорова Угредидзе, видно, что въ этихъ письмахъ въ отношеніи Картвеловой, упоминаемой, какъ установлено, подъ именемъ Саши говорится: „Арестована Саша и сидитъ въ Петропавловской крѣпости. Теперь бѣгаю, чтобы ей перевели деньги, а то она безъ копѣекъ. Меня возмущаютъ организаціи, которыя халатно относятся къ своимъ членамъ. Пока на свободѣ они нужны, а какъ въ тюрьмѣ баста... Она привлекается по важному дѣлу, кажется. Я очень и очень за нее боюсь.“ Изъ справки Петербург. губерн. жандарм. управленія отъ 30 ноября 1906 г. видно, что Картвелова привлекалась въ 1905 г. въ качествѣ обвиняемой къ дознанію по дѣлу рабочаго союза П. С.-Р., въ преступленіи предусмотрѣнномъ 126 ст. уголов. улож. Дознаніе это прекращено въ силу высочайшаго указа отъ 21 октября 1905 г.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, сынъ надворнаго совѣтника Афанасьевъ, не отрицая своего знакомства съ Мышецкой и Емельяновой, объяснилъ, что почти еженедѣльно ѣздилъ въ г. Гель-

пгфорсь по дѣламъ книжн. издат. „Трудъ и Борьба“ и для свиданій ; проживавшимъ тамъ литераторомъ Кочаровскимъ. На съѣздѣ максималистовъ, въ началѣ сентября 1906 г. по выработкѣ ими плана грабленія въ Фонарномъ переулкѣ не быть, такъ какъ не принадлежать къ этой партіи, не раздѣляя ея воззрѣній и тактики и знакомства съ максималистами не вѣль.

По сообщеніямъ начальника курскаго губернскаго жандармскаго правленія отъ 16 марта 1907 г. и начальника харьковскаго охраннаго дѣленія отъ 21 марта Афанасьевъ, въ числѣ другихъ лицъ, былъ привлеченъ въ 1903 г. въ качествѣ обвиняемаго къ дознанію о „Курьей группѣ П. С.-Р.“, но до обыска и ареста скрылся, причѣмъ разыскивался циркуляромъ департамента полиціи. При обыскѣ, произведенномъ 20 октября 1906 года въ квартирѣ мѣщанина Сафонова, проживавшаго въ д. № 3 по Архіерейской ул. у него, въ числѣ другихъ бумагъ, были обнаружены обрывокъ рукописной прокламаціи къ солдатамъ“, въ коей послѣдніе призываются не проливать „родой, братской крови“, не исполнять приказанія своего начальства и своими штыками не поддерживать разбойничье правительство“. уюписъ эта, по заключенію эксперта по сличенію почерковъ, написана рукою Сафонова. Въ одномъ изъ найденныхъ писемъ, написанныхъ Сафоновымъ къ своей женѣ, онъ, оправдывая случаи ограбленія революціонерами казенныхъ денегъ, между прочимъ, пишетъ: „Потому, чтобы ускорить мучительные роды новаго режима необходимо о возможности лишить правительство послѣдней опоры, свести къ нулю значеніе его единственной силы штыковъ и денегъ. Поэтому юльнѣ естественно, что наканунѣ рѣшительнаго боя революціонеры гѣшатъ забыть правила куцой обыденной морали и дѣйствовать на инѣ по военному, для чего требуется помимо интенсификаціи обыкновенной пропаганды (печатаніе прокламацій и брошюръ тоже требуется денегъ) возможно полное разоруженіе врага, т. е. правительства, вооруженіе самихъ революціонеровъ. Всякая копѣйка, всякій грошъ, хваченный въ казенной винной лавкѣ, въ банкѣ — въ рукахъ революціонеровъ немедленно превращается въ ружье, въ прокламацію и мѣстѣ съ тѣмъ, ложась дефицитомъ на государственный бюджетъ, гнимаеть у правительства послѣднія средства, ускоряеть его паденіе“. (Протоколъ осмотра отъ 2 декабря 1906 г.)

По показаніямъ пристава подполковника Колчака, околоточныхъ адъютантовъ Юдина и Черкаса, а также дворниковъ Федорова и Ножилова, когда они прибыли для производства обыска въ квар. Сафонова, то входныя двери, не смотря на нѣсколько звонковъ, имъ не оторали втеченіе нѣсколькихъ минутъ, съ очевидною цѣлью выиграть время, а когда они вошли въ квар., то оказалось что прислуга Сафонова крестьянка Селиверстова, сидя на кухнѣ передъ печкой, сжигала угля по приказанію своего барина Сафонова. Оставшіяся билеты, въ количествѣ около 400 шт., были отобраны и оказались объявленіями, отпечатанными на толстой бумагѣ краснаго цвѣта, длинною около двухъ вершковъ и шириною въ 1 вершокъ, нижеслѣдующаго содержания: „По приговору и подъ непосредственнымъ руководствомъ Б. О. С.-Р. максималистовъ 14 октября въ г. Петерб. Б. Л. О. С.-Р. максималистовъ завершена конфискація правительственныхъ суммъ на революціонерыя вл. СПБ. октября 15 дня“.

Свидѣтельскими показаніями агентовъ охран. отдѣленія Иванова и Фотопопова удостовѣряется, что 10 октября Виноградовъ, прибывъ

съ утреннимъ поѣздомъ изъ Финляндіи, тотчасъ же съ вокзала отправился на Архіерейскую ул. въ д. № 3, гдѣ посѣтилъ Сафонова и пробылъ у него около полутора часа. Подтверждая это обстоятельство, полицейскій надзиратель Фроловъ добавилъ, что вечеромъ того же дня Виноградовъ вновь посѣтилъ Сафонова, пробывъ у него болѣе двухъ часовъ и что тогда же у Сафонова былъ Дорофѣевъ. Фактъ посѣщенія Сафонова Дорофѣевымъ подтвердилъ также агентъ Шаманъ. Какъ указано уже выше, полицейскій надзиратель удостовѣрилъ посѣщеніе 4 октября квартиры Сафонова именуемымъ себя Лебедевымъ. Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, Сафоновъ объяснилъ, что съ Виноградовымъ, Дорофѣевымъ, Пумпянскимъ и Литвинштадтомъ знакомъ не былъ и они его не посѣщали, обнаружены же въ его квартирѣ объявленія отъ Б. О. ц. с.-р. получили отъ неизвѣстнаго ему человѣка, назвавшаго себя Никоновымъ.

Какъ видно изъ сообщенія начальн. Петербург. Охран. Отдѣленія послѣ ограбленія 14 октября помощн. казначея портовой таможни и ареста находившихся въ то время въ Петерб. участниковъ этого ограбленія, Отдѣленіемъ были приняты мѣры къ розыску остальныхъ лицъ, принадлежащихъ къ группѣ максималистовъ и укравшихся въ Финляндіи. Данными наблюденія была установлена связь и сношеніе съ Виноградовымъ и Мышецкой неизвѣстнаго подъ кличкой „Окунь“, который 30 октября выбылъ изъ Петерб. подъ наблюденіемъ въ Москву, гдѣ и былъ арестованъ, причемъ въ тотъ же день изъ подъ стражи бѣжалъ и былъ вторично арестованъ въ Москвѣ 8 ноября; при задержаніи неизвѣстный назвался студентомъ Казанскаго университета Аверинымъ, въ дѣйствительности же оказался Малашкинымъ. При обыскѣ у Малашкина, кромѣ пятилѣтней паспортной книжки на имя Аверина, была обнаружена часть письма слѣдующаго содержанія: „извиняюсь за долгое молчаніе, но оно не отъ меня зависитъ. Посылаю Вамъ челоуѣка и прошу исполнить то, что онъ у Васъ попроситъ. Скоро напишу подробно. Отчего нѣтъ отъ Васъ письма? Саф“... (Гдѣ была подпись часть письма оторвана.) По сличенію почерка этого письма съ несомнѣннымъ почеркомъ Сафонова экспертъ нашелъ, что хотя почеркъ коимъ писано письмо имѣеть въ общемъ сходство съ почеркомъ Сафонова, но утвердительно сказать, что оно написано послѣднимъ нельзя.

Свидѣтельскими показаніями околоточнаго надзирателя 2 уч. Мѣщанской части г. Москвы Дмитрія Короткаго и ночного сторожа Таюхина удостовѣряется, что Малышкинъ, будучи задержанъ подъ именемъ мѣщанина Вл. Иванова въ концѣ октября и содержась подъ стражею за московскимъ Охраннымъ Отдѣленіемъ, бѣжалъ изъ подъ стражи и былъ вторично арестованъ 8 ноября, тогда назвался Аверинимъ. Изъ сообщенія начальника рязанскаго губернскаго жандармскаго управленія отъ 3 марта 1907 г. видно, что Вл. Малашкинъ извѣстенъ управленію, какъ дѣятельный членъ П. С.-Р. По наблюденію за нимъ было установлено, что квартира его въ Рязани служила мѣстомъ сборища для революціонныхъ дѣятелей, а при обыскѣ у него были обнаружены въ значительномъ количествѣ не легальныя брошюры, распространеніемъ коихъ путемъ продажи онъ занимался, состоя на должности оцѣнщика рязанской губернской земской управы. Малашкинъ во время своихъ командировокъ вошелъ въ сношеніе съ всѣми революціонными силами губерніи, прививая такое направленіе среди мелкихъ служащихъ. По агентурнымъ свѣдѣніямъ Малашкинъ

въ октябрѣ 1905 г. намѣревался организовать покушеніе на жизнь бывшаго рязанскаго губернатора Ржевскаго. Хотя формальнаго дознанія о привлеченіи Малашкина къ законной отвѣтственности и не производилось, за немѣнимымъ формальныхъ для этого уликъ, но какъ лицо крайне неблагонадежное, онъ былъ высланъ въ Архангельскую губернію, откуда 20 іюня 1906 г. неизвѣстно куда скрылся. Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго Малашкинъ объяснилъ, что отлучившись самовольно изъ Архангельской губерніи онъ проживалъ все время въ Рязани и Москвѣ безъ всякой прописки. Въ Петербургѣ никогда не былъ, Мышецкую и Виноградова не знаетъ.

14 ноября 1906 г. былъ задержанъ въ Петербургѣ прибывшій изъ Финляндіи неизвѣстный, подъ кличкой „Судакъ“, назвавшійся при арестованіи крестьяниномъ Маркелисомъ и оказавшійся въ дѣйствительности мѣщаниномъ Шрейдеромъ. При обыскѣ произведенномъ 17 ноября въ Выборгѣ въ занимаемой Шрейдеромъ квартирѣ у него были отобраны разныя революціоннаго содержанія брошюры и прокламаціи, а также подложный паспортъ на имя крестьянина Маркелиса, причѣмъ подпись послѣдняго была сдѣлана рукою Шрейдера. По показанію полицейскаго надзирателя Семенова онъ наблюдалъ съ середины сентября 1906 г., въ теченіи одного мѣсяца за Шрейдеромъ, проживавшемъ въ 25 верс. отъ Гельсингфорса на дачѣ около станціи Суенбакъ. Шрейдеръ ежедневно пріѣзжалъ въ Гельсингфорсъ и отправлялся къ Мышецкой и Емельяновой, проживавшими по Гендриковской ул., въ д. № 13. Нѣсколько разъ свидѣтель видѣлъ Шрейдера съ этими лицами на почтѣ и въ библиотекѣ. По показанію полицейскаго надзирателя Ковалика, Шрейдеръ былъ ему хорошо извѣстенъ подъ кличкой „судакъ“, такъ какъ онъ часто пріѣзжалъ изъ Гельсингфорса въ Выборгъ. 14 ноября Коваликъ задержалъ Шрейдера, прибывшаго въ этотъ день изъ Выборга въ Петербургъ на Покровской площади, причѣмъ Шрейдеръ, замѣтивъ за собою наблюденіе, пытался скрыться между телѣгами крестьянъ. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Шрейдеръ показалъ, что съ Виноградовымъ, Мышецкой и Емельяновой знакомъ не былъ. Проживая въ Финляндіи, занимался литературою и въ Петербургѣ пріѣзжалъ для присканія какой-либо работы, такъ какъ очень нуждался матеріально. По имѣющимся въ дѣлѣ свидѣніямъ Шрейдеръ привлеченъ судебнымъ слѣдователемъ виленскаго окружного суда по особо важнымъ дѣламъ по 1 ч. ст. 126 и п. 2 ст 130 Уголовн. Улож. по дѣлу о желѣзнодорожныхъ служащихъ Полтвскихъ ж. д.

Данными наблюденія за упомянутымъ выше Соколовымъ, во время его пріѣздовъ въ теченіе ноября 1906 г. въ Петербургѣ представилось возможнымъ установить его сношеніе съ мѣщаниномъ Добковскимъ, проживавшемъ въ Петербургѣ по паспорту студента Лѣсна Института Израила Кунина и дочерью статскаго совѣтника Марковой, причѣмъ два послѣднія лица еще ранѣе обратили на себя вниманіе отдѣленія, какъ принадлежащія къ группѣ максималистовъ, вслѣдствіе чего за ними было учреждено самостоятельное наблюденіе. Означенная Маркова посѣтила 18, 23, 25 и 26 ноября д. № 132 по Невскому пр., гдѣ въ квартирѣ Аделгейды Адамсонъ проживала извѣстная отдѣленію-дворянка Климова, проходившая по наблюденію подъ кличкой „Сѣверная“, а 26 ноября были установлены сношенія Марковой съ мѣщаниномъ Кацомъ, именовавшимъ себя мѣщаниномъ Лебецкимъ и не имѣвшимъ въ Петербургѣ опредѣленнаго жательства. Наблюденіемъ

за Добковскимъ, были установлены сношенія его съ мѣщаниномъ Игнатіемъ Михѣевымъ и упомянутымъ Кацомъ, съ коимъ онъ имѣлъ свиданія 20 и 24 ноября въ помѣщеніи курсовъ Лесгафта и университета. Данными наблюдения за Михѣевымъ было установлено, что онъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ неизвѣстными, проживавшими по подложнымъ документамъ Королевымъ и мѣщаниномъ Ларионовымъ, оказавшимся крестьяниномъ П. Сергѣевымъ, а также Элертъ, оказавшимся мѣщаниномъ Абрамомъ Гольдштейномъ. Названные Ходынокъ (Королевъ) и Гольдштейнъ (Элертъ) состояли въ постоянныхъ сношеніяхъ съ принадлежащимъ къ группѣ максималистовъ сыномъ поручика Калугинымъ, который вмѣстѣ съ ними поддерживалъ сношенія съ крестьянкой Федоровой. 29 ноября изъ Гельсингфорса прибыли вмѣстѣ въ Петербургъ мѣщ. Іудинъ (кличка по наблюдению „Гусъ“) и мѣщанка Кейля Абрамова Клебанова (кличка „Пирожная“), причемъ въ тотъ же день посѣтили квартиру Марковой и Климовой, а такъ же были замѣчены съ послѣднею въ разныхъ мѣстахъ.

Изложенныя свѣдѣнія Охран. Отдѣленія находятъ себѣ подтвержденіе въ нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ:

При обыскѣ, произведенномъ 28 ноября 1906 г. въ комнатѣ, занимаемой Марковой, въ квар. № 14 д. № 48 по 3-й линіи Васильевского острова, у нея было найдено, въ числѣ другихъ вещей двѣ гуттаперчевыя перчатки на большую мужскую руку со слѣдами динамита, деревянная катушка, на коей намотано большое количество тонкой металлической проволоки, боевой патронъ отъ пистолета Браунинга, записная книжка съ разными шифрованными записями и адресами, письмо конспиративнаго содержанія и полъ листа почтовой бумаги, на коемъ карандашомъ сдѣланы замѣтки относительно складовъ взрывчатыхъ веществъ, слѣдующаго содержанія: „Уст. 3 склада 1) 150 ре., 2 пуда д. 2) Устр. 8 перед. кварт. — 4 непосред. адреса) 4 передаточныя 4 непосредствен. адреса должны быть буржуазными квар. и болѣе или менѣе пр., 4 перед. простыя чистыя курс. ко мнѣ (Ястребаба, Лида Н). Переноска съ непосред. кварт. на передат. можетъ совершаться людьми, далеко стоящими отъ орган. но чистымъ прилично одѣтымъ; не долженъ знать болѣе одного мѣста. Переноска съ передаточныхъ на складъ только людьми сидящими на складахъ и членами организ. Не долженъ складчикъ переносить съ непосред. на предат. Постараться распредѣлить количество динам. и ре., такъ чтобы въ каждомъ складѣ было равное количество. Каждый складчикъ въ каждую данную минуту долженъ имѣть полный отчетъ всего находящагося у него.“

Въ числѣ замѣтокъ въ указаной выше записной книжкѣ имѣются слѣдующія: „За Н. Заставой 04 кв. 00 Татьяну Ивановну“, къ 5 часамъ видѣтъ Н. М. она скажетъ Вивѣ“ старухъ, Катя, Рабоч. Сапяр., дѣвица, Агнеса“.

Кромѣ того при обыскѣ у Марковой были обнаружены три паспортныя книжки на имя мѣщанина Бартольева, мѣщ. Иванова и крестьянина Говоровскаго, два чистыхъ бланка паспортныхъ книжекъ, паспортъ на имя Никифора Даниловича, Елены Барановской, 7 чистыхъ паспортныхъ бланковъ, на двухъ клочкахъ бумаги выписки изъ паспортовъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ Іосифа Доменикова Бѣласскаго, а такъ же 377 руб. 76 коп., изъ коихъ 300 рублей 3 рублевыми кредитными билетами хранились въ платяномъ шкафу въ кожномъ мѣшечкѣ, а остальные въ кошелькѣ, лежавшемъ въ комодѣ. Вышеизложенное удостоверяется протоколомъ осмотра отъ 15 декабря

1906 г., а также показаніями на дознаніи, производившаго обыскъ пристава 2 уч. Васильевской части подполковника Фронкена и присутствовавшаго при обыскѣ дворника крестьянина Ефима Игнатьева. По заключенію экспертовъ остатки темнаго желтаго вещества, обнаруженнаго на резиновыхъ перчаткахъ заключаютъ въ себѣ нитроглицеринъ, амміачную селитру, пирокселинъ и древесную муку, каковыя вещества входятъ въ составъ взрывчатыхъ веществъ сорта экстрадинамитовъ и могли прилипнуть къ перчаткамъ при работѣ съ этимъ взрывчатымъ веществомъ.

По сличенію экспертомъ почерковъ, указанная выше рукопись, начинающаяся словами: „Устр. 3 склада...“ писана Марковою, хотя и небрежно. Изъ протокола № 9 отъ 30 января 1907 г. сличенія записей въ бумагахъ оказавшихся у Марковой съ бумагами, отобранными у другихъ обвиняемыхъ, усматривается слѣдующее: а) въ памятной книжкѣ Марковой въ числѣ многихъ другихъ конспиративныхъ записей есть такія: ... За Н. Заставой 04 кв. 00 Татьяну Ивановну“ 2) къ 5 часамъ увидѣтъ Н. М., она скажетъ Вивѣ“, 3) старуха, Катя, рабоч. Сапир., дѣвица Агнеса“. Сличая эти записи съ бумагами Виноградова-Розенберга, Татьяны Котовой, Ходынюка-Королева оказывается: Котова жила за Невской заставой, Глазурная ул. д. № 15 кв. 11. Запись Марковой всецѣло указываетъ адресъ Котовой, если принять во вниманіе, что цифры ея квартиры и дома записаны на одну цифру меньше съ цѣлью затруднить опредѣленіе, къ кому относятся эти записи, т. е. вмѣсто д. 15 значитъ 04, а вмѣсто кв. 11 — 00. У Виноградова въ его записяхъ два раза упоминается „Агнеса“, упоминаемая въ записной книжкѣ Марковой. Наконецъ, въ бумагахъ нелегальнаго Ходынюка имѣется запись, подписанная „Вашъ Вива“, о коемъ говорится въ бумагахъ Марковой. Кромѣ всего, у Марковой оказались слѣдующіе документы, указывающіе на связь ея съ обвиняемымъ Кашкелемъ и Ткаченко, задержаннымъ съ паспортомъ на имя Бѣланскаго. По отношенію къ Кишкелю: обрывокъ отъ свидѣтельства выданнаго отцу Кишкеля изъ кряковскаго волостного правленія и по отношенію къ Ткаченко выборки изъ паспорта Бѣланскаго. Независимо отъ изложеннаго, изъ показанія крестьянки Семеновою усматривается, что Маркова, посѣщая часто мѣшанку Поддубскую, называла себя „Вѣрой“. Поэтому указанная выше запись въ бумагахъ Виноградова-Розенберга: „Кіевъ къ Вѣрѣ“ и „Вѣра Маркова“ можетъ относиться къ Марковой.

Показаніями агентовъ Охран. Отдѣленія Миронова, Абрамова и Крутикова удостоверяется посѣщеніе Марковою 18 и 23 ноября дома № 123 по Невс. пр., гдѣ въ кв. Адамсонъ проживала Климова, а по показаніямъ агента Смирнова и полицейскаго надзирателя Иванова, 26 ноября Маркова, посѣтивъ квартиру Адамсонъ, отправилась затѣмъ въ д. № 7 по 6 ротѣ Измайловскаго полка, куда передъ тѣмъ промель Соколовъ.

Спрошенная на дознаніи въ качествѣ обвиняемой, Маркова отъ всякихъ показаній отказалась, заявивъ лишь, что на квартиру Адамсонъ ходила за вещами Климовой. При обыскѣ, произведенномъ 8 декабря 1906 г. въ упомянутой квартирѣ Адамсонъ въ д. № 132 по Невс. пр., были обнаружены въ двухъ сверткахъ, завернутыхъ въ газетную бумагу, 7,100 руб. кредит. билет. 25 руб. достоинства, 7 металлическихъ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, коробка съ краскою для наложенія оттисковъ печатей, двѣ

чистыя паспортныя книжки и паспортный бланкъ, выборки для составления паспортовъ, письма и фотографическая карточка. Оба эти свертка, по показаніямъ прибывшихъ для обыска пристава 1 участка Рождественской части подполковника Зарѣцкаго, околочныхъ инспектирующей Массона и Макареца, были выброшены находившейся въ квар. Адамсонъ черезъ форточку во дворъ, гдѣ и подняты оставленными во дворѣ городовымъ Русакомъ. При дальнѣйшемъ обыскѣ на чердакѣ квартиры была обнаружена плетеная корзина, запертая на висячій замокъ и обвязанная веревкой; въ ней по вскрытіи оказалось динамитъ въ количествѣ около 1 пуда 20 фунт. и около двухъ фунт. пироксилина. Динамитъ былъ упакованъ въ резиновыя пакеты, колескоровыя мѣшки и виксатинъ. Сверхъ динамита въ корзину лежалъ пара гутаперчевыхъ перчатокъ. По показанію прислуги Адамсонъ крестьянки Софій Свиклянъ, недѣли за двѣ до обыска она отнесла означенную корзину по приказанію Адамсонъ на чердакъ, а по словамъ племянницы Адамсонъ Магды Юрьевой Трефъ послѣ отъѣзда изъ ихъ квартиры Климовой она случайно открывала эту корзину, причемъ въ ней кромѣ обрѣзковъ матеріи ничего не было. По показаніямъ дворника Хрущева, а также мѣщ. Августа Генрихова Пелагати, у коего Адамсонъ ранѣ снимала комнату въ квар. 28, д. 2 по 2 Рождествен. ул., она вела очень скромную жизнь, давала уроки и сильно нуждалась въ деньгахъ. Последнее обстоятельство подтверждается также содержаніемъ писемъ, написанныхъ Адамсонъ и найденныхъ у сестры ея Іоганны Трефъ въ г. Перновѣ, въ конхѣ упоминается, что Адамсонъ нуждается въ деньгахъ, въ частности же о неимѣніи у нея денегъ она сообщала въ письмѣ отъ 24 сентября 1906 года.

Изъ протокола осмотра писемъ, оказавшихся у Адамсонъ видно, что въ одномъ изъ нихъ, адресованномъ „Товарищу Наташъ“, авторъ спрашиваетъ ея мнѣніе относительно устройства въ Гельсингфорсѣ и вообще въ финляндскихъ городахъ военныхъ организацій, самостоятельныхъ и безъ всякихъ блоковъ съ другими партіями во первыхъ для пропаганды и во вторыхъ „для эксовъ“ (вродѣ пулеметовъ, оружія и пр.) Далѣе два письма конспиративнаго содержания за подписью „Ксенія“. Наконецъ, одно письмо начинается обращеніемъ: „Л. или К. или еще кто еще“, въ коемъ совѣтуется въ виду арестовъ, временно распустить всю группу. Письмо это заканчивается словами „Серафима или теплая компанія“ и по заключенію эксперта писанъ Терентьевой. Изъ протокола сличенія фотографическаго портрета найденнаго въ вещахъ Адамсонъ съ фотографическимъ снимкомъ трупъ одного изъ злоумышленниковъ, погибшихъ при взрывѣ дачи Мин. Внутр. дѣлъ Столыпина видно, что экспертъ призналъ, что оба они изображаютъ одно и тоже лицо. Привлеченная къ дознанію въ качествѣ обвиняемой мѣщ. Адамсонъ никакихъ показаній давать не желала. Допрошенная также на дознаніи, въ качествѣ обвиняемой, Климовъ признавая свое участіе въ сообществѣ, именуемомъ себя В. О. П. С. и которое поставило цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго государственнаго строя въ видахъ переустройства социально-экономическихъ отношеній, объяснила, что вступила въ эту организацію въ маѣ 1906 г. и съ этого времени участвовала во всѣхъ конференціяхъ организаціи. Принимала активное участіе въ покушеніи на убійство министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина, причемъ помогала въ разработкѣ деталей плана, наняла квартиру въ д. №

по Морской ул. и разыгрывала здесь роль хозяйки. Относительно ограбления 14 октября помощника казначея портовой таможни, Климова объяснила, что въ детали плана она посвящена не была и только послѣ экспроприации, какъ членъ общества, приняла отъ разныхъ лицъ деньги для распредѣленія ихъ по частямъ. Къ этому Климова добавила, что найденный у Адамсонъ динамитъ привезла она и, что Адамсонъ хранила таковой, не какъ членъ общества, а только изъ сочувствія и симпатіи къ ней, а также, что она, Климова, снабдила Маркову динамитомъ, деньгами и револьверами. Отъ послѣдняго показанія въ отношеніи Марковой Климова въ послѣдствіи однако отказалась и самовольно, въ присутствіи лица, производившаго дознаніе, вычеркнула эту фразу. Письмо, подписанное „Серафима или теплая компания“ — дѣйствительно написано Терентьевой и было адресовано Мышенцкой и Емельяновой.

При обыскѣ, произведенномъ 5 декабря 1905 г. приставомъ I уч. Александрo-Невской части Васильевымъ въ квартирѣ Котовой, а также проживавшаго здесь до конца нояб. нелегальнаго, именовавшаго себя Королевымъ (онъ же Ходынюкъ) было обнаружено 30 экз. воззваній отъ боевой организаціи с.-р. максималистовъ: „Къ товарищамъ крестьянамъ и рабочимъ“, а также „Ко всему трудовому народу“, содержаніе коихъ было неложно уже, причемъ на большинствѣ экземпляровъ имѣлся красный оттискъ печати этой организаціи, брошюра „Прямо къ цѣли“ — изданіе максималистовъ, письмо, часть коего зашифрована, а также записка отъ Гольцмана, въ которой послѣдній проситъ Котову выйти къ нему на свиданіе. Когда чины полиціи прибыли въ квартиру для производства обыска, то Котова успѣла выбросить въ окно какой-то свертокъ, который и былъ поднятъ оставленнымъ на дворѣ городовымъ Никитинымъ. По вскрытіи этого свертка оказалось, что въ немъ были 28 экз. указанного выше воззванія отъ максималистовъ съ такой же печатью, 8 экз. брошюры „Прямо къ цѣли“ над. „Максималистъ“, а также около 20 разнаго рода другихъ революціонныхъ брошюръ, причемъ на двухъ изъ нихъ имѣлась надпись „Нюша“, уменьшенное имя отъ „Танюши“, т. е. Татьяны. Свидѣтельница мѣщанка Малмыкина показала, что Котова часто возвращалась домой и уходила съ какими то молодыми людьми. Своихъ жильцовъ родители Котовой, у коихъ она проживала, прописывали только послѣ неоднократныхъ напоминаній. По показанію агента Охран. Отдѣленія Любанова — 28 ноября Ходынюкъ (кличка „Мальчикъ“), выйдя изъ д. № 15 по Глазурной ул. посѣтилъ магазинъ Абовича по Садовой ул. въ д. № 34, гдѣ служила кассиршей Котова. 30 ноября Ходынюкъ вновь посѣтилъ этотъ магазинъ, а 3 декабря вышелъ съ курсовъ Лесгафта вмѣстѣ съ Калугинымъ, съ коимъ и отправился затѣмъ въ д. № 3 по Звѣрининской ул. на квар. Калугина, а по показанію агента Сурикова 24 ноября Ходынюкъ вышелъ съ тѣмъ же Калугинымъ („Мелкій“) изъ университетской столовой, послѣ чего, посѣтивъ фотографію, они пошли опять въ университетъ. Агентъ Хорчевниковъ удостовѣрилъ, что 7 ноября Михѣевъ посѣтилъ квартиру Котовой.

Кромѣ сего, въ отношеніи упомянутыхъ выше именующаго себя Ходынюкомъ, Добковского, Каца (Любецкій) и Калугина установленныя дознаніемъ данныя сводятся къ нижеслѣдующему: Въ отношеніи Ходынюкова: изъ протокола отъ 17 декабря 1906 г. осмотра переписки найденной въ комнатахъ, занимаемой имъ въ кварт. Котовой, видно, что въ числѣ таковой оказалась записка въ конвертѣ слѣдующаго содер-

жанія: „Вива, вчера были собранія, но кротъ не пришелъ“. Во время содержанія Ходынюка подъ стражею въ домѣ Предварительнаго заключенія въ занимаемой имъ камерѣ былъ произведенъ 12 іюля 1907 г. обыскъ, причѣмъ было обнаружено письмо, въ коемъ, между прочимъ, говорится: „Дорогіе товарищи. Много за послѣднее время передумалъ о томъ, о чемъ я вамъ писалъ въ своей послѣдней запискѣ. Послѣднее ваше письмо еще болѣе убѣдило меня въ необходимости исправить (насколько это возможно) сдѣланную мною ошибку. Дѣло для меня ясно. Безусловно судъ долженъ быть нами бойкотированъ, противъ этого рѣшенія данныхъ у меня нѣтъ. Тѣмъ болѣе безусловно должны были мы всѣ бойкотировать слѣдствіе. Недомысліе въ этомъ одного должно скверно отразиться на все дѣло...“ Далѣе говорится „чувствую себя теперь бодро, судъ и слѣдствіе по новому дѣлу бойкотировую. Дорогою цѣною достался мнѣ мой опытъ...“ Письмо подписано „Вашъ Вива“. Въ другой рукописи значится: „Конечно, самое реальное орудіе для достиженія политическаго и экономическаго равенства— это вооруженное возстаніе...“ и далѣе: „Я говорю, что для парламентаризма, для широкой демократической республики необходимо вооруженное возстаніе, а безъ него ничего не получишь, или получишь какія-либо обрывки въ родѣ Думы“. По заключенію эксперта по слѣченію почерковъ письмо и рукопись написаны Ходынюкомъ.

Независимо отъ сего, въ камерѣ Ходынюка были найдены три рукописи революціоннаго содержанія, написанныя, по заключенію того-же эксперта, именуемымъ себя Перниковымъ и арестованнымъ 3 декабря 1906 г., когда онъ явился на квар. Адамсонъ въ д. № 132 по Невскому пр. Будучи неоднократно допрошенъ на дознаніи, Ходынюкъ отказался отвѣчать на вопросы, а равно дать какія-либо свѣдѣнія о своей личности. Изъ протокола освидѣтельствованія Ходынюка отъ 12 декабря 1906 г. черезъ врача видно, что ему на видѣ около 18 лѣтъ, по наружности еврей и имѣетъ знаки операціи обрѣзанія по еврейскому обряду. Мѣшанинъ Добковскій, проживавшій въ Петерб. въ д. № 11/17 по Институтской ул. по паспорту на имя студ. Лѣсного Института Кунина, былъ задержанъ 27 ноября 1906 года. При обыскѣ въ занимаемой имъ квартирѣ у него лично были найдены разнаго рода брошюры, частью нелегальнаго содержанія, а также письма, въ одномъ изъ коихъ онъ, подписавшись Дятловымъ, пишетъ: „Пришлите только адреса для всего (для писемъ, денегъ и разной литературы) на дняхъ уже это будетъ... У насъ двигается довольно успѣшно все впередъ; хорошія извѣстія получаютъ и изъ другихъ мѣстъ“, клочекъ бумаги, на коемъ значится такъ же замѣтки: „револьверъ бур. отъ Фоттона считается лучшей системой 12/9. 13 просс. 59/24... и два росписанія пассажирскихъ поѣздовъ Финляндской жел. дор. По заключенію эксперта по сличенію почерковъ, почеркъ записки начинающей словами: ...револьверъ бур. отъ Фоттона...“ имѣетъ полное и несомнѣнное сходство съ почеркомъ обвиняемаго Ходынюка. По показанію полицейскаго надзирателя Гришкина, 14 ноября Добковскій (кличка Греческій) былъ на курсахъ Лесгафта, откуда вышелъ вмѣстѣ съ Капомъ и отправился съ нимъ сначала въ ресторанъ, а затѣмъ въ университетъ. 23 ноября Добковскій посѣтилъ д. № 22 по Б. Подъяческой ул., куда вскорѣ же явился тотъ же Кацъ. Свидѣтельскимъ показаніемъ полицейскаго надзирателя Иванова удостовѣряется, что 5 ноября Соколовъ встрѣтился въ воротахъ д. № 17 по Гончарной ул. съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, относительно коего

находившійся въ то время на улицѣ агентъ Шуваловъ сообщилъ свидѣтелю, что этотъ молодой человѣкъ проходилъ по наблюденію подъ кличкой „Греческій“, а по показанію полицейскаго надзирателя Шувалова 16 ноября Добковскій и Михѣевъ были замѣчены выше шими вмѣстѣ съ курсовъ Лесгафта. Изъ сообщенія начальника витебскаго губ. жандарм. управ. отъ 4 ноября 1907 г. видно, что Добковскій привлекался въ 1903 г. къ дознанію по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 126, 2 ч. 132 ст. и 129 ст. Угол. Улож., каковое дознаніе впоследствии было прекращено. Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, Добковскій заявилъ только, что Соколова, Каца, Михѣева и Ходынюка не знаетъ и съ ними нигдѣ не встрѣчался.

При обыскѣ, произведенномъ 6 декабря 1906 г. у обвиняемаго Калугина, проживавшаго въ д. № 1/3 по Звѣринской ул., у него было обнаружено 32 экземпляра № 1 газеты: „Солдатская Мысль“, издан. военно-революціонной организаціи Петербургскаго военнаго округа, 24 экземпляра № 2 и 4 экз. № 3 той-же „Солдатской Мысли“ и одинъ экз. газеты „Трудъ“, изд. Петерб. ком. п. с. р. По показанію свидѣтельницы мѣщ. Терезы Федоровой Мейеръ, Калугина часто посѣщали какіе-то молодые люди. Калугинъ послѣ увольненія своего съ завода никакихъ занятій не имѣлъ. Изъ приложеннаго къ дѣлу сообщенія товарищества Невскаго судостроительнаго и механическаго завода отъ 19 марта 1907 г. за № 71 видно, что Калугинъ работалъ на заводѣ съ 11 ноября 1903 г. по 12 февраля 1905 г., когда былъ уволенъ при общемъ расчетѣ. Допрошенный на дознаніи сынъ поручика Калугинъ, не отрицающая свое знакомство съ Котовой, объяснилъ, что съ Ходынюкомъ знакомъ не былъ. На вопросы о цѣли храненія найденныхъ у него революціонныхъ газетъ и принадлежности къ группѣ максималистовъ Калугинъ отвѣчать отказался. Задержанный 27 ноября мѣщ. Кацъ назывался первоначально мѣщ. Любецкимъ и объяснилъ, что пріѣхалъ въ Петерб. накануне, для свиданія со своей невѣстой, и что никакихъ сношеній съ Марковой и Добковскимъ, коихъ не знаетъ, не имѣлъ. Свое настоящее имя Кацъ открылъ лишь 14 апрѣля 1907 г. Сообщеніями сокольскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія отъ 26 апрѣля 1907 г. и уѣзднаго воинскаго начальника отъ 28 апрѣля 1907 г., устанавливается, что Кацъ былъ принятъ 22 окт. 1906 г. на военную службу и приведенъ къ присягѣ, но, отпущенный затѣмъ въ отпускъ до 2 ноября, въ срокъ на сборный пунктъ не явился и съ этого времени находился въ безвѣстномъ отсутствіи. Изъ надписи помощника начальн. гродненскаго губернскаго жандарм. упр. отъ 5 мая 1907 г. видно, что Кацъ привлекался въ 1905 г. въ качествѣ обвиняемаго по 126 ст. Угол. Улож. по дѣлу о покушеніи на убійство посредствомъ разрывнаго снаряда пристава г. Бѣлостока Самсонова. Дальнѣйшія данныя въ отношеніи Каца будутъ приведены ниже.

3 декабря 1906 г. былъ задержанъ неизвѣстный человѣкъ, явившійся на кв. Адамсонъ въ д. № 132 по Невскому пр., который называлъ себя мѣщан. г. Слудца Перниковымъ, не имѣющимъ опредѣленнаго мѣста жительства въ Петерб., въ удостовѣреніе своей личности неизвѣстный представилъ подложный паспортъ на имя означеннаго Перникова. При личномъ обыскѣ задержаннаго у него обнаружено 160 руб. 24 к. денегъ, клочекъ бумаги съ разными шифрованными написаніями, а также письмо конспиративнаго содержанія. При обыскѣ,

произведенномъ 12 июля 1907 г. въ камерѣ, занимаемой Перниковымъ, найдена была рукопись, въ коей, между прочимъ, говорится: „Возстанія 1905 г. показали, что нужно очень много благоприятствъ условій для того, чтобы они превратились въ войну съ правительствомъ и первымъ изъ этихъ условій является переходъ на сторону революціоннаго народа вмѣстѣ съ солдатами энергичнаго, рѣшительнаго, хотя бы одного, высшего офицера. Это было, быть можетъ, главной причиною неудачъ военныхъ движеній 1905 и 1906 годовъ. Лейтенантъ Шмидтъ, хотя и былъ популярный офицеръ, но онъ не былъ настоящимъ революціонеромъ, пожалуй даже и просто революціонеромъ“. По заключенію эксперта рукопись эта писана рукою Перникова. Какъ при первоначальномъ задержаніи, такъ равно и на дознаніи именующій себя Перниковымъ отъ какихъ бы то ни было показаній отказался. По сообщенію старшаго врача больницы Петерб. тюрьмы отъ 31 июля 1907 г., именующій себя Перниковымъ имѣетъ признаки образанія крайней плоти.

6 декабря 1906 г. былъ задержанъ явившійся на квартиру Калугина въ д. N 1/3 по Звѣринской ул. крестьян. Бойцовъ. При обыскѣ, произведенномъ въ его квартирѣ въ домѣ N 25 по Каменноостровскому пр., у него были обнаружены въ большомъ количествѣ разнаго рода, революціоннаго и социальнаго характера, брошюры и воззванія, въ томъ числѣ: прокламація отъ областного комитета съѣд. обл. органиа. П. С.-Р., начинающаяся словами: „Товарищи солдаты“, N 2 и 3 журнала „Голосъ солдата“ изд. Военной организациі Петербургскаго комитета П. С.-Р. и N 1 журнала „Военный“, органа Сѣвернаго организаціоннаго комитета офицерскаго союза. Кромѣ того, у Бойцова былъ найденъ подрывной динамитный патронъ, состоящій изъ цыпковой трубки длиной въ 2 $\frac{1}{2}$ вершка и шириною въ $\frac{1}{4}$ вершка. По показанію полицейскаго надзирателя Васильева, 22 ноября Ходыничъ (кличка „мальчикъ“), выйдя изъ квартиры Котовой въ д. N 15 по Глазурной ул., отправился къ Калугину, у коего и пробылъ около 3 час., а затѣмъ посѣтилъ крестьянина Бойцова. 3 декабря тотъ же Ходыничъ около 5 час. пробылъ у Калугина. Допрошенный на дознаніи Бойцовъ объяснилъ, что часть найденныхъ у него революціонныхъ наданій, а такъ-же динамитный патронъ принесъ къ нему на квартиру, въ его отсутствіе, неизвѣстный ему человекъ. Съ Калугинимъ былъ знакомъ и ирѣдка бывалъ у него. Какъ видно изъ сообщенія начальн. петербург. Охраннаго Отдѣленія данными наблюденія за группой максималистовъ было установлено преступное сношеніе неизвѣстнаго человека (филерская кличка „Кротъ“) съ сыномъ воручика Калугинимъ и именуемымъ себя Ходыничомъ (онъ-же Королевъ).

5 декабря 1905 г. упомянутый неизвѣстный былъ задержанъ на улицѣ агентами Отдѣленія и назвался Гродненскимъ мѣщаниномъ Вигдаромъ Вильфовымъ Зидранскимъ, не имѣющимъ мѣстожительства. Задержанный открылъ свое имя лишь 23 июля 1907 г. и оказался Павлоградскимъ мѣщаниномъ Рысѣъ, бывшимъ студ. Кіев. Полт. Инст. При этомъ Рысѣъ объяснилъ, что 7 июля 1906 г., будучи высланъ въ административномъ порядкѣ въ с. Бея, Минусинскаго уѣзда, самовольно выѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до первыхъ чиселъ октября, когда вернулся въ Россію. Виновнымъ себя въ принадлежності къ организациі максималистовъ не призналъ. По справкѣ изъ дѣлъ кіев. губернскаго жандармскаго управленія отъ 27 августа 1907 г. бывший студентъ Рысѣъ принималъ участіе въ безпорядкахъ

прошедшихъ въ зданіи Киевскаго Политехническаго Института 30 января 1904 г. во время патристической манифестаціи. Въ ночь на 29 января 1905 г. былъ подвергнутъ обыску и аресту въ порядкѣ охраны, при чемъ по обыску у него найдены были три экз. революціонныхъ брошюръ разнаго наименованія и кусокъ бумаги съ рукописной прокламаціей. Обыскъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что, по свидѣніямъ Киев. Охран. Отдѣленія, Рысь имѣлъ сношеніе съ лицами, въ квартирѣ которыхъ происходило печатаніе и раздача прокламацій преступнаго содержанія, и при обыскѣ коихъ извѣстнымъ лицомъ было оказано вооруженное сопротивленіе. 15 октября 1905 г. Рысь вновь былъ обысканъ и арестованъ въ порядкѣ охраны. Отобранная у него переписка, свидѣтельствующая о его преступной дѣятельности, была прекращена въ силу высочайшаго указа отъ 21 октября 1905 г. 13 декабря того же года Рысь былъ арестованъ въ столовой домашнихъ обѣдовъ въ д. N 64 по Бибиковскому бульв., содержимой на средства Киев. ком. П. С.-Р. въ то время, когда въ ней собралось около 30 чел. съ цѣлью выработки плана и способовъ дѣйствій для рѣшительнаго боя съ властями. Въ числѣ другихъ участниковъ собранія Рысь былъ заключенъ въ тюрьму на 3 мѣс. въ порядкѣ охраны, а засимъ по постановленію Особаго Совѣщанія при Министрѣ В. д. былъ высланъ въ Якут. обл. подъ гласный надзоръ полиціи срокомъ на пять лѣтъ, считая съ 26 января 1906 г. Эта высылка, по распоряженію М. В. д., была замѣнена высылкой въ Енисейск. губ. на тѣхъ же основаніяхъ. Будучи водворенъ 30 іюня 1906 г. въ с. Бейскомъ, Рысь 12 іюля того же года бѣжалъ изъ мѣста высылки.

1-го декабря на Финляндскомъ вокзалѣ былъ задержанъ мѣщанинъ Іудинъ (кличка по наблюденію „Гусь“), прибывшій 29 ноября изъ Финл. мѣстѣ съ Клебановой (кличка „Пирожная“). При задержаніи Іудинъ назвался крестьяниномъ Калининымъ, причемъ у него были обнаружены паспортъ на имя послѣдняго и револьверъ браунинга, заряженный 5 патронами. Допрошенный на дознаніи, Іудинъ далъ слѣдующее показаніе. Въ серединѣ августа 1906 г., проживая временно у своей сестры въ квартирѣ 4 д. N 10 по Провальтской ул., онъ по просьбѣ одного своего знакомаго согласился представить квартиру сестры, проживавшей тогда на дачѣ, для свиданія и явокъ революціоннаго характера. Такихъ свиданій на этой квартирѣ было всего около десяти и въ числѣ приходившихъ лицъ были Соколовъ, Виноградовъ и Климова. По возвращеніи съ дачи сестры онъ, Іудинъ, нанялъ комнату въ д. N 74 по Невскому пр., гдѣ указанныя выше свиданія продолжались. Въ концѣ октября, узнавъ объ обыскѣ въ квартирѣ его сестры, переѣхалъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ въ числѣ другихъ лицъ, его навѣщала Климова. Къ этому Іудинъ добавилъ, что не принадлежа фактически къ группѣ максималистовъ, а лишь къ П. С.-Р., онъ исполнялъ, однако, различныя порученія этой группы. Такъ, ему было поручено нѣсколько разъ провезти въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ Финляндіи пистолеты браунинга, причемъ каждый разъ онъ привозилъ штукъ по семи съ двумя заряженными обоймами каждый. Кроме сего имѣлъ порученія по отвозу разныхъ писемъ. Съ октября 1906 г. былъ знакомъ съ дѣвницей, по имени Агвеса, и такъ у нея нѣсколько разъ, но Сухинову и Бродскую не знаетъ, а также никогда не ѣздилъ въ Москву, по революціонному дѣлу. Съ Клебановой познакомился въ Гельсингфорсѣ и 29 ноября утромъ, дѣйствительно, пріѣхавъ съ нею вмѣстѣ въ Петербургъ, послѣ чего

они вдвоем посѣтили нѣсколько квартиръ. Допрошенная на дознаніи Клебанова объяснила, что пріѣхала въ Петербургъ, числа 17-18 октября 1906 г. изъ г. Екатеринослава, останавливаясь по дорогѣ въ Харьковъ, для поступленія на какія-либо высшія курсы. До середины ноября проживала въ Петербургѣ безъ прописки у разныхъ своихъ знакомыхъ, а затѣмъ по просьбѣ одного знакомаго студента поѣхала въ Гельсингфорсъ съ запискою къ какой-то проживавшей тамъ дѣвицѣ. Проживъ нѣсколько дней въ Гельсингфорсѣ, поѣхала обратно въ Петербургъ съ неизвѣстнымъ ей молодымъ человѣкомъ. По показанію полицейскаго надзирателя Гришкина, 29 ноября утромъ съ курьерскимъ поѣздомъ прибыли въ Петербургъ Клебанова и Іудинъ. Съ вокзала они отправились вдвоемъ сначала въ д. № 16 по Казанской ул. и затѣмъ въ д. № 5 по Свѣчному пер. Сюда же вскорѣ пріѣхала и Климова („Сѣверная“). Послѣ этого Іудинъ и Клебанова поѣхали въ д. № 48 по 3 линіи Васильев. Острова, гдѣ проживала Маркова, куда за ними прибыла и Климова. Отсюда Іудинъ и Клебанова, а за ними и Климова, поѣхали въ д. № 132 по Невскому пр. Изъ этого дома Клебанова ушла одна часа черезъ три, а Іудинъ и Климова посѣтили вдвоемъ, около шести съ половиной час. вечера, мѣняльную лавку, два аптекарскихъ магазина, магазинъ резиновыхъ и дѣлій и парикмахерскую, послѣ чего зашли въ кондитерскую Филиппова, гдѣ ихъ уже ожидала Клебанова. Отсюда Климова и Клебанова отправились въ д. № 1 по Бугскому пер., гдѣ пробыли около 40 м., причѣмъ Климова вышла изъ этого дома, имѣя на головѣ волосы не блондинки, а черныя и одѣтая въ другой костюмъ. Затѣмъ онѣ отправились въ д. № 26 по Канонер кой ул., гдѣ находился уже Іудинъ, который и уѣхалъ отсюда на другой день въ 8 ч. утра. Свидѣтель, агентъ Охр. Отдѣленія, Пучковъ удостовѣрилъ, что 24 ноября Кацъ вышелъ изъ д. № 19 по 4 ротѣ вмѣстѣ съ Клебановой и, оставивъ послѣднюю, поѣхалъ въ д. № 22 по Б. Подъяческой ул., откуда черезъ часъ вышелъ съ Добковскимъ, послѣ чего оба они поѣхали на курсы Лесгафта. 24 ноября Кацъ, выйдя съ курсовъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Добковскимъ, поѣхалъ съ нимъ въ университетъ.

Допрошенные относительно обстоятельствъ, изложенныхъ въ показаніи свидѣтеля Гришкина, Іудинъ и Клебанова подтвердили въ общемъ ихъ правильность, причѣмъ на вопросъ о цѣли посѣщенія указанныхъ мѣстъ Іудинъ отвѣчать отказался, а Клебанова объяснила, что хотѣла подыскать себѣ квартиру. Изъ протокола обыска, произведеннаго 30 ноября въ квартирѣ, занимаемой въ д. № 26 по Канонерской ул. вдовою мѣщанина Юзефа Винклеръ видно, что на столѣ въ передней въ газетной бумагѣ было найдено 5 косъ, сдѣланныхъ изъ женскихъ волосъ, цвѣта сильной блондинки и одна накладка изъ такихъ же волосъ, два небольшихъ султанчика изъ перьевъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ былъ бѣлаго, а другой чернаго цвѣта и одна розовая пряжка для закалыванія волосъ. Всѣ эти вещи по объясненію Винклеръ ей не принадлежали. Изъ сообщенія начальника петерб. Охран. Отдѣленія усматривается, что Терентьева и Клебанова, съ конца ноября 1906 г., втеченіе двухъ недѣль содержались въ камерахъ при Охран. Отдѣленіи, и что Клебанова носила въ революціонной средѣ кличку „Килька“.

По сообщенію начальника того же Отдѣленія при наблюденіи за проживавшими въ Финляндіи членами группы „максималистовъ“ было установлено сношеніе съ ними молодого человѣка подъ кличкой „Бу-

лочникъ". Послѣдній, прибывъ въ Петербургъ по Финляндской ж. д., 2 ноября отправился черезъ нѣкоторое время на Николаевскій вокз., гдѣ и былъ задержанъ, причѣмъ при опросѣ назвался прапорщикомъ 155 пех. Кубанскаго полка Владиміромъ Алексѣевымъ и въ удостовѣреніе своей личности предъявилъ свидѣтельство, выданное московскою эвакуаціонною внутреннею комиссіею. Показаніями на дознаніи свидѣтелей врача Алексѣева, вдовы чиновника Алексѣевой и прапорщика въ отставку Алексѣева, кѣму было выдано означенное выше свидѣтельство, а также сообщеніемъ командира 155 пех. Кубанскаго полка вполне устанавливается, что задержанный ложно назвалъ себя Алексѣевымъ и проживалъ по чужому виду. На дознаніи именующей себя прапорщикомъ отъ какихъ бы то ни было показаній отказался. Послѣ ограбленія 14 октября въ Фонарномъ пер. въ Охр. Огдѣленіи были получены свѣдѣнія, что неизвѣстный молодой человекъ, участвовавшій въ означенномъ ограбленіи, тамъ же раненный въ животъ, пробывъ нѣкоторое время на излѣченіи у какихъ-то двухъ сестеръ милосердія, послѣ выздоровленія ухажь отъ нихъ въ Смоленскъ откуда затѣмъ, въ декабрѣ, возвратился въ Петербургъ. Принятыми мѣрами неизвѣстный этотъ былъ обнаруженъ въ Петербургѣ и 22-го декабра агентами Огдѣленія задержанъ на улицѣ, при задержаніи назвался крестьяниномъ Ивановымъ, въ столицѣ жительства не имѣющимъ, въ дѣйствительности же оказался мѣщ. Раппортомъ, высланнымъ въ административномъ порядкѣ въ августѣ 1906 г. въ Архангельскую губ. и бѣжавшимъ оттуда въ сентябрѣ того же года. Затѣмъ, въ виду поступившихъ въ Огдѣленіе свѣдѣній, что на неизвѣстнаго, наблюдавашаго по связямъ съ Раппортомъ, подъ кличкой „Говарись“, возложена обязанность убить начальника батгійскаго судостроительнаго завода инженера Вешкуроцова, по распоряженію Огдѣленія, онъ былъ 16 января арестованъ, причѣмъ оказался крестьяниномъ Садковымъ, проживавшимъ въ д. № 6/9 по Рылацкой ул. Во время обыска у Садкова на квартиру явился неизвѣстный, наблюдавшійся подъ кличкой „Веденскій“, который назвался крестьяниномъ Гродненской губ. Бланскимъ, въ дѣйствительности же оказался крестьяниномъ Ткаченко. По свѣдѣніямъ Огдѣленія оба эти лица принимали участіе въ ограбленіи въ Фонарномъ пер., причѣмъ Садковъ стоялъ съ бомбою у полицейскаго участка, а Ткаченко на мостикѣ черезъ Есагерининскій каналъ — также съ бомбою. Дѣмъ, въ которомъ проживалъ Ткаченко, часто посѣщали и оставались тамъ ночевать Раппортъ, Садковъ и наблюдававшая по связямъ съ Соколовымъ неизвѣстная подъ кличкой „Бархатная“.

Кромѣ того, по сношеніямъ „Бархатной“ и упомянутыми Раппортомъ, Садковымъ и Ткаченко были подвергнуты обыску и аресту нижеслѣдующія лица: 1) дворянинъ Василій Викторовъ Варавко, проживавшій по подложному паспорту на имя мѣщанина Пѣтра Мишневскаго; 2) сестра его Лидія Викторовна Варавко, проживавшая въ домѣ № 3 по Разночяной ул. подъ именемъ мѣщаники Клавдіи Семеновны Макъевой; 3) мѣщанинъ Александръ Васильевъ Мельниковъ а также именующе себя саратовскимъ мѣщаниномъ Николаевымъ и кіевскимъ мѣщаниномъ Кругловымъ. При свидѣтельствovanіи Раппортомъ черезъ врачей у него были найдены два рубца: одинъ въ нижней части живота, идущій въ поперечномъ направленіи, длиною въ 4 сант. линейной формы и другой подъ лѣвымъ пахомъ въ косо-поперечномъ направленіи, длиною въ три съ половиною сант. По заключенію вра-

чей рубцы эти являлись послѣдствіемъ ранъ, причисленныхъ Раппопорту какимъ-нибудь острымъ орудіемъ и были получены имъ не ранее одного и не позднѣе 2 — 3 мѣсяцевъ. Однако, по мнѣнію врачей, возможно допустить также, что рубцы эти явились слѣдствіемъ хирургическаго вмѣшательства послѣ бывшихъ на этихъ мѣстахъ нарывовъ, полученныхъ отъ контузій или ушибовъ съ нарушеніемъ цѣлости кожи, полученныхъ отъ осколковъ разрывнаго снаряда. Наконецъ, возможно допустить, что означенное хирургическое вмѣшательство потребовалось и для навлеченія вѣдровавшихся въ тѣло осколковъ снаряда. По сообщенію начальника херсонскаго губ. жандарм. управленія отъ 17 апрѣля 1907 г. Раппопортъ въ ноябрѣ 1906 г. проживалъ въ Смоленскѣ подъ фамиліей Иванова у мѣщанина Цирлина и выбылъ въ концѣ декабря. Обстоятельство это удостовѣрили также допрошенные въ качествѣ свидѣтелей Белиаминъ, Щеръ и Лейба Цирлины. По сообщенію начальника херсонскаго губ. жандарм. управ. Раппопортъ около трехъ лѣтъ проживалъ въ мѣстечкѣ Кривой Рогъ, Херсонской губ. причемъ, принадлежалъ къ п. с. р. и носилъ кличку „Давидка“. 17 іюня 1906 г. Раппопортъ вмѣстѣ съ другими лицами былъ задержанъ, на основаніи имѣвшихся вполнѣ достовѣрныхъ секретныхъ свѣдѣній, какъ принимавшій одиннадцатаго іюня участіе въ ограбленіи динамитнаго погреба рудника Копылова. Такъ какъ на произведенномъ по этому дѣлу предварительномъ слѣдствіи не было установлено достаточныхъ данныхъ для привлеченія Раппорта и другихъ въ качествѣ обвиняемыхъ, то посему о лицахъ этихъ, какъ состоявшихъ въ организаціи с. р., была возбуждена переписка въ порядкѣ правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, послѣ чего Раппопортъ, по постановленію врем. воен. губернатора въ Херсонскомъ и Дѣлпровскомъ уѣздахъ, былъ высланъ въ августѣ 1906 г. въ Архангельскую губ. и водворенъ въ Онегѣ. Допрошенный на дознаніи Раппопортъ объяснилъ, лишь, что онъ, дѣйствительно самовольно выѣхалъ въ Петербургъ изъ Арханг. губ. и что раны на животѣ нанесъ ему какой то человекъ въ Архангельскѣ, отъ всякихъ показаній затѣмъ отказался.

При обыскѣ, произведенномъ 25 янв. 1907 г. старшимъ помощникомъ пристава 2 уч. петербургской части Шильнинымъ въ квартирѣ В. Варавко, проживавшаго по подложному паспорту на имя мѣщанина Вишневаго, у него были обнаружены въ значительномъ количествѣ разнаго рода прокламаціи и революціоннаго содержанія брошюры, а также клочки бумаги съ шифрованными записями. Означенныя записи, по недостаточности матеріала, разобрать не представлялось возможнымъ. При обыскѣ 24 января того же года, произведенномъ младшимъ помощникомъ пристава 2 уч. петерб. части поручикомъ Родченко, въ квартирѣ Л. Варавко у нея были найдены также разныя револ. изданія, въ томъ числѣ брошюра максималистовъ „П. яно къ цѣли“, № 1 „Военнаго союза“, № 10 газеты „Казарма“. Свидѣтельскими показаніями крестьянина Степана Михайлова Кривцова и мѣщанки Ольги Прохоровой устанавливается, что В. и Л. Варавко проживали въ Онегѣ въ одной квартирѣ съ Раппопортомъ и всѣ трое одновременно скрывались изъ мѣста своего водворенія въ концѣ сентября 1906 г. Допрошенные на дознаніи В. и Л. Варавко показали: первый, что въ Онегѣ, дѣйствительно, былъ знакомъ съ Раппопортомъ и вторая, что будучи осенью 1906 г. выслана изъ города Николаева въ административномъ порядкѣ въ Онегу, самовольно уѣхала

отсюда и поселились въ Петербургѣ. Отъ всякихъ другихъ показаній В. и Л. Варавко отказались.

24 янв. 1907 г. старшимъ помощникомъ пристава 2 уч. петербургской части Шилинымъ былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ именующаго себя мѣщаниномъ Кругловымъ, при чемъ у него былъ найденъ подложный паспортъ на имя означеннаго Круглова, а также обнаружены въ очень большомъ количествѣ разнаго рода прокламаціи и брошюры революціоннаго и социальнаго содержанія. Кроме того, у Круглова было найдено 61 экз. газеты „Простыя рѣчи“, 276 №№ газа „Впередь“, по нѣсколько экземпляровъ газетъ „Вопросы дня“, „Терни Труда“, „Наша доля“, „Наше дѣло“, „Пролетаріа“ и др., экземпляръ брошюры, озаглавленной: „Схема организаціи боевого рабочаго союза“, записная книжка съ разными шифрованными замѣтками, отдѣльные листки бумаги съ разными шифрованными записями и рукописи, обращенная къ с.-р. и трудовикамъ отъ имени рабочихъ с.-д. выборгскаго района, принадлежащихъ къ большевикамъ. На дозваніи именующей себя Кругловымъ отъ всякихъ показаній отказался, а равно отказался дать какія либо свѣдѣнія о своей личности.

При обыскѣ, произведенномъ 16 января 1907 г. въ квар. Садкова, у него были найдены: 3-хъ линейная винтовка образца 1902 г. съ штыкомъ, въ чемоданѣ: 4 цѣльныхъ пачки по 15 боевыхъ патроновъ въ каждой, 4 отдѣльныхъ пачки съ таковыми же патронами по 5 шт. въ каждой, три патрона въ обоймѣ, 5 штукъ патроновъ отъ револьвера „браунинга“, въ ящикѣ письменнаго стола кусокъ пироксилиновой шашки. Кроме сего, у Садкова было обнаружено 70 тенденціозныхъ и революціонныхъ брошюръ, прокламацій, четверть листа бумаги, на коемъ, подъ заглавіемъ „книга максималистовъ“, перечислены сочиненія, наданныя этой группой.

По заключенію эксперта по сличенію почерковъ, указанные выше рукописи и замѣтки писаны рукой Садкова. Изъ акта изслѣдованія въ химической лабораторіи Михайловской Артилерійской Академіи обнаруженной у Садкова пироксилиновой шашки и мѣнія эксперта видно, что если въ отверстіе такой шашки вставить взрывной капсюль съ присоединеніемъ къ нему концомъ бикфордова шнура, то шашка можетъ служить, какъ взрывчатый метательный снарядъ. По показанію свидѣтельницы Финляндской уроженки Семеновой, въ квартирѣ коей проживалъ въ качествѣ жильца Садковъ, послѣдьяго черезъ дверь навѣщала Ткаченко. Выходя на улицу, Садковъ всегда старался скрыть свое лицо и, чтобы не быть узнаннымъ, поднималъ на улицѣ воротникъ своего пальто. Обстоятельство это, по словамъ Семеновой, удостовѣрилъ такъ же и дворникъ крестьянинъ Волковъ.

17 января былъ задержанъ Ткаченко, проживавшій по подложному паспорту на имя Вѣланскаго, въ то время, когда онъ явился на квартиру Садкова. Ткаченко проживалъ въ д. № 19 по Введенской ул. и по показанію его квартирной хозяйки крестьянки Александры Моисеевой Николаевой, его часто навѣщала Садковъ, а такъ же бывали Раппопортъ и Николаевъ, назвавшій себя Сергѣемъ Петровичемъ. Свидѣтель, агентъ Охраннаго Отдѣленія, крестьянинъ Афанасій Кирилловъ Андрияшовъ показалъ, что 17 декабря 1906 г. Николаевъ посѣтилъ домъ № 4/6 по Ропшинской ул., вышелъ оттуда съ Раппопортомъ, послѣ чего оба они посѣтили д. № 15 по Колпинской ул., гдѣ жилъ Варавко и домъ № 3 по Малой Разночинной ул., гдѣ проживала

Л. Варавко. 18 декабря тот-же Николаевъ встрѣтился съ Раппопртомъ на улицѣ и оба они пошли въ д. № 19 по Введенской ул., гдѣ жилъ Садковъ, послѣ чего отправились въ д. № 4/6 по Ропшинской ул. 4 января Николаевъ, выйдя отъ Садкова, отправился къ Л. Варавко, у которой и пробылъ болѣе часа. По показанію агента крестьянина Василя Тимофѣева Томилина, 15 января Садковъ нѣсколько разъ посѣтилъ Ткаченко, причѣмъ выходя отъ него въ послѣдній разъ, имѣлъ при себѣ небольшой кожаный чемоданъ. Свидѣтельскимъ показаніемъ агента Некрасова удостовѣряется, что Садковъ часто посѣщалъ Ткаченко и что 19 декабря Раппопортъ вышелъ изъ д. № 24 по Гулярной ул. вмѣстѣ съ Николаевымъ и Ткаченко. Всѣ они втроемъ отправились въ Александровскій рынокъ, гдѣ Раппопортъ купилъ себѣ пальто и шапку, послѣ чего поѣхали въ квартиру Ткаченко, изъ которой Раппопортъ и Николаевъ уѣхали потомъ на извозчикѣ. Допрошенный на дознаніи, Ткаченко объяснилъ, что Раппопорта, Василя и Лидію Варавко, Круглова, Мельникова и Николаева не знаетъ и что во время ограбленія въ Фонарномъ переулкѣ жилъ въ г. Симферополѣ. Равнымъ образомъ не знаетъ Марковой и почему въ бумагахъ послѣдней оказалась выборка изъ паспорта Бѣланскаго объяснить не можетъ. Свое настоящее имя Ткаченко открылъ лишь 1-го мая 1907 г.

24 января были задержаны проживавшій по подложному паспорту на имя мѣщ. Григорія Николаева и Ставропольскій мѣщ. Мельниковъ, жившіе вмѣстѣ въ меблированныхъ комнатахъ въ домѣ № 104 по Екатеринбургскому каналу. При обыскѣ въ занимаемой ими комнатѣ было обнаружено: у Николаева — двѣ печатныя брошюры подъ заглавіемъ „Сущность максимализма“, на листѣ почтовой бумаги выписка всѣхъ свѣдѣній изъ паспортной книжки инженера технолога Лаврова и адресъ Миляева, а у Мельникова нѣсколько брошюръ революціоннаго содержанія. Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, именующій себя Николаевымъ объяснилъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ лишь въ концѣ декабря 1906 г. для поступленія на курсы Лесгафта, гдѣ и познакомился съ Мельниковымъ; Раппопорта, Садкова, Круглова и Варавко не знаетъ. Отъ дальнѣйшихъ показаній, а равно дать свѣдѣнія о своей личности именующій себя Николаевымъ отказался. Изъ протокола осмотра черезъ врача именующаго себя Николаевымъ, устанавливается, что у него имѣются слѣды обряда обрѣзанія, совершеннаго въ дѣтствѣ. Обвиняемый Мельниковъ на дознаніи показалъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ для окончанія своего образованія и съ этою цѣлью поступилъ на курсы Лесгафта. Съ Николаевымъ жилъ вмѣстѣ только изъ экономическихъ расчетовъ. По сообщенію начальника самарскаго губернскаго жандарм. управленія, Мельниковъ, проживая въ г. Ставрополѣ, открыто говорилъ жителямъ, что нужно положить всѣ силы на то, чтобы въ Россіи не было Государя, а была бы республика, необходимо отмѣнить разные сборы и уменьшитъ жалованье высокопоставленнымъ лицамъ. Изъ протокола осмотра 12 писемъ, писанныхъ Мельниковымъ во время содержанія въ Домѣ Пред. Зак. и отобранныхъ по обыску, проваденному 28 апрѣля 1907 г. у Ирины Коховской и Татьяны Сафовой видно, что въ этихъ письмахъ встрѣчаются слѣдующія мѣста: „Я былъ поставленъ проклятымъ самодержавіемъ точно въ такое же положеніе... и далѣе: „держатъ меня не по дѣлу максималистовъ а просто какъ революціонера, какъ плѣнника изъ враждебнаго лагеря ...“

При производствѣ предварительнаго слѣдствія по дѣлу о оруженномъ ограбленіи 14 октября 1906 г. на Фонарномъ переулкѣ казенныхъ денегъ у помощника казначея С-Петербургской таможи выяснилось, между прочимъ, что въ числѣ злоумышленниковъ; совершившихъ это преступленіе, была какая-то женщина, которая послѣ похищенія участниками нападенія трехъ кожаныхъ сумокъ съ деньгами, подъѣхала на извозчикѣ къ Фонарному переулку со стороны Казанской улицы, приняла отъ участниковъ двѣ сумки съ деньгами и увезла ихъ. При разслѣдованіи этого обстоятельства были получены указанія, что 11 октября по Петрозаводской улицѣ, въ д. № 12 въ квар. крестьянки Дрихиной сняла одну комнату неизвѣстная женщина, предъявившая въ удостовѣреніе своей личности паспортъ на имя дочери врача Богоявленской. Свидѣтельскими показаніями означенной Дрихиной и проживавшаго въ квартирѣ прапорщика запаса Бориса Николаева Зарубина удостовѣряется, что Богоявленская поселилась въ квартирѣ 12 октября, причемъ наканунѣ вечеромъ она привезла небольшую корзину съ вещами, а 12 октября большую, деревянную круглую кордонку для шляпъ. При этомъ Богоявленская объяснила Дрихиной, что остальные вещи ея сданы на храненіе на Варшавскомъ вокзалѣ и что багажная квитанція утеряна. 13 октября, въ 10 час. вечера, къ Богоявленской приходилъ какой-то молодой человекъ, задержанный на другой день въ Фонарномъ пер. и назвавшійся „Товарищемъ Сергѣемъ“. 14 октября Богоявленская, около 10 час. утра, ушла изъ дому, заявивъ Дрихиной, что поѣдетъ на Варшавскій вокзалъ за своими вещами, причемъ предупредила, что въ ея отсутствіе могутъ придти лица, которыхъ слѣдуетъ попросить дожидаться ея возвращенія и что она вернется къ 12 час. дня. Вскорѣ по уходѣ Богоявленской къ ней одинъ за другимъ явились два молодыхъ человека и двѣ барышни, причемъ одна изъ послѣднихъ, узнавъ, что Богоявленской нѣтъ дома, тотчасъ-же ушла, а остальные стали дожидаться. Богоявленская, вернувшись домой въ 12 съ половин. час. дня, сказала Дрихиной, что привезла свои вещи, но отклонила предложеніе Дрихиной помочь ей внести вещи. Зайдя въ свою комнату, Богоявленская вынесла оттуда деревянную кордонку съ однимъ изъ молодыхъ людей, ожидавшихъ ея возвращенія, и оказавшимся впоследствии Лихтенштадтомъ, послѣ чего направилась къ стоявшей у подъѣзда пролеткѣ. Свидѣтельница Дрихина, находясь на лѣстницѣ противъ парадной двери, видѣла какъ Лихтенштадтъ, стоя у пролетки, что-то перекладывалъ въ деревянную кордонку и затѣмъ внесъ эту кордонку, чѣмъ-то сильно наполненную, въ комнату Богоявленской, причемъ Лихтенштадтъ, неся кордонку, отъ ея тяжести долженъ былъ согнуться. Спустя нѣкоторое время Лихтенштадтъ, вмѣстѣ съ барышней, вышелъ изъ комнаты и черезъ черный ходъ направился на Зеленину ул., причемъ поддерживалъ рукою что-то бывшее у него подъ пальто, а черезъ нѣкоторое время ушелъ и другой молодой человекъ. По уходѣ гостей, Богоявленская сильно волновалась и нервничала, а на другой день вечеромъ скрылась изъ квартиры, оставивъ свои вещи у Дрихиной. При осмотрѣ оставленныхъ Богоявленской вещей оказалось, что въ числѣ ихъ были двѣ баночки отъ лекарства, изготовленныхъ въ Гродненской аптекѣ Адамовича, арендуемой Степневскимъ. Дальнѣйшимъ дознаніемъ было установлено, что лекарства эти были изготовлены для дочери проживавшаго въ Гроднѣ мѣщ. Гаврііля Кагана — Адели Каганъ. Путемъ производства обыска у

Кагана были добыты карточка его дочери Адели и нѣсколько штук бѣлья съ мѣтками „О. К.“ принадлежащими мамкѣ Адели Каганъ и жень Гавріеля Кагана — Отли. При сличеніи бѣлья Отли Каганъ съ бѣльемъ, оставшимся въ квартирѣ Дрихиной послѣ женщины, жившей у нея подъ фамиліей Богоявленской оказалось, что въ вещахъ послѣдней имѣлось полетанце съ совершенно тождественной мѣткой двухъ наволочекъ, ваятыхъ отъ Отли Каганъ. По предъявленіи карточки А. Каганъ упомянутымъ выше Дрихиной и Зарубину оба они безусловно признали жившую у нихъ женщину по виду дочери врача Богоявленской, а прислуга Г. Кагана крестьянка Рогачевская признала, что вещи, оставленныя у Дрихиной, принадлежать А. Каганъ. По предъявленіи на дознаніи Дрихиной обвиняемаго Кишкеля она безусловно признала въ немъ того молодого человѣка, который 14 окт. вмѣстѣ съ Лихтенштадтомъ ожидалъ возвращенія А. Каганъ, а въ обвиняемой княжѣ Мышецкой признала большое сходство съ той женщиной, которая также находилась тогда въ квартирѣ и ушла съ Лихтенштадтомъ.

По показанію дворника д. № 23 по Б.-Монетной ул. крестьянина Мохова въ д. его хозяина съ начала октября по 14 1906 г. проживалъ крестьянинъ Гродненской губ. Федоръ Матвѣевъ Дорожко, который лишь 12 октября получилъ полицейское свидѣтельство на право ѣзды по Петербургу въ качествѣ легкового извозчика, для чего онъ постепенно заводилъ всѣ извозничьи принадлежности, начиная съ пролетки, лошади, армяка и другихъ вещей, причемъ лошадь у Дорожко была видимо дорагая и совсѣмъ не походила на обыкновенныхъ извозничьихъ лошадей. 14 октября Дорожко возвратился изъ ѣзды по городу лишь въ третьемъ часу дня на потной лошади, которую вскорѣ затѣмъ, подъ предлогомъ ковки, увелъ со двора и болѣе въ квартиру не являлся, оставивъ въ ней всѣ свои вещи и даже извозничью, совсѣмъ новую, пролетку. Допрошенная въ качествѣ свидѣтельницы прислуга Каганъ упомянутая Рогачевская удостовѣрила, что Адель Каганъ, проживая въ теченіе лѣта у своего отца, часто отлучалась изъ дома на нѣсколько дней и потомъ опять возвращалась. Изъ Гродно Каганъ выѣхала въ послѣдній разъ въ первый числахъ октября вмѣстѣ съ Кишкелемъ и Рабиновичемъ. По словамъ Рогачевской, Кишкель часто ночевалъ въ д. Каганъ и провелъ здѣсь же ночь наканунѣ отъѣзда Каганъ. Въ числѣ провожавшихъ Каганъ и ея спутниковъ былъ Дорожко, который въ семьѣ Кагановъ назывался Федоромъ. Недѣли три четыре спустя послѣ отъѣзда Каганъ Дорожко вернулся, по его словамъ, изъ Петербурга и сообщилъ отцу Каганъ, что „Ицко попался и казненъ, а Адель съ Александромъ скрылись въ какомъ-то имѣніи“. 16 октября днемъ вернулась къ отцу Каганъ, причемъ пріѣхала она безъ всякихъ вещей, а на другой день рано утромъ вновь куда то уѣхала. По предъявленіи Рогачевской фотографическихъ карточекъ именуемыхъ себя Перниковымъ и Кругловымъ, Закгейма, Раппопорта и Када она признала въ нихъ тѣхъ лицъ, которые бывали на собраніяхъ еврейской молодежи въ домѣ Каганъ и были, повидимому, пріѣзжими, такъ какъ пріѣзжали на коткое время.

По показанію содержащагося въ гродненской губернской тюрьмѣ Шляхтера онъ состоялъ въ 1905 г. въ боевой дружинѣ с.-р. въ г. Бѣлостокъ и по рѣшенію этой партіи бросилъ 24 августа разрывной снарядъ въ пристава Самсонова. Одновременно съ нимъ, Шляхтеромъ, въ боевой организаціи состояли Закгеймъ и Каць, а также Дора Фар-

бортъ, по мужу Казакъ. По приговору партіи с.-р. Закгеймъ 6 июля 1905 г. бросилъ бомбу въ Вѣлостокскаго полиціямъ. Пеленкина, причемъ онъ, Шляхтеръ, былъ патрульнымъ, вмѣстѣ съ Абрамомъ Померанцемъ и Кацемъ ходили по улицѣ. Во время исполненія приговора надъ Самсоновымъ Закгеймъ выбралъ мѣсто, гдѣ надлежало бросить бомбу и былъ вообще главнымъ организаторомъ этого покушенія. Въ организаціи этого преступленія участвовалъ и Каць. Содержась уже въ Гроднен. тюрьмѣ, онъ, Шляхтеръ, отъ нѣкоего Ицки Гринберга, осужденнаго въ каторжныя работы за стрѣльбу 4 марта 1905 г. въ помощника полиціямъ. Полковскаго, узналъ, что тотъ-же Гринбергъ и Закгеймъ стрѣляли 17 февраля въ Вѣлостокъ въ околочнаго надзирателя Ходаровскаго и, что во время покушенія на убійство Полковскаго Каць былъ патрульнымъ. Изъ сообщеній начальника вѣлостокскаго Охраннаго Отдѣленія, а также начальника гроднен. губерндандармскаго управленія видно, что Мошса Закгеймъ и Каць состояли членами боевой организаціи п. с.-р., а Дора Фарберъ (Казакъ) въ главномъ вѣлостокскомъ комитетѣ той же партіи и были привлечены къ дознанію по дѣлу о покушеніи 24 августа 1906 г. на убійство пристава 4 уч. вѣлостока Самсонова посредствомъ разрывнаго снаряда. Дознаніе это было впоследствии прекращено по постановленію виленской судебной палаты. После убійства въ Вѣлостокъ коменданта станціи полковника Шреттера въ вѣлостокское Охранное Отдѣленіе поступили свѣдѣнія, что покушеніе на убійство помощи пристава петербургской полиціи Шереметова, который ранѣе былъ приставомъ въ г. вѣлостокъ, было совершено Дорожкой и Кипшкелемъ.

Какъ полковника Шреттера, такъ и Шереметова еврейское населеніе обвиняло въ устройствѣ еврейскаго погрома въ Вѣлостокъ. По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ Дорожка и Каганъ скрылись, Закгеймъ и Кипшкель, какъ было уже сказано, задержаны въ ноябрѣ 1906 г. въ Одессѣ, первый съ Фарберъ и второй съ Терентьевой.

Допрошенный на дознаніи, Закгеймъ отъ всякихъ показаній отказался и личность его была установлена лишь въ іюлѣ 1907 г. Спрошенный также въ качествѣ обвиняемаго, Кипшкель, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ Б. О. максималистовъ объяснилъ, что вступилъ членомъ въ апрѣлѣ 1906 г., въ бытность свою въ вѣлостокъ. Вступая въ эту организацію, онъ отдавалъ себя въ ея распоряженіе, такъ что она имѣла право поручить ему исполненіе какого либо террористическаго акта, но только такого, коему онъ самъ сочувствовалъ. Изъ числа обвиняемыхъ онъ, Кипшкель, зналъ Закгейма (Зеликмана), Климову, Терентьеву и Соколова. Изъ вѣлостока выѣхалъ въ Одессу по порученію Б. О. Относительно знакомства своего съ Марковой Кипшкель объясненій дать не пожелалъ, а по предъявленіи ему фотографическихъ карточекъ Дорожки и Каганъ призналъ свое знакомство съ ними, но затѣмъ отъ этого показанія отказался, заявивъ, что въ квартирѣ Каганъ въ Петербургѣ не былъ и участія въ дележѣ ограбленныхъ денегъ не принималъ. Свидѣтельскими показаніями крестьянъ Мосякина и Харламова удостовѣряется, что Кипшкель во время проживанія своего въ Петербургѣ занимался мелкою уличною торговлею, причемъ становился со своимъ лоткомъ на Шпалерной улицѣ, около зданія государственной думы.

Въ маѣ 1907 г. агентура московскаго Охраннаго Отдѣленія отмѣтила появленіе въ Москвѣ прѣѣзжихъ изъ-за границы максималистовъ, скрывшихся за границу изъ Петербурга отъ многочисленныхъ аре-

ство членовъ этой партіи. Эти лица не преминули войти въ сношеніе съ нѣкоторыми мѣстными максималистами и образовали новую группу, характернымъ отличіемъ крей было обиліе въ ней интеллигентныхъ силъ и почти полное отсутствіе въ ея составѣ рабочихъ. Въ составѣ этой группы вошли, между прочимъ, и скрывшіяся изъ Петербурга бывшій студентъ С-Петербургскаго университета Пумпянскій, носившій революціонную кличку „Петръ Ивановичъ“ и проходившій по наблюденію подъ кличкой „Крашенный“, княжна Ксенія Мышецкая (по наблюденію кличка „Вобла“), проживавшая по паспорту на имя дворянки Ольги Алексинной и дочь губ. секр. Емельянова, носившая революціонную кличку „Леша“, по наблюденію „Крылатка“, проживавшая по паспорту Курташевой.

Новообразовавшаяся группа, пренебрегая органической работой, считывала добиться государственнаго переворота путемъ совершенія террористическихъ актовъ величайшей важности. Непосредственной же ближайшей своей задачей группа поставила приобрѣтеніе денегъ, съ каковой цѣлью занялась настойчиво подготовкою вооруженнаго грабежа на крупную сумму. Для осуществленія послѣдней задачи группа приобрѣла оружіе, разрывные снаряды, пролетку и лошадь, каковыя предметы и были найдены у отдѣльныхъ лицъ группы при арестахъ и обыскахъ, произведенныхъ Охраннымъ Отдѣленіемъ 21 іюня 1907 г., причѣмъ при задержаніи нѣкоторыхъ лицъ изъ состава группы было оказано чинамъ полиціи вооруженное сопротивленіе. Нѣсколько ранѣе, а именно 12 іюня, былъ арестованъ на улицѣ вышеупомянутый Пумпянскій, въ виду имѣвшагося основательнаго опасенія, что онъ можетъ скрыться изъ наблюденія причѣмъ онъ назвался студентомъ Некрасовымъ. При личномъ обыскѣ Пумпянскаго у него были найдены 100 руб. 30 коп. и двѣ записныя книжки съ различными замѣтками и записями. Какъ видно изъ протокола осмотра одной изъ отобранныхъ у Пумпянскаго записной книжки въ ней встрѣчаются, между прочимъ, слѣдующія записи, сдѣланныя крайне не разборчиво: „...1907 г. Т. В ...дать мнѣ...другого 1330 рублей. Дано 1330 р..900 р. М..430 р. Б..дано за.36 р. 50.. Б... 300, у Никиты ас..100“ причѣмъ, карандашѣмъ сбоку написано: „отдѣлъ“ У Ив.. Петр.,... 275 р. Ив. Петр.. 2000, Старика — 3000 р. Ем.. 150 р... В. Н. — 50 р.... Въ дальнѣйшемъ встрѣчается около 25 записей выдачь денегъ разнымъ лицамъ, отмѣченными конспиративными кличками, въ суммѣ отъ 10 до 260 руб. По заключенію эксперта по сличенію почерковъ всѣ эти записи сдѣланы рукою Пумпянскаго. По сообщенію Депар. полиціи въ указанной выше записной книжкѣ Пумпянскаго записанъ приходъ и расходъ партійныхъ денегъ максималистовъ, полученныхъ Пумпянскимъ отъ реализаціи нѣкоторыхъ векселей, подъ которые отданы были максималистами деньги, ограбленныя въ Фонарномъ переулкѣ... Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, Пумпянскій, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ союзу с.-р. максималистовъ, объяснилъ лишь, что непосредственнаго участія въ экспроприаціи 14 октября не принималъ, такъ какъ лежалъ въ то время боленъ. Отъ дальнѣйшихъ показаній по существу дѣла и въ частности на вопросы о знакомствѣ съ Виноградовымъ, Климовой, Терентьевой, Рыссомъ, Сафоновымъ, Мышецкой и Емельяновой, а также на вопросы о томъ, носилъ-ли онъ въ революціонной средѣ кличку „Иванъ Петровичъ“ и о значеніи записей въ книжкѣ, Пумпянскій отказался.

По показанію начальника московскаго Охраннаго Отдѣленія под-

полковника Фонъ-Котена, Емельянова, прибывъ въ Москву 27 мая 1907 г. изъ Петербурга, тотчасъ же отправилась по городскому адресу Мышецкой, а затѣмъ поѣхала въ Сокольники, на Ермаковскую ул., гдѣ въ д Московскаго кредитнаго общества поселилась на дачѣ Мышецкая. Дальнѣйшимъ наблюдениемъ за Мышецкой и Емельяновой было установлено постоянное сношеніе ихъ между собою, а также съ мѣщаниномъ Капланомъ, въ послѣдствіи задержаннымъ и носившимъ революціонную кличку „Петръ Максимовичъ“. Въ частности было установлено, что утромъ 31 мая Емельянова посетила домъ Гиришъ по Гагаринскому пер., гдѣ въ квартирѣ № 1 проживалъ сынъ врача Кравицкій. Утромъ 4 июня прибылъ изъ Петербурга Пумпянскій, который съ вокзала отправился на городскую квартиру Мышецкой, гдѣ пробылъ около 1 часа.“

Какъ видно изъ показаній пристава 4 уч. Мѣщанс. части Велька, помощника его Зырянова, а также составленнаго послѣднимъ протокола при обыскѣ, произведенномъ въ ночь на упомянутое число въ комнатѣ, занимаемой Мышецкой (подъ фамиліей Алехиной), въ домѣ городского кредитнаго общества, въ Сокольникахъ, у нея была обнаружена спящей Емельянова, назвавшаяся Курташевой, а такъ-же были найдены нижеслѣдующіе предметы: укороченнаго образца заряженный револьверъ системы „браунинга“, съ запасной обоймой и двумя коробками патроновъ къ нему, патроны къ револьверу системы „Веллодокъ“, 4 безсрочныя паспортныя книжки на имя Алехиной, Культашевой, Сафоновой и Дмитріева, бумажникъ, въ коемъ оказался кредитный билетъ 500 рублеваго достоинства, записка съ вымѣтками свидѣній, необходимыхъ для подложныхъ паспортовъ, ношенный мужской костюмъ, мужская дорожная шапка, три записныхъ книжки, причѣмъ въ двухъ изъ нихъ имѣются шифрованные записи, а въ третьей имѣются, между прочимъ, такія расходныя записи: „.....въ дорогѣ извозчикъ въ М. І. въ Берлинѣ, автомобиль 10 или 5 м.; гостинница 58 м. въ Парижѣ извозчикъ съ вокзала 3 фр., автомобиль 11 фр. 6 фр. 86 с. П. И. — 100 фр. путеводитель 4 фр. 50 с.“

Независимо отъ сего, при томъ же обыскѣ у Мышецкой была обнаружена обширная переписка и въ частности нѣсколько писемъ отъ Климовой и Терентьевой. По показанію квартирной хозяйки Мышецкой вдовы кол. регистр. Пелагеи Федоровой Наумовой, Мышецкая, снимая у послѣдней комнату, сильно нуждалась въ деньгахъ, занимала ихъ по мелочамъ у Наумовой и всего задолжала ей за столъ и квартиру 95 руб. Въ первое время Мышецкая стѣснялась занимать деньги у Наумовой, по словамъ послѣдней, буквально голодала по нѣсколько дней. Передъ своимъ арестомъ Мышецкая по почтѣ денегъ не получала, почему свидѣтельница была удивлена, когда у Мышецкой при обыскѣ было найдено 500 рубл. Къ этому Пелагея Наумова добавила, что Мышецкую часто посѣщала Емельянова, которую та называла „Лешей“. Послѣднее обстоятельство удостовѣрили также проживавшіе въ квартирѣ Наумовой казачка Татьяна Антонова Наумова и сынъ послѣдней Валеріанъ Наумовъ, причѣмъ, по словамъ послѣднихъ, Мышецкая надѣвала иногда на дачѣ мужской костюмъ. О томъ, что Мышецкая нуждалась въ деньгахъ, показала также и прислуга Наумовой крестьянка Калинина.

Содержаніемъ указанныхъ выше писемъ, отобранныхъ при обыскѣ у Емельяновой и Мышецкой, авторомъ конхъ, по заключенію эксперта по сличенію почерковъ, является Климова и Терентьева, съ несомнѣн-

постью устанавливается, что упоминаемые в письмах клички: „Грибуль“ или „Грибуля“ относятся къ Мышецкой, а клички: „Жуть“ и „Утка“ — къ Емеляновой. Такъ, въ одномъ изъ писемъ, Климова, повѣствуя о своемъ настроеніи послѣ ареста до суда, обращаясь къ „Лешѣ“, даетъ отчетъ о томъ, какія и почему она давала показанія о тѣхъ или другихъ лицахъ (о Соколовѣ, горничной Ленѣ, Адамовой и А. М. Марковой), говорить, что Надя (т. е. Терентьева) давала показанія относительно Лины, Вася и Грибули“. Далѣе въ этомъ же письмѣ говорится: „Вы спрашиваете, отчего произошелъ нашъ грандіозный провалъ: только благодаря елѣжкѣ и всѣ толки е провозаки — сущая чепуха. Слѣжка началась за нами съ конца мая и начала іюня и ваша квартира, гдѣ вы жили у Котельниковой, была имъ очень хорошо известна; шпиковъ, по всей вѣроятности, привезъ Вас. Д. (повидимому, Виноградовъ) изъ Москвы, по крайней мѣрѣ, а такъ поняла изъ всего. А, можетъ быть, и мы всѣ, такъ какъ оказывается, они знали всѣхъ насъ, когда мы еще мирно процвѣтали въ обществѣ. Они не упустили насъ изъ виду ни на одну минуту и не арестовали насъ до 12 августа только потому, что не имѣли нужныхъ основаній, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, хотѣли выслѣдить всю организацію. Послѣ 12 августа они не арестовали потому, что не сумѣли прослѣдить самый актъ, а такъ какъ мы не объявили, что актъ совершенъ максималистами, то они не были увѣрены, что совершили мы. Конечно, это не удержало бы ихъ отъ ареста, но здѣсь произошла перетасовка квартиръ, на время передупавшая шпиковъ: затѣмъ мы уѣхали въ Финляндію. Послѣ экса, какъ известно, была выпущена прокламація, разсѣявшая ихъ сомнѣніе и заставившая ихъ по прибытіи „Медвѣдя“ въ Питеръ, значеніе котораго они, вѣроятно, оцѣнивали, начать грандіозные аресты“... И далѣе: „Вы и Грибуля имъ оказываются страшно хорошо известны и по Москвѣ, и по Тулѣ. Грибули родословную знаютъ лучше насъ и сказали, что не арестовываютъ ее потому, что считаютъ психопаткой. Теперь васъ обѣихъ страшно ищутъ и Ксен. (?) карточка (очень хороша) — вмѣстѣ на веревкѣ, гдѣ висятъ всѣ максималист. карточки. Я бы вамъ совѣтовала обѣимъ переокрасить волосы“.

Въ томъ же письмѣ, говоря о положеніи организаціи въ моментъ написанія письма и находя это положеніе крайне неудовлетворительнымъ, Климова обращаетъ вниманіе на „Мортимера“ (т. е. Соломона Рысса), какъ на единственнаго человѣка, могущаго поднять организацію на должную высоту. Въ другомъ письмѣ, написанномъ, по заключенію эксперта, Терентьевой и начинающемся словами: „Дорогая, милая Грибуля и Жуть“. Терентьева, также оправдываясь въ томъ, что давала показанія, пишетъ: „мы о чемъ не могу ни писать, ни думать, какъ о показаніяхъ. Всѣмъ лично мнѣ хочется сказать о нихъ. Я не знаю, что они слышали, къ счастью ли своему или несчастью, мы съ Килькой (т. е. съ Колей Клебановой) прочли два письма Доры, гдѣ выяснилось, что публика очень интересуется этими показаніями. Странная эта Дора!... Почему у насъ съ Нат. одинаковая тактика, такъ это отъ того, что мы сидѣли съ ней рядомъ въ Охранномъ и проковыряли дырочку, сговорились. Потомъ насъ рассадили и посадили ко мнѣ Кильку, за Килькой Лукича. Вотъ, я Килькѣ все рассказала про себя. Ее увезли въ участокъ, потомъ въ Предварилку, гдѣ она встрѣтила Дору и сказала, что слышала обо мнѣ. Но ничего не преувеличила; не думала, что она искажила факты. Вотъ, тутъ

Дора стала всё говорить и написала мужу, а отъ нея пошло уже безудержу, такъ что Мот. (Мортимеръ — Рысь) пишетъ мнѣ, что ходить слухи, что мы не хорошо держали себя... Я не думала скрывать своей тактики, но я вижу, что исказили многое и ещё такъ, по моему. Если я сдѣлала промахъ, то не въ интересахъ нашей организаціи разглашать старикамъ, какъ дѣлаетъ Дора. Ещё я давала показанія о васъ обѣихъ и Фроловѣ, о Линѣ. Конечно, и говорить не буду, что старалась выпутать двухъ послѣднихъ, а съ вами вотъ что. Нашли у Н. мои письма къ вамъ изъ Одессы, нѣсколько — съ моимъ домашнимъ адресомъ. Въ этихъ письмахъ я прошу васъ сообщить домой, если меня откроютъ, и въ организацію. Я сказала: въ виду того (это было уже послѣ суда, а раньше они говорили мнѣ, что я жила вмѣстѣ съ Жутью), что они не принадлежать къ организаціи и люди честные, я просила отправить ихъ письма Нат. Знакомство Жутя съ ней тоже было обнаружено. Вотъ и все. Конечно, я имѣла въ виду не объяснять суть дѣла, а детализировать наши отношенія съ вами, но теперь, переговоривши съ Дорой, я согласна съ ней вотъ въ чемъ. Да это вы и безъ меня знаете. Фактомъ самаго показанія я подтвердила свое знакомство съ вами. Это никакъ не могло мнѣ, глупой, придти въ голову самой... До Предварилки я была убѣждена, что сдѣлала только хорошо, но теперь мнѣ раскрыла глаза Дора... Далѣе, въ письмѣ говорится: „Господи, какъ мнѣ противно это я, кромѣ остального, чувствую, что задѣла адѣсь и самолюбіе мое, и это распространяетъ свой партійный человѣкъ! Пусть бы дождались суда! Можетъ быть, я и никого не впутала. Я думаю, что меня оставили бы тоже до суда, если-бы я впутала кого-нибудь. Была еще одна глупость, про которую забыла сказать... Между прочимъ, мнѣ читали шпиковскія показанія, гдѣ говорилось, что встрѣтили насъ въ Стокгольмѣ и вѣхали вилотъ до Одессы, но съ Бѣлостока потеряли, а тамъ снова встрѣтили, такъ какъ меня въ Гельсингфорсъ узнали по карточкѣ, а Хорька (Закгеймъ) — по мнѣ, такъ какъ въ Гельсингфорсъ жили въ Сосіете; я думала, что шпиковскія показанія значать тоже, что и свидѣтельскія. Чтобы легализировать Хорька, написала ему письмо, гдѣ совѣтую, въ виду того, что онъ человѣкъ абсолютно чистый, назваться. Конечно, я знала, что онъ не назовется, а только хотѣла втереть имъ очки, что онъ мой частный знакомый. Но я ничего не писала о немъ и молчала на всѣ вопросы“. Письмо оканчивается словами: „Игорь спросилъ меня: что за исторія вышла у Жутя съ организаціей? Я сказала, что она не согласилась съ организаціоннымъ уставомъ и вышла, предлагалъ своей... Знаетъ ли наша организація адресъ складовъ? если вамъ кому надо, то вѣдь мы знаемъ, гдѣ лежитъ много оружія, т. е. браунинговъ. Знаютъ ли отъ зашифрованныхъ адресовъ ключъ, лежащихъ у Волтера?“ Въ письмѣ отъ 17 апрѣля, написанномъ Кшиповой, говорится: „Жуть и Г-ля! До насъ „частью“ доходить страшно скверные слухи относительно организаціи. Говорятъ будто деньги отъ экса идутъ на личныя и притомъ... очень скверныя удовольствія, что ими соряютъ направо и налѣво, что центръ не только не старается сдерживать и направлять остальныхъ, но самъ будто бы подаетъ наилучшій примѣръ. Господи!... неужели все это правда? Такъ не хочется вѣрить!... Жуть, вѣдь, вы были хороши съ П. Ив. Бога ради, поѣжайте въ Питеръ, повліяйте на него, спросите деньги, ибо они послѣднія, что осталось отъ нашей работы, онъ единственный че-

ловѣкъ, знающій адреса и, хотя вы знаете, какъ я всегда относился къ нему, но всетаки я безусловно считаю его честнымъ человѣкомъ и увѣрена, что встрѣтитъ васъ съ радостью"... „Вы и Грибуля могли бы теперь такъ много сдѣлать для нашего дѣла!... Неужели же вы бросите нашу организацію на произволь судьбы? На-дняхъ я написала вамъ письмо чересъ М. и Ник. Ник. Не знаю, получили ли вы его. Въ немъ я пишу о нашемъ отношеніи къ „исторіи“ орг(анизаціи?) съ Морт. Здѣсь повторяю вкратцѣ. Мы не только не считаемъ его провокаторомъ, но даже не видимъ никакихъ крупныхъ ошибокъ въ его дѣятельности, мнѣ удалось узнать его очень близко и мы обѣ очень цѣнили и уважали его. Передайте орг., что нашимъ огромнымъ желаніемъ было бы желаніе видѣть Морт. во главѣ вѣла и, если бы было въ моей власти, я бы отдала деньги въ его распоряженіе. Вы не можете упрекнуть меня въ легкомысліи по этому вопросу, такъ какъ знаете, что обѣ этомъ мы думаемъ и толковали безъ конца. Эхъ, еслибы Грибуля съ Морт. соединились вмѣстѣ, сколько бы радостныхъ надеждъ пробудилось бы въ душѣ". Письмо подписано „Вѣра“.

Въ письмѣ отъ 30-го мая съ надписью „Галинѣ“, Климова, между прочимъ, пишетъ: „Мой совѣтъ всѣмъ вамъ, особенно тебѣ и Игорю, какъ можно скорѣе измѣнить наружность и на время уѣхать изъ Москвы и прекратить всякія дѣловыя сношенія съ кѣмъ-либо. Тебѣ уже, вѣроятно, извѣстно, что та дѣвица, которая ходила къ К. на свиданіе, арестована. У нея на засадѣ взята портниха и одна дѣвица, которая только что вышла изъ тюрьмы и въ тотъ же вечеръ должна была уѣхать на родину. Кромѣ того, взята Ел. Всѣ они сидятъ здѣсь и притомъ съ нами въ одной камерѣ. У Э. нашли револьверы. То, что васъ всѣхъ знаютъ и великолѣпно преслѣдовали изъ тюрьмы, — почти несомнѣнный фактъ.“...

По свѣдѣніямъ московскаго Охр. Отдѣленія революціонная кличка Игорь* относится къ именуемому себя Мигуловымъ, „Галина“ — Анна Александрова Урбанская и „Елена“ — мѣщанка Лида Элька Шофферъ. Всѣ эти лица были арестованы при ликвидаціи группы максималистовъ.

Въ 4-мъ письмѣ Климовой, адресованномъ „Валѣ“ говорится: „пожалуйста, передай намъ сюда максималистическихъ брошюръ по одному экземпляру всѣхъ, которые вышли за это время. Риву Пинскому (Дору) хотѣть освободить подѣ залогъ въ 300 рублей, я писала обѣ этомъ матери, но не знаю скоро ли она пришлетъ деньги. Нѣтъ ли у васъ на рукахъ сейчасъ этой суммы. Если есть, занесите по слѣдующему адресу“...

Въ 5 письмѣ той же Климовой, съ припиской „Галинѣ“ значится: „О Наташѣ глухой ничего не знаетъ“. „На послѣднемъ допросѣ лежали карточки: Леша, Ксен., Мышец., Бродской, Мортимера и друг. Адресъ моего новаго знакомаго изъ Ниццы вамъ не нужно, я съ нимъ поссорилась и онъ ничего не станетъ для меня дѣлать. Наниша, какъ сношенія съ Ковальчукомъ. Въ означенномъ письмѣ упоминается, повидимому, о Сухиновой, которая и въ дѣйствительности имѣла дурной слухъ.“

Въ 6 письмѣ Климова пишетъ: „Людей, которые могли бы пригодиться намъ, я совершенно никого не знаю. Изъ опыта прошлаго мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы не набирали ихъ зря; думаю, что наша неразборчивость въ этомъ отношеніи была одной изъ причинъ нашей гибели. Мнѣ очень нравится по принципу ваше желаніе работать по

группамъ, только я совсѣмъ не вѣрю въ усиѣхъ. Не вѣрю опять-таки потому, что не вижу людей. Для самаго маленькаго, самаго легкаго террористическаго акта нужно человѣка съ большой инициативой, энергіей, опытомъ, а ихъ, кажется, не только на нѣсколько группъ, а и на двѣ на три не хватитъ. Опять-таки повторяю, основываясь на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя вы дали. Затѣмъ, я думаю, что дѣленіе неизбежно повлечетъ къ исчезновенію такъ наз. максималистской тактики, а этого боюсь больше всего на свѣтѣ. Порой мнѣ кажется, что пусть уже лучше не будетъ дѣль, чѣмъ маленькія дѣла. Я лично не придаю почти никакого значенія единичному мелкому террору. Его время прошло безвозвратно. Ни въ дезорганизаціонномъ, ни въ агитаціонномъ смыслѣ я не придаю ему никакого значенія. Онъ можетъ еще служить цѣлью мѣстныхъ боевыхъ дружинъ и для чисто мѣстной агитаціи, но цѣлью Б. О. никогда не долженъ стать. А дѣленіе на группы необходимо приведетъ къ измельчанію тактики, такъ какъ макс. тактика требуетъ огромной концентраціи силъ не столько матеріальныхъ, сколько духовныхъ, и въ особенности для начинающей организаціи. Работа по группамъ, если и возможна вообще при такихъ условіяхъ борьбы, то только для очень зрѣлой, крѣпкой организаціи. Ты говоришь „быть можетъ, одинъ-два, три акта“. Нѣтъ, теперь мнѣ этого совсѣмъ не хочется. Я хочу еще помириться съ мыслью о двухъ, трехъ только въ случаѣ, если эти акты будутъ дѣйствительно огромными актами, могущими всколыхнуть общество, но если они будутъ такъ же хорошо выполнены по выбору и по выполненію, какъ актъ с.-р. съ Павловымъ, то и я не придамъ имъ никакого значенія: пожалѣю, что ихъ выполнили наши организаціи. Для такихъ актовъ въ Россіи совершенно достаточно с.-ровъ, потому мнѣ и хочется, что-бы деньги перешли къ Морт., что я чувствую въ немъ много силы и главное „размаху“. Онъ не пойдетъ на малое и, если даже не успѣетъ создать что-нибудь большое, то во всякомъ случаѣ разгромъ и нападеніе будетъ чѣмъ-нибудь большимъ“, и далѣе „Адреса всѣхъ складовъ я передала Нинѣ, передала ли она вамъ? одинъ адресъ ты можешь узнать у „дяди Горе“.

Въ письмѣ отъ 15-го мая Климова спрашиваетъ, между прочимъ: „Напиши, пожалуйста, получили ли вы адреса складовъ, посланныхъ черезъ Нину? Напишите обязательно, я все спрашиваю и никто не отвѣчаетъ“, и далѣе: „что П. Ив. и Жуть, какъ вообще дѣла и есть ли хоть какія-нибудь надежды на то, что работа пойдетъ? Въ какомъ положеніи деньги?“

Кромѣ сего, у Мышецкой и Емельяновой было обнаружено письмо, помѣченное 24 марта, на семи листахъ почтовой бумаги, написанное, по заключенію эксперта по сличенію почерковъ, именуемымъ себя Карпомъ Мыльниковымъ. Письмо это начинается словами: „Какъ я радъ, дорогая, что вы еще цѣлы! До меня доходили слухи, что въ вашихъ мѣстахъ были большіе провалы и я уже думалъ, что никого изъ прежнихъ знакомыхъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, на волѣ“. Въ дальнѣйшемъ встрѣчаются нижеслѣдующія мѣста: „Сегодня окружной судъ разбираетъ мое дѣло о бродяжничествѣ и приговорилъ къ 4 годамъ арестантскихъ ротъ и поселенію съ лишеніемъ всякихъ правъ. Дѣло по 102 ст. пока у прокурора палаты, но скоро перейдетъ въ палату и тогда новый судъ, который мы будемъ бойкотировать. По 102 ст. получимъ каторгу всѣ, за исключеніемъ одного. Если будетъ большой срокъ (лѣтъ 10—15), что, вѣроятно, то попадемъ въ Шлис-

салъбургъ. Это совсѣмъ скверно. До конца революціи оттуда уже не вырвешься. Я лично убѣжденъ, что по 102 ст. получу каторгу, но Х. настаиваетъ, что дѣло для меня кончится только поселеніемъ, а разъ такъ, то мнѣ слѣдуетъ назваться, чтобы набѣгнуть 4 л. арестантскихъ ротъ. Для очистки совѣсти я вотъ и спрашиваю васъ о фамилии сестры. Если она была тогда подъ своей фамиліей, то мнѣ нельзя называться. Еще попросите товарищей, чтобы они, говоря обо мнѣ, не называли моего настоящаго имени. Если мнѣ удастся вырваться на волю, то легче будетъ скрываться отъ полиціи, такъ какъ мое настоящее имя по нынѣшнимъ временамъ чисто". Въ концѣ письма значитъ: "... а гдѣ социалисты? Социалисты — мы и будущее принадлежитъ намъ. Мы хотимъ революціи потому, что только въ ней жизнь, въ самой смерти революціонера квинтъ-эссенція жизни. Обывательское прозябаніе — смерть! А потому долой всѣхъ обывателей, хотя бы они и высказывали себя с.р.".

Въ приведенныхъ выше письмахъ Климовой и Терентьевой тексты ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказались сильно зачеркнутыми, но какъ то видно изъ акта отъ 26 сентября, составленнаго завыдымающимъ фотографическими мастерскими экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, нѣкоторыя изъ этихъ зачеркнутыхъ мѣстъ удалось восстановить, въ виду чего въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ этихъ писемъ пополнены недостающія мѣста. Изъ протокола, составленнаго 27 іюля 1097 г. отдѣльнаго корпуса жандармовъ, ротмистромъ Кулискимъ и показанія его на дознаніи, въ качествѣ свидѣтеля, усматривается, что того же числа имъ были обнаружены на стѣнахъ кладовъ московскаго Охр. Отдѣленія слѣдующія надписи карандашемъ: "аресты въ с. Всѣхсвятскомъ", далѣе "Култашева", а подъ этимъ словомъ "Мышецкая-Алехина" и далѣе: "№ 3 Мышецкая и Емельянова узнаны, по 102 ст. І части, увозятъ въ Питеръ, взять революверъ и письма отъ Жуть и Грибула", на другой стѣнѣ: "какъ нехорошо вы поступили (въ ковычкахъ). Шлю привѣтъ. Утка. Сегодня уѣду. Всего хорошаго". По показанію начальника московскаго Охр. Отдѣленія полковника ф.-Котена за день или два до отправленія Мышецкой и Емельяновой въ Петербургъ въ то время, когда онъ содержался въ Охр. Отдѣленіи, въ отдѣльныхъ разговорахъ съ ними онъ дѣйствительно сообщилъ объимъ, что онѣ обвиняются по І ч. 102 ст. Угол. Улож.

Изъ протокола осмотра подворной книги за 1906 г. по гостиницѣ „Дагмара“ видно, что въ концѣ августа Емельянова проживала здѣсь одновременно съ Терентьевой, а показаніемъ жены кол. рег. Евдокіи Ивановой Кудрявцовой, безусловно удостоверяется, что Емельянова, подъ фамиліей Котельниковой, проживала у нея въ квартирѣ съ 6-го іюня по 16 августа 1906 г. Допрошенная въ качествѣ свидѣтельница Терентьева подтвердила, что проживала въ гостиницѣ „Дагмара“ съ Емельяновой, причемъ добавила, что въ этой квартирѣ ихъ посѣщали многія лица изъ групп македналистовъ, а именно Виноградовъ, нѣкій Лебедевъ, ходившій въ формѣ студента Института Путей Сообщенія и многіе другіе. Допрошенная въ качествѣ обвиняемой Мышецкая объяснила, что была знакома только съ Климовой и Терентьевой, что найденныя у нея письма ей не принадлежатъ, а были даны на сохраненіе и что отобранныя у нея 500 рублей составляютъ ея собственность. На вопросъ о нахожденіи въ сентябрѣ 1906 г., отвѣчать отказалась. Что касается Емельяновой, то послѣдняя на дознаніи отъ всякихъ показаній отказалась.

По сообщенію начальника тульского жандарм. отдѣленія Мышенка Емельянова привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ: 1) за приговленіе на mimeографъ въ значительномъ количествѣ преступныхъ оозвачій и распространеніе послѣднихъ среди фабричныхъ въ годѣ Туль, 2) за принадлежность къ партіи с.-р., кромѣ того, Емельянова — за распространеніе въ с. Ломовскомъ, Богородицкаго уѣзда реди крестьянъ нелегальной литературы. Дознанія эти были прерашены въ силу Высочайшаго указа отъ 21 октября 1905 г. Кромѣ ого, по справкѣ петерб. губернскаго жандарм. управленія, Мышенка привлекалась въ 1902 г. къ дознанію о Тульской группѣ партіи с.-р. по сообщенію начальника московскаго Охр. Отдѣленія участвовала, ю агентурнымъ свидѣніямъ, въ покушеніи на ограбленіе 2-го апрѣля .907 г. артельщика куреной жел. дор., причемъ была одѣта въ мужской костюмъ.

По отношенію упомянутыхъ княжны Мышенкой и Емельяновой, 11 июня былъ произведенъ обыскъ въ комнатѣ, занимаемой сыномъ дворянина Карвацкимъ, въ квартирѣ № 1, д. Гиршъ по Гагаринскому переулку въ Москвѣ. Въ этой квартирѣ помѣщалась школа, принадлежащая Валентинѣ Гиршъ, и Карвацкія занимали свободную въ лѣтнее время комнату. При обыскѣ въ письменномъ столѣ была обнаружена чистая паспортная книжка, въ которой была вложена фотографическая карточка Терентьевой, о также около 24 писемъ, изъ коихъ два, написанныя, по заключенію эксперта, Климовой. Какъ видно изъ протокола осмотра двухъ послѣднихъ писемъ, въ первомъ изъ нихъ отъ 11 декабря, начинающемся словами: „Вамъ всѣмъ навѣрное извѣстно, что я переживаю“... Климова описываетъ свое душевное состояніе, когда была убѣждена въ томъ, что будетъ казнена и тѣ причины, которыя сдѣлали изъ нея революционерку, во второмъ же, съ датой 9 мая, начинающемся словами: Грибуля, милая, если бы только знала, какъ я была рада твоему письму“... Климова между прочимъ, пишетъ: „Когда я читала твое письмо и чувствовала, какъ само собой исчезаетъ то холодное и горькое, что выросло во мнѣ къ тебѣ и Ж. за то, что вы такъ унижительно плохо поняли меня и Ан. и наши съ нимъ отношенія“... Далѣе встрѣчаются слѣдующія мѣста: „Относительно Мор. я тебѣ писала уже свое мнѣніе въ предыдущемъ письмѣ. Очень бы хотѣлось мнѣ, что бы ты его узнала поближе и подошла безъ всякихъ предубѣжденій“... „Относительно денегъ, если бы это было въ моей власти или если бы просто спросили моего совета или мнѣнія, то я посовѣтовала бы отдать ихъ всѣ въ распоряженіе Мор. и его товарищей. Думаю, что такъ бы сдѣлали и умершіе товарищи“... По показанію производившаго обыскъ, помощ. пристава 2-го уч. Пречистенской части г. Москвы, Игнатьева, когда были обнаружены указанныя письма, то Карвацкія заявилъ, что паспортная книжка съ двумя письмами и карточкой Терентьевой, хотя и лежала съ письмами, но ему не принадлежатъ. Допрошенный на дознаніи Карвацкія показалъ, что за нѣсколько дней до ареста въ его комнату былъ принесенъ столъ для занятій, ящики коюго онъ не осматривалъ и въ коюмъ при обыскѣ и оказались не принадлежащія ему письма. Емельянову и Мышенку не знаетъ и послѣднія его не посѣщали, если же находили въ домѣ Гиршъ, то могли приходиться къ кому либо изъ жильцовъ нижней квартиры Гиршъ. Однако, показаніе это не нашло себѣ подтвержденія въ данныхъ дознанія, такъ какъ допрошенные въ качествѣ свидѣтелей дворянка Гиршъ и прислуга послѣдней

крестьянка Власова, согласно между собой устроили, что письменный столъ Карвацкому былъ принесенъ одновременно съ кроватью когда онъ поселился въ квартирѣ Гиршъ, причемъ столъ былъ принесенъ изъ сарая, гдѣ стоялъ около года. Кромѣ того, Гиршъ поставила, что квар. въ первомъ этажѣ дома стояла лѣтомъ совершенно пустой и Власова, что никогда никакихъ жильцовъ въ этой квартирѣ гдѣ жилъ Карвацкій, не было, за все время 10 лѣтняго нахождения ея при школѣ.

Въ ночь на 29 апрѣля 1907 г. въ посадѣ Юзовкѣ Екатеринославской губ., въ квартирѣ мѣшанина Константина Германова Поля, чинами полиціи былъ задержанъ Соломонъ (Семень) Якелевъ Рысь (онъ же Иванъ Николаевъ), носившій конспиративную кличку „Мортимеръ“, и назвавшійся первоначально Петромъ Романенко, а также Минскій мѣшанинъ Казимиръ Казимировъ Гарбузъ и петербургскій ремесленникъ Николай Степановъ Федоровъ. По показанію пристава завода Новороссійскаго общества и посада Юзовки Аркадія Николаева Экъ возникло подозрѣніе, что прибывшіе лица задумали ограбленіе одного изъ этихъ учреждений. Убѣдившись затѣмъ, что паспортъ Рысса на имя Романенко, явленный имъ въ полицію для прописки подложный и узнавъ, что 23 апрѣля Рысь, Гарбузъ и Федоровъ ходили въ лѣсъ пристрѣливать свои револьверы, приставъ Экъ поручилъ околочнымъ надзирателямъ Никифору Костенко и Петру Котенко арестовать ихъ. Во исполненіе этого порученія Костенко и Котенко съ народомъ городовыхъ, проникнувъ незамѣтно въ квартиру Поля, задержали здѣсь Рысса, Гарбуза и Федорова въ то время, когда они находились вмѣстѣ въ одной комнатѣ и о чемъ-то совѣщались между собою, причемъ на столѣ передъ ними лежали записныя книжки, письма и разныя переписка. Какъ видно изъ показаній упомянутыхъ околочныхъ надзирателей Костенко и Котенко, а также изъ протокола осмотра отобранныхъ отъ задержанныхъ Рысса, Гарбуза и Федорова бумагъ и предметовъ, при задержаніи ихъ у каждого изъ нихъ оказалось по два заряженныхъ браунинга, а на диванѣ около нихъ лежали два кинжала и финскій ножъ; въ погребѣ былъ обнаруженъ деревянный ящикъ съ 5 револьверами, изъ коихъ 3 системы Браунинга, одинъ Смитъ и Вессона и одинъ Бульдогъ, 106 патроновъ, 12 запасныхъ обоймъ и принадлежности для чистки револьверовъ. Въ коридорѣ квартиры былъ обнаруженъ свертокъ газетной бумаги, въ коемъ оказалась мѣдная печать съ такой вырѣзанной надписью: „Боевая организація союза с.-р.-максималистовъ“, металлическая коробка съ подшокою, пропитанною красною краской и 5 подложныхъ паспортовъ. Въ карманѣ пиджака Рысса найдено нижеслѣдующее удостовѣреніе: „Б. О. с.-р.-максималистовъ симъ свидѣтельствуется, что предъавитель сего уполномоченъ дѣйствовать отъ лица Б. О. союза. Петербургъ 1907 г. 11 10“, причемъ въ лѣвомъ верхнемъ углу на удостовѣреніи былъ наложенъ оттискъ описанной выше печати. Кромѣ того, въ числѣ разной переписки было найдено три письма, изъ коихъ одно за подписью „Ввра“ и два другихъ за подписью „Надежда“ и „Надя“. При личномъ допросѣ приставомъ Экъ, Рысь назвалъ сначала мѣшаниномъ Петромъ Романенко, но затѣмъ, общаясь въ откровеннымъ въ томъ случаѣ, если приставъ Экъ приметъ взятку 50.000 р., которые уплатитъ за его освобожденіе организація, назвалъ свое имя и объяснилъ, что принадлежитъ къ организа. С.-Р.-максималистовъ, въ которой носилъ кличку „Мортимеръ“. Въ дальнѣйшемъ Рысь раз

изать, что участвовалъ въ покушеніи на жизнь предсѣдателя совѣта вострожь. Столыпина, изучая расположеніе его дачи на Аптекарьскомъ островѣ и время пріема посѣтителей, въ чемъ ему, между прочимъ, помогала Климова, которой написано отобранное у него письмо. Онъ же принималъ участіе въ ограбленіи денегъ въ Фонарномъ переулкѣ, гдѣ погибъ его товарищъ подъ кличкой „Медвѣдь“. По словамъ Рысса, онъ участвовалъ и организовалъ ограбленіе повозда станціи Рогово близъ Варшавы, участвовалъ въ ограбленіи банка аниманго кредита въ Москвѣ, и въ Кіевѣ въ ограбленіи артельщика, въ былъ арестованъ, но изъ подъ стражи бѣжалъ. Съ упомянутымъ „Медвѣдемъ“ принималъ горячее участіе въ возстаніи матросовъ въ юнштадтѣ. Въ Юзовку онъ прибылъ съ цѣлью ограбленія почтовой конторы или же денегъ, которыя привозятся въ контору завода. Вѣсьма за подписью „Надя“, отобранныя при обыскѣ, написаны Тельтовой. Къ этому Рыссъ добавилъ, что арестованные вмѣстѣ съ нимъ Гарбузъ и Федоровъ также принадлежатъ къ партіи с.-р.-максималистовъ, будучи ея видными членами, причѣмъ Федоровъ участвовалъ какъ главный организаторъ возстанія на станціи Гришино въ ноябрѣ 1905 г., что они прибыли въ посадь Юзовку съ цѣлью посредствомъ ограбленія пріобрѣсти деньги на нужды партіи, что у Константина Поля была явочная квартира, устроенная Федоровымъ, что револьверы и печать были получены ими изъ главнаго комитета максималистовъ въ Петербургѣ. Допрошенные тѣмъ же приставамъ Эккъ Гарбузъ и Федоровъ, признавая себя принадлежащими къ с.-р.-максималистамъ, отъ дальнѣйшихъ показаній отказались. Что касается Поля, то послѣдній объяснилъ, что на Паскъ къ нему явился о двоюродный братъ Федоровъ, о дѣятельности коего онъ ничего тогда не зналъ. На слѣдующій день Федоровъ привелъ съ собою на артиру Поля двухъ какихъ то лицъ, оказавшихся впоследствии несомнѣнно и Гарбузомъ, и вечеромъ принесъ ящикъ съ револьверами, которыя онъ, Польшъ, по просьбѣ ихъ и пряталъ въ своемъ погребѣ, гдѣ они были найдены при обыскѣ. Изъ разговоровъ Федорова, Рысса и Гарбуза Польшъ узналъ, что они принадлежатъ къ п. с.-р.-максималистамъ и принимали участіе въ грабежахъ, въ частности въ ограбленіи въ Фонарномъ пер. По словамъ Поля, Рыссъ разспрашивалъ его, между прочимъ, когда бываетъ на заводѣ получка денегъ, какая дается сумма и какая бываетъ охрана. Къ изложенному приставъ Эккъ добавилъ, что о томъ, что въ домѣ Поля помѣщалась конспиративная квартира было извѣстно изъ наблюденій за этой квартирой, которымъ было установлено, что прибывшія лица проводили въ ней долгое время, о чемъ то совѣщались здѣсь, а также хранили въ ней оружие и печать. Изъ протокола осмотра, отъ 23 июня 1907 г., писемъ отобранныхъ у Рысса и заключеній экспертовъ по сличенію почерковъ видно, что письмо за подписью „Вѣра“ написано Климовой и начнется оно словами „Дорогой, милый М.! Какъ я рада, когда Н. получитъ отъ васъ письмо. Все время думала, что вы уже схвачены, гдѣ „они“ такъ ищутъ васъ“... Далѣе въ письмѣ говорится „отвѣтельно насъ, меня и Н. скажу только пока, что ничѣмъ и ни на что — ни на судъ ни на слѣдствіи мы не унизили чести нашей организаціи. Берегите себя!. Ищутъ и ненавидятъ васъ охранники устанно. Не выходите сами на дѣло, на это вы имѣете права ради то же... У меня вся надежда на васъ. Мы съ Н. приложили всѣ силы, что бы доставать Вамъ деньги изъ „экса“. И я думаю намъ

удастся это“.. Переименуйте свою кличку, а то всё ваши въ охранѣ известны... Помните, что всё наши квартиры въ Петербургѣ и въ Финляндіи провалежны“..

Въ двухъ письмахъ, написанныхъ, по заключенію тѣхъ же экспертовъ, Терентьевой, всрѣчаются слѣдующія мѣста: первое начинается словами: „Товарищъ Семенъ! (какъ хочется назвать именемъ, кот. мы всё звали васъ). Съ самаго начала моего сношенія съ волей центральной фигурой нашей переписки являетесь Вы“ .. и далѣе „Теперь я вотъ узнала, что вы на свободѣ, намѣреваетесь работать, уѣхали отсюда, а за вами нѣкоторые изъ товарищей. А главное, что бы начать работать, Вы принуждены достать средства. Развѣ это не обидно! Я уже горькимъ опытомъ убѣдилась, какъ дорого, слишкомъ дорого даются намъ деньги!.. Да и какая протѣя горькая! У насъ есть деньги и, кажется, совсѣмъ нѣтъ людей и эти ужасныя деньги были до сихъ поръ не почтаты“... И хотя вы и специалистъ по известной части, но, вѣроятно, сядете на жезъ“.. Во второмъ письмѣ Терентьева пишетъ: „Товарищи у васъ есть и остальное все будетъ. Только эка не дѣлайте. Мы уже написали въ организацию о Васъ, думаемъ, что мнѣніе людей Васъ знающихъ должно разрѣшить сомнѣніе“... Письмо это оканчивается такъ: „Ну, прощайте, дорогой Мортимеръ! пишите! адресъ Вамъ пришлемъ послѣ, сейчасъ же нѣтъ. Надя“.

Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Поля, было найдено письмо къ нему отъ Федорова, въ коемъ послѣдній сообщаетъ о своемъ участіи въ вооруженномъ возстаніи въ Горловкѣ и на станціи Ясиноватой въ декабрь 1905 г., причемъ письмо заканчивается словами: — „Да здравствуетъ всенародное вооруженное возстаніе! Да здравствуетъ учредительное собраніе! Смерть палачамъ казнокрадамъ!“

Изъ протокола отъ 28 іюня 1907 г. осмотра бумагъ, принадлежащихъ Полю и отобранныхъ отъ него въ квартирѣ, которую онъ занималъ въ Болубово-Мыравскомъ рудникѣ, усматривается, что въ числѣ ихъ оказалось письмо изъ Екатеринославскаго земскаго арестнаго дома отъ 1-го іюля отъ Константина М., который пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Ты просилъ узнать про Николая, онъ сидитъ съ мной.... Когда я читалъ твое письмо, то я оживалъ, чувствовалъ подъемъ силъ, бодрость духа, жизнерадостное настроеніе, которое поддерживало вѣру въ лучшее будущее“, кончается письмо такъ: „Костя, передай сердечный привѣтъ всѣмъ товарищамъ и скажи имъ пусть органиуются въ грозную рать, которая бы пошла дружными шагами и однимъ сильнымъ ударомъ смела бы всё преграды, недостижимая доступа къ свѣту и свободѣ“. Письмо отъ 4 января 1907 г., написанное Федоровымъ, въ коемъ онъ сообщаетъ, что живетъ въ Петербургѣ, гдѣ много дворцовъ и палатъ, воадвигнутыхъ пролетарскими руками, а пролетаріи по прежнему ночуютъ подъ заборомъ и ходятъ съ протянутыми руками. Въ заключеніи авторъ проситъ сдѣлать для него то, что онъ просилъ и заканчивается письмо такъ: „Питеръ мнѣ совсѣмъ не понравился потому, что тутъ его трудно очистить, тутъ много сволочи расплодилось, а именно Романова дома.“

6) Письмо на имя племянника Кости дяди Н. Федорова, въ которомъ послѣдній рекомендуетъ первому „не заходить далеко“ въ революціонномъ отношеніи. 7) Часть письма того же автора, который пишетъ: „Костя! объясни, пожалуйста, что означаетъ слово С. Р. въ твоихъ письмѣ, написанномъ за подписью твоей фамиліи, хотя и догадываюсь“

но может и ошибаюсь; я въ свою очередь, принадлежу только
имя не С. Р., а къ другимъ, С. Д.*

въ протоколѣ осмотра отъ 6, 9, 10 и 11-го іюля 1907 г. под-
пись книгъ д. № 20 по Пушкинской ул., д. № 13 по Съважинской
№ 3/35 по Караванной ул. и д. № 66 по Невскому проспекту
что Рысь прожизвалъ по указаннымъ адресамъ въ первомъ
съ 15-го по 20 января 1907 г., во второмъ съ 3-го февраля по
та того же г. подъ тѣмъ же именемъ Суровцева, что подтвер-
дительно дворянскій дома крестьянинъ Кузьма Яковлевъ и квартир-
ный Жукъ; въ третьемъ съ 4-го по 15 ноября 1905 г., что
иногда такъ же хозяйка квартиры Марія Падерская и въ четвер-
томъ 29 октября по 2 ноября 1905 г., что удостовѣрила горячная
комнатка „Бель-вю“ Пальчевская. Наконецъ прото-
колъ осмотра въ Краковской гостин. въ г. Варшавѣ удостовѣряется,
что Рысь пробылъ здѣсь съ 6 по 8 марта 1907 г. Изъ про-
токоловъ осмотра отъ 9 и 10 іюля 1907 г. подворныхъ книгъ д.
по Екатерининскому каналу и д. № 5/21 по Саблинской ул.
что Федоровъ прожизвалъ по первому адресу съ 11 февраля
1907 г., что подтвердилъ и дворянскій Рахметула Шехма-
ровъ, который удостовѣрилъ такъ же, что Федоровъ посѣщалъ
такъ же Рысь и по второму адресу съ 29 января по 11 фев-
реля 1907 г.

Допрошенные на дознаніи въ качествѣ обвиняемыхъ Рысь, Фе-
доровъ и Гарбузь, признавая себя принадлежащими къ п. с.-р., отъ
дальшихъ показаній отказались, причѣмъ Рысь заявилъ,
какихъ показаній пристапу Эккъ онъ не давалъ и послѣдній
былъ сплошнымъ вымысломъ этого свидѣтеля. Допрошенный на
дознаніи такъ же въ качествѣ обвиняемаго, Полю, отрицая свою при-
надлежность къ организаціи максималистовъ, къ изложенному выше
содержанію своему добавилъ, что Федоровъ, во время одновременнаго
содержанія подъ стражей рассказывалъ ему, что осенью 1906 г.
Федоровъ, и Рысь были неразлучно вмѣстѣ въ Петербургъ,
къ и Славянскъ. Вѣдали такъ же въ Финляндію, откуда привезли
ихъ, отобранное у нихъ въ посадѣ Юзовкѣ. По дорогѣ же въ
Петербургъ Рысь говорилъ ему, Полю, что братъ Рысса сосланъ въ
Сибирь за политическое преступленіе, что въ революціонной средѣ
Рысь, носилъ кличку „Мортиморъ“ и что русское правительство
арестовало его и товарищей, взяло важныхъ революціонныхъ дѣя-
телей.

На основаніи всего вышеизложеннаго мѣщанинъ Н. Н. Пумпя-
нъ, 26 л., книжка Мышенская, 24 л., дочь Губернскаго Секретаря Л.
Мельяновъ, 26 л., дочь Статскаго Совѣтника А. М. Маркова, 21 г.,
дочь Я. Рысь, 26 л., сынъ поручика А. В. Калугинъ, 20 л.,
дочь себя мѣщаниномъ Е. С. Ковальчукомъ, 27 л., студентъ
Юридическаго Института Д. П. Любимовъ, 35 л., именующій себя мѣща-
ниномъ С. М. Мыльниковымъ, 27 л., дантистъ С. И. Шубинъ, 27 л.,
дочь Статскаго Совѣтника Н. И. Сухинова, 23 л., именующій себя
мѣщаниномъ Н. А. Лебедевымъ, мѣщанинъ М. В. Сафоновъ, 27 л.,
дочь А. А. Михайловъ, 20 л., дворянка А. В. Картвелова, 22 л.,
дочь А. Гр. Пискаревъ, 23 л., сынъ надворнаго совѣтника С.
Пасеевъ, 27 л., сынъ потомственнаго почетнаго гражданина
Палашкинъ, 26 л., мѣщанинъ Д. И. Шрейдеръ, 33 л., мѣщанка
Самсонъ 31 г., крестьянка Т. И. Котова, 24 л., именующій себя

А. А. Кругловымъ, мѣщанинъ И. Г. Добковскій, 25 л., именующій себя прапорщикомъ запаса В. В. Алексѣевымъ, крестьяне: А. К. Книженко, 23 л., М. Ф. Бойцовъ, 20 л., А. Д. Садковъ, 19 л., и Е. Ф. Ткаченко, 20 л., мѣщанинъ Д. И. М. Раппопортъ, 21 г., С-Петербург. цѣховой Н. С. Федоровъ, 21 г., мѣщанинъ Х. Л. М. Кацъ, 22 л., дворянинъ В. В. Варавко, 29 л., дворянка Л. В. Варавко, 17 л., мѣщане: К. К. Гарбузовъ, 20 л., Н. Л. Иудинъ, 24 л., М. Д. Закгеймъ, 23 л., А. В. Мельниковъ, 26 л., и К. Г. Поль, 21 г., мѣщанка К. А. Клебанова, 20 л., сынъ дворянина И. А. Карвацкій, 20 л., именующій себя Петровымъ и именуемый подъ № 789 — подлежать обвиненію въ томъ, что въ срединѣ 1906 г., въ г. С-Петербургѣ, вступили участниками въ тайное сообщество, присвоившее себѣ наименованіе „партіи социалистовъ-революціонеровъ-максималистовъ“, завѣдомо для нихъ поставившее цѣлью своей дѣятельности, путемъ вооруженнаго народнаго возстанія и насильственнаго революціоннаго захвата народомъ своей власти, измененіе въ Россіи въ ближайшемъ будущемъ установленнаго закономъ основными монархическаго образа правленія и замѣны его социальной республикой, для каковой цѣли сообщество имѣло у себя склады оружія и взрывчатыхъ веществъ, а такъ-же особую „боевую дружину“ для активной террористической борьбы съ представителями власти и для насильственнаго отчужденія въ пользу сообщества казенныхъ и частныхъ денегъ, причемъ отдѣльныя группы членовъ указаннаго сообщества, дѣйствуя совокупными силами, 12 августа 1906 г., съ цѣлью лишенія жизни Министра Внутреннихъ Дѣлъ Столыпина, произвели посредствомъ бросанія разрывныхъ снарядовъ, взрывъ принадлежащей ему дачи на Апт. Островѣ, во время коего пострадало около 100 человекъ, а 12 октября того же года учинили въ Фонарномъ переулкѣ вооруженное нападеніе на помощника казначея Петербургской портовой таможни, сопровождавшееся открытымъ похищеніемъ у него казенныхъ денегъ въ суммѣ около 400,000 руб., что предусмотрено ст. 51 и 2 ч. 102 ст. Уголовнаго Уложенія.

Марта 8 дня 1908 г. Петербургъ.

Обвинительный актъ

о дѣлу объ Аннѣ Распутиной, Лидіи Стуре, Сергѣѣ Барановѣ, Маріо-Кальвино и др., преданныхъ суду Помощникомъ Главнокомандующаго войсками Гвардіи С.П.В. военного округа.

Въ началѣ января сего года С.Петербург. Охраннымъ Отд. получены были свѣдѣнія о томъ, что „Летучимъ боевымъ отрядомъ Сѣверной области партіи с.-р.“ постановлено въ самомъ непродолжительномъ времени лишить жизни вел. кн. Николая Николаевича и Министра Юстиціи Щегловитова, а при задержаніи чинами полиціи оказывать вооруженное сопротивление.

Установленнымъ по этому поводу наружнымъ наблюденіемъ было выяснено, что членами отряда состояли Анна Распутина, Сергѣй Барановъ, Александръ Смирновъ, Маріо-Кальвино, Вѣра Янчевская, Афанасій Николаевъ, Петръ Константиновъ и неизвѣстная подъ кличкой „Казанская“. Всѣ эти лица посѣщали другъ друга и имѣли между собою самое живое общеніе.

Тѣмъ же наблюденіемъ было установлено, что 4-го февраля Анна Распутина, проживавшая въ д. № 1 по Невскому просп., вынесла разрывной снарядъ изъ уборной Гостиннаго Двора, а 5-го февраля вынесла такой же снарядъ изъ мануфактурнаго магазина на Знаменской д. № 11. Первую бомбу вечеромъ 4-го февраля Распутина передала Сергѣю Баранову, который принесъ ее сначала на Средній проспектъ Васил. Острова, въ д. № 68, гдѣ проживала Вѣра Янчевская, а затѣмъ съ Петромъ Константиновымъ перенесъ на квартиру послѣдняго въ д. № 18 по 23 линіи Вас. Острова. Вторую бомбу Анна Распутина 6 февр. около зданія Маріинскаго дворца передала Маріо-Кальвино, съ каковымъ снарядомъ послѣдній и былъ задержанъ на другой день на Морской улицѣ.

6 февраля Анна Распутина, Сергѣй Барановъ и „Казанская“ явились къ зданію Министерства Юстиціи и ходили по Итальянской и прилегающимъ къ ней улицамъ, ожидая выѣзда Министра Юстиціи въ Государственную Думу.

При этомъ у Распутиной была муфта, которую она бережно держала въ правой рукѣ. Когда къ подъѣзду была подана карета, то Барановъ и „Казанская“, съ противоположной стороны улицы, быстро направились къ подъѣзду и подошли вплотную къ каретѣ. Однако, Министръ Юстиціи, предупрежденный агентами Охр. Отд. о томъ, что его выѣздъ поджидаютъ члены боевого отряда, не сѣлъ въ поданную карету и вмѣсто него въ этой каретѣ поѣхали двѣ дамы

7-го февраля, когда ожидалось возвращеніе въ С.П.Б. съ охоты великаго князя Николая Николаевича и выѣздъ въ Государственную

Думу Министра Юстиціи Щегловитова, признано было своевременным ликвидировать установленное наблюдение.

При этомъ, вблизи дворца, на Михайловской ул., агентами Охран. Отдѣленія Егоромъ Павловымъ и Павломъ Гурдинымъ, при содѣйствіи городского Андрея Максимова, были задержаны Лидія Стуре и Левъ Синегубъ, замѣченные въ знакомствѣ съ Распутной, и одновременно съ ней ходившіе мимо зданія Министерства Юстиціи. У Льва Синегуба подъ пальто оказался разрывной снарядъ, прикрыленный особыми крючками къ поясу, а у Лидіи Стуре — револьверъ Браунинга, изъ коего она при задержаніи произвела выстрѣлъ въ агента Павлова, пробивъ ему пулей пальто, но не причинивъ никакого вреда. Анна Распутина была задержана на углу Невского и Мойки, причемъ въ муфтѣ у нея были обнаружены разрывной снарядъ.

Маріо-Кальвино былъ задержанъ съ такимъ же разрывнымъ снарядомъ на углу Кирпичнаго и Морской улицы. Александръ Смирновъ былъ остановленъ агентами Охр. Отдѣленія Николаемъ Сергѣевымъ, Николаемъ Пучковымъ и Викторомъ Калачевымъ на Вас. Островѣ, между 7 и 8 дн., причемъ при задержаніи онъ, выхвативъ револьверъ, произвелъ изъ него рядъ выстрѣловъ, коими причинилъ Сергѣеву пораненіе въ правую ямку и Пучкову — въ кисть руки. Незавѣстная, подъ кличкой „Казанская“, была арестована на углу Екатерингофскаго пр. и Садовой. Будучи доставлена въ 4 уч. Славской части агентомъ Иваномъ Черныцовымъ и городовымъ Никитой Тюринымъ, она, быстро выхвативъ револьверъ, произвела изъ послѣдняго три выстрѣла, изъ коихъ однимъ ранила въ голову городского Тюрина. Сергѣй Барановъ былъ задержанъ на Морской улицѣ и при личномъ обыскѣ у него былъ найденъ револьверъ Браунинга.

Вѣра Ячевская была задержана на Алексѣевской ул., Петръ Константиновъ — на 23 линіи Вас. Острова и Афанасій Николаевъ — на углу Милліонной и Мошкова переулка.

Вышеизложенныя обстоятельства удостовѣряются на дознаніи показаніями, данными исп. об. чиновника при СПБ. охр. отд. Сельповымъ, а также агентами того же отд. Пучковымъ, Сергѣевымъ, Павловымъ, Богдановымъ, Приходько, Маевскимъ, Поаднякомъ, Чрыцковымъ, Крутиковымъ, Смирновымъ, Рѣзниковымъ и Горѣловымъ, а также городовыми Максимовымъ и Тюринымъ.

При обыскѣ, произведенномъ въ квартирѣ Александра Смирнова, въ д. № 4,47 по Фонтанкѣ, былъ обнаруженъ ручной металлическій разрывной снарядъ, вложенный въ кожаный портфель и состоящій изъ 5 фунтовъ экстрадинамита.

По заключенію эксперта снарядъ этотъ обладаетъ очень большой силой взрыва и могъ нанести пораненіе осколками и газами до 40—50 шаговъ.

Кромѣ сего, у Смирнова было обнаружено форменное пальто съ барачковой напкой околоточнаго надзирателя СПБ. столичной полиціи, отточенная шапка и кобуръ для револьвера стараго образца со шнуромъ.

При обыскѣ у Вѣры Ячевской обнаружено: два нелегальных паспорта, заряженный револьверъ Браунинга съ двумя запасными обоймами, офицерскій темлякъ, жестяная коробка съ деревяннымъ дномъ, съ четырьмя отверстіями и двумя шариками, молотокъ, проволока, отвертки, острогубцы, подпилки, фуражка со значкомъ Мини-

терства Юстиціи, два пана г. СІБ. съ разными помѣтками и кинжалъ.

При обыскѣ въ квартирѣ Петра Константинова, въ д. № 18 по 23 линіи Вас. Острова, была найдена жестянка, заключающая въ себѣ 27 капской бѣлой ртутью, назначенныхъ для передачи взрыва въ металлическихъ снарядахъ, два взрывателя съ сѣрной кислотой, бертолетовой солью и сахаромъ, и поясъ съ гильзами съ ртутью. По заключенію эксперта, поясъ этотъ могъ служить для самовзрыва, при условіи приспособленія къ нему взрывателя, при чемъ взрывъ долженъ былъ имѣть большую силу.

Изъ протоколовъ осмотра разрывныхъ снарядовъ, отобранныхъ у Распутиной, Синегуба и Кальвино, видно, что въсь перваго — 8 фунтовъ, втораго — 6 1/2 и третьаго — 8 фунтовъ. Снаряды наполнены экстрадинамитомъ, вполне снаряжены, съ поставленными на мѣста взрывателями и при взрывѣ должны были нанести сильныя пораненія, на разстояніи болѣе 40 шаговъ.

Изъ протокола осмотра предварительнаго слѣдствія, производимаго судебнымъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ Глушковскимъ, по дѣлу о „боевомъ отрядѣ Сѣверной области партіи с.-р.“ усматривается, что этой организаціей были совершены убійства генераловъ Мина и Павлова, начальника временной тюрьмы Гудима, начальника СІБ. тюрьмы Иванова, начальника Главнаго Тюремнаго Управленія Максимовскаго, а также организованы покушенія на адмирала Дубасова, Военнаго Министра Редигера, Министра Юстиціи Щегловитова и подготовлялось покушеніе на убійство Предсѣдателя Совѣта Министровъ и взрывъ снаряда въ Государственномъ Совѣтѣ во время засѣданія.

Означенный боевой отрядъ получалъ денежныя средства отъ Ц. К. партіи с.-р.

Допрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ Анна Распутина, Лидія Стуре, Александръ Смирновъ, Маріо Кальвино, Левъ Синегубъ и неизвѣстная подъ кличкой „Казанская“ признали себя членами „Сѣвернаго Боевого Отряда партіи с.-р.“, причемъ Распутина, Стуре и Кальвино отъ длѣннѣйшихъ объясненій отказались, Синегубъ же показалъ, что участвовалъ лишь въ покушеніи на жизнь Министра Юстиціи, но не вел. кн., и „Казанская“ — что дѣйствительно приняла, какъ членъ боевого отряда, участіе въ организаціи задуманнаго убійства Министра Юстиціи и вел. кн. Николая Николаевича, а въра Янчевская и Афанасій Николаевъ, не признавая себя виновными въ принадлежности къ упомянутой организаціи, объяснили, что о задачахъ послѣдней и замысленныхъ террористическихъ актахъ ничего не знали. Сергѣй Барановъ отъ всякихъ показаній отказался.

Что касается Петра Константинова, то послѣдній объявилъ, что былъ знакомъ съ Янчевской, у коей познакомился съ Николаевымъ, который, по словамъ его, принадлежалъ къ партіи с.-р. Янчевская тоже вступила въ эту партію и у нея стали устраивати собранія, которыя посѣщаль, въ числѣ другихъ, Сергѣй Барановъ. Съ осени прошлаго года послѣдній сталъ говорить, что вступилъ членомъ „Лет. боевого отряда Сѣверной обл.“ и предлагалъ ему, обвиняемому, вступить въ эту организацію, на что онъ и согласился.

Въ числѣ членовъ этой организаціи были: Лидія Стуре, Александръ Смирновъ (кличка „Михаилъ“), неизвѣстная подъ кличкой „Казанская“ (революціонная кличка „Катя“), Распутина и Барановъ. Отъ послѣдняго онъ, обвиняемый, зналъ, что организаціей было задумано убій-

ство вел. кн. Николая Николаевича и Министра Юстиціи и что въ этомъ дѣлѣ, въ числѣ другихъ, должны были участвовать Барановъ, Смирновъ и „Казанская“.

Произведеннымъ медицинскимъ освидѣтельствомъ устанавливается, что 1) Николаю Сергѣеву причинена сквозная рана въ область правой щеки и шеи, 2) городовому Тюрину нанесена колотая рана въ темянной области, 3) Никитѣ Пучкову причинено нарушение полости кожи у основанія большого и указательнаго пальца лѣвой руки. По заключенію врачей, раны у Сергѣева и Тюрина относятся къ разряду легкихъ.

На основаніи изложеннаго Анна Распутина, 32 л., Лидія Стуре, 24 л., Левъ Синегубъ, 21 г., Александръ Смирновъ, 22 л., Маріо Кальвино, 32 л., Вѣра Янчевская, 17 л., Петръ Константиновъ, 23 л., Афанасій Николаевъ, 33 л., и неизвѣстная подъ кличкой „Казанская“ подлежатъ обвиненію :

1) въ томъ, что въ февралѣ сего года проживали въ г. Петербургъ, состояли членами „Летучаго боеваго отряда Сѣверной области партіи с.-р.“, завѣдомо для нихъ поставившаго цѣлью своей дѣятельности немедленное насильственное испроверженіе, путемъ убійствъ высшихъ представителей правительственной власти, установленнаго въ Россіи законами основными образа правленія и замѣна его демократической республикой, для каковой цѣли имѣли въ своемъ распоряженіи разрывные снаряды и склады оружія, что предусмотрено ст. 51 и 2 ч. ст. 102 Уг. Улож.

2) въ томъ, что для осуществленія задачъ вышеуказаннаго сообщества, умыслили лишить жизни вел. князя Николая Николаевича, и, выработавъ планъ всѣхъ дѣйствій, днемъ исполненія назначили 7-е февраля сего года, когда великій князь долженъ былъ возвращаться съ охоты въ свой дворецъ, расположенный на Итальянской улицѣ, для чего Левъ Синегубъ, Маріо Кальвино и Анна Распутина, имѣя при себѣ разрывные снаряды, и Лидія Стуре, Александръ Смирновъ и неизвѣстная подъ кличкой „Казанская“, вооруженные револьверами, направились къ мѣсту предполагаемаго совершенія преступленія, но, однако, исполнить задуманнаго не могли, по обстоятельству, отъ ихъ воли независѣвшимъ, такъ какъ ранѣе проѣзда великаго князя были задержаны чинами наружной полиціи и охр. отдѣленія, что предусмотрено ч. 1 ст. 105 того же улож.

3) въ томъ, что въ цѣляхъ осуществленія задачъ сообщества, умышляя лишить жизни Министра Юстиціи, исполненіе задуманнаго убійства назначили на 6 февраля сего года, для чего неизвѣстная, подъ кличкой „Казанская“, и Барановъ, вооружившись револьверами, а Анна Распутина, имѣя при себѣ разрывной снарядъ, находились ко времени выѣзда Щегловитова около зданія Министерства Юстиціи, но исполнить задуманнаго не могли, по обстоятельству, отъ ихъ воли независѣвшему, такъ какъ Министръ Юстиціи былъ предупрежденъ и вмѣсто него въ поданную карету сѣли и уѣхали двѣ дамы.

На другой день, въ тѣхъ же цѣляхъ, Левъ Синегубъ, Маріо Кальвино и Анна Распутина, имѣя при себѣ разрывные снаряды, и Лидія Стуре, Смирновъ, Барановъ и „Казанская“, вооруженные револьверами, направились вновь къ дому Министра Юстиціи, но привести задуманнаго не успѣли, такъ какъ были задержаны чинами полиціи ранѣе выѣзда Министра Юстиціи Щегловитаго, что предусмотрено ст. 9, 13

и 14 и 1454 Улож. о Нак. Угол. и Испр. и ст. 279 XXII С. В. П. 1869 г. изд. 3-е.

Сверхъ того, неизвѣстная, подъ кличкой „Казанская“, — въ томъ, что 7 февраля сего года, будучи задержана на улицѣ и доставлена затѣмъ въ полицейскій участокъ Спасской части агентомъ охраннаго отдѣленія и постовымъ городовымъ Никитою Тюринымъ, находившимся при исполненіи обязанности, она, желая воспрепятствовать своему задержанію, умышленно и съ цѣлью лишенія послѣдняго жизни, произвела въ Тюрина изъ имѣвшагося у нея револьвера нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ и причинила Тюрину легкую рану въ области темянной кости, что предусмотрено ст. 18 полож. о мѣрахъ къ охран. госуд. и обществ. спок. ст. 279, XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-е.

Александръ Смирновъ — въ томъ, что 7 февраля, будучи задержанъ на Васильевскомъ Островѣ агентами петербургскаго охраннаго отдѣленія Пулковымъ и Сергѣевымъ, изъ коихъ послѣдній состоялъ полицейскимъ надзирателемъ, желая воспрепятствовать своему задержанію, умышленно и съ цѣлью лишенія сихъ агентовъ жизни, произвела въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ, — зная при этомъ, что былъ задержанъ должностными лицами полиціи, коими легко ранилъ Пучкова въ кисть руки и причинилъ Сергѣеву сквозную рану въ область правой щеки и шеи, что предусмотрено ст. 18 пол. о мѣрахъ къ охр. госудрств. порядка и обществ. спок. и 279 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-е.

Лидія Стуре — въ томъ, что 7 февраля, будучи задержана агентомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія Павловымъ и постовымъ городовымъ Максимовымъ, находившимся при исполненіи служебныхъ обязанностей, она, желая воспрепятствовать своему задержанію, умышленно и съ цѣлью лишенія жизни названныхъ лицъ, произвела въ нихъ выстрѣлъ изъ имѣвшагося у нея револьвера, но случайно промахнулась, пробивъ лишь пулей пальто у агента Павлова, что предусмотрено ст. 18 пол. о мѣр. къ охр. гос. пор. и общ. спок. и ст. 279 XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-е.

Февраля 11 дня 1908 г. СПб.

Изъ дневника провокатора Наума Тененбаума.

... 8 августа. Боже мой, какое ужасное состояніе духа! Я еще кажется, ничего подобнаго никогда не переживалъ. Да, седьмое августа будетъ для меня днемъ памятнымъ. 7 августа 1906 гда я въ Ланжеронѣ сдѣлалъ попытку застрѣлиться, а вчера я вошелъ въ сношенія съ охранкой! Меня уже около мѣсяца преслѣдуетъ мысль о томъ, что аттестатъ зрѣлости можно получить безъ экзамена при помощи протекціи Глаголева, какъ это было съ Неренштейномъ, напримѣръ, принявшимъ ради этого лютеранство. Я ни лютеранства не хочу принимать, а аттестатъ все-таки соблазнительнѣе; хочется сейчасъ же получить его. И вотъ я пришелъ къ мысли о томъ, что нужно услужить Глаголеву (нашему временному генералъ-губернатору) чѣмъ-нибудь другимъ, а именно выдачей товарищей и провокацій. Я уже даже двѣ копии письма набросалъ, въ которыхъ просилъ его принять меня по важному дѣлу. Но я раздумалъ, такъ какъ мнѣ показался сомнительнымъ успѣхъ. Лучше обратиться къ жандармамъ. Итакъ, вчера въ 10 час. я подошелъ къ Сабанскимъ казармамъ,*) куда жандармское управленіе перѣхало послѣ взрыва въ д. Баржанскаго. Оказалось, что оно уже съѣхало и оттуда. Куда же? Часовой сказалъ мнѣ, что на 3-ью станцію б-фонтанской дороги. Я прямо туда и подѣхалъ, но тамъ управленія не оказалось и одинъ жандармъ направилъ меня на Канатную, уг. Новорыбной; въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ мнѣ разъяснили, что нужно пойти въ Карантинный пер. въ д. № 5. Наконецъ то я попалъ, куда хотѣлъ. Тамъ же я увидѣлъ, что мнѣ нужно совсѣмъ не туда, а въ окрачку, и что Андреевъ,**) котораго я искалъ въ жандармскомъ управленіи, переведенъ также въ охранку. Итакъ, я пошелъ на Коблевскую. Тамъ, въ д. 45 кв. 11 — помѣщается охранное отдѣленіе. Я вхожу въ открытую дверь. Въ передней, представляющей собой нѣчто вродѣ кухни, я увидѣлъ двухъ парней, изъ которыхъ одинъ стоялъ у крана и чистилъ какую то бутылку.

Я обратился къ другому и спросилъ его, можно ли видѣть Андреева. Онъ отвѣтилъ, что сейчасъ скажетъ. Я его прождалъ около 10 минутъ. Черезъ 10 минутъ ко мнѣ подходитъ какой то молодой человекъ и спрашиваетъ, мнѣ ли нуженъ Андреевъ? Я ему отвѣтилъ утвердительно. Тогда онъ пригласилъ меня въ отдѣльную комнату и сказалъ, что въ виду отсутствія Андреева, я ему могу сообщить мое дѣло, а раньше онъ у меня справился, не „сотрудникъ“ ли я. Я ему разсказалъ, въ чемъ мое дѣло; я былъ секретаремъ Лео. Гр. Р. С. Д. Р. П., имѣлъ въ своихъ рукахъ много явокъ и адресовъ, знаю лично многихъ видныхъ лицъ и т. д. Онъ началъ со мной разговаривать по французски и попросилъ меня явиться къ

*) Въ Одессѣ. Ред.

***) Помощн. нач. Одесск. охр. отд., а въ настоящее время переведенъ въ Парижъ, гдѣ занялъ мѣсто уволеннаго Гартинга (Петровскаго), — въ Парижѣ известенъ подъ именемъ «Ремо». Ред.

нему въ 5 час. Далъ мнѣ свой адресъ (Витге, 38, кв. 19 — Константинъ Вадимовичъ Васильевъ). Въ указанный часъ я явился къ нему; онъ былъ очень предупредителенъ и любезенъ со мной, даже откровенничалъ, разсказалъ, что уже 7 лѣтъ „работаетъ“ въ полици, что по воскреснымъ днямъ „работаетъ“ на бульварѣ, „работалъ“ на Парижской выставкѣ, выслѣдилъ Костю Фельдмана, сказалъ мнѣ парижскій адресъ Кости (Gay Lussac, 26) и сообщилъ, что Ф. арестованъ. Затѣмъ сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что я умею, несмотря на свою молодость, тогда какъ ему уже 27 лѣтъ. Дальше онъ сказалъ, что хочетъ быть со мной товарищемъ. Словомъ, онъ хочетъ, чтобъ я обращался къ высшему начальству черезъ него, чтобъ онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность показать, что онъ имѣетъ въ виду успѣхъ дѣла, для котораго онъ работаетъ. Я согласился. Коротко, онъ мнѣ въ тотъ же вечеръ устроилъ свиданіе съ двумя господами: Андреевымъ и начальникомъ охраны, котораго онъ зоветъ „хозяинъ“. Въ 10 ³/₄ вечера я сидѣлъ на скамейкѣ противъ магазина Варжанскаго на Дерябасовской и ждалъ этого Васильева (который разсказалъ мнѣ, что его настоящая фамилія — Марченко, и что его звали въ Одессѣ „котъка красавчикъ“).

Мы съ нимъ вошли въ отдѣльный кабинетъ „татарскаго ресторана“, что при „Большой Московской гостиницѣ“. При входѣ мой спутникъ приказалъ слугѣ пустить къ намъ въ кабинетъ двухъ господъ, которые должны скоро явиться. Въ 11 ¹/₄ тѣ двое явились. Я имъ представился Наумовымъ.

9 авг. Я былъ слишкомъ возбужденъ вчера утромъ, чтобъ кончить начатое, продолжаю поѣтому сегодня. — Итакъ, мы были въ „отдѣльномъ кабинетѣ“.

Я имъ разсказывалъ про то, про се, такъ, ерунду всякую. Въ 12 час. — Васильевъ ушелъ, я остался съ ними наединѣ. Тогда я имъ разсказалъ, почему я хочу въ Лозанну и что за „услуги“ я имъ смогу оказать тамъ. Затѣмъ сказалъ имъ мои условія: аттестать зрѣлости, паспорта — внутрь и загранич., призывное свид. и на первыхъ порахъ 100 руб. въ мѣсяцъ. За особо важныя услуги особое вознагражденіе. На это они сейчасъ же согласились, причемъ „хозяинъ“ разсказалъ мнѣ, что, по открытіи читинскаго поджопа Директоръ Департамента прислалъ ему 500 руб. для вознагражденія провокатора. Разспрашивали меня про разныя мелочи, про рефераты, средства Партіи, Костю Фельдмана, армянъ дашнакцутюнцевъ, с.р и т. д. Спрашивали, не помню ли я нѣсколькихъ южныхъ адресовъ. Я имъ ни одного адреса не далъ.

Да, курьезъ. Спросили они меня про билудцевъ, что это за фракція. Я имъ разъяснилъ, кто такіе билудцы. Допытывались очень, не знаю ли я болгарскихъ дѣятелей, особенно софійскихъ. Я отказался. Словомъ, мы разошлись въ 1 ¹/₂ час. ночи съ тѣмъ, чтобъ скоро встрѣтиться, когда будутъ мои документы. Забылъ. Андреевъ очень расхваливалъ Герцля и его „Indenstaat“. Онъ увѣрялъ и меня, и „хозяина“, что будь онъ, Андреевъ, евреемъ, онъ непременно былъ бы сионистомъ. Онъ даже предложилъ, чтобъ при шифрованіи писемъ при перепискѣ между нами пользовались „Еврейскимъ Государствомъ“ Герцля. — Вчера вечеромъ былъ у „Котъки—красавчика“ (Марченко Васильевъ); онъ мнѣ сообщилъ, что Андреевъ и хозяинъ „договорны“ мной; они говорятъ, что, если и только не душой, то я для нихъ — находка. (Неужели они сомнѣваются въ томъ, что я не душой?)

Велѣно мнѣ быть сегодня въ 11 час. вечера на томъ же мѣстѣ. Посмотримъ.

13 авг. Ужъ я еще два свиданія имѣлъ съ ними: въ четвергъ въ 11 час. въ Татарскомъ ресторанѣ и въ пятницу въ 12 час. ночи въ Пале-Роялѣ у Петренко (быв. Готтенфельдъ.) Мнѣ задали „рѣшить задачу“: узнать составъ Одесскаго областного комитета. Надѣюсь, что мнѣ удастся вывернуться... Моя кличка въ охранкѣ — Татарскій, въ память нашей первой встрѣчи. Мнѣ уже достали паспортъ отъ одесскаго полицеймейстера на имя Од. мѣщанина и разрѣшеніе на выѣздъ за границу. Надѣюсь, что у меня въ четвергъ или въ пятницу будетъ паспортъ заграничный, и я въ субботу уѣду.

Лозанна. 7 сентября. Итакъ я уже на мѣстѣ своего „назначенія“ или „службы“. Не знаю еще, какой будетъ моя „служба“, — такъ какъ очень возможно, что я черезъ мѣсяцъ уѣду въ Бернъ для поступленія въ Университетъ, но фактъ тотъ, что моя „служба“ очень наклонная плоскость; я на ней уже поскользнулся, выдавъ Васильеву Александра (Кацапа). Если я увижу, что и впредь я долженъ буду брать на свою совѣсть жизнь и годы товарищей, то я свою службу брошу...

12 октября. Чортъ возьми! Я уже больше мѣсяца не братья дневника въ руки, а между тѣмъ, какъ много я пережилъ и перечувствовалъ за этотъ мѣсяцъ! Больше всего мой мозгъ былъ за это время занятъ тремя вещами: во-первыхъ, моимъ матеріальнымъ положеніемъ; во-вторыхъ, своимъ, если можно такъ выразиться, „научнымъ“ положеніемъ (я подъ этимъ понимаю свою карьеру); въ третьихъ — своей сердечной привязанностью.

Больше всего мнѣ было, когда я думалъ о своемъ матеріальномъ положеніи. Въ настоящій моментъ мои помыслы объ этомъ предметѣ неразрывно связаны съ моей службой въ охранномъ отдѣленіи (Боже мой! Какой ужасъ! Я служу въ охранномъ отдѣленіи! Я — наемный слуга самодержавія!) Я получилъ оттуда, наконецъ, первые сто рублей, „честно“ мною заработанные. Эта стезя — наклонная плоскость. Логика вещей сильнѣе логики моей. Я съ самаго начала боялся, что поскользнусь, и — это фактъ! — я уже здорово поскользнулся. Во-первыхъ, я еще въ Одессѣ выдалъ т. Александра (Кацапа). Помню, какъ я выходилъ изъ его „явки“ на Базарной ул. уг. Треугольнаго пер. въ помѣщеніи союза маляровъ. Выхожу изъ воротъ, берусь за шляпу, что служить для Филиппыча знакомъ, что Александръ — тамъ. Я ему велѣлъ слѣдовать за собой и, поднеся платокъ ко рту, тихо сказала ему, что тотъ сейчасъ выйдетъ, и описалъ ему его наружность. Напротивъ воротъ, на лавкѣ „квасника“ я увидѣлъ шпика, пришедшаго съ Филиппычемъ, чтобъ „взять“ Александра.

Да, я имъ въ Одессѣ даль списать и просмоетръ кое-какія комитетскія бумажки, положенныя у меня на храненіе Дуней. Тамъ были, между прочимъ, кой-какіе адреса, Николаевскіе, кажется.

А уже отсюда я имъ тоже успѣлъ кой-кого выдать. Прежде всего я имъ телеграфно сообщилъ, когда Федоръ Баутя (по дѣлу о декабрьскомъ возстаніи на заводѣ Гильфериха и Саде въ Харьковѣ) выѣхалъ по моему паспорту въ Россію. Затѣмъ я имъ сообщилъ, что сюда пріѣхалъ бѣжавшій изъ Облорска членъ Исп. Ком. Пет. Сов. Раб. Деп. Сверчковъ, и что за границей устраиваются съѣзды с-д. „Группъ“ по государствамъ. Я имъ сообщилъ также, что попалъ на слѣды К. М. Б-ой. Но эта исторія мнѣ особенно неприятна. Я

искренно сошелся и сдружился съ т. Д; онъ мнѣ разсказалъ, что познакомился въ Парижѣ съ Еленой, что она теперь въ Женевѣ, и что онъ скоро получитъ ея адресъ. Словомъ, я у него изъ кармана вынималъ письма, пока не узналъ, что о ней можно узнать у Mlle R. на В⁴ (такой то), кажется. Потомъ я такимъ же образомъ узналъ ея точный адресъ... Известно, что плохо тому, въ комъ совѣсть нечиста. Я еще къ тому же отличаюсь мнительностью. Такъ напримеръ, однажды я прихожу домой и застаю записку отъ т. А. изъ Женевы. — онъ мнѣ пишетъ, что долженъ меня видѣть по важному дѣлу. Я испугался. Мнѣ сейчасъ же пришла въ голову мысль, что въ Женевѣ какъ-то пронюхали (Д. былъ тогда тамъ), что я уже больно крѣпко интересуюсь Б-ой и, заподозривъ во мнѣ шпика, рѣшили потолковать со мной. Я прямо съ ума сошелъ отъ этой мысли, но, слава Богу, оказалось иначе: А. ко мнѣ пришелъ совершенно по другому дѣлу. А теперь съ другой стороны опасаясь моего разоблаченія. Около мѣсяца или трехъ недѣль тому назадъ я разослалъ въ Одессу письма разнымъ моимъ знакомымъ, и до сихъ поръ не получаю отъ нихъ отвѣта. Чѣмъ это объяснить? Неужели Иоська разсказалъ имъ ввѣренную мной ему тайну? Или, можетъ быть, въ Одессѣ арестовали вслѣдъ за моимъ отъѣздомъ Александра, и это поставили въ связь съ моимъ отъѣздомъ? Неужели, неужели?...

Я своимъ знакомымъ еще разъ написалъ на дняхъ, и, если и на этотъ разъ не получу никакого отвѣта, то прямо не знаю, что сдѣлаю съ собой, быть можетъ, съ ума сойду.

Меня эти мысли такъ разстраиваютъ, что о другихъ своихъ помышленіяхъ пишу уже въ другой разъ“.

Письма Науму Тенненбауму изъ Одесскаго охраннаго отдѣленія.

Дорогой Пріятель!

Страшно занять коммерціей! То одно закупишь, то другое продашь!

Какъ обстоятъ дѣла съ свободнымъ деревомъ. Стойко-ли стоятъ цѣны?

Не откажите въ любезности сообщить немедленно имѣющіяся у Васъ свѣдѣнія, т. к. особыхъ директивъ отъ насъ не послѣдуетъ.

Будьте болѣе общительны. Почему Вы не описываете положенія дѣлъ Биржи.

Лично Вами — я не доволенъ. Я ожидалъ отъ Васъ освѣщенія дѣятельности всѣхъ коммерсантовъ, вѣдь согласитесь сами, дорогой мой пріятель, что за товаръ вѣдь деньги платятъ. Будьте болѣе энергичны!

Напримеръ, сообщите мнѣ свѣдѣнія о моей пріятельницѣ, только немедленно.

Что же касается маленькой разницы, то по продуктивности работы, возможно было бы и дать, но Вы чего то отъ насъ ожидаете и не пишете.

Прошу Васъ, какъ пріятеля, дать сейчасъ же серьезныя свѣдѣнія о Биржѣ и отдѣльныхъ ея членахъ. Какія необходимы свѣдѣнія здѣшней Биржи—я Вамъ дамъ.

Итакъ, я жду отъ Васъ товара, серьезнаго, полного выгодныхъ комбинацій.

Адресуйте на ту же улицу и домъ, но прямо Владимиру Ивановичу Андрееву.

Прошу Васъ, во имя дружбы, не портить отношеній и дать указанія. Кто у Васъ гоститъ сейчасъ и что слышно на бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ отд. пишите P. Rest.

Вашъ К. (Васильевъ).

Измѣните почеркъ на конвертѣ и пошлите заказнымъ порядкомъ, квит. въ концѣ мѣсяца уплату.

Хозяинъ проситъ о ого подругѣ собрать точныя свѣдѣнія, гдѣ она находится.

Уважаемый товарищъ!

Извиняюсь, что давно не писалъ Вамъ и отъ души благодарю Васъ за выраженное Вами мнѣ сочувствіе. Благодареніе Богу — я уже здоровъ и вообще пострадалъ незначительно.

Теперь поговоримъ съ Вами по поводу нашихъ коммерческихъ сношеній.

Дѣло въ томъ, дорогой товарищъ, что всякое дѣло требуетъ аккуратности. Если я и «хозяинъ» и грѣшила передъ Вами съ высылкой денегъ, то такой «грѣхъ» составляла разницу въ нѣсколько дней. Просто мы плохо условились — надо было условиться такъ, что за каждый текущій мѣсяцъ деньги должны высылаться между 20 и 26-мъ числами, ибо фирма именно въ этотъ промежутокъ времени получаетъ причитающийся ей пай.

Но какъ бы то ни было, а Вы изволили исправно получить за июль, августъ и сентябрь мѣсяцы, всего 300 рублей, что составляетъ около 800 франковъ т. е. очень почтенную сумму.

Передо мной лежатъ Ваши любезныя письма. Ихъ всего 8, слѣдовательно, каждое Ваше письмо стоитъ фирмѣ по 100 франковъ. Если Вы изволите припомнить, что не каждое изъ нихъ имѣло полезное содержаніе и что, въ сущности, лишь 2 изъ нихъ являлись дѣйствительно полезными для фирмы (сообщеніе адреса Женевской клиентки и указанія имени, скрывающихся подъ инициалами нашихъ конкурентовъ и нѣсколько мелкихъ вещей), то Вамъ станетъ яснымъ, почему фирма съ октября прекратила Вамъ платежи.

Дорогой товарищъ, деньги фирмѣ достаются не даромъ и даромъ поэтому фирма платить ихъ права не имѣетъ. Если теперь Ваше положеніе на столь упрочилось, что Вы можете доставить и, вообще, доставлять не менѣе одного раза въ недѣлю, т. е. не менѣе 4 разъ въ мѣсяцъ полезныя фирмѣ свѣдѣнія, то я возобновлю Вамъ, по порученію главы фирмы, платежи въ прежнемъ размѣрѣ.

Полагаю, что Вашъ отвѣтъ успеетъ прибыть къ нашему 1 января, слѣдовательно, съ января мы и начнемъ вновь наше дѣло, причемъ рассчитывайте, что слѣдующія Вамъ деньги я буду высылать Вамъ между 20 и 26 каждаго мѣсяца.

Искренно радъ буду возобновить съ Вами наши коммерческія сношенія, прерванныя временно не по нашей винѣ.

Если Вы на это письмо отвѣтите согласіемъ и, быть можетъ, пожелаете отвѣтъ дать телеграммой такого содержанія: „Одесса, Коблевская 45 квартира 3 Андрееву Контрактъ принимаю“, что, въ свою очередь, дастъ мнѣ возможность еще до января написать Вамъ о выполненіи одного порученія, то я попрошу для Васъ отъ хозяина сто франковъ праздничнаго презента, которые переводу Вамъ по телеграфу для скорости.

Въ ожиданіи отвѣта, съ товарищескимъ пріветомъ.

В. А. (Идревъ).

Адресъ для писемъ мнѣ — прежній по новосельягд лично мнѣ.

Приговоръ по дѣлу Тененбаума.

Постановленіе Областного Бюро Швейцарскихъ группъ

Р. С. Д. Р. П.

12-го января 1908 г. состоялся партійный судъ, организованный Областнымъ Бюро, надъ бывшимъ секретаремъ Лозаннской группы содѣйствія Р. С. Д. Р. П., Наумомъ Тененбаумомъ-Меламедомъ, по дѣлу о принадлежности его къ Одесскому Охранному Отдѣленію.

Въ первыхъ числахъ января с. г., названный Наумъ Тененбаумъ сознался одному изъ товарищей въ томъ, что онъ служитъ въ Одесскомъ Охранномъ Отдѣленіи. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи этого дѣла удалось получить различные матеріалы, изобличающіе его дѣятельность въ качествѣ агента Охр. Отдѣленія. Въ распоряженіи суда, такимъ образомъ, имѣлись: дневникъ и записная книжка Наума Тененбаума, его собственное признаніе, три письма изъ Одесскаго Охр. Отдѣленія и др. документы.

Изъ всего этого выяснилось слѣдующее.

Наумъ Тененбаумъ-Меламедъ вступилъ 7-го августа 1907 г., въ сношенія съ чинами Одесскаго охран. отдѣленія; согласился быть его агентомъ; получать за это 100 р. въ мѣсяць; выполнялъ рядъ дѣланій ему порученій; доставилъ Одесскому Охр. Отдѣл. рядъ свѣдѣній о лицахъ и партійныхъ организаціяхъ.

Одесское Охр. Отдѣленіе предложило Науму Тененбауму отправиться въ Болгарію или на Балканскій полуостровъ, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Охр. Отд., кавказскіе революціонеры подъ видомъ общеобразовательныхъ школъ устраиваютъ тамъ военно-техническія школы, закупаютъ оружіе и транспортируютъ его въ Россію. Ему предлагалось узнать лицъ, занимающихся этимъ дѣломъ, мѣста закупки и складовъ оружія и способъ отправки его въ Россію. Затѣмъ Н. Тененбауму было сообщено, что, по свѣдѣніямъ Охр. Отдѣл., партія соц. рев. отправила нѣсколькихъ своихъ членовъ въ Италію для закупки и транспортировки въ Россію оружія на сумму на 25 — 50 тысячъ рублей. Предложено было выслѣдить это предпріятіе. Наумъ Тененбаумъ не согласился ѣхать туда и взяться за это дѣло, а выбралъ себѣ Лозанну, гдѣ онъ былъ раньше секретаремъ Группы Р. С. Д. Р. П., и имѣлъ поэтому связи.

Въ Одессѣ, между 8-10 авг. 1907 г., Н. Тененбаумомъ былъ выданъ Охранному Отд. членъ одесской с.-д. организаціи, т. Александръ „Кацапъ“, при обстоятельствахъ, описанныхъ названнымъ Тененбаумомъ въ своемъ дневникѣ.

Тогда же Н. Тененбаумъ выдалъ Охр. Отдѣленію копию документовъ, оставленныхъ у него одесской с.-д. организаціей на храненіе и содержащихъ въ себѣ: вырѣзки изъ американскихъ газетъ объ убійствѣ Черняка, приглашеніе отъ Николаевской с.-д. организаціи товарища Н прѣхать въ Николаевъ въ качествѣ отвѣтственнаго пропагандиста, при чемъ тутъ же указывался адресъ, по которому т. Н долженъ былъ явиться въ Николаевъ и разные другіе доку-

менты (Н. Тененбаумъ заявилъ, что имя этого товарища, Николаевскій адресъ и содержаніе другихъ документовъ онъ забылъ).

Заграницу Н. Тененбаумъ выѣхалъ изъ Одессы 19 августа и поселился въ Лозаннѣ, гдѣ и занялъ должность секретаря Группы Р. С.-Д. Р. П.

Охраннымъ Отдѣленіемъ было поручено Тененбауму разыскать и сообщить адресъ находящейся за границей Клары Михайловны Бродской („Елена“), что онъ и исполнилъ, вытащивъ нужный ему адресъ изъ кармана одного товарища, который, какъ онъ подозрѣвалъ, велъ переписку съ вышеозначенной Бродской.

Ему же было поручено разыскать за границей нѣкоего дантиста, выдающаго себя, какъ указало Охр. Отд., за сотрудника „Le Petit Parisien“ и живущаго подъ именемъ Manuel Mamant. Помощникъ Начальника Одесскаго Охр. Отд., Андреевъ, сообщилъ Тененбауму, что Manuel Mamant обвинялся нѣкогда по политич. дѣлу и былъ отпущенъ за границу подъ честное слово съ обязательствомъ возвратиться въ Россію черезъ 3 мѣсяца. Ротмистръ Андреевъ перевелъ въ Женеву для Manuel Mamant деньги черезъ Credit Lyonnais (отношеніе этого М. Mamant къ Охр. Отд. не удалось выяснитъ).

Затѣмъ Тененбаумъ сообщилъ Одесскому Охранному Отдѣленію о мѣстопребываніи членовъ С ПБ. Совѣта Рабочихъ Депутатовъ: гг. Зборовскаго, Сверчкова, Маянца, Клячко. Раздобылъ паспорта для возвращающихся въ Россію трехъ товарищей (гг. Бауца, Вл. Фельдмана, Раппа) и одновременно сообщилъ телеграфомъ Одесскому Охранному Отдѣленію о выѣздѣ ихъ въ Россію. Сообщилъ адресъ З. П. Бюро Гр. Сод. Р. С.-Д. Р. П.

Само собой разумѣется, что вышеуказанные факты не исчерпываютъ всю дѣятельность Тененбаума въ Охранномъ Отдѣленіи.

Изъ документовъ, свидѣтельскихъ показаній и признанія самого Тененбаума выяснилось, что онъ, уже послѣ своего сознанія, послалъ телеграмму въ Одесское Охр. Отдѣленіе съ заявленіемъ о продолженіи своей агентурной дѣятельности на старыхъ условіяхъ.

На основаніи всего этого судъ единогласно постановилъ: *Объявить бывшаго секретаря Лозаннской Группы Р. С.-Д. Р. П., Наума Тененбаума-Меламеда (кличка его въ Охр. Отд. Татарскій), живущаго въ Лозаннѣ rue de la Solitude, 11, — агентомъ-провокаторомъ и опубликовать объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе съ приложеніемъ фотографической карточки и факсимиле.*

Отъ ред. — Тененбаумъ послѣ Лозанны уѣхалъ въ Кавръ, гдѣ былъ одновременно съ другимъ провокаторомъ Лив. Дм. Бейтнеромъ, а въ послѣднее время вернулся въ Петербургъ, откуда уѣхалъ куда-то въ провинцію.

Въ оригиналѣ прокламации Обл. Бюро напечатана біографія и факсимиле Тененбаума.

Инструкціи

начальникамъ охранныхъ отдѣленій по организаціи наружнаго наблюденія.

1. Однимъ изъ средствъ негласнаго разслѣдованія является наружное наблюденіе за лицами, прикосновенными къ революціонному движенію, для каковой надобности приглашаются особыя лица (филеры).

2. Наружное наблюденіе представляется средствомъ, большею частью вспомогательнымъ, а потому при отсутствіи освѣщенія со стороны внутренней агентуры, оно лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ дать самостоятельный матеріалъ для выясненія сообществъ. Потому наибольшую выгоду изъ наружнаго наблюденія можно получить только при строгомъ соотношеніи его съ указаніями внутренней агентуры на значеніе наблюдаемыхъ лицъ и намѣченныхъ филерами событій.

3. При отсутствіи попутнаго освѣщенія со стороны внутренней агентуры, не слѣдуетъ допускать чрезмѣрнаго развитія наружнаго наблюденія, такъ какъ, будучи весьма растяжимо, оно можетъ давать весьма обширный, непонятный матеріалъ, крайне затрудняющій работу филеровъ и отдѣленій.

4. Подробныя правила для дѣятельности филеровъ изложены въ особой инструкціи.

5. Въ видахъ болѣе успѣшнаго наблюденія, филеры должны быть приурочены къ возможно тщательному запоминанію лицъ наблюдаемыхъ, а не къ опредѣленію ихъ по одной одеждѣ.

6. Въ отношеніи представленія филеровъ для допроса въ качествѣ свидѣтелей при дознаніи подлежитъ въ точности руководствоваться правилами, изложенными въ циркулярномъ предписаніи Начальникамъ Губернскихъ и Областныхъ Жандармскихъ Управленій отъ 20 марта 1903 г. N 2821.

7. Свѣдѣнія по наблюденію, заслуживающія серьезнаго вниманія, представляются еженедѣльно въ Районное Охранное Отдѣленіе по каждой организаціи отдѣльно.

8. Всѣ свѣдѣнія по наружному наблюденію за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ записываются филерами ежедневно въ вечернія рапортныя книжки; по каждой организаціи отдѣльно составляются сводки лицъ и домовъ, проходящихъ по наблюденію.

9. Для быстрыхъ справокъ имѣть дугу свѣдѣній о домахъ, на которую надѣваются листки трехъ цвѣтовъ въ порядкѣ NN домовъ по каждой улицѣ особо: на первый — красный заносятся всѣ свѣдѣнія о данномъ домѣ по агентурѣ и проч. Второй — зеленый является сводкой наружнаго наблюденія по этому дому. На немъ, по каждой организаціи отдѣльно, отмѣчается: кто, когда и кого посѣтилъ въ данномъ домѣ. Третій — бѣлый представляетъ изъ себя выписку изъ домовыхъ книгъ лицъ, живущихъ въ означенномъ домѣ, къ квартирамъ которыхъ по предложенію могли относиться посѣщенія, агентурное свѣдѣніе или свѣдѣніе по перепискѣ. Всѣ три листка на одинъ домъ кладутся по порядку одинъ подъ другой.

10. Къ 5-му числу cadaго мѣсяца Начальники Охранныхъ Отдѣленій представляютъ въ Районныя Охранныя Отдѣленія и въ Департаментъ Полиціи списки лицъ, проходившихъ по наблюденію, по каждой организаціи отдѣльно, съ полной установкой знакомыхъ, фамилія, имя, отчество, званіе,

занятіе, кличка по наблюденію и по организаціи и краткимъ указаніемъ причѣвъ наблюденія.

Наиболѣе серьезнымъ (центральнымъ) лицамъ слѣдуетъ давать вкратцѣ характеристику въ особомъ примѣчаніи къ этому списку.

12. Завѣдующій наблюденіемъ въ районахъ и старшіе филеры въ отдѣленіяхъ должны знать адреса таковыхъ-же всѣхъ другихъ Охранныхъ Отдѣленій для посылки условныхъ телеграмъ и писемъ.

13.

14. Сопровождать наблюденіемъ въ иногороднихъ поѣздахъ слѣдуетъ только лицъ: а) въ отношеніи коихъ имѣются спеціальныя на этотъ счетъ распоряженія Департамента полиціи, б) основательно подозрѣваемыхъ въ террористическихъ злоумышленіяхъ и в) о коихъ доподлинно извѣстно, что поѣздка ихъ имѣетъ революціонную цѣль.

15. Для сопровожденія наблюдаемыхъ въ иногороднихъ поѣздахъ, командирована не менѣе двухъ агентовъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можетъ быть обезпеченъ успѣхъ наблюденія и устранены нежелательныя случайности (потеря, провалъ и т. п.)

16. Филеръ, выѣхавшій съ наблюдаемымъ, при первомъ удобномъ случаѣ телеграфируетъ завѣдвающему наблюденіемъ въ районѣ и своему начальнику. Телеграммы должны носить характеръ торговой корреспонденціи, напримеръ: «Товаръ Чернаго везу Тулу» и т. п.

17. Въ случаѣ выѣзда наблюдаемаго въ сопровожденіи филеровъ въ районъ вѣдѣнія другого Охраннаго Отдѣленія или Управленія — начальнику послѣднихъ немедленно телеграфировать о томъ шифромъ съ обязательнымъ указаніемъ: какого числа, какимъ поѣздомъ и какой дорогой, въ вагонъ какого класса и за какимъ номеромъ, до какого мѣста выѣхалъ наблюдаемый, какъ его фамилія (не установлено, то кличка), кто его сопровождаетъ, къ какой онъ организаціи принадлежитъ, какое значеніе онъ имѣетъ для розыска, и что требуется въ отношеніи его принять: неотступное наблюденіе, установка личности, задержаніе. Въ этихъ же телеграммахъ указывать условные признаки, по которымъ можно узнать сопровождающаго филера.

Изъ инструкціи по организаціи наружнаго (филерскаго) наблюденія.

1. Для несенія наружной (филерской) службы выбираются строевые запасные нижніе чины, предпочтительно унтеръ-офицерскаго званія, не старше тридцати лѣтъ. Преимущество при удовлетвореніи условіямъ, изложеннымъ ниже, отдается окончившимъ военную службу, а такъ же кавалеристамъ, развѣдчикамъ, бывшимъ въ охотничьей командѣ, имѣющимъ награды за развѣдку, отличную стрѣльбу и знаки отличія военнаго ордена.

2. Филеръ долженъ быть политически и нравственно благонадежнымъ, твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, честный, трезвый, смѣлый, ловкій, развитой, сообразительный, выносливый, терпѣливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтунъ, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящійся къ дѣлу и принятымъ на себя обязанностямъ, крѣпкаго здоровья, въ особенности крѣпкими ногами, съ хорошимъ зрѣніемъ, слухомъ и памятью, такою вышностью, которая давала бы ему возможность не выдѣляться изъ толпы и устраняла бы запоминаніе его наблюдаемыми.

3. Филерами не могутъ быть лица польской и еврейской національности. Вновь поступившему филеру должно быть разъяснено: что такое государственное преступленіе, что такое революціонеръ; какъ и какими средствами революціонные дѣятеля достигаютъ своихъ цѣлей; несостоятельность учений революціонныхъ партій; — задачи филера наблюденіе и связь его съ внутренней агентурой; — серьезность принятыхъ филеромъ на себя обязанностей и необходимость безусловно-правдиваго отношенія къ службѣ вообще, а къ

даваемымъ свидѣніямъ въ особенности: вредъ отъ тайки, преувеличенія и вообще ложныхъ показаній, при чемъ ему должно быть указано, что только совокупность безусловно точно передаваемыхъ свидѣній ведетъ къ успѣху наблюденія, тогда какъ искаженіе истины въ докладахъ и стремленіе скрыть неудачи въ его работѣ наводятъ на ложный слѣдъ и лишаютъ филера навѣрное возможности отлѣчиться.

4. Когда молодыхъ филеровъ наберется нѣсколько, попросить въ отдѣленіе священника и привести ихъ къ присягѣ на вѣрность службѣ.

5. Принимать филеровъ надо съ большой осторожностью, при сомнѣніи, новичка испытать, выдержавъ его при отдѣленіи недѣли двѣ безъ порученій по наблюденію, стараясь за это время изучить его характеръ, на основаніи данныхъ общенія его съ другими служащими. При всѣхъ достоинствахъ, презрѣнная нѣжность къ семьѣ или слабость къ женщинамъ — качества съ филерской службой несомнѣстныя и вредно отражаются на службѣ. Ему въ первый же день службы должно быть внушено, что все, что онъ слышалъ въ отдѣленіи, составлять служебную тайну и не можетъ быть извѣстно кому бы то ни было. Во время испытанія, новичка нужно посылать для детальнаго изученія города: знать проходные дворы, трактиры, пивныя, сады, свѣеры съ ихъ входами: отходъ и приходъ поѣздовъ, пути трамвая, мѣсто стоянки извозчиковъ, таксу ихъ; учебныя и другія заведенія, время занятія; фабрики и заводы; время пачала и окончанія работы; формы чиновниковъ и учащихся и т. п.

Полученныя въ этой области филеромъ познанія онъ долженъ представлять ежедневно въ письменномъ видѣ завѣдывающему наблюденіемъ, для сужденія о степени пригодности его къ филерской службѣ.

6. При удостовѣреніи въ наличности требуемыхъ отъ филера качествъ, можно его посылать въ наблюденіе за своими служащими, показавъ ему нѣкоторые приемы наблюденія; въ дальнѣйшемъ можно будетъ уже переходить на настоящее наблюденіе, для чего назначать новичка въ помощь къ старому опытному филеру, который даетъ ему совѣтъ, практическое указаніе и поправляетъ его ошибки. До этого же, о служебныхъ приемахъ, составляющихъ тайну, говорить не слѣдуетъ.

7. Такъ какъ филеръ полезенъ для службы только тогда, когда его мало знаютъ въ лицо и не знаютъ его профессіи, то филеръ долженъ держать себя конспиративно, избѣгать знакомства, въ особенности въ мѣстѣ его квартированія, чтобы тамъ не знали, что онъ служитъ въ Охранномъ Отдѣленіи. Отнюдь никому не слѣдуетъ говорить о приемахъ филерской службы, и каждому филеру должно быть внушено, что чѣмъ меньше посторонніе знаютъ приемы филерской службы, тѣмъ успѣшнѣе розыскъ. Квартиру избираютъ, гдѣ нѣтъ учащихся.

Одиному комнату подыскивать въ такомъ семействѣ, гдѣ меньше бы интересовались его службой и позднимъ возвращеніемъ домой. Родъ занятій надо указывать такой, при которомъ можно возвращаться домой поздно (служба на желѣзной дорогѣ, въ товарныхъ конгорахъ, трамваѣ, гостинницѣ и т. п.), давъ филеру возможность имѣть у себя дома и нѣкоторые доказательства этого рода занятій.

8. Одѣваться филеръ долженъ, согласуясь съ условіемъ службы, обыкновенно такъ же, какъ одѣваются въ данной мѣстности жители средняго достатка, не выдѣляясь своимъ костюмомъ вообще и отдѣльными его частями (такъ же ботинки) въ частности изъ общей массы жителей.

9. Филеръ ни подъ какимъ условіемъ не долженъ знать лицъ, состоящихъ секретными сотрудниками, и наоборотъ.

10. Наружное наблюденіе устанавливается за извѣстною личностью съ цѣлью выясненія ея дѣятельности, связей (знакомства) и сношеній. Всѣдствие этого недостаточно вводить одно данное лицо, а надо выяснитъ лицъ, съ которыми оно видится, и чьи квартиры посѣщаетъ, а также и связи послѣднихъ.

11. Дабы пріобрѣсти навыкъ быстро (съ перваго взгляда) запоминать наблюдаемаго, надо пользоваться всякими удобными случаями для практики въ запоминаніи на лицахъ изъ наблюдаемыхъ. Посмотрѣвъ на таковыя, фи-

лерь, отвернувшись въ другую сторону, или закрывъ на минуту глаза, долженъ представить себѣ всѣ примѣты этого лица и провѣрить такимъ ли является лицо въ дѣйствительности.

12. Примѣты должны быть замѣчаемы въ слѣдующемъ порядкѣ: лѣта, ростъ, тѣлосложение, лицо (глаза, носъ, уши, ротъ и лобъ), растительность на головѣ и прочее, цвѣтъ, длина волосъ, и особенности въ одеждѣ, походкѣ или манерахъ. Для болѣе точнаго опредѣленія цвѣта волосъ, филерамъ показать примѣры на живыхъ лицахъ.

13. При сообщеніи свѣдѣній о каждомъ наблюдаемомъ, въ самомъ началѣ должно указать, гдѣ они живутъ. Если мѣстожителство не установлено, то и писать такъ.

14. При посѣщеніи наблюдаемыми домовъ, слѣдуетъ точно указывать помимо улицы еще номеръ владѣнія и фамилію владѣльца, если нѣтъ номера, а равно по возможности и квартиру. (Ходъ, этажъ, флигель, окна, балконы и т. д.).

15. Если въ данномъ домѣ наблюдаемые посѣщаютъ два или нѣсколько разныхъ помѣщеній, то подлежитъ каждый разъ указывать, куда именно они ходятъ.

16. Каждому лицу, вошедшему въ наблюдение, дается кличка, какъ равно и лицамъ, кои по мнѣнію филеровъ будутъ представляться интересными, или часто встрѣчаться ими по наблюдению.

17. Кличку должно давать краткую (изъ одного слова). Она должна характеризовать внѣшность наблюдаемаго, или выражать собою впечатлѣніе, которое производитъ данное лицо.

18. Кличка должна быть такая, чтобы по ней можно было судить, относится ли она къ мужчинѣ или къ женщинѣ.

19. Не слѣдуетъ давать одинаковыхъ кличекъ нѣсколькимъ лицамъ. Каждый наблюдаемый долженъ имѣть одну кличку, данную ему впервые, когда его узнали.

20.

21. Опредѣленное число филеровъ, назначаемыхъ для наблюденія за определенной личностью, или домомъ, называется наблюдательнымъ постомъ. На каждый наблюдательный постъ назначается не менѣе двухъ филеровъ.

22. Необходимо мѣнять филеровъ при назначеніи на посты во-первыхъ: наблюдаемые замѣчаютъ однихъ и тѣхъ же наблюдающихъ за ними филеровъ, и во вторыхъ: чтобы всѣ филеры ознакомились со всей наблюдаемой группой и имѣли бы понятіе о важности того или другого лица въ наблюденіи. Последнее важно для того, чтобы стоящіе на посту филеры, видя серьезнаго наблюдаемаго безъ наблюденія, слѣдовательно, утеряннаго, могли оставить свой постъ, какъ менѣе важный, и взять его въ наблюдение для передачи потерявшимъ филерамъ. Дабы не оставить свой постъ безъ наблюденія, можно отдѣлиться только одному. Знать всѣхъ наблюдаемыхъ надо также для того, чтобы своевременно скрыть себя отъ случайно проходящаго одного изъ наблюдаемыхъ, такъ какъ онъ можетъ невольно обратить вниманіе на стоящихъ филеровъ, а послѣднимъ, можетъ быть, завтра придется за нимъ наблюдать.

23. Филеру, назначенному на постъ, указывается мѣсто, откуда надо взять наблюдаемое лицо, описываются примѣты послѣдняго, дается (если есть) фотографическая картонка, сообщается, если извѣстно, время выхода или прихода; вообще дается сумма имѣющихся данныхъ, по которому можно узнать лицо, подлежащее наблюденію.

24. По избѣжанію проваловъ, и вообще для конспиративнаго наблюденія рекомендуется иногда одѣвать филеровъ посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожками, дворниками и т. п., смотря по мѣстности и надобности.

25. На постъ филеры должны придти не болѣе, какъ за часъ до извѣстнаго времени выхода наблюдаемаго; если же время неизвѣстно, то надо быть на посту ко времени начала общаго движенія въ данной мѣстности.

26. При осуществленіи наблюденія, необходимо дѣйствовать такъ, чтобы

не обратить на себя вниманія, не ходить замѣтно тихо и на одномъ мѣстѣ въ теченіе продолжительнаго времени не останавливаться.

27. Въ ожиданіи выхода наблюдаемаго лица, филеръ становится на такомъ разстояніи отъ мѣста выхода, чтобы только видѣть послѣдній (насколько хатаетъ зрѣнія) съ тѣмъ, чтобы по выходѣ безошибочно опредѣлить по примѣтамъ данное для наблюденія лицо.

28. Позиція филера должна быть по возможности закрыта, т. е., чтобы филеръ не бросался въ глаза наблюдаемому лицу. Для этого надо примѣниться къ мѣстности.

30. При выходѣ наблюдаемаго, филеръ долженъ держать себя спокойно, не теряться, не срываться съ мѣста. Если наблюдаемый еще не видѣтъ наблюдающаго за нимъ филера, то послѣднему лучше укрыться, но если наблюдаемый замѣтилъ, то лучше остаться, не измѣняя положенія и трогаться лишь тогда, когда наблюдаемый далеко отойдетъ или завернетъ за уголъ.

31. Замѣтивъ выходъ наблюдаемаго и его направленіе въ ихъ сторону, филеры должны быстро сообразить, по условіямъ мѣстности, какъ избѣжать встрѣчи съ наблюдаемымъ; — послѣднее необходимо достигнуть всеми способами, но безъ суеты и торопливости. Для этого филеры, зная проходные дворы, лавочки, калитки, скрываются туда, и, давши время пройти наблюдаемому, слѣдуютъ за нимъ по одной съ нимъ сторонѣ, или по противоположной, что зависитъ отъ условій мѣстности.

32. Слѣдя за наблюдаемымъ, филеръ долженъ изучить его походку, характерныя движенія, обращать вниманіе на то, какъ наблюдаемый держитъ голову, руки, какъ ступаетъ ногами и пр. Чтобы посмотри въ лицо наблюдаемаго, надо пользоваться людными улицами, базарами, перекрестными улицами, трамваемъ, конкой и пр., такъ какъ въ этихъ мѣстахъ можно видѣть лицо наблюдаемаго незамѣтно для послѣдняго. На глухихъ улицахъ и переулкахъ совершенно нельзя смотреть въ лицо наблюдаемому.

33. Если встрѣча наблюдаемаго съ филерами неизбежна, то не слѣдуетъ ни въ коемъ случаѣ встрѣчаться взорами (не показывать своихъ глазъ), такъ какъ глаза легче всего запоминаются.

34. Дистанція, которую надо держать при слѣдованіи за наблюдаемымъ, зависитъ отъ многихъ причинъ. Напримѣръ, если улица прямая, длинная, мало оживленная, — филеры держатся сзади на такомъ разстояніи, чтобы только видѣть наблюдаемаго. При слѣдованіи по оживленной улицѣ, дистанція сокращается; въ толпѣ же надо держаться близко.

35. Если наблюдаемый начинать оглядываться, то филеръ долженъ опредѣлить, почему именно онъ началъ оглядываться: потому ли, что замѣревается посѣтить какое-либо конспиративное мѣсто и боится, чтобы его не замѣтили, или потому, что самъ замѣтилъ наблюденіе. Въ первомъ случаѣ надо продолжать наблюденіе съ большей осторожностью (если мѣсто позволяет, то въ обходъ, въ объѣздъ); если же есть основаніе предполагать, что наблюдаемый можетъ замѣтить даже осторожное наблюденіе, то лучше прервать таковое; если есть основаніе предполагать, что серьезный наблюдатель можетъ ухватить изъ города, то надо обезпечить желѣзнодорожный вокзалъ. Если наблюдаемый вообще очень «строгъ» (оглядывается, конспирируетъ), то надо чаще мѣняться филерамъ и вообще вести наблюденіе осторожнѣе.

36. Провода наблюдаемаго въ домъ, филеръ долженъ обслѣдовать домъ, т. е. узнать не проходной ли онъ и, если проходной, то обезпечить всѣ выходы.

Проходные дворы въ городѣ, гдѣ филеръ имѣетъ жительство постоянное, онъ долженъ знать всѣ наизусть.

37. Всѣ мѣста, куда заходилъ наблюдаемый, надо твердо запомнить и при первомъ удобномъ случаѣ записывать: время пребыванія, приходъ и выходъ, улицу, номеръ дома, парадное, если на послѣднемъ есть карточка, то запомнить ее и записать.

38. Если домъ угловой, подлежитъ обязательно указать подъ какими номерами онъ значится съ обѣихъ улицъ и съ какой улицы существуетъ входъ въ таковой домъ.

39. Въ свѣдѣніяхъ слѣдуетъ писать : «пошелъ къ такому-то», а также и въ домъ такой-то, къ такому-то.

40. Въ свѣдѣніяхъ должно указывать на тѣ мѣста, гдѣ наблюдаемые выходятъ по частнымъ надобностямъ (обѣдъ, занятіе, родственники и т. п.) если это уже ранѣе выяснено.

41. При посѣщеніи наблюдаемыми магазиновъ и мастерскихъ слѣдуетъ обязательно указывать фамиліи владѣльца и ихъ улицы, на которыхъ эти магазины находятся.

42. При посѣщеніи наблюдаемымъ какого-либо дома устанавливать квартиру, въ которую онъ зашелъ, что сразу удается сравнительно рѣдко: почему на первыхъ же порахъ филеръ ограничивается, что узнаеть, какіе номера въ томъ парадномъ, куда зашелъ наблюдаемый и кто тамъ живетъ (по двернымъ карточкамъ); при дальнѣйшемъ наблюденіи можно иногда зайти нѣсколько впередъ наблюдаемаго и прити на самый верхній этажъ и когда наблюдаемый войдетъ, то, спускаясь, замѣтить квартиру, въ которую онъ зашелъ. Съ этой же цѣлью можно заранѣе приготовить филера послышнымъ, или одному изъ филеровъ гдѣ-нибудь по близости снять пальто, шапку, даже шورتку, выпустивъ цѣпную рубашку на выпускъ и зайти въ парадное, какъ бы здѣсь живущему человѣку.

43. Если наблюдаемый завернулъ за уголъ, надо ускорить шаги, чтобы видѣть, какъ бы за угломъ наблюдаемый не зашелъ куда-либо. Если наблюдаемый будетъ утерять за угломъ — то значитъ онъ зашелъ въ мѣсто, находящееся недалеко отъ угла. Разсчитавъ по времени мѣсто, куда могъ приблизительно зайти наблюдаемый, надо вновь избрать мѣсто и стать такъ, чтобы видно было нѣсколько парадныхъ выходовъ и воротъ.

44. Въ мѣстностяхъ, недоступныхъ для стоянки вѣшнихъ филеровъ (тѣ они очень замѣтны), а также къ наиболѣе важнымъ наблюдаемымъ, для успѣшности наблюдений назначается конное наблюдение, черезъ филера, посредстваго извозчиковъ.

Въ извозчики выбирается филеръ наиболѣе находчивый, знакомый съ управленіемъ лошади, а также и съ правилами ѣзды извозчиковъ. Если такового въ Охранномъ Отдѣленіи нѣтъ, то надо его подготовить (безъ наблюдений) — безъ выучки въ наблюдение пускать нельзя, такъ какъ неумытый извозчикъ быстро пропадетъ. Филеръ-извозчикъ по вѣрности, костюму, равно какъ и его экипажъ ничѣмъ не должны отличаться отъ извозчиковъ-профессіоналовъ или вучеровъ собственныхъ экипажей, если употребляется послѣдній. Извозникъ-филеру надо всегда помнить, что по вѣрности онъ прежде всего извозчикъ, а потому онъ долженъ исполнять безпрекословно требованія полиціи, не вступая ни въ какія пререканія. Если требованіе чина полиціи приноситъ вредъ наблюдению, то оно должно быть выполнено, а потомъ незамѣтно для другихъ извозчиковъ, филеру надо переговорить съ чинномъ полиціи или старшимъ надъ нимъ, сказавъ ему, что онъ есть въ дѣйствительности. Если этихъ переговоровъ можно избѣгать, не нанося особаго ущерба дѣлу, то послѣднее предпочтительнѣе. При появленіи среди другихъ извозчиковъ извозника-филера надо прежде всего бояться «провала», такъ какъ появленіе новаго извозника сразу заинтересуетъ его коллегъ, а потому съ посторонними извозниками надо поменьше разговаривать. Появленіе извозника въ мѣста ихъ обычной стоянки, обращаетъ вниманіе дворниковъ и сторожей, которые обыкновенно топятъ ихъ, чтобы не гадилъ лошади. Въ этомъ случаѣ протекательность стоянки филера-извозника на одномъ мѣстѣ зависитъ отъ находчивости извозника-филера. Онъ всегда долженъ быть готовымъ въ онѣкъ и быстро схватывать типъ дворника. Судя по типу дворника, извозникъ одному говоритъ, что выкидаетъ доктора, пріѣхавшаго къ больному, другому по секрету сообщаетъ, что ожидаетъ «барина», который находится у чужой жены и для побѣды по этому дѣлу всегда беретъ его, или же разсказываетъ басню про такую же барыню; третьему предлагаетъ угощеніе «по-хорошему», чтобы не гналъ съ выгоднаго мѣста и т. п. Все это зависитъ отъ находчивости извозника. На вопросъ публики отвѣчать: «звизгъ». Возвъ наблюдаемаго по избѣжанію провала не считается удобнымъ, но иногда вечеромъ, или въ дождливую погоду, или близко къ

ликвидации, или, если нѣтъ другого извозчика и филеру неудобно сказать, что онъ занятъ, это дѣлается, но извозчикъ торгуется съ наблюдаемымъ такъ же, какъ со всякимъ пассажиромъ.

45. Обязанности филера-извозчика тѣ же, что и пѣшаго; онъ также долженъ выбрать позицію и оттуда наблюдать выходъ наблюдаемаго. Пѣшие же, назначаемые въ помощь конному, обыкновенно скрываются въ ближайшемъ прикрытiи (трактиръ, чайная), расположение котораго извозчикъ долженъ знать. По выходѣ наблюдаемаго, извозчикъ незамѣтно для наблюдаемаго и постороннихъ, трогается съ мѣста, сажаетъ пѣшихъ филеровъ, если они на улицѣ, съ такими же приемами, какъ обыкновенныхъ сѣдокоевъ и ѣдетъ за наблюдаемымъ, если тотъ также поѣхалъ на извозчикѣ; или ѣдетъ одинъ, а пѣшие ведутъ пѣшкомъ извозчика, если наблюдаемый идетъ пѣшкомъ. Если пѣшие находятся въ трактирѣ, то извозчикъ, замѣтивъ направленіе наблюдаемаго, быстро даетъ знать пѣшимъ посредствомъ условнаго между ними сигнала, если они сидятъ у окна; или входитъ во внутрь трактира и говоритъ что-нибудь въ родѣ слѣдующаго: «Что же, господа, деньги давайте или поѣдемъ». Пѣшие спокойно. Быстро выходятъ, садятся на извозчика и послѣдній догоняетъ наблюдаемаго. Если наблюдаемый идетъ пѣшкомъ, то пѣшие оставляютъ извозчика и слѣдуютъ обыкновеннымъ порядкомъ за наблюдаемымъ непосредственно, или за извозчикомъ, а послѣдній уже ведетъ наблюдаемаго, слѣдуя тихо за нимъ. При приближенiи къ угламъ, извозчикъ подѣзжаетъ ближе, дабы при поворотѣ за уголъ видѣть, куда пойдетъ наблюдаемый. Вообще извозчикъ можетъ держаться ближе къ наблюдаемому, что онъ и дѣлаетъ тамъ, гдѣ этого нельзя пѣшимъ.

46. Когда наблюдаемый поѣхалъ на извозчикѣ, филеры пѣшие должны также брать извозчика (хотя бы и не филера) и ѣхать за наблюдаемымъ. Извозчику надо только узнать, куда ѣхать. Замѣтивъ, что наблюдаемый оставилъ извозчика и зашелъ въ домъ, или пошелъ дальше пѣшкомъ, нужно также оставить извозчика, свернувъ для этого въ первый попавшійся уголъ, для того, чтобы наблюдаемый не замѣтилъ, что ѣхавшій съзади его тоже оставилъ извозчика. Послѣ этого, рассчитавъ извозчика подальше отъ мѣста стоянки, подлежитъ продолжать наблюдение пѣшкомъ. Иногда (например, когда близко нѣтъ угла), дабы не упустить наблюдаемаго изъ виду, одинъ изъ филеровъ оставяетъ извозчика на ходу и занимаетъ позицію, а другой ѣдетъ для расчета дальше и, затѣмъ, возвращается. Необходимо всегда запоминать и записывать номеръ извозчика, на которомъ ѣдетъ наблюдаемый, дабы въ случаѣ утери, можно было навести справку у извозчика, куда онъ возилъ пассажира. Если наблюдаемый часто ѣздитъ на извозчикахъ и представляетъ интересъ. — полезно назначать за нимъ своего филера-извозчика.

47. Если наблюдаемый садится въ трамвай или конку, то филеръ можетъ также сѣсть съ нимъ, но долженъ обратить вниманіе на то, не наблюдаетъ ли наблюдаемый за нимъ, кто послѣ него садится и слѣзаетъ. Если наблюдаемый обращаетъ на это вниманіе, то въ слѣдующій разъ садиться въ трамвай не слѣдуетъ, а надо ѣхать на извозчикѣ. Такъ какъ извозчикъ не всегда успѣваетъ за трамваемъ, а потому можно потерять наблюдаемаго, то одному изъ филеровъ можно сѣсть на извозчикѣ, а другому въ трамвай.

48. Если наблюдаемый направляется въ садъ, театръ и тому подобныя мѣста, то одному изъ филеровъ слѣдуетъ отправиться за наблюдаемымъ, а другому останется наблюдать выходъ, на случай если филеръ, вошедшій внутрь, потеряетъ тамъ наблюдаемаго. Надо имѣть въ виду, что наблюдаемые рѣдко вообще заходятъ въ уединительныя мѣста для развлечения, а въ большинствѣ случаевъ они пользуются этимъ мѣстомъ для конспиративныхъ свиданій; а потому, если въ театрѣ наблюдаемый съ кѣмъ-либо видѣлся, имѣя продолжительный разговоръ, или избралъ для разговора укромныя мѣста и вообще, судя по конспиративнымъ приемамъ, имѣлъ дѣловое свиданіе, то лицо, видѣвшееся съ наблюдаемымъ, по выходѣ слѣдуетъ брать подъ наблюдение такъ же, какъ и на улицѣ и также стараться не встрѣчаться съ наблюдаемымъ лицомъ къ лицу. Если нѣтъ возможности занять мѣсто въ одномъ отѣленiи съ наблюдаемымъ (партеръ, балконъ, галлерей) филеру надо помѣститься такъ, чтобы всетаки видѣть наблюдаемаго. Надлежитъ также замѣнить въ-

шалку, на которой наблюдаемый оставил пальто. Если филеръ почему-либо найдетъ неудобнымъ для себя дальнѣйшее пребываніе въ театрѣ, то, замѣтивъ хорошо примѣты лица, съ которымъ видѣлся наблюдаемый, выходитъ наружу, приседниается къ своему товарищу и вмѣстѣ ожидаютъ выхода наблюдаемыхъ.

49. При входѣ наблюдаемаго въ трактиръ или другія подобныя заведенія, проникнуть туда и посмотреть, что онъ тамъ дѣлаетъ; при томъ надо держаться очень осторожно: войти вмѣстѣ съ другими посетителями и под ихъ прикрытіемъ быстро сообразить расположеніе помѣщенія, дабы знать удобный пунктъ для наблюденія и, занявъ таковой, — наблюдать. Если замѣтно, что наблюдаемый зашелъ не на свиданіе съ кѣмъ-нибудь, а просто поѣсть, напиться чаю и проч., то лучше всего уйти изъ трактира поскорѣе, если же замѣтно, что наблюдаемый кого-то ждетъ, нужно ожидать, заказавъ себѣ что-либо въ трактирѣ, — кто къ нему явится, и затѣмъ, если пунктъ для наблюденія удобный, можно ожидать его выхода тамъ же, если почему-либо наблюдать неудобно — выйти на улицу и ожидать тамъ. Если наблюдаемыхъ нѣсколько и они выйдутъ порознь, то одинъ изъ филеровъ ведетъ перваго, а другой остается въ ожиданіи выхода второго и ведетъ его.

50. Если филеры осуществляютъ наблюденіе, сидя въ пивной, трактирѣ и проч., то должны садиться у окна такъ, чтобы видно было, когда войдетъ или выйдетъ наблюдаемый. Деньги на расплату всегда должны быть наготовѣ. Разговоры съ посторонними избѣгать. Замѣтивъ наблюдаемаго, надо спокойно кончить чаепитіе, спокойно встать и также спокойно выйти. Если наблюдаемый самъ находится въ трактирѣ, чайной и пр., то особенно важно не срываться съ мѣста вслѣдъ за нимъ. Не говорить фразъ, относящихся къ наблюденію, въ родѣ: «вышелъ, пойдѣмъ». Собираясь выходить, надо спокойно сказать: «Не пора ли? Пойдѣмъ», чтобы окружающая публика не имѣла подозрѣній, что за кѣмъ-то наблюдаютъ.

51. При встрѣчѣ наблюдаемаго съ другими лицами, надо запомнить ихъ примѣты (лицо, костюмъ), обращать вниманіе на характеръ встрѣчи: условный, случайный, сердечный, товарищескій, формальный и проч.), продолжительность разговора, передачу чего-либо и проч. и все это потомъ записать съ указаніемъ въ какой часъ встрѣтились, въ какомъ мѣстѣ, сколько времени говорили.

52. Если при наблюденіи за однимъ лицомъ будетъ замѣчено свиданіе его съ нѣсколькими при конспиративной обстановкѣ (въ трактирѣ, саду, скверѣ и т. п.) или схода, то одинъ изъ филеровъ немедленно сообщаетъ въ Охранное Отдѣленіе, которое и посылаетъ подкрѣпленіе, а при недостаткѣ снимать даже филеровъ съ менѣе важныхъ постовъ. Присутствовавшіе на свиданіи или на сходкѣ устанавливаются, т. е. ихъ надо водить до того мѣста, гдѣ они по признакамъ живутъ (нужно «полонить» наблюдаемаго). Признаками возвращенія домой могутъ служить: увѣренная походка, входъ въ квартиру безъ звонка со своимъ ключемъ, выходъ на балконъ, къ окну — одѣтымъ по домашнему, зажиганіе огня въ темной квартирѣ, выходъ за покупкой съѣстныхъ припасовъ и т. п.

Если же подобныхъ признаковъ нѣтъ, то иногда можно подъ благовиднымъ предлогомъ завести осторожный разговоръ съ дворникомъ, прислугой и навести въ разговорѣ справки (не докторъ ли возвратился? Кажется, акушерка пришла? «А вотъ, наконецъ, и сапожникъ пришелъ» и т. п.).

53. При наблюденіи за домомъ, куда зашелъ наблюдаемый, филеръ долженъ обращать вниманіе на то, нѣтъ ли около дома патруля, не прохаживаетъ ли туда черезъ короткіе промежутки времени лица, знакомыя наблюдателю, или вообще подозрительные, которые ищутъ домъ, не заходя въ него сразу, а сначала проходятъ мимо, оглядываются и прочее. Такое поведение заходящихъ указываетъ, что въ означенномъ домѣ происходитъ сходка, о чемъ филеръ долженъ сообщить немедленно въ Охранное Отдѣленіе.

54. Если филеру нельзя оставить поста, а нужно знать дать о чемъ-либо въ Охранное Отдѣленіе (сходка, необходимо увеличить наблюдателей и проч.), то онъ пишетъ записку завѣдывающему наблюденіемъ и посылаетъ съ посылнымъ или извопникомъ въ отдѣленіе, запоминая номеръ извощика или

посыльного. Записку писать условно: «Въ такомъ-то домѣ гости и ждутъ Васъ». «Пришлите столько-то прикащиковъ туда-то мы ждемъ Васъ съ товарищами тамъ-то» и т. д.

55. Если при наблюдении за конспиративнымъ свиданіемъ или сходкой, число наблюдаемыхъ будетъ больше, чѣмъ филеровъ, то подъ наблюдение для установки берутся наиболѣе серьезные, преимущество отдается болѣе пожилымъ, и тѣмъ, которые при выходѣ конспирируютъ, т. е. оглядываются, осматриваются и прячутъ лицо и т. п. или тѣмъ, которые имѣютъ при себѣ подозрительную ношу.

56. Если нѣсколько наблюдаемыхъ приведено въ одно мѣсто и вслѣдствіе этого въ данной мѣстности произошло скопление филеровъ, то послѣдніе не группируясь, немедленно распредѣляютъ роли, оставивъ необходимый постъ, остальные удаляются въ ближайшее укрытое мѣсто (пивную и т. п.), ожидая сигнала о выходѣ. Если оставшимся неудобно зайти съ трактиръ, чтобы предупредить о выходѣ наблюдаемыхъ, то можно филерамъ, сидящимъ въ трактирѣ, у окна, показать условный сигналъ, напримѣръ: пальцы, число конхъ означаетъ выходъ первого, второго и т. д. наблюдаемыхъ. По этому сигналу, подлежащій филеръ выходитъ и ведетъ своего наблюдаемаго.

57. Находясь въ продолжительномъ наблюдении у дома, гдѣ живетъ наблюдаемый, филеръ долженъ изучить живущихъ въ наблюдаемомъ домѣ, чтобы отличать живущихъ отъ случайно проходящихъ и интересующую личность взять подъ наблюдение.

58. Наблюдение за мѣстами, гдѣ предполагается лабораторія, типографія, складъ оружія и т. п. ведется съ крайней осторожностью. Въ такихъ случаяхъ обыкновенные, пѣшіе, наблюдение ведутъ часто къ провалу, а потому наблюдаютъ изъ квартиры (снимаются напротивъ или по близости) или ставятъ кошное наблюдение, если есть близко извозчикъ; на бойкой улицѣ — переодѣтымъ торговцемъ, посыльнымъ и т. п., въ помощь которымъ даются пѣшіе филеры. Послѣдніе не ставятся близко около наблюдаемаго дома, а загоразживаютъ выходы изъ улицы и берутъ наблюдаемыхъ по пути, ведутъ съ большой осторожностью, остерегаясь малѣйшаго провала. При возвращении такихъ наблюдаемыхъ домой, надо идти какъ можно дальше отъ наблюдаемыхъ. Входить во дворъ или домъ для установки квартиры, можно только въ бойкихъ дворахъ и очень большихъ домахъ.

59. Если приходится арестовать наблюдаемаго на улицѣ, то отвести по-дальше отъ его квартиры и указать его чину полиціи, для ареста. Если наблюдаемый идетъ по направленію къ полицейскому участку, то лучше подвести его къ послѣднему.

60. При потерѣ наблюдаемаго, возвращаться къ квартирѣ его, ожидая возвращения и установить наблюдение въ мѣстахъ наиболѣе частыхъ его посещеній.

61. Вечеромъ на общемъ собраніи въ отдѣленіи, филеры обмѣниваются примѣтами новыхъ лицъ, вошедшихъ въ отчетный день въ сферу наблюдения и этимъ путемъ удостоверяются не было ли данное лицо въ тотъ же день въ сферѣ наблюдения другого; въ тоже время сообщается о новыхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ наблюдаемыми, чтобы общими силами намѣтить квартиры, которыя посѣщаетъ наблюдаемый. Дома, посѣщаемые наблюдаемыми, въ тотъ же день отмѣчаются на дугѣ домовъ и наводятся справки (на мѣстѣ посѣщаемого дома, имѣющіяся о немъ въ отдѣленіи).

62. Филеръ, находящійся на службѣ на вокзалѣ или пристани для наблюдения за проходящими и отходящими поѣздами долженъ приходиться за часъ до отхода поѣзда и за пятнадцать минутъ до прихода, чтобы имѣть возможность оглядѣться въ публикѣ.

63. Если наблюдаемый явился на вокзалъ или пароходъ пристани и имѣетъ тамъ свиданіе съ отѣзжающимъ пассажиромъ и можетъ быть что-нибудь ему передаетъ, немедленно сообщить Охранному Отдѣленію и просить слѣдомъ ѣхать за этимъ пассажиромъ. Относительно сопровожденія наблюдаемыхъ изъ города, надо заранѣе дать указаніе филерамъ, дабы они имѣли

возможности всегда брать съ наблюдаемымъ, такъ какъ послѣдніе весьма часто являются для отбѣда или свиданія въ моментъ отхода поѣзда.

На случай отбѣда наблюдаемыхъ должно имѣть на вокзалѣ, у стоящихъ филеровъ, авансъ, изъ котораго отбѣзжающіе филеры берутъ себѣ на дорогу. Этотъ же авансъ можетъ храниться въ жандармской канцеляріи на вокзалѣ, или же имѣется у филеровъ (рублей по сорока на каждого), которые наблюдаютъ за лицами, подлежащими сопровожденію при выѣздахъ.

Если наблюдаемый намѣревается брать билетъ, надо стать за нимъ, чтобы узнать куда онъ ѣдетъ, если это не удастся, то предупредить жандарма унтеръ-офицера, который всегда можетъ узнать, куда наблюдаемый беретъ билетъ.

Если не удалось узнать у жандармскаго унтеръ-офицера, попробовать узнать у носильщика, прислуживающаго наблюдаемому. На большихъ вокзалахъ можно узнать по кассѣ какой взялъ билетъ наблюдаемый, пригородный или дальній.

При неудачѣ узнать это, филеръ беретъ билетъ до первой большой станціи и въ пути узнаетъ объ этомъ черезъ наблюдение за кондукторами, контролемъ, которые при провѣркѣ билетовъ имѣютъ обыкновеніе говорить вслухъ конечную станцію пассажира. Спрашивать кондукторовъ и контролеровъ избѣгать, такъ какъ они могутъ сообщить наблюдаемому; во всякомъ случаѣ надо спрашивать подъ благовиднымъ предлогомъ. Если наблюдаемый держится стойко, то филеру можно помѣститься въ одномъ съ нимъ вагонѣ (въ другомъ отдѣленіи), занявъ верхнее мѣсто, откуда и слѣдить за наблюдаемымъ.

Установку мѣста слѣдованія наблюдаемаго дѣлать осторожно и при неудачѣ брать билетъ до слѣдующей узловой станціи.

Въ пути филеръ одинъ всегда бодрствуетъ, другой отдыхаетъ. При приближеніи въ каждой остановкѣ необходимо посмотрѣть не готовится ли наблюдаемый къ оставленію поѣзда.

64. Въ случаѣ неуказанія, что за наблюдаемымъ надо слѣдовать и послѣ его выбитія изъ города, наблюдение должно производиться только въ семь послѣднихъ. Если, однако, агентурный свѣдѣніи о томъ, что выѣздъ дѣлается съ нелегальными цѣлями (слѣзды партіи, конспиративное порученіе и проч.) подлезать, продолжать за нимъ наблюдение и по выбитіи его изъ города.

Для этого филеры передаютъ наблюдаемаго для дальнѣйшей за нимъ послѣдки, тотчасъ по прибытіи въ районъ перваго же по пути Охраннаго пункта Охраннаго Отдѣленія или Жандармскаго Управленія филерамъ сихъ отдѣленій.

О выѣздѣ наблюдаемаго дѣлается предупрежденіе условной телеграммой для организаціи встрѣчи.

65. Въ случаяхъ переѣздовъ лицъ, состоящихъ подъ наблюдениемъ въ районѣ другихъ отдѣленій, наблюдение передается мѣстнымъ филерамъ. о чемъ филеръ, начавшій наблюдение, докладываетъ начальнику мѣстнаго отдѣленія. Если же лицо прибыло въ мѣстность, гдѣ Охраннаго отдѣленія или филерскихъ отрядовъ нѣтъ, наблюдение продолжается прежними филерами, при чемъ старшему изъ нихъ вмѣняется въ обязанность явиться къ назначенному жандармскому начальнику, если таковой здѣсь есть, и доложить о вѣдн. прибытія.

66. При неожиданномъ внезапномъ выѣздѣ наблюдаемыхъ, филеръ при первой возможности телеграфируетъ своему завѣдывающему наблюдениемъ, условнымъ языкомъ о томъ, какимъ поѣздомъ они слѣдуютъ, кого сопровождаютъ, куда направляются, а также указать станцію (узловую), куда нужно послать ему телеграмму «до востребованія», если потребуется дать какия либо распоряженія относительно наблюдаемаго. Если мѣсто слѣдованія наблюдаемаго извѣстно филеру, то онъ телеграфируетъ, кромѣ того, завѣдующему наблюдениемъ соответствующую «содержащимъ Охран. Отдѣл.» сообщая шпозвательно сколько наблюдаемыхъ ѣдетъ, какимъ поѣздомъ, кто именно сопровождается. Если послѣ этого наблюдаемый избереть почему-либо

другое мѣсто, или пересѣдять на другой поѣздъ, о происшедшихъ перемѣнахъ дополнительно телеграфировать въ пунктъ встрѣчи, во избѣжаніе напраснаго тамъ ожиданія. Если разстояніе между мѣстомъ слѣдованія и пунктомъ направленія слишкомъ кратко, то извѣщеніе о необходимости встрѣчи должно дѣлаться срочной телеграммой, дабы было время для необходимыхъ распоряженій.

67. Если наблюдаемый направляется съ какой-либо желѣзнодорожной станціи лошадьми въ имѣніе или деревню, то въ большинствѣ случаевъ ѣхать за наблюдаемымъ не представляется возможнымъ. Надо замѣтить номеръ извозчика, нанятаго наблюдаемымъ, а если пѣть номера, спросить другихъ извозчиковъ, какъ зовутъ того, который повезъ наблюдаемаго. Нанявъ послѣ этого извозчика, въ разговорѣ спросить его, куда онъ отвезъ сѣдока.

68. По прибытіи филеровъ и наблюдаемаго изъ мѣста постоянного жительства въ другой городъ, филеры немедленно сдаютъ свои вещи (если имѣются) на храненіе носильщику и продолжаютъ вести наблюденіе энергично, дабы не упустить наблюдаемаго и непрерывно, до тѣхъ поръ, пока не явится возможность опредѣлить, гдѣ именно поселился наблюдаемый. Полезно занять квартиру такую (въ гостиницѣ, меблированныхъ комнатахъ и т. п.), чтобы можно было видѣть выходъ наблюдаемаго.

Въ первые же свободные часы филеры должны заняться изученіемъ города, т. е. улицы, общественныя мѣста, конечные пути, приходы и отходы поѣздовъ; перемѣнить головные уборы, при несоответствіи ихъ съ данной мѣстностью.

При невозможности поселиться около наблюдаемаго, полезно останавливаться въ гостиницѣ около вокзала, такъ какъ часто приходится уѣзжать изъ города въ слѣдъ за наблюдаемымъ, и, живя близко къ вокзалу, филеръ при отъѣздѣ наблюдаемаго успѣетъ захватить свои вещи. Потерявъ наблюдаемаго, филеръ является на вокзалъ къ отходу поѣздовъ, дабы не пропустить отъѣзда наблюдаемаго, а въ городѣ производить розыскъ около того мѣста, гдѣ наблюдаемый утерянъ и около тѣхъ мѣстъ, которые онъ часто посѣщаетъ и въ пунктахъ гулянія публики.

68. Если наблюдаемый привезенъ въ другой городъ и прибѣжныхъ филеровъ встрѣтили филеры мѣстнаго Охраннаго Отдѣленія, то прибѣжкимъ немедленно слѣдуетъ передать мѣстнымъ филерамъ наблюдаемаго и отнюдь не ѣхать вмѣстѣ съ ними въ наблюденіе, такъ какъ наблюдаемый могъ при отъѣздѣ или въ пути замѣтить филеровъ и запомнить ихъ и тогда наблюденіе будетъ испорчено.

Прибѣжавшіе филеры, сдавъ наблюдаемаго, должны немедленно явиться въ Охранное Отдѣленіе и доложить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о наблюдаемомъ и, если не будетъ особаго приказанія, возвратиться назадъ.

70. По прибытіи въ какой-либо другой городъ внѣ своего постоянного мѣстожителства, филеръ немедленно телеграфируетъ свой адресъ своему начальнику и письменно сообщаетъ подробно результаты наблюденія ежедневно. О всѣхъ выѣздахъ наблюдаемыхъ начальникъ Охраннаго Отдѣленія письменно сообщаетъ въ особый отдѣлъ Департамента Полиціи съ краткой характеристикой лица, указывающей на причину сопровожденія наблюдаемаго.

71. Въ большихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ улицы пустыя и филеръ, близко ходящій къ наблюдаемому, замѣтенъ послѣднему, практикуется способъ параллельнаго наблюденія (по смежной улицѣ). При такомъ способѣ наблюденія, одинъ изъ филеровъ идетъ по улицѣ параллельной той, по которой идетъ наблюдаемый, при томъ со скоростью хожденія наблюдаемаго, а другой — сзади наблюдаемаго, но настолько далеко отъ послѣдняго, чтобы его было только видно. Первый филеръ равняется съ наблюдаемымъ на перекресткахъ, гдѣ филеръ долженъ зорко провѣрить проходъ наблюдаемаго черезъ пересѣкающую улицу. Такимъ образомъ можно всегда (при равныхъ улицахъ) наблюдать безъ «провала» и видѣть, куда заходить наблюдаемый.

При наблюденіи за серьезной личностью по параллельнымъ улицамъ идутъ два филера: одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны наблюдаемаго, а

третій — на далекомъ разстояніи сзади наблюдаемаго по одной улицѣ съ наблюдаемымъ.

73. Въ продолжительной командировкѣ въ маленькихъ городахъ, удобнѣе жить съ семьей, такъ какъ меньшешансо въ на проваль и, кромѣ того, продукты съ женой или ребенкомъ часто могутъ замаскировать наблюдение.

74. Письма по наблюдению посылаются заказными въ двухъ конвертахъ съ сургучной печатью: при чемъ въ верхнемъ конвертѣ на мѣстѣ печати дѣлается прорѣзъ, чтобы сургучъ при запечатываніи проникъ до внутренняго конверта и припечатать его къ наружному. Письма рекомендуются сдавать на вокзалахъ, или же опускать въ почтовые ящики поѣздовъ.

75. Всѣ письма изъ одной какой-нибудь мѣстности должны имѣть общую порядковую нумерацію, и указаніе, когда и гдѣ они составлены, въ концѣ-подписи.

Мои отношенія къ Азефу.

Товарищи! Не бойтесь контролировать другъ друга въ вашей работѣ; отъ этого зависитъ безопасность партіи.

(Слова Александра Михайлова).

Не сотвори себя кумира.

(Изъ Моисеева законодательства)

Изъ опубликованныхъ теперь уже матеріаловъ по дѣлу Азефа извѣстно, что въ августѣ 1905 г. къмъ то изъ охраннаго отдѣленія въ Петербургѣ было отправлено письмо, для предупрежденія партіи с.-р. о передателствѣ Азефа. Письмо это, вѣроятно, въ скоромъ времени будетъ напечатано въ качествѣ историческаго документа. Въ ожиданіи этого, я не буду давать здѣсь подробно содержаніе письма, а приведу лишь тѣ мѣста его, на которыя въ дальнѣйшемъ мнѣ придется сослаться.

О получившемъ письмо петербуржцѣ скажу, что это былъ человекъ высокой степени честный и безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣроятно, охранное отдѣленіе выбрало его своимъ адресатомъ потому, что хорошо знало его, такъ какъ постоянно слѣдило за нимъ. Письмо было передано ему на мѣстѣ его службы, и когда, пораженный его внѣшнимъ видомъ, онъ бросился въ переднюю, чтобы узнать, кто его принесъ, посланнаго уже не было: онъ поторопился скрыться.

Въ письмѣ говорилось, что въ партіи с.-р. есть два агента провокатора. Одинъ — недавно вернувшійся изъ ссылки въ Сибири Т.; другой — нелегальный, извѣстный подъ кличками: „Толстый“ и „Иванъ Николаевичъ“. Перечислялось нѣсколько выдачъ каждаго изъ нихъ; приводились признаки, по которымъ можно было узнать обоихъ. Объ А. между прочимъ сообщалось, что онъ недавно въ Москвѣ прожилъ двѣ недѣли, прописавшись подъ фамиліей Виленкина.

Въ тотъ же день письмо было показано Азефу. Читая его, онъ поблѣднѣлъ и тотчасъ воскликнулъ: „Т., это — Татаровъ, а А., это — я. Моя фамилія — Азефъ!“ Онъ былъ взволнованъ, разстроенъ и немедленно рѣшился ѣхать въ Москву. Въ Москвѣ онъ посѣтилъ Л. (нынѣ находится въ ссылкѣ), котораго онъ зналъ давно, и на дружеское расположеніе кото-

раго онъ могъ разсчитывать. У Л. Азефъ плакалъ и говорилъ, что ему остается одно — пустить себѣ пулю въ лобъ. Л. искренно сожалѣлъ о немъ, утѣшалъ его и говорилъ, что партія не повѣритъ въ его виновность, что изъ прежнихъ анонимныхъ писемъ агентовъ охраны, партія убѣдилась, что Рачковскій ищетъ погубить его, знаменитаго террориста, организатора дѣла Плеве и Сергѣя Ал. Ц. К. убѣдился, что охранное отдѣленіе, объявляя его, Азефа, предателемъ по отношенію къ партіи, хочетъ лишить ее сотрудничества одного изъ самыхъ выдающихся ея дѣятелей, посвятить недовѣріе между членами партіи и такимъ образомъ деморализовать ее.

Высказывая этотъ взглядъ на предупрежденія охраннаго отдѣленія, Л. приводилъ не только свое личное мнѣніе. Это былъ взглядъ Ц. К. на дѣло Азефа, и такимъ онъ оставался вплоть до наступленія катастрофы.

„Но какимъ образомъ охранное отдѣленіе могло узнать, что вы жили въ Москвѣ подъ именемъ Виленкина?“, задалъ Л. щекотливый вопросъ. Но разъ опасность миновала, разъ Л. придалъ никакого значенія предостереженіямъ письма относительно Азефа, а наоборотъ, утѣшилъ его весьма лестнымъ для провокатора образомъ, то послѣдній, конечно, не затруднился легко перескочить черезъ заданный вопросъ. „Очевидно, за мной слѣдили, сказали онъ, и узнали фамилію, подъ которой я жилъ въ гостинницѣ, но тогда, когда я уже выѣхалъ изъ Москвы, а съ тѣхъ поръ я уже не прописывался по этому паспорту.“

Тѣмъ не менѣе Азефъ настаивалъ на томъ, что послѣ не-режитого волненія, онъ не можетъ остаться въ Россіи, а временно долженъ удалиться за границу, и тамъ переговорить съ Ц. К., который еще въ то время находился внѣ предѣловъ Россіи.

Что касается Татарова, надъ нимъ было произведено партіей с-р. слѣдствіе. Его предательство было доказано и онъ былъ убитъ въ Варшавѣ весной 1906 г.

Мнѣ сообщили о существованіи письма относительно Азефа вскорѣ послѣ его полученія. Взглядъ, что охранное отдѣленіе наводитъ партію на ложный слѣдъ и, объявляя Азефа, провокаторомъ, стремится подорвать основы партіи, съ самаго начала казался мнѣ нѣсколько натянутымъ и искусственнымъ. Мнѣ думалось, что нѣтъ достаточно оснований, чтобы отвергнуть другое соображеніе, діаметрально противоположное первому: письмо написалъ агентъ охраннаго отдѣленія, неизвѣстно почему тайно сочувствующій партіи и желающій спасти ее отъ гибели. Но люди наиболѣе компетентные въ дѣлахъ партіи раздѣляли мнѣніе, благоприятное Азефу, были твердо убѣждены въ немъ, и мнѣ приходилось до извѣстной степени подчиняться ихъ авторитету. На вопросъ, на чемъ они основываются, утверждая, что Азефъ является невинною жертвою

охраннаго отдѣленія, авторитетныя лица отвѣчали, что подобныя же письма получались и раньше въ самомъ началѣ образованія партіи, а впослѣдствіи Азефъ сдѣлался организаторомъ дѣла Плеве и этимъ все сказано. Его репутація окончательно установилась, и никакія шпюнскія письма не могутъ поколебать довѣрія къ нему партіи. Эти утвержденія были такъ вѣски, они исходили отъ лицъ, вынесшихъ партію на высоту славы и историческаго значенія. Не убѣждаться ихъ доводами было невозможно. И всетаки... и всетаки! Червь сомнѣнія появлялся снова и совершенно неожиданно.

Дѣло Плеве — вотъ тотъ рифъ, о который разбивалось всякое подовѣріе у корифеевъ партіи. Миѣ извѣстенъ Х., одинъ изъ умнѣйшихъ людей партіи. Онъ склоненъ былъ говорить о „Толстомъ“ съ большимъ раздумьемъ, съ промежутками между фразами, съ многоточіями, но всякій разъ, какъ его мысль доходила до дѣла Плеве, онъ оживлялся, и съ энергіей проносилъ: этотъ человекъ организовалъ убійство Плеве, и потому законно пользуется уваженіемъ и почетомъ въ партіи.

Если теперь мысленно вернуться къ моменту полученія письма въ 1905 г., то надо признать, что взглядъ Ц. К. на положеніе Азефа былъ логиченъ и единственно тогда возможнымъ для нихъ. Еще слишкомъ мало времени протекло со времени дѣла Плеве, и отблескъ этого акта ярко освѣщалъ „Толстаго“, какъ одного изъ его создателей. Съ теченіемъ лѣтъ обстоятельства измѣнились: партія была опустошена, арестованы всѣ, кромѣ упорныхъ защитниковъ Азефа, провалены самыя грандіозныя и самыя вѣрныя предпріятія; уже не только событія, но и статистика ихъ вопіяла противъ Азефа.

Но и въ 1908 году, точно также, какъ и въ 1905, у Ц. К. былъ только одинъ способъ уличить Азефа, или доказать его виновность. Это — установить за нимъ продолжительное тайное слѣженіе, которое раскрыло бы истину. При настроеніи Ц. К. оно было немислимо.

Тѣмъ не менѣе даже письмо охраныки 1905 г. предоставляло главарямъ партіи маленькій фактъ, который могъ бы послужить въ ихъ рукахъ ключемъ для раскрытія истины. Я имѣю въ виду упоминаніе въ письмѣ фамиліи Виленкина, подъ которой Азефъ прожилъ двѣ недѣли въ Москвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла эта фамилія стать извѣстной охранному отдѣленію? фамилія нелегальнаго человека? Или его выдали, но тогда онъ былъ бы арестованъ, или онъ самъ сообщилъ ее охранному отдѣленію, и, слѣдовательно, состоитъ его агентомъ. Упоминаніе этой фамиліи было той копѣйкой, которая заставляетъ опытныхъ бухгалтеровъ пересмотрѣть заново дальнѣйшіе и сложнѣйшіе счета на громадныя суммы, если изъ за нее не скодится балансъ, такъ какъ она можетъ служить признакомъ, что въ счетахъ допущены большіе промахи, а, можетъ быть, и злоупотребленія. Ц. К., убѣжденный въ вѣрности Толстаго,

видя въ немъ товарища и друга, проглядѣлъ эту копѣйку, и кровавая драма продолжалась.

Мое отношеніе къ Толстому было совершенно иное. Ни общая работа, ни долгое товарищество, не связывали меня съ нимъ. Для меня онъ просто былъ тѣмъ человѣкомъ, о которомъ существовало предупрежденіе. Приходилось принять на вѣру мнѣніе Ц. К., но уличеніе Татарова, заставило меня снова вернуться къ прежней мысли объ измѣнѣ Толстаго. „Если свѣдѣнія письма оказались вѣрными относительно Татарова, какая гарантія, что они не вѣрны относительно Толстаго?“ На этотъ вопросъ, обращенный къ компетентнымъ лицамъ партіи, получался отвѣтъ, что охранка, выдавая Татарова съ головой, рѣшилась пожертвовать имъ, чтобы партія тѣмъ легче повѣрила также въ измѣну Толстаго и убила бы его, его, который былъ такъ вреденъ и опасенъ для правительства.“

И опять это объясненіе казалось мнѣ болѣе красивымъ и вычурнымъ, чѣмъ убѣдительнымъ. „Все это возможно“ откликнулась моя мысль: „но возможно и другое: возможно, что верны оба.“

Московское возстаніе застало меня въ Перербургѣ. Однажды на квартирѣ, гдѣ я жилъ, состоялось собраніе нѣсколькихъ партійныхъ людей. Я на немъ не присутствовалъ, такъ какъ былъ занятъ другимъ дѣломъ. Но ко мнѣ вышелъ кто то изъ товарищей и предложилъ посмотрѣть на Толстаго, который пріѣхалъ на собраніе. Мнѣ интересно было взглянуть на этого человѣка, къ которому часто возвращалась моя мысль съ тревогой и сомнѣніемъ. Я рѣшилъ взглянуть ему пристально въ глаза, чтобы тамъ въ глубинѣ ихъ, прочесть или оправданіе его, или виновность. Разумѣется, изъ моего опыта ничего не вышло. Азефъ какъ будто былъ озадаченъ и потревоженъ моимъ взглядомъ, но дальше этого эффектъ не пошелъ. Я съѣлъ противъ него и доставилъ себѣ удовольствіе разсмотрѣть его. Это былъ человѣкъ большого роста, очень толстый, откуда его кличка (а не „великій“, какъ его окрестили газеты), съ большой головой и большимъ лицомъ; волосы коротко острижены, чрезвычайно низкій лобъ, глаза на выкатъ, уши большія, торчащія, скулы очень выдающіяся, губы толстыя. Вотъ образъ, который въ теченіе тѣхъ нѣтъ радовалъ друзей и поклонниковъ Азефа.

Психологически это объясняется такъ: при всей своей уродливости его наружность обличала большую силу и громадный запасъ здоровья. О здоровьи свидѣтельствовали также яркія цвѣты лица. Въ большомъ и сильномъ тѣлѣ его друзьямъ чудилась здоровая и сильная душа человѣка, въ котораго они вѣрили, какъ въ самихъ себя.

Онъ былъ безукоризненно и тщательно одѣтъ въ дорого стоящій костюмъ; это видно было сразу. Съ своей стороны онъ временами взглядывалъ на меня, стараясь выразить мнѣ расположеніе, своими карими, выпученными глазами. Мы не

говорили, потому что за столомъ происходили пренія собранія, и я удалился. Опытъ кончился ничѣмъ.

Весной 1906 г. разразилась драма М. А. Спиридоновой и вытѣснила собой изъ моей головы всѣ помыслы объ Азефѣ. Ходили слухи, что весной произойдетъ покушеніе на Дубасова, и на мой вопросъ, знаетъ ли объ этомъ Иванъ Ник., получился положительный отвѣтъ. За двѣ недѣли до дѣйствительно состоявшагося покушенія ко мнѣ зашелъ очень взволнованный мой знакомый, прїѣхавшій изъ Москвы, и рассказалъ, что всѣ участники едва не погибли наканунѣ. Они были на своихъ постахъ, когда замѣтили, что окружены шпионами. Только благодаря самообладанію, находчивости и энергіи распорядителя они спаслись, и никто не былъ арестованъ. При моемъ готовомъ мнѣніи объ Азефѣ, я склоненъ былъ приписать ему намѣреніе погубить участниковъ покушенія, и я допускалъ мысль, что впредь ни одинъ террористическій актъ, о которомъ зналъ Азефъ, не состоится.

Мое настроеніе по временамъ было очень тяжелое. Питать тяжелое подозрѣніе противъ человѣка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и не быть въ состояніи ни освободиться отъ давящаго кошмара, ни доказать преступность человѣка, это очень мучительно. Временами я переживалъ новые пароксизмы подозрѣній, и когда дѣлился ими, то опять слышалъ въ отвѣтъ: „Онъ организовалъ дѣло Плеве.“ Теперь я могъ уже возразить: „Никто не родится предателемъ. Дѣло Плеве было давно. Съ тѣхъ поръ съ Азефомъ могли произойти большія перемѣны.“

Вскорѣ однако мои подозрѣнія временно разсѣялись. Покушеніе на Дубасова состоялось, и, какъ мнѣ передавали, Азефъ рассказывалъ, что въ моментъ взрыва онъ находился въ булочной Филиппова на Тверской, въ нѣсколькихъ саженяхъ, слѣдовательно, отъ мѣста происшествія. Услыша взрывъ, онъ хотѣлъ выйти на улицу, но нашелъ выходъ уже занятымъ полиціей. По словамъ Азефа, онъ показалъ городовымъ свой знакъ инженера-технолога, который онъ на этотъ разъ захватилъ съ собой. Самъ онъ допускалъ мысль, что онъ имѣлъ такой внушительный видъ, что городовые его пропустили. Надо думать, если Азефъ дѣйствительно былъ у Филиппова и наткнулся на занятый полиціей выходъ, то онъ показывалъ не знакъ инженера-технолога, а знакъ агента охраннаго отдѣленія.

Въ то время рассказъ Азефа о его близкомъ прикосновеніи къ дѣлу Дубасова меня значительно успокоилъ. „Какое счастье, думалось мнѣ, Иванъ Николаевичъ не предатель, а честный человѣкъ! Я ошибался. Никому не грозитъ ничего ужаснаго съ его стороны и партія можетъ спокойно жить и развиваться.“ Появилось даже раскаяніе съ моей стороны. „Человѣка, даващаго такія ясныя доказательства своего сочувствія къ дѣлу

революціи, я могъ заподозрѣть въ измѣнѣ! Какой стыдъ, какое преступленіе“!!

Стремительный ходъ всевозможныхъ событій снова и долго отвлекъ мое вниманіе отъ Азефа. Произошли еврейскіе погромы. Правительство разогнало первую думу, ввело военные суды и казнило направо и налево. Наконецъ законъ 9-го ноября довершилъ все. А партія с.-р. молчала, какъ мертвая. По поводу закона 9 ноября не появилось ни одного воззванія къ народу. Въ чемъ-нибудь крылась же причина летаргіи партіи?!...

Поздно осенью 1906 г. произошла размолвка Х. съ Азефомъ. Х. выразилъ несогласіе съ тѣмъ, что боевая организація вызываетъ всѣхъ молодыхъ людей, годныхъ для участія въ террористическихъ актахъ, въ Финляндію, для сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ. Провинція остается безъ людей, говорилъ Х., а при переѣздѣ черезъ финляндскую границу или въ Петербургѣ эту молодежь арестуютъ.“ Эти слова были переданы Азефу, и онъ, какъ глава Б. О., обидѣлся за нее. Онъ былъ оскорбленъ до глубины души и объявилъ, что слагаетъ съ себя обязанности руководителя Б. О., и уѣзжаетъ за границу, чтобы нѣкоторое время провести вдаль отъ дѣлъ партіи и отдохнуть отъ трудовъ. Изъ партіи онъ не выходитъ; но, вернувшись изъ заграницы, не станетъ болѣе во главѣ Б. О., а займется организаціонной работой, которая давно его привлекаетъ.

Х. былъ въ высшей степени озадаченъ. Рассказывая мнѣ, проѣздомъ изъ Финляндіи въ Москву, о случившемся, онъ разводилъ руками.

— „Не понимаю, не понимаю Ивана Николаевича, повторялъ онъ. Что такого обиднаго въ моихъ словахъ, до такой степени обиднаго, что надо все бросить, выходить изъ Б. О. и ѣхать за границу?“

„Ничего, утѣшалъ я Х., пусть ѣдетъ; можетъ быть это къ лучшему, и безъ него терроръ у партіи пойдетъ удачнѣе.“ Такъ говорить заставляло меня мертвое молчаніе партіи, о которомъ я упомянулъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ въ то время на Азефа, но онъ стоялъ во главѣ Б. О. и былъ отвѣтственъ за бездѣйствіе послѣдней. Мои слова на половину были сказаны въ шутку, я слишкомъ далеко стоялъ отъ Б. О., чтобы знать всѣ ея слабыя мѣста. Тѣмъ не менѣе мои слова оправдались.

Пришелъ декабрь мѣсяць 1906 г. и не стало Игнатъева, Лауница, Павлова. Съ тѣхъ поръ злокачественное вліяніе Азефа на дѣла партіи стало для меня аксіомой. Съ его отъездомъ за границу прошелъ временный параличъ партіи. Она опять проявляла энергію, опять ходъ историческихъ событій начиналъ зависѣть отъ нея.

Но Азефу не сидѣлось за границей. Онъ вернулся въ на-

алѣ 1907 г. и объявилъ, что приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе: онъ покидаетъ Б. О. и займется организаціонными дѣлами. По его мнѣнію центральное учрежденіе, вѣдающее аспредѣленіе работъ между членами партіи, организовано правильно. Такое бюро обязательно должно находиться въ Петербургѣ и всѣ партійные работники, желавшіе видѣться съ представителями центра, чтобы получить совѣтъ или новое назначеніе на работу, должны являться въ Петербургъ. Здѣсь они получаютъ необходимыя указанія и отправляются на мѣста.

Азефъ былъ не только главою Б. О., но онъ былъ кромѣ того членомъ Ц. К., и какъ таковому, ему предоставлялось правомъ выбирать любую специальность въ области центральныхъ функцій партіи. Онъ и занялся въ началѣ 1907 г. въ Петербургѣ перекраиваніемъ центральнаго бюро по собственному усмотрѣнію. Ц. К. одобрилъ его планъ преобразованія и новая машина заработала на всю Россію.

Всякій с.-р., откуда бы онъ ни ѣхалъ за совѣтомъ, за деньгами, или просто за свидѣніями, долженъ былъ являться въ Петербургъ и предстать передъ Азевымъ. Вскорѣ самъ онъ переѣхалъ въ Финляндію, и всѣ пріѣзжіе должны были ѣздить за нимъ. Въ Петербургѣ имъ давали адресъ, по которому они являлись въ Выборгъ, или другомъ мѣстѣ жительства Азефа. Тайный палачъ любезно бесѣдовалъ съ ними, выслушивалъ ихъ сообщенія, расспрашивалъ, давалъ совѣты. На обратномъ пути изъ Финляндіи въ Петербургъ, обыкновенно на финляндскомъ вокзалѣ, ихъ арестовывали. Всѣ эти злои дѣйствія Азефъ умѣлъ въ достаточной степени разнообразить, скрывать, затушевывать и освѣщать неправильно, и ему еще разъ на новомъ уже поприщѣ удавалось обманывать Ц. К.

Финляндскій вокзалъ въ Петербургѣ скоро сталъ притчей во языцѣхъ. Въ провинціи стали очень критически относиться къ распоряженію ѣздить въ Финляндію. Большинство говорило, что не желаетъ попадать въ мышеловку, разставленную на финляндскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ, и оставалось дома. Что касается тѣхъ, немногихъ лицъ, которые съ затаеннымъ подозрѣніемъ относились къ поступкамъ Азефа, новая его выдумка не могла не поражать обширностью своего замысла. „Ивану Николаевичу хочется подробно познакомиться со всей Россіей“, невольно думалось при этомъ.

Провинціальныя работники дали отпоръ Азефу и перестали къ нему являться послѣ массы проваловъ на финляндской границѣ. Тогда видя, что остается не у дѣлъ, онъ снова взялъ въ руки бразды правленія Б. О. Можно было быть увѣреннымъ, что съ этого времени террористическихъ дѣйствій въ Россіи не будетъ!

Давно уже военно-полевые суды были замѣнены военно-окружными; висѣльницы работали во всю, какъ они работаютъ до

сихъ поръ. Правительство торжествовало. Партія оставалась въ полнѣйшемъ оплѣнении.

Я пересталъ слѣдить за дѣятельностью Азефа, такъ какъ видѣлъ въ этомъ никакой цѣли. Помочь партіи освободиться отъ него не было въ моихъ силахъ; обличить его я также могъ за отсутствіемъ уликъ. Даже мое собственное убѣжденіе въ его преступности было не всегда равное по силѣ: оно вспыхивало, то исчезало въ моемъ сознаніи.

* * *

Въ началѣ февраля 1908 г. въ глушь, гдѣ я жилъ, пришла молодая дѣвушка с.-р. Ея рассказъ взбудоражилъ меня до глубины души. Начала она свое повѣствованіе съ жалобъ на ужасные слухи, которые ходятъ въ партіи относительно провокатора очень значительнаго и большого. „Дѣло идетъ объ Иванѣ Николаевичѣ?“ перебилъ я ее. То, что я назвалъ именемъ его, поразило ее. Я сообщилъ ей то, что зналъ объ Азефѣ, просилъ ее, рассказать какъ можно скорѣе, какія новыя обвиненія выдвинуты противъ него. Она сказала, что молодой М., очень молодой, находясь въ провинціи, узналъ отъ мѣстнаго охранника которому онъ довѣрялъ, что въ Ц. К. у партіи с.-р. есть провокаторъ по фамиліи Азефъ. М. немедленно бросился въ Финляндію къ Ц. К., передалъ имъ сообщеніе охранника, убѣждая обратить вниманіе на предупрежденіе человѣка, заслуживающаго довѣрія, но ничего не помогло. Члены Ц. К. выслали его очень холодно и попросили вернуться немедленно туда, откуда онъ пріѣхалъ. Моя собесѣдница видѣла его на день отъѣзда. Онъ былъ разбитъ и надломленъ, онъ не держался на ногахъ, и болѣзнь его отъ пережитого потрясенія сразу усилилась. Вскорѣ онъ оылъ арестованъ. Что касается до нея, то она не могла не повѣрить М., и когда, нѣсколькими днями спустя, къ ней явился Азефъ съ предложеніемъ работы въ Б. О., она съ ужасомъ отвергла его предложеніе, сославшись на разстроенное здоровье, на личныя дѣла, и тотчасъ уѣхала изъ Финляндіи.

Слова молодой с.-р. вызвали наружу негодованіе и озлобленіе, такъ давно таившіяся во мнѣ. Я не считалъ болѣе нужнымъ тщательно скрывать свои подозрѣнія, какъ раньше. Тотъ же день я говорилъ объ Азефѣ съ двумя с.-р., которые видали иногда. Это были самоотверженные люди, отдавшие революціи всѣ свои силы. Я считалъ бы безсовѣстнымъ скрывать отъ нихъ роковую тайну. И все же высшаго діапазона мои чувства не могли достигнуть, потому что опирались на непрочность, а не на достовѣрность.

Прошло нѣсколько дней. Мы находились подъ впечатленіемъ разказа молодой с.-р., обсуждали и взвѣшивали всѣ данныя противъ Азефа; приходили къ выводу, что и противъ него, и ничего нельзя сказать за него, когда гряну-

февральскіе аресты 1908 г., а вслѣдъ за ними правительственное сообщеніе, начинающееся съ заявленія, что аресты произведены на основаніи полученныхъ свѣдѣній.

Я не сомнѣвался въ томъ, что свѣдѣнія далъ Азефъ. „Надо разоблачить негодяя. Это онъ, это онъ погубилъ столько молодыхъ жизней!“ твердилъ я себѣ. Въ тотъ же день я уѣхалъ въ Петербургъ.

У меня было много причинъ не ѣздить въ Финляндію, а ограничиться Петербургомъ. Я отправился къ человѣку, близкому къ Ц. К., а со мною связанному узами дружбы и довѣрія. Я полагалъ, что если я сообщу ему рядъ данныхъ, говорящихъ о предательствѣ Азефа, онъ сумѣетъ добавить новыя и, можетъ быть, общими усиліями намъ удастся установить неопровержимыя улики.

Мои первыя слова были, что я пріѣхалъ взволнованный и возмущенный проваломъ 12 лицъ. „Я убѣжденъ, сказалъ я, что ихъ предалъ Иванъ Николаевичъ, и сейчасъ перечислю все, что я знаю, что служить для него обвиненіемъ.“ Мы говорили довольно долго. Я излагалъ то, что записываю сейчасъ.

Мой пріятель спокойно и разсудительно доказывалъ, что вину за происшедшіе аресты нельзя сваливать на Ивана Ник. „Онъ совершенно устранился отъ этого дѣла и отъ всей группы, и я радъ за него, что онъ такъ поступилъ. Теперь никто изъ людей, близко знающихъ всѣ обстоятельства, не можетъ сказать, что онъ выдалъ арестованныхъ.“

— „Кто же ихъ выдалъ? вскричалъ я, внѣ себя.

— „Никто ихъ не выдалъ, они сами себя провалили!“ отвѣчалъ мой ослѣпленный другъ. Тогда въ первый разъ въ моихъ ушахъ прозвучала эта фраза, которую потомъ стереотипно приходилось слышать каждый разъ отъ партійныхъ людей, когда заходила рѣчь о судьбѣ несчастныхъ и казненныхъ: „Они сами себя провалили!“ Я убѣжденъ, что эту фразу поражающую своей бездушной холодностью, придумалъ Азефъ, и пустил ее по свѣту. Ее механически повторяли многие, потому что она была удобна, успокоительна и не требовательна. Ее повторилъ и еще разъ мой другъ, а потомъ продолжалъ:

— „Они вели себя въ высшей степени не конспиративно. Нельзя пренебрегать такъ правилами конспираціи, какъ они это дѣлали. Они снимались недавно, и ихъ портреты были въ рукахъ полиціи.“

— „Но, прервалъ я рѣчь своего друга, по портретамъ въ Петербургѣ невозможно отыскать людей; утверждать это, значить, говорить нелѣпости.“

— „Никто этого не говоритъ, они погибли бы и безъ того, чтобы портреты ихъ были найдены: они были выслѣжены охранкой за три недѣли до ареста.“

— „А если такъ, то почему ихъ не остановили? Почему

Ц. К. ни распустить отряда, почему Иванъ Николаевичъ, который стоитъ во главѣ Б. О., могъ допустить, что юноши продолжали дѣйствовать, уже навѣстные полиціи, уже обреченные?”

Мнѣ отвѣтили, что молодежь не хотѣла подчиняться рѣшенію Ц. К., что они все еще надѣялись довести дѣло до конца, хотя знали, что за ними слѣдятъ. Я протестовалъ противъ такого объясненія. Еслибъ былъ пущенъ въ ходъ весь авторитетъ Ц. К., вся сила его власти, молодежь подчинилась бы.

Кому было противиться безразсудной гибели людей, какъ не Ивану Николаевичу. Онъ опытный, онъ многимъ старше ихъ, наконецъ, положеніе, которое онъ занимаетъ, все это обязывало прекратить предпріятіе во время. Онъ преступилъ уже тѣмъ, что онъ этого не сдѣлалъ, говорилъ я. „Нѣтъ, возразили мнѣ, сѣверная летучка шла своей дорогой, и ее невозможно было принудить разоружиться. Иванъ Николаевичъ превосходно сдѣлалъ, что отстранился отъ нихъ, а то онъ погибъ бы вмѣстѣ съ ними. Еще наканунѣ они настаивали на свиданіи, они просили его свидѣться съ ними, но онъ остался непреклоненъ. Онъ поручилъ передать имъ, что съ ними онъ ничего общаго не можетъ имѣть, что онъ не можетъ сноситься съ людьми, которые такъ мало, какъ они, подчиняются требованіямъ конспираціи.“

Жестокость этихъ словъ поражала меня, но мой другъ не замѣчалъ этого, увлеченный защитой Азефа. „Многіе его не любятъ, говорилъ онъ, я самъ былъ настроенъ противъ него до послѣдняго времени, но теперь я значительно сблизился съ нимъ, и для меня стало ясно, какой это превосходный человекъ.“

Мой планъ потерпѣлъ крушеніе. Обличить Азефа оказалось невозможнымъ. Но я не могъ уйти, не договоривъ до конца все, что было на душѣ. Я попросилъ своего друга передать мнѣ подробно все, что самъ онъ знаетъ о мотивахъ, заставившихъ Ивана Николаевича отказаться отъ свиданія съ сѣвернымъ отрядомъ наканунѣ арестовъ. Ничего, кромѣ того, что было имъ сказано, онъ не могъ добавить. Молодежь вела дѣло неконспиративно, и онъ, какъ глава Б. О., не могъ компрометировать себя сношеніями съ ними; вотъ все, что могъ мнѣ сказать мой пріятель, и его точка зрѣнія для меня оказалась совершенно не убѣдительною.

— „Я не вижу доказательства невинности Ивана Николаевича въ томъ, что онъ наканунѣ отказался отъ свиданій съ сѣвернымъ отрядомъ, возразилъ я. Совершенно напротивъ, я нахожу, что это обстоятельство совпадаетъ и подтверждаетъ мои подозрѣнія. Если онъ выдалъ арестованныхъ, то наканунѣ всѣ переговоры съ полиціей должны были быть закончены, и совершенно понятно, что онъ не захотѣлъ видѣть преданныхъ имъ людей, да и для чего бы онъ видѣлся съ ними! Врядъ ли

предателю очень приятно встрѣчаться съ своими жертвами лицомъ къ лицу.“

Мой другъ доказывалъ мнѣ, что я разстроены гибелью товарищей, ищу причину несчастья и поэтому мнѣ чудится вина Ивана Николаевича. Но, что онъ видалъ его все это время, говорилъ съ нимъ, и удостовѣряетъ, что нѣтъ измѣны.

— „Допустимъ, отвѣчалъ я, но если онъ честный человѣкъ, онъ обязанъ немедленно приостановить всякій терроръ; распустить Б. О., и чтобы не было слуху о террористическихъ замыслахъ. Всѣ они ведутъ ни къ чему. Ничего не достигается; фактовъ нѣтъ, а молодежь гибнетъ безъ конца. Да, если онъ честный человѣкъ, онъ долженъ это понять и прекратить терроръ.“

— „То же самое ему недавно говорили нѣсколько лицъ“, сказала мой другъ.

— „А онъ? Что онъ отвѣтилъ?“ Онъ отвѣтилъ: „Терроръ необходимо продолжать. Честь Россіи этого требуетъ.“

— „Это — фраза, гадкая фраза, сказанная, чтобы людямы рты замазывать, вскричалъ я!“

— „Нѣтъ, нѣтъ, эти слова были сказаны съ глубокимъ и непередаваемымъ чувствомъ. Кто слышалъ ихъ, не могъ усумниться, что ихъ произнесъ великій революціонеръ!“

Мы не могли столковаться. Я выразилъ надежду, что будетъ произведено разслѣдованіе о причинахъ, вызвавшихъ аресты несчастныхъ юношей.

Вотъ все, что я могъ произнести, подавленный, сраженный всѣмъ слышаннымъ. Не было сомнѣній; въ Петербургѣ фонды Ивана Николаевича стояли такъ-же твердо, какъ раньше. Въ него вѣрили, пожалуй, еще болѣе фанатично, чѣмъ прежде. Кто-же былъ правъ? Кто ошибался? Какое мученье! Какая пытка! И къ чему слѣдствіе, когда готовые отвѣты имѣются заранѣе произнесенные!

* * *

Я задержался въ Петербургѣ дольше, чѣмъ думалъ. Въ апрѣлѣ я какъ то зашелъ къ однимъ знакомымъ и увидалъ въ ихъ маленькой гостинной Ивана Николаевича. Ощущеніе, которое я испыталъ при видѣ его, было не изъ пріятныхъ. Въ эту минуту я пожелалъ провалиться сквозь землю. Встрѣтиться лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго считаешь законнымъ предателемъ, и котораго не можешь уличить, или котораго напрасно подозреваешь въ злѣйшемъ изъ преступленій, — это жестокая игра случая!

Съ самага порога я заявилъ хозяину дома, что я зашелъ на минутку взглянуть на него и на его семью. Хозяинъ съ Азефымъ сидѣли на диванѣ, я поздоровался и подселъ къ

нимъ. Азефъ уже не улыбался мнѣ, какъ зимой 1905 г., а смотрѣлъ хмурымъ и усталымъ. Разговоръ, прерванный моимъ приходомъ, продолжался. Хозяинъ дома говорилъ о нѣсколькихъ лицахъ, занятыхъ въ какомъ то дѣлѣ партіи с.-р. Азефъ сидѣлъ съ записной книжкой въ рукахъ и записывалъ. Надо сказать, что знакомый, къ которому я зашелъ, былъ однимъ изъ преданнѣйшихъ защитниковъ Азефа. На мои указанія и предостереженія онъ отвѣчалъ, ссылаясь прежде всего на цѣлость себя самого и членовъ Ц. К. Я находилъ эти указанія наивными и утверждалъ, что Азефъ не дуракъ, чтобы выдавать людей преданныхъ ему и отстаивающихъ его наперекоръ всему.

— „Вы, защищающіе его, служите ему ширмами и щитомъ въ одно и то же время, говорилъ я въ отчаяніи, что не могъ убѣдить даже тѣхъ лицъ, которые были моими личными друзьями. Теперь, слыша разговоръ между моимъ пріятелемъ и Азефомъ, это упоминаніе лицъ, я невольно думалъ: вотъ новыя жертвы своеобразнаго террора этого молоха!

Разговоръ длился не долго. Азефъ откуда то пріѣхалъ и не успѣлъ пообѣдать съ дороги. Лица, о которыхъ ему говорили, видимо его совершенно не интересовали, и дѣломъ онъ занимался какъ въ высшей степени постылымъ.

Возможно, что пресыщенный предательствомъ, онъ уже чувствовалъ отвращеніе отъ возможности дѣлать новые доносы. Онъ порывисто поднялся съ дивана, и, пряча записную книжку въ карманъ, сказалъ голосомъ, рѣзкія ноты котораго меня удивили: „А теперь покормите меня. Я голоденъ. Я хочу ѣсть.“ Категоричность тона въ товарищеской средѣ звучала нѣсколько неестественно. Во всякомъ товарищескомъ кругу накормятъ голоднаго и безъ такого повелительнаго требованія!

Я поторопился проститься, ссылаясь на недосугъ.

Вскорѣ послѣ этого я встрѣтился съ однимъ старымъ партійнымъ работникомъ, который теперь сидитъ въ тюрьмѣ. Я говорилъ съ нимъ о своихъ подозрѣніяхъ относительно Азефа, и онъ не былъ чрезмерно удивленъ. Онъ сообщил мнѣ, что еще въ 1905 г., когда бабушка, т. е. Екатерина Константиновна Брешковская была въ Саратовѣ, получилось предостереженіе отъ одного полицейскаго, что полученъ приказъ арестовать ее, на основаніи сообщенія о ея пребываніи въ Саратовѣ. Бабушку перевезли въ охранный мѣсто, и занялись разслѣдованіемъ, откуда шель доносъ. Нити этого разслѣдованія сошлись на Азефѣ. Тогда бросили искать предателя, думая, что попали на ложный слѣдъ.

* * *

Весеннее разслѣдованіе въ Петербургѣ по поводу февральскихъ арестовъ 1908 г. не дало никакихъ результатовъ.

Настало лѣто. Партія с.-р. начала новое слѣдствіе по поводу слуховъ о предательствѣ Азефа, и надъ его дѣйствіями. Повидимому это слѣдствіе, продолжавшееся болѣе мѣсяца, считалось благопріятно для Азефа. Тогда приступили къ слѣдствію надъ Бурцевымъ, которое и привело къ финалу дѣла Азефа.

Заканчивая свои замѣтки мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ одной категоріи жертвъ Азева, о которой въ печати еще не упоминалось.

Такъ какъ одной изъ функцій провокатора было разстраивать террористическія предпріятія партіи, то естественнымъ слѣдствіемъ являлось, что множество геройски самоотверженныхъ людей, посвятившихъ себя задачѣ съ оружіемъ въ рукахъ завоевать свободу родины, оставались не у дѣлъ. И какъ только имъ объявлялось, что партія въ данный моментъ въ нихъ работѣ не нуждается, а что они будутъ извѣщены въ нужное время, такъ этихъ лицъ оставляли безъ всякихъ средствъ къ существованію. Они оказывались на улицѣ безъ гроша денегъ, а часто безъ паспорта и прістанища. Въ виду того, что суммами боевой организации, громадными по размѣрамъ, безконтрольно распоряжался Азефъ, то очевидно, что онъ являлся виновникомъ страданій боевиковъ. Да, какъ могло быть иначе! Не станеть агентъ правительства заботиться о борцахъ за свободу!

Нужда между боевиками была такъ велика, что въ Финляндіи учреждались благотворительныя столовыя, чтобы кормить русскихъ народныхъ героевъ.

Многіе изъ нихъ были больны отъ напряженной работы, отъ всевозможныхъ лишеній, часто отъ голода и холода. Ихъ также Азефъ выставлялъ за дверь безъ разговоровъ. Само собой разумѣется, что революціонная партія не благотворительное учрежденіе. У нея нѣтъ пріютовъ для неизлѣчимо больныхъ. Но она обязана заботиться о судьбѣ своихъ работниковъ-революціонеровъ. Она сама на свои средства не можетъ организовать помощь больнымъ и страдающимъ, но она должна заботиться о томъ, чтобы на сторонѣ образовывались учрежденія, которыя ставятъ себѣ цѣлью заботу о пострадавшихъ борцахъ. У партіи с.-р. никто не заботился объ обезпеченіи больныхъ. Азефъ готовъ былъ утопить ихъ, а Ц. К. не обращалъ вниманія на его дѣйствія.

Были еще страдалцы. Это тѣ юныя силы, которыя сами себя обрекли на смерть ради успѣха революціоннаго движенія въ Россіи, ея мужественные и безпредѣльно преданные боевики. Нѣкоторые изъ нихъ, съ наиболѣе нѣжной организацией, не выдерживали душевныхъ терзаній, которымъ ихъ подвергалъ Азефъ, какъ глава Б. О., и кончали самоубійствомъ. Со дня на день, съ мѣсяца на мѣсяць, пожалуй даже съ года

на годъ, онъ приказывалъ имъ сидѣть гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ и выжидать его вызова, чтобы выступить въ террористическомъ актѣ и умереть. Лица, осужденныя Азефымъ на такую муку, сознавали, что въ партіи что то не нормально, что то не ладно. Сила реакціи росла съ каждымъ днемъ, несчастія и страданія народа безмѣрны, а партія не шелохнется, и ови, борцы, почему то осуждены сидѣть, сложа руки. Они пробовали протестовать, доказывать. Когда же ничего не помогало, они кончали самоубійствомъ.

Такова была, между другими, юная Лурье, застрѣлившаяся въ Парижѣ весной 1908 г.

С. Р.

Изъ записокъ М. Е. Бакая.

1. Правительство и провокація.

Въ отвѣтъ на запросъ членовъ Государственной Думы по поводу „незаконномѣрныхъ“ дѣйствій чиновъ виленскаго охраннаго отдѣленія 20 ноября пр. г. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровъ въ концѣ своей рѣчи заявилъ: „категорически, твердо, убѣжденно и прямо говорю, что съ точки зрѣнія Мин. Вн. Дѣлъ то, что называется провокаціей, недопустимо. Всякіе провокаціонные приемы являются преступленіемъ, должны претить нравственному чувству всякаго порядочнаго человѣка и отвлекаютъ чиновъ охраны отъ серьезной задачи по борьбѣ съ революціей“...

Такимъ категорическимъ заявленіемъ товарищъ мин. вн. дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находится вся русская полиція, хотѣлъ, очевидно, показать, что правительство въ борьбѣ съ революціонерами вообще не пользуется провокаторами, больше того, считаетъ такого рода приемы для искорененія „крамолы“ безнравственными и преступными даже съ точки зрѣнія существующихъ въ Россіи законовъ.

Обратный выводъ изъ такого „категорическаго“ заявленія товарища министра вытекаетъ самъ собою:

Если русское правительство пользуется „тѣмъ, что называется провокаціей“, то, стало быть, его агенты преступны, если оно не караетъ своихъ агентовъ, прибѣгающихъ къ помощи провокаторовъ, то поведеніе представителей власти должно „претить нравственному чувству всякаго порядочнаго человѣка“.

Государственная Дума большинствомъ 175 голосовъ противъ 167 выразила увѣренность, что правительство приметъ (въ будущемъ, конечно) энергичныя мѣры для устраненія провокаціонныхъ приемовъ.

Но такая увѣренность имѣла бы подъ собою прочную почву только въ томъ случаѣ, если бы правительство уже и раньше принимало „энергичныя мѣры“ противъ провокаціи, если бы оно и раньше такихъ преступныхъ приемовъ не допускало. Между тѣмъ, прошлое русскаго правительства и Мин. Вн. Дѣлъ въ частности говорить совсѣмъ о другомъ.

Г. Макаровъ „категорически“ утверждаетъ, что „съ точки зрѣнія Министерства Вн. Дѣлъ то, что называется провокаціей недопустимо“. Правда ли это?

Какъ бывший чиновникъ особыхъ порученій при Отдѣленіи по охраненію порядка и общественной безопасности въ Варшавѣ, я категорически, твердо и на основаніи фактическихъ данныхъ заявляю,

что провокаціонные приемы въ дѣятельности департамента полиціи, охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій являются глубоко вкоренившейся системой, которую особенно усердно культивируетъ Мин. Вн. Дѣлъ. Чины политической полиціи, не зависящей, какъ извѣстно, ни отъ Сената, ни отъ мѣстныхъ властей, ни отъ прокурорскаго надзора, эти чины, т. е. жандармы и охранники, въ подавляющемъ большинствѣ смотрятъ на свою служебную дѣятельность исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ и служебныхъ выгодъ. Такой взглядъ поддерживается и поощряется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Упомянутые чины глубоко восприняли ту мысль, что свои мѣста они занимаютъ только для завершенія утвержденныхъ штатовъ; всякое же проявленіе дѣятельности, сопряженное съ раскрытіемъ того или иного рода преступленія, по ихъ мнѣнію, должно награждаться особо и считаться „выдающимися заслугами“. И, дѣйствительно, ни въ одномъ вѣдомствѣ нѣтъ такого обилія наградъ и производствъ въ чины „за особыя заслуги“ и внѣ очереди, какъ по Мин. Вн. Дѣлъ и отдельному корпусу жандармовъ.

Но, несмотря на всю жадность къ матеріальнымъ благамъ, охранники всѣхъ ранговъ глупы, невѣжественны и лѣнны; сплошь и рядомъ чиновники, занимающіе ответственныя должности, не знакомы даже съ программами революціонныхъ партій.

Какимъ же образомъ эта жадная пледа тупоумныхъ „богатырѣ мысли и дѣла“ создаетъ „большія политическія дѣла“? Какимъ путемъ она раскрываетъ такъ называемыя „государственныя преступленія“?

Основной и систематически примѣняемый Мин. Вн. Дѣлъ путь раскрытія революціонныхъ организацій — есть путь провокаціонный.

Въ рядахъ всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи революціонныхъ и даже оппозиціонныхъ партій правительство имѣетъ своихъ „секретныхъ сотрудниковъ“ или, по-просту, провокаторовъ.

При участіи этихъ лицъ чины департамента полиціи, охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій совершаютъ террористическіе акты, устраиваютъ лабораторіи бомбъ, ставятъ типографіи, фальсифицируя, такимъ образомъ, большіе политическіе процессы, въ которыхъ фигурируютъ обыкновенно завлеченныя жертвы, — и за все это охранники не только не попадаютъ въ арестантскія роты, какъ слѣдовало бы по существующимъ законамъ, но, вопреки утвержденію г. Макарова, получаютъ награды и повышенія въ чинахъ. Мало того, я смѣло могу утверждать, что безъ провокаціонныхъ приемовъ многихъ „политическихъ дѣлъ“ и совсѣмъ бы не было. Но эти „дѣла“ даютъ сытую жизнь охранникамъ, поэтому à priori ясно, что учрежденія политическаго сыска не брезгаютъ никакими средствами для фабрикаціи „политическихъ дѣлъ“. Самый простой и доступный лѣнивому и тупому сонмищу „охранителей“ способъ созданія такихъ дѣлъ заключается въ провокаціи.

Что это дѣйствительно такъ, что и департаментъ полиціи и охранныя и жандармскія управленія въ высшей степени дорожатъ именно этимъ

преступнымъ провокаціоннымъ приѣмомъ „борьбы съ революціей“, можно видѣть хотя бы изъ того, какъ тщательно эти учрежденія оберегаютъ главныхъ проводниковъ своей системы въ жизнь — провокаторовъ. Для предохраненія послѣднихъ отъ проваловъ, для того, чтобы революціонеры не выяснили, кто именно въ ихъ средѣ является предателемъ, допускаются террористическіе акты, съѣзды и собранія революціонеровъ, провозъ изъ-за границы нелегальной литературы, устройство лабораторій, нелегальныхъ типографій и т. д., и т. д.

Таковы мои категорическія утвержденія, но ихъ я высказываю, только опираясь на рядъ хорошо извѣстныхъ мнѣ приводимыхъ ниже фактовъ.

Теперь приступаю къ краткому перечню извѣстныхъ мнѣ фактовъ провокаторской и вообще уголовной дѣятельности чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Провокаціонная дѣятельность начальника варшавскаго охраннаго отдѣленія подполковника Шевакова въ теченіе одного только года (съ сентября 1905 г. до сентября 1906 г.) вкратцѣ обрисовывается слѣдующими фактами:

а) Въ концѣ 1905 года провокаторъ Райхель изготовилъ бомбу, подговорилъ пять человѣкъ безработныхъ и вмѣстѣ съ ними хотѣлъ ограбить купца Пинкерта, но затѣмъ всѣхъ ихъ выдалъ, а самъ якобы убѣжалъ. Всѣ арестованные были приговорены къ каторгѣ, а Райхель получилъ 100 рублей награды.

б) Нѣкоторую часть денегъ, экспропрированныхъ въ Мазовецкомъ казначействѣ (486 тыс. рублей) провокаторъ Плебинскій приносилъ Шевакову въ охр. отдѣленіе и послѣдній мѣнялъ ихъ суммами охраннаго отдѣленія. Дѣлалось это потому, что члены партіи поручили Плебинскому размѣнивать крупныя и новыя кредитки на бывшія уже въ употребленіи.

в) Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1906 г. съ вѣдома г. Шевакова, при участіи провокатора Щигельскаго, въ деревнѣ Волѣ, близъ Варшавы, нѣсколько лицъ изготовили бомбы, и затѣмъ были арестованы. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Ползиковъ выяснилъ, что главнымъ виновникомъ этого дѣла является Щигельскій, и потребовалъ его ареста, но охранное отдѣленіе, выдавъ Щигельскому подложный паспортъ, оффиціально отвѣтило, что Щигельскій скрылся. Надъ участниками вольскихъ бомбъ состоялся судъ, и они, въ количествѣ 4 человѣкъ, были приговорены къ каторжнымъ работамъ отъ 8 до 15 лѣтъ. За это предательство Щигельскій получилъ 100 р., а подполковникъ Шеваковъ былъ произведенъ въ чинъ полковника.

г) Провокаторъ Бродскій съ вѣдома полковника Шевакова везъ изъ Кракова нелегальную литературу; таможенная стража, не зная, что Бродскій — агентъ, арестовала его и передала въ распоряженіе судебного слѣдователя. Дѣло поступило въ судебную палату, но, знавшій истинную подкладку дѣла прокуроръ варшавской суд. палаты

Набоковъ, произвелъ давленіе на судей, и Бродскому лишь зачи въ наказаніе мѣсячное предварительное заключеніе.

Тотъ же Бродскій вскорѣ переехалъ въ Петербургъ, проникъ въ боевую организацію соц.-дем. „большевиковъ“ и въ качествѣ члена этой организаціи обучалъ рабочихъ за Нарвской заставой изготовленію бомбъ. Все это онъ дѣлалъ съ вѣдома жандармскаго полковника Герасимова, начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія. Тотъ же Бродскій, по порученію Герасимова и ротмистра Лукьянова, не послѣднюю роль игралъ въ Куоккольской динамитной лабораторіи, за устройство которой 11 с.-д. были осуждены въ Финляндіи и выданы Россіи.

д) 11-го декабря 1905 г. ген. Треповъ прислалъ подп. Шевякову телеграмму, въ которой требовалъ немедленнаго ареста всѣхъ назначенныхъ силъ революціонныхъ организацій. Подп. Шевяковъ не располагалъ по этому поводу никакими точными свѣдѣніями, но, желая все таки исполнить требованіе вышшаго начальства, выбралъ изъ старыхъ дѣлъ имена всѣхъ тѣхъ лицъ, которые когда-либо привлекались по политическимъ дѣламъ или находились на замѣчаніи полиціи и такимъ способомъ арестовалъ 257 человекъ для ссылки.

е) Начиная съ декабря 1905 г. и до конца 1906 г. (до моей отставки), съ вѣдома ген.-губ. Скалона, оберъ-полицеймейстера Мейера и полковника Шевякова, всѣхъ тѣхъ политическихъ, которые отказывались отъ показаній, передавали въ сыскное отдѣленіе въ распоряженіе сыщика Грина, применявшаго самую жестокія пытки съ цѣлью вырвать у истязуемыхъ жертвъ какія либо признанія и создать „политическое дѣло“. Въ первыхъ числахъ января 1906 г. въ застѣнокъ этого палача бросили 17 юношей въ возрастѣ отъ 16 ти до 18 лѣтъ; тамъ имъ выкручивали руки и ноги, выворачивали ребра, выкалывали глаза и только послѣ этихъ пытокъ всѣхъ разстрѣляли въ административномъ порядкѣ. Долженъ прибавить, что большинство разстрѣлянныхъ юношей никакого отношенія къ тѣмъ преступленіямъ, которыя они взвели на себя во время истязаній, не имѣли. Наоборотъ, нѣсколько человекъ изъ нихъ были арестованы еще до 17-го октября и числились за судебными властями, но, вопреки элементарнымъ требованіямъ законности, ген. Скалонъ взялъ ихъ отъ слѣдователей и передалъ Грину, противъ чего прокуратура, однако, не протестовала.

ж) Вслѣдъ за анархистами, въ застѣнокъ Грина стали передавать и членовъ Польской социалистической партіи. Въ органѣ этой партіи „Rabotnik“ вскорѣ появилась статья, предупреждавшая, что, если истязанія продолжатся, то боевая организація приступитъ къ мщенію. Истязанія продолжались и результатомъ явился систематическій терроръ по отношенію къ чинамъ полиціи.

Напомню только, что система искорененія „красной“, применявшаяся Скалономъ, Мейеромъ, Шевяковымъ и Гриномъ дала слѣдующіе результаты:

Въ теченіе 1906 г. въ Варшавѣ было убито: вонскихъ чиновъ

— 20, жандармскихъ — 7, полицейскихъ — 56; ранены: вонискихъ чиновъ — 42, жандармскихъ — 12, полицейскихъ — 42, всего 179 чел. Брошено бомбъ — 10, при этомъ убито — 8 и ранено 59 чел.

в) По дѣлу убійства начальника Новоминогого уѣзда были арестованы Шпитальникъ, Познеръ, Стаховичъ и Банковскій. Въ сыскомъ отдѣленіи этихъ лицъ подвергли пыткамъ, добыли такимъ способомъ (законотѣрнымъ, г. Макаровъ?) вынужденныя показанія, — предали суду и казнили. Категорически заявляю, что упомянутыя лица были совершенно непричастны къ убійству. Непричастность была всѣмъ известна, но ихъ все-таки казнили. Послѣ казни и суду стала известна ошибка, ибо нашелся дѣйствительный убійца.

г) Объ итязаніяхъ въ Варшавѣ политическихъ сыщикомъ Грингома, судебное вѣдомство въ 1906 г., по требованію общественнаго мнѣнія, возбудило дознаніе, но таковое сейчасъ же было прекращено, какъ только распустили Государственную Думу.

д) Послѣ покушенія на Скалона въ сентябрѣ 1906 г. послѣдній потребовалъ отъ Шевакова, черезъ своего помощника Утгофа, списокъ членовъ Польской соц. партіи, чтобы разстрѣлять всѣхъ на основаніи 12 ст. о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Въ распоряженіи Шевакова подобныхъ лицъ, о которыхъ онъ категорически могъ бы заявить, что они активные члены П. П. С., не было. Тѣмъ не менѣе, Шеваковъ, желая удовлетворить требованіе Скалона, потребовалъ черезъ приставовъ списки рабочихъ съ фабрикъ „Вулканъ“ и „Ляборъ“, выбралъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастье родиться послѣ 1830 г., арестовалъ ихъ, объявилъ „боевиками“ и въ количествѣ 200 чел. представилъ для разстрѣла. Къ счастью, Скалонъ не получилъ изъ Петербурга санкции на примѣненіе 12 ст. и арестованныя лица частью были освобождены, частью высланы въ сѣверныя губерніи.

Послѣ ухода полковн. Шевакова, начальникомъ варшавскаго охраннаго отдѣленія былъ назначенъ ротмистръ Заварзинъ; дѣятельность этого охранника, даже съ точки зрѣнія Министерства Вн. Дѣлъ, если вѣрить г. Макарову, является безусловно преступной, такъ какъ носитъ очевидный характеръ того, что „называется провокаціей“. Подъ его началомъ я прослужилъ всего три мѣсяца, но и за это короткое время сталъ свидѣтелемъ цѣлаго ряда слѣдующихъ приѣмовъ „борьбы съ революціей“:

а) Одинъ изъ главныхъ участниковъ нападеній на гминныя управленія, на чиновъ полиціи и организаторъ убійства еврея Ягоды Антонъ Дырчъ былъ арестованъ и переданъ судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ и ему грозила 279 ст. Въ тюрьмѣ Дырчъ изъявилъ желаніе поступить въ „сотрудники“ охраннаго отдѣленія. Ротмистръ Заварзинъ велѣлъ доставить его къ себѣ и, сойдясь съ нимъ, выпустилъ его изъ охраннаго отдѣленія. На запросъ судебныхъ властей по поводу исчезновенія Дырча, отвѣтилъ, что онъ убѣжалъ. Въ послѣдствіи по указаніямъ Дырча было поставлено не мало висѣдницъ.

б) Провокаторъ Янъ Здрадовскій, пользуясь тѣмъ, что онъ служитъ въ охранномъ отдѣленіи, тяжело ранилъ свою сожительницу и убилъ ея любовника. Наружная полиція хотѣла арестовать Здрадовскаго, но ротм. Заварзинъ не позволилъ.

в) Въ качествѣ агентовъ охраннаго отдѣленія этотъ ротмистръ принялъ на службу извѣстныхъ ему воровъ Павлоки и Гутовскаго, проститутку Червинскую и Звѣржинскую, которыя задерживали на улицахъ, на фабрикахъ и заводахъ рабочихъ и обывателей, и требовали денегъ, въ случаѣ отказа, заявляли, что они „боевики“, грабили или передавали ихъ полиціи, какъ политическихъ преступниковъ.

г) Агентъ Санковскій, обвинявшійся и разыскивавшійся по дѣлу объ убійствѣ Ягоды и городского на Прагѣ, спокойно продолжалъ служить, причѣмъ „служеніе“ онъ понималъ, очевидно, такъ же, какъ и покровительствовавшій ему начальникъ Заварзинъ: онъ специализировался въ провоцированіи вооруженныхъ сопротивленій. При участіи Санковскаго было устроено вооруженное сопротивленіе въ Ново-Минскѣ, причѣмъ одинъ (Козловскій) былъ убитъ, а остальные его соучастники были преданы военному суду. Подобныя вооруженныя сопротивленія тотъ же Санковскій устроилъ въ Нивкахъ, Ченстоховѣ и Бендинѣ, причѣмъ нѣсколько рабочихъ было убито, а Бембасъ, Супернакъ, Заюнць и Эндрутекъ по приговору военно-полевого суда были казнены. За эти подвиги ротмистры Муевъ и Федоровъ получили ордена.

Разслѣдованіе этихъ вооруженныхъ сопротивленій первоначально велъ въ административномъ порядкѣ подп. Шульць, который нашелъ въ этомъ дѣлѣ чистѣйшую провокацію, главнымъ виновникомъ призналъ Санковскаго и отказался вести это дѣло, какъ явно провокаціонное, но, тѣмъ не менѣе, дѣло направили въ военно-полевой судъ.

д) Гутовскій, Павлоки, Санковскій и надзиратель охраннаго отдѣленія Дребневъ, заgrimировавшись и переодѣвшись въ формы полицейскихъ, въ одну ночь совершили 14 грабежей и вымогательствъ подъ видомъ „политическихъ“ обысковъ. Объ этомъ своевременно приставъ 8 го участка Захарко составилъ протоколъ отъ имени потерпѣвшихъ.

Когда этихъ же агентовъ охраннаго отдѣленія въ сопровожденіи воинскихъ или полицейскихъ патрулей посылали разыскивать и задерживать на улицахъ Варшавы революціонеровъ, то они начинали стрѣлять вдоль улицъ по прохожимъ; въ результатъ такого провокаціоннаго „спорта“ всегда оказывалось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ обывателей, ничего общаго съ революціей не имѣющихъ. Свои убійства они обыкновенно объясняли тѣмъ, что революціонеры якобы дѣлали попытки нападенія на патруль.

ж) При помощи этихъ же агентовъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ было задержано около 1000 чел. такъ называемыхъ „боевиковъ“.

Но особенно страстно Заварзинъ желалъ сфальсифицировать процессъ съ бомбами. Съ этой цѣлью онъ назначилъ провокатору Пшебинскому жалованье 200 р. въ мѣсяць и поручилъ ему устроить

лабораторію бомбъ. Провокаторъ, однако, не оправдалъ надеждъ ретиваго ротмистра, за что и былъ переведенъ на прежнее жалованье въ 100 рубл. За двухмѣсячную дѣятельность Заварзинъ на столько успѣлъ отличиться, что къ 6-му декабря по высочайшему повелѣнію былъ награжденъ чинномъ подполковника „за выдающіяся заслуги“ внѣ очереди.

Изъ общероссійской хроники провокаціи пока констатирую лишь только слѣдующіе факты:

1) О томъ, что Гершунн находился въ Уфѣ и готовилъ покушеніе на Богдановича департаменту полиціи было извѣстно, но мѣстнымъ властямъ объ этомъ не было сообщено лишь только потому, что лаврами ареста Гершунн хотѣлъ воспользоваться чиновникъ деп. полиціи Мѣдниковъ, который съ этой цѣлью лично отправился туда, но убійство совершилось раньше, чѣмъ онъ успѣлъ пріѣхать въ Уфу. Это я утверждаю на основаніи словъ нѣсколькихъ лицъ, имена которыхъ я могу назвать, и на основаніи оффиціальныхъ документовъ, сохраняющихся до сихъ поръ въ дѣлахъ Департамента Полиціи и нѣсколькихъ охранныхъ отдѣленій.

2) О готовившемся покушеніи на вел. князя Сергѣя московскому охранныму отдѣленію было извѣстно, за участниками велось наблюденіе, но аресты не были произведены только потому, что охранники хотѣли выяснитъ дальнѣйшія связи и создать „большое дѣло“.

3) Петербургскій градоначальникъ Лауницъ былъ убитъ, несмотря на то, что охранный отдѣленіе знало всѣхъ участниковъ, но хотѣло произвести аресты на мѣстѣ преступленія, — революціонеры, между тѣмъ, безъ вѣдома провокатора измѣнили планъ нападенія и удачно убили Лауница.

4) Въ 1906 г. ротмистръ Левдиковъ въ Николаевѣ при помощи провокатора и на деньги розыскаго пункта поставилъ типографію мѣстной группѣ анархистовъ, потомъ арестовалъ ея членовъ и за это получилъ переводъ на должность начальника одесскаго охранныго отдѣленія. Въ Одессѣ на первыхъ же порахъ ротмистръ Левдиковъ при помощи того же провокатора, якобы скрывшагося изъ Николаева послѣ провала типографіи, изготовилъ бомбы и организовалъ группу анархистовъ для покушенія на Каульбарса. Наканунѣ готовившагося покушенія были взяты бомбы и вовлеченныя въ это дѣло лица. Объ этихъ дѣлахъ Левдикова въ свое время производилось дознаніе при департаментѣ полиціи.

5) Чины тиолискаго охранныго отдѣленія, кромѣ политической провокаціи, занимались распространеніемъ фальшивыхъ кредитныхъ денежныхъ знаковъ. Въ Департаментѣ Полиціи имѣются дознанія по этому поводу.

6) Въ началѣ 1907 г. при петербургскомъ охраннымъ отдѣленіи служилъ провокаторъ Янкель Левенбергъ, бѣглый солдатъ, троеребенокъ (два раза женатъ по паспортамъ департамента полиціи) и поддѣлыватель векселей. По всѣмъ этимъ уголовнымъ дѣламъ онъ разыски-

вался сыскной полицией и объ этомъ было извѣстно департаменту полиціи. При помощи Левенберга ротмистръ Лукьяновъ покусился писца деп. полиціи Ермолика, якобы отъ имени революционеров, выдавать секретные документы, а послѣ арестовалъ его.

8) Въ 1905 г. чиновники департамента полиціи Мядишковъ и Луценко, при помощи провокаторовъ Айзенлиста и Шварда и служащихъ варшавскаго охраннаго отдѣленія Яковлева и Гудизона готовили покушеніе на начальника того же отдѣленія ротмистра Петерсона и ген.-губ. Максимовича только лишь потому, что хотѣли избавиться отъ Петерсона. Объ этомъ было произведено дознаніе Макаровымъ (не товарищемъ мин. вн. дѣлъ), все подтвердилось, но участниковъ только перевели въ другія мѣста. Полагаю, что разсѣдованіе, если оно не уничтожено, въ настоящее время находится при департаментѣ полиціи и о немъ извѣстно сенатору Ковалевскому.

9) Вопреки ложному заявленію съ трибуны Государственной Думы начальника почтъ и телеграфовъ Севастьянова*), что въ Россіи черныхъ кабинетовъ нѣтъ, утверждаю съ фактами въ рукахъ, что по распоряженію Мин. Вн. Дѣлъ перлюстраціей писемъ занимаются чиновники цензуры иностранныхъ газетъ и журналовъ при почтамтахъ.

Перлюстрацію производятъ не только въ цѣляхъ политическаго розыска, но вообще для наблюденія за тѣми лицами, которыя по своему положенію являются съ точки зрѣнія чиновъ Мин. Вн. Дѣлъ интересными.

При департаментѣ полиціи въ особомъ отдѣлѣ сосредоточена вся работа надъ письмами, подлежащими перлюстраціи. Въ этомъ же отдѣлѣ занимаются поддѣлкой всевозможныхъ документовъ, начиная отъ подписей на конвертахъ и кончая протоколами. Спеціалистами поддѣлокъ являются чиновники Звѣревъ, Зыбинъ и др.

10) Значительная часть тѣхъ денегъ, которыя ассигнуются для политическаго розыска, употребляются чинами департамента полиціи (особымъ отдѣломъ), охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управленій для личныхъ цѣлей и въ качествѣ оправдательныхъ документовъ представляютъ подложныя счета.

Приводимыми примѣрами я не исчерпываю, конечно, всей уголовной хроники изъ дѣятельности охранныхъ отдѣленій: — она слишкомъ обширна и разностороння и нѣтъ тѣхъ преступленій, которыми бы не запятнали себя эти учрежденія, но думаю, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы характеръ дѣятельности Мин. Вн. Дѣлъ „по охраненію порядка и общественной безопасности“ получилъ справедливую оцѣнку.

Но г. Макаровъ и пады нимъ стоящіе могутъ сказать, что эти факты имъ не были извѣстны, что Министерству Внутр. Дѣлъ трудно услѣдить за преступленіями многочисленныхъ мелкихъ сошекъ, если только и варшавскаго ген.-губ. Скалона отнести къ разряду послѣднихъ; они могутъ заявить, что буды это извѣстно имъ раньше, они

*) Въ 90-хъ гг. Севастьяновъ долго былъ дѣлопроизводителемъ при Департаментѣ Полиціи.

и одной минуты не держали бы на службѣ такихъ преступныхъ и безнравственныхъ — по аттестаціи самого же г. Макарова — агентовъ, какъ ген.-губ. Скалонъ, проститутка Червицкая, об.-пол. Мейеръ, воръ Пявоки, г. Мѣдниковъ, провокаторъ Дырчъ, директоръ департамента полиціи Трусевичъ, трожевецъ Янкель Левенбергъ, садистъ и агентъ по доставкѣ живого товара Герцигъ и т. д. Да, они могли бы это заявить, но дѣло въ томъ, что большинство приведенныхъ мною фактовъ провокаціи относится какъ разъ къ тому времени, когда полиціей завѣдывалъ нынѣшній тов. мин. вн. дѣлъ г. Макаровъ, — это, во первыхъ, а, во-вторыхъ, эти же факты были изложены мною письменно при нижеслѣдующихъ условіяхъ, которыя я считаю нужнымъ напомнить г. товарищу министра вн. дѣлъ.

Оставивъ службу въ концѣ 1906 г., я приступилъ къ детальному описанію тѣхъ ужасовъ, свидетелемъ которыхъ я былъ, чтобы посредствомъ печати познакомить общество съ застѣнками политической полиціи. Кромѣ того, я имѣлъ въ виду свои записки, составленныя по просьбѣ редактора „Былого“ В. А. Бурцева, подать во вторую Государственную Думу. Часть своихъ рукописей я отдалъ врачу Василевскому (СПБ. Фурштатская, 17) для исправленія, а остальные находились при мнѣ. 1-го апрѣля 1907 г. меня арестовали и заключили въ Петропавловскую крѣпость. Были взяты и все мои записки, въ которыхъ я разоблачалъ, по меньшей мѣрѣ „незаконотѣрную“ дѣятельность политической полиціи и подробно описывалъ „черные кабинеты“. На основаніи этихъ записокъ производившій подъ руководствомъ директора деп. полиціи Трусевича дознаніе подполковникъ Балабинъ предъявилъ мнѣ обвиненіе въ выдачѣ „правительственныхъ тайнъ“ (подразумѣвая подъ ними, очевидно, мои статьи о „черныхъ кабинетахъ“ и провокаціи). Въ своихъ показаніяхъ, занесенныхъ въ протоколы, я тогда же ясно и твердо заявилъ, что все изложенное мною въ запискахъ — правда, хотя, быть можетъ, и горькая для Мин. Вн. Дѣлъ. Эту правду я подкрѣплялъ фактами и заявлялъ, что такая дѣятельность чиновъ охранныхъ отдѣленій носить явно уголовный характеръ. Я настаивалъ, чтобы назначили специальное разслѣдованіе по поводу изложенныхъ мною фактовъ и если разслѣдованіе не подтвердило бы моихъ разоблаченій, то требовалъ, чтобы меня предали гласному суду. Но мои ходатайства оставили безъ отвѣта, и вмѣстѣ передачи моего дѣла судебнымъ властямъ подп. Балабинъ заявилъ, что со мною „раздѣляются по домашнему“, т. е. въ административномъ порядкѣ, и продолжали держать въ Петропавловской крѣпости.

Мнѣ известно, со словъ подп. Балабина, что моимъ дѣломъ и показаніями интересовались г.г. Столыпинъ, Макаровъ и Трусевичъ, а разъ такъ, то они не могли не обратить вниманія на отобранныя у меня и у д-ра Василевского рукописи, тѣмъ болѣе, что почти въ каждомъ протоколѣ я на нихъ ссылался.

И вотъ я думаю, что если бы г. Макаровъ сказалъ въ Государственной Думѣ правду, если бы Мин. Вн. Дѣлъ дѣйствительно считалъ провокаціонные приемы преступленіемъ, то отобранныя у меня запи-

ски могли принести большую пользу въ борьбѣ съ департаментскими, охранными и жандармскими преступными чинами. Между тѣмъ, мои указанія, раскрывающія цѣлый рядъ провокаціонныхъ приѣмовъ, Мин. Вн. Дѣлъ сочло за выдачу „правительственныхъ тайнъ“, а меня, пытавшагося приподнять завѣсу надъ „міромъ мерзости и запустѣнія“, сослали „по домашнему“ на 3 года въ Сибирь.

Но, быть можетъ, г. Макаровъ не имѣлъ въ виду сочувственнаго отношенія Мин. Вн. Дѣлъ къ провокаціоннымъ приѣмамъ въ прошломъ, а хотѣлъ только показать, что теперь такіе приѣмы Мин. Вн. Дѣлъ будетъ считать безнравственными и преступными, а чиновниковъ, практикующихъ такіе приѣмы, будетъ предавать суду. Такое понятіе „категорическаго“ заявленія г. Макарова допустимо; очевидно, въ этомъ смыслѣ онъ былъ понятъ и октябристами въ засѣданіи Думы 20 го ноября пр. г. Но въ такомъ случаѣ г. Макаровъ долженъ былъ бы на дѣлѣ показать свое нравственное цѣломудріе и ненависть къ провокаціонной преступности. Между тѣмъ, я хорошо знаю, что тѣ лица, о которыхъ я упоминалъ въ своихъ запискахъ, лица, занятшія себя участіемъ въ цѣломъ рядѣ провокаціонныхъ дѣлъ, до сихъ поръ не только не преданы суду, но находятся на службѣ въ вѣдомствѣ, которымъ управляетъ г. Макаровъ.

И такъ какъ среди этихъ лицъ есть, напримѣръ, спеціалисты по устройству умышленныхъ „вооруженныхъ сопротивленій“, то вполне естественно, что они продолжаютъ дѣйствовать въ духѣ своихъ спеціальностей. Г-нъ Макаровъ это знаетъ, онъ не можетъ не знать, онъ, какъ завѣдующій всей полиціей въ Россіи, до же не это знать! А разъ такъ, то значить передъ лицомъ народныхъ представителей г. товарищъ министра вн. дѣлъ сознательно и цинично лгалъ.

И если я въ настоящемъ письмѣ несправедливо обвиняю г. Макарова, то пусть онъ передъ лицомъ народныхъ представителей докажетъ фактами, а не пустыми фразами, что Мин. Вн. Дѣлъ не только не практикуетъ провокаціонныхъ приѣмовъ, но и караетъ своихъ безнравственныхъ и преступныхъ агентовъ!

P. S. Заканчивая настоящее письмо, я не могу не замѣтить г. Макарову, что его приѣмъ отвода единственнаго свидѣтеля (Граммъ) по дѣлу о виленск. охр. отд., послужившему поводомъ для запроса въ Государств. Думѣ, является тоже чрезвычайно характернымъ, какъ для Мин. Вн. Дѣлъ, такъ и для самого Макарова.

Своей фразой, вызвавшей, къ сожалѣнію, одобрительный смѣхъ на правыхъ скамьяхъ, — „Граммъ этотъ — еврей, профессиональный контрабандистъ и содержатель публичнаго дома“, г. Макаровъ хотѣлъ, очевидно, показать, что услугами такихъ лицъ Мин. Внутр. Дѣлъ не пользуется.

Но вѣдь и это ложь, г. Макаровъ!

Напомню г. Макарову, что упомянутый Граммъ — старый служащій виленскаго охр. отдѣленія, что онъ, между прочимъ, выдалъ анар-

хиста Таратуту въ 1903 г. и его публичный домъ и контрабандная дѣятельность находились подъ покровительствомъ этого отдѣленія и, наконецъ, что самый преступный элементъ еврейскаго населенія находить пріютъ именно въ сыскныхъ и охранныхъ отдѣленіяхъ — и вотъ примѣры:

Провокаторствовавшій 12 лѣтъ бывший ссыльный Гуровичъ — чиновникъ Деп. Полиціи, — еврей. Вейсманъ — еврей, содержатель публичныхъ домовъ въ Одессѣ, состоялъ завѣдующимъ политическимъ сыскомъ на Балканскомъ полуостровѣ, занимаясь, кромѣ того, всевозможными шантажами вплоть до устройства ложной беременности королевы Драгъ. Изъ Сербіи и Болгаріи Вейсманъ былъ высланъ навсегда, какъ порочный иностранецъ и послѣ этого былъ принятъ на службу въ деп. полиціи. При вступленіи Нолькена на должность варшавскаго оберъ-полицеймейстера, Вейсманъ сдѣлался его правой рукой по части аслановскихъ и рейнботовскихъ дѣлъ; наканунѣ возбужденія уголовного преслѣдованія противъ Нолькена и Вейсмана, первый получилъ пераненія отъ бомбы, а затѣмъ ему послѣдовало повышение, а Вейсманъ, освобожденный подъ залогъ, снова открылъ публичный домъ въ Одессѣ и на дняхъ осужденъ по варшавскимъ дѣламъ на годъ тюрьмы. Въ организаціи Свеаборгскаго возстанія принималъ участіе еврей Борисъ Абрамовичъ Зайдъ. Сподвижникомъ ротмистра Левдикова въ Николаевѣ и Одессѣ былъ еврей.

Такихъ именъ мы могли бы привести сотни.

Слѣдовательно, высказывать недовѣріе Грамму, какъ къ еврею, и отрекаться отъ подобныхъ агентовъ представителю русской полиціи совсѣмъ не къ лицу, такъ какъ ни для кого не секретъ, что среди чиновъ полиціи всегда имѣются въ достаточномъ количествѣ содержатели публичныхъ домовъ, проститутки, воры и пр. отбросы общества и притомъ самыхъ различныхъ народностей и вѣроисповѣданій. Для полноты картины напомину кстати, что какъ разъ въ той мѣстности, гдѣ перевозилась съ вѣдома охраннаго отдѣленія нелегальная литература, розыскнымъ пунктомъ (въ Ковнѣ), завѣдываетъ и до сего времени еврей Донъ, отправляющій свои официальные обязанности подъ нелегальной фамиліей Александра Евгеніевича Донцова, который въ то же время занимался пытками политическихъ, о чемъ своевременно писалось въ русскихъ газетахъ.

2. Азефъ, Столыпинъ и провокація.

Прочитавъ рѣчь русскаго премьеръ-министра Столыпина, произнесшую имъ въ Государственной Думѣ въ защиту Азефа, я считаю своимъ долгомъ, какъ бывший чиновникъ для порученій во Департаменту Полиціи и въ то же время какъ лицо заинтересованное только въ справедливомъ освѣщеніи дѣла, отвѣтить Столыпину и исправить въ его рѣчи то, что было извращено вполнѣ сознательно и то, что извратили его подчиненные, а онъ этимъ воспользовался безосознательно.

Азефъ служилъ секретнымъ сотрудникомъ 16 лѣтъ! срокъ почти небывалый въ исторіи провокатуры. Онъ двигался постепенно, и какъ водится, отъ революціонной партіи меньшей активности къ партіи съ принципомъ террористической борьбы. Наконецъ, онъ дѣлается самъ руководителемъ боевой организаціи, что, конечно, достигается не протекціей, а особыми заслугами передъ партіей.

Изъ заявленій, а особенно собственноручнаго письма Азефа, точно устанавливается, что онъ сдѣлался главой Б. О. тотчасъ послѣ ареста Гершуни, т. е. въ 1903 г. Изъ рѣчи же Столыпина видно, что, по свѣдѣніямъ Деп. Полиціи, Азефъ сталъ во главѣ Б. О. только лишь послѣ ареста Савинкова, до того же времени ею завѣдывалъ Савинковъ и всѣ террористическіе акты, совершенные съ 1903 по 1906 г., приписываются ему.

Это не вѣрно. Со дня ареста Гершуни и до 1907 г. Деп. Полиціи никогда не считалъ Савинкова стоящимъ во главѣ Б. О., имѣлись свѣдѣнія, что таковая управлялась Ц. К., но постояннымъ вдохновителемъ террористическихъ актовъ называлась Брешко-Брешковская. Что же касается Савинкова, то его имя впервые вслѣдуетъ въ концѣ 1904 или началѣ 1905 г., какъ члена Б. О. и участника нѣкоторыхъ террористическихъ актовъ, но не больше. Никакихъ спеціальныхъ циркуляровъ о Савинковѣ не было, и онъ въ самыхъ большихъ процессахъ, какъ на примѣръ, убійства Плеве, вел. кн. Сергѣя, въ покушеніи на Трепова и другихъ не выставлялся, какъ руководитель Б. О., что и противорѣчитъ заявленіямъ Столыпина.

Послѣ ареста Гершуни террористическія дѣла участились, судебные по нимъ процессы увеличились, но все же ни откуда не было видно, чтобы кто-нибудь стоялъ во главѣ Б. О. и въ официальныхъ документахъ фигурировалъ Ц. К. Между тѣмъ, когда Гершуни стоялъ во главѣ Б. О., то всѣ террористическіе процессы, розыски, циркуляры начинались съ его имени и малѣйшее проявленіе дѣятельности Б. О. связывалось съ его именемъ.

Почему же это такъ? Почему оцѣнка руководителей одной и той же Б. О. была такъ неравномѣрна, хотя во главѣ розыска стояли все тѣ же старые знакомые — Рачковскій, Мѣдвиковъ, Трусовичъ и т. д? Почему Гершуни такъ тщательно ловили? почему онъ сдѣлался въ

глазахъ полиціи почти легендарнымъ героемъ? Его карточки были розданы не только жандармамъ и агентамъ охранныхъ отдѣленій, но даже чинамъ наружной и сыскной полиціи и за его поимку объявили десяти тысячную награду? Между тѣмъ дѣятельность Гершуни для правительства была не такъ ужасна и онъ не пошелъ дальше трехъ актовъ (убійство министра Сипягина, губернатора Богдановича и неудачное на губернатора Оболенскаго).

Савинковъ же, согласно заявленію Столыпина, сдѣлавшись главой В. О., повелъ террористическую работу самымъ блестящимъ образомъ, и до его ареста онъ успѣлъ убить Шлеве, вел. кн. Сергѣя и многихъ другихъ, о чѣмъ якобы правительство знало съ самаго начала. Это неправда и сознательная подтасовка фактовъ, — и вотъ почему. Савинковъ, тѣмъ не менѣе, разыскивался только лишь какъ членъ В. О., за него преміи не назначали, среди чиновъ полиціи его имени не популяризировали и, что всего удивительнѣй, — его фотографической карточки не разсылали. Такое отношеніе къ Савинкову противорѣчитъ основнымъ правиламъ политическаго розыска и само по себѣ опровергаетъ слова Столыпина о немъ.

Напримѣръ, изъ официальныхъ источниковъ Департ. Полиціи мнѣ извѣстно, что относительно убійства Шлеве, Азефъ (Раскинъ) сообщилъ Деп. Полиціи, что это дѣло организовано Брешко-Брешковской въ Вѣлостокѣ и что къ нему причастенъ одинъ инженеръ, проживающій постоянно въ Варшавѣ. Это противорѣчитъ заявленію Столыпина, но я ссылаюсь на живыхъ свидѣтелей Мядникова и генерала Пацевича, производившихъ административное разслѣдованіе въ Вѣлостокѣ, куда былъ командированъ изъ Варшавы и я. Ни тогда, ни послѣ имя Савинкова въ этомъ дѣлѣ не фигурировало.

Ссылка Столыпина на свѣдѣнія Деп. Полиціи, что послѣднему было извѣстно о Савинковѣ, какъ о руководителѣ В. О., опровергается приведенными мною данными, а также заявленіями Ц. К. и самого Азефа.

Я со своей стороны думаю, что на основаніи всѣхъ имѣющихся фактовъ Азефа необходимо считать съ 1903 г. главой В. О. партіи с.-р. и, поэтому, всѣ данныя, приписанныя Столыпиннымъ Савинкову, необходимо перенести на Азефа.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ фактомъ, что самый блестящій до революціонный періодъ дѣятельности В. О. протекъ подъ руководствомъ Азефа, и благодаря этому, иные его могутъ назвать такимъ провокаторомъ, который больше помогалъ революціонерамъ. Съ другой стороны и правительство, получавшее цѣныя свѣдѣнія отъ Азефа въ тѣ годы, можетъ быть имъ довольнымъ, считая его своимъ, и высоко цѣнить его тогдашнюю дѣятельность.

Не зная дѣятельности политической полиціи, а тѣмъ паче такихъ лицъ, какъ Рачковскій, Трусовичъ, Герасимовъ и пр., какъ революціонеры, такъ и Столыпинъ, по своему почти правы, и Азефа каждая сторона можетъ назвать своимъ, чѣмъ чужимъ.

Лично я, познакомившись со всѣми застѣнками политической полиціи, руководителями Азефа и его личностью, убѣжденъ, что онъ былъ только агентомъ-провокаторомъ и хорошимъ сотрудникомъ для своего непосредственнаго начальства — Рачковскаго, Герасимова и т. д., но ни въ коемъ случаѣ не былъ таковымъ ни для правительства, ни для революціонеровъ.

Для Азефа и ему подобныхъ безусловно невыгодно имѣніе дан-

наго политическаго строя, который, такъ или иначе, обезпечиваетъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, а особенно такой строй, какой былъ при Плеве.

Между тѣмъ мы видимъ, что убійство Плеве — дѣло рукъ Азефа, и было выполнено тогда, когда считалось почти неосуществимымъ.

Изъ заявленій Столыпина видно, что еще въ 1904 г. Азефъ нѣсколько разъ предупреждалъ покушенія на Плеве. Слѣдовательно, личное его участіе въ убійствѣ Плеве кажется съ перваго взгляда совсѣмъ непонятнымъ и опровергается тѣмъ же Столыпинымъ, но мы имѣемъ дѣло съ другими, болѣе достовѣрными заявленіями и констатируемъ фактъ, что хотя Азефъ и былъ провокаторомъ, но все же, благодаря только лишь ему, Плеве оказался убитымъ.

Я сказалъ, что Азефу не было выгоды отъ убійства Плеве, онъ къ этому никогда не стремился, старался его всегда спасать, когда же онъ участвовалъ въ убійствѣ Плеве, то въ его интересы не входило благодѣтельствованіе партіи с.-р. Исполняя этотъ актъ, какъ и многіе другіе, онъ преслѣдовалъ интересы посторонняго, третьяго лица, дѣйствовалъ не какъ секретный сотрудникъ правительства, но какъ агентъ-провокаторъ. Считаю необходимымъ одѣлать небольшое отступление.

На основаніи извѣстныхъ мнѣ фактовъ, я могу сказать, что многіе террористическіе акты совершены или съ вѣдома полиціи или при ея благосклонномъ попустительствѣ, но говоря это, я тѣмъ не менѣе не стараюсь умалить значеніе этихъ актовъ для пользы революціоннаго дѣла, а исполнителей выставить слѣпыми орудіями агента полиціи.

Извѣстно, что партія постановила убить Плеве, Сергѣя, Мина и др. и она ихъ убила при посредствѣ тѣхъ своихъ членовъ, которые шли на акты не во имя апофеоза Азефа, а во имя исповѣдуемыхъ ими идеаловъ. Благодаря Азефу исполненіе этихъ актовъ тормозилось, заставлявалось, но тѣмъ не менѣе часто намѣченная цѣль приводилась въ исполненіе. И по моему, принципъ террористической борьбы, память погибшихъ и выполненіе террористическихъ актовъ ничуть не пострадали въ своемъ величій отъ присутствія Азефа, какъ агента. Если личные интересы нѣкоторыхъ полицейскихъ, ихъ интриги, и, наконецъ, ложное понятіе о пресѣченіи преступленій вообще столкнулись съ начинаніями Б. О., то опять таки этого нельзя смѣшивать, умалять неумалимое, ибо хитрости полицейскихъ и самоверженность революціонеровъ, два діаметрально-противоположныхъ явленія, не могутъ быть приведены къ общему итогу.

Тѣмъ лицамъ, которыя руководили дѣйствіями Азефа, несомнѣнно, было извѣстно, что послѣ ареста Гершуни, онъ занялъ его мѣсто, но они тщательно это замалчивали. Предположимъ, что Азефъ самъ о себѣ не сообщалъ, но, принимая во вниманіе, что при Деп. Полиціи и охранномъ отдѣленіи одновременно состояли секретными сотрудниками: Татаровъ, Машъ, инженеръ Горенбергъ, Янкельсонъ и др., что всѣ они знали Азефа, какъ руководителя Б. О., и всѣ они своевременно доносили о немъ, ясно конечно, что Азефъ своей роли скрыть отъ нихъ не могъ. Партія с.-р. агентурой освѣщалась прекрасно, въ партіи всѣ знали, что Азефъ организовалъ убійство Плеве, и ужъ во всякомъ случаѣ Деп. Полиціи объ этомъ получалъ неоднократно свѣдѣнія.

Это вопросъ, который долженъ быть принять, собственно говоря,

безъ доказательствъ, но все же г. Столыпину не мѣшало бы познакомиться съ донесеніями объ Азефѣ бывшихъ и настоящихъ агентовъ, безъ вмѣшательства заинтересованныхъ лицъ. Если бы онъ допросилъ этихъ агентовъ, то конечно, убѣдился бы, что его, перваго министра, чины Деп. Полиціи обошли со всѣхъ сторонъ.

Азефъ не только самъ себя тщательно оберегалъ, но руководители его отъ этого не отставали. Какъ только кто-либо изъ сотрудниковъ узнавалъ о роли Азефа, то его немедленно убирали безвозвратно и въ этомъ помогали руководители. Достаточно указать на Татарова, Галона и др.

Перехожу къ главному дѣлу Азефа — къ убійству Плеве.

Плеве былъ убитъ по постановленію партіи с.-р., убили его членъ В. О. и принесъ этимъ, дѣйствительно, неоцѣнимую услугу революціонному движенію.

Азефъ не хотѣлъ этого убійства — оно для него было вредно и Деп. Полиціи былъ того же мнѣнія, но вотъ на сцену выступаетъ Рачковскій, бывший воспитатель Азефа, онъ высказываетъ желаніе убить Плеве, но не для того, чтобы ему отомстить, а чтобы снова самому двинуться по служебной лѣстницѣ.

Если Азефу невыгодно было допускать убійство Плеве въ интересахъ своего положенія, то ему было гораздо выгоднѣе снова видѣть у власти Рачковского, который его вынянчилъ и пробилъ широкую дорогу въ революционную среду.

Настойчивое преслѣдованіе партіи с.-р. и интимное желаніе Рачковского исполнѣ совпали. Рачковский достигъ своей цѣли при помощи Азефа и, какъ видимъ, былъ назначенъ директоромъ Деп. Полиціи. Революционеры же исполнили свое дѣло при помощи членовъ В. О., которые теперь сидятъ на каторгѣ.

Рачковскій несомнѣнно подтолкнулъ Азефа допустить убійство Плеве, зная о времени совершенія этого убійства, и, наконецъ, въ послѣдствіи покровительствовалъ Азефу, зная, что онъ участникъ дѣла Плеве. Въ 1904 г. Рачковскій жилъ въ Варшавѣ, почти ежедневно приходилъ въ охранное отдѣленіе и, мимоходомъ, наводилъ справки о розыскѣ, которыя для него были совершенно излишними.

Послѣ убійства Плеве и кратковременной весны кн. Святополкъ-Мирскаго, Рачковскій немедленно былъ призванъ къ власти. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Рачковскій тамъ завелъ второе охранное отдѣленіе, помимо существующаго, и всю агентуру перевелъ къ себѣ. Хорошо зная о роли Азефа, Рачковскій прекратилъ поиски по дѣлу убійства Плеве и только приблизилъ къ себѣ Азефа.

Г-нъ Столыпинъ съ увѣренностью заявилъ, что онъ весьма тщательно ознакомился съ дѣятельностью Азефа, но нигдѣ провокаціи не нашелъ. Правда ли это? Я думаю, что это простая фраза и больше докладъ Деп. Полиціи по этому поводу онъ ничего не прочелъ, ибо его составляли, какъ извѣстно, тѣ, кому не выгодно самимъ себя съечь и называть провокаторомъ себя. Естественно, что докладъ вышелъ гладкимъ, но только для Столыпина.

Столыпинъ сказалъ, что провокаціи въ дѣятельности русской полиціи нѣтъ, а бываютъ лишь случайныя злоупотребленія. Трудно, конечно, опредѣлить, что Столыпинъ подразумеваетъ подъ случайностью: 10 процентовъ нормальныхъ случаевъ розыска и 90 выдуманныхъ, или наоборотъ.

Тамъ, гдѣ провокація вошла въ систему и приобрѣла право гражд-

двѣтства, о ея случайности не приходится говорить. Русская полиція вообще, а политическая въ частности тѣмъ только и живетъ, что культивируетъ преступленія и только частично ихъ уничтожаетъ. Въ преступленій и провокацій она жить не можетъ и существованіе ея являлось бы излишнимъ. Ваявъ дѣятельности каждаго провокатора и его непосредственнаго руководителя (начальниковъ охр. отдѣленій, жанд. управленій и др. подобныхъ учреждений), неизмѣнно приходишь къ выводу, что въ ихъ поступкахъ даже съ государственно-полицейской точки зрѣнія будетъ больше вредныхъ преступленій, чѣмъ положительныхъ фактовъ.

Я не удивляюсь, что Столыпинъ въ дѣятельности Азефа не нашелъ провокаціи, ибо, чтобы изучить дѣятельность этого агента за 16 лѣтъ, не достаточно прочесть докладъ Рачковскаго, Трусовича и др., вмѣстившіяся на одной страничкѣ газетнаго листа. Ему нужно было посвятить гораздо больше времени и испутно проверить дѣятельность и самихъ руководителей Азефа. Почему этого не сдѣлалъ Столыпинъ — трудно сказать, но, по всей вѣроятности, неудобно было себя бичевать, ибо, какъ не разсматривай дѣятельность Столыпина, и все-же окажется, что въ покровительствѣ провокаціи онъ превзошелъ всехъ. При немъ система провокаціи перешла въ спортъ.

Въ свое время Столыпинъ познакомился съ моими записками, гдѣ я исключительно на основаніи фактовъ, между прочимъ, описалъ дѣятельность провокаторовъ Санковскаго и Заваряина, и даже послѣ этого онъ не нашелъ преступленій въ средѣ провокаторовъ, а просто заявилъ, что это — выдумка.

Если Столыпинъ въ дѣятельности Азефа и его руководителей не нашелъ провокаціи, то, по мѣрѣ возможности, я постараюсь указать въ ихъ дѣятельности только на тѣ факты, которые всегда должны быть названы провокаціей, съ какой бы стороны ихъ не разсматривали.

Изъ заявленія Ц. К., который называетъ Азефа въ 1902—5 г.г. больше революціонеромъ, чѣмъ провокаторомъ, изъ откровенныхъ заявленій бывшихъ товарищей Азефа и отъ безпристрастныхъ анализаторовъ его дѣятельности мы узнаемъ, что Азефъ въ партіи игралъ, дѣйствительно, выдающуюся роль, что онъ являлся до нѣкоторой степени руководителемъ, во многихъ дѣлахъ игралъ даже рѣшающую роль. Азефъ зналъ о самыхъ конспиративныхъ предпріятіяхъ и, тѣмъ не менѣе, не смотря на то, что онъ былъ секретнымъ агентомъ и дѣлился своими свѣдѣніями съ деп. полиціи, мы видимъ, что тайныя типографіи работали, литература распространялась, лабораторіи изготовляли бомбы, члены Б. О. устраивали покушенія, комитеты существовали, нелегальные проживали по тѣмъ паспортамъ, копіи которыхъ хранились въ деп. полиціи, происходили съѣзды, конференціи, Ц. К. in concreto засѣдалъ въ Петербургѣ, участниковъ убійствъ Шлеве и великаго князя не арестовываютъ, а за ними только наблюдаютъ и т. д.

Обо всемъ этомъ деп. полиціи, въ частности, Трусовичъ, Рачковскій и Герасимовъ знаютъ и изо дня въ день ихъ поддерживаютъ лишь только для того, чтобы Азефа сохранить, да гарантировать спокойствіе и безопасность въ Петербургѣ высокопоставленнымъ лицамъ. Розыскъ по всей Россіи и заграницей, какъ видимъ, почти весь сосредоточенъ въ рукахъ департамента полиціи и дѣло потягивается такъ, что безъ его вѣдома никакаго убійства произойти не могутъ. Это ведетъ, однако, къ тому, что усиливается мѣстная провокація и, помимо воли охранителей, совершаются революціонные акты.

Для иллюстраціи укажу на нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности Азефа и его руководителей:

Будучи въ Москвѣ, Азефъ указалъ, что въ Томскѣ устраивается нелегальная типографія для печатанія „Револ. Россіи“, — устанавливаются лицъ, мѣстонахожденіе типографіи, даютъ выпустить номеръ, и только послѣ этого арестовываютъ типографію.

Въ 1903 г. Азефъ устраиваетъ переправу нелегальной литературы изъ-за границы въ ледникахъ, ее принимаетъ въ Лодзи нѣкій Шнеуровъ и передаетъ по назначенію для распространенія. Деп. полиціи обо всемъ этомъ знаетъ, но охранному отдѣленію сообщаетъ объ этомъ только въ общихъ чертахъ, боясь дѣлиться всѣми свѣдѣніями, ибо неумѣлое обращеніе или неосторожность могли провалить агентуру и тѣмъ самымъ лишить возможности создавать новыя преступленія.

Въ началѣ 1904 г. Азефъ въ сопровожденіи Мѣдника прѣзжаетъ въ Варшаву къ одному инженеру, какъ видно изъ его письма, для переговоровъ относительно перевозки нелегальной литературы, а сообщаетъ о немъ, какъ о террористѣ и впослѣдствіи называетъ его причастнымъ къ убійству Плеве. Хорошо, что въ то время не было Столыпина и по даннымъ Азефа не казнили, какъ потомъ по дѣлу убійства Лауница были казнены Сулятицкій и Зильбербергъ по свѣдѣніямъ Азефа, безъ всякихъ юридическихъ данныхъ. Теперь же, когда Столыпинъ приказалъ судьямъ агентурныя свѣдѣнія провокаторовъ принимать на вѣру, не предъявляя ихъ подсудимымъ, ни ихъ защитникамъ, несомнѣнно этотъ инженеръ поплатился бы жестоко за свое невольное знакомство съ Азефомъ.

По вступленіи Рачковскаго на службу въ началѣ 1905 г., мы видимъ, что Азефъ снова попадаетъ къ Рачковскому, который являлся въ то время только чиновникомъ особыхъ порученій при Мин. Внутр. Дѣлъ, но, тѣмъ не менѣе, весь главный розыскъ по Петербургу и другимъ городамъ переходитъ къ нему. Въ самомъ Петербургѣ, гдѣ существуетъ охранное отдѣленіе, Рачковскій параллельно устраиваетъ свое, забираетъ агентовъ, филеровъ и привлекаетъ къ себѣ въ помощники Мѣдника и Гуровича.

Не успѣвъ Рачковскій утвердиться, какъ партія с.-р. постановила убить Трепова, вел. кн. Сергѣя и Клейгельса. Дѣломъ руководитъ Азефъ, — и что же мы видимъ? Участники подготовлявшагося покушенія на Трепова арестованы; покушеніе на Клейгельса не состоялось.

Совсѣмъ иное дѣло было въ Москвѣ. Деп. полиціи, по свѣдѣніямъ Рачковскаго, сообщаетъ мѣстному охранному отдѣленію, что готовится покушеніе на вел. кн. Сергѣя, указываетъ лицъ для наблюденія, но безъ разрѣшенія изъ Петербурга не велитъ производить арестовъ. Князю ничего не сообщаютъ и только при выѣздахъ усиливаютъ охрану. Но, вотъ, князь выѣзжаетъ безъ предупрежденія, ѣдетъ прямо на Каляева, и былъ убитъ. Высшее правительство ошеломлено неожиданностью акта, требуетъ разъясненій отъ ведущихъ розыскъ. Тѣ, не желая раскрыть свою провокаторскую игру, заявляютъ, что и для нихъ это неожиданно, а, чтобы скрыть слѣды, уничтожаютъ дневники наблюденія и всякія по сему поводу свѣдѣнія.

Столыпину ясно было указано на этотъ фактъ, но онъ въ своей рѣчи почти обошелъ его молчаніемъ, между тѣмъ, фактъ провокаціи въ убійствѣ вел. кн. Сергѣя легко установить, и въ данномъ случаѣ

я осылаюсь на бывшего нач. моск. охр. отдѣленія Ратко и чиновника Попова.

Подобное же попустительство наблюдается и въ убійствѣ губернатора Богдановича. Здѣсь дѣйствовали Мѣдниковъ и Зубатовъ. Этотъ фактъ я называю чистѣйшей провокаціей, ибо о готовившемся покушеніи на Богдановича ничего мѣстнымъ властямъ не сообщили, такъ какъ чины деп. полиціи надѣялись честь ареста Гершуни приписать себѣ.

Весной 1905 г. черезъ Азефа Рачковскій досталъ списокъ всѣхъ нелегальныхъ паспортовъ, выданныхъ Ц. К. своимъ членамъ, работавшимъ въ Россіи. Разсылая подобный списокъ, Рачковскій велѣлъ этимъ лицѣмъ не трогать безъ его вѣдома. И что же? Арестовъ не производили, нелегальнымъ давали возможность продолжать работу, которая, во всякомъ случаѣ, была полезнѣй партиі с.-р., чѣмъ правительству. Какъ не разсматривай этотъ фактъ, все же это будетъ называться провокаціей.

Если бы Столыпинъ хотѣлъ познакомиться съ донесеніями бывш. нач. моск. охр. отдѣленія ротмистра Петерсона о предшествовавшихъ и послѣдующихъ дняхъ московскаго возстанія 1905 г., то онъ бы увидѣлъ, кто провоцировалъ это движеніе. Рачковскій совершенно не позволялъ предупреждать назрѣваемаго возстанія, онъ игнорировалъ всѣ представленія и какъ бы умышленно велъ къ катастрофѣ. Мало того, Рачковскій приказалъ секретнымъ сотрудникамъ московскаго охраннаго отдѣленія не дѣлиться своими свѣдѣніями съ мѣстными властями, а писать только ему. И здѣсь мы видимъ желаніе Рачковскаго держать въ своихъ рукахъ и направлять возможные эксцессы по своему усмотрѣнію. Мало того, въ самый разгаръ возстанія Рачковскій неоднократно пріѣзжалъ въ Москву со своими погромными прокламаціями и велъ тайные переговоры съ провокаторами. Провокація Рачковскаго въ московскомъ возстаніи была оцѣнена, его сочли героемъ усмиренія этого возстанія и наградили 75 т. рубл.

Изъ многочисленныхъ донесеній агентоу охраннаго отдѣленія было извѣстно, что въ Петербургѣ происходятъ засѣданія Ц. К., члены коего, основатели и руководили партиі, устраиваютъ рефераты въ самомъ Петербургѣ, происходятъ конференціи въ Финляндіи, съѣзды въ Гельсингфорсѣ, тамъ присутствуютъ и нелегальные и бѣглецы каторжане, но въ угоду Азефу все пропускаютъ, такъ какъ это необходимо для гарантіи его дѣятельности.

Всѣхъ этихъ попустительствъ нельзя иначе назвать, какъ провокаціей, ибо онѣ вредны, прежде всего, для правительства. Правда, въ личныхъ интересахъ Трусевича, Рачковскаго, Герасимова, да и самого Столыпина выгоднѣй пользоваться услугами Азефа, который, благодаря положенію въ партиі, имѣлъ возможность въ нужное время инспирировать покушеніе на царя, на министровъ, лишь только для того, чтобы создать большой процессъ, дающій однимъ награды, повышенія по службѣ, а другимъ — оправдывать свои звѣрства, въ частности, политику усмиренія Столыпина.

Столыпинъ, видимо, не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что всякая провокація остается провокаціей, вредна для государства во всѣхъ отношеніяхъ, а главное недолговѣчна. Напримѣръ, покровительству Азефу, правительство сохраняло весь составъ Б. О., Ц. К., техническія предпріятія, допускало убійства и ехвовъ пальцы смотрѣло на организацію революціонныхъ кадровъ. Азефъ, какъ видимъ,

вышелъ въ тиражъ, сдѣлался бесполезнымъ, между тѣмъ, какъ партія с.-р. съ людьми и опытомъ осталась цѣлой.

Азефъ не возвратится въ число агентовъ правительства, не возвратятся и тѣ, кто принесенъ ему въ жертву. Развѣ это не провокація? Развѣ это не ударъ правительству, какъ во внѣшнихъ, такъ во внутреннихъ отношеніяхъ?

Извѣстно, что при вступленіи Столыпина на должность министра внутр. дѣлъ, начальникъ петербургскаго охраннаго отдѣленія далъ ему слово, что, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ онъ гарантируетъ не допущеніе въ Петербургъ террористическихъ актовъ первостепенной важности, т. е. на царскую фамилію, министровъ и, въ частности, на Столыпина. Мы видимъ, что Герасимовъ сдержалъ свое слово и всѣ гарантированныя имъ лица остались цѣлы, хотя Б. О. неоднократно дѣлала попытки, но все кончалось арестами и висѣльцами.

Ставъ на точку зрѣнія Столыпина, что Азефъ появился во главѣ Б. О. только съ 1906 г., все же приходится констатировать, что безопасность высокопоставленныхъ лицъ окупалась дорогой цѣной. Столыпинъ говорилъ, что какъ только Азефъ сталъ во главѣ Б. О., то всѣ предпріятія партіи не доводились до конца. Но оставляя акты первостепенной важности въ сторонѣ, нельзя не отмѣтить тѣ искупительныя жертвы, которыя все же являлись для положенія Азефа необходимыми.

Изъ заявленій Ц. К. партіи с.-р., правительственныхъ сообщений и судебныхъ процессовъ видно, что съ 1906 г. Б. О. с.-р. произвела убійства — Мина, Иванова, Лауница, Павлова, Максимовича и др., подготавливая покушенія на Николая II, вел. кн. Николая Николаевича и Щегловитова, Столыпина и др. Во главѣ Б. О. стоялъ Азефъ, онъ являлся ея руководителемъ, безъ него не могъ совершиться ни одинъ актъ и, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что актовъ совершено не мало. Значить все это проходило черезъ Азефа и было извѣстно Герасимову: кое-что совершалось, какъ искупительныя жертвы, а кое-что во время ликвидировалось для полученія наградъ.

Теперь внесу нѣкоторыя поправки къ рѣчи Столыпина относительно моихъ воспоминаній и моего ухода со службы.

Въ февралѣ сего года я помѣстилъ 11 фельетоновъ, въ видѣ краткихъ извлеченій изъ моихъ воспоминаній, въ газетѣ „Matin“. Въ этихъ фельетонахъ я коснулся только самой незначительной части всѣхъ провокаторскихъ пріемовъ, практикуемыхъ чинами русской политической полиціи, приводилъ факты, называлъ лицъ, какъ потерпѣвшихъ, такъ и виновниковъ. Приступая къ печатанію этихъ фельетоновъ, я обязался передъ редакціей „Matin“ за могущія произойти послѣдствія взять на себя всю юридическую отвѣтственность. Почти всѣ мои фельетоны были переведены цѣликомъ нѣкоторыми русскими газетами и до сего времени никто изъ „опорачиваемыхъ“ мною лицъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ не заявилъ протеста.

Столыпинъ заявилъ, что все, о чемъ я писалъ — неправда, которая была констатирована еще въ 1907 году специальнымъ разслѣдованіемъ. Это ложь, г. Столыпинъ! Все, о чемъ я писалъ, правда, и это легко доказать.

Столыпинъ не опровергалъ фактъ за фактомъ, а сказалъ объ этомъ въ общихъ чертахъ, и только относительно провокатора Шигельскаго заявилъ, что прокуроръ по дѣлу изготовленія бомбъ никогда его не разыскивалъ. Напомню г. Столыпину, что прокуроры вообще разыс-

ками не занимаются и, действительно, прокуратура Щигельскаго не искала, но за то его разыскиваетъ до сего времени судебный слѣдователь Ползиковъ черезъ публикацію въ „Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и полиція по сыскному отдѣленію для привлеченія его по обвиненію, какъ главнаго участника изготовленія бомбъ на Волѣ. Все это Столыпинъ могъ бы найти въ дѣлѣ о Зелинскомъ, Ошуканекъ, Курекъ и др.

О провокаторѣ Райхелъ и организованной имъ экспроприаціи данныя можно найти въ дѣлѣ о Сернакѣ и др. Варш. окр. суда. Объ арестѣ 257 чел. безъ всякихъ данныхъ имѣется специальное дѣло въ нѣсколькихъ томахъ при Варшавскомъ охранномъ отдѣленіи и тамъ же о Янѣ Кубякѣ.

О разстрѣлѣ 17 юношей, въ возрастѣ — 16-18 л. въ административномъ порядкѣ, имѣется дѣло отъ 25 декабря 1905 г., а ихъ фотографіи, снятыя послѣ пытокъ безъ глазъ и изуродованныя, можно получить въ сыскномъ отдѣленіи. Одинъ экземпляръ этой фотографіи я передалъ въ редакцію „Былое“.

О систематическихъ пыткахъ надъ политическими съ вѣдома Скалона и Мейера имѣется дознаніе суд. слѣдователя 1 уч. гор. Варшавы Дембскаго.

О грабежахъ и насиліяхъ агентовъ-воровъ Гутовскаго, Пявлоки и полиц. надзир. Дребнева имѣются заявленія потерпѣвшихъ и донесеніе пристава 8 уч. Захарко.

Объ умышленныхъ вооруженныхъ сопротивленіяхъ, устроенныхъ агентомъ Санковскимъ, имѣются дѣла военно-полевыхъ судовъ и, наконецъ, за свѣдѣніями можно обратиться къ подполковнику Шульцу, отказавшемуся вести эти дѣла, какъ явно провокаціонныя.

О провокаторшѣ-проституткѣ Звѣржинской имѣются телеграммы въ деп. полиціи и петербург. охр. отд.

О дѣятельности Заварзина можно узнать изъ дѣлѣ №№ 120—121 за 1906 г. Варшав. охр. отд.

Провокаторъ Янъ Здродовскій, убившій своего соперника и сожительницу, разыскивался сначала полиціей 12 участка, а затѣмъ судебнымъ слѣдователемъ того же участка.

О подготовленіи покушенія на губер. Максимовича и рот. Петерсона чинами деп. полиціи имѣется дѣло, и о томъ же знаетъ сенаторъ Коваленскій.

Фактически не опровергнувъ ни одного факта и грубо сорвавшись на Щигельскомъ, Столыпинъ умышленно все время называетъ меня провокаторомъ и агентомъ, подразумѣвая подъ этими именами то, что называется секретной агентурой, и упоминаетъ, между прочимъ, о предупрежденіи мною какого-то покушенія на Скалона.

На эту явную ложь Столыпина могу сказать, что я въ Варшавѣ былъ чиновникомъ особыхъ порученій и принадлежалъ къ числу высшихъ чиновъ, а не низшихъ, и занималъ должность гражданской службы VI класса.

Наконецъ, Столыпинъ заявилъ, что ушелъ я со службы по принужденію, какъ заподозрѣнный въ шантажахъ. Если Столыпинъ безсознательно лгалъ, то его; несомнѣнно, ввели въ заблужденіе.

О предьявленіи ко мнѣ подобныхъ обвиненій впервые я узналъ изъ статьи нововременскаго Меньшикова, а потомъ отъ Столыпина. Съ спокойной совѣстью заявляю, что подобныя обвиненія ко мнѣ не могутъ относиться. Это — клевета, выставленная противъ меня заднимъ

числомъ, ровно черезъ два 2 года тѣми лицами, которыхъ я обвинялъ, сидя въ Петропавловской крѣпости, и обвиняю теперь въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ.

Въ маѣ 1906 г. я познакомился съ ред. „Былого“ В. Л. Бурцевымъ и рѣшилъ, использовавши свои свѣдѣнія въ интересахъ освободительнаго движенія, уйти со службы изъ Охр. Отдѣленія.

Въ іюль мѣс. 1906 г. я былъ въ Петербургѣ у Герасимова и заявилъ ему, что служить съ Шевяковымъ не могу, ибо его дѣятельность является сплошной провокаціей и привелъ массу фактовъ. Герасимовъ обѣщаль доложить директору деп. полиціи Трусовичу и вызвать меня въ Петербургъ, но въ началѣ сентября Шевяковъ былъ переведенъ въ Петербургъ, а я остался въ Варшавѣ.

18 октября я привѣчалъ въ Петербургѣ и обратился къ завѣдывающему особымъ отдѣломъ деп. полиціи Васильеву съ просьбой о переводѣ. Въ присутствіи чиновника Меньшикова Васильевъ предложилъ мнѣ занять мѣсто начальника Севастопольскаго охран. отд., но я отказался и заявилъ, что, если меня не переведутъ въ Петербургъ, то я увольняюсь. Васильевъ обѣщаль удовлетворить мою просьбу и я снова возвратился въ Варшаву, гдѣ я встрѣтилъ новаго начальника Заварзина. Его дѣятельность на первыхъ же порахъ ознаменовалась примѣненіемъ самой широкой провокаціи. Здѣсь были умышленныя вооруженныя сопротивленія, разстрѣлы по улицамъ, вымогательства агентами, грабежи, подлоги, лжесвидѣтельства и проч. Я видѣлъ виды, но то, что я увидѣлъ въ дѣятельности Заварзина, меня ужаснуло.

На первыхъ порахъ Заварзинъ просилъ меня не уходить и обѣщаль назначить своимъ помощникомъ, но я отъ этой чести отказался и въ концѣ октября мѣс. подалъ заявленіе объ отчисленіи. Это заявленіе было переслано въ деп. полиціи.

Въ первыхъ числахъ декабря 1906 г. я получилъ отпускъ и уѣхаль въ Петербургъ, гдѣ заявилъ о своемъ желаніи уйти со службы и, получивъ 1000 руб. награды, подалъ прошеніе объ увольненіи, каковое и послѣдовало 1 января 1907 г. Въ январѣ же 1907 г. я получилъ предложеніе занять мѣсто чиновника особыхъ порученій при Московскомъ охр. отд., но и отъ этого отказался.

Вотъ исторія моего увольненія со службы.

Отъ ред. Первая изъ помѣщаемыхъ статей М. Е. Бакая была написана и отпечатаема въ отпискѣ издавна еще до обвиненія Азева въ провокаторствѣ. Согласно рѣшенію суда, разбиравшаго мое дѣло по новоду Азева, и до окончания дѣла не имѣлъ права что-либо печатать объ Азевѣ, — поэтому я вынужденъ былъ изъ печатающейся статьи М. Е. Бакая, а также изъ его статьи въ 8 N «Былого», выпустить все, что онъ приводилъ тогда въ доказательство провокаціи Азева, между прочимъ, рассказъ о посѣщеніи Азевомъ Варшавы въ 1904 г., о выдачѣ имъ томской типографіи, транспорта с.-р. и т. д. Суду, впрочемъ, въ свое время были переданы всѣ корректуры статей М. Е. Бакая безъ какихъ-либо выносковъ.

Письмо Азефа къ Б. В. Савинкову.

10 октября 1904 г.

Дорогой мой!

Спасибо тебѣ за твое письмо. Оно дышитъ теплотою и любовью. Спасибо, дорогой мой...

Переходя къ дѣлу, скажу, что теперь ужъ, вѣроятно, поздно отказываться отъ суда надъ Бурцевымъ. Я сегодня получилъ отъ В. письмо (получилъ его съ опозданіемъ на два дня, такъ какъ оно было заказное, а для полученія заказного надо было визировать паспортъ, иначе не выдавали), гдѣ онъ писалъ, что судъ сегодня, въ субботу, начнется и просилъ телеграфировать, согласенъ ли я на то, чтобы ты былъ третьимъ представителемъ отъ Ц. К. Я сегодня же телеграфировалъ тебѣ и * * о своемъ желаніи этого.

Но если бы еще и можно было бы похерить судъ надъ Бурцевымъ, то я скорѣе былъ бы противъ этого, чѣмъ за, но, конечно, не имѣлъ бы ничего, если бы вы тамъ такъ рѣшили это дѣло. Нѣкоторыя неудобства суда имѣются. Я многое, указанное въ твоемъ письмѣ, раздѣляю, но не все. Мнѣ, кажется, дорогой мой, ты слишкомъ преувеличиваешь то впечатлѣніе, которое можетъ получиться отъ того, что выложить Бурцевъ. Конечно, ты дѣлаешь предположеніе, что моя біографія судьямъ неизвѣстна, и что Бакаю можно вѣрить... Это предположеніе, на мой взглядъ, лишнее: моя біографія можетъ стать извѣстна судьямъ, а насколько можно вѣрить Бакаю, то, можетъ быть, и его біографія (которая, по моему, должна была бы быть нѣсколько почтѣе, чѣмъ это приводится Бурцевымъ въ „Быломъ“, что Бакай служилъ въ полиціи случайно и ему была эта служба противна, но по инерціи служилъ и дослуживался) не такъ ужъ расположить къ особенному довѣрію.

Ты не сердись, что я сейчасъ говорю о моей біографіи рядомъ съ біографіей Бакая. Я понимаю, что это недостойно меня и насъ всѣхъ. Но, очевидно, можетъ создаться такое положеніе. Но я даже становлюсь на точку зрѣнія этого предположенія, т. е. меня не знаютъ, а Бакай, который указалъ провокатора среди П. П. С., заслуживаетъ довѣрія. И вотъ и при этихъ условіяхъ, мнѣ кажется, то, что выложить Бурцевъ, не можетъ произвести впечатлѣнія, ну, скажемъ, въ его, Бурцева, пользу.

Я, конечно, не знаю всего, что имѣетъ Бурцевъ сказать. Знаю только то, что сообщилъ мнѣ ты при нашемъ свиданіи.

И вотъ это, по моему, не выдерживаетъ никакой критики. Постараюсь показать.

Можетъ, я и субъективенъ, но во всякомъ случаѣ несознательно, — ибо стараюсь быть объективенъ, на сколько только возможно. Основа — письмо (отъ) августа 1905 г. о Татаровѣ и обо мнѣ. Бакай передаетъ со словъ, кажется, Петерсона, что это письмо написалъ Кременецкій, желая насолить какому-то начальству или Рачковскому, и получилъ за сіе дѣйствіе наказаніе — перевели изъ Питера, гдѣ онъ былъ начальникомъ охраны, въ Сибирь начальникомъ же охраны. Всякій объективно думающій человекъ не повѣритъ этому: такому легкому наказанію не можетъ подвергнуться лицо, совершившее такое преступленіе. Выдача такихъ двухъ птицъ, какъ въ томъ письмѣ, — и за это вмѣстѣ Питера — Томскъ — и тоже начальникомъ охраны! Все равно, если бы Татарову дали бы работу вмѣсто Питера въ другой области!

Но для правдоподобія придумывается, что тогда была конституція и они растерялись. Рачковскій-то! Да и при томъ, вѣдь письмо появилось въ августъ, а конституція въ октябрѣ. Что же эти два мѣсяца-то? Да и притомъ, какъ могли узнать, что Кременецкій писалъ: что самъ онъ рассказалъ своему начальству?

Тутъ, мнѣ кажется, намъ бы слѣдовало установить не только со словъ Бурцева или Бакая фактъ, дѣйствительно ли происходилъ переводъ Кременецкаго изъ Питера въ Сибирь, а если происходилъ, то когда именно. — Можетъ окажется, что Кременецкій сидитъ въ Сибири раньше появленія этого письма, или перевели его гораздо позже, тогда вовсе нельзя и говорить о растерянности октябрьскихъ дней. Это было бы важно установить. Можетъ, это бы повліяло на самого Бурцева. Онъ увидѣлъ бы, что его дурачатъ, мягко выражаясь. Но какъ это сдѣлать? Можетъ, это и нетрудно, вѣдь, извѣстно публикѣ, когда появляются новые начальники Охраны, — хотя, чертъ его знаетъ, можетъ это и не легко.

Это письмо для меня загадка. Между прочимъ, кромѣ Кременецкаго, другой охранникъ въ Одессѣ тоже говорилъ, что онъ — авторъ этого письма. Если ты помнишь, это было въ концѣ 1906 г. Изъ Одессы пріѣхалъ въ Ц. К. отъ... , къ которому ходилъ одинъ охранникъ, указывая на меня, что, молъ, онъ писалъ это письмо и что, молъ, съ однимъ покончили, а другого не трогаютъ. Если всему вѣрить, то, вѣдь, два охранника писали одно и то же письмо, и оба охранника спасаютъ партію отъ меня. Я не думаю, что я путаю объ одесскомъ охранникѣ, мнѣ это рассказывалъ * * * тогда, т. е. два года назадъ.

Если даже и допустить, что Бакай не вретъ, а честно дѣйствуетъ, то, вѣдь, онъ все это слышалъ отъ Петерсона, а Петерсонъ отъ Рачковскаго или Гуровича, или отъ обонхъ. Телерь, если думать, что высшіе круги полиціи почему-то вы-

брали путь пустить въ ходъ мое имя въ томъ письмѣ, то и естественно, что имъ и дальше говорить о двухъ провокаторахъ было... выгодно, и что одинъ де слава Богу еще и удѣлѣлъ.

Въ исторіи провокаторства, говорить Бурцевъ, не было случая, чтобы для компрометации члена партіи выдавали настоящаго провокатора. Я исторіи не знаю — онъ знаетъ. Ну, а было ли въ исторіи полиціи, чтобы начальникъ охраны выдавалъ для насоленія начальству важныхъ провокаторовъ? Можно сказать, — когда выгодно, „а это бываетъ“, а вѣдь на самомъ то дѣлѣ, это до сихъ поръ не было. А въ исторіи провокаторства развѣ было, чтобы изъ провокатора получился сотрудникъ „Былого“, а, вѣдь, теперь есть.

Итакъ, основа всего — письмо, неужели рассказы о немъ могутъ на кого-либо подѣйствовать, чтобы думать, что Бурцевъ имѣлъ какое-либо нравственное право такъ увѣренно распространяться обо мнѣ, и не нужно знать мою біографію, для того, чтобы сказать Бурцеву: этого мало, а если знать и біографію — то можно и въ фізіономію Бурцеву плюнуть.

Что же съ Бурцевымъ, когда онъ узнаетъ отъ тебя біографію? Онъ отъ своей мысли не отказывается, а еще укрѣпляется и очень просто рассуждаетъ. Плеве — это дѣло его съ согласія... Рачковскаго. Рачковскій былъ Плеве устраненъ отъ дѣлъ. Рачковскій не у дѣлъ. Рачковскій золъ на Плеве. Рачковскій и придумалъ: создавайте Б. О.! убейте Плеве! Я — другъ Рачковскаго, не могу же не убить его врага, Плеве. И вотъ создалась Б. О. Просто!

Но отчего исторіку не приходятъ въ голову такой мысли. Вѣдь, Рачковскій не у дѣлъ. Департаментъ и Охрана въ Питерѣ существуютъ (они, конечно, не знаютъ о планѣ Рачковскаго и моемъ), но, вѣдь, всетаки они могутъ прослѣдить работу Б. О. и арестовать и, конечно, меня, работающаго на Плеве. И что же я, продажный человѣкъ (такой, конечно, и въ глазахъ Рачковскаго), пойду спокойно на висѣлицу за идею дружбы Рачковскаго, и не скажу совсѣмъ, что, помилуйте, да, вѣдь, я дѣйствовалъ по приказанію Рачковскаго — начальства своего? И что Рачковскаго, вѣдь, тоже надѣлили бы муравьевскимъ галстухомъ? И что же, Рачковскій готовъ и на висѣлицу, какъ членъ Б. О. или главный ея вдохновитель? Или Рачковскій могъ думать, что его за это переведутъ на службу только въ Сибирь, или что я его (не) выдамъ и ужъ самъ пойду на висѣлицу изъ дружбы къ нему, а о немъ ни гу-гу? Или Рачковскій думалъ, онъ отвернется, скажемъ, что онъ тутъ ни при чемъ, что я, молъ, самъ это затѣялъ: а я, молъ, хотя и продажный, но всетаки дуракъ дуракомъ, — буду процѣплять своей жизнью изъ-за Рачковскаго, который, между прочимъ, и не у дѣлъ, и, если попадусь и не сумѣю доказать, что я дѣйствовалъ съ Рачковскимъ.

Противно все это писать, но вмѣстѣ съ тѣмъ меня и смѣхъ азбираеть! Ужъ больно смѣшонъ Бурцевъ, построивъ эту гипотезу, да еще съ ссылкой на исторію! Молъ, въ исторіи го ужъ и было. Судейкинъ хотѣлъ убить Толстого. Но, вѣдь, алько хотѣлъ, вѣдь, знаемъ только разговоръ съ Дегаевымъ (то, гдѣ его историческая неопровержимость?). А почему Судейкинъ не сдѣлалъ? Можетъ быть, отъ того, что Судейкинъ побоялся висѣлицы, чего не побоялся, по Бурцеву, Рачковскій, а, вѣдь, Судейкину-то легче было сдѣлать. Вѣдь, онъ ри дѣлалъ и всѣ дѣла были въ его рукахъ, тогда онъ цаптъ, онъ былъ въ смыслѣ выстѣживанія революціонныхъ рганизацій и внѣ конкуренціи и внѣ контроля, кажется. А Рачковскій не у дѣлъ. Однако, онъ организаціи боевой не оздалъ.

А вотъ историкъ Бурцевъ ссылается на исторію. 15 іюля и Рачковскій — Судейкинъ. Ты какъ-то сказалъ, что Бурцевъ динственный историкъ революціи и провокаціи. Да, единтвенный. И вотъ это можетъ дѣйствовать. Миѣ, кажется, ояться нечего. Къ счастью, онъ единственный историкъ, а асѣдаты будутъ не историки.

А если немного посмотреть на до 15/VII и послѣ 15/VII?

1) До.

Б. О. началась, конечно, не Рачковскимъ, а Гершуни. О Сипягинѣ я узналъ только черезъ нѣсколько дней послѣ акта, то это дѣло Гершуни. Вскорѣ пріѣхалъ Гершуни ко миѣ и мы сговаривались о совмѣстной работѣ съ нимъ въ данномъ наравленіи. Планъ начать кампанію противъ Плеве уже былъ тогда. Зъ апрѣлѣ, маѣ 1902 г. одновременно былъ планъ и на Оболенскаго. Я тогда уважалъ въ іюнѣ и іюлѣ 1902 г. въ Питерѣ, Гершуни на югъ Россіи, гдѣ имѣлъ въ виду Оболенскаго.

Не хочу распространяться, скажу только, что, кромѣ Сипягинскаго дѣла, я былъ причастенъ и ко всѣмъ другимъ, т. е. Оболенскаго и еще ближе уже къ Уфѣ, куда я людей посылалъ. Во всякомъ случаѣ надо считать и эти дѣла (кромѣ Сипягинскаго) за благословеніе начальства. А извѣстно, что тогда еще царубійство далеко на очереди не стояло, кромѣ, конечно, какъ у Бурцева, а потому договоръ съ начальствомъ оже не приходилось заключать: начальство, молъ, разрѣшаетъ смѣхъ убивать, кромѣ царя и Столыпина.

2) А что касается (времени) послѣ 15 іюля, то ты, вѣдь, все наешь. Скажу только о Сергѣѣ. Нѣтъ, раньше вотъ еще что. Іу, совершается 15 іюля, Плеве нѣтъ. Рачковскій радъ, врагъ го убить. Онъ не получаетъ муравьевскаго галстука. Знаетъ нѣ составъ организаціи досканально, и по какимъ паспортамъ кто живеть, — знаетъ, что она раздѣлилась на 3 части — въ Москвѣ, въ Питерѣ и въ Кіевѣ. Знаетъ, что ты въ Москвѣ — словомъ, знаетъ все, что ты и я, — и въ результатѣ — биваютъ Сергѣя. Бурцевъ говоритъ: не успѣли арестовать, —

дали по оплошности убить. То-есть знали въ теченіе 3 или больше мѣсяцевъ, по какому паспорту ты живешь, по какимъ паспортамъ всѣ уѣхали изъ Парижа, когда проѣзжали границу съ динамитомъ, по какому дѣлу живутъ въ Москвѣ, объ извозчикахъ знали, словомъ все, все въ теченіе 3 мѣсяцевъ и даютъ убить Сергѣя! Не успѣваютъ, и послѣ убійства тоже никого не берутъ и не останавливаютъ долго Ивана Платоновича, даютъ всѣмъ разѣхаться — ты, кажется, съ паспортомъ, по которому жилъ (хотя не помню), Дора разѣзжаетъ и возится еще долго. Хорошъ Рачковскій! Отчего бы партія не имѣтъ Рачковскихъ такихъ? Не скверно вовсе!

Бурцевъ знаетъ все изъ исторіи: предупреждали, не успѣли только взять, дали убить. Что дѣлать, — медленно движется охранка! Если она будетъ знать все съ самаго начала, — работы организаціи и паспорта, по которымъ живутъ организаторы, — она, все-таки, прозѣваетъ все, и убить дасть и разѣхаться дасть всѣмъ. Въ исторіи Бурцева можетъ и это бываетъ!

Теперь о варшавскомъ посѣщеніи. Разсказъ Бакая слѣдующій. Изъ Питера сообщаютъ ему, какъ охраннику — ѣдетъ, молъ, важный провокаторъ Раскинъ, онъ посѣтитъ такое-то лицо, снимите слѣжку у этого лица, дабы филеры не видѣли этого важнаго провокатора Раскина. Бурцевъ усановилъ, что у этого лица былъ я. Мнѣ безразлично, какъ онъ это установилъ, и можно-ли это установить вообще. Фактъ тотъ, что я единственный разъ за свою дѣятельность былъ по дѣлу въ Варшавѣ и посѣтилъ одно лицо. Фамилію этого лица совершенно сейчасъ не помню. Но помню, что это было... Былъ я по порученію Михаила Рафанловича Гоца. По дѣлу, на сколько припоминаю, транспорта. Чортъ его знаетъ, совсѣмъ не помню сейчасъ! — Этотъ господинъ какимъ-то способомъ могъ перевозить литературу. А Михаилу (Гоцу) объ этомъ передавалъ..., и, кажется, я и являлся отъ **. Но этотъ господинъ мнѣ сказалъ, что онъ ничего не знаетъ и не вѣдаетъ, — выпучилъ глаза только. Я и рѣшилъ, что тутъ ** наплелъ и уѣхалъ. Господинъ этотъ ** варшавскимъ филерамъ неизвѣстный могъ совершенно проскользнуть мимо нихъ. И что за нелѣпность департаменту дѣлать распоряженіе о снятіи филеровъ, дабы они не видѣли меня, провокатора. Да, потомъ, неужели всякій разъ, когда провокаторы куда-нибудь ходятъ, то снимаются филеры? И здорово бы имъ приходилось со мной возиться, — такъ какъ раньше я очень много посѣщалъ и, вѣрнѣе, изъ любопытства всѣ филеры уже хотѣли бы взглянуть на этого знаменитаго Раскина. Но это относится къ исторіи. Мы тутъ ничего не понимаемъ. Но этотъ разсказъ плохо согласуется съ другимъ разсказомъ того же источника. Когда мы были въ Нижнемъ, т. е. ты и я, то за нами слѣдило по 6 чел. кажется, дабы насъ не арестовали нижегородскіе шпіоны. — Въ одномъ городѣ снимаются филеры, дабы они Раскина не

видали, а въ другой посылаются филеры, да еще по 6 на каждого, дабы они на Раскина смотрѣли! Кромѣ того, это предписание изъ Питера отъ Деп. Полиции или Охраны говорить, что Раскинъ имѣлъ дѣло не только съ Рачковскимъ, но и съ Департаментомъ или охранкой, такъ что и Департаментъ благословлялъ организацію убійства Плеве. Я думаю, что каждый, болѣе или менѣе не желающій изъ меня сдѣлать во что бы то ни стало провокатора, не будетъ считать все это болѣе или менѣе важнымъ и стоящимъ вниманія.

Не знаю, что еще имѣетъ Бурцевъ. ** пишеть, что Бурцевъ припасъ какой-то ультра-сенсационный „матеріаль“, который пока держитъ въ тайнѣ, рассчитывая поразить судъ, — но то, что я знаю, дѣйствительно, не выдерживаетъ никакой критики и всякій нормальный умъ долженъ крикнуть: — „Купайся самъ въ грязь, но не пачкай другихъ!“ — Я думаю, что все, что онъ держитъ въ тайнѣ, не лучшаго достоинства. Кромѣ лжи и поддѣлки быть не можетъ. Потому мнѣ кажется судъ, можетъ быть, и сумѣетъ положить конецъ этой грязной клеветѣ. По крайней мѣрѣ, если Бурцевъ и будетъ кричать, — то онъ останется единственнымъ маніякомъ. Я надѣюсь, что авторитетъ извѣстныхъ лицъ будетъ для остальныхъ извѣстнымъ образомъ удерживающимъ моментомъ. Если суда не будетъ — разговоры не уменьшатся, а увеличатся, а почва для нихъ имѣется: вѣдь биографіи моей многие не знаютъ. Ты говоришь: дѣлами надо отвѣчать, работой... Теперь мнѣ представляется, что заявленіе твое и ** всетаки не заставитъ молчать. Они, слѣпые, будутъ говорить, а развѣ Вѣра Николаевна не работала съ Дегаевымъ?

Конечно, мы унизились — идя на судъ съ Бурцевымъ. Это недостойно насъ, какъ организаціи. Но все приняло такіе размѣры, что приходится и унизиться. Мнѣ кажется, что молчать нельзя, — ты забываешь размѣры огласки. Но если вы тамъ найдете возможнымъ наплевать, то готовъ плюнуть и я вмѣстѣ съ вами, если это уже не поздно. Я увѣренъ, что товарищи пойдутъ до конца въ защитѣ чести товарища, а потому я готовъ и отступить отъ своего мнѣнія и отказаться отъ суда. Поговори. Я** передаю твое мнѣніе, — если хочешь, прочти ему и это письмо...

Прости, что написалъ тебѣ столь много и, вѣроятно, ты все это и самъ знаешь и думалъ обо всемъ. Мнѣ хотѣлось только не присутствовать во время этой процедуры. Я чувствую, что это меня совсѣмъ разобьетъ. Старайся, на сколько возможно меня избавить отъ этого.

Пересылаю и письмо.

Обнимаю и цѣлую тебя крѣпко.

Твой Иванъ.

Пиши: Bayoun P. R. Mr. Gvosdnik. Только не заказнымъ.

Обвинительный актъ.

объ отставномъ дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ
Алексѣ Александровичѣ Лопухинѣ, обвиняемомъ въ
государственномъ преступленіи.

Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе съ несомнѣнностью выяснилось, что самыми опасными для государственнаго и общественнаго строя Имперіи представляются тайныя организаціи партій с.-р. и группъ къ нимъ примыкающ. Окончательно слившись въ 1902 г. въ одну партію, с.-р. на послѣдующихъ съѣздахъ выработали свою политическую программу, въ основу которой поставили учрежденіе въ Россіи демократической республики на началахъ коллективизма, а средствами и тактическими приемами для проведенія въ жизнь, кромѣ такъ называемыхъ „мирныхъ способовъ“ — агитаціи и пропаганды, признали также способы насильственныя: убійства наиболѣе видныхъ агентовъ правительства, царубійство и вооруженное востаніе (л. д. 120, 234, 433-478, 501-532, 723-764).

Центромъ, объединяющимъ дѣятельность партій с.-р., всегда являлся Ц. К. ея, а исполнителемъ замысленныхъ имъ политическихъ убійствъ была „Боевая Организація“, при немъ состоящая. Какъ Ц. К., такъ и Б. О., будучи сообществомъ чрезвычайно конспиративными, укрывались въ послѣдніе годы за предѣлами Имперіи, гдѣ задержаніе ихъ представлялось невозможнымъ, а преступная дѣятельность легко ускользала отъ наблюденія русскихъ властей.

Это переселеніе главныхъ дѣятелей за границу, съ одной стороны, а съ другой, чрезвычайно усиленіе террора и постоянная угроза Царубійствомъ, давно вынудили розыскныя учрежденія Мин. Внутр. Дѣлъ учредить внутреннее наблюденіе за дѣятельностью членовъ Ц. К. партіи с.-р. и Боевой ея организаціи въ мѣстахъ ихъ пребыванія за границею и всемѣрно озаботиться предупрежденіемъ замысловъ на жизнь Священной Особы Государя Императора и направляемыхъ оттуда террористическихъ ударовъ на высшихъ представителей русской государственной власти.

Свѣдѣнія о дѣятельности Ц. К., о преступныхъ замыслахъ Б. О. получались не только изъ донесеній собственныхъ агентовъ, но нерѣдко и отъ самихъ революціонеровъ, продававшихъ свои партійныя секреты агентамъ Правительства.

Однимъ изъ такихъ революціонеровъ, востепшихъ въ сношенія съ русской государственной полиціей, былъ инженеръ Евгеній (Евлю) Филиповичъ Азевъ.

Начало этихъ сношеній съ розыскными органами Мин. Вн. Дѣлъ относится къ 1892 году, когда Азевъ былъ еще студентомъ Политехническаго Института въ Карлсруэ. По окончаніи курса, проживая почти все время за границей и только изрѣдка наѣзжая въ Россію,

Азевъ постоянно расширялъ свои партійныя связи, какъ внутри Имперіи, такъ и за границей, и, хотя самъ не принадлежалъ въ то время ни къ какой определенной революціонной организаціи, однако успѣлъ близко сойтись съ видными террористами Мошней Гоцемъ и Гершелемъ Гершуни и все, что узнавалъ отъ нихъ или изъ другихъ источниковъ, сообщалъ розыскнымъ органамъ русскаго Правительства.

Свѣдѣнія, сообщенныя Азевымъ за этотъ періодъ времени, до конца 1904 г. включительно, по существу, хотя и представляли очень цѣнный матеріалъ для пресѣченія революціонной дѣятельности и предупрежденія политическихъ убійствъ внутри Имперіи, но по свойствамъ своему носили случайный, отрывочный характеръ, въ зависимости отъ тѣхъ случайныхъ источниковъ, изъ которыхъ были почерпнуты (л. д. 98-99 123 140).

Къ концу 1904 года Азефъ почти закончилъ свой революціонный ростъ и къ этому времени вошелъ уже въ составъ членовъ партіи с.-р., представителемъ которой онъ былъ, вмѣстѣ съ Викторомъ Червымъ, на Парижской конференціи Всероссийскихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ организацій (л. д. 130, 132).

1906 г. засталъ Азефа членомъ Ц. К. партіи с.-р. и боевой его организаціи, и съ этого времени свѣдѣнія, доставляемыя имъ розыскнымъ органамъ полиціи, становятся регулярными и настолько полными, что ни одинъ изъ замысловъ Ц. К. не удается и всѣ покушенія на террористическіе акты со стороны Б. О. предупреждались полиціей (л. д. 40, 41).

Перечень услугъ, оказанныхъ Азевымъ дѣлу розыска за послѣдніе 8 лѣтъ, очень значителенъ. Такъ, въ 1901 г., по его указаніямъ, была обнаружена и арестована въ гор. Томскѣ большая, хорошо законспирированная типографія московской группы с.-р. съ Аргуновымъ во главѣ. Въ этой типографіи отпечатаны были первые три номера партійнаго журнала „Революціонная Россія“. Арестъ этой типографіи и лицъ близко къ ней стоявшихъ нанесъ настолько сильный ударъ этой группѣ, что нѣкоторые изъ оставшихся на свободѣ главарей переселились за границу и туда же перенесли изданіе своего органа (л. д. 96, 125).

Въ концѣ того же 1901 года Азевъ обращаетъ усиленное вниманіе розыскныхъ органовъ на первостепенное значеніе террористовъ Гершуни и Гоца, а въ 1902 г., послѣ убійства Егермейстера Сипягина, онъ первый выяснилъ кругъ лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, и доказалъ, что организаторомъ этого дѣла былъ тотъ-же Гершуни, а лицами причастными Михаилъ Мельниковъ и Павелъ Крафтъ, изъ коихъ первый, по указанію Азева, вскорѣ былъ арестованъ (л. д. 97, 126, 712).

Тогда же Азевъ далъ указанія на ближайшую сотрудницу Гершуни фельдшерницу Ремянникову и на образовавшуюся около нея группу, сообщивъ при этомъ, что въ Петербургѣ возникла боевая военная организація, поставившая цѣлью своей дѣятельности убійства высшихъ представителей власти, и въ ближайшую очередь, бывшаго въ то время Оберъ Прокурора Св. Синода Побѣдоносцева. Благодаря этимъ указаніямъ были арестованы тогда офицеры Михайловской Артиллерійской Академіи Григорьевъ и Нодаровъ, изъ коихъ первый сознался при слѣдствіи, что убійство Побѣдоносцева предполагалось совер-

шить на похоронахъ Сипягина, и что преступленіе это было организовано Григоріемъ Гершуни (л. д. 97, 126, 712).

Вообще весь розыскъ въ то время по группѣ с.-р., дѣйствовавшихъ въ Россіи, велся по указаніямъ Азева (ж. д. 98).

Въ періодъ времени съ конца 1902 до весны 1903 г., благодаря свѣдѣніямъ Азева, было предотвращено первое покушеніе на жизнь Статсъ Секретаря Плеве, бывшаго тогда Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (л. д. 127).

Въ январѣ 1904 г. онъ же обнаружилъ второй заговоръ на жизнь Плеве и по его указаніямъ была арестована извѣстная революціонерка Серафима Клитчоглу и другія, принимавшія въ этомъ дѣлѣ участіе, лица (л. д. 127, 701)

Въ то же время Азевъ сообщилъ, что изъ за границы прибылъ въ Петербургъ Хаимъ Левитъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей партіи с.-р., для организаціи въ Россіи летучихъ боевыхъ кружковъ, устройства динамитныхъ мастерскихъ и для подготовленія покушенія на жизнь Государя Императора. Въ мартѣ того же года этотъ Левитъ, по указанію Азева, былъ задержанъ съ полиціею въ городѣ Орлѣ (л. д. 128).

Въ іюлѣ 1904 г. Азевъ доставилъ изъ-за границы подробный отчетъ о состоявшемся въ мѣстечкѣ Германскъ съѣздѣ партіи с.-р. съ участіемъ представителей отъ различныхъ російскихъ группъ и въ томъ числѣ отъ Б. О., гдѣ, между прочимъ, рѣшено было продолжать террористическую дѣятельность и ближайшій актъ направить противъ Государя Императора (л. д. 129, 713 717).

Въ сентябрѣ 1904 г., по указаніямъ Азева, былъ арестованъ одинъ изъ видныхъ революціонеровъ нѣкій Степанъ Слетовъ и задержана отправленная въ Россію съ преступными цѣлями, Марія Селюкъ (л. д. 129, 709).

Въ то же время Азевъ представилъ подробные отчеты: 1) о международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Амстердамѣ и 2) о Парижской Конференціи представителей всѣхъ російскихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ группъ, обсуждавшихъ программу борьбы съ Правительствомъ, осуществленную потомъ въ теченіе 1905 г. На обоихъ этихъ съѣздахъ Азевъ самъ участвовалъ въ качествѣ представителя партіи с.-р., — на первомъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Миноромъ, Брешко-Брешковской, Эльей Рубановичъ и др., а на второмъ вмѣстѣ съ Викторомъ Черновымъ (л. д. 130, 709, 713).

Къ тому же времени относится сообщеніе Азева о дѣятельности Б. О. и о роли въ ней извѣстнаго террориста Бориса Савинкова, и тогда-же онъ предупредилъ о готовящемся покушеніи на жизнь Иркутскаго Генераль-Губернатора графа Кутаисова, съ точнымъ указаніемъ лица, принявшаго на себя исполненіе этого замысла (л. д. 130).

Въ январѣ 1905 г. Азевъ, раскрывъ дѣятельность с.-р. на Кавказѣ, далъ точныя указанія на террористическіе замыслы Владиміра Вольскаго и, благодаря этому, было предупреждено первое покушеніе на жизнь Бакинскаго Губернатора кн. Накашидзе. Въ началѣ того же года Азевъ далъ знать о намѣреніи извѣстнаго революціонера князя Дмитрія Хилкова выѣхать въ Россію для организаціи крестьянскихъ боевыхъ дружинъ и аграрнаго террора, а весною 1905 г. онъ сообщилъ о командировкѣ с.-р. въ Волгарію своихъ техникумовъ для уличенія новыхъ взрывчатыхъ веществъ и изготовленія изъ нихъ разрывныхъ снарядовъ такъ называемаго македонскаго образца, причемъ

указалъ на лицъ, которыя должны были доставить изъ Болгаріи транспортъ этихъ веществъ въ Самару и Саратовъ (л. д. 382, 131).

Въ іюль того же года Азевъ предупредилъ объ изготовленіи въ Москвѣ террористкой Зинаидой Коноплянниковой (впослѣдствіи убившей Ген. Маіора Мина) разрывныхъ снарядовъ и о подготовленіи покушенія на жизнь Московскаго Ген.-Губернатора Дурново и Гардона-чальника Медема. Вскрѣвъ послѣ этого Конопляникова — 12-го сентября 1905 г. была задержана въ Смоленскѣ, причемъ въ сакъ-воляжѣ у нея были обнаружены: гремучая ртуть, оболочки бомбъ и принадлежности для изготовленія разрывныхъ снарядовъ.

Къ тому же времени относятся сообщенія Азева о пребываніи въ Саратовѣ террористки Брешко-Врешковской и о прибытіи въ Петербургъ террориста Ивана Казанцева съ цѣлью покушенія на жизнь Ген. Трепова (л. д. 132).

Въ началѣ августа 1905 г. Азевъ сообщилъ о предстоящемъ областномъ съѣздѣ партіи с.-р. въ Нижнемъ-Новгородѣ и о томъ, что во время этого съѣзда будетъ организовано покушеніе на жизнь мѣстнаго Генераль-Губернатора Унтербергера (л. д. 134).

Съ осени 1906 г. Азевъ вошелъ, въ качествѣ члена, въ Б. О. при Ц. К. партіи с.-р., и съ того момента получилъ возможность знать о всѣхъ террористическихъ замыслахъ этого сообщества. Вслѣдъ за этимъ, благодаря его указаніямъ, въ началѣ 1907 г. было прототвращено злодѣйское посягательство на жизнь Священной Особы Государя Императора, умышенное Ц. К. партіи с.-р. и возложенное имъ для исполненія на Б. О., при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ отставного лейт. флота Бориса Никитенко и студента Сивявскаго (Щуркина) (л. д. 40).

Въ началѣ Февраля 1908 г., по указаніямъ того же Азева, была выяснена группа Сѣвернаго Боев. отряда п. с.-р. и на улицахъ Петербурга были задержаны нѣсколько членовъ этого отряда съ разрывными снарядами, вышедшихъ для убійства Вел. Кн. Николая Николаевича и министра юстиціи Щегловитова (л. д. 41).

Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ Азевъ проникъ въ центральныя учрежденія партіи с.-р., благодаря его свѣдѣніямъ, была спасена жизнь нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ и предупрежденъ цѣлый рядъ террористическихъ актовъ, задуманныхъ Ц. К. этой партіи; что же касается преступныхъ замысловъ другихъ боевыхъ организацій той же партіи, какъ напримѣръ „Сѣвернаго Боев. Отряда“, то о нихъ Азевъ могъ знать лишь случайно, такъ какъ въ составъ этихъ организацій онъ не входилъ (л. д. 40).

Первыя крупныя услуги, оказанныя Азевымъ дѣлу политическаго розыска, совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда Директоромъ Деп. Пол. былъ Дѣйств. Ст. Совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Лопухинъ, который въ теченіе всей своей почти трехлѣтней дѣятельности на этомъ поприщѣ — съ мая 1902 г. до марта 1905 г. — не только зналъ о существованіи Азева, но неоднократно встрѣчался съ нимъ, какъ у себя дома, такъ и на конспиративныхъ квартирахъ (л. д. 79, 96, 98, 125, 227, 128, 133, 139).

Въ своихъ сношеніяхъ съ лицами, завѣдывавшими розыскными органами, Азевъ пользовался вымышленными фамиліями Раскина и Виноградова, хотя и настоящая фамилія его была известна въ Деп. Полиціи, а въ своей революціонной средѣ онъ носилъ клички: „Толстый“, „Иванъ Николаевичъ“ и „Валентинъ Кузьмичъ“ (л. д. 163).

Какъ Директору Деп. Пол., Лопухину, было хорошо извѣстно, что въ его время единственнымъ источникомъ осведомленности розыскныхъ органовъ по группѣ с.-р. былъ Азевъ, и что всѣ свѣдѣнія, получавшіяся отъ него, за рѣдкими исключеніями, отличались большою точностью, а огромное значеніе услугъ Азева, не только для цѣлей розыска, но и для предупрежденія преступныхъ замысловъ сообщества, было въ всякихъ сомнѣній для всѣхъ, кто близко стоялъ у этого дѣла (л. д. 163, 719, 132).

Дѣятельность Азева, какъ революціонера, неоднократно возбуждала подозрѣніе у многихъ изъ его сообщниковъ, но, благодаря своему вліянію въ партіи, ему всегда легко удавалось опровергнуть неблагопріятные слухи, тѣмъ болѣе, что прямыхъ уликъ въ предательствѣ противъ него никогда не было. Однако, въ послѣднее время сплошной рядъ неудачъ, постигшихъ террористическіе замыслы Ц. К. и Б. О., въ особенности же сопоставленіе тѣхъ случаевъ, когда нѣкоторыя террористическія предпріятія, о коихъ Азевъ осведомленъ не былъ, были доведены до конца, тогда какъ всѣ, о коихъ онъ получалъ свѣдѣнія, неизбѣжно кончались неудачей, — привели нѣкоторыхъ членовъ партіи с.-р. изъ Парижской группы „иниціативнаго меньшинства“ къ заключенію, что несомнѣнно близко къ центру стоитъ лицо, оказывающее услуги русскому Правительству. Догадки эти въ формѣ неопредѣленныхъ слуховъ циркулировали въ теченіе всего 1907 года, а въ началѣ 1908 г. объ этомъ открыто заговорили извѣстный эмигрантъ мародоволецъ Бурцевъ и чиновникъ Варшавскаго Охран. Отд. Михаилъ Бакай, перешедшій въ лагерь революціонеровъ и также эмигрировавшій за границу. Они уже прямо обвиняли Азева въ измѣнѣ дѣлу революціи и свои соображенія по этому поводу представили особой „конспиративной комиссіи“, специально для расслѣдованія этого дѣла образованной Парижской группой партіи с.-р., стоящихъ въ оппозиціи къ центральнымъ ея органамъ (л. д. 41-50, 41).

Азевъ горячо протестовалъ противъ такихъ обвиненій и, такъ какъ никакихъ доказательствъ въ рукахъ его обвинителей не было, то Ц. К. не придавалъ имъ никакого значенія, и, даже, чтобы разъ навсегда пресѣчь эти слухи, учредилъ третейскій судъ, который долженъ былъ потребовать отъ Бурцева представленія документальныхъ доказательствъ измѣны Азева, съ тѣмъ, что, если онъ, Бурцевъ, такихъ доказательствъ не представитъ, то самъ будетъ обвиненъ въ недобросовѣстномъ отношеніи къ партіи и въ стремленіи внести въ ея ряды дезорганизацію. (л. д. 42).

Судъ этотъ состоялся въ концѣ Октября мѣсяца 1908 г., объявленія, представленныя Бакаемъ и Бурцевымъ, признаны были неубѣдительными, и тогда Бурцевъ, потребовавъ сохраненія тайны, неожиданно заявилъ, что онъ видѣлся съ бывшимъ Дир. Деп. Полиціи Лопухинымъ, который категорически удостовѣрилъ, что за время его службы въ Департаментѣ инженеръ Азевъ все время оказывалъ услуги розыскнымъ органамъ Мин. Вн. Д.

Послѣ такого заявленія, трибуналь потребовалъ отъ Бурцева, чтобы онъ принялъ всѣ мѣры къ явкѣ Лопухина на судъ съ представленіемъ прямыхъ доказательствъ, а если бы Лопухинъ не пожелалъ явиться на судъ, то потребовалъ отъ него письменнаго показанія и доказательствъ. — Расходы на поѣздку Лопухина за границу Ц. С. Р. приняла на себя. (л. д. 42).

Когда все это стало извѣстно Азеву, онъ, въ первыхъ числахъ Но-

ября 1908 г., приѣхаль въ С.-Петербургъ къ начальнику мѣстнаго Охран. Отд. ген.-майору Герасимову, которому, за послѣдніе три года, онъ, Азевъ, доставлялъ всѣ свѣдѣнія и, сообщивъ все вышеизложенное, просилъ совѣта, какъ выдти изъ того тяжелаго положенія, которое создалъ ему въ партіи Лопухинъ.

Герасимовъ, однако, несмотря ни на рассказъ Азева, ни на тѣ свѣдѣнія, которыя у него раньше были по этому поводу, не только не вѣрилъ въ возможность предательства со стороны Лопухина, но и вообще не допускалъ мысли, чтобы Лопухинъ могъ имѣть какое-либо общеніе съ революціонерами.

Полагая, что ссылка на Лопухина передъ революціоннымъ трибуналомъ есть просто извѣстный ходъ со стороны Бурцева, Герасимовъ посоветовалъ Азеву лично повидать Лопухина и убѣдиться въ личности заявленія Бурцева.

Исполняя этотъ совѣтъ, Азевъ 11 Ноября 1908 г. былъ у Лопухина на квартирѣ и, вернувшись, рассказаль Герасимову, что, хотя Лопухинъ и отрицаетъ фактъ своего разговора съ Бурцевымъ о немъ, Азевъ, по изъ дальнѣйшей бесѣды, онъ, Азевъ, не вынесъ твердаго убѣжденія, какъ поступить Лопухинъ въ томъ случаѣ, если П. К. П. С-Р., или партійный судъ, стануть добиваться отъ него устнаго или письменнаго показанія, ибо на прямой вопросъ объ этомъ, Лопухинъ ему, Азеву, никакого отвѣта не далъ. (л. д. 43.)

Такое уклончивое поведеніе Лопухина поколебало къ нему довѣріе и у Герасимова, который рѣшилъ лично переговорить съ Лопухинимъ по дѣлу Азева и вручить ему письмо, послѣдняго. Въ письмѣ этомъ Азевъ, выражая свое удовольствіе, что Лопухинъ не выдалъ его Бурцеву, и такого разговора съ нимъ не велъ, предупреждаетъ, однако, Лопухина, что революціонеры будутъ всячески добиваться допросить его лично и избѣжать этого допроса невозможно, а потому лучше прямо рассказать такъ, какъ было въ дѣйствительности, т. е., что онъ, Лопухинъ, никакого разговора о немъ, Азевѣ, не велъ, и ни на какіе дальнѣйшіе вопросы не отвѣчать, ссылаясь на то, что не можетъ же онъ, какъ бывшій Дир. Деп. Полиціи, рассказывать обо всемъ, что при немъ было. Далѣе, въ письмѣ этомъ Азевъ совѣтуетъ Лопухину твердо держаться занятой позиціи и не отступать отъ нея даже въ случаѣ очной ставки съ Бурцевымъ. Тогда, конечно, повѣрятъ ему, Лопухину, а не Бурцеву, и дѣло кончится благополучно. Заканчивается письмо просьбами Азева спасти его отъ смерти физической, а его семью отъ смерти нравственной, и напоминаніемъ, что онъ, Азевъ, спасъ однажды его Лопухина, когда разстроилъ заговоръ революціонеровъ на его жизнь, хотѣвшихъ ему отомстить за арестъ Гершуни 1903 г. (л. д. 32 — 34).

21-го Ноября 1908 г. Герасимовъ былъ у Лопухина, но письма этого, однако, ему не передалъ, такъ какъ изъ личной бесѣды съ нимъ вынесъ убѣжденіе въ возможности предательства съ его стороны, и не хотѣлъ давать ему въ руки новой и несомнѣнной противъ Азева улики. Въ этой бесѣдѣ своей съ Герасимовымъ Лопухинъ, не отрицая факта своего свиданія съ Бурцевымъ за границей, по дѣламъ редакціи „Вылого“, отрицалъ, однако, ссылку на него Бурцева и утверждалъ, что никакого разговора съ нимъ объ Азевѣ не велъ, что въ судъ революціонеровъ, онъ, безъ сомнѣнія, не пойдетъ, но, что если ему приставятъ браунингъ, то, конечно, онъ долженъ будетъ сказать правду. Ни напоминаніе ген. Герасимова о долгѣ присяги, ни

указаніе на значеніе этой тайны для Государственной безопасности, — на Лопухина не подѣйствовали, и онъ, видимо, желая прекратить этотъ непріятный для него разговоръ, далъ понять своему собесѣднику, что онъ занятъ, послѣ чего Герасимовъ пересталъ убѣждать Лопухина, но, уходя, намекнулъ ему, однако, что какова бы ни была въ будущемъ его роль въ этомъ дѣлѣ, она будетъ обнаружена и такою не покроется. (л. д. 39 — 45).

Въ тотъ-же день, 21-го Ноября 1908 г., Лопухинъ написалъ три одинаковыхъ по содержанію письма, — одно на имя Предсѣд. Сов. Мин. Гофмейст. Столыпина, другое на имя бывшаго тогда Товарищемъ Мин. Вн. Д. Сенатора Макарова, и третье — на имя Дир. Д. П. Трусевича.

Назвавъ прежде всего въ письмахъ этихъ Евно Азева агентомъ Д. П., въ то время, когда самъ онъ былъ Дир. этого департамента, — Лопухинъ подробно затѣмъ описываетъ посѣщенія его Азевымъ и Герасимовымъ, ихъ просьбы не открывать роли Азева судилищу революціонеровъ и, усматривая въ цѣли этихъ посѣщеній съ намекомъ генер. Герасимова о его будущей освѣдомленности въ этомъ дѣлѣ — прямую, направленную противъ него, Лопухина, угрозу — просить оградить его и отъ назойливости нарушающихъ его покой, а можетъ быть и угрожающихъ его безопасности дѣйствій агентовъ политическаго розыска.

Заканчиваются всѣ эти письма указаніемъ, что, еслибы кто-либо изъ адресатовъ призналъ нужнымъ по содержанію письма имѣть съ нимъ, Лопухинымъ, личныя объясненія, то да будетъ имъ вѣдомо, что 23-го Ноября онъ по своимъ личнымъ дѣламъ уважаетъ заграницу недѣли на двѣ. (л. д. 163 — 163.)

Письма эти въ формѣ заказной корреспонденціи были отданы на почту только 24-го Ноября 1908., 25-го же ноября были получены по назначенію (л. д. 193), и ни въ какія канцеляріи не передавались, такъ что ни изъ чиновниковъ, ни изъ постороннихъ лицъ никто къ нимъ доступа не имѣлъ. (л. д. 480).

Между тѣмъ Лопухинъ 23-го Ноября 1908 г., какъ и извѣщалъ въ письмахъ, выѣхалъ изъ СПб., но не за-границу, а въ Москву, откуда проѣхалъ въ Смоленскъ и вернулся въ СПб. 29-го Ноября утромъ, а вечеромъ на слѣдующій день выѣхалъ въ Лондонъ, (л. д. 88), откуда возвратился около 14-го Декабря (л. д. 160). и весь остатокъ этого мѣсяца провелъ (л. д. 92) въ разъѣздахъ.

Уже въ концѣ Декабря 1908 г. (л. д. 91) появились слухи, что Азевъ окончательно разоблаченъ передъ партіей С.-Р., и разоблаченіе это смутно связывалось съ именемъ Лопухина, и вслѣдъ затѣмъ нач. СПб. Охр. От. генераломъ Герасимовымъ было получено письмо отъ самого Азева, не оставлявшее никакого сомнѣнія въ правдивости этихъ слуховъ. Азевъ писалъ Герасимову, что онъ безповоротно разоблаченъ Лопухинымъ передъ Ц. К. и всей революціонной партіей, что все дѣло погубило ихъ посѣщеніе Лопухина въ Петербургѣ, о чемъ онъ за границей разсказалъ революціонерамъ, передалъ содержаніе разговоровъ, происходившихъ во время этихъ посѣщеній, и подробно описалъ не только примѣты его, Азева, но и его манеру держаться и даже костюмъ, что Лопухинъ не скрылъ въ своихъ показаніяхъ и о тѣхъ письмахъ, которыя онъ написалъ властямъ, и до отправления читалъ ихъ свидѣтелямъ — радикаламъ. „Словомъ“, пишетъ Азевъ, „было роковой ошибкой мое и ваше посѣщеніе къ Л. было дѣйствительно неразумно это предпріятіе.“ Далѣе онъ

говорить, что все это было бы еще не так плохо, если бы ему удалось установить свое алиби и доказать, что въ инкриминируемое ему время онъ былъ не въ С.П.-Б., а въ Берлинѣ, что онъ и пытался сдѣлать, представивъ судьямъ данный ему счетъ одной изъ гостиницъ Берлина, но доказать этого онъ не могъ, такъ какъ не сумѣлъ даже описать комнату, на которую указывалъ, и тогда, понявъ, что на оправданіе нѣтъ надежды, и что ему грозитъ неминуемая смерть, онъ, Азевъ, умышленно затянулъ допросъ до поздней ночи, и воспользовавшись перерывомъ, скрылся. (л. д. 35 — 37).

26 Декабря 1908 г. по старому стилю, и 8-го Января 1909 г. по новому, — инженеръ Евгений Филипповъ Азевъ, (по партійнымъ кличкамъ „Голстый“, „Иванъ Николаевичъ“, и „Валентинъ Кузьмичъ“), состоявшій членомъ Б. О. и Ц. К., какъ уличенный въ сношеніяхъ съ русской политической полиціей, былъ объявленъ Ц. К. П. С.-Р., провокаторомъ и человѣкомъ опаснымъ и вреднымъ для партіи. (л. д. 163.)

Вслѣдъ за этимъ въ заграничной прессѣ появились не только подробности разоблаченія Азева и партійнаго суда надъ нимъ, но и прямыя указанія на Лопухина, какъ на изобличителя Азева передъ партіей, чего не скрывали, впрочемъ, и сами революціонеры въ разсказахъ передъ газетными репортерами, сообщая имъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ сего разслѣдованія по дѣлу Азева (л. д. 263—363).

7/20 января 1909 г. выступилъ и Ц. К. П. С.-Р. съ подробнымъ „извѣщеніемъ“ о провокаціи Азева, въ которомъ описана, какъ бывшая роль Азева въ партіи, такъ и исторія его предательства, причемъ перечислены данныя, приведшія революціонное судилище къ такому заключенію.

Для выясненія дѣла разоблаченія Азева и степени участія въ немъ бывшаго Директора Деп. Полициі Лопухина, Министръ Вн. Дѣлъ командировалъ въ Парижъ ротмистра Андреева, который тамъ на мѣстѣ изъ публичныхъ докладовъ, читанныхъ 1/14 и 3/16 января 1909 года Юделевскимъ — представителемъ оппозиціоннаго меньшинства С.-Р., и Черновымъ, представителемъ Ц. К. этой партіи, узналъ, что главнымъ и единственнымъ доказательствомъ къ изобличенію Азева въ сношеніяхъ съ розыскными органами — послужило показаніе Лопухина, который сначала разоблачилъ роль Азева передъ эмигрантомъ Бурцевымъ, и согласился подтвердить свое показаніе уполномоченнымъ отъ партіи с.-р., а затѣмъ, при дальнѣйшихъ съ нимъ переговорахъ черезъ посредника въ СПБ. и заграничей, куда онъ вызванъ былъ партіей для дачи личнаго показанія, Лопухинъ не только подтвердилъ ссылку на него Бурцева, но и подробно разсказалъ о ноябрьскихъ посѣщеніяхъ его квартиры Азевымъ и нач. охр. отд. Герасимовымъ, о томъ, какъ они просили его не выдавать тайны сношеній Азева съ розыскными органами, причемъ генераль Герасимовъ даже грозилъ ему, Лопухину, что и побудило его обратиться съ извѣстнымъ письмомъ къ Министру Вн. Дѣлъ съ просьбой оградить его личность (л. д. 47—54).

Когда, такимъ образомъ, не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что отставной дѣйств. ст. совѣтн. Алексѣй Александровичъ Лопухинъ вступилъ въ непосредственныя сношенія съ членами преступнаго общества партіи с.-р. и изобличилъ передъ ними ихъ сочлена, инженера Евно Азева, въ оказаніи важныхъ услугъ дѣлу политическаго розыска, противъ него, Лопухина, возбуждено было уголовное преслѣдованіе съ привлеченіемъ его въ качествѣ обвиняемаго (л. д. 55—61)

и въ квартирѣ его въ д. № 7 по Таврической ул. въ г. СПб. произведенъ былъ обыскъ, во время котораго Лопухинъ представлялъ одно, полученное имъ отъ эмигранта Бурцева, письмо, въ которомъ тотъ благодаритъ его отъ всего сердца и проситъ не сердиться на него за то, что случайную, частную бесѣду онъ — Бурцевъ — передалъ третьему лицу, чего нельзя было набѣгнуть въ его положеніи (л. д. 20).

На произведенномъ по этому поводу предварительномъ слѣдствіи всѣ вышеизложенныя данныя нашли себѣ полное подтвержденіе и допрошенный по предъявленному къ нему обвиненію и по обстоятельству дѣла Лопухинъ, не признавая себя виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, по существу дѣла объяснилъ, что съ Бурцевымъ онъ познакомился въ СПб. еще зимою 1906 г., когда въ столичныхъ газетахъ было оглашено его, Лопухина, письмо къ Министру Внутр. Дѣлъ Столыпину по поводу организации еврейскихъ погромовъ, — то многими этотъ фактъ истолкованъ былъ, какъ вступленіе на путь разоблаченій тѣхъ государственныя тайны и полицейскія секретовъ, которые ему, Лопухину, по прежней службѣ могли быть извѣстны. Въ числѣ многихъ представителей къ нему приходилъ и Бурцевъ съ просьбой дать свои записки для редактируемаго имъ журнала „Былое“, въ чемъ ему было отказано. Черезъ 3—4 мѣсяца Бурцевъ явился уже вмѣстѣ съ другимъ соредакторомъ „Былого“ Щеголевымъ и возобновилъ прежній разговоръ объ изданіи записокъ, но снова получилъ тотъ же отвѣтъ. На этомъ оборвалось знакомство его, Лопухина, съ Бурцевымъ, оставивъ впечатлѣніе о немъ, какъ о неуравновѣшенномъ энтузіастѣ, называвшемъ себя народовольцемъ по убѣжденіямъ. Въ сентябрѣ 1908 г., возвращаясь изъ прирѣйскаго курорта въ СПб., онъ, Лопухинъ, въ поѣздѣ, между Кельномъ и Берлиномъ, случайно встрѣтилъ Бурцева, который зашелъ къ нему въ купе и сталъ рассказывать о тѣхъ разоблаченіяхъ въ партіи с.-р., которыми онъ занятъ въ послѣднее время, изобличая провокаторовъ въ различныхъ партійныхъ организаціяхъ, причемъ Бурцевъ сказалъ, что главной задачей его въ данный моментъ является изобличеніе нѣкоего Азева, состоящаго членомъ Ц. К. партіи с.-р., для чего у него и имѣется уже достаточно уликъ (л. д. 74—79). Перечисляя эти улики, Бурцевъ, между прочимъ, рассказывалъ, что послѣ ареста Гершуни Азевъ, по его свидѣніямъ, сталъ во главѣ партіи с.-р. и ея Б. О., что будто всѣ рѣшенія, выборы жертвъ, выборъ исполнителей и способы исполненія исходили отъ него, а убійства Плеве и вел. кн. Сергѣя Александр. были даже непосредственно имъ организованы; что тѣмъ же Азевымъ лѣтомъ 1908 г. было организовано покушеніе на жизнь императора, все, будто бы, было подготовлено и не удалось это злодѣяніе только вслѣдствіе обстоятельности случайныхъ. Какъ не трудно было повѣрить этому рассказу Бурцева, такъ онъ успѣлъ убѣдить его, Лопухина тѣмъ, что никакія доказательства предательства Азева не дѣйствовали на Ц. К. партіи с.-р., у котораго было одно возраженіе, что не можетъ быть предателемъ человѣкъ, не только задумывающій убійства, но и непосредственно выполнявшій такіе акты, какъ убійство вел. кн. и Плеве. Послѣ этого Бурцевъ спросилъ его, Лопухина, зналъ ли онъ, что Азевъ состоитъ агентомъ, причемъ оговорился, что нужно ему это знать не для ссылокъ передъ Ц. К. партіи с.-р., а для его, Бурцева, нравственнаго убѣжденія въ своей правотѣ и при этомъ предварилъ, что если отвѣтъ послѣдуетъ отрицательный, то всѣ послѣдующіе жертвы террора

и казни будутъ на его, Лопухина, совѣсти. Тогда онъ, Лопухинъ, далъ отвѣтъ утвердительный, но потребовалъ отъ Бурцева, чтобы тотъ безъ предупрежденія не есылаелъ на него передъ революціоннымъ трибуналомъ и чтобы Азевъ не былъ убитъ партией. Лопухинъ талой отвѣтъ, Бурцевъ заявилъ, что онъ имѣлъ въ виду розыскать его, Лопухина, для того, чтобы поставить тотъ вопросъ, который онъ теперь поставилъ. На этомъ и окончилось свиданіе его съ Бурцевымъ, а 19 ноября, будучи уже въ СПб., онъ, Лопухинъ, получилъ отъ Бурцева письмо, произведшее на него впечатлѣніе обращенія членовъ, совершенно потерявшаго голову; въ письмѣ этого не говорилось прямо, не же содержаніе его не оставалось никакиъ сомнѣній въ томъ, что Бурцевъ сослался на него, Лопухина, передъ Ц. К. партіи с.-р. и требовалъ немедленнаго его приѣзда въ Парижъ. Письмо это онъ, Лопухинъ, уничтожилъ и оставилъ безъ отвѣта. 11 ноября 1908 г. вечеромъ къ нему, Лопухину, неожиданно явился Азевъ и, рассказавъ, что партія нарядила надъ нимъ судъ, обвиняя его въ предательствѣ, просилъ спасти его жизнь, такъ какъ главный свидѣтель по этому дѣлу, Бурцевъ, между прочимъ, показалъ, что о принадлежности его, Азева, къ агентурѣ знаетъ онъ словъ его, Лопухина, вѣрждствіе чего допрось его, Лопухина, революціонными судьями неизбеженъ, и онъ проситъ дать показанія отрицательныя. На это онъ, Лопухинъ, заявилъ Азеву, что никакому революціонному трибуналу показаній давать не будетъ, но и самому Азеву запретилъ сомылаться на него въ свое оправданіе, предваривъ, что тогда вынужденъ будетъ сказать правду. Узнавъ отъ Азева, что тотъ съ годъ уже, какъ разошелся съ розыскными учрежденіями и теперь явился къ нему по собственному побужденію, онъ, Лопухинъ, спросилъ его больше къ нему не приходитъ.

Черезъ 10 дней послѣ описаннаго визита, 21 ноября 1908 г., при той же обстановкѣ неожиданнаго вторженія въ его кабинетъ, къ нему, Лопухину, явился нач. СПб. охр. отд. ген.-м. Герасимовъ и, заявивъ, что пришелъ по порученію Азева за категорическимъ отвѣтомъ, котораго тотъ не получилъ, сталъ убѣждать его, Лопухина, въ необходимости спасти Азева; что тотъ послѣдніе года полтора, какъ не годится для дѣла, въ виду падающихъ на него подозрѣній, но онъ, Герасимовъ, хлопочетъ за него изъ чловѣколюбія. На это онъ, Лопухинъ, возразилъ Герасимову, что Азеву данъ имъ отвѣтъ совершенно опредѣленный, а когда Герасимовъ послѣ этого перешелъ на тонъ угрозы и сталъ говорить, что ему все будетъ известно, что проаойдетъ на судъ и тогда онъ будетъ знать, какъ поступить, — тогда онъ, Лопухинъ, попросилъ прекратить этотъ разговоръ, замѣтивъ при этомъ, что и объясненія и самую явку къ нему его, Герасимова, считаетъ неумѣстными, послѣ чего Герасимовъ ушелъ. Далѣе Лопухинъ объяснилъ, что, не чувствуя себя въ безопасности послѣ посѣщенія Азева и Герасимова, онъ написалъ три одинаковыхъ по содержанію письма на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ Столыцина, товарища его Макарова и дир. Деп. Полици Трусевича, въ которыхъ сообщилъ имъ объ описанныхъ выше визитахъ и просилъ отградить его отъ дальнѣйшихъ явокъ къ нему лицъ, прикосновенныхъ къ розыску. Съ содержаніемъ этихъ писемъ познакомили двухъ лицъ, назвать которыхъ не желаетъ по соображеніямъ нравственнаго свойства, и одну копію такого письма передалъ имъ на храненіе съ тѣмъ, чтобы оно было представлено судебной власти въ случаѣ, если

быть онъ, Лопухинъ, былъ убитъ. Оба эти лица дали слово не сообщать этого письма прессы, и какъ оно туда попало онъ не знаетъ, но во всякомъ случаѣ ни онъ, ни указанныя имъ лица не повинны. Всѣ три упомянутыхъ письма на имя властей онъ, Лопухинъ, тогда же поручилъ отправить одному изъ тѣхъ двухъ лицъ, которымъ онъ далъ копію этого письма, а самъ 23 ноября выѣхалъ по дѣламъ въ Москву. Еще до своего отъѣзда туда онъ получилъ второе письмо отъ Бурцева, которое такъ же, какъ и первое, уничтожилъ и оставилъ безъ отвѣта. Оно было написано въ тонѣ болѣе покойномъ, чѣмъ первое, въ немъ болѣе опредѣленно сказано, что Бурцевъ сослался на него, Лопухина, передъ Ц. К. партіи с.-р. и вновь повторилась просьба пріѣхать въ Парижъ, чтобы помочь ему выяснитъ поднятое имъ дѣло. Это дѣло въ письмѣ названо не было, но было совершенно понятно, о какомъ „дѣлѣ“ идетъ рѣчь. Изъ своей послѣдней поѣздки онъ, Лопухинъ, вернулся въ СПб. 29 ноября 1908 г., а на слѣдующій день вечеромъ по дѣламъ „Соединеннаго Банка“ черезъ Берлинъ и Флиссингенъ выѣхалъ въ Лондонъ, куда прибылъ 3/16 декабря, остановился въ Вальдорфъ Отель и прожилъ тамъ до вечера 16/23 дек. Часа за два до выѣзда изъ Лондона къ нему, Лопухину, въ гостиницу явились три лица, назвавшіяся Черновымъ, Савиновымъ и Аргуновымъ, о принадлежности которыхъ къ партіи с.-р. ему было извѣстно и заявили, что они пришли поговорить съ нимъ по дѣлу Азева, надъ которымъ партія учредила судъ въ виду обвиненія его Бурцевымъ въ предательствѣ; что Бурцевъ сослался на него, Лопухина, какъ на лицо, которое удостовѣрило ему сношенія Азева съ полиціей, а потому они явились провѣрить личными объясненіями заявленія Бурцева. Провѣрка эта, по ихъ словамъ, представлялась необходимой, вслѣдствіе участія Азева въ столь крупныхъ дѣйствіяхъ партіи, что по характеру ихъ дѣятельность Азева, какъ агента, представляется невѣроятной. Указавъ затѣмъ на важность такой провѣрки съ точки зрѣнія общей и съ точки зрѣнія партіи, лица эти просили дать имъ отвѣтъ, дѣйствительно ли Азевъ состоялъ агентомъ, и онъ, Лопухинъ, подтвердилъ имъ это обстоятельство, не считая возможнымъ отказаться отъ того, что онъ раньше говорилъ Бурцеву. На дальнѣйшіе вопросы, ему предложенные, онъ, Лопухинъ, удостовѣрилъ передъ революціонерами, что Азевъ лично былъ ему извѣстенъ, когда онъ былъ директоромъ Деп. Полиціи, и что тогда онъ видѣлъ его всего два раза, но ошибки въ личности быть не можетъ; что онъ его отлично узналъ, когда Азевъ 11-го ноября 1908 г. явился къ нему въ СПб. съ просьбой не выдавать его дѣятельности, причемъ тогда же, по настоянію запрашиваемыхъ лицъ, онъ, Лопухинъ, описалъ примѣты Азева, костюма же не описывалъ, такъ какъ его объ этомъ не спрашивали и на платьѣ Азева онъ не обратилъ тогда вниманія. Ни своего послѣдняго письма къ Столыпину, ни какихъ либо иныхъ документовъ онъ, Лопухинъ, допрашивавшимъ его революціонерамъ не передавалъ, но на дальнѣйшіе разспросы — о спискѣ террористовъ, о Бриллиантѣ, о Макъ-Куллоуѣ (Швейцерѣ) — сообщилъ все то, что зналъ, какъ по слухамъ, такъ и по прежней своей службѣ въ Департаментѣ Полиціи. На требованіе сообщить нѣсколько случаевъ изъ дѣятельности Азева, какъ агента, онъ, Лопухинъ, возразилъ, что для него это тяжело, а для дѣла не нужно, тогда допрашивавшіе просили его сказать только, дѣйствительно ли онъ подтвердилъ Бурцеву, что Слетовъ былъ арестованъ по указанію Азева, и онъ, Лопухинъ, удо-

стовѣрилъ имъ и это обстоятельство. Окончивъ допросъ, одинъ изъ революціонеровъ поблагодарилъ за оказанную партіи услугу, на что онъ, Лопухинъ, возразилъ, что имъ руководили соображенія общечеловѣческаго свойства и потому дѣйствія его не слѣдуетъ разматывать, какъ заслугу партіи с.-р. При прощаніи онъ, Лопухинъ, выразилъ желаніе, чтобы Азевъ остался живъ, но на это никакого отвѣта отъ своихъ собесѣдниковъ не получилъ. Вернувшись въ СПб., онъ, Лопухинъ, получилъ третье и послѣднее письмо отъ Бурцева, которое представилъ и при обыскѣ и содержаніе коего приведено выше.

Возвращаясь къ описанію своего послѣдняго свиданія съ Б., Л. показалъ, что по словамъ Б., у него было нѣсколько источниковъ, изъ коихъ онъ черпалъ улики противъ Азева, но въ своемъ разговорѣ онъ назвалъ одного Бакаю, бывшаго революціонера, затѣмъ агента Варш. Охр. Отд., бросившаго службу и поселившагося въ Парижѣ. Этому Бакаю въ 1903 или 1904 году, когда онъ еще служилъ въ В. О. О., будто-бы поручено было начальствомъ слѣдить за однимъ важнымъ агентомъ, пріѣхавшимъ въ Варшаву, и оберегать его всячески отъ такъ назыв. „провала“, какъ съ стороны общей полиціи, такъ и со стороны революціонеровъ. Ни имени, ни фамиліи этого агента Бакай не зналъ, но самъ Бурцевъ, зная о побѣдѣ Азева въ Варшаву, вывелъ заключеніе, что тотъ важный агентъ, за которымъ слѣдилъ Бакай, былъ именно Азевъ. Затѣмъ, въ качествѣ улики противъ Азева, Бурцевъ привелъ выдачу имъ Нижегородскаго съѣзда партіи С.-Р. и проѣзда изъ заграницы члена этой партіи Слетова, который былъ арестованъ. Разсказъ объ этомъ эпизодѣ, отличавшіяся большой точностью свѣдѣній, совпадалъ съ тѣмъ, что, ему, Лопухину, въ качествѣ Дир. Деп. Полиціи, было извѣстно; но больше всего поразило его то, что Бурцевъ, будто-бы, зналъ не только условныя клички Азева, которыми онъ именовался при своихъ отношеніяхъ съ розыскными учрежденіями, называясь Раскинымъ, Виноградовымъ и иногда Филипповымъ, но и то, что его тайныя свиданія съ чинами политической полиціи происходили на Преображенской улицѣ въ Петербургѣ, въ кв. Румянцевой. Все это, по словамъ Лопухина, совершенно совпадало съ дѣйствительностью и произвело на него впечатлѣніе, что Азевъ окончательно разоблаченъ Бурцевымъ. Убѣждая его, Лопухина, въ томъ, что Азевъ самъ организовалъ убійства Шлеве и Вел. Кн. Сергѣя Александровича, Бурцевъ никакихъ документовъ къ этому не приводилъ и объ обстоятельствахъ этихъ предпріятій ничего не говорилъ, а лишь ссылался на то, что знаетъ объ этомъ отъ членовъ Ц. К. П. С.-Р., доказывавшихъ ему, Бурцеву, что если бы Азевъ былъ агентомъ, то полиція была бы предупреждена и убійства эти не могли бы состояться. Подчеркивая особую важность изобличенія Азева*), Бурцевъ высказался, что въ данное время онъ признаетъ безсмысленнымъ и терроръ, и вооруженное возстаніе, и Царубійство; что эти способы политической борьбы потерпѣли достаточное крушеніе, а вся партія С.-Р., по его, Бурцева, мнѣнію, способна только на совершеніе безцѣльныхъ убійствъ, да на то, чтобы

*) Разумѣется, мой разговоръ съ Лопухинымъ переданъ въ обвинительномъ актѣ совершенно не вѣрно. Мы говорили почти исключительно объ Азевѣ, и отдѣльныя замѣчанія о теоретическихъ вопросахъ дѣлались мной мимоходомъ. — Обнаруженіе Азева было необходимо не для борьбы со всей партіей, а, конечно, для борьбы только съ той ея организаціей, которая продолжала безусловно ему вѣрить.

Вл. Бурцевъ.

посылать людей на смертную казнь; что онъ считаетъ своимъ долгомъ, какъ человѣка и политическаго дѣятеля, разоблачить эту партію и изобличеніемъ Азева нанести ей смертельный ударъ, послѣ чего она распадется и прекратить свое существованіе, если же ему не удастся разоблачить Азева, то ему придется признать себя клеветникомъ и пустить себя пулю въ лобъ. (л. б. 103 — 108.)

Отвѣчая на отдѣльно поставленные ему вопросы, Лопухинъ допускалъ возможность, что удостовѣрилъ передъ Бурцевымъ роль Азева какъ агента, на протяженіи всего времени своей службы Дир. Деп. Полиціи, но отрицалъ, что сообщилъ Бурцеву размѣръ денежнаго вознагражденія, получаемого Азевымъ за его услуги; такъ какъ эти свѣдѣнія и безъ него имѣлись у Бурцева. Затѣмъ Лопухинъ категорически удостовѣрилъ, что въ промежутокъ времени между встрѣчей его съ Бурцевымъ въ вагонѣ ж. д. и явки къ нему въ Лондонъ А. С. и Ч., онъ ни съ кѣмъ изъ революціонеровъ, или изъ лицъ посланныхъ организаціей, сношеній не имѣлъ. (103 — 110.)

Переходя къ своему знакомству съ Азевымъ, обвиняемый Лопухинъ показалъ, что о существованіи Азева онъ узналъ впервые при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вскорѣ послѣ вступленія его въ должностъ Дир. Д. П., по требованію завѣдывавшаго заграничной агентурой Рачковскаго ему передано было 500 рубл. и когда затѣмъ выяснилось, что деньги эти требовались Рачковскимъ для передачи черезъ своего агента террористу Гершуни, будто-бы нуждавшемуся въ этихъ деньгахъ для изготовленія бомбъ, то рѣшено было вызвать этого агента, чтобы выяснить, не имѣеть-ли правительство дѣло съ провокаторомъ. Завѣдывавшій въ то время особымъ отдѣленіемъ Д. П. Ратаевъ, оправдываясь въ ассигнованіи этихъ 500 руб., доложилъ тогда, что агентъ этотъ Виноградовъ не принадлежитъ къ партіи с.-р. и пользуется большой освѣдомленностью о ней только благодаря своей личной дружбѣ съ Гершуни; отказать Азеву въ пресмыкхъ деньгахъ значило бы лишитъ его источника его освѣдомленности о дѣлахъ партіи. Тѣмъ не менѣе въ концѣ 1902 г. онъ, Лопухинъ, вызвалъ Азева въ СПБ. и видѣлся съ нимъ лично, но недоумѣнія своего не разрѣшилъ, т. к. Азевъ категорически заявилъ, что въ партію с.-р. онъ не входитъ и о дѣлахъ ея знаетъ лишь отъ Гершуни. Въ правдивости такого заявленія, помимо другихъ соображеній, его, Лопухина, убѣждала та прерывчатость свѣдѣній, которые получались отъ Азева и та неожиданность для Д. П., при которой впослѣдствіи совершилось убійство Плевс. Второй разъ, Лопухинъ видѣлся съ Азевымъ въ концѣ 1903 г., когда тотъ явился къ нему на квартиру съ просьбою объ увеличеніи содержанія и, наконецъ, въ 3-ій разъ онъ видѣлъ его 11 ноября 1908 г., когда Азевъ при описанныхъ выше условіяхъ приходилъ просить его не выдавать его дѣятельности революціонерамъ. (110—117.)

Въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ обвиняемый Лопухинъ не отрицаетъ, однако, того обстоятельства, что въ концѣ 1904 г. для него, какъ Дир. Д. П., не оставалось уже сомнѣній въ томъ, что Азевъ принадлежалъ къ Ц. К. П. с.-р., такъ какъ изъ донесеній заграничной агентуры онъ зналъ, что на конспиративномъ Парижскомъ съѣздѣ представителей русск. рев. организацій и оппозиціонныхъ группъ, состоявшемся осенью 1904 г., Азевъ присутствовалъ какъ делегатъ партіи с.-р., вслѣдствіе чего онъ, Лопухинъ, тогда же будто-бы рѣшилъ устранить Азева, но сдѣлать этого не успѣлъ. (л. д. 112—116)

Изложенныя объясненія обвиняемаго Лопухина, съ одной стороны во многомъ сходились съ данными добытыми предвар. слѣдствіемъ, но зато, съ другой, во многомъ не соответствовали дѣйствительнымъ обстоятельствомъ дѣла. Такъ, на слѣдствіи имѣлись совершенно опредѣленныя указанія, что при свиданіи съ Бурцевымъ Лопухинъ не только подтвердилъ самый фактъ сношеній Азева съ агентами поименованаго, но привелъ цѣлый рядъ доказательствъ тому и разрѣшилъ сослаться на себя предъ рев. трибуналомъ, что при личномъ свиданіи съ Азевымъ 11 н. 1908 г., на прямой его вопросъ объ этомъ, Лопухинъ отрицалъ этотъ фактъ полностью и утверждалъ, что съ Бурцевымъ онъ о немъ, Азевѣ, разговоръ не велъ. Не соответствовало истинѣ и удостовѣреніе обвиняемаго о томъ, будто въ промежутокъ времени отъ послѣдняго свиданія съ Бурцевымъ и до допроса его революціонерами въ Лондонѣ, онъ ни съ кѣмъ изъ нихъ или изъ лицъ, посланныхъ организаціей, сношеній не имѣлъ, о чемъ Лопухинъ дважды былъ спрошенъ и оба раза далъ отрицательный отвѣтъ, хотя по дѣлу было установлено, что еще до отъѣзда его за границу въ С. П. б. былъ командированъ къ нему членъ Ц. К. партіи с.-р. для разслѣдованія Азевскаго дѣла, и что дальнѣйшія отношенія этого Комитета съ Лопухинымъ велись черезъ посредника; что въ своихъ послѣдующихъ показаніяхъ, данныхъ революціонерамъ, Лопухинъ не только подтвердилъ ссылку на него Бурцева, но привелъ цѣлый рядъ фактовъ предательства Азева, извѣстныхъ ему по прежней должности Дир. Ц. П. и для документальнаго подтвержденія своихъ словъ передать партіи с.-р. копію своего послѣдняго письма Мин. Столыпину, гдѣ Азевъ прямо названъ былъ агентомъ, гдѣ подробно описывалось не только послѣднее ноябр. посѣщеніе Азевымъ Лопухина, но и указывалась цѣль этого посѣщенія, каковое письмо по значенію своему замѣняло письменныя показанія — и дѣйствительно, фигурировало въ качествѣ доказательства передъ рев. трибуналомъ, судившимъ Азева, что изъ отдѣльныхъ фактовъ предательства Азева Лопухинъ въ своихъ показаніяхъ рев.-амъ подробно рассказалъ объ извѣстномъ случаѣ съ 500 руб. будто бы посланными Азеву изъ Деп. Ц. для передачи Гершуни; о выдачѣ Азевымъ Пензенской типографіи партіи с.-р., о вѣдвореніи въ Россію нелегальной литературы въ комит. ледникахъ, о заговорѣ на жизнь Плеве, приведшемъ къ аресту кружка Серафимы Клитчоглу, о проѣздахъ изъ-за границы рев.-овъ Слетова и Хилкова, изъ коихъ первый былъ арестованъ, о результатахъ Парижской конференціи 1904 г. и лицахъ принимавшихъ въ ней участіе и, наконецъ, кромѣ этихъ конкретныхъ случаевъ, указано было на то, что Азевъ сообщалъ розыскнымъ органамъ общія характеристики отдѣльныхъ террористовъ.

Вообще дѣятельность Азева по сношеніямъ его съ агентами политическаго розыска была точно извѣстна Ц. К. партіи с.-р., за все время съ 1902 до начала 1905 г., т. е. именно за то время, когда Дир.-омъ Д. П. состоялъ Лопухинъ и, наоборотъ, скольконибудь точныхъ свѣдѣній о послѣдующихъ услугахъ Азева полиціи въ распорядкѣ этого комитета не имѣлось.

Передопрошенный вновь по всемъ указаннымъ обстоятельствамъ обвиняемый Лопухинъ далъ новыя объясненія и прежде всего, отказавшись отъ прежняго своего утвержденія, призналъ, что копія послѣдняго его письма къ Министру Столыпину дѣйствительно была съ его согласія, передана рев.-рамъ, однако, способъ этой передачи

онъ объяснить первоначально отказался, (л. д. 705) но затѣмъ, при послѣдующемъ передопросѣ, призналъ и фактъ командированія Ц. К. партіи с.-р. своего сочлена въ СІВ. для разслѣдованія Азевскаго дѣла и фактъ своихъ сношеній съ этимъ делегатомъ при содѣйствіи третьяго лица и, наконецъ, объяснилъ способъ передачи копій его письма къ Министру Столыпину партіи с.-р. Давая эти объясненія обвин. Лопухинъ показавъ: числа 19-го или 20 ноября 1908 г. одинъ его пріятель, котораго назвать онъ не желаетъ, пришелъ къ нему на квартиру и рассказалъ, что къ нему обратилось близкое ему лицо съ заявленіемъ, что къ нему, этому третьему лицу, обратился въ свое очередь революціонеръ, командированный Ц. К. партіи для полученія отъ него, Лопухина, свѣдѣній объ агентурной дѣятельности одного революціонера. Пріятель этотъ, со словъ своего знакомаго, рассказавъ ему, Лопухину, что онъ, Лопухинъ, будучи спрошенъ однимъ эмигрантомъ, указавъ одного революціонера, оказывавшаго услуги русской полиціи; что надъ этимъ революціонеромъ его товарищи учредили судъ, который и командировалъ своего делегата, чтобы получить отъ него, Лопухина, объясненія по этому поводу, имена, какъ этого делегата, такъ и эмигранта, а также самого заподозрѣннаго въ предательствѣ революціонера этому пріятелю извѣстны не были. По его словамъ, командированный революціонеръ прибѣгъ для сношеній съ нимъ, Лопухинымъ, къ посредничеству постороннихъ лицъ, не будучи увѣренъ въ успѣхъ сношеній непосредственныхъ, но при этомъ предупредилъ, что если онъ, Лопухинъ, уклонится отъ избраннаго имъ способа сношеній, то будетъ вынужденъ давать личныя объясненія. Передавъ все это, пріятель сказалъ ему, Лопухину что пока посредничества онъ на себя еще не принялъ, а пришелъ предварительно переговорить съ нимъ объ этомъ, чтобы надѣясь дать положительный отвѣтъ. Въ это посѣщеніе онъ, Лопухинъ рассказавъ своему пріятелю о встрѣчѣ съ Бурцевымъ въ вагонѣ, но ни фамилии, ни кличекъ Азева при этомъ не называлъ. Ни къ какому опредѣленному рѣшенію они тогда не пришли, а рѣшили повидаться дня черезъ два. Уже послѣ извѣстнаго посѣщенія Герасимова, но еще до отъѣзда его, Лопухина, въ Москву, слѣдовательно, 22 или 23 ноября, къ нему вновь зашелъ упомянутый пріятель. Обсудивъ съ нимъ положеніе и придя къ заключенію, что допроса со стороны ревровъ избѣжать не удастся, они рѣшили, что лучше теперь же черезъ пріятеля сообщить реврамъ всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія и тогда онъ, Лопухинъ рассказавъ подробно все содержаніе своей бесѣды съ Бурцевымъ, а изъ дѣятельности Азева, какъ агента, — о случаѣ съ 500 руб., объ арестѣ кружка Клитчоглу, объ арестѣ Слетова и о томъ, что обнаруженный у него при обыскѣ списокъ крестьянъ былъ составленъ по указанію кн. Хилкова и, наконецъ, о парижской конференціи осенью 1904 г. и объ участіи въ ней Азева, какъ представителя партіи с.-р. Другихъ свѣдѣній о дѣятельности Азева, какъ агента, своему пріятелю онъ, Лопухинъ, будто-бы не сообщалъ, но въ томъ же разговорѣ удостовѣрилъ, что за все время своей службы Дир.-омъ Д. П. видѣлъ Азева два раза и упоминалъ о послѣднихъ посѣщеніяхъ Азева и Герасимова и о своихъ по этому поводу, впечатлѣніяхъ. Одновременно онъ, Лопухинъ, познакомилъ своего пріятеля съ содержаніемъ письма на имя Столыпина, Макарова и Трусовича. Все это онъ, Лопухинъ, уполномочилъ своего пріятеля передать по назначенію; рассказъ этотъ не былъ записанъ подробно пріятелемъ,

но имъ сдѣланы были тогда же письменныя замѣтки. По возвращеніи его, Лопухина, изъ Москвы, къ нему вновь явился его пріятель и заявилъ, что сообщенныя имъ, Лопухинимъ, свѣдѣнія признаны недостаточными за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, и при такихъ условіяхъ онъ не можетъ рассчитывать набѣгнуть непосредственнаго вопроса. Тогда онъ, Лопухинъ, рѣшилъ передать рев-рамъ и тогда же передалъ безъ конверта копию упомянутаго своего письма къ Столыпину, вручилъ ее пріятелю для передачи командированному рев-ру, въ увѣренности, что этого письма будетъ вполне достаточно, такъ какъ въ немъ Азевъ совершенно опредѣленно называется агентомъ секретной русской полиціи. Въ это же посѣщеніе онъ, Лопухинъ, въ частной бесѣдѣ сказалъ своему пріятелю, что уважаетъ въ Лондонѣ, но назвалъ ли онъ ему Вальдорфъ-Отель, въ которомъ предполагалъ остановиться, — не помнить. Во всякомъ случаѣ онъ, Лопухинъ, допускаетъ возможность, что пріятель его могъ сообщить о предполагаемой его побѣдкѣ за границу, но едва-ли указалъ Лондонъ и не допускаетъ мысли, чтобы онъ назвалъ Вальдорфъ-Отель. л. д. (707-711).

При послѣдующихъ допросахъ обвиняемаго Лопухина по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, онъ въ своихъ объясненіяхъ призналъ, что единственнымъ источникомъ освѣдомленности розыскныхъ органовъ по группѣ с.-р. былъ Азевъ и что всѣ свѣдѣнія, получавшіяся изъ этого источника за рѣдкими исключеніями отличались большой точностью, что арестъ кружковъ Негрескулъ и Клитчоглу, подготовившихъ покушеніе на жизнь Плеве, арестъ офицера Григорьева и всей Ремянниковской группы, замыслившихъ заговоръ на жизнь того же Плеве и Побѣдоносцева, указанія на террористическую дѣятельность Мельникова и Павла Крафта, подтвержденныя документальными доказательствами, причѣмъ первый изъ нихъ былъ арестованъ, — все это ликвидировано было по указаніямъ Азева. Онъ же, какъ утверждаетъ Лопухинъ, кромѣ общихъ характеристикъ отдѣльныхъ террористовъ, первый указалъ на значеніе въ этой группѣ Бориса Савинкова, на вступленіе въ партію с.-р. кн. Дмитрія Хилкова и на его замыслы по пропагандѣ аграрнаго террора; отъ того же Азева исходили свѣдѣнія предупредительнаго характера о принятыхъ с.-р. способахъ водворенія въ Россію нелегальной литературы въ бочкахъ съ масломъ и въ комнатныхъ ледникахъ, о сѣздахъ членовъ этой партіи въ Парижѣ, Амстердамѣ и Германсѣ, гдѣ между прочимъ обсуждался не только планъ царубійства, но и были намѣчены лица, кот. была поручена организація этого преступленія.

Признавъ эту положительную сторону дѣятельности Азева въ области услугъ дѣлу политическаго розыска, Лопухинъ о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактахъ изъ этой дѣятельности не упомянулъ и на особо поставленные поэтому вопросы показалъ, что онъ не помнить, получались ли отъ Азева какія-либо свѣдѣнія о заговорахъ на жизнь Иркутскаго Генераль-Губернатора Графа Кутайсова и Бакинскаго Губернатора Кн. Накашидзе. (л. д. 717—718.) Не помнить онъ и того, сообщалъ ли Азевъ о предполагавшемся провѣдѣ террориста Гершуни черезъ станцію Барановичи и доносилъ ли о революціонерахъ Браудо, Клеменсъ, Бунге и Гуковскомъ, какъ о членахъ Ц.-К. этой партіи, а также объ организаціи этимъ комитетомъ въ Болгаріи мастерскихъ для изготовленія взрывчатыхъ снарядовъ. (л. д. 702—703, 718) Что касается Хаима Левита, то о немъ онъ, Лопухинъ, ничего не помнить, кромѣ факта его задержанія, но положительно удостовѣ-

ряетъ, что его прїѣздъ въ Россію не связывался съ организаціей покушенія на жизнь Гос. Имп. (л. д. 712.)

Вспоминая о своихъ служебныхъ сношеніяхъ съ Азевымъ, онъ, Лопухинъ, указывалъ еще на одинъ случай свиданія съ нимъ на конспиративной квартирѣ въ Графскомъ переулкѣ, но на вопросъ, оставался ли когда-нибудь Азевъ въ непосредственномъ его распоряженіи, какъ Дир. Деп. Пол., отвѣчалъ отрицательно, удостовѣривъ при этомъ, что будто бы съ Азевымъ имѣли дѣло исключительно чиновники по розыску Ратаевъ и Рачковскій.

Говоря о послѣднемъ, онъ, Лопухинъ, показалъ, что въ своей дѣятельности Рачковскій придерживался тактики производства арестовъ наблюдаемыхъ кружковъ въ самый близкій къ осуществленію преступнаго замысла моментъ, находя, что такіе аресты даютъ болѣе показательный матеріалъ для суда. (л. д. 719.)

Что касается убійства Уфимск. Губери. Богдановича, то, насколько онъ, Лопухинъ, помнить, свѣдѣній о подготовленіи этого террористическаго акта въ Деп. не поступало, и чиновникъ Мѣдниковъ былъ посланъ въ Уфу не для предупрежденія этого убійства, а для его разслѣдованія. Не помнить онъ и того, было ли обѣщано денежное вознагражденіе за поимку Гершуни, хотя революціонеры, при допросѣ въ Лондонѣ спрашивали его, Лопухина, объ этомъ и даже ссылались на какой-то официальный документъ, но онъ отвѣтилъ имъ на это отрицательно. (л. д. 720.)

Въ объясненіи мотивовъ имъ содѣяннаго обвиняемый Лопухинъ показалъ, что ни противодѣйствія правительству въ борьбѣ съ партіей с.-р., ни содѣйствія партіи убережъ ея тайные замыслы отъ осведомленности правительственныхъ органовъ, — въ его побужденія не входили; что онъ поступилъ такъ во исполненіе долга каждого чловека не покрывать молчаніемъ гнуснѣйшія изъ преступленій, къ числу которыхъ относятся совершенныя Азевымъ. (л. д. 116.)

На основаніи вышеизложеннаго потомственный дворянинъ дѣйств. статскій сов. Алексѣй Александровичъ Лопухинъ, 45 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что 1) зная, какъ о существованіи сообщества с.-р., такъ и о томъ, что названное сообщество поставило цѣлью своей дѣятельности учиненіе государственнаго переворота въ Россіи путемъ вооруженнаго возстанія народа, террористическихъ актовъ и цареубійства; 2) располагая по занимавшей имъ съ 902 до 905 г. должности Директора Департамента Пол. совершенно секретными точными свѣдѣніями о томъ, что состоящій участникомъ указаннаго сообщества с.-р.-овъ инженеръ Евно Фиселевъ Азевъ за денежное вознагражденіе сообщалъ русской государственной полиціи свѣдѣнія о преступныхъ планахъ этого сообщества, подготовительныхъ его дѣйствіяхъ и лицахъ, которыя должны принять участіе въ выполненіи подготовленныхъ преступныхъ дѣяній, чѣмъ давалъ русскимъ властямъ возможность предотвращать, какъ умышленные тѣмъ сообществомъ террористическіе акты, такъ и препятствовать осуществленію другихъ его революціонныхъ предпріятій; и 3) получивъ въ концѣ 908 г. отъ самаго Азева и отъ Начальн. Сиб. Охраннаго Отд. Ген.-Маіора Герасимова свѣдѣнія о томъ, что на Азева въ составъ того сообщества, къ коему онъ принадлежалъ, пало подозрѣніе въ сообщеніи русскимъ властямъ упомянутыхъ выше свѣдѣній и что для провѣрки этого подозрѣнія надъ нимъ учрежденъ партійный судъ, который предполагаетъ допросить его, Лопухина, для подтвержденія этого подозрѣнія, — онъ, —

зная, что изобличеніемъ Азева передъ обществомъ тѣмъ самымъ устраняетъ препятствія, какъ къ участию въ обществѣ отдѣльныхъ членовъ, такъ и къ самому существованію сего общества, умышленно, вопреки просьбамъ Азева и предупрежденіямъ генерала Герасимова, разоблачилъ передъ названнымъ обществомъ тайну сношеній Азева съ розыскными учрежденіями русскаго правительства тѣмъ, во 1-хъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1908 г. въ г. СПб. далъ подробное показаніе, присланному для сего изъ-за границы члену Ц. К. партіи с.-р., въ каковомъ показаніи удостовѣрилъ, что Азевъ въ теченіе ряда лѣтъ сообщалъ русской полиціи свѣдѣнія о положеніи преступныхъ замысловъ общества с.-р., причемъ въ доказательство этого привелъ цѣлый рядъ фактовъ изъ дѣятельности Азева извѣстныхъ ему по прежней должности Директора Деп. Пол., и кромѣ того передалъ Ц. К. партіи с.-р. копію своего письма къ русскимъ властямъ отъ 21 ноября 908 г., въ которыхъ Азевъ названъ имъ агентомъ Деп. Пол. и помѣнены подробныя свѣдѣнія о явкѣ къ нему, Лопухину, въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ начальника СПб. Охр. Отд. Ген.-Маіора Герасимова и самого Азева, просившихъ не выдавать революціонерамъ дѣятельности послѣдняго; и во 2-хъ, что въ декабрѣ 908 г. въ г. Лондонѣ лично вновь далъ показанія членамъ общества партіи с.-р., явившимся къ нему завѣдомо для него съ цѣлью допроса, удостовѣривъ передъ ними, съ ссылкой на рядъ изобличительныхъ обстоятельствъ, по прежней своей службѣ ему извѣстныхъ, что Азевъ дѣйствительно за деньги доставлялъ русскому Правительству свѣдѣнія, какъ о лицахъ, принимавшихъ участіе въ обществѣ, такъ и объ умышленныхъ обществомъ тяжкихъ преступленіяхъ, — чѣмъ онъ, Лопухинъ, и оказалъ существенную помощь преступному обществу соц.-рев.

Преступленіе это предусмотрено 3-мъ п. 51 и. 1 и 3 п.п. 102 ст. Угол. Улож., вождствіе чего и на основаніи 1032 ст. Уст. Угол. Суд., ст. 9-ой Угол. Улож. и Высочайшаго повѣленія отъ 23 февраля 1909 г. настоящее дѣло подлежитъ разсмотрѣнію Особаго Присутствія Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей.

Списокъ

лицъ, подлежащихъ вызову и судебному слѣдствію по дѣлу объ отставномъ дѣйствительномъ Статскомъ Совѣтникѣ Алексѣѣ Александровичѣ Лопухинѣ, обвиняемомъ въ государственномъ преступленіи:

Обвиняемый

Лопухинъ, Алексѣй Александровичъ, Потомственный дворянинъ (л. д. 69) СПб., тюрьма.

Свидѣтели:

1. Андреевъ, Владиміръ Ивановичъ, ротмистръ отд. Корпуса Жандармовъ. Черезъ Департаментъ Полиціи.
2. Герасимовъ, Александръ Васильевичъ, Ген.-Маіоръ, Начальникъ СПб. Охраннаго Отдѣленія. (л. д. 39) СПб., Мытнинская наб. 1.
3. Зубатовъ, Сергѣй Васильевичъ, Надв. Сов. (л. д. 95). Г. Владиміръ.
4. Ратаевъ, Леонидъ Александровичъ, отставн. Дѣйств. Ст. Сов. (л. д. 123). Черезъ Деп. Пол. или черезъ посольство въ Парижѣ
5. Рачковскій, Петръ Ивановичъ, Дѣйств. Ст. Сов. (л. д. 385). Черезъ Департаментъ Общихъ Дѣлъ. МВД.
6. Лопухина, Екатерина Дмитриевна, Потомств. двор. (л. д. 141). СПб., Таврическая 7.
7. Россель, Маргарита Ивановна, Великобританская, подданная (л. д. 155). СПб., Таврическая, 7.

8. Вильтонъ, Робертъ Альфредовичъ, Великобританскій подданный. СПб., Почтамская, 20.
9. Урусовъ, Кн. Сергій Дмитріевичъ. Москва, Скатертный пер., д. 1.
10. Гольдовскій, Осипъ Борисовичъ, присяжный поверенный.
11. Поляковъ, Лазарь Соломоновичъ, потомственный дворянинъ. Москва, Тверской бульваръ, собст. д.

Процессъ Лопухина закончился, — Лопухинъ осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ. Этимъ дѣло раскрытія провокаціи Азефа не закончится, — оно едва только началось. Впереди у насъ процессы Азефа, Герасимова, Рачковского, ихъ „высокихъ“ покровителей и ихъ помощниковъ. Надѣмся, что судъ надъ ними будетъ не только на страницахъ безпристрастной исторіи, надъ которой не имѣетъ власти Столыпинъ, а мы увидимъ и ихъ на скамьяхъ подсудимыхъ. Тогда прокуроромъ будетъ не Корсакъ, и картина провокаціи Азефа будетъ нарисована иначе — иными красками.

Мы отложили свои статьи объ Азефѣ до окончанія процесса Лопухина и теперь въ ближайшемъ будущемъ дадимъ все, что у насъ собрано и что намъ доставятъ еще о дѣлѣ Лопухина-Азефа. Дѣятельность Азефа повремени почти совпадаетъ съ царствованіемъ Николая II и является поразительно яркой его выразительницей. Все, что наша родина видѣла ужаснаго въ царствованіи Николая II, все это отразилось въ процессѣ Лопухина съ излишней даже роскошью, какъ ни старались скрыть услуживые Варварины и Корсаки. Такого наглаго суда не было даже въ русской исторіи!

Ну, да хорошо: смѣется хорошо тотъ, кто смѣется послѣдній!

Ред.

Дѣло С. Рысса.

Личность и жизнь С. Рысса будетъ часто останавливать на себѣ вниманіе историковъ русскаго революціоннаго движенія. На страницахъ „Былого“ мы не разъ вернемся къ его биографіи. Пока у насъ имѣется о Рыссѣ лишь отрывочный матеріаль. Мы были вынуждены выпустить кой-какія мѣста изъ присланныхъ намъ статей, такъ какъ не рѣшаемся взять на себя отвѣтственность за опубликованіе нѣкоторыхъ страницъ изъ его биографіи, пока о нихъ мы слышимъ лишь съ одной стороны.

Талантливый, выдающійся, искренній революціонеръ, какимъ былъ Рыссъ, создалъ около себя цѣлый рядъ ужасающихъ легендъ. Его попытки завязать сношенія съ департаментомъ полиціи навлекли на него обвиненія въ предательствѣ и даже его смерть на висѣлицѣ не прекратила этихъ обвиненій. До сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь установленной оцѣнки его личности. Для однихъ Рыссъ — герой, безупречный революціонеръ, — для другихъ его имя связано съ самыми недопустимыми для революціонера поступками, которые должны безусловно быть осуждены.

Въ 8 № „Былого“ мы писали:

„Рыссъ былъ талантливымъ писателемъ и много работалъ по философскимъ вопросамъ. На судъ онъ горячо защищался отъ обвиненій въ измѣнѣ товарищамъ и умеръ смѣло, какъ революціонеръ, твердо вѣрящій въ свое дѣло.

„Рааумѣется, мы не можемъ допустить и мысли, чтобы такія попытки сношеній съ Департаментомъ, какія были у Рысса, могли обойтись безъ какихъ-либо выдачъ, — а потому мы даже не останавливаемся надъ оцѣнкой переговоровъ Рысса съ Департаментомъ: въ данномъ случаѣ нельзя и сомнѣваться, что онъ совершилъ и ошибку, и преступленіе противъ революціоннаго дѣла“.

По поводу этой нашей замѣтки мы получили нѣсколько горячихъ протестовъ въ защиту Рысса съ требованіемъ указать, въ чемъ именно могли состоять его ошибки.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ взять обратно ничего изъ того, что мы говорили о Рыссѣ, хотя въ данномъ случаѣ мы и не можемъ привести конкретныхъ примѣровъ выдачъ, которыя были, по нашему мнѣнію, несомнѣнно неизбѣжны во время его сношеній съ полиціей. Этого рода попытки использованія сношеній съ полиціей всегда для всѣхъ кончались очень печально и должны разъ навсегда быть осуждены. Объясненіе ужасныхъ легендъ на счетъ Рысса въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ, конечно, искать въ злой волѣ его политическихъ противниковъ, но главное объясненіе всѣхъ возникшихъ легендъ на его счетъ надо искать прежде всего всетаки въ его печальной попыткѣ выйти изъ тюрьмы путемъ переговоровъ съ охранниками и въ желаніи

играть съ ними двойную роль. Рыссь въ этой игрѣ несомнѣнно все проигралъ и ничего не выигралъ.

Въ возникновеніи легенды о предательствѣ Рысса намъ пришлось сыграть невольню кой-какую роль, но мы и теперь не можемъ взять ничего обратно и не можемъ ни въ чемъ себя упрекнуть.

Еще осенью 1906 г. намъ пришлось узнать черезъ Бакая о необычайной радости петербургскихъ охранниковъ по поводу приобрѣтенія новаго очень серьезнаго „сотрудника“, которому въ Кіевѣ былъ устроенъ побѣгъ изъ тюрьмы. Хотя имя бѣжавшаго намъ не было тогда сообщено, но установить имя бѣжавшаго изъ кіевской тюрьмы было совсѣмъ не трудно, и мы тогда же возбуждали вопросъ о Рыссѣ.

Съ тѣхъ поръ объ истинной роли Рысса велась среди революционеров безконечные споры и его сдѣянія были часто диаметрально противоположны.

Приведемъ здѣсь два отзыва о Рыссѣ. Адвокатъ, защищавшій друзей Рысса и выслушавшій о немъ отзывы очень многихъ изъ хорошо знавшихъ его, писалъ его друзьямъ :

«Зашелъ у меня разговоръ съ подсудимымъ Кацемъ о слухахъ о предательствѣ Рысса. Кацъ съ полной категоричностью опровергалъ это и доказывалъ, что Рыссь никогда таковымъ не былъ. Онъ указывалъ, что Рыссь, зная объ участникахъ процесса гораздо больше, чѣмъ это выяснило дознание, могъ для собственнаго спасенія все это выдать, но на одномъ изъ фактовъ, известныхъ ему, Рыссу, не былъ обнаруженъ дознаемъ. Въ частности нѣкоторыя изъ лицъ, задержанныхъ съ нимъ одновременно въ Юзовкѣ (Федоровъ и Гарбузъ), могли бы занять совершенно другое мѣсто въ процессѣ (въ смыслѣ для нихъ неблагоприятномъ).

Федоровъ относится къ памяти Рысса прямо съ благоговѣніемъ и въ своихъ показаніяхъ на судѣ старался обходить всѣ факты, такъ или иначе уличающіе Рысса въ участіи въ сообществѣ. На мои указанія, что это не можетъ ни къ чему повести, Федоровъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ даже мертваго выдавать, такъ какъ и онъ, Мортимеръ, никого не выдавалъ. Показанія Рысса пристапу Этку Федоровъ считаетъ выдумкой Этка. Вообще, насколько я припоминаю, мнѣ ни отъ кого изъ обвиняемыхъ не пришлось слышать подтвержденія вводимаго на Рысса обвиненія въ предательствѣ. Въ частности, я говорилъ объ этомъ съ Маташикинымъ, и не припоминаю, чтобы онъ упрекалъ въ чемъ-нибудь Мортимера.»

А вотъ отрывокъ изъ письма одной изъ наиболѣе видныхъ максималистокъ Мышецкой, прекрасно знавшей Рысса въ время его сношеній съ Департаментомъ Полиціи.

«Меня страшно поразили слухи о томъ, что я считаю Семена Яковл. неблагоприятнымъ по отношенію ко мнѣ. Не правда! Къ сожалѣнію, мнѣ неудобно объяснить о себѣ; скажу коротко, что виновата я сама и моя подруга. Было время (конецъ 1906 и начало 1907 г.), когда я и мои знакомые, не зная, какъ объяснить провалы, обвиняли его въ непорядочности, но вскорѣ, по письмамъ двухъ дѣвицъ, для насъ выяснилась его непрячтность къ проваламъ. Я много усилій потратила еще на волѣ, чтобы реабилитировать его, но не все удалось сдѣлать. Теперь же у меня въ рукахъ доказательства его полной и безусловной порядочности. Главное изъ нихъ — это данна дѣла, по которымъ ясно, что не онъ, да и никто не былъ «причиной». Тѣ защитники, которые вели нашъ процессъ, это мнѣ заявили и могутъ подтвердить. Если вы хотите, я дамъ адресъ одного изъ нихъ, который особенно изучалъ это. Я не знала его близко, видѣла только два раза, но я знала его близкихъ и, насколько смогла, изучила и его. Я свидетельствую своей подписью его порядочность и чистоту.»

Въ обвинительномъ актѣ, напечатанномъ въ настоящемъ № „Былого“ есть другія аналогичные отзывы товарищей Рысса о немъ.

Далѣ мы печатаемъ для выясненія личности Рысса — замѣтку его брата и письмо изъ тюрьмы. Надѣмся, что то, что мы даемъ о Рыссѣ, поставитъ вопросъ о немъ на общее обсужденіе и поможетъ намъ собрать матеріалы для болѣе или менѣе полнаго освѣщенія его дѣятельности и личности.

I. Письмо П. Рысса.

Многоуважаемый
Владиміръ Львовичъ!

Въ началѣ 1906 г. братъ мой Соломонъ Рыссъ, извѣстный въ революціонныхъ кругахъ подъ именемъ «Мортимеръ», былъ арестованъ, когда со своими товарищами пытался произвести экспроприацію. Въ виду того, что Мортимеръ былъ однимъ изъ видныхъ максималистовъ, послѣдніе рѣшили устроить ему побѣгъ и съ этой цѣлью вошли въ сношеніе со стражей, предлагая ей крупную сумму за содѣйствіе побѣгу. Стража согласилась, но въ послѣдній моментъ жандармъ, охранявшій камеру, струсила и сообщилъ обо всемъ своему начальству. Тогда Кіевскій начальникъ охраннаго отдѣленія Кулябко-Корецкій далъ знать Мортимеру, что ему устроить побѣгъ, буде онъ согласится служить въ департаментъ полиціи.

Получивъ это предложеніе, Мортимеръ рѣшилъ использовать его въ интересахъ революціи и далъ согласіе. Жандармъ и городовою, охранявшие камеру, получили приказъ не мѣшать побѣгу, — и Мортимеръ скрылся. Получивъ свободу, Мортимеръ немедленно сообщилъ своимъ товарищамъ о данномъ имъ обѣщаніи служить въ Охранномъ отдѣленіи, заявивъ, что хотѣлъ бы воспользоваться этимъ для революціонныхъ цѣлей. Товарищи Мортимера, руководители партіи максималистовъ, *выразили ему довѣріе, давъ согласіе на его службу въ департаментъ полиціи.*

Благодаря своей способности обращаться съ людьми, Мортимеръ проникъ въ тайны департамента и тотчасъ-же узналъ, что Евгенийъ Азефъ, онъ-же «Толстый» и «Иванъ Николаевичъ», служить въ департаментъ на амплуа агента-провокатора. Въ началѣ сентября 1906 года (т. е. *черезъ три недѣли послѣ побѣга*), встрѣтивъ меня въ Петербургѣ на улицѣ (адреса моего Мортимеръ не зналъ, т. к. я жилъ по фальшивому паспорту и никому не сообщалъ своего адреса), Мортимеръ просилъ меня немедленно передать социалистамъ-революціонерамъ о роли Азефа.

Я счелъ своимъ долгомъ *въ тотъ-же день* сообщить объ этомъ лицу, имѣвшему сношенія съ соц.-рев. *) и боевой организаціей. Однако, заявленіе мое было встрѣчено возмущеніемъ и даже угрозами по моему адресу «дорого заплатить за клевету». Желая въ корнѣ убитъ слухи объ Азефѣ и загрязнить источникъ слуховъ. — Ц. К. партіи с.-р. стала усиленно распространять слухи о провокаторствѣ Мортимера. Между тѣмъ, почти наканунѣ дѣла въ Фонарномъ переулкѣ, Мортимеръ, вторично встрѣтивъ меня, молилъ обратить вниманіе на Азефа. Я позволю себѣ вкратцѣ передать нашъ разговоръ.

Мы встрѣтились на Невскомъ проспектѣ: я выходилъ изъ Публичной бібліотеки, Мортимеръ шелъ туда. Онъ былъ въ чиновничьей фуражкѣ, гладко выбритъ, такъ что съ трудомъ можно было его узнать. Онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Не можешь удѣлить мнѣ пяти минутъ?

Каюсь, усиленные слухи о провокаторствѣ Мортимера подѣйствовали на меня, и я не хотѣлъ было говорить съ нимъ.

— Знаешь-ли, — сказалъ я ему, — что тебя обвиняютъ въ ужасныхъ дѣлахъ?

*) Имя, отчество и фамилія сообщены редакціи «Былого».

— Знаю.

— Ты служишь въ департаментѣ полиціи?

— Служу, объ этомъ знаютъ мои товарищи.

Я былъ ошеломенъ. Мортимеръ продолжалъ:

— Слухи обо мнѣ распространяеть съ завѣдомой цѣлью центр. ком. партіи С.-Р. Я служу для определенной цѣли. Я чистъ, объ этомъ узнають когда-нибудь. *Помни, что тогда обнаружится роль Азефа, который зубитъ меня.*

Последнюю фразу я воспроизвожу почти дословно, т. к., придя домой, записалъ ее на память.

Ко времени этого разговора Мортимеръ успѣлъ уже использовать свою роль въ смыслѣ отвлеченія вниманія деп. пол. отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ максималисты готовили свои покушенія, и, справедливо опасаясь мщенія обманутаго деп. пол., — скрылся. Добавлю, что вся его «служба» длилась 3½—4 мѣсяца. Надо замѣтить, что товарищи Мортимера по партіи отвергали и *по сей день*, несмотря на слухи, отвергаютъ самую мысль о предательствѣ его.*) Весной 1907 г. Мортимеръ былъ арестованъ въ Юзовкѣ, въ кандалахъ доставленъ въ Петербургъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ февралѣ мѣсяцѣ былъ отвезенъ въ Кіевъ, судимъ военно-окружнымъ судомъ — и казненъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1907 г. я еще разъ заявилъ о роли Азефа, и — странная подробность! — черезъ двѣ недѣли послѣ моего заявленія въ квартиру родителей моихъ ворвалась жандармерія. Она даже и обыска не произвела, какъ слѣдуетъ быть, — а все допытывалась «гдѣ живетъ теперь Петръ Рыссъ.» Этотъ, исключительно этотъ вопросъ, предлагался отцу и матери въ охранномъ отдѣленіи, куда ихъ вызывали для допроса. Дѣлалось очевиднымъ, что чья-то адская рука приводила въ исполненіе планъ устранения лица, знающаго о роли Азефа. Я немедленно покинулъ Петербургъ и переехалъ за-границу.

Въ Парижѣ я пріѣхалъ весной 1908 г. и здѣсь открыто заявлялъ о провакаторствѣ Азефа, предъявляя въ то-же время требованіе къ Ц. К. партіи с.-р. представить данныя о роли, приписываемой имъ Мортимеру. Приглашенный въ іюнѣ Ц. К., я повторилъ свое требованіе. Въ отвѣтъ мнѣ было заявлено, что Ц. К. намѣренъ привлечь меня къ суду за распространяемые слухи о «нѣкоемъ лицѣ» и предлагаетъ мнѣ представить Ц. К. документы о провакаторствѣ «этого лица». Не питая никакого довѣрія къ Ц. К., я ему никакихъ данныхъ дать не желалъ, но заявилъ, что охотно пойду на судъ и предпочитаю, чтобы судъ этотъ состоялся въ ближайшемъ времени.

Однако, ни мои требованія доказать предательство Мортимера, ни угрозы привлечь меня къ суду — не дали никакихъ результатовъ: Ц. К. партіи с.-р. хранили молчаніе. Продавъ определенное время, я обратился, черезъ посредство представителя «Бунда», къ рос. с.-д. партіи (парижскимъ ея представителямъ) съ просьбой созвать т. н. «межпартійную» комиссію для того, чтобы заставить Ц. К. партіи с.-р. представить документы о роли брата, или-же признать слухи о Мортимерѣ — ложными и клеветническими.

Къ сожалѣнію, въ созывѣ комиссіи мнѣ было отказано, ибо, по мнѣнію представителей с.-д. партіи, привлечь къ отвѣтственности можно-бы было *определенное* частное лицо, а не *юридическое*. Я же настаивалъ привлечь къ отвѣтственности Ц. К. *in corpore*, ибо только въ этомъ случаѣ представлялось возможнымъ обнаружить *источникъ* слуховъ и добраться до Азефа.

Дальнѣйшіи мои дѣйствія были предупреждены событиями, вполне подтвердившими существовавшее предположеніе нѣкоторыхъ о провокаціи въ Ц. К. партіи с.-р.

Обращаясь съ настоящимъ письмомъ въ редакцію «Былого», я нѣмю цѣлью, помимо реабилитаціи имени Мортимера, указать, что еще 2½ года тому назадъ Ц. К. партіи с.-р. было сообщено о роли Азефа. Руководствуясь незначительно личнымъ довѣріемъ, Ц. К. партіи с.-р. неоднократно мои указанія оставляли безъ вниманія, не прибѣгая къ суду чести, котораго я

*) Имена лицъ, съ которыми я бесѣдовалъ, сообщены мною въ ред. «Былого».

добивался все время. И, не дѣлая никакихъ выводовъ, я долженъ констатировать лишь фактъ: небрежнымъ, попустительствомъ Ц. К., цезаристскими замашками его и *нежеланіемъ* считаться съ объективными фактами толкнули на эшафотъ десятки молодыхъ жизней.

Долженъ добавить: всѣ свидѣнія фактическаго характера, приводимыя въ настоящемъ письмѣ, сообщены мнѣ товарищами Мортимера по партіи и рядомъ лицъ, фамиліи которыхъ, по причинамъ понятнымъ, назвать нельзя (фамиліи сообщены редакціи «Былого»). Далѣе: исторія «Мортимеръ — Толстый», еще задолго до разоблаченія Азефа, была мной сообщена нѣсколькимъ литераторамъ. В. Л. Бурцеву, при *первомъ* же своемъ свиданіи съ нимъ лѣтомъ 1908 г. я также сообщилъ обо всемъ этомъ дѣлѣ.

Петръ Рыссъ.

Римъ, 5 февраля 1909 г.

P. S. Нѣсколько словъ относительно примѣчанія, которымъ редакція «Былого» снабдила письмо моей матери, помѣщенное въ № 8 журнала.

Указавъ на роль Мортимера и на его «смѣлую смерть революціонера», редакція, тѣмъ не менѣе, какъ-бы подтверждаетъ слухи о провокаторствѣ его, говоря, что «такія попытки сношеній съ Департаментомъ, какія были у Рысса, нельзя допустить и мысли, чтобы могли обойтись безъ какихъ-либо выдачь».

Я обращаюсь къ редакціи «Былого» съ просьбой указать, кого выдачь Мортимеръ. И товарищи его по партіи и, кажется, В. Л. Бурцевъ утверждаютъ, что ничего подобнаго не было. При опредѣленіи характера дѣятельности человѣка, нельзя исходить изъ отрицательно условныхъ предположеній, слѣдуетъ руководиться конкретными фактами.

Что касается самого факта сношеній Мортимера съ деп. пол. — нельзя же согласиться съ редакціей. что этотъ путь дѣйствій — рискованный, т. к. трудно устоять честно до конца.

Устоялъ-ли Мортимеръ — предлагаю судить безпристрастнымъ людямъ.*)

П. Р.

II. Письмо изъ тюрьмы о С. Рыссѣ.

Въ концѣ января или въ началѣ февраля 1908 г. въ Лукьяновскую тюрьму привезли изъ Петербурга закованнаго въ ручные и ножные кандалы чело-вѣка. По прибытіи въ тюрьму, арестованный былъ освобожденъ отъ ручныхъ кандаловъ, а въ ножныхъ остался. Сначала шли всевозможные толки, догадки, но на другой день уже было извѣстно, что привезенъ максималистъ С. Рыссъ (онъ же Николаевъ или «Мортимеръ»), обвинившійся въ воору-женномъ нападеніи на артельщика, совершенномъ въ 1906 г. въ Кіевѣ, и бѣжавшій послѣ ареста изъ Старокіевского участка, съ помощью пристав-ленныхъ для надзора за нимъ жандарма и городского (жандармъ и городо-вой были осуждены кіевской суд. палатой въ 1907 г. къ 6 г. каторги).

Рыссъ былъ помѣщенъ въ 18 камеру мужскаго корпуса. Онъ былъ под-вергнутъ строжайшей изоляціи отъ всѣхъ остальныхъ политическихъ. Къ двери его камеры былъ приставленъ особый часовой, чего никогда не было въ Лукьяновкѣ. «Коммуны» политическихъ было запрещено выдавать ему какую-нибудь пищу, даже кипятокъ для него изготовлялся особый. Изоляція эта объяснялась двояко: 1) Рысса берегло жандармское управленіе, какъ очень важнаго политическаго преступника. 2) тюремное начальство опасалось нападенія на Рысса со стороны политическихъ, какъ на провокатора.

Слухъ о томъ, что Рыссъ — провокаторъ, немедленно распространился по всей тюрьмѣ и проникъ къ уголовнымъ. Окно камеры Рысса выходило во дворъ, въ который уголовные выпускаются для прогулки. Уголовные съ криками: «провокаторъ, измѣнникъ!» бросали въ окно камни, шишки, овощи.

*) «Былое» говорило не о провокаторствѣ Мортимера, а о неизбѣжности вы-дать при подобнаго рода двойной игрѣ съ Деп. Полиціи, которая въ нашихъ глазахъ не только «рискована», а абсолютно недопустима и преступна: надо эту мысль усво-ить твердо.

Ред.

Рыссь подвергся однажды оскорбленію и со стороны политическихъ. Мы гуляли человекъ по 20 сразу (каждый корридоръ отдѣльно), а Рысса выпускали одного. Однажды кто-то изъ нашего корридора крикнуть Рыссу, когда тотъ гулялъ: «провокааторъ!» Мортимеръ побѣднѣлъ и сказалъ: «Повторите-ка еще разъ, имѣйте мужество!» Но оскорбителя товарищи пристыдили. . . Мѣстные газеты писали по слухамъ, что Рыссь — провокааторъ, по насколько эти слухи основательны — неизвѣстно. Мнѣнія въ тюрьмѣ раздѣлялись.

Случайно встрѣтивъ въ тюрьмѣ одного своего личного знакомаго (не-максималиста), Мортимеръ началъ съ нимъ переписку, въ которой разоблачалъ подкладку той жестокой кампаніи, которую вели противъ него его бывшіе товарищи. Въ этой перепискѣ онъ касался самыхъ интимныхъ сторонъ своей личной жизни и партійной дѣятельности. Этой перепиской заинтересовались въ политическіе; благодаря содѣйствию заинтересованныхъ, удалось побѣднѣть изоляцію. Письма эти читались нѣсколькими лицами нашего корридора (въ томъ числѣ и мною), среди насъ не было ни одного максималиста, но были с.-р. Къ сожалѣнію, въ высшей степени неудобныя условія мѣшаютъ мнѣ привести къ самымъ крупнымъ фактамъ, выставленнымъ Мортимеромъ въ свою защиту, но скажу одно: лично я никогда ни с.-р., ни максималистомъ не былъ, никогда къ нимъ никакого отношенія не имѣлъ, особенно къ максималистамъ, Мортимера лично не зналъ, въ тюрьму попалъ, зная о немъ только по газетнымъ слухамъ (послѣ его ареста въ Юзовкѣ), что онъ — провокааторъ, но теперь радикально перемѣнилъ свое мнѣніе. То же случилось и съ другими, читавшими эти письма. Отмѣчу слѣдующее: для провѣрки нѣкоторыхъ фактовъ Мортимеръ рекомендовалъ обратиться къ находившемуся въ то время въ Лукьяновской тюрьмѣ N, близко знавшему партійныя дѣла. Провѣрка, произведенная тогда же, мало говоритъ въ пользу его обвинителей и всецѣло въ пользу Рысса.

Числа 5-го февраля Мортимера, подъ строжайшимъ конвоемъ, повели въ судъ. Обвинительный актъ очень короткій, меньше листа; сухо изложена разработка нападенія, улики противъ Мортимера болѣе, чѣмъ очевидныя. Другого исхода, кромѣ смертной казни, ожидать нельзя было. Говорилось еще въ актѣ, что противъ Рысса въ Петербургѣ было возбуждено преслѣдованіе по 102 ст., но здѣсь его судили по 279 ст. воен. постан. 8-го февраля вечеромъ Мортимера перевели съ 2-го корридора къ намъ на первый, гдѣ сидѣли политическіе каторжане и важныя поделѣдственные. Онъ сидѣлъ въ строго изолированной 6-ой камерѣ, тоже съ особымъ часовымъ; много пѣлъ въ эту ночь, переговаривался съ сосѣдами (потому что къ нему уже относились съ болѣею симпатіей — и сомнѣнія были въ его пользу).

9-го февраля (утромъ) 2 взвода казаковъ и конвойныхъ солдатъ отвезли Рысса въ военно-окружной судъ. Онъ былъ переодѣтъ въ одежду уголовнаго арестанта, руки и ноги закованы. Карету охраняли до 50 человекъ. По городу были разставлены дозорные. Военно-окружной судъ приговорилъ Рысса къ смертной казни безъ ходатайства о замѣнѣ. Изъ суда Рыссь подѣтъ гѣмъ же конвоемъ былъ доставленъ въ фортъ кievской крѣпости «Косой Канониръ».

Фортъ «Косой Канониръ» имѣетъ свою особую, кровавую исторію. Особенно трагическую роль игралъ «Косой Канониръ», въ исторіи военно-революціоннаго движенія въ Кіевѣ. Здѣсь, у забора, разстрѣляны въ 1907 году главари селенгинскаго возстанія, здѣсь, ожидая смерти, томился подпоручикъ Жадановскій, находившійся въ Шлиссельбургѣ, здѣсь разстрѣляны бунтовщики-каперы. Раньше тутъ было больше «гражданскихъ» арестованныхъ, но за послѣднее время приводили только осужденныхъ на смерть (30 октября 1906 г. разстрѣляны Николай Лкобонъ).

Надо сказать (хотя это, быть можетъ, понятно и безъ всякихъ объясненій), что письма Рысса, въ которыхъ ему пришлось опровергать взводимыя на него обвиненія, дышали рѣдкимъ озлобленіемъ противъ его прежнихъ товарищей. Его ненависть къ нимъ не знала границъ. Такая злоба можетъ звучать только въ письмахъ человекъ, у котораго отняли вѣчто болѣе драгоценное, чѣмъ жизнь, а именно честное имя. По тону его писемъ легко было заключить, что этотъ человекъ далеко не считалъ себя зауряднымъ

работникомъ, а готовилъ себя для крупной, исключительной роли. И у него все это было отнято. . . Рысь понимала, что смерть для него — одинъ изъ наиболее могучихъ способовъ реабилитации, что ему даже нельзя оставаться жить для того, чтобы оправдать себя и мстить. За день или два до смерти онъ писалъ намъ въ одной запискѣ: «Карательный начальникъ сказалъ мнѣ, что меня помилуютъ. Я буду безутѣшенъ, если это будетъ такъ». На судѣ онъ говорилъ свою рѣчь полтора часа, отказавшись отъ восторженной защиты. Эта рѣчь — грозная филиппика противъ бывшихъ товарищей, мѣстами переходившая всякія границы, жестокое обвиненіе *передъ лицомъ враговъ*, которое даже трудно оправдать его безграничнымъ личнымъ озлобленіемъ. Онъ называлъ себя анархистомъ (но не коммунистомъ, ибо, какъ онъ писалъ раньше, теорію коммунизма недостаточно усвоилъ себѣ). Онъ говорилъ, что признаетъ только два принципа — монархін и противоположный ему — принципъ анархіи (нѣчто подобное есть въ предисловіи къ книгѣ Домела-Ньювенгуса «Соціализмъ въ опасности»).

Мы узнали о содержаніи и характерѣ этой рѣчи изъ записки самого Рысса, а также изъ рассказовъ двухъ офицеровъ, бывшихъ въ судѣ. Одинъ изъ нихъ («честный консерваторъ») хвалилъ эту рѣчь, какъ прямое признаніе революціонныхъ промаховъ. Другой-же («бѣлый») возмущался этой рѣчью, называя ее пасквилемъ на революціонеровъ. Рысь въ своей запискѣ сознавался, что говорилъ рѣзко. «Каюсь, не щадяль я ихъ», — писалъ онъ относительно бывшихъ товарищей.

О себѣ же онъ сказалъ слѣдующее: „Я доволенъ тѣмъ, что меня судятъ военнымъ судомъ; я достоинъ петли, потому что по отношенію къ своимъ врагамъ самъ не признавалъ другой тактики, кромѣ пули и бомбы“. Прокуроръ въ своей рѣчи называлъ Рысса „выдающейся головой“ и въ интересахъ государства настаивалъ на его „изъятіи“. По „разоблаченію“ Рысса до того неправилась судьямъ, что шестеро изъ нихъ высказывались за смягченіе, пока седьмой не напомнилъ имъ: „Вѣдь онъ-же самъ просилъ насъ не жалѣть его!“ Тогда подписали смертный приговоръ.

Въ ночь на 18-ое февраля рота саперъ 14-го батальона отвезла Рысса изъ „Косого Канонира“ въ Лысогорскій фортъ, гдѣ онъ на разсвѣтѣ былъ повѣшенъ, одновременно съ анархистомъ Бѣльскимъ и др.

За время его пребыванія въ „Косомъ Канонирѣ“ ему были разрѣшены два свиданія съ матерью, которыя прошли при очень невеселой обстановкѣ. Мать стояла во дворѣ, у входа въ длинный подземный корридоръ, ведущій въ караульное помѣщеніе; Мортимеръ — въ концѣ корридора, на разстояніи 40 шаговъ отъ нея. Такъ какъ мы сидѣли въ караульномъ помѣщеніи, „въ комнатѣ для свиданій“, то до меня явственно доносились рыданія матери, открытыя утѣшенія Мортимера, а во время второго свиданія ясно доносились послѣднія слова, сказанныя имъ матери: „Клянится Надѣ!“ Не дали ни разу ни обняться, ни поцѣловаться. . .

Намъ приходилось видѣть его по нѣскольку разъ въ день; онъ былъ въ той-же арестантской одеждѣ и въ кандалахъ. Велъ онъ себя бодро и мужественно. Таково общее впечатлѣніе арестованныхъ и дежурныхъ офицеровъ. Умеръ онъ такъ-же мужественно, какъ и жилъ. Эта мужественная смерть — достаточно прочная реабилитанція, но остались отъ него документы и письма, которыя, несомнѣнно, реабилитируютъ его въ глазахъ тѣхъ, кто не наблюдалъ его послѣднихъ дней. Рѣчь, вызванная личнымъ озлобленіемъ Рысса и доставившая столько радости врагамъ, должна лечь не только на самого Рысса, но и на озлобившихъ его товарищей.

III. Письмо въ редакцію „Былое“.

Не откажите дать мѣсто на страницахъ «Былого» слѣдующимъ строкамъ, вызваннымъ письмомъ Тамары Рысеевъ (см. N 8 «Былого»).

Замѣтка о подачѣ присужденнымъ къ смертной казни С. Рыссомъ про-

шенія о помилованіи попала въ 50 N «Кіевскихъ Вѣстей» (отъ 21 февраля 1908 г.) случайно — безъ надлежащей провѣрки редакціи, что объясняется до нѣкоторой степени какъ временемъ и условиями помѣщенія замѣтки, такъ и тѣми слухами, которые сопровождали въ это время — и не совсѣмъ безъ основанія — имя покойнаго С. Рысса. Тѣмъ не мѣнѣе искренно сожалея, что въ прессу проникло, благодаря случайности, неprovѣренное свѣдѣніе, редакція поспѣшила исправить его, какъ только ей стало извѣстно о письмѣ Тамары Рыссъ.

Редакція „Кіевскихъ Вѣстей“.

IV. Два предсмертныхъ письма С. Рысса дочери и матери.

Дорогая, милая Лидочка!

Шлю тебѣ поклонъ, цѣлую и горячо люблю тебя. Твои письма получили давно, и радуюсь, что ты уже хорошо читаешь и умѣешь писать. Теперь ты уже понимаешь многое, умѣешь считать, складывать и вычитывать — вѣдь ты учишь ариметику. Бабушка говорила мнѣ, что ты даже играешь какія-то роли, и умѣешь за другихъ и плакать и смѣяться, что ты хорошая обезьянка и капризная артистка. Сверхъ того, кромѣ школы, ты съ Валей занимаешься музыкой. Словомъ, у тебя время даромъ не пропадаетъ и ты постарайся, милая, получше учиться. Помни, дорогая, что бабушка больная теперь, такъ ты шали въ мѣру, капризничай меньше и веди себя получше. Слушайся, Лидуся, бабушки, я не могу самъ быть съ тобой и все я оставилъ бабушкѣ твоей. Такъ, люби ее и старайся не огорчать, она и безъ того больна. Еще, дорогая, скажу тебѣ, что я видалъ твою карточку и нахожу, что ты очень выросла и какъ будто похудѣла. Если бы ты знала, моя хорошая, какъ я хочу тебя видѣть, посадить тебя на колѣни и рассказать такую сказку, отъ которой ты стала бы самой лучшей дѣвочкой на свѣтѣ и которая сдѣлала бы тебя самой счастливой...

Такую сказку, Лидочка, папа твой придумалъ, да вотъ нельзя тебя потѣшить. Ты подожди, авось, я еще тебя и расцѣлую, и утѣшу, и ухватю тебя съ собою на небо въ сказкѣ. Будь, дорогая, здорова, весела, учись такъ, какъ будто это твой праздникъ, люби всѣхъ, береги бабушку и кланяйся своему другу Валѣ. Горячо тебя цѣлую, лаская и благословляя на всю жизнь, на счастье и на удачу. Смотри, Лидочка, не забывай меня: — вѣдь ты моя дочурка, ну, еще разъ — въ послѣдній — давай-ка обнимемся.

Твой папа.

Кіевъ, 13 февраля.

Милый другъ мама!

Меня везутъ сейчасъ — въ ночь на 18-ое — на казнь. Я спокоенъ, бодръ и горячо тебя цѣлую и благословляю, равно и милую, славную ненаглядную Лидуся. Прости за горе и отчаяніе, которое я тебѣ доставляю! Привѣтъ пошли и снеси всѣмъ, всѣмъ! Еще разъ цѣлую и обнимаю!

Всего, всего хорошаго!

Твой Самоя.

Кіевъ, 17-18 февраля.

Письмо д-ра Тэриана редактору журнала „Былое“.

Милостивый государь, господинъ редакторъ!

Въ Москвѣ распространяется въ настоящее время слѣдующая выдержка изъ воспоминаній М. Е. Бакая, помѣщенныхъ въ 8 № за 1908 г. издаваемого Вами журнала :

«... Вотъ, напримѣръ, московскій докторъ, Г. М. Тэрианъ, имѣющій свою лѣчебницу въ Москвѣ (М. Царицинская, собств. домъ). Онъ завсегдадай московскаго охраннаго отдѣленія, личный пріятель Зубатова, Мѣдника и др. подобныхъ дѣятелей. Мнѣ лично приходилось видѣть его и въ московскомъ охранномъ отдѣленіи, и въ варшавскомъ, когда онъ нѣсколько разъ заходилъ къ намъ вмѣстѣ съ Мѣдниковымъ въ 1904—5 г.г. Они ѣздили тогда за границу лѣчиться на какой-то курортъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ охранниками д-ръ Тэрианъ часто подавалъ имъ свои совѣты и обсуждалъ планы борьбы съ революціонерами. У него служили лица, близкія къ революціоннымъ организациямъ. У него устраивали склады нелегальной литературы. Его квартира служила иногда для с.-д. конференцій. Онъ иногда удачно хлопоталъ объ освобожденіи арестованныхъ» и т. д.

Примѣчаніе редакціи къ этой статьѣ говоритъ, между прочимъ :

«Со словъ лицъ, близко заинтересованныхъ, можемъ сказать, что свѣдѣнія, сообщенныя Бакаемъ, представляютъ огромный интересъ и подтвердились вполне».

Черезъ лицо, сообщившее мнѣ объ этомъ, я немедленно обратился въ московскія организации письменно съ просьбой разслѣдовать справедливость направленныхъ противъ меня обвиненій. Но организации отказали мнѣ въ этомъ, во-первыхъ, потому, что я не состоялъ и не состою ни въ одной изъ нихъ, а, во-вторыхъ, потому что г. Бакай не указываетъ ни одного конкретнаго факта, который можно было бы установить или опровергнуть разслѣдованіемъ. Поэтому, я вынужденъ обратиться въ редакцію съ просьбой напечатать настоящія мои объясненія, причемъ, въ случаѣ сомнѣній въ справедливости ихъ, я прошу указать въ Москвѣ лицо, которому я могъ бы дать матеріалы для проверки. Въ крайнемъ случаѣ, я для дачи объясненій могу выѣхать за границу.

1) Никогда и ни отъ кого я не скрывалъ, что въ числѣ моихъ пациентовъ и знакомыхъ были служащіе въ департаментѣ полиціи и въ охранномъ отдѣленіи, и большинство даже не близкихъ моихъ знакомыхъ знали объ этомъ; въ самихъ воспоминаніяхъ Бакая есть указанія на то, что я хлопоталъ объ освобожденіи арестованныхъ, слѣдовательно, разъ ко мнѣ обращались съ просьбой похлопотать, то знали о моихъ связяхъ. Послѣднія же я, очевидно, долженъ былъ бы скрывать, если бы желалъ быть «полезенъ охранникамъ».

2) Я, дѣйствительно, сопровождалъ больного Мѣдника при его поѣздкѣ въ Перви для лѣченія, но въ это время онъ былъ уже настолько боленъ, что вынужденъ былъ, по возвращеніи, немедленно совершенно устраниваться отъ всякой служебной дѣятельности и фактически, какъ во время поѣздки, такъ и послѣ нея онъ не служилъ.

3) Никогда никакихъ совѣтовъ по поводу борьбы съ революціонерами я не подавалъ, да и неужели моя компетентность въ этомъ вопросѣ могла быть такова, что специалисты стали бы слушать моихъ совѣтовъ. Въ разговорахъ я всегда проводилъ мысль, что вся дѣятельность охранныхъ отдѣленій, по моему мнѣнію, не можетъ принести никакихъ результатовъ и единственный способъ прекратить террористическіе акты, это путь широкихъ реформъ и введеніе дѣйствительно правового строя. Быть можетъ, эти разговоры Бакай считаетъ дачей совѣтовъ?

4) При выборѣ служащихъ въ лѣчебницѣ я никогда не руководствовался

ихъ политическими убѣжденіями, но никто изъ нихъ не можетъ указать, что онъ или организація, къ которой онъ принадлежалъ, чѣмъ-либо пострадали въ связи со мной.

Хотя въ вышеприведенной цитатѣ изъ воспоминаній Бакая не приведено ни одного позорящаго мою честь факта, кромѣ не выдерживающаго никакой критики указанія на мою консультативную при охранныхъ отдѣленіяхъ дѣятельность, но въ виду примѣчанія редакціи, изъ котораго можно заключить, что такіе факты имѣли мѣсто въ дѣйствительности, я позволяю себѣ задать въ цѣляхъ своей реабилитаціи слѣдующіе вопросы :

1) скрывалъ ли я, что въ числѣ моихъ пациентовъ и знакомыхъ находится служащіе охраннаго отдѣленія ?

5) кому и какіе я давалъ совѣты о способахъ борьбы съ революціонерами ?

3) былъ ли хоть одинъ арестъ или провалъ, который можетъ быть поставленъ въ связи со мной ?

Врачъ Григорій Мартыновъ Теріанъ.

Печатающееся письмо г. Теріана была помѣщена въ 7 № московской газеты «Жизнь» (отъ 9 февраля) а, была можетъ, еще гдѣ-нибудь.

Въ 8 № «Былого» не говорилось ни о какихъ провалахъ въ связи съ г. Теріаномъ, а вотъ о чемъ мы писали по поводу г. Теріана.

Мы получили указанія на рядъ именъ либеральныхъ и даже болѣе чѣмъ либеральныхъ общественныхъ дѣятелей среди литераторовъ, профессоровъ и т. д., которые въ то же самое время были «своими» людьми среди служащихъ въ Охранныхъ Отдѣленіяхъ, подобно Зубатову, Мѣдникову и т. д. Мы считали себя обязанными обратить вниманіе нашихъ читателей на это абсурдное явленіе, ни въ коемъ случаѣ не допустимое. Для насъ очевидно, что представители этихъ двухъ мировъ не могутъ, не измѣняя себѣ и своимъ идеямъ, ни жить, ни бѣть вмѣстѣ, не могутъ находить общихъ точекъ зрѣнія ни на погоду, ни на вопросы чистой науки.

Въ числѣ лицъ, находившихся цѣлые годы въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ такимъ господиномъ, какъ начальникомъ наружнаго наблюденія Мѣдниковымъ, однимъ изъ главныхъ руководителей Азефа, намъ былъ указанъ и г. Теріанъ, а кто знакомъ съ біографіей Мѣдникова, тотъ знаетъ, что у Мѣдникова вѣтъ сыска нѣтъ никакихъ интересовъ. Г. Теріанъ и, кромѣ Мѣдникова, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Зубатовымъ, Поповымъ (заблудующимъ наружнымъ наблюденіемъ въ Москвѣ) и съ десятками тому подобныхъ господъ.

Если же, согласно съ объясненіями г. Теріана, его сношенія съ Мѣдниковыми и тѣми учрежденіями, гдѣ они служатъ, были случайны и построены на недоразумѣніяхъ, то пусть онъ возьметъ на себя вину за эти свои ошибки противъ элементарныхъ вопросовъ общественной этики. Его вина тѣмъ болѣе ясна, что едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такіе дѣльцы, какъ Мѣдниковъ, никогда не упускаютъ случая пользоваться своими связями для своихъ служебныхъ цѣлей.

Вотъ, что мы говорили въ «Быломъ» раньше о г. Теріанѣ, — тоже мы можемъ повторить и теперь. Для лицъ, къ какимъ бы честнымъ партиямъ они не принадлежали, ни въ коемъ случаѣ не допустимо знакомство съ охранниками.

Лично знакомые съ г. Теріаномъ могутъ ему отвѣтить, знали ли они объ его знакомствѣ съ охранниками и что собственно знали. Если знали и одобрили или, по крайней мѣрѣ, находили допустимымъ, то... это ихъ дѣло, какъ наше дѣло иначе отнестись къ этого рода фактамъ.

Во всякомъ случаѣ, тотъ, кто сознательно или безсознательно жаль руки руководителямъ Азефа, не долженъ быть въ претензіи, если въ нашей средѣ, когда узнавать объ этихъ знакомствахъ, бьютъ въ набатъ. Это — неизбежно. Это такъ всегда было, такъ должно быть и это впрямь такъ всегда и будетъ.

Вл. Вурцель.

Къ дѣлу Герцыка.

Въ августѣ 1908 г. въ Женевѣ состоялся междупартійный судъ надъ Б. Герцыкомъ по обвиненію его въ провокаціи. Судъ постановилъ, что „имѣющихся въ дѣлѣ уликъ недостаточно для объявленія его Герцыка, провокаторомъ, но наличность этихъ уликъ дѣлаетъ недостаточнымъ его пребываніе въ какой бы то ни было революціонной организаціи“. Черезъ нѣсколько дней одинъ изъ женевскихъ кружковъ, къ которому принадлежалъ Герцыкъ, несмотря на состоявшійся приговоръ междупартійнаго суда и не располагая никакими матеріалами, невѣстными этому суду, объявилъ Герцыка провокаторомъ.

На рѣшеніе суда, и еще болѣе на постановленіе кружка имѣли вліяніе (см. резолюцію кружка) сообщенныя мною междупартійному суду данныя о переговорахъ Герцыка въ 1904 году съ нач. варш. охран. отдѣл. Петерсономъ, цѣлью которыхъ было войти съ ними въ сношенія и получать такимъ образомъ полезныя для революціонеровъ свѣдѣнія. Эти сношенія, которыя несмотря на всю недопустимость ихъ съ точки зрѣнія революціонной морали, по имѣющимся у меня даннымъ, не заключали въ себѣ ничего, что обвиняло бы его, Герцыка, въ провокаціи или предательствѣ, были, какъ видно изъ той же резолюціи, неправильно истолкованы женевскимъ кружкомъ и послужили однимъ изъ основаній для объявленія Герцыка провокаторомъ.

Въ виду всего этого я счелъ себя нравственно обязаннымъ, выслушавши заявленіе Герцыка, ознакомиться съ его дѣломъ, въ разборъ котораго я до сихъ поръ не принималъ никакого участія.

Теперь, близко ознакомившись со всѣмъ представленнымъ въ мое распоряженіе имѣющимся въ дѣлѣ матеріаломъ и переговоривши съ нѣкоторыми лицами, принимавшими непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, — между прочимъ, съ однимъ изъ членовъ междупартійнаго суда, — я пришелъ къ убѣжденію, что въ интересахъ справедливости и истины необходимо пересмотрѣть этого дѣла. Это я считаю тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ненормальное поведеніе самого Герцыка во время суда, его категорическое отрицаніе въ то время сношеній съ Петерсономъ, а также цѣлый рядъ неправильностей, допущенныхъ нѣкоторыми изъ его обвинителей, не только не способствовали выясненію дѣла, но, наоборотъ, дѣлали задачу суда крайне сложной и запутанной.

Кромѣ того, пересмотрѣ рѣшенія женевского кружка по дѣлу Герцыка мнѣ лично представляется необходимымъ и потому, что, по моему убѣжденію, которое совпадаетъ съ мнѣніемъ междупартійнаго суда, имѣющіяся въ дѣлѣ данныя не даютъ достаточныхъ основаній для обвиненія Герцыка въ провокаціи, а дѣлаютъ лишь неизбѣжнымъ его удаленіе изъ революціонныхъ организацій какъ потому, что онъ входилъ, хотя бы и безъ провокаціонныхъ цѣлей въ сношенія съ Охр. Отд., никому объ этомъ не говорилъ и даже отрицалъ это на судѣ, такъ и потому, что благодаря, быть можетъ, исключительно своему болѣзненному состоянію совершилъ рядъ поступковъ частнаго характера, несомнѣваемыхъ съ достоинствомъ революціонера.

Вл. Вурцевъ.

Изъ записокъ Н. В. Клѣточникова.

(Окончаніе*).

Рудакова, Вѣра Иван., вдова надворнаго совѣтника, (занимается?) тайной агентурой; кв. на Новой ул. д. 20, кв. 41, получаетъ 50 руб. Квартира эта упразднена. Новый ея адресъ: уголь Б. Итальянской и Караванной д. 16/14, кв. 48.

Рейцъ, — по типографскимъ дѣламъ.

Решко, судившійся въ Харьковѣ и высланный въ каторгу, предлагаетъ свои услуги изъ Тобольска; дѣтомъ былъ въ Тюмени.

Раппартъ, приглашенъ?) къ Кириллову. Вѣроятно поступаетъ въ шпіоны.

Росинскій, Петръ Измаиловъ, — уголь Владимир. и Колок.

Родзевичъ, Алекс., низкаго роста, брюнетъ, съ небольшою бородой, волосы длинные, густые, лицо смуглое, продолговатое.

Сашенко, Никол. Евтр., глухонѣмой (служить въ III отд.?).

Сазоновъ, Мих. Феод., коллеж. сов., — уголь Знам. и Бассейной.

Семеновъ-Максимовичъ, Ад-дръ Петръ, живетъ въ своей мастерской, гдѣ-то на Рижскомъ просп., дѣйствуетъ между рабочими и интеллигенціей. Былъ арестованъ на сходкѣ 24 февр., изъ арестованныхъ одинъ онъ выпущенъ на поруки агенту Агатонову. Просилъ, чтобы его вмѣстѣ съ другими отправили въ Арх. губ. въ ссылку, чтобы снять съ себя подозрѣніе въ шпіонствѣ. Знакомъ съ радикалами Шаевымъ, Осмоловскимъ, Липскимъ, Дубровиной и др. Живетъ по паспорту эстл. мѣшанина Томсона.

Скибицкий, Ромуальдъ Осипов., — Лиговка, д. 13, кв. 48. Роста довольно высокаго, худошавый, крошечная борода и усы свѣтлорыжеватые, волосы довольно темные, но съ сильной просѣдью. Улыбка, манеры, выраженіе лица подобострастные; похожъ на приказчика. За неспособность отставленъ отъ должности.

Смирновъ, — на тайной квартирѣ (жандармскаго?) управления, — уголь Большой и Надежд., д. 15/17, кв. 6. Ростъ средний, волосы свѣтлые, лицо бритое, лѣтъ 28; ничтожное, холопское лицо; знакомъ съ агентомъ Дрентельна. Дѣйствуетъ между рабочими Василе-Остр. патроннаго завода.

Сироткинъ, — въ маѣ уѣхалъ въ Гжатскій уѣздъ Смоленской губ., чтобы тамъ играть роль наставника безпоповщ. секты. Въ г. Гжатскъ, Ив. Вас. Шапошникову. Знакомъ съ Осмоловскимъ и у него все выпытывалъ.

Соколовъ, Андр. Петр. — Троицк. пер., д. 3, кв. 20. Низкаго роста, лицо продолговатое, усы подстриженные, борода темная; лѣтъ около 30. Вращается преимущественно между рабочими, выдаетъ себя за студента. Втерся въ какую-то радикальную слесарную мастерскую, гдѣ, между прочимъ, работаютъ Садовниковъ и Никитинъ.

Соколовъ, Серг., мастеръ въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ.

Соколовъ, Влад., — Коломна, Псковская ул., 28/1, кв. 1.

Соловьевъ, Ив. Ив. — съ женой, — Петерб. стор., Ижорская улица, д. 6, кв. 21. Маленькаго роста, худошавый, волосы и усы черные съ просѣдью, верхняя губа очень выдалась. Носитъ фуражку съ голубымъ околышемъ. Статскій сов., служить въ комиссіи прошеній.

*) См. номера 7 и 8 «Былого».

Смысловъ, Дим. Андр., кронштадтскій мѣщанинъ, сыпь солдата, женатъ.

Снягиревъ, — донесъ на Гардеръ и Софронискую.

Судяниковъ, управл. типогр. Трентеля, быв. шпіонъ III отд., теперь дружинникъ.

Скабичевскій, чиновникъ сената. Оговорилъ Короленко, Болдыреву, Гольдена въ составленіи кружка.

Савицкій, онъ же графъ де-Кастро. Оговорилъ Арцишевскаго.

Сустинь, — Тверск. ул., д. 7, кв. 15. Вращается среди радикальныхъ рабочихъ за Невской заставой.

Симоновичъ

Стахѣевъ, — служить въ Морскомъ Министерствѣ.

Смерчани, — около Нарвы на Кренгольмской мануфактурѣ.

Севастьяновъ, — около Нарвы на Кренгольмской мануфактурѣ.

Сахаринъ, Давидъ Исаак., бывший студ. Новороссійскаго университет., знакомый Ковальскаго; просился и принять въ шпіоны.

Сергѣевъ, Никол., служить въ ремесленной управѣ, донесъ на студ. Белтивитинова.

Струговъ, Ив. Ив.

Сташевскій, Алекс., отстав. капитанъ. Отличился выслѣживаніемъ Сидоренко и Захарченко.

Смирновъ, — былъ привезенъ изъ Вятки для сомнительныхъ объясненій.

Смирновъ, Яковъ, шпіонъ Секр. Отд., выдалъ Прѣснякова, арестованъ для виду и выпущенъ съ невыѣзд. (сентябрь 80 г.?).

Серебряниковъ, — доставилъ записку объ эмигрантахъ.

Сталининовъ, Алексѣй Лукичъ (служить въ III отд.?).

Соколовъ, Дмитр., . . ., жена его студентка, вращается среди студептокъ и юнкеровъ (Дмитріева).

Савченко, Ив., — Невскій проспектъ, 66, кв. 24.

Суворовъ, студ. унив., — Покровск. ул., д. 11/2, кв. 9/11. Въ записной книжкѣ отмѣчаетъ, кто изъ товарищей съ кѣмъ знакомъ и куда ходитъ.

Сарапова.

Соколовскій.

Терскій, — Апраксинъ пер., д. Дурдина, № 3/13. Лицо круглое, простоватое, волосы и усы русые, носъ прямой, дѣтъ 39; похожъ на приказчика. Знакомъ съ агентомъ Ольховскимъ. Часто командированъ для выслѣживанія на ст. жел. дорогъ.

Тетеринъ, Θεодоръ Дмитріевичъ. Довольно высокаго роста, худощавый, бритый, волосы бѣлокурые, похожъ на писаря или лакея. Знакомъ съ наборщиками Матросовымъ и Андреевымъ.

Траччеймъ, — изъ Нью-Йорка, знающій Англію и Германію, вызванъ.

Траченко (въ списокъ охранителей). Средняго роста, лобъ покатый, носъ выпуклый, длинный, заостренный, усы и борода каштановые, волосы стриженные подъ гребенку. Былъ тѣлохранителемъ шефа, а теперь переданъ въ стражники къ наслѣднику.

Трагимъ, — Моховая, 30.

Тимофѣевъ, Ив. Александр., — Малая Мастерская, д. 3, кв. 30; дѣйствуетъ между рабочими.

Тиманъ — графъ.

Таубворцель

Тахтуева — 50 рублей въ мѣсяць.

Трубецкой, вращавшійся въ 78 году въ петерб. кругахъ, выдавшій Сидорацкаго и нѣкоторыхъ другихъ. судившійся для виду по процессу 193 — оправданъ. Знакомый Тумановой и (другихъ изъ?) ея кружка. Живетъ теперь, повидимому, въ Самарской губ. Новодз. уѣзда и состоитъ шпіономъ III отд.

Троицкая, — Петерб. сторона, Церковная ул. 5/15.

Тараканова, студ. Беот. Курсовъ, брюнетка. Содержитъ мебл. комн. съ отцомъ. Бассейная ул., кв. 26.

Ушаковъ.

Устиминъ, Евгр. Григ. (Ш отд.).

Усовъ, Вас. Ник., — живетъ близъ Каменнаго моста въ домѣ Гвард. Экипажа.

Федоровскій, Францъ Матв. (Уголь Загородн. и Казачьей ул., д. 60/10. бельэтажъ въ 6 оконъ, 3 входа въ домъ). Роста нижесредняго, носитъ бакенбарды, 40—45 лѣтъ, бывший присяжн. повѣр. Знакомъ съ агентами Ольховскимъ и Петромъ Николаевымъ.

Филатовъ, — шпионъ секр. отд.

Федоровъ, Ив., рабочій завода русскаго Общ.

Фридманъ. Антонъ Николаевъ (Басс., д. 13, кв. 25). Роста вышесредняго, усы и бороду бреетъ, баки черные; лобъ низкій, немного покатый. Сильно хромаетъ на правую ногу. Носитъ цилиндръ. Лѣтъ 27—28, по-русски говорить плохо, иногда носитъ пансне.

Ферстеръ, Никол. Андр., — Петерб. сторона, Безбородкинъ пер. д. 19, кв. 9. Дѣйствуетъ между рабочими. Знакомъ съ рабочимъ Адрианомъ Ермоловымъ.

Федосѣевъ, Давидъ Кузьмичъ (служить въ Ш отд.).

Файнбергъ (новый?) шпионъ (Александровъ), ст. унив.

Фурсовъ, — слѣдилъ за магазиномъ Гартъ (ноябрь 1880 г.?)

Холодовскій (М. Итальянская, д. 33/4). Лѣтъ 32, роста средняго, худощавый, скулы выдающіяся, носъ сплюснутый къ концу толстый и вздернутый; волосы, усы и длинная окладистая борода — темные. Носитъ очки. Подъ именемъ Рулевъ живетъ въ Парскомъ Селѣ (въ апрѣлѣ 80 г.), — уголь Церковной и Московской, д. Михайлова.

Холодовская, жена Михаила. Живетъ съ мужемъ, акушерка Надеж. Курсовъ.

Халькенбергъ (или Файкельбергъ), Юганъ, содержатель портерной на Лиговкѣ въ д. Фридрихса.

Хлоцовъ, морской офицеръ въ Кронштадтѣ.

Цвѣтковъ, Никол. Никол., чиновникъ, — уголь Знаменской и Озерной.

Цинкаловъ, рабочій у Побела.

Чечниковъ.

Черкасовъ.

Черкаскій, кн. Борисъ Александровичъ, помощникъ чиновника пограничной агентурѣ, рекомендовалъ Евгениемъ Николаевичемъ Ширинкинымъ, братъ майора, въ Царскомъ Селѣ, знакомъ съ Рачковскимъ.

Чугаловскій, сынъ кассира товар. станціи ж.-д.

Чернышевъ, Мих. Евг. (служить въ Ш отд.?)

Чапминъ, Владим. Моисеевъ, окончившій курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, служить въ сыскномъ отд. у градоначальника, любовникъ шпionки Базилевской (свѣд. отъ знаком.?)

Черкашиновъ, рабочій бывший въ ссылкѣ въ Валаамскомъ монастырѣ за святотатство, Петръ Алекс.; (служить) на Федишевскомъ (?) заводѣ; длинный носъ, длинные черные волосы и борода. Похожъ на монаха.

Шульцъ, Конст. Карлъ, — Петерб. сторона, Большой пер., д. 24; въ-мецкая, красная, бритая физиономія съ иезуитскимъ выраженіемъ лица; лѣтъ 35-ти.

Шаховцовъ, письмоводитель въ канц. Техн. Инст.

Шубинъ, помощникъ начальн. Хорстали (?)

Швейцаръ, — на Захарьевск. ул., д. 3.

Швейцаръ, — служить гдѣ-то въ типографіи.

Швейцеръ, два брата рабочіе: Василій и Федоръ Ивановы, — пользовались большимъ довѣріемъ партіи.

Шейдинъ

Швецовъ, Василій Афан., (жилъ?) въ домѣ Предв. Закл.

Шмидтъ

Шкаряевичъ

Шиперко, Алдръ Фердин., онъ же Николай Павл. Кудрявцевъ. Знакомъ съ Екатериной Жуковой (М. Итальянск., 20—45) и съ живущими тамъ Дурбакомъ и Чесновичъ. Имѣеть письма отъ мужа къ Преферанской. (Сл?) этой кампаніей знакомъ Семенъ Максимовичъ и живущій рядомъ Шп. Масольскій (апрѣль 80 г.). Преферанская жила подъ именемъ Екатерины Перфилиевой (6 улица, д. 27/1); ѣздитъ въ Москву; выдалъ Гартмана, получилъ 6 тыс. рублей. Онъ и его братъ привлекались по дѣлу о поджогѣ съ корыстною цѣлью. Ѣдетъ въ Парижъ. Ему дано порученіе отыскать Халтурина. 20-го окт. написалъ два письма въ Парижъ: Argand, rue de l'Arbalette, (за подписью?) — «Другъ Коля».

Широковъ, Никол. Васильев.

Шуйскій, ст. унив.

Ширяевъ, братъ Степана, былъ арестов.

Шимоль.

Шимдтъ, Евгений.

Шлахтъ, Василій, бывший чиновникъ III отл.

Штраллеръ, — Б. Дворянская ул., д. 14. Называется также Штрильевъ или Штраль.

Шторхъ, — изъ Красноуфимска. Получилъ мѣсто въ бюро, наблюдающемъ за газетами при Минист. Внутр. Дѣлъ.

Яновъ, Алдръ Ив., — Екатер пр., д. 105, кв. 5. Роста средняго, волосы свѣтлые и такая же небольшая борода; ногъ выгнутый, губы толстыя. Двухъ верхнихъ переднихъ зубовъ нѣтъ. Лицо розовое, продолговатое. Агентъ дѣятельный. Ѣздилъ собирать свѣдѣнія объ учителѣ Семенск. (?) въ Новгородскую губернію.

Шпіоны, предатели, провокаторы.

Азефъ, Евно Филипповичъ.

Аксеновъ, Яковъ Пантелеймон. (Ростовъ-на-Дону) («Искра» N 68).

Аксюзе, Анатолій, «Былое» 1908 г. N 7.

Акуловъ, Тарасъ — тоже.

Александрова, — тоже.

Александровскій, Григорій. В. — тоже.

Александровъ, Студ. С. П. Б. Унив. («Искра» N 58).

Александровъ, Гаврилъ Алекс. (Симферополь) («Искра» N 68).

Алексѣевъ, Василій Акимовичъ (Москва) Летучій листокъ 1894 г. N 7).

Алексѣевъ, Студ. Унив. — «Былое» 1908 г. N 7.

Алексѣевъ, Петръ Николаевичъ — тоже.

Алексѣевъ, — тоже.

Алмазовъ, — тоже.

Алмазовъ, Студентка Бестуж. — тоже.

Андроновъ, (Ст. С. П. Б. Ун.) «Искра» 1902 г. N 5.

Андрушевичъ, — «Былое» 1908 г. 7.

Андріевская, Агафья Александр. — «Былое» 1908 г. N 7.

Андреевъ, Николай — тоже.

Анненскій Григорій — тоже.

Ансимовъ, Федоръ О. 78-87 стр. 220.

Анкеръ, Гавичъ — тоже.

Антоновичъ, Антонъ (Варшава) «Р. Р.» N 73.

Антоновъ, Ив. Иван. (Тифлисъ) «Искра» N 68.

Армолинъ, Густавъ, — тоже,

Артабалецъзи, Впередъ 75 г. N 12.

- Гороховскій, Вл. (С. П. Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
 Горячкинъ, А. (Москва) «Лет. Листокъ» 1894 г. № 7.
 Гефраль, Яковъ — «Былое» 1908 г. № 7.
 Грачевъ, Иванъ (С. П. Б.) «Искра» 1903 г. № 43.
 Грешнеръ, А. Ф. — «Былое» 1908 № 7.
 Григорьевъ, Федосѣй — тоже.
 Григорьевъ, П. И. «Р. М.» 1908 г. № 3.
 Гришкинъ, — тоже.
 Гродзенскій, — тоже.
 Гротъ, — тоже.
 Грошкевичъ, (Варшава) — тоже.
 Гуднеръ, (Рига) «П. И.» 1904 г. № 187.
 Гудизонъ Н. А. (С. П. Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
 Гузеевъ, (Москва) тоже.
 Гулевичъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
 Гуль В. А. — тоже.
 Гунтъ Я. Я. — тоже.
 Гуральскій, (Ченстоховъ) «Р. Р.» № 73.
 Гуровичъ, М. И. (С. П. В.) «Р. Р. 12. «П. И. № 90 «Освоб.» № 8/18 и
 «Искра» № 26.
 Давыдовъ, К. И. (Москва) — «Р. Р.» № 53.
 Давыдовъ, «Искра» № 59.
 Даниловъ, С. А. — «Освоб.» 1 00 г.
 Де-Лое-Валесъ, — «Былое» 1908 № 7.
 Демидовъ, (Кіевъ).
 Джохадзе, (Телавъ) — «За народъ» 1907 г. № 2.
 Дмитріевъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
 Дмитріева, — тоже,
 Доброхотовъ, (Муромъ) — «Искра» № 42.
 Доброскокъ, С. П. Б. „ „ № 112.
 Долемидова, Прасковья Ивановна — «Былое» 1908 г. № 7.
 Донъ, — тоже.
 Доронинъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
 Дорофѣевъ, Федоръ — «Искра» 1901 г. N 12.
 Дорофѣевъ, — «Былое» 1908 г. N 7. (Клѣточник.)
 Дрокули, Н. А. (Москва).
 Дрезнеръ, Илья «Р. М.» 1908 г. N 1.
 Дреторенко, — «Былое» 1908 г. N 7.
 Дубининъ, тоже.
 Дубровскій — «Искра» 1902 г. N 23.
 Дудинъ, — «З. и В.» 1905 г. N 1.
 Думенковъ, Иванъ — «Солдат. Газета» 1906 г. N 4. Изд. П. К. П. С. Р.
 Дьячковъ, П. А. Симферополь — «Искра» N 68.
 Двиръ, Антонъ (Варшава) — «Р. М.» 1908 г. N 3.
 Евдокимовъ, Гаврилъ (Юзовка) — «Искра» N 79.
 Егураевъ, — Матеріалы — «Р. Р.» N 81 и «Р. Р.» N 48.
 Едвабъ, Енохъ — «Р. М.» 1908 N 1.
 Еремѣевъ, Илья — «Былое» 1808 г. 7.
 Ермолинскій, Вас. Вл. — тоже.
 Ермоленко, Антонъ, Авархистъ N 1.
 Ершовъ, — «Былое» 1908 г. N 7.
 Ефимовъ, — тоже.
 Жабко, М. Я. (С. П. Б.) Л. Р. Д. 1901 № 8.
 Жариковъ, (Харьковъ) — «Р. Р.» № 9.
 Жарковъ, Алекс. «О» 78—87.
 Ждановъ, Алексѣй Ивановичъ.
 Живко-Цуконъ. — «Былое» 1908 N 7.
 Жижинъ, А. Ф. — «Искра» N 48.
 Жоговъ, — «Былое» 1908 г. N 7.

- Жуковский, (Одесса) — «Искра» № 48.
Жуковский, — «Былое» 1908 г. № 7.
Забрамский, Левъ О. 78—87.
Забрамский — «Былое» 1908 г. № 7.
Завадовскій, — тоже.
Завьяловъ, — тоже.
Зайдъ, Б. А. (Ковно). — «Р. М.» 1908 г. № 1.
Зайцевъ, Николай Дмитр. (П. Б.) — «Р. М.» № 3.
Зайцевъ, Викторъ Дмитр. (П. Б.) — «Р. М.» № 3.
Зайцевъ, Влад. — тоже.
Залѣссскій, Румынія «Лет. Лист.» 1894 г. № 12.
Замштейгманъ, Маркусь «Ш. Х. В.» № 9.

(Продолженіе списка слѣдуетъ.)

Сокращенія при указаніяхъ на литературныя источники: «Р. Р.» — Революціонная Россія, «О.» — Обзоръ революціоннаго движенія (книга Шебеко) и т. д.

Мы даемъ голый перечень именъ тѣхъ предателей, провокаторовъ, шпионовъ, дѣятелей охранныхъ отдѣленій и Департамента Полиціи, кто былъ уже опубликованъ. Мы вычеркнули имена лишь тѣхъ изъ нихъ, кто послѣдующей своей жизнью позволилъ намъ болѣе не считать ихъ врагами освободительнаго движенія.

Разумѣется, нашъ списокъ крайне не полонъ. Мы даже не привели всѣхъ фамилій этого рода „дѣятелей“, которые были опубликованы, а мы кромѣ того должны внести имена и тѣхъ, чья преступная роль по тѣмъ или инымъ причинамъ не сдѣлалась въ свое время достояніемъ печати. Мы просимъ дѣлать всякаго рода указанія для пополненія и провѣрки списка, чтобы возможно полнѣе составить подготовляемую нами „Черную книгу русскаго освободительнаго движенія“. гдѣ мы разсчитываемъ дать болѣе или менѣе обстоятельныя біографіи съ приложеніемъ карточекъ, описаніемъ примѣтъ, указаніемъ мѣстъ ихъ настоящаго жительства и т. д.

Съ этого номера „Былого“ мы обращаемся къ своимъ читателямъ съ просьбой помочь намъ детально изучить провокатуру въ Россіи и подѣлиться съ нами всѣми свѣдѣніями по этому вопросу. Необходимо энергично бороться съ этимъ зломъ. Борьба возможна и она, быть можетъ, даже не особенно и трудна. Мы можемъ скоро очистить свои ряды отъ Азэфовъ, но это мы сдѣлаемъ лишь только въ томъ случаѣ, если на эту борьбу мы удѣлимъ много силъ, средствъ, энергіи, — какъ мы это дѣлаемъ въ другихъ областяхъ революціонной дѣятельности.

Особенно, обращаемъ общее вниманіе на изученіе жизни и дѣятельности тѣхъ, кто составляетъ душу всякаго рода предательства, всѣхъ этихъ Рачковскихъ, Герасимовыхъ, Доброскоковъ, Котеновъ, Комиссаровыхъ. Дайте намъ разсказы объ ихъ жизни, ихъ адреса, ихъ карточки. Мы постараемся возможно лучше воспользоваться всѣми этими свѣдѣніями и использовать ихъ и въ русской и въ иностранной печати.

Нечего и говорить, что мы обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на тщательную провѣрку какъ тѣхъ свѣдѣній, которыя еще не были въ печати, такъ и тѣхъ, которыя уже опубликованы. Печатавъ записки Клѣточникова мы уже говорили объ этомъ на страницахъ „Былого“.

Ред.

Отъ редакціи.

Мы просимъ нашихъ читателей продолжать присылать намъ:

1. Матеріалы по исторіи оппозиціонныхъ и революціонныхъ движеній вродѣ тѣхъ, что мы уже помѣстили. За новѣйшее время особенно просимъ прислать матеріалы о процессахъ Никитенко, Лебединцева (Кальвино), Трауберга (Карла), и т. д.

2. Все, что можетъ характеризовать личность и дѣятельность царя, великихъ князей, представителей высшей бюрократіи.

3. Все, что относится къ выясненію дѣятельности непосредственныхъ враговъ освободительнаго движенія (провокаторовъ охранниковъ, ихъ руководителей и т. д.)

— Обращаемся къ читателямъ еще съ одной спеціальной просьбою.

Въ настоящее время наши работы по собиранію и систематизаціи біографическихъ, бібліографическихъ, хронологическихъ и т. п. свѣдѣній по исторіи освободительнаго движенія, о чемъ мы говорили въ 7 № „Былого“ (158 стр.), подвинулись уже довольно далеко, но для окончанія работы необходимо получить недостающія изданія и отвѣты на разосланые листки.

Въ настоящее время особенно нужны газеты 1904—1908 гг. (хотя бы и не полные экземпляры) и отдѣльные сочиненія по новѣйшей исторіи общественнаго развитія русскаго общества.

За всѣми разъясненіями относительно „Былого“ и упоминаемыхъ работъ по исторіи освободительнаго движенія можно обращаться по адресу:

„Le Passe“ 11, rue du Lunain Paris (XIV arr.).

Вл. Бурцевъ.

Съ іюня мы рассчитываемъ ежемѣсячно выпускать „Былое“ по 8—10 листовъ каждый номеръ, цѣна № — 2 фр., съ пересылкой — 2 фр. 50 с. За 7 №№ (до конца 1909 г.) — 14 фр. съ пересылкой.

Вскорѣ редакціей „Былое“ будетъ выпущенъ 1-й выпускъ „Царскаго Листка“ (доклады М. В. Д. Николаю II), — цѣна перваго выпуска — 2 фр.

Содержаніе 7 № журнала „Былое“.

Возстаніе урупскихъ казаковъ. Д. В. Д. — И. П. Каляевъ (изъ воспоминаній). Егора Созокова. — Воспоминанія объ И. П. Каляевѣ. Бориса Савинкова. — Кассационная жалоба И. П. Каляева. — Подполье подъ Херсонское казначейство. Ф. Юрковского. — По поводу воспоминаній Ф. Н. Юрковского. М. Ф. Фроленко. — Изъ воспоминаній Ив. Окунцова. I. Разгромъ Забайкалья генераломъ Ренненкампомъ. П. Читинскія казни. — Къ дѣлу Соф. Мих. Гинсбургъ (изъ «Обзора важнѣйшихъ дознаній» за 1889 г.) — Царскій Листокъ. — Газета Департамента Полиціи: а) аресты членовъ Б. О. П. С. Р. въ 1903 г.; б) покушеніе на Трепова въ 1905 г.; в) крестьянскій союзъ въ 1905 г.; г) политическая и культурная программа земцевъ; д) письмо с.-д. — Изъ воспоминаній М. Еф. Бакал. О черныхъ кабинетахъ въ Россіи. — Въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія. В. Л. Бурцева. — Памяти народовольцевъ (о портретахъ Перовской, Желябова, Кибальчича, Гельманъ, Барянинкова, Колодкѣвича, Суханова и Богдановича). В. Н. Фигнеръ. — Изъ записокъ Клѣтчинкова. — Изъ міра мерзости и запустѣнія: 1. О Станиславѣ Бржозовскомъ. 2. Письмо А. Святопольк-Мирской. — Отъ редакціи журнала «Былое». В. Л. Бурцева.

Въ текстѣ напечатаны fac-similes Царскаго Листка и открытаго листа для полученія писемъ съ почты.

Содержаніе 8 № „Былое“.

Революціонныя силуэты: I. Максимилианъ Швейцеръ. П. Дора Бриллиантъ. В. Савинковъ. — Къ портретамъ Л. И. Зильберберга (Штиггаря) и В. М. Сулятицкаго (Гронскаго). Ред. — Отъ Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли» (прокламація 1881 г.) — Автографъ И. П. Каляева. — Письма Ф. Фрумкиной: I. Открытое письмо въ редакцію «Революціонной Россіи». II. Письмо В. Л. Бурцеву. — Изъ прошлаго партіи социалистовъ-революціонеровъ (изъ «Обзора важнѣйшихъ дознаній» за 1898 годъ и изъ «Царскаго Листка»). — Съѣздъ крестьянъ 18 декабря 1905 г. С. Мазуренко. — СПБ. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ по даннымъ охраннаго отдѣленія. Дмитрій Сверчковъ. — Газета Департамента Полиціи: е) о съѣздѣ с.-д. въ Брюсселѣ; ж) дневники наблюденія; з) аресты въ Екатеринославѣ; и) арестъ С. Слетова; к) объ отношеніи с.-д. къ Госуд. Думѣ; л) о съѣздѣ с.-д. въ Стокгольмѣ. — Сводъ правилъ, выработанныхъ въ развитіе утвержденнаго Господиномъ Министромъ Внутр. Дѣлъ 12-го августа текущаго (1902) года Положенія о Начальникахъ Розыскныхъ Отдѣленій. — Франко-русское шпіонство и франко-русскій союзъ. Л. Б. — Н. Г. Чернышевскій о революціи. М. Антоновъ. — Разсказъ Николая Егорова о кронштадскомъ возстаніи, записанный его товарищемъ. — Памяти Николая Егорова. Н. — Великіе князья на войнѣ (изъ воспоминаній бывшаго военнаго корреспондента): I. Борисъ на Ляоянѣ. II. Кирилъ и Борисъ въ Портъ Артурѣ. Ф. Купчинскій. — «Тоже герои». Генералы Меллеръ-Закомельскій и Ренненкампъ. Ф. Купчинскій. — Изъ воспоминаній М. Е. Бакал. Провокаторы и провокація. — Къ исторіи революціоннаго движенія 1905 года въ Екатеринославской губ. II. — Еще по поводу съѣзда саратовскихъ крестьянъ 18-го декабря 1905 года. С. Мазуренко. — Изъ міра мерзости и запустѣнія. III. Письмо шпіона къ Мезенцову. IV. Письмо Гартинга (Петровскаго) къ провокатору. V. Письмо О. Блица къ русскому священнику въ Парижѣ. — Изъ записокъ Клѣтчинкова. — Письмо въ редакцію. Тамара Рысь. — Отъ редакціи. Вл. Бурцевъ.

Въ 8 № «Былого» помѣщены портреты М. Швейцера, Л. И. Зильберберга, В. М. Сулятицкаго и fac-simile газеты Департамента Полиціи.

**„БЫЛОЕ“ можно приобрести также въ слѣдующихъ
книжныхъ магазинахъ:**

Paris.	Librairie de « L'Humanité », 44, rue du Croissant.	
—	Librairie Schultz, 3, Place de la Sorbonne.	
—	Brockhaus, 47, rue Bonaparte.	
—	Boveveau Chevillet, 29, Rue de la Banque.	
—	H. Gateau, Rue Castiglioni, 8	
—	Le Sondier, 474—476, Boulevard S-t Germain	
London.	Russian Free Press Fund, 18, Augustus Road Brackenbury Rd Sheperds Bush.	
Berlin	Liliental, 101, Friedrichstr.	
Karlsbad.	Starksche Buchhandlung.	
Krakowie.	Ksiegarnia G. Gebethnera i Sp.	
Genève.	Librairie Georg et C ^e .	
Vevay, Montrenx, Territet.	} Schhesinger.	
Zurich.		Buchhandlung. A. Seidel, Sonnenquai.
Berne.		Buchhandlung. A. Francke, Bahnhofplatz.
New-York.	M. N. Maisel, 194, East Broadway.	
—	Редакция газеты «Русский Голосъ» 56-3 Avenue	
Genova.	Libreria Moderna di Giovanni Ricci, Galleria Mazzini.	
Napoli.	Libreria Antonio Vallardi, Via Roma 37-38.	
Nice.	O. B. Rosanoff, 3, rue Longchamps.	
—	Kleidmann, 7, rue Cotta.	

Адресъ редакціи журнала „Былое“:

V. Bourtzoff, 11, rue du Lunain (XIVe arr.), Paris.

Для личныхъ объясненій редакция открыта ежедневно (кроме праздниковъ) отъ 2-хъ до 4-хъ.

Дѣловыя письма, во избѣжаніе недоразумѣній, просить посылать *заказными*. — За письма посылаемые во Францію не заказными, редакция *не отвѣчаетъ*. По желанію корреспондентовъ имѣ для переписки могутъ быть высланы конспиративные адреса.

На письмахъ, не предназначенныхъ лично редактору, просить дѣлать надпись: Въ контору журнала „Былое“.

1—6 №№ заграничнаго „Былого“ въ продажѣ не имѣются.

Цѣна 7, 8 и 9-10 №№ „Былого“ — 3 фр.; съ пересылкой и доставкой въ Россію — 2 рубля.

Prix : 3 francs.

LE PASSÉ

Byloe

БЫЛОЕ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

Юль-Августъ

№ 11-12

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

1909

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
1. В. В. Лебединцевъ. М. Семенова	3
2. Амурская колесная дорога. Андрей	18
3. Отъ Исполнительнаго Комитета (прокламація партіи „Народной Боли“ о казни Стрѣльникова въ 1882 г.)	27
4. Дѣло Гапова. П. Рутенбергъ	29
I. Гапопъ (январь—ноябрь 1905 г.)	
II. Отчеты П. Рутенберга	
III. Отчеты П. Рутенберга	
IV. Отчеты П. Рутенберга	
V. Отчеты П. Рутенберга	
VI. Отчеты П. Рутенберга	
VII. Отчеты П. Рутенберга	
VIII. Отчеты П. Рутенберга	
IX. Отчеты П. Рутенберга	
X. Отчеты П. Рутенберга	
XI. Отчеты П. Рутенберга	
XII. Отчеты П. Рутенберга	
XIII. Отчеты П. Рутенберга	
XIV. Отчеты П. Рутенберга	
XV. Отчеты П. Рутенберга	
XVI. Отчеты П. Рутенберга	
XVII. Отчеты П. Рутенберга	
XVIII. Отчеты П. Рутенберга	
XIX. Отчеты П. Рутенберга	
XX. Отчеты П. Рутенберга	
XXI. Отчеты П. Рутенберга	
XXII. Отчеты П. Рутенберга	
XXIII. Отчеты П. Рутенберга	
XXIV. Отчеты П. Рутенберга	
XXV. Отчеты П. Рутенберга	
XXVI. Отчеты П. Рутенберга	
XXVII. Отчеты П. Рутенберга	
XXVIII. Отчеты П. Рутенберга	
XXIX. Отчеты П. Рутенберга	
XXX. Отчеты П. Рутенберга	
5. Последнія минуты Гапона (<i>Воспоминанія очевидца</i>)	116
6. Попытка возстанія въ Севастополѣ въ ночь съ 14 на 15 сентября 1907 г. Максимовъ	123
7. Доносы царю о русской эмиграціи	138
8. Изъ воспоминаній М. Е. Бакаля: Еще о провокаціи и провокаторахъ	162
9. Къ дѣлу З. Коноплянниковой	168
10. Историческая записка о ходѣ тайнаго печатанія въ Россіи (1861-1881 гг.). (Изъ секретныхъ документовъ департ. полиціи.) Сообщилъ Ивановъ	173
11. Земля и Воля! (фотогравюрное воспроизведеніе прокламаціи 14 марта 1881 г.)	180
12. По поводу статьи С. Р. „Мои отношенія къ Азефу“. Письма въ редакцію „Былого“: I) И. Ритина; Михаилъ Ивановичъ; Л. А-ва; П-скій; II) Ст. Нечетный	181
13. Шифръ департамента полиціи	189
14. Шпіоны, предатели, провокаторы (<i>продолженіе</i>)	190
15. Къ портретамъ	192

100

З. Копляничкова.

В. В. Лебединцевъ (Кальвин).

Сергій Барановъ.

LE PASSÉ

ВЫХОД

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

Іюль-Августъ

№ 11-12

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
11, RUE DU LUNAIN, 11

—
1909

В. В. Лебединцевъ.

О Всеволодѣ Владиміровичѣ Лебединцевѣ я слышала еще за долго до его пріѣзда въ Парижъ въ 1908 г., какъ о чело-вѣкѣ высоко-образованномъ, талантливомъ и съ глубокой революціонной натурой.

Однажды, утромъ, къ намъ явился изящный молодой чело-вѣкъ и спросилъ товарища Н. Его манера держаться и гово-рить, его чистый французскій діалектъ, на которомъ онъ ко мнѣ обратился, вселилъ во мнѣ увѣренность, что онъ не рус-скій, а иностранецъ. Эта увѣренность не поколебалась у меня даже тогда, когда онъ заговорилъ по-русски: зная много язы-ковъ и живя долгое время за границей, онъ говорилъ на род-номъ языкѣ съ нѣкоторымъ иностраннымъ акцентомъ.

Какъ только онъ переступилъ порогъ, мы съ нимъ говорили, какъ старые друзья, которые только вчера разстались.

Онъ былъ выше средняго роста, и на видъ ему можно было дать лѣтъ 29, хотя ему было всего 26 лѣтъ. Его красивое, интеллигентное лицо неволью приковывало къ себѣ вниманіе; въ его большихъ сѣро-синихъ глазахъ отражался цѣлый міръ. Во всемъ лицѣ его было что-то наивно-дѣтское, но подъ этой наивностью скрывалась большая духовная сила и билось вели-кое сердце. Впослѣдствіи, когда я съ нимъ ближе познако-милась, я убѣдилась, что это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ высоконравственныхъ людей, одно присутствіе которыхъ какъ бы возвышаетъ окружающихъ. Онъ такъ хорошо зналъ психо-логию людей, ихъ достоинства и недостатки, что умѣлъ подхо-дить къ каждому и какъ бы отдавать ему часть своего я.

Парижъ онъ зналъ хорошо. Ему хотѣлось поселиться на Монмартрѣ — ближе къ народу и подальше отъ „буржуинности“, — употребляю то слово, которымъ онъ характеризовалъ все ли-цемерное, неискреннее, пошлое. Денегъ у него было очень мало и изъ пяти франковъ, которые онъ получалъ въ день за свою литературную работу, нужно было еще откладывать на отъѣздъ въ Россію, — это была главная цѣль его пребыванія въ Парижѣ. Черезъ нѣкоторое время ему пришлось разстаться съ любимой комнатой, за которую онъ платилъ 20 франковъ въ мѣсяцъ и съ „комфортомъ“ вообще. Онъ рѣшилъ, что ѣда и все осталь-ное — это „излишняя роскошь“ и сталъ „нагонять“ экономию.

Онъ былъ очень непритязателенъ — до своего прѣзда въ Парижъ онъ долгое время жилъ въ Римѣ въ одномъ бѣдномъ итальянскомъ семействѣ, гдѣ онъ голодалъ вмѣстѣ со всѣми и гдѣ только „по вечерамъ ѣли бобы и селедку“. Къ этому семейству онъ сохранилъ самыя нѣжныя чувства и ему было видѣть, съ какой любовью онъ выбиралъ иллюстрированныя открытки, чтобы послать каждому члену семейства въ отдельности по одному экземпляру, чтобы хоть этимъ путемъ доставить имъ нѣкоторое удовольствіе.

Итакъ, онъ рѣшилъ продолжать „римскую“ жизнь въ Парижѣ, т. е. голодать, — онъ сталъ даже самъ, по возможности, стирать свое бѣлье, чтобы какъ можно скорѣе имѣть возможность ѣхать въ Россію, куда онъ стремился всей душой. Вообще къ такой жизни ему было не привыкать стать. Еще во времена своего студенчества, когда въ его жизни произошелъ переломъ, и онъ начиналъ отдаваться революціонному дѣлу, которое впоследствии захватило его всего, онъ жилъ на скудные средства, которыя вырабатывалъ уроками, не считая себя въ правѣ брать средства на жизнь у своихъ родныхъ, такъ какъ онъ жилъ не такъ, какъ имъ это было желательно, а, главное, ему хотѣлось жить такъ, какъ живетъ большинство русскаго народа.

Своимъ чердачнымъ помѣщеніемъ онъ былъ доволенъ, но, вслѣдствіе недоѣданія и недостатка воздуха въ его комнатѣ, у него иногда болѣла голова. Когда его упрекали, что онъ себя изануряетъ, онъ отрицалъ это и считалъ для себя образъ своей жизни вполне нормальнымъ. Жизнью впроголодь не тяготился и иногда говорилъ: „зато никакой буржуй не можетъ испытывать такого наслажденія отъ ѣды, какъ я“.

Въ его комнатѣ, гдѣ потолокъ можно было достать рукой, царили образцовый порядокъ и чистота. Стѣны были украшены любимыми имъ гравюрами, и все вообще въ этой комнатѣ свидѣтельствовало о чувствѣ изящества у хозяина. Его имущество состояло изъ небольшой котомки и маленькаго сакъ-вояжа, друга его скитаній и путешествій, которымъ онъ очень дорожилъ, говоря, что этотъ сакъ-вояжъ онъ отдастъ кому-нибудь изъ товарищей, когда онъ пойдетъ „въ какое-нибудь дѣло“; онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ сакъ-вояжъ попалъ въ руки жандармамъ. Единственный костюмъ, который былъ на немъ, онъ часто самъ чинилъ. Онъ умѣлъ утюжить, какъ настоящій портной, и всегда разглаживалъ свой костюмъ передъ тѣмъ, какъ идти къ какому-нибудь „буржую“ по дѣлу. Эти знанія ему пригодились впоследствии, когда онъ жилъ въ Петербургѣ и вращался въ „обществѣ“, гдѣ нужно было одѣваться прилично, а въ деньгахъ была большая нужда.

Въ Парижѣ онъ жилъ уединенно и съ русскими видался только по дѣлу. Чтобы собрать матеріалъ для своей литературной работы, ему пришлось побывать у нѣкоторыхъ францу-

зовъ, на которыхъ, кстати сказать, онъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Въ особенности одинъ интеллигентный и очень идейный человекъ былъ такъ очарованъ имъ, что обѣщалъ ему свое содѣйствіе и для другихъ дѣлъ, если ему понадобится, что онъ впоследствии и исполнилъ.

Въ это же время онъ велъ дѣятельную переписку съ своими друзьями въ Италіи, гдѣ онъ завоевалъ себѣ столько симпатій и любви, и гдѣ послѣ его смерти онъ послужилъ сюжетомъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній, а газеты были переполнены разказами и воспоминаніями о немъ.

По своимъ взглядамъ и по своей натурѣ В. К. былъ интернаціоналистъ. Онъ зналъ много иностранныхъ языковъ и быстро ассимилировался въ чужой странѣ, проникался ея интересами, и нигдѣ не чувствовалъ себя оторваннымъ. Въ этомъ отношеніи и по той страстности, съ которой онъ отдавался каждому дѣлу, онъ напоминалъ Бакунина. Послѣ Россіи В. В. больше другихъ странъ зналъ Италію, гдѣ онъ сблизился со многими социалистами и анархистами. Онъ въ Италіи нерѣдко выступалъ на народныхъ митингахъ и пользовался большою популярностью среди рабочихъ. О нѣкоторыхъ своихъ итальянскихъ друзьяхъ—социалистахъ, онъ, независимо отъ ихъ направленія, отзывался съ большими симпатіями, но вообще западно-европейскихъ социалистовъ социаль-демократическаго направленія В. В. революціонерами не признавалъ. Также онъ смотрѣлъ и на нашихъ русскихъ социальдемократовъ, среди которыхъ у него были и друзья. Къ ихъ теоріямъ онъ относился крайне отрицательно и говорилъ, что „ужъ слишкомъ все у нихъ просто; я ихъ не люблю за ихъ увѣренность, что они уже нашли истину“. Революціонной дѣятельностью онъ считалъ главнымъ образомъ боевое дѣло. Онъ признавалъ, что не всякій способенъ на этого рода борьбу. Себя онъ считалъ подходящимъ для такого рода дѣятельности. „Я долго думалъ“, сказалъ онъ разъ, „надъ этимъ вопросомъ и пришелъ къ заключенію, что въ моемъ характерѣ есть тѣ черты, которыя нужны террористу: это самообладаніе и хладнокровіе“. И дѣйствительно, этими качествами характера онъ выдѣлялся среди всѣхъ своихъ товарищей.

Онъ въ совершенствѣ владѣлъ итальянскимъ языкомъ. Когда послѣ его осужденія, чтобы спасти его въ качествѣ итальянскаго подданнаго, итальянское посольство въ Петербургѣ послало къ нему въ Петропавловскую крѣпость своего секретаря, чтобы получить отъ него простое подтвержденіе своего итальянскаго подданства, достаточное для избавленія его отъ смертной казни, итальянскій дипломатъ былъ пораженъ не только его хладнокровіемъ передъ грозящею смертью, но и его чисто римскою фразою на признаніе: „grazie e tante belle cose“

— которая потомъ произвела сенсацію въ Италиі. Зная au fond итальянскій языкъ, В. В. усвоилъ и испанскій въ самое короткое время, когда онъ былъ командированъ въ 1905 году въ Испанію для наблюденія солнечнаго затмѣнія. Здѣсь, на общѣ, данномъ въ честь русскихъ астрономовъ испанцами, В. В. отвѣтилъ на привѣтствіе уже по испански.

В. В. былъ человекъ широкой инициативы, безпрестанно искавшій новаго дѣла и новой жизни. Когда онъ предпринималъ какое-нибудь дѣло, онъ горѣлъ желаніемъ какъ можно быстрѣе привести его въ исполненіе. Онъ обдумывалъ каждый свой шагъ, въ особенности если это касалось „дѣла“ — того идейнаго дѣла, для котораго онъ пожертвовалъ всѣмъ, что было ему дорого, и отдалъ самую жизнь.

Аристократъ по происхожденію, единственный сынъ въ семьѣ, Лебединцевъ получилъ блестящее образованіе. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, зналъ хорошо музыку и глубоко любилъ и понималъ искусство. Онъ учился въ одесской гимназіи. До четырнадцати-лѣтняго возраста онъ ничѣмъ не выдвигался среди товарищей. Но онъ обладалъ пытливымъ умомъ и еще съ дѣтскаго возраста пристрастился къ астрономіи. О ней еще въ дѣтствѣ онъ слышалъ отъ своей гувернантки, съ которой онъ разъ даже, крадучись отъ родителей, долженъ былъ отправиться на зарѣ наблюдать какое-то небесное явленіе. „Астрономія была моя первая любовь“, говорилъ онъ. Отецъ въ этихъ занятіяхъ его поощрялъ.

Съ четырнадцати лѣтъ В. В. начинаетъ серьезно заниматься. Будучи въ старшихъ классахъ, онъ ищетъ дѣла, которое захватило-бы его. Одно время онъ увлекается музыкой. По окончаніи гимназіи, онъ поступилъ въ Одесскій университетъ, гдѣ впервые сталъ интересоваться политикой и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, — такъ онъ, въ качествѣ старосты своего факультета, участвовалъ во всѣхъ происходившихъ тогда студенческихъ волненіяхъ, протестахъ, забастовкахъ.

Еще будучи студентомъ, онъ своими астрономическими работами, за которыя онъ получилъ золотую медаль, обратилъ на себя вниманіе, а послѣ былъ командированъ къ Пулковской обсерваторіи въ качествѣ штатнаго астронома. Назначеніе его пришло какъ разъ въ то время, когда онъ сидѣлъ въ одесской тюрьмѣ по обвиненію въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ.

До своего студенчества онъ не тяготился жизнью у своихъ родителей, но какъ только его чуткая и правдивая натура почувствовала пустоту и фальшь свѣтской жизни, онъ бѣжалъ изъ этого общества и отъ дорогихъ ему людей, чтобы туда болѣе не вернуться... „Эта же обстановка, эти свѣтскія требо-

ванія толкнули меня на путь революціи“, говорилъ онъ. Впослѣдствіи, когда онъ уже былъ совершенно оторванъ отъ своихъ родныхъ другою жизнью и другими интересами, онъ никогда не забывалъ посылать поздравленіе къ чѣмъ-нибудь именинамъ въ свою семью, зная, какъ это будетъ радовать его „стариковъ“.

Родителей своихъ онъ очень любилъ, и, чѣмъ глубже у него было это чувство, тѣмъ менѣе оно выливалось наружу, въ особенности въ послѣднее время. Онъ зналъ, что родные его обожаютъ, и что онъ причиняетъ имъ много страданій своею жизнью. Это была драма, которая причиняла ему много горя. Онъ придумывалъ разные способы ихъ успокаивать. Такъ, онъ писалъ имъ иногда холодныя письма, думая этимъ путемъ искоренить въ нихъ то глубокое чувство, которое они къ нему питали, но пройдетъ немного времени, и онъ пишетъ другое письмо, болѣе нѣжное, жалѣя о прежнемъ. Въ этихъ письмахъ, которыя, по условіямъ конспираціи, были довольно рѣдки, В. В. говорилъ, что онъ счастливъ и давалъ имъ надежды на скорое свиданіе за границей, куда его родные часто наѣзжали. Иногда, когда „дѣла“ шли плохо, и онъ испытывалъ нравственныя страданія, ему тяжело было увѣрять родныхъ въ своемъ счастіи и внушать надежду на близкое свиданіе, въ которое онъ самъ не вѣрилъ, но онъ все же признавалъ себя обязаннымъ это дѣлать.

Передъ смертію онъ не имѣлъ даже того удовлетворенія, чтобы сказать своимъ роднымъ свое послѣднее прости. Онъ хотѣлъ, чтобы его родные возможно позднѣе узнали, что Кальвино — это ихъ нѣжно-любимый сынъ.

* * *

Принявъ рѣшеніе отдаться террористической борьбѣ, онъ рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ порвать всѣ связи съ прошлой личной жизнью, чтобы всецѣло посвятить себя своей новой единственной задачѣ жизни. Къ этому моменту относится разрывъ его съ любимой женщиной, о которой онъ отзывался, какъ о самомъ дорогомъ ему существѣ. Уѣзжая въ Россію, онъ уничтожилъ всю переписку съ нею, которую онъ до того хранилъ. В. В. рѣшилъ, что не долженъ ни любить, ни думать о любви, которая могла быть помѣхой въ его дальнѣйшей террористической дѣятельности. Вернуться въ Россію подъ своимъ именемъ В. В. не могъ: во первыхъ, онъ сталъ извѣстенъ полиціи по своей агитаціи въ Италіи противъ пріѣзда туда Николая II, а во вторыхъ, — и это самое главное — свой заграничный паспортъ онъ передалъ еще въ Россіи для проживанія нелегальному революціонеру (Штифтарю), у котораго этотъ паспортъ былъ взятъ полиціею. Въ Петербургъ В. В. почти съ самага начала поселился подъ ви-

домъ корреспондента итальянскихъ газетъ, доктора агрономіи Марио Кальвино. Онъ быстро вошелъ въ роль иностранца и эту роль онъ выполнялъ мастерски. Такъ, одинъ разъ, когда В. В. былъ у одного товарища и туда явился незнакомый ему революціонеръ, онъ сталъ разыгрывать свою роль иностранца. Послѣ ухода В. В., вновь пришедшій, заинтересовавшись, спросилъ, кто онъ такой. И узнавъ, что это итальянскій корреспондентъ, онъ воскликнулъ: „вотъ ужъ эти итальянцы, гдѣ только они не шляютъ!“ Еще въ вагонѣ, по дорогѣ въ Петербургъ, онъ познакомился съ одной барышней и сталъ практиковаться въ русскомъ языкѣ. Успѣхъ былъ поразительный. Его сосѣдка ни на минуту не усумнилась въ томъ, что онъ не итальянецъ. Вплослѣдствіи въ Петербургѣ онъ неоднократно удостоивался комплиментовъ насчетъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ, на которомъ онъ говорилъ съ классическимъ акцентомъ иностранца южанина. Разъ какъ-то, когда я была у него во время его второго пріѣзда въ Парижъ, В. В. вдругъ отвернулся, ловко закрутилъ чѣмъ-то свои усы „à la чортъ возьми“, какъ онъ говорилъ, и я увидѣла передъ собой настоящаго хлыща, съ улыбающеюся фізіономією, совершенно не свойственной задумчивому и прекрасному лицу В. В. „Таковъ я въ Петербургѣ!“ сказалъ онъ. „Но какъ я радъ сбросить эту маску и эти хомуты (высокіе воротники), которые меня такъ стѣсняютъ!“

Въ Россію онъ ѣхалъ спокойный и увѣренный въ успѣхъ дѣла, которому онъ себя посвятилъ. Вотъ что онъ между прочимъ писалъ съ дороги, наканунѣ переѣзда границы: „Кончилъ дѣла свои — сегодня въ путь, завтра буду тамъ. Чувствую себя отлично, можетъ быть, какъ никогда — равновѣсіе въ душѣ полное.“

Послѣ его отъѣзда въ нашей съ нимъ перепискѣ произошелъ нѣкоторый перерывъ влѣдствіе произошедшаго недоразумѣнія въ шифрѣ. Этимъ онъ былъ очень встревоженъ, тѣмъ болѣе, что отъ меня только онъ и могъ имѣть свѣдѣнія о дорогихъ ему людяхъ. Не получая долго никакихъ писемъ, онъ въ началѣ сентября пишетъ мнѣ по-французски слѣдующее: „До сихъ поръ ни одного письма отъ Васъ! Это меня очень беспокоитъ, такъ какъ я не знаю, что я долженъ думать. Я окончательно устроился въ Петербургѣ, и я вполне доволенъ своей работой. Теперь я хорошо вижу, что на избранномъ мною пути я найду то, чего я искалъ всю свою жизнь. Только Ваше молчаніе нарушаетъ мое спокойствіе, котораго я такъ жадно домогался. Прекратите же Ваше молчаніе какъ можно скорѣе!“ И далѣе: „Передайте привѣтъ N. и скажите ему, что я дѣлаю все возможное для защиты принциповъ, которые насъ объединяютъ. Мнѣ кое-что удалось... Но немного“.

Еще до этого письма онъ и его товарищи предлагали N. написать рядъ статей о террорѣ, обѣщая приложить всѣ уси-

лія къ тому, чтобы онѣ появились въ официальномъ органѣ П. С.-Р. Самъ онѣ въ это же время написалъ статью по этому вопросу, но она не была помѣщена въ партійномъ органѣ, — такъ какъ въ ней было найдено „много ереси“. Къ слѣдующемъ своемъ письмѣ, еще въ сентябрѣ 1907 г., онѣ жалуется, что мои письма такъ до него и не дошли, и между прочимъ говоритъ: „О дѣлахъ веселаго ничего сказать не могу — дѣлаемъ все, что можно, а если немного выходитъ, — вина не наша“. И далѣе: „На дняхъ прочелъ послѣднюю брошюру К-ва. Много правды въ ней. Еслибы только пожелали наши эсдекствующие хоть немножко принять ее къ свѣдѣнію. Не расписываюсь потому, что не настроенъ совсѣмъ — только пользуюсь минуткой свободной въ Финляндіи, чтобы писать“.

* * *

Здѣсь я должна сказать, что В. В. ѣхалъ въ Россію съ готовымъ планомъ дѣйствій. Эта идея у него созрѣла еще во время пребыванія его въ Италіи, и онѣ былъ убѣжденъ въ выполнимости и успѣхѣхъ задуманнаго имъ плана. Но „скромность моя“, говорилъ онѣ впоследствии, „помѣшала мнѣ предложить мой проектъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Россію“. Чтобы привести въ исполненіе этотъ проектъ, необходимо было согласіе Центрального Комитета, которое было дано не сразу. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, часть проекта была отвергнута, а другая часть получила утвержденіе. Тутъ то, очевидно, судьба Сѣвернаго Боеваго Отряда Азефомъ и была рѣшена.

В. В. былъ тогда командированъ за границу для подготовки этого дѣла. Въ серединѣ октября н. ст. мы получили письмо изъ Цюриха, въ которомъ онѣ извѣщалъ, что будетъ въ Парижѣ черезъ пару дней, и просилъ никуда не уѣзжать. Въ Цюрихѣ, какъ потомъ оказалось изъ его словъ, онѣ долженъ былъ съ кѣмъ-то видѣться, но съ кѣмъ, и видѣлся ли онѣ вообще, онѣ намъ не говорилъ. Быть можетъ, это былъ Азефъ, противъ котораго мы его такъ предупреждали передъ его отъѣдомъ въ Россію, какъ противъ человѣка грубаго, жестокаго и антиморальнаго. О провокаторской дѣятельности Азефа тогда еще не догадывались, но глубокая антипатія имѣлась къ нему всегда. Впоследствии, одинъ революціонеръ, итальянецъ, который отчасти былъ посвященъ въ замысль Лебединцева, такъ какъ первоначально предполагалось, что онѣ приметъ въ немъ нѣкоторое участіе, рассказывалъ, что онѣ, Лебединцевъ, (кажется, за границей) сообщилъ свой планъ одному видному дѣятелю партіи с.-р., которымъ этотъ планъ былъ одобренъ. Не былъ-ли это Азефъ? И не объясняется ли умалчиваніе имени Азефа передъ нами со стороны Лебединцева не только конспиративными соображеніями, но и тѣмъ, что онѣ зналъ наше рѣзко-отрицательное отношеніе къ личности Азефа? Во

всякомъ случаѣ, какъ въ послѣдствіи выяснилось, Азефъ узналъ о предполагавшемся предпріятіи Лебединцева еще въ Италіи отъ одного революціонера, друга Лебединцева, еще до отъѣзда В. В. въ Россію.

Мы были страшно рады его видѣть. Былъ радъ и онъ. Пріѣхаль онъ истощенный и измученный физически и нравственно, хотя веселый и бодрый, увлеченный предпріятіемъ, на которое возлагалъ большія надежды. Онъ горячо принялся за дѣло, такъ какъ надо было торопиться. *Онъ никогда не говорилъ конкретно о своемъ проектѣ*, но какъ-то въ разговорѣ высказалъ сожалѣніе, что объ этомъ знаетъ Ц. К., точно инстинктивно чувствуя, что здѣсь кроется гибель. Я очень удивилась этому замѣчанію и спросила, почему онъ объ этомъ жалѣеть? Онъ отвѣтилъ, что не расположенъ сейчасъ подробно объ этомъ говорить, но что „тамъ болтаютъ“. Я не стала больше настаивать, такъ какъ онъ былъ въ плохомъ настроеніи: въ этотъ день случилось извѣстіе, что въ Петербургѣ повѣсили Рагозинникову, которая принадлежала къ тому же Сѣверному Боевому Отряду, какъ и В. В.

В. В. отзывался о ней съ большимъ чувствомъ. Когда онъ прочелъ въ газетахъ подробности объ убійствѣ Максимовскаго, онъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: „бѣдная, бѣдная, какъ долго ей пришлось ждать!“ Онъ рассказывалъ, какъ Рагозинникова пришла въ первый разъ на квартиру въ Финляндіи, гдѣ обыкновенно собирались боевики и гдѣ обыкновенно „царило мрачное настроеніе“. Она влетѣла, какъ бомба, радостная, веселая; прыгала, скакала, какъ ребенокъ, и старалась развеселить товарищей. Она говорила, что берется исполнить какое угодно террористическое дѣло, которое ей будетъ поручено. В. В. вспоминалъ о томъ, какъ Рагозинникова разъ внезапно, въ то время, какъ онъ сидѣлъ на низенькой скамейкѣ, погруженный въ свою мрачную думу, она, вбѣжавши въ комнату, перепрыгнула черезъ его голову.

Послѣ своего отъѣзда изъ Парижа онъ въ своемъ письмѣ отъ 30 октября ст. ст. вспоминаетъ о Рагозинниковой въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Вчера утромъ прибылъ на мѣсто, а вечеромъ былъ уже со своими. Все полно памятью объ ушедшей недавно, — глубоко это чувствуется, хотя разговоръ и нѣтъ. Реальный результатъ одинъ: еще глубже, кровнѣе стала спаянность“.

О своихъ товарищахъ по работѣ онъ намъ мало говоритъ, но объ одномъ, о Карлѣ, онъ отзывался, какъ о выдающемся организаторѣ и человѣкѣ. Онъ его очень цѣнилъ и мечталъ, послѣ окончанія своего дѣла, предпринять вмѣстѣ съ Карломъ одно очень грандіозное дѣло.

Мы очень часто говорили объ организаціи спасанія товарищей въ боевыхъ дѣлахъ; на все это онъ отвѣчалъ: „дене.ъ нѣтъ!“ Иногда, впрочемъ, онъ высказывалъ соображеніе, что организація

спасанія можетъ оказаться помѣхой къ успѣшному выполненію акта, отвлекая до нѣкоторой степени мысль отъ самаго акта въ сторону того, что должно быть сдѣлано послѣ его выполненія. Себя лично онъ считалъ обреченнымъ на смерть въ связи съ дѣломъ, которое онъ предпринималъ; развѣ будетъ только какая-нибудь счастливая случайность, и ему удастся спастись для того, чтобы предпринять новое дѣло. Объ этомъ онъ говорилъ совершенно спокойно, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, и часто потомъ возвращался къ этому въ своихъ письмахъ, дѣлая распоряженія на случай, когда его ужъ не будетъ. Вообще, всѣ его письма, послѣ вторичнаго его отъѣзда изъ Парижа, носили характеръ завѣщанія. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ писемъ: „Еще маленькая просьба. Вы получите одинъ адресъ для меня (по почтѣ) — очень нужный. Сохраните его и, если намъ придется еще встрѣтиться, передадите его мнѣ.“ „Если мѣсяцевъ черезъ шесть (такъ въ маѣ приблизительно) я совсѣмъ уйду изъ дѣла, къ Вамъ явится человекъ, приславшій адресъ (о которомъ сказалъ выше), это очень симпатичный и искренній юноша, прошедшій немного нашу школу и значительно болѣе серьезный, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Помогите ему быть полезнымъ.“

Когда иногда я ставила ему на видъ, что онъ, съ его способностями, талантами и инициативой могъ-бы быть хорошимъ организаторомъ, то онъ мнѣ отвѣчалъ, что лучше „самоу умереть, чѣмъ другихъ посылать на смерть“. „Вообще“, говорилъ онъ, „въ этой жизни долго оставаться нельзя, и если мнѣ удастся уйти живымъ изъ дѣла, то я на время вовсе отстранюсь“.

Больше всего пугала его мысль погибнуть „при дѣлѣ неудачномъ“. Но онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхъ своего предпріятія! И быть можетъ, еслибы не Азефъ, В. В. погибъ бы, но вмѣстѣ съ нимъ погибли бы многіе изъ тѣхъ, которые губять Россію...

Планъ его предпріятія былъ строго обдуманъ, детально разработанъ. Были приняты въ соображеніе всевозможныя случайности. Такъ напримѣръ, насколько мнѣ извѣстно со словъ В. В., это предпріятіе организовывалось нѣсколькими товарищами совершенно самостоятельно. На случай, если одного арестуютъ, то другой продолжаетъ ту же работу. Но одного не предвидѣли — Азефа.

* * *

Съ большимъ трудомъ и усиліями удалось ему организовать то дѣло, ради котораго онъ пріѣхалъ. Голова у него шла кругомъ. Тутъ еще нужно было обманывать бдительность его петербургской хозяйки, которой было извѣстно, что онъ уѣхалъ къ себѣ на родину, т. е. въ Италію; — чтобы она не беспокои-

лась его долгимъ отсутствіемъ, В. В. приходилось посылать ей письма черезъ Италію. Нужно было повидаться съ товарищемъ, содѣйствіе котораго было необходимо для дѣла, но живущимъ не во Франціи; приходилось писать въ Россію шифрованные письма о ходѣ дѣла, а это отнимало много времени. Пришлось ему заниматься разными мелочами, имѣвшими отношеніе къ дѣлу, а главное нужно было *страшно торопиться*, чтобы не упустить момента. Наконецъ, всѣ дѣла были устроены, послѣднія покупки, необходимыя для „дѣла“, были сдѣланы, но купить себѣ теплое пальто В. В. на-отрѣзъ отказался, говоря, что „зимою мнѣ никакое пальто, быть можетъ, ужъ не понадобится“... Насталъ моментъ прощанія... Онъ съ насъ взялъ обѣщаніе скрывать отъ его родныхъ, если бы съ нимъ что-нибудь случилось. Онъ спускался медленно по лѣстницѣ — точно желая еще что-то сказать, а намъ хотѣлось ему крикнуть, чтобы онъ вернулся, какъ-нибудь отсрочить его отъѣздъ, такъ-какъ мы инстинктивно чувствовали, что въ этотъ моментъ мы теряемъ близкаго друга и страшно дорогого намъ человѣка.

* * *

Съ этихъ поръ для В. В. начинается рядъ мытарствъ и нравственныхъ страданій, которыя преслѣдуютъ его до эшафота. Изъ его писемъ начинается выясняться, что встрѣчаются какія-то препятствія, повидимому, со стороны Ц. К., къ исполненію задуманнаго имъ дѣла. Такъ, 30 октября 1907 г. (ст. с.) онъ пишетъ: „Съ моимъ дѣломъ пока все идетъ хорошо. Оно немного затянется, на недѣлю, дней на десять“. 4-го ноября онъ пишетъ, однако, уже совершенно другое: „Встрѣтились менѣе всего ожидающія тренія со стороны „теоретической“. Глупо и бессмысленно это. Но въ концѣ концовъ, если тренія эти окажутся непреодолимыми... мы просто на нихъ махнемъ рукой. (въ текстѣ письма стоитъ болѣе рѣзкое выраженіе). Выходъ простой, логическій и по существу для меня съ товарищами весьма симпатичный“.

Все это его огорчаетъ и мучаетъ. Вскорѣ послѣ этого послѣдовала арестъ Карла, и В. В. фактически становится во главѣ Сѣвернаго Боеваго Огряда, какъ это видно изъ одного письма В. В. (отъ 27-го декабря 1907 г.) къ своему другу-итальянцу, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Все остается по прежнему, только положеніе стало болѣе отвѣтственнымъ“. Въ письмѣ отъ 3-го декабря В. В. пишетъ тому-же другу: „мои проекты осложняются. Дѣло откладывается, но это никоимъ образомъ не можетъ повліять на результатъ его“. И далѣе: „Есть въ этомъ одно зло, которое касается лично меня: *я не могу въ немъ принимать участія*, это окончательно рѣшено“. „Я занимаюсь только моимъ ремесломъ корреспондента“... „Я хорошо понимаю, что очень скоро пойдетъ такъ, какъ я этого хочу. Черезъ

2—3 мѣсяца я снова поѣду за границу, чтобы осуществить мои новые проекты“.

Къ этому времени, очевидно, относится возникновеніе плана покушенія на Щегловитова и Вел. кн. Ник. Ник., — планъ, которому В. В., повидному, не сочувствовалъ, какъ это будетъ видно изъ его послѣдующихъ писемъ, но отъ котораго предотвратитъ въ данный моментъ товарищей ему, къ несчастью, не удалось... Во всякомъ случаѣ В. В. *не долженъ* былъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ. Вотъ что онъ пишетъ своему другу по этому поводу: „Все идетъ хорошо для другого дѣла, но хуже для меня. На будущей недѣлѣ это будетъ сдѣлано, но я не смогу принимать въ немъ участія; я буду продолжать мою жизнь корреспондента“.

Да, Всеволодъ Лебединцевъ не могъ принимать участія въ дѣлѣ, въ успѣхѣ котораго онъ, очевидно, сомнѣвался, которое онъ, быть можетъ, считалъ мелочнымъ и относительно котораго у него не было этой вѣры, одушевлявшей „молодыхъ людей“, которыхъ онъ такъ любилъ и гибель которыхъ онъ тщетно старался предотвратить всѣми средствами. Кто знаетъ, не чувствовалъ ли также онъ *въ этомъ дѣлѣ* близкое дыханіе провокаціи?

Время отъ времени мы получали вѣсточку, что В. В. живъ и здоровъ, но это насъ мало успокаивало. Намъ казалось, что долго ему жить подъ его итальянскимъ паспортомъ крайне опасно, что, впрочемъ, и В. В. самъ признавалъ передъ отъѣздомъ, но при этомъ онъ насъ и себя успокаивалъ тѣмъ, что дѣло его осуществится очень скоро, быть можетъ, черезъ 10—20 дней, а потомъ этотъ паспортъ, конечно, болѣе не понадобится.

Но вотъ неожиданно для всѣхъ въ Финляндіи арестуютъ Карла и другихъ товарищей. Этотъ арестъ, какъ громомъ поразилъ насъ, и передъ нами сталъ роковой вопросъ о провокаціи. Далѣе пошли слухи объ оговорахъ Масокина. Дошли свѣдѣнія также о взятыхъ при арестѣ Карла документахъ, изъ которыхъ наиболѣе важные, впрочемъ, были обратно взяты революціонерами. Далѣе, въ газетахъ сообщалось о финляндскомъ запросѣ, внесенномъ въ Государственной Думѣ черносотенными депутатами, гдѣ упоминалось о какомъ-то организованномъ въ Финляндіи покушеніи въ Государственномъ Совѣтѣ, — запросѣ, обсужденіе котораго страннымъ образомъ каждый разъ откладывалось. Далѣе, въ газетахъ появились сообщенія о строгихъ мѣрахъ контроля, принятыхъ послѣ открытія новой сессіи Гос. Совѣта, о провѣркѣ фотографическихъ карточекъ корреспондентовъ, о томъ, что у корреспондентовъ отнимаютъ портфели при входѣ въ залу засѣданій Гос. Совѣта. Мысль о существованіи серьезной провокаціи выдвигалась все съ большей и большей силой. То обстоятельство, что В. В. продолжаетъ оставаться въ прежнемъ положеніи, намъ казалось безуміемъ, и мы съ декабря мѣсяца 1907 г. стали въ письмахъ уговаривать его при-

ѣхать на-время за-границу переговорить. Но В. В. первое время категорически отказывался уѣзжать изъ Россіи.

Настроenie его въ то же время было крайне мрачно. Такъ, въ своемъ письмѣ отъ 7-го декабря (ст. ст.) онъ пишетъ: „Плохи дѣла наши. Былъ моментъ даже, когда все было близко отъ полнаго распада. Избѣгнуть этого удалось, и теперь, поскрипывая, ѣдемъ дальше. Это все таки не значитъ, что планы мои перестали быть выполнимыми. Они отодвинулись на пару мѣсяцевъ, и это обстоятельство дѣлаетъ ихъ лишь болѣе шаткими. Хочу вѣрить, что достигнуть удастся, и все пойдетъ хорошо. А что въ результатѣ получится? — На практикѣ — ничего, но это въ моихъ глазахъ цѣнности ничуть не умаляетъ. Одно будетъ, противъ этого спорить нельзя: въ пошлую гармонию (въ гармонию пошлости) ворвется рѣвкій диссонансъ. Въ этомъ я вижу *всю* цѣнность, смыслъ и оправданіе всего существующаго. Это то, что примиряетъ меня съ днями въ общемъ сѣрыми и холодными, иногда черными“.

Безпокойство наше за В. В. все болѣе и болѣе усиливалось. Мы стали его забрасывать письмами и все болѣе и болѣе настойчиво убѣждали его, послѣ ареста Карла и другихъ непонятныхъ арестовъ, чтобы онъ хоть на нѣсколько дней пріѣхалъ за границу для выясненія создавшагося положенія. Онъ отказывался и сердился даже за самое предложеніе. Такъ, 29 декабря (ст. ст.) 1907 г. пишетъ (по французски) слѣдующее, гдѣ называется все та же его замѣчательная скромность: „Вы говорите, что мнѣ было бы педурно отдохнуть немного въ Парижѣ *у своихъ* (слово очень удачное)... Это было бы прекрасно!... Но отъ чего я долженъ отдыхать, скажите, пожалуйста? До сихъ поръ я ничего не сдѣлалъ, или почти ничего... Возможно, что вина не моя, но это не мѣняетъ дѣла. Во всякомъ случаѣ... *j'y suis et j'y reste* и, вѣроятно, не на долго. Мое предпріятіе находится все въ томъ же положеніи, немного только упрощено; и я такъ увѣренъ въ немъ, какъ только можно быть увѣреннымъ. Все пойдетъ хорошо! Я буду во главѣ, а въ себѣ я увѣренъ — это все, что мнѣ остается. Это меня утѣшаетъ и даетъ мнѣ мужество вести еще 3—4 педѣлы жизни пустую и отупляющую, въ которой я задохся.

„А постъ?... *Et bien, zut alors!* вынутаемся какъ-нибудь... надо надеяться... А Вы, что Вы объ этомъ думаете?“

Мы думали объ этомъ совершенно другое. Хотя письма его насъ немного успокаивали, но ничто не могло поколебать предположенія о возможности провокаціи, и я продолжала писать ему въ томъ же духѣ, а В. В. съ своей стороны продолжалъ и старался на невозможности своей поѣздки, хотя въ его письмахъ начинала чувствоваться уже потка уступчивости.

Въ началѣ января 1908 г. онъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Я понистивъ въ отчаяніи, но я не могу ничего другого сдѣлать, какъ повторить: мой отъездъ отсюда невозможенъ. Если бы, вслѣдствіе моего отсутствія, мой проектъ рушился, то я никогда не простилъ бы себѣ этого“. И далѣе: „Одно только могло бы позволить мнѣ на короткое время оставить ближайшія дѣла — это какое-нибудь новое предпріятіе, болѣе грандіозное и болѣе необходимое, чѣмъ мое; и еще при томъ условіи, если бы не было возможности пустить это дѣло въ ходъ безъ моего содѣйствія — тогда, конечно, я долженъ былъ-бы это сдѣлать, и я бы это сдѣлалъ“. „Во всякомъ случаѣ я не могъ бы оставить Петербургъ больше, чѣмъ дней на двадцать“. Дальше онъ извиняется за тонъ письма, говоря, что онъ очень усталъ.

Въ своемъ предыдущемъ письмѣ отъ 1 января 1908 г., гдѣ онъ подробно говоритъ о своей петербургской жизни, онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Вы не должны рассчитывать на мой пріѣздъ въ Парижъ — *это абсолютно невозможно*. Во-первыхъ, нѣтъ времени, во-вторыхъ, я не могу быть доволенъ *почти* ничего не дѣланіемъ“. „Я уже не говорю о деньгахъ, — ихъ понадобится не мало“. В. В. зналъ, что о деньгахъ ему беспокоиться нечего, такъ какъ мы съ самаго начала предлагали выслать ему по телеграфу деньги для поѣздки за-границу, куда я умоляла его *пріѣхать вотъ на одинъ день*.

Въ это время В. В. пишетъ часто и возвращается въ каждомъ письмѣ къ вопросу объ его отъѣздѣ изъ Петербурга, такъ какъ этотъ вопросъ мы не оставляли и хотѣли вырвать его изъ рукъ палача. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ: „что касается моей „усталости“, то Вы, пожалуйста, мнѣ объ этомъ не говорите. Впрочемъ, мнѣ остается очень мало времени, чтобы думать объ этомъ“...

28-го января того же года, въ отвѣтъ на мое письмо, гдѣ рѣчь шла о необходимости его отъѣзда изъ Петербурга и указывалось на ту опасность, которая ему грозитъ, В. В. пишетъ:

„Ваше дорогое письмо застало меня въ состояніи почти отчаянія. Я не нахожу необходимой поддержки, а безъ этого абсолютно невозможно дѣйствовать. Правда, обстоятельства мало благоприятствуютъ, *но совсѣмъ не это мѣшаетъ дѣлу*“. „Я долженъ заниматься мелочами. Дѣлать нечего! Я не могу и *не хочу* предоставить самимъ себѣ тѣхъ, которые неразлучно связаны со мной. Я не хочу оставить ихъ дѣйствовать однихъ. Пусть это бессмысленно, я готовъ это признать, но я предпочитаю дѣйствовать бессмысленно, но быть вмѣстѣ съ ними. Кромѣ этого, *для моей большой работы надо будетъ еще 300—400 рублей!* — безъ этого ничего нельзя сдѣлать“. И тутъ же слѣдующая

приписка карандашемъ: „до скорого свиданія. Въ среду мой отъѣздъ будетъ рѣшенъ“.

Впослѣдствіи мы узнали, что въ письмахъ къ одному своему другу итальянцу, посланныхъ приблизительно въ тѣ же дни, В. В. извѣщалъ также о предстоящемъ на-дняхъ своемъ отъѣздѣ за-границу. 26-го января 1908 г. (ст. ст.) В. В. ему пишетъ:

„Я чувствую себя плохо, я не нахожу никакой поддержки для моего предпріятія. Я не знаю, какъ все это окончится, но я найду выходъ и найду его скоро“. „Кажется, что завтра я ѣду въ Парижъ“.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ тому же другу, В. В. между прочимъ, говорить:

„Невозможно работать съ этими людьми. Я уѣду“... а въ письмѣ отъ 15-го февраля 1908 (н. ст.) читаемъ: „Теперь это долгое ожиданіе мнѣ надоѣло. Я больше не веселюсь. Я долженъ уѣхать, чтобы спасти то, что можно спасти. Я не нахожу здѣсь поддержки и я буду искать ее въ другомъ мѣстѣ. Единственная прекрасная вещь — это молодые люди, которые здѣсь... Я ихъ очень, очень люблю. Я завидую ихъ вѣрѣ, которой мнѣ окончательно не хватаетъ и которой не хватало мнѣ всегда. Я, быть можетъ, этимъ горжусь, такъ какъ вѣра — это вещь, которая унижаетъ. Изъ Берлина тебѣ напишу. Въ Петербургъ болѣе мнѣ не пиши“. Въ одномъ письмѣ безъ даты (можно думать, отъ 5-го февраля ст. ст.), В. В. говоритъ своему другу: „Я выѣду въ пятницу“. Наконецъ, послѣднее письмо В. В. къ тому же другу было имъ написано въ среду 6-го февраля (ст. ст.) 1908 г. Вотъ что онъ говоритъ въ этомъ письмѣ:

„Мой отъѣздъ все оттягивается. Я думалъ, что сегодня утромъ я смогу окончательно назначить день. Теперь оказывается, что мнѣ нужно ждать до завтра. Это завтра будетъ ли оно послѣднимъ? Кто знаетъ? Быть можетъ, еще будетъ много такихъ завтра. Наконецъ, я больше не могу! Право, это не слабость съ моей стороны, но мнѣ необходимо хоть немножечко вздохнуть“... „О, какъ я ненавижу эту расу нормальныхъ людей!“

Въ это же время мы получили письмо отъ В. В., въ которомъ онъ окончательно назначаетъ день своего отъѣзда: „Мнѣ, писалъ онъ, удалось заработать рублей сто на маленькой литературной работѣ (онъ еще съ однимъ лицомъ перевелъ итальянскую книжку). Изъ этихъ денегъ мнѣ остается еще немного — это мнѣ еле-еле дастъ возможность добраться до Парижа. Несмотря на это, я думаю туда поѣхать въ надеждѣ, что Вы поможете мнѣ вернуться обратно черезъ недѣлю. Мнѣ очень трудно и тяжело рѣшиться на этотъ отъѣздъ, но я это дѣлаю, такъ какъ это единственное средство спасти то, что должно быть спасено. Если я выѣду въ среду — мы увидимся

дней черезъ десять“. Письмо это помѣчено 2 февраля 1908 г. (ст. ст.).

Наконецъ мы вздохнули свободно. Мы его скоро увидимъ! Намъ удалось, думалось, уговорить его прїѣхать, мы убѣдимъ его остаться на время за-границей. Наконецъ, онъ будетъ спасень!...

И въ то время, какъ мы его ждали съ такимъ нетерпѣніемъ и увѣренностью, телеграфъ принесъ роковое извѣстіе объ арестѣ въ Петербургѣ Маріо Кальвино съ бомбой въ рукахъ... Азефъ сдѣлалъ свое дѣло!

Что толкнуло В. В. на эшафотъ, когда онъ долженъ былъ уѣхать? — это остается роковой тайной до сихъ поръ.

* * *

Послѣднее письмо, написанное В. В. изъ тюрьмы въ Римъ близкому ему итальянскому семейству, заключаетъ въ себѣ только нѣсколько слѣдующихъ словъ: „Saluti del altrove. Lodo“.

М. Семенова.

Амурская колесная дорога.

Въ составъ русской каторги въ Сибири входятъ слѣдующія отдѣльныя тюрьмы: Александровскій централъ (въ Иркутской губ.), Тобольская каторжная тюрьма № 1 и каторжная тюрьма № 2 (въ Тобольскѣ)

Помимо этого существуетъ каторжный округъ — Нерчинскій (въ Забайк. обл.) съ слѣдующими тюрьмами: Акатуй, Горный-Зерентуй, Алгачи, Катая, Кутомара, Александровскій заводъ, Мальцевская женская тюрьма и множество золотыхъ приисковъ, гдѣ исключительно работаютъ уголовные. Мальцевская — специально женская тюрьма для каторжанокъ уголовныхъ и политическихъ. Въ этой тюрьмѣ въ данное время 38 политическихъ каторжанокъ, между ними М. Спиридонова, Иамайловичъ, Езерская, Биценко и т. д.

Выше названныя тюрьмы служатъ лишь въѣздомъ заключенія для каторжанъ, въ то время какъ на Амурской колесной дорогѣ существуютъ тяжелыя принудительныя работы.

Во всѣхъ этихъ тюрьмахъ условія жизни прямо невозможны. Страшная тѣснота. Камеры биткомъ набиты. Гдѣ должно быть 30 — помѣщается 60—65 человекъ. Отвратительная пища. Вѣчное недоѣданіе и, какъ слѣдствія всего этого — поголовное малокровіе, цынга, чахотка. Постоянныя издѣвательства, частыя избиенія и ко всему еще угрозы тѣлеснаго наказанія и часто приведеніе угрозъ въ исполненіе (въ Тобольской каторжной тюрьмѣ въ 1908 г. подвергнуто тѣлесному наказанію 12 человекъ).

Но колесная дорога превосходитъ все, — тамъ люди окончательно узнаютъ, что такое русская каторга.

* * *

На амурскую колесную дорогу отправляютъ только изъ Александровскаго централя, обыкновенно съ апрѣля до сентября.

Партія составляетъ въ количествѣ 100—120 человекъ. Путь слѣдующій: сперва до Иркутска 75 верстъ пѣшкомъ, потомъ по желѣзной дорогѣ до Стрѣтенска, а оттуда по Амуру до мѣста назначенія.

Такъ кажется, что пройти 75 верстъ пѣшкомъ не особенно трудно, но, если принять во вниманіе, что эти 75 верстъ надо прошагать въ тѣсныхъ и тяжелыхъ кандалахъ, и что люди совершенно измучены долгимъ пребываніемъ въ душныхъ и тѣсныхъ камерахъ и полуголодной жизнью, — станетъ вполне понятнымъ, что этотъ 75-ти верстный переходъ является для партіи тяжелымъ испытаніемъ. Да еще къ тому приходится шагать въ жару, когда люди буквально задыхаются отъ пыли и измучены жаждой.

Конвойные — авѣри. Приказываютъ идти рядами, а малѣйшее нарушение рядовъ влечетъ за собой избиеніе прикладами. Конвой нерѣдко грозитъ разстрѣломъ, когда партія заступаетъ за кого-либо изъ избиваемыхъ. Дѣлаютъ въ часъ 4—4½ вер., но часто конвой заставляетъ идти быстрее. Напираетъ на заднихъ, задніе на переднихъ — и люди летятъ во всю. На 18-ой верствѣ получасовой отдыхъ — приваль. Потомъ снова въ путь. Падаетъ кто-либо отъ усталости — ударъ прикладомъ. На ночь отдыхъ въ этапкѣ. Небольшое зданіе на краю деревни. Размѣщаются кое-какъ. Въ 7 часовъ повѣрка — и спать. Будятъ въ 4 часа утра. У всѣхъ нестерпимо ноютъ ноги. Отъ неуклюжей казенной обуви пузыри на подошвахъ. Ноги болятъ, разбиты дѣликомъ отъ усталости, но надо вставать.

Снова обматываешь ноги портянками, одѣваешь подканцальники. Повѣрка. Опять команда: „стройся!“ и по прежнему верстовые столбы, поля, лѣсъ и непрерывный лягъ кандаловъ. Такъ до Иркутска. Отъ Иркутска по желѣзной дорогѣ до Стрѣтенска. Въ Стрѣтенскъ каждую партію встрѣчаетъ мѣстный начальникъ конвоя — знаменитый Лебедевъ.

Имя Лебедева для каторжанъ — синонимъ жестокости, звѣрства и наглости. Для этого человѣка сухой пустыя наказать розгами 3—4 человекъ. Каждая партія встрѣчается окрикомъ:

— Шапки долой! Смирно!

Лебедевъ обходитъ ряды и горе тому, кто не такъ быстро снялъ шапку. Послѣ этого Лебедевъ обращается къ партіи съ рѣчью. Любить поговорить. Первымъ долгомъ совѣтуетъ сознаться, у кого распилены кандалы.

Каторжане молчатъ. Лебедевъ выкрикиваетъ:

— Тотъ конвоиръ, который найдетъ распиленные кандалы, получить 25 коп., а у кого найдутъ — 25 съ того конца! И у Лебедева слово и дѣло идутъ рука объ руку.

Послѣ обыска ведутъ къ пристани. Начинается посадка въ трюмъ баржи. Баржа небольшая, палуба огорожена сплошной рѣшеткой и похожа на огромную клѣтку. Люкъ открытъ. И одинъ за другимъ спускаются въ трюмъ арестанты. Трюмъ не великъ и страшно тѣсенъ. Потолокъ низкій. Маленькій, крошечный окна. Трюмъ биткомъ набитъ. Лежатъ на нарахъ, лежатъ подъ нарами, въ проходахъ. Духота невыносимая, вонь. Крошечный пароходикъ медленно тянетъ на буксиръ тяжелую баржу.

Лежа на нарахъ, слышишь плескъ воды. Заглянешь въ окно — бьгутъ берега. Три раза въ день повѣрка. Утромъ и подвечеръ выпускаютъ на палубу. Клѣтка заполняется людьми. Тепло, ярко. Огромный, широкий Амурь. Съ одной стороны русскій берегъ — низкій, покрытый кустарникомъ, съ другой стороны китайскій — гористый.

— Кончай прогулку!

Опять трюмъ, духота, шумъ, ругань. Лежишь полуголодный. До большой пристани еще далеко, а хлѣба уже нѣтъ.

Давитъ низкій потолокъ, тѣсно.

А день тянется долго, мучительно долго.

Вотъ проѣхали Благовѣщенскъ. Еще два дня — и кончено „морское“ путешествіе.

Наконецъ, показывается Пашковская казачья станція.

Тутъ партія слезаетъ.

Выходятъ изъ трюма на палубу съ мѣшками на плечахъ. У всѣхъ блѣдныя, измученныя лица. Сходить съ палубы на берегъ. Опять пріемка, обыскъ.

Темнѣетъ. Партія остается ночевать на берегу подъ открытымъ небомъ. Разставлены часовые.

Предупреждаютъ:

— Не подниматься, лежать смирно, не раговаривать!

И лежатъ 120 человекъ, укрывшись халатами, неподвижные, стараясь тихо говорить другъ съ другомъ.

Упала одна капля, другая. Дождь. И струйки воды забираются подъ халатъ, подъ изголовье.

Плещется Амуръ. Небо покрыто звѣздами.

Ночь. Партія спитъ.

Часовые стоятъ по сторонамъ. Около нихъ разложены костры.

Нарѣдка кто-либо изъ каторжанъ приподнимаетъ голову. Раздается:

— Господинъ часовой! Позвольте выйти.

— Иди! — грубо несется въ отвѣтъ.

Вышелъ, пришелъ.

— Попало? — спрашиваетъ сосѣдь.

— Нѣтъ! — радостно звучитъ въ отвѣтъ.

Съ первой же минуты партія чувствуетъ, что значить Амурская колесная дорога, когда на ней такой конвой.

Партія недоумѣваетъ: звѣри это или люди?

20 верстъ до мѣста работъ. Кандалы снимаютъ. Велятъ шагать. Партія стоитъ въ недоумѣніи.

У каждаго арестанта мѣшокъ на плечахъ, вѣсомъ до пуда: тутъ и казенное бѣлье, и полушубокъ, и халатъ, и запасная обувь, и свое бѣлье (обыкновенно по вѣсму прѣшимъ трактамъ для этихъ мѣшковъ полагаются подводы). А подводъ нѣтъ. Партія возмущается.

— Нѣтъ подводъ. Мы не пойдѣмъ!

Конвойные хохочутъ.

— Пойдете. И до васъ шла безъ подводъ.

Никто не трогается. Мигъ — и конвой налетаетъ.

Бьютъ. Крики, стоны. Падаютъ одинъ, за нимъ другой.

Вотъ падаетъ политическій Р—ръ. Вотъ другого, С—каго, конвойный валитъ на землю ударомъ приклада.

Часть конвойныхъ демонстративно заводитъ курки.

Мелькаютъ приклады. Разъ, другой. Задніе дрогнули. Напрягутъ на переднихъ. Конвой захлебывается отъ радости.

И партія обращается въ стадо. Бѣгутъ изо всѣхъ силъ.

Сзади конвойные. И они бѣгутъ, на ходу толкая прикладами.

Падаютъ кто-либо — его поднимаютъ прикладами.

Охваченные страхомъ, люди забываютъ о тѣхъ, кто упалъ на ихъ глазахъ — и все бѣгутъ и бѣгутъ, задыхаясь, падая и снова поднимаясь, съ тяжелыми мѣшками на плечахъ, выбрасывая на ходу все то, что не казенное: подушку, свое бѣлье, сапоги и т. д.

Бѣгутъ вплоть до палатокъ.

Палатки!

Партія останавливается, тяжело дыша, обливаясь потомъ.

И это повторяется съ каждой партіей.

* * *

Амурская колесная дорога строится уже болѣе 15-ти лѣтъ. Это прокладываютъ шоссе отъ Благовѣщенска до Хабаровска. Отъ Благовѣщенска до Хабаровска 960—980 верстъ. Работаютъ на ней *исключительно* каторжане.

Съ 1905 г. стали посылать и политическихъ.

Существуютъ три команды: Пашковская, Суттарская и Рачихинская. Въ каждой командѣ около 400 каторжанъ, 80—85 конвойныхъ, съ десятокъ надзирателей, начальникъ конвоя, начальникъ — смотритель команды.

Каторжане и конвой помѣщаются въ палаткахъ.

Мѣсто, занимаемое каждой командой, называютъ лагеремъ. Въ этихъ палаткахъ живутъ съ марта до ноября мѣсяца. Въ ноябрѣ перебираются въ землянки.

Тутъ я буду говорить о Пашковской командѣ, но долженъ замѣтить, что въ остальныхъ двухъ командахъ тѣ же условія жизни и работы, развѣ съ небольшими измѣненіями.

Дорога проходитъ большей частью тайгой, порой черезъ болота, а иногда по совершенно ровной мѣстности, далеко отъ населенныхъ мѣстъ.

На окружности 200—150 верстъ ни одной деревушки. Люди отрѣзаны отъ живого міра. Тайга, болота, сопки и только 80 оавѣрѣвшихъ конвойныхъ.

Лагерь.

Рядъ палатокъ для каторжанъ. Вокругъ часовые.

Напротивъ тоже палатки. Тамъ конвойные, надзирателя. Палатки дырявыя. Въ дождь такъ и хлещетъ во внутрь. Наръ нѣтъ. Устроено подобіе наръ изъ тоненькихъ, круглыхъ березъ. Нѣтъ подстилокъ, только тонкое одѣяло и халатъ. О подушкахъ нѣтъ и рѣчи. Въ концѣ августа въ этихъ палаткахъ мерзнешь. Въ октябрѣ ставятъ желѣзныя печки. Но могутъ ли онѣ помочь, когда палатки дырявыя?

Климатъ скверный — постоянные дожди, частые туманы. Закрываешься халатомъ, но не помогаетъ; просыпаешься весь мокрый. Въ палаткахъ водятся змѣи. Часто пробираются подъ рубаху и грѣются. Былъ одинъ случай укушенія, но не опасный, и публика привыкла.

Общій видъ каторжанъ вонистину ужасенъ.

Всѣ оборваны, грязны, измучены. Нѣтъ человѣческаго облика.

Почти всѣ ходятъ босикомъ. Бани нѣтъ. Бѣлье выдается 1 разъ въ 4 мѣсяца, а вѣдь каждый день работаешь въ грязи и не мудроно, что по цѣлымъ недѣлямъ ходишь въ одной и той же рубахѣ. Насѣкомыхъ — бездна.

Выдача обуви полагается 4 раза въ году, но выдаютъ 2 раза. Обувь скверная и вдобавокъ такъ быстро рвется и портится отъ воды. Ну, и щегляешь босикомъ.

У многихъ ноги покрыты ранами, обвязаны грязными тряпками, приходится голой ногой сажать лопату въ землю; пробираясь по кочкамъ — обдираешь кожу, калѣчишь пальцы.

У всѣхъ ноги больныя. И не мудроно. Постоянно приходится работать по колено въ водѣ. Послѣ трехъ-четырехъ недѣль такой работы ревматизмъ готовъ.

Приведу одну характерную сценку, которая часто повторяется на колесной дорогѣ.

Палатка фельдшера. Приемъ больныхъ. Идетъ арестантъ, хромая. Нога обвязана, виднѣется кровь.

Фельдшеръ осматривавтъ ногу и оретъ:

— Я тебѣ двадцатый разъ говорю: не ходи босикомъ!

Перемываетъ рану, кладетъ повязку.

Глядишь — и этотъ арестантъ утромъ шагаетъ на работу... босикомъ.

И такъ постоянно. Доктора нѣтъ — два фельдшера. Одинъ изъ нихъ довольно порядочный человекъ, но вѣчно пьянъ. Другой — бывший казакъ. За дезертирство его присудили къ 4-хъ годичному заключенію въ крѣпости. Подалъ прошеніе на высочайшее имя, и 4 года крѣпости отмѣнили съ обязательствомъ прослужить фельдшеромъ 5 лѣтъ на колесной дорогѣ. Негодняй, какихъ мало!

Съ арестантами обращается грубо. Дошло до того, что многіе больные перестали ходить на приемку.

Въ приемной у него всего одна бутылка съ іодомъ, и одной и той же кисточкой онъ смазываетъ сифилитическія язвы и простые нарывы. Однажды, во время работы, отъ солнечнаго удара умеръ одинъ уголовный каторжникъ. Казакъ-фельдшеръ рѣшилъ, что арестантъ притворяется. И только тогда, когда онъ его всего искололъ иглами, онъ убѣдился, что арестантъ дѣйствительно умеръ.

Помимо приемной палатки существуетъ еще такъ называемая больничка. Въ ней всего 12 мѣстъ. Берутъ туда только тѣхъ, кто вканулъ смерти, и огромное количество больныхъ остается въ палаткахъ.

Пищи по количеству довольно много: фунтъ мяса въ день, четьре съ половиною фунта хлѣба и каша (вечеромъ). Но мясо не свѣжее: забайкальская солонина, хлѣбъ изъ скверной, мокроватой муки.

Деньги отъ родныхъ, знакомыхъ выдаются частями, а иногда совершенно не доходятъ до того, кому онѣ посланы. Такъ же и письма и посылки.

Денегъ нѣтъ ни у кого. Не на что купить сахару, пьютъ кирпичный чай съ солью. Нѣтъ махорки. Высушиваютъ листья — и курятъ.

Заработная плата слѣдующая: за рабочій день полагается 12 к. между тѣмъ за май, июнь, июль, августъ мѣсяцы 1907 г. арестанты получили по... 48 коп. на человекъ. Когда обратились къ начальнику Кнохту, жалуясь, что такъ мало выдаютъ денегъ, что нѣтъ сахару, онъ отвѣтилъ:

— Къ чему онъ вамъ? Я самъ пью безъ сахару.

Этотъ Кнохтъ былъ когда-то начальникомъ тюрьмы на Сахалинѣ, потомъ одно время начальникомъ Тобольской каторжной тюрьмы. И тамъ онъ проводилъ свою тактику: „дави во всю“.

Не удается переписываться. Люди лишены этого единственнаго удовольствія, которое хоть немного скрашиваетъ жизнь на каторгѣ.

Нѣтъ бумаги, марокъ, да и времени нѣтъ. Съ утра до вечера на работѣ и приходишь съ работы съ однимъ только желаніемъ: скорѣе бы заснуть.

Теперь я перехожу къ работѣ.

Будятъ въ 4 ч. утра. Выходятъ на раскомандировку. Работаютъ по десяткамъ. Десять каторжанъ и одинъ конвоиръ. Десятки рабо-

такъ другъ около друга. Въ первый день отъ новаго лагеря идутъ до мѣста работъ три версты, потомъ съ каждымъ днемъ все больше и больше, пока не доходятъ до 15-ти верстъ. Это значить: 15 верстъ туда, работа, и 15 верстъ обратно. Съ работы возвращаются, когда уже солнце зашло.

Урокъ невыносимо тяжелый. Рѣдко удается десятку докончить его, но администрація довольствуется и этимъ, понимая, что, задавая такой огромный урокъ, она всегда останется въ выигрышѣ. Тѣмъ болѣе, что десятковъ часто наказываютъ.

Качество почвы не принимается въ расчетъ.

Вотъ одинъ урокъ на десятковъ: вырыть канаву въ 120 аршинъ длины, въ полтора аршина ширины и три четверти глубины, и свезти землю. Другой урокъ: накопать и свезти 18 вагонетокъ земли на разстояніи трехъ четвертей версты.

Другой: на протяженіи 120 арш. длины и 2 арш. ширины вырѣзать правильные четырехугольные куски дерна (каждый кусокъ глубиною въ двѣ пятыхъ арш.) и обложить ими дорогу. Существуетъ еще родъ работы,— корчевка: вырубить десять деревьевъ, распилить и землю совершенно очистить отъ корней. Самые сильные падаютъ отъ усталости. Работашь всегда по колѣно въ водѣ, вдобавокъ еще водится мошкарка. Въ 2-3 дня лицо покрывается волдырями. Сътокъ не выдаютъ.

Дождь-ли, жара-ли, — все равно: работа продолжается. На одномъ участкѣ работали въ 40 градусоу жары. Воды по близости не было. Съ пятью случился солнечный ударъ. Одинъ изъ нихъ умеръ. Это тотъ, котораго фельдшеръ искололъ иголками.

Однажды нѣсколько дней подъ рядъ шелъ сильный дождь. Размыло небольшую рѣчку. И дорогу на двѣ версты совершенно залило водой. И этотъ, залитый водою, участокъ земли приходилось въ теченіе двухъ недѣль переходить въ бродъ.

Раздавалась команда: „Раздѣвайся!“

Скидывали рубахи, штаны, лопаты перебрасывали на плечи и переходили.

— Одѣвайся!

Одѣвались и становились на работу, промокшіе, продрогшіе. И такъ въ теченіе двухъ недѣль!

Въ наказаніе нѣкоторые работаютъ въ кандалахъ, но такъ возможно только поработать 2-3 дня.

Тачки сломанные. Когда обратились къ старшему надзирателю Гвоздеву — онъ отвѣтилъ:

— На то и каторга, чтобы тачки были сломанные, — съ цѣлыми не мудрено!

Работаютъ и по воскресеньямъ, хотя по уставу не полагается. Но, что значить слово „полагается“ для г. Кюхта? И гонять въ воскресенье. За то на повѣркѣ приказываютъ пѣть „Спаси, Господи!“.

Послѣ повѣрки загоняютъ въ палатки. Говорить запрещено, — поднимается разговоръ — залетаетъ надзиратель съ 2-мя конвойными — и порядокъ возстановленъ.

Большимъ замѣняютъ земляныя работы болѣе легкими. Такъ, напр., въ теченіе одного дня, пять разъ сходить въ лѣсъ (370-400 саж.) и каждый разъ притащить по дереву. Размѣръ дерева по усмотрѣнію конвойнаго. Конвойный выбираетъ такія деревья, что по дорогѣ разъ шесть падаешь отъ усталости.

Потомъ распилить и нарубить дрова. Это до обѣда. Послѣ обѣда

каждый обязанъ наполнить 40 ведерную бочку водой. Дается 2 ведра коромысла нѣтъ. Проволочная ручка рѣжетъ руку. Вода далеко; иди, приходится скакать съ кочки на кочку. Вотъ наполниль, иди. Не попалъ на кочку — ведра опрокинулись, иди обратно. Бочка, наконецъ, наполнена. Дается мѣшокъ и лопата. Обязанъ накопать 2 мѣшка песку и принести въ надзирательскія палатки. И такъ каждый день. Это работа „болѣе легкая“ для больныхъ, страдающихъ порокомъ сердца, чахоткой и т. д. И такъ съ утра до вечера. Ложишься разбитымъ, встаешь разбитымъ. И такъ безъ конца. Раскомандировка, работа, повѣрка, пѣніе молитвъ — и спать. Въ 4 часа утра встаешь — и снова за прежнее. Ни отдыха, ни сна.

Это Амурская колесная дорога.

Не даромъ старшій надзиратель Гвоздевъ однажды заявилъ:

— Намъ не дороги нужны, а ваѣа кровь.

Арестанты это давно знаютъ. Дорога совершенно не нужна, проходить по мѣстамъ не населеннымъ, но къ ней, какъ ко всякому казенному дѣлу присосалась тьма паразитовъ — разные строители, подстроители, техники и т. д., благо трудъ дешевый — каторжный, да и красть можно сколько душъ угодно. И строится эта дорога уже 15 лѣтъ и еще пусть 15 лѣтъ строится, а не кончатъ. Третья Госуд. Дума ассигновала 500.000 рублей на дальнѣйшую постройку Амурской колесной дороги, узнавъ отъ депутата Амурской области Чиликина, что „дорога намъ не нужна“.

Какъ я говорилъ уже, лагерь перемѣщается каждая 20 верстъ. Это бываетъ, приблизительно, раза два въ три мѣсяца. Складываются палатки на повозки — и партія трогается. Пока приходятъ, устраиваются на новомъ мѣстѣ — проходить 3 дня, — и арестантамъ на эти 3 дня выдается на руки вся провизія. Такимъ образомъ каждому десятку приходится тащить на себѣ лишнихъ 4 пуда (кромѣ лопать, топоровъ, одежды и пр.). Но это не особенно приятно и всю провизію — мясо, хлѣбъ, крупу выбрасываютъ, оставляя только по куску хлѣба. И вплоть до устройства на новомъ мѣстѣ вся команда голодаетъ.

Жизнь на колесной — сплошное мученіе.

Но все это ничто въ сравненіи съ избиеніями. Бьютъ на пропалую. Во всю царствуетъ прикладъ. Прикладъ — это ужасъ колесной дороги. Прикладъ — это постоянная тема для разговоровъ въ палаткахъ. Тотъ сегодня получилъ 5 ударовъ, или, какъ выражаются тамъ, „съѣлъ 5 прикладовъ“, тотъ „съѣлъ“ 7 — и такъ безъ конца. Нѣтъ политическихъ и нѣтъ уголовныхъ. И тѣхъ и другихъ избиваютъ одинаково, и тѣ и другіе ходятъ босикомъ, въ разорванныхъ, грязныхъ рубашкахъ, искусанные мошкаркой, измученные, искалѣченные.

И надъ тѣми и другими царствуетъ прикладъ.

Я приведу тутъ нѣсколько случаевъ избиенія, которые мнѣ памятны. Много позабыто, а ихъ было безконечное количество. И я беру только изъ одной команды и въ продолженіе всего двухъ мѣсяцевъ.

Хихадзе (полит.). Заболѣль и не вышелъ на раскомандировку. Послѣ раскомандировки одинъ изъ надзирателей вытащилъ его за ноги изъ палатки. Велѣль ему встать. Когда Хихадзе всталъ — надзиратель ударомъ ноги въ животъ повалилъ его, избилъ, а потомъ позвалъ конвойнаго и велѣль погнать Хихадзе на работу. Больного Хихадзе заставили пройти 12 верстъ подъ прикладомъ.

Абдышевъ (уголовн.). 45 лѣтъ. Попросился у часового выйти. Часовой пустиль. Когда Абдышевъ вернулся — часовой Кравченко на-

легѣль на него, прикладомъ повалиль на землю и сломаль ему два ребра. Начальникъ конвоя, когда ему донесли объ этомъ, изволиль замѣтить: „Плохо, что сломаль ребра, но молодець, что вѣренъ при- сягѣ“. При чемъ тутъ присяга — осталось тайной.

Коссовскій, 20 лѣтъ. Не докончилъ урока. По приказанію старшаго надзирателя Гвоздева его избили. Отбили печень и легкія. У Коссовскаго чихотка. До этого былъ вполне здоровымъ человѣкомъ.

Гуткинъ (полит.). За отказъ продать свою подушку за 20 копеекъ конвоирь поймалъ его около палатки и избилъ. Когда Гуткинъ пошелъ къ фельдшеру — оказалось, что у него сломано нѣсколько реберъ. Администрація, желая замаять это дѣло, отправила его въ дру- гую команду.

Масалковъ (полит.) Бѣжалъ, былъ пойманъ. Получилъ 25 розогъ. Работаетъ въ кандалахъ. Ежедневно его бьютъ. Все тѣло его покрыто ранами и кровоподтеками.

Бабичъ (полит.). За то, что онъ еврей, Бабичъ въ теченіе одного дня получилъ 12 ударовъ прикладомъ.

Б-из. Не вышелъ на раскомандировку. Надзиратель вытащилъ его изъ палатки и избилъ дуломъ револьвера.

У Б-на въ теченіе многихъ дней не сходили кровоподтеки. Избивъ его, надзиратель крикнуль конвойнымъ:

— А ну-ка, пощупайте его!

Къ счастью, никто изъ конвойныхъ не подошелъ. Одинъ только крикнуль:

— Не стойть. Больно шупленькій.

С. — (полит.). Конвойный во время работы сшибъ его прикладомъ въ канаву и, пригнбая голову къ водѣ, избилъ его.

Парахинъ и Гришинъ. За попытку бѣжать звѣрски были избиты. Гришинъ умеръ, Парахинъ при смерти.

Дрож. (полит.). За попытку бѣжать страшно избить. Отправленъ въ тюрьму.

Изъ одного десятка бѣжалъ одинъ — Грузинскій. Остальные из- биты. Въ 1905 году изъ одного десятка бѣжалъ одинъ. Остальныхъ девять конвойный застрѣлиль. Конвойный былъ отданъ подъ судъ и получилъ 4 года каторги.

И всегда, когда кто-либо бѣжитъ изъ одного десятка — осталь- ныхъ избиваютъ до полусмерти.

Бьютъ!

И ужасъ, сплошной ужасъ царить на колесной дорогѣ.

Бьютъ за то, что ты еврей. Бьютъ, если носишь пенсне, длинные волосы. (А, забастовщикъ!)

Бьютъ, когда одѣваешь чистую рубаху, бьютъ просто такъ, изъ любви къ искусству. Бьютъ ночью, когда просишься „до вѣтру“. Ночь. Передъ палатками параша. Выходишь, кричишь:

— Г-въ часовой! Позвольте „до вѣтру“!

— Иди! — раздается изъ темноты.

Не успѣль подойти — летишь со всѣхъ ногъ, получилъ прикладъ. Оказывается, что конвой забавляется: „иди“ кричитъ не передній конвойный, а боковой — и передній бьетъ. Доходило до того: выхо- дить арестантъ изъ палатки, просится „до вѣтру“.

Конвойный заявляетъ:

— Попляши, а то не пушу. Приходится плясать.

Бьютъ когда идешь на работу, бьютъ, идя съ работы, во время работъ. Бьютъ и ночью, когда громко заговоришь въ палаткѣ.

Далеко отъ Россіи, въ тайгѣ люди отданы во власть 80-ти озвѣрѣвшихъ конвойныхъ.

Нѣтъ выхода, теряешь надежды — и люди рубятъ пальцы, пьютъ махорку, калѣчатъ ноги, чтобы быть отправленными въ тюрьму. Продѣваютъ иголки съ шерстяными нитками сквозь кожу.

Малыгинъ. Отрубилъ топоромъ два пальца: указательный и средний.

Крыловъ. Топоромъ отрубилъ большой палецъ руки.

Макаровъ. Положилъ палецъ подъ вагонетку. Палецъ обратился въ кашу.

Бьютъ на пропалую. Когда солдатъ конвоируетъ — къ нему надо обращаться такъ: „господинъ конвойный“. Когда онъ на часахъ — то „господинъ часовой“.

Спуталь — и крышка: изобьютъ!

Прикладъ царить во всю. Бьютъ и надзирателя, порой не прочь ударить и самъ Кнохтъ, и техникъ Янцъ (бывшій офицеръ, отбывшій каторгу за какое-то убійство). — И такъ день за днемъ!

Смотришь на конвой и не вѣришь себѣ: люди ли это, или звѣри?!

Для забавы они однажды поймали собаку, переломали ей лапы. Когда собака стала визжать — они выкопали яму и зарыли ее, подплясывая, играя на гармоніи.

Бьютъ! И ужасъ, сплошной ужасъ царить на „колесухѣ“.

Отрубленные пальцы, сломанные ребра, тяжелая, невыносимая работа, издѣвательства, розги, ни сна, ни отдыха — это Амурская колесная дорога.

И что ни часъ, что ни день все хуже и хуже, все ужаснѣе и ужаснѣе.

Андрей.

Парижъ, 25 апрѣля, 1909 г.

Отъ Исполнительнаго Комитета.

18 марта въ Одессѣ, на Приморскомъ бульварѣ, на глазахъ у гуляющей публики, совершена была казнь прокурора Кіевскаго Военно-Окружнаго Суда, генераль-маіора Стрѣльникова. Ни для кого не можетъ быть тайной, что казнь Стрѣльникова состоялась по постановленію Исполнительнаго Комитета. Это ужъ не первый случай революціоннаго суда надъ царскими опричниками. Мы имѣемъ основаніе думать, что этотъ случай и не послѣдній.

Съ тѣхъ поръ, какъ П. К. сосредоточилъ силы партіи на императорѣ, всѣ слуги послѣдняго вздохнули свободнѣе, они совершенно неосновательно сочли себя внѣ всякой отвѣтственности за свои гнусныя дѣянія, относя ихъ всецѣло къ Александру III. Годъ затишья еще болѣе укрѣпилъ царскихъ слугъ въ этомъ убѣжденіи.

Событіе 18 марта, купленное цѣною дорогой крови нашихъ товарищей, будетъ предостереженіемъ тѣмъ царскимъ опричникамъ, которые не останавливаются ни передъ какими средствами въ борьбѣ съ революціонною партіей. Стрѣльниковъ въ ряду этихъ опричниковъ занималъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ и его вины передъ Россіей мы излагаемъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Въ должности прокурора К. В. О. С., какъ обвинитель по политическимъ процессамъ, Стрѣльниковъ нравственно отвѣтственъ за всѣ кіевскія казни.

2) Съ апрѣля 1881 г. Стрѣльниковъ, оставивъ прокурорскую трибуну, сталъ во главѣ, такъ называемой, „Южной Охраны.“

Въ его вѣдѣніе перешло руководство дознаніями по всѣмъ политическимъ дѣламъ, возникающимъ на югѣ Россіи. Заручившись въ бытность свою въ Гатчинѣ неограниченными полномочіями, Стрѣльниковъ въ этой новой роли проявилъ неслыханную жестокость и возмутительную несправедливость. Онъ ввелъ систему повальныхъ арестовъ въ Кіевскомъ и Одесскомъ судебныхъ округахъ. Благодаря его рвенію, не знавшему границъ между правымъ и виноватымъ, всѣ тюрьмы оказались переполненными политическими заключенными. Малѣйшее проявленіе интеллектуальной жизни влекло за собою печальныя послѣдствія. Родственныя узы съ политически неблагонадеж-

ними вмѣнялись въ государственное преступленіе. Обращеніе съ узниками самого Стрѣльникова доходило до неслыханных предѣловъ наглости и безчеловѣчія. Ввергая въ тюрьму по преимуществу юношество, Стрѣльниковъ испытывалъ на нихъ силу своихъ полномочій. „Вы не выйдете изъ тюрьмы, пока не разскажете все, что видѣли и слышали“, говорилъ онъ.

Для родителей, хлопотавшихъ о своихъ дѣтяхъ, у Стрѣльникова былъ одинъ отвѣтъ: „Не хлопочите, — его повѣсятъ!“ Ни просьбы отцовъ, ни слезы матерей не смягчали Стрѣльникова — даже свиданія разрѣшались, какъ исключенія. Въ слезахъ, пролитыхъ родителями и родственниками, можно было бы утопить не одного Стрѣльникова.

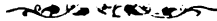
Событіе 18 марта имѣетъ, кромѣ карательнаго, еще иной глубокой смыслъ. Многочисленныя изъявленія сочувствія П. К. по случаю устраненія Стрѣльникова, со стороны общества Одессы и Кіева, служатъ залогомъ того, что политическія убійства пріобрѣли себѣ популярность и на нихъ стали смотрѣть, какъ на одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ императорскимъ правительствомъ, пользующимся неограниченными правами, но не знающимъ никакихъ обязанностей.

А вы, мужественные послы революціоннаго правосудія, вашъ подвигъ воспламенить не одно чуткое сердце, ваши свѣтлые образы будутъ неотлучно сопутствовать намъ во всѣхъ трудахъ, направленныхъ къ счастью русскаго народа.

Исп. Ком. 19 марта 1882 г.

Типографія «Народной Воли» СПб. 3 апрѣля 1882 г.

Отъ ред. Печатаемъ эту очень рѣдкую прокламацію партіи «Народной Воли» до сихъ поръ не воспроизведенную въ появившихся сборникахъ литературы «Народной Воли».

ДѢЛО ГАПОНА*).

ЧАСТЬ I.

Гапонъ.

(*Январь—ноябрь 1905 г.*)

I.

Съ перваго дня петербургской забастовки передъ 9-мъ января 1905 г. видно было, что дѣло не ограничится однимъ принятіемъ назадъ на работу разсчитанныхъ съ Путиловскаго завода четырехъ рабочихъ.

Я внимательно сталъ слѣдить за стачкой и руководителемъ ея Гапономъ.

Незадолго до 9-го января 1905 г. я ушелъ съ N-скаго завода, гдѣ завѣдывалъ одной изъ мастерскихъ. Отношенія мои съ рабочими были хорошія, и во время стачки они предложили мнѣ посѣщать ихъ собранія.

5-го января они познакомили меня съ Гапономъ.

*) Опубликовываемыя записки состоятъ изъ 3-хъ частей, писавшихся разновременно: 1) замѣтки о Гапонѣ за январь—ноябрь 1905 года писались въ концѣ 1907 года; 2) мои отчеты Ц. К-ту П. С.-Р. о предательствѣ и смерти Гапона — писались по распоряженію Ц. К. послѣ каждого изъ моихъ свиданій съ Гапономъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, въ самый день свиданія или черезъ нѣсколько дней. Отчеты тогда же пересылались Ц. К-ту. Въ настоящее время эта часть пополнена необходимыми поясненіями; 3) глава о моихъ сношеніяхъ съ Ц. К. П. С.-Р. по дѣлу Гапона послѣ его смерти написана сейчасъ.

По причинамъ личнаго характера я до сихъ поръ не могъ заняться составленіемъ своихъ записокъ о Гапонѣ. Если въ моей работѣ встрѣчаются какія либо неясности, то это объясняется спѣшностью, съ какой мнѣ пришлось писать.

За всѣми разъясненіями, которыя могутъ оказаться нужными по поводу моихъ записокъ о Гапонѣ, прошу обращаться къ В. Л. Бурцеву, согласившемуся взять на себя всѣ сношенія по поводу ихъ опубликованія.

Рутенбергъ.

25 іюня 1909 года.

Это было въ тотъ вечеръ, когда, послѣ безплодныхъ хождений и хлопотъ по разнымъ властямъ имущимъ лицамъ, Гапонъ произнесъ свою знаменитую рѣчь въ Нарвскомъ отдѣлѣ „Союза русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“.

— Товарищи! мы ходили къ Смирнову*), ничего не добились. Ходили въ Правленіе, ничего не добились. Къ градоначальнику — тоже ничего. Къ министрамъ — тоже ничего. Такъ пойдемте, товарищи, къ самому царю! — говорилъ Гапонъ рабочимъ.

— Пойдемъ! — отвѣчала многотысячная толпа, увлеченная простотой логики своего „заступника“ „батюшки“.

— И если надо будетъ, головы сложимъ, но своего добьемся!... — продолжалъ Гапонъ.

— Сложимъ! Добьемся!

* * *

Въ городѣ къ этому времени всѣ говорили о Гапонѣ, кто, что и какъ могъ. Въ интеллигентной средѣ отношеніе къ его личности могло быть только скептически-отрицательное. Но разворачивавшіяся съ каждымъ днемъ событія превращали его хулителей въ хвалителей. Мелочи забывались. Все величье надвигавшейся грозы переносилось на Гапона, связывалось съ его именемъ.

На рабочихъ собраніяхъ стали читать *петицію къ царю*, собирать подъ нею подписи. Число рабочихъ, явившихся услышать петицію было такъ велико, что ихъ приходилось пускать въ залъ собранія на смѣну по нѣскольку тысячъ, а за Невской заставой Гапонъ долженъ былъ выйти подъ открытое небо, взобраться на бочку съ водой и читать петицію при свѣтѣ фонаря.

Въ таинственно неясныхъ очертаніяхъ развѣвавшейся надъ толпой рясы, въ каждомъ звукѣ доносившагося хриплаго голоса, въ каждомъ словѣ прочитанныхъ изъ петиціи требованій, окружавшему очарованному людскому морю казалось, что наступаютъ конецъ, приближается избавленіе отъ чудовищныхъ вѣковыхъ мученій.

А Гапонъ, увлеченный стихіей, заговорилъ ея языкомъ, сталъ выражать ея желанія, свѣтитъ ея красотой.

Все тянулось къ нему. По первому его слову готово было идти на муки, смерть, на все.

Когда, послѣ cadaго прочитаннаго пункта петиціи, онъ спрашивалъ:

— Нужно ли это вамъ, товарищи? — въ отвѣтъ ему вырывалось далекимъ стономъ:

— Нужно! Необходимо!

*) Директоръ забастовавшаго тогда Путиловскаго завода.

Такъ же его слушали, такъ же къ нему стали относиться во всѣхъ другихъ частяхъ города.

* * *

Я видѣлъ всю стихійность разворачивавшихся передо мной событій, все безсиліе революціонныхъ партій и интеллигенціи оказать какое-бы то ни было вліяніе на нихъ. Не могъ понять позиціи правительства, допускавшаго все это на свою же, какъ мнѣ казалось, гибель.

Одно было ясно. Подъ предводительствомъ священника самъ изголодавшійся, изстрадавшійся рабочій народъ, съ торжественно-мрачной рѣшимостью, что „дальше такъ жить невозможно“, съ наивной вѣрой въ успѣхъ „послѣдняго“ средства, идетъ къ царю просить хлѣба и свободы, просить то, что царь всегда отнималъ, но не *можетъ* дать ему.

Богъ и царь, — двѣ идеи, такъ долго омрачавшія сознаніе и парализовавшія волю народа, были поставлены на карту.

И каковъ бы ни былъ исходъ затѣяннаго свиданія, оно должно было быть роковымъ для одной изъ сторонъ.

Либо народъ будетъ одураченъ и, опьяненный словомъ и видомъ царя, потянетъ ярмо дальше, до полнаго истощенія.

Либо миражъ царскаго всемогущества и доброжелательства къ народу разсѣется навсегда.

* * *

Подъ явно организованнымъ вліяніемъ, рабочіе съ первыхъ дней стачки не подпускали къ себѣ „студентовъ“ и „интеллигентовъ“, отказывались отъ какихъ бы то ни было „бумажекъ“ ихъ и рѣчей. Къ нѣкоторыхъ „отдѣлахъ“ заподозрѣнные въ качествѣ интеллигентовъ или распространителей прокламацій, немедленно изгонялись и часто избивались. Зачинщиками являлись сыщики, бывшіе въ большомъ количествѣ на собраніяхъ. Они увлекали за собою сѣрую толпу рабочихъ, насторожившуюся, нервно-приподнятую, опасавшуюся неожиданнаго подвоха, удара изъ-за спины, крушенія послѣднихъ ея надеждъ.

Только вмѣшательство сознательной, развитой части рабочихъ предупредило безсмысленное пролитіе крови, отвлеченіе неожиданно скопившейся революціонной силы въ наиболѣе желательную для правительства сторону — погрома интеллигенціи.

Мое положеніе, какъ интеллигента, было исключительнымъ. На рабочихъ собраніяхъ за Нарвской заставой многіе меня знали и лично ко мнѣ хорошо относились. Мое присутствіе на собраніяхъ не вызывало враждебнаго недовѣрія.

Разсчитывая на свою выдержку и авторитетъ, которымъ я пользовался среди значительной группы рабочихъ, я думалъ, что смогу оказаться полезнымъ и долженъ поэтому итти вмѣстѣ съ рабочими къ Зимнему Дворцу.

II.

Восьмого января войскамъ роздали боевые патроны. Они заняли всѣ опасныя для правительства пункты Петербурга. Отрѣзали окраины отъ центра города.

Гапона я смогъ увидѣть только 9-го утромъ.

Я засталъ его среди нѣсколькихъ рабочихъ, блѣднаго, растеряннаго.

— Есть у васъ, батюшка, какой-нибудь практической планъ?
— спросилъ я.

Ничего не оказалось.

— Войска, вѣдь, будутъ стрѣлять.

— Нѣтъ, не думаю! — отвѣтилъ Гапонъ надтреснутымъ, растеряннымъ голосомъ.

Я вынулъ бывший у меня въ карманѣ планъ Петербурга съ приготовленными заранее отмѣтками. Предложилъ наиболее подходящій, по моему, путь для процессии. Если бы войска стрѣляли, забаррикадировать улицы, взять изъ ближайшихъ оружейныхъ магазиновъ оружіе и прорваться во что бы то ни стало къ Зимнему Дворцу.

Это было принято.

Пошли въ ближайшую часовню и принесли хоругви и кресты.

Гапонъ немного успокоился и оправился.

* * *

Во дворѣ „собранія“ собралось уже много народа. Ко мнѣ стали обращаться за распоряженіями. Группа рабочихъ спросила, что хоругви, де, имѣются, такъ не взять ли и царскіе портреты.

Я осторожно отсовѣтовалъ.

Предстоявшая бойня казалась настолько бессмысленной, не соответствовавшей интересамъ правительства, что я опасался возможной патріотической манифестаціи. Не мнѣ же ей содѣйствовать.

* * *

Прежде чѣмъ двинуться въ путь, надо было предупредить собравшихся, на что идутъ. Предупредить разбродъ съ случаѣмъ какихъ-нибудь неожиданностей.

Гапонъ такъ ослабѣлъ и охрипъ, что сказать ничего не могъ. Отъ его имени я предупредилъ рабочихъ, что солдаты въ нихъ, можетъ быть, будутъ стрѣлять и ко дворцу не пропустятъ. Хотятъ ли все-таки итти?

Отвѣтили, что пойдутъ и во что бы то ни стало прорвутся на площадь Зимняго Дворца.

Я объяснилъ, какими улицами итти, что дѣлать въ случаѣ стрѣльбы. Сообщилъ адреса ближайшихъ оружейныхъ лавокъ.

Когда раздалось послѣднее „Съ Богомъ“! люди стали усердно креститься. Дрогнули хоругви. Дрогнула толпа. Суетливо сжалась у мостика. Еще разъ сжалась, стиснулася у воротъ. И вылила на широкое шоссе.

Мои предупрежденія о возможности стрѣльбы, объ оружіи обратили вниманіе толпы, но не пристали къ ней, не проникли въ душевную глубь ея.

— Развѣ къ Богу можно итти съ оружіемъ? Развѣ къ Царю можно итти съ дурными мыслями?...

— Спа-си, Го-ос-по-ди, лю-у-ди тво-я и бла-го-сло-ви до-сто-я-ніе тво-е... — разрѣзало звонкій морозный воздухъ крикомъ послѣдней надежды и вѣры десятковъ тысячъ изстрадавшихся грудей.

— По-бѣ-е-ды бла-а-го-вѣр-но-му импе-ра-то-ру на-ше-му Ни-ко-ла-ю Алек-санд-ро-ви-чу... — звенѣло фанатической увѣренностью заклинанія, которое должно было отвести всякое зло, открыть дорогу къ лучшему, такъ необходимому будущему.

Когда за поворотомъ улицы увидѣли выстроившуюся у Нарвскихъ воротъ пѣхоту, запѣли еще громче, пошли впередъ еще тверже, еще увѣреннѣе. Шедшіе впереди хоругвеносцы смутились было, хотѣли свернуть въ боковую улицу. Но настроеніе и приказаніе толпы ихъ успокоило. Они и за ними вся процессія пошли прямо.

Неожиданно изъ-за Нарвскихъ воротъ появился мчавшійся во весь опоръ кавалерійскій отрядъ съ пашками наголо, разрѣзалъ толпу, пронесся во всю его длину.

Толпа дрогнула.

— Впередъ, товарищи! свобода или смерть! — прохрипѣлъ Гапонъ остаткомъ силъ и голоса.

Толпа сомкнулась, двинулась впередъ.

Кавалерія опять врѣзалась въ нее сзади напередъ и промчалась обратно въ Нарвскія ворота.

Народъ, вооруженный хоругвями и царскими портретами, очутился лицомъ къ лицу съ царскими солдатами, державшими скорострѣльные винтовки на перевѣсь.

Со стороны солдатъ раздался сухой, перекатывавшійся по линіи изъ края въ край, рѣзкій трескъ.

Со стороны народа раздались предсмертные стоны и проклятья.

Передніе ряды падали, задніе убѣгали.

Три раза стрѣляли солдаты. Три раза начинали и долго стрѣляли. Три раза переставали.

И каждый разъ, когда начинали стрѣлять, всѣ, кто не успѣлъ убѣжать, бросались на землю, чтобъ какъ-нибудь укрыться отъ пуль.

И каждый разъ, когда переставали стрѣлять, тѣ, кто могъ

бѣжать, поднимались и убѣгали. Но солдатскія пули ихъ догоняли и скашивали.

Послѣ третьяго раза никто не подымался, никто не бѣжалъ. Солдаты больше не стрѣляли.

* * *

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ третьяго залпа я подыять уткнутую въ землю голову.

Впереди меня, по обѣимъ сторонамъ Нарвскихъ воротъ, стояли двѣ сѣрыя застывшія шеренги солдатъ; по лѣвую сторону отъ нихъ — офицеръ. По сю сторону Карповскаго моста валялись въ окровавленномъ снѣгу хоругви, кресты, царскіе портреты и трупы тѣхъ, кто ихъ несъ.

Трупы были направо и налево отъ меня. Около нихъ большія и малыя алыя пятна на бѣломъ снѣгу.

Рядомъ со мной, свернувшись, лежалъ Гапонъ. Я его толкнулъ. Изъ-подъ большой священнической шубы высунулась голова съ остановившимися глазами.

— Живъ, отецъ?

— Живъ!

— Идемъ?

— Идемъ!

Мы поползли черезъ дорогу къ ближайшимъ воротамъ.

* * *

Дворъ, въ который мы вошли, былъ полонъ корчащимися и мечущимися тѣлами раненыхъ и стонами. Бывшіе здѣсь здоровые также стонали, также метались, съ помутившимися глазами, стараясь что-то сообразить.

— Нѣтъ больше Бога! нѣту больше царя! — прохрипѣлъ Гапонъ, сбрасывая съ себя шубу и рясу.

— Нѣтъ Бога! нѣту больше царя! — подтвердили окружавшіе грознымъ эхомъ.

То, что такъ мучило, что такъ трудно было понять, сразу стало ясно.

Въ нѣсколькихъ словахъ подвели итогъ всѣмъ причинамъ мучительнаго, вѣковаго прошлаго, установили программу неумолимаго, кроваваго будущаго...

На этотъ разъ „программа“ уже была не кучки интеллигенціи, не „преступнаго революціоннаго сообщества“.

* * *

Гапонъ одѣлъ шапку и пальто одного изъ рабочихъ.

Черезъ заборы, канаву, задворки, мы небольшой группой добрались въ домъ, населенный рабочими. По дорогѣ встрѣчались группы растерянныхъ людей, женщинъ и мужчинъ.

Въ квартиры насъ не пускали.

О баррикадахъ нечего было и думать.

Надо было спасти Гапона.

Я сказалъ ему, чтобы онъ отдалъ мнѣ все, что у него было компрометирующаго. Онъ сунулъ мнѣ довѣренность отъ рабочихъ и петицію, которая несъ царю.

Я предложилъ остричь его и пойти со мной въ городъ.

Онъ не возражалъ.

Какъ на великомъ постригѣ, при великомъ таинствѣ стояли окружавшіе насъ рабочіе, пережившіе весь ужасъ только что происшедшаго, и, получая въ протянутыя ко мнѣ руки клочки гапоновскихъ волосъ, съ обнаженными головами, съ благоговѣніемъ, какъ на молитвѣ, повторяли:

— Свято!

Волосы Гапона разошлись потомъ между рабочими и хранились, какъ реликвиіи.

* * *

Когда мы оставили за собой кровь, трупы и стоны раненыхъ и пробирались въ городъ, наталкиваясь на перекресткахъ и переѣздахъ на солдатъ и жандармовъ, Гапона охватила нервная лихорадка. Онъ весь трясся. Боялся быть арестованнымъ. Каждый разъ мнѣ съ трудомъ удавалось успокоить его. Покуда не выбрались черезъ Варшавскій вокзалъ изъ окружавшей пригородъ цѣпи войскъ.

Я повелъ его къ моимъ знакомымъ; сначала къ однимъ, потомъ, чтобы замести слѣдъ, къ другимъ.

Если люди эти найдутъ нужнымъ, они когда нибудь расскажутъ, какъ велъ себя Гапонъ въ этотъ день. Вѣдь это былъ день 9-го января.

Меня его поведеніе коробило.

Раньше я зналъ и видѣлъ Гапона только говорившимъ въ рясѣ передъ молившейся на него толпой, видѣлъ его звавшимъ у Нарвскихъ воротъ къ свободѣ или смерти.

Этого Гапона не стало, какъ только мы ушли отъ Нарвскихъ воротъ.

Остриженный, переодѣтый въ чужое, предо мной оказался предоставлявшій себя въ полное мое распоряженіе человѣкъ безпokoйный и растерянный, покуда находился въ опасности, тщеславный и легкомысленный, когда ему казалось, что опасность миновала.

Онъ не могъ удержаться, чтобы не назвать себя въ мое отсутствіе совершенно постороннимъ ему людямъ; не могъ удержаться, чтобы не рассказывать свои планы, несмотря на предупрежденіе не дѣлать этого. А вечеромъ произнесъ въ *Вольно-экономическомъ* обществѣ передъ разношерстнымъ собраніемъ интеллигентовъ „отъ имени отца Георгія Гапона“ *убъчь*, никому не нужную, ничего не значившую, - ...и это

въ то время, когда на Невскомъ продолжался еще разстрѣль...

Послѣ пережитаго утромъ 9-го января такая нервность была естественна, но не для Гапона.

Меня это и удивляло, и обязывало. Обязывало использовать свое влияние на этого человѣка, имя котораго стало такой революціонной силой.

* * *

Вечеромъ 9-го января онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у Максима Горькаго и спрашивалъ:

— Что теперь дѣлать, Алексѣй Максимовичъ?

Горькій подошелъ, глубоко поглядѣлъ на Гапона. Подумалъ. Что-то радостно дрогнуло въ немъ, на глаза навернулись слезы. И стараясь ободрить сидѣвшаго передъ нимъ совсѣмъ разбитаго человѣка, онъ какъ то особенно ласково и въ то же время по товарищески сурово отвѣтилъ:

— Чтожь, надо итти до конца! Все равно. Даже если придется умирать.

Но что именно *дѣлать* Горькій сказать не могъ. А рабочіе спрашивали распоряженій.

Гапонъ хотѣлъ было поѣхать къ нимъ, но я былъ противъ этого. Онъ отправилъ въ Нарвскій отдѣлъ записку, что „занять ихъ дѣломъ“.

По предложенію Горькаго мы поѣхали въ Вольно-экономическое общество на частное совѣщаніе собравшихся тамъ представителей интеллигенціи разныхъ направленій. Но и это совѣщаніе ничего сказать не смогло.

* * *

Изъ состава „совѣщанія“ выдѣлилась группа, принявшая нѣсколько рѣшеній, казавшихся тогда единственно доступными и практически осуществимыми. Нашли желательнымъ, чтобы Гапонъ написалъ къ рабочимъ прокламацію по поводу происшедшаго. Я взялъ на себя повліять на него въ нужномъ смыслѣ.

Изъ Вольно-экономическаго общества Гапона уводили почитать на квартиру Б. Мы условились относительно прокламаціи. Но явившись къ Гапону на слѣдующее утро, я нашелъ написанное имъ неподходящимъ и самъ написалъ другую. Въ ней остались слѣдующія, принадлежащія Гапону выраженія, напечатанныя курсивомъ:

Родные! *Братья товарищи-рабочіе!*

Мы мирно шли 9-го января къ царю за правдой, мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ итти къ царю. *Самому царю я послалъ 8 января письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой*

Цѣною собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все таки пролилась!

Зять-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русского народа, сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, неспихъ царскій портретъ, прострѣлили этотъ портретъ и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отметимъ же, братья, проклятому народомъ царю и всему его змѣиному отродью, министрамъ, всемъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всемъ! Вредите всемъ, кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всехъ, кто искренно хочетъ помочь русскому народу свободно жить и дышать — на помощь! Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціалдемократовъ, социалистовъ-революціонеровъ) — всѣхъ. Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія! Не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными! Лучше оставить девять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады, громите царскіе дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицію!

Солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всемъ угнетателямъ народа — мое пастьерское проклятіе! Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — мое благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои! Не падайте духомъ! Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды: невинно пролитая кровь тому порукой! Перепечатавайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собой и по всей Россіи это мое посланіе и завѣщаніе, зовущее всехъ угнетенныхъ, обездоленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ или разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами — сотнями тысячъ — клятву. Боритесь пока не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избраны вами самими защитники вашихъ правъ и интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю.

Да здравствуетъ грядущая свобода русского народа!

Священникъ Георгій Гапонъ.

12 час. ночи 9-го января 1905 г.

Гапону понравился текстъ и онъ предложилъ мнѣ писать отъ его имени какъ, что и когда найду нужнымъ. И для этого подписалъ мнѣ десятка полтора чистыхъ листовъ бумаги*.

* * *

Стачка падала. Оставаясь въ Петербургѣ, Гапонъ рисковалъ быть арестованнымъ. Его переправили въ имѣніе одного изъ петербуржцевъ, мѣсто совершенно безопасное, далекое отъ Петербурга. Передъ его отъѣздомъ мы условились, что если настроеніе рабочихъ поднимется, ему дано будетъ знать, и онъ вернется въ Петербургъ. Если все успокоится, онъ уѣдетъ за границу. Цѣлью поѣздки за границу будетъ: объединить подъ влияніемъ его авторитета организаціонныя и боевыя силы социалъдемократовъ и социалистовъ-революціонеровъ. Для этого онъ долженъ оставаться внѣ партій, не объявлять себя членомъ которой бы то ни было изъ нихъ и не возбуждать существующей между ними розни публичнымъ одобреніемъ или неодобреніемъ одной изъ нихъ. Въ деревнѣ онъ долженъ дожидаться отъ меня указаній и двигаться съ мѣста сможетъ только въ случаѣ опасности быть арестованнымъ или когда узнаетъ, что я арестованъ. На всякій случай я далъ ему адреса и пароли для перехода черезъ границу и для явки за границей. Его снабдили деньгами.

* * *

„Подняться“ настроенію петербургскихъ рабочихъ не пришлось. Въ первые дни требовали оружія, бомбъ, планомѣрнаго руководства, т. е. организаціи. Ничего не было. Гапоновская прокламація дошла до рабочихъ поздно, когда нужда успѣла уже оказать свое влияніе, когда многіе стали уже на работу, а накопившаяся злоба притупилась и пошла внутрь.

Я рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ Гапономъ за границу. Переслалъ ему паспорта, указанія, гдѣ и какъ со мной встрѣтиться (въ Россіи). Но его уже въ деревнѣ не было. Не дожидаясь отъ меня извѣстій, онъ уѣхалъ оттуда самъ и перешелъ границу близъ Таурогена, раньше меня на день.

IV.

Пережитыя Гапономъ въ Россіи и при переходѣ черезъ границу тревоги, переѣздъ черезъ всю Европу безъ языка и съ боязнью быть узаннымъ и арестованнымъ закончились тѣмъ, что въ Женевѣ онъ не нашелъ лица, къ которому я его направилъ. Не нашелъ, значить, и меня.

*) Оригиналъ этой прокламаціи и другой, маленькой, «Къ солдатамъ», написанныя моею рукой и подписанныя Гапономъ, должны быть у Г. У него же долженъ находиться тотъ экземпляръ петиціи, который несли 9 января къ царю. Чистые же листы съ подписями Гапона взялся сохранить Б., у котораго Гапонъ ночевалъ, но когда въ мартѣ 1905 г. я потребовалъ ихъ, листы оказались уничтоженными.

Два дня, какъ рассказывалъ онъ мнѣ потомъ, онъ ходилъ по городу безпомощный и измученный. Отправился, наконецъ, къ Плеханову.

Ему, конечно, обрадовались, приласкали его. А онъ, очутившись въ теплѣ и уютѣ, захотѣлъ, должно быть, сказать окружающимъ что нибудь пріятное. Онъ рассказывалъ о 9-омъ января, о томъ, что сознательно заранѣе все подготавливалъ и что... онъ — социальдемократъ, социальдемократомъ всегда былъ и социальдемократъ его спасъ.

Не экзаменовать же его было присутствовавшимъ. Говорилъ, вѣдь, Гапонъ! А кто въ тѣ дни не считался съ его словами?

Его спросили, можно ли объ этомъ написать Каутскому и въ „Vorwärts“. Гапонъ отвѣтилъ, что можно не только написать, но даже телеграфировать.

Такъ и сдѣлали.

Черезъ день онъ встрѣтился со мной. Начались переговоры съ представителями разныхъ партій. И неожиданно для себя, я узналъ, что Гапонъ успѣлъ уже не только самъ попасть, но и другихъ поставить въ неловкое положеніе.

* * *

Оказавшись первой фигурой русской революціи, Гапонъ въ то же время не разбирался въ смыслѣ и значеніи партій, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло, въ ихъ программахъ, спорахъ. Онъ не понималъ даже всей важности сыгранной имъ 9-го января роли. Мнѣ не разъ приходилось разъяснять ему это. Разъясняли ему и другіе и сама жизнь. Каждый по своему! И каждое изъ этихъ разъясненій различно на него дѣйствовало, разное имъ воспринималось.

Первые двѣ-три недѣли ему приходилось выслушивать и читать о себѣ самыя фантастическія комбинаціи. Но останавливаться на нихъ, „угорать“ отъ нихъ, некогда было. Кровавый ужасъ 9-го января слишкомъ свѣжъ былъ въ памяти. Динамитъ и оружіе, терроръ и вооруженное возстаніе, о которыхъ судили и говорили на „свиданіяхъ“ и „совѣщаніяхъ“ слишкомъ захватывали и удовлетворяли безсознательно накопившееся чувство.

Встрѣчавшіеся представители разныхъ партій подходили къ нему, какъ къ революціонному вождю, такъ съ нимъ разговаривали, такія къ нему требованія, конечно, предъявляли. А онъ въ отвѣтъ могъ связно и съ одушевленіемъ рассказать о 9-омъ января, о намѣченной программѣ. Когда ставились непредвидѣнные вопросы, онъ „соглашался“ со мной, а когда меня не было, „соглашался“ и съ другими, т. е. часто съ мнѣніями діаметрально противоположными. И изъ одного неловкаго положенія попадалъ въ другое, изъ которыхъ мнѣ же приходилось его выпутывать.

Такъ или иначе, онъ былъ искрененъ въ это время. Умѣло или неумѣло — заботился только объ успѣхѣ дѣла, съ которыми оказался связаннымъ. О своемъ „величіи“ не думалъ. Во всякомъ случаѣ ничѣмъ этого не проявлялъ.

Но продолжалось такъ не долго.

* * *

Мы переѣхали въ Парижъ.

Гапонъ былъ свободенъ теперь отъ дѣловыхъ свиданій, сталъ вести жизнь болѣе спокойную и нормальную, чѣмъ въ Женевѣ. Сталъ читать немного, работать. Онъ долженъ былъ написать нѣсколько брошюръ и прокламацій.*) Одному изъ товарищей пришла мысль пойти съ Гапономъ къ Жоресу, Вальяну, Клемансо... Гапонъ охотно согласился. Я былъ противъ этого. Зналъ уже его и опасался, что хожденіе по знаменитостямъ скверно на него повліяетъ, во всякомъ случаѣ отвлечетъ отъ дѣла. Но скоро я долженъ былъ уѣхать изъ Парижа на нѣсколько дней. Гапонъ остался одинъ. И выводъ его въ „свѣтъ“ состоялся.

За время моего отсутствія онъ успѣлъ побывать у Жореса и Вальяна и условиться о свиданіи съ Клемансо.

— Знаешь, кто такой Вальянъ? — спросилъ Гапонъ, рассказывая мнѣ объ этихъ свиданіяхъ, съ глубоко ушедшими, задумавшимися глазами.

— Конечно, знаю.

— У васъ большой умъ и великое сердце, — сказалъ онъ мнѣ на прощаніе. Такъ и сказалъ: большой умъ и великое сердце. И трясетъ руку... Оба, и Жоресъ и Вальянъ, были страшно рады повидаться и поговорить со мной. Они сказали, что это для нихъ большая честь.

Гапонъ засмѣялся мелкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

*) Подробностей въ настоящее время не безынтересная. Прокламація свои онъ раньше всего читалъ и исправлялъ со мной, а потомъ читалъ другимъ товарищамъ. Между прочими прокламаціями Гапонъ написалъ письмо Николаю Романову. Я былъ противъ его печатанія. Онъ прочелъ его тогда въ присутствіи Азефа и Р. Я настаивалъ, что этой прокламаціи печатать не слѣдуетъ. Р. молчалъ, Азефъ поддержалъ Гапона. Прокламація была напечатана.

Не безынтересна и слѣдующая подробность. Приблизительно въ февралѣ 1905 года къ парижскому представителю партіи, Рубановичу, явился молодой человѣкъ, заявившій, что онъ состоитъ на службѣ у русской полиціи, что раскаивается въ этомъ и хотѣлъ бы быть полезнымъ партіи. Молодой человѣкъ предоставлялъ себя въ полное распоряженіе партіи, соглашаясь чѣмъ угодно доказать свою искренность.

Гапонъ въ это время жилъ въ семьѣ Азефа и однажды изъ своей комнаты услышалъ, какъ Азефъ рассказывалъ объ этомъ своей женѣ. Онъ завожился, позвалъ къ себѣ Азефа, заставилъ пересказать себѣ все и точныя примѣты молодого человѣка, такъ какъ ему казалось, что онъ знаетъ его по Россіи, видѣлъ его тамъ въ полицейскихъ кругахъ.

Разговорившись съ Азефомъ, Гапонъ рассказалъ ему подробно о своемъ знакомствѣ и сношеніяхъ съ Зубатовымъ и другими полицейскими.

Азефъ передалъ мнѣ этотъ разговоръ. Но я совершенно не могу восстановить его. Азефъ отплевывался, какъ отъ чего то мерзкаго. «Прошлое попа» ему претяло.

Азефъ, конечно, говорилъ объ этомъ не мнѣ одному. И кто нибудь изъ товарищей восстановитъ его рассказъ.

Всегда, когда онъ разсказывалъ о чемъ нибудь приятно льстившемъ ему, стараясь сдержать и скрыть переполнявшую его радость, рѣчь его непроизвольно прерывалась этимъ мелкимъ, нервнымъ смѣхомъ.

— Я спросилъ Жореса, могутъ ли меня арестовать въ Парижѣ. Онъ поднялъ кулаки, раскричался. Сказалъ, что *все разобьетъ*, если меня арестуютъ.

А утромъ, въ день свиданія съ Клемансо, Гапонъ пережилъ самъ и устроилъ другимъ непристойную драму: ему купили рубашку съ гладкой, а не съ гофрированной грудью. У него къ этому времени вкусъ къ одеждѣ сталъ уже утонченнымъ...

V.

Продолжительные переговоры съ разными партіями окончились рѣшеніемъ созвать конференцію изъ уполномоченныхъ этихъ партій, которая обсудитъ и рѣшитъ поставленное Гапономъ предложеніе: объединить и организовать революціонныя боевыя силы въ Россіи.

Для меня переговоры эти выяснили, что никакое „объединеніе“ немислимо и если состоится, то никакихъ практическихъ результатовъ не дастъ. С.-д. „меньшевики“, въ лицѣ Плеханова, совсѣмъ отказались отъ участія въ конференціи, считая Гапона лицомъ недостаточно авторитетнымъ и компетентнымъ для подобной инициативы. Не дожидаясь конференціи, я сталъ собираться въ Россію.

Желаніе объединить вокругъ Гапона всѣ партіи я оставилъ, какъ неосуществимое. Остаться ему для осуществленія этого плана внѣ партій не зачѣмъ было.

Наоборотъ. Присматриваясь къ нему, слѣдя за развивавшимся у него самолюбваніемъ, мнѣ казалось, что партійная дисциплина, какое бы то ни было практическое дѣло для него необходимы. Бабушка (Е. А. Брешковская), которая должна была вскорѣ вернуться изъ Америки, старики, такъ или иначе относившіеся лично къ нему хорошо, своимъ авторитетомъ и руководствомъ могли оказать на него только хорошее вліяніе.

Я сказалъ объ этомъ Гапону, объяснилъ ему мое отношеніе къ нему. Предложилъ, если хочетъ, поставить вопросъ о пріятіи его въ члены партіи.

Онъ сильно морщился отъ моихъ объясненій, но согласился со мной.

* * *

Мнѣ надо было вернуться въ Женеву. Гапонъ отправился **вмѣстѣ** со мной.

Мы пріѣхали съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ, молча шли по пустымъ еще улицамъ. На rue Corraterie Гапонъ отсталъ отъ меня. Я обернулся. Онъ стоялъ, застывши у витрины писчебумажнаго магазина, очарованный, не въ состояніи отор-

ваться отъ... своего портрета на почтовой открыткѣ. Я не мѣшалъ ему. Не могъ мѣшать, — такъ поразилъ меня его видъ. Это онъ впервые наткнулся на конкретное доказательство своей популярности, „даже за границей“. Нѣсколько минутъ мы стояли такъ; онъ, глядя на свой портретъ, я — на него.

Потомъ пошли, молча, дальше, каждый со своими мыслями.

Я хотѣлъ до своего отъѣзда въ Россію устроить Гапона, предупредить возможные недоразумѣнія. Чтобъ онъ не нуждался въ деньгахъ, ему дали 1000 фр. Партія согласилась принять его въ члены — на извѣстныхъ условіяхъ, конечно.

Въ присутствіи товарищей*) я объяснилъ ему обязанности, которыя онъ беретъ на себя, вступая въ партію. Ни о какихъ самолюбивыхъ планахъ, дѣловыхъ переговорахъ безъ предварительнаго совѣта и разрѣшенія центральнаго комитета не могло быть больше рѣчи. Ни о какихъ двусмысленностяхъ, недоговоренностяхъ — тѣмъ больше. Ему предлагалось почитать, подучиться и въ то же время писать свои записки, для которыхъ былъ найденъ издатель. Тѣмъ временемъ выяснится положеніе дѣлъ въ Россіи, пріѣдутъ нѣкоторые изъ товарищей; тогда опредѣлится его практическая роль въ революціонной работѣ. Относительно „правъ“ можно будетъ говорить въ зависимости отъ результатовъ его работы. Претендовать на открытость онъ можетъ въ предѣлахъ той области, въ которой будетъ работать.

Все это не было для него ново, потому что и раньше съ глазу на глазъ я говорилъ ему то же самое. Выборъ у него былъ свободный. Онъ могъ и не согласиться.

Онъ принялъ всѣ условія.

Это было въ вечеръ моего отъѣзда изъ Женевы въ Россію, приблизительно въ первыхъ числахъ марта 1905 года**).

Послѣ моего отъѣзда исторія гапоновской жизни свелась къ слѣдующему.

Слава была у него. Деньги скоро появились. Какъ только появились деньги, появились всякія „возможности“. Для достиженія ихъ понадобилась „свобода“, оказалось не по себѣ въ тѣсномъ кругу товарищей-революціонеровъ, среди которыхъ онъ жилъ до тѣхъ поръ. Вынырнуло тщеславіе, нашедшее достаточно пищи во всемъ, его окружавшемъ.

Неслыханные, совершенно непереваримые для него гонорары за его рукописи, фантастическія сказки о немъ въ печати,

*) Красновъ, Субботинъ и Азефъ.

**) Характерна и эта подробность. Послѣ разговора съ Гапономъ, мнѣ надо было пойти съ Азефомъ въ городъ. По дорогѣ мы заговорили о... довѣріи къ Гапону. Я сказалъ, что, по моему, съ нимъ слѣдуетъ быть осмотрительнымъ. Предать — не предать, но при арестѣ, принужденный можетъ рассказать все, что знаетъ. Азефъ съ своей стороны сказалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ вообще къ нему не питаютъ довѣрія. Чѣмъ вызвана была самая возможность этого разговора сейчасъ не помню. Но было, очевидно, достаточно данныхъ, хотя бы и неудовимыхъ, давшихъ поводъ къ такому къ нему отношенію черезъ мѣсяцъ послѣ его пріѣзда за границу.

разныя иностранныя „знаменитости“ (вплоть до англійской принцессы), добивавшіяся посмотрѣть на него, проинтервьюировать его, поклоненія въ „колоніяхъ“; даже расклеенные на улицахъ плакаты о театральныхъ и балаганныхъ представленіяхъ съ громадными надписями „Гапон“, сами эти представленія, на которыхъ Гапонъ присутствовалъ... все кружило ему голову, все говорило ему, что онъ можетъ быть только „вождемъ“ революціи и ни въ какомъ случаѣ простымъ членомъ революціонной партіи.

Естественно, что учиться чему бы то ни было онъ оказался нерасположеннымъ. Вхаты въ Россію, заняться по выработанному совмѣстно съ нимъ плану крестьянской агитаціей, не захотѣлъ. Вхаты туда соглашался только тогда, когда „все будетъ готово“. Онъ предпринялъ рядъ шаговъ, ставившихъ партію въ дѣйствительное положеніе, благодаря тому, что его считали членомъ партіи.

Ему предложили выйти изъ партіи.

Большое вліяніе на него оказало еще слѣдующее обстоятельство. Посланная въ Петербургъ по личному его дѣлу госпожа Н. вернулась и сообщила ему, что встрѣтила пасху въ обществѣ „его“ рабочихъ, гапоновцевъ, что рабочіе его помятъ, никогда не забудутъ и хотятъ устроить подпису, чтобъ поставить ему памятникъ.

— „При жизни“, — добавилъ Гапонъ, рассказывая мнѣ позже въ Лондонѣ про это. „Какъ никому!“

Узнавъ объ этомъ, онъ немедленно отправилъ въ Петербургъ къ рабочимъ другого „комиссара“ съ требованіемъ прислать ему формальныя полномочія быть ихъ представителемъ и устраивать всѣ ихъ дѣла. Выписалъ себѣ за границу рабочаго Петрова, на которого могъ, какъ рассчитывалъ, во всемъ положиться.

* * *

Будучи членомъ партіи, живя среди партійныхъ товарищей, Гапонъ зналъ о нѣкоторыхъ партійныхъ предпріятіяхъ, зналъ и объ организовавшемся тогда для Россіи большомъ транспортѣ оружія и динамита. Познакомился съ Соковымъ (не членомъ партіи), доставившимъ большія средства для этого дѣла.

Соковъ увлекся рассказами Гапона о 9-мъ Января, о его вліяніи на рабочихъ, о слѣпомъ довѣрїи ихъ къ нему. Гапонъ рассказывалъ о спорахъ между революціонными партіями и объ ихъ безсилїи сдѣлать что нибудь. Просилъ дать ему средства для самостоятельной работы среди своихъ гапоновскихъ рабочихъ. Свидѣтелемъ солидности его плановъ и организаціи онъ представлялъ „раненаго 9 января“ своего помощника, „предсѣдателя Невскаго отдѣла“, „рабочаго“ Петрова,

пріѣхавшаго къ нему „съ полномочіями отъ петербургскихъ рабочихъ.“

Петровъ былъ ослѣпленъ блескомъ, въ которомъ засталъ Гапона за границей, его разказами и планами, его критикой революціонныхъ партій. Онъ поддался вліянію Гапона и разсказалъ Сокову все, что заранѣе велѣлъ ему сказать Гапонъ.

На основаніи „свидѣтельствъ“ Петрова Гапонъ получилъ 50,000 франковъ.

* * *

Сколо 20 мая 1905 г. я вернулся изъ Россіи за границу (въ Парижъ). Мнѣ разсказали о Гапонѣ, о сдѣланномъ ему предложеніи выйти изъ партіи и причинахъ этого. Мнѣ поручили поѣхать въ Лондонъ повидаться по дѣлу съ *Жковымъ*. Тамъ я встрѣтился съ Гапономъ.

Среди товарищей я былъ самый близкій Гапону человекъ за границей.

Онъ обрадовался моему пріѣзду; радовался тому, что я ускользнулъ отъ ареста на границѣ. Разсказывалъ мнѣ о причинахъ ухода изъ партіи. По своему, конечно. О планахъ, сводившихся къ восклицанію: „ты увидишь, что я сдѣлаю!“ Но больше и подробнѣй всего разсказывалъ о памятникѣ, который рабочіе собираются поставить ему „при жизни“ — „какъ никому“; о его бюстѣ, „поставленномъ въ здѣшнемъ лондонскомъ музеѣ“ и „въ Парижѣ тоже“. (Это надъ нимъ подшутить, должно быть, кто то). Разсказывалъ о томъ, что за каждое написанное имъ „слово“, по его „расчету“, выходитъ „по двадцати копеекъ“. Разсказывалъ о деньгахъ и оружіи, которыя у него имѣются и будутъ. Приглашалъ меня „оставить с.-р.-овъ“ и работать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ убѣдился, что всѣ революціонеры талмудисты и не знаютъ практической жизни. Если С.-Р. и С.-Д. захотятъ, они пойдутъ за нимъ, а не захотятъ — онъ ихъ заставитъ идти за собой.

Все это было для меня ново въ немъ. Я попробовалъ было поговорить съ нимъ по старому, по товарищески. Но скоро прекратилъ, увидѣвши, насколько это бесплодно.

Передъ вторичнымъ моимъ отъѣздомъ въ Россію Гапонъ пріѣхалъ повидаться со мной въ Женеву. Но и изъ этого свиданія никакого проку не вышло. Мы совершенно разное смотрѣли на вещи, шли разными дорогами. *)

* * *

Ц. К. поручилъ мнѣ поѣхать въ Россію поставить приему оружія съ отправлявшагося тогда парохода „Джонъ Крафтонъ.“ Заняться этимъ дѣломъ мнѣ не пришлось. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Петербургъ я былъ аресто-

*) По сообщеніямъ у В. Л. Бурцева даннымъ, Гапонъ къ этому времени уже возобновилъ свои сношенія съ департаментомъ полиціи черезъ пріѣхавшаго къ нему за границу Мѣдникава.

ванъ на улицѣ послѣ несостоявшагося, условленнаго съ бывшимъ членомъ партіи... Татаровымъ, свиданія. До выхода изъ тюрьмы о Гапонѣ не знали ничего. Какъ онъ жилъ это время, о его поѣздкѣ въ Финляндію, о томъ, какъ онъ впуталъ въ дѣло пріемки оружія совершенно постороннихъ дѣлу лицъ, о его жизни за границей послѣ возвращенія изъ Финляндіи, знаю по рассказамъ.

— „Быль у васъ въ Россіи Гапонъ, теперь вамъ нуженъ Наполеонъ!“ — сказалъ однажды Гапону наивный, восторженный капитанъ Кокъ (известный капитанъ финляндской красной гвардіи.)

— „А почему вы знаете, можетъ, я буду и Наполеономъ!“ — срѣзалъ его совершенно серьезно Гапонъ.

Это было въ Финляндіи осенью 1905 г., когда ждали прибытія парохода съ оружіемъ. Для меня до сихъ поръ не ясна роль, которая предназначалась при этомъ Гапону. Рѣчь, вѣдь, шла тогда о томъ только, чтобы принять и спрятать оружіе, а не о какомъ бы то ни было вооруженномъ возстаніи.

Финны прятали Гапона, ухаживали за нимъ. Но, по ихъ словамъ, онъ въ это время совсѣмъ не походилъ на Наполеона. Онъ очень волновался, боялся быть арестованнымъ, а главное „повѣшеннымъ“.

Разное мнѣ рассказывали о его жизни за этотъ періодъ, хорошаго мало. Но для меня изъ рассказаннаго видно было, что если онъ и развлекался, мучилъ, то переживалъ и тяжелыя минуты. Вернувшись изъ Финляндіи, послѣ крушенія „Джона Крафтона“, онъ часто и горько тосковалъ. Вѣдь, дѣлать что-нибудь, работать онъ не умѣлъ. Интересы эмигрантской колоніи? Мелкія дряги ея повседневной жизни? Многихъ они засасывали, но кого же не отталкивали отъ себя?

Вотъ картина, рассказанная очевидцемъ.

Парижскій кабакъ. За столомъ охмѣлѣвшій, загрустившій Гапонъ. Кругомъ содомъ. Гапонъ подымаетъ голову, съ помутившимися глазами зоветъ гарсона.

— Гарсонъ! „Реве тай стогне.“

Французскій гарсонъ, конечно, не понимаетъ.

Гапонъ сердится, бьетъ кулакомъ по столу, настаиваетъ на своемъ.

Его стараются понять и удовлетворить. Въ оркестръ отыскивается интернаціональный скрипачъ, появившій, чего отъ него требуютъ.

Плачетъ скрипка... Плачетъ Гапонъ. Мысли его далеки отъ окружающаго его кабацкаго, обратившаго на него вниманіе, хаоса. Гапонъ плачетъ и подтягиваетъ:

Реве тай стогне Дніпръ широкий,
Сердитый вітеръ завыва,
До долу верба гле високи,
Горами хвилью підійма...

Скрипачъ кончилъ, расшаркался съ изысканной любезной улыбкой.

Гапонъ брезгливо запускаетъ пальцы въ жилетный карманъ и швыряетъ скрипачу золотой . . .

VI.

Три раза я видѣлся съ Гапономъ въ ноябрѣ 1905 г., т. е. послѣ октябрьскаго манифеста и амнистіи.

Первый разъ мы встрѣтились въ Вольно-экономическомъ обществѣ во время засѣданія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Это было въ началѣ ноября, послѣ второй всеобщей забастовки, когда петербургскіе рабочіе потребовали, и получили, жизни для кронштадтскихъ матросовъ и снят^ія военнаго положенія для Польши.

По словамъ Гапона, онъ только что пріѣхалъ тогда въ Петербургъ.

Въ боковой, примыкавшей къ общему залу комнатѣ, въ темнотѣ, умѣстившись на книжныхъ тюкахъ, мы вспоминали 9-е января и все прошедшее послѣ него, говорили о текущемъ движеніи и руководителяхъ его, говорили о личныхъ нашихъ дѣлахъ.

Къ моему удивленію, Гапонъ попросилъ использовать мои связи, чтобы исклопотать ему амнистію.

Я возражалъ, что ему, съ его прошлымъ, не прилично *ходатайствовать* передъ правительствомъ о своей амнистіи. Я предлагалъ ему стать, какъ революціонеру, подъ защиту революціи, бывшей въ то время еще побѣдительницей, а не побѣжденной.

— Пойди, попроси сейчасъ же у предсѣдателя слова, скажи собранію: „Я — Георгій Гапонъ и становлюсь, товарищи, подъ вашу защиту.“ И никто тебя не посмѣетъ тронуть.

Онъ не соглашался. Вялый, задумавшійся, не договаривающій чего то, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— „Ты ничего не понимаешь!“

* * *

Второй и третій разъ Гапонъ пріѣзжалъ ко мнѣ на квартиру.

Сначала нѣсколько подробностей.

1) Въ первый изъ этихъ пріѣздовъ онъ просилъ дать ему денегъ, такъ какъ нуждается. Я могъ предложить ему только 25 рублей. Онъ ихъ взялъ. И позже, въ январѣ 1906 г. возвратилъ ихъ моей женѣ.

2) Въ то время по улицамъ Петербурга не безопасно было ходить даже среди бѣла дня. „Развлекалась“ только что народившаяся сотрудница правительства — черная сотня. Гапонъ просилъ дать ему два браунинга. Я обѣщалъ и далъ ихъ ему при слѣдующемъ свиданіи.

3) Въ серединѣ ноября 1905 г. я былъ въ канцеляріи прокурора судебной палаты, чтобы взять свои документы. Мнѣ сказали, что всѣ привлекавшіеся вмѣстѣ со мной по дѣлу 9-го января, и Гапонъ въ томъ числѣ, амнистированы. Во время второго свиданія у меня на квартирѣ (т. е. послѣдняго напего свиданія въ ноябрѣ) я ему сказалъ объ этомъ, очень довольный, что Гапонъ прекратитъ подпольный образъ жизни. Но онъ только принялъ это къ свѣдѣнію.

* * *

Оба раза на моей квартирѣ мы много говорили объ его „отдѣлахъ“. Онъ спрашивалъ, что и какъ ему слѣдуетъ, по моему, дѣлать.

Я отвѣчалъ: если онъ имѣетъ въ виду свои личные интересы, то используетъ интересъ и довѣріе рабочей массы къ его имени, какъ демагогъ. Но цѣли, навѣрное, не достигнетъ, такъ какъ социалистическія партіи достаточно сильны и организационно и идейно, чтобы уничтожить его при первой же подобной попыткѣ. Если же для него важны интересы рабочихъ, а не свои собственные, — а интересы рабочихъ онъ обязанъ защищать раньше всего, — то роль его должна свестись къ слѣдующему.

Онъ долженъ возстановить свои „отдѣлы“, какъ внѣпартійная рабочія организаціи. Своимъ влияніемъ на сѣру массу рабочихъ, уходящую къ черной сотнѣ, онъ долженъ собрать и организовать ее въ своихъ „отдѣлахъ“. Верхи рабочихъ, организованные въ социалистическихъ партіяхъ, по моему, тоже примутъ въ нихъ участіе. При каждомъ изъ „отдѣловъ“ каждая изъ партій должна имѣть свое бюро со своимъ книжнымъ складомъ, читальней и т. д. Если среди рабочихъ окажется значительная группа даже черносотенцевъ, которые пожелаютъ имѣть свое бюро, они должны его получить. Ни въ какомъ случаѣ не допускать для какой бы то ни было партіи „захвата“ влияния надъ всей организаціей. Каждая изъ нихъ должна использовать по очереди свое право устройства лекцій, рефератовъ, на которыхъ должна соблюдаться для всѣхъ безъ исключенія свобода слова. Рабочіе такимъ образомъ научатся самостоятельно разбираться въ окружающихъ ихъ теченіяхъ, сознательно и спокойно рѣшать интересующіе ихъ вопросы, а не будутъ ограничиваться принятіемъ митинговыхъ резолюцій подъ лѣянніемъ того или другого агитатора. Собранные въ отдѣлы рабочіе организуются въ профессиональные и кооперативные союзы. А сами „отдѣлы“ станутъ союзомъ профессиональныхъ и кооперативныхъ союзовъ. Рабочее движеніе сдѣлается силой, которая сумѣетъ вести серьезную экономическую борьбу.

Гапонъ соглашался со мною. И для успѣха дѣла просилъ написать въ „Сынъ Отечества“ статью, призывающую рабочихъ

относиться съ довѣріемъ къ нему и его "отдѣламъ." Я обѣщаль, если товарищи согласятся со мной.

Отдѣльныя слова, выраженія Гапона, тонъ, которымъ онъ говорилъ, оставили у меня отвратительный осадокъ на душѣ. Неприятное впечатлѣніе произвелъ на меня и „товарищъ“ его, съ которымъ онъ прѣхалъ; маленькій, невзрачный рабочий, оставившійся почему то (такъ распорядился Гапонъ) въ теченіе всего нашего разговора въ другой комнатѣ. Судя по описаніямъ, это былъ Кузинъ.

Раньше чѣмъ я собрался написать обѣщанную статью, въ газетахъ появились извѣстныя интервью съ Гапономъ. Я вызвалъ его черезъ рабочихъ къ себѣ, чтобы объяснить, но онъ не явился. Говорили, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга.

Чѣмъ больше росли гапоновскія организаціи въ Петербургѣ, тѣмъ чаще появлялись гапоновскія интервью, все болѣе опредѣленныя по своему содержанію, нападающія на социалистическія партіи, примиряющія съ правительствомъ. Мнѣ казалось, что изъ двухъ путей, о которыхъ я говорилъ съ нимъ, онъ выбралъ первый, т. е. путь демагога.

Между тѣмъ, рабочая среда, даже партійная, заколебалась. Захотѣли итти въ „отдѣлн“. Привлекали широта организаціи и имя Гапона. Въ партіяхъ и въ „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ“ стали обсуждать вопросъ объ отношеніи къ гапоновцамъ и ихъ организаціямъ. Въ Исполнительномъ Комитетѣ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, гдѣ я былъ представителемъ отъ партіи, я высказался за борьбу съ гапоновщиной, какъ съ демагогіей. Но вопросъ этотъ тогда не былъ рѣшенъ. А скоро пересталъ существовать самый Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

* * *

Въ концѣ декабря 1905 г. я вынужденъ былъ перейти опять на нелегальное положеніе. Гапономъ больше не занимался. Ничего о немъ, кромѣ того, что было въ газетныхъ замѣткахъ, я не зналъ.

Въ концѣ января 1906 г. Ц. К. поручилъ мнѣ поѣхать въ Москву. Передъ отъѣздомъ я видѣлся съ женой, которая сообщила мнѣ, что Гапонъ меня разыскиваетъ, хочетъ поговорить со мной о чемъ то.

Я заѣхалъ къ Гапону на дачу въ Теріоки, но не засталъ его и уѣхалъ въ Москву, не повидавшись съ нимъ.

ЧАСТЬ II.

Отчеты Центральному Комитету Партии С-Р. о предательствѣ и смерти Гапона.

Отчетъ I*).

6 февраля 1906 г. въ Москвѣ, гдѣ я жилъ нелегально, ко мнѣ явился Гапонъ. Моя жена, вполне ему довѣрявшая и знавшая, какъ меня разыскать въ эти дни, указала ему, куда обратиться. Гапонъ пріѣхалъ 5-го утромъ изъ Петербурга, явился по данному адресу. Ему сказали, что я туда долженъ прійти только 6-го въ 3 часа дня. Когда я пришелъ, Гапонъ уже ждалъ меня.

Онъ сказалъ, что пріѣхалъ специально повидаться со мной и сообщить мнѣ что то очень важное.

— Дѣло, большое дѣло. Вѣрно! Не надо только смотрѣть узко на вещи. Ты даже догадаться не можешь, въ чемъ дѣло. Вечеромъ поѣдемъ въ Ярѣ**), тамъ поговоримъ.

Я указалъ, что въ Ярѣ ѣздить неудобно въ полицейскомъ отношеніи. Да и не къ чему. Можно тутъ сейчасъ поговорить.

— Пустяки все это! вспыхнулъ онъ чего то, но сейчасъ добавилъ упавшимъ голосомъ, странно на меня поглядывая:

— Ты не бойся. Ты мнѣ, главное, вѣрь. Поѣдемъ Говорю тебѣ, не арестуютъ. Потомъ, я пригласилъ *Александру Михайловну***)* и стараго ученика моего по семинаріи съ женой. Онъ хорошей человѣкъ. Поѣдемъ. Проведемъ вечеръ. Тамъ поговоримъ.

Я наотрѣзъ отказался ѣхать въ Ярѣ разговаривать о конспиративныхъ дѣлахъ. Любой сыщикъ могъ его тамъ узнать въ лицо, и я провалюсь. Да и приглашенные имъ посторонніе люди будутъ мѣшать. Предложилъ ему, если хочеть, говорить сейчасъ.

Онъ отказался, сославшись на отсутствіе настроенія для разговора по такому важному дѣлу. Мы условились встрѣтиться на той же квартирѣ въ 9 часовъ вечера.

Видъ и настроеніе Гапона, котораго я не встрѣчалъ съ ноября 1905 г., меня поразили.

Во 1-хъ, онъ слишкомъ хорошо былъ одѣтъ. Для Гапона, бывавшаго ежедневно въ голодныхъ рабочихъ кварталахъ, это

*) Рассказы Гапона и его разговоры со мной записаны, по сколько было возможно, съ буквальной точностью. Слова и выраженія въ моемъ изложеніи тѣ, которыя употреблялъ самъ Гапонъ. Примѣчанія отъ моего имени помѣчены тамъ, гдѣ это мнѣ казалось нужнымъ для ясности.

При редактированіи этихъ отчетовъ исправлено и сокращено только то что говорится отъ моего имени. Сказанное самимъ Гапономъ и записанное въ свое время не измѣнено.

Последніе два отчета подтверждаются, конечно, присутствовавшими.

Добавленное позже тоже помѣчено.

**) Ярѣ - загородный ресторанъ въ Москвѣ

***) Имена, набранныя курсивомъ, измѣнены. А. М. - хозяйка квартиры, гдѣ мы встрѣтились.

было не ксгата, рѣзало глазъ. Во 2-хъ, онъ весь какъ то обля-
нялъ. Былъ пришибленный, безпокойный. Взгляда моего не
выдерживалъ. Щупалъ меня глазами, но со стороны, такъ,
чтобы я не замѣтилъ.

— Потому мы все таки поѣдемъ въ Яръ. Настроение у
меня плохое. Хочется немного развлечься.

— Зачѣмъ же обязательно въ Яръ? Можно здѣсь посидѣть.

— Я этого кабака еще не знаю. Хочу посмотрѣть. И чего
ты упираешься? Хочу съ тобой вечеръ провести. Ты, вѣдь, по-
нимаешь, что не ловко, разъ я пригласилъ уже людей.

— Ладно, тамъ видно будетъ.

Гапонъ сидѣлъ въ креслѣ, облокотивши голову на руку,
совсѣмъ расслабленный.

Разставаясь съ нимъ, я сказалъ между прочимъ, что пойду
куплю себѣ пальто.

— Дорогое купишь пальто?

— Рублей въ 35.

— Такое дешевое? Хочешь, я куплю тебѣ хорошее пальто,
спросилъ онъ.

— То есть, какъ это ты купишь мнѣ пальто?

— Ну, подарокъ. Ну, хочу купить тебѣ *хорошее* пальто (онъ
подчеркнулъ слово „хорошее“). Понимаешь? Ну, подарокъ,
что ли.

Я отклонилъ неумѣстный подарокъ.

* * *

Вечеромъ, въ 9 часовъ, послѣ длиннаго предисловія объ
узости взглядовъ нѣкоторыхъ товарищей (революціонеровъ), о
томъ, что надо дѣлать, что изъ всѣхъ товарищей онъ цѣнить
только меня одного, что когда лѣсъ рубятъ, щепки летятъ, и
т. д., онъ спросилъ съ меня слово, что все, что сообщить мнѣ,
останется между нами, такъ какъ это большая тайна.

Не подозрѣвая ничего особеннаго, я общалъ.

Разказалъ Гапонъ слѣдующее:

Онъ пріѣзжалъ въ Россію три раза. *Первый* разъ въ авгу-
стѣ 1905 г. (Тогда онъ до Россіи не доѣхалъ. Былъ только въ
Финляндіи. Заявленія въ печати, что онъ провелъ тогда три
мѣсяца среди крестьянъ и рабочихъ — неправда. П. Р.)

Второй разъ онъ пріѣхалъ не надолго послѣ манифеста 17
октября 1905 г. и *третій* разъ — въ концѣ декабря 1905 г.

Во второй его пріѣздъ, т. е. послѣ 17 октября, нѣкоторые
либералы: Струве, Матюшинскій и другіе, стали хлопотать у
Витте объ его (Гапона) легализаціи и объ открытіи 11-и отдѣловъ.
Особенно хлопоталъ о немъ Матюшинскій, бывший много лѣтъ
с-д. и с-р. и имѣвшій большія связи. Витте не соглашался.

Разъ Матюшинскій познакомилъ его съ чиновникомъ осо-
быхъ порученій при Витте, Мануйловымъ, который сообщилъ,
что Витте очень безпокоится о судьбѣ Гапона. Онъ цѣнитъ ге-

ніальныя способности Гапона и ему будетъ крайне тяжело, если Гапона арестуютъ. Дурново настаиваетъ на его арестѣ. Пребываніе Гапона въ Петербургѣ очень опасно. Этотъ арестъ принесетъ большой вредъ рабочему дѣлу. Графъ Витте проситъ его, для его же пользы и для пользы рабочихъ, уѣхать изъ Петербурга.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ Мануйловымъ, „бывшимъ агентомъ Плеве въ Парижѣ“, пояснилъ Гапонъ, пришли къ слѣдующему соглашенію: правительство черезъ Мануйлова выдаетъ ему паспортъ. За это Витте обѣщаетъ: 1) открыть отдѣлы, 2) возмѣстить причиненные въ январѣ отдѣламъ убытки въ суммѣ 30.000 рублей и 3) недѣль черезъ шесть легализовать Гапона.

Около 24-го ноября (точно числа не помню) Гапонъ уѣхалъ за границу. Уполномоченнымъ по всѣмъ дѣламъ оставилъ Матюшинскаго.

Рѣшеніе это было принято Гапономъ не единолично, а по совѣщанію съ своей „организационной комиссіей“.*)

Отдѣлы были открыты. Были затрачены большія деньги на ихъ отдѣлку. Но во время московскаго возстанія ихъ опять закрыли.

Не дождавшись шестипедѣльнаго срока, Гапонъ вернулся въ Россію, около 25 декабря 1905 г. Причиной этого преждевременнаго приѣзда Гапонъ выставляетъ усиленную за нимъ слѣжку въ Парижѣ и нѣкоторыя другія соображенія, которыхъ мнѣ не сказалъ.

Вернувшись, онъ узналъ, что Витте обѣщаній своихъ не сдержалъ. Отдѣлы хотя были открыты, но немедленно закрыты. Въмѣсто 30.000 рублей выдано только 7.000.

По порученію Витте дѣломъ о гапоновскихъ организаціяхъ завѣдывалъ министръ торговли Тимирязевъ. Къ нему была отправлена депутація отъ рабочихъ за объясненіями. Тимирязевъ сообщилъ, что деньги выдалъ полностью и показалъ расписку Матюшинскаго въ полученіи всѣхъ 30.000 рублей. Относительно отдѣловъ сказалъ, что Дурново не разрѣшаетъ ихъ открывать.

Оказалось, что Матюшинскій скрылся съ 23.000 рублей. За нимъ въ погоню послали рабочихъ Кузина и Черемухина.

* * *

При слѣдующемъ свиданіи Гапона съ Мануйловымъ, тотъ объяснилъ, что Витте ведетъ борьбу съ Дурново за отдѣлы, что отдѣлы теперь кабинетскій вопросъ. Дурново сказалъ, что подастъ въ отставку, если откроютъ отдѣлы. Мануйловъ еще прибавилъ, что теперь этимъ дѣломъ вѣдаетъ Дурново и что съ Гапономъ хочетъ повидаться правая рука Дурново — Рачковскій, вице-директоръ департамента полиціи.

*) Возобновившейся гапоновской рабочей организаціи.

Гапонъ на свиданіе согласился.

Оно было назначено въ отдѣльномъ кабинетѣ въ ресторанѣ. (Всѣхъ свиданій у Гапона съ Рачковскимъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ до 6-го февраля было четыре : одно у Контана, два у Кюба, одно у Донона. Въ какомъ ресторанѣ какое изъ свиданій — не знаю)

Рачковскій выразилъ большую радость представившемуся случаю встрѣтиться съ такимъ талантливымъ человѣкомъ, какъ Гапонъ. Гапонъ прибавилъ : „Рачковскій сразу поддался моему обаянію. Ты вѣдь знаешь, я людей знаю хорошо и видѣлъ это ясно.“

Рачковскій сказалъ, что говорить отъ имени Дурново и что все, что говоритъ онъ, есть въ то же время мнѣніе Дурново. По вопросу объ открытіи отдѣловъ дѣло обстоитъ очень туго. Дурново считаетъ отдѣлы очень опасными и присутствіе Гапона въ Петербургѣ совершенно нежелательнымъ при настоящемъ положеніи вещей. (Это свиданіе происходило въ концѣ декабря или въ началѣ января 1906 г.)

Всѣ, и Дурново и Треповъ, считаютъ его человѣкомъ талантливымъ и, въ то же время, опаснымъ. Они говорятъ, что Гапонъ 9-го января устроилъ революцію на глазахъ у правительства и боятся, что теперь онъ выкинетъ что нибудь подобное.

Гапонъ успокаивалъ Рачковского. Онъ говорилъ, что имѣетъ въ виду только профессиональное движеніе. Взгляды его на рабочее движеніе измѣнились. Оно должно развиваться мирно. Относительно вооруженнаго возстанія и прочихъ кровавыхъ мѣръ онъ, Гапонъ, теперь мнѣнія свои измѣнилъ. Отъ крайнихъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ прокламаціяхъ (напечатанныхъ Гапономъ послѣ 9-го января), онъ отказывается и жалѣетъ о нихъ.

Рачковскій указалъ на то, что правительство никакихъ гарантій въ этомъ не имѣетъ. Онъ просилъ написать Дурново письмо и изложить въ немъ все сказанное.

Рачковскій совершенно согласенъ съ Гапономъ относительно постановки рабочаго дѣла и теперяшняго положенія Россіи.

Гапонъ письмо писать отказался (такъ онъ говорилъ). Тогда Рачковскій сказалъ, что безъ такого письма нечего и говорить о новомъ открытіи отдѣловъ. На государя прошлагодня гапоновскія прокламаціи навели мистическій ужасъ и во всемъ, происходящемъ теперь въ Россіи, онъ видитъ Гапона. Дурново необходимо явиться съ какимъ нибудь оправдательнымъ документомъ къ государю при докладѣ по этому дѣлу.

Гапонъ написалъ Дурново.

Это было около 15-го января 1906 г.

(И просилъ Гапона прочесть мнѣ черновикъ, если у него есть. Онъ отвѣтилъ, что оставилъ въ гостинницѣ, а на слѣдующій день принесетъ и прочтетъ.)

Рачковскій взялся передать письмо Дурново и просилъ у Гапона разрѣшенія придти на слѣдующее свиданіе съ крайне интереснымъ и талантливымъ человѣкомъ, Герасимовымъ, начальникомъ петербургскаго охраннаго отдѣленія. Треповъ о немъ необыкновенно высокога мнѣнія, считаетъ его самымъ талантливымъ человѣкомъ въ департаментѣ полиціи. А Герасимовъ очень желаетъ повидать Гапона.

Гапонъ разрѣшилъ.

* * *

На этомъ рассказъ Гапона долженъ былъ оборваться.

Было уже поздно. Гости, которыхъ Гапонъ пригласилъ ѣхать въ Яръ, были въ сборѣ и давно уже нетерпѣливо стучались въ дверь, предлагая кончать „серьезные разговоры“.

Я опять отказался ѣхать. Но Гапонъ настаивалъ. Даже обидѣлся.

Я видѣлъ, что онъ рассказываетъ мнѣ не все. Многого я не понималъ. Многого я не зналъ еще. А узнать и понять надо было все, во что бы то ни стало. Интересно было посмотрѣть его въ кабакѣ. Можетъ быть, даже пьянымъ. Почему онъ такъ настаиваетъ? Я согласился.

Поѣхали въ Яръ на тройкѣ.

Ѣхать пришлось Прѣсней среди пепелищъ. По обѣимъ сторонамъ стояли основы домовъ, безъ крышъ, безъ оконъ, домовъ, отъ которыхъ остались обломки стѣнъ, продырявленныхъ пушечными ядрами. Улицы пусты. Только городовые на постахъ съ винтовками. Попутчики — москвичи указывали, откуда стрѣляли изъ пушекъ, гдѣ больше всего было убитыхъ. Рассказывали отдѣльные эпизоды, происходившіе на томъ или другомъ мѣстѣ, гдѣ мы проѣзжали. Нервы напрягались. Но я съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за Гапономъ. Въ дорогѣ онъ много курилъ, почти ничего не говорилъ. Дамы его постоянно тормозили, чтобы вывести изъ апатіи. За городомъ онъ ударился изъ одной крайности въ другую: сталъ свистать, гикать, но скоро опять умолкъ.

Пріѣхавши въ Яръ, онъ предложилъ пойти въ общій залъ. Я запротестовалъ. Взяли кабинетъ. Просидѣли нѣсколько минутъ. Гапонъ былъ недоволенъ. Наконецъ, онъ рѣшительно заявилъ, что надо итти въ общій залъ.

— Тамъ музыка, тамъ женщины, тамъ тѣломъ пахнетъ.

Такое заявленіе меня заинтересовало. Я махнулъ рукой на конспирацію.

Въ общемъ залѣ сѣли въ переднемъ углу, направо отъ двери, около оркестра.

Пилъ Гапонъ мало. Былъ совершенно разбитъ. Часто укладывалъ руки на столъ и голову на руки. По долгу оставался въ такомъ положеніи. Потомъ поднималъ голову, надѣвалъ пенсне и рассматривалъ залъ. Я думалъ тогда, что онъ изуча-

еть „женщинъ“. Позже убѣдился, что кромѣ „женщинъ“ онъ въ залѣ видѣлъ и еще кого то. Онъ снималъ пенснэ, опять укладывалъ голову съ какимъ то безсильнымъ отчаяніемъ на руки, опять поднималъ ее и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ:

— Ничего, Мартынъ, все хорошо будетъ!

Нѣсколько разъ обращался къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ дамѣ:

— Александра Михайловна, пожалѣйте меня!

Я всѣми силами старался скрыть овладѣвавшіе мною все болѣе и болѣе отвращеніе и ужась.

* * *

На слѣдующій день, 7-го февраля, Гапонъ прочелъ мнѣ черновикъ письма къ Дурново, о которомъ онъ говорилъ наканунѣ.

Кромѣ взгляда на настоящее положеніе Россіи, на необходимость профессиональной рабочей организаціи и открытія 11-ти отдѣловъ, тамъ говорилось о необходимости вернуться къ началамъ манифеста 17 октября, давалось объясненіе событіямъ 9-го января 1905 г. Въ этомъ письмѣ говорилось также о святости для Гапона особы государя.

Предательства въ письмѣ я не замѣтилъ. Но соотвѣтствует ли этотъ черновикъ оригиналу—не знаю. Во всякомъ случаѣ, думаю, что въ гостинницѣ онъ черновика не оставлялъ.

Гапонъ продолжалъ прерванный наканунѣ разговоръ.

Слѣдующее свиданіе съ Рачковскимъ происходило уже въ присутствіи жандармскаго полковника Герасимова, опять въ отдѣльномъ кабинетѣ. Герасимовъ былъ въ штатскомъ платьѣ.

Свиданіе началось съ того, что Герасимовъ также высказалъ Гапону свое удивленіе и восхищеніе. Закусывали стоя. Герасимовъ уловчился и подъ видомъ выраженія своихъ пріятельскихъ чувствъ ошупалъ карманы пиджака Гапона и даже похлопалъ его по задней части тѣла, чтобы убѣдиться, что у Гапона нѣтъ револьвера. Все это Гапонъ мнѣ продемонстрировалъ. Гапонъ рассказалъ это въ доказательство того, какъ они „осторожны“.

За обѣдомъ Рачковскій передалъ впечатлѣніе, которое произвело письмо на Витте и Дурново.

Витте сказалъ: „Гапонъ хочетъ меня вы...ать, но это ему не удастся.“

Дурново, дойдя до фразы, гдѣ Гапонъ, излагая событія 9-го января, говоритъ, что особа государя для него священна, но интересы народа также, разсвирепѣлъ и швырнулъ отъ себя бумагу.

Вообще, отношеніе и Витте, и Дурново, и Трепова къ Гапону недовѣрчивое. Они боятся его, — опять что нибудь устроить.

— Вѣдь, вотъ, вы говорите, что теперь у васъ никакихъ ре-

волюціонныхъ замысловъ нѣтъ; вы бы намъ доказали это какънибудь.

Рачковскій говорилъ, что правительство находится въ крайне затруднительномъ положеніи: нѣтъ талантливыхъ людей. А о такихъ, какъ Гапонъ, и думать нечего. Рачковскій ломалъ руки и дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Вотъ я старъ. Никуда уже не пожусь. А замѣнить меня некъмъ. Россіи нужны такіе люди, какъ вы. Возьмите мое мѣсто. Мы будемъ счастливы.

Говорилось о большихъ окладахъ, о гражданскихъ чинахъ, полнѣйшей легализаціи Гапона и объ „отдѣлахъ“.

— Но вы бы намъ помогли. Вы бы намъ рассказали, чтонибудь. Освѣтите намъ положеніе дѣлъ. Помогите намъ!

Рачковскій сослался на историческій примѣръ искренняго раскаянія бывшаго народовольца Льва Тихомирова. Гапонъ долженъ доказать правительству, что оно можетъ ему довѣрять.

Гапонъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ.

Ему возразили, что это не мыслимо для такой личности, какъ Гапонъ. Онъ сталкивался съ массой людей за границей и въ Россіи.

— Расскажите намъ, что вы дѣлали за границей, съ кѣмъ встрѣчались. Докажите вашу искренность.

Тутъ Гапонъ уклонился въ сторону.

— Ты понимаешь, — обращался онъ ко мнѣ — надо смотрѣть шире, надо дѣло дѣлать. И при Народной Волѣ тамъ служили и все выдавали товарищамъ. Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ. Дѣло важнѣе всего. Если тамъ пострадаетъ ктонибудь, это пустяки. Положеніе такое, что надо его использовать. Раньше я былъ противъ единичнаго террора, теперь за единичный терроръ. Надо имъ отомстить. Витте и Дурново — это одно и то же. Они только политику ведутъ такую, что во всемъ виноватъ Дурново, а Витте добрый. Знаю. Что тамъ провокація или что бы про насъ не сказали? Пустяки. Надо смотрѣть широко. Вѣрно я тебѣ говорю.

— Ладно. О комъ они тебя спрашивали.

— Спрашивали о Бабушкѣ, о Черновѣ. Я сказалъ, что знаю ихъ. Но больше ничего не сказалъ.

— Еще о комъ спрашивали.

— О тебѣ спрашивали, бросилъ онъ небрежно и замолчалъ. Я сидѣлъ въ это время за столомъ, онъ ходилъ по комнатамъ, поглядывалъ на меня и ухмылялся.

Я молчалъ, ждалъ, что будетъ дальше.

— Ей-Богу, спрашивали.

— Что же спрашивали?

— Да, ты должно быть неосторожно держалъ себя съ рабочими. Тебя за Нарвской почти всѣ въ лицо знаютъ. Кто ни-

будь как рабочих и выдавать. Между ними ведь много провокаторов. Съ рабочими надо быть осторожнѣе.

И опять замолчалъ. Ходить и молчать. Время отъ времени на меня поглядываетъ.

— Такъ о чемъ же они спрашивали ?

— Да, ты боевыми дружинами, что ли, занимаешься. Мы, говорить, знаемъ, да изловить не можемъ. Хорошо, говорятъ, прячешься. Два раза арестовывали тебя, да уликъ никакихъ не было. Пришлось освободить.

Помолчавъ нѣкоторое время онъ опять началъ.

— Они говорятъ, что ты очень серьезный революционеръ. Что черезъ твои руки большія деньги должны проходить. Они знаютъ, что ты на рысакѣхъ разбѣжаешь, кутишь. (Короткое молчаніе). Главное, понимаешь, не надо бояться. Грязно тамъ и пр. По мнѣ хоть съ чертомъ имѣть дѣло, не то что съ Рачковскимъ. Отъ нихъ узнать сколько можно.

— Еще что спрашивали ?

— Спрашивали про наши отношенія. Я сказалъ, что ты мой первый другъ. Про 9-ое января спрашивали. Какъ все тогда произошло. Они все знаютъ. Вообще къ тебѣ съ уваженіемъ относятся. Серьезный человекъ, говорить.

— А ты что же ?

— Я подтвердилъ. Очень серьезный человекъ, сказалъ.

— А когда про боевыя дружины спрашивали, что ты отвѣтилъ ?

— Сказалъ, что боевыя дружины для него пустяки, но что человекъ серьезный. А про Павла Ивановича и Ивана Николаевича*) ничего не спрашивали, вдругъ спохватился Гапонъ. Я ничего и не сказалъ, конечно.

Въ томъ, что спрашивали, я не сомнѣвался, не сомнѣвался и въ томъ, что онъ сказалъ и про нихъ все, что могъ. А сказать Рачковскому онъ могъ и про партію и про отдѣльных лицъ, потому что за границей къ нему, особенно въ первое время, относились съ довѣріемъ! Такъ какъ онъ постоянно бывалъ среди товарищей, то узнавалъ и многое конспиративное.

— Когда я имъ сказалъ, что въ очень близкихъ съ тобой отношеніяхъ, они вдругъ отколоди: „Вы бы намъ вотъ этого соблазнили“. Ей-Богу, такъ, сукины дѣти, и сказали. (Ухмыляется) Про Боевую Организацию разспрашивали. Я сказалъ, что ничего не знаю. Они не вѣрятъ. Но я такъ сказалъ, какъ будто знаю. Они ее очень боятся. Я сказалъ, что для этого большія деньги нужны. Не меньше ста тысячъ. „Хорошо“, говорятъ. Я тогда сказалъ, что они должны дѣлать все, что я имъ скажу. Обѣщали. Рутенбергъ не долженъ быть арестованъ, говорятъ. Обѣщали. Тебѣ нечего теперь бояться. Тебя не арестуютъ. Ты мнѣ вѣрь. Прямо поѣзжай въ Перербургъ. Главное, нечего

*) Иванъ Николаевичъ, какъ извѣстно, кличка Азеса.

бояться. Повидаться тамъ, поговорить. Къдъ, это пустяки. Для меня дѣло важнѣе всего.

Гапонъ еще долго говорилъ, доказывалъ, рассказывалъ. А я его слушалъ и изрѣдка вставлялъ тогъ или другой вопросъ. Все свелось къ тому, что онъ взялъ на себя порученіе узнать и выдать „заговоръ противъ царя, Витте и Дурново“. Для этого „соблазнить“ меня въ провокаторы.

Гапонъ рассказывалъ все это подъ видомъ „плана“: использовать свое положеніе съ революціонной цѣлью. Но онъ путалъ. Вначалѣ онъ говорилъ о террорѣ и о необходимости поскорѣе повидаться съ Павломъ Ивановичемъ и Иваномъ Николаевичемъ (Онъ считалъ ихъ, какъ и меня, членами Боевой Организации). Гапонъ долженъ войти въ составъ Б. О. на равныхъ съ нами правахъ и все знать, „не такъ, какъ въ Женевѣ“. А тамъ можно будетъ использовать его положеніе: узнать про Витте и Дурново.

Дѣло въ томъ, что Витте и его приближенные, какъ Мануйловъ, хотѣли бы, чтобы убили Дурново. А Рачковскій и Дурново были бы не прочь, чтобы убрали Витте. (Гапонъ забылъ, что говорилъ мнѣ, что Витте и Дурново — одно и то же). На этой стрункѣ онъ уже игралъ и узналъ у Мануйлова, что Дурново ѣздитъ къ своей любовницѣ М. . . и на Моховую улицу. д. №. . . (Фамилія и адресъ у него записаны въ памятной книжкѣ.) Дальше можно будетъ узнать еще больше. Главное не надо терять времени, поскорѣе повидаться съ П. И. и И. Н. и вмѣстѣ все обсудить. Я съ своей стороны долженъ на нихъ повліять, что бы они ему, Гапону, довѣряли.

А потомъ все предпріятіе сводилось на деньги, и къ концу разговора — исключительно на деньги. Безъ денегъ ничего сдѣлать нельзя. Деньги — рычагъ всего. Для этого необходимо повидаться съ Рачковскимъ и Герасимовымъ, иначе „они увидятъ“, что онъ „ничего не знаетъ“ и „перестанутъ довѣрять“ ему.

Когда онъ выражалъ желаніе видѣться съ П. И. и И. Н., онъ забылъ, что бралъ съ меня слово, что никто не узнаетъ про нашъ разговоръ. Теперь онъ забылъ, что хотѣлъ видѣться съ ними и опять говорилъ: свиданіе съ Рачковскимъ останется въ абсолютной тайнѣ и *никто* о немъ не узнаетъ. Мнѣ нечего опасаться, да и свиданіе ни къ чему не обязываетъ. Можно только поговорить, пообѣдать вмѣстѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ, и разойтись.

— А ѣдятъ они какъ хорошо, если бы ты зналъ! — вставилъ онъ неожиданно и махнулъ рукой.

Помолчавъ:

— Конечно, сейчасъ ходить не слѣдуетъ. Надо обождать немного, недѣли двѣ. Больше дадутъ. А то подумаютъ, что ты сразу поддался.

* * *

— Ты имъ сказалъ, что меня зовутъ Мартыномъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, Боже сохрани!

— А они знаютъ это имя?

— Не знаютъ. Да ты не безпокойся. Вѣрь мнѣ!

Горячо и гладко Гапонъ говорилъ только объ общихъ планахъ, а факты излагалъ осторожно, непослѣдовательно, часто противорѣча себѣ. Мнѣ приходилось вытягивать изъ него каждое слово. Онъ раздражался, жаловался, что я ему не довярю. Я возражалъ и успокаивалъ его тѣмъ, что дѣло очень серьезное, а въ серьезныхъ дѣлахъ надо все ясно понимать. Поэтому я и спрашиваю, когда чегонибудь не понимаю. Я ставилъ прямые вопросы, онъ вынужденъ былъ отвѣчать.

Изъ разговора удалось выяснитъ, что Мануйловъ устроилъ Гапону свиданіе съ бывшимъ директоромъ департамента полиціи Лопухинимъ. Тотъ его уговаривалъ „освѣтить“ положеніе.

— Вы только расскажите мнѣ, не нужно писать ничего, только расскажите, что знаете. Я вамъ даю слово никому не сообщать рассказаннаго вами, покуда вы не будете удовлетворены.

Такъ говорилъ Гапону Лопухинъ. Свиданіе у нихъ происходило въ отдѣльномъ кабинетѣ за обѣдомъ. Гапонъ объ этомъ свиданіи не распространялся. Одну характерную фразу, сказанную имъ Лопухину, онъ привелъ:

— Если я вамъ скажу, я вамъ душу живую, все, чѣмъ силенъ былъ до сихъ поръ, отдамъ. Я останусь, какъ Самсонъ, безъ волосъ.

Что онъ еще сказалъ Лопухину во время продолжительнаго и вкуснаго обѣда, какъ Лопухинъ все таки оставилъ его безъ волосъ и сыгралъ роль Далилы, я не знаю.

* * *

Когда Гапонъ взялъ на себя порученіе „соблазнить“ меня, онъ отправился къ моей женѣ, узналъ у нея, какъ меня найти въ Москвѣ и сообщилъ объ этомъ по телефону Рачковскому. Сказалъ, что ѣдетъ ко мнѣ въ Москву. И въ Яру, когда я сидѣлъ съ Гапономъ въ общемъ залѣ, очевидно, былъ агентъ Рачковского, засвидѣтельствовавшій лично, что свиданіе состоялось.

* * *

Гапону показывали фотографическіе снимки съ собственноручныхъ писемъ Сокова къ японскому посланнику въ Парижѣ. Письма были выкрадены изъ стола посланника и сфотографированы. Въ нихъ дается точный отчетъ израсходованныхъ суммъ.

— Показываютъ и говорятъ. — „Вотъ вы какіе, революціонеры! На японскія деньги революцію въ Россіи разводите.“

Какъ увидалъ, весь затрясся. Слава тебѣ Господи, думаю, (широко крестится), что не касался этихъ денегъ. А тамъ написано: „С.-Р. 100,000.“ Слава тебѣ Господи! (Опять крестится).

— На какомъ языкѣ написано письмо?

— На французскомъ.

— Ты, вѣдь, ничего не понимаешь по французски?

— Тамъ было написано: „С.-Р. 100,000.“ Самъ видѣлъ.

— Но ты, вѣдь, получилъ отъ Сокова 50,000? Какъ же ты говоришь, что не касался этихъ денегъ?

Гапонъ смутился. Онъ думалъ, что я не знаю этого. Деньги онъ получилъ лѣтомъ, когда меня за границей не было.

— Нѣтъ, я ихъ получилъ не отъ Сокова, а отъ американки изъ рукъ въ руки. Соковъ къ этимъ деньгамъ никакого касательства не имѣеть.

(50,000 франковъ Гапонъ получилъ, по словамъ Сокова, въ три приема; и первую часть лично отъ Сокова, для рабочихъ и революціи, конечно).

* * *

— Хочешь, я освобожу твоего брата? (братъ мой сидѣлъ тогда въ Крестахъ) — предложилъ Гапонъ.

Онъ и о братѣ зналъ. Всѣ средства для моего „соблазна“ предвидѣны. Я отказался.

— Онъ молодой еще. Ему полезно посидѣть въ тюрьмѣ.

— Да, вѣдь, это пустяки, — убѣждалъ онъ меня. — Сдѣлаю, какъ только приѣду въ Петербургъ.

Я все таки отказался отъ этого доказательства дружбы.

* * *

— Знаешь, хорошо бы потомъ взорвать департаментъ полиціи со всѣми документами, — сказалъ онъ, задумавшись.

— Зачѣмъ?

— Ну, какъ же; тамъ вѣдь много разныхъ документовъ про разныхъ лицъ. Данныя тамъ разные для суда и прочее, продолжалъ онъ уже упавшимъ голосомъ, поглядывая на меня исподлобья, стараясь придать дѣловой революціонный смыслъ неосторожно произнесенной вслухъ мысли.

— Я знаю, что всѣ дѣла имѣются въ копіяхъ въ жандармскомъ управленіи, у прокуратуры.

— Правда?

* * *

— Ты никому не говори про то, что я тебѣ рассказывалъ. Давай вдвоемъ дѣло дѣлать.

Я отвѣтилъ, что не могу не рассказать товарищамъ. Надо посоветоваться, какъ использовать создавшееся положеніе.

Тогда онъ сталъ меня убѣждать не говорить, а въ крайнемъ случаѣ затронуть вопросъ только принципиально, но не упо-

миная его имени. А то начнутъ говорить, что онъ провокаторъ.

Съ Гапона струился потъ. Онъ сильно волновался, нервно шагаль по комнатѣ. Я сидѣлъ и думаль, какъ быть.

— Отчего ты на меня не смотришь? Посмотри мнѣ въ глаза, останавливался онъ нѣсколько разъ.

Я подымаль глаза, смотрѣлъ на него и видѣлъ, къ ужасу моему, что передо мной, дѣйствительно, Гапонъ, видѣлъ, что это не кошмаръ, а дѣйствительность. Онъ испытующе всасывался въ меня глазами, поворачивался, опять ходилъ, опять останавливался, вглядывался въ меня и спрашиваль:

— Отчего ты на меня такъ смотришь?

— А какъ же мнѣ на тебя смотрѣть?

— Смотри, я тебѣ все рассказываю, я тебѣ довѣряю. Смотри, — загадочно угрожающе говорилъ онъ и опять шагаль по комнатѣ, опять говорилъ.

Онъ настаиваль, чтобы я сейчасъ же сказалъ, пойду ли къ Рачковскому. Ему это „надо знать.“

Я отвѣтилъ, что подумаю. Ёду въ Петербургъ, тамъ съ нимъ повидаюсь. Дамъ отвѣтъ.

* * *

Мы оба были совершенно измучены. Я не въ состояніи былъ долше ни слушать, ни говорить и сказалъ, что долженъ выйти по дѣлу. Гапонъ настаиваль, чтобы я съ нимъ остался до поѣзда, что ему очень тоскливо. Я отказался: занятъ. Онъ продолжалъ настаивать. Я сказалъ, что если освобожусь рано, приду къ нему. Но не рассчитываю.

Мы разстались.

Ночевать я долженъ былъ на той квартирѣ, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались. За этимъ домомъ и за мной началась слѣжка. Я рѣшилъ оставаться тамъ ночевать, чтобы не подводить другой квартиры или мой паспортъ. Я скоро вернулся туда и свалился на диванъ.

Часовъ въ 8 вечера Гапонъ спросилъ по телефону: дома ли я. Ему отвѣтили, что дома. Я долженъ былъ идти къ телефону.

— Отчего ты не пріѣзжаешь ко мнѣ?

— Я боленъ, не могу.

— Нустьяки, пріѣзжай сейчасъ.

— Не могу.

— Тогда я къ тебѣ пріѣду.

— Пріѣзжай.

Молчаніе. Потомъ:

— Смотри. Какъ бы ты не пожалѣлъ, что я къ тебѣ пріѣду. Сейчасъ буду. Жди меня.

Что означала эта фраза, — не знаю

Гапонъ прѣхаль. Я лежалъ на диванѣ больной. Хозяйка за мной ухаживала.

Гапонъ началъ съ упрековъ, что я не во время раскисъ. Я объяснилъ, что простудился наканунѣ.

— Ты смотри! Что то съ тобой не ладно.

Онъ сталъ опять говорить о дѣлѣ. Рассказывать товарищамъ я ни въ коемъ случаѣ не долженъ ничего.

Я отвѣтилъ, что ничего не соображаю; боленъ.

Онъ опять увѣрялъ, что могу совершенно свободно ѣхать въ Петербургъ. Не арестуютъ.

— А гдѣ теперъ П. И. и И. Н.? — спросилъ онъ неожиданно.

— Не знаю.

— Ты меня не ...и, — произнесъ онъ, разозлившись.

Лексиконъ его обогатился выраженіемъ, которое, очевидно, часто употребляется въ высшихъ сферахъ департамента полиціи. Гапонъ часто имъ пользовался для краткости и выразительности изложенія своихъ мыслей.

Запла хозяйка, сказала, что пора ѣхать къ поѣзду.

Онъ спросилъ, какъ меня найти въ Петербургѣ. Я сказалъ, что куда не знаю.

Свой адресъ: Успенскій переулочъ д. № 7, кв. 13, Петръ Николаевичъ Гребницкій, — онъ далъ мнѣ еще раньше.

Мы попрощались. Видъ мой ничего хорошаго ему должно быть не предвѣщаль. Послѣднія его слова были съ раздумьемъ:

— Пожалуй, лучше было бы, еслибы я тебѣ ничего не рассказывалъ.

* * *

Я принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы выѣхать изъ Москвы, а главное, прѣхать въ Петербургъ безъ сыщиковъ, не смотря на высокую протекцію. По дорогѣ въ Петербургъ я прочелъ въ газетахъ письмо Н. П. Петрова „Долой маску“! о Гапонѣ и тридцати тысячахъ рублей.

О деньгахъ, т. е. о 30,000, Гапонъ мнѣ сказалъ, что знаютъ только два человѣка. А о томъ, что онъ встрѣчается съ Рачковскимъ, знаетъ только одинъ изъ нихъ — рабочий. „И то не знаетъ, въ чемъ дѣло.“ Именъ Гапонъ не назвалъ. А когда рассказывалъ о соглашеніи съ Витте, говорилъ, что оно состоялось съ одобренія всего комитета.

(Февраль 1906 г.)

* * *

Въ Петербургѣ я никого не засталъ.*) Узнавъ, что „Иванъ Николаевичъ“ (Азефъ) въ Сѣверскѣ, я поѣхалъ туда. Прѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, кажется въ 7 часовъ утра, 11-12 февраля.

*) Писано въ юнѣ 1909 г. Текстъ этого добавленія въ такой же приблизительно редакціи находился у Ц. К-та съ лѣта 1906 г.

Разказалъ все Азефу. Заявилъ ему, какъ члену Ц. К., что такъ какъ дѣло это касается партіи, такъ какъ я членъ партіи, я не считаю себя въ правѣ распорядиться самостоятельно и жду распоряженій Ц. К-та.

Азефъ былъ удивленъ и возмущенъ разказаннымъ. Онъ думалъ, что съ Гапономъ падо было покончить, *какъ съ гадinou*. Для этого я долженъ вызвать его на свиданіе, поѣхать съ нимъ вечеромъ на своемъ извожикѣ (рысакѣ петербургской Б. О.) въ Крестовскій садъ, остаться тамъ ужинать поздно ночью, покуда всѣ разъѣдутся, потомъ поѣхать на томъ же извожикѣ въ лѣсъ, ткнуть Гапона въ спину ножемъ и выбросить изъ саней.

Въ то же утро со вторымъ петербургскимъ поѣздомъ (въ 10 часовъ утра) пріѣхалъ Субботинъ. Онъ присоединился, по существу, къ мнѣнію Азефа о необходимости убить Гапона, но окончательное рѣшеніе принято не было.

По словамъ члена Ц. К. Краснова, бывшаго въ то время въ Сѣверскѣ, Азефъ зашелъ къ нему въ тотъ же день послѣ обѣда, сообщилъ ему о моемъ пріѣздѣ и разказанномъ мною и спросилъ его мнѣніе. Красновъ отвѣтилъ Азефу, что при слѣпой вѣрѣ въ Гапона значительной части рабочихъ можетъ создаться легенда, что Гапонъ убитъ изъ зависти революціонерами, которымъ онъ мѣшалъ и которые выдумали, что Гапонъ предатель. Ц. К. не сможетъ предъявить доказательствъ его сношеній съ полиціей, кромѣ моихъ показаній о разговорѣ съ Гапономъ, происходившемъ съ глазу на глазъ. Самымъ подходящимъ рѣшеніемъ вопроса Красновъ считалъ убійство Гапона на мѣстѣ преступленія, т. е. во время его свиданія съ Рачковскимъ.

На слѣдующій день (или вечеръ того же дня) собрались всѣ четверо: *Красновъ*, Азефъ, *Субботинъ* и я. На этомъ собраніи *Красновъ* поддерживалъ только что изложенную точку зрѣнія, что одного Гапона убить нельзя, но что это надо сдѣлать съ обоими вмѣстѣ: Рачковскимъ и Гапономъ, т. е., что я долженъ принять предложеніе Гапона, пойти вмѣстѣ съ нимъ на свиданіе съ Рачковскимъ и тамъ, въ отдѣльномъ кабинетѣ убить ихъ обоихъ.

Азефъ кончилъ тѣмъ, что присоединился къ мнѣнію Краснова, добавивъ, что его особенно удовлетворяетъ двойной ударъ: Гапонъ и Рачковскій, такъ какъ онъ давно уже думалъ о покушеніи на Рачковскаго, но никакъ не могъ найти средства подобраться къ нему. Субботинъ и я считали, что убійство Гапона вмѣстѣ съ Рачковскимъ желательно, но комбинація это сложная и трудно достижимая, такъ какъ опытный полицейскій Рачковскій, считая меня террористомъ, не допустить къ себѣ на основаніи одной только рекомендаціи Гапона. Субботинъ считалъ, что партія обладаетъ достаточнымъ авторите-

томъ, чтобы заставить повѣрить себя, что Гапонъ дѣйствительно предатель.

Обсужденіе вопроса тянулось нѣсколько дней. Субботинъ остался при своемъ мнѣніи. Не будучи членомъ Ц. К. и не имѣя, слѣдовательно, права голоса, онъ подчинился высказанному мнѣнію двухъ присутствовавшихъ членовъ Ц. К.: Краснова и Азефа.

Предлагавшійся планъ былъ рассчитанъ на 2-3 свиданія, такъ какъ въ первое свиданіе меня могли бы обыскать раньше, чѣмъ подпустить къ Рачковскому. И въ это первое свиданіе я долженъ былъ вести съ Рачковскимъ „предварительные переговоры.“

Я съ своей стороны заявилъ, что не рассчитываю на себя въ предлагаемой мнѣ роли. Субботинъ съ Красновымъ изобразили мнѣ въ лицахъ возможный разговоръ съ Рачковскимъ. Азефъ въ этой сценѣ не участвовалъ, а только время отъ времени ихъ одобрялъ.

Я колебался, но въ концѣ концовъ согласился. При болѣе детальномъ обсужденіи дѣла я обратилъ вниманіе на то, что, въ случѣ неудачи, департаментъ полиціи можетъ воспользоваться разыгранной мною ролью для инсинуацій противъ меня. Всѣ присутствовавшіе возразили, что само собой разумѣется, что партія всѣмъ своимъ авторитетомъ защититъ мою честь отъ чьего бы то ни было посягательства при первой же къ тому попыткѣ.

Азефъ предполагалъ, что совершеніе самаго террористическаго акта должно быть сдѣлано не мной лично. Но обсужденіе дѣла привело къ тому, что это необходимо.

Мнѣ было поручено принять предложеніе Гапона и согласиться пойти съ нимъ на свиданіе съ Рачковскимъ. Въ мое распоряженіе былъ предоставленъ членъ Б. О. *Ивановъ*. По плану Азефа я долженъ былъ при помощи *Иванова* въ роли извозчика и ряда частныхъ извозчиковъ симулировать организацію покушенія на тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Дурново. Цѣль этой симуляціи — заставить Рачковскаго, убѣдившагося при помощи установленнаго за мною полицейскаго наблюденія въ томъ, что я руковожу террористическимъ предпріятіемъ въ Петербургъ, охотнѣе искать свиданія со мной. Всякія мои сношенія съ Ц. К.-омъ и другими партійными организаціями я долженъ былъ прекратить, чтобы не навести на ихъ слѣды полицію, которая будетъ за мной наблюдать. Мнѣ было поручено записывать и присылать Ц. К.-ту подробное изложеніе хода дѣла.

Въ случаѣ удачи покушенія, и Ц. К., и я должны были заявить, что „Ц. К. постановилъ, а Боевая Организациа мнѣ поручила смыть кровью Гапона и Рачковскаго грязь, которой они покрыли 9-е января.“

Красновъ и *Субботинъ* уѣхали. А *Азефъ* занялся технической разработкой плана покушенія, давая мнѣ детальныя инструкціи: гдѣ, на какихъ улицахъ, въ какіе часы ставить извозчиковъ, въ какихъ ресторанахъ бывать, какъ сноситься съ нимъ (*Азефомъ*), какъ получить разрывной снарядъ и пр. Весь планъ „симуляціи“ былъ настолько легковѣсенъ, что, при практическомъ обсужденіи его, возможность неудачи вырисовалась еще яснѣе.

Не могу сейчасъ возстановить въ памяти моихъ разговоровъ съ *Азефомъ* по этому поводу. Но фактъ тотъ, что онъ призналъ возможность неудачи и необходимость въ этомъ случаѣ убить одного Гапона. Такъ какъ всякія сношенія мои съ *Ц. К.* прекращались съ моимъ отъѣздомъ изъ *Сваерска*, то необходимо было все заранѣе предвидѣть и заготовить также и для этого второго случая. Что *Азефъ* и сдѣлалъ. Онъ обратился къ *Н-амъ* (революціонная партія), изложилъ имъ положеніе дѣла, заявивъ, что въ случаѣ, если придется убить одного Гапона, это будетъ сдѣлано въ Финляндіи, между Петербургомъ и Выборгомъ, гдѣ понадобится помѣщеніе, лошади и люди. Онъ спрашивалъ эту организацію, чѣмъ они могутъ намъ помочь.

Я жилъ тогда въ одной комнатѣ съ *Азефомъ*. Въ вечеръ, наканунѣ моего отъѣзда въ Петербургъ, къ намъ пришелъ *Фроловъ* и отъ имени *Ц. К.* *Н-овъ* заявилъ, что они рѣшили предоставить въ наше распоряженіе, когда намъ это понадобится, лошадь и двухъ человекъ. Помѣщеніе же достать намъ не наплы возможнымъ. Подробно я долженъ былъ условиться обо всемъ съ ихъ представителемъ въ *Х-ѣ*, куда они уже послали человека предупредить тамошнихъ товарищей о своемъ рѣшеніи и о моемъ пріѣздѣ.

Такъ какъ я не помнилъ въ лицо указанныхъ *Фроловъ* двухъ человекъ и такъ какъ съ моимъ отъѣздомъ всякія сношенія и съ ними у меня обрывались, мы условились, что одинъ изъ этихъ людей, будущій извозчикъ, въ красномъ галстукѣ и съ книжкой, завернутой въ желтую бумагу придетъ на вокзалъ провожать поѣздъ, съ которымъ я уѣду въ Петербургъ. Такъ и было сдѣлано.

Въ Петербургъ я уѣхалъ 21 или 22 февраля. Въ *Х-ѣ* видѣлся съ бывшимъ въ этомъ городѣ представителемъ *Н-овъ*. Но тотъ мнѣ заявилъ, что его мѣстные товарищи обсудили постановленіе ихъ *Ц. К.* и рѣшили, вопреки этому постановленію, что никакого участія въ этомъ дѣлѣ принять не могутъ. Это сообщеніе меня не остановило отъ поѣздки въ Петербургъ, такъ какъ я считалъ, что организація убійства одного Гапона могла и не понадобится.

Отчетъ II.

Свиданіе въ Теріокахъ на дачѣ Питкиненъ 24-го февраля 1906 года, пятница, 12 часовъ дня.

Гапонъ началъ съ упрековъ за то, что я такъ долго не являлся. Я объяснилъ важными дѣлами, не дававшими мнѣ возможности видѣться съ нимъ.

Я спросилъ о письмѣ Петрова. Гапонъ сталъ кипятиться. Я вставлялъ время отъ времени вопросы. Онъ рассказывалъ отчасти уже извѣстное мнѣ изъ предыдущаго свиданія въ Москвѣ, отчасти новое.

Пріѣхалъ онъ въ *третій* разъ въ Петербургъ въ сочельникъ, 24 декабря 1905 г. Ему стали рассказывать, что Матюшинскій ведетъ себя странно. Онъ поѣхалъ къ нему съ Варнашевымъ и спросилъ, сколько купецъ далъ денегъ. Гапонъ и Матюшинскій условились говорить рабочимъ, что 30.000 рублей даетъ „бакинскій купецъ“. Матюшинскій отвѣтилъ: 7.000 рублей.

— Но вѣдь вы говорили, что онъ далъ 10.000?

— Да, но деньги далъ рентой, рента пала.

Гапонъ ничего не возразилъ, но послалъ Мануйлова (чиновника особыхъ порученій при Витте) съ Варнашевымъ къ Тимирязеву. Тимирязевъ показалъ расписки Матюшинскаго въ полученіи всѣхъ 30.000. Мануйловъ съ Варнашевымъ пріѣхали отъ Тимирязева прямо на Владимирскую (д. № 3, правленіе гапоновскаго общества) и сообщили отвѣтъ его. Гапонъ тотчасъ же собралъ бывшихъ тамъ членовъ комитета (Варнашевъ, Кузинъ, Карелинъ, Усановъ, Иноземцевъ, остальныхъ перечисленныхъ фамилій не помню. П. Р.) и рассказалъ о случившемся. Его дергали за полы: нельзя всѣмъ о такихъ вещахъ говорить. Но онъ отвѣтилъ, что деньги бралъ для рабочихъ, деньги эти народныя и онъ не боится. Къ свое время самъ все опубликуетъ.

Петровъ первый тогда призвалъ товарищей поклясться, что объ этомъ никто не узнаетъ. Послали за Матюшинскимъ. Его уже не оказалось дома. Въ тотъ же вечеръ онъ неизвѣстно куда выѣхалъ со своею, какъ выразился Гапонъ, любовницею.

Спустя нѣкоторое время, Старцевъ, сотрудникъ „Новостей“, сообщилъ Гапону, что его жена получила отъ любовницы Матюшинскаго письмо изъ Саратова. Отправили туда Черемухина и Кузина. Для легализаціи ихъ дѣйствій Гапонъ поѣхалъ къ Лопухину просить содѣйствія сыскной и явной полиціи въ Саратовѣ. Лопухинъ тотчасъ же телеграфировалъ туда своему ставленнику, какому то полицейскому чину.

Арестъ Матюшинскаго, по словамъ Черемухина, произошелъ такъ. Въ 11 часовъ вечера къ нему нагрянула полиція. Матюшинскій смутился и спросилъ, есть ли у нея какія нибудь полномочія. Открыли двери и ввели живыя полномочія: Кузина и

Черемухина. Матюшинскій упирался. Пришлось его даже въ участокъ взять. Но черезъ два дня покончили дѣло миромъ. Матюшинскій истратилъ свыше двухъ тысячъ. Остальныя онъ перевелъ на имя Кузина.

Матюшинскій поѣхалъ съ Черемухиннымъ въ Петербургъ, а Кузинъ въ Прошскій уѣздъ повидаться съ матерью. Его тамъ арестовали за пропаганду среди крестьянъ, отобрали чекъ на 21.000 рублей и наличными 500 съ чѣмъ то.

Гапонъ ходилъ къ Лопухину просить, чтобы его освободили. (Ходилъ до смерти Черемухина). Тотъ обѣщалъ.

— Этакая колява! У него (Кузина) тамъ много знакомыхъ крестьянъ. Поѣхалъ агитаціей заниматься и съѣлъ съ чекомъ.

— Почему ты обратился къ Лопухину, а не къ Ратневскому? — спросилъ я. Лопухинъ вѣдь теперь никакого отношенія къ полиціи не имѣетъ.

Гапонъ сбивчиво объяснилъ, что боялся, что Рачинскій арестуетъ эти деньги.

По мнѣнію Гапона, Петровъ устроилъ скандалъ — опубликовалъ о сношеніяхъ съ Витте и о 30.000 — потому, что думался въ деньгахъ, а ему не давали. Товарищи иногда гуляли, а его не приглашали. Человѣкъ онъ завистливый. Петрова задѣло, что Гапонъ охладѣлъ къ нему. „Вообще Петровъ подлецъ и клятвопреступникъ“. Находится подъ вліяніемъ жидовской клики социаль-демократовъ: Мар...а, жены Дм...а — еврейки и другихъ.

(Все, что здѣсь говорится — слова Гапона. Я этихъ людей не знаю. А о Петровѣ въ частности, слышала одно лишь хорошее. П. Р.)

Рабочіе Гапону безусловно довѣряютъ, не обращаютъ вниманія на газеты. Вчера вечеромъ писатель Симбирскій читалъ докладъ о немъ въ клубъ (Демидовъ переулокъ). Многіе выступали противъ Гапона, но всѣ рабочіе и самъ Симбирскій его защищали.

Симбирскій — сотрудникъ „Слова“.

Григорьевъ, товарищъ Петрова, — шпионъ. Все узнавалъ, когда Петрова не бывало на собраніяхъ и сообщалъ ему.

— Я даже думаю, что онъ въ полиціи служитъ. Оба подлецы. А то, что Петровъ вчера написалъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ — ложь.

Въ субботу 16 февраля было собраніе подъ предсѣдательствомъ Гапона.

— Я произнесъ страстную рѣчь. Напомнилъ кровь товарищей, убитыхъ 9-го января. Атмосфера сгустилась. Я чувствовалъ, что что то сейчасъ должно случиться. Молнія заблеститъ, громъ грянетъ. А какъ разъ послѣ меня пришлось говорить Черемухину. Я же ему револьверъ далъ. Онъ парень честный, хорошій. Онъ рѣшилъ убить Петрова. Въ тотъ же вечеръ онъ мнѣ сказалъ: „рѣшено“, т. е., что убить его, какъ измѣнника

Сидѣлъ онъ противъ меня на другомъ концѣ стола. Поднимается и вдругъ заявляетъ: „нѣтъ правды на землѣ!“ и трахъ разъ, два, три. Последнюю пулю прямо въ лобъ себѣ поставилъ и спустил. Здоровые парни около него сидѣли, но отъ неожиданности не успѣли помѣшпаться. Я бросился къ нему. Рабочіе меня обступили, схватили за руки и часа полтора упринивали, чтобы я не убивалъ себя.

Гапонъ разсказывалъ съ большимъ жаромъ и жестикуляціей.

Походивъ немного по комнатѣ, добавилъ спокойно и смѣясь:

— Съ чего они взяли, что я хотѣлъ себя убить?

Опять ходить и, ставъ уже серьезнымъ, продолжаетъ:

— Полтора часа убѣждали. Я заставилъ ихъ поклясться (нахмурилъ брови) надъ тѣломъ товарища, что они всю жизнь будутъ служить рабочему дѣлу. И только тогда сказалъ, что не наложу на себя руки. Да, трагическая была картина, Мартынь!

* * *

Вотъ новыя подробности.

Первое свиданіе Мануйловъ устроилъ Гапону (въ ноябрѣ) съ Лопухинымъ, а потомъ уже съ Рачковскимъ.

Подъ новый годъ (1906) въ Теріокахъ у Гапона было собраніе рабочихъ въ 110 человекъ, которые подтвердили всѣ его права и полномочія, которыми онъ пользовался до 9 января. Это было уже послѣ свиданія съ Мануйловымъ.

Лѣтомъ, когда Гапонъ былъ въ Финляндіи, онъ поручилъ рабочему П. слѣдить за Григорьевымъ и взять съ него клятву, что, если бы Григорьевъ оказался человекомъ вреднымъ для гапоновской организациі, убить его. П. эту клятву далъ.

* * *

— Теперь я рѣшилъ требовать общественнаго суда. Я написалъ профессору Грибовскому объ этомъ. Образовалось уже посредническое бюро. Туда вошли кажется, Милосковъ, Иорданскій и еще кто то. Они будутъ организовывать судъ. Я просилъ, чтобы туда вошли представители всѣхъ прогрессивныхъ партій: и союзъ 17 октября, и с-д., и с-р., всѣ, кромѣ реакціонныхъ. Пусть судятъ. Пусть докажутъ съ документами въ рукахъ, что я провокаторъ, что я предатель. Моя совѣсть чиста. Кого я предалъ, пусть скажутъ. Деньги бралъ? Деньги эти народныя, и я считаю, что можно всѣми средствами пользоваться для святого дѣла. Провелъ правительство до 9 января и теперь хотѣлъ. Сорвалось! Что про меня могутъ сказать? Ну ты бы разсказалъ все, что я тебѣ разсказывалъ. Ну что же? — Находился въ сношеніяхъ съ правительственными лицами, имѣя въ виду пользу народа.

Меня интересовало, находится ли онъ и теперь, особенно послѣ смерти Черемухина, въ сношеніяхъ съ Рачковскимъ.

— Ты видѣлся съ Рачковскимъ послѣ Москвы? — прервалъ я его.

Возбужденіе, съ какимъ онъ только что говорилъ, сразу упало.

— Да.

— Сколько разъ?

— Одинъ только разъ.

— Когда?

— Дней шесть тому назадъ. Когда пріѣхалъ изъ Москвы, эта исторія съ Петровымъ на меня навалилась. Не могъ пойти къ нему.

До сихъ поръ Гапонъ ходилъ по комнатѣ. Теперь онъ легъ вялый, разбитый на постель.

— До или послѣ смерти Черемухина?

— Не помню.

Я его заставилъ подсчитать точно. Оказалось *послѣ*. Еще точнѣе. Оказалось — *на слѣдующій* день. Черемухинъ застрѣлился въ субботу 18 февраля вечеромъ, а Гапонъ въ воскресенье утромъ въ 10 часовъ телефонировалъ Рачковскому: можно ли имъ повидаться. Тотъ отвѣтилъ „да“ и назначилъ свиданіе за завтракомъ въ отдѣльномъ кабинетѣ у Кюба въ 12^{1,2} часовъ. Гапонъ пришелъ. Татаринъ его ввелъ въ кабинетъ, гдѣ уже стояла приготовленная для двоихъ закуска.

— О чемъ вы говорили?

— Да вотъ сказалъ, что видѣлъ тебя, что, можетъ быть, вступлю въ с.-ровскую организацію. Но, что покуда отвѣта не имѣю. Если да, — хорошо, а нѣтъ — намъ съ нимъ придется разойтись.

— Говорили о Петровѣ?

— Говорили.

— Что же онъ сказалъ?

Гапонъ говорилъ неохотно.

— Сказалъ, что подлецы у меня товарищи. И въ самомъ дѣлѣ, разочаровался я въ рабочихъ. Я не ожидалъ, что между ними были такіе предатели, какъ Петровъ.

— А о Черемухинѣ говорили?

— Да.

— Что говорили?

— Да такъ, ничего особеннаго.

— Какъ ты вызвалъ Рачковскаго?

— По телефону.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Не знаю.

— А какой нумеръ его телефона?

— 1474. Это должно быть его квартира.

— Какъ онъ узнаетъ, что ты говоришь, а не кто нибудь другой?

— Я называю себя Апостоловымъ.

— А онъ?

— Просто, Иванъ Ивановичъ.

— Онъ тебя такъ же хорошо принялъ, какъ и раньше?

— Конечно. Но онъ думаетъ, что партіи теперь меня не примутъ къ себѣ.

— Значить, онъ тебя больше не приметъ?

— Отчего?

— Оттого, что ты ему ничего больше сообщить не можешь.

— Да, я съ нимъ такъ и разошелся. Не зналъ твоего отвѣта.

— Но Рачковскій убѣжденъ вѣдь, что отъ тебя ему теперь никакой пользы нѣтъ. Зачѣмъ же онъ станетъ ходить къ тебѣ на свиданіе?

— Онъ интересуется теперь свѣдѣніями. Все уговариваетъ меня поступить къ нему чиновникомъ особыхъ порученій.

Молчаніе.

— А зачѣмъ ты спрашивалъ нумеръ его телефона? — вдругъ вскочилъ онъ съ постели и сталъ горячиться. — Только ты мнѣ правду говори. Ты меня все допрашиваешь.

— Спросилъ потому, что интересно.

— Зачѣмъ тебѣ?

— А хотя бы для того, чтобы убить его.

Молчаніе.

— Не беспокойся; не стану пачкаться съ нимъ. Съ Рачковскимъ, если и имѣтъ дѣло, то только для того, чтобы деньги получить съ него.

— Это вѣрно, — опять оживился онъ, и со странной улыбкой продолжалъ: — Онъ недавно получилъ отъ государя 75.000 рублей.

— Сколько онъ дастъ, если я приду къ нему обѣдать? рублей пятьсотъ?

— 3.000 дастъ, — увѣренно возразилъ Гапонъ.

— Чтобъ я къ нему за три тысячи пошелъ?..

— Ну, пять тысячъ дастъ.

— Онъ сыщикъ и...

— Что ты, братъ, сыщикъ, — проговорилъ Гапонъ пониженнымъ голосомъ и съ подобострастіемъ, изобразивъ какъ то своей фигурой, головой, туловищемъ, особенно глазами, что то отвратительное. — Онъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Знаю. Директоръ департамента полиціи.

— Старше. Директоръ, завѣдывающий политическими дѣлами всей Россіи.

— За одно то, что я съѣнимъ пообѣдаю, онъ долженъ дать 25.000; меньше не пойду.

— 10.000 дастъ, пожалуй. Ты вотъ что. Въ воскресенье иди прямо къ Куба. Я его предупрежу.

— Но, вѣдь, онъ меня не приметъ, если тебѣ больше не довѣряетъ.

Разговоръ принимаетъ дѣловой характеръ.

— Онъ мнѣ довѣряетъ.

— Развѣ онъ не боится меня?

— Онъ мнѣ повѣритъ.

— Но онъ, вѣдь, не можетъ допустить, чтобы революціонеры съ тобой теперь дѣло имѣли?

— Если ты придешь, онъ повѣритъ. Потомъ надо ему дать чтонибудь...

— Что дать?

— Ну тамъ бомбы, планы какіенибудь, шифрованные письма.

— А люди?

— Людей можно предупредить. Вотъ, ты говоришь, у тебя дѣло на рукахъ сейчасъ. Если ему рассказать, много денегъ дать.

— Пусть впередъ дастъ. А то расскажу, а онъ меня и деньги арестуетъ, какъ твоего Кузнецова.

— Что ты, что ты! Онъ этого никогда не сдѣлаетъ.

Я не могъ принять свиданіе съ Рачковскимъ немедленно. Надо было закончить предварительныя приготовленія. Поэтому, условился съ Гапономъ встрѣтиться тутъ же въ воскресенье утромъ, 26-го февраля, чтобы окончательно сговориться. А до тѣхъ поръ мнѣ надо подумать.

— Только смотри не опаздывай. Вообще, если хочешь дѣло дѣлать, не затягивай. А то одна ерунда выйдетъ, — сказать онъ.

— Не опоздаю!

Въ воскресенье все еще не могъ принять свиданія. *Иваномъ* не успѣлъ еще обзавестись извозчицьею справой и стать на условленное мѣсто. Поэтому послалъ сказать Гапону, что не приду къ нему и вызову въ другой день.

Отчетъ III.

Свиданіе въ среду 1-го марта 12 часовъ дня, на дачѣ Питкиненъ, въ Теріокахъ.

У Гапона въ комнатѣ была его жена. Поэтому мы пошли въ избу хозяйки. Началь Гапонъ съ того, что онъ теперь окрѣпнѣ духомъ, что хотя судъ товарищескій или общественный очень опасенъ, но онъ все-таки рѣшается. Присяжный повѣренный Марголинъ взялся защищать его дѣло и увѣрять, что Гапона оправдаютъ. Два суда будутъ: коронный противъ „Новаго Времени“ за клевету и общественный, которому онъ все расскажетъ.

— Марголинъ у меня спрашивалъ сказать ему по совѣсти, взялъ ли я себѣ хоть часть денегъ. Я ему далъ слово, что не

бралъ, ну ни полупшки. Я ему все разсказаль, рѣшительно все.

— Все?

— За исключеніемъ послѣдняго, конечно.

Гапона съежило отъ моего вопроса. Онъ старался вернуться къ прежнему разговору и тону и понемногу оживился.

— Марголинъ говорить, что навѣрное оправдаютъ. Вся социаль-демократическая жидовская клика рада, потому что съ моимъ паденіемъ они выиграютъ. С.-р. тоже нападаютъ на меня. Рабочему дѣлу это приноситъ страшный вредъ. Надняхъ на Балтійскомъ заводѣ наши рабочіе поранили шестерыхъ социаль-демократовъ. Я хотѣлъ устроить новое 9 января, еще большее. Сорвалось!

Я свелъ разговоръ на сношенія съ Рачковскимъ. Оказалось, что первыя два свиданія съ нимъ Гапонъ имѣлъ у Мануйлова на квартирѣ. Рѣчь шла исключительно объ отдѣлахъ. Во время второго свиданія, когда Мануйловъ вышелъ изъ комнаты, Рачковскій сказалъ Гапону: „Этотъ Мануйловъ — балда! Съ нимъ не слѣдуетъ имѣть никакихъ дѣлъ“. Онъ далъ Гапону номеръ своего телефона и предложилъ воспользоваться имъ въ любое время.

— На слѣдующій день я его спросилъ по телефону: „какъ отдѣлы?“ Онъ отвѣтилъ: „для этого намъ съ вами надо пови-даться лично“. Назначили свиданіе въ ресторанѣ. Тутъ онъ ко мнѣ и сталъ подѣзжать. А я тутъ же подумаль, сію же минуту: „ты такъ, а я тогда вотъ какъ“. Ну, и сказалъ, что ничего не знаю, но такъ сказалъ, какъ будто много знаю. Но я ничего не сказалъ, ни *единаго слова*. Я всегда говорилъ и теперь думаю, что если бы кого-нибудь предать, такъ самому себѣ долженъ пустить пулю въ лобъ. Развѣ я предатель? Дурново даже сказалъ Рачковскому, что „ты, говоритъ, дуракъ. Развѣ ты не видишь, что Гапонъ тебя за носъ водить? Видѣлся съ Рутенбергомъ въ Москвѣ и не сказалъ тебѣ даже его адреса“. *Ни одинаго слова* не сказалъ ему. Я ихъ надуть хотѣлъ, устроить новое еще большее 9-е января. Это вѣрно. Что же здѣсь предосудительнаго? У меня были широкіе планы. Черезъ Мануйлова пробраться къ Витте, черезъ Рачковскаго — къ Дурново. Онъ, вѣдь, мнѣ предлагаль, не хочу ли я представиться Дурново. И я бы сдѣлаль дѣло. Забрался бы въ берлогу и однимъ взмахомъ уничтожилъ бы ихъ всѣхъ. Самъ бы убилъ Дурново. Ей Богу... самъ. Конечно, во время, въ извѣстный моментъ. А тутъ, значить, отдѣлы, опирался бы на массы. Я широко смотрѣлъ. Сорвалось! А жидовская клика ругаетъ меня предателемъ, провокаторомъ, воромъ. Пусть докажутъ съ документами въ рукахъ, кого я предаль, что украль. Комиссія Грибовскаго должна изображать прокуратуру. Они должны составить обвинительный актъ. Значить, взять на себя нравственную отвѣтственность за выставляемые обвиненія. А материалу нѣтъ. Нѣту! (смѣется). А съ правительственными чи-

повниками сношенія имѣлъ: для пользы народнаго дѣла. А сказать имъ, ничего не сказалъ, ни единого слова. Я же тебѣ сказалъ, что Дурново обругалъ Рачковскаго дуракомъ. Даже адреса твоего имъ не сказалъ.

— А послѣ того, какъ я у тебя былъ, видѣлся съ Рачковскимъ?

— Нѣтъ.

— Значить, послѣ Москвы ты видѣлъ его одинъ только разъ?

— Да, только одинъ.

Гапонъ сказалъ неправду. Вотъ почему. Онъ видѣлся съ Рачковскимъ 19-го февраля, на другой день послѣ смерти Черемухина, рассказалъ ему результатъ свиданія со мной въ Москвѣ. Рачковскій объ этомъ и доложилъ Дурново, а тотъ обругалъ его дуракомъ. Чтобы Гапонъ могъ это узнать, онъ долженъ былъ видѣть Рачковскаго еще разъ.

Исторія съ адресомъ придумана неудачно. Адресъ мой, т. е. мѣсто, гдѣ мы встрѣтились съ Гапономъ въ Москвѣ, стало извѣстно полиціи тотчасъ же. За мной тогда же начали слѣдить.

* * *

Ни Лопухинъ, ни Мануйловъ на знаютъ будто бы о томъ, что Гапонъ встрѣчается съ Рачковскимъ. Когда они спрашивали Гапона объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что больше съ Рачковскимъ не видался.

* * *

Перенли къ дѣлу.

Я высказалъ принципиальное согласіе повидаться съ Рачковскимъ.

Это категорическое заявленіе было для Гапона неожиданнымъ. Онъ какъ то завозился, что-то пробормоталъ.

— Никто не знаетъ объ этомъ. Если кто-нибудь изъ товарищей узнаетъ, я рискую головой. Не стануть даже въ объясненія со мной вступать, а просто пустятъ пулю въ лобъ за сношенія съ Рачковскимъ.

— Этого никто не узнаетъ.

— Свиданіе должно быть въ отдѣльномъ кабинетѣ. Кромѣ него никто не долженъ знать про мои съ нимъ сношенія.

— Конечно. Будь спокоенъ. До сихъ поръ полиція никого изъ своихъ не выдавала. Революціонеры выдавали. Тихомировъ, напимѣръ, даже С—новъ, говорятъ, выдавалъ.

— Ладно.

— Только ты не безпокойся. Полиція не выдастъ.

— Конечно, не выдастъ. Ей не выгодно. Никто въ провокаторы не пойдетъ.

— Ну да. А насчетъ денегъ какъ?

— 25.000, какъ я уже тебѣ говорилъ. Наличными въ пакетѣ

или ассигновкой. За то только, что пообѣдаю съ нимъ, узнаю, чего онъ хочетъ.

— Это хорошо. Надо все знать точно.

— Никакой слѣжки за мной чтобы не было.

— Само собой разумѣется. Вотъ ты говоришь 25.000. Еслибы ты рассказалъ про дѣло, которое у тебя на рукахъ, можно было бы получить не 25.000, а 50.000 руб.

— 25.000 только за то, что съ нимъ пообѣдаю. Узнаю, что ему нужно. Сказать ему въ первый разъ ничего не скажу. Надо будетъ подумать.

— Это вѣрно. А то 25.000 мало.

— Дешево себя не продамъ. Такъ и скажи ему. За все дѣло не меньше 150.000—200.000 рублей.

— Это вѣрно. Но, вѣдь, я сказалъ 100.000.

— То ты, а то я говорю.

— Но вотъ что. Онъ, вѣдь, можетъ сказать: дать тебѣ 25.000 рублей, а ты его надуешь, ничего потомъ не расскажешь?

— Ты ему объясни: однимъ тѣмъ, что я приду обѣдать, я уже въ вашихъ рукахъ. Если товарищи хоть что-нибудь узнаютъ — мнѣ крышка. Гарантія достаточная. А съ его стороны никакой гарантіи. Я расскажу, а онъ денегъ не дастъ.

— Это вѣрно.

— А ты что получаешь за то, что приведешь меня, — спросилъ я Гапона.

— Не знаю еще. Завтра поговорю.

Любопытный былъ видъ у него. Растерянный, приниженный. Совсѣмъ не такой, какъ когда онъ говорилъ о судѣ и широкихъ планахъ. Нѣкоторое время мы оба молчали. Онъ ходилъ по комнатѣ и думалъ.

— Видишь ли. Деньги большія. Могу я ему сказать опредѣленно, что рѣчь идетъ о Дурново? — спросилъ Гапоня.

— Я тебѣ довѣряю. Но ты понимаешь, что сказать этого не могу.

— Конечно, самъ видишь, что я ничего не спрашиваю. Ни фамилій, ничего. Самъ понимаю, что въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя.

* * *

Рѣшили: въ пятницу 3-го марта — свиданіе съ Рачковскимъ. Гапонъ предупредить его и переговорить предварительно. Я пришлю завтра въ 5 часовъ къ Гапону. Онъ передастъ для меня записку, въ которой будутъ день, часъ, мѣсто свиданія съ Рачковскимъ и пароль, какъ пройти. Больше ничего. Я въ указанное мѣсто и время обязательно приду.

* * *

Характерное это было свиданіе. Когда Гапонъ рассказываетъ о судѣ, приводитъ оправданія противъ газетныхъ обвине-

ній, онъ сознательно играетъ, играя, увлекается и забываетъ, должно быть, про данныя имъ Рачковскому „разъясненія“, про взятыя имъ на себя „порученія“. Онъ повторяетъ, очевидно, передо мной тѣ же „благородныя“ жесты, что и передъ Марголинымъ, Симбирскимъ и другими. А когда я неожиданно напоминаю о Рачковскомъ, съ него весь пылъ соскакиваетъ. Онъ весь съеживается, горбится, смотритъ изъ подлобья, съ опаской. Покуда не втянется въ „дѣловой“ разговоръ.

* * *

Прежде, чѣмъ разстаться, онъ не забывъ все таки прикрыться „на всякій случай“ фиговымъ листомъ :

— Главное, надо смотрѣть на вещи широко, не односторонне. Если, скажемъ, дѣло какое-нибудь на мази, понимаешь? на мази, какъ у тебя, напимѣрь, то лучше имъ пожертвовать, чтобы получить большія средства и потомъ поставить его еще больше и шире.

— Конечно.

* * *

Мы перешли въ комнату его жены. Я убѣждалъ въ городъ позже ихъ. Пришлось, поэтому, просидѣть съ ними съ четверть часа. Я себя чувствовалъ отвратительно въ присутствіи этой простой, довѣряющей Гапоцу женщины, очевидно, любящей его. Она не вѣритъ газетнымъ разоблаченіямъ. И къ суду онъ обратился подѣ ея вліяніемъ. Такъ я появля изъ ея словъ.

* * *

2-го я послалъ къ нему, какъ условились, съ запиской :

„Напиши результатъ твоего свиданія. М. 2-III 1906“.

Въ 5 часовъ его не застали дома. Сказали, что Гребинскій (Гапонъ) будетъ дома только на слѣдующее утро въ 10 часовъ.

3-го марта онъ передалъ мнѣ нѣсколько словъ, написанныхъ на моей же запискѣ; „завтра (суббота) ресторанъ Контанъ 9 часовъ вечера. Спросить г. Иванова“.

4-ое марта.

Въ ресторанъ Контана я приѣхалъ въ субботу въ четверть десятого.

Въ этотъ вечеръ у Дурново былъ балъ.

Не раздѣваясь, спросилъ лакея, гдѣ кабинетъ Иванова. Тотъ бросился, сломя голову, какъ и полагается въ подобномъ учрежденіи, спрашивать.

Дверь въ корридоръ была открыта. Я видѣлъ, какъ за дверью засуетились. Раздѣвальный лакей вернулся на свое мѣсто и сказалъ : „сейчасъ узнаютъ“.

Вслѣдъ за нимъ подошелъ къ дверямъ оберъ-кельнеръ, оглядѣлъ меня, спросилъ, большая ли должна быть компанія. Я отвѣтилъ: „два человѣка“.

— Сейчас спрошу.

Черезъ минуту вышелъ высокій выколѣнный молодой человекъ, спросилъ одѣться. Очень внимательно меня оглядѣлъ. Потоптался больше, чѣмъ это ему нужно было, чтобы одѣться, забрасывая на меня глаза при каждомъ удобномъ случаѣ, осматривая меня черезъ зеркало, одѣлъ свою дорогую шубу и вышелъ.

Всгдъ за нимъ изъ того же корридора вышелъ обыкновенный сыщикъ (такъ хорошо знакомая фигура), всосался въ меня глазами на ходу, такъ что они у него чуть не выдѣлали, прошелъ въ раздѣвальную, одѣлся и, выходя на улицу, опять такъ скосяилъ глаза на меня, что мнѣ его жаль стало.

Я обозлился, что заставляютъ ждать. Прикрикнулъ на лакея. Тотъ подошелъ къ дверямъ корридора, не торопясь оттуда вышелъ сейчасъ же и сказалъ: „должно быть такого кабинета нѣтъ“.

Я ушелъ.

Рачковскій не рискнулъ встрѣтиться со мною. Но на всякій случай поставилъ агентовъ „посмотрѣть“ и „обставить“.

Ни арестовать меня, ни особенно грубо слѣдить за мною въ этотъ вечеръ, по моимъ соображеніямъ, не должны были. Для Рачковскаго, съ его точки зрѣнія, это было бы не выгодно.

По заранѣе составленному плану я принялъ мѣры къ тому, чтобы остаться безъ „попутчиковъ“.

Отчетъ IV.

Свиданіе 5-го марта вечеромъ.

Въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ я видѣлъ Гапона въ предыдущіе разы, онъ оправился и былъ совершенно спокоенъ.

Вчерашнюю исторію онъ объяснилъ недоразумѣніемъ. Онъ „думалъ“, что я сообщу: приду или нѣтъ; ждалъ, безпокоился очень.

Такъ какъ до 8 часовъ я его не извѣстилъ, то онъ по телефону сказалъ Рачковскому, что я, вѣроятно, не приду.

— Почему ты самъ не пришелъ на всякій случай? Вѣдь, мы съ тобой условились совершенно опредѣленно; что я приду обязательно, когда получу твою записку. Вѣдь, я головой рисковалъ.

— Я очень безпокоился. Послѣ 8-ми поѣхалъ съ женой къ Симбирскому. Вернулся и легъ совсѣмъ рано, часовъ въ 11 спать. Все время думалъ о тебѣ.

— А Рачковскій въ это время поставилъ сыщиковъ, чтобы меня „обставить“.

— Онъ мнѣ далъ честное слово, что ничего не будетъ. Если бы тебя арестовали, я бы пулю себѣ въ лобъ пустилъ.

О чемъ вы говорили?

— Такъ, рѣшили, видишь, если свиданіе состоится, поговорить раньше съ тобою, а потомъ, въ зависимости отъ твоего отвѣта, онъ прійдетъ или нѣтъ. Онъ божится и клянется, что дѣло Леонтьевой и другихъ арестованныхъ весной 12-ти человѣкъ обошлось имъ всего въ 5000 рублей. Сто тысячъ даже за Дурново дать никакъ невозможно. Въ особенности при теперешнемъ положеніи финансовъ. 25000 рублей это хорошая цѣна. За все. И то ты долженъ ему сначала все рассказать. Твое соображеніе, что если ты къ нему придеешь, то ты уже у него въ рукахъ, не вѣрно. Много есть людей, съ которыми онъ видался, не сходилса и ничего. Никто ничего до сихъ поръ не знаетъ. А они благоденствуютъ. Теперь почтенные члены общества. Такъ онъ говоритъ (смѣется). 25000 — это хорошая цѣна. За одно дѣло. А за цѣлый годъ можно заработать и сто тысячъ, за четыре дѣла. Такъ онъ, сукинъ сынъ, говоритъ (смѣется). Понимаешь (продолжаетъ смѣяться, собственно, хихикать и совершенно мѣняетъ почему-то тонъ разговора). Такъ меня подмывало пристрѣлить его. Чего же? Вѣдь, насъ только двое. Вѣдь, я тебѣ рассказывалъ мои планы. Организовать массы въ отдѣлы. Всѣ пошли бы. И теперь рабочіе постановили платить самимъ за помѣщенія, хотя собираться и не позволяютъ. Влеченіе большое питаютъ къ отдѣламъ. Одновременно съ этимъ пробраться къ Витте и Дурново и въ подходящій моментъ скосить ихъ. Это имѣло бы громадное значеніе. Сорвалось! Но я теперь дѣло сдѣлаю. Вотъ только напрасно с.-р. противъ меня выступаютъ. Вѣдь, я лѣтомъ это говорилъ еще за границей. А меня заподозрили, что я хотѣлъ всей партіей распорядиться. И теперь еще не все потеряно.

* * *

Относительно „дѣла“ Гапонъ говорилъ болѣе прозаично и опредѣленно. „Отъ имени Рачковскаго“ онъ „категорически“ заявилъ, что въ Петербургѣ меня никто не тронетъ. Не арестуютъ. Если мы „столкуемся“, полиціи будетъ дано знать, чтобы меня оставили въ покоѣ.

— Но будетъ такъ дано знать, что никто ни о чемъ не сможетъ догадаться. Просто выяснилось, что ты ни при чемъ въ вводимыхъ на тебя обвиненіяхъ.

Брата безусловно освободятъ.

Гапонъ узналъ отъ рабочаго Т., что жена моя привлекается за изданіе какой-то книжки къ суду. Онъ заявилъ, что и это дѣло похерятъ.

Рачковскій все можетъ сдѣлать, если только я ему что-нибудь расскажу.

— А рассказать надо. Не выдавая, конечно. Безусловно никого не предавая, иначе это будетъ предательство.

Что касается опасеній за мою жизньъ, на случай, если товарищи узнаютъ о моемъ предательствѣ, то Рачковскій говорить, что все можно будетъ устроить такъ, что меня никто ни въ чемъ не заподозритъ. Я „не долженъ погибнуть ни въ какомъ случаѣ“. Я смогу перейти потомъ къ с.-д. и работать у нихъ. Но самое лучшее, чтобы я остался въ Боевой Организаци, какъ и былъ.

* * *

Тонъ у Гапона былъ теперь новый, гораздо самоувѣреннѣе, чѣмъ раньше. Говорилъ онъ совсѣмъ о другомъ, чѣмъ раньше. Планы у него съ Рачковскимъ измѣнились послѣ того, какъ убѣдились, что я ключъ: пришелъ въ Контанъ.

Рачковскій соглашался на свиданіе только послѣ того, какъ я что-нибудь расскажу. Свиданіе, слѣдовательно, стало невысланнымъ. Они даже торговаться нашли возможнымъ.

Съ своей стороны Гапонъ все чаще останавливался на судѣ, который для него теперь является гарантіей личной неприкосновенности. Надъ судомъ онъ въ то же время издѣвается, не боится его, такъ какъ никакихъ документовъ нѣтъ, а я, какъ свидѣтель, въ счетъ не иду. „Этотъ не выдастъ“.

Положеніе мое стало безвыходнымъ. До Рачковского не добраться. А Гапонъ находится подъ защитой суда.

Я рѣшилъ рискнуть, принять всѣ мѣры предосторожности и повидаться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, чтобы посоветоваться.

Гапону сказалъ, что подумаю еще и дамъ отвѣтъ.

* * *

Я принялъ всѣ бывшія въ моемъ распоряженіи мѣры предосторожности*) и, убѣдившись, что за мной нѣтъ полицейской слѣжки, поѣхалъ въ Сѣверскъ. Раньше, чѣмъ пойти къ Азефу, я спросилъ его по телефону, находить ли онъ возможнымъ со мной встрѣтиться, предупредивъ его, что я съ своей стороны убѣжденъ, что никого съ собой не привезу.

Азефъ свиданіе со мной принялъ. Я рассказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ, и какъ велъ за это время дѣло. Изъ указанныхъ имъ первоклассныхъ ресторановъ я былъ только въ одномъ изъ нихъ и одинъ разъ, въ первый день пріѣзда въ Петербургъ, но чувствовалъ себя тамъ очень тяжело, и, не видя въ этомъ никакого смысла, больше туда не являлся и извозчиковъ тамъ не ставилъ.

Азефъ обозлился, сталъ грубо обвинять меня, что я не исполняю его инструкцій, что своей неумѣlostью я проваливаю все и всѣхъ (въ это время въ Петербургъ произошли аресты Б. О.). Онъ торопился куда то по дѣлу и уходя назначилъ мнѣ вечеромъ свиданіе, чтобы подумать, не оставить ли Рачковского и покончить съ однимъ Гапономъ.

*) Добавлено въ юнѣ 1909 г. П. Р.

Я ничего не отвѣтилъ тогда Азефу. Всѣ его обвиненія были до того несправедливы и онъ мнѣ сталъ до того оторачивателемъ, что я буквально не могъ заставить себя естрѣтиться съ нимъ. Я оставилъ ему записку, что не могу и не хочу ни видѣть его, ни слышать, что возвращаюсь въ Петербургъ продолжать дѣло, какъ сумѣю, на основаніи имѣющихся у меня прежнихъ распоряженій.

Я вернулся обратно.

Записка, въ которой я оскорбилъ „Ивана Николаевича“, сыграла значительную роль въ дальнѣйшемъ. Субботникъ заявилъ мнѣ по поводу нея: — „ты оскорбилъ въ его лицѣ честь партіи и всей исторіи партіи“.

Отчетъ V.

Свиданіе 10 марта, въ пятницу утромъ, дача Пштинена, Теріоки.

Я былъ боленъ и совершенно разбитъ послѣ поѣздки моей къ Азефу. Съ трудомъ могъ слѣдить за собой и за Гапономъ. По обыкновенію, онъ началъ рассказывать про свои дѣла, про свое положеніе.

Я спросилъ, какъ, по его мнѣнію, быть съ Рачковскимъ.

— Самое правильное сказать, что ты ему не довѣряешь. Пусть передастъ 25.000 авансомъ черезъ меня. Раньше ты къ нему не пойдешь. А тамъ три выхода:

1) Получить деньги и скрыться;

2) Если дѣло у тебя не совсѣмъ вѣрное, ну, если ты не увѣренъ, что дѣйствительно успѣшно окончится, то рассказать ему. А люди чтобы спаслись. Это вполне возможно. Потому что они арестовываютъ тогда, когда все созрѣетъ, какъ бутонъ. Понимаешь? Ну мы можемъ сказать, что и не виноваты, а шпионы слишкомъ грубо слѣдили. Ни одинъ человекъ, конечно, не долженъ пострадать. Но если дѣло у тебя вѣрное, если твоя организація ведетъ къ тому, что Дурново или другой кто несомнѣнно скоро будетъ убитъ, тогда лучше съ нимъ дѣло прекратить.

3) Деньги получить и убить ихъ обоихъ, Рачковскаго и Герасимова. Это я взялъ бы на себя. Только надо такъ сдѣлать, чтобы уйти. Я всегда говорилъ, что Боевая Организація поступаетъ неправильно, что не спасаетъ своихъ людей. Каляевъ, напримѣръ, могъ быть свободно спасенъ, еслибы были лошади. Это мнѣ вчера еще говорилъ очевидецъ.

— Кто говорилъ?

— Рабочій одинъ. Если я буду убѣжденъ, что на мнѣ не лежитъ болѣе важная идея, я возьму на себя это дѣло. Только надо такъ устроить, чтобы уйти. Лошадей, одежду, квартиры. А для этого все таки нужны деньги.

Я отвѣтилъ, что о первомъ его предложеніи нечего гово-

рить, не стоить пачкаться. О третьемъ, чтобы убить Рачковскаго и Герасимова тоже не стоить говорить.

— Почему?

— Фантазія.

— Почему фантазія?

— Ты ихъ не убьешь.

Гапонъ обидѣлся; сталъ увѣрять, что говорить объ этомъ серьезно. Надо хоть этихъ подлецовъ убить. Его (Гапона) общественное положеніе теперь таково, что только такимъ актомъ онъ можетъ вернуть себѣ довѣріе.

Гапонъ говорилъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, такъ хорошо симулировалъ, а я былъ въ такомъ разбитомъ настроеніи, что поддался его игрѣ и сталъ серьезно говорить съ нимъ объ этомъ.

Гапонъ опять повторилъ, что это его давнишняя идея. Что очень бы хорошо убить ихъ до Думы. И Дурново тоже.

Онъ спросилъ, сколько надо времени, чтобы организовать побѣгъ.

— Дней десять. Не больше двухъ недѣль.

Но когда я поставилъ ему опредѣленные вопросы (то-то тогда-то надо сдѣлать), онъ смутился и сталъ вилать.

— Могу я послать вмѣсто себя когонибудь другого? У меня такіе рабочіе найдутся.

Дальше слѣдоваль планъ, какъ осуществить. А когда запутался, сталъ говорить, что этотъ планъ, вообще, ему не подходитъ. Что онъ теперь день и ночь работаетъ надъ своими организаціями. Устроено уже 15 пунктовъ. „Отдѣлы“ сами по себѣ. Тамъ хотять проводить выборное начало. А онъ считаетъ необходимой желѣзную дисциплину. Пусть отдѣлы сами устраиваются. Онъ будетъ работать только съ тѣми рабочими, которые остались ему вѣрны. Онъ устраиваетъ мастерскія: портняжескую, слесарную и т. д. Деньги есть и будутъ. Говорилъ о какомъ то „предпріятіи“, отъ котораго. можно получить 18.000 рублей. Дѣло маленькое, но вѣрное. Сами служащіе принимаютъ участіе.

Я видѣлъ, что сдѣлать большую оплошность и старался затушевать разговоръ о покушеніи на Рачковскаго и Герасимова. Сталъ жаловаться, что „дѣло“ у меня не клеится, что меня преслѣдуютъ неудачи.

Онъ началъ уговаривать меня „разсказать“ Рачковскому. Можно будетъ получить большія деньги.

Я высказалъ удивленіе, что Рачковскій торгуется. Но, чтобы прійти къ какомунибудь результату, надо съ нимъ поведаться и все выяснитъ. Интересы у меня съ Гапономъ общіе въ этомъ дѣлѣ. Поэтому я предоставляю ему рѣшить, надо ли требовать авансъ или нѣтъ.

* * *

Я рассчитывалъ, что Рачковскій, не рискуя деньгами и зная, что я уже поддался искушенію, приходилъ въ Контанъ, явится на свиданіе со мной.

Если же онъ опять предложитъ Гапону переговорить со мной раньше, т. е. получить предварительныя доказательства моей „искренности“, дѣло надо бросить.

Гапонъ полагалъ, что свиданіе состоится; такъ какъ я сказалъ, что вся будущая недѣля у меня занята, кромѣ понедѣльника, то свиданіе было рѣшено на понедѣльникъ 13-го вечеромъ. Въ субботу или въ воскресенье они повидаются, назначать часъ и мѣсто. Гапонъ сообщитъ мнѣ это запиской черезъ моего посланнаго.

* * *

13-го марта Гапонъ передалъ мнѣ, что вызываетъ меня на свиданіе въ Теріюки въ среду утромъ (безъ Рачковского).

Въ понедѣльникъ появилось въ газетахъ его наглое письмо къ обществу. Находится въ сношеніяхъ съ полиціей, а въ печати говоритъ, что хочетъ обмануть полицію.

Свиданія съ Рачковскимъ не получить безъ „аванса“ съ моей стороны. Гапона одного трогать нельзя. На свою отвѣтственность рѣшилъ дѣло оставить и уѣхать*).

Я пріѣхалъ**) въ Сѣверскъ. Переслалъ Центральному Комитету (черезъ Азефа) отчетъ послѣдняго свиданія съ Гапономъ. Написалъ, что хочу уѣхать за границу.

Находясь все время подъ систематическимъ наблюденіемъ полиціи, я не могъ пойти переговорить лично съ кѣмъ нибудь изъ товарищей.

Я узналъ, что вмѣстѣ съ Азефомъ тамъ былъ и Субботинъ. Если Азефъ имѣлъ основаніе считать себя оскорбленнымъ мною, то Субботинъ или кто нибудь другой такъ или иначе должны были отнестись къ принятому мною рѣшенію оставить порученное мнѣ дѣло и уѣхать, что нибудь отвѣтить на мою записку должны были.

Я ждалъ этого отвѣта, но безрезультатно.

Тогда я поручилъ протелефонировать объ этомъ Азефу. Онъ отвѣтилъ (какъ членъ Ц. К., конечно, а не какъ частное лицо), что никакого отвѣта не будетъ.

*) Во время одного свиданія у Гапона высунулась какъ то изъ жилетнаго кармана визитная карточка съ надписью: Петръ Ивановичъ Рачковскій. Карточка эта, наконецъ, выпала на полъ. На оборотѣ ея что то было написано чернилами.

— Что это у тебя? спросилъ я.

— Ничего.

Гапонъ поднялъ и положилъ ее обратно въ тотъ же карманъ. Въ свое время я забылъ написать объ этомъ въ отчетъ Центральному Комитету. Изъ газетъ узналъ, что, когда въ Озернахъ открыли тѣло Гапона, судебныя власти пришли въ большое смущеніе, найдя при немъ визитную карточку. Карточку эту никому не показали и въ протоколѣ о ней не упомянули.

Не та ли это карточка, которую я видѣлъ? Рабочіе, очевидно, хуже умѣютъ обыскивать, чѣмъ полиція.

**) Текстъ этой вставки измѣненъ въ іюні 1909 года.

Отъ Субботина, бывшаго въ это время съ нимъ, тоже ни звука.

Я принялъ это молчаніе какъ упрекъ, точнѣе, какъ оскорбленіе за то, что въ томъ или другомъ видѣ не привелъ въ исполненіе данное мнѣ Ц. К.-томъ порученіе.

Всталъ вопросъ: могу ли я, связанный съ Гапономъ всѣмъ ужасомъ и кровью 9-го января, бросить таки это дѣло, уѣхать, ограничившись одной отпиской по начальству. Соображенія общественныя, политическія, моральныя, меня пугали. И все вмѣстѣ страшно угнетало. Къ концу нѣсколькихъ дней для меня выяснилось одно: съ Гапономъ я увижусь.

Сначала я думалъ, что при создавшемся положеніи я долженъ, по крайней мѣрѣ, сказать ему въ присутствіи рабочихъ, что считаю его предателемъ, провокаторомъ, что всѣ наши разговоры во время свиданій запротоколированы и находятся въ распоряженіи партіи.

Но, когда я вернулся въ Петербургъ, всѣ соображенія отпали передъ чудовищностью того, что Гапонъ *продалъ 9-ое января, что онъ — полицейскій провокаторъ.*

Рѣшилъ привести въ исполненіе приговоръ Ц. К., данное мнѣ порученіе относительно его одного.

Разсчитывать въ этомъ случаѣ на помощь N-овъ, согласно первоначальнымъ плану и инструкціи Азефа, послѣ ихъ отказа, не приходилось.

Отчетъ VI.

Я рѣшилъ замѣнить не достигнутую мною „улику“ Рачковскаго — свидѣтельскими показаніями. Я обратился къ группѣ рабочихъ, членамъ партіи, рассказалъ имъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ нихъ Гапона хорошо зналъ; такъ же, какъ Гапонъ его.

Видя во мнѣ представителя партіи, вполне мнѣ довѣряя, рабочіе все таки не могли примириться съ мыслью, что Гапонъ — полицейскій провокаторъ. Было рѣшено, что я предьявлю въ ихъ присутствіи Гапону обвиненія. Чтобы онъ не могъ отречься отъ всего, долженъ былъ быть, кромѣ меня, еще свидѣтель. Гапонъ долженъ былъ быть выслушанъ. Получался вторичный судъ. Объ обращеніи моемъ къ рабочимъ Центральный Комитетъ не зналъ.

* * *

22-го марта (въ среду) мы встрѣтились съ Гапономъ и поѣхали на извозчикъ. На козлахъ за кучера сидѣлъ одинъ изъ рабочихъ, слышавшій весь нашъ разговоръ.

Я предлагалъ Гапону вопросы. Несмотря на ихъ непослѣдовательность, онъ долго ничего не замѣчалъ и говорилъ все то же, уже извѣстное.

Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ Рачковскаго въ понедѣльникъ. Рачковскій даетъ 25.000 рублей за выдачу покушенія на Дурново. Надо торопиться. 25.000 деньги хорошія. Никто ничего не узнаетъ. Нечего опасаться. О людяхъ нечего беспокоиться. Мы ихъ заранѣе предупредимъ, они скроются и т. д. Когда Рачковскій узналъ, что я не пріѣхалъ въ прошлую среду къ Гапону на свиданіе, онъ сталъ беспокоиться. Боятся покушенія. Надо торопиться, повторять Гапонъ.

Этотъ разъ онъ былъ гораздо наглѣе, чѣмъ раньше.

Я спросилъ о судѣ Грибовскаго. Гапонъ отвѣтилъ, что судъ пустяки. Хотятъ, чтобы однѣ лѣвыя партія судили. Онъ не пойдетъ на этотъ судъ. И вообще наплевать ему. Онъ знаетъ цѣну общественному мнѣнію. Грошъ! Было время, когда его превозносили. Теперь его топчутъ. Газеты либо жидовскія, либо подкупленныя.

Я говорилъ о нуждѣ рабочихъ. Онъ подтвердилъ, что нужда очень большая. Я спросилъ, куда онъ дѣвлетъ 50.000 франковъ, которыя Соковъ ему далъ лѣтомъ для рабочихъ.

Онъ насторожился. Долго испытующе поглядѣлъ на меня.

Потомъ безпокойный, спросилъ, какъ это я, конспираторъ, разговариваю на извозчикѣ о такихъ вещахъ, какъ убійство Дурново, свиданіе съ Рачковскимъ, о деньгахъ, называю всѣ имена. Онъ предложилъ пройти съ пѣшкомъ. Слѣзши съ саней, онъ внимательно заглянулъ въ лицо извозчика, но ничего подозрительнаго на немъ не увидѣлъ.

Явно опасаясь чего то, онъ сталъ увѣрять меня, что революціонеры къ нему несправедливо относятся, что онъ самъ за вооруженное возстаніе, но считаетъ преступленіемъ вызывать теперь рабочихъ на улицу. Октябрьскія увлеченія — ошибка. Надо было заставить царя сначала присягнуть конституціи. А потомъ уже пусть отбираетъ. Весь народъ сказалъ бы — клятвопреступникъ — и возсталъ бы...

Я не возражалъ. Наконецъ, сказалъ, что мнѣ надо ѣхать. Мы вернулись къ дѣлу.

По словамъ Гапона, Рачковскій раньше не довѣрялъ мнѣ, но онъ поручился за меня, что я „честный и искренній человекъ“. Свиданіе теперь, навѣрное, состоится. Надо торопиться, а то Рачковскій безпокоится.

Принять свиданіе съ Рачковскимъ и выполнить первый планъ я не могъ уже. Предоставленныя въ мое распоряженіе партіей средства были уже ликвидированы. Правильныя сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ, точнѣе съ Азефомъ, разстроились. Оставалось держаться начатаго суда рабочихъ.

Я сказалъ Гапону, что согласенъ. Пусть онъ окончательно узнаетъ у Рачковскаго, когда и гдѣ мы встрѣтимся. Въ поне-

дѣльникъ я вызову Гапона и онъ мнѣ лично передастъ свой разговоръ съ Рачковскимъ.

На этомъ мы разстались.

* * *

Разсказъ „извозчика“ поразилъ поджидавшихъ его товарищей.

Было рѣшено арестовать Гапона, обезоружить его (онъ всегда носилъ при себѣ револьверъ) и, предъявивъ ему обвинения и свидѣтельское показаніе, потребовать отъ него объясненія. Потомъ рѣшить его участь.

Сначала, согласно инструкціи Азефа*), все было мною сорганизовано въ Финляндіи. Но во время я увидѣлъ неумѣстность этого акта на финляндской территоріи, и все отмѣнилъ.

Была нанята дача Звѣржицкой, въ Озеркахъ, на имя П. И. Путилина, явившагося туда въ сопровожденіи своего „слуги“. Изъ конспиративныхъ соображеній пришлось потребовать, чтобы дачу убрали; уборка ея затянулась, изъ за праздниковъ.

Въ пятницу 24-го марта я сообщилъ лицу, черезъ которое сносился съ Центральнымъ Комитетомъ (Азефомъ), что все готово. Но ни дня, ни мѣста не сообщилъ. Въ субботу или воскресенье (25 или 26 марта) это лицо передало это лично Азефу. Азефъ при этомъ имѣлъ возможность снестись со мною лично или черезъ посредника по телефону.

Къ понедѣльнику — день, когда я условился встрѣтиться съ Гапономъ, дача еще не была готова. Чтобы не возбуждать подозрѣній, уже появившихся у него, я написалъ ему въ воскресенье записку:

„Получи завтра опредѣленный отвѣтъ. Не меньше 50.000. 15.000 авансомъ черезъ тебя. Въ крайнемъ случаѣ 10.000. Тогда и дѣловое свиданіе назначимъ. За отвѣтомъ пришлю во вторникъ утромъ“.

Для „конспираціи“ просилъ черезъ посланнаго вернуть мнѣ записку. Гапонъ ее возвратилъ, но, какъ потомъ оказалось, оставилъ у себя копію.

Мнѣ онъ отвѣтилъ.

„Ты самъ вертишь и виновать въ канители. Сегодня непременно надо видѣться или завтра для дѣла, и тогда будетъ все хорошо. Зѣдь, мы предположили съ тобой такъ, не выгодно мѣнять. Мѣсто — ресторанъ Кюба. Время или сегодня (понед.) 10 час. вечера, если завтра, то въ 7 час. вечера. Повторяю, ты долженъ видѣться со мною съ тѣмъ господиномъ здѣсь въ городѣ“.

Записку я получилъ 27-го марта вечеромъ. На словахъ онъ мнѣ передалъ, что изъ города никуда не поѣдетъ, а въ городѣ ридетъ на свиданіе, куда угодно. Несмотря на это предупрежденіе, я вызвалъ его прѣхать во вторникъ въ Озерки съ ѣздомъ, отходящимъ изъ Петербурга въ 4 часа дня.

* * *

* Въ этомъ мѣстѣ разсказа я, при просмотрѣ для печати, вставилъ имя Азега и е касавшееся сношеній съ нимъ.

Во вторникъ 28-го марта, когда всё собрались на дачѣ и мнѣ надо было скоро итти встрѣчать Гапона, дворнику вздумалось прійти счищать снѣгъ около дачи. Чтобы избавиться отъ него, его послали вмѣстѣ со „служгой“ купить пива. Они взяли три бутылки. Одну получилъ дворникъ и, удовлетворенный, ушелъ къ себѣ, и больше не появлялся.

Гапона я засталъ на условленномъ мѣстѣ, на главной улицѣ Озерковъ, идущей параллельно желѣзнодорожному полотну.

Встрѣтилъ онъ меня, подсмѣиваясь надъ моею нерѣшительностью: хочу, да духу не хватаетъ итти къ Рачковскому.

Я сказалъ, что главная причина моихъ колебаній то, что люди погибнуть. Всѣхъ повѣсятъ.

Гапонъ возражалъ и успокаивалъ меня. Можно будетъ ихъ предупредить, они скроются. Наконецъ, сьорганизовать побѣгъ. Онъ спрашивалъ, сколько это можетъ стоить, предлагалъ деньги для этого.

Мы повернули обратно. Я замѣтилъ двухъ человекъ, слѣдящихъ за нами. Какъ только мы пошли имъ навстрѣчу, они перешли дорогу и свернули въ переулокъ, ведущій мимо каланчи черезъ мостикъ къ Озерковскому театру.

Я сказалъ Гапону, что онъ пріѣхалъ съ сыщиками. Онъ отрекался. Мы пошли за ними. Застали ихъ стоящими противъ каланчи, выжидающими. Какъ только мы свернули въ переулокъ, т. е. къ нимъ, они быстро пошли отъ насъ дальше, перешли мостъ и провалились куда то.

Всю дорогу, чтобы успокоить мою совѣсть, Гапонъ развивалъ разные планы, какъ избавить людей, которыхъ я выдамъ, отъ висѣлицы.

— Зайти бы куда нибудь посидѣть, выпить чего нибудь, сказалъ онъ.

Я сказалъ, что у меня тамъ одна изъ моихъ конспиративныхъ квартиръ.

Когда я убѣдился, что никого за нами нѣтъ, мы пошли въ дачу. Подымаясь по дорожкѣ, Гапонъ остановился и спросилъ:

— Тамъ никого нѣтъ?

— Нѣтъ!

Рабочіе находились въ верхнемъ этажѣ, въ боковой маленькой комнатѣ, за дверью съ висячимъ замкомъ. Предполагалось, что я открою эту дверь, чтобы войти вмѣстѣ съ Гапономъ; рабочіе его обезоружать. Если надо будетъ, связать его, а потомъ судить.

Но вышло такъ, что Гапонъ первый поднялся наверхъ. Войдя въ первую большую комнату, сбросилъ съ себя шубу и усѣлся на диванѣ, стоявшемъ въ противоположномъ отъ дверей углу. Открыть дверь и выпустить оттуда людей я не могъ. Началась бы стрѣльба, и я все и всѣхъ провалилъ бы. Я сидѣлъ по комнатѣ, думая, какъ быть. А Гапонъ говорилъ. ||

неожиданно для меня, заговорил так цинично, какимъ я его ни разу не слыхалъ. Онъ былъ увѣренъ, что мы одни, то теперь ему слѣдуетъ говорить со мной на чистую.

Онъ былъ совершенно откровененъ. Рабочіе все слышали. Мнѣ оставалось только поддерживать разговоръ.

— Надо кончать. И чего ты ломаешься? 25000 большія деньги.

— Ты вѣдь говорил мнѣ въ Москвѣ, что Рачковскій дать 100000?

— Я тебѣ этого не говорилъ. Это недоразумѣніе. Они предлагаютъ хорошія деньги. Ты напрасно не рѣшаешься. И это за одно дѣло, за одно. Но можешь свободно заработать и сто тысячъ за четыре дѣла.

Гапонъ повторилъ, что Рачковскій божится, клянется, что дѣло Леонтьевой обошлось имъ въ 5.000 рублей всего.

— Они въ очень затруднительномъ положеніи. Рачковскій говоритъ, что у с.-р.-овъ у нихъ сейчасъ никого нѣтъ. Были да провалились.

— Онъ назвалъ кого нибудь?

— Нѣтъ. Сказалъ только, что два человѣка, очень серьезныхъ, совсѣмъ было добрались до центра. Да провалились. Товарищи узнали. А имъ надо, — понимаешь? А что въ Москвѣ у васъ есть что нибудь? — спросилъ онъ, вспомнивъ что то.

— Есть.

— Съ Дубасовымъ?

— Да.

— А какъ тамъ дѣла?

— Хорошо. Какъ всюду.

Онъ больше не спрашивалъ, предоставивъ, очевидно, дальнѣйшее Рачковскому.

Гапонъ говорилъ, что Рачковскій беспокоится, боится покушенія на Дурново. Убіиство Слѣпцова его очень смутило.

— Что онъ говоритъ о Слѣпцовѣ? — спросилъ я.

— Напрасная жестокость, — говорить.

* * *

Я высказалъ опасеніе, что Рачковскій меня обманетъ. Все расскажу, а онъ денегъ не дастъ.

Гапонъ увѣрялъ, что этого не случится.

— Завтра въ 10 часовъ вечера у Кюба. Ты можешь свободно ему все говорить. Онъ *безусловно* порядочный человѣкъ и не надуеъ. Заплатитъ даже съ благодарностью, какъ только убѣдится, что дѣло серьезное. Ты въ этомъ не сомнѣвайся. Я тебѣ говорю. На всякій случай можно сразу всѣхъ картъ не открывать. А если надуеъ, мы его убьемъ.

Я опять сказалъ, что главное препятствіе для меня въ томъ, что люди погибнуть.

— Да ты не смущайся. Вѣдь, я тебѣ рассказывалъ, что они арестовываютъ только тогда, когда все созрѣетъ, какъ бутонъ. Значитъ ты сможешь предупредить товарищей. Скажешь, что узнать изъ вѣрнаго источника, что не ладно и что надо немедленно скрыться. И все. А мы тутъ не при чемъ. Мы скажемъ Рачковскому, что люди замѣтили слѣжку и разбѣжались.

— Какъ же они скроются? Рачковскій на слѣдующій день послѣ нашего свиданія приставитъ къ каждому изъ нихъ по десяти сыщиковъ. Вѣдь ихъ всѣхъ повѣсятъ?

— Какъ нибудь устроимъ имъ побѣгъ.

— Ну, убѣжить часть, а остальныхъ повѣсятъ все-таки.

— Жаль!

Молчаніе. Черезъ нѣкоторое время продолжаетъ :

— Ничего не подѣлаешь! Посылаешь же ты, наконецъ, Каляева на висѣлицу?

— Да! Ну, ладно.

* * *

Я заговорилъ о рискѣ съ моей стороны.

— Если Х. узнаетъ о моихъ сношеніяхъ съ Рачковскимъ, онъ безъ разговоровъ пуститъ мнѣ пулю въ лобъ.

— Неужели пустить?

— И глазомъ не моргнуть.

Нѣкоторое время молчаніе. Гапонъ ходитъ въ раздумьи по комнатѣ.

— Нѣтъ, не сможетъ онъ этого сдѣлать. А главное. — доказательствъ нѣтъ. Не пойманъ за руку — не воръ. Пусть докажутъ. Документовъ, вѣдь, никакихъ нѣтъ. А обставить дѣло практически такъ, чтобы товарищи тебя не заподозрили, объ этомъ позаботится Рачковскій. Онъ человѣкъ опытный. Въ его практикѣ много уже такихъ случаевъ было. Тѣ теперь благоденствуютъ. Почтенные члены общества. И никто ничего не знаетъ.

Однимъ изъ „практическихъ“ способовъ отвести отъ меня подозрѣніе товарищей, Гапонъ считалъ арестъ. Арестовать меня, на время, конечно, вмѣстѣ съ другими.

— Но тогда вѣдь меня вмѣстѣ съ другими будутъ судить военнымъ судомъ и повѣсятъ?

— Развѣ повѣсятъ? Тогда это не годится. Но ты не безспокойся. Повидаешься съ Рачковскимъ, увидишь, что все это можно устроить очень просто.

Я спросилъ, сколько онъ получаетъ отъ Рачковскаго за это дѣло. Гапонъ отвѣтилъ, что покуда ничего, а сколько получить — не знаетъ.

— Ты богачъ теперь. У тебя много денегъ должно быть.

— Почему?

— За книгу получили тысячу фунтовъ.

— Десять тысячъ рублей я получилъ за нее.

— Да 50,000 отъ Сокова.

— Все израсходовано. (Гапонъ говорилъ объ этомъ не охотно). Рабочимъ много денегъ отдалъ. У меня теперь рублей тысяча всего осталось. Но мнѣ и не надо много.. Ты видѣлъ, какъ я скромно живу.

— Куда же ты дѣвалъ деньги? Вѣдь отдѣлы ты устраивалъ на Виттевскія?

— Петровъ за границу пріѣзжалъ. Пришлось на дорогу дать. Другимъ еще. Есть семьи рабочихъ, которыя я поддерживаю каждый мѣсяцъ.

* * *

Я спросилъ о судѣ.

— Пустяки. Суды теперь не тѣмъ заняты. Выборы идутъ. А с.-д. и с.-р. въ лужу съли со своимъ бойкотомъ Думы. Кадеты всюду побѣждаютъ. Но если у кадетовъ не хватитъ политической зрѣлости, чтобы не зарваться въ своей оппозиціи, Думу разгонять штыками. Рачковскій то же самое говорить. То, что въ газетахъ пишутъ, что Дурново и Витте уходятъ — ерунда. Они и не думаютъ уходить и не уйдутъ.

* * *

— Въ какомъ положеніи у тебя дѣло съ Петровымъ?

— Онъ пишетъ книгу „Правда о Гапонѣ“. Правду о Гапонѣ теперь многіе пишутъ. И Симбирскій, и Строевъ, кажется, пишетъ, и Феликсъ изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и еще кто то. Ну, что Петровъ можетъ написать про меня?

— А если онъ напишетъ, что ты взялъ съ П. клятву убить Григорьева?

Откуда ты это знаешь? — опѣшилъ Гапонъ.

— Ты самъ мнѣ это говорилъ.

Онъ успокоился и отвѣтилъ:

— Ну что жъ? Мало ли въ организаціи у тебя, напримѣръ, бываетъ важныхъ секретовъ? Если кто нибудь откроетъ, его слѣдуетъ убить.

— А Черемухина ты все-таки напрасно погубилъ.

— Почему же я его погубилъ?

— Ты же мнѣ рассказывалъ. Взять съ него клятву убить Петрова за его письмо въ газетахъ про 80,000 и далъ ему револьверъ для этого. А онъ самъ себя изъ этого револьвера прикончилъ.

— Да, непріятная исторія!

Гапонъ задумался.

— Петровъ распишетъ, должно быть, твою парижскую жизнь.

— Что онъ напишетъ? Что я ему кабаки показывалъ въ Парижѣ? Рассказывалъ, сколько что стоитъ? Пустяки все это. Что здѣсь страшнаго? Пишутъ въ газетахъ, что я

въ Монте-Карло въ рулетку игралъ. Ну, и игралъ, и выигралъ. И плюю я на всѣхъ. И на общество, и на печать, и на революціонныя партіи, и на всѣхъ. Мнѣ важно мнѣніе моихъ рабочихъ. А они мнѣ довѣряютъ. Тѣ, которые колебались, сомнѣвались, тѣ мнѣ не нужны. Съ ними дѣла не сдѣлаешь. Ты увидишь, что будетъ. Я теперь живу легально. Я былъ у Камышанскаго, прокурора петербургской палаты. Онъ сказалъ, что я амнистированъ еще 21-го октября.

— Вѣдь я тебѣ это говорилъ еще въ ноябрѣ. Зачѣмъ же ты комедію разыгрывалъ?

— Да.

Задумался. Потомъ съ возрастающимъ оживленіемъ началъ.

— Я теперь буду устраивать мастерскія. Кузница у насъ есть уже маленькая. Слесарная. Булочную устроимъ и т. д. Вотъ, что нужно теперь. Со временемъ и фабрику устроимъ. Ты директоромъ будешь. Вѣрно! Ты плюю на всякія глупости. А общество, печать — ерунда! Ихъ и купить, и продать можно. Вѣрно говорю тебѣ. Я въ этомъ убѣдился.

— А если бы рабочіе, хотя бы твои, узнали про твои сношенія съ Рачковскимъ?

— Ничего они не знаютъ. А если бы и узнали, я скажу, что сносился для ихъ же пользы.

— А если бы они узнали все, что я про тебя знаю? Что ты меня назвалъ Рачковскому членомъ Боевой Организациі, другими словами, выдалъ меня, что ты взялся соблазнить меня въ провокаторы, взялся узнать черезъ меня и выдать Боевую Организацию, написалъ покаянное письмо Дурново?

— Никто этого не знаетъ и узнать не можетъ.

— А если бы я опубликовалъ все это?

— Ты, конечно, этого не сдѣлаешь, и говорить не стоить. (Подумалъ немного). А если бы сдѣлалъ, я напечаталъ бы въ газетахъ, что ты сумасшедшій, что я знать ничего не знаю. Ни доказательствъ, ни свидѣтелей у тебя нѣтъ. И мнѣ, конечно, повѣрили бы.

И невольно направился къ дверямъ, чтобы показать ему „свидѣтелей“, но сдержался. Слѣдя за разговоромъ, я не успѣлъ ориентироваться, принять опредѣленное рѣшеніе.

Говорить мнѣ съ нимъ больше незачѣмъ было. Но чтобы выиграть время, сообразить и рѣшить, какъ быть, я возвращался къ прежнимъ вопросамъ и опасеніямъ.

Изъ его отвѣтовъ я узналъ еще, что Рачковскій хвалился ему, что меня „знаютъ въ лицо, а не по карточкамъ, не меньше двадцати сыщиковъ“, и о томъ, что о „нашемъ дѣлѣ“ знаютъ только Рачковскій, Дурново и царь“.

— Ты знаешь, что на дняхъ царю представлялся Тихомировъ? — спросилъ я.

— Развѣ?

— Да. И серебрянную чернильницу получилъ съ какой то надписью. За полезную службу. И ты, пожалуй, серебрянную чернильницу получишь.

Его передёрнуло. Онъ дѣлanno засмѣялся и сказалъ :

— Чтожъ! Можно будетъ въ ломбардъ заложить.

Тутъ произошло слѣдующее.

Гапонъ спросилъ, гдѣ клозеть. Я спустился съ нимъ внизъ, показалъ, а самъ хотѣлъ вернуться на верхъ.

Дверь клозета находится рядомъ съ дверью черной лѣстницы, ведущей на верхъ дачи. „Слуга“ находился не вмѣстѣ съ другими, въ маленькой комнатѣ, а рядомъ, за дверью, на площадкѣ черной лѣстницы, на случай, еслибы пришелъ дворникъ. Онъ долженъ былъ его занять и увести отъ дачи.

Когда „слуга“ услышалъ, что мы спускаемся внизъ, ему вздумалось тоже сойти внизъ по своей лѣстницѣ. А когда Гапонъ подошелъ къ клозету, они столкнулись лицомъ къ лицу. „Слуга“ опѣшилъ, очевидно, отъ неожиданности и бросился назадъ вверхъ по черной лѣстницѣ, а Гапонъ, въ свою очередь, назадъ ко мнѣ. Онъ засталъ меня внизу на стеклянной террасѣ (выходящей на озеро). Я еще не успѣлъ подняться на верхъ.

— Какой ужасъ! Насъ слушали!

— Кто слушалъ?

Онъ сталъ описывать одежду и лицо человѣка, котораго видѣлъ.

— У теб,а револьверъ есть? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ у тебя есть?

— Тоженѣтъ. Всегда ношву, а сегодня, какъ нарочно, не взялъ. Пойдемъ, посмотримъ!

— Пойдемъ!

Мы подошли къ черной лѣстницѣ. Она узкая. Я предложилъ ему пройти впередъ. Онъ инстинктивно отскочилъ за мою спину

— Нѣтъ, ты иди впередъ.

Я поднялся на нѣсколько ступеней, вернулся и сказалъ, что тамъ никого нѣтъ.

— Надо дворника позвать, — сказалъ Гапонъ.

Я отказался связываться съ полиціей.

„Слуга“ думалъ, что мы поднимемся наверхъ по черной лѣстницѣ и пройдемъ мимо него. Поэтому онъ открылъ дверь, изъ которой стоялъ раньше и спрятался между нею и стѣной.

Гапонъ думалъ и искалъ, куда могъ скрыться человѣкъ.

Мы прошли низомъ дачи (черезъ большую комнату и ванду) и поднялись наверхъ. Гапонъ шелъ впереди. Загѣтивъ открытую дверь на черную лѣстницу, онъ прошелъ уда, заглянулъ за дверь и увидѣлъ того, кого искалъ.

Онъ отскочилъ, какъ ужаленный. Молча, съ остановившимися зрачками, сталъ меня толкать туда. Потомъ шепотомъ казалъ:

— Онъ тамъ!

Я пошелъ. Вывелъ за руку оттуда „слугу“ и не успѣлъ слова сказать, какъ Гапонъ однимъ прыжкомъ бросился на него, умудрился въ одинъ мигъ обшарить его, уцѣпился за руку и карманъ, гдѣ у того былъ револьверъ и прижалъ его къ стѣнѣ.

— У него револьверъ! Его надо убить! — сказалъ Гапонъ.

Я подошелъ, засунулъ руку въ карманъ „слуги“, забралъ револьверъ, опустилъ его молча въ свой карманъ.

Я дернулъ замокъ, открылъ дверь и позвалъ рабочихъ.

— Вотъ мои свидѣтели! — сказалъ я Гапону.

* * *

То, что рабочіе услышали, стоя за дверью, превзошло всё ихъ ожиданія. Они давно ждали, чтобы я ихъ выпустилъ. Теперь они не вышли, а выскочили, прыжками, бросились на него со стономъ: „А-а а-а!“ и вцѣпились въ него.

Гапонъ крикнулъ было въ первую минуту: „Мартынь!“, но увидѣлъ передъ собой знакомое лицо рабочаго и понялъ все. Онъ его поволокли въ маленькую комнату. А онъ просилъ:

— Товарищи! дорогіе товарищи! не надо!

— Мы тебѣ не товарищи! Молчи!

Рабочіе его связывали. Онъ отчаянно боролся.

— Товарищи! все, что вы слышали — неправда! — говорилъ онъ, пытаясь кричать.

— Знаемъ! Молчи!

Я вышелъ, спустился внизъ. Оставался все время на крытой стеклянной террасѣ.

— Я сдѣлалъ все это ради бывшей у меня идеи, — сказалъ Гапонъ.

— Знаемъ твои идеи!

* * *

Все было ясно.

Гапонъ — предатель, провокаторъ, растратилъ деньги рабочихъ. Онъ осквернилъ честь и память товарищей, павшихъ 9 января. Гапона казнить...

Гапону дали предсмертное слово.

Онъ просилъ пощадить его во имя его прошлаго.

— Нѣтъ у тебя прошлаго! Ты его бросилъ къ ногамъ грязныхъ сыщиковъ! — отвѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

* * *

Гапонъ былъ повѣшенъ въ 7 часовъ вечера во вторникъ 28-го марта 1906 года.

Я не присутствовалъ при казни. Поднялся наверхъ только, когда мнѣ сказали, что Гапонъ скончался. Я видѣлъ его висящимъ на крюкѣ вѣшалки въ петлѣ. На этомъ крюкѣ онъ остался висѣть. Его только развязали и укрыли шубой.

* * *

При Гапонѣ оказалось :

1) кожаный бумажникъ и въ немъ :

а) тысяча триста рублей,

б) десять разныхъ записокъ и расписокъ,

в) двѣ визитныхъ карточки г. X.

г) ключъ и квитанція несгораемаго ящика банка Лионскаго кредита за № 414 на имя Ф. Рыбницкаго. Лежали они въ конвертѣ съ надписью: „деньги“.

д) копія съ моей записки и на ней же набросокъ отвѣта : „Ты самъ виноватъ въ канители. Сегодня надо видѣться въ ресторанѣ Кюба въ 9 часовъ вечера. Свиданіе непременно надо устроить дѣловое.“ (Вмѣсто этого текста онъ послалъ мнѣ приведенный выше.)

2) двѣ записныхъ книжки.

* * *

Всѣ ушли. Дачу заперли.

Мартъ, 1906 г.

ЧАСТЬ III.

Мои сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ
Партіи С.-Р.

по дѣлу Гапона послѣ его смерти.

29-го марта 1906 г. утромъ я пріѣхалъ въ *Сверскъ*, передалъ Центральному Комитету черезъ пришедшаго ко мнѣ на свиданіе члена партіи *Зиновьева* о происшедшемъ наканунѣ въ *Озеркахъ* и набросокъ заявленія для газетъ по поводу случившагося. Бывшій тогда въ *Сверскъ* членъ Ц. К. *Марковъ* мнѣ отвѣтилъ черезъ того же *Зиновьева* просьбой предоставить товарищамъ самимъ проредактировать заявленіе для печати и немедленно уѣхать за границу.

Я отдалъ *Зиновьеву* все бывшее при мнѣ, взятое у Гапона, согласился на первое предложеніе *Маркова*, но за границу уѣхать отказался.

Сверцы взяли меня скрыть. Я предоставилъ себя въ ихъ распоряженіе и уѣхалъ въ деревню.

Черезъ шесть дней ко мнѣ пріѣхалъ членъ Б. О. *Борисенко*, выложилъ взятыя у Гапона вещи и заявилъ, по порученію Азефа, что Центральный Комитетъ отказывается заявлять что бы то ни было о смерти Гапона, считая это дѣло моимъ частнымъ, и что я самъ долженъ поступить, какъ знаю.

Борисенко рассказалъ, между прочимъ, что „*Иванъ Николаевичъ*“ очень удрученъ продолжающимися неудачами и особенно тѣмъ, что по полученной телеграммѣ *Субботинъ* арестованъ въ Москвѣ; что на слѣдъ полиціи удалось напасть, по мнѣнію *Ивана Николаевича*, благодаря моимъ сношеніямъ съ

Гапономъ, съ одной стороны, и неконспиративности въ сношеніяхъ съ товарищами съ другой.

Я вызвалъ изъ *Сверска* по телефону Азефа, потребовать немедленнаго свиданія съ нимъ. Онъ отвѣтилъ, что считаетъ наше личное свиданіе лишнимъ и что говорить со мной обо всемъ имъ уполномоченъ *Борисенко*.

Приѣздъ *Борисенко* и отвѣтъ Азефа меня ошеломили.

Какъ я могъ заявить, что убійство Гапона мое частное дѣло, когда это не правда? А если бы заявилъ, какъ мнѣ объяснить мои сношенія съ Рачковскимъ?

Я вернулся въ *Сверскъ*. Приѣхаль туда поздно ночью и видѣться ни съ кѣмъ не могъ.

Извѣстіе объ арестѣ *Субботина* на меня тоже очень повлияло.

Упреки Азефа въ неконспиративности представились мнѣ справедливыми. Я себя обвинялъ въ висѣлицѣ, на которой черезъ нѣсколько дней повиснеть *Субботинъ*.

Это послѣ вѣшалки, на которой продолжалъ висѣть по моей „частной инициативѣ“ Гапонъ...

Не легкая то была ночь для меня!

Утра дождался, какъ избавленія.

Меня вызвали къ телефону. Я услышалъ... голосъ *Субботина*. Въ первый моментъ мнѣ показалось это кошмаромъ. За ночь я сжился съ мыслью, что онъ арестованъ. Но *Субботинъ* говорилъ мнѣ, что сейчасъ только приѣхаль изъ Москвы, что немедленно придетъ съ Иваномъ Николаевичемъ.

Приходъ ихъ былъ для меня невыразимой радостью. Оба обнимали, цѣловали меня. *Субботинъ* — искренне и просто, Азефъ — снисходительно, прощающе. Но я былъ радъ ему. Чувствовалъ себя виновнымъ передъ нимъ, и обязаннымъ ему, какъ будто онъ самъ вынулъ *Субботина* изъ петли и привелъ его ко мнѣ.

Субботинъ полагалъ, что партія должна объявить смерть Гапона партійнымъ дѣломъ. Азефъ заявилъ категорически, что Ц. К. этого не сдѣлаетъ и что въ заявленіи о смерти Гапона не должно быть ни слова о причастности къ ней партіи или Боевой Организациіи.

Я отвѣтилъ, что такое заявленіе не соотвѣтствуетъ правдѣ и что, при сложившихся обстоятельствахъ, даже при моемъ согласіи, составить его немислимо, что если кто нибудь *сумѣетъ* это сдѣлать — я его подпишу.

Это было поручено *Субботину*.

Оба ушли.

Черезъ нѣкоторое время *Субботинъ* вернулся, долго писалъ, но то, чего отъ него требовали, написать не сумѣлъ.

Предложилъ пойти къ *Маркову*. Туда же вызвали Азефа. *Субботинъ* заявилъ имъ, что всѣ его попытки выполнить поставленную ему задачу оказались тщетными, что онъ не

членъ Ц. К. и права голоса не имѣеть, но мнѣніе его таково, что *Центральному Комитету рано или поздно придется взять на себя дѣло Гапона, а потому лучше это сдѣлать сейчасъ же, чѣмъ быть вынужденнымъ сдѣлать то же самое позже.*

Марковъ, очень возбужденный, ударилъ кулакомъ по столу и заявилъ:

„Ни за что! Покуда я живъ, я на это не соглашусь!“

Марковъ предлагалъ ничего не опубликовывать о дѣлѣ. Оставить его тайной. Мало ли въ революціи бываетъ тайнъ. А черезъ годъ, два, или раньше, или позже, смотря по обстоятельствамъ, Ц. К. заявитъ о немъ.

Азефъ не соглашался съ Марковымъ, говоря, что партія, либо сейчасъ должна взять на себя дѣло, либо никогда.

Я не понималъ создававшегося положенія. Спросилъ Маркова, не считаетъ ли онъ, что Гапонъ погибъ невинно?

— „Нѣтъ, не считаю! Но если кто нибудь имѣлъ на это моральное право — это одинъ Мартынь“.

Я еще меньше понималъ: а приговоръ Ц. К.?

Но тутъ оказалось, что Ц. К. ничего не подозрѣвалъ о происшедшемъ въ Озеркахъ, что, получивъ извѣстіе о томъ, что я ликвидирую дѣло и уѣзжаю за границу, Ц. К. выразилъ публичное согласіе на участіе въ организовавшемся надъ Гапономъ судѣ, что Ц. К. уже назвалъ своего представителя въ этотъ судъ, рассчитывая предъявить черезъ него мои показанія о предательствѣ Гапона. Центральный Комитетъ не можетъ одновременно судить и убивать, и поэтому, принимая участіе въ публичномъ судѣ надъ Гапономъ, не можетъ заявить, что убилъ его.

Я предложилъ опубликовать отъ моего имени подробное изложеніе дѣла такъ, какъ оно было.

Азефъ отвѣтилъ, что мнѣ предоставляется писать, что угодно, но чтобы ни о Центральномъ Комитетѣ, ни о Боевой Организациіи ни слова.

Марковъ его одобрилъ. Субботинъ не возражалъ.

Такъ ни къ чему и не пришли.

Такъ я сталъ запутываться въ начатой путаницѣ.

Время шло. Какой нибудь выходъ найти надо было. Я составилъ заявленіе отъ имени суда рабочихъ и подписалъ его для засвидѣтельствованія своей подписью. Но Азефъ заявилъ, что посылать его въ Петербургъ по почтѣ нельзя, чтобы не скомпрометировать городъ, въ которомъ мы находимся, а посылать съ кѣмъ нибудь лично — опасно.

Я долженъ былъ сдѣлать это изъ за границы.

По распоряженію Азефа были посланы въ Берлинъ вещи Гапона для пересылки ихъ по почтѣ его адвокату Марголину. Оригиналы записокъ Гапона и его записныя книжки остались въ распоряженіи Ц. К.-та.

Въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ заговорили о про-
пажѣ Гапона.

Ц. К. настаивалъ, чтобы я уѣхалъ за границу. Но я долго не соглашался, такъ какъ создавшееся двусмысленное положе-
ніе съ моимъ отъездомъ только еще болѣе осложнилось бы. Разъ я поѣхалъ было, но вернулся съ дороги, ничего не до-
бившись, конечно. Въ концѣ концовъ долженъ былъ все таки уѣхать. За границей я далъ проредактировать покойному М. Р. Гоцу написанное мною заявленіе. Гоць высказался за то, что имени моего не слѣдуетъ выставлять на заявленіи, что анонимность заявленія дѣлу повредить не можетъ.

Въѣхавшая въ Россію *Римина* взяла съ собой пакеты и отпра-
вила ихъ въ петербургскія газеты.

* * *

Между тѣмъ въ „Новомъ Времени“ (16 апр. 1906 г.) появи-
лись статьи „Маски“, въ которыхъ, на фонѣ пикантныхъ инси-
нуаций по адресу Боевой Организаци и моему, рассказывалось
о моихъ сношеніяхъ съ Гапономъ, о моемъ согласіи предать
департаменту полиціи Б. О., о торгѣ съ Гапономъ и о томъ,
что я вызвалъ Гапона въ Озерки для окончательныхъ перего-
воровъ, но убилъ его, какъ своего „демона-искусителя.“

Появился отвѣтъ Ц. К., въ которомъ опровергались инси-
нуации „Маски“ по адресу Б. О., говорилось, что я не состоялъ
членомъ Б. О. и что партія никакихъ сношеній съ Гапономъ
не имѣла, исключая короткій періодъ послѣ 9-го января.

Ц. К. не только не возразилъ ни слова относительно опре-
дѣленныхъ обвиненій меня въ сношеніяхъ съ департаментомъ
полиціи, не только двусмысленно умолчалъ даже о томъ, что
я членъ партіи, но совсѣмъ не двусмысленно утверждалъ не
соотвѣтствовавшее дѣйствительности, ибо Ц. К. *зналъ*, что сно-
шенія съ Гапономъ передъ его смертію я имѣлъ *по порученію*
и инструкціямъ Ц. К. Составителемъ заявленія отъ имени
Ц. К. я считаю одного изъ принимавшихъ непосредственное
участіе въ рѣшеніи участи Гапона...

* * *

Меня угнетало мое положеніе, угнетало положеніе тѣхъ,
кого я, по порученію Ц. К., послалъ на убійство Гапона.

Одинъ изъ нихъ при встрѣчѣ со мной предложилъ во-
просъ:

— „Въ какомъ дѣлѣ мы принимали участіе? Въ партій-
номъ или вашемъ частномъ предпріятіи? Какъ держать себя
въ случаѣ ареста?“

Я объяснилъ ему положеніе и сказалъ, что въ случаѣ
ареста они должны сказать правду, т. е. что они, на основаніи
моихъ словъ, исполняли приговоръ Ц. К.

* * *

Въ концѣ апрѣля или въ маѣ 1906 г. въ Женеву пріѣхалъ Марковъ. При встрѣчѣ онъ сразу обезоружилъ меня, признавъ, что Ц. К. небрежно поступилъ по отношенію ко мнѣ, но что это объясняется массой работы и недостаткомъ силъ, благодаря чему Ц. К., къ несчастью, дѣлаетъ и много другихъ не менѣе важныхъ упущеній.

Онъ категорически обѣщалъ немедленно по своемъ возвращеніи въ Петербургъ (черезъ недѣлю) сдѣлать все нужное.

Долго еще Ц. К. не могъ собраться заявить что нибудь о смерти Гапона, разсѣять росшее въ рабочей средѣ недоразумѣніе, что *народный защитникъ* — Гапонъ — убитъ мною — *правительственнымъ агентомъ*. На личныя приставанія хроникеровъ прогрессивной печати члены Ц. К. въ частной бесѣдѣ отвѣчали, что моя честь „внѣ сомнѣній.“ И хроникеры заявляли объ этомъ въ хроникѣ „изъ достовѣрныхъ источниковъ.“

Любопытно, что *Красновъ*, принимавшій участіе въ обсужденіи и рѣшеніи участи Гапона, до того одушевился въ анонимномъ обзорѣ печати партійной газеты (кажется, „Дѣло Народа“), что заявилъ смерть Гапона результатомъ „великаго гнѣва тѣхъ, кто шелъ рядомъ съ нимъ 9-го января на смерть“ и пр.

Но анонимнымъ авторамъ никто, конечно, не повѣрилъ.

Въ самой партіи, со словъ Ц. К., ходили рассказы о какомъ то моемъ дисциплинарномъ проступкѣ, фантастичность котораго росла вмѣстѣ съ разстояніемъ отъ первоисточника.

Ц. К. ничего не говорилъ про меня дурного, но не говорилъ и ничего хорошаго, и не возражалъ другимъ, высказывавшимъ публично догадки или утвержденія, что я — полицейскій агентъ.

Благодаря этому поведенію Ц. К-та, отношеніе ко мнѣ стало двусмысленнымъ и внѣ и въ самой партіи.

Азефъ разсчиталъ хорошо. Ц. К. ему помогалъ своимъ вторитетомъ.

Всѣ мои письма, заявленія, протесты ничему помочь не могли. Я заявилъ категорически, что Азефъ поручилъ мнѣ имя Ц. К. убійство и одного Гапона; на это не обращали вниманія. Я ссылался на свидѣтелей; опять таки никакого вниманія.

Для Ц. К. вопросъ свелся къ тому, что либо я, либо Азефъ вѣрилъ неправду. Онъ вѣрилъ Азефу, а со мной совершенно не считался.

Заявить публично обо всемъ я не могъ. Во 1-хъ, по условіямъ и обязанностямъ конспираціи — къ дѣлу, вѣдь, пришло много лицъ. Во 2-хъ, по условіямъ дисциплины партіи слѣдовательно, ея интересовъ: я долженъ былъ, вѣдь, сказать, что Ц. К. говоритъ неправду, т. е. дискредитировать партію на радость и пользу оправившейся уже реакціи и во едь покачнувшейся уже революціи.

Взять на себя одного все дѣло не могъ, ибо не могъ объяснить, какъ частное лицо, моихъ сношеній съ Рачковскимъ. Замолчать мое отношеніе къ дѣлу тоже не могъ.

Я рѣшилъ требовать отъ Ц. К. слѣдствія и суда по дѣлу. Мнѣ передали телеграмму отъ Азефа, назначавшаго мнѣ свиданіе въ Гейдельбергъ.

Я поѣхалъ, мы встрѣтились вечеромъ 5/18 іюля 1906 г. Пошли на набережную.

Я спросилъ, почему Ц. К. до сихъ поръ ничего не заявилъ о дѣлѣ въ печати. Азефъ отвѣтилъ, что это объясняется мас-сой очень важныхъ дѣлъ, но что такое заявленіе будетъ сдѣлано.

— Впрочемъ, что Ц. К. долженъ и можетъ заявить?

— Раньше всего, что моя честь стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній.

— Странный вы человѣкъ, Мартынъ Ивановичъ! Ну, можно, конечно, заявить, что честь Гершуни стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Но развѣ можно еще сказать, что честь Павла Ивановича *), или ваша, или моя внѣ всякихъ сомнѣній?

Я не нашелся ничего отвѣтить.

Азефъ упрекалъ меня въ томъ, что я рассказываю о дѣлѣ и о его участіи въ немъ не такъ, какъ было въ дѣйствительности. Я возражалъ, что все, что говорю, ючень даже соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

— Хорошо, вы мнѣ скажите одно, поручалъ я вамъ убійство Гапона или нѣтъ?

— Конечно.

— Вы лжете, Мартынъ Ивановичъ!

Судорожно сжались кулаки. Только сознаніе объ „оскорбленной“ мною уже разъ „чести партіи“ парализовало руку, поднявшуюся ударить наглаго.

— Мнѣ съ вами не о чемъ говорить больше! Впрочемъ, заявляю вамъ, какъ члену Ц. К., для передачи Ц. К.-ту, что я требую слѣдствія и суда по дѣлу Гапона!

Азефъ подумалъ.

— Ц. К.-ту я передамъ ваше заявленіе. Но вамъ говорю, что, какъ членъ Ц. К., подамъ голосъ противъ суда. Если бы судъ былъ назначенъ, это былъ бы судъ между мной и вами. Такъ вотъ я вамъ говорю, что я этому суду просто отвѣчать ничего не сталъ бы. А потомъ, вѣдь, все это мелочи, которыя вамъ тутъ съ издерганными нервами кажутся гораздо важнѣе того, что они собой представляютъ на самомъ дѣлѣ. По моему, вамъ надо поѣхать въ Россію работать и не тратить напрасно силъ и времени.

— Я въ Россію не поѣду! —

* Савинковъ. Въ это время онъ сидѣлъ въ Севастопольской крѣпости, въ ожиданіи смертнаго приговора

— Какъ знаете! Только, по моему, ваше положеніе нисколько не опаснѣ моего или Павла Ивановича.

Его предложеніе поѣхать въ Россію я принялъ какъ совершенно опредѣленное намѣреніе помочь мнѣ повиснуть на ближайшей висѣлицѣ: — и я угомонюсь, и ему спокойнѣе будетъ работать! Душевно онъ сталъ мнѣ еще болѣе отвратителенъ, чѣмъ раньше.

При прощаніи (на улицѣ) онъ потянулся ко мнѣ и поцѣловалъ. Всю ночь, всю дорогу, меня жегъ этотъ поцѣлуй.

Я не удовлетворился переданнымъ мною черезъ Азефа на словахъ Ц. К-ту требованіемъ суда. Вернувшись изъ Гейдельберга, я написалъ ему слѣдующее письмо и заявленіе для печати:

1) Письмо Ц. К-ту.

Дорогіе товарищи!

Такъ какъ принципиально я не считаю допустимымъ, чтобы членъ партіи, какъ частное лицо, предпринималъ и рѣшалъ такія дѣла, какъ мое, такъ какъ только благодаря этому соображенію, я воздержался въ свое время (въ самомъ началѣ) отъ самосуда и обратился къ партіи, такъ какъ я считаю, что партія мнѣ полномочія дала и только на этомъ основаніи я пригласилъ партійныхъ людей для участія въ партійномъ дѣлѣ, т. е. одобренномъ партіей, на основаніи всѣхъ этихъ причинъ я не могу считать и заявить, что сдѣлалъ происшедшее по собственному разумнію.

Судъ товарищей долженъ выяснитъ, имѣлъ ли я полномочія отъ партіи или сознательно злоупотребилъ довѣріемъ партійныхъ работниковъ ко мнѣ, какъ къ представителю партіи.

Этотъ судъ я требую официально отъ Ц. К. при первомъ удобномъ случаѣ.

Прилагаемое заявленіе считаю нужнымъ сдѣлать. Послѣ свиданія съ Иваномъ Николаевичемъ я убѣдился, что выясненіе дѣла затянется.

Посылаю это заявленіе Ц. К. потому, что такъ или иначе партія окажется прикосновенной къ дѣлу; а какъ членъ партіи, принимая во вниманіе интересы партіи, я не могу и не вправѣ судить, насколько удобна и своевременна эта публикація.

Если же Ц. К. заявить, что ни въ какія разсужденія по этому дѣлу вступать не желаетъ, прошу товарищей передать прилагаемое заявленіе моей женѣ, которая сдастъ его въ печать. Ц. К. я все таки прошу при первомъ удобномъ случаѣ назначить судъ.

И. Рутенбергъ.

2) Заявленіе для печати.

Милостивый Государь, господинъ Редакторъ!

Не откажите помѣстить въ вашей газетѣ слѣдующее:

Въ виду того, что въ настоящее время не могутъ быть опубликованы ни подробности по дѣлу объ убійствѣ предателя Георгія Гапона, ни причины, по которымъ постановленіе суда рабочихъ надъ нимъ

оставалось до сихъ поръ анонимнымъ; въ виду того, что дѣло это не можетъ продолжать оставаться анонимнымъ, чтобы не вводить никого въ заблужденіе, заявляю:

1) Я — то лицо, которому Гапонъ предложилъ пойти въ провокаторы и выдать за 100.000 руб. правительству Боевую Организашъ П. С. Р., членомъ которой онъ меня считалъ и назвалъ вице-директору департамента полиціи Рачковскому.

2) Я — то лицо, которое привело его къ суду рабочимъ.

3) Подлинность распубликованнаго востановленія суда рабочимъ подтверждаю своей подписью.

4) Матеріалы по этому дѣлу находятся въ распоряженіи Центральнаго Комитета партіи С. Р.

Членъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ П. Рутенбергъ

Имѣющіяся у меня копіи съ приведенныхъ письма и заявленія не помѣчены датой. Но помню, что мы жили въ это время съ женой въ Лондонѣ и она отвезла ихъ Ц. К-ту въ Петербургъ, во время Свеаборгскаго возстанія, т. е. въ августъ 1906 года.

Она же отвезла Ц. К-ту экземпляръ моихъ докладовъ, которые я старался проредактировать такъ, чтобы извѣщать великии съ нимъ, въ случаѣ ихъ опубликованія.

* * *

Съ большимъ трудомъ жена добилаcь свиданія съ кѣмъ нибудь изъ представителей Ц. К.

И представителемъ этимъ оказался... Азефъ.

Суть его отвѣта женѣ: „такъ нужно для партіи, а для интересовъ партіи можно пожертвовать и честью, и жизнью не только одного, но и двухъ, и десяти членовъ партіи.“

Онъ удивлялся, какъ я этого не понимаю.

Жена не знала раньше Азефа и видѣла его впервые. Онъ произвелъ на нее такое отталкивающее впечатлѣніе, что, не долго думая, она написала мнѣ, что увѣрена, что говорила съ провокаторомъ.

Я обидѣлся и принялъ это за „оскорбленіе чести партіи и всей исторіи партіи“.

Отвѣта Ц. К. на мое письмо она дождалась не скоро.

Онъ состоялъ изъ: 1) постановленія Ц. К., и 2) письма ко мнѣ члена Ц. К. *Краснова*.

Вотъ они:

1) Постановленіе Ц. К-та.

Дорогой товарищ!

Въ отвѣтъ на заявленіе ваше Ц. К. отвѣчаетъ:

1) Въ виду того, что ему не поступало ни съ чьей стороны обвиненія противъ Васъ, Ц. К. не считаетъ возможнымъ назначить надъ Вами партійнаго суда.

2) Вы имѣете право требовать передачи инцидента съ Вами на разсмотрѣніе Совѣта партіи или будущаго партійнаго съѣзда.

3) Ц. К. единогласно считает утратею личности Г. важным частным предприятием, в котором Вы действовали самостоятельно и независимо от решения Ц. К.

4) Воплотившаяся тягость и неопределенность Вашего современного положения, Ц. К. в первом же № своего „Листка“ издаст ответственное заявление об отношении к Вам партии.

5) Если Вы решите и при этих условиях опубликовать в газетах письмо приблизительно того характера, как сообщенное Ц. К.-ту, то имейте в виду, что п. 4 этого письма Ц. К. считает неподходящим и вынуждающим его на определенных публичных заявлениях.

2) Письмо Краснова.

Дорогой Мартын!

Я прочел Ваше письмо, в котором Вы требуете от Ц. К. суда над собою. По этому вопросу мне придется подать и свой голос. Я пользуюсь случаем, чтобы сообщить и непосредственно Вам свое мнение по этому вопросу.

„Я считаю, что имел полномочие от партии“ — пишете Вы. И мне прежде всего хочется протестовать против подобного заявления. Вы, конечно, помните, что именно я первый особенно резко и решительно высказался *против* Вашего предложения — просто устранить одно известное лицо. Я высказался *абсолютно против* этого предложения тогда, когда еще И. Н. был в колебании и решительно не говорил ни да, ни нет. Я тогда же утверждал, что, хотя репутация известного лица сильно подорвана, но все таки еще есть широкие слои, которые в него вбьют, что раз приобретенную им славу не так легко вычеркнуть из жизни, что в преступлениях, им совершенных, у нас не может быть для *всех* бесспорных и очевидных улик — настолько очевидных, насколько очевидны они для нас; а потому всегда останется для широких слоев рабочих нечто неразъясненное, нечто такое, на чем может играть правительственная демагогия. Я говорил, что легко может создаться легенда о других рабочих, убитых революционерами частью из зависти, частью из боязни влияния, пользуясь которым он ведет их по другому пути; а потому здесь нужно нечто более вѣское — надо заставить *en flagrant delict*.

Такова была, как Вы, конечно, помните, позиция, которую я занимал с самого начала и которой я не покидал все время наших разсуждений по этому вопросу. И эту точку зрения приняли оба других товарища П. и П., которые принимали участие в обсуждении и которые еще раньше самостоятельно высказались за предпочтительность второй комбинации (той, которую Вы не исполнили). В конце концов мы все трое единогласно высказались за вторую комбинацию, как единственную соответствующую обстоятельствам, и против первой, как совершенно неудовлетворительной. И, после некоторых колебаний, Вы согласились взяться за выполнение именно этой второй комбинации.

Для меня на этом деле кончилось. Я вскоре уѣхал в СПб. и для меня было полной неожиданностью известие о событии. Что происходило в промежуток между нашим разговором и событием, какие обстоятельства заставили Вас переменить свое решение — я не знаю. Хорошо помню, что тотчас же после события один очень

крупный литературный дѣятель спросилъ меня о его подкладѣ, и я съ полной увѣренностью тотчасъ же сказалъ, что это — дѣло не партійное, но что партія извѣстно, по крайней мѣрѣ, одно лицо изъ совершившихъ его и что совершившіе имѣли въ своихъ рукахъ данныя о несомнѣнной преступности извѣстной личности.

Вамъ кетати я могу сообщить, что по прїездѣ въ П. я немедленно сообщилъ тремъ (четыремъ) членамъ Ц. К., бывшимъ тамъ, что мы отъ имени послѣдняго дали согласіе на вторую комбинацію. Но даже и эта вторая комбинація среди нихъ встрѣтила сначала довольно сильную оппозицію, но съ нею, въ концѣ концовъ, примирились. Нечего и говорить, что о принятіи ими первой комбинаціи — отвергнутой нами — не могло быть и рѣчи. Таково фактическое положеніе дѣла.

Теперь Вы ставите вопросъ такъ: либо Вы сознательно злоупотребили чужимъ довѣріемъ, либо Вы были уполномочены Ц. К., либо вышло недоразумѣніе, въ которомъ одинаково виноваты и Вы и партія.

Несомнѣнно, вышло недоразумѣніе; я отрицаю лишь, чтобы партія въ немъ хоть чѣмъ нибудь могла быть повинна.

О сознательномъ злоупотребленіи съ Вашей стороны не можетъ быть и рѣчи; въ немъ Васъ никто не обвиняетъ, а потому я и не знаю, какой же можетъ быть здѣсь судъ? Судъ можетъ быть лишь по обвиненію Васъ кѣмъ либо: лицами изъ Ц. К. или лицами, принимавшими непосредственное участіе вмѣстѣ съ Вами въ самомъ дѣлѣ. Но обвиненій никто не выставляетъ.

Я вполне понимаю — да и другіе товарищи тоже, — что моральное потрясеніе, произведенное въ Васъ паденіемъ лица, въ которое Вы вѣрили и которое олицетворяло собою славные историческіе дни, представляетъ собою вмѣстѣ съ волненіемъ, безъ котораго не могло обойтись рѣшеніе вычеркнуть это лицо изъ исторіи — были совершенно достаточнымъ основаніемъ для происшедшаго недоразумѣнія. И потому то мы не считаемъ возможнымъ ни судить, ни карать Васъ. Но тѣмъ менѣе права имѣете Вы теперь заблуждаться относительно характера совершившагося дѣла. И лично мнѣ во всемъ этомъ странно только одно: какъ Вы теперь можете еще думать и утверждать, что Вы имѣли полномочія на то, что произошло.

Для суда, повторяю, по моему, нѣтъ мѣста. Но, конечно, разсмотрѣніе всего инцидента можетъ быть передано ближайшему съѣзду Совѣта Партіи. Но пока мы еще не имѣемъ тѣхъ документовъ, о которыхъ Вы сообщаете. По этой причинѣ, а также потому, что въ этихъ документахъ нѣтъ ничего, имѣющаго формальную юридическую силу для публики (Вы — участникъ дѣла и суда и Вы же — авторъ документовъ), я считалъ бы неудобнымъ и невозможнымъ п. 4 Вашего письма въ редакціи газетъ, если только Вы рѣшите опубликовать это письмо. Кромѣ того, имѣйте въ виду, что редакція п. 4 предполагаетъ неминуемо соответственное заявленіе или разъясненіе Ц. К.-та, а такое не можетъ быть безъ упоминанія о томъ, что это дѣло не партійное.

Таково мое отношеніе къ дѣлу. А пока — желаю Вамъ и пр.

Я отвѣтилъ *Краснову* на это письмо, но копию не сохранилъ. Для него „на этомъ дѣло кончилось“. Но не для меня. Я напоминалъ ему о приглашенныхъ самимъ Азефомъ лицамъ во всѣхъ подробностяхъ. Имѣлъ ли *Красновъ* и весь Ц. К. въ

дѣломъ право отказывать мнѣ въ слѣдствіи и судѣ, имѣя мое категорическое заявленіе, что дѣло сдѣлано партійными людьми, считавшими, что приводили въ исполненіе приговоръ Ц. К. судить не мнѣ.

Я поручилъ женѣ опубликовать безъ разрѣшенія Ц. К., имѣвшуюся у нея рукопись. Но помимо моей воли ее убѣдили этого не дѣлать въ виду наступившей реакціи... А жили мы слишкомъ далеко другъ отъ друга и сношенія были слишкомъ затруднены, чтобы я во время могъ дать нужныя указанія.

* * *

Ссылка Ц. К. на право обратиться въ Совѣтъ партіи или къ съѣзду, при моемъ положеніи, была простой отпиской.

Когда въ октябрѣ 1906 г. я пріѣхалъ на Иматру, я, неожиданно для себя и не зная объ этомъ, очутился наканунѣ открытія засѣданій Совѣта партіи. Я долженъ былъ уѣхать, „чтобы не скопрометировать никого“. Никто не предложилъ мнѣ тогда воспользоваться моимъ „правомъ“. Что это былъ Совѣтъ, я узналъ позже отъ Н. В. Ч., а потомъ и отъ самого *Краснова*, съ которымъ видѣлся тамъ же на Иматрѣ.

Неожиданностью моего пріѣзда и опасеніемъ осложненій съ моей стороны на Совѣтъ объясняю себѣ торопливость, съ которою Ц. К. помѣстилъ въ выходившемъ въ этотъ день изъ печати номерѣ „Партійныхъ Извѣстій“ (отъ 22 окт. 1906 года) слѣдующее заявленіе:

„Въ виду того, что, въ связи со смертію Гапона, нѣкоторыя газеты пытались набросить тѣнь на моральную и политическую репутацію члена партіи Соціалистовъ-Револуціонеровъ П. Рутенберга, Центральный Комитетъ П. С.-Р. заявляетъ, что личная и политическая честность П. Рутенберга стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.“

* * *

Что вышло у Азефа съ Центральнымъ Комитетомъ по поводу дѣла Гапона, почему Ц. К. такъ старался уклониться отъ этого дѣла, которое морально одобрялъ, я не зналъ и разное себѣ объяснялъ. Но борьба для меня стала неравной. Особенно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось жить. Къ большому моральному гнету прибавилась большая матеріальная нужда, совсѣмъ скрутившая меня.

Самой ужасной для меня была мысль, что меня могутъ арестовать раньше, чѣмъ выяснится дѣло. Ни говорить, ни молчать я вѣдь не могъ.

Только глубокое убѣжденіе въ неправотѣ Ц. К., невозможность признать свое безсиліе въ борьбѣ съ нимъ; опасеніе набросить тѣнь, дать поводъ усумниться въ виновности Гапона, удерживали меня отъ не разъ соблазнявшаго меня легкаго разрѣшенія моего безвыходнаго положенія — самоубійства.

Не разъ за это время я убѣждался, что бываетъ труднѣе жить, чѣмъ умереть.

* * *

19-го февраля 1908 г. я писалъ Субботинку, между прочимъ: „Если Ц. К. не хотѣлъ этого дѣла, онъ имѣлъ, вѣдь, возможность вернуть меня, остановить. А, если онъ „въ концѣ концовъ примирился“, то взявъ, слѣдовательно, на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія. И за успѣхъ, и за неудачу, и за Озерки... „Мы придраться къ тому, что я ступилъ правой ногой, а не лѣвой, зная, что лѣвой ступить не могъ, зная, что доказательствъ виновности Г. я досталъ, и замолчать, когда заговорили „маски“, — отказаться отъ меня, — вѣдь это предательство. Предательство со стороны Ц. К., какъ коллегія, предательство со стороны отдѣльных лицъ и съ твоей въ частности.

Это то, стчего я такъ обалдѣлъ съ перваго момента, съ того вечера, когда Ворисенко привезъ мнѣ постановленія Ц. К.

Одно время въ теченіе моихъ скитаній я себя чувствовалъ очень скверно. Часто останавливался на Гапонѣ и спрашивалъ себя: не ошибся ли я тамъ? Каждый разъ я приходилъ къ одному же отвѣту: нѣтъ не ошибся! Гапонъ предалъ не меня, не тебя, третьяго, десятаго, а то, что предавать невымыслимо. Гибель его была необходима и неизбежна“.

* * *

Время, о которомъ я говорю въ письмѣ — нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ весной 1907 г. на Капри.

Много своихъ „дѣяностей“ я здѣсь переосмыслилъ. Не радостные итоги своей революціонной дѣятельности подвѣлъ. Въ безукоризненности итоговъ блестящей дѣятельности другихъ усумнился... И очутился надъ пропастью душевнаго банкротства...

Только ясная тоскливо ищущія души обитателей Villa Blesus, ихъ душевная поддержка, чистая, искренняя ласка помогали мнѣ въ тяжелой борьбѣ съ самимъ собой. Окружавшая безграничная даль неба и моря, то грозно бужущая, то грустно ласкающая, спугивали, иногда разгоняли сгущавшуюся вокругъ меня, засасывавшую меня безпросвѣтно-мрачную пучину.

Капри! Такъ съ этимъ сказочно-красивымъ ключкомъ земли остался связаннымъ для меня безыходный ужасъ, прорѣзанный рѣдкими, неизмѣнно доросшими для меня, свѣтлыми прелесками.

Самымъ серьезнымъ образомъ передо мной сталъ здѣсь вопросъ о томъ, что Иванъ Николаевичъ *долженъ повѣснуть* на такой же вѣшалкѣ, какъ Гапонъ. Самымъ серьезнымъ образомъ я обдумывалъ планъ, какъ привести это въ исполненіе. И находилъ средства. Публикація моихъ докладовъ Ц. К. представляла въ то время такую сенсацію, что за нее можно было получить большія деньги. Опубликованіемъ ихъ рѣшались создаваться вокругъ имени Гапона легенды, разъяснялось мое собственное двусмысленное положеніе, являлась возможность поѣхать въ Россію, подвести счеты съ Иваномъ

Николаевичемъ, а потомъ и самому дорваться на какомъ-нибудь дѣлѣ до петли.

Я серьезно этимъ занялся. Но обстоятельства, на которыхъ останавливаясь здѣсь не мѣсто, отрезвили меня, заставили и помогли взять себя въ руки.

Я оставилъ свои „планы“. Поѣхалъ искать работу и жизнь.*)

* * *

Природное физическое здоровье, глубокая вѣра въ правду большой жизни и въ правоту своего маленького дѣла меня вывели. Производительный трудъ меня выпрямилъ и вернулъ уваженіе къ самому себѣ.

Белкіе памятники человѣческаго генія, генія труда, генія борьбы и стремленія къ лучшему и большому, великіе памятники, мимо которыхъ я каждый день проходилъ на работу, смотрѣли на меня вѣками большой прошлой человѣческой жизни.

Величаво-суровая сѣдина камней успокаивала и учила; я набирался здѣсь силъ, разума и мужества и шелъ жить въ маленькую мелочную жизнь, умѣя находить и въ ней большую красоту и радость.

* * *

Упомянутое письмо Субботину было написано по слѣдующему поводу:

Я добивался малѣйшей матеріальной возможности опубликовать дѣло Гапона. Такая возможность представилась мнѣ въ декабрѣ 1907 года, когда жена поѣхала въ Женеву.

Я поручилъ ей напечатать тамъ рукопись. Съ Ц. К. считъ безпозелнымъ сноситься, но когда узнали объ этомъ, Субботинъ написалъ мнѣ (23 января 1908 года):

„Подумай, нужно ли это, подумай также, какую отвѣтственность берешь на себя... Если все таки рѣшишь печатать, — прошу, перепиши раньше мнѣ. Ты, вѣдь, самъ знаешь, неприятно и мнѣ и тебѣ, если въ печати начнется полемика, если ваши взгляды на вещи не сойдутся и придется намъ опровергать другъ друга...“

И отвѣтилъ, что „лежащая на меня отвѣтственность, очевидно, ясна мнѣ“, рукопись все таки опубликую. Списаться радъ. И послалъ экземпляръ рукописи. Просилъ, чтобы Ц. К. прислалъ редакцію тѣхъ измѣненій, какія считаетъ нужнымъ сдѣлать, что измѣненія я считаю допустимыми только въ формѣ, но не въ сущности изложеннаго мною.

Въ письмѣ отъ 11 февраля 1908 года Субботинъ сообщалъ, что отказывается быть посредникомъ между мною и Ц. К. На-

*) Относительно публикованія рукописи просилъ Г-наго взять на себя сполненія съ издателемъ, а вырученныя деньги, за покрытіемъ расходовъ, прислать Ц. К. Рушниковъ не была тогда опубликована, такъ какъ издатель потребовалъ отъ меня доплатить 100 руб. А меня брала ужасъ не только писать, но даже думать объ этомъ дѣлѣ. На этой почвѣ у меня вышло недоразумѣніе съ Г-номъ, который, очевидно, не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ мое тогдашнее душевное состояніе.

стойчиво совѣтуя обратиться непосредственно къ Ц. К-ту, онъ перечислилъ рядъ допущенныхъ мною умолчаній, искажающихъ, по его мнѣнію, смыслъ дѣла. Онъ писалъ мнѣ: „приговора одному Г. не было. А читатель можетъ подумать, что именно такъ и было“. Я долженъ заявить, что такъ какъ „Ц. К. не поручалъ мнѣ этого дѣла, а поручилъ *совсѣмъ другое* (Г. и Р.), ни политически, ни технически не связанное съ первымъ, то и отвѣтственность за совершенное мною Ц. К. на себя взять не могъ...“

Сильно отличалось это мнѣніе отъ того, которое онъ высказалъ въ апрѣлѣ 1906 года у *Маркова* на квартирѣ въ *Сверскъ*, что „Ц. К. рано или поздно придется взять на себя дѣло Гапова, а потому лучше это сдѣлать сейчасъ, чѣмъ быть вынужденнымъ сдѣлать то же самое позже“.

Сильно было для него, какъ и для другихъ, вліяніе Азефа.

Я напомнилъ ему (въ отвѣтъ 19 февраля 1908 г.) подробно всю исторію дѣла, доказалъ ему письмомъ *Краснова*, что Ц. К. въ приговорѣ своемъ имѣлъ въ виду именно Г., а не Р. Мое мнѣніе о томъ, что поведеніе Ивана Николаевича — предательское по отношенію къ дѣлу и ко мнѣ было принято, очевидно, какъ мнѣніе очень возбужденнаго человѣка.

Развѣ Иванъ Николаевичъ можетъ быть предателемъ?

Между прочимъ, я тогда же писалъ Субботину:

„Если ты вдумаясь въ суть дѣла, во все то, что я тебѣ напомнилъ, я, вѣдь, многого не привелъ, ты убѣдишься, что двѣ главныя причины лежатъ въ основѣ той грязи, въ которую вы впутали меня и самихъ себя:

1) Оппозиція (по моему здоровая) Ц. К., какъ партійной высшей коллегіи, самоуправству отдѣльныхъ своихъ членовъ. Это доказывается документально письмомъ В. и многимъ другимъ, тебѣ подробнѣе и лучше извѣстнымъ, чѣмъ мнѣ.

2) Я оскорбилъ генерала. Ты прекрасно знаешь, что, захоти И. Н., онъ сумѣлъ бы настоять, чтобы все было тогда же ликвидировано. Утверждаю, что сознательно или безсознательно, по моему, сознательно, онъ воспользовался создавшимся положеніемъ, во всякомъ случаѣ сознательно не препятствовалъ ему развиваться въ данномъ направленіи, чтобы компенсировать мою „записку“. Теперь ты предлагаешь мнѣ написать „всю правду“. Зачѣмъ же бросать зря такіа слова? Вѣдь ты прекрасно знаешь, что я этого сдѣлать не могу, не могу плевать въ своего собственного духа святого. Ты знаешь, что для меня революція конкретизировалась въ партіи, Ц. К. представляетъ партію. Моей „правдой“ авторитетъ Ц. К. можетъ быть только униженъ, слѣдовательно, униженъ и авторитетъ партіи, слѣдовательно, нанесенъ вредъ революціи. Не могу же доставлять Рачковскому, Трусевичу, Суворину, Столыпину такого благодарнаго матеріала. Въ этомъ смыслѣ я безоруженъ. И отмалчиваясь, вы пользовались моей безоружностью. Вплоть до того, что позволили себѣ черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ того, какъ мое имя вытрепали во всѣхъ помойныхъ ямахъ, выдать мнѣ аттестатъ „моральной и политической чистости“. И тебѣ не стыдно?

По тѣмъ или другимъ соображеніямъ, вы хотите свалить это дѣло на меня, какъ на частное лицо. И я бы взялъ его на себя, какъ на частное лицо (ты это знаешь), если бы не было сношеній съ Рачковскимъ, тѣхъ, что вы мнѣ поручили, тѣхъ, которыхъ я, какъ частное лицо, объяснить ничѣмъ не могу. Ясно, конечно, что, соглашаясь взять дѣло на одного себя я иду противъ правды. Ибо на самомъ дѣлѣ, еслибы считалъ возможнымъ частнымъ образомъ, лично, на свой страхъ, раздѣлаться съ нимъ, я могъ бы это сдѣлать въ Москвѣ. Но я сдержался, явился къ вамъ. И заявилъ вамъ: слушайте и судите! И вы выслушали, и осудили. Вѣдь ты знаешь, что это такъ. Ты согласишься, что когда писалъ мнѣ „... въ словахъ твоихъ нѣтъ искаженій, я, по крайней мѣрѣ, не нашель. Есть въ многочисленныхъ умолчаніяхъ“ — ты нанесъ оскорбленіе не по адресу. Не касаюсь „искаженій“, которыхъ ты „по крайней мѣрѣ не нашель“ „въ словахъ“. Напрасно искалъ. Искажаю не я. А „умолчанія“ — единственная для меня доступная форма ликвидаціи дѣла. Гапоніада въ той части, въ которой я оказался къ ней причастнымъ, состоитъ изъ двухъ переплетшихся между собою дѣлъ: предательство Г. и отношенія мои съ Ц. К. Хочу и *обязанъ* ликвидировать первое. Но считаю невозможнымъ опубликовать всю „правду“ второго. Если Ц. К. найдетъ нужнымъ, пусть это дѣлаетъ самъ. Но если онъ, Ц. К., а не „маска“, затронетъ мою честь, я буду ее защищать. Даже „всей правдой“, если придется“.

* * *

Благодаря перепискѣ съ Субботинимъ, я поѣхалъ все таки въ Женеву, чтобы снестись лично съ Ц. К. объ измененіяхъ въ опубликовываемой мною рукописи.

Материально поѣздка эта была для меня не по силамъ; заработокъ мой былъ слишкомъ скромный и сверхъ того, поденный. Не говоря уже о расходахъ по поѣздкѣ, у меня въ нерабочіе дни не было доходовъ. При такихъ условіяхъ долго вести переговоры трудно было.

Товарищи, которыхъ засталъ въ Женевѣ, увѣряли меня, что отношеніе ихъ ко мнѣ всегда было и оставалось хорошимъ. Уполномоченный Ц. К.-томъ для переговоровъ со мной Л. заявилъ мнѣ отъ имени Ц. К., что я не имѣю права выступать публично въ дѣлѣ Гапона безъ согласія Ц. К.-та, такъ какъ Ц. К. читаетъ себя связаннымъ со мною въ этомъ дѣлѣ и если олчить, то по условіямъ политическимъ. Я отнесся скептически къ его заявленіямъ и предпочелъ письменныя докуменальныя сношенія съ Ц. К.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего приѣзда, въ Цюрихѣ меръ Г. А. Гершуни. Всѣ оказались заняты. Всѣ, кто могъ, ѣзжали въ Парижъ на похороны, которые затянулись на 2 едѣли.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ ждать.

Я передалъ черезъ Л. для Ц. К. заявленіе, для разсмотрѣнія котораго была назначена въ Парижѣ комиссія. Вотъ оно:

Дорогой!

Передайте пожалуйста Центральному Комитету:

1) Если Ц. К. находит нужнымъ, чтобы опубликованіе дѣла Г. произошло при его контролѣ и считаетъ возможнымъ, чтобы были опубликованы и мои сношенія съ Ц. К. по данному дѣлу, онъ не откажется:

а) назначить лицо, которое было бы вправѣ выѣхать со мной окончательно редактировать рукопись;

в) указать тѣхъ лицъ, которые были бы вправѣ разобрать и редактировать спорные между мною и представителями Ц. К. вопросы.

2) Вопросъ о несвоевременности опубликованія дѣла Г. считая себя вправѣ снять съ обсужденія.

3) (не подлежитъ опубликованію).

4) Матеріальныя и моральныя условія, въ которыхъ я нахожусь, заставляютъ меня категорически просить Ц. К., чтобы ликвидація дѣла Г. и совмѣстное обсужденіе окончательной редакціи рукописи началось не позже середины слѣдующей недѣли.

Увѣренъ, что Ц. К. не упуститъ изъ виду этотъ пунктъ и удѣлитъ ему все нужное вниманіе.

Сердечный привѣтъ всемъ товарищамъ.

Низко кланяюсь праху Григорія Андреевича.

Петръ.

25 марта 1908 г.

Отвѣтъ назначенной Ц. К.-томъ комиссіи на мое заявленіе (получилъ 7 апрѣля 1908 г.):

Комиссія большинствомъ голосовъ находитъ, что печатаніе рукописи Мартына (2-ой ея части) является несвоевременнымъ въ виду того, что:

а) дѣло Гапона въ настоящее время забыто и возбуждать его вновь, вслѣдствіе невозможности открытой защиты партійныхъ интересовъ, нецѣлесообразно;

б) ни для партіи, ни для автора пользы отъ напечатанія рукописи быть не можетъ.

2) Комиссія находитъ печатаніе рукописи несвоевременнымъ еще и потому, что... (не подлежитъ опубликованію).

Подробности 2-го мотива будутъ переданы на словахъ.

3) Въ случаѣ наступленія момента возможности напечатанія, комиссія полагаетъ необходимымъ измѣненіе рукописи согласно прилагаемому списку.

(Слѣдуетъ списокъ измѣненій, указанныхъ мнѣ раньше Субботинимъ).

* * *

Постановленіе это Л. мнѣ передалъ въ присутствіи пріѣзда шаго въ Женеву члена Ц. К. Юрьева, знавшаго о дѣлѣ Гапона по рассказамъ (съ конца 1905 г. онъ былъ въ тюрьмѣ, а потомъ въ ссылкѣ). Въ первый разъ послѣ марта 1906 года я говорилъ съ членомъ Ц. К., умѣвшимъ слушать меня безъ предубѣжденія. Приведенные мною факты его смутили. На рѣчь въѣдъ шла объ Иванѣ Николаевичѣ, которому мы оба до вѣрять... Поэтому мы стали искать выхода удовлетворитель-

наго для меня, достойнаго для Ц. К-та, т. е. для партіи. Сговориться намъ было сравнительно не трудно, ибо интересы партіи для обеихъ насъ были одинаково дороги.

Въ результатъ этихъ переговоровъ я написалъ Ц. К-ту въ Парижъ (10 апрѣля 1908 года):

Центральному Комитету.

Дорогіе товарищи!

На полученное мною постановленіе комиссіи Ц. К-та по дѣлу Гапона отвѣчаю:

Мнѣ представляется, что соглашеніе между Ц. К. и мной по этому дѣлу возможно только на почвѣ общности цѣли, т. е.

1) Чтобы по поводу убійства Гапона между Ц. К. и мной не возникло публичныхъ споровъ, которые сами по себѣ вызовутъ сомнѣніе въ виновности Гапона, въ дѣйствительности никакому сомнѣнію не подлежащей, и дискредитируютъ въ глазахъ широкихъ массъ партію, а, слѣдовательно, революцію.

2) чтобы опубликованіе дѣла Гапона не дало повода усумниться въ позиціи, занятой Ц. К., какъ учрежденіемъ и представителемъ партіи (не говорю объ отдѣльныхъ его членахъ).

По существу позиція Ц. К-та (повторяю, какъ учрежденія), съ одной стороны, и моя — съ другой, въ данномъ дѣлѣ діаметрально противоположны. Каждая изъ нихъ основана на конкретныхъ положеніяхъ. Достигнуть поэтому поставленной цѣли мнѣ представляется возможнымъ:

а) умолчаніемъ о тѣхъ промежуточныхъ обстоятельствахъ, благодаря которымъ оказалось возможнымъ такое существованіе двухъ другъ друга исключающихъ положеній;

б) тѣмъ, что дѣло второй его стадіи беру на себя одного.

Въ принятую мною редакцію говорю только *объ одномъ* данномъ мнѣ Ц. К-томъ порученіи: Р. и Г. Но подчеркивать, какъ этого хочется Ц. К., въ моемъ изложеніи дѣла, что другого порученія Ц. К. мнѣ не давалъ и даже запрещалъ, не буду; ибо это не соотвѣтствуетъ тому, что на самомъ дѣлѣ происходило между мной и представителемъ Ц. К.

Если Ц. К. не удовлетворится такимъ рѣшеніемъ вопроса и раздѣлитъ мнѣ, я изложу дѣло во всѣхъ деталяхъ такъ, какъ оно было, т. е. изложу то, что было мнѣ поручено представителемъ Ц. К., и то, что, какъ мнѣ стало известно позже, Ц. К., какъ учрежденіе, на самомъ дѣлѣ поручалъ.

Если Ц. К. не приметъ ни одного изъ этихъ двухъ рѣшеній, дѣло мое будетъ опубликовано по той рукописи, которую присылалъ въ Парижъ. Не мнѣ предрѣшать поведеніе Ц. К. въ этомъ случаѣ.

Что касается времени опубликованія дѣла, то только при теперешней, переданной мнѣ на словахъ формулировкѣ отношенія Ц. К. къ дѣлу, отличающейся отъ той, которую я зналъ до сихъ поръ, считаю возможнымъ и необходимымъ подчиниться, какъ членъ партіи, требованію Ц. К. партіи.

Но непремѣннымъ условіемъ этого мнѣ представляется, чтобы Ц. К. теперь же прислалъ мнѣ письменный документъ такого приблизительно содержанія:

„П. М. Рутенбергу. Ц. К. П. С.-Р. своей дискреціонной властью запрещает Вамъ, какъ члену партіи, опубликовывать дѣло Гапона впредъ до тѣхъ поръ, когда по политическимъ условіямъ и по общему съ Вами согласію такое опубликованіе будетъ найдено своевременнымъ“.

Эту записку и рукопись Ц. К. не откажетъ прислать сейчасъ же черезъ Л. Э., такъ какъ я не могу уѣхать отсюда, не давши опредѣленныхъ распоряженій по дѣлу. А жить здѣсь у меня нѣтъ никакихъ средствъ. Считаю нужнымъ еще разъ напомнить Ц. К.-ту, что отъ его имени и по его полномочію я занялъ въ свое время для расходовъ по дѣлу Гапона 700 рублей. . .

Всѣмъ товарищамъ привѣтъ.

П. Рутенбергъ.

Отвѣтъ комиссіи на это письмо остался у Л. Э. Ш. Комиссія, среди которой виталь, очевидно, духъ Азефа, мало считаясь съ моимъ письмомъ, настаивала на внесеніи мной измѣненій нѣкоторыхъ выраженій въ угодномъ для нея смыслѣ. Я отказался. Нѣкоторыя редакціонныя поправки, не мѣнявшія по существу смысла дѣла — принялъ. Въмѣстѣ съ отвѣтомъ комиссіи пришло и написанное мнѣ (черезъ Ш.) *Марковимъ* письмо, хорошее, товарищеское письмо. Онъ просилъ меня выждать еще двѣ недѣли, куда получится отъ Ц. К. изъ Россіи отвѣтъ. Съ своей стороны находилъ справедливымъ выставленное мною требованіе записки и общалъ свое содѣйствіе.

Я уѣхалъ.

Вмѣсто двухъ недѣль, на которыя получилъ отпускъ, пробылъ въ Женевѣ шесть недѣль. Работу, конечно, потерялъ. И долго не могъ найти другую. Еще разъ пришлось пережить всю гнусность и унижительность безработности. Много скверной людской тупости, мелкой жадности прошло передо мной за это время поисковъ работы. Не мало личныхъ отвратительныхъ переживаній. Но не мѣсто и не время на нихъ останавливаться.

* * *

Важно то, что Ц. К. остался вѣренъ своему отношенію ко мнѣ въ прошломъ. Онъ не только не прислалъ мнѣ записки, но вообще ничего не отвѣтилъ. Вѣдь среди членовъ находившагося въ Россіи Ц. К. находился и Азефъ.

Я опять сталъ собираться съ силами, искать матеріальную возможность опубликовать дѣло.

Вѣдь

* * *

О томъ, что Ц. К. объявилъ Азефа провокаторомъ я узналъ изъ мѣстныхъ газетъ, какъ объ „огромномъ полицейскомъ скандалѣ въ Россіи.“

Еще бы!

Я не вѣрилъ. Написалъ Субботину. Тотъ отвѣтилъ убѣдительнымъ письмомъ. Газеты приносили все новыя убѣдительныя подробности.

Поведеніе Азефа въ дѣлѣ Гаона выяснилось. Молчать дольше было нельзя. Я написалъ заявленіе для печати и послалъ его Субботину просмотрѣть. Онъ возвратилъ его со слѣдующимъ письмомъ:

3-го Февраля, 1909 г.

Дорогой Петръ!

Вчера получилъ твое письмо.

1) Ц. К. хотя и скомпрометированъ, но существуетъ, а пока онъ существуетъ, мнѣ кажется, безъ его разрѣшенія печатать по дѣлу Г. ничего нельзя, опираясь на уже состоявшееся между Ц. К. и тобою по этому поводу соглашеніе. Поэтому, по моему, рукопись нужно отослать для прочтенія официально въ Ц. К.

2) Въ такой тяжкій для партіи моментъ, какъ теперь, мнѣ думается, твое сообщеніе, содержащее упреки по адресу Ц. К. даже если бы эти упреки были справедливы, напечатано быть не должно. Оно внесетъ въ уже существующее междоусобіе еще одинъ поводъ.

3) Упреки твои, по моему, не совсѣмъ справедливы. Если Азевъ обманулъ въ этомъ дѣлѣ и тебя и насъ (а теперь ясно, почему это было въ его интересахъ), то изъ этого не слѣдуетъ, что Ц. К., какъ цѣлое, давалъ санкцію устраненія одного Г. безъ Р. Наоборотъ, я утверждаю и могу свидѣтельствовать, гдѣ и когда угодно, что такой санкціи Ц. К. не давалъ, что для него убійство одного Г. было неожиданностью, не одобренною, что ты о такомъ мнѣніи Ц. К. зналъ. Это не исключаетъ возможности обмана тебя Азевымъ, заявленія, напр., Азева, что Ц. К. перемѣнилъ мнѣніе, или попустительство Азева, что равнялось разрѣшенію и т. п. Но тогда виноватъ Азевъ, а не Ц. К. Изъ твоего же сообщенія можно легко вывести другое — неправильное заключеніе, что Ц. К. игралъ съ тобою недостойную игру въ прятки.

Вотъ, что я думаю о твоёмъ сообщеніи и хочу вѣрить, что ты считаешься съ этимъ мнѣніемъ...

Мой отвѣтъ Субботину.

.... 1) Ц. К. существуетъ, но соглашенія между имъ и мной не существуетъ, потому что Ц. К. не только не принялъ выставленное мною условіе соглашенія, но просто ничего мнѣ не отвѣтилъ.

При такомъ отношеніи Ц. К. и къ дѣлу, и ко мнѣ отвѣтственность за это дѣло опять легла на меня одного. И вопросъ объ его опубликованіи для меня давно былъ рѣшенъ въ окончательномъ утвердительномъ смыслѣ. Со времени переговоровъ прошелъ, вѣдь, годъ. Я выжидалъ только матеріальной для себя возможности.

Въ этотъ смыслъ ничего не измѣнилось. Измѣнилось одно: „Иванъ Николаевичъ“ сталъ „Азевымъ“, къ общему нашему ужасу. Едва ли это можетъ побудить меня къ дальнѣйшему молчанію.

Измѣнилось еще одно; данное мной согласіе взять на себя лично дѣло не имѣетъ больше смысла.

2) Упрековъ Ц. К. не хочу дѣлать. Въ такое время, да и во всякое время, это было бы мелочно съ моей стороны. Констатирую только фактическое положеніе дѣла, снимая съ себя ту долю моральной отвѣтственности, которую Ц. К. до сихъ поръ сознательно и несправедливо заставлялъ меня нести. Продолжать нести это очень тяжелое бремя для меня больше нѣтъ никакого смысла.

3) Существующее междуоубоие не улажется, если не опубликую мое заявленіе. А если бы и уладлось, все равно опубликовалъ бы, какъ поступилъ бы и ты на моемъ мѣствѣ.

Надо и эту гангрену срѣзать.

4) На четвертый твой пунктъ отвѣчаю: Совершенно съ тобой согласенъ. И впечатлѣніе твое зависитъ отчасти отъ самаго историческаго факта, позиціи, которой Ц. К. держался въ этомъ дѣлѣ...

...Посылаю текстъ О... для передачи его Бурцеву. Для печати, конечно.

Не посылаю его Ц. К. потому, что не считаю возможнымъ обратиться къ нему больше по этому дѣлу. Ты, конечно, понимаешь, что съ моей стороны нѣтъ желанія доставить этимъ Ц. К.-ту въ тяжелое для него время неприятность.

Если ты, съ своей стороны, найдешь нужнымъ, можешь предположить Ц. К. опубликовать мое заявленіе, но буквально, конечно. Если ты явишься къ О. съ этимъ письмомъ до вечера воскресенья 7-го, ты получишь въ свое распоряженіе три дня, послѣ которыхъ либо доставишь ей печатный текстъ заявленія, либо, не дожидаясь отъ тебя большаго отвѣта, она отнесетъ его къ Бурцеву. Воаможно еще наше свиданіе съ тобой для совмѣстной выработки текста, но при условіи твоего немедленнаго сюда прїѣзда. Разумѣется, предупредишь О. объ этомъ...

Въ назначенный мною срокъ жена не могла передать Бурцеву мое заявленіе, такъ какъ онъ уѣхалъ изъ Парижа.

Какъ только я узналъ изъ газетъ, что Бурцевъ вернулся, я поѣхалъ, чтобы повидаться съ нимъ лично, передать ему весь матеріалъ и просить взять на себя веденіе дѣла и сношеній, а если понадобится, и полемику съ Ц. К. Самъ я для этого не имѣлъ ни матеріальной, ни моральной возможности.

Бурцева не засталъ. Онъ опять уѣхалъ изъ Парижа. Хотѣлъ спросить о томъ же Г. А. Лопатина, но и его не было въ эти дни въ Парижѣ.

Субботинъ съ своей стороны убѣждалъ меня не обходить Ц. К. въ такое тяжелое для него время. Я приехалъ на собраніе Ц. К. 12 февраля (30 января) и заявилъ, что въ виду отношенія ко мнѣ Ц. К.-твѣ прошлымъ, не считаю себя обязаннымъ передъ нимъ ни морально, ни дисциплинарно, и только изъ уваженія къ переживаемому партией, а не Ц. К.-томъ, несчастію и къ партійной дисциплинѣ довожу до свѣдѣнія Ц. К. объ опубликовываемомъ мною заявленіи и прошу дать отвѣтъ въ тотъ же день.

Ц. К. постановилъ пойти мнѣ на встрѣчу въ опубликованіи дѣла и уполномочилъ Краснова и Субботина для совмѣстнаго со мной пересмотра текста моего заявленія.

Уполномоченные Ц. К. нашли нужнымъ внести въ редакцію моего текста рядъ измѣненій, большая часть которыхъ была мною принята. Они не измѣнили смысла моего заявленія, но затуманили его. Текстъ долженъ былъ быть немедленно переведенъ и напечатанъ Ц. К.-томъ со своимъ *добавленіемъ* въ французскихъ газетахъ. Какъ оказалось, Ц. К. не уполномо-

чиль своихъ представителей на принятіе текста добавленія къ моему заявленію. Я со своей стороны оставаться дольше въ Парижѣ не могъ, Красновъ предложилъ текстъ „добавленія“, который брался защищать передъ Ц. К.-омъ, текстъ признанный мною удовлетворительнымъ, точной кошіи котораго у меня нѣтъ. Приблизительное содержаніе его таково:

„Ц. К. П. С. Р. подтверждаетъ существо изложеннаго въ заявленіи члена партіи П. Рутенберга; Ц. К. считаетъ, что въ партійномъ отношеніи П. Рутенбергъ поступалъ въ дѣлѣ Гапона вполнѣ правильно, такъ какъ въ то время не могъ не считать Азефа вѣрнымъ выразителемъ рѣшеній Ц. К.“

Я уѣхалъ. Прошла недѣля. Въ Государственной Думѣ назначены были пренія по запросу объ Азефѣ. Заявленіе мое въ печати не появилось. Я написалъ Ц. К.-ту, что если во вторникъ 10-23 февраля въ утреннихъ газетахъ не появится мое заявленіе, я во вторникъ вечеромъ сдамъ его самъ въ печать.

Во вторникъ вечеромъ получилъ телеграмму:

„Votre lettre avec supplement est dans redaction Humanité. Attendez lettre.“

А затѣмъ слѣдующія письма (получены 25 апрѣля 1909 г.):

Многоуважаемый Товарищ!

Изъ телеграммы Вы уже должны знать, что Ваше письмо и дополнительное къ нему сообщеніе Ц. К. отправлено въ редакцію „L'Humanité.“ По порученію Ц. К. высылаю Вамъ для свѣдѣнія текстъ принятаго Ц. К. дополнительнаго сообщенія къ Вашему письму, такъ какъ набросанное при Васъ В. М. короткое подтвержденіе признано Ц. К.-томъ рѣшительно неприемлемымъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ. (Подпись).

„Ц. К. П. С. Р., подтверждая существо изложеннаго въ этомъ письмѣ, можетъ сообщить слѣдующее:

1) Членъ партіи П. Рутенбергъ дѣйствительно докладывалъ Ц. К. о разговорахъ съ нимъ Г. Гапона, изъ которыхъ совершенно выяснился характеръ связи послѣдняго съ Рачковскимъ и др. агентами политическаго сыска.

2) Вѣрность сообщенныхъ П. Рутенбергомъ данныхъ подтверждается и послѣдующими свѣдѣніями о сношеніяхъ Гапона съ полиціей, до и послѣ 9 января, полученными изъ тѣхъ же источниковъ, что и свѣдѣнія о провокаторской дѣятельности Азефа.

3) Первый докладъ П. Рутенберга о провокаторскихъ попыткахъ Гапона былъ сдѣланъ, въ присутствіи представителя Б. О., двумъ членамъ Ц. К., причемъ П. Рутенбергъ, настойчиво поддержанный представителемъ Б. О. предлагалъ ему убійство Гапона; члены же Ц. К. (и въ томъ числѣ Азефъ) стали на ту точку зрѣнія, что при невыясненности личности Гапона для общества и при слѣпой вѣрѣ въ него значительной части рабочихъ такой актъ могъ бы вызвать множество совершенно нежелательныхъ послѣдствій, кривотолковъ и разговоровъ между рабочими с.-р.-ами и рабочими гапоновцами. Въ итогѣ продолжительныхъ споровъ, именемъ Ц. К. оба наличныхъ его члена

въ присутствіи П. Рутенберга взяли на свою отвѣтственность слѣдующее разрѣшеніе вопроса: отклонить убійство одного Г., разрѣшить террористическій актъ только противъ Рачковскаго и Гапона вмѣстѣ, во время одного изъ ихъ конспиративныхъ свиданій; исполненіе акта долженъ былъ взять на себя П. Рутенбергъ, который для этого долженъ былъ притворно согласиться на провокаторскія предложенія Гапона.

4) Одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ Ц. К. (не Азефъ) взялъ на себя немедленно сообщить это постановленіе остальнымъ членамъ Ц. К., которыми оно было также санкціонировано.

5) Всѣ технически дѣловыя сношенія по исполненію даннаго постановленія П. Рутенбергъ велъ съ Азефомъ и, конечно, не имѣлъ тогда основаній усумниться въ томъ, что Азефъ является вѣрнымъ выразителемъ рѣшеній Ц. К.

6) Въ виду обнаружившейся нынѣ общей роли Азефа, Ц. К. не имѣетъ никакихъ основаній сомнѣваться въ вѣрности заявленія П. Рутенберга, что въ своихъ переговорахъ съ нимъ о практическомъ выполненіи намѣченнаго плана Азефъ допускалъ, вопреки постановленію Ц. К., въ которомъ самъ принималъ участіе, и убійство одного Гапона. По указанію П. Рутенберга на лицъ, съ которыми Азефъ велъ переговоры объ участіи въ убійствѣ одного Гапона, Ц. К.-томъ въ настоящее время производится необходимое разслѣдованіе, результаты котораго будутъ своевременно опубликованы. То же относится и къ указанію П. Рутенберга на лицъ, черезъ которыхъ Азефъ былъ извѣщенъ за 2 или 3 дня о подготовленіи убійства Гапона въ Озеркахъ.

7) При наличности такого рода роли Азефа, формальная безукоризненность поведенія П. Рутенберга, въ смыслѣ соблюденія имъ партійной дисциплины, но подлежитъ сомнѣнію и несогласный съ партійнымъ рѣшеніемъ результатъ предпріятія ложится на отвѣтственность Азефа.

8) Вплоть до смерти Гапова послѣднимъ извѣстіемъ, которое Ц. К. имѣлъ объ этомъ дѣлѣ, было сообщеніе, что П. Рутенбергъ отказывается отъ продолженія дѣла и уѣзжаетъ за границу, что развязывало руки Ц. К. и дало ему возможность придать всему дѣлу иное направленіе, принявъ участіе въ организаціи общественнаго суда надъ Гапономъ, суда, въ распоряженіе котораго Ц. К. полагалъ передать и показанія П. Рутенберга.

Почему Ц. К.-томъ было признано „рѣшительно неприемлемымъ“ „короткое подтвержденіе“ не знаю. Не знаю смысла и цѣли принятаго Ц. К.-томъ „длиннаго подтвержденія“. Неточности его видны изъ изложеннаго выше. О некорректности Ц. К.-та въ этомъ заявленіи судить не мѣж.

Понимаю, почему Ц. К., находившійся подъ влияніемъ Азефа, такъ долго и упорно отмалчивался и уклонялся отъ дѣла Гапона. Понимаю: именно потому, что находился подъ влияніемъ Азефа. Но спрашиваю: почему, когда Азефъ оказался всего лишь „цѣннымъ для правительства агентомъ розыскной полиціи“, Ц. К. не разъяснилъ дѣло прямо и просто, а опять старается затуманить его? Зачѣмъ онъ „оправдывается“ раньше, чѣмъ кто бы то ни было его обвинилъ въ чемъ бы то ни было? Зачѣмъ сваливать на Азефа, на провокатора Азефа, всю отвѣт-

ственность? Вѣдь, отвѣтственность здѣсь возможна только одна: за смерть Гапона. Развѣ Ц. К. не отвѣтствененъ за нее? Развѣ онъ не призналъ Гапона провокаторомъ? Не приговаривалъ его къ смерти? Спрашиваю, достойно ли такое поведеніе Ц. К. П. С. Р.? Достойно ли это „чести партіи и всей исторіи партіи“?

* * *

До сихъ поръ говорилъ объ отношеніи Ц. К-та ко мнѣ. Теперь спрашиваю. Думалъ ли Ц. К-тъ о смутѣ и мукахъ, пережитыхъ за эти годы тѣми, кто привелъ въ исполненіе состоявшийся надъ Гапономъ приговоръ Ц. К-та? Смутъ и мукахъ изъ-за необъяснимаго замалчиванія Ц. К-томъ дѣла Гапона?

* * *

Заканчивая, формулирую мое отношеніе ко всему изложенному выше:

1) Считаю, что Гапонъ былъ человѣкъ талантливый, но невѣжественный, человѣкъ честолюбивый и властолюбивый, хитрый, но легко возбудимый, легко поддающийся всякому вліянію. Закулисная сторона 9-го января и роль въ ней Гапона мнѣ не ясны до сихъ поръ.

2) Думаю, что въ началѣ 1905 г. за границей Гапонъ былъ искренне преданъ интересамъ народа, но революціонное подполье, по необходимости узкое въ своей дѣятельности, не могло дать удовлетворенія ему, пережившему 9-е января, которое во всякомъ случаѣ было организовано при его участіи и руководствѣ и подъ его именемъ.

За границей интеллигенція *не сумѣла* оказать на него то моральное давленіе, дать ему то моральное воспитаніе, выдержку и знанія, которыхъ ему такъ не доставало, не сумѣла достичь этого, по моему, въ виду демагогической натуры Гапона, въ виду развившагося у него подъ вліяніемъ славы, денегъ и лестн самомнѣнія, убѣжденія въ предстоящей ему исключительной исторической роли, рисовавшейся ему даже въ *снахъ*, о которыхъ онъ такъ часто говорилъ. Уязвленное (отношеніемъ революціонныхъ партій) самолюбіе раздувало его; вѣра въ свою избранность стерла грани между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Объ остальномъ позаботился Рачковскій.

3) Гапоніада въ той части, въ которой я къ ней оказался причастнымъ, состоитъ изъ двухъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга дѣлъ: а) предательства и смерти Гапона и б) роли Ц. К. П. С. Р. въ этомъ дѣлѣ.

Вопросъ о предательствѣ Гапона въ настоящее время установить помимо меня и въ моихъ доказательствахъ не нуждается. Роль Азефа въ партіи запутала Ц. К. и меня, но не изменила факта: предательства и провокаціи Гапона и неизбѣж-

ности его смерти. Въ военное время отношеніе къ предательству одно...

4) Мои переговоры съ завѣдомо обреченнымъ человекомъ имѣли моральное оправданіе, поскольку необходимо было подробно выяснитъ дѣло и поскольку, идя на свиданіе съ Рачковскимъ, я шелъ самъ на смерть. Но думаю, что подражанія эта роль не заслуживаетъ.

5) Думаю, что до смерти Гапона Азефъ не сказалъ Рачковскому о данномъ мнѣ партией порученіи. Можетъ быть, не успѣлъ предупредить (втеченіе 1^{1/2} мѣсяцевъ?) Можетъ быть, хотѣлъ „передать“ меня Рачковскому со снарядами? Можетъ быть, хотѣлъ, чтобы Рачковскій былъ убитъ вмѣстѣ съ Гапономъ?

Азефъ воспользовался Гапониадой, чтобы оправдаться передъ Ц. К. въ происходящихъ въ Боевой Организациіи неудачахъ. Думаю, что впервые ему пришло въ голову воспользоваться мною въ этомъ смыслѣ въ срединѣ марта 1906 г., когда я пріѣхалъ къ нему совѣтоваться о дальнѣйшемъ моемъ поведеніи съ Гапономъ. Со свойственной ему наглостью онъ такъ грубо сталъ тогда обрабатывать меня въ нужномъ для него направленіи, что вызвалъ во мнѣ непреодолимое къ нему отвращеніе. Такое отвращеніе, что я не могъ заставить себя пойти къ нему на свиданіе и написать ему объ этомъ. Записка, послужившая поводомъ къ обвиненію меня со стороны Субботина въ оскорбленіи „чести партіи и всей исторіи партіи“.

6) Никто, кромѣ меня и „слуги“, до смерти Гапона не зналъ о дачѣ въ Озеркахъ, которая была нанята мной неожиданно, вопреки инструкціямъ Азефа, поручившаго все сдѣлать на финляндской территоріи. (Можетъ быть, онъ этимъ имѣлъ въ виду скомпрометировать Финляндію). Не зналъ мѣста и Азефъ, но онъ былъ предупрежденъ о времени, когда приговоръ Ц. К. надъ Гапономъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

Для понятныхъ и нужныхъ для Азефа соображеній онъ сумѣлъ получить отъ Ц. К. публичное заявленіе о непричастности партіи къ смерти Гапона, заявленіе, не соответствующее дѣйствительности.

7) Обвиняю себя въ томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ не сумѣлъ ликвидировать это дѣло. Оправдывающія меня обстоятельства вопроса по существу не мѣняютъ. При большей съ моей стороны настойчивости, которая при сложившихся обстоятельствахъ была для меня безусловно обязательной, фигура Азефа выяснилась бы, можетъ быть, раньше.

8) Говоря о „Центральномъ Комитетѣ“, имѣю въ виду тотъ Ц. К., составъ котораго почти не мѣнялся въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, и который въ настоящее время отставленъ отъ дѣлъ. Всѣ его члены, съ которыми мнѣ пришлось сноситься по дѣлу Гапона существуютъ. Исключая Азефа, который пока тоже живъ.

Обвиняю этотъ Ц. К.:

а) Въ замалчиваніи смерти Гапона, совершенной членами партіи на основаніи фактически состоявшагося приговора партіи.

в) Во введеніи въ заблужденіе публичнаго мнѣнія, сдѣлан-нымъ Ц. К. заявленіемъ въ печати въ маѣ 1906 года, гдѣ гово-рилось, что партія никакихъ сношеній съ Гапономъ не имѣла.

с) Въ томъ, что своимъ поведеніемъ Ц. К. поставилъ меня въ морально двусмысленное положеніе по поводу сношеній съ Рачковскимъ, инициатива которыхъ исходила изъ Ц. К. и фактически была одобрена всѣмъ его составомъ (исключая одного голоса).

Знаю всю глубину несчастья, постигшаго членовъ этого Ц. К. въ дѣлѣ Азефа и выражаю имъ мое глубокое искреннее това-рищеское сожалѣніе. Выражаю имъ мое сожалѣніе за все про-дѣланное ими надо мной, ибо знаю, что и въ этомъ дѣлѣ они достойны были лучшей роли. На ихъ примѣрѣ пришедшіе имъ на смѣну научатся, какъ во многихъ случаяхъ не долженъ по-ступать Ц. К. партіи социалистовъ революціонеровъ.

П. Рутенбергъ.

В

Послѣднія минуты Гапона.

(Воспоминанія очевидца.)

... Судъ надъ Гапономъ долженъ былъ состояться въ Теріокахъ. Члены суда уже были собраны на одной датѣ и ожидали только пріѣзда самого Гапона, чтобы предъявить ему выставленные противъ него Рутенбергомъ обвиненія.

— Если это все правда, что вы говорите, — сказалъ одинъ изъ рабочихъ Рутенбергу — то мы его убьемъ, не дожидаясь рѣшенія партіи. Онъ насъ велъ — мы за нимъ шли и ему вѣрили. Мы и вамъ тоже сейчасъ вѣримъ, потому что знаемъ васъ давно, но вы партійный человекъ и интеллигентъ. Я боюсь, чтобы темная рабочая масса не обвинила впоследствии насъ въ томъ, что мы дѣйствовали подъ давленіемъ враговъ Гапона. Онъ — герой въ ихъ глазахъ, и они только тогда не будутъ имѣть сомнѣній въ его предательствѣ, когда мы, рабочие, лично въ этомъ убѣдимся.

Рѣшено было устроить такъ, чтобы рабочіе могли сперва какимъ-нибудь образомъ присутствовать при разговорѣ Гапона съ Рутенбергомъ, изъ котораго для нихъ выяснилась бы справедливость сдѣланнаго Рутенбергомъ рабочимъ заявленія о предательствѣ Гапона.

Для этой цѣли воспользовались пріездомъ Гапона въ Теріоки, тѣмъ болѣе, что Рутенбергъ нашелъ неудобнымъ убивать его на Финляндской территоріи, во избѣжаніе могущихъ послѣдовать вслѣдъ за тѣмъ неприяностей для дававшихъ въ то время пріютъ русскимъ революціонерамъ финляндцевъ.

Когда пріѣхалъ Гапоцъ, то они оба съ Рутенбергомъ отправились въ лѣсъ кататься на извозчикѣ, которымъ былъ одинъ изъ принимавшихъ участіе въ судѣ переодѣтый рабочий.

Гапоцъ во время прогулки былъ окровавленъ съ Рутенбергомъ, такъ какъ принятыя заранѣе конспиративныя мѣры дали возможность усыпить его подозрѣнія.

Онъ говорилъ о томъ, что Рачковскій видѣлся съ нимъ на-дняхъ и обѣщалъ устроить дѣло такъ, что никто изъ товарищей Рутенберга по партіи ни о чемъ не сможетъ догадаться. Затѣмъ онъ заводилъ рѣчь о деньгахъ, причѣмъ упомянулъ различныя цифры обѣщаннаго Рачковскимъ Рутенбергу вознагражденія.

Разговоръ съ перерывами длился около часу. Въ это время остальные члены суда дожидались на дачѣ. Наконецъ, пришелъ рабочий, бывший свидѣтелемъ разговора. Онъ былъ крайне взволнованъ и, какъ вошелъ, сейчасъ же заявилъ:

— Проклятая собака! Онъ насъ продалъ. Я все слышалъ. Его надо убить!

Затѣмъ онъ передалъ подробно все слышанное имъ во время прогулки.

Рабочіе стали обсуждать способъ приведенія въ исполненіе единогласно вынесеннаго ими смертнаго приговора Гапону. Они рѣшили было пойти къ нему на квартиру въ Петербургъ и тамъ его убить. Но здѣсь представлялась масса затрудненій — Гапонъ жилъ не одинъ, у него постоянно бывали его приверженцы — рабочіе. Дѣло могло представить много риску.

— Все равно! — предложилъ одинъ изъ рабочихъ. — Давайте, первымъ пойду я. Если мнѣ не удастся и меня возъмутъ, то пойдетъ слѣдующій по очереди. Только жить онъ послѣ всего этого не можетъ!

И рабочіе тутъ же дали обѣщаніе, что если первые товарищи будутъ случайно убиты, или попадутся въ руки полиціи, то оставшіеся въ живыхъ докончатъ за нихъ это дѣло. Но такъ, или иначе, а Гапонъ послѣ его предательства долженъ быть убитъ.

До сихъ поръ не принимавшій участія въ разговорѣ Рутенбергъ предложилъ слѣдующее:

— Если вы теперь убѣдились уже въ справедливости моихъ обвиненій, то, я думаю, что не стоитъ изъ-за одного предателя губить столько людей. Лучше найти какой-нибудь способъ, гдѣ было бы меньше для васъ всѣхъ риску.

Послѣ долгихъ разговоровъ рѣшили нанять какую-нибудь дачу на русской территоріи и, устроивъ тамъ засаду, заманить въ нее Гапона, подъ предлогомъ дѣлового свиданья.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дача была найдена въ Озеркахъ, причемъ предварительно такая же дача была осмотрѣна въ Шуваловѣ, но не подошла изъ-за слишкомъ близкаго сосѣдства становаго.

Въ 2 часа дня члены суда были спрятаны въ комнатѣ, сосѣдней съ той, гдѣ должно было происходить свиданіе. А около 4-хъ часовъ явились Гапонъ и Рутенбергъ.

Гапонъ, какъ вошелъ, такъ сейчасъ же принялся расхваливать Рутенберга за его конспирацію и осторожность.

— Вотъ это я понимаю! — заявилъ онъ, — ты всегда такое мѣсто найдешь, что ни одна собака ни о чемъ не догадается!

Между тѣмъ, спрятанные въ сосѣдней комнатѣ рабочіе могли слышать каждое произнесенное ими обоими слово, такъ какъ перегородки между комнатами были очень тоненькія и дверь состояла изъ двухъ, даже не совсѣмъ вплотную закры-

вавшихся половинокъ. Но для отвлеченія могущихъ возникнуть у Гапона подозрѣній, на ней нарочно былъ повѣшенъ снаружи замокъ.

Теперь я могу описывать только то, что слышалъ и видѣлъ самъ лично. Товарищи, бывшіе въ сосѣдней комнатѣ, слышали весь разговоръ Гапона съ Рутенбергомъ дословно, — до меня же доносились одни лишь отрывки, такъ какъ я былъ оттуда довольно далеко и не могъ слышать всего.

Вотъ тѣ отрывки, которые случайно удалось разобрать.

— 25 тысячъ хорошихъ деньги, — донесся до меня голосъ Гапона, — и потомъ Рачковскій прибавить еще. Нужно сперва выдать только четырехъ человекъ изъ Боевой Организаци.

— А если мои товарищи узнаютъ? — спросилъ Рутенбергъ.

— Они ничего не узнаютъ. Повѣрь мнѣ, — Рачковскій такой умный человекъ, что онъ сумѣетъ все это устроить. Ужъ на него можно положиться.

Потомъ нѣкоторая часть разговора снова ускользнула отъ моего вниманія.

Когда я смогъ слушать дальше, то они говорили уже о недавно застрѣлившемся рабочемъ Черемухинѣ, который не вынесъ разочарованія въ Гапонѣ по поводу разоблаченій бывшего гапоновца Петрова и покочилъ съ собою.

— Черемухинъ — дуракъ, — рѣзко и озлобленно говорилъ Гапонъ, — туда ему, дураку, и дорога!

— Но, вѣдь, онъ же вѣрилъ въ тебя, — возразилъ Рутенбергъ.

Здѣсь опять дальнѣйшее не было мнѣ слышно и потому снова:

— А если я, напрямѣръ, выдамъ тебя? — говорилъ Рутенбергъ, — если я открою всѣмъ глаза на тебя, что ты спутался съ Рачковскимъ и служишь въ охранномъ отдѣленіи?

— Пустяки! — возразилъ Гапонъ. — Кто тебѣ въ этомъ повѣритъ? Гдѣ твои свидѣтели, что это такъ? А потому я всегда смогу тебя самого объявить въ газетахъ провокаторомъ, или сумасшедшимъ. Ну-да бросимъ объ этомъ! Перейдемъ лучше къ дѣлу.

Когда я смогъ опять начать слушать, они уже разговаривали о предполагаемой выдачѣ Рутенбергомъ покушенія на царя и на Дурново.

— Но вѣдь этихъ товарищей всѣхъ повѣсятъ? — сказалъ Рутенбергъ.

— Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ! — возразилъ Гапонъ, — и притомъ же, посылалъ, вѣдь, ты Каляева на смерть, отчего же ты не можешь послать на ту же смерть и этихъ?

Далѣе я слышалъ, какъ Гапонъ говорилъ о революціонныхъ партіяхъ и своемъ въ нихъ разочарованіи. Потомъ онъ снова хвалилъ Рачковскаго и его умѣніе устроить дѣла „широ-крыто“.

Вскорѣ разыгралась сцена со „службой“, т. е. тѣмъ товарищемъ, котораго оставили сторожить.

Гапонъ нашелъ этого товарища, стоявшаго, спрятавшись на лѣстницѣ, за дверь.

Онъ схватилъ его одной рукой за горло и голосомъ полнымъ безумнаго ужаса закричалъ Рутенбергу:

— Мартынь! Онъ все слышалъ! Его надо убить!

Потомъ, обращаясь къ неподвижно стоявшему товарищу, заговорилъ ласково и торопливо:

— Ты, милый, не бойся... Ничего не бойся. Мы тебя отпустимъ. Только скажи: кто тебя сюда подослалъ?

Товарищъ, желая выиграть время, отвѣтилъ:

— Я вамъ все расскажу, только пощадите мнѣ жизнь.

— Не бойся, не бойся, голубчикъ, — началъ успокаивать его Гапонъ. — Ты только скажи, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ.

И, обращаясь къ Рутенбергу:

— Его надо убить сейчасъ!...

Но въ этотъ моментъ Рутенбергъ распахнулъ двери и рабочіе бросились на Гапона.

При видѣ ихъ, онъ упалъ на колѣни и закричалъ:

— Мартынь! Мартынь!

— Нѣтъ тебѣ здѣсь никакого Мартына!

Его потащили въ сосѣднюю комнату.

Рутенбергъ закрылъ лицо руками и вышелъ.

— Я не могу! Побудьте вы тутъ, — прошепталъ онъ.

Я вошелъ въ ту комнату, гдѣ рабочіе уже вязали Гапона. По первоначальному плану его должны были разстрѣлять.

Онъ вырывался изъ ихъ рукъ и умолялъ о пощадѣ.

— Братцы... Братцы... — лепеталъ онъ.

— Мы тебѣ не братцы, — Рачковскій тебѣ братецъ!

— Братцы! Клянусь вамъ, что это я ради идеи...

— Слышали мы твои идеи! Знаемъ.

— Товарищи... во имя прошлаго, — простите меня... во имя прошлаго...

Рабочіе продолжали вязать его, не говоря ни слова.

— Товарищи! Пощадите, вспомните, вѣдь, сколько у васъ связано со мной?

— Вотъ потому то ты и достоинъ казни, — возразилъ ему одинъ изъ рабочихъ. — Ты нашу рабочую кровь продалъ охранкѣ — за то и смерть тебѣ!

И по какому-то безмолвному уговору ему накинута на шею петлю и потащили къ вбитому надъ вѣшалкой желѣзному крюку.

Гапонъ, уже хрипя и задыхаясь, закричалъ:

— Братцы... миленькіе!... Постоите!... Дайте послѣднее слово...

— Тяни его! — командовалъ одинъ рабочій, ходившій 9-го вмѣстѣ съ нимъ.

Одинъ товарищъ не выдержалъ и вмѣшался.

— Дайте же ему послѣднее слово сказать, разъ онъ проситъ! Можетъ важное что...

— Братцы, — заговорилъ Гапонъ, какъ только немного освободили стягивавшую его шею веревку, — братцы!... Попадите!... родные мои... Простите меня... Во имя прошлаго.

Рабочіе разомъ дернули веревку и Гапонъ безсильно повисъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ умеръ.

Рабочіе утрюмо и сумрачно вышли одинъ за другимъ на террасу, гдѣ стоялъ Рутенбергъ.

У него была первая лихорадка и онъ только спросилъ дрожащимъ голосомъ:

— Кончено?

Всѣ промолчали.

— Его надо обыскать, — сказалъ, наконецъ, Рутенбергъ.

Всѣ снова вернулись въ комнату, гдѣ висѣлъ трупъ Гапона. Рабочіе обыскали его. Результатъ обыска извѣстенъ.

— Теперь прощайте, товарищи! Помните на судъ, — вы все слышали?

— Все слышали! — подтвердили рабочіе, и разошлись, предварительно пожавъ руку Рутенбергу.

Рутенбергъ долго смотрѣлъ на висящій трупъ Гапона.

— Такъ висѣлъ Каляевъ, — неожиданно произнесъ онъ. — И онъ хотѣлъ, чтобы и другіе такъ же висѣли...

Потомъ онъ замолчалъ и снова, послѣ долгой паузы, добавилъ:

— А это все же хорошо, что его не разстрѣляли. Онъ приготавливалъ другимъ висѣлицу — и самъ ее заслужилъ. Разстрѣлъ былъ бы для него слишкомъ почетенъ.

Но тутъ лицо его исказилось, и, весь дрожа, онъ неожиданно произнесъ:

— Вѣдь, другъ онъ мнѣ когда-то былъ!... Боже мой... Боже мой! Какой ужасъ... Но такъ надо было...

Рутенбергъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— Скажи, онъ узналъ Н? Онъ понялъ, что это рабочіе его казнятъ, а не какіе-нибудь политическіе враги?

— Я думаю, что да, — отвѣтилъ я.

— Это хорошо. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ...

Рутенбергъ не договорилъ и, махнувъ рукой, снова принялся шагать взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ.

Потомъ онъ остановился.

— Ему надо прикрыть лицо. Обрѣжь веревку и прикрой.

Онъ протянулъ мнѣ перочинный ножикъ, въ которомъ были небольшія, складныя ножницы.

— Этими самыми ножницами я ему обрѣзалъ волосы тогда, 9-го января... А теперь ими же...

Рутенбергъ снова не докончилъ фразы и отошелъ. Плечи его судорожно вздрагивали, лицо было мертвенно блѣдно.

Я просилъ его успокоиться.

— Онъ получилъ то, что заслужилъ, — сказалъ ему я про Гапона.

— Да... но всетаки... какой ужас! Какой ужас! Ведь, сколько связано у меня было с этим человеком! Сколько крови...

Товарищ заперъ дачу и мы всѣ разошлись, каждый въ свою сторону.

Вотъ то, что мнѣ пришлось лично видѣть и слышать во всей этой драмѣ.

N. N.

Пора поднять вопросъ о Гапонѣ во всей его полнотѣ. Жаль безконечно, что это не было сдѣлано гораздо раньше. П. Рутенбергъ несомнѣнно правъ, говоря, что быть можетъ, и роль Азева выяснилась бы гораздо раньше, если бы въ свое время постарались детально и безпристрастно разобраться въ дѣлѣ Гапона.

Въ настоящей книгѣ «Былого» мы даемъ весьма важный матеріалъ для характеристики и оцѣнки этого дѣла — записки П. Рутенберга и отрывки изъ воспоминаній другого лица, знавшаго близко Гапона въ послѣднее время его жизни и бывшаго свидѣтелемъ его трагической смерти. Въ нашемъ распоряженіи имѣются подробныя записки второго лица, написанныя имъ еще въ 1906 году. Къ нимъ, а также къ ряду другихъ документовъ по дѣлу Гапона, мы надѣемся еще вернуться на страницахъ «Былого».

Мы не дѣлаемъ никакихъ оговорокъ относительно послѣднихъ страницъ воспоминаній П. Рутенберга, гдѣ въ немъ говоритъ давно наболѣвшее и, наконецъ, вырвавшееся наружу чувство обиды за незаслуженныя обвиненія. Читатель долженъ выяснитъ себѣ все положеніе, созданное этимъ дѣломъ, а также все, что пережилъ П. Рутенбергъ въ такомъ отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ дѣло Гапона.

Что Гапонъ былъ провокаторомъ — ясно. Записки П. Рутенберга и подтверждающія ихъ воспоминанія очевидца не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія.

Возникаетъ другой вопросъ болѣе общаго значенія, вопросъ о роли въ этомъ дѣлѣ «правительственнаго агента» Азева и его начальника Рачковскаго, бывшаго въ то время фактическимъ директоромъ департамента полиціи и руководителемъ всего политическаго сыска въ Россіи.

Азефъ зналъ о подготавлившемся убійствѣ Гапона. Одно его слово достаточно было, чтобы предупредить это убійство. Онъ былъ, слѣдовательно, его участникомъ, участникомъ, правда, издали, но отдаленность отъ мѣста убійства являлась, какъ извѣстно, постояннымъ элементомъ его провокаторской системы. Сущности дѣла это не измѣняетъ. Доложилъ ли онъ о готовящейся участи провокатора своему непосредственному начальнику и покровителю Рачковскому? Зналъ ли послѣдній о той драмѣ, которая должна была разыгратъ въ Озеркахъ? Все заставляетъ предполагать, что да.

Дѣйствительно, Рачковскій зналъ о предстоящемъ свиданіи въ Озеркахъ. Статья «Маски» въ «Новомъ Времени» свидѣтельствуеъ объ этомъ. Тотчасъ же послѣ этого свиданія Гапонъ долженъ былъ бы представить о немъ отчетъ Рачковскому. Но Гапонъ изъ Озерковъ больше не возвращался. Между тѣмъ, трупъ его открыли только по прошествіи многихъ недѣль. Почему, при циркулировавшихъ уже слухахъ объ убійствѣ Гапона, полиція не направила тотчасъ же свои поиски на Озерки? Несомнѣнно потому, что Рачковскій былъ заинтересованъ въ возможно болѣе позднемъ раскрытіи убійства.

Но для чего Рачковскому нужна была смерть Гапона? Больше того. Если правительству, вообще говоря, могло быть желательно погубить революционную репутацию Гапона, втоптать въ грязь его ореолъ 9-го января, дискредитировать тѣмъ само 9-ое января, то оно достигло этого въ достаточной степени тѣмъ, что довело Гапона до покаяннаго письма его министру Дрново. Этого Рачковскому было не достаточно. Онъ толкалъ Гапона дальше и ниже. Онъ старался устроить его своимъ «сотрудникомъ» при Боевой Организациі с.-р., поручилъ ему «соблазнить» Рутенберга. Но, вѣдь, Рачковскій имѣлъ Азефа, которому не надо было, какъ Гапону, завязывать сношенія, проникать, добираться. Азефъ былъ въ центрѣ, Азефъ былъ главаремъ боевого дѣла, онъ все знает. И Рачковскій могъ все знать отъ него и несомнѣнно знает. Что особенное могъ бы ему сообщить Гапонъ, котораго революціонеры уже сторонились и котораго ни одна организациа не стала бы близко подпускать къ себѣ? Вѣдь, практически Гапонъ ничего не могъ ему выдать, и у Рачковского не могло быть сомнѣній относительно истиннаго характера переговоровъ, которые Рутенбергъ велъ со своимъ бывшимъ другомъ. Самъ то онъ, вѣдь, ни разу на свиданіе съ Рутенбергомъ не пошелъ. Не пошелъ потому, что знаетъ, что въ тѣни всѣхъ этихъ переговоровъ и торговъ скрывается кровавая развязка. Онъ толкалъ Гапона на смерть, и только убійство послѣдняго могло быть его ясной, опредѣленной цѣлью въ этомъ темномъ дѣлѣ. Да, въ свѣтѣ азефщины смерть Гапона вырисовывается, какъ единственно логически допустимая цѣль правительственной «обработки» бывшаго героя 9-го января. Потому что, повторяемъ: при наличности Азефа Гапонъ былъ не только излишенъ, но и опасенъ въ роли «сотрудника» при Боевой Организациі. Дальше, находясь уже въ подозрѣніи, при крайне компрометирующихъ слухахъ, скоплавшихся вокругъ его имени, послѣ его столь подозрительныхъ газетныхъ выступленій, Гапонъ вообще становился безцѣннымъ, какъ правительственный агентъ. Онъ самъ не могъ и не отдавать себѣ въ этомъ отчета. Но Рачковскому, создавшему карьеру Азефа, слишкомъ хорошо знавшему, какъ нужно оберегать революціонную репутацию гг. провокаторовъ, ему то это должно было быть ясно. Онъ былъ слишкомъ опытенъ во всѣхъ тонкостяхъ провокаціоннаго дѣла, чтобы допустить въ данномъ случаѣ грубую съ его стороны ошибку. Потому то, загрязнивъ уже Гапона съ ногъ до головы, онъ поручилъ ему мажорское дѣло, которое неминуемо должно было довести Гапона до «вѣшалки».

Революціонеры выяснили свою роль въ дѣлѣ Гапона. Какъ въ дѣлѣ Азефа, продолженіемъ котораго оно является, они сказали всю правду.

Правительство замалчивало до сихъ поръ роль своихъ агентовъ въ убійствѣ Гапона, — наша обязанность сдѣлать это теперь.

Ред.

Попытка возстанія въ Севастополѣ въ ночь съ 14 на 15 сентября 1907 года.

(Воспоминанія ошкера).

Дѣло относится ко времени выборовъ въ 3-ю Государственную Думу, когда, при торжествовавшей повсюду реакціи, оставшіяся кое-гдѣ революціонныя организаціи въ арміи дѣлали послѣднія отчаянныя усилія задержать ея ростъ, выдвигая на сцену уцѣлѣвшія еще отъ безконечныхъ проваловъ силы.

Въ Севастополѣ въ то время революціонная организація среди солдатъ и матросовъ, созданная и руководимая с.-р.-ами, была очень сильна.

Схема этой организаціи, входившей въ составъ „Всероссійскаго союза солдатъ и матросовъ“, была такова. Сознательный элементъ каждой роты объединялся въ кружокъ и имѣлъ выборныхъ представителей. Собраніе ротныхъ представителей полка и соотвѣтственной части другихъ родовъ оружія составляло „Комитетъ отдѣльной части“. Этотъ комитетъ собирался обыкновенно въ казармахъ. На за-сѣданіяхъ присутствовали иногда, и, къ слову сказать, очень рѣдко, партійный организаторъ. „Комитетъ отдѣльной части“ выдѣлялъ представителей въ „Гарнизонное собраніе“, которое было высшей организаціонной инстанціей въ городѣ. На ней я останавлиюсь подробнѣе.

Каждая часть, имѣвшая революціонную организацію, посылала въ „Гарнизонное собраніе“, въ зависимости отъ числа организованныхъ въ ней членовъ, отъ одного до пяти представителей. Кромѣ того, являлись „замѣстители“, которымъ приходилось иногда присутствовать на за-сѣданіяхъ „Гарнизоннаго собранія“, замѣняя отсутствовавшихъ почему либо членовъ.

За-сѣданія эти организовывались партійными работниками. Приходится удивляться, какъ въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Севастополь, и къ тому же объявленномъ на военномъ положеніи, удавалось собирать до сорока человекъ самой разношерстной военной публики, и не разъ и не два, а на протяженіи многихъ мѣсяцевъ, почти регулярно по разу въ недѣлю.

О существованіи „Гарнизоннаго собранія“ властямъ было извѣстно. Его искали. Искали всюду и не находили.

Чтобы затруднить сходки солдатъ, создавались всевозможныя препятствія при отпускахъ ихъ изъ предѣловъ казармъ. Одно время ~~нижнихъ~~ чиновъ отпускали въ городъ не иначе, какъ по нѣсколько человекъ вмѣстѣ и подъ командой „надежнаго“ старшаго. Все было напрасно! „Гарнизонное собраніе“ функционировало по прежнему.

Это общеніе моряковъ, пѣхотинцевъ, артиллеристовъ, саперовъ и т. д., ихъ свободныя рѣчи на за-сѣданіяхъ „собранія“, гдѣ они могли отвести свою душу, сознаніе того, что за спиной каждого изъ нихъ —

десятки и, даже, сотни ему подобныхъ — все это не могло не способствовать развитію въ нихъ увѣренности въ своихъ силахъ, не могло не имѣть революціонизирующаго значенія. Слухи о тайственныхъ засѣданіяхъ „Собранія“ проникали въ самыя низы солдатской среды. О нихъ говорили въ казармахъ и говорили много, и, несомнѣнно, впечатлѣнія, вынесенныя изъ засѣданій членами Собранія, передавались отъ одного другому. Авторитетъ „Гарнизоннаго собранія“ въ солдатскихъ слояхъ росъ съ каждымъ днемъ. Дѣло доходило иногда до курьезовъ. Такъ, въ головахъ нѣкоторыхъ солдатъ представленіе о „Гарнизонномъ собраніи“ сложилось, какъ о какой-то таинственной и могучей „власти“, вродѣ „начальства“. И они обращались туда со своими жалобами и прошеніями.

Съ виду казалось все хорошо. Но это лишь казалось. На дѣлѣ же пропаганда шла не вездѣ одинаковымъ темпомъ. Естественно, что солдаты и матросы, участвовавшіе въ „Гарнизонномъ собраніи“, гдѣ они лично набирались впечатлѣній, находясь, при томъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ интеллигентныхъ партійныхъ работниковъ, поддавались процессу революціонизированія гораздо быстрее тѣхъ, на кого вліяніе могло быть оказано лишь черезъ посредство вторыхъ, третьихъ лицъ.

При такомъ положеніи вещей можно было опасаться варыва чрезмѣрно накопившейся революціонной энергіи въ передовой части солдатской среды, варыва преждевременнаго, безъ шансовъ на возможность увлеченія за нимъ остальныхъ, на много отставшихъ солдатскихъ слоевъ.

Нѣкоторыми изъ офицеровъ, состоявшихъ въ мѣстномъ революціонномъ безпартійномъ кружкѣ, было указано на это. Указывалось также на большую цѣлесообразность и, даже, безопасность для интеллигентныхъ революціонеровъ, вмѣсто траты энергіи на „Гарнизонное собраніе“, работать въ „комитетахъ отдѣльныхъ частей“ и не упускать изъ виду своего непосредственнаго вліянія наибольшаго количества солдатъ и матросовъ, тѣмъ болѣе, что объединительная инстанція всѣхъ организованныхъ солдатскихъ силъ въ гарнизонѣ, при наличіи партійной интеллигенціи и офицерскаго кружка, являлась не только не необходимой, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредной.

Основательность вышеизложенныхъ опасеній нѣкоторыхъ офицеровъ была доказана впослѣдствіи дѣльнѣйшимъ ходомъ событій.

Уже задолго до попытки возстанія въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября часть солдатъ и матросовъ была такъ революціонно настроена, что значительная доля труда партійныхъ работниковъ отдавалась на то, чтобы сдерживать ихъ пылъ и предотвращать тѣмъ преждевременное выступленіе.

Однако достичь этого такъ и не удалось.

Я не хочу вдаваться въ подробное изложеніе обстоятельствъ, предшествовавшихъ возстанію и послужившихъ причиной его возникновенія. Это отчасти потому, что не могу поручиться за вѣрность представленій, сложившихся у меня на основаніи отрывочныхъ данныхъ, а отчасти вслѣдствіе невозможности огласить нѣкоторые факты безъ риска подвести людей, участіе коихъ въ этомъ дѣлѣ еще не обнаружено.

Скажу только, что извѣстная доля вины за происшедшее, безусловно, ложится на людей, предполагавшихъ путемъ частичнаго удачнаго возстанія поднять упавшій въ народныхъ массахъ революціон-

ный духъ. Такіе люди составляли въ партіи с.-р. большинство. Они то и начали подготовку къ возстанію, хотя мѣстный офицерскій кружокъ, входившій въ составъ безпартійнаго „Всероссійскаго Офицерскаго Союза“, и протестовалъ. Правда, при разработкѣ плана возстанія, собирая свѣдѣнія о своихъ силахъ и силахъ правительства, и с.-р. приходили къ убѣжденію, что на побѣду разсчитывать не было основаній, и большинство изъ нихъ высказывалось уже противъ возстанія; но самой подготовкой къ возстанію уже былъ данъ толчекъ солдатскимъ массамъ, сдерживать которыя было трудно и до того времени. Страсти разгорѣлись. Удержать ихъ уже не было силъ.

Не соглашаясь съ постановленіемъ своихъ интеллигентныхъ руководителей — не подымать возстанія, солдаты и матросы на одномъ изъ засѣданій „Гарнизоннаго Собранія“, которое было устроено ими безъ посторонней помощи, рѣшили выступить безъ интеллигенціи, обвиняя ее даже въ трусости. Выработали планъ, насколько мнѣ извѣстно, невыполнимый и даже нелѣпый, и назначили день возстанія.

Партійными работниками вслѣдъ за тѣмъ было создано „Гарнизонное Собраніе“, на которомъ было указано на невозможность, при существовавшемъ соотношеніи силъ, разсчитывать на побѣду.

Солдаты не поддавались. Они заявили, что и не думаютъ о побѣдѣ, но выступаютъ лишь потому, что чаша терпѣнія ихъ переполнилась.

— Всюду уныніе... Идутъ выборы въ третью Государственную Думу. Мы ее не признаемъ. Мы должны протестовать противъ ея созыва и мы дѣлаемъ это съ оружіемъ въ рукахъ... Мы умремъ, мы знаемъ это. Мы идемъ на гибель сознательно...

Таковы были тамъ рѣчи.

Въ своемъ рѣшеніи выступить, солдаты были непоколебимы. Удалось только уговорить отложить возстаніе на нѣсколько дней съ обѣщаніемъ, что тогда примутъ участіе въ немъ партійные работники и офицеры.

Положеніе было серьезное. Оставить солдатъ на произволъ судьбы значило — ничего не сдѣлать съ своей стороны для предотвращенія могущихъ произойти эксцессовъ.

Скрѣпя сердце, согласился участвовать въ возстаніи и я.

Времени въ нашемъ распоряженіи было не много. Матросы предъявили свое требованіе, чтобы возстаніе было до 20 сентября, такъ какъ въ это время они, старые матросы, наилучше организованная часть во флотѣ, будутъ распущены по домамъ.

— Теперь мы представляемъ изъ себя силу, — говорили они, — а распустятъ насъ по деревнямъ, мы ею не будемъ. Мы не уйдемъ, ничего не сдѣлавши.

Пришлось и здѣсь уступить.

Началась спѣшная подготовка. Былъ сформированъ „Повстанческій Комитетъ“, въ составъ котораго вошли представители отъ с.-р. партіи, отъ безпартійнаго „Офицерскаго Союза“ и отъ солдатъ. Собирались свѣдѣнія. Разрабатывался планъ. Велась агитационная работа среди солдатъ и матросовъ. Устраивались массовки. Для провѣрки дѣйствительности желанія возстанія въ глубокихъ слояхъ солдатской массы, а не только въ ея верхушкахъ, была произведена анкета. За возстаніе было подано нѣсколько тысячъ голосовъ. Къ сожалѣнію, точныхъ цифровыхъ данныхъ не помню.

Однако, как ни хороши были, по духу и количеству членовъ, организации среди солдатъ и матросовъ, было ясно, что всякая попытка къ восстанію будетъ подавлена въ корнѣ.

Благодаря широко развитой провокаціи и шпіонству, властямъ было известно о степени революціонности каждой части. Для обезвреженія наиболее опасныхъ изъ нихъ были приняты соответствующія мѣры.

Снаряды съ судавъ свезены на берегъ (за исключеніемъ двухъ учебныхъ судовъ, команды коихъ были исполнѣ „надежны“). Ружья — тоже. Оставлено было только небольшое количество ихъ для обслуживания карауловъ, но и тѣ были подъ замками. Баталіоны крепостной артиллеріи были безъ полагающихся имъ ружей. Охрана же крепостныхъ орудій была поручена нѣхоянымъ частямъ. Въ полевой артиллеріи не было снарядовъ. „Ненадежные“ саперы, хотя и были вооружены ружьями, но патроновъ у нихъ не было. Но, такъ какъ разоружить поголовно всѣ затронутой революціонной пропагандой части не представлялось возможнымъ, ибо тогда не хватило бы войска для несенія караульной службы, то въ силу необходимости наилучше репропагандированная часть въ гарнизонѣ, „Брестскій“ полкъ, представлявшій большую опасность для „спокойствія“ властей, все же оставался въ полномъ вооруженіи. Нѣкоторую долю безпокойства причинялъ властямъ и другой полкъ, стоявшій постоянно въ Севастополѣ, это — „Бѣлостокскій“.

Для парализованія этой опасности отъ ненадежнаго гарнизона, въ Севастополѣ были временно расквартированы части, вызванные изъ другихъ городовъ. Изъ Одессы былъ присланъ баталіонъ стрѣлковаго полка, изъ Феодосіи пять ротъ Вилевскаго полка, изъ Павлограда баталіонъ Керчь-Зикульскаго полка и изъ Симферополя нѣсколько ротъ Литовскаго полка, число коихъ постоянно мѣнялось.

Нѣкоторые изъ этихъ частей были присланы въ Севастополь для усиленія гарнизона, такъ какъ мѣстныхъ войскъ не хватало для несенія караульной службы, а нѣкоторые баталіоны имѣли специальное назначеніе: „содѣйствіе гражданскимъ властямъ“, т. е., не-престу говоря, назначались для несенія полицейской службы. За состояніемъ духа въ этихъ баталіонахъ власти слѣдили особенно зорко. Чтобы изолировать солдатъ отъ вѣшняго міра и для предотвращенія таковыхъ образомъ „заразы“, тамъ введенъ былъ положительно монастырскій режимъ. Отлучки въ городъ дозволялись лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ казармы посторонніе не допускались безъ осмотра ихъ дежурнымъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ практиковалось „приематриваніе“ за „постороннимъ“ все время его пребыванія въ казармахъ. Часто производились обыски въ сундукахъ солдатъ въ надеждѣ отыскать „крамольные листки“. Часть офицеровъ обязана была жить въ казармахъ, въ отвѣденныхъ для этого помѣщеніяхъ. И не смотря на, въ полномъ смыслѣ тюремное заключеніе этихъ баталіоновъ, не только возмущенія, но, даже, недовольства въ средѣ солдатъ не было. Далеки они были также отъ всякихъ крамольныхъ поползновеній. На то были, конечно, свои причины.

Дѣло въ томъ, что солдаты этихъ частей получили усиленные оклады. Въмѣсто полагающихся нижнему чину 50 копеекъ въ мѣсяцъ, каждый рядовой этихъ баталіоновъ получалъ около пяти рублей (то

15 коп. въ день суточных.)*) Привилегія были слишкомъ велики, чтобы не дорожить ими.

Одинъ изъ командировъ такого баталіона, которому выпало „стачіе“ быть назначеннымъ „для содѣйствія гражданскимъ властямъ“, обратился даже къ солдатамъ съ такой рѣчью:

— Помните, ребята, что какъ только среди васъ заведется крамола, баталіонъ вышлуетъ изъ Севастополя и прощай ваши суточные. Такъ вы сами смотрите другъ за другомъ, чтобы этого не было.

Дружное: „постараемся“ — было отвѣтомъ. Баталіоны эти были постоянно „на чеку“, — днемъ и ночью готовы выступить по тревогѣ. Для практики зачастую устраивались ложныя тревоги.

Врагъ революціи былъ слишкомъ уменъ, чтобы не оцѣнить превосходства „быстроты и натиска“, въ особенности по отношенію къ деморализованному врагу, на полеженіи котораго неминуемо должна отчуждаться всякая воетамная воинская часть до тѣхъ поръ, пока не выбраны новые начальники и не восстановлена нарушенная организація.

Чтобы парализовать могшее произойти въ гарнизонѣ востаніе, были выработаны рядъ цѣлесообразныхъ приемовъ борьбы. О нихъ распространяться не буду. Изъ дальнѣйшаго изложенія происшедшихъ событій они станутъ ясны.

Врагъ нашъ былъ силенъ. Уроками прежнихъ востаній пользовался и онъ.

Въ станіи же революціи дѣла были плохи. Шли, по обыкновенію, раздоры. И это явленіе, характерное для русскихъ революціонеровъ, я не могу обойти здѣсь молчаніемъ.

С.-д. принимать участіе въ выступленіи не собирались. Въ Вѣлостокскомъ полку у нихъ имѣлась своя организація среди солдатъ. Въ Вѣлостокскомъ же полку была и безпартійная организація, входившая въ составъ „Всероссійскаго Союза солдатъ и матросовъ“, руководимаго, какъ уже было сказано, с.-р.-ми. Послѣ того, какъ вопросъ о востаніи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, с.-р. начали вести въ Вѣлостокскомъ полку агитацію за востаніе, а с.-д. — противъ востанія.

Въ этотъ же періодъ подготовки къ востанію произошелъ провалъ. Нѣсколько человекъ было арестовано. Многія связи порваны. Были основанія опасаться дальнѣйшихъ проваловъ. Первое напряженіе у участившихъ достигло высшаго напряженія. Дальнѣйшая работа приняла характеръ нервной, лихорадочной дѣятельности. Шансовъ на успѣхъ положительно не было. Участіе въ подобномъ востаніи казалось мнѣ равносильнымъ сознательному содѣйствію разгромленію организацій, на созданіе коихъ было положено такъ много труда. Я отказался.

Прощаясь съ друзьями, сказать, что, когда они умрутъ, мы (говорилъ — мы, такъ какъ не одинъ только я отъѣзжалъ) станемъ на ихъ мѣсто и будемъ работать надъ созданіемъ новой организаціи.

Впрочемъ, прѣдя домой, я рѣшилъ, что наблизиться предстоящаго водевворета мнѣ не удастся. Неминуемо я долженъ былъ быть въ него вовлеченъ. Я служилъ въ баталіонѣ 52-го пѣхотнаго Виленскаго полка, призванномъ въ Севастополь „для содѣйствія гражданскимъ

*) Офицеры въ низшихъ чинахъ получали въ мѣсяцъ на 45 руб. больше обычного жалованья. Кроме того, одновременное пособіе въ размѣрѣ двухмѣсячнаго оклада и то прибитыи въ Севастополь первые два мѣсяца давали квартирные, а семейные получали ихъ на протяженіи всего времени стоянки въ Севастополѣ.

властям“, и въ случаѣ возстанія насъ двинули бы для усмиренія въ первую голову. Поступать же противъ своихъ убѣжденій я не соби-рался, а потому и гибель моя была очевидна.

Вскорѣ послѣ моего отказа пришелъ ко мнѣ поручикъ Н. и со-общилъ, что въ Бѣлостокскомъ полку состоялось собраніе представи-телей ротъ и они вынесли резолюцію, что солдаты ихъ полка при-мутъ участіе въ возстаніи, а съ тѣми, кто будетъ вести агитацію противъ возстанія (намекая на с.-д.) расправятся немилосердно, и что послѣ этого представитель с.-д. военной организаціи заявилъ о со-гласіи с.-д. участвовать въ возстаніи. Н. предлагалъ и мнѣ сдѣлать то-же.

Отчасти подъ влияніемъ его сообщеній и полученнаго мною вѣ-вѣстія о переходѣ войскъ изъ лагеря въ городъ, нѣсколько видо-измѣнившихъ печальный характеръ существовавшей обстановки, а отчасти вслѣдствіе вышеупомянутой невозможности сохранить себя для будущей дѣятельности, я согласился.

Перехода къ описанію полученнаго соотношенія силъ правитель-ства и революціи и ихъ распределенія въ городъ, я долженъ сказы-нѣсколько словъ о Севастополѣ.

Городъ этотъ расположенъ на западномъ берегу Крыма. Съ моря онъ защищенъ цѣпью береговыхъ батарей. Широкомъ и длиннымъ заливомъ, носящимъ названіе „Сѣверной бухты“ и тянущимся съ за-пада на востокъ, городъ дѣлится на двѣ части. Сѣверная — такъ и называется „Сѣверной стороною.“ Южная же въ свою очередь, дѣ-лится „Южной бухой“, отходящей отъ „Сѣверной“ подъ угломъ въ 90 градусовъ, на двѣ части: „Корабельную сторону“, къ востоку отъ бухты, и на западную часть, гдѣ собственно и находится городъ.

Лучшія силы революціонеровъ расположены были слѣдующимъ образомъ:

На „Сѣверной сторонѣ“ полевая артиллерія (бригада). Организаціи среди солдатъ тамъ были очень сильны. На „Корабельной сторонѣ“ былъ расположенъ Брестскій полкъ. И по количеству организованныхъ въ революціонные кружки солдатъ и по боевому духу, царив-шему въ немъ, онъ безусловно занималъ первое мѣсто среди всѣхъ распропагандированныхъ частей гарнизона. Минимальное количество солдатъ въ ротѣ, входившихъ въ революціонную организацію, было 20; максимальное — 30.

Въ „Сѣверной бухтѣ“ стоялъ флотъ. Революціонныя организаціи тамъ были настолько сильны, что въ возможности захвата флота революціонерами мы не сомнѣвались. (Числовыхъ данныхъ, къ сожа-лѣнію, не помню).

Всѣ вышеупомянутыя части должны были по плану возстанія под-няться въ одно время. Полевая артиллерія снарядовъ не имѣла, а потому въ моментъ возстанія могла бы сдѣлаться жертвой 6 ротъ пѣхоты, находившихся на „Сѣверной сторонѣ“ (въ которыхъ не было даже и связей у революціонеровъ) и, кромѣ того, могла обстрѣливаться съ бухты двумя учебными суднами, а потому рѣшено было, что въ мо-ментъ возстанія она должна сняться съ мѣста и, объѣхавши вокругъ „Сѣверной бухты“, присоединиться къ Брестскому полку.

На сѣверной же сторонѣ была расположена рота саперъ, симпатіи оныхъ склонялись на сторону революціи, но значенія они не имѣли, акъ какъ были, какъ уже упоминалось выше, разоружены.

Послѣ возстанія полевой артиллеріи, флота, Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, должны были возстать остальные подготовленные революціонерами части, какъ-то: нѣсколько ротъ пѣхоты, расположенной неподалеку отъ главной части города, у „артиллерійской бухты“; стоявшая въ той же части города рота минеровъ; телеграфная рота, казармы коей находились въ промежуткѣ между Брестскимъ и Бѣлостокскимъ полками, и часть флотскаго экипажа, находившаяся на берегу, въ казармахъ Морского Вѣдомства. Кромѣ того, частью въ городѣ, а частью въ лагерныхъ баракахъ стояли крѣпостные артиллеристы, хотя и настроенные революціонно, но не игравшіе никакой роли, такъ какъ у нихъ не было ни пушекъ, ни ружей, а, по сосѣдству съ баталіономъ, бывшимъ въ лагерѣ*), къ тому же, стояли вполнѣ преданные правительству казаки и эскадронъ Крымскаго коннаго полка. Остается упомянуть про центръ правительственной силы, про тотъ „кулак“, на который власти не безъ основаній рассчитывали и которымъ они могли подавить всякія начинанія со стороны революціонеровъ. Это были три баталіона пѣхоты, расквартированные въ нѣсколькихъ стагахъ шагахъ сѣвернѣе Брестскаго полка, въ казармахъ Морского Вѣдомства.

Революціонныхъ организацій въ этихъ баталіонахъ не было. Были раньше кое-какія связи съ отдѣльными солдатами, но и тѣ были порваны при выше упоминавшемся провалѣ.

Въ первый періодъ подготовки къ вооруженному возстанію, когда войска были въ лагеряхъ, а этотъ „кулак“ въ тѣхъ же казармахъ Морского Вѣдомства, т. е. на большомъ разстояніи отъ частей, которыя должны были возстать, онъ представлялъ, несомнѣнно, большую опасность для насъ, ибо не было тогда никакихъ надеждъ парализовать его грозную для насъ боеспособность противъ „внутренняго врага“. Приходилось считаться съ тѣмъ фактомъ, что возставшіе Брестскій и Бѣлостокскій полки, безъ наличія, почти, офицеровъ, принуждены будутъ вступить въ бой, плачевный исходъ коего былъ для насъ очевиденъ.

Теперь же, когда по близости казармъ Морского Вѣдомства стоялъ Брестскій полкъ, явилась возможность обезвредить расположенныя въ нихъ правительственныя войска. Сдѣлать это поручено было мнѣ.

Въ моментъ возстанія я долженъ былъ быть въ Брестскомъ полку, принять командованіе надъ дежурной ротой, т. е. ротой, всегда готовой къ боевымъ дѣйствіямъ, и вести ее въ баталіонъ Виленскаго полка, ближе всѣхъ расположеннаго отъ Брестскаго.

Съ этой ротой я рассчитывалъ овладѣть всѣмъ баталіономъ Виленскаго полка, полагая его застать врасплохъ. Кромѣ того, я надѣялся на свой авторитетъ. Я былъ офицеромъ въ этомъ баталіонѣ, и мнѣ въ голову даже не приходила мысль, чтобы солдаты, въ особенности той роты, гдѣ я служилъ, осмѣлились бы препятствовать моимъ распоряженіямъ. Надо знать психологію забитаго дисциплиной солдата и гипнотизирующее на него дѣйствіе офицерскихъ погонъ, чтобы понять, что расчеты мои не были безъ основаній.

Къ тому же я, зачастую разговаривая на политическія темы наединѣ то съ однимъ, то съ другимъ изъ солдатъ, зналъ, что и среди нихъ были сторонники революціи. Они были не организованы, но, при случаѣ, къ возставшимъ примкнули бы.

*) Лагерь находится къ югу отъ казармъ Бѣлостокскаго полка на разстояніи полуверсты.

Обезвредивши баталіонъ Виленскаго полка и передавши оружіе матросамъ, расположеннымъ въ сосѣднихъ казармахъ, я могъ бы, смотря по обстоятельствамъ, двинуться дальше по направленію казармъ двухъ другихъ баталіоновъ, или забаррикадироваться въ одномъ изъ зданій казармъ Морского Вѣдомства и отрѣзать такимъ образомъ эти два баталіона отъ Брестскаго полка.

Все это должно было происходить въ темнотѣ.

Возстаніе было назначено въ 4 часа, въ ночь съ 14-го на 15-ое сентября.

Но, прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ событій, я долженъ вернуться немного назадъ, дабы вывести на сцену одну, являющуюся типичнымъ представителемъ, личность, игравшую видную роль въ этомъ дѣлѣ и не лишенную интереса въ психологическомъ отношеніи, которую я зналъ подъ кличкой „Александръ.“

„Александръ“ былъ рядовымъ Брестскаго полка. Человѣкъ развитой. Познакомился съ нимъ я на одномъ изъ собраній „Повстанческаго Комитета“. Не скажу, чтобы онъ произвелъ на меня особенно хорошее впечатлѣніе. Въ немъ сквозила чреамѣрная самоувѣренность и честолюбіе. Онъ былъ грузинъ и человѣкъ, повидимому, рѣшительный. Говорили, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ полку и особенно среди своихъ земляковъ. Дѣйствительно, большая доля труда по организаціи Брестскаго полка лежала на немъ. И если принять во вниманіе, что это была наилучше распропагандированная часть въ гарнизонѣ, служившая краеугольнымъ камнемъ при работѣ революціонерами плана возстанія, то становится понятна та видная роль, въ которой оказался „Александръ.“

Авторитета офицеровъ онъ не признавалъ.

— Намъ, грузинамъ, — говорилъ онъ, — офицеровъ не надо. Они нужны для русскихъ. Я только „крыкну“ и всѣ двѣсти грузинъ полка пойдутъ за мной.

Отмѣчаю этотъ фактъ потому, что дальнѣйшія событія покажутъ, насколько осторожно надо было отнестись къ подобнаго рода заявленію, къ тому же не единичному, такъ какъ нѣчто въ этомъ же родѣ заявлялось и во флотѣ. Эти же событія покажутъ, какой самообманъ скрывается иногда за подобными красивыми и выразительными словами...

Въ ночь съ 14 на 15 мы въ послѣдній разъ собрались вблизи казармъ Брестскаго полка. Отсюда всѣ разошлись по назначеннымъ мѣстамъ. Остались только тѣ, кому предстояло идти въ Брестскій полкъ. Въ числѣ ихъ былъ и я. Роль „Повстанческаго Комитета“ кончилась. Гегемонія перешла къ Брестскому полку.

До возстанія оставалось еще нѣсколько часовъ. Никогда не забуду ихъ. Мы были на свѣжѣмъ воздухѣ. Чудный, мягкій, какъ бархатъ, лунный свѣтъ проникалъ, казалось, въ самую глубь, въ самые тайники человѣческой души и, внося какое-то доселѣ невѣдомое щемящее чувство, какъ будто шепталъ: „Какъ хорошо жить! Какое чудное небо, звѣзды! Какъ хорошо все вокругъ!“

Да, умирать не хотѣлось. Никогда живнѣ не казалась такимъ дорогимъ, близкимъ существомъ, какъ тогда, передъ казавшейся неизбѣжной разлукой...

Кругомъ была мертвая тишина — развѣ изрѣдка только нарушавшаяся отдаленнымъ топотомъ конскихъ копытъ или сдержаннымъ голосомъ кого либо изъ насъ, звучавшимъ въ прозрачномъ холодномъ

воздухъ какъ-то отчетливо, громко... Говорить не хотѣлось... Мысли, неслись вереницей...

Вдругъ, со стороны Сѣверной бухты раздался сигнальный рожокъ... За нимъ другой... третій... еще и еще — безъ конца.

Порывистые мотивы сигнала, сливаясь въ общій, преисполненный какой-то тревоги, гулъ, неслись надъ омертвѣвшимъ Севастополемъ, прорѣвая свѣжій воздухъ холодной сентябрьской южной ночи, находя на каждый звукъ болѣзненный откликъ въ нашихъ сердцахъ.

Мы стояли въ оцѣпенѣннн. Что это значило? До возстанія оставалось еще около часа. Неужели во флотѣ подыались раньше времени? Если да, то и намъ нужно было итти не медля. Вотъ — вотъ, казалось, раздастся выстрѣлъ, быть можетъ, пальба, крики... Но нѣтъ... Все смолкло. Лишь въ умѣ продолжали звучать запечатлѣвшіеся торопливые звуки запоздалаго рожка... Тишина... Все по-старому. Только сердце билось сильнѣе. Душевный покой былъ нарушенъ. Мучительно медленно проходило время. Наконецъ часъ пришелъ.

Намъ, троицъ офицерамъ, нужно было итти въ чужой для насъ Брестскій полкъ и поднять его, такъ какъ своихъ офицеровъ тамъ не было. Мы знали, что властямъ было извѣстно о готовившемся возстаніи при участіи офицеровъ, а потому, во избѣжаніе задержки насъ у казарменныхъ воротъ, не надѣясь только на свой офицерскій мундиръ, придумали предлогъ, подъ которымъ насъ пропустили бы во внутрь двора. Предлогъ этотъ заключался въ томъ, что мы, гуляя за городомъ, будто-бы обнаружили сходку солдатъ и шли сообщить объ этомъ въ ближе всѣхъ расположенный Брестскій полкъ, дабы администрація его приняла соответствующія мѣры.

При приближеніи къ казармамъ чувствовалось, что дѣло обстоитъ не ладно: властямъ было извѣстно болѣе, чѣмъ мы предполагали, такъ какъ мѣры предосторожности съ ихъ стороны были приняты сверхъ обычныхъ. Вокругъ казармъ Брестскаго полка ходили усиленные патрули отъ Виленскаго полка. Около входныхъ воротъ, помимо наряда отъ Брестскаго полка, стояла рота Бѣлостокскаго полка.

— Вы что тутъ дѣлаете? — обратился одинъ изъ насъ къ солдатамъ этой роты.

— Брестцы, что ли, бунтовать хотятъ, Ваше Благородіе, такъ вотъ насъ и пригнали сюда.

— А гдѣ же ваши офицера?

— Пошли въ собраніе.

Скверно... Мы вошли во дворъ и направились къ полковой церкви, гдѣ, какъ было условлено раньше, представители дежурной роты должны были насъ встрѣтить и провести въ свою роту, которую предполагалось поднять первой. Въ ночь съ 14 на 15 сентября дежурной ротой была 5-я. Это была одна изъ наилучше подготовленныхъ по возстанію ротъ. Солдатъ, не входившихъ въ революціонную организацію, въ ней было не болѣе десятка. За дежурной ротой долженъ былъ подняться весь полкъ.

Подшли къ церкви. Тамъ — ни души. Недоумѣвая, мы пошли дальше, въ глубь двора и наткнулись на другую роту, стоящую въ полномъ вооруженіи и при офицерахъ... Повернули обратно. Удивляюсь, какъ насъ тутъ же не арестовали. Подшли опять къ церкви. Ни души. Отсутствие представителей роты ставило насъ положительно въ недоумѣніе. Что было дѣлать? Вѣдь они могли быть арестованы! Нервное напряженіе, получившее уже толчекъ для болѣзненнаго своего

развитія съ момента тревоги во флотъ — все росло. Я хотѣлъ было броситься въ казармы, но товарищи отговорили, вполне резонно заявивши, что разъ не пришли представители, стало-быть, въ ротъ что нибудь да неладно, и соваться туда нельзя. Рѣшили покинуть казармы.

Прошло четверть часа, а въ полку — тишина. Между тѣмъ было условлено, что если бы къ 4 часамъ мы почему либо не пришли, то четверть пятого солдаты должны поднять возстаніе самостоятельно. Сигналомъ къ возстанію долженъ былъ быть въ такомъ случаѣ взрывъ бомбы, которою ихъ снабдили с.-р.

Положеніе было серьезное. Безъ участія Брестскаго полка, возставшія въ другихъ мѣстахъ части обрекались на гибель. Надо было во что бы то ни стало вызвать представителей Брестскаго полка. Оказалось, что поручикъ N., бывшій съ нами, зналъ человѣка, у котораго устраивались сходки солдатъ Брестскаго полка. Пошли отыскивать его.

— Здѣсь, сказала N., указывая на маленькій домикъ. Постучали. Никто не отзывался. Начали колотить въ дверь изо всей мочи. Было уже свѣтло. Неподалеку стоялъ патруль человѣкъ изъ десяти солдатъ, съ удивленіемъ смотрѣвшихъ на насъ, да какой-то штатскій, Богъ-вѣсть чего проходившій мимо въ такую пору. „Шпикъ“, неволью мелькнуло въ больномъ воображеніи, но тѣмъ не менѣе колотить въ дверь продолжали. О конспираціи не было и помину. Не до нея было... Оказалось, что тотъ, кого мы разыскивали, жилъ въ другомъ домѣ. Пошли туда. Обитатели дома спали крѣпчайшимъ сномъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока отперли дверь. Попросили вызвать изъ Брестскихъ казармъ полковыхъ представителей. Вскорѣ они явились.

Осунувшіяся блѣдныя лица съ отпечаткомъ страданія отъ переживаемыхъ нервныхъ напряженій и какая то подавленность съ проблескомъ отчаянія во взглядѣ — не предвѣщали намъ ничего хорошаго.

— Въ чемъ дѣло?

— Все пропало! упавшимъ голосомъ сказала Александръ. Невозможно ничего сдѣлать: всѣ офицеры въ полку и сидятъ въ своихъ ротахъ. Никто не рѣшается при нихъ начать.

— А бомба?

— Бросали, да не взрывается.

Настали тяжелыя минуты тревоги за своихъ товарищей въ другихъ частяхъ. Имъ грозила вѣрная гибель. Между тѣмъ рѣшительное заявленіе делегатовъ, что съ появленіемъ офицеровъ духъ въ полку палъ и что инициатива отдѣльныхъ личностей солдатъ за собой не увлечетъ, было недостаточнымъ основаніемъ, чтобы опуститься руки и у насъ... Гибель всего дѣла, гибель товарищей была очевидна. Потрясеніе было слишкомъ велико. Товарищъ N., обхвативши руками голову и уткнувшись въ стѣну, чуть не рыдая, воскликнулъ:

— За что, за что они погибли! Неужели ничего нельзя сдѣлать?...

Но вотъ прибѣжалъ солдатъ и сказалъ, что офицеры ушли изъ ротъ въ „Офицерское Собраніе“. Послали провѣрить.

Было уже 5 часовъ. Посланные вернулись и сообщили, что намъ можно идти, такъ какъ ни въ одной изъ ротъ офицеровъ не было. Всѣ въ „Собраніи“, а нѣкоторые, даже, собирались уѣзжать въ городъ. Дѣйствительно, въ то время изъ казармъ вышло нѣсколько извозчиковъ, на которыхъ сидѣло по 3-4 человѣка офицеровъ. Ушли и солдаты Бѣлостокскаго полка. Очевидно, властямъ было извѣстно,

что возстаніе назначено въ 4 часа. Роковой часъ прошелъ благополучно, и они успокоились.

Насъ взяло раздумье: итти или нѣтъ? Вѣдь могло случиться, что и въ другихъ мѣстахъ возстанія поднять не удалось. То гда и намъ итти было не къ чему. Въ Вѣлостокскомъ полку было тихо. Въ сомнѣніе приводили только сигналы во флотъ, да не знали что дѣлается по ту сторону бухты, на сѣверной сторонѣ, гдѣ находилась полевая артиллерія. Я предлагалъ послать туда человѣка, справиться, но предложеніе было отклонено, въ виду дальности разстоянія.

Между тѣмъ, собравшіеся около насъ солдаты увѣряли, что съ уходомъ офицеровъ въ ротахъ воспрянули духомъ и требовали нашего прихода, находя, что нельзя же дѣнь возстанія безъ конца все откладывать и откладывать. Кое гдѣ выражали, даже, недовольство, что насъ до тѣхъ поръ не было.

Неизвѣстность положенія и отчасти настаиванія солдатъ заставили насъ снова тронуться въ путь. Дежурная рота была увѣдомлена о нашемъ приближеніи. Мы шли съ провожатыми по направленію не къ воротамъ, а къ провалу въ стѣнѣ казарменной ограды. Итти пришлось нѣсколько минутъ.

Не въ веселомъ настроеніи мы шли. Въ предшествовавшія минуты мы пережили и перестрадали не мало. Во мнѣ, да, какъ замѣтилъ и въ другихъ, совершился какой то надломъ. Не было уже той увѣренности, съ которой мы шли въ первый разъ, не было ни капли надежды на успѣхъ. Мы шли, не отдавая себѣ отчета, шли потому, что такъ рѣшено было раньше. Я не скажу, чтобы мое внутреннее эгонетическое существо, мое „я“ тогда умерло. Оно давало себя чувствовать; оно трепетало всѣми фибрами своей подлой трусливой души; оно говорило: „жить хочу“; но сбросить тяжелыхъ цѣпей дисциплины, дисциплины созвательной, развитой годами, ему было не въ мочь...

Мы во дворѣ. Часовые, стоявшіе у пролома стѣны, намъ не помѣшали. Рубиконъ былъ перейденъ. Возврата назадъ уже не было. Впереди — все. Стало и на душѣ какъ то легче.

Мы вошли въ помѣщеніе 5-й роты. По нашей командѣ: „въ ружье“, бросились къ пирамидамъ*) лишь нѣсколько человѣкъ и начали ихъ ломать, такъ какъ ружья были на замкахъ, но это оказалось излишнимъ, ибо ключи отъ пирамидъ тотчасъ же оказались у насъ. Между тѣмъ, остальные солдаты стояли въ верѣстельности. Въ это время подошелъ ко мнѣ фельдфебель и, приложивши руку къ козырьку, спросилъ:

— Прикажете построить роту?

Говорю: „да“.

Раздался голосъ фельдфебеля: „Построиться!“

Я прерву нить повѣствованія и скажу нѣсколько словъ о фельдфебелѣ.

Онъ былъ ярымъ реакционеромъ, быть можетъ, и не по убѣжденію, а по карманнымъ соображеніямъ, объ этомъ судить не берусь. Своей слѣжкой и безконечными доносами онъ такъ вредилъ организаціи солдатъ въ его ротѣ, что ненависть ихъ простиралась до непреодолимаго желанія убить его во чтобы то ни стало. Какъ я узналъ уже впоследствии, исполнить это въ моментъ возстанія было поручено одному изъ солдатъ той же роты. Безъ сомнѣнія, фельдфебель зналъ о существованіи очень сильной революціонной организаціи въ полку

*) Стойки для ружей.

и, быть может, вѣрилъ въ возможность ея побѣды. Чувство ли самосохраненія или низкій расчетъ, не знаю, заставилъ его играть намъ въ руку. Быть можетъ, въ случаѣ нашей неудачи, онъ рассчитывалъ отвертѣться передъ своимъ начальствомъ, ссылаясь на приказаніе офицера. Сомнѣнія же въ томъ, что я, дѣйствительно, былъ офицеромъ, у него не могло быть, такъ какъ одно время я былъ прикомандированъ къ Брестскому полку и фельдфебель зналъ меня лично.

Какъ бы то ни было, но онъ помогъ намъ не мало. Приказаніе своего начальника, въ подлинности коего не могло быть никакихъ сомнѣній, имѣло должное воздѣйствіе, и люди построились. Впрочемъ, и тогда не всѣ. Нѣкоторые пытались ускользнуть куда-нибудь; и некоторые прятались въ кровати, подъ одеяла, притворяясь снами. Лишь послѣ нѣсколькихъ окриковъ фельдфебеля, который, къ слуху сказать, товарищемъ Z. былъ на всякій случай обезоруженъ, и благодаря энергичной дѣятельности N., построились всѣ. Въ то время, когда строилась рота, вбѣжалъ въ помѣщеніе командиръ 5-й роты и спросилъ, кто приказалъ ее строить, но тотчасъ же, замѣтивши насъ, офицеровъ, закричалъ солдатамъ: — не слушайте, это передѣтые заговорщики, и бросился вонъ, скомандовавши: „рота за мной.“ Ни одинъ не тронулся.

Рота была выстроена. По привычкѣ провѣрять, все ли въ исправности, подошелъ я къ одному изъ солдатъ и открылъ поясную сумку. Патроновъ тамъ не было. Оказалось, что и у остальныхъ также. Приказано было раздать патроны... А время текло и текло, каждой минутой своей, казавшейся вѣчностью, задиравъ за нервные струны.

Наконецъ, все было улажено. Товарищъ N. обратился къ ротѣ съ рѣчью, гдѣ указывалось на цѣль нашего прихода. Рѣчь его кончилась словами: „пойдете за нами?“ Гробовое молчаніе было отвѣтомъ.

— Ну что же вы? — съ ироніей въ голосѣ обратился N. къ ротѣ. Въ этой ротѣ за возстаніе было подано около 70 голосовъ.

— Пойд... — раздалось два три голоса и, какъ бы испугавшись своего одиночества, замерли. Возмущенный этимъ N. обратился къ ротѣ:

— Кто не хочетъ идти съ нами, можетъ выйти изъ строя. Намъ трусовъ не надо! — Никто не шевельнулся. Передъ нами стояли неподвижные страхомъ, на лицахъ которыхъ сквозила какая то безнадежность. Многие тряслись. Тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Впрочемъ, я не беру на себя смѣлости наложить пято осужденія на всю роту. Я стоялъ въ тотъ моментъ противъ середины ея, и что дѣлалось въ правомъ флангѣ, гдѣ находились наиболѣе рѣшительные, построившіеся первыми солдаты, я не видѣлъ. Впослѣдствіи уже товарищъ N. указывалъ, что мы сдѣлали ошибку, не покинувши казармы на тотъ моментъ. Я съ нимъ согласился. Дѣйствительно, какова иронія судьбы! Не мы хотѣли возстанія. Въ свое время нами было сдѣлано все для предотвращения его. Темная еще въ evening цѣломъ солдатская масса, морально убогая въ моментъ идейныхъ возстаній, когда въ наличности нѣтъ поднимающихъ духъ стимуловъ, въ родѣ „черной въ борщъ“ или „гнилыхъ сапогъ“ и когда жесткая рукавица врага можетъ лѣпить изъ нея что угодно, эта масса была главной виновницей возстанія. Теперь она спасовала, и мы, какъ бы помѣнявши съ ней ролями, толкали ее на то, что на нашъ взглядъ было глупо, безцѣльно... Но ошибка была сдѣлана. Мы вывели роту на дворъ. Собой она отрывала офицерское собраніе отъ остального полка.

Одновременно съ нашимъ выходомъ выбѣжали изъ собранія офицеры полка. Оказалось, что разбѣхались по домамъ очень немногіе. Остальные были въ собраніи. Они съ револьверами въ рукахъ бросились на насъ. Медлить было нельзя. Офицеры были въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ. Въ это время выбѣжалъ впередъ одинъ изъ солдатъ, бывшій не въ строю, и съ такимъ остервенѣніемъ бросилъ все ту же, не взорвавшуюся продолговатой формы бомбу, что половина ея осталась у него въ рукъ, а половина полетѣла въ офицера въ. Выбѣдъ за тѣмъ я произнесъ команду, по которой рота взяла „наготовку“, т. е. приготовилась къ стрѣльбѣ. Офицеры остановились и, махая руками, кричали солдатамъ: „не стрѣлять, не стрѣлять!“ Я думалъ, что достаточно будетъ ограничиться только угрозою, а потому открывать стрѣльбу не намѣревался. Но офицеры, увидѣвши, что по нимъ не стрѣляютъ, ободрились и бросились снова на насъ. Надо было дѣйствовать, а не мѣть происходила борьба. Отвращеніе къ убійству и сознаніе тяжести моральной отвѣтственности были такъ велики, что я чувствовалъ себя не въ силахъ произнести роковыя слова. Отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что я переживаю въ тѣ секунды, теперь трудно. Мысли носились такой густой и нестройной вереницей, что возстановить ихъ я не берусь. Скомандовалъ бы я ровное: „рота пли“, не знаю. Эти слова, произнесенныя другимъ офицеромъ, замѣтившимъ мою нерѣшительность, прозвучали въ моихъ ушахъ въ тотъ моментъ, когда я не могъ дать себѣ отчета, что я долженъ дѣлать.

Раздался залпъ. Стрѣляли не всѣ солдаты. Большая часть офицеровъ бросилась назадъ. Остальные замялись на мѣстѣ. Убитыхъ и раненыхъ не было. Оставшіеся офицеры что то кричали. Нѣкоторые изъ солдатъ безъ всякой команды открыли по нимъ беспорядочную стрѣльбу. Тогда всѣ офицеры бросились бѣжать. Двое упали. Ихъ корчащаяся тѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ произвели тяжелое, неагладимое впечатлѣніе. Солдаты какъ бы испугавшись того, что они стрѣляли, стояли въ оцѣпенѣніи.

Между тѣмъ одинъ изъ увидѣвшихъ, командиръ 5-й роты, капитанъ Новиковъ поднялся и приказалъ барабанщику бить тревогу. Мы не припаивали, такъ какъ и въ нашихъ интересахъ было поднять тревогу, дабы заставить остальные роты присоединиться къ намъ, чего, не смотря на наши крики, до тѣхъ поръ ни одинъ солдатъ во всемъ полку дѣлать не собирался. Солдаты, высыпавши во дворъ и столпившись у ретныхъ крылецъ, оставались безмолвными зрители. Даже тогда, когда стали бить тревогу, никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста. Положеніе наше было отчаянное. Ряды нашей роты рѣдѣли: многіе, покидая строй, скрывались въ казарму. Остальные стояли какъ бы прикованные страхомъ, блѣдные, осунувшіеся.

Изъ офицерскаго собранія въ это время вышелъ подпоручикъ Гребенюкъ. Въ рукъ у него былъ револьверъ. Ровнымъ, неспѣшнымъ шагомъ онъ шелъ въ нашу сторону.

— Смотрите, онъ къ намъ идетъ! Это нашъ! крикнулъ одинъ изъ товарищей.

Но напрасна была эта радость. Гребенюка я зналъ. Онъ былъ нашимъ врагомъ и, несомнѣно, шелъ намъ вредить. Когда я это сказалъ, онъ выхватилъ у одного изъ солдатъ винтовку и хотѣлъ съ нами покончить. Я отговаривалъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ были нужны новыя жертвы? Все равно дѣло было проиграно. Солдатъ въ нашей

ротъ осталось немного. Помощи ждать было не откуда. И, даже, отчаянный акт на который мы могли бы рѣшиться, если бы въ руках у насъ были солдаты съ инымъ духомъ и настроеніемъ, пользы намъ не принесъ бы. О востаніи въ Брестскомъ полку, внѣ сомнѣнія, уже было извѣстно высшей администраціи войскъ гарнизона (такъ какъ телеграфъ испортить мы не успѣли, въ виду спѣшности подготовки къ востанію, хотя объ этомъ и были разговоры раньше) и черезъ нѣскольکو минутъ могли показаться враждебныя намъ части.

Между тѣмъ Гребенюкъ, идя одинъ прогивъ всѣхъ, и какъ бы чувствуя бесполезность бывшаго у него въ рукѣ револьвера, вложилъ его въ кобуръ.

Товарищъ N. не могъ сдержать порыва своей благородной души и воскликнулъ :

— Какой молодчина! Посмотрите, какъ лихо идетъ!

Я не знаю, получилъ ли Гребенюкъ приказаніе отъ командира полка или поступалъ по собственной инициативѣ, но цѣль его мнѣ была ясна. Онъ вошелъ въ свою роту, пройдя мимо насъ въ шагѣхъ десяти. Съ минутой на минуту надо было ждать нападенія его роты на нашъ флангъ. Изъ-собранія же въ это время уже вышелъ караулъ, подталкиваемый сзади снова высыпавшими офицерами. У насъ осталось 5-6 солдатъ. Остальные скрылись въ помѣщеніи роты. Товарищъ N, стоявшій недалеко отъ дверей, пробовалъ было имъ преградить путь, но тщетно. Впоследствии я узналъ, что нѣкоторые изъ солдатъ проявляли даже намѣреніе приколотъ его.

Все было кончено! И какъ позорно! Была пролита кровь и должны были быть еще казни! А что было достигнуто? Оставалось покончить съ собой. Въ эту минуту я былъ почти въ объятіяхъ смерти, и никогда она не казалась мнѣ такой привлекательной. Хотѣлось уйти изъ этого мѣра. Забыться. Забыться на всегда... Въ рукѣ у меня револьверъ...

— Пойдемте, тутъ намъ больше нечего дѣлать! — услышалъ я голосъ товарища.

Встрепенувшись, какъ будто проснувшись отъ тяжелаго сна, я оглянулся. Товарищи уходили. Машинально пошелъ за ними.

Тутъ я увидѣлъ Александра. Съ шинелью въ накидку стоялъ онъ поодаль, сзади, безучастнымъ зригелемъ. Даже онъ не сдѣлалъ попытки пойти въ свою роту, гдѣ его носили чужъ не на рукахъ, и поднять ее. N. не выдержалъ и воскликнулъ :

— И ты Александръ! Гдѣ же твои дѣвети грузинъ?

Мучительно было видѣть, какъ искажилось его лицо отъ стыда и страданія. Онъ отвернулся.

— А какъ быть съ солдатами? слышу голосъ.

Остановились. Оставшіеся 5-6 солдатъ стояли въ оцѣненіи, не зная, что дѣлать. Предложили идти съ нами. Трое пошли. Остальные скрылись въ ротное помѣщеніе.

Мы шли по двору, гдѣ все еще толпились солдаты, смотря на насъ, смотря и сочувствуя и, быть можетъ, страдая за трусость свою. Черезъ проломъ въ стѣнѣ, гдѣ часовые отдали намъ воинскую честь, мы вышли изъ казармы.

Погоня снаряжена была не скоро. Нужно было арестовать сначала крамольную роту... Мы, трое, спаслись. Солдаты же были впоследствии пойманы въ Кіевѣ и казнены.

Договорить остается не много. Властямъ были извѣстны подробности плана возстанія. Были приняты съ ихъ стороны контръ мѣры. Товарищамъ нашимъ въ другихъ мѣстахъ не удалось сдѣлать, даже, и попытки къ возстанію. Флотъ въ три часа ночи былъ поднятъ по приказу главнаго командира. У ружей, находившихся на судахъ въ незначительномъ количествѣ и къ тому же запертыхъ на цѣпяхъ, были поставлены съ револьверами офицеры и кондуктора и въ такомъ видѣ флотъ былъ выведенъ въ море. Около казармы полевой артиллеріи, были арестованы поручикъ запаса Глинскій и партійный работникъ Никитинъ. Они должны были въ 4 часа поднять артиллерию. Арестовали ихъ послѣ пяти часовъ утра. Попытки къ возстанію ими не было сдѣлано, очевидно, нельзя было. За жизнь ихъ мы были спокойны.

Казалось, все было къ лучшему; организаціи среди солдатъ и матросовъ цѣлы. Но, начался судъ. Безумный страхъ передъ смертью и надежда раскаяніемъ спасти жизнь давали пищу для оговоровъ. Начались аресты. Организаціи были разгромлены.

Глинскій и Никитинъ были казнены. Ихъ казнили спустя много мѣсяцевъ послѣ ареста. За что?

Вѣроятно, надо было выместить злобу за происшедшее въ Брестскомъ полку. Шестерыхъ солдатъ казнили такъ себѣ, для острастки, чтобы другимъ не повадно было, ну, такъ какъ мы „зачинщики и подстрекатели“, виновные въ происшедшемъ, скрылись, то рассчитались съ друзьями нашими. Правосудіе торжествовало!

Максимовъ.

Доносы царю о русской эмиграции.

Въ предыдущихъ книгахъ „Вылого“ мы уже обратили вниманіе читателей на крайне любопытный документъ, который представляетъ собою такъ называемый „Царскій листокъ“. Этому единственному въ своемъ родѣ документу суждено, несомнѣнно, сыграть не малую роль въ цѣпи другихъ разоблаченій, которыя мы въ послѣднее время опубликовываемъ о русскомъ самодержавіи.

Мы уже дали характеристику Листка. Известно, что онъ состоитъ изъ ряда докладовъ царю, подписанныхъ директоромъ департамента полиціи и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Доклады эти, въ большинствѣ случаевъ, помѣсячные и состоятъ изъ ряда отдѣльныхъ сообщеній, рѣдко связанныхъ между собою и переводящихъ постоянно вниманіе царя изъ одной губерніи въ другую, отъ рабочихъ къ крестьянамъ, отъ перехваченныхъ писемъ къ новымъ нелегальнымъ изданіямъ. Но въ общемъ, за крайне рѣдкими исключеніями, вродѣ извѣстія о томъ, что какіе то грузинскіе князья наскандалили въ женской банѣ, всѣ сообщенія относятся къ области всероссійскаго политическаго сыска или политической неблагонадежности россіянъ.

Нѣкоторые отрывки изъ этихъ докладовъ были уже приведены въ „Выломѣ“. Въ настоящемъ очеркѣ мы даемъ всѣ тѣ сообщенія, или точнѣе, доносы, которые касаются русской эмиграціи. Мы приводимъ ихъ полностью и въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они фигурируютъ въ „Листкѣ“, исключивъ лишь одинъ докладъ о толстовцахъ, появившійся уже въ 7 № „Вылого“.

Включенные въ настоящій очеркъ доносы царю объ эмиграціи охватываютъ трехлѣтній періодъ, съ января 1897 г. по декабрь 1899 г.

Само собою разуметсяя, что въ этихъ доносахъ, источникомъ которыхъ являются „царскіе корреспонденты“ à la Бейтнеръ, Гуровичъ и Азефъ, многое переврано, перепутано. Мы сочли излишнимъ отмѣчать эти неточности, рѣшивъ вообще не сопровождать эти документы никакими комментаріями, которые только нарушили бы полицейскую чистоту ихъ.

Въ концѣ каждого сообщенія мы лишь указываемъ, изъ какого свода „заслуживающихъ вниманія“ его величества свѣдѣній оно нами заимствовано.

Редакція.

Между эмигрантами революціонерами народовольческаго направленія стало замѣчаться за послѣднее время усиленное стремленіе къ созданію своей особой организаціи, а затѣмъ и спеціального журнала, которому будетъ присвоено названіе „Народоволецъ“. Во главѣ предлагаемаго органа будетъ стоять эмигрантъ Владиміръ Бурцевъ, высланный въ 1886 г. по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію за участіе въ

государственномъ преступленіи на жительство въ Восточную Сибирь, откуда онъ черезъ два года скрылся и, проживая затѣмъ въ Швейцаріи, Болгаріи и Лондонѣ, выдавался изъ числа другихъ эмигрантовъ своей активной дѣятельностью, направленною главнымъ образомъ къ сплоченію разрозненныхъ представителей старой и новой народовольческихъ эмигрантскихъ партій. Журналь „Народоволецъ“ будетъ придерживаться программы бывшей „Народной Воли“ и проводить идею о необходимости вернуться къ системѣ террора. Съ цѣлью заручиться соотрудниками и обсудить программу, Бурцевъ въ началѣ декабря мнѣваго года посѣтилъ Парижъ, гдѣ тотчасъ же вошелъ въ переговоры съ мѣстными народовольцами. Изъявили уже согласіе принять непосредственное участіе въ журналѣ эмигранты Аркадскій, Шульмейстеръ и Шишко; будетъ принимать, по всей вѣроятности, участіе и Русановъ. Послѣдній не высказался, однако, окончательно, такъ какъ считаетъ себя связаннымъ общаніемъ во вновь предполагаемомъ заграничномъ органѣ либеральнаго оттѣнка подъ названіемъ „Земскій Соборъ“. Журналь этотъ намѣренъ издавать бывший предводитель дворянства одного изъ уѣзловъ Тверской губерніи, оставивъ поручикъ Петръ Дементьевъ, покинувшій Россію въ началѣ 80-хъ годовъ по причинамъ политическаго характера и въ настоящее время задавшійся мыслью объединить путемъ заграничнаго печатнаго органа представителей либерально-конституціоннаго движенія въ имперіи. (Подробныя свѣдѣнія о Дементьевѣ и дѣятельности его единомышленниковъ будутъ представлены въ одной изъ ближайшихъ записокъ).

Изъ Парижа Бурцевъ проѣхалъ въ Бернъ, гдѣ также заручился общаніемъ содѣйствія мѣстныхъ революціонеровъ, въ томъ числѣ автора нѣсколькихъ народовольческихъ сочиненій, обращенныхъ къ русскимъ евреямъ, Хаима Житловскаго. Здѣсь же онъ вошелъ въ сношенія съ сыномъ Надворнаго Совѣтника Бончъ-Бруевичемъ, давше уже обращающимъ на себя вниманіе, какъ своей политической неблагонадежностью, такъ и въ особенности дѣятельностью въ сферѣ наданія тенденціозныхъ литературныхъ и научно-популярныхъ сочиненій для народа.

Независимо отъ швейцарскихъ эмигрантовъ, извѣстный революціонеръ Кашинцевъ, проживающій въ Болгаріи, также общалъ Бурцеву принять участіе въ предполагаемомъ журналѣ.

За всѣмъ этимъ предпріятіемъ ведется тщательное наблюденіе. (Сводъ свѣдѣній за время съ 10 по 20 января 1897 г.)

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было упомянуто, что эмигрантъ Владиміръ Бурцевъ, прибывъ въ концѣ минушаго года въ Швейцарію для переговоровъ съ мѣстными революціонными дѣятелями по поводу изданія предполагаемаго журнала „Народоволецъ“, вступилъ, между прочимъ, въ сношенія съ проживающимъ въ Цюрихѣ землемѣрнымъ помощникомъ Владиміромъ Дмитріевымъ Бончъ-Бруевичемъ, извѣстнымъ своей тенденціозною дѣятельностью по изданію литературныхъ и научно-популярныхъ сочиненій для народа.

Упомянутый Бончъ-Бруевичъ сталъ обращать на себя вниманіе въ началѣ 1894 г., когда онъ поступилъ на службу въ Москвѣ въ книжный магазинъ извѣстнаго богача Прянишникова, собственника издательской фирмы „Народная Библіотека“. Успѣвъ въ скорости же

овладѣть довѣріемъ Прянишникова, Бруевичъ сталъ фактически во главѣ фирмы и направилъ дѣятельность послѣдней на изданіе произведеній печати исключительно тенденціознаго характера. Такъ, были изданы, составленный самимъ Бончъ-Бруевичемъ, сборникъ „Родныя Пѣсни“, избранныя произведенія русской поэзіи, въ которомъ, между стихотвореніями извѣстныхъ писателей, помѣщены излюбленныя радикальной молодежи произведенія, какъ напримѣръ „Утесъ“ (Навропкаго) и т. п.; переведились и часто подготавливались къ изданію сочиненія Миркса, Родбертуса, Лафарга, „Революціонный Парижъ“ и др. Независимо сего, Бруевичъ занимался торговлею народными книгами, преимущественно тенденціознаго направленія; съ этой цѣлью онъ снималъ помѣщенія во время вербныхъ базаровъ, изъ которыхъ упомянутыя книги и продавались студентами, принадлежащими къ землячскимъ организаціямъ.

Черезъ нѣсколько времени Бруевичъ вынужденъ былъ, однако, разойтись съ Прянишниковымъ, но, чтобы не покидать издательскаго дѣла, вступилъ въ число членовъ издательской комиссіи Московскаго Комитета Грамотности; пользуясь своими связями, онъ намѣревался склонить нѣсколькихъ членовъ этого комитета, располагающихъ средствами, на выдачи ему субсидіи для изданія народныхъ книгъ и стремился организовать въ Москвѣ общественную народную бібліотеку.

Проживая въ Москвѣ, Бончъ-Бруевичъ находился въ сношеніяхъ съ многими политически неблагонадежными лицами, въ томъ числѣ съ семействомъ Величкиныхъ, Владиміромъ Сыцялко, Сергѣемъ Горюшинымъ, извѣсткою Цебриковою и другими. По показаніямъ привлеченныхъ къ дознанію о „Московскомъ рабочемъ союзѣ“, Бруевичъ принималъ участіе въ преступной дѣятельности этого общества вмѣстѣ съ обвиняемыми по сему дѣлу Дмитріемъ Солодовниковымъ и Павломъ Колокольниковымъ, а также черезъ его посредство Вѣра Величкина, по порученію послѣдователя Графа Толстого, Владиміра Черткова, собирала свѣдѣнія объ отношеніи различныхъ революціонныхъ группъ къ толстовскому лжеученію.

Въ апрѣль 1896 г. Бончъ-Бруевичъ отправился въ Швейцарію, гдѣ поступилъ въ Цюрихъ въ мѣстный Университетъ. За границей онъ тотчасъ же завязалъ сношенія съ представителями мѣстныхъ революціонныхъ теченій и даже собирався осенью минувшаго года на всемірный социалистическій конгрессъ въ Лондонѣ. За послѣднее время онъ явился въ Цюрихъ однимъ изъ организаторовъ „Общества свободныхъ студентовъ“, состоящаго въ большинствѣ изъ русской учащейся молодежи. Названное общество, преслѣдуемое, между прочимъ, абсолютное равенство мужчинъ и женщинъ, приступило нынѣ къ учрежденію „агитаціоннаго комитета“ для проповѣди своего ученія. Бончъ-Бруевичъ играетъ въ новомъ обществѣ одну изъ выдающихся ролей и уже нѣсколько разъ выступалъ на собраніяхъ въ качествѣ оратора. (Сводъ съ 7 по 19 февраля 1897 г.)

Проживающіе въ Северо-Американскихъ Штатахъ представители революціонной, преимущественно еврейской, эмиграціи отпраздновали наступленіе новаго года многолюднымъ баломъ, даннымъ мѣстнымъ „русскимъ социаль-демократическимъ обществомъ.“ Чистый доходъ отъ этого бала равнялся 370 долларамъ и изъ вырученной суммы 1750 франковъ, по опредѣленію названнаго общества, будутъ отпра-

лены въ Швейцарію въ распоряженіе извѣстнаго эмигранта Плеханова, главы заграничной соціально-демократической организаціи, присвоившей себѣ названіе „Группы освобожденія труда“.

Вообще нью-іоркскіе эмигранты начинаютъ проявлять болѣе энергичную дѣятельность, значительно было ослабѣвшую въ виду партійныхъ интригъ и раздоровъ между вожаками. Поводомъ къ раздору главарей мѣстныхъ группъ служить, между прочимъ, вопросъ о томъ, какамъ образомъ эмигранты должны относиться къ недавно прибывшимъ въ Сѣверную Америку тремъ русскимъ: прапорщику запаса Петру Стрѣльцову, сыну Коллежскаго Регистратора Николаю Мелентьеву и дворянину Евстафію Константиновичу. Лица эти пріѣхали въ Нью-Йоркъ съ острова Кубы, гдѣ принимали участіе въ возстаніи противъ Испаніи, но затѣмъ добровольно явились къ испанскимъ властямъ и получили амнистію. Одни изъ числа американскихъ социалистовъ хотятъ видѣть въ названныхъ русскихъ дѣятельныхъ революціонеровъ, другіе же относятся къ нимъ, какъ къ искателямъ приключеній. Послѣдній взглядъ представляется, по видимому, болѣе правильнымъ, такъ какъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ департаментомъ полиціи, Стрѣльцовъ, Мелентьевъ и Константиновичъ, окончившіе одновременно курсъ въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ и не замѣченные затѣмъ въ чемъ либо предосудительномъ, выѣхали изъ Петербурга въ Америку съ цѣлью искать счастья въ Новомъ Свѣтѣ. (Сводъ съ 7 по 19 февраля 1897 г.)

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было уже упомянуто объ образованіи осенью минувшаго года нѣсколькихъ кружковъ соціально-демократическаго характера среди проживающей въ Вѣнѣ русской учащейся молодежи. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, по инициативѣ предсѣдателя одного изъ этихъ кружковъ, бывшаго студента Ново-Александрійскаго Института Павла Теплова, въ Вѣнѣ, въ общественной залѣ Ринахера устроена была 31 декабря вечеринка для встрѣчи Нового года съ платою за входъ по одному гульдену; на вечеринкѣ, кромѣ членовъ кружковъ, принимали участіе до 400 человекъ разныхъ національностей. Оставшаяся отъ устройства вечера сумма, въ количествѣ 340 гульденовъ, распредѣлена была затѣмъ слѣдующимъ образомъ: 50 гул. для пособія нуждающимся студентамъ; 25 гул. на усиленіе фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ, а остальные въ пользу кассы кружка. (Изъ свода 7 — 19 февр. 1897 г.)

Въ Департаментѣ Полиціи получено агентурнымъ путемъ письмо отъ извѣстнаго члена фонда Лондонской вольной русской прессы Феликса Волховскаго къ проживающему въ Болгаріи въ г. Софіи эмигранту Гавриилу Баламезу.

Сообщая послѣднему о настоящемъ положеніи дѣлъ фонда, Волховскій указываетъ, что фондъ, ослабленный отъѣздомъ на континентъ Европы такихъ дѣятельныхъ членовъ какъ Лазаревъ и Шинко, нуждается въ значительной мѣрѣ въ матеріальныхъ средствахъ, въ особенности для изданія „Летучихъ листовъ“, имѣющихъ, по его словамъ, возрастающій успѣхъ въ Россіи. Незначительность собственныхъ средствъ и неприсылка денегъ отъ единомышленниковъ изъ Имперіи ставятъ фондъ въ такое положеніе, что, какъ указываетъ

Волховскій, „подчасъ находить такое настроеніе, что все бы бросилъ“, да къ тому и идетъ дѣло — говорить онъ — „что надо будетъ бросить“. Далѣе Волховскій сообщаетъ, что ведетъ переговоры „съ однимъ росіяниномъ (бывшій предводитель дворянства одного изъ уѣздовъ Тверской губерніи Петръ Деметъевъ) объ изданіи газеты „Земскій Соборъ“, хотя и „извѣрился за послѣднее время въ этомъ чловѣкѣ“; въ заключеніе онъ проситъ Баламеза составить для „Легучихъ листковъ“ статью о русско-болгарскихъ отношеніяхъ и армянскомъ вопросѣ. (Съ 19 февр. по 17 марта 1897 г.)

Въ предыдущихъ запискахъ было уже упомянуто о намѣреніи русскихъ эмигрантовъ-революціонеровъ народовольческаго направленія приступить къ изданію особаго періодическаго органа подъ названіемъ „Народоволецъ“.

Изъ полученнаго нынѣ агентурнымъ путемъ письма, стоящаго во главѣ этого предпріятія, извѣстнаго Владиміра Бурцева къ эмигранту Ивану Кашинцу въ Волгарію, усматривается, что къ набору перваго номера „Народовольца“ приступлено въ 20-хъ числахъ сего Апрѣля (по нов. ст.), причемъ редакція встрѣчаетъ затрудненія въ печатаніи, такъ какъ располагаетъ всего 8-ю страницами шрифта, который предполагаетъ къ выходу втораго номера довести до 13, при размѣрѣ журнала въ нѣсколько десятковъ страницъ.

Кашинцевъ изъявилъ согласіе принимать участіе въ литературной сторонѣ „Народовольца“ и въ первомъ номерѣ будетъ помѣщена его статья о террорѣ. (Сводъ съ 29 марта по 25 апр. 1897 г.)

24 Мая сего года (по нов. ст.) въ г. Вѣнѣ, подѣ предсѣдательствомъ депутатовъ австрійскаго парламента Дашинскаго и Козакевича, состоялось собраніе мѣстныхъ социалдемократовъ, на коемъ присутствовало около 5000 чловѣкъ, въ томъ числѣ многие изъ числа русской учащейся молодежи. Собраніе было созвано съ цѣлью выраженія протеста противъ русскаго самодержавія и вообще правительства. Передъ его открытіемъ русская подданная еврейка Перель, невѣста бывшаго студента Новороссійскаго Университета, высланнаго безвозвратно за границу, Капелюша (имѣя занимаемая специально тайнымъ водвореніемъ въ Россію запрещенной литературы), передала Дашинскому письмо отъ эмигранта Плеханова, въ коемъ заключалась просьба указать въ рѣчи на то, что русскіе революціонеры ведутъ борьбу не только за уничтоженіе существующаго социальнаго, но и политическаго строя. Въ этомъ смыслѣ и была произнесена затѣмъ Дашинскимъ рѣчь, въ которой онъ, между прочимъ, высказалъ, что, несмотря на всѣ репрессивныя мѣры, въ г. Варшавѣ, будто бы, уже третій годъ издается русскими революціонерами газета „Работникъ“ нѣмецкимъ же социалистамъ удается водворять въ ИМПЕРІЮ до 40000 экземпляровъ разныхъ революціонныхъ изданій ежедневно.

Послѣ Дашинскаго говорилъ въ томъ же духѣ и депутатъ Козакевичъ, и затѣмъ производился денежный сборъ въ пользу революціонныхъ кружковъ въ Россіи.

Отчетъ собранія помѣщенъ во многихъ австрійскихъ газетахъ, въ томъ числѣ въ „Arbeiter Zeitung“, вырѣзка изъ коей представляется. (Приложена въ отдѣльномъ конвертѣ). (Сводъ съ 24 мая по 16 Юня 1897 г.)

Въ концѣ минувшаго года среди эмигрантовъ революціонеровъ народовольческаго направленія, по иниціативѣ эмигранта Владимира Бурцева, возникла мысль о нестоложной необходимости правильной организаціи народовольческаго кружка за границей и въ изданіи спеціального печатнаго органа этой группы, которому рѣшено было присвоить названіе „Народоволецъ“. Поступая такъ, эмигранты утверждали, что въ данномъ случаѣ они, будто бы, идутъ навстрѣчу своимъ единомышленникамъ, пребывающимъ въ Россіи, которые, не усмотрѣвъ въ дѣятельности социаль-демократовъ какихъ либо ошутительныхъ результатовъ, потеряли всякое довѣріе къ проповѣдываемымъ ими теоріямъ, и, сплотившись вновь въ самостоятельную группу, будто бы, стремятся перейти отъ слова къ дѣлу. Въ виду такого положенія дѣла, эмигранты пришли къ заключенію, что издаваемый ими органъ долженъ быть безусловно народовольческимъ, т. е. обязанъ принять во всѣхъ существенныхъ чертахъ программу „Народной Воли“ и расписаться подъ всѣмъ его прошлымъ и быть прежде всего боевымъ. Съ цѣлью заручиться сотрудниками и обсудить программу, Бурцевъ въ началѣ декабря прошлаго года посѣтилъ Парижъ, гдѣ тотчасъ же вошелъ въ переговоры съ мѣстными народовольцами, изъ коихъ изъявили согласіе принять непосредственное участіе въ журналѣ: Аркадскій, Шулмейстеръ и Шишко, Русамовъ же на приглашеніе далъ уклончивый отвѣтъ, сославшись на данныя имъ ранѣе обещанія сотрудничества въ другихъ органахъ. Изъ Парижа Бурцевъ поѣхалъ въ Бернъ, гдѣ также заручился общаніемъ содѣйствія со стороны мѣстныхъ революціонеровъ, въ томъ числѣ авторы нѣсколькихъ народовольческихъ сочиненій, обращенныхъ къ русскимъ евреямъ, Хаима Житловскаго. Здѣсь же онъ вошелъ въ сношенія съ сыномъ Надворнаго Совѣтника Владиміромъ Дмитріевымъ Бончъ-Бруевичемъ, давно уже обращающимъ вниманіе своею дѣятельностью въ сферѣ изданія тенденціозныхъ литературныхъ и научно-популярныхъ сочиненій для народа. Независимо швейцарскихъ эмигрантовъ, въ предполагаемомъ журналѣ общалъ участіе проживающій въ Болгаріи извѣстный революціонеръ Иванъ Кашищевъ, пріятель и старинный товарищъ по революціонной дѣятельности Владиміра Бурцева. Кромѣ того, къ новому органу выразили намѣреніе примкнуть Алексѣй Тепловъ, Егоръ Лазаревъ, Феликсъ Волховскій, Николай Чайковскій, Георгій Бекъ, Антонъ Гнатовскій, Хомонъ Раппопортъ и Евгений Степановъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ составъ сотрудниковъ будущаго органа, а также средства, на которыя онъ будетъ издаваться, большая часть которыхъ, будто бы, получается изъ Россіи, вновь образовавшійся кружокъ приступилъ къ обсужденію состава редакціи, причемъ во главѣ ея былъ поставленъ иниціаторъ предпріятія — Бурцевъ, но въ виду всѣмъ извѣстнаго легкомысленнаго и вѣблаломшаго его характера, было признаемо необходимымъ назначить ему соредакторомъ эмигранта Алексѣя Теплова, — чловѣка, по мнѣнію революціонеровъ, тактичнаго, практическаго и адромыслящаго. Обстоятельство это послужило началомъ къ возникновенію раздоромъ, и между участниками предпріятія, еще до появленія перваго номера журнала произошли пререканія: Бурцевъ, не признавая Теплова способнымъ для исполненія возложенныхъ на него обязанностей, самовольно устранилъ его отъ соредакторства, Тепловъ же, обиженный поведеніемъ Бурцева, отказался отъ участія въ организаціи, заявивъ, что не признаетъ за Бурцевымъ права единоличнаго редактированія „Наро-

довольца“ и въ письмѣ къ Кашиицеву просилъ установить коллективную редакцію. Въ отвѣтъ на письмо Теплова о Бурцевѣ, Кашиицевъ, упрекая послѣдняго въ небрежности въ товарищескихъ отношеніяхъ, высказалъ сожалѣніе, что онъ такъ легкомысленно и безтактно оттолкнулъ отъ общаго дѣла полезнаго человѣка.

Не смотря однако на возникшія затрудненія и разногласія, Бурцевъ въ Апрельѣ текущего года выпустилъ первый номеръ „Народовольца“ за своею скрѣпою, въ качествѣ единственнаго редактора.

Означенный номеръ заключаетъ въ себѣ двѣ статьи: одну руководящую, за подписью: „Редакція“, принадлежащую перу Кашиицева, другую же, озаглавленную: „По вопросу — что дѣлать“, писанную самимъ Бурцевымъ. Обѣ статьи заключаютъ въ себѣ прославленное прошлой дѣятельности партіи „Народной Воли“, и въ общемъ сводятся къ мысли, что терроръ, приложенный въ нужное время и употребленный противъ извѣстныхъ лицъ, могучее средство въ рукахъ революціонеровъ, для осуществленія ихъ ближайшихъ задачъ: уничтоженіе самодержавія, передача всѣхъ общегосударственныхъ дѣлъ въ руки правильно избранныхъ народныхъ представителей, федеративное устройство государства, обезпеченіе за всѣми личными правъ: права слова, печати, свободы личности и т. д.

Во время предварительныхъ переговоровъ между Бурцевымъ и вышеупомянутыми эмигрантами, старые народовольцы, въ лицѣ Лаврова, Маріи Ашониной и нѣкоторыхъ другихъ, были обидены, вслѣдствіе чего Лавровъ, крайне раздраженный такимъ отношеніемъ къ себѣ и не зная, что руководящая статья принадлежитъ Кашиицеву, помѣстивъ въ № 39 „Летучихъ листковъ“ заявленіе отъ группы своихъ товарищей, что никто изъ лицъ, находящихся за границею и принимавшихъ активное участіе въ дѣятельности партіи „Народной Воли“ въ періодъ 1879-1883 г.г., никимъ образомъ не принадлежитъ къ редакціи новаго органа.

Не взирая на постигшія, такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ новый органъ неудачи, редакція готовитъ къ выпуску второй номеръ, въ составъ котораго входятъ опять двѣ статьи Кашиицева и Бурцева. Въ руководящей статьѣ Кашиицевъ, доказывая полную невозможность устройства организаціи, какъ въ Россіи, такъ и за границей, которая охватывала бы всѣ революціонныя и оппозиціонныя партіи, въ виду разнообразія во взглядахъ на средства борьбы и въ отнѣкъ различными партіями ближайшихъ и конечныхъ цѣлей, призываетъ къ союзнической дѣятельности, исключяющей соперничество, взаимное дискредитированіе и разногласія, которыя мѣшали и мѣшаютъ искренней и союзной борьбѣ противъ общаго врага всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ — правительства.

Въ другой статьѣ, озаглавленной „Правда-ли, что терроръ дѣлаетъ, но о террорѣ не говорятъ“, Бурцевъ силится доказать, что возобновеніе террористической борьбы въ Россіи является теперь не только наиболѣе настоятельною потребностью революціоннаго движенія, но и его неизбежнымъ условіемъ. Статья эта представляетъ собою, по мнѣнію Бурцева, резюме взглядовъ, собранныхъ авторомъ при объѣздѣ своихъ единомышленниковъ въ Парижѣ и Швейцаріи.

Судить о степени сочувствія большинства эмигрантовъ къ вновь появившемуся журналу пока довольно трудно, такъ какъ до сихъ поръ, кромѣ Кашиицева и Бурцева, никто изъ нихъ не принялъ въ

„Народовольцъ“ активнаго участія, но слѣдуетъ замѣтить, что первый номеръ журнала произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе преимущественно въ кружкахъ русской учащейся за границей молодежи, не довольной мало дѣятельностью мирной революціонной пропаганды въ Россіи. Кроме того, Бурцевъ, въ перепискѣ своей съ Кашинцевымъ, старается дать понять, что если эмиграція окончательно отъ него отшатнется, то онъ имѣетъ въ виду продолжать работать съ какимъ то кружкомъ въ Россіи, съ которымъ ему, будто бы, удалось завязать сношенія.

„Народоволецъ“ печатается въ Лондонѣ, въ типографіи „Летучихъ Листковъ“, въ количествѣ 1500 экз., причемъ печатаніе каждаго номера обходится до 500 франковъ. Въ виду помѣщенной въ № 39 вышеупомянутой замѣтки Лаврова, направленной противъ редакціи „Народовольца“, Бурцевъ намѣревается окончательно порвать отношенія съ фондомъ и проситъ Кашинцева устроить сборъ на пріобрѣтеніе шрифта, котораго потребуется фунтовъ 10-12. (Сводъ съ 16 іюня по 11 іюля 1897 г.)

Наряду съ „Народовольцемъ“, въ томъ же апрѣлѣ появился за границею другой журналъ, носящій названіе „Современникъ“, ежемѣсячное политическое изданіе, посвященное текущимъ русскимъ дѣламъ. Означенный журналъ печатается въ Лондонѣ, въ типографіи Фонда Вольной Русской Прессы, редакція же его помѣщается въ швейцарскомъ городѣ Веверѣ и во главѣ ея стоитъ эмигрантъ Александръ Христовъ, побочный сынъ казанскаго помѣщика Акчурина, бывший студентъ Казанскаго Университета и бывший сотрудникъ прекратившаго свое существованіе революціоннаго журнала „Общее Дѣло“.

Исторія возникновенія „Современника“, въ общихъ чертахъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Тревожныя извѣстія о ходѣ болѣзни нынѣ въ Бозѣ почивающаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III-го въ сентябрѣ 1894 г. вызвали не только общее ликованіе среди конспиративныхъ революціонныхъ органовъ, но и пробудили къ активной дѣятельности внутри Россіи ихъ многочисленные элементы, которые, подъ именемъ „русскихъ либераловъ“, издавна мечтаютъ объ ограниченіи **МОНАРШЕЙ** власти, но до сихъ поръ не осмѣливались открыто выступить на революціонное попріще.

Первымъ признакомъ оживленія оказался „Проектъ русской конституціи“, составленный въ С.-Петербургѣ однимъ опытнымъ юристомъ и литераторомъ либеральнаго лагеря, который, будто бы, опирается на группу интеллигентныхъ лицъ, рѣшившихся добиться измѣненія государственнаго строя не посредствомъ террора, а путемъ широкой общественной агитаціи. Означенный проектъ былъ посланъ для напечатанія въ лондонскую типографію „Фонда“ съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи въ количествѣ болѣе трехъ тысячъ экземпляровъ, онъ былъ разосланъ по адресамъ земскихъ учреждений, городскихъ и сельскихъ школъ, университетовъ, а также должностныхъ лицъ. Благодаря, однако, заблаговременно принятымъ мѣрамъ, большая часть конвертовъ съ „Проектомъ конституціи“ была задержана на почтѣ, достигшіе же экземпляры особой сенсаціи въ русскомъ обществѣ не вызвали.

Не довольствуясь первой попыткой, указанная группа лицъ нашла, что легальныя средства въ борьбѣ съ Правительствомъ недостаточны

и что за границей необходимъ свой собственный органъ въ родѣ „Колокола“. Въ виду сего первоначально остановились на мысли приобрести съ этою цѣлью въ собственность издаваемые „Фондомъ“ „Легучіе листки“, но затѣмъ нѣмѣнили это намѣреніе и, по соглашенію съ членами „Фонда“, рѣшили издавать самостоятельный журналъ подъ заглавіемъ „Земскій Соборъ“, открывъ его страницы для представителей всѣхъ революціонныхъ партій и поставивъ во главѣ редакціи эмигранта Сергѣя Кравчинскаго. Внезапная смерть Кравчинскаго разстроила эти планы, въ виду чего либералы, послѣ нѣкотораго колебанія, весной прошлаго года, остановили свой выборъ на должность редактора задуманнаго журнала на бывшемъ Весьегонскомъ Уѣздномъ Предводителѣ Дворянства Петрѣ Алексѣевѣ Деметъевѣ, проживающемъ съ 1881 г. въ Америкѣ и извѣстномъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ „Тверской“.

Желая упрочить за возникающимъ изданіемъ возможно большую авторитетность, Деметъевъ, ссылаясь на денежную и литературную поддержку со стороны крупныхъ либераловъ, обратился къ наиболее серьезнымъ эмигрантамъ, въ томъ числѣ къ Лаврову, съ предложеніемъ сотрудничества. Лавровъ, однако, поздравивъ Деметъева съ выступленіемъ на попріе активной борьбы, отказался отъ сотрудничества подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ до конца жизни намѣренъ остаться вѣрнѣмъ народовольческому движенію, которое за послѣднее время, будто бы, вновь разрастается въ Россіи.

Въ іюнѣ прошлаго года Деметъевъ былъ въ Петербургѣ и затѣмъ въ серединѣ іюля уѣхалъ за границу, гдѣ видѣлся съ эмигрантомъ Егоромъ Лазаревымъ, съ которымъ обсуждалъ составленную „Фондомъ“ программу „Земскаго Собора“. По окончаніи переговоровъ Деметъевъ отправился домой въ Америку, чтобы ликвидировать тамъ свои имущественныя дѣла и, переѣхавъ въ Европу, вслѣдствіе посвятить себя надательской дѣятельности, на которую, будто бы, его уполномочили многочисленные единомышленники, которыхъ онъ, будто бы, нашель въ Россіи, а въ особенности либеральныя земцы Тверской губерніи, — Фадоръ Родичевъ и другіе.

Дѣло переселенія Деметъева въ Европу, однако, затянулось, вслѣдствіе затрудненій въ ликвидаціи его дѣлъ въ Америкѣ, а въ особенности по неполученіи имъ достаточныхъ гарантій въ томъ, что для изданія журнала будетъ достаточно обезпечено правильное поступленіе обѣщанныхъ алѣшними либерами денежныхъ средствъ. Въ ожиданіи же, пока представится возможность осуществить широко задуманное предпріятіе, Деметъевъ, по соглашенію съ Христофоровымъ, приступилъ къ изданію на свои собственныя средства вышеупомянутаго журнала „Современникъ“. Въ настоящее время уже появились три номера этого журнала, заключающіе въ себѣ, главнымъ образомъ, статьи самого Деметъева, подъ заглавіемъ „Открытыя письма къ современникамъ“, въ которыхъ онъ, выставляя на видъ современное вполнѣ, будто бы, безотрадное положеніе Россіи, какъ на единственный изъ него выходъ указываетъ на переходъ къ парламентскому режиму.

Въ концѣ прошлаго мая въ Лондонъ пріѣзжалъ изъ Россіи какой то крупный „либераль“ для переговоровъ съ эмигрантомъ Феликсомъ Волховскимъ относительно расширенія программы „Современника“. „Либераль“, однако, не только не пожелалъ присоединиться къ Де-

ментьеву, чтобы сообщая съ нимъ превратить „Современникъ“ въ большой журналъ, но даже отказалъ „Фонду“ въ денежной помощи для увеличенія средствъ „Летучихъ листковъ“. Разногласіе произошло, главнымъ образомъ, изъ-за того, что Дементьевъ не желаетъ придавать своему органу болѣе рѣзкой отгѣнокъ и твердо слѣдуетъ программѣ, которую онъ настойчиво проводитъ въ вышедшихъ 3-хъ номерахъ „Современника“. Отзываясь критически о редакторѣ этого изданія, „либераль“ нашель, что положенія, высказываемыя Дементьевымъ, слишкомъ туманны и наивны и что такой органъ не можетъ имѣть успѣха въ Россіи, такъ какъ времена измѣнились и необходимо ставить вопросъ ребромъ. Отказываясь отъ участія въ расширеніи „Летучихъ листковъ“, „либераль“ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „Листки“ слишкомъ много отводятъ мѣста рабочему движению, тогда какъ въ Россіи преобладаетъ, якобы, стремленіе къ конституціи, и во всѣхъ либеральныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы замѣчается, будто бы, сильное политическое движеніе.

Въ виду сего, впредь до окончательнаго выясненія положенія дѣлъ въ Россіи, рѣшено приостановить изданіе „Современника“ до октября мѣсяца. Дементьевъ же, по словамъ Волховскаго, „горящій желаніемъ писать и дѣйствовать“ и приславшій недавно денегъ на увеличеніе средствъ „Фонда“, предполагаетъ въ концѣ лѣта отправиться въ Россію для окончательныхъ переговоровъ съ „русскими либералами“, такъ какъ ликвидація его имущества въ Америкѣ, задержанная смертью его дочери, въ настоящее время близится къ концу, и онъ рассчитываетъ въ ближайшемъ будущемъ совершенно переселиться въ Европу. (Сводъ съ 16 іюня по 11 іюля 1897 г.)

Слухи объ усилившемся въ Россіи народофильскомъ теченіи, угрожающемъ успѣхамъ движенія социальдемократическаго, обезпокоили стоящаго во главѣ партіи „Освобожденія труда“ эмигранта Георгія Плеханова, который поспѣшилъ издать брошюру, озаглавленную „Новый походъ противъ русской социальдемократіи“, въ которой, доказывая не состоятельность туманныхъ и сбивчивыхъ народофильскихъ программъ, авторъ выступаетъ энергичнымъ противникомъ политическаго террора. Появленіе этой брошюры вызвало не только обостреніе отношеній между существующими за границей политическими фракціями, но и поселило крупные раздоры среди самихъ социальдемократовъ, причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ рѣшили выйти изъ „Союза русскихъ социальдемократовъ“ и отобрать у Плеханова принадлежавшую имъ типографію, передавши ее въ вѣдѣніе Антона Ляховскаго, который отнынѣ будетъ печатать въ ней проповѣданія „Союза“, безъ участія Плеханова. Желая успокоить своихъ единомышленниковъ, послѣдній заявилъ, что, печатая свою брошюру, онъ имѣлъ въ виду не только нанести ударъ вѣровредному народофильскому теченію, но и уступить требованіямъ русскихъ социальдемократовъ, спасающихся вторженіемъ народофильцевъ въ политическую жизнь Россіи.

Въ подтвержденіе изложенныхъ свѣдѣній имется указаніе, что въ Московскихъ кружкахъ циркулируетъ слухъ, будто бы, социальдемократы, основываясь на томъ, что Марксъ былъ не только ученикомъ и коммунаръ, выдѣлили особую фракцію, допускающую помимо пропаганды и террора.

Среди членовъ редакціи „Летучихъ листковъ“ Фонда также за послѣднее время произошли разногласія, результатомъ которыхъ явился выходъ изъ редакціи Гольденбергъ-Гейфрейдена, Волховскаго и Чайковскаго, и во главѣ изданія въ настоящее время остался эмигрантъ Исаакъ Шкловскій, а такъ какъ сей послѣдній, играя въ дѣлахъ эмиграціи второстепенную роль, не пользуется достаточной извѣстностью въ кружкахъ, то и дальнѣйшая судьба „Летучихъ листковъ“ представляется проблематичною. (Сводъ съ 16 іюня по 16 іюля 1897 г.)

4-го минувшаго іюня, въ Женевѣ, умеръ эмигрантъ Гавріиль Баламезъ.

Привлеченный въ 1878 г. къ дознанію по обвиненію въ принадлежности къ противоправительственнымъ кружкамъ, и признанный виновнымъ приговоромъ Одесскаго Военно-Окружнаго Суда, Баламезъ былъ сосланъ въ 1880 году въ Забайкальскую Область. Отбывъ срокъ ссылки, уменьшенной по манифесту, Баламезъ получилъ разрѣшеніе выѣхать въ г. Томскъ на одинъ годъ и оттуда въ 1888 г. скрылся за границу. Въ Болгаріи, гдѣ Баламезъ поселился, онъ служилъ по учебному вѣдомству и послѣднее время былъ инспекторомъ училищъ въ Софіи. Здѣсь онъ устроилъ складъ революціонной литературы и вообще поддерживалъ связи со всѣми русскими революціонными дѣятелями, проживающими за границей. Разъѣжая по дѣламъ службы въ Болгаріи, Баламезъ пользовался этимъ для сбора пожертвованій въ пользу Фонда вольной русской прессы въ Лондонѣ. (Сводъ съ 16 іюня по 11 іюля 1897 г.)

Изъ поступающихъ въ Департаментъ Полиціи укузаній усматривается, что съ конца минувшаго года стали замѣчаться признаки раскола между социалистами изъ русскихъ выходцевъ евреевъ, проживающихъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Лица эти, число коихъ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, первоначально объединились въ одну, такъ называемую, „старо-рабочую“ партію, имѣвшую своимъ органомъ газету „Arbeiter Zeitung“; партія, хотя и примыкала въ общемъ къ мѣстнымъ американскимъ социалистамъ, но не исключала изъ своей программы и поддержку русскаго революціоннаго движенія социальна-демократическаго характера, оказывая послѣднему, въ лицѣ его вожаковъ — Плеханова, Аксельрода и др., денежную помощь. Съ теченіемъ времени нѣкоторые члены партіи, преимущественно изъ состава еврейской интеллигенціи (профессоръ де-Лионъ, докторъ Гальперинъ, Кранцъ и др.) стала, однако, проводить ту мысль, что евреи, выходцы изъ Россіи, должны прервать съ ней всѣ, даже и революціонныя, связи и, сдѣлавшись чисто американцами, совершенно примкнуть къ мѣстной социалистической партіи и обратить свои усилія къ устройству социальной революціи именно въ Америкѣ. Высказывая подобныя мысли, лица эти, повидимому, руководствовались какъ тѣмъ соображеніемъ, что социальный переворотъ, гдѣ бы таковой не произошелъ, по мнѣнію ихъ, неминуемо, отразится на всемъ мірѣ, такъ и отчасти личными своими счетами съ представителями другого направленія еврейской американской эмиграціи, такъ называемыми „русскими патриотами“. Этѣ послѣдніе, дѣйствительно, пользовались еврейскими рабочими въ своихъ личныхъ дѣлахъ, какъ для того, чтобы въ качествѣ вожаковъ

играть значительную роль, такъ и для употребленія въ свою личную пользу части поступающихъ въ кассу партіи денежныхъ средствъ. Пререканія между представителями двухъ направленной повели къ тому, что наиболѣе выдающіеся „русскіе патриоты“ — Каганъ, Миллеръ, Винчевскій, Замѣткинъ и проч. — не выходя официально изъ состава партіи, составили, однако, особую фракцію съ новымъ органомъ, газетою „Впередъ“, въ которой и проводятъ мысль о необходимости оказанія американскими евреями дѣятельной помощи русскому революціонному дѣлу. Въ началѣ газета эта имѣла сравнительный успѣхъ, въ особенности между рабочими, но затѣмъ, благодаря агитации интеллигенціи, значеніе „Впередъ“ стало ослабѣвать и въ концѣ концовъ Гальперинъ, де-Люнъ и ихъ единомышленники успѣли окончательно ее дискредитировать и добились даже исключенія Кагана, Миллера и пр. изъ еврейской социалистической партіи. Послѣднимъ не осталось ничего иного, какъ примкнуть къ образовавшейся минувшимъ лѣтомъ среди американскихъ социалистовъ партіи, такъ называемаго „Deb's Movement'a или Чикагской, придерживающейся болѣе активной программы дѣйствія, чѣмъ старые социалисты. Изъ числа ихъ послѣдователей рабочихъ Миллеръ и Каганъ успѣли увлечь за собою лишь не болѣе 200 человекъ. (Сводъ съ 11 сентября по 6-ое октября 1897 г.)

Въ Департаментѣ Полиціи получена агентурнымъ путемъ копія письма эмигранта Алексѣя Теплова изъ Лондона въ Софію къ проживающему тамъ Ивану Кашищеву. Послѣдній, какъ извѣстно, принимаетъ участіе въ изданіи заграничнаго революціоннаго органа „Народоволецъ“. Тепловъ же, первоначально входившій въ составъ редакціи этого органа, въ скорости разошелся во взглядахъ съ главнымъ редакторомъ „Народовольца“ Владимиромъ Бурцевымъ. Кашищевъ составилъ въ настоящее время статью подъ заглавіемъ „Къ вопросу о причинахъ паденія „Народной Воли“, которая должна бытъ помѣщена въ слѣдующемъ, третьемъ по счету, номерѣ. Ознакомившись съ содержаніемъ этой статьи, Тепловъ въ означенномъ выше своемъ письмѣ сообщаетъ, что независимо перемѣны взглядовъ на роль террора въ политической борьбѣ, по его личному мнѣнію, въ паденіи значенія старой „Народной Воли“ играли еще значительную роль какъ успѣшныя мѣропріятія Правительства, такъ и излишняя централизація партіи, отнявшая всякую инициативу у отдѣльныхъ революціонныхъ кружковъ. Тепловъ высказываетъ далѣе надежду, что „Народоволецъ“, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, поможетъ установить „твердое революціонное понятіе“ о террорѣ, основанное какъ на исторіи русскаго революціоннаго прошлаго, такъ и на правильномъ взглядѣ на современное положеніе революціонныхъ силъ. Свой выходъ изъ редакціи „Народовольца“ Тепловъ объясняетъ тѣмъ, что хотя лично противъ Бурцева онъ ничего не имѣетъ и даже находится съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но признаетъ его за человека, съ которымъ нельзя вмѣстѣ работать или вести какое-либо дѣло. Въ подтвержденіе этого вывода онъ приводитъ фактъ, что Бурцевъ окончательно перессорился съ кружкомъ „Фонда Вольной Русской Прессы“, въ особенности Гольденбергомъ, а равно и другими выдающимися эмигрантами, напримѣръ, извѣстнымъ эмигрантомъ Эсперомъ Серебряковымъ, который изъ ненависти къ Бурцеву настоялъ на помѣщеніи

въ „Летучихъ листкахъ“ объявленія отъ старыхъ народовольцевъ, за подписью Лаврова, въ коемъ категорически высказывается, что никто изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ „Народной Волѣ“, не входитъ въ составъ кружка, редактирующаго и издающаго „Народовольцъ“.

Изъ прочихъ, приводимыхъ въ письмѣ Теплова, указаній заслуживаетъ вниманія сообщаемый имъ составъ редакціи „Летучихъ листковъ“, въ который, по его словамъ, входятъ въ настоящее время эмигранты Гольденбергъ, Волховской и Чайковскій. (Сводъ съ 6-го октября по 6 ноября 1897 г.)

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ сообщалось о существованіи въ Вѣнѣ русскаго кружка социаль-демократическаго направленія, подъ руководствомъ бывшаго студента Ново-Александрійскаго Института Павла Теплова.

Съ прошлаго года кружокъ этотъ сталъ получать субсидію отъ Вѣнскаго еврейскаго общества въ размѣрѣ 600 гульденовъ въ годъ для пособія недостаточнымъ русскимъ евреямъ изъ числа учащихся въ Австріи.

Между тѣмъ, когда въ Ноябрь сего года одинъ нуждающийся студентъ-еврей обратился за пособіемъ къ Теплому, какъ распорядителю кассы, то получилъ отказъ, мотивированный неимѣніемъ денегъ. Назначенная вслѣдствіе этого ревизія обнаружила растрату въ 800 гульденовъ, причемъ руководители кружка Тепловъ, Ваинштейнъ и Капелюшъ объяснили, что эта сумма потрачена на приобрѣтеніе и водвореніе въ Варшаву нелегальной литературы, при помощи и непосредственномъ участіи социалиста, депутата Австрійскаго парламента Дашинскаго. (Сводъ съ 6 ноября по 17 декабря 1897 г.)

Между русскими эмигрантами-революціонерами, преимущественно евреями, проживающими въ Сѣверной Америкѣ, съ конца минувшаго года распространяются особыя, присланные изъ Европы, купоны для сбора пожертвованій въ пользу находящихся въ Сибири политическихъ ссыльныхъ. Распряженіе по сбору денегъ принялъ на себя эмигрантъ докторъ Ингерманъ, черезъ посредство коего и ранѣе сего неоднократно пересылались изъ Америки пожертвованія, предназначавшіяся для поддержки русскихъ эмигрантовъ, въ особенности социаль-демократической группы Плеханова и его ближайшихъ сотрудниковъ. Экземпляръ купона при семъ прилагается. (Сводъ съ 6 февраля по 19 марта 1898 г.)

Въ февралѣ сего года, въ Женевѣ, изданы двѣ русскія брошюры подъ заглавіемъ: „Матеріалы для характеристики русской печати.“ Первая брошюра содержитъ въ себѣ историческій очеркъ русской цензуры, вторая — предисловіе и записку члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати Тайнаго Совѣтника Еленева; матеріалы для третьей брошюры, долженствующей содержать въ себѣ описаніе современнаго положенія печати, ожидаются изъ ИМПЕРІИ. Брошюры отпечатаны въ количествѣ 1000 экземпляровъ каждая и изданы Союзомъ русскихъ социаль-демократовъ по заказу и на деньги либеральнаго кружка писателей и адвокатовъ, доставшихъ письменный матеріалъ и средства для водворенія изданія въ Россію.

По тѣмъ же указаніямъ, проживающій въ Женевѣ эмигрантъ Петръ Дашкевичъ въ разговорахъ со своими знакомыми передавалъ о полученіи эмигрантами социаль-демократами письма изъ С. Петербурга о глѣтальности Начальника С. Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія Поляковика Парамидова (письмо это въполѣдствіи начетатано въ листкѣ „Работникъ“); по словамъ Дашкевича, социаль-демократы въ значительной мѣрѣ озлоблены противъ названнаго штабъ-офицера, мечтаютъ отдѣлаться отъ него какимъ бы то ни было путемъ и даже тоговариваютъ о покушеніи на его жизнь. (Сводъ съ 10 апрѣля по 15 мая 1898 г.)

Въ Министерствѣ внутреннихъ Дѣлъ получены были указанія, что извѣстный эмигрантъ Варлаамъ Аслановъ Черкезовъ*) въ серединѣ Августа минувшаго года, заручившись въ Лондонѣ швейцарскимъ паспортомъ, отправился въ Россію, причѣмъ проѣздомъ черезъ Голландію и Гамбургъ, будто бы, видѣлся съ выдающимися революціонерами съ цѣлью выработать планъ совмѣстныхъ дѣйствій, а по пути на Кавказъ намѣревался заѣхать для свиданія съ единомышленниками въ С. Петербургъ и Москву.

Изложенныя свѣдѣнія вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ Черкезова были сообщены на предметъ его розыска циркулярно по ИМПЕРІИ, причѣмъ Начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій Кавказскаго края преподаны были по сему поводу спеціальныя указанія. Не смотря, однако, на принятія мѣры, обнаружить мѣсто пребыванія Черкезова не представилось возможнымъ.

Въ настоящее время получены свѣдѣнія, что названный эмигрантъ вернулся за границу 21 ноября минувшаго года и, посѣтивъ Женеву, отправился въ Лондонъ. Изъ бесѣды и разсказовъ Черкезова о его поѣздкѣ въ Россію слѣдуетъ заключить, что изъ Голландіи онъ отправился въ Берлинъ, а оттуда въ Варшаву, гдѣ узналъ, что его петербургскій пріятель выѣхалъ изъ столицы, почему, не заѣзжая въ С. Петербургъ, онъ посѣтилъ нѣкоторые губернскаго города, а затѣмъ направился на Кавказъ. Въ Тифлисѣ онъ прожилъ около двухъ недѣль и, вѣроятно, остался бы здѣсь и долѣе, еслибы „какой то чиновникъ“ не предупредилъ его, что въ Тифлисѣ разыскиваютъ нелегальнаго революціонера. Узнавъ о грозившей опасности, Черкезовъ немедленно выѣхалъ къ своимъ роднымъ въ Грузію, гдѣ оставался около мѣсяца, послѣ чего черезъ Одессу, Константинополь и Вѣну проѣхалъ въ Швейцарію.

По словамъ Черкезова, поѣздка его въ Россію не только не имѣла существенныхъ результатовъ, но напротивъ того, дала ему возможность наглядно убѣдиться, что для осуществленія анархическихъ теорій въ ИМПЕРІИ пока еще не имѣется серьезно подготовленной почвы. Относительно же настроенія умовъ на Кавказѣ, Черкезовъ замѣтилъ, что въ Грузіи, будто бы, начинается противоправительственное движеніе, вызываемое, по его словамъ, нарушеніемъ условій договора, по коему означенная страна была присоединена

*) Князь Варлаамъ Аслановъ Черкезовъ, уроженецъ Тѣлисской губерніи, привлеченъ къ Нечаевскому дѣлу и по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сосланъ былъ на житье въ Томскую губернію, откуда весной 1876 г. бѣжалъ за границу; проживая затѣмъ въ Швейцаріи, Румыніи и Лондонѣ, Черкезовъ принимаетъ выдающееся участіе въ дѣятельности заграничной эмиграціи.

къ ИМПЕРІИ. Послѣдними своими реформами въ краѣ Русское Правительство, по мнѣнію нѣкоторыхъ грузинъ, нарушило ихъ вѣковыя обычаи и выразило намѣреніе окончательно присоединить ихъ къ русской культурѣ. Въ виду сего грузины-націоналисты снабдили Черкезова матеріалами для брошюры и прокламацій, въ коихъ должно быть изображено современное положеніе Грузіи, и необходимыми денежными средствами для напечатанія этихъ изданій и распространенія ихъ на Кавказѣ. Черкезовъ не замедлил исполненіемъ возложеннаго на него порученія и въ № 42 издаваемыхъ Лондонскимъ Фондомъ Вольной Русской Прессы Листковъ появилась уже нынѣ его статья, озаглавленная „Письма о Грузіи“. (Сводъ съ 15 мая по 9 іюня 1898 г.)

Получены свѣдѣнія, что часть русскихъ эмигрантовъ евреевъ, проживающихъ въ Сѣверной Америкѣ, преимущественно въ штатѣ Нью-Йоркѣ, намѣревается организовать въ особый кружокъ, которому присвоено будетъ наименованіе „Вспомогательный союзъ для еврейскаго движенія въ Россіи.“ Кружокъ будетъ издавать особый революціонный органъ, журналъ „Новое Время“, 500 экземпляровъ коего ежемѣсячно отправлять для распространенія въ ИМПЕРІЮ. Заправилы кружка (Кранцъ, Фейгенбаумъ и Стояъ) вошли въ сношенія съ представителями польскихъ социалистическихъ американскихъ организацій, приглашая ихъ къ совмѣстной дѣятельности по водворенію въ Россію революціонной литературы.

Независимо сего новаго кружка, въ посылкѣ подпольныхъ изданій русскимъ евреямъ принимаютъ участіе и другія еврейскія организаціи въ Нью-Йоркѣ. Такъ, кружокъ изъ Виленскихъ уроженцевъ, руководимый извѣстнымъ Миллеромъ, по полученнымъ указаніямъ, успѣлъ, будто бы, въ теченіе послѣдняго года переправить въ Сѣверо-Западные губерніи до 4000 различныхъ еврейскихъ брошюръ и болѣе 3000 рублей для поддержки мѣстнаго социаль-демократическаго движенія. (Сводъ съ 15 мая по 9 іюня 1898 г.)

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ было уже упомянуто, что проживающіе въ окрестностяхъ Лондона (мѣстечко Purleigh, близъ города Мальдона), извѣстные послѣдователи лжеученія Льва Толстого, приступили къ подготовленію изданія особаго изобличительнаго органа, специально предназначеннаго для распространенія толстовскаго ученія, причѣмъ въ основу этого изданія долженъ быть положенъ принципъ о невозможности свободы совѣсти безъ свободы политической. По полученнымъ нынѣ свѣдѣніямъ, первый номеръ упомянутаго органа долженъ выйти въ непродолжительномъ времени и нынѣ уже набирается въ устроенной, повидимому, на средства Черткова. типографіи; по желанію недавно прибывшаго въ Англію извѣстнаго князя Хилкова, журналъ будетъ носить названіе не „Жизнь“, какъ это предполагалось ранѣе, а „Совѣсть“, такъ какъ органъ этотъ посвящается обсужденію вопросовъ „свободной совѣсти и мирной жизни на началахъ разума и любви“. (Сводъ съ 6 по 24 іюля 1898 г.)

Изъ полученныхъ за послѣднее время агентурныхъ свѣдѣній усматривается, что настоящее положеніе различныхъ группъ заграничной

революціонной эмиграціи представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Народовольцы. Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ третьяго номера „Народовольца“, отпечатаннаго въ первыхъ числахъ ноября минувшаго года, извѣстный редакторъ-издатель этого органа Владимиръ Бурцевъ отправился въ Парижъ и Швейцарію съ цѣлю привлеченія къ (блгу группировавшихся въ этихъ пунктахъ народовольческихъ элементовъ и объединенія ихъ въ одну партію. Пребывающіе въ Парижѣ народовольцы, руководимые Гнатовскимъ, Софією Шейнцисъ и Беконъ, не отрицая своей солидарности съ программой и принципами названнаго террористическаго журнала, воздержались, однакъ, отъ официальнаго присоединенія къ проектировавшейся Бурцевымъ партіи и участія въ „Народовольцѣ“, — главнымъ образомъ, вслѣдствіе нежеланія Бурцева придать этому органу коллективный характеръ. Та же причина, ювидимому, воспрепятствовала полному соединенію съ Бурцевымъ и этою группою, представителей народовольцевъ стараго типа (Лавровъ, Ашанина, Русановъ), а равно и женевскихъ эмигрантовъ (Добровольскій, Дашкевичъ, Бохановскій), хотя послѣдніе и признаютъ, съ своей стороны, данную Бурцевымъ „Народовольцу“ постановку вполне правильной и соответствующей настоящему моменту. Изъ Женевы Бурцевъ отправился въ Бернъ, видѣлся здѣсь съ представителями группы социалистовъ-революціонеровъ (Житловскій, Левентисъ, Хононъ Раппопортъ), а затѣмъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и былъ вскорѣ арестованъ и привлеченъ къ отвѣтственности за воззваніе къ царевубіядству, на страницахъ „Народовольца“. Арестъ этотъ, а затѣмъ и послѣдовавшее осужденіе Бурцева англійскими присяжными произвели удручающее впечатлѣніе во всѣхъ эмигрантскихъ сферахъ; въ первое время эмигранты, Лаазаревъ и Тепловъ, предполагали было продолжать изданіе „Народовольца“, при содѣйствіи проживающаго въ Болгаріи Каминцева; впоследствии мысль эта была, однако, оставлена и Каминцевъ занялся составленіемъ новой программы, которая, по его мнѣнію, могла бы объединить въ одну партію разрозненные въ настоящее время народовольческіе элементы.

Соціалисты-Революціонеры. Заграничными представителями недавно выступившей на поле политической борьбы партіи социалистовъ-революціонеровъ являются въ настоящее время эмигранты Хаимъ Житловскій (въ Бернѣ), Хононъ Раппопортъ, Мееръ-Давидъ Соскисъ, Антонъ Гнатовскій (въ Парижѣ), Егоръ Лаазаревъ и Сруль Левентисъ (въ Швейцаріи). Лица эти составляютъ изъ себя комитетъ, вѣдающій заграничными дѣлами партіи и вмѣстѣ съ тѣмъ состоятъ фактически редакторами нынѣшняго ея органа, газеты „Русскій рабочій“. Зимой нынѣшняго года группѣ Житловскаго удалось переправить въ Россію нѣсколько транспортовъ подпольной литературы и завязать письменныя сношенія съ нѣкоторыми своими единомышленниками въ ИМПЕРІИ; въ мартѣ мѣсяцѣ отъ имени, будто бы, послѣднихъ посѣгилъ Житловскаго особый делегатъ, привозившій выработанную программу партіи, подробное изложеніе принциповъ коей сдѣлано Житловскимъ въ особой брошюрѣ „Соціализмъ и борьба за политическую свободу“, выпущенной подъ псевдонимомъ Григоровича. Партія намеревается издавать за границей особый періодическій журналъ „Соціалистъ-Революціонеръ“, предназначенный специально для интеллигенціи и переработать свой настоящій органъ „Русскій Рабочій“ въ газету исключительно для рабочихъ съ наданіемъ ея на понятномъ для послѣднихъ языкѣ.

Социалъдемократы. Запрещеніе журнала „Новое Слово“ вызвало большое оживленіе въ эмигрантскихъ сферахъ. Раздосадованные этимъ распоряженіемъ главы социалъдемократической эмиграции, Плехановъ и Аксельродъ, предположили, взаменить запрещеннаго органа, основать заграничный нелегальный журналъ подъ названіемъ „Социалъдемократъ“, но мысль эта не нашла себѣ поддержки между дѣйствующими въ ИМПЕРІИ представителями социалъдемократическаго направленія, ограничившимися присылкою эмигрантамъ довольно значительной суммы для изданія революціонныхъ брошюръ на рабочему вопросу и расширенія существующей въ Женевѣ типографіи социалъдемократическаго союза. На эти средства дѣйствительно отпечатаны были въ количествѣ болѣе 1000 экземпляровъ каждой брошюры: „Рабочій день“, „Закомъ 2 іюня“, „Объ агитаціи“, „Листокъ работника“, „Кто чѣмъ живетъ“, „Эрфуртская программа“ и т. п., которые и направлялись потомъ особыми транспортами для водворенія въ Россію, черезъ Берлинъ, при посредствѣ книжной торговли при редакціи мѣстной социалъдемократической газеты „Vorwärts“.

Польскіе Соціаллисты-Революціонеры. Заграничные представители „Союза Польскихъ Соціалистовъ-Революціонеровъ“ (Дембскій и Плохоцкій), проживающіе въ Лондонѣ, заняты, главнымъ образомъ, печатаніемъ въ принадлежащей имъ типографіи поступающихъ изъ ИМПЕРІИ заказовъ на польскія революціонныя изданія, къ числу коихъ должно въ скорѣ присоединиться новый трехмѣсячный журналъ „Swiatlo“, издаваемый независимо отъ существующихъ уже „Przedswiat“, „Robotnik'a“ и „Gornik'a“; предполагается также издать на польскомъ языкѣ „краткую исторію Великой Французской Революціи“ и „Дневникъ Вѣтровъ съ ея біографіей“. Въ Лондонѣ же образована въ недавнее время особая еврейская типографія, въ кою будутъ печататься изданія дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ „Союза еврейскихъ рабочихъ“, а равно устраивается въ еврейскомъ кварталѣ „Whitechapel“ особая русско-польско-еврейская бібліотека подъ завѣдываніемъ эмигрантовъ Теплова, Плохоцкаго и Кагана.

Представителями польской группы социалистовъ-революціонеровъ въ Швейцаріи состоятъ по прежнему Цихонкій и Миклашевскій, проживающіе въ Цюрихѣ.

Англійское общество друзей русской свободы. Не взирая на необычайную энергію эмигранта Волховскаго, сдѣлавшаго „политическую ошибку“ въ процессѣ Бурцева, выразившуюся въ защитѣ послѣдняго на страницахъ „Free Russia“ и старанія его поддержать свой прежній авторитетъ въ „Обществѣ друзей русской свободы“, многіе изъ членовъ этого общества рѣшили выступить изъ его состава; приостановлено также на три мѣсяца и изданіе самого журнала, хотя нѣкоторые изъ выдающихся англійскихъ членовъ названной организаціи (Ватсонъ, Томсонъ, Гринъ), признающіе безусловно необходимость террора для Россіи, а потому оправдывающіе и Волховскаго, прилагаютъ всѣ старанія, чтобы не допустить окончательнаго распада Общества.

Иначе обстоятъ дѣло другого русско-англійскаго журнала съ конституціоннымъ оттѣнкомъ „The Anglo-Russian“, издаваемого евреемъ Яковомъ Прилукеромъ. Названное лицо, основавъ въ минувшемъ году небольшой русско-англійскій кружокъ, задалось цѣлью ознакомить англійское общество съ государственнымъ строемъ Россіи и ея экономическими и бытовыми условіями. Придавъ своему органу либерально-конституціонное направленіе, Прилукеръ всталъ въ отношеніи къ

„Летучимъ листкамъ“ и группѣ эмигрантовъ Лондонскаго Фонда вольной русской прессы. До сихъ поръ онъ уже выпустилъ двѣнадцать номеровъ своего журнала, направленіе коего, повидимому, понравилось англичанамъ, и въ настоящее время, благодаря приливу денежныхъ средствъ. Прилукеръ намѣревается издавать газету также на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Изданіе „Летучихъ листковъ“ встрѣчаетъ значительное затрудненіе въ виду отсутствія регулярныхъ денежныхъ пособій, редакторы листковъ, Волховскій и Чайковскій, вынуждены жертвовать на изданіе листковъ свои средства и обращаться съ постоянными просьбами къ своимъ единомышленникамъ въ Россіи объ оказаніи имъ матеріальной поддержки.

Анархисты. По инициативѣ извѣстныхъ князя Кропоткина и Черкезова въ Лондонѣ образовалась „Интернаціональная антиполицейская лига“, имѣющая назначеніемъ бороться съ произволомъ, выражающимся въ превышеніи власти, вторженіи полиціи въ частныя помѣщенія и нарушенія полицейскихъ законодательствъ въ свободныхъ странахъ въ угоду „Царскому правительству“; ближайшими руководителями „Лиги“ являются нынѣ Томъ Маннъ, Киръ Гарди, Чайковскій, Волховскій и многіе англійскіе социалисты, а президентство въ обществѣ предполагается возложить на кого либо изъ выдающихся политическихъ дѣятелей Англии. Лига имѣетъ тайный отдѣлъ, руководимый Кропоткинымъ, Черкезовымъ, Реклю и другими иностранными анархистами, поставившіи своей задачей активную борьбу съ секретными агентами и начальниками секретной полиціи.

Усиленіе анархизма замѣчается и между швейцарскими эмигрантами, гдѣ въ Женевѣ образовалась новая группа, руководимая студентами Жолковскимъ и Маевскимъ, дѣятельно пропагандирующими среди учащейся молодежи; группа намѣревается обзавестись собственной типографіей и органомъ, который будетъ носить названіе „Народъ“ или „Федералистъ“; при матеріальной поддержкѣ Кропоткина и Черкезова, швейцарскіе анархисты заняты изданіемъ нѣсколькихъ брошюръ и сочиненій, какъ то „Будущее Общество“ Грера, „Распаденіе современнаго общества“ Кропоткина и т. п.

Въ Женевѣ, по инициативѣ эмигрантовъ Баха и Дашкевича, проектируется революціонный журналъ „Молодая Россія“, имѣющій цѣлью объединить всѣ политическія фракціи для совмѣстной борьбы съ русскимъ правительствомъ. Впослѣдствіи „Молодая Россія“ должна являться на отдѣльных, дѣйствующихъ самостоятельно, фракціи; мысль изданія этого журнала крайне сочувственно встрѣчена учащеюся молодежью и названный выше Бахъ вошелъ уже въ сношенія съ Волховскимъ и Чайковскимъ на предметъ обращенія „Летучихъ листковъ“ въ дополнительную къ „Молодой Россіи“ публикацію. (Съ воль 24 іюля по 25 августа 1898 г.).

Въ текущемъ январѣ получены по почтѣ изъ за границы экземпляры новаго революціоннаго изданія, появившагося въ Лондонѣ подъ главліемъ „Наканунъ“ (On the eve).

Газета эта называется „Соціально-революціоннымъ обозрѣніемъ“, задается подъ редакціей извѣстнаго эмигранта, бывшаго лейтенанта, сперя Серебрякова и печатается въ типографіи „Вольной русской прессы“; по заявленію редакціи, газета эта не связана, будто бы, ни

съ одной изъ эмигрантскихъ заграничныхъ организацій, а представляетъ изъ себя самостоятельное изданіе, предпринятое по желанію „одной изъ революціонныхъ группъ въ Россіи“.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя передовая статья, подписанная редакторомъ Серебряковымъ, въ коей проводится мысль, что въ настоящее время Россія находится наканунѣ возобновленія интенсивной революціонной борьбы, которая должна будто бы встрѣтить на этотъ разъ общее сочувствіе. Для приступа къ дѣйствию революціонные элементы нуждаются лишь въ инициативѣ, такъ какъ дѣйствующіе въ ИМПЕРІИ революціонеры разбиты пока на отдѣльные кружки, одинъ изъ коихъ, и притомъ несомнѣнно социально-революціоннаго направленія, долженъ же будетъ наконецъ образовать изъ себя „боевую партію“, главная сила которой будетъ направлена на борьбу съ самымъ сильнымъ и организованнымъ врагомъ — русскимъ самодержавіемъ. Эта „боевая партія“, не устраняя существующихъ фракцій, а только объединяя ихъ, должна будетъ нападать на самодержавіе, завоевать все возможное и затѣмъ сойти со сцены, предоставивъ дальнѣйшую работу прочимъ группамъ, фракціямъ и союзамъ.

Одинъ экземпляръ изданія „Наканунъ“ при семъ представляется. (Сводъ съ 22 декабря 1898 г. по 29 января 1899 г.).

Въ одной изъ предыдущихъ записокъ упоминалось о выходѣ въ свѣтъ подъ редакціей эмигранта Серебрякова въ январѣ текущаго года новой ежемѣсячной газеты социально-революціоннаго направленія „Наканунъ“.

Нынѣ получены агентурныя указанія, что главными сотрудниками Серебрякова являются эмигранты Соскисъ и Степановъ, недавно прибывшій изъ Болгаріи въ Лондонъ, и что средства на это предпріятіе получены, будто бы, изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго лица.

Кромѣ того, изъ полученной секретнымъ путемъ переписки нашихъ эмигрантовъ усматривается, что появленіе газеты „Наканунъ“ произвело въ эмигрантскихъ кругахъ крайне невыгодное впечатлѣніе и безсодержательность перваго нумера признается даже однимъ изъ издателей, Степановымъ, который, въ письмѣ къ болгарскому военному врачу Іоакиму Тронину, извиняясь за первый номеръ, обѣщаетъ, что послѣдующіе будутъ болѣе удачными.

Извѣстный эмигрантъ изъ старыхъ революціонеровъ Владимиръ Дебагоріо-Мокрѣевичъ, проживающій въ Болгаріи, по поводу настоящей газеты высказываетъ слѣдующее мнѣніе :

„О „Наканунѣ“ я могу лишь сказать, что большіе оптимисты живутъ въ Лондонѣ. И откуда это вѣсти у нихъ, что мы (Россія) переживаемъ теперь такой моментъ : прямо наканунѣ борьбы, да еще революціонной. По моему, это фантазія и ничего больше; правда, что движеніе сильно разрослось, количество роста огромное, но ровно настолько, насколько оно увеличилось, такъ сказать, въ ширину, оно потеряло въ глубину. То, что совершается теперь въ Россіи, я не могу даже назвать революціоннымъ и къ никакой активной борьбѣ это не приведетъ, а все время такъ и будетъ : итти шаткими шагами не стоить. Свѣженкая перспектива видится лишь. Революціонной, т. е. активной борьбы я не жду въ близкомъ будущемъ“.

По послѣднимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время выпущены уже второй и третій нумера „Наканунъ“, не получившіе

еще, однако, широкаго распространенія. (Сводъ съ 29 января по 12 апрѣля 1899 г.).

Путемъ наблюденія за дѣятельностью нашихъ эмигрантовъ добыта копія письма Алексѣя Теплова изъ Лондона, къ проживающему въ Софіи Ивану Кашинцеву, въ коемъ авторъ, сообщая, что устроенная имъ въ Лондонѣ русская бібліотека начинаетъ постепенно развиваться, приобретаая усердныхъ посѣтителей и расширяясь, благодаря поступающимъ пожертвованіямъ книгами, проситъ Кашинцева достать у проживающаго нынѣ въ Болгаріи, бывшаго профессора московскаго университета, Милокова сочиненія послѣдняго для бібліотеки. Далѣе, авторъ совѣтуетъ Кашинцеву, въ случаѣ удаленія его Болгарскимъ правительствомъ изъ предѣловъ княжества, прибыть въ Лондонъ, гдѣ рекомендуетъ заняться торговлей впредь до присканія литературныхъ занятій, причемъ онъ высказываетъ надежду, что въ послѣднемъ дѣлѣ ему окажетъ поддержку находящійся въ Англіи послѣдователь лжеученія гр. Толстого — Павелъ Буланже, обладающій солидными связями съ русскимъ литературнымъ міромъ; къ тому же, и эмигрантъ Евгений Степановъ приглашаетъ его, Кашинцева, сотрудничать въ революціонной газетѣ „Наканунъ“. Въ концѣ письма Тепловъ добавляетъ, что отбывающій наказаніе въ лондонской тюрьмѣ Владимиръ Бурдовъ, въ случаѣ примѣненія къ нему новаго закона о сокращеніи тюремнаго заключенія на одну треть, можетъ получить свободу 6-го мая (новаго стиля) сего года, въ противномъ же случаѣ ему придется сидѣть до 6-го августа текущаго года. „Онъ по прежнему бодръ, энергиченъ и, конечно, сейчасъ же по выходѣ своемъ примется за работу“.

О названныхъ эмигрантахъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

1) Тепловъ, Алексѣй Львовъ, сынъ священника, родился въ 1852 г., воспитывался въ С. Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ, но курса не кончилъ. По обвиненію въ распространеніи преступной пропаганды преданъ былъ суду особаго присутствія правительствующаго Сената и 29 апрѣля 1878 г. приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылке въ каторжныя работы на заводахъ на 4 года, но, въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ, особое присутствіе ходатайствовало передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ опредѣленнаго Теплому по закону наказанія ссылкой его на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Въ 8 день декабря 1882 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе на освобожденіе Теплова отъ дальнѣйшаго пребыванія въ ссылкѣ, но съ подчиненіемъ его гласногу надзору полиціи на 4 года, внѣ мѣстностей, объявленныхъ въ поуженіи усиленной охраны. Въ апрѣлѣ 1883 г. Тепловъ, пользуясь Іонаршею милостью, выбылъ изъ мѣста водворенія, гор. Верхотенска, Иркутской губерніи въ г. Пензу, а затѣмъ переселился въ г. Севастополь, откуда въ маѣ 1889 г. выѣхалъ въ Парижъ, гдѣ 17 мая 1890 г. рестованъ подъ именемъ Львова и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ слѣдствію по дѣлу объ изготовленіи разрывныхъ снарядовъ. Приговоромъ мѣстнаго суда исправительной полиціи 23 іюня (5 іюля), приговоренъ къ тюремному заключенію на три года. Отбывъ наказаніе, Тепловъ въ 1893 г., въ виду послѣдовавшаго воспрещенія проживать въ предѣлахъ Франціи, поселился въ Лондонѣ, гдѣ вступилъ въ согазъ членомъ „Фонда вольной русской прессы“, принимая также

участіе въ издаваемой эмигрантами Житловскимъ и Раппопортемъ газетъ „Русскій Рабочій“.

2) Кашищевъ, Иванъ Николаевъ, изъ дворянъ, родился въ 1860 г., обучался въ Харьковскомъ Университетѣ, по медицинскому факультету, но курса наукъ не окончилъ. За принадлежность къ образовавшемуся въ Имперіи тайному революціонному сообществу, распространеніе возмутительныхъ прокламацій, печатанныхъ въ имѣвшейся у него съ другими лицами тайной типографіи, поддѣлку фальшивыхъ свидѣтельствъ, прожительство по онымъ и снабженіе ими другихъ лицъ сообщества, былъ преданъ суду Кіевскаго военно-окружного суда и приговоромъ, вступившимъ въ законную силу 1-го іюня 1881 года, осужденъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ въ крѣпостяхъ. По Всемилостивѣйшему манифесту 15 мая 1883 г. срокъ каторжныхъ работъ сокращенъ до 6 л. 8 мѣсяцевъ, а по отбытіи наказанія поселенъ въ Якутской области, откуда 1 апрѣля 1888 г. бѣжалъ и поселился затѣмъ, подъ именемъ Анашева, въ Парижѣ, гдѣ въ маѣ 1890 г. привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ слѣдствію по дѣлу объ изготовленіи разрывныхъ снарядовъ и по приговору мѣстнаго суда исправительной полиціи отъ 23 іюня (5 іюля) 1890 г. присужденъ, такъ же какъ и Теплоу, къ торемному заключенію на три года. Отбывъ наказаніе, Кашищевъ, въ виду послѣдовавшаго воспрещенія проживать въ предѣлахъ Франціи, отправился въ Лондонъ, гдѣ принялъ активное участіе въ дѣятельности „фонда вольной русской прессы“, а съ сентября 1894 г. поселился, подъ именемъ Калина, въ Софіи, получивши тамъ мѣсто переводчика на телеграфѣ; въ октябрѣ же 1895 г. назначенъ помощникомъ директора народной бібліотеки въ Софіи. Кашищевъ немедленно вступилъ въ тѣсныя сношенія съ проживающими въ Болгаріи русскими эмигрантами и принялъ участіе въ ихъ революціонныхъ проискахъ. (Своѣ съ 19 мая по 14 іюня 1899 г.)

Въ „Leipziger Tageblatt“ отъ 29 мая помѣщена нижеслѣдующая статья:

„Международная конференція социалистовъ“.

Брюссель 27 мая. Собравшаяся здѣсь международная конференція социалистовъ для подготовленія конгресса социалистовъ, имѣющаго быть въ Парижѣ въ 1900 г., приняла сегодня резолюцію, въ которой конференція о разоруженіи въ Гаагѣ называется «гипократической (лицемѣрной) комедіей». Только уничтоженіе господства отдѣльныхъ классовъ и въ особенности паденіе русскаго абсолютизма разрѣшатъ вопросъ о всеобщемъ мирѣ. Сегодня вечеромъ въ большомъ залѣ новаго „Maison du peuple“ состоялось международное социаль-демократическое собраніе нѣсколькихъ тысячъ социалистовъ. Предсѣдательствовалъ Ванъ деръ-Вельде. Говорили рѣчи депутаты голландскаго парламента Проэльстра и Ванколь, французы Аллеманъ и Вальянъ, нѣмцы Зингеръ и Либкнехтъ, англичане Брекльгерстъ и Гейдманъ, датчанинъ Кнудзенъ, италіанецъ Рондани, русскій Механовъ, и австріецъ Викторъ Адлеръ. Зингеръ между прочимъ сказалъ, что социаль-демократія единственная демократическая партія въ Германіи и что такъ называемые гражданскіе демократы также принадлежатъ къ реакціонной партіи. Онъ и Либкнехтъ поздравили французскихъ социалистовъ съ только что послѣдовавшимъ объединеніемъ всѣхъ различныхъ группъ въ одинъ комитетъ. Либкнехтъ, между прочимъ, заявилъ,

что германскій социализмъ съ успѣхомъ побѣдилъ главнаго руководителя европейской реакціи Бисмарка и поэтому не боится теперешняго руководителя этой партіи. Вальзанъ былъ встрѣченъ криками „Vive la comthune“, голландскій депутатъ говорилъ съ восторгомъ противъ анархистовъ. Механовъ сказалъ: „если-бы европейская буржуазія не была испорчена, она на манифестъ царя должна была-бы отвѣтить криками: „Vive la Pologne, sire! vive la constitution finlandaise! Vive la constitution en Russie“. Въ концѣ засѣданія запли марсельезу рабочихъ. Сегодня на засѣданіи было несогласіе между англичанами, французами и русскими, съ одной стороны, и нѣмцами, голландцами, бельгійцами и австрійцами, съ другой стороны, по поводу приглашенія на парижскій конгрессъ ремесленныхъ обществъ, не стѣснитъ на социаль-демократической почвѣ. Первая группа была за приглашеніе, а вторая противъ приглашенія. Для достиженія согласія была назначена особая коммиссія.

Свѣдѣніи о какомъ либо Механовѣ въ дѣлахъ Департамента не имѣются и очень вѣроятно, что это не настоящая его фамилія. (Сводъ съ 19 мая по 14 іюня 1899 г.)

По полученнымъ за послѣднее время свѣдѣніямъ, въ издающейся въ г. Нью-Йоркѣ „Вечерней газетѣ“ появилось воззваніе отъ имени мѣстнаго революціоннаго ферейна ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ социалистическому движенію, съ призывомъ оказывать помощь Швейцарскому еврейскому рабочему союзу по изданію нелегальныхъ брошюръ и водворенію ихъ въ Россію, такъ какъ, благодаря массѣ арестовъ, подпольная типографская дѣятельность въ Имперіи представляетъ весьма серьезную опасность и не можетъ правильно развиваться. По словамъ воззванія, союзомъ издано много новыхъ брошюръ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ Россію. (Сводъ съ 27 сент. по 10 ноября 1899 г.)

Въ теченіе октября мѣсяца стали рассылаться по почтѣ изъ Лондона въ редакціи нѣкоторыхъ С. Петербургскихъ газетъ вновь вышедшіе номера 9 и 10 издаваемого въ Лондонѣ социально-революціоннаго журнала „Наканунъ“. Въ означенныхъ номерахъ обращаетъ на себя особое вниманіе, написанная редакторомъ журнала, извѣстнымъ эмигрантомъ Серебряковымъ, передовая статья, подъ заглавіемъ „Царская національная политика и реакція“, въ которой указывается, что въ настоящее время даже органы консервативной русской печати, какъ на примѣръ газета „Свѣтъ“, признаютъ, будто бы, за несомнѣнный фактъ полное обнищаніе и вырожденіе русскаго народа. Главной причиной столь прискорбнаго явленія Серебряковъ признаетъ дѣйствующую въ Россіи систему государственнаго управленія, такъ какъ, при самодержавномъ режимѣ, Верховная Власть заботится исключительно объ усиленіи собственнаго могущества и оставляетъ, будто-бы, совершенно въ сторонѣ народныя интересы, поддерживая только дворянъ и крупныхъ промышленниковъ. Такъ называемая національная политика, которую ведетъ за послѣднее время русское Правительство, имѣетъ цѣлью отвлечь общественное вниманіе отъ внутреннихъ неурядицъ Имперіи и увеличатъ силы самодержавія присоединеніемъ новыхъ милліоновъ подданныхъ на восточныхъ окраинахъ, гдѣ

люди находятся на низшей степени развитія и потому готовы стать рабами деспотизма за самыя малыя уступки. Въ заключеніе своей статьи Серебряковъ призываетъ читателей къ упорной борьбѣ съ существующимъ режимомъ для ниспроверженія его и обѣщаетъ въ слѣдующихъ статьяхъ указать наиболѣе удобные способы этой борьбы.

Кромѣ того, въ тѣхъ-же номерахъ помѣщена перепечатка появившагося въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ англійской газетѣ „Times“ письма сенатора Закревскаго по дѣлу Дрейфуса. Комментируя это письмо, Серебряковъ указываетъ, что не русскому сенатору, разбирающему по русской государственной системѣ крестьянскія дѣла, «читать лекціи о морали правосудія и справедливости во Франціи», такъ какъ во Франціи, хотя и бываютъ неурядицы во внутреннемъ порядкѣ управленія, но за то онѣ и подвергаются гласному обсужденію, въ Россіи же масса беззаконій остаются совершенно безнаказанными подъ прикрытіемъ канцелярской тайны.

Экземпляръ указанныхъ номеровъ журнала „Наканунъ“ при семъ представляется. (Сводъ съ 27 сент. по 10 ноября 1899 г.)

По послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Америки, проживающіе тамъ рускіе еврей-соціалисты объединились въ одинъ центальный революціонный союзъ, приступившій нынѣ къ изданію на еврейскомъ языкѣ еженедѣльной газеты „Рабочій Другъ“ и ежемѣсячнаго журнала „Свободное общество“. Такое усиленіе соціаль-демократической партіи вызвало конкуренцію со стороны евреевъ-анархистовъ, которые образовали два отдѣла — одинъ по изданію газетъ и журналовъ, другой для практической революціонной работы. Изготавливаемая литература предназначается къ водворенію въ предѣлы Имперіи, главнымъ образомъ, въ Минскъ, Бѣлостокъ и Вильну. (Сводъ съ 10 ноября по 28 декабря 1899 г.)

Въ первыхъ числахъ декабря 1899 г. въ г. Вѣнѣ состоялось собраніе русскихъ соціалистовъ подъ официальнымъ предѣлательствомъ врача Лейбы Соколовскаго и при участіи многихъ студентовъ галичанъ изъ членовъ той же партіи. Всѣмъ посѣтителемъ былъ розданъ послѣдній номеръ „Рабочей Мысли“, а затѣмъ одинъ изъ главныхъ распорядителей, Мендель Рудинъ, произнесъ рѣчь о современномъ движеніи соціалистовъ въ Россіи, отмѣтивъ, что успѣшнѣе всего движеніе развивается въ Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ и Одессѣ, но что вездѣ замѣтенъ недостатокъ литературы. Вслѣдствіе сего среди присутствовавшихъ былъ произведенъ сборъ пожертвованій и собранныя деньги, въ числѣ 130 гульденовъ, отправлены въ Бернъ извѣстному эмигранту Теплову для высылки въ Имперію нелегальныхъ изданій. Въ рѣчи своей Рудинъ коснулся, между прочимъ, и издающейся въ Петербургѣ газеты „Сѣверный Курьеръ“, объясняя, что она оказываетъ значительныя услуги дѣлу русской революціи, благодаря радикальнымъ статьямъ Струве, Тугана-Барановскаго и др. (Сводъ съ 10 ноября по 28 декабря 1899 г.)

Извѣстный эмигрантъ-революціонеръ Владимиръ Бурцевъ, окончивъ въ августѣ сего года срокъ принудительныхъ работъ, къ концу

онъ былъ присужденъ за призывъ, въ издаваемомъ имъ журналѣ „Народовольецъ“, къ террору, предполагаетъ возобновить, на болѣе широкихъ началахъ, прерванное изданіе того же журнала, о чемъ и собирается на-дняхъ оповѣстить циркулярнымъ письмомъ своихъ единомышленниковъ; предварительно разсѣлки такового, онъ отправилъ проэктъ письма въ Сѣфію на заключеніе къ своему бывшему сотруднику эмигранту Кашиицеву. Въ проэктѣ воззванія Бурцевъ заявляетъ, что редакція „Народовольца“ и впредь будетъ придерживаться прежняго своего направленія, достаточно охарактеризованнаго въ первыхъ трехъ номерахъ журнала, въ коихъ нѣтъ ни одной фразы, отъ которыхъ издателямъ нужно было бы теперь отказываться. Къ сему авторъ письма добавляетъ, что послѣдующіе номера „Народовольца“ будутъ посвящены разбору тѣхъ народовольческихъ вопросовъ, которые еще не были затронуты или недостаточно разработаны; вмѣстѣ съ симъ Бурцевъ выражаетъ надежду, что журналъ его приобрететъ широкое распространеніе въ самой Россіи, а равно, что благодаря органу этому, установится болѣе близкая связь между заграничными революціонными дѣятелями съ дѣйствующими въ предѣлахъ Имперіи.

Кромѣ того, Бурцевъ препроводилъ Кашиицеву записку о предлагаемомъ выпускѣ „Приложенія“ къ изданному въ концѣ 1897 г. въ Лондонѣ сборнику „За сто лѣтъ“, а также новаго историческаго журнала „Былое“. Составители означеннаго сборника, представляющаго лишь отрывочный матеріалъ по исторіи революціонныхъ и общественныхъ движеній въ Россіи за XIX столѣтіе, хотя и собрали къ настоящему времени достаточно новыхъ источниковъ, чтобы приступить къ изданію „Приложенія“, но тѣмъ не менѣе намѣрены предварительно обратиться къ сочувствующимъ этому предпріятію лицамъ, преимущественно проживающимъ въ Россіи, съ просьбой о доставленіи важныхъ для ихъ работы документовъ. Приводя свои соображенія, авторъ объясняетъ мотивомъ изданія журнала „Былое“ то, что изученіе исторіи политическихъ движеній, раскрывая причины успѣховъ и неудачъ, какъ со стороны правительства, такъ равно и революціонеровъ, учауетъ лучшимъ пріемамъ современной борьбы съ господствующей нынѣ въ Россіи реакціей. (Сводъ съ 10 ноября по 28 декабря 1899 г.)

Изъ воспоминаній М. Е. Бакая.

Еще о провокаціи и провокаторахъ.

Въ своихъ статьяхъ въ «Быломъ», а также въ «Matin» и «Le Progrès» я уже охарактеризовалъ въ общихъ чертахъ провокаціонные приемы русскаго правительства въ борьбѣ съ революціей.

Чѣмъ детальнѣе революціонеры ознакомятъ съ провокаторскимъ вопросомъ, тѣмъ легче они сумѣютъ распознавать въ оной средѣ гнуснѣйшихъ сподвижниковъ русскаго царизма — своихъ злѣйшихъ враговъ провокаторовъ. Я уже не разъ подчеркивалъ, что никакой наружный розыскъ не приноситъ столько вреда революціоннымъ организациямъ, сколько внутреннее предательство, освѣщеніе этихъ организацій провокаторами или, по официальной терминологіи, «секретными сотрудниками.»

Всѣ провокаторы или «секретная агентура» дѣлится на три категоріи — на департаментскую агентуру, заграничную и мѣстную. Департаментскую агентуру составляютъ такіе провокаторы, которые могутъ давать общее освѣщеніе почти всей дѣятельности опредѣленной революціонной организаціи на болѣе или менѣе обширной территоріи. Благодаря этому, особый отдѣлъ департамента полиціи, зная характеръ намѣченной тактики и общей линіи поведеніи той или иной революціонной организаціи, заранее освѣдомляетъ объ этомъ циркулярно всѣ учрежденія политическаго сыска.

Если свѣдѣнія провокатора касаются только опредѣленныхъ городовъ, въ такомъ случаѣ только мѣстныя власти предупреждаются о готовящихся выступленіяхъ революціонеровъ. Къ той же категоріи департаментской агентуры принадлежатъ и тѣ провокаторы, которые по своему положенію могутъ сообщать свѣдѣнія о характерѣ либерально-оппозиціоннаго движенія и о его идейныхъ вдохновителяхъ. Всѣ эти провокаторы находятся въ распоряженіи чиновниковъ особаго отдѣла, которые собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія и уже по своему усмотрѣнію ихъ утилизируютъ.

Департаментскую агентуру составляютъ провокаторы, занимающіе довольно видное положеніе въ революціонной средѣ и потому они играютъ громадную роль въ направленіи розыска, — съ ихъ свѣдѣніями считаются всѣ полицейскіе круги до М. В. Д. включительно. Какъ на примѣръ, можно указать, что въ свое время Гуровичъ, Азефъ принадлежали къ такимъ департаментскимъ секретнымъ сотрудникамъ.

Къ заграничной агентурѣ принадлежатъ тѣ провокаторы, которые освѣщаютъ заграничныя русскія революціонныя колоніи. Они находятся въ завѣдываніи чиновниковъ Департамента Полиціи, ведущихъ розыскъ за границей. Такіе провокаторы могутъ быть названы и департаментскими, такъ какъ, отправляясь въ Россію, они поступаютъ въ распоряженіе Департамента. Этотъ провокаторскій элементъ чрезвычайно вреденъ, ибо, получивъ явки изъ за границы въ какой либо городъ, они выясняютъ тамъ наличный составъ революціонныхъ силъ и технику, потомъ заявляютъ товарищамъ, что замѣтили за собой наблюденіе или вообще «что то неладное», и переѣзжаютъ въ другой городъ, гдѣ продѣлываютъ то же самое. Обыски и аресты обыкновенно производятъ только спустя нѣкоторое время послѣ отъѣзда провокатора, арестовываютъ не все и, такимъ образомъ, предоставляютъ революціонерамъ искать виновниковъ провала по какимъ-нибудь ложнымъ и не имѣющимъ значенія слѣдамъ.

Къ числу мѣстной агентуры принадлежатъ провокаторы, которые освѣщаютъ дѣятельность мѣстныхъ организацій и находятся на службѣ у ва-

чальниковъ охранныхъ отдѣленій, жандармскихъ управленій и розыскныхъ пунктовъ. Въ составъ этой агентуры входять представители всѣхъ общественныхъ слоевъ, начиная отъ хулигановъ, проститутокъ и кончая такими лицами, которыхъ, по мнѣнью революціонеровъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть провокаторами.

Помимо этого общаго подраздѣленія провокаторовъ, можно установить и дѣльнѣйшую, болѣе детальную группировку секретныхъ агентовъ въ зависимости отъ того, въ какой средѣ они исполняютъ свою предательскую роль.

Такъ, въ розыскныхъ учрежденіяхъ секретная агентура разбивается еще на три разряда — на «рабочую агентуру» «интеллигентскую» и «главную»; при чемъ первые два разряда дѣлятся въ свою очередь по партіямъ. Благодаря такой дифференціаціи секретной агентуры, оказывается возможной специализація жандармовъ по дѣламъ той или иной партіи. Одинъ офицеръ завѣдуетъ с.-р., другой — с.-д., третій — максималистами, четвертый — анархистами, и т. д.

Получая свѣдѣнія отъ многихъ провокаторовъ, каждый изъ этихъ охранниковъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ довольно обширный и разносторонній матеріалъ о дѣятельности партіи, легко можетъ его систематизировать и извлечь для себя максимумъ пользы, чего было бы трудно достигнуть, если бы провокатура не дѣлилась по специальностямъ. Для того, чтобы охранникъ легче могъ усваивать поступающій къ нему добытый черезъ провокаторовъ матеріалъ, онъ долженъ читать соответствующую партійную литературу и внушать то же провокаторамъ, но, по дѣлности, охранники рѣдко этимъ занимаются.

«Главной» агентурой всегда почти завѣдываютъ начальники, ибо она въ общемъ освѣщаетъ все то, о чемъ даютъ лишь нѣкоторое представление — «рабочая» и «интеллигентская» агентуры.

Всѣ провокаторы имѣютъ клички. Считается за правило никогда не произносить кличекъ провокаторовъ отъ ихъ имени, или имени отцовъ, отъ названія профессій или мѣстожительства, а также по внѣшнимъ признакамъ, — псевдонимъ всегда долженъ быть произвольный.

Клички провокаторовъ играютъ огромную роль въ сохраненіи ихъ отъ проваловъ, такъ какъ приходится ли провокатору въ учрежденіе, на конспиративную ли квартиру — вездѣ его знаютъ подъ кличкой. Въ сношеніяхъ мѣстныхъ учреждений сыска съ департаментомъ полиціи провокатору тоже упоминается подъ кличкой, такъ какъ тамъ имѣется алфавитный списокъ провокаторовъ и потому настоящую фамилію любого изъ нихъ всегда можно найти. Если кличка слишкомъ популяризировалась, хотя бы среди служащихъ, то ее сейчасъ же переимѣняютъ. Кроме того, каждый новый начальникъ, принявъ провокаторовъ отъ предыдущаго, считаетъ своей обязанностью у всѣхъ ихъ переимѣнить клички.

Какъ я уже сказалъ, на официальномъ правительственномъ жаргонѣ провокаторы называются «секретными сотрудниками», а ихъ доносы — агентурными свѣдѣніями. Эти свѣдѣнія принимаются на вѣру, какъ не подлежащая сомнѣнію, и отвѣтственность за ихъ точность обыкновенно беретъ на себя непосредственный начальникъ провокатора. Въ настоящее время агентурнымъ свѣдѣніямъ въ Россіи придаютъ настолько серьезное значеніе даже въ судахъ, что они часто играютъ рѣшающую роль въ исходѣ многихъ политическихъ процессовъ, особенно по террористическимъ дѣламъ.

Раньше, до начала реакціи, агентурныя свѣдѣнія служили лишь мотивировкой для произведеннаго розыска и ареста по извѣстному дѣлу, при чемъ такого рода заявленіе въ обвинительномъ актѣ, не имѣя никакого юридическаго значенія, оставалось незамѣченнымъ, на немъ никто не останавливалъ своего вниманія, и на судѣ агентурныя свѣдѣнія, безъ конкретныхъ указъ, не имѣли даже значенія свидѣтельскаго показанія. Но когда началась реакція, когда правительство стало душить все живое въ Россіи, боязнь незаконности провокаціи исчезла и агентурныя свѣдѣнія стали фигурировать на судѣ въ качествѣ неопровержимыхъ аргументовъ. Въ началѣ 1906 г. въ секретномъ циркулярѣ военнымъ судамъ было предписано придать рѣшающее значеніе агентурнымъ свѣдѣніямъ, а для подтвержденія ихъ подлин-

ности ограничиваться лишь допросомъ того начальника, который является ответственнымъ за нихъ: при попыткѣ же со стороны обвиняемыхъ, или ихъ защитниковъ узнать источникъ агентурныхъ свѣдѣній, таковое, желаніе не удовлетворяютъ.

Этотъ циркуляръ, составленный въ духѣ воцарившейся тогда скорострѣльной юстиціи, имѣлъ ужасно тяжелое послѣдствіе для революционеровъ, какъ это видно изъ двухъ нижеприводимыхъ примѣровъ.

1. За участіе въ убійствѣ петербургскаго градоначальника Лауница были казнены Гронскій (Сулятицкій) и Штисетаръ (Зильбербергъ). Доказать причастность этихъ лицъ къ указанному акту на основаніи однихъ показаній филеровъ и лакея гостиницы не было возможности, слѣдовательно, и судъ, вынося свой приговоръ, руководствовался главнымъ образомъ утвержденіемъ начальника охраннаго отдѣленія, что эти лица — террористы, во-первыхъ, и принимаи участіе въ совершенномъ актѣ, во-вторыхъ, а объ этомъ охранное отдѣленіе знало отъ провокатора (конечно, Азефа).

2. Для созданія громаднaго процесса по дѣлу о заговорѣ на Николая тоже не было достаточныхъ формальныхъ данныхъ, зато агентурныя свѣдѣнія были такъ основательны, что судъ счелъ для себя неунизительнымъ, въ полномъ составѣ съѣздить въ охранное отдѣленіе, чтобы допросить Герасимова и получить отъ него подтвержденіе обвинительнаго акта, главнѣйшаго о существованіи заговора отъ имени партіи социалистовъ-революционеровъ, а не по инициативѣ нѣсколькихъ лицъ.

Заявленіе Герасимова на судѣ, что его агентъ присутствовалъ на конференціи партіи с.-р. въ Теріокахъ, гдѣ, якобы, обсуждался вопросъ о царевубійствѣ, сыграло рѣшающую роль. Подобное заявленіе противорѣчило заявленіямъ Никитенко, Синявскаго и другихъ, но правительству нужно было приписать это намѣреніе партіи, и, благодаря провокаціи, оно этого достигло. Захотѣлось повѣсить подъ сурдинку — повѣсили. Необходимо было создать процессъ — монстръ и потомъ повѣсить, — создали процессъ и повѣсили, и все на основаніи провокаторскихъ показаній, въ данныхъ случаяхъ — все того же Азефа.

Но было бы ошибочно думать, что провокаторовъ, кромѣ ихъ ближайшаго начальства, никто не знаетъ.

Прежде всего, о приобрѣтеніи новаго провокатора и съ указаніемъ его имени, отчества и фамиліи и приложеніемъ краткаго *curriculum vitae*, немедленно сообщается въ Департаментъ Полиціи, тамъ его регистрируютъ и такъ сказать, запечатлѣваютъ на вѣчныя времена.

Затѣмъ, провокаторы извѣстны всѣмъ чинамъ охраннаго отдѣленія или жандармскаго управленія и большинству филеровъ.

Кромѣ охранниковъ, о провокаторахъ знаютъ градоначальники, оберъ-полицеймейстеры и даже нѣкоторые чины прокурорскаго надзора. При каждомъ розыскомъ учрежденіи имѣется алфавитный списокъ провокаторовъ и на cadaго — «дѣло» агентурныхъ свѣдѣній.

Понятно, что охранники и жандармы всегда стараются внушить провокаторамъ, что ихъ имена — абсолютный секретъ, даже отъ высшаго начальства, но все это говорится только ради успокоенія. Въ самомъ дѣлѣ, если по даннымъ провокатуры фабрикуется такая масса политическихъ процессовъ, гибнетъ столько революционеровъ, то нельзя же серьезно допустить, чтобы Столыпины, Трусевичи и служащіе департамента полиціи довольствовались только голословными агентурными заявленіями и не интересовались бы, кто доставляетъ эти свѣдѣнія. И если все-таки провокаторы иногда долго не проваливаются, то, главнымъ образомъ, лишь потому, что до сихъ поръ революционеры не занимались серьезно раскрытіемъ въ своихъ рядахъ провокаціи.

Всякій, попавшій къ жандармамъ въ качествѣ провокатора, не можетъ надѣяться когда-нибудь выйти оттуда. Онъ долженъ или провалиться, и тогда жандармы съ радостью расстаются съ нимъ, или же тянутъ лямку провокатора до безконечности. При всякой попыткѣ провокатора порвать связь съ розыскомъ онъ наталкивается на неопределимыя препятствія со стороны своего начальства: ему прямо заявляютъ, что онъ долженъ проход-

жать службу, въ противномъ случаѣ ему грозятъ проваломъ. Если прежній начальникъ уходитъ, провокаторовъ всегда передаютъ новому. Если провокаторъ почему-либо переѣзжаетъ въ другой городъ, куда сообщаютъ о немъ и предлагаютъ пригласить для сотрудничества.

Благодаря такой тактикѣ, — провокаторы попадаютъ въ закодированный кругъ, изъ котораго есть два выхода: или продолжать предательство, или рисковать, что эта предательская роль станетъ извѣстной революціонерамъ.

* * *

Часто приходится слышать, будто провокаторы получаютъ большіе оклады. Такое представление, конечно, невярно.

До половины 1906 г. на политическій розыскъ, включая сюда расходы на секретную агентуру, филеровъ, служащихъ по вольному найму, на добавочное содержаніе штатнымъ чиновникамъ, канцелярскіе расходы и пр. отпускалась весьма незначительная сумма денегъ.

Вотъ точныя цифры ассигновокъ на розыскъ въ указанное время. Петербургское охранный отдѣленіе получало 150 т. руб. въ годъ, московское — 95 тыс. рублей, одесское — 25 тыс., кievское — 35 тысячъ. Для розыска во всемъ Царствѣ Польскомъ отпускалось всего 120 тыс. рублей въ годъ. Эта сумма была распределена слѣдующимъ образомъ: варшавскому охранныму отдѣленію было выдано 45 тыс. рублей, для города Лодзи — 6 тыс. р., для Радомской губ. — 3 тыс. рублей и для Ново-Александріи, гдѣ имѣется сельско-хозяйственный институтъ, всего 1720 р. Вся остальная часть денегъ была предназначена для остальныхъ губерній и городовъ, но, какъ извѣстно, она поступала въ личное распоряженіе помощника варшавскаго генералъ-губернатора по полицейской части.

Важно отмѣтить, кромѣ того, что въ израсходованіи агентурныхъ суммъ не требуютъ оправдательныхъ документовъ и потому немалое количество этихъ денегъ поступаетъ въ собственность жандармовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ вычетовъ для секретной агентуры и то только при охранныхъ отдѣленіяхъ оставались весьма незначительныя суммы.

Слѣдовательно, говорить о десяти тысячныхъ провокаторскихъ окладахъ при охранныхъ и жандармскихъ управленіяхъ не приходится. Несомнѣнно, что департаментскіе провокаторы получаютъ больше прочихъ, но такіе крупныя предатели, какъ Азефъ, Татаровъ, Гуровичъ, считаются единицами и потому ими дорожатъ, считая, что затраты на подобныхъ провокаторовъ окупаются съ лихвой. Наконецъ, въ департаментѣ полиціи и кредитъ для провокаторы не ограничивается десятками тысячъ рублей.

Расплата съ провокаторами обыкновенно происходитъ помѣсячно. Среднюю величину провокаторскаго жалованья вывести положительно невозможно. Провокаторы по партіямъ, признающимъ терроръ, получаютъ больше, с.-д. и культурники меньше. Для примѣра приведу нѣсколько точныхъ цифръ:

Абрамовичъ, членъ П. П. С., бывалъ на сѣздахъ и конференціяхъ этой партіи, членъ виленскаго комитета; состоялъ провокаторомъ при виленск. охр. отд. и получалъ 50 рублей въ мѣсяцъ.

Янкельсонъ выдалъ въ 1903 году весь комитетъ с.-д. въ Ревелѣ, получалъ 50 рублей, послѣ сдѣлался членомъ мѣстной боевой организаціи с.-р. и получалъ 100 рублей.

Мирзоевъ, Герасимъ, студентъ, сотрудничалъ по военно-революціонной организаціи, выдалъ весь составъ ея, много людей пошло на каторгу, — получалъ 50 рублей.

Кафталъ Ицекъ, членъ Бунда, лучший сотрудникъ по этой организаціи въ Варшавѣ; благодаря ему «Бундъ» въ Варшавѣ терпѣлъ постоянныя пораженія. Началъ съ 25 рублей и окончилъ 50 руб. въ мѣс.

Порембскій, социаль-демократъ Кор. Польск. и Литвы, бывший смыльный въ Якутской области, единственный провокаторъ по Варшавѣ въ названной партіи: благодаря ему, дѣятельность мѣстнаго комитета сводилась къ нулю; выдалъ Каспржака, — получалъ 50 руб.

Эйнфельдъ, Шля, выдавалъ членовъ еврейской фракціи П. П. С., получалъ 15—25 руб. въ мѣс.

Валиурчакъ, ученикъ изъ фабрики, выдавалъ рабочихъ, получалъ 9 р. въ мѣсяцъ.

Айзенлиствъ и Шварцъ, члены боевой организаціи П. П. С., предупредили много террористическихъ актовъ, въ томъ числѣ покушеніе на генерал-губернатора, много лицъ благодаря имъ пошло изъ каторгу. Сначала получали по 25 руб., потомъ по 35 и, наконецъ, по 50 руб. въ мѣсяцъ.

Зайдъ, Борисъ, участвовалъ какъ провокаторъ въ Свеаборгскомъ возстаніи, послѣ переѣхалъ въ Варшаву и работалъ среди с.-д., получалъ 50 руб. въ мѣсяцъ.

Послушный, Абрамъ, выдавалъ анархистовъ, получалъ 30 р. въ мѣсяцъ. *Фроманъ, Шнайдерманъ, Водоціонъ, Гринштейнъ* обслуживали*) бюджетистовъ и отчасти еврейскую фракцію П. П. С., получали отъ 8 до 20 руб. въ мѣсяцъ.

Бржезовскій, Станиславъ, литераторъ, идейный вождь цѣлаго молодого поколѣнія, освѣщалъ верхи революціонныхъ организацій, получалъ 150 руб. въ мѣсяцъ.

Шлебинскій, студентъ, главный провокаторъ по П. П. С., давалъ самыя цѣныя свѣдѣнія, предѣльнымъ жалованьемъ было — 125 руб. и только въ которое время 200 руб.

Не стану перечислять всѣхъ провокаторовъ, а только скажу, что изъ общаго числа (до 100 чел.) извѣстныхъ мнѣ провокаторовъ большая часть получали отъ 15 до 30 руб.

Такимъ образомъ, на этихъ официальныхъ цифровыхъ данныхъ, мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ провокаторское жалованье, дѣйствительно, не переходитъ за предѣлы историческихъ 30 сребренниковъ.

Во второй половинѣ 1906 г. агентурный бюджетъ увеличили, но въ то же самое время розыскъ усилился и число провокаторовъ увеличилось; поэтому прибавки могли сдѣлать только болѣе цѣннымъ и то, конечно, на нѣсколько десятковъ рублей въ мѣсяцъ.

Но помимо обычнаго жалованья, провокаторы иногда получаютъ награды за какія-нибудь видныя дѣла; чаще всего такія награды выдаются по представленіямъ въ департаментъ полиціи; но когда «выдающееся дѣло» было сострипано провокаторомъ въ интересахъ начальника, въ такомъ случаѣ послѣдній выдаетъ награду изъ своихъ агнетурныхъ суммъ, а себѣ хлопочетъ о наградахъ черезъ департаментъ полиціи.

Подобныя поощренія, особенно для старыхъ и видныхъ провокаторовъ съ точки зрѣнія охранниковъ, необходимы. Почему, — это само собой понятно.

Кромѣ провокаторовъ съ постояннымъ жалованьемъ, есть провокаторы-работающіе «сдѣльно». Въ большинствѣ случаевъ эти провокаторы не изъ революціонной среды, а вертятся только «возлѣ» нея. Постояннаго матеріала у нихъ нѣтъ, и они являются къ жандармамъ лишь со случайными данными, обмѣнивая ихъ на деньги; свѣдѣнія такихъ провокаторовъ оцѣниваются въ 1—3—5 р., но не больше 10 руб.

Въ большинствѣ случаевъ, это — провокаторы-комбинаторы, являющіеся бичемъ для обывателей, но не для революціонеровъ.

Имѣются еще типы провокаторовъ, такъ наз., экспертовъ. Они не состоятъ на постоянной службѣ, но когда охранное отдѣленіе или жандармское управленіе желаетъ навести какую-нибудь справку о воплнѣ легальномъ лицѣ или о какомъ-нибудь выступленіи либерально-оппозиціоннаго характера, эти учрежденія обращаются къ «эксперту». Послѣдній, обыкновенно, по своему общественному положенію легко можетъ исполнить порученіе и за трудъ получаетъ 50—75—100 р.

Въ полученіи денегъ провокаторы обязаны расписываться, но могутъ завать подпись той клнчки, подъ которой ихъ знаетъ начальство. Это право

*) Охранники употребляютъ въ аналогичныхъ случаяхъ еще терминъ «обсасывать» Ред.

служить въ глазахъ провокаторовъ подтвержденіемъ зафренихъ жандармовъ, что настоящихъ ихъ именъ никто не знаетъ и т. д. Но долженъ сказать, что это право дается провокаторамъ только для отвода глазъ. Въ канцеляріяхъ имѣются подробные списки наличнаго состава провокаторовъ, гдѣ и выставляются цифры жалованья. Когда архивы розыскныхъ учреждений станутъ общимъ достояніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ появятся на свѣтъ и эти списки, изъ которыхъ провокаторы увидятъ, какъ жестоко ихъ обкрадывало начальство. Тамъ они увидятъ, что ихъ обчитывали ежемѣсячно на цѣлые десятки рублей.

Мнѣ остается сказать еще лишь нѣсколько словъ относительно особой прибавочной платы провокаторамъ, въ видѣ кутежей, которые всегда слѣдуютъ за удачными ликвидаціями. Въ Москвѣ и Петербургѣ этого рода поощреніе вошло въ обычай, и какъ только выясняются результаты ликвидаціи, руководящій розыскомъ по данному дѣлу, еще кто-нибудь изъ начальства и виновникъ торжества — провокаторъ, — отправляются въ извѣстный ресторанъ, занимаютъ отдѣльный кабинетъ, приглашаютъ женщинъ и... торжествуютъ!...

Въ Петербургѣ такіе кутежи происходили обыкновенно на квартирѣ Мѣдника (Преображенская, 40), а въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ» всегда имѣлся для этой цѣли отдѣльный кабинетъ, подъ названіемъ «кабинетъ доктора Михайлова». Замѣчу, что въ такихъ случаяхъ жандармы всегда бывають въ штатскомъ платьѣ, и служащіе рестораноу смотрятъ на нихъ, какъ на обычныхъ, но хорошихъ кутягъ.

Часто бывало, что въ то время, какъ жертвы ликвидаціи на утренней зарѣ прощались съ жизнью, виновники ихъ гибели — провокаторы въ это самое время предавались дикой оргіи. Такого рода прибавочный гонораръ, повидимому, получалъ особенно часто Азефъ, — молва о кутежахъ Раскина далеко выходила за предѣлы полицейскаго Петербурга.

Отъ ред. Другія статьи М. Е. Бакая на ту же тему были нами помѣщены въ 7, 8 и 9—10 №№ «Былого».

Къ дѣлу З. Коноплянниковой.

Прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты при секретномъ отноше-
ніи отъ 13-го августа 1906 г. за № 9613 предложилъ судебному слѣдователю
С.-Петербургскаго Окружнаго Суда по важнѣйшимъ дѣламъ Зайцеву, на
основаніи 288 ст. уст. угол. суд., немедленно приступить къ производству
предварительнаго слѣдствія объ убійствѣ командира л.-гв. Семеновскаго полка
Свиты Его Императорскаго Величества генерала маіора Георгія Александровича
Мина.

Слѣдователь тотчасъ-же приступилъ къ слѣдствію, и первый протоколъ
о принятіи дѣла былъ составленъ въ «ночь на августа 14 дня». Первый до-
просъ обвиняемой былъ составленъ въ 2 1/2 часа утра 14 августа; изъ него
видно, что «обвиняемая заявила, что, въ виду крайней усталости и необхо-
димости отдыха, она не желаетъ давать никакихъ объясненій и называть
своего имени, присовокупляя, что она желаетъ дать свои показанія по дѣлу
на слѣдующій день, т. е. во вторникъ 15 августа.»

15 августа обвиняемая дала слѣдующее показаніе :

*«Имени своего и званія открыть я не желаю. Я принадлежу къ лету-
чему отряду стѣврной области партіи соц.-революціонеровъ; въ убійствѣ
ген. Мина я признаюсь и объясняю, что при исполненіи сего дѣла никакихъ
сообщниковъ у меня не было. Найденный у меня паспортъ на имя
крестьянки Ларионовой — подложный, текстъ этого паспорта испол-
ненъ мною собственноручно, но измѣненнымъ моимъ почеркомъ, паспор-
тный бланкъ мною былъ приобретенъ; относительно печати на пас-
портъ и прописки его я ничего не скажу. О причинѣ убійства генерала
Мина я ничего не скажу и полагаю, что очередь быть убитымъ дой-
детъ до всѣхъ, стоящихъ за самодержавіе. Отъ всѣхъ дальнѣйшихъ по-
казаній на вопросы ваши отказываюсь и отвѣчать не желаю. На во-
просъ о томъ, было-ли совершенное мною убійство генерала Мина ре-
зультатомъ моей личной къ нему мести, или я дѣйствовала по рас-
поряженію названной выше революціонной организаціи, отвѣчать отка-
зываюсь.»*

*Протоколъ мнѣ прочитанъ и съ моихъ словъ подписанъ верно. Отъ
подписи сего протокола я отказываюсь.»*

Въ качествѣ свидѣтелей, непосредственныхъ очевидцевъ убійства гене-
рала Мина и подачи ему первой помощи, были допрошены: артистъ при-
дворнаго оркестра А. А. Петровъ, жандармскій унтеръ-офицеръ Т. Н. Сви-
ридовъ, корнеты: Н. Н. Мешетичъ, Н. Д. Скалонъ, Г. Н. Крупенскій,
фармацевтъ Г. Ф. Гюммель, врачъ В. А. Лебедевъ, дворникъ Д. С. Рабовъ
и сторожъ К. Е. Дубковъ.

Далѣе были опрошены лица, разъяснившія мѣсто проживанія З. В. Коно-
плянниковой до убійства и образъ ея жизни.

Матвѣй Андреевъ Мозолайненъ показалъ: «У меня имѣется небольшой
домикъ, стоящій близъ Ново-Петергофскаго вокзала, противъ зданія казармы
Каспійскаго полка, расположенной противъ вокзала. Въ домикѣ у насъ была
одна свободная комнатка, за стѣною которой живемъ мы сами. 31 июля къ
намъ явилась молодая дама и наняла у насъ комнату за 7 руб. въ мѣсяць,
которая и уплатила сразу впередъ. Она предъявила мнѣ паспортъ на имя
Софьи Ивановны Ларионовой, называлась крестьянкой Пензенской губ., ска-

зала, что она учительница, что ей выходить мѣсто въ Петергофскомъ начальномъ училищѣ, и она хлопочеть о скорѣйшемъ опредѣленіи; привезла она съ собою только саквояжъ съ бѣльемъ, и больше вещей у нея не было. Столовалась она у моего сына Петра, который отъ меня отдѣлился и живетъ въ собственномъ домѣ, въ д. Луизино, на Луизинской улицѣ, паискось дачи Асмуса, гдѣ жилъ генералъ Минъ. Какимъ образомъ Софья Ивановна попала къ моему сыну и кто рекомендовалъ ей столоваться у него, — я не знаю, но мы ее къ сыну не посылали. Жила Софья Ив. очень уединенно, никуда не увѣжала, до самаго дня ареста, всѣ ночи ночевала дома, никуда на долго не уходила, кромѣ двухъ разъ, объяснивъ намъ, что она ходила къ инспектору народныхъ училищъ; разъ или два почталіонъ принесть ей письма; никакихъ посѣщеній ея знакомыми лицами я не замѣчалъ, я не видѣлъ, чтобы кто-либо къ ней приходилъ. Кромѣ бывшаго на ней чернаго верхняго платья никакого другого платья я не видалъ; у нея была маленькая подушечка, а одѣяло и матрацъ, по ея просьбѣ, мы ей дали свои. Дома она постоянно читала газеты, которыя покупала на вокзалѣ, и книги; откуда брала послѣднія, — я не знаю. Паспортъ ея я далъ уряднику, для прописки, на второй или третій день, какъ она у насъ поселилась, и урядникъ, на мой вопросъ, сказалъ, что ничего подозрительнаго въ этомъ паспортѣ нѣтъ. Насколько я припоминаю, прическу С. П. носила все время одинаковую, и цвѣтъ волосъ ея, кажется, не измѣнялся.

Екатерина Михайловна Мозолаиенъ показала: «Мы имѣемъ свой домикъ на Луизинской ул., паискось дачи Асмуса, гдѣ жилъ генералъ Минъ, и одну комнату мы отдавали внаймы; къ концу іюня сего лѣта комнатка у насъ освободилась, а 1 іюля къ намъ пришелъ какой-то пожилой господинъ съ просьбой сдать ему эту комнату; я было сначала не хотѣла сдавать комнаты, предполагая оставить ее для своихъ дѣтей, но когда этотъ господинъ сказалъ, что проживетъ только мѣсяцъ, то я согласилась, и онъ въ этотъ же день переѣхалъ на извозчикѣ, привезя одинъ холщевый сакъ-мѣшокъ, одинъ сакъ-вояжъ съ твердымъ дномъ-ящичкомъ, этажерочку и стулъ. За комнату онъ уплатилъ мнѣ впередъ 7 рублей за мѣсяцъ и просилъ меня, чтобы я давала ему обѣды, за что уплатилъ мнѣ тоже 10 руб. Онъ назвался Страховымъ, позолотчикомъ изъ Петербурга и передалъ мнѣ для прописки свою паспортную книжку, въ которой онъ значился Петровскимъ, Саратовской губ., мѣшаниномъ. Книжку эту я въ тотъ же день дала для прописки нашему уряднику и затѣмъ возвратила ее Страхову. Страховъ былъ старикъ, съ сильной просьдюю, лѣтъ 55, худощавый, средняго роста, одѣвался просто, но прилично; онъ говорилъ, что по ремеслу онъ позолотчикъ, живетъ и работаетъ въ Петербургѣ отъ хозяина, который далъ ему мѣсячный отпускъ для поправки, такъ какъ онъ чувствуетъ себя нездоровымъ и хочетъ провестись этотъ мѣсяцъ въ Петергофѣ, на чистомъ воздухѣ, полѣчиться. Жизнь онъ велъ правильную и довольно уединенную, никто къ нему не ходилъ и онъ ни къ кому не ходилъ, старался быть больше на воздухѣ, около дома, развѣ когда уходилъ въ ближайшій лѣсокъ. Два раза въ недѣлю онъ ѣздилъ въ Петербургъ, говоря, что бываетъ тамъ у доктора и въ банѣ, и по его возвращеніи оттуда видно было, что дѣйствительно, онъ бывалъ банѣ. Обыкновенно утромъ онъ читалъ газеты, которыя покупалъ на вокзалѣ, «Двадцатый Вѣкъ», потомъ «Око», затѣмъ читалъ книги. Откуда онъ ихъ доставалъ, — не знаю. Когда онъ ѣздилъ въ Петербургъ, по его словамъ — къ доктору, то одѣвался лучше, бралъ котелокъ, а дома ходилъ проще, въ соломенной шляпѣ. По истеченіи іюля, Страховъ сказалъ, что онъ хочетъ пожить еще нѣсколько дней. Въ воскресенье 6 августа, около полудня, ко мнѣ пришла какая-то молодая дама, брюнетка, въ одномъ платьѣ, т. е.

безъ шляпы и пальто, и обратилась съ просьбою, такъ какъ она слышала, что у меня жилища со столомъ, то не соглашусь-ли я давать и ей обѣдъ. прибавивъ, что она живетъ въ нашей деревнѣ, въ домѣ № 25, т. е. въ домѣ отца моего мужа. Я сначала отказала ей въ этой просьбѣ, такъ какъ имѣть двоихъ обѣдающихъ мнѣ было обременительно, но бывший при этомъ Страховъ вмѣшался въ нашъ разговоръ и сказалъ, что я могу принять ее къ себѣ на столъ, такъ какъ онъ скоро уѣзжаетъ и, такимъ образомъ, послѣдуетъ только замѣна, и я согласилась.

Дама эта назвалась Софьей Ивановной Ларионовой, въ послѣдующіе дни говорила мнѣ, что она учительница изъ Пензенской губ., что ей обѣщано мѣсто въ Петергофскомъ начальномъ училищѣ, она теперь живетъ здѣсь и хлопочетъ о скорѣйшемъ опредѣленіи, что она очень любитъ дѣтей и говорила, что съ ними нужно только умѣть обращаться, и тогда они дѣлаются ласковыми и послушными, и дѣйствительно, за ту одну недѣлю, что она у меня столовалась, она сумѣла очень расположить къ себѣ моихъ дѣтей и подолгу съ ними возилась. Я не могу утверждать, была ли она раньше знакома со Страховымъ или познакомилась съ нимъ только у меня. Страховъ тогда вмѣшался на дворѣ въ нашъ разговоръ, когда С. И. пришла первый разъ, и затѣмъ они разговаривали другъ съ другомъ и были, конечно, знакомы уже потому, что я согласилась принять С. И. къ себѣ на столъ съ условіемъ, чтобы она обѣдала за однимъ столомъ и вмѣстѣ со Страховымъ, въ его комнатѣ, такъ какъ у меня другого помѣщенія не было. Софья Ивановна приходила ко мнѣ ежедневно обѣдать не только къ часу обѣда, но иногда значительно раньше и оставалась у меня подолгу послѣ обѣда, занимаясь какимъ-то вязаньемъ и разговоромъ со Страховымъ, такъ что въ сущности она проводила у меня на дачѣ большую часть дня, да она и сама мнѣ говорила, что ей больше нравится у меня на дачѣ, чѣмъ у нея, такъ какъ у меня и свѣтлѣе, и дѣти есть, съ которыми она любить возиться. Въ воскресенье, 6 августа, Страховъ получилъ открытое письмо и сказалъ мнѣ, что это письмо отъ его хозяина, который разрѣшилъ ему остаться въ Петергофѣ еще полъ-мѣсяца, почему онъ у меня пробудетъ до половинны августа и уплатилъ мнѣ за столъ еще пять рублей, оставшись должнымъ за комнату 3 р. 50 к., а Софья Ивановна еще тогда же, 6 августа, уплатила мнѣ сразу впередъ за мѣсяцъ 10 р. за столъ. Въ воскресенье, 13 августа, я уѣхала утромъ на похороны и сказала Софѣ Ивановнѣ, что уѣзжаю на цѣлый день и распорядилась, чтобы ей и Страхову дали обѣдать. Вернулась я къ 7 час. вечера и застала Софью Ивановну еще у меня. Вскорѣ пришелъ Страховъ изъ роши, принесъ грибовъ и маленькаго кролика, съ которыми начали они играть и смѣялись своимъ шуткамъ, а затѣмъ, по моему совѣту, отдали его кошкѣ. Затѣмъ я пошла въ хлѣвъ доить коровъ и не замѣтила, какъ со двора ушли Софья Ив. и Страховъ, но только послѣ ихъ ухода оба они болѣе ко мнѣ не возвращались, а около 9 часовъ вечера ко мнѣ явилась полиція съ жандармами и обыскали комнату Страхова; потомъ я узнала, что Софья Ив. убила въ 8 час. вечера того же дня ген. Мина, и догадалась бы участіи въ этомъ злодѣяніи и Страхова потому, что и онъ въ тотъ вечеръ скрылся изъ моего дома. Страховъ ѣздилъ въ Петербургъ по вторникамъ и пятницамъ, уѣзжая послѣ обѣда, часа въ 2, а возвращался къ 9 ч. вечера. Съ дворней ген. Мина у насъ не было ничего общаго и никакого знакомства съ этою дворнею мы не водили; я не слыхала, о чѣмъ болѣе разговаривали между собою Страховъ и Соф. Ив., и о Минѣ они меня никогда не спрашивали. Прическу С. И. носила гладкую, закрывавшую до половины уши, а на темени лежала коса кружкомъ; волосы были изсиня черные, да и сама она смуглая; постоянно носила пензенъ.

Петръ Матвѣевъ Мозолаищевъ показалъ : «Въ моемъ домикѣ, который на-

ходится наискосокъ дачи Асмуса, гдѣ жилъ ген. Минъ, есть маленькая комнатка, которую мы на лѣто отдаемъ внаймы. Къ концу юня она освободилась, и 1 июля эту комнатку снялъ за 7 руб. въ мѣсяцъ какой-то Василій Ивановичъ, по ремеслу, по его словамъ, позолотчикъ; фамилію его я забылъ; онъ снялъ у насъ комнату со столомъ, за который особо платилъ моею женой 10 рублей. Онъ говорилъ, что живетъ здѣсь на дачѣ для излѣченія, что онъ нездоровъ, и онъ ѣздилъ два раза въ Петербургъ, говоря, что ѣздитъ туда къ доктору и за лѣкарствомъ; комнатка, въ которой онъ жилъ, небольшая, отдѣляется отъ кухни тонкой переборкой, а вмѣсто двери виситъ занавѣска. Съ воскресенья, 6 августа, у насъ стала столоваться называвшая себя учительницей Софьей Ивановной, но по чьей рекомендаціи она обратилась къ женѣ моей за обѣдами, — я не знаю; у отца моего, въ домикѣ котораго она жила, я давно уже не бываю. Я могу удостовѣрить, что въ вечеръ, 13 августа, убійства ген. Мина жилецъ нашъ Василій Ивановичъ внезапно скрылся, оставивъ у насъ свое небольшое имущество, и больше къ намъ не появлялся».

Марія Адамовна Мозолайненъ показала: «Въ домикѣ моего свекра Матвѣя Мозолайнена, что близъ Ново-Петергофскаго вокзала, противъ Каспійскаго полка, сдавалась внаймы маленькая комнатка, и 30 или 31 іюля къ намъ пришла какая-то молодая дама въ сѣро-желтомъ пальто, съ небольшимъ сакъ-воижемъ въ рукахъ, осмотрѣла и сняла эту комнату за 7 руб., сказавъ, что она проживетъ только мѣсяцъ. Она отдала моему свекру свой паспортъ для прописки и въ немъ значилось, что она — учительница, крестьянка Пензенской губ., Софья Ивановна Ларионова. Поселившись у насъ, она намъ говорила, что она уже девять лѣтъ служитъ учительницей, что Пензенская губернія — очень бѣдная, и тамъ учительницѣ платятъ только 25 рублей, а здѣсь, въ Петергофѣ, платятъ учительницамъ 40 рублей въ мѣсяцъ, что ей обещали здѣсь мѣсто въ начальномъ училищѣ и что съ 30 августа она перейдетъ жить уже въ школу. Она просила насъ давать ей обѣды, но старуха-свекровь отказалась и Софья Ивановна обходилась чаемъ съ булками и молокомъ, но потомъ, въ воскресенье 6 августа, сказала намъ, что она будетъ обѣдать у Катерины, жены моего зятя Петра, который имѣетъ свой домикъ наискосокъ дачи Асмуса. На вопросъ нашъ, откуда она узнала объ этихъ обѣдахъ, Софья Ивановна сказала, что она встрѣтилась въ мелочной лавкѣ со старикомъ, жившимъ у Петра Мозолайненъ, и тотъ ей рекомендовалъ эти обѣды. Была ли она знакома съ этимъ старикомъ ранѣ или случайно встрѣтилась съ нимъ тогда въ лавкѣ и разговорила, — я не знаю. Относительно образа жизни Софьи Ивановны я могу сказать, что она мало сидѣла дома, а все куда-то уходила, вѣрнѣе, она приходила домой только вечеромъ и разъ не ночевала дома, сказавъ, что ѣдетъ въ Петербургъ и будетъ тамъ въ банѣ. Дома она читала газеты, которыя покупала на вокзалѣ, и книги. Откуда брала книги, — я не знаю. Платитье въ другія, кромѣ одного чернаго, что было надѣто на ней, я у нея не видала, бѣлья тоже много не было, словомъ, всѣ ея вещи были въ небольшомъ саквожкѣ. Къ ней рѣшительно никто не приходилъ, письмо во почтѣ она получила только одинъ разъ. Въ Петербургъ она ѣздила и тамъ ночевала, кажется, до 6 августа; остальные всѣ ночи она была дома. Прическу она носила все время у насъ гладкую, закрывающую половину ушей, азади или на темени складывала небольшой свертокъ косы: волосы у нея чернаго цвѣта, но съ какимъ-то страннымъ отливомъ, мѣстами желтоватаго цвѣта, такъ что я хотѣла ее объ этомъ спросить, да стѣснялась».

Елена Александровна Передольская показала: «Лѣтомъ этого года мы жили въ Нов. Петергофѣ на дачѣ на Луизинской улицѣ, N 39, принадлежащей Петру Мозолайнену: я видѣла, что во дворѣ нашей дачи, въ прощеч-

номъ флигелькѣ жилъ у хозяина дачи какой-то старикъ, по имени Василій Ивановичъ, и я видѣла неоднократно, что онъ садился на скамейку нашей дачи, находящейся на улицѣ, или выносилъ изъ комнаты стулъ или табуретку и садился у стѣны дачи или нашего балкона, обращеннаго на Луизинскую улицу, противъ самаго поворота ея къ вокзалу и пристально смотрѣлъ въ сторону дачи Асмуса, которая приходится отъ насъ наискосокъ второй дачей. Затѣмъ я замѣтила въ послѣднее время, что къ этому старику приходила какая-то молодая смуглая дама, сильная брюнетка, съ очень строгимъ выраженіемъ лица, постоянно съ газетой или книгой въ рукахъ. Я видѣла, что она сидѣла на скамейкѣ нашей дачи съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ, сидѣла довольно часто и тоже, какъ будто, наблюдала за дачей Асмуса, гдѣ жилъ ген. Минъ; мать генерала Мина жила на дачѣ на той же Луизинской ул., на поворотѣ ея отъ насъ къ вокзалу, и я часто видѣла, какъ ген. Минъ съ семьей проходилъ по улицѣ мимо нашей дачи къ своей матушкѣ и обратно, такъ что этотъ старикъ-жильецъ, Василій Ивановичъ, видѣлъ, какъ ген. Минъ проходилъ мимо, могла это видѣть и эта дама.

Въ протоколѣ отъ 14 августа значится, что «слѣдователь съ подлежащими властями прибылъ на дачу Асмуса, гдѣ проживалъ генералъ Минъ для производства судебно-медицинскаго вскрытія тѣла послѣдняго»; по прибытіи, слѣдователя встрѣтилъ л.-гв. Семеновскаго полка штабсъ-капитанъ баронъ А. Н. Гревеницъ, который заявилъ, что дежурный флигель-адъютантъ штабсъ-капитанъ Зеленый сообщилъ отъ имени Его Императорскаго Величества вдовѣ покойнаго генерала Мина, что Его Величеству благоудно было повелѣть судебно-медицинскій осмотръ и вскрытіе тѣла покойнаго ген. Мина ие производить. На основаніи изложеннаго, въ силу объявленнаго Высочайшаго повелѣнія, судебно-медицинскій осмотръ тѣла покойнаго произведенъ не былъ.»

Въ отношеніи же пристава I участка Петергофской полиціи отъ 17-го августа за N 3412 къ судебному слѣводителю указано, что тотъ-же штабсъ-капитанъ Гревеницъ, передавая приставу вещи покойнаго генерала и осколки цуль, просилъ ихъ возвратить обратно, «такъ какъ они будутъ помѣщены въ полковой музей лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, какъ историческія реликвіи».

При осмотрѣ вещей обвиняемой, оказались нижеслѣдующіе предметы: револьверъ Браунингъ N 160262; круглая металлическая коробочка съ тремя боевыми патронами и тремя разстрѣлянными капсюлями; паспортъ на имя Ларионовой; желѣзнодорожный указатель на 1906 г.; клочекъ почтовой бумаги съ записью карандашемъ: *«Усталый зѣбрь, на жертву обреченный, остановись! Ну, да я не хочу подробно рассказывать, что происходитъ теперь въ моей душѣ, я не хочу зарантѣ предугадывать, что будетъ. Vanitas vanitatum et omnia vanitas!»* Другой клочекъ бумажки съ записью забора продуктовъ: «суб. I б. м., воскр. I б., понед. 2 дес. огурц., вторя. I б. мол., суб. 5 огурц., воскр. I б. мол.»; листь почтовой бумаги съ записью: «нельзя учить танцовать младенца, еще не умѣющаго ходить»: афиша на спектакль въ Ст. Петергофъ на 13 августа 1906 г.; черныя дамскіе чулки съ мѣткой «R» «S. R.»; полотенце и салфетка съ вырѣзанными мѣтками: пятый томъ романа Дюма «Графиня Шарни»; плоскозубцы; четырехугольная коробка съ ватой; шелковый ручной мѣшокъ.

Отъ В. П. Страхова были отобраны и приобщены къ дѣлу: ручная корзина, пять томовъ романа Дюма «Графиня Шарни» (1, 2, 3, 4, и 5); три обоймы съ 5 патронами каждая, отъ винтовокъ, 8 боевыхъ ружейныхъ патроновъ, коробка съ желтымъ порохомъ и коробка съ чернымъ порохомъ.

Историческая записка о ходѣ тайнаго печатанія въ Россіи.

1861-1881 г. г.

(Изъ секретныхъ документовъ Департамента Полиціи.)
„Великорусскъ“.

Первая тайная типографія заведена была въ С.-Петербургѣ лѣтомъ 1861 г. Въ ней отпечатаны три листка „Великорусса“, появившіеся первый — въ юль, второй — въ сентябрь, третій — въ концѣ октября. Она никогда не была обнаружена. По обвиненію въ изданіи и распространеніи „Великорусса“ были преданы суду Правительствующаго Сената болѣе десяти лицъ. Изъ нихъ одинъ, *Обручевъ*, приговоренный къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы, могъ принимать прямое участіе собственно въ печатаніи этого листка. И при слѣдствіи, и на судѣ, равно какъ и въ ссылкѣ, онъ постоянно упорно отказывался назвать своихъ сообщниковъ.

Четвертый выпускъ „Великорусса“, и по внѣшнему виду, и по внутреннему содержанию своему, совершенно отличенъ отъ предыдущихъ. Онъ составляетъ, очевидно, поддѣлку подъ это изданіе, другой, болѣе умѣренной, революціонной группы, какъ о томъ и было заявлено въ № 2 журнала „Свобода“, въ 1863 г.

„Къ молодому поколѣнію“ и „Молодая Россія“.

Воззванія „Къ молодому поколѣнію“ и „Молодая Россія“, появившіеся первое — въ сентябрь 1861 г., а второе — въ маѣ 1862 г., печатаны не въ Россіи. О воззваніи „Къ молодому поколѣнію“ положительно извѣстно, что оно написано Михайловымъ въ Лондонѣ и издано типографіею „Колокола“. Тѣмъ же лондонскимъ шрифтомъ напечатано и воззваніе „Молодая Россія“.

Тайная типографія московскихъ студентовъ.

Въ концѣ 1862 г. заведена въ Москвѣ тайная типографія, въ которой кружокъ молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, перепечатывалъ разныя запрещенныя сочиненія, изданныя за границей. Она успѣла довести до конца перепечатку книги Огарева: „14 декабря 1825 г.“ По обнаруженіи типографіи, работавшіе въ ней были арестованы, преданы суду и осуждены Правительствующимъ Сенатомъ.

Воззванія, появившіяся въ С.-Петербургѣ въ 1862 г.

Съ начала 1862 г. стали появляться въ С.-Петербургѣ, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, разныя воззванія. Листокъ съ протестомъ противъ высылки профессора Павлова въ Ветлугу (феваль 1862 г.), судя по шрифту, набранъ и напечатанъ въ одной изъ гласныхъ типографій, равно какъ и вышедшее въ апрѣль объявленіе объ изданіи съ осени революціонной газеты „Мысль и Слово“.

Въ томъ же апрѣлѣ вышло воззваніе подъ заглавіемъ „Земская Дума“ съ помѣткою „Типографія земской думы“. Тѣмъ не менѣе по шрифту его можно заключить, что оно печатано въ одной типографіи съ „Великоруссомъ“.

Карманная типографія въ С.-Петербурѣ.

Весною 1862 г. открыла свою дѣятельность такъ называемая карманная С.-Петербургская типографія. Изъ подъ станка ея вышли воззванія: „Къ офицерамъ“*), разбросанныя въ Зимнемъ Дворцѣ во время пасхальной службы; „Подвигъ капитана Александрова“; наконецъ „Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо-феротти“. Типографія эта была вскорѣ обнаружена и главный дѣятель ея, студентъ Баллодъ, преданъ суду Правительствующаго Сената.

Два воззванія: одно — „по поводу офицеровъ, казенныхъ въ Варшавѣ“, а другое — подъ заглавіемъ „Къ образованнымъ классамъ“ и помѣченныя первое — 18-го, а второе — 30 августа, появились безъ обозначенія мѣста печтанія. По внѣшнему виду они подходятъ къ листкамъ „Великорусса“. Предположеніе, что они набраны въ типографіи журнала — не подтвердилось.

Воззваніе отъ 5 ноября „Къ офицерамъ русскихъ войскъ отъ Комитета русскихъ офицеровъ въ Польшу“, по всей вѣроятности, лондонскаго происхожденія, замѣчательно тѣмъ, что на немъ впервые появилась печать съ изображеніемъ пожатія двухъ рукъ и съ надписью „Земля и Воля“.

Общество „Земля и Воля“ 1863 г.

Подъ этимъ названіемъ образовалось въ С.-Петербурѣ тайное общество, весьма ревностно принявшееся за распространеніе печатныхъ воззваній. Большая часть его изданій снабжена печатью съ надписью „Земля и Воля“, „Русскій Центральный Народный Комитетъ“. Четыре воззванія, напечатанныя имъ: 1, по поводу востанія въ Польшѣ, 2, „офицерамъ русскихъ войскъ“, 3, „Братьямъ солдатамъ“ и 4, „Всему народу русскому, крестьянскому“. Кромѣ того, имъ же выпущено два номера журнала „Свобода“ и одинъ номеръ „Земля и Воля“. Последний былъ набранъ въ м. Мариенгаузенѣ, Витебской губ., гдѣ рядомъ съ приготовленіемъ къ вооруженному востанію, нѣсколько лицъ занимались тайнымъ печтаніемъ. Четверо изъ нихъ были задержаны и преданы военному суду.

Тѣмъ же сообществомъ „Земля и Воля“, вѣроятно, издано воззваніе, начинающееся словами: „Долго давили васъ, братцы“ и весною 1863 г. распространенное въ Приволжскихъ губерніяхъ вмѣстѣ съ подложнымъ высочайшимъ Манифестомъ объ общемъ земельномъ предѣлѣ и введеніи въ Россіи представительнаго образа правленія**). Самый же Манифестъ этотъ печатанъ въ Вильнѣ на средства Польскаго революціоннаго Комитета. Онъ по внѣшнему виду своему и оборотамъ редакціи ничѣмъ не отличается отъ подлинныхъ документовъ этого рода.

Польскимъ Комитетомъ изданы еще два воззванія, призывающія къ востанію крестьянскаго населенія Юго-западнаго края. Оба писаны на

*) Это воззваніе, начинающееся обращеніемъ: «Офицеры, въ нашемъ распоряженіи имѣется. — Ивановъ».

***) «Манифестъ», данный въ Москвѣ въ тридцать первый день марта, въ 1860 г. отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третьяго будетъ воспринятъ въ ближайшемъ будущемъ. — Ивановъ».

малоросійскомъ языкѣ старо-славянскимъ шрифтомъ. Первое снабжено печатью съ соединеннымъ гербомъ Польши, Литвы и Украины, другое — такъ называемая „Золотая грамота“, съ польскимъ переводомъ, весьма роскошно въ типографскомъ отношеніи, съ золотыми украшеніями и изображеніемъ Архангела Михаила.

Изданія нечаевскаго кружка 1869-1870 г.

Съ половины 1863 г. прекращается въ Россіи тайное печатаніе. Первая попытка возобновить его относится къ 1869 г. 20 марта этого года бывший студентъ университета Петръ Ткачевъ, по поводу волненія между воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, написалъ воззваніе „Отъ студентовъ къ обществу“ *) и отпечаталъ его въ Петербургѣ въ типографіи Дементьевой.

Изданія общества „Народной расправы“.

Появившіяся около того времени листки нечаевскаго общества „Народной расправы“, хотя и носятъ помѣтку: № 1 Москва, дѣто 1869 г., а № 2 — С.-Петербургъ, зима 1870 г., тѣмъ не менѣе по вѣшнему виду своему заставляютъ предполагать, что печатаны они за границей.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, въ періодъ хожденія въ народъ, появляются многочисленныя и разнообразныя изданія, предназначенныя для ознакомленія народа съ революціоннымъ ученіемъ. Они печатались частью въ Россіи, хотя и съ нарушеніемъ постановленій о печати, но въ легальныхъ типографіяхъ, частью же за границей и потому не входятъ въ рамки настоящей записки.

Лишь въ концѣ 1877 и въ началѣ 1878 г. заведено въ Петербургѣ нѣсколько тайныхъ типографій.

Три тайныя типографіи въ Петербургѣ 1878-79 г. газеты „Начало“, „Летучій листокъ“ и Вольная русская типографія.

Первая изъ нихъ, устроенная кружкомъ социалистовъ, издавала газету „Начало“. Ея вышло 4 номера: 1-й — въ мартѣ, 2-й и 3-й — въ апрѣлѣ и 4-й, съ прибавленіемъ, въ маѣ 1878 г.

Другая типографія, принадлежавшая болѣе умѣренной группѣ „конституціоналистовъ“, предприняла изданіе „Летучаго Листка“, котораго, впрочемъ, вышелъ всего одинъ номеръ, въ апрѣлѣ 1878 г.

Наконѣцъ третья, называвшаяся „Вольною русскою типографіею“, съ конца 1877 г. издала цѣлый рядъ листковъ и брошюръ революціоннаго содержанія. Изъ подъ станка ея вышли:

А) Л и с т к и.

1. Циркуляръ исправникамъ, отъ 14 іюля 1877 г., о воспрещеніи земствамъ заботиться о политическомъ развитіи народа.

2. Русская учащаяся молодежь Министру юстиціи графу Палену.

3. Отъ московской учащейся молодежи.

4. Убійство шпіона (Никонова).

5. По поводу покушенія на жизнь Кіевскаго товарища прокурора Котляревскаго.

6. Приказъ по С.-Петербургскому градоначальству, отъ 1-го апрѣля 1878 г., о розыскѣ Вѣры Засуличъ.

Б) Б р о ш ю р ы.

1. Русскіе отцы и матери къ русскому обществу.

2. Отчетъ о засѣданіяхъ Особаго присудствія Правительству.

*. Подлинникъ воззванія «къ обществу» тоже имѣется. — Ивановъ.

щого Сената о революціонной пропагандѣ въ Россіи.

3. Приказъ по войскамъ Одесскаго военнаго округа.

4. Покушеніе на жизнь Трепова.

• 5. 13 іюля и 24 января.

6. Два засѣданія Комитета Министровъ.

7. Рѣчь И. Н. Мышкина, произнесенная имъ передъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената 15 ноября 1877 г.

8. Записка Министра Юстиціи Палена по поводу намѣненія подсудности противъ должностныхъ лицъ, и

9. По поводу новаго приговора (Войнаральскаго, Ковалика, Рогачева и др.)

• Въ маѣ 1878 г. газета „Начало“, въ прибавленіи къ 4-му послѣднему своему номеру, объявила о приостановкѣ этого изданія на нѣсколько мѣсяцевъ. Вслѣдъ затѣмъ въ послѣдней брошюрѣ, вышедшей изъ подъ станка Вольной Русской типографіи, появилось объявленіе отъ редакціи газеты „Община“, издававшейся въ Женевѣ, слѣдующаго содержанія:

„Въ виду изобилія событій въ современной жизни русской социаль-но-революціонной партіи, въ виду необходимости отвѣчать печатнымъ словомъ на факты жизни и въ виду совершенной невозможности удовлетворять послѣднему требованію, издавая органъ за границей, мы, члены редакціи „Общины“ рѣшили перенести центръ своей дѣятельности въ центръ нашихъ враговъ. Съ іюля или августа нынѣшняго года мы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми кружками, занимающимися печатной агитаціей въ Россіи, начнемъ изданіе новаго революціоннаго органа „Земля и Воля.“

Петербургская вольная типографія.

Дѣйствительно, въ августѣ „Вольная русская типографія“ перемѣнила свое названіе на „Петербургскую вольную типографію“ и объявила подписку на социаль-но-революціонное обоарвіе „Земля и Воля.“ Подписная цѣна была назначена 6 рублей въ годъ. Отдѣльный номеръ долженъ былъ продаваться по 25 коп.

„Земли и Воли.“

Первый выпускъ „Земли и Воли“ по вѣншему виду, формату и расположенію статей совершенно сходный съ „Общиною“, появился 25 октября 1878 г. За нимъ слѣдовали: 2-ой номеръ — 15 декабря; 3-й — 15 января 1879 г.; 4-й — 4 февраля, съ прибавленіемъ 3 марта и 5-й — 8 апрѣля. Въ промежутокъ между четвертымъ и пятымъ номеромъ этого изданія вышло 4 выпуска революціонной хроникки „Листка Земли и Воли“, а послѣ 5 номера обзорнія — 5 и 6 выпускки листка.

Независимо отъ изданія „Земли и Воли“ петербургская вольная типографія продолжала печатать революціонныя брошюры и отдѣльные листки и воззванія. Съ августа 1878 г. и по конецъ 1879 г. изданы ею:

А) Листки.

1. Рѣчь рабочаго Петра Алексѣева.
2. Студентамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній.
3. Ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ.
4. Къ обществу.
5. Программа сѣвернаго союза русскихъ рабочихъ.
6. Отъ ткачей новой бумагопрядильни.
7. Отъ рабочихъ фабрики Шау.

8. Отъ Центрального Комитета сѣвернаго союза рабочихъ.
9. Голосъ рабочаго народа.
10. Казнь Крапоткина.
11. Къ обществу, письмо социалиста-революціонера, взявшаго на себя казнь Крапоткина.
12. Казнь агента тайной полиціи Рейнштейна.
13. Покушеніе на жизнь Дрентельна.
14. Программа общества для содѣйствія социальнo-революціонному движенію въ Россіи, и
15. Отъ реалистовъ къ обществу.*)

Б) Брошюры.

1. Убійство шефа жандармовъ генерала-адъютанта Мезенцева.
2. Правительственная комедія или призывъ къ обществу.
3. Рѣчь Петра Алексѣева, одного изъ осужденныхъ по процессу 50-ти социалистовъ, произнесенная на судѣ 10 марта 1877 г.
4. За-живо погребенные, къ русскому обществу отъ политическихъ каторжниковъ.
5. Выигрыши послѣдней войны. М. Драгоманова.
6. Докладъ комиссіи совѣта С. Петербургскаго университета по поводу записки орд. профессора А. С. Фаминицына.
7. Собраніе стихотвореній, и
8. Процессъ социалистовъ: Осинскаго, Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и Волошенко.

Воззванія исполнительнаго комитета старо-народнической организаціи.

„Земля и Воля“ служила, какъ извѣстно, социальнo-революціоннымъ органомъ партіи и въ ней печатались объявленія исполнительнаго комитета старо-народнической организаціи; но иногда объявленія эти появлялись и въ видѣ отдѣльныхъ листковъ. Таковы были объявленія: по поводу убійства барона Гейкинга; по случаю установленія бланковъ и печатей комитета*) и предостереженіе относительно мнимаго преданія пытокъ государственнаго преступника Соловьева. Приведенное выше объявленіе объ убійствѣ Рейнштейна носить также помѣтку: сообщеніе исполнительнаго комитета.

„Народная Воля“.

По рѣшенномъ на Липецкомъ съѣздѣ распаденіи социальнo-революціонной партіи на группы террористовъ и народниковъ, первая группа присвоила себѣ названіе „Народной Воли“ и сохранила за собою распоряженіе петербургскою вольною типографіею. Въ ней 1 октября 1879 г. отпечатанъ первый выпускъ „Народной Воли“, официальный органъ партіи того же имени, замѣнившій собою прежній „Земля и Воля“. Второй № этого социальнo-революціоннаго обозрѣнія вышелъ 15-го ноября, а третій — 1 января 1880 г.

Изъ подъ того же станка осенью 1879 г. вышла программа Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ и воззваніе его по поводу покушенія 19 ноября.

„Черный Передѣль“.

Народники завели себѣ особую типографію и начали издавать въ ней свою газету „Черный Передѣль“, первый № которой вышелъ 16 ноября 1880 г.

*) Подлинникъ имѣется. — Ивановъ.

Типографія сѣвернаго рабочаго союза „Рабочая Заря“.

Наконецъ, третья тайная типографія, устроенная сѣвернымъ союзомъ русскихъ рабочихъ, занялась изданіемъ листка „Рабочая Заря“; первый выпускъ этого листка помѣченъ 15 февраля 1880 г.

Но въ самомъ началѣ этого года полиція начала на слѣдъ всѣхъ трехъ тайныхъ типографій. Въ ночь съ 17 на 18 января обнаружена петербургская вольная типографія; 29 января — типографія „Чернаго Передѣла“, а въ концѣ февраля и только что устроенная типографія Сѣвернаго рабочаго союза.

Летучая типографія „Народной Воли.“

Террористы первые оправились отъ этого удара. У нихъ была въ запасѣ такъ называемая „летучая типографія Народной Воли“. Въ теченіе февраля мѣсяца отпечатаны въ ней четыре воззванія Исполнительнаго Комитета: по поводу покушенія 5 февраля, убійство Жаркова, требованіе русскаго правительства о выдѣлѣ французскимъ Гартмана и казни Млодецкого. Лѣтомъ 1880 г. набраны въ ней же три листка социально-революціонной хроники „Народной Воли“, осемью объявленіе исполнительнаго комитета по поводу казни Квятковского и Прѣснякова, программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли и воззваніе отъ ихъ имени. Наконецъ, въ той же типографіи началось печатаніе „Рабочей Газеты“, редакторомъ которой состоялъ Желябовъ; первый номеръ вышелъ 15 декабря, 1880 г., а второй — 27 января 1881 г.*)

Типографія „Народной Воли.“

Въ Декабрѣ 1880 г. террористы успѣли устроить болѣе совершенную типографію, извѣстную подъ названіемъ типографіи „Народной Воли“. Изъ нея вышли: 5 декабря 4-й № Народной Воли“, а 5 февраля 1881 г. — 5-й №. Тамъ же отпечатанъ рядъ воззваній, какъ Исполнительнаго Комитета, такъ и рабочихъ членовъ партіи, появившихся вслѣдъ за совершеніемъ злодѣянія 1 марта, а именно:

а) отъ Исполнительнаго Комитета:

1. Отъ 1 марта 1881 г.
2. Отъ 2 марта 1881 г. „Къ честнымъ мірянамъ, къ православнымъ крестьянамъ и ко всему народу русскому“.
3. Отъ 8 марта „Къ европейскому обществу“.
4. Отъ 10 марта „Императору Александру III-му“.**)
5. Отъ 4 апрѣля. По поводу казни царевубійца.

б) Отъ рабочихъ членовъ партіи:

Отъ 2 марта, по поводу совершеннаго царевубійства.

6 мая 1881 г. была обнаружена и эта типографія.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ партія „Народной Воли“ прекратила тайное печатаніе. Лишь 22 июля появился, за № 1 „Листокъ Народной Воли“, а въ концѣ августа и въ началѣ сентября, — слѣдующія воззванія Исполнительнаго Комитета:

1. Къ русскому рабочему народу.
2. Къ офицерамъ русской арміи.

*) Къ этой газетѣ были отдѣльные приложенія, Фельетоны: къ № 1-му — «Возьми глаза въ руки» и къ № 2-му «Крестьянинъ Баруновъ и его дѣло». Последняго въ сборникѣ «Литература Партіи Народной Воли» (Москва, 1907 г.), не имѣется. — Ш.

**) Воззваніе «Отъ Исполнительнаго Комитета Александру III-му» было выпущено одновременно въ двухъ изданіяхъ — большого формата и листовкой. — Ивановъ.

3. Къ украинскому народу и

4. Къ казачеству.)

Вслѣдъ затѣмъ возобновлено изданіе обзорнія „Народной Воли“. 6-й № ея вышелъ 23 октября, а 7 — 23 декабря 1881 г. возобновлена также „Рабочая Газета“, третій номеръ которой появился 8 декабря.

Кромѣ того въ типографіи „Народной Воли“ отпечатаны въ ноябрѣ 1881 г. объявленія Исполнительнаго Комитета по поводу покушенія Санковскаго и кражи 300000 рублей изъ Московскаго Воспитательнаго Дома и воззваніе къ студентамъ отъ центрального кружка Соціально-Революціонной Партіи.

Типографія Общества „Земля и Воля“.

Народники также успѣли устроить собственную типографію въ Петербургѣ: 2-й № „Чернаго Передѣла“, помѣщенный сентябрѣмъ 1880 г., изданъ ими въ Лондонѣ, равно какъ и манифестъ тайнаго братства того же имени. Но уже 3-й № „Чернаго Передѣла“ вышелъ въ С.-Петербургѣ въ мартѣ 1881 г. Въ этомъ же мартѣ въ этой типографіи, назвавшейся типографіей Общества „Земля и Воля“ отпечатано воззваніе по поводу злодѣянія 1 марта,*) „Программа Народной Партіи“ и „Протестъ мирныхъ обывателей“³⁾. Съ іюля предпринято издаваніе новаго рабочаго листка подъ названіемъ „Зерно“. Первые два номера были лишь гектографированы, но съ 3-го номера „Зерно“ начало печататься и выходитъ ежемѣсячно. 6 № „Зерна“ появился въ Ноябрьѣ 1881 г.

15 іюня того же года Общество „Земля и Воля“ издало воззваніе по поводу происходившихъ на югѣ Россіи еврейскихъ безпорядковъ.

Типографія Южно-Русскаго Рабочаго Союза въ Кіевѣ.

Южно-Русскій Рабочій Союзъ, образовавшійся на народническихъ началахъ въ Кіевѣ въ 1880 г., завелъ также свой тайный станокъ. Изъ подъ него вышли пять воззваній; одно — въ декабрѣ 1880 г., два — въ январѣ и два — въ мартѣ 1881 г.⁴⁾

Кіевская революціонная типографія была обнаружена въ апрѣлѣ мѣсяца года и главные дѣятели ея были задержаны и преданы суду.

Христіанское братство.

Наконецъ, въ Ноябрьѣ 1881 г. появились, безъ обозначенія мѣста печатанія, Соборное Посланіе и Уложеніе христіанскаго Братства въ соціально-революціонномъ духѣ.⁵⁾

(Сообщилъ Ивановъ.)

*) Пропущено воззваніе «Къ Европейскому Обществу»: отъ 8 марта 1881 г. и №№ 4 и 5 Чернаго Передѣла отъ 19 сентября и 24-го декабря 1881 г. — Ивановъ.

2) Воззваніе «Царь убитъ»: отпечатанное въ летучей типографіи Общества «Земля и Воля»; отъ 14 марта 1881 г.; имѣется. — Ивановъ.

3) Воззваніе «Судъ и пытка», за подписью «Мирные обыватели», отпечатанное типографіей Общества Земля и Воля, съ датой 22-го мая 1881 г.; имѣется. — Ивановъ.

4) Одно воззваніе «Къ всѣмъ рабочимъ»: изданное южно-русской вольной типографіей, отъ 14 марта 1881 г.; имѣется.

5) «Соборное Посланіе» отъ 8 ноября 1881 г.; имѣется: оно отпечатано въ типографіи Народной Воли. — Ивановъ.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Царь убить! Убить вѣщальника РЫСАКОВИЧЪ съ товарищи.

Не въ первый разъ поднималъ руку на царя. Хотѣлъ убить его крестьяне ТИХОНОВЪ, ШИРЯЕВЪ, рабочіе ХАЛТУРИНЪ и ПРѢСМЯКОВЪ, бывшій народный учитель СОДОВЬЕВЪ и другіе.

За что же убилъ царя! Вѣдь онъ освободилъ крестьянъ отъ помещиковъ!

Да. Далъ царь мужику землю, да такъ пришло, что пришлось на душу бѣль выколоть что по одной ступнѣ, а больше половины кровной мужицкой земли отдали барамъ. Далъ онъ мужику и волю самую настоящую: волю съ голоду помереть, волю идти въ солдаты въ баранъ, мушкетера, своему брату кулаку; волю—урядничать до чиновничья выслужить шею мужицкую!

Поддавался мужику воля, которую далъ ему царь-батюшка; поддавался, переставалъ умолять, да и порѣшилъ: береде съ чиновниками волю поддѣлывали, не настоящую, не царскую волю объявляли... Гдѣ же это видно, чтобъ мужицкую землю, ея плоть-корму похитилъ, въ руки баранъ отдалъ!

И послалъ мужику ходоковъ къ царю разузнать волю доподлинно... Точно, разузнавъ что въ Сибирь посылать, кого по стѣну доной прислать!

Вотъ и узнала она волю настоящую!...

Неужли-жъ чиновники ходоковъ мужицкую бѣль вѣдома царскаго съ Сибиря окладилъ! Неужли-жъ у царя случая не было мужику поведать! Коли береде къ мужику не попускали, такъ выдалъ-же онъ солдатъ; а солдатъ тотъ-же мужицкій!

Нѣтъ! Самъ царь въ 1879 году велѣлъ объявлять мужицкую, что земля нѣтъ братья! Самъ-то царь—надъ баранами баранъ, купецъ надъ мушкетерами, мірошникъ надъ широкими, чиновникъ надъ чиновниками.

Наша-жъ на Руси люди, что говорили народу, какъ раздѣлится ему настоящая мужицкая земля... Да видно, правда-то царю съ баранами не по шуту, пришлось: сталъ онъ этихъ людей по тюрьмамъ морить, осмалить безъ счету въ Сибирь на исторгу, вѣшать и разстрѣливать. Вотъ за эти-то жестокости да за то, что царь народъ обманулъ и ужалъ они царя.

Отъ нашего царя тоже не дожидаться тебѣ ничего хорошаго! Не отбереть онъ у бѣль земли и не дастъ мужику, настоящей воли не дасть! Не обидитъ себя да самъ панскую братью! Барана, чиновника подарить—это онъ можетъ. Вотъ старшій-то царь своихъ братьямъ, великимъ близкимъ, да чиновникамъ, да господамъ разнымъ и баранамъ разнымъ пѣль твоей земли два милліона десятинъ раздѣлалъ; а у мужика нѣтъ пѣль нѣтъ земли!...

Если хочешь ЗЕМЛЮ да ВОЛЮ такъ силой бери!...

Только за дѣло это нужно встѣмъ сразу вѣстись: послать ходоковъ по всей землѣ русской, отъ села къ селу, отъ деревни къ деревнѣ и въ города къ рабочимъ. Чѣмъ волю добыть, и дѣло встѣмъ сговориться. Народъ—сила: что захочетъ, то и будетъ!

Первое дѣло—забрать свою землю, поцѣпъ царю не платить и рекрутствъ не давать! Пусть сидитъ онъ, какъ ракъ на мезлѣ! Тогда съ барана своими анкетъ просятъ мужицкую ничего не подлагать!

Стой вѣрнѣе другъ за дружку, жинка не жалѣючи!... Не придется тогда никому лѣзть на чужую шею да по миру ходить! Добивайся, мужицкая, правды мужицкой, земли своей, воли настоящей!

Сгнѣмъ-же пѣль, какъ одинъ человекъ за правду, за

Землю и Волю!

14-го марта 1881 г. Листъ 1-й. Общ. «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ». С. Петербургъ.

По поводу статьи С. Р. „Мои отношенія къ Азефу“.

Письма въ редакцію «Былого».

I.

Въ № 9-10 «Былого» появилась статья С.-Р. «Мои отношенія къ Азефу».

Авторъ не ограничивается описаніемъ своихъ личныхъ отношеній къ Азефу и вытекавшихъ, какъ слѣдствіе изъ этихъ отношеній, поступковъ. Онъ, кромѣ того — въ связи съ Азефомъ, — дѣлаетъ оцѣнку дѣятельности нѣкоторыхъ партійныхъ учреждений и всей дѣятельности партіи въ прошломъ. Эту часть статьи, содержащую цѣлый рядъ неточныхъ указаній на факты, очевидно, мало извѣстные автору, и совершенно ложныхъ обобщеній, — мы, какъ члены партіи и какъ партійные работники, не считаемъ возможнымъ оставить безъ разбора.

Прежде всего, авторъ даетъ совершенно невѣрное представленіе о роли Азефа въ партіи. Снова и снова повторяется выдумка газетъ о «всемогуществѣ» Азефа въ партіи, выдумка, которая такъ мучительно отзывалась въ сердцахъ каждаго преданнаго партіи человѣка*).

«Произошли еврейскіе погромы», пишетъ авторъ. «Правительство разогнало 1-ую Думу, ввело полевые суды и казнило направо и налѣво. Наконецъ, законъ 9 ноября довершилъ все. А партія С.-Р. молчала, какъ мертвая. По поводу закона 9 ноября не появилось ни одного воззванія къ народу. Въ чемъ нибудь крылась же летаргія партіи?!» (курсивъ всюду нашъ). Причина этой «летаргіи» — въ Азефѣ. Авторъ говоритъ здѣсь не о дѣятельности какой-нибудь отдѣльной части партіи, не о ея боевыхъ функціяхъ (это было бы понятно и справедливо), — здѣсь совершенно ясно говорится о *всей партіи*, о томъ, что стоило захотѣть Азефу и партія, несмотря на цѣлый рядъ необычайно важныхъ событій, впадаетъ въ летаргическій сонъ, обезсиливаетъ настолько, что не въ состояніи даже выпустить бумажки.

Съ отъѣздомъ за границу Азефа «прошелъ временный параличъ партіи. Она опять проделала энергію, опять ходъ историческихъ событій начиналъ зависеть отъ нея». И далѣе. Азефъ снова въ Россіи во главѣ Б. О. «Давно уже военно-полевые суды были замѣнены военно-окружными; вѣщницы работали во всю... Партія оставалась въ полнѣйшемъ оцѣпенѣніи». Изъ этого ясно, что отъ Азефа зависитъ жизнеспособность, самая судьба партіи. Партія — вся въ рукахъ Азефа...

Внутри партіи вліяніе его огромно. Все дѣлается сообразно его хотѣніямъ. Зримо оставивъ Б. О., онъ всталъ во главѣ организационной работы и по собственному усмотрѣнію занялся перекраиваніемъ Центр. Бюро. По его желанію и въ его интересахъ «новая машина заработала на всю Россію». Утогло ему захотѣть, и «всякій с.-р., откуда бы онъ ни ѣхалъ за совѣтомъ, а деньгами, или просто за свѣдѣніями, долженъ былъ являться въ Петербургъ и предстать передъ Азефомъ». Но этого мало. «Вскорѣ самъ онъ переехалъ въ Финляндію, и всѣ пріѣзжіе должны были слѣдовать за нимъ. Въ Петербургѣ имъ давали адресъ, по которому они являлись въ Выборгъ, или ругомъ мѣстѣ жительства Азефа» и т. д.

*) Ту же ошибку, впрочемъ, повторилъ и нѣкоторые нелегальные органы. «Рев. Мысль» и «Труд. Респ.» пытались, наиримѣръ, доказывать, что даже московское возстаніе было дѣломъ рукъ Азефа и Ко.

Словомъ, всемогуществу его нѣтъ предѣловъ. Существуетъ Азефъ и какъ нѣкій придатокъ къ нему — партія. Жизнью преданныхъ и самоотверженныхъ людей онъ распорядился по своему произволу и усмотрѣнью. И во всякомъ случаѣ обрѣкалъ ихъ на муки голодной смерти и нравственныя пытки, а партія равнодушно взирала на это. Да и вообще «у партіи С.-Р. никто не заботился объ обезпеченіи больныхъ».

Несомнѣнно, зло, причиненное Азефомъ партіи — огромно, но для каждаго, кто дѣйствительно работалъ въ партіи, ясно, что ни воля Азефа, ни воля кого другого не могла опредѣлять собой жизни партійнаго коллектива, выражающаго собой цѣлое направление общественной мысли, крѣпко связаннаго съ народными массами, что громадный и сложный механизмъ партіи, съ цѣлымъ рядомъ развѣтвляющихся организаций не могъ въ такой мѣрѣ зависѣть отъ воли одного человѣка, хотя бы и поставленнаго въ исключительно благоприятныя условія.

Когда въ такомъ видѣ въ связи съ Азефской исторіей освѣщалась партія въ легальной прессѣ, въ газетахъ, подхватывавшихъ на лету всякіе слухи — это было понятно и объяснимо. Вѣдь, газета не историческій документъ. Но когда то же появляется на страницахъ такого историческаго журнала, какъ «Былое», — молчать нельзя. Историческіе документы, точныя свѣдѣнія, собранныя отъ непосредственныхъ участниковъ въ партійной работѣ въ будущемъ — и надѣмся въ недалекомъ будущемъ, — конечно, освѣтять этотъ вопросъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Мы ограничиваемся лишь нѣсколькими поправками, касающимися фактовъ непосредственно намъ извѣстныхъ.

1. Совершенно невѣрно утвержденіе автора, что партія послѣ разгона 1-ой Думы и въ послѣдующій затѣмъ періодъ молчала, «какъ мертвая». Авторъ очевидно, забылъ, что послѣ разгона 1-ой Думы, при ближайшемъ и непосредственномъ участіи партіи, произошло возстаніе въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ и на крейсерахъ «Память Азова». Въ Кронштадтѣ именно с.-р. были руководителями возстанія и шли впереди солдатъ, надъ предварительной организацией которыхъ они много поработали. Чтобы убѣдиться въ участіи партіи въ этихъ военныхъ выступленіяхъ, стоитъ только ознакомиться съ процессами, бывшими финаломъ возстанія. Часть товарищей была разстрѣляна тутъ же, какъ наприимѣръ, захваченные на такъ называемомъ «золотомъ блюдѣ» Ковет. Пвановъ (членъ с.-р. раб. организации), часть (главнымъ образомъ члены С.-Р. военной орган.) была осуждена состоявшимся вскорѣ военнымъ судомъ. часть привлеклась позже (процессъ Оникпо и др.)*. Тотчасъ, вслѣдъ за этимъ партія, увѣренная въ томъ, что массы отвѣтятъ на разгонъ Думы всеобщимъ выступленіемъ, занялась, по призыву Ц. К., подготовкой къ возстанію, съ каковою цѣлью рядъ партійныхъ организаций (наприимѣръ, всѣ организации Поволжья) были преобразованы на военный ладъ (такъ называемая «мирная» работа была совершенно упразднена, шло усиленное обученіе военныхъ приемамъ дружинниковъ, сообщая съ крестьянами, въ которыхъ видѣли главную силу, должную выступить, выработывались планы выступленія и т. д.). Правда, вмѣсто ожидаемаго всеобщаго возстанія дѣло ограничилось отдѣльными разрозненными выступленіями (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самарской губ.), но за это можно партію упрекать лишь въ ошибочной оцѣнѣ настроенія массъ, но не въ бездѣйствіи.

Далѣе. Вскорѣ послѣ разгона 1-ой Думы въ августѣ 1906 г. по приговору Ц. С.-Р. былъ убитъ Минъ, нѣсколько позже — Самарскій губернаторъ Блокъ, пензенскій полицмейстеръ и губернаторъ (Александровскій), начальникъ Самарскаго Ианд. Управл. Бобровъ. Не говоримъ уже о другихъ, болѣе мелкихъ террористическихъ актахъ. Развѣ эти акты, хотя бы и не центразнаго характера, свидѣтельствуютъ объ апатіи и оцѣневѣннн Партіи? **)

* Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ есть въ партійной литературѣ («За Народъ», «Парт. Пис.»), «Солд. Газ.» и др.).

***) Нельзя при этомъ не отмѣтить, какъ авторъ въ своемъ усердіи объясняетъ всѣ Азефомъ, отнесъ по существу къ одному времени и параллель партіи (въ якобы значеніи по поводу закона 9 ноября), и оживленіе ея дѣятельности съ отъѣздомъ Азефа

Вообще всякий, кто тогда принимал непосредственное участие в партийной работе, знает, насколько интенсивной жизнью жила партия именно в этот период. Внутри ее происходила огромная работа строительства партии, о чем свидетельствует целый ряд съездов (военный, крестьянский, общепартийный). Продолжалась работа в массах в размах, определявшихся еще во времена свободы. Шла усиленная работа в военной среде, на которую после подавления восстания обратили особенное внимание. За это же время партией выпускался целый ряд органов легальных и нелегальных, так или иначе откликнувшихся на современные события. Вместо выходивших во время 1-ой Думы одна за другой 4-х газет («Нар. Дѣла», «Н. Вѣсти», «Голосъ» и наконец «Мысль»), после разгрома партийной редакции в «Мысли» стали выходить в Петербургѣ сборникъ «Сознательная Россія», позже — «Нов. Мысль» — которые являлись центральнымъ легальнымъ органомъ партии. В Москвѣ появились «Эхо», и «Коллективистъ». Во время 2-ой Думы вышло 7 названий газет («Дѣло» и др.). В частности, по поводу закона 9 ноября были статьи в «Сози. Рос.» (дек. и янв. книжки), затѣмъ популярная брошюра «Мирская сила» и прокламаціи Ц. К. «Къ крестьянамъ». В течение всего этого времени выходили нелегально «Парт. Изв.», «Сод. Газ.», съ января 1907 г. — «Земля и Воля». Не упоминаемъ о всякаго рода мѣстныхъ изданіяхъ.

Наконецъ, къ концу этого же периода Партия приняла участие в выборах во вторую Думу. Можно критически относиться или осуждать ту линію поведения, которой держалась Партия в этот период. Можно съ известной точки зрѣнія, — напр. съ точки зрѣнія «инициативнаго меньшинства» упрекать партию въ слишкомъ большой склонности считаться съ массами (какъ это дѣлаетъ, напр. «Рев. М.») — но можно-ли, зная всѣ эти факты, говорить о жертвѣ молчанія партии?

2. Авторъ неправильно обрисовываетъ роль и участие Азефа въ организационной работѣ. По возвращеніи пзъ-за границы весной 1907 г. Азефъ дѣйствительно принималъ нѣкоторое участие в этой работѣ. Ц. Орг. Бюро въ то время занималось разсылкой литературы и организационными задачами, и работало по опредѣленному плану. Азефъ, будучи вообще сторонникомъ централизма, стремился внести какъ можно большій централизмъ въ это учрежденіе и былъ однимъ изъ тѣхъ, которые настояли на уничтоженіи Москов. Орг. Бюро. Но къ приему лицъ, пріѣзжавшихъ изъ провинціи, Азефъ не имѣлъ никакого отношенія, вообще мало интересуясь провинціей. Одно время этимъ дѣломъ завѣдывалъ П. П. Крафтъ, а послѣ его смерти другіе два товарища и очень немногіе изъ провинціальныхъ работниковъ, не сотрудничавшихъ съ боевыми дѣлами, знали Азефа. П вообще участие Азефа въ этой отрасли работы было кратковременно (мартъ, апрѣль 1907 г.). Затѣмъ, въ течение того времени, когда онъ имѣлъ отношеніе къ этому дѣлу, Орг. Бюро работало исключительно в Петербургѣ, переѣздъ же О. Б. въ Финляндію совершился позже, послѣ разгона 2-ой Думы, когда всѣ «организационники» были высѣжены. Притомъ этотъ переѣздъ былъ совершенъ главнымъ образомъ на лѣтнее время, въ расчетѣ на дачный сезонъ, когда по Финл. дорогѣ очень большое движеніе. Осенью же, въ октябрѣ, ноябрѣ функціи Ор. Бюро постепенно были перенесены въ Петербургъ. Азефъ же, насколько намъ извѣстно, въ 1907 г. не жилъ въ Финляндіи, а только пріѣзжалъ туда время отъ времени.

Слѣдовательно, невѣрнымъ является утвержденіе автора, что каждый пріѣхавшій въ Петербургъ долженъ былъ предстать передъ Азефомъ и что послѣ переѣзда Азефа въ Финляндію «всѣ пріѣзжіе должны были слѣдовать за нимъ» и т. д. Въ Финляндіи Азефъ если и видѣлся съ пріѣзжими, то исключительно по боевымъ дѣламъ.

Правда, въ исторіи партии дѣйствительно былъ «финляндскій» періодъ: въ Финляндію былъ перенесенъ целый рядъ предпріятій, тамъ же одно время

за границу, ибо тѣ террористическіе акты, которые имѣеть въ виду авторъ (Игнатъевъ и др.) относятся отъ 9 ноября едва однимъ мѣсяцемъ. П притомъ, и то и другое произошло одинаково въ отсутствіи Азефа.

пребывалъ и Ц. К., тамъ собирались всё партійные съѣзды, конференціи и Совѣты. И всё, кто былъ прикосновененъ къ этимъ предпріятіямъ, или къ съѣздамъ, или кому нужно было видѣть представителей Ц. К., В. О., Воев. Орг., — должны были являться въ Финляндію. Но причеиъ тутъ желаніи Азефа? Не Азефъ заставлялъ перенести центральныя партійныя учрежденія въ Финляндію, а обстоятельства русской дѣйствительности *вынудили* партію С.-Р. (какъ и С.-Д. и др.) къ такому перемѣненію. И это понятно. Въ теченіе свободъ и послѣдующаго періода партійныя предпріятія велись на широкую ногу (издательство, типографское дѣло и пр.), расширились связи съ провинціей и пр. Трудно было сразу сократиться до размѣровъ «подполья» безъ попытки устроиться приблизительно на прежнихъ же основаніяхъ тутъ же по сосѣдству съ Петербургомъ.

3. Неверно въ общей своей формѣ утвержденіе, что «у П. С.-Р. никто не заботился объ обезпеченіи больныхъ», что лицъ, которыя почему либо въ данный моментъ не нужны были партіи, выбрасывали, какъ негодный материалъ и оставляли безъ всякихъ средствъ къ существованію. Правда, что въ партіи вообще была сильная нужда въ деньгахъ. Правда, что часто работники, на рукахъ которыхъ было опредѣленное дѣло, нуждались въ самомъ необходимомъ. Правда и то, что партія никогда не смотрѣла на себя, какъ на благотворительное учрежденіе, и что революціонная работа вообще развивается въ значительной мѣрѣ равнодушіе къ вопросамъ личнаго блага. И тѣмъ не менѣе, жестокости и пренебреженія къ личности какъ общаго правила — въ партіи не было, въ партійномъ кругу каждый считалъ своимъ долгомъ помогать другъ другу. Партійные работники, или лица, оказавшіе партіи важныя услуги, во многихъ случаяхъ поддерживались партіей. Въ частности, намъ извѣстно, напр., что послѣ Кронштадтскаго и Свеаборгскаго возстанія партія укрывала уцѣлѣвшихъ солдатъ и матросовъ, содержала ихъ и препровождала, сообразно желаніямъ, въ Россію или за границу.

Но въ это время вообще былъ громадный наплывъ выбитыхъ изъ колеи эпохой «свободы» и возстаній. И можно-ли упрекать партію въ томъ, что часто ей было не подъ силу, справиться съ тѣми расходами, которыхъ требовало дѣло помощи пострадавшимъ?

Мы совершенно не касаемся вопроса объ отношеніи къ людямъ Азефа. Можно а priori сказать, что оно было и жестоко и бездушно, особенно по отношенію къ тѣмъ, въ комъ онъ не видѣлъ вліятельныхъ въ партіи людей. Но его отношеніе не обуславливало отношеніе всей партіи, ибо, повторяемъ, между Азефомъ и партіей нельзя провести знака равенства.

4. Безъ сомнѣнія велики были нравственныя муки людей, обреченныхъ себя на смерть и жданннхъ мѣсяцы и годы возможности совершить террористическіе акты. Азефъ, конечно, всѣми силами старался не допустить ихъ до совершенія актовъ. Но даже и эта отрасль партійной работы, боевое дѣло, гдѣ вліяніе было огромно, — не было до такой степени централизовано, чтобы губительное вліяніе Азефа могло обречь боевиковъ на полнѣйшее бездѣйствіе. Кромѣ центральной В. О., бывшей въ рукахъ Азефа и куда доступъ былъ въ высшей степени труденъ, существовали боевыя организаціи такъ называемыя «Летучки» — при Областномъ Комитетѣ. Членомъ такой «Летучки» была напр. Ан. Вищенко, которая не была принята Азефомъ въ В. О., но которая, тѣмъ не менѣе, вступивъ въ «Летучку», совершила главное дѣло избавленія саратовскихъ крестьянъ отъ Сахарова.

Въ частности ссылка автора на самоубійство тов. Р. Лурье въ Парижѣ обличаетъ лишь полнѣйшее незнакомство, какъ съ личностью покойнаго товарища, такъ и съ жизнью и смертью. Во всякомъ случаѣ товарищи наиболѣе близкіе къ покойной Рашели Лурье никогда не высказывали даже намеконъ на связь между ея самоубійствомъ и дѣятельностью Азефа.

Наконецъ, неверно утвержденіе автора, что послѣ исторіи въ Саратовѣ съ выдачей «Бабушки» тѣмъ не менѣе благополучно ускользнувшей изъ полицейской ловушки, когда была произведено разслѣдованіе относительно того, кто бы могъ довести о ея пребываніи тамъ, будто-бы и пингъ этого разслѣдованія сошлся на Азефа. Въ то время ни у кого изъ Саратовцевъ

и тѣни подозрѣнія на Азефа не было.) Разслѣдованіе же (черезъ охранку) установило что доносъ шель изъ-за границы, откуда незадолго до пріѣзда въ Саратовъ была (по словамъ охранки) получена телеграмма о томъ, гдѣ находится «Бабушка». Вскорѣ послѣ этой телеграммы появились въ Саратовѣ около той дачи, гдѣ жила «Бабушка», шпика не мѣстнаго происхожденія. Да и вообще шайка Азефа была такъ велика, что врядъ-ли бы въ нее посвятали мѣстныхъ охранниковъ. Во всякомъ случаѣ все, что было лобото, ограничивалось однимъ указаніемъ на границу. А сама «Бабушка» впоследствии при обсужденіи этого вопроса высказывалась за возможность того, что кто-нибудь за-границей проболтался о ней и слухи дошли до ушей тѣхъ, кому объ этомъ знать не слѣдуетъ. И никому это тогда не казалось страннымъ и невѣроятнымъ послѣ нѣсколькихъ случаевъ заграничной провокаціи, послѣ исторіи съ Машемъ и др.

Теперь-то для насъ ясно, кто выдалъ тогда «Бабушку», но обставлена эта выдача была такъ ловко, что въ то время ни у кого и тѣни сомнѣнія не могло зародиться.

Іюнь 1909 г.

И. Ритина.

Михаиль Ивановичъ.

Л. А-ва.

И-скій.

II.

Вполнѣ присоединяясь къ возраженіямъ товарищей по поводу статьи тов. С. Р. въ № 9—10 «Былого», я хотѣлъ бы добавить къ нимъ нѣсколько замѣчаній съ своей стороны.

Товарищъ С. Р. рассказываетъ въ своей статьѣ, между прочимъ, о своихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ разными лицами. При этомъ онъ не всегда передаетъ эти разговоры вполнѣ точно.

Такъ, напримѣръ, я знаю лично одного товарища Х., который имѣетъ всѣ основанія думать, что С. Р. цитируетъ его рассказы и слова. По его мнѣнію, эти слова и рассказы переданы совершенно невѣрно и неточно. Рассказывается, напримѣръ, о «размолвкѣ» Х-а съ Азефомъ поздней осенью 1906 г. Х-у приписывается мнѣніе, что «Б. О. вызываетъ всѣхъ молодыхъ людей, годныхъ для участія въ террористическихъ актахъ, въ Финляндію для сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ. Провинція остается безъ людей, говорилъ Х., а при переѣздѣ черезъ финляндскую границу или въ Петербургъ эту молодежь арестуютъ». На эти слова Азефъ обидѣлся, сложилъ съ себя обязанности руководителя Б. О. и уѣхалъ за границу, что очень огорчило Х. и дало поводъ тов. С. Р. утѣшать его тѣмъ, что, быть можетъ, безъ Азефа гѣла Б. О. пойдутъ успѣшнѣе.

Въ этой передачѣ вѣрно только то, что, дѣйствительно, въ сентябрѣ 1906 г. у Х. было столкновение съ руководителями Б. О., въ томъ числѣ, конечно, и съ Азефомъ. По причины этого столкновения были совершенно не тѣ, какія указываетъ авторъ. Въ частности, ни о какихъ арестахъ молодыхъ людей при переѣздѣ финляндской границы или въ Петербургъ не могло быть и рѣчи, ибо въ то время такихъ фактовъ не было совсѣмъ. Далѣе: послѣ этой размолвки Азефъ не только не складывалъ съ себя обязанностей руководителя Б. О. и не уѣзжалъ за границу, но еще цѣлый мѣсяцъ продолжалъ стоять во главѣ Б. О. Стало быть, въ это время ни тов. Х. не могъ горчатся уходомъ Азефа, ни тов. С. Р. радоваться этому. Лишь къ ноябрю гѣсцу Б. О. вся цѣликомъ «подала въ отставку», но уже мотивируя ее совершенно иначе. Но за это время, насколько Х. помнить, у него не могло быть никакихъ разговоровъ съ тов. С. Р.

Вообще С. Р., несомнѣнно, смѣшиваетъ во едино разговоры разныхъ людей и благодаря этому получаетъ несоответствующіе дѣйствительности выводы. Если Х. не ошибается и тов. С. Р. дѣйствительно то лицо, которое достойно его своимъ довѣріемъ, то, несомнѣнно, Х. «склоненъ былъ го-

*) Одному изъ подписавшихъ это заявленіе пришлось быть очевидцемъ этой исторіи съ «Бабушкой».

ворить о «Толстомъ» съ большимъ раздумьемъ, съ промежутками между фразами, съ многоточіями» (стр. 181)*), но самъ тов. С. Р. своихъ подозрѣній о возможной провонатурѣ Азефа ему не высказывалъ вплоть до лета 1908 г.: только тогда Х., быть можетъ, и апеллировалъ къ дѣлу Пиеве и пр., какъ это сообщаетъ тов. С. Р. (стр. 179). Авторъ забылъ, что вплоть до этого времени Х. полтора года провелъ въ тюрьмѣ и изгнаніи, и за эти полтора года физически не могъ разговаривать съ тов. С. Р. о такихъ щекотливыхъ предметахъ, какъ терроръ, провокація и т. д. Переписки же между ними не велось...

Тов. С. Р. подкрѣпляетъ свои мемуары ссылкой на документъ — на такъ называемое «петербургское письмо». Онъ излагаетъ интересующія его мѣста слѣдующимъ образомъ:

«Въ письмѣ говорилось, что въ партіи с.-р. есть два агента-провокатора. Одинъ — недавно вернувшійся изъ ссылки въ Сибирь Т.; другой — нелегальный, извѣстный подъ кличками «Толстый» и «Иванъ Николаевичъ». Перечислялось нѣсколько выдать каждому изъ нихъ; приводились призывы, по которымъ можно было узнать обоихъ. Объ А., между прочимъ, сообщалось, что онъ недавно въ Москвѣ прожилъ двѣ недѣли, прописавшись подъ фамиліей Виленкина» (стр. 177).

Я имѣлъ недавно случай ознакомиться съ излагаемымъ документомъ и долженъ отмѣтить, что, во 1-хъ, въ немъ Азефъ не называется ни «Толстымъ», ни «Иваномъ Николаевичемъ», ни какою-либо другою кличкою: онъ указанъ тамъ просто, какъ «инженеръ Азіевъ» безъ упоминанія о его «нелегальности». Это обстоятельство, равно какъ своеобразное правоименіе имени Азефа, въ свое время дало поводъ къ цѣлому ряду умозаключеній, отчасти сбившихъ слѣдствие съ истиннаго пути. Во 2-хъ, во всемъ документѣ нѣтъ ничего похожего на эпизодъ съ Виленкинымъ и сама эта фамилія въ немъ ни разу не упоминается.**) (И вообще фамилія Виленкина ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ по Азефскому дѣлу не встрѣчается.)

А, между тѣмъ, тов. С. Р. придаетъ данному эпизоду такое крупное значеніе, что, по его мнѣнію, онъ могъ бы послужить ключемъ къ раскрытію истины. «Въ самомъ дѣлѣ, аргументируетъ тов. С. Р., какъ могла эта фамилія стать извѣстной охранному отдѣленію? фамилія нелегальнаго человѣка? Или его выдали, но тогда онъ былъ бы арестованъ, или онъ самъ сообщилъ ее охранному отдѣленію и, слѣдовательно, состоитъ его агентомъ» (стр. 179). Оригинальность этой аргументаціи заключается не только въ отсутствіи въ документѣ цитируемаго факта, но и въ ея внутренней логической несостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же документѣ было указано, что «Азіевъ» выдалъ «нелегальнаго Чередина». Это упоминаніе, дѣйствительно, дало поводъ ко многимъ выводамъ. Подъ этимъ именемъ нѣкоторое время проживалъ одинъ видный босвикъ, съ безупречной репутаціей, ко времени получения письма находившійся на свободѣ. Примѣняя къ «Чердину» альтернативу тов. С. Р., пришлось бы въѣдъ провокаторомъ признать именно Чередина... Такова логика, такова и документальность тов. С. Р.»

Я ограничиваюсь здѣсь этими фактическими поправками къ статьѣ товарища С. Р., надѣясь въ другомъ мѣстѣ подробнѣе остановиться на взглядахъ, выводахъ и опѣнкахъ тов. С. Р. и противопоставить имъ свое сужденіе Азефскаго дѣла съ точки зрѣнія стараго партійнаго работника.

Юль 1909 г.

Ст. Нечетный.

Мы напечатали выше возраженія пяти членовъ партіи с.-р. на очень интересную и серьезную статью С. Р., помѣщенную въ предыдущемъ номерѣ

*) Одна ошибка влечетъ за собою другую. Къ сожалѣнію, эпизодъ съ Виленкинымъ изъ статьи въ № 9—10 «Былого» попалъ и въ книжку J. Longuet и G. Sliber «Les dessous de la police russe. Terroristes et policiers» (р. 149).

**) Кстати, эти «многоточіи» не совсемъ являются съ тѣмъ предположеніемъ, передъ Азефомъ, которымъ отличался, по словамъ т. С. Р., всѣ видные члены П. С. Р.

«Былого». Мы не можемъ, по недостатку мѣста, сказать всего того, что намъ хотѣлось бы, по поводу этихъ возраженій. Но въ общемъ можемъ замѣтить, что всѣ они являются плодомъ недоразумѣній или неправильнаго пониманія словъ С. Р.

Если мы предоставляемъ авторамъ писемъ страницъ «Былого», то дѣламъ это только съ той цѣлью, чтобы ускорить возможно полное выясненіе мѣстнаго дѣла. Мы знаемъ, что для ликвидированія этого дѣла партія имѣла въ виду назначить специальную комиссію, но мы до сихъ поръ ничего не знаемъ ни о дѣятельности этой комиссіи, ни даже о ея существованіи.

Статья, вродѣ той, какой является статья С. Р., извѣстнаго революціоннаго дѣятеля, горячо преданнаго интересамъ своей партіи и обще-революціоннаго дѣла, заслуживаютъ самаго внимательнаго отношенія къ себѣ. Статья писана не за границей, а въ Россіи, при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, дѣлавшихъ для автора недоступными какія-либо документальныя справки. Естественно поэтому, что онъ могъ сдѣлать въ своей статьѣ кой-какія неточности. Но не въ нихъ дѣло. На серьезно поставленные вопросы надо было дать серьезные возраженія. Такихъ возраженій автору статьи въ печатаемыхъ письмахъ нѣтъ. Въмѣсто серьезнаго разбора общими усиліями ужасающаго дѣла, обнаруженнаго въ партіи с.-р. и глубоко затрагивающаго всѣ революціонныя и оппозиціонныя партіи, имѣются отдѣльныя поражающія своей мелочностью и неидущія къ дѣлу поправки или же, недоразумѣнія, вызванныя невнимательнымъ отношеніемъ авторовъ писемъ къ мысли С. Р.

Напримѣръ, въ письмѣ Нечетнаго утверждается, что ни въ извѣстномъ петербургскомъ письмѣ, ни въ какомъ-либо другомъ документѣ по дѣлу Азефа не встрѣчается упоминаемая С. Р.-омъ фамилія Виленкина. На этомъ Нечетный строитъ очень много и, сдѣлавъ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній по адресу С. Р., побѣдно заключаетъ: «Такова логика, такова документальность тов. С. Р.» Правда, въ петербургскомъ документѣ фамилія Виленкина не упоминается. Но тамъ сказано слѣдующее: «Другой шпіонъ недавно прибылъ изъ за границы, какой то инженеръ Азіевъ, называется и Валуйскій. Этотъ шпіонъ выдалъ съѣздъ, происходившій въ Пижнеи, покушеніе на тамошняго губернатора, Конопличникову въ Москвѣ (мастерская), Вишнякина (привезъ динамитъ), Ломова въ Самарѣ (военный), нелегальнаго Чередица (въ Кіевѣ), бабушку (украивается у Ракитниковъ въ Саратовѣ)».

Итакъ, С. Р., видѣвшій это письмо четыре года тому назадъ, сдѣлать ошибку и вмѣсто Валуйскаго назвать фамилію Виленкина. Но намъ неопытно, какъ Нечетный, имѣвшій этотъ документъ въ рукахъ тогда, когда онъ писалъ свои возраженія, могъ при ошибкѣ въ фамиліи, ошибкѣ не имѣющей никакого значенія, придать такую важность и построить на ней свою аргументацію. Вѣдь самый фактъ того, что полиція знала нелегальное имя Азефа, знала его паспортъ, и все-таки не арестовала его, фактъ тотъ вѣренъ. И это фактъ знаменательный, на который и въ свое время, въ 1908 г., при разбирательствѣ моего дѣла, обратили хотя и недостаточное, какъ оказывается въ настоящее время, но все же значительное вниманіе. А Нечетный и въ настоящее время не хочетъ понять его значенія.

Отношеніе же къ дѣлу четырехъ авторовъ перваго письма еще, пожалуй, болѣе поразительно. Они, напр., не приводятъ въ связь съ предательствомъ Азефа арестовъ и проваловъ, о которыхъ говоритъ С. Р., только потому, что Азефъ, молъ, не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ тому или иному изъ упоминаемыхъ дѣлъ. Но, вѣдь, это значитъ не знать и азбуки про юка-рской политики охранниковъ, это значитъ ничему не научиться даже изъ дѣла Азефа. Кому теперь не понятно, что оставалось цѣлымъ все, что было вокругъ Азефа, и сохраненіе чего ему и его начальству нужно было для поддержанія революціоннаго авторитета Азефа и что гибло, наоборотъ, все то, что не было лично съ нимъ связано и провалъ чего не могъ бросить на него тѣни?

Авторы того же письма хотятъ упрекнуть С. Р. за то, что онъ отождествляетъ партію съ Азефымъ. Этого авторъ не дѣлаетъ. Онъ говоритъ не

объ общей жизни партіи, а, тѣмъ менѣе, о такой ея дѣятельности, какъ изданіе легальныхъ газетъ. Онъ, главнымъ образомъ, имѣеть въ виду боевую дѣятельность партіи, центральное руководство ею и ту роль, которую Азефъ и игралъ и въ томъ, и въ другомъ. Отноительно этого же никакихъ споровъ, кажется, быть не можетъ: все, что въ послѣдніе годы зналъ Азефъ, все это знали Рачковскій и Герасимовъ, и, насколько это было въ ихъ интересахъ, они накладывали свою мертвую руку на всё начинанія партіи и на всѣхъ партійныхъ дѣятелей. Возражать же противъ этого смыслами на то, что, несмотря на Азефа, партія издавала такія то газеты и выпускала такія то прокламаціи, — значить бить мимо и не касаться существа дѣла.

Не будемъ останавливаться на другихъ, столь же неудачныхъ, возраженіяхъ авторовъ печатаемыхъ нами двухъ писемъ. Но мы не можемъ, въ заключеніе, не высказать своего пожеланія, чтобы с.-р. отнеслись, наконецъ, къ дѣлу Азефа съ должной серьезностью и необходимымъ безпристрастіемъ.

Партія с.-р. и большинство ея руководителей какъ будто не освободились еще отъ нѣкоторыхъ переживаній тѣхъ отношеній, которыя у нихъ были до разоблаченія дѣла Азефа ко всѣмъ боровшимся тогда противъ культа измѣнника. Развѣ не печально, напр., въ данномъ случаѣ, что не только авторы писемъ, но и никто изъ партіи до сихъ поръ не сказалъ ни одного добраго слова своему товарищу С. Р. и за его скептицизмъ на счетъ Азефа. когда, при общемъ довѣрїи и уваженїи, Азефъ дѣлалъ свое кровавое іудинъ дѣло и за то, что, при первыхъ извѣстіяхъ о разоблаченїяхъ предателя, С. Р. изъ Россїи прислалъ свои воспоминанія, въ которыхъ, первый, безспорно вѣрно и ярко поставилъ вопросъ объ Азефѣ и его значенїи. Развѣ не печально, что въ отвѣтъ на статьи «Р. Мысли», заключающія тоже много вѣрнаго объ Азефѣ, авторы писемъ не только не вспомнятъ съ признательностью упорную борьбу участниковъ этого органа съ азефщиной и ихъ усилія разоблачить, вопреки большинству, предателя, но занимаются мелкими укорами по адресу «Рев. Мысли», да къ тому же по очень неудачнымъ поводамъ? Развѣ не печально, что Ц. К. партіи, не понимавшїи ко время всей борьбы съ Азефомъ истиннаго значенія свѣдѣній и документовъ, на которые ссылались противники Азефа, до сихъ поръ не считаетъ нужнымъ пересмотрѣть свои утвержденія и признать ихъ ошибочность? Напримѣръ, уже послѣ объявленія Азефа провокаторомъ, появилось заявленіе Ц. К. относительно туманности, сбивчивости и недостаточности данныхъ нами указанїи на провокаторскую роль Азефа въ періодъ его разоблаченія. И это заявленіе остается въ силѣ до сихъ поръ, хотя теперь, надѣемся, мы имѣли бы право ожидать признанія того, что наши тогдашнія свѣдѣнія были недостаточными только для людей, совершенно не умѣвшихъ разбираться въ вопросахъ провокаціи. Или, напримѣръ, въ томъ же извѣщенїи Ц. К. говорится о противорѣчивости, сомнительности, сбивчивости свѣдѣній, данныхъ Бакаемъ объ Азефѣ. Если теперь для компетентныхъ и свѣдущихъ людей партіи уже вѣдь сомнѣнія, что свѣдѣнія Бакал, оказавшаго огромныя услуги въ дѣлѣ разоблаченія Азефа и косвеннымъ образомъ въ разоблаченїи Гартинга, являлись не только важными, но и безусловно вѣрными и не заключали никакихъ сколько-нибудь значительныхъ неточностей, то не странно ли, что до сихъ поръ Ц. К. не отказался отъ своихъ утвержденїи, высказанныхъ имъ въ упомянутомъ извѣщенїи, въ которомъ онъ въ послѣдній разъ говорилъ о Бакал?

Скоро годъ уже, какъ разоблачили Азефа. Но до сихъ поръ партія не дала сколько-нибудь полнаго и безпристрастнаго отчета объ этомъ ужасномъ дѣлѣ.

Печатаемая нами письма, думается намъ, не вносятъ никакого свѣта въ это темное дѣло. Повторяемъ, мы ихъ печатаемъ только для того, чтобы показать настоятельность изученія дѣла Азефа.

Ред.

Шифръ Департамента Полициі.

Воспроизводимый рядомъ съ этими строками образецъ представляетъ собою точную копию ключа къ шифру, которымъ пользуется Мин. Вн. Дѣль для секретныхъ сношеній со всѣми подвѣдомственными ему учрежденіями, вѣдающими полицейско-политическими дѣлами.

Онъ имѣется у оберъ-полицеймейстеровъ, начальниковъ губернскихъ и уѣздныхъ жандармскихъ Управленій, начальниковъ охранныхъ отдѣленій, желѣзнодорожной жандармской полициі и на пограничныхъ пунктахъ.

Способъ пользования этимъ шрифтомъ крайне простъ, удобенъ и не требуетъ траты много времени. Главное удобство этого шифра заключается въ полной почти невозможности разобрать написанное безъ помощи этого ключа. Секретъ же его сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что верхній рядъ расположенныхъ надъ буквами цифръ составляетъ своего рода подвижную скалу, т. е. написанъ на отдѣльной полоскѣ, которую можно двигать справа налево и на оборотъ. При каждомъ передвиженіи на одну цифру, всѣ буквы получаютъ иное значеніе. Каждая буква можетъ, слѣдовательно, имѣть столько значеній, сколько въ ключѣ есть цифръ, иначе говоря — каждая буква можетъ быть обозначена 58 различными цифрами. Та цифра, которая останавливается надъ находящейся посерединѣ нижняго ряда стрѣлкой, означаетъ начало ключа. Разъ указана эта цифра, то уже легко и просто разобрать шифръ, который, по этой системѣ, можетъ въ одномъ и томъ же письмѣ мѣняться много разъ. Надо только уславливаться относительно количества цифръ, допускаемыхъ послѣ стоящей надъ стрѣлкой цифрой, т. е. основы ключа, или, что то же, черезъ какое количество буквъ мѣняется ключъ.

По министерству внутреннихъ дѣлъ обыкновенно зашифровываютъ 15 буквъ, а 16-ая цифра означаетъ ключъ.

На приводимомъ образцѣ за основу ключа взята цифра, 21, и при этомъ ключъ каждая буква алфавита приобретаетъ два значенія. Зашифровавъ 15 буквъ, ленту съ цифрами передвигаютъ и надъ стрѣлкой ставятъ, напримѣръ, цифру 44; всѣ буквы должны уже тогда обозначаться другими цифрами.

Жандармамъ нужно, допустимъ, зашифровать телеграмму слѣдующаго содержанія:

По агентурнымъ свѣдѣніямъ, проживающая Тульск. Дворянская сорокъ, учительница Иванова имѣетъ оружіе, обыщите, результаты телеграфируйте. Генералъ-маіоръ Герасимовъ.

Шифруютъ только то, что подчеркнуто. За основу шифра берутъ цифру 21 и шифруютъ: По 21 75 58 97 63 65 68 94 42 71 60 свидѣ-
ніямъ проживающая 49 68 77 28 52 44 42 94 49 66 74 72 53 55 56
68 94 49 54 53 51 79 71 42 29 59 25 73 41 65 52 42 95 52 73 49 95
28 95 имѣеть 25 49 60 21 61 78 29 79 42 25 60 53 79 93 66 26 75 64
44, результатъ телеграфируйте. Ген.-майоръ Герасимовъ.

Получившій эту телеграмму, прежде всего, беретъ первую цифру,
т. е. 21 и ставитъ ее надъ стрѣлкой, а послѣ подбираетъ значенія
для пятнадцати слѣдующихъ цифръ; затѣмъ снова передвигаютъ
ленту и надъ стрѣлкой ставятъ цифру 44 и т. д.

Шпіоны, предатели, провокаторы.

(Продолженіе *)

- Жученко, Зинаида Федоровна (Зи. Тр. № 20).
Забрамскій, Левъ — 0. 78 — 87.
Забрамскій, «Былое» 1908 г. № 7.
Завадовскій, — тоже.
Завьяловъ, — тоже.
Зайдъ, Б. А. (Ковно) «Р. М.» 1908 г. № 1.
Зайцевъ, Николай Дмитр. (С. П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Зайцевъ, Викторъ Дмитр. (С. П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Зайцевъ, Владим. — тоже.
Залѣсскій, (Румынія) «Лет. Лист.» 1894 г. № 12.
Замштейгманъ, Маркусь «Л. X. и В.» № 9.
Заусайловъ — «Былое» 1908 № 7.
Зафкинъ, — тоже.
Захаровъ, Семснъ — тоже.
Заяцъ, (Бердичевъ) «Прокл. Ком. Бунда», 1904 г. февр.
Заяцъ, — Тула «П. П.» — 1906 г. № 186.
Зяфревъ, В. П. (П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Зегеръ, — «Набатъ» 1876 г. Сентябрь.
Зеленовъ, — (Кіевъ) «Искра» № 68.
Зеленовъ, П. П. (Москва) «Искра» № 9.
Зеленина — «Былое» 1908 г. № 7.
Зельменко, О. В. (Одесса) «П. П.» 1907 г. № 142.
Земіонко, Александръ «Р. М.» 1908 г. № 1.
Зимонинъ, М. (Дуганскъ) «Искра» 1904 г. № 63.
Зинкевичъ, «П. П.» (Витебскъ) «Р. Р.» № 42.
Зислатъ, Израиль. (Рига) «П. П.» 1902 г. № 93.
Златопольскій, — (Варшава) «П. П.» 1904 г. № 186.
Златоверхскій — «Былое» 1908 г. № 7.
Золотаревъ, В. Л. 7-8 Изд. «Т. С. П. С.-Р.)
Зубатовъ — «Раб. Дѣло» 1899 г. № 1.
Зубинъ, Пав. Ивановъ (П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Зуевъ — «Гол. Соц.-Дем.» 1906 г. № 3.
Зыбинъ, Иванъ — (П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Ивановъ, Афанасій (С. П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Ивановъ, Кузьма — (С. П.-Б.) «Искра» №. 43.
Ивановъ, Иванъ Матвѣевъ (С.П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.

* См. «Былое» № 9-10.

- Ивановъ, Михаилъ — (Луганскъ) «Р. Р.» № 63.
Ивановъ, — (Златоустъ) Р. Р. № 49.
Ивановъ, Андрей Ивановичъ — «Былое» 1908 г. № 7.
Ивановъ, Н. Ивановичъ (С.-П.-Б.)
Ивановъ, — «Набатъ» 1876 г., Июль.
Изаксонъ, Н. «П. И.» 1904 г. № 182.
Извольскій, «Былое» 1908 г. № 7.
Изволенскій, «Набатъ» 1876 г. Июнь — июль.
Изергинъ, А. Е. — (Златоустъ) «Искра» 1903 г. № 40.
Изотовъ, «Наб.» 1876 г., Сентябрь.
Илевъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
Ильяшенко — тоже.
Иноземцевъ, Александръ — «Искра» № 23.
Истоминъ, — «Былое» 1908 г. № 7.
Иесень, — «Былое» 1908 г. № 7.
Иогансонъ, — «Набатъ» 1876 г. Ноябрь — Декабрь.
Иофе, — (Астрахань) «Искра» 1905 г. № 86.
Иофингъ, — «П. И.» 1904 г. № 186.
Иофинъ, Аврумъ (Аврумъ Паперникъ) (Бердич) «Прок. Берд.
Ком. Бунда.» 1904 г., Февраль.
Каблинъ, «Р. Р.» 1905 г. № 58.
Кавецкій, «Анар.» № 1.
Казарина, «Былое» 1908 г. № 7.
Калюшинъ, «Былое» 1908 г. № 7.
Каменецъ, «П. И.» № 182.
Капланъ, Абрамъ «П. И.» № № 77 и 188.
Карачунскій, Евсей «Лет. Л.» № 38.
Кара-Дикжанъ «Былое» 1908 г. № 8.
Карамышевъ (С. П.-Б.) «Искра» № 64.
Каровинъ, Николай «Былое» 1908 г. № 8.
Карновичъ, тоже. № 7 и N 8.
Катарскій, тоже № 8.
Кафталъ, Пецкъ «Р. М.» 1908 г. № 1.
Кашинскій, — «Былое» № 8.
Квицинскій, (Тифлисъ) «Воля Народа» 1906 г. № 1.
Кейзеръ, Алина — «Былое» 1908 г. № 7.
Кельвинъ, Шмерля «П. И.» 1904 г. № 173.
Кенсицкій, Мечиславъ «Р. М.» 1908 г. № 1.
Керповскій, Нохимъ «П. И.» 1902 г. № 85.
Кершнеръ, Лазарь (Киршбергъ Андрей) (Курскъ) «Р. Р.»
1905 г. № 69.
Кзенченко, (Климентовъ) (Харьковъ) «Искра» № 68.
Кильгасть, Иванъ «Былое» 1908 г. № 8.
Кирилловъ, Иона «О.» 1878 — 87 г.г., стр 213.
Кирязловъ, Григорій «Былое» 1908 г. № 7.
Кирилловъ, — «Р.-Д.» 1900 г.
Киселевъ, Сергій «Былое» 1908 г. № 7.
Китовъ, (Златоустъ) «Искра» 1905 г. № 40.
Клевцовъ, «Былое» 1908 г. № 8.
Клейстъ, «Былое» 1908 г. № 8.
Клѣточниковъ, Ник. Вас. — тоже.
Ключниковъ, — тоже.
Коганъ, Нафанаилъ «П. И.» 1905 г. № 142.
Козичевъ, Александръ — «Былое» 1908 г. № 8.
Ковалевскій, мужъ и жена — тоже.
Коваликъ, Антошъ — (С. П.-Б.) «Р. М.» 1908 г. № 3.
Козловскій, (Варшава) «Искра» № 3.
Козловъ, (Москва) «З. и В.» № 12.
Козлова, «Анархистъ» № 1.
Колоблевъ, Вас. Пав. «Былое» 1908 г. № 7.

«Коля» (Чинов. Луцкого Окр. Суда) 1907 г. «Анарх» № 2.
 Комиссаровъ,
 Кондратьевъ, — «Искра» 1902 г. № 28.
 Кони, Николай «Былое» — 1908 г. № 8.
 Кононенко, — тоже.
 Корда-Сысоевъ, — тоже.
 Корвинъ-Кохановскій, — тоже № 7.
 Короткій, Вас. «Р. Р.» N 76.
 Корчажниковъ, «Былое» 1908 г. № 8.
 Костылевъ, «Искра» N 87.
 Коханъ, Вильямъ Арк. «Былое» 1908 г. N 7.
 Коцари, Екат. «З. и В.» N 12.
 Кочновъ, — «Р. Р.» N 73.
 Кошихинъ, — «Былое» 1908 г. N 8.
 Краевъ — тоже.
 Крамеръ, «Былое» 1908 г. N 8.
 Крамеръ, — тоже.
 Красавинъ, Иванъ «Искра» N 59.
 Красниковъ, Федоръ (Севастополь) «В. Л.» 1906 г. N 7.
 Кратюкъ, «За народъ» 1907 г. N 8, стр. 4.
 Крашенинниковъ, (Томскъ) «Искра» № 68.
 Крамнй, «Р. Р.» N 36.
 Краузе, Рудольфъ «Былое» 1908 г. N 8.
 Красвскій, (Ивановъ) — тоже.
 Крейтеръ, Серг. Петр. — тоже.
 Крепскій, — тоже.
 Кремеръ, Носель «П. И.» № 254.

Къ портретамъ.

Помѣщенный нами въ предыдущемъ № портретъ Кальвино-Лебидицева снятъ съ него осенью 1907 г., когда онъ жилъ нелегально въ Петербургѣ. Карточка эта была сдѣлана для получения корреспондентскаго билета для входа въ Госуд. Думу. Новый, печатанный нами портретъ Лебидицева, снятъ за границей и относится къ слѣдшему году его жизни.

Варановъ, товарищъ Лебидицева, казненъ по одному съ Лебидицевою въ 1908 г.

Карточка З. Коноплянниковой снята уже послѣ ареста ея, и долго до казни.

Опечатки.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
Стр. 69, строка 3	Иванъ Ивановичъ	Петръ Ивановичъ
» 79 » 26		— У тебя револьверъ есть?
		спросилъ онъ.
		— Нѣтъ, а у тебя есть?
» 81 » 9	пугали	— Тоже нѣтъ. Всегда носилъ пугали

Le Gérant: M. Hambourg, 58, boul. Port-Royal.

БЫЛОЕ.

Содержаніе 7 №.

Возстаніе урупенихъ казаковъ. **Д. В. Д.** — **И. П. Калевъ.** **Е. Соловья.** — Воспоминанія объ **И. П. Калевъ.** **В. Савинова.** — Подкопъ подъ Херсонское казначейство. **Ф. Юрковского.** — По поводу воспоминаній **Ф. Н. Юрковского.** **М. Ф. Фроленко.** — Изъ воспоминаній **Ив. Окудова.** — Къ дѣлу Соф. Мих. Гинсбургъ. — Царскій Листокъ. — Газета Департамента Полици. — Изъ воспоминаній **М. Еф. Бакая.** О черныхъ кабинетахъ въ Россіи. — Въ поискахъ за матеріалами по исторіи русскаго освободительнаго движенія. **В. Л. Бурцева.** — Памяти народовольцевъ. **В. Н. Фигнеръ.** — Изъ записокъ **Клѣточникова,** — и пр.

Содержаніе 8 №.

И. Максимилианъ Швейцеръ. **П. Дора Бриллиантъ.** **В. Савиновъ.** — — Отъ Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли» (прокламація 1881 г.) — **Письма Фрумкиной.** — Съѣздъ крестьянъ 18 декабря 1905 г. **С. Мазурко.** — Франко-русское шпіонство и франко-русскій союзъ. **Л. Б.** — **Н. Г. Чернышевскій** о революціи. **М. Антоновъ.** — Разсказъ **Николая Егорова** о революціонномъ возстаніи. — Великіе князья на войнѣ. **Ф. Кучинскій.** — Изъ воспоминаній **М. Е. Бакая.** Провокаторы и провокація, — и пр.

Содержаніе 9—10 №.

Б. Империанко-Вноровскій. **В. Савиновъ.** — **Новъ. Н. А. Саблинъ.** — **Воспоминанія** о **Борисѣ Синявскомъ.** **К. Ж.** — **Н. К. Михайловскій** въ 80-е годы. **В. Л. Бурцевъ.** — **К. Колосовъ.** — Къ біографіи **Александра III** (4 документа). — **Записка** **А. А. Лопухина** о развитіи революціоннаго движенія въ Россіи (1904 г.). — **Обвинительный актъ** по дѣлу объ **А. Траубергѣ,** **Е. Ивановой** и др. — **Обвинительный актъ** по дѣлу о **Н. Пумпянскомъ,** **Л. Емельяновой** и др. — **Инструкціи** начальникамъ **Охр. Отд.** по организаціи наружныхъ наблюденія. — Мои отношенія къ **Азефу.** **С. Р.** — Изъ записокъ **М. Е. Бакая:** Правительство и провокація. — Шпіоны, предатели, провокаторы, — и пр.

Объ изданіи газеты

„ОБЩЕЕ ДѢЛО“

Съ 1-го сентября 1909 года въ Парижѣ, подъ редакціей **В. Л. Бурцева,** будетъ выходить два раза въ мѣсяць газета „ОБЩЕЕ ДѢЛО“. Отдѣльнаго номера 50 сант., съ пересылкой — 60 сант. 10 номеровъ съ пересылкой — 5 фр.

Новая книга:

J. LONGUET ET G. SILBER

TERMINOLOGISTES & POLICIERS

Préface de W.-L. BOURTZEV

Un vol. de 300 pages. 3 fr. 50 cent.

**„БЫЛОЕ“ можно приобрести также в следующих
книжных магазинах:**

- Paris.** Librairie de « L'Humanité », 16, rue du Croissant.
 — Librairie Schulz, 3, Place de la Sorbonne.
 — Brockhaus, 17, rue Bonaparte.
 — Boyveau Chevillet, 22, Rue de la Banque.
 — H. Gateau, Rue Castiglioni, 8.
 — Le Soudier, 174—176, Boulevard S-t. Germain.
- London.** Russian Free Press Fund, 18, Augustus Road Brackenburg Rd Sheperds Bush.
- Berlin.** Lilliental. 101, Friedrichstr.
- Bruxelles.** Librairie Kiessling et Ce, rue Coudenberg, 42—44.
- Genève.** Librairie Georg et Ce.
- Vevey.** }
Montreux. } Schesinger.
Territet. }
- Berne.** Glasberg (antiquariat), Bundesgasse, 20.
 — Buchhandlung. A. Francke. Bahnhofplatz.
- Karlsbad.** Starksche Buchhandlung.
- Krakow.** Księgarnia G. Gebethnera i Sp.
- Genova.** Libreria Moderna di Giovanni Ricci, Galleria Mazzini.
- Napoli.** Libreria Antonio Vallardi, Via Roma 37-38.
- Nice.** O. B. Rosanoff, 3, rue Longchamps.
 — Kleidmann, 7, rue Cotta.
- New-York.** M. N. Maisel, 194, East Broadway.
 — Редакция газеты «Русский Голосъ» 56-3 Avenue.

◆ ◆ ◆ ◆ ◆

Адресъ редакціи журнала „Былое“ и газеты „Общее Дело“
V. Bourzeff, 11, rue du Lunain (XIVe arr.), Paris.

Для личныхъ объясненій редакция открыта ежедневно (въ праздничные дни) съ 2-хъ до 4-хъ.

Дѣловыя письма, во избѣжаніе недоразумѣній, посылатъ заказными. — За письма, посылаемыя во Францію заказными, редакция не отвѣчаетъ. По желанію корреспондентамъ для переписки могутъ быть высылаемы концы адреса.

На письмахъ, не предназначенныхъ лично редактору дѣлать надписи: Въ контору журнала „Былое“ или газеты „Общее Дело“.

1—6 №№ заграничнаго „Былого“, „За сто лѣтъ“, „Да здравствуетъ Народная Воля!“
 1—4 №№ „Народовольца“ въ продажѣ не имѣются.

Цѣна 7, 8, 9-10 и 11-12 №№ „Былого“ — по 3 фр. съ пересылкой и доставкой въ Россію — по 2 рубля.

Сборникъ „Да здравствуетъ Народная Воля!“ — по 7 фр.
 За 7 №№ „Былого“ (іюнь—декабрь 1909 г.) по 14 фр. съ пересылкой.

Цѣна I-го выпуска „Царскаго Листка“ — 2 фр.

LE PASSÉ

Вильям

ВЫДАНЕ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

№ 13

Молодого издана — по почтению,
старого — по долгу — по старому,
(Нам старинный славян!)

PARIS
50, B-d SAINT-JACQUES, 50

1910

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Послѣдніе дни лейтенанта Шибанова, Гладкова и Автоенко. Петр Монаховъ	1
2. „Временное правительство“. П. Лавровъ	2
3. Воспоминаніе о переговорахъ „ Демократическаго Бюро “ и „ Исполнительнаго Комитета “ Партии “ въ 1882 г. М. Драгом	3
4. Безсудное заточеніе	4
5. Изъ Шлиссельбургскаго мартиролога	5
Минаковъ	6
Мышкинъ	7
Тихановичъ	8
Софья Гинсбургъ	9
6. Изъ области правительственнаго ханжества.	10
7. Политическая дѣятельность П. Л. Лаврова. М. Автоновъ	11
8. П. Л. Лавровъ о письмѣ В. Гольцева въ „Впередъ!“	12
9. Изъ записокъ А. А. Петрова	13
10. О пыткахъ въ Рижскомъ Слѣдственномъ Отдѣленіи	14
11. Письмо Л. Н. Толстого къ Николаю П.	15
12. У гроба Саазнова. Вчерашній зерентуецъ	16
13. Отъ редакціи „ Былого “	17

Въ этомъ № „**Былого**“ помѣщены два портрета Е. С. Саазнова.

Digitized by Google

Егоръ Сергѣевичъ Сазоновъ.

Е. С. Сазоновъ въ больницу послѣ ареста.

LE PASSÉ

ВЫХОДЪ

СБОРНИКЪ ПО ИСТОРИИ
РУССКАГО ОСВОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

№ 13

Молодымъ людямъ — на поученіе,
Старымъ людямъ — на послушаніе.
(Изъ народныхъ стиховъ)

PARIS
50, Bd SAINT-JACQUES, 50

—
1910

Послѣдніе дни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко.

Мы всю ночь не могли уснуть. Всѣмъ хотѣлось, чтобы поскорѣе наступило девять часовъ утра, когда мы узнаемъ, наконецъ, нашъ приговоръ.

Три дня тому назадъ нашъ чистенькій, красивенькій прокуроръ, подполковникъ Ронжинъ, котораго мы прозвали женихомъ за его заигрываніе съ судьями и свидѣтелями-офицерами, требовалъ, чтобы убили девять человѣкъ. Онъ добивался еще и смерти рабочаго Григорія Ялинича, но такъ какъ Ялиничъ во время возстанія не достигъ совершеннолѣтія, то, на основаніи 57 ст. Уг. Ул., смертная казнь должна была быть замѣнена ему безсрочной каторгой.

Наступило холодное февральское утро. Крѣпостныя окна покрылись красивыми, причудливо переплетенными узорами, и длинныя, толстыя ледяныя, сосульки съ тоненькими кончиками спускались почти до самой земли. Солдаты и матросы, одѣтые въ походную военную форму, съ заряженными ружьями на плечѣ, острый, тонкій штыкъ которыхъ горчало высоко надъ солдатской шапкой, прогуливались взадъ и впередъ передъ нашими окнами съ толстой желѣзной рѣшеткой, весело похлопывая отъ утренняго холода въ свои желтыя, грубыя, солдатскія рукавицы...

Ровно въ восемь часовъ утра въ нашу камеру*) явился старшій жандармскій унтеръ-офицеръ и приказалъ намъ поскорѣе собрать наши пожитки, такъ какъ мы больше не воротимся въ нашу гостепріимную гауптвахту, гдѣ мы просидѣли пятнадцать дней, а насъ всѣхъ повезутъ прямо изъ зала суда на военный транспортъ „Прутъ“, гдѣ мы должны будемъ сидѣть до конфирмаціи приговора.

— Значитъ, мы всѣ осуждены? — спросили мы, какъ то невольно, нашего всезнающаго жандарма.

Онъ что то странно взглянулъ на Частника, усмѣхнулся и, наклонившись къ уху Пятина, сказалъ: „среди васъ одного приговорили къ смертной казни“.

*) На гауптвахтѣ въ одной комнатѣ сидѣли: Частникъ, Пятинъ, Ялиничъ и я, а лейтенантъ Шмидтъ сидѣлъ рядомъ съ нами. Матросы же находились въ другомъ отдѣленіи.

Для всѣхъ насъ было ясно, что этотъ одинъ и есть Сергѣй Частникъ.

Черезъ окно мы видимъ, какъ уводятъ въ судъ матросовъ-подсудимыхъ.

Видь у нихъ скучный, унылый; всѣ они идутъ какъ то по стариковски тихо, и по ихъ грубымъ, мужицкимъ лицамъ видно, что всѣ они переживаютъ ужасную душевную драму... Одинъ только матросъ Гладковъ, какъ всегда, весель и безпечень; проходя мимо нашихъ оконъ, онъ крикнулъ: „смертный приговоръ идемъ выслушивать!“

Вслѣдъ за нимъ показался лейтенантъ Шмидтъ.

Видь его бодрый, веселый; съ поднятой головой онъ медленно проходитъ... Стража вокругъ него увеличена; сегодня ему даже оказано особое вниманіе со стороны коменданта Очаковской крѣпости: ему сопутствуютъ донскіе казаки, красиво гарцуя на своихъ пизенькихъ лошадакахъ и разгоняя вагайками любопытствующую публику, которая сегодня заполняетъ всѣ улицы и проходы, желая узнать поскорѣе участь лейтенанта Шмидта и матросовъ подсудимыхъ.

Наконецъ, двинулись въ путь-дорогу и мы. Частникъ былъ, какъ всегда, весель, остроумень и всю дорогу шутилъ, хотя былъ увѣренъ, что въ залъ суда ему придется выслушать смертный приговоръ.

Зданіе, гдѣ проеиходилъ судъ, было оцѣплено войсками всѣхъ родовъ оружія, которыя стояли тѣснымъ кольцомъ и никого посторонняго не пропускали. Даже наши защитники, которыхъ всѣ солдаты и матросы знали въ лицо, должны были вызывать дежурнаго офицера, чтобы пройти въ залъ суда.

Узнаемъ, что ночью прибыло нѣсколько ротъ солдатъ изъ Николаева, чтобы конвоировать насъ изъ зала суда до берега моря, гдѣ насъ ожидалъ военный баркасъ, который долженъ доставить насъ на транспортъ „Прутъ“.

Адмиралъ Чухнинъ постарался и устроилъ намъ охрану, какая полагается только лицамъ царской семьи.

Въ залъ суда шумъ, толкотня и крики. Стулья и скамьи убраны, и мы, подсудимые, находились въ тѣсномъ, живомъ кольцѣ нашихъ караульныхъ солдатъ и матросовъ.

Долженъ замѣтить, между прочимъ, что охраняли насъ въ высшей степени тщательно, бережливо и зорко. Самодуры маленькаго города Очакова, со своимъ комендантомъ во главѣ, все время почему то воображали, что мы должны обязательно ударить, и потому постарались стянуть для нашей охраны немовѣрное количество войска.

Мы были, такимъ образомъ, окружены не однимъ, а въ сущности четырьмя живыми кольцами изъ солдатъ и матросовъ: городъ Очаковъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ войсками — это было первое кольцо; кварталъ, гдѣ находилось зданіе суда, былъ окруженъ вторымъ кольцомъ; зданіе суда

было окружено третьимъ кольцомъ и, наконецъ, всѣ мы въ залѣ суда были окружены четвертымъ кольцомъ. И все-таки, не смотря на такую необыкновенную охрану, лейтенантъ Шмидтъ, если-бы только онъ хотѣлъ, могъ убѣжать, такъ какъ многіе офицеры-армейцы ему предлагали устроить побѣгъ.

Въ залѣ суда пришли наши защитники Балавинскій и Винбергъ.

Зарудный, Врублевскій и нашъ казенный защитникъ, фамилію котораго сейчасъ я не помню, вчера съ нами распрощались и уѣхали изъ города, а Александревъ (екатеринославскій) долженъ былъ насъ ожидать на берегу моря, около нашего военнаго баркаса.

Въ залѣ уже извѣстно, что приговорены къ смертной казни лейтенантъ Шмидтъ, Частникъ, Гладковъ и Антоненко и оправданы одиннадцать матросовъ.

Появился молоденькій секретарь Залевскій, сотрудникъ „Русской Рѣчи“, со своимъ маленькимъ кортикомъ, который у него постоянно выпадалъ на полъ, когда онъ не могъ разобрать какую-нибудь бумагу, что служило предметомъ общаго смѣха. Сегодня у него кортикъ, какъ на зло, снова выпалъ, и Частникъ, подойдя къ намъ, сказалъ: „смотрите, у Мишки снова кортикъ выпалъ“. Мы всѣ сорокъ человекъ разсмѣялись, а больше всѣхъ хохоталъ матросъ Антоненко, которому ужасно понравилось замѣчаніе Частника. Одинъ только лейтенантъ Шмидтъ все время молчалъ, былъ серьезень и нервно прохаживался взадъ и впередъ въ этомъ тѣсномъ кольцѣ.

Наконецъ, Мишка какъ то торжественно и громкимъ, точно не своимъ, голосомъ закричалъ: судъ идетъ! Вдругъ, какъ-бы по командѣ, всѣ замолкли, и наступила тишина, а Мишка, виновникъ этой тишины, стоялъ у своего кресла и принялъ позу именинника. „Сейчасъ пойду поздравлять Мишку съ днемъ ангела“, сказалъ тихо Частникъ.

Всѣ мы направили свои взоры на таинственную дверь, откуда должны выйти тѣ люди, которые отъ имени *царя и якобы народа* присудили къ смертной казни четырехъ народныхъ борцовъ.

Толстые, жирные, еле передвигая ноги, выползли эти шесть представителей Фемиды, походившіе на какихъ то провинціальныхъ мясниковъ, только случайно, на вѣкоторое время, разодѣтыхъ въ эти красивые, расшитые золотомъ и серебромъ мундиры. Медленно, вяло, какъ бы послѣ обильнаго ужина, они подошли къ судейскому столу и заняли свои кресла съ высокими спинками.

Появился, но только черезъ другую дверь, представитель обвиненія, красавецъ Ронжинъ. Весь онъ дышалъ довольствомъ, радостью, точно бы только что открылъ какую-то величайшую тайну, которая принесетъ всѣмъ людямъ счастье и миръ. Онъ кокетливо поклонился судьямъ, широко и красиво развелъ ру-

ками, видимо стараясь всѣмъ намъ внушить мысль, что онъ ни разу не видалъ господъ судей во время постановленія приговора.

Предсѣдатель суда, военно-морской судья подполковникъ Александровъ, вѣрный рабъ царя и адмирала Чухнина, уже специализировавшійся въ подобныхъ процессахъ, гдѣ приходится приговаривать къ смертной казни, — онъ былъ въ качествѣ прокурора въ дѣлѣ „прутовцевъ“ и въ качествѣ предсѣдателя суда въ дѣлѣ „Трехъ святителей“, — началъ медленно и тихо читать приговоръ. Чтеніе тянулось минутъ пятнадцать. По мѣрѣ того, какъ оно подходило къ концу, предсѣдатель Александровъ все возвышалъ голосъ и послѣдніе слова онъ почти выкрикивалъ, но кричалъ медленно, то и дѣло поглядывая на насъ и слѣдя за тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ его чтеніе на лейтенанта Шмидта и другихъ подсудимыхъ.

Мы выслушали приговоръ молча и только одинъ, матросъ Гладковъ, крикнулъ: „Отъ рабовъ адмирала Чухнина я ничего другого не ожидалъ!“, да лейтенантъ Шмидтъ, смѣясь, замѣтилъ: „Адмиралъ Чухнинъ даже пули для меня пожалѣлъ“.

* * *

Вотъ точный текстъ приговора. Временный Военно-Морской судъ приговорилъ: отставного лейтенанта Петра Шмидта лишить правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ повѣшеніе. Старшаго баталера Сергѣя Частника, комендора Никиту Антоненко и машиниста Александра Гладкова исключить изъ службы, съ лишеніемъ воинскаго званія, лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣліаніе.

Крестьянина Григорія Ялинича, студентовъ Александра Пя-типа и Петра Моишеева, боцмантмата Исаака Уланскаго, старшаго квартирмейстера Александра Куприкова, Федора Симаква, Ивана Родіонова, артиллерійскаго квартирмейстера Григорія Абрамова, подшкипера Василія Карнаухова, хозяина тримныхъ отсѣковъ Михаила Фоминова, машиниста Александра Докукина, Юганеса Сабельдтфельда и матросовъ: Арменія Осадчаго, Павла Соловьева, Николая Барапова, Арсенія Жигулина, Алексѣя Бобликова и Бориса Туркевича лишить всѣхъ правъ состоянія, и воинскаго званія и воинскихъ чиновъ съ исключеніемъ изъ службы, и сослать въ каторжныя работы: Ялинича и Уланскаго безъ срока, Куприкова, Карнаухова, Соловьева и Осадчаго на двадцать лѣтъ cadaго; Абрамова и Докукина на пятнадцать лѣтъ cadaго; Барапова на двѣнадцать лѣтъ; Пятина, Моишеева, Симаква на десять лѣтъ cadaго; Родіонова и Жигулина на восемь лѣтъ cadaго; Сабельдтфельда и Бобликова на семь лѣтъ cadaго; Фоминова и Туркевича на четыре года cadaго, съ послѣдствіями ст. 22-28 Улож. о наказ. Уголовнаго и Исп. опредѣленными.

Сигнальщика Ефима Коржа, машиниста Федора Сидорова, гальванера Сергѣя Чербо, комендора Антона Коляду, минера Александра Преображенскаго, матросовъ Георгія Курочкина и Кузьму Сидорова (онъ же Соколовъ), кочегаровъ: Михайла Кудимова и Василя Плетнева лишитъ воинскаго званія съ исключеніемъ изъ службы, и всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства: Коржа, Кудимова, Курочкина и Плетнева на четыре года cadaго; Федора Сидорова, Кузьму Сидорова (онъ же Соколовъ) и Чембо на три года cadaго; Коляду и Преображенскаго на два года cadaго, съ послѣдствіями 43 ст. Улож. и Наказ. Угол. и Испр., указанными, а по освобожденію ихъ отъ работъ въ сихъ отдѣленіяхъ отдать ихъ подъ надзоръ мѣстной полиціи на четыре года, на основаніи 58 ст. того же Уложен. по продолженію 1902 года.

Старшаго квартирмейстера Ивана Сазонова, комендоровъ: Ивана Александрова, Данила Богача, Андрея Ковалева, гальванера Федора Блинова, матросовъ Петра Опарина, Александра Рыбина, Герасима Федотова и кочегаровъ: Григорія Чебаненко и Ивана Юрченко на основаніи 1 пункта 825 ст. Военн. Морс. Устава считать по суду оправданными.

* * *

Итакъ, комедія военно-морскаго суда кончилась! Смѣшно и жалко было смотрѣть на этихъ почтенныхъ моряковъ, сѣдыхъ, уважаемыхъ всею морскою семьей, какъ они разыгрывали всю эту комедію, называющуюся военнымъ судомъ. Приговоръ былъ продиктованъ заранѣе, и нашимъ почтеннымъ судьямъ, въ орденахъ и лентахъ, оставалось только скрѣпить его своими подписями.

Я никакъ не могу понять, для чего понадобилась вся эта жалкая комедія адмиралу Чухнину и морскому министерству.

Не лучше ли было бы взять, да и разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, которые были необходимы для удовлетворенія самодурства адмирала Чухнина, какъ это дѣлали его почтенные коллеги въ Варшавѣ, въ Москвѣ, Сибири, на Кавказѣ и т. д.?

Лейтенантъ Шмидтъ, въ своей послѣдней рѣчи на судѣ, сказалъ:

„Гг. судьи! я понимаю, что ваше положеніе очень тяжелое. Человѣку-христіанину легче самому умереть, чѣмъ другихъ приговаривать къ смертной казни“. И я долженъ замѣтить, что, дѣйствительно, положеніе нашихъ судей было въ высшей степени тяжелое и уродливое, и они должны были судить такъ, какъ этого хотѣлъ старый адмиралъ Чухнинъ и его приближенные.

Сейчасъ же послѣ чтенія приговора всѣхъ насъ вывели въ

стеклянный корридоръ, и мы свободно могли разговаривать съ матросами и караульными солдатами. Къ намъ подошелъ одинъ солдатикъ-армеецъ, который былъ служителемъ въ этомъ зданіи. Во время совѣщанія судей по нашему дѣлу, онъ, вмѣстѣ съ другими, подавалъ имъ чай и обѣдъ и, конечно, подслушалъ то, о чемъ тамъ говорили. Онъ намъ разсказалъ слѣдующее.

На судѣ, на вопросъ судій, лейтенантъ Шмидтъ все время называлъ себя монархистомъ и даже причислялъ себя, по своимъ убѣжденіямъ, къ конституціонно-демократической партіи. Государь, по словамъ разсказчика, сейчасъ же послѣ севастопольскаго возстанія, черезъ предсѣдателя слѣдственной комиссіи, генерала-лейтенанта Колосова, предлагалъ Шмидту покаяться въ своихъ дѣйствіяхъ за что онъ, государь, даруетъ ему жизнь. На это предложеніе лейтенантъ Шмидтъ отвѣтилъ генералу Колосову: „Если бы я раскаялся въ своихъ дѣйствіяхъ и убѣжденіяхъ, то мой государь-императоръ пересталъ бы меня уважать, и я бы сдѣлался его рабомъ, а не слугой-вѣрноподаннымъ. Рабомъ я быть не желаю, а вѣрноподаннымъ-слугой всегда былъ, есть и буду“. Принимая все это во вниманіе, судья Бѣляевъ, капитанъ перваго ранга, георгіевскій кавалеръ, сдѣлалъ заявленіе, что приговаривать лейтенанта Шмидта къ смертной казни невозможно въ виду его явныхъ монархическихъ убѣжденій, а, слѣдовательно, невозможно приговаривать и другихъ его товарищей, хотя они и социалисты и республиканцы, такъ какъ глава всего этого процесса — лейтенантъ Шмидтъ. Къ мнѣнію Бѣляева присоединились судьи моряки: Васильевъ, Константиновъ и Моридшильдъ, а противъ были только предсѣдатель суда Александровъ и военно-морской судья Воеводскій. Большинство было на сторонѣ Бѣляева и жизнь лейтенанту Шмидту и его товарищамъ матросамъ была, такимъ образомъ, обезпечена.

Тогда предсѣдатель суда Александровъ объявилъ перерывъ для обѣда и послалъ адмиралу Чухнину телеграмму обо всемъ случившемся. Не успѣли судьи хорошенько пообѣдать, какъ получился отвѣтъ отъ Чухнина: „если вы всѣ желаете, чтобы негодяй Шмидтъ былъ въ маѣ*) мѣсяцъ морскимъ министромъ, то даруйте ему жизнь. Мнѣ же кажется, что этого негодяя нужно какъ можно скорѣе повѣсить“.

Эта телеграмма рѣшила участь лейтенанта Шмидта и другихъ матросовъ. Сѣдой георгіевскій кавалеръ Бѣляевъ и его сторонники, капитаны перваго и втораго ранга, должны были, вопреки своимъ убѣжденіямъ и своей совѣсти, только по приказу какого то изувѣра-самодура Чухнина, подписать своими дрожащими, стариковскими руками смертный приговоръ чело-вѣку, котораго они считали монархистомъ, слугой русскаго

*) Въ это время уже было извѣстно, что первая государственная Дума собирается 27 апрѣля и что она будетъ кадетская.

царя, который всю свою жизнь прожилъ въ морской семьѣ и котораго они знали чуть ли не со школьной скамьи.

Выяснилась и еще одна маленькая ненормальность этого важнаго совѣщанія представителей Ѳемиды: прокуроръ Ронжинъ присутствовалъ при совѣщаніи судей и время отъ времени подавалъ свои совѣты, которые, конечно, сейчасъ же принимались во вниманіе его коллегой, председателемъ Александровымъ. Наши защитники на эту вторую ненормальность указывали въ своей кассационной жалобѣ, но, какъ извѣстно, кассационная жалоба дальше канцеляріи адмирала Чухнина не пошла.

* * *

Пока мы стояли въ этомъ стеклянномъ корридорѣ, — а это продолжалось около часа, — лейтенантъ Шмидтъ и нѣкоторые другіе подсудимые матросы имѣли свиданья со своими родственниками, которые пріѣхали изъ далекихъ, глухихъ деревушекъ, узнавъ изъ газетъ, что ихъ сыновей, братьевъ судятъ за то, что они хотѣли отнять землю у богачей-помѣщиковъ и отдать ее бѣднякамъ-крестьянамъ.

Въ это время я впервые послѣ моего ареста имѣлъ возможность побесѣдовать съ матросами, что называется, по душамъ. Матросъ Гладковъ намъ заявилъ: „если бы я только зналъ, что лейтенантъ Шмидтъ — монархистъ, то я его ни за что не приглашалъ бы на крейсеръ „Очаковъ“, и если бы Шмидтъ захотѣлъ пріѣхать самовольно, то я его не пустилъ бы на судно. Монархисту съ социалистами дѣлать нечего!“ мрачно закончилъ свою мысль Гладковъ. И тутъ же я услышалъ отъ Гладкова, Антоненко, Частника и другихъ слѣдующее интересное сообщеніе: комитетъ матросскихъ депутатовъ поручилъ лейтенанту Шмидту въ ночь съ четырнадцатаго на пятнадцатое ноября арестовать адмиральское судно — броненосецъ „Ростиславъ“*).

Планъ былъ слѣдующій: Шмидтъ вмѣстѣ съ боевой ротой изъ очаковцевъ долженъ поѣхать на броненосецъ „Ростиславъ“ и тамъ арестовать всѣхъ офицеровъ и завладѣть броненосцемъ, что было очень легко, въ виду того, что команда этого адмиральскаго судна была лучше всѣхъ распропагандирована и не оказала бы никакого сопротивленія боевой ротѣ. Сама же команда арестовывать своихъ офицеровъ считала не красивымъ и неудобнымъ, и матросы на этотъ счетъ имѣли свои глубокіе психологическіе мотивы.

Когда же адмиральское судно оказалось бы въ рукахъ революціонеровъ-матросовъ, то лейтенантъ Шмидтъ долженъ былъ дать сигналъ по всѣмъ остальнымъ судамъ, что адмиралъ бредуетъ командировъ судовъ и старшихъ офицеровъ пріѣхать на броненосецъ „Ростиславъ“, и какъ только всѣ они пріѣхали

*) До потемкинскихъ дней адмиральскимъ судномъ былъ броненосецъ «Потемкинъ»

бы на „Ростиславъ“ — они были бы арестованы, а затѣмъ легко уже было бы завладѣть всѣми судами, такъ какъ команда безъ командировъ не стала бы сопротивляться тѣмъ болѣе, что всѣ матросы сочувственно относились къ революціонному движенію и съ радостью примкнули бы къ возставшимъ матросамъ, если бы только видѣли на сторонѣ возставшихъ какую-нибудь физическую силу.

Завладѣвши всѣми судами, которыя стоятъ въ Севастопольской бухтѣ, легко было бы привлечь на свою сторону и весь севастопольскій гарнизонъ и черезъ нѣсколько часовъ возставшіе матросы были бы хозяевами города Севостополя.

Надо сказать, что крѣпость и полевая артилерія въ Севастополѣ пассивно примкнули бы къ революціонерамъ, а комендантъ крѣпости, генералъ Неплюевъ, былъ уже давно арестованъ и сидѣлъ въ плѣну въ Лазаревскихъ казармахъ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ матросскихъ депутатовъ во главѣ съ Вороницынымъ и Канторовичемъ. Саперы, телеграфисты, понтеры давнымъ давно присоединились къ революціонерамъ, взорвали часть желѣзной дороги и испортили военный телеграфъ и телефонъ.

У адмирала Чухнина остались только Бѣлостокскій и Брестскій полки, да нѣсколько сотъ пьяныхъ донскихъ козаковъ. Первые два полка, вѣроятно, присоединились бы къ возставшимъ, такъ какъ въ нихъ было много организованныхъ солдатъ, и всякій разъ, когда эти полки вызывали на усмиреніе, они обыкновенно стрѣляли вверхъ и никого не убивали и не ранили.

Когда весь севастопольскій гарнизонъ сталъ бы на сторону возставшихъ, предполагалось устроить временныя укрѣпленія на Перекопскомъ перешейкѣ и перевести туда полевую артилерію и часть крѣпостной. Тогда бы Севастополь былъ недоступенъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока хватило бы провіанта.

Укрѣпленія на Перекопскомъ перешейкѣ защищали бы Крымскій полуостровъ съ суши отъ правительственныхъ войскъ, а съ моря русское правительство не могло нападать, ибо въ то время весь Балтійскій флотъ былъ на днѣ Японскаго моря, а кромѣ того входъ черезъ Босфоръ запрещенъ для русскихъ военныхъ судовъ.

Единственный выходъ, который оставался бы для русскаго правительства, это — обратиться къ Вильгельму II за помощью и просить, чтобы онъ послалъ свой нѣмецкій флотъ для завоёванія Крымскаго полуострова.

Сейчасъ же послѣ взятія Севостополя предполагалось послать часть судовъ для завоёванія Кавказа, а другую часть судовъ для завоёванія побережья Чернаго моря и города Одессы.

Завоевать Кавказъ, Одессу, побережье Чернаго моря казалось въ то время весьма возможнымъ, ибо это былъ періодъ вооружен-

ныхъ возстаній: баррикады въ Москвѣ, въ Екатеринославѣ, въ Ростовѣ-на-Дону и т. д., военныя возстанія въ Кіевѣ, въ Воронежѣ, военная демонстрація въ Харьковѣ; возстанія въ Сибири; на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ и т. д., и т. д. Севастополь служилъ бы только тѣмъ революціоннымъ очагомъ, вокругъ котораго сосредочивались бы революціонныя силы, чтобы произвести окончательную атаку на русское самодержавіе.

Таковъ былъ планъ возставшихъ матросовъ.

Но лейтенантъ Шмидтъ не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ захвату броненосца „Ростислава“, и когда ему объ этомъ напомнили, то онъ заявилъ: завтра утромъ, когда команда судовъ узнаетъ, что я нахожусь на крейсера „Очаковъ“, то она сама ко мнѣ добровольно присоединится.

Въ ту же ночь становится извѣстнымъ, что на адмиральскомъ суднѣ „Ростиславъ“ собрался военный совѣтъ, во главѣ съ адмираломъ Чухнинымъ и прибалтійскимъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ. Матросъ К., находящійся теперь въ Александровской каторжной тюрьмѣ, предложилъ лейтенанту Шмидту слѣдующее: онъ жертвуетъ своею жизнью ради родины и хочетъ пустить въ носовую часть „Ростислава“ мину, которая взорвала бы на воздухъ весь военный совѣтъ и, конечно, часть матросовъ, которые находились въ носовой части судна или же вблизи нея.

На это предложеніе матроса лейтенантъ Шмидтъ отвѣтилъ: „кровопролитія я не желаю“.

И военный совѣтъ благополучно окончилъ свое „историческое“ засѣданіе, на которомъ рѣшилъ во что бы то ни стало поскорѣе разстрѣлять всѣхъ возставшихъ нижнихъ чиновъ, во главѣ съ лейтенантомъ Шмидтомъ. Это было приведено въ исполненіе въ три часа пятнадцатаго ноября.

* * *

Нашъ караульный начальникъ, толстый, низенькій армейскій офицеръ, который обыкновенно, во время рѣчей лейтенанта Шмидта, плакалъ горючими, искренними слезами, приказалъ намъ готовиться къ отправкѣ на транспортъ „Прутъ“.

Солдаты и матросы, которые насъ охраняли въ теченіе двухъ недѣль, пока происходилъ судъ, подходили ко всѣмъ намъ и крѣпко жали руки на прощаніе.

Нашлось даже нѣсколько армейскихъ офицеровъ, которые храбро подошли къ лейтенанту Шмидту и Частнику и, на виду у всѣхъ, съ ними расцѣловались.

Офицеры же моряки стояли въ сторонѣ и только подсмѣивались надъ этимъ трогательнымъ прощаніемъ...

Мнѣ невольно въ эту минуту вспомнились жалкіе, несчастные, плачущіе морскіе офицеры, когда они находились въ плѣну на „Очаковѣ“ 15-го ноября.

На своемъ короткомъ вѣку мнѣ пришлось видѣть много политическихъ арестованныхъ: мужчинъ, женщинъ, молодыхъ, старыхъ и совсѣмъ молоденькихъ дѣвницъ, сознательныхъ, безсознательныхъ и т. д., но у всѣхъ ихъ всегда было человѣческое достоинство и извѣстное чувство гордости передъ врагомъ. Всѣ же эти арестованные офицеры, исключая двухъ, трехъ чело-вѣкъ, когда были въ плѣну на „Очаковѣ“, производили впечатлѣ-ніе какихъ-то жалкихъ, забытыхъ людей. Они совершенно забыли свою военную выправку и про свое „офицерское достоинство“, о которомъ они любятъ такъ много говорить всегда и вездѣ.

Зато какими храбрецами держались всѣ эти молодцы, когда „Очаковъ“ былъ разстрѣлянъ и ихъ перевезли на адмираль-ское судно, гдѣ уже сидѣлъ арестованный лейтенантъ Шмидтъ!

Лейтенантъ Шмидтъ обошелся съ ними на „Очаковѣ“ по товарищески и очень любезно; здѣсь же, на „Ростиславѣ“, они подошли къ каютѣ, гдѣ сидѣлъ Шмидтъ, и ругали его са-мыми послѣдними, отборными ругательствами, а докторъ Ап-тоновъ, сотрудникъ „Новаго Времени“, подошелъ къ лейте-нанту Шмидту и показалъ ему свой красный, жирный языкъ...

* * *

Нашъ кортежъ, окруженный со всѣхъ сторонъ войсками всѣхъ родовъ оружія, а также неизмѣнными въ такихъ случа-яхъ казаками, кстати сказать, пзрядно выпившими, медленно и тихо двигался впередъ вдоль большой, широкой улицы ма-ленькаго морского городка.

Всѣ обитатели его высыпали на улицу, чтобы посмотрѣть на такое необыкновенное зрѣлище.

Огромная обывательская толпа мужчинъ и женщинъ, ста-рыхъ, молодыхъ и даже ребятишекъ молча и какъ-то трусливо жалась вокругъ нашего кортежа. У многихъ на лицахъ не-естественная, не то подобострастная, не то трусливая улыбка. Мы не знали къ кому, въ сущности, относилась эта улыбка: къ намъ ли, арестованнымъ, или же къ пьянымъ казакамъ, которыхъ обыватели желали, быть можетъ, задобрить, чтобы ихъ не отгоняли нагайками. Среди молодежи нашлись и такіе, которые, по наивности ли или изъ сочувствія, просили насъ спѣть ка-кую-нибудь революціонную пѣсню. Но лейтенантъ Шмидтъ, обращаясь къ намъ, попросилъ насъ, чтобы мы молча прошли весь путь — это будетъ торжественнѣе и величественнѣе.

— На крестъ должно идти всегда молча! — прибавилъ онъ.

Насъ усадили на военный баркасъ, не давъ даже попрощаться съ нашими конвойными, — одинъ только молоденькій солдатикъ, во время караула ужасно грубо обращавшійся съ нами, теперь, когда мы уходили навсегда изъ гостепрѣимнаго, маленькаго городка, успѣлъ подбѣжать къ намъ и стать со

всѣми нами цѣловаться, а смертникамъ даже поцѣловаль руки и громко тутъ же намъ заявили, что только сегодня поняль, какіе мы враги народа.

* * *

Баркасъ причалиль къ транспорту „Пруту“ и мы стали медленно и тихо подниматься на верхъ, такъ какъ всѣмъ намъ хотѣлось еще нѣсколько минутъ побыть вмѣстѣ...

Начался обычный, безцеремонный обыскъ, и у всѣхъ насъ почему-то отобрали кожаные ремни и книги, а ножи оставили.

Меня и Пятина посадили въ маленькую, чистенькую офицерскую каюту. Лейтенанта Шмидта посадили рядомъ съ нами въ той самой каютѣ, изъ которой онъ 15-го поября освободилъ арестованныхъ офицеровъ-потемкинцевъ.

Частника, Гладкова и Антоненко посадили всѣхъ вмѣстѣ гдѣ-то внизу, а рядомъ съ ними помѣстили матросовъ-каторжанъ.

Черезъ два дня къ намъ на „Прутъ“ снова пріѣхаль весь судъ и намъ снова читали приговоръ. Тутъ же предсѣдатель сообщилъ намъ, что мы имѣемъ право подать кассацию, хотя самъ предсѣдатель и всѣ судьи были заранѣе увѣрены, что адмираль Чухнинъ не дастъ ходу кассационной жалобѣ.

Жизнь на „Прутѣ“ была скучна и однообразна, и одинъ только А. П. Винбергъ немного разнообразилъ наше одиночество. Лейтенантъ же Шмидтъ, какъ истинный морякъ, который любить свое море выше всего, чувствовалъ себя очень хорошо и даже началъ заниматься живописью.

Мы каждый день читали газеты и, судя по нимъ, были увѣрены, что адмираль Чухнинъ и „конституционное“ правительство Николая II не посмѣетъ убить этихъ четырехъ плѣнниковъ, ибо этого не хочетъ весь русскій народъ.

Прибыли изъ Петербурга извѣстія, что правительство Витте-Дурново ничего не имѣетъ противъ помиловавія всѣхъ осужденныхъ на казнь. Адмираль Чухнинъ продлилъ срокъ подачи кассационной жалобы, хотя кассационная жалоба была давнымъ давно подана. Мы ждали.

Ночь передъ казнью.

Прошли двѣ недѣли томительнаго ожиданія.

Мы уже начали думать, что нашей кассационной жалобѣ данъ ходъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ рождалась надежда на то, что нашимъ товарищамъ будетъ сохранена жизнь.

Быль пасмурный, южный мартовскій вечеръ. Вся огромная морская гладь была покрыта легкой, прозрачной пеленой сѣ-

раго тумана, который почти касался гладкой, зеркальной поверхности моря.

— А знаете, — обратился къ намъ лейтенантъ Шмидтъ, — завтра будетъ прекрасное утро; я ужасно люблю мартовскія утра на югѣ, которыя придаютъ какую-то особую прелесть и величіе всей южной природѣ.

Не успѣлъ Шмидтъ окончить мечтаній о природѣ и ея красотѣ, какъ вдали, сквозь пелену сѣраго тумана, мы различили маленькое военное судно, державшее, казалось, свой путь прямо на насъ.

— Это миноносецъ „Терець“! — съ какимъ-то ужасомъ заявилъ Шмидтъ.

Мы сразу поняли и почувствовали, что этотъ маленькій миноносецъ везетъ смерть нашимъ дорогимъ товарищамъ и что на немъ находятся тѣ палачи, которые завтра, на разсвѣтѣ, именемъ закова и императора, убьютъ нашихъ друзей. Миноносецъ „Терець“ былъ единственное судно, которое оставалось все время вѣрнымъ адмиралу Чухнину. Всюду, гдѣ появлялся этотъ адмиральскій миноносецъ, онъ приносилъ съ собою смерть и разстрѣлъ, и сейчасъ, увидя его издали приближающимся къ намъ, мы были увѣрены, что нашъ приговоръ утвержденъ и что завтра будутъ казни.

— Смерть намъ везетъ! — съ какимъ-то безразличіемъ и апатіей заявилъ намъ Шмидтъ, какъ будто бы эту смерть везутъ не ему, Шмидту, а кому-то другому, далекому, котораго Шмидтъ даже и не знаетъ. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Ну, что же, умремъ, если это такъ необходимо адмиралу Чухнину, а русскому народу нужна только моя жизнь. Мнѣ умирать не странно, и смерти я не боюсь?... Но за что, за что хотять убить еще трехъ человѣкъ?... Они такіе молодые, сильные, хорошіе люди и жить имъ ужасно хочется и жить они должны, ибо они необходимы обновленной Россіи. А жить все-таки хочется... Не хочется умирать въ эту минуту, когда въ Россіи начинается новая, красивая, великая жизнь. Я всю жизнь стремился къ этой новой жизни, и когда она почти на порогѣ, когда назначенъ даже день, когда народная Россія должна собраться 27 апрѣля въ Таврическомъ дворцѣ, мнѣ приходится умирать... Я не услышу мощныхъ, сильныхъ словъ народныхъ представителей, когда они будутъ требовать для русскаго крестьянина землю и волю.

Миноносецъ „Терець“ на всѣхъ парахъ подошелъ почти къ самому „Пруту“. Тотчасъ же катеръ направился къ нашему кораблю; въ немъ было нѣсколько новыхъ морскихъ офицеровъ и два молоденькихъ офицерика въ судейской формѣ. Теперь было ясно, что убійства неизбежны... Эти два чистенькихъ, молоденькихъ офицерика въ судейской формѣ командированы,

несомнѣнно, для того, чтобы приеутствовать на самомъ убійствѣ въ качествѣ представителей закона.

На палубѣ началась невообразимая бѣготня. Наши караулы сейчасъ же были увеличены. По всему судну начали ходить патрули.

Дверь нашей каюты быстро открылась, и въ нашу маленькую комнатку ворвалась цѣлая толпа вооруженныхъ людей.

Пожилой армейскій капитанъ началъ грубымъ голосомъ читать конфирмацію приговора. При чтеніи голосъ его все время дрожалъ. Казалось, что этотъ толстый, грубый солдатъ вотъ-вотъ разревется въ нашей маленькой каютѣ. Но все обошлось благополучно... И намъ не пришлось видѣть этого рыдающаго офицера, когда онъ плакалъ въ каютѣ у лейтенанта Шмидта.

Адмираль Чухнинъ утвердилъ все произведеніе прокурора Ронжина и председателя суда Александрова и только одному Шмидту оказалъ „свою адмиральскую милость“ и замѣнилъ казнь черезъ повѣшеніе казнью черезъ разстрѣлъ.

По этому поводу многие матросы и офицеры намъ говорили, что адмираль Чухнинъ въ то время не могъ найти палача, а отложить на время убійство ему не хотѣлось, ибо онъ боялся, что обстоятельства могутъ измѣниться и Шмидтъ останется жить и, чего добраго, со временемъ будетъ еще морскимъ министромъ.

Шмидтъ выслушалъ приговоръ спокойно и просилъ только поблагодарить адмирала Чухнина за его „милость“.

Частникъ, Гладковъ и Антоненко сказали, что они ничего другого и не ожидали отъ этого кровопійцы.

Прибылъ нашъ защитникъ А. П. Винбергъ. Сколько ему пришлось перестрадать въ эту тяжелую минуту! Всѣ мы страшно нервничали, залились отъ сознанія своего безсилія помѣшать готовившемуся у насъ на глазахъ преступленію, и бѣдному Анатолю Петровичу пришлось переходить изъ одной каюты въ другую и утѣшать насъ, насколько только онъ могъ и хватало его силъ.

Послѣднимъ онъ посѣтилъ лейтенанта Шмидта и пробылъ въ его каютѣ около двухъ часовъ.

Наше положеніе было ужасное... Тяжело сидѣть рядомъ съ людьми, которымъ осталось жить на бѣломъ свѣтѣ не больше 12-ти часовъ. Мы считали ихъ уже покойниками, какъ будто случайно забредшими съ того свѣта на этотъ ужасный корабль, на которомъ находятся палачи и убійцы. Завтра, на разсвѣтѣ, когда пурпуровое, весеннее солнце обласкаетъ море своими золотистыми лучами, эти покойники уйдутъ, уйдутъ незамѣтно, тихо, одиноко, и никто не пойдетъ провожать этихъ бывшихъ борцовъ за народъ до ихъ сырыхъ, холодныхъ могилъ, гдѣ-то уже ожидающихъ ихъ... Не будетъ близко ни друга, ни товарища, ни одного родного человѣка, чтобы сказать имъ послѣд-

нее „прощай“ и бросить горсть земли на черную крышку гроба.

Всѣ они будутъ окружены въ послѣднюю минуту только врагами и безсознательной массой солдатъ и матросовъ, превращенныхъ въ убиіцъ своихъ же товарищей...

* * *

Картина на нашемъ суднѣ сразу измѣнилась.

Нѣтъ болѣе ни веселаго говора, ни удалыхъ матросскихъ пѣсень, не слышно русской гармоніи. Всѣ присмирѣли, все затихло, и только морскія волны нарушаютъ эту зловѣщую тишину, съ шумомъ ударяясь о желѣзный бортъ нашего корабля.

Всѣхъ мучить мысль о близкой казни... У всѣхъ передъ глазами стоятъ живыми четыре покойника...

Многіе изъ часовыхъ, стоя съ ружьями на плечѣ, утирали подоломъ грубой, сѣрой солдатской шинели горячія слезы, которыя текли по ихъ загорѣлымъ лицамъ.

Но были между ними и такіе, которые оставались, какъ будто, совершенно равнодушны къ предстоящему ужасу и, точно нарочно, насвистывали веселыя пѣсни.

Какъ потомъ выяснилось, это были переодѣтые шпики изъ охрапки и одѣтые солдатами морскіе офицеры.

Чухнинъ никому не довѣрялъ лейтенанта Шмидта, и ему все время казалось, что Шмидтъ какъ-нибудь удереть съ „Прута“. Теперь же, когда до казни оставалось лишь нѣсколько часовъ, онъ приказалъ особенно тщательно слѣдить за Шмидтомъ и его товарищами-матросами. Съ этой цѣлью были увеличены караулы, которые были составлены изъ разныхъ частей арміи и флота, чтобы караульные нижніе чины не оказались знакомыми другъ съ другомъ и не сговорились какъ-нибудь освободить Шмидта и его товарищей.

Но всѣ эти мѣры показались Чухнину недостаточными, и онъ послалъ еще изъ Севастополя специальный отрядъ моряковъ, состоящій, какъ оказалось, изъ переодѣтыхъ шпиковъ одесской охрапки и нѣсколькихъ преданныхъ ему морскихъ офицеровъ.

Долженъ замѣтить, между прочимъ, что всѣ эти мѣры предосторожности были совершенно излишни, такъ какъ лейтенантъ Шмидтъ не собирався удирать, хотя ему нѣсколько разъ представлялась возможность побѣга. Я расскажу здѣсь только объ одномъ случаѣ, когда Шмидтъ могъ свободно избѣжать своей участи быть убитымъ.

Матросы, приговоренные къ каторгѣ, быстро завели знакомство и дружбу съ армейскими солдатами, которые насъ охраняли. Солдатики оказались народомъ податливымъ и уже къ концу первой недѣли они соглашались устроить всѣмъ намъ

побѣгъ. Особенно же они хотѣли спасти Шмидта и его товарищей-матросовъ, вмѣстѣ съ нимъ приговоренныхъ къ смертной казни.

Планъ побѣга былъ слѣдующій: матросы-каторжане, во время вечерней повѣрки, нападаютъ на часовыхъ и патрульныхъ солдатъ, отнимаютъ у нихъ ружья, а самихъ связываютъ. Съ ружьями въ рукахъ они идутъ въ караульное помѣщеніе, тамъ арестовываютъ весь карауль, забираютъ оружіе и становятся, такимъ образомъ, хозяевами положенія.

Когда транспортъ „Прутъ“ оказался бы въ нашихъ рукахъ, мы должны были развести пары, дожидаться полночи и затѣмъ направиться въ Румынію, гдѣ мы были бы рано утромъ слѣдующаго дня. Съ Очаковской крѣпости въ насъ не стрѣляли бы, такъ какъ велись переговоры съ крѣпостниками и тѣ обѣщали намъ спрятать на время ударники, безъ которыхъ пушка стрѣлять не можетъ.

Осуществить этотъ планъ намъ, слѣдовательно, казалось не труднымъ.

Но когда объ этомъ начали вести переговоры съ Шмидтомъ, онъ заявилъ, что желаетъ нести свой крестъ до конца и отказывается отъ всякой мысли о побѣгѣ.

* * *

Узнавъ о томъ, что завтра, на разсвѣтѣ, будетъ совершена казнь, лейтенантъ Шмидтъ послалъ телеграмму Чухнину, прося его разрѣшить ему свиданіе съ сестрой, которая завтра должна пріѣхать изъ Петербурга, куда она ѣздила хлопотать о помилованіи всѣхъ осужденныхъ на смертную казнь. Адмиралъ Чухнинъ отвѣтилъ командиру „Прута“ капитану 1-го ранга Радецкому, что казнь должна быть исполнена немедленно и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и предсмертнаго свиданія Шмидту съ его сестрой не разрѣшилъ.

Къ 12-ти часамъ ночи почти всѣ офицеры напились. Пьяные, съ безумными глазами, съ блуждающими взглядами, бродили они одиноко по огромному военному кораблю, боясь и стыдясь встрѣчаться другъ съ другомъ.

Прибыли съ миноносца „Терець“ еще какіе-то новые офицеры и они только и дѣлали, что пили, пили безъ конца.

Говорятъ, что трезвымъ трудно убивать и разстрѣливать, а пьяные не понимаютъ, что дѣлаютъ.

Лейтенантъ Шмидтъ попросилъ себѣ бумаги и весь вечеръ и всю ночь писалъ письма къ своимъ друзьямъ и знакомымъ и завѣщаніе своему маленькому сыну Женѣ, съ которымъ онъ провелъ нѣсколько недѣль въ очаковскомъ казематѣ, гдѣ онъ сидѣлъ послѣ 15-го поября.

Не знаю, дошли ли эти письма до тѣхъ, кому онъ писалъ

ихъ, хотя командиръ „Прута“, капитанъ Радецкій, обѣщавъ всѣ ихъ передать по назначенію.

Частникъ и Гладковъ были спокойны, чувствовали себя бодро, хорошо и весь вечеръ вели бесѣду съ матросами-каторжанами и караульными солдатами. Одинъ лишь Антоненко былъ немного сумраченъ и печаленъ и все время ожидать, что къ нему сегодня изъ далекой деревни пріѣдетъ его молодая, красивая жена съ двумя маленькими ребятишками...

— Ужасно какъ хочется видѣть свою бабу передъ смертью и благословить своихъ малыхъ дѣтей, — твердилъ поминутно весь вечеръ Антоненко.

Но его молодая жена въ этотъ ужасный вечеръ сидѣла у себя въ бѣдной хатѣ, въ далекой Саратовской губерніи, и ничего не знала о казни своего мужа, Никиты Григорьевича.

Частникъ и Гладковъ не проявляли ни малѣйшаго волненія и просили только отомстить за ихъ смерть всѣмъ тѣмъ, кто въ ней повиненъ. Матросы, конечно, обѣщали это исполнить, и даже нѣкоторые часовые поклялись отомстить...

* * *

Ровно въ полночь пріѣхалъ изъ Очакова обязательный членъ всѣхъ организованныхъ убійствъ, служитель Христа и церкви.

Съ евангеліемъ и золотымъ крестомъ въ рукахъ онъ быстро прошелъ по всему огромному кораблю, благословляя на своемъ пути встрѣчныхъ матросовъ и пьяныхъ офицеровъ.

Онъ напразился въ каюту, гдѣ сидѣли Частникъ, Гладковъ и Антоненко, и сталъ ихъ уговаривать принять передъ смертью святое причастіе и очиститься отъ всѣхъ грѣховъ земныхъ.

— Хорошо, батюшка! — заявилъ Частникъ, — мы примемъ святое причастіе изъ вашихъ святыхъ рукъ, если только вы намъ покажете хоть одно мѣсто въ этомъ евангеліи, что Христосъ училъ убивать людей.

Священнику пришлось только развести руками, и онъ что-то зашепталъ объ ученіи Христа, о долгѣ передъ царемъ и отечествомъ и т. д., но его никто не сталъ слушать и посовѣтовали, чтобы онъ лучше поскорѣе удалился изъ каюты.

Согнувшись въ три погибели, онъ направился къ четвертому осужденному, лейтенанту Шмидту. Лейтенантъ Шмидтъ исповѣдовался и причастился и бесѣдовалъ со священникомъ около двухъ часовъ.

* * *

Два часа ночи. Становится холодно: утренніе мартовскіе заморозки даютъ себя чувствовать. Мы сидимъ въ своей маленькой каютѣ и ждемъ той ужасной минуты, когда отъ насъ будутъ увозить на казнь нашихъ дорогихъ товарищей.

Офицеры всё пьяные и еле волочат ноги. Они испускают какие-то нечеловѣческіе возгласы и начинаютъ, видимо, готовиться къ этому ужасному убійству.

Прибыли еще какіе-то новые солдаты и матросы, одѣтые въ походную форму. Лица у нихъ были тревожныя, и походили они на солдатъ, которыхъ отправляютъ на войну.

Командованіе казнью адмиралъ Чухнинъ поручилъ командиру „Прута“ Радецкому и какому-то молоденькому лейтенанту, бывшему другу Шмидта, который строилъ на этомъ убійствѣ своего друга свою военную карьеру.

Всѣ корридоры, входы и выходы были заняты вооруженными солдатами. У всѣхъ ружья на боевой прицѣль. Достаточно какого-нибудь невѣрнаго движенія, чтобы тебя сейчасъ же убили на мѣстѣ. Офицеры ходятъ съ браунингами въ рукахъ и все время обѣщаютъ кого-то убить. Какіе всё они были жалкіе и смѣшные въ эту минуту!

Наконецъ, все готово, и всѣ убійцы на лицо. Подходятъ еще два новыхъ катера съ матросами — это тѣ самые матросы, которые черезъ два, три часа должны разстрѣлять своихъ товарищей-матросовъ и того офицера, который всю жизнь боролся за улучшеніе ихъ матроской участи. Всѣ они пьяные и еле сидятъ на качающемся катерѣ.

— Потушить огни и вывести подсудимыхъ! — кричитъ капитанъ Радецкій.

Тотчасъ же наступила темнота, и гдѣ-то изъ глубины судна показались четыре фигуры, одѣтые во все черное. Они медленно, тихо проходятъ длинныя, узкіе корридоры между сомкнутыми рядами солдатъ и матросовъ, и медленно, по лѣстницѣ, поднимаются на палубу, гдѣ ихъ ожидаютъ пьяные офицеры и шпики изъ охраны.

Впереди идетъ лейтенантъ Шмидтъ съ гордо поднятой головой.

Идетъ онъ смѣло, прямо и, глядя на его высокую, стройную фигуру, нельзя повѣрить, что этотъ человѣкъ идетъ на смерть. Мы ему что-то кричимъ изъ нашей каюты, но онъ идетъ прямо и ничего намъ не отвѣчаетъ.

Вслѣдъ за нимъ тихо проходятъ Частникъ, Гладковъ и Антоненко. Всѣ они одѣты въ матроскія черныя, новыя шинели, только безъ погонъ. Тихо они поднимаются вверхъ по лѣстницѣ и все время улыбаются солдатамъ и матросамъ какой-то особенной, сердечной улыбкой, какъ бы извиняясь передъ ними за эту тяжелую минуту и вмѣстѣ съ тѣмъ прощая имъ ихъ невольное участіе въ преступленіи.

— Прощайте, товарищи! — кричимъ мы имъ.

Они услышали, всѣ трое останвилились и закричали намъ въ отвѣтъ:

— Прощайте, прощайте, товарищи! пусть наша кровь будетъ послѣдняя, и вамъ поскорѣе желаемъ достать землю для

крестьянъ и себѣ свободу, и тогда обязательно придите на наши могилы.

Въ ту же минуту, по приказанію капитана Радецкаго, забили въ барабаны и мы больше ничего не могли слышать, хотя они долго стояли на желѣзной лѣстницѣ и что-то намъ еще громко кричали.

На палубѣ всѣхъ ихъ связали толстыми веревками и связанныхъ спускали на катеръ, гдѣ ихъ сейчасъ же окружили тѣснымъ кольцомъ переодѣтые шпика и морскіе офицеры, ибо только имъ однимъ адмиралъ Чухнинъ довѣрялъ Шмидта и его товарищей-матросовъ.

Лейтенантъ Шмидтъ не пожелалъ попрощаться съ нами, а, можетъ быть, ему это не позволилъ севастопольскій самодуръ.

Частнику, Гладкову и Антоненко разрѣшили попрощаться съ матросами-каторжанами.

Говорятъ, что это была потрясающая сцена. Живые люди, товарищи, прощаются съ тѣми, которые черезъ два часа будутъ лежать въ черныхъ гробахъ и будутъ зарыты въ сырой, холодной землѣ...

Въ самомъ низу большого судна, въ кормовой его части, стоялъ истерическій плачъ: здоровые, сильные, молодые матросы падали въ истерику, въ обморокъ. Ихъ стальные нервы не могли вынести этой ужасной трагедіи.

Одни только приговоренные къ смертной казни стояли спокойно и не проронили ни одной слезы. Они со всѣми побратски расцѣловались. Матросъ Антоненко просилъ передать „своей бабѣ и ребятишкамъ“ привѣтъ и сказать имъ, что онъ умираетъ счастливымъ, ибо умираетъ за свою идею и за народъ.

Сергѣй Частникъ просилъ кого-нибудь съѣздить въ деревню къ его отцу и убѣдить старика, что его сынъ Сережа никакого преступленія передъ русскимъ народомъ не совершилъ.

Дѣло въ слѣдующемъ. Отецъ Частника, старый крестьянинъ лѣтъ шестидесяти, въ лаптяхъ и синемъ зипунѣ, пріѣхалъ на свиданіе къ своему сыну изъ далекой бѣдной деревушки.

Помощники адмирала Чухнина успѣли уже убѣдить стараго крестьянина, что ихъ сынъ совершилъ ужасное государственное преступленіе и нарушилъ клятву передъ русскимъ царемъ и передъ всѣмъ русскимъ народомъ, за что и приговоренъ къ смертной казни.

Во время свиданія Сергѣй Частникъ разсказалъ своему отцу о своемъ „преступленіи“, и когда этотъ старый, сѣдой крестьянинъ сталъ прощаться съ сыномъ, котораго онъ больше никогда не увидитъ, онъ поцѣловалъ его въ лобъ, благословилъ, снялъ съ себя мѣдный, большой крестъ, который онъ посиль всю свою длинную жизнь, и надѣлъ его на шею своему единственному сыну, своему кормильцу и своей надеждѣ и громко сказалъ:

— Ты мой дорогой сынъ, Сережа, въ такую страшную минуту для тебя не хочешь сказать мнѣ, старику, своему отцу, какое ты совершилъ великое преступленіе и почему ты сталъ клятвопреступникомъ. Неужели ты думаешь, что я, старый чело-вѣкъ, повѣрю тебѣ, что чиновники нашего русскаго царя-батюшки приговорили тебя къ смерти за то, что ты требовалъ землю и волю для русскаго народа?

У старика потекли слезы изъ морщинистыхъ глазъ, и онъ быстро вышелъ изъ каюты, гдѣ происходило свиданье, а Частникъ послѣ этого свиданія цѣлый день не могъ успокоиться и плакалъ, что старикъ-отецъ ему не повѣрилъ и считаетъ его какимъ-то преступникомъ передъ русскимъ народомъ.

Наконецъ, все уже готово. Осужденные находятся на катерѣ. Капитанъ Радецкій что-то командуетъ, и катеръ медленно отходитъ отъ транспорта „Прута“, увозя съ собой четырехъ узниковъ, которыхъ должны сейчасъ убить на какомъ-то пустынномъ островѣ, вдали отъ людей и жизни. Одно только утреннее солнце и бушующее южное море будутъ свидѣтелями этого преступнаго дѣла...

Казнь.

Катеръ медленно и плавно причалилъ къ какому то пустынному скалистому острову.

Было очаровательное южное мартовское утро. Востокъ загорался яркимъ весеннимъ солнцемъ. Темныя морскія волны тихо и нѣжно ударялись о скалистые, крутые берега, оставляя на поверхности ихъ бѣлую, мыльную, тягучую пѣну.

Молодая, зеленая весенняя травка кокетливо выглядываетъ изъ подъ черной, глинистой земли. Дикія птицы, единственные обитатели этого пустыннаго, заброшеннаго острова, радостно встрѣчая это чудное утро, огромными стаями снуютъ взадъ и впередъ, шумно и весело напѣвая свои звучныя пѣсни.

Въ это то прекрасное мартовское утро, когда сама природа оживала для счастья и любви, тишину этого пустыннаго мѣста нарушила пьяная толпа людей, вооруженныхъ ружьями, револьверами и пулеметомъ. Эта черная, дикая орда ведетъ четырехъ плѣнниковъ, которыхъ она сейчасъ должна убить на этомъ дикомъ, необитаемомъ островѣ. За ними несутъ четыре черныхъ гроба. Кругомъ шумитъ море...

Тихо и медленно печальный кортежъ двигался впередъ, въ глубину невѣдомаго острова.

Вдругъ, по командѣ, все остановилось.

Засверкали желѣзные, блестящіе заступы въ рукахъ нѣсколькихъ матросовъ.

Кругомъ все смолкло; только беззаботныя птички весело порхали, напоминая людямъ о красотѣ и величіи природы... А черная яма становилась все глубже и глубже... Недавно еще пьяные солдаты и матросы вдругъ смутно, лѣниво начинаютъ понимать, что они сейчасъ станутъ убійцами. Имъ хочется кричать, бѣжать... бѣжать безъ оглядки отъ этой ужасной, черной могилы...

Могила вырыта...

Тихо... Судорожная дрожь электрической искрой пронизываетъ тѣло съ ногъ до головы...

— „Ахъ, скорѣе бы насъ убивали!“ вырвалось изъ глубины сердца матроса Антоенко.

Но палачи, какъ кровожадные звѣри, любятъ и переть смертью мучить свою жертву. Начинается канцелярская процедура. Выходитъ чистенькій, молоденькій офицерикъ, въ судейской формѣ, съ академическимъ значкомъ. Губы его дрожать, голосъ ему измѣняется, а изъ красныхъ, добрыхъ глазъ начинаютъ падать горячія слезы. Онъ читаетъ громко, почти кричитъ, но что онъ читаетъ, никто не можетъ и не хочетъ понять. Кончилъ. Положивъ всѣ свои бумаги въ новенькій кожаный портфель, онъ быстро юркнулъ въ густую толпу солдатъ и матросовъ*). Его смѣнилъ товарищъ прокурора, человекъ испытанный въ закулисной службѣ. Личное счастье и блестящая военная карьера для него стоятъ выше всего.

Онъ приблизился почти вплотную къ плѣнникамъ, что то громко и отчетливо прочиталъ, затѣмъ красиво по военному повернулся на высокихъ каблукахъ, и отошелъ въ сторону, не желая смѣшиваться съ остальной черней солдатъ и матросовъ.

Боевая рота стоитъ на готовѣ, сверкаютъ на солнцѣ штыки. Эта первая боевая рота была составлена изъ матросовъ, переодѣтыхъ шпиковъ и переодѣтыхъ морскихъ офицеровъ, самимъ адмираломъ Чухнинымъ, который сказалъ ей свое напутственное слово, провозжая на это страшное убійство. За нею, на разстояніи трехъ шаговъ, стояла вторая рота, составленная изъ моряковъ и армейцевъ. Эта боевая рота была поставлена на тотъ случай, если бы штики и офицеры-дворяне первой боевой роты отказались убивать плѣнниковъ, вторая рота должна была разстрѣлять всю первую боевую роту.

Позади обѣихъ ротъ находился новенькій пулеметъ послѣдней системы. Этимъ пулеметомъ управлялъ морской офицеръ, который былъ обязанъ разстрѣлять первыя двѣ боевыя роты, если бы онѣ отказались разстрѣливать нашихъ друзей и това-

*) Адмиралъ Чухнинъ попросилъ выйти въ отставку этого новоявленнаго офицера.

рищей, которыхъ адмираль Чухнинъ обязательно хотѣлъ убить.

Появляется, наконецъ, и служитель церкви христіанской, послѣдователь ученія Христа. Частникъ, Гладковъ и Антоненко не пріяли его іезуитскаго благословіенія.

Лейтенантъ Шмидтъ долго крестился на востокъ, поцѣловалъ руку священника и пріялъ отъ него благословіеніе и напутствіе... Обряды кончены.

Плѣнники стоятъ на своемъ лобномъ мѣстѣ, одѣтые въ длинныя, бѣлыя саваны. Они смотрятъ бодро и смѣло въ глаза своихъ убійцъ. Ни одно движеніе не выдаетъ ихъ внутренняго волненія.

Раздается предварительная команда капитана Радецкаго и длинныя солдатскія ружья принимаютъ боевую готовность.

Но въ это время, по словамъ очевидцевъ, раздается громкій, могучій голосъ лейтенанта Шмидта.

„Товарищи матросы и офицеры! Я всю жизнь провелъ вмѣстѣ съ вами, въ вашей морской семьѣ, и всѣхъ я васъ крѣпко люблю.

„Я хотѣлъ всю свою жизнь прожить въ этой хорошо знакомой, любимой семьѣ, но сила рока меня заставляетъ сейчасъ лечь на всегда въ этотъ черный гробъ, который вы опустите въ могилу.

„Простите меня, если я кого-нибудь неволью обидѣлъ, или же оскорбилъ. А ты, Коля, обратился онъ къ своему близкому товарищу еще по кадетскому корпусу, прикажи стрѣлять быстрѣе, и пусть они цѣлятся прямо въ наши сердца, которыя желали одного только счастья и добра для народа, хотѣли достать для него землю, а нашли только смерть на этомъ пустынномъ островѣ!“

Заиграли барабаны, и дальнѣйшихъ предсмертныхъ словъ лейтенанта Шмидта не было слышно.

Офицеръ „Коля“ съ заряженнымъ револьверомъ въ рукахъ обошелъ всю свою боевую роту и приказалъ цѣлиться прямо во „враговъ царя и родины“.

Барабаны остановились. Все стихло. Только птички шумно рѣяли надъ головами приговоренныхъ къ смерти.

Раздалась команда, и страшный, сильный залпъ наполнилъ трескомъ маленькій островокъ... Совершилась расправа русскаго царизма надъ народными борцами.

Шмидтъ, Гладковъ и Частникъ были убиты сразу; ихъ головы свѣсились на пронзенныя пулями груди.

Только матросъ Антоненко еще не былъ убитъ и изъ его ранъ медленно сочилась алая кровь.

Офицеръ „Коля“ былъ уже около него и нѣсколькими выстрѣлами изъ своего новаго револьвера добилъ матроса Антоненко...

Солдаты и матросы тайкомъ вытирали полами грязныхъ, грубыхъ шинелей горячія слезы.

Тѣла казенныхъ положили въ черные гробы и быстро спустили ихъ на дно огромной, братской могилы. И торопливо, какъ бы боясь и стыдясь чего то ужаснаго, нехорошаго, стали засыпать могилу.

Нашлось нѣсколько солдатъ и матросовъ, которые бросили по горсти земли...

Все кончено...

Катера медленно отчалили отъ берега, увозя съ собой убійць-палачей...

Уныло ходятъ солдаты-часовые по пустынному острову вокругъ могильнаго кургана. Высокія волны бьются о скалистый берегъ, оставляя на поверхности моря бѣлую, мыльную пѣну...

Петръ Мошневъ.

„Временное правительство“.

Это было въ Москвѣ, въ разгаръ всеобщей забастовки 1905 г. — если не ошибаюсь — 15 октября. Было странное, полное противорѣчій время, когда на улицахъ патрулировали революціонныя дружины и — буйствовали подъ руководствомъ полиціи шайки черносотенцевъ, когда происходили колоссальныя митинги и — продолжалась случайная, мелкая, полицейская слѣжка.

Въ девятомъ часу утра меня позвали къ телефону и начался рядъ дѣловыхъ разговоровъ на обычномъ эзоповскомъ языкѣ. И вдругъ рѣзкій звонокъ и совсѣмъ не эзоповское сообщеніе: „Сейчасъ въ городской Думѣ собирается Временное Правительство. Отправляйтесь туда отъ имени союза Х.“ Я не вѣрю своимъ ушамъ. И смѣшно, и досадно. „Какое, говорю я, тамъ Временное Правительство!? Кажется и старое еще недурно держится. Зря вы компрометируете мой номеръ.“ „Ну вотъ еще! Вы думаете, имъ до того, чтобы слушать наши разговоры? Они совсѣмъ голову потеряли.“ „Нѣтъ ужъ, оставимъ это! Жду устныхъ разъясненій.“

Ладно. Черезъ полъ-часа является другой товарищъ, болѣе толковый. Оказывается, идти дѣйствительно нужно. Правительство — не правительство, но собирается экстренное собраніе Городской Думы вмѣстѣ съ приглашенными ею представителями Союза Союзовъ.

Дѣло въ томъ, что думцы растерялись. Всеобщая забастовка ихъ и вообще то напугала, вышибла изъ колеи, а съ присоединеніемъ къ ней водопровода, усилившимъ тревогу населенія и черносотенный терроръ, отцовъ города и совсѣмъ оторопъ взяла, такъ что они даже рѣшились прибѣгнуть къ совѣту общественныхъ элементовъ. А Центр. Бюро Союза Союзовъ рѣшило использовать до конца безпомощность Городской Думы и провести на собраніе еще и представителей социалистическихъ партій, Стачечнаго Комитета, Организациіи городскихъ рабочихъ и служащихъ и Университетскаго Органа.

Пошли.

Улицы тревожныя, настороженныя. Развѣзжаютъ драгуны. На перонѣ Думы насъ неувѣренно, сердито останавливаетъ

патруль городскихъ, но послѣ нѣкотораго безтолковаго препирательства, они все таки пропускаютъ насъ внутрь. Тамъ опять начинаютъ „не пущать“ сторожа.

Не зная, удобно ли сослаться на засѣданіе, просимъ вызвать знакомаго члена Гор. Думы. Ждемъ въ сѣняхъ. Ждемъ... Никто не выходитъ. Сторожа косятся, шепчутся. Недурное положеніе для членовъ „Временнаго Правительства“! Наконецъ, убѣдившись, что отъ насъ не отдѣлаешься, а, можетъ быть, получивши негласно соотвѣтствующее приказаніе, они съ мрачнымъ видомъ пропускаютъ насъ въ муниципальное святилище.

Въ это время въ одной изъ боковыхъ комнатъ уже происходило предварительное совѣщаніе недумскихъ элементовъ. Старались столкнуться, какую занять позицію по отношенію къ гласнымъ, чего отъ нихъ добиваться. Вопросъ быстро свелся къ организаціи народной милиціи, которая бы защищала населеніе отъ черносотенныхъ погромовъ. Революціонные элементы возлагали на нее и большія надежды, какъ на организованную, матеріальную силу въ рукахъ революціи.

Но посредствомъ какого органа осуществить практически этотъ планъ? Въ этомъ была главная трудность, объ этомъ, собственно, и шелъ споръ. Представитель одного изъ союзовъ предложилъ слѣдующее: требовать отъ Гор. Думы согласія на Комиссію, которая бы состояла изъ трехъ, количественно равныхъ группъ: 1) гласныхъ Гор. Думы, 2) представителей союзовъ и социалистическихъ партій, 3) представителей рабочихъ организацій и студенчества. Эту комиссію Гор. Дума должна была снабдить надлежащими полномочіями и матеріальными средствами для организаціи милиціи. При этомъ высказывалось соображеніе, что кадры милиціи естественно составятся изъ организованныхъ рабочихъ и студентовъ, такъ что фактически она окажется въ рукахъ революціонеровъ, не говоря уже объ обезпеченномъ, большинствѣ лѣвыхъ въ самой комиссіи.

Понемногу, къ этому проекту примкнули почти всѣ присутствующіе. Только с.-р.-ы держались выжидательно, не получивши еще инструкцій отъ своего комитета, да с.-д.-ки выступили со своимъ особымъ предложеніемъ. Ихъ мнѣніе было, что нужно потребовать отъ гор. Думы полного самоупражденія и передачи всѣхъ полномочій, функций и денегъ въ руки смѣшанной комиссіи изъ выборныхъ социалистическихъ партій и отъ союзовъ.

Это предложеніе произвело сенсацію и со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы — на какую силу собраніе можетъ опереться, требуя отъ Думы самоубійства. „На силу организованнаго пролетаріата“, — былъ отвѣтъ. Далѣе произошелъ приблизительно такой діалогъ: гдѣ признаки того, что эта сила готова перейти въ дѣйствіе? притомъ въ дѣйствіе, настольно

мощное, чтобъ *фактически* вырвать почву изъ подъ ногъ „отцовъ города“? „За признаками дѣло не станетъ. Черезъ нѣсколько часовъ вы увидите передъ этими окнами нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, которые придутъ подкрѣпить наши требованія, и войско не станетъ ихъ разгонять.“ Ропотъ удивленія и сомнѣнія прошелъ по собранію, а представитель, кажется, союза приказчиковъ замѣтилъ — „ну, если это случится, мы всѣ безъ колебанія присоединимся къ вашему требованію“.

На томъ, приблизительно, и покончили, и вскорѣ открылось пресловутое засѣданіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ московской Гор. Думы.

Посреди нѣ торжественнаго, холоднаго зала, противъ каѳедры, рядами возсѣдали гласные. Вокругъ нихъ полукругомъ размѣстилась толпа членовъ союзовъ и лѣвѣе, такъ сказать, явочные участники засѣданія. Ими то и пришлось заняться прежде всего.

Отъ имени Центрального Бюро Союза Союзовъ вносится предложеніе воспользоваться случайнымъ (благодаря частному совѣщанію) присутствіемъ въ Думѣ представителей крайнихъ партій, Стачечнаго Комитета, Организациі городскихъ рабочихъ и служащихъ, а также университетскаго Органа, и выслушать ихъ компетентное мнѣніе по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію.

Среди гласныхъ замѣчается сдержанное волненіе. Баллотировать предложеніе. Члены союзовъ всей массой поднимаютъ руки, съ ихъ стороны раздаются крики „просимъ! просимъ!“ и предложеніе принято *par acclamation*.

Тогда представители крайней лѣвой, по почину с.-д.-овъ, одинъ за другимъ выступаютъ съ заявленіемъ, что присутствіе въ собраніи съ совѣщательнымъ голосомъ они считаютъ унизительнымъ и бессмысленнымъ, а потому согласны принять въ немъ участіе только при условіи полного равноправія. Каждое изъ этихъ заявленій сопровождается одинаковой сценой: почти всѣ гласные сидятъ молча, неподвижно, какъ изваянія. Только лица ихъ отражаютъ угрюмую напряженность. Члены союзовъ голосуютъ, привѣтствуютъ; они составляютъ большинство. Среди нихъ есть люди популярныя, всякихъ политическихъ оттѣнковъ. Но замѣтнѣе другихъ выдѣляются будущіе столпы кадетизма. Они создаютъ настроеніе, они гипнотизируютъ полу-каменныхъ думцевъ. Равноправіе лѣвыхъ принято.

Приступаютъ къ преніямъ по существу вопроса. Рѣчи горячія. Вновь прибывающіе описываютъ происходящія въ данный моментъ казенія. Вотъ, около самой Думы изувѣчили какую то старуху. Съ перешибленной ногой, въ крови, она поползла на панель, но тутъ на нее набросились съ шашками городовые. Подобныя картины, одна за другой, проходятъ пе-

редь собраніемъ и доводятъ его до высшаго напряженія, нѣ-
которыхъ — до слезъ.

Приходитъ извѣстіе, что университетъ — сборный пунктъ
боевыхъ дружинъ и средоточіе всей революціонной обществен-
ности — оцѣпленъ войсками и что осажденные укрѣпляются,
рѣшившись не сдаваться добровольно.

Раздаются голоса, настойчиво требующіе перехода къ обсу-
жденію практическихъ мѣръ. Предлагаютъ высказаться по
этому поводу представителямъ всѣхъ организацій.

Если не ошибаюсь, первое слово было предоставлено соц-
дем-амъ. Представитель ихъ повелъ длинную рѣчь объ основ-
ныхъ положеніяхъ марксизма, о происхожденіи классовъ и
принципѣ классовой борьбы. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ,
среди слушателей возрасталъ ропотъ нетерпѣнья и, наконецъ,
одинъ изъ представителей крайней лѣвой попросилъ предсѣ-
дателя замѣтить оратору, что присутствующіе считаютъ себя
умственно совершеннолѣтними, агитаціонное воздѣйствіе на
себя въ данный моментъ находятъ неумѣстнымъ и намѣрены
вести обсужденіе на почвѣ чисто практической, дѣловой. Послѣ
этого соц-дем-ты выставляютъ то требованіе, о которомъ гово-
рили на предварительномъ совѣщаніи.

Къ нимъ не примкнулъ никто. Отъ имени Московскаго
Комитета с.-р.-овъ, Стачечнаго Комитета, Исполнительнаго Бюро
Стачечнаго Комитета, отъ Организаціи городскихъ рабочихъ и
служащихъ, отъ Университетскаго Органа были сдѣланы за-
явленія съ требованіемъ вышеупомянутой смѣшанной комис-
сіи. Такое же требованіе выставили представители всѣхъ
союзовъ, въ томъ числѣ с.-д.-аго типографскаго и Союза помощ-
ничниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ представитель
двухъ послѣднихъ союзовъ оговорились, что они, оставаясь
вѣрными членами социальдемократической партіи, все же при-
знаютъ за собой право и обязанность занять особую позицію въ
данномъ вопросѣ.

Одинъ за другимъ всходили на трибуну представители
лѣвой и рѣзко, смѣло бросали свои требованія въ лицо глас-
нымъ. Странно выдѣлялись среди тропическихъ растений и
благонамѣренныхъ бѣлыхъ бюстовъ ихъ демократическія фи-
гуры. Странно звучали, гулко ударяясь о мрачныя стѣны,
чуждые здѣсь и потому особенно значительныя, какъ бы новыя
слова — „Отъ имени Исполнительнаго Бюро Московскаго Ста-
чечнаго Комитета“... „Отъ имени Московскаго Комитета Рос-
сійской Соціалдемократической Рабочей Партіи“... „Отъ имени
Московскаго Комитета Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ“...

И растерянно бѣгали по полу взгляды блѣдныхъ, обрюз-
глыхъ пожилыхъ людей, мѣшковато застывшихъ на своихъ
креслахъ. Порою взглядывали они съ надеждой на корректныя
„культурныя“ фигуры представителей союзовъ, но и отъ нихъ
слышались тѣ же требованія.

Но вотъ кончилось. Городской голова встаетъ и говоритъ приблизительно слѣдующее: „Городская Дума выслушала всѣ мнѣнія, приметъ ихъ во вниманіе, обсудитъ и въ свое время доведетъ до вашего свѣдѣнія свое рѣшеніе“. Эти слова вызвали волненіе, растерянность, негодованіе. Представитель соц.-рев. поднялся на трибуну и заявилъ, что собраніе ждетъ отвѣта не „въ свое время“, а сегодня же, на этомъ самомъ мѣстѣ и не разойдется, пока его не получить. Крайніе лѣвые энергично поддержали это заявленіе, либералы же — довольно вяло.

Гласные ушли. Публика стала собираться группами; споры разгорѣлись пуще прежняго. Стачечники занялись обсужденіемъ того, какъ взяться за дѣло, если Комиссія будетъ осуществлена. С.-д.-ты приняли участіе въ обсужденіи и, настойчиво возвращаясь къ обличеніямъ за „буржуазную“ позицію, наряду съ этимъ указывали, что ихъ представитель входитъ въ Стачечный Комитетъ и по столько имѣетъ право и на участіе въ этой самой Комиссіи, не смотря на то, что партійный комитетъ, какъ таковой, отказывается послать въ нее своего делегата. Стачечники этого права не оспаривали, только подсмѣивались надъ двойственностью социальдемократической политики.

Понемногу залы пустѣли. „Приличные“ союзовцы разѣхались пока — пообѣдать. Представитель с.-д.-овъ отправился объѣзжать митинги, объявляя всюду, что с.-р.-ы предали пролетариатъ, отвергли его революціонную диктатуру и заранѣе рѣшили отдать въ руки буржуазіи власть временнаго правительства. Эти „разоблаченія“ вызвали, конечно, бурю негодованія. С.-р.-овскіе ораторы, застигнутые врасплохъ, и совершенно неосвѣдомленные о сущности засѣданія въ Городской Думѣ, были потрясены обвиненіемъ въ предательствѣ и увѣряли, что это недоразумѣніе, что лицо, выступавшее въ Думѣ отъ имени партіи можетъ быть только самозванцемъ.

А въ Думѣ въ это время непрошенные гости располагались подомашнему. Соц.-дем.-овъ появилась значительная группа и устроилась за особымъ столомъ на продолжительное закрытое совѣщаніе. Демонстрація на площади не состоялась, и это ихъ, повидимому, нѣсколько безпокоило.

Между прочимъ, среди остальной публики циркулировалъ слухъ, что с.-д.-ты уже наканунѣ вечеромъ являлись въ Гор. Думу и требовали отъ нея самоупражденія, но были принуждены удалиться, такъ какъ думцы пригрозили въ противномъ случаѣ позвать полицію.

Представитель с.-р.-овъ оставался оторваннымъ отъ своей организаціи, въ тревожномъ ожиданіи запоздавшихъ директивъ.

Стачечники угощали лѣвыхъ сотоварищей по голосованію, смѣялись, шутили. На длинныхъ столахъ появилась закуска — обычная колбаса на бумажкѣ, сыръ, арбузы. „Не надо, това-

рищи, угощать социальдемократовъ. Они очень сердитые!"

— „Нѣтъ, все таки, пошлите имъ арбуза, авось подобрѣютъ!“

Тянулись часы за часами. Положеніе наше становилось страннымъ. Кажалось, насъ хотятъ взять изморомъ. Нѣкоторыхъ охватывала тоска въ полумракѣ опустѣвшихъ холодныхъ залъ и корридоровъ. Кой кто укладывался спать на деревянныхъ скамейкахъ подъ негодующими взорами сторожей. Уходитъ не рѣшались: а вдругъ никого не останется, и, пользуясь этимъ, зданіе запрутъ, назадъ никого не пропустятъ (да еще всѣ лѣ захотятъ вернуться?), и весь инцидентъ кончится ничѣмъ — глупо и позорно.

Подъ вечеръ пришелъ, чрезвычайно взволнованный, представитель Организациіи городскихъ рабочихъ и служащихъ и сталъ совѣтоваться — какъ ему быть. По его словамъ, стачка у нихъ больше держаться не можетъ. Она прекращается сама собой. Онъ опасается, что гласные вотъ-вотъ узнаютъ объ этомъ помимо него и потеряютъ всякую вѣру въ силу ихъ организациіи, всякій страхъ передъ нею. Поэтому онъ предполагаетъ тотчасъ заявить имъ, что городскіе рабочіе и служащіе приостанавливаютъ забастовку въ знакъ довѣрія къ рѣшенію Гор. Думы, оставляя за собой право возобновить ее въ случаѣ, если это рѣшеніе окажется неблагоприятнымъ.

Не знаю, былъ ли онъ правъ въ своихъ опасеніяхъ, но, къ сожалѣнію, его не сумѣли отговорить отъ злосчастнаго намѣренія. На рѣшеніе думцевъ его заявленіе оказало, вѣроятно, самое роковое вліяніе: у „отцовъ города“ отлегло отъ сердца.

Наконецъ, начали сѣзжаться союзовцы. Появляется кое кто изъ бывшихъ въ осажденномъ университетѣ (по одиночкѣ оттуда охотно выпускали). Восторженно рассказываютъ, что работа по укрѣпленію идетъ быстро и плановѣрно, дисциплина соблюдается, обыватели подвозятъ припасы. Войска выжидаютъ.

Въ это время прибѣгаетъ крайне возбужденный, негодующій одинъ изъ с.-р.-овскихъ ораторовъ. Онъ мимоходомъ сообщаетъ знакомымъ, что происходило весь день на митингахъ и рвется сдѣлать публичное заявленіе отъ имени комитета, что послѣдній не согласенъ съ позиціей, занятой его представителемъ, что онъ примыкаетъ къ требованію с.-д.-овъ. Вокругъ него растетъ толпа, главнымъ образомъ, стачечниковъ, ему разъясняютъ положеніе, убѣждаютъ не портить дѣла. Оказывается, что пленарнаго засѣданія комитета созвать не удалось, что онъ послащъ совѣщаніемъ изъ нѣсколькихъ только комитетчиковъ. Тогда представитель с.-р.-овъ рѣшительно заявляетъ, что опроверженіе комитетъ при желаніи успѣетъ выпустить и завтра, сможетъ для подкрѣпленія онаго и его исключить изъ партіи, а пока надо остаться при прежней позиціи, а то не пришлось бы опровергать скороспѣлое опроверженіе. Нѣсколько с.-р.-овъ, представляющихъ профессиональныя организациіи, горячо доказываютъ, что остаться комитету за бортомъ комиссіи

ради непримиримой позы значить непростительно передвигать равнодѣйствующую движенія вправо. А вѣдь, можетъ быть, она еще и осуществится, комиссія то, — кто ее знаетъ!

Посланный не устоялъ таки противъ страстнаго патиска и примирился на заявленіи, которое представителю вызвался немедленно сдѣлать: „Моск. Комитетъ П. С.-Р. оставляетъ за собой право немедленно отозвать своихъ представителей изъ комиссиі, и порвать съ ней всякія сношенія, если найдетъ какое либо поставленіе ея несоотвѣтствующимъ интересамъ трудового народа“. Съ этой цѣлью всей гурьбой отправились на новое предварительное совѣщаніе. Оно собиралось съ цѣлью обсудить, какъ использовать желанную комиссію.

Не помню, удалось ли представителю с.-р.-овъ сдѣлать свое заявленіе. Но только не успѣли разговориться хорошенько о дѣлѣ медвѣжьей шкуры, какъ явился самъ медвѣдь — живехонекъ, во всей своей красѣ.

Раздались голоса — „Идутъ, думцы идутъ!“ И въ залъ, гдѣ происходило совѣщаніе (не предназначенный для засѣданій) вошли гласные — безпорядочной толпой, съ видомъ испуганнаго, загнаннаго, но упрямаго стада и остановились, не садясь, за длиннымъ столомъ, который отдѣлялъ ихъ отъ враговъ. Городской голова передалъ свою цѣль одному изъ гласныхъ, пользовавшемуся репутаціей относительнаго либерала, а самъ ступедался въ толпѣ. Это уже былъ плохой знакъ. Тотъ сталъ читать нетвердымъ голосомъ. Резолюція думскаго большинства гласила приблизительно слѣдующее:

„Городская Дума уже прежде имѣла сужденіе по вопросу объ городской милиціи, устройство которой и было ею признано въ принципѣ своевременнымъ. Тогда же, для этой цѣли была назначена комиссія, которую Дума считаетъ вполне способной справиться съ возложенной на нее задачей. А потому она вынуждена отвергнуть предложенную ей помощь общественныхъ элементовъ, оставляя за собой право, въ случаѣ надобности, снова обратиться къ нимъ за совѣтомъ.“

Меньшинство (человѣкъ (10 — 15) осталось при особомъ мнѣніи. Оно предлагало компромиссъ — какой, не помню хорошенько.

Чтеніе закончилось среди возрастающаго гула возмущенія. Соціалдемократъ вскочилъ на стулъ и, повернувшись спиной къ думцамъ, кричалъ, покрывая шумъ: „Товарищи-пролетаріи! Мы предупреждали васъ. Вы насъ не послушали... Теперь вы видите сами: на пути соглашеній съ буржуазіей ничего нельзя добиться. Только слѣдуя непримиримой тактикѣ единой всероссійской соц.-демократической Рабочей Партіи, вы придете къ неизбѣжной побѣдѣ пролетаріата.“

Едва успѣлъ онъ кончить, уже съ другого стула соціалистъ-революціонеръ кричалъ въ лицо гласнымъ: „Въ послѣдній разъ вамъ былъ предоставленъ случай идти объ руку съ на-

родомъ. Вы не захотѣли имъ воспользоваться, такъ помните же: теперь трудовой народъ пойдетъ безъ васъ — и противъ васъ. И горе вамъ!“

— Горе вамъ! горе вамъ! — гремѣло со всѣхъ сторонъ. Съ горящими презрѣнемъ лицами всѣ кричали имъ: — каждый свое обвиненіе, свою угрозу. И никогда — ни до, ни послѣ того — мнѣ не пришлось видѣть такихъ жалкихъ, такихъ оплеванныхъ людей. Они буквально не знали, куда смотрѣть, куда себя дѣвать. Смѣшно, нерѣшительно толкаясь, всѣ старались очутиться въ заднихъ рядахъ. На лицахъ было написано подлинное, страстное желаніе, провалиться сквозь землю.

Наконецъ, задніе стали проскальзывать къ двери и, послѣ нѣкотораго замѣпательства, остальные, пятясь, наталкиваясь другъ на друга, послѣдовали за ними.

Тѣшась довольно горькимъ юморомъ, двинулись къ выходу и мы. Загадывали — арестуютъ или выпустятъ? А можетъ быть, изобьютъ... Все одинаково возможно.

Кто то весело совѣтуетъ: „Товарищи, держитесь среди купчихъ, — ихъ, небось, бить не стануть. Хотя, какъ прикрытіе, пусть пригодятся.“

Вотъ перронъ. Армія городовыхъ. За ними бездонная чернота неестественно пустой площади. Проходимъ, какъ сквозь строй. Ничего, благополучно. Уже идемъ по городу небольшой, тѣсной кучкой. Какой странный, новый городъ. Всюду войска, войска — въ невиданномъ количествѣ. Они разъѣзжаютъ по улицамъ; стоятъ вокругъ костровъ на перекресткахъ; цѣпью, съ ружьями на перевѣсѣ, загораживаютъ входъ въ переулки. Ежеминутно — рѣзкіе окрики; что то поблескиваетъ. Это все окрестности университета. Наша группа ужъ растаяла. Вчетверомъ, крѣпко взявшись подъ руки, внезапно страшно дорогіе другъ другу, мы въ жутко-веселомъ возбужденіи шагаемъ среди этой призрачной ночи. Явь, или сонъ?

Въ концѣ концовъ, мы дальними обходами попадаемъ въ улицы, свободныя отъ войскъ и тонущія въ глубокомъ мракѣ — что говорить о продолжающейся забастовкѣ.

И вотъ, я дома. Меня встрѣчаютъ съ радостью и удивленіемъ, какъ послѣ чудеснаго спасенія. Однако, не всѣ налицо? — Ничего, одинъ изъ домашнихъ лежитъ въ постели, обложенный компрессами. Онъ, оказывается, ходилъ вечеромъ на думскую площадь, дожидаться нашего выхода. Подошелъ къ перрону, — городовые прогнали. Перешелъ на другую сторону, но тутъ изъ за угла ракетой выскочили 3 городовыхъ и... приняли въ немъ близкое участіе. Въ результатѣ, онъ пріѣхалъ домой безъ шапки, безъ зуба, со вздутымъ окровавленнымъ лицомъ и рукой, висящей плетью. „Демонстрація“ была неукоснительно разогнана.

Такъ закончился для меня этотъ памятный день.

Про думскую комиссію по вопросу о милиціи мнѣ больше слышать не довелось. Союзъ союзовъ съ тѣхъ поръ не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ соглашенія съ Гор. Думой. Московскій комитетъ П. С.-Р. выпустилъ заявленіе о томъ, что онъ не согласенъ съ позиціей, которую заняло въ Гор. Думѣ лицо, выступавшее отъ его имени, но недостаточно освѣдомленное о его точкѣ зрѣнія, которая въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ точкой зрѣнія с.-д-овъ.

С.-д-ты продолжали на митингахъ свою обличительную кампанію, пока болѣе крупныя событія не заслонили собой этихъ счетовъ. Представитель союза помощ. присяж. повѣренныхъ на одномъ изъ засѣданій стачечнаго комитета при случаѣ заявилъ, что свое голосованіе за смѣшанную комиссію онъ считаетъ ошибкой, а партійный с.-д-скій комитетъ былъ, разумѣется, правъ.

Вотъ все, что мнѣ удалось припомнить о засѣданіи въ московской Гор. Думѣ, казавшемся тогда историческимъ. Происходило это три года тому назадъ. Промелькнуло въ вихрѣ головокружительныхъ событій.

Не мудрено, что описаніе вышло, вѣроятно, неполнымъ и неравномѣрнымъ: одни моменты и эпизоды запомнились подробно, другіе — совсѣмъ стерлись изъ памяти. Возможно, что въ кой-какія частности вкрались ошибки. За одно только могу ручаться: нѣтъ тутъ тенденціозныхъ умолчаній или искаженій.

Л. А.—ва.

Ноябрь, 1903 г.

Воспоминаніе о переговорахъ „Добровольной Охраны“ и „Исполнительнаго Комитета Русской Соц.-Рев. Партіи“ въ 1882 г.*)

Вы желаете получить отъ меня дополнительныя свѣдѣнія по дѣлу переговоровъ между т. наз. „Добровольною Охраною“ и „Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи“, происходившихъ въ 1882 г., въ каковомъ дѣлѣ и вы и я принимали въ которое участіе. Я совершенно съ Вами согласенъ, что послѣ того, какъ уже въ публику проникли неточныя на этотъ счетъ свѣдѣнія, между прочимъ и при посредствѣ печати, въ „Polskiem Wolnem Slowie“ то необходимо, чтобы люди, прямо принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ, исправили неточности. Но все таки я нахожу, что еще не наступило время, когда бы можно было одубликовать всѣ подробности этого дѣла, и потому ограничусь только самыми общими свѣдѣніями изъ того, что мнѣ извѣстно, избѣгая всякихъ личныхъ указаній, относительно которыхъ оговорюсь только, что, тѣ изъ нихъ, которыя оцѣлены въ „Polskiem Wolnem Slowie“, страдаютъ неточностью.

Въ іюль 1882 г. я былъ въ Женевѣ и принималъ довольно дѣятельное участіе въ „Вольномъ Словѣ“, основанномъ организаціей, которая

*. Такъ заглажена статья самимъ неблизкимъ авторомъ. Написана она, — за однимъ разомъ, — забудь в первой половине 1889 г., бо цитоване „Wolne Polskie Slowo“ (такой його заголовок) начало виходити в осени 1888 г. и в вѣрах його з того року ми не нашли стати про теж дѣло, а з 1889 г. дуже богато ирив нема в экземпляри Библиотеки Оссолинскихъ у Львовѣ (газету дуже часто конфіскували Ц. К. галицкыи власти). Переписав я статью з оригиналу, розуміється, точно, лише, не узгадуючи перечеркень, звичайно, дуже частихъ розвязуючи вкороченя, змѣняючи декуди ин-тертукцію, та вставляючи пропущені Драгомановимъ заголовки книжокъ і т. п. (воны доповнен редакціей „Вѣлого“ і зазначені в текстѣ курсивомъ). Особа, до которея мы бы то звернена статья — певно Дебогорій-Мокрѣвич. Може до рѣчи буде додати і що статью цю переслав я бувъ ще передъ нѣкыма рокамъ — в одинъ підцензурный російскый журналъ, але я доси не маю вѣсти, що сталося з мою рукописью, коштованимъ мене праце, про яку догадаеся каждый, хто знае нечтко писмо Драгоманова. Що до змісту статьи, то я, звісно, не могу вдаватися в суд, ты більше що справи не знаю, мене вже тоді не було в Женевѣ; позволю собі зазначити тилько, що на мою гадку Драгомановъ і тутъ виходитъ такимъ же, якъ і в усіхъ иншихъ своїхъ писаняхъ і заходахъ, — честиимъ і правдивымъ противникомъ, готовымъ на великі жертвы, то і то: поморомъсь звісно, скількыстни а не якыстни!) — в данімъ разѣ навіть на заперуку недоторканости особи самодержавнаго царя, аби тилько вінъ попустивъ користь волѣ людности Россіи.

носила названіе „Земскій Союз“ и имѣла цѣлью политическую реформу Россіи, на началахъ самоуправленія земскихъ единицъ. Начало этой организаціи восходитъ къ южно-русскимъ попыткамъ 1878 года объединенія всѣхъ оппозиціонныхъ въ Россіи элементовъ, съ устраненіемъ принципіальнаго совершенія политическихъ убійствъ.

Одна изъ этихъ попытокъ, — которая оставила по себѣ слѣды въ литературѣ въ видѣ заданія брошюръ: „Мартовскія волненія въ Кіевскомъ университетѣ въ 1878 г.“ (Львовъ, 1878, 1 изд. М. Ткаченко-М. Павлика) и „Всесемнадцатъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ“ (З. С. Женева 1883, сначала напечат. въ „Вольн. Словѣ“, 1883 г., № 53, 57, 59, 60), — получила въ своей же средѣ названіе „Лиги“, употреблявшееся нѣсколько въ ироническомъ духѣ. Названіе это перешло на свѣрвь Россіи и стало прикладываться къ разнымъ земско-либеральнымъ кружкамъ, съ тенденціями аналогичными съ тѣми, которыхъ держалась эта южно-русская „Лига“, и образовавшійся послѣ „Земскій Союзъ“. Но въ 1881 г. образовались въ Петербургѣ двѣ консервативныя организаціи: „Священная Дружина“ или просто „Дружина“, которая имѣла цѣлью всякого рода помощь правительству въ борьбѣ съ революціонерами, и „Добровольная Охрана“, имѣвшая цѣлью помогать охранѣ личности императора, но безъ преслѣдованія какихъ бы то (ни было) политическихъ мнѣній.*) Въ массѣ публики ходили смутныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ организаціяхъ, которыя назывались часто именемъ „Лига“, и смѣшивались между собой. Смѣшеніе понятій усиливали и нѣкоторые революціонные кружки, которымъ не нравилась оппозиція органа „Земскаго Союза“ возведенію политическихъ убійствъ въ систему политическихъ дѣйствій, а также централистическому (якобинскому) направленію, которое особенно воспробладало въ „Исполнительномъ Комитетѣ Народной Воли“ послѣ 1 марта 1881 г., и гибели большей части прежнихъ ихъ участниковъ, державшихся менѣе исключительныхъ въ этомъ отношеніи идей. Смѣшеніе это было и въ интересахъ государственной полиціи, которая въ это время, въ рукахъ Судейкина, приняла провокаторскій и интригантскій характеръ. Судейкинъ, создавши себѣ уже опору въ народновольческихъ кружкахъ черезъ Д-гаева, стремился образовать и собственное народничество, противное либерализму, и основывъ въ Женевѣ свой анархически-теоретическій журналъ „Правду“, который нападалъ на конституціоналистовъ и земцевъ, отождествляя ихъ стремленія съ цѣлями государственной полиціи.

Въ это время въ публику стали проникать извѣстія о заговорщицко-конституціонныхъ стремленіяхъ „Лиги-Охраны-Дружины“ и будто бы самого вел. кн. Владиміра Александровича. Слухи эти особенно находили себѣ мѣсто въ радикальныхъ и социалистическихъ газетахъ якобинскаго или анархическаго направленія, въ родѣ L'Intransigeant или Le Révolté, которыя почему то считали нужнымъ обличать высокопоставленныхъ заговорщиковъ противъ власти законнаго самодержца Россіи. Съ другой стороны, нѣкоторые земскіе кружки тоже стали возлагать надежды на установленіе политической свободы въ Россіи, при посредствѣ дворцовой интриги. Противъ этихъ надеждъ было сказано нѣсколько словъ въ „Вольномъ Словѣ“ (1882, № 41 отъ 15 іюля „Дѣятельность Свящ. Дружины“ и Программа „Добров. Охраны“).

*) Такъ охарактеризованы, между прочимъ, цѣли „Добровольной Охраны“ и въ оофициальной запискѣ, составленной въ государственной полиціи при гр. Игнатьевѣ.

Вотъ именно, вскорѣ послѣ появленія этой замѣтки, я увидѣлъ у себя пожилого человѣка, довольно представительной внѣшности, который сказалъ мнѣ, съ естественными остановками и перерывами отъ моихъ вопросовъ, приблизительно слѣдующее:

— Я являюсь къ вамъ отъ имени общества, на которое вы нападаете, но которое имѣетъ, въ сущности, ту же цѣль, что и вы, а именно, — свободу Россіи. Достиженію этой цѣли препятствуютъ революціонеры-цареубійцы, которые пошли по совершенно ошибочной дорогѣ. Если бы можно было убѣдить ихъ въ этомъ, тогда мы взяли бы на себя обязательство провести въ Россіи политическую реформу. Вотъ съ этою цѣлью я и обращаюсь къ вамъ, какъ члену комитета, который руководитъ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи, обращаюсь отъ имени общества „Добровольной Охраны“. Вы не должны смѣшивать его съ „Дружиной“, которая преслѣдуетъ совершенно полицейскія цѣли и даже имѣла въ виду, въ случаѣ новыхъ покушеній на царя; приступить къ контръ-убійствамъ противъ руководителей цареубійства въ Россіи, и даже тотчасъ-же убить Гартмана, но была остановлена именно „Охраною“, которая прямо заявила, что откроетъ убійцъ англійскому правительству. Такъ вотъ я обращаюсь черезъ васъ къ комитету, который руководитъ революціонно-террористическими предпріятіями въ Россіи, съ извѣстными предложеніями. Пусть комитетъ заявитъ, что онъ не имѣетъ цѣлью цареубійство. — взаимнѣ „Охрана“ общается созваніе Земскаго Собора, вслѣдъ за коронаціей царя, не дальше чѣмъ черезъ полтора года. При этомъ я считаю нужнымъ особенно подчеркнуть то, что мы требуемъ только прекращенія всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ государя лично и его семейства — а въ остальномъ предоставляемъ революціонерамъ полную свободу поступковъ. А въ доказательство того, что мы дѣйствительно имѣемъ искреннія намѣренія и силу, мы предлагаемъ вамъ извѣстные залого, — напр., можемъ выхлопотать любому изъ васъ, кромѣ Гартмана, право возвращенія въ Россію, — можемъ выдать вамъ въ залогъ кого-нибудь изъ насъ, кромѣ лицъ, присутствіе которыхъ обязательно въ Россіи.

Я прежде всего спросилъ, кто такіе предполагаемые моимъ собесѣдникомъ члены комитета и кто ему далъ о нихъ справку?

— Это, — отвѣтилъ посѣтитель, — вы, Лавровъ, Ткачевъ, Гартманъ и Мокривичъ. Еще у васъ вліятельный человѣкъ кн. Крапоткинъ, но съ нимъ я не могу вступать въ соглашенія; это, сказали мнѣ, маіакъ убійствъ, который ни на какія уступки не пойдетъ. Справку эту дала „Дружина“; она только на это и годится.

Посѣтитель вообще показался мнѣ человѣкомъ искреннимъ, а потому и я чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе сухо сталъ держаться съ нимъ. При послѣднихъ словахъ я невольно разсмѣялся и сказалъ:

— Ну, очевидно, что „Дружина“ ни на что не годится. Прежде всего никакого подобнаго комитета за границей нѣтъ; потомъ, если бы онъ и былъ, то перечисленный вами составъ невозможенъ; все это люди очень разныхъ тенденцій. Начать съ меня. Я ни къ какому русскому организаціямъ не принадлежу, по разнымъ причинамъ, а съ т. наз. террористами не схожусь и въ политическихъ идеяхъ, и въ томъ, что смотрю на политическія убійства только какъ на симптомъ существующаго въ обществѣ раздраженія, вызваннаго правительствомъ, но не какъ на сколько-нибудь цѣлесообразный способъ политической борьбы; за это меня многіе изъ русскихъ революціоне-

ровъ считаютъ просто врагомъ и даже шпиономъ называютъ. Дальше Лавровъ, сколько мнѣ извѣстно, всегда былъ противникомъ „террора“, недавно читалъ противъ него даже лекціи въ парижскомъ русскомъ кружкѣ и печатно, — въ „Jahrbuch für Sozialpolitik“, — высказался даже противъ политическаго направленія „Исполнительнаго Комитета“, какъ могущаго повести къ союзу съ буржуазными элементами, и поэтому вреднаго для социалистическаго движенія въ Россіи. Этихъ примѣровъ Вамъ довольно. (О Ткачевѣ и его отношеніяхъ къ г. Лаврову, напр., я не хотѣлъ говорить). Что до Крапоткина, то я долженъ вамъ сказать, что это, во первыхъ, добрѣйшій въ мірѣ человекъ, который не только царя, но и мухи не убьетъ, а, во вторыхъ, со времени ухода за границу, не имѣетъ никакого прикосновенія къ русскимъ революціоннымъ дѣламъ, какъ это свидѣтельствуется даже печатно очень компетентный по этой части Степнякъ (Russia Sotteranea).“

Гость мой былъ совсѣмъ озадаченъ моими словами.

— По вашему выходитъ, что я напрасно пріѣзжалъ? — сказалъ онъ.

— Почти такъ. Ищите вашего комитета въ Россіи.

— Пробовали искать, да это трудно. Революціонеры боятся ловушки.

— Того же самого будутъ бояться и здѣсь. Вы должны быть готовы, что васъ непременно встрѣтятъ, какъ шпиона.

— Но здѣсь меньше смысла бояться. Здѣсь можно хоть поговорить на свободѣ. Я увѣренъ, что между революціонерами есть же люди не ослѣпленные и способные выслушать чужое мнѣніе и предположить въ немъ искренность. Я рассчитываю, во всякомъ случаѣ, хоть на то, что вы мнѣ можете вступить въ сношенія, если не прямо съ членами комитета, который распоряжается дѣйствіями въ Россіи, то хоть съ вліятельными среди революціонеровъ лицами, черезъ которыхъ я могъ бы довести до комитета наши предложенія. Кромѣ того, я надѣюсь, что и вы лично употребите ваше вліяніе или сдѣлаете все возможное для убѣжденія революціонеровъ пойти на соглашеніе, которое я предлагаю. Я убѣдительно прошу васъ объ этомъ.

Слова эти заставляли меня говорить, что называется, по существу дѣла, и я отвѣтилъ моему гостю приблизительно слѣдующее.

— Прежде всего позвольте мнѣ напомнить вамъ, что я вовсе никакого вліянія на революціонеровъ русскихъ, а особенно на дѣствующихъ теперь, не имѣю. Позвольте вамъ дать брошюры, объясняющія мои отношенія къ нимъ (и далъ ему „Le Tyrranicide en Russie“, „Къ біографіи Желябова“, „Народная Воля“ о централизаціи). А во вторыхъ, я не вѣрю въ самую сущность вашей задачи. Я не вѣрю въ возможность добыть для Россіи политическую свободу при посредствѣ „Охраны“. По моему, вы такъ же заблуждаетесь, какъ и русскіе террористы; эти думаютъ добиться переменъ политическаго строя, такъ сказать, разбоемъ, а охранцы... интригою (я собственно хотѣлъ сказать воровствомъ), между тѣмъ, какъ по моему мнѣнію, высказанному въ „Вольномъ Словѣ“, — она можетъ быть ваята только широкимъ и открытымъ общественнымъ движеніемъ, которое и требуетъ соотвѣтственной агитаціи въ обществѣ. Затѣмъ я абсолютно не вѣрю въ способность обоихъ тѣхъ элементовъ, которыхъ вы хотите привлечь къ соглашенію, не только выдержать договоръ, если бы онъ и состоялся, но даже познать другъ друга. Специально объ „Ис-

полнительномъ Комитетѣ“ я замѣтилъ, что ему будетъ очень затруднительно пойти на желаемое соглашеніе, такъ какъ онъ поставилъ себя въ положеніе безвыходное и, по моему, вообще ложное, своими заявленіями съ 1-го марта 1881 г., а именно, письмомъ къ Александру III, гдѣ „Исполнительный Комитетъ“ грозитъ царю смертью, если онъ не уступитъ его требованіямъ (чѣмъ поставилъ и самого царя въ невозможность уступить), и еще болѣе недавними заявленіями „Народной Воли“, въ которыхъ ставится цѣлью „партія“ уже не созваніе „учредительнаго собранія“, но захватъ власти, послѣ чего „партія“ предполагаетъ сначала ама сдѣлать социально-экономическую реформу Россіи, а потомъ уже дать ей свободу, въ томъ числѣ и созваніе Земскаго Собора.

Тутъ произошелъ между нами разговоръ, который я, для краткости, опускаю и который окончился словами моего гостя: „Можетъ быть, вы и правы, но надо, во всякомъ случаѣ, хоть пробовать и не пропустить случая, въ своемъ родѣ единственнаго.“

Съ послѣднимъ я долженъ былъ согласиться, а потому и не считъ себя въ правѣ совершенно уклониться отъ дѣла, а въ то же время боялся, что если я совершенно устранюсь, онъ станетъ искать другихъ путей и попадетъ совсѣмъ уже на фальшивую дорогу, отчего можетъ произойти совсѣмъ уже какая либо глупость или вредное дѣло. Подобные примѣры я зналъ за иностранцами и русскими, и нѣкоторыя, названныя самимъ гостемъ моимъ имена, внушали мнѣ серьезныя опасенія, особенно имя Ткачева, по причинѣ дурного подбора его сообщниковъ, да Лаврова, по причинѣ его туманноголовія и искренности въ отношеніяхъ. Поэтому я сказалъ, наконецъ, моему гостю, что я берусь свести его съ лицомъ или даже съ нѣсколькими, которыя находятся въ сношеніяхъ съ главными революціонерами въ Россіи и которыя доведутъ до ихъ свѣдѣнія предложенія лицъ, пославшихъ моего собесѣдника. Но только я требую, чтобы онъ въ теченіе трехъ или пяти дней все ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ дѣлѣ.

Гость мой согласился на это условіе, и на другой день даже уѣхалъ изъ Женева въ Парижъ, гдѣ онъ рассчитывалъ видѣться съ польскимъ писателемъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ еще въ 60-е годы и адресъ котораго онъ взялъ у меня. Мнѣ гость мой оставилъ на расходы по дѣлу 500 фр., изъ которыхъ я возвратилъ ему 300 фр. съ небольшимъ.

Передъ отъѣздомъ гостя, мы еще разъ „прошли“ предлагаемыя имъ отъ имени „Охраны“ условія, которыя я долженъ былъ сообщить намѣченнымъ мною посредникамъ. Назначеніе точнаго срока для созыва Земскаго Собора (отъ 8 до 18 мѣсяцевъ), казалось мнѣ фантастическимъ, и поэтому рискованнымъ, но собесѣдникъ мой отвѣтилъ мнѣ: „Ну, если берутся люди, такъ это ихъ дѣло“. Предложеніе оставить намъ, эмигрантамъ, въ залогъ какое-нибудь крупное лицо изъ „Охраны“ показалось мнѣ просто комичнымъ. — Что мы, чересы, чтобы держать его, и гдѣ?? — Делегатъ замѣтилъ, что можно это условіе замѣнить какимъ-нибудь другимъ. Касательно амнистіи кому-нибудь изъ насъ и права возвратиться въ Россію, я замѣтилъ, что и это условіе врядъ-ли удобно, такъ какъ еслибъ кто изъ насъ принялъ такую амнистію, то только бы поставилъ себя въ фальшивое положеніе передъ обществомъ и особенно передъ революціонерами. Въмѣсто этого, я посоветовалъ предложить амнистію какого-нибудь одного или нѣсколькихъ лицъ, находящихся въ Сибири, изъ старшихъ,

напримѣръ, Чернышевскаго, или же младшихъ, которыхъ теперешніе революціонеры считаютъ наиболѣе уважаемыми своими товарищами. (Я называлъ нѣсколко именъ). Прїѣзжіи нашель это соображеніе резоннымъ, но просилъ меня все таки передать, кому слѣдуетъ, и его первое предложеніе вмѣстѣ съ моимъ соображеніемъ.

Лица, которымъ я рѣшилъ сообщить все это дѣло, были: Кравчинскій и Мокрїевичъ. Первый былъ въ то время въ Миланѣ, а второй въ Парижѣ. На бѣду, Кравчинскій перемѣнилъ въ это время свой адресъ, такъ что моя депеша къ нему не дошла. Мокрїевичъ, съ которымъ я былъ знакомъ меньше, отвѣтилъ сначала на мой вызовъ прїѣхать въ Женеву отказомъ (онъ передъ тѣмъ проѣхался попусту въ Италію, по приглашенію одного польскаго патриота, переданному черезъ меня же, писать же ему обстоятельно, я не рѣшился, такъ какъ зналъ, что за нимъ сильно надзирають шпионы), — а потомъ извѣстилъ меня, что долженъ ѣхать на Востокъ и будетъ переѣзжать черезъ Ліонъ, гдѣ и можетъ со мною увидѣться. Я похалъ въ Ліонъ, и встрѣтивъ тамъ Мокрїевича, рассказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ нашель его важнымъ и согласился стать посредникомъ между прїѣзжими и нѣкоторыми лицами въ Парижѣ, которыя, по его словамъ, могли говорить отъ имени „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“. Именъ ихъ онъ мнѣ не называлъ, да я ихъ и не спрашивалъ. Изъ Ліона Мокрїевичъ отправилъ (кому слѣдуетъ) въ Парижъ приглашеніе прїѣхать въ Женеву и полученные отъ меня деньги на дорогу, но получилъ отвѣтъ, что желаемое свиданіе можетъ состояться только въ Парижѣ. Мы съ Мокрїевичемъ возвратились въ Женеву, гдѣ я считалъ свою задачу оконченною, сведши Мокрїевича съ прїѣзжими, съ тѣмъ чтобы оба они похали въ Парижъ. Прїѣзжіи, впрочемъ, настаивалъ на томъ, чтобы и я принялъ участіе въ переговорахъ. Почему онъ этого желалъ, я не знаю; по какимъ-либо субъективнымъ резонамъ, или велѣдетвіе убѣжденія, которое, какъ я положительно знаю изъ словъ одного посланника, сказанныхъ одному моему знакомому, было сильно распространено въ официальныхъ кругахъ въ Петербургѣ, что я занимаю вліятельное положеніе въ русской революціонной организаціи, и которое я не могъ поколебать моими словами, — не берусь рѣшать, но только онъ сильно убѣждалъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и Мокрїевичемъ въ Парижъ. Я отказался по резонамъ, наложеннымъ выше, и которые кратко повторилъ и при Мокрїевичѣ, — и усадилъ обоихъ путниковъ въ вагонъ вечерняго курьерскаго поѣзда въ Парижъ, при чемъ оба они обѣщали увѣдомить меня въ общихъ чертахъ о результатахъ предпріятія.

Въ Парижѣ, какъ я узналъ потомъ, прїѣзжіи передали свое желаніе, чтобы я присутствовалъ при переговорахъ, но г. Лавровъ, къ которому тамъ обратился (сверхъ моего ожиданія и къ моему удивленію!) съ этимъ дѣломъ, отвѣтилъ: „Ни подѣ какимъ видомъ!“ Я остался даже безъ всякихъ свѣдѣній объ исходѣ переговоровъ, такъ какъ и г. Мокрїевичъ, сведши прїѣзжаго съ г. Лавровымъ и нѣкоторыми другими лицами, уѣхалъ на востокъ, написавъ мнѣ съ дороги письмо, въ которомъ извѣщаль о своемъ удаленіи отъ дальнѣйшаго хода дѣла. Недѣли черезъ двѣ я увидѣлся въ Итали съ Кравчинскимъ, которому рассказалъ, что зналъ, и который оказался въ совершенномъ невѣдѣніи объ этомъ дѣлѣ.

Для меня стало очевиднымъ, что г. Лавровъ и его парижскіе товарищи допустили къ дѣлу только избранныхъ, которыхъ они опре-

дѣлили сами по своимъ соображеніямъ. Еще черезъ нѣсколько недѣль я, воротившись въ Женеву, встрѣтилъ на улицѣ одного молодого человѣка, съ которымъ былъ немного знакомъ, но котораго я зналъ, какъ хорошаго знакомаго г. Милковскаго. Не мало удивился я, когда этотъ молодой человѣкъ заговорилъ со мною самымъ развязнымъ образомъ объ этомъ секретнѣйшемъ дѣлѣ, какъ будто о предметѣ, о которомъ мы оба еще вчера толковали между собой наинтимнѣйшимъ образомъ, и сообщилъ мнѣ, посмѣиваясь, какъ г. Лавровъ и товарищи его сначала боялись прѣжаго, какъ шпіона, потомъ приняли его, положившись на рекомендацію г. Милковскаго, какъ г. Лавровъ требовалъ, чтобы охрана общаала, — по словамъ рассказчика, — „провести чуть не социальную революцію“ въ Россіи, такъ что прѣжій даже было потерялъ терпѣніе и сказалъ, что онъ можетъ говорить только отомъ, что ему поручено, а если не хотятъ объ этомъ говорить, то онъ и прекратитъ переговоры, какъ, наконецъ, предложенія делегата Охраны были приняты, при чемъ залогомъ условлено было: амнистія Чернышевскому и выдача революціонерамъ мильона (рублей или франковъ, я отъ непривычки къ такимъ суммамъ, каюсъ, уже не помню, но кажется, что рублей).

Я сообщилъ объ этомъ разговорѣ г. Мокрѣвичу и получилъ отъ него отвѣтъ, что ему ничего неизвѣстно по этому дѣлу.

Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, является ко мнѣ прежній гость, бывшій делегатъ Охраны, но съ видомъ весьма смущеннымъ сообщаетъ, что переговоры, собственно, ни къ чему ни привели, такъ что онъ прѣхалъ почти единственно за тѣмъ, чтобы объясниться съ тѣми, съ которыми онъ имѣлъ дѣло и доказать имъ, что онъ не шарлатанъ и что если дѣло провалилось, то не по его винѣ. Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ о парижскихъ переговорахъ согласно съ тѣмъ, что уже я зналъ. Съ условіями, предложенными въ Парижѣ, онъ явился въ Петербургъ и сообщилъ ихъ пославшимъ его, которые сначала приняли условія и общаали дать ему полномочіе, скрѣпленное печатью Охраны, для заключенія формальнаго договора. Но черезъ нѣсколько времени эти лица заявили, что условія надо еще пересмотрѣть въ общемъ (?)*) собраніи Охраны и что пунктъ о непремѣнномъ созывѣ Земскаго Собора въ извѣстный и короткий срокъ слишкомъ труденъ къ исполненію. Между тѣмъ, стали показываться признаки того, что переговоры, и, во всякомъ случаѣ, отношенія делегата къ Охранѣ перестали быть тайною. Хотя делегатъ и считался выѣхавшимъ изъ Петербурга и не являлся на свою квартиру, а проживалъ пока въ домѣ одного знакомаго охранца, однако жъ онъ получалъ по почтѣ на свое имя гектографированный листокъ, гдѣ были извѣстныя личныя изобличенія нѣсколькихъ охранцевъ. На листкѣ было написано: „вотъ съ кѣмъ вы связались!“ Послѣ проволочки нѣсколькихъ дней, охранцы объявили бывшему делегату, что считаютъ невозможнымъ продолжать переговоры съ революціонерами, такъ какъ послѣдніе не держатъ слова, именно во время самихъ переговоровъ издають въ Женевѣ террористическую газету „Правда“, о которой будто бы доподлинно извѣстно, что это изданіе „Исполнительнаго комитета“ и въ которой даже есть намеки на переговоры и при томъ намеки отрицательнаго характера.

*) Вопросительный знакъ принадлежитъ Драгоманову.

При послѣднемъ сообщеніи меня, что называется, взорвало. Я вскричалъ:

— Непостижимо, что за народъ у васъ тамъ всѣ эти охранцы! Въ прошлый разъ я увидѣлъ изъ вашихъ словъ о заграничномъ комитетѣ революціонномъ, что они понятія не имѣютъ объ эмиграціи, а теперь вижу, что они не знаютъ того, что у нихъ подъ носомъ дѣлается. Я не охранецъ и маленькій человѣкъ, и то знаю, что „Правда“ изданіе — Судейкина.

— Какого Судейкина?

— Да просто вашего же петербургскаго жандармскаго подполковника Судейкина. Во всякомъ случаѣ здѣшняя эмиграція открещивается отъ этой газеты и собирается напечатать свое отреченіе отъ нея въ женевскихъ французскихъ газетахъ.

Тутъ я долженъ сдѣлать нѣкоторое отступленіе собственно отъ разсказа о моемъ разговорѣ съ прѣжащимъ и разсказать коротко о „Правдѣ“ и отношеніи къ ней русской эмиграціи.

„Правду“ издавалъ съ половины августа 1882 г. бывшій чиновникъ уѣздной полиціи Климовъ. Эта была очень безграмотная газетка, которая хотѣла идти съ одной стороны за „Народной Волей“ съ ея политическимъ терроризмомъ, а съ другой за *Revolte* кн. Крапоткина съ анархически-соціалистическимъ терроризмомъ, который впрочемъ, проповѣдывала не намеками, какъ *Revolte*, а откровенно и совсѣмъ вѣлпо дописавшись до того, что совѣтовала истреблять даже скотъ, а не однихъ помѣщиковъ, и при томъ не у злыхъ помѣщиковъ, а именно у добрыхъ, ради полной яркости протеста противъ собственности. Рядомъ съ этимъ газета эта нападала на конституціонализмъ, какъ дѣло дворянское и буржуазное, противное соціализму, и потому чуть не въ каждомъ номерѣ ругала „Вольное Слово“ и въ частности меня, называя меня прямо шпіономъ, находящимся въ прямыхъ сношеніяхъ съ Лигами-Охранами. Нѣкоторымъ эмигрантамъ это было очень пріятно, и они (Черкезовъ и Эльпидинъ) устраивали конспираціи съ Климовымъ, чтобы поймать меня, такъ сказать, съ поличнымъ. Впрочемъ, другіе изъ эмигрантовъ косо смотрѣли на „Правду“ и стали даже поговаривать о томъ, чтобы отречься отъ нея. Я зналъ тайну происхожденія „Правды“, какъ зналъ и то, что Судейкинъ запускаетъ лапу въ революціонныя организаціи въ Россіи, но много разговаривать объ этомъ съ здѣшней русской эмиграціей стѣснялся; такъ какъ со времени напечатанія во французскихъ соціалистическихъ газетахъ протеста противъ меня отъ имени редакцій „*Rownosci*“ и „Чернаго Передѣла“ по поводу моей статьи въ „*Revue Socialiste*“, въ которой я указывалъ на централистически-національныя тенденціи въ русскихъ и польскихъ соціалистическихъ кругахъ, я прекратилъ всякія отношенія къ русской и польской соціалистической эмиграціи, какъ къ коллективностямъ, и сохранялъ только личныя отношенія и то съ весьма немногими. Печатная попытка моя (въ „Вольномъ Словѣ“ 1882 г., № 34, отъ 8 н. ст. апрѣля „Обаятельность энергіи“) предостеречь русскіе революціонныя кружки относительно той деморализаціи въ ихъ средѣ, которая завершилась такъ называемою дегавизиною и которая уже тогда порождала такіе факты, какъ указаніе народовольцемъ Р.*) довѣрившихся ему земцевъ**), вызвала противъ меня прямое озлобленіе въ

*) Герасимомъ Романенко. (Тарнопскимъ) Рел.

**) Объ этомъ разсказано и въ запискѣ, которая напечатана въ «Общемъ Дѣлѣ».

эмиграции, и, между прочимъ, новый печатный протестъ, подписанный „чернопередѣльцами“, которые въ немъ признавали „главенство“ народовольцевъ*). Мнѣ оставалось только лично предостеречь отдѣльныхъ личностей изъ русской эмиграции, которые сохраняли со мною отношенія. Предостерегалъ я ихъ отъ г. Климова и „Правды“ и даже поддерживалъ мысль печатнаго заявленія о несolidарности эмиграции съ „Правдой“ и ея идеями, но стѣснялся въ этомъ настаивать именно потому, что „Правда“ нападала на направление, которое я проводилъ и даже на меня лично. Коллективное отреченіе отъ „Правды“ такъ и оттянулось до 21 ноября 1882 г.**), когда уже „Правда“ успѣла принести своей вредъ и, между прочимъ, стала одной изъ помѣхъ заключенія договора между „Исполнительнымъ Комитетомъ“ и „Охраною“, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ предлоговъ къ разрыву начатыхъ переговоровъ.

Когда я разсказалъ своему гостю, что зналъ о „Правдѣ“ и сообщилъ ему, что эмиграція даже собирается публично отречься отъ газеты г. Климова и что фразы, которыя въ Петербургѣ приняты за личное отношеніе къ самимъ переговорамъ, составляютъ скорѣе всего часть „обличенія“ моихъ сношеній съ полицейскими „Лигами“, — онъ повеселѣлъ и сказалъ, что, если такъ, то онъ надѣется на поправленіе дѣла.

— Я прѣвхалъ, — сказалъ онъ, — главнымъ образомъ потому, что я обѣщаль, во всякомъ случаѣ, передать окончательный отвѣтъ Охраны въ извѣстный срокъ, не далѣе чѣмъ черезъ три недѣли, и хотѣлъ по крайней мѣрѣ, объяснитья передъ вами и парижанами, а теперь я надѣюсь, что, можетъ быть, переговоры снова съ парижанами и потомъ съ охранцами, я ихъ доведу до новаго соглашенія.

Я пожелалъ гостю успѣха, но, конечно, еще съ меньшею вѣрою въ него, чѣмъ прежде. Съ тѣхъ поръ я о немъ ничего не слыхалъ, равно какъ и о переговорахъ его въ Парижѣ. Только черезъ годъ, когда уже и „Охрана“ перестала существовать, а затѣмъ Александръ III благополучно короновался безъ всякихъ конституціонныхъ уступокъ, которыхъ отъ него ждали даже иные „земцы“, — встрѣтился я, совершенно неожиданно, съ однимъ лицомъ, которое было поставлено въ возможность звать нѣкоторыя вещи, недоступныя обыкновеннымъ смертнымъ, и отъ него услышалъ, что послѣ неудачи миссіи моего гостя, состоялись новые переговоры другого лица съ г. Тихомировымъ, при чемъ послѣдній пообѣщаль, что никакого покушенія во время коронаціи Александра III не будетъ, и взамѣтъ того получилъ обѣщаніе, что Чернышевскій будетъ амнистированъ, а во вѣйшимъ политическимъ каторжникамъ на Карѣ будутъ сдѣланы облегченія. Но едва только состоялось это соглашеніе, какъ Охрана

Это была та записка, которою г.г. Климовъ, Черезовъ и Эльшинъ хотѣли увлечь меня въ сношеніяхъ съ Охранкой.

*) «Дегаевщина» охарактеризована, хотя еще слабо, и въ «Вѣстникѣ Народной Воли» № 2 въ статьѣ Л. Тихомирова «Въ мѣрѣ мерзости и запустѣнія» (по поволуванію Судейкина) ст. 91 — 125, отд. III. Теперь не лишено интереса сравнить эту статью, появившуюся только въ 1884 г., съ моей статьёй, напечатанной въ «Вольномъ Словѣ» («Область энергія») и вызвавшей упомянутый протестъ, который перепечатанъ былъ, хотя и съ цензурными опущеніями, въ «Календарѣ Народной Воли» еще въ 1883 г.

***) См. «Вольное Слово», № 51, 23 дек. 1882 г. — «Русская эмиграція въ Женевѣ» о газетѣ «Правда.» М. II.

должна была прекратить свое существование.*) Амнистія Чернышевскому, и то послѣ коронаціи, достигнута была только посредствомъ личныхъ вліяній на В. Кн. Владиміра Александровича, который убѣжденъ былъ, что c'est une question de l'humanite et pas de la politique. Относительно же „карійцевъ“ дѣло ограничилось ревізіей г. Галкина-Враскаго, о результатахъ которой ни я, ни мой случайный собесѣдникъ не могли сказать другъ другу ничего опредѣленнаго.

Я долженъ заключить свой рассказъ еще однимъ сообщеніемъ, которое имѣеть, кажется, отношеніе къ предмету настоящаго воспоминанія. Незадолго передъ коронаціей, когда она уже была возвѣщена, одинъ мой личный пріятель изъ числа русскихъ политическихъ эмигрантовъ (Кранчинскій) обратился ко мнѣ съ вопросомъ, могу ли я передать въ какую-нибудь европейскую редакцію его статьи о современномъ положеніи „Русской Соціально-революціонной партіи“ и въ частности о томъ, почему теперь нѣтъ и во время коронаціи не будетъ никакого покушенія на Александра III? Я отвѣтилъ, что у меня есть нѣкоторое знакомство въ лондонской „Pall Mall Gazette“ и что я надѣюсь, что посланная туда статья будетъ напечатана. Мой пріятель сталъ писать статью, но такъ долго не отдавалъ ее мнѣ, что я, наконецъ, сталъ бояться, что и коронація пройдетъ, а статья не появится. На мое замѣчаніе, я получилъ отвѣтъ, что статья должна быть просмотрѣна г. Тихомировымъ, который тогда жилъ по сосѣдству съ Женовой. Статья, наконецъ, была мнѣ принесена, но потомъ опять взята для окончательнаго редактированія совместно съ г. Тихомировымъ нѣкоторыхъ фразъ. Наконецъ, статья была отослана въ Лондонъ, гдѣ она появилась чуть ли не наканунѣ коронаціи. Главный смыслъ статьи состоялъ въ томъ, что теперь „народовольцы“ имѣютъ главной цѣлью военный заговоръ съ цѣлью захвата власти имперіи, а потому и не интересуются покушеніями на убійство императора лично.***) Подъ статью стояло примѣчаніе редакціи о томъ, что эта статья доставлена въ газету при моемъ посредствѣ.

М. Драгомановъ.

Отъ редакціи. Печатаемъ статью М. П. Драгоманова, доставленную намъ извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ М. Павликомъ, безъ какихъ либо измѣненій и даже примѣчаній, хотя мы въ очень многомъ не согласны съ авторомъ, какъ во взглядахъ, такъ и въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ личностей. Мы хотѣли, чтобы на страницахъ „Былого“ безъ искаженій отразились и полемика, и борьба, и всѣ разногласія, которыя въ свое время волновали представителей разныхъ политическихъ партій.

Настоящая статья М. П. Драгоманова имѣеть значеніе цѣннаго документа по исторіи одного изъ наименѣ извѣстныхъ эпизодовъ прошлаго русскаго освободительнаго движенія. Этому вопросу были въ 1906-07 годахъ въ „Быломъ“ посвящены очень интересныя статьи Николадзе, Бороздича, Дебогорія-Мокрѣевича.

*) Замѣтимъ, между прочимъ, — вслѣдствіе интригъ Судейкина, мало впрочемъ еще выясненныхъ, хотя на нихъ былъ намекъ и въ печати, особенно въ „Новомъ Времени“.

**) Въ такомъ родѣ опредѣлялъ цѣли народовольцевъ въ отличіе отъ собственнаго террористовъ г. Тихомировъ въ своей книгѣ «La Russie sociale et politique» (1-е изданіе 1886 г.). По словамъ г. Тихомирова, терроръ даже мѣшалъ.

Безсудное заточеніе.

Печатаемые ниже документы касательно заточенія М. Лаговскаго въ Шлиссельбургскую каторжную тюрьму, взамятъ административной высылки въ В. Сибирь, срокомъ на 5 лѣтъ, а затѣмъ о продленіи этого заточенія еще на 5 лѣтъ, интересны не только какъ, официальный разсказъ о возвращеніи къ приемамъ николаевского времени, въ смыслѣ расправы съ неугодными правительству людьми путемъ именныхъ высочайшихъ повелѣній, безъ всякой судебной процедуры, но еще и какъ одно изъ краснорѣчивѣйшихъ опроверженій ходячаго мнѣнія, будто всѣ жестокости, совершаемыя отъ имени царя, совершаются безъ его вѣдома его слишкомъ усердными слугами.

Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что Оржевскій предлагаетъ просто сослать М. Лаговскаго въ В. Сибирь на 5 лѣтъ, причемъ онъ оказывается настолько „гуманнымъ“, что высказываетъ мнѣніе о необходимости освободить Лаговскаго по этому случаю отъ тюремнаго заключенія, къ которому можетъ приговорить его судъ за прежнія провинности. Но царь замѣняетъ эту мѣру заточеніемъ въ Шлиссельбургъ на тотъ же срокъ. Такимъ образомъ, эта замѣна высылки безсудной каторгой представляеть всецѣло *собственное изобрѣтеніе* „царя—миротворца“. Правда, понятливые слуги успѣшно подхватили полученный урокъ, и вотъ, черезъ 5 лѣтъ, Дурново ходатайствуетъ о продленіи заточенія М. Лаговскаго еще на 5 лѣтъ по тому поводу, что онъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ раскаянія и исправленія. И милостивый царь охотно соглашается на эту новую безсудную жестокость.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ приложить упоминаемый здѣсь писемъ М. Лаговскаго, такъ какъ въ данное время мы, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, пока не имѣемъ ихъ въ рукахъ. Въ свое время намъ удалось ихъ прочесть. Въ письмѣ, перехваченномъ на почтѣ, Лаговскій употребилъ нѣсколько ругательныхъ эпитетовъ по адресу Александра III. Это и послужило поводомъ для личной мести царя Лаговскому.

Разсмотрѣны ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ.

11-го марта. *Д. Толстой.*

Въ виду особой дерзости прилагаемаго при семъ письма, я счелъ всеподданнѣйшимъ долгомъ представить его на Высочайшее Вашего Имп. Велич. воззрѣніе.

По имѣющимъ свѣдѣніямъ, авторъ его — сосланный въ Сибирь подъ надзоръ полиціи на 5 лѣтъ отставной поручикъ 83-го резервнаго кадроваго баталіона Михаилъ Федоровъ Лаговскій, бѣжавшій изъ Сибири въ минувшемъ сентябрѣ, который, очевидно, скрывается въ Петербургѣ.

Графъ Дмитрій Толстой.

9 марта 1884 г.

Справка.

Доложено г. Министру.

Его Высокопр. ство изволилъ приказать представить всепод. докладъ объ оставленіи Лаговскаго въ Ш.иссельб. тюрьмѣ еще на 5 л. При этомъ г. Министръ приказалъ и. д. Директора Департ. лично доложить г. Министру Юстиціи о предположеніи продолжить Лаговскому срокъ тюремнаго закл. еще на 5 л.

Исполнено: — Сенаторъ Д. Т. С. Манасинъ словесно выразилъ согласіе на приведеніе въ исполненіе этого предположенія. 2-го октября 1890 г.

И. д. Директора
И. Сабуровъ.

Въ исходѣ 1881 г. въ Ярославлѣ, у чертежника механическаго завода мѣщанина Василя Покровскаго, привлеченнаго къ дознанію по дѣлу объ образовавшемся въ Владимірѣ преступномъ кружкѣ Цвѣтаева, Аппелъберга и др., былъ произведенъ обыскъ, при чемъ найдена рукописная „программа великорусской партіи социалистовъ-федералистовъ“ и вырѣзанныя на графитѣ 4 подложныя печати разныхъ правительственныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе установленной дознаніемъ принадлежности этихъ предметовъ родственнику Покровскаго — поручику 83-го пѣхотнаго кадроваго баталіона Михаилу Федорову Лаговскому, послѣдній былъ также подвергнутъ обыску, обнаружившему у него собственноручно имъ писанныя: „программу партіи Народной Воли“ и брошюру, доказывающую необходимость покушенія на Священную Особу нынѣ царствующаго Государя Императора, какъ виновника казни цареубійць, и нѣсколько писемъ, свидѣтельствовавшихъ о сношеніяхъ Лаговскаго съ привлеченными къ вышеупомянутому дознанію о Владимірскомъ кружкѣ дворяниномъ Александромъ Языковымъ, братомъ обвиняемого Александромъ Лаговскимъ, скрывшимся за границу государственнымъ преступникомъ Наумомъ Львовымъ и другими.

Въ разрѣшеніе произведеннаго по изложеннымъ обстоятельствамъ дознанія 30-го іюня 1882 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ Михаила Лаговскаго въ Западную Сибирь подъ гласный надзоръ полиціи

на 5 лѣтъ. 3-го сентября Лаговскій, вмѣстѣ съ другими лицами, нанесъ оскорбленіе словами и дѣйствіемъ конвойнымъ, сопровождавшимъ этапъ, и, будучи преданъ суду, скрылся изъ города Маріинска. Лаговскій былъ задержанъ лишь 4 апрѣля 1884 г. въ С. Петербургѣ, гдѣ проживалъ по виду Адама Гессельмейера, оказавшемуся похищеннымъ изъ Дирекціи Лодзинскихъ учебныхъ заведеній. При обыскѣ у Лаговского отобрано нѣсколько выписокъ и замѣтокъ изъ различныхъ сочиненій революціонной прессы, а также чертежи и описаніе способа приготовленія новаго взрывчатого вещества, изобрѣтеннаго французскимъ химикомъ Турпеномъ и извѣстнаго подъ названіемъ „панкlostита.“ Подобное же описаніе найдено у привлеченнаго къ дѣлу объ убійствѣ подполковника Судейкина — Николая Стародворскаго. Допрошенный по обстоятельствамъ даннаго дѣла обвиняемый Лаговскій, признавая принадлежность къ революціонной партіи, отрицалъ, однако, участіе свое въ дѣятельности послѣдней, утверждая, что имѣлъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, сношенія съ членами преступнаго сообщества исключительно во избѣжаніе законнаго преслѣдованія за совершенное имъ въ Сибири преступленіе. Относительно найденныхъ у него при обыскѣ вида на имя Гессельмейера, чертежа и замѣтокъ по изготовленію „панкlostита“, Лаговскій объяснялъ, что получилъ ихъ отъ одного изъ членовъ революціоннаго сообщества—и притомъ, чертежи и замѣтки для передачи третьему лицу. Упорно отказываясь назвать тѣхъ членовъ противоправительственнаго сообщества съ которыми онъ имѣлъ сношенія во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Лаговскій подтвердилъ, однако, что знакомъ съ Николаемъ Стародворскимъ, но отказался объяснить при какихъ условіяхъ произошло означенное знакомство. Независимо сего изъ письма привлеченнаго къ дознанію по дѣлу о тайной типографіи, обнаруженной въ квартирѣ Сладковой — Петра Якубовича къ студенту Михаилу Шибалину въ Кіевъ отъ 28 февр., въ коемъ

имѣется фраза: „явился еще одинъ чело-
вѣкъ изъ Сибири“, можно заключить, что
рѣчь шла именно о Лаговскомъ. При предъ-
явленіи ему фотографической карточки Яку-
бовича, онъ призналъ въ ней сходство съ
лицомъ, извѣстнымъ ему подъ именемъ
„Вячеслава“ (Якубовичъ, дѣйствительно,
носилъ эту кличку), на свиданіе съ кото-
рымъ онъ, будто бы, шелъ, когда былъ
арестованъ на улицѣ 4-го апр.; при этомъ
обвиняемый не пожелалъ объяснить подроб-
нѣ отношеній своихъ къ названному лицу.
Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній усма-
тривается, что Лаговскій былъ приговоренъ
Маріинскимъ судомъ за преступленіе, пре-
дусмотрѣнное 271, 285 и 286 ст. Улож. о
Наказ., къ заключенію въ тюрьмѣ на два
года съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и
преимуществъ, но рѣшеніе это Томскимъ
Губернскимъ Судомъ признано несвоевре-
меннымъ, какъ состоявшееся по неокончен-
ному слѣдствію и въ отсутствіи обвиняе-
маго, а посему отмѣнено впредь до новаго
разсмотрѣнія дѣла.

Г. Министръ Юстиціи, согласно съ мнѣ-
ніемъ г. Тов. Мин. Внутр. дѣлъ, сенатора
Ген. Лейтенанта Оржевскаго, полагалъ раз-
рѣшить настоящее дознаніе административ-
нымъ порядкомъ съ тѣмъ, чтобы выслать
Лаговскаго подъ надзоръ полиціи въ Восточ-
ную Сибирь на 5 л., каковую мѣру привести
въ исполненіе по разрѣшеніи производяща-
гося въ Маріинскомъ, Томск. губ., Окружн.
Судѣ дѣла по обвиненію Лаговскаго въ ос-
корбленіи военнаго караула съ тѣмъ однако,
чтобы, въ виду совокупности съ предположен-
нымъ административнымъ взысканіемъ, обви-
няемый не былъ подвергаемъ тюремному за-
ключенію, къ которому онъ можетъ быть при-
сужденъ по дѣлу о совершеніи имъ указанна-
го общаго преступленія. По всеподаннѣйше-
му Ген. Лейтенанта Оржевскаго докладу, вы-
писки изъ всеподаннѣйшаго доклада г. Мин.
Юстиціи по сему предмету, Государь импера-
торъ, въ 10 день окт. 1885 г. въ г. Гатчинѣ, Вы-
сошайше повелѣтъ соизволилъ: политическаго
ссыльнаго Михаила Федорова Лаговскаго за-
ключить нынѣ же въ Шлиссельбургскую тюрь-

му срокомъ на 5 лѣтъ. О такомъ Высочайшемъ повелѣніи, приведенномъ въ исполненіе (19-го окт. 85 г.), было сообщено для свѣдѣнія Г. Мин. Юстиціи. Какъ усматривается изъ неоднократныхъ отзывовъ Начальника Шлиссельб. Жанд. Упр., Лаговскій характера дерзкаго и безпокойнаго. При семъ представляется всеподданнѣйшая записка съ приложеніемъ копій двухъ писемъ Лаговскаго предосудительнаго содержанія.

Всеподданнѣйшій докладъ Министра Внутр. Дѣлъ.

О продленіи срока тюремнаго заключенія отставному поручику Михаилу Лаговскому.

Высочайшее соизволеніе послѣдовало въ Гатчинѣ 4 октября 1890 г.

Дурново.

Въ августѣ 1881 г. въ Ярославлѣ, у чертежника механическаго завода, мѣщанина Покровскаго былъ произведенъ обыскъ, по которому найдены: рукописная программа великорусской партіи социалист.-федералистовъ и вырѣзанныя на графитѣ 4 подложныя печати разныхъ правительственныхъ мѣстъ ит. д.

(Далѣе идетъ слово въ слово изложенное выше въ «Справкѣ» на стр. 45-46 до словъ: «Независимо сего изъ письма привлеченнаго ит. д. Ред.)

По всеподданнѣйшему докладу Генерал-Лейтенантомъ Оржевскимъ обстоятельство настоящаго дѣла, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, въ 10 день октября 1885 г., Высочайше повелѣть: политическаго ссыльнаго Михаила Федорова Лаговскаго заключить въ Шлиссельбургскую тюрьму срокомъ на пять лѣтъ.

Въ теченіе оканчивающагося нынѣ пятилѣтняго срока тюремнаго заключенія арестантъ Лаговскій ничѣмъ не проявилъ своего раскаянія и, оставаясь по прежнему дерзкимъ террористомъ, представляется безусловно опаснымъ для государственнаго порядка. По сему, не признавая въ настоящее время возможнымъ не только полное освобожденіе Лаговскаго, но и высылку его подъ надзоръ полиціи въ отдаленнѣйшія мѣстности Имперіи, поставляю себѣ всеподданнѣйшимъ долгомъ испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества

соизволеніе на оставленіе отставнаго поручика Михаила Федорова Лаговскаго въ Шлиссельбургской тюрьмѣ еще на пять лѣтъ.

Статсъ-Секретарь Дурново.

4 окт. 1890 г.

Шлиссельб. Жанд. Упр.
9 окт. 1890 г.
Кр. Шлиссельбургъ.

Команд. Отд. Корп. Жанд. Товарищу
Мин. Вн. Дѣль — Завѣдывающему Полиціей.

Рапортъ.

Доношу Вашему П-ству, что предложеніе отъ 6-го окт. за № 336 сего числа приведено мною въ исполненіе, что объявленное Высоч. повелѣніе, состоявшееся въ 4-й день текущаго мѣсяца, арестантъ Михаилъ Федоровъ Лаговскій выслушалъ повидимому спокойно, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно было для него вполне неожиданнымъ, такъ какъ названный арестантъ ранѣе неоднократно обращался ко мнѣ съ просьбой о доведеніи до свѣдѣнія Вашего Прев—ства, что къ 10-му числу настоящаго мѣсяца оканчивается срокъ опредѣленнаго ему тюремнаго заключенія и твердо надѣялся на скорое освобожденіе.

Испр. должность Начальника Управленія
Подполковникъ *Кореневъ.*

Г. Министръ приказалъ принять къ свѣдѣнію.

Изъ Шлиссельбургскаго мартиролога.

Печатаемые ниже документы изъ архива департамента полиціи говорятъ сами за себя и не нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ. Мы ограничились лишь справками чисто фактическаго характера, наведенными нами у самихъ бывшихъ заключенныхъ Шлиссельбургской крѣпости.

Ред.

I.

Минаковъ.

27-го августа 1884 г. (извлечение изъ дознанія).

... „Старшій помощн. Нач. Шлиссельб. Жанд. Упр. пояснилъ: что такъ какъ содержащійся въ камерѣ № 1 Егоръ Минаковъ съ 17-го сего мѣсяца не принималъ пищи, то для медицинскаго осмотра 24-го числа этого мѣсяца въ 9 часовъ утра зашелъ къ нему въ камеру — въ присутствіи его, капитана Соколова и двухъ дежурныхъ унтеръ-офицеровъ — Кожана Громова и Федора Блинова, — старшій врачъ Шлиссельбургской крѣпости Николай Заркевичъ, посѣщавшій его уже нѣсколько разъ прежде. Минаковъ на вопросы врача отвѣчалъ вполне сознательно и разумно, лежа на койкѣ вслѣдствіе своей слабости, но когда врачъ наклонился къ нему, то Минаковъ нанесъ ему, Заркевичу, столь сильный ударъ по лицу, что у Заркевича упала съ головы фуражка и разбились очки, вслѣдствіе чего на арестанта Минакова надѣта была горячечная рубаха.

Капитанъ Соколовъ пояснилъ, что арестантъ Минаковъ со времени перевода его въ Шлиссельбургскую тюрьму велъ себя буйно, нарушая тишину крикомъ и пѣніемъ, причемъ призвалъ всѣхъ товарищей по заключенію въ свидѣтели, что если не исполнять его требованій, т. е. не будутъ давать книгъ не духовнаго содержанія, а также не разрѣшать куренія табаку, то онъ умретъ съ голоду. Капитанъ Соколовъ ранѣе этого предлагалъ арестанту книги религіознаго содержанія, но Минаковъ сказалъ, что онъ плевать хочетъ на такія книги. Того же 24-го числа, до совершенія имъ преступленія, арестантъ въ

7 часовъ утра просилъ дать ему чаю, что и было исполнено; чай онъ выпилъ съ хлѣбомъ и съ сего времени началъ принимать пищу. Когда арестантъ Минаковъ былъ спрошенъ Соколовымъ, за что онъ нанесъ врачу оскорбленіе, то арестантъ сказалъ, что желаетъ, чтобы его разстрѣляли, а ударилъ врача за то, что у него, Минакова, отъ его лекарствъ были судороги; а между тѣмъ капитану Соколову положительно извѣстно, что упомянутому арестанту не было назначаемо врачомъ лекарствъ за все время пребыванія его въ Шлиссельб. тюрьмѣ.

(Изъ показаній Заркевича). ... „На вопросъ Заркевича, почему онъ не ѣстъ, арестантъ объяснилъ, что аппетитъ у него есть, но до тѣхъ поръ, пока не будетъ улучшено его положеніе, т. е. пока ему не дадутъ книгъ для чтенія сколько-нибудь интереснаго содержанія и кромѣ того табаку, отъ котораго онъ, будто бы, не можетъ отвыкнуть, онъ не будетъ принимать пищи.

... На заявленіе Заркевича, что табаку онъ не получитъ, такъ какъ этого не дозволяютъ существующія правила, арестантъ отвѣтилъ, что это неправда, такъ какъ во всѣхъ тюрьмахъ и въ Сибири позволяли курить, а относительно книгъ выразился, что „читать о зачатіи Пресв. Богородицы“ или „о чемъ и какъ молиться“ и тому подобную ерунду „не можетъ“, что голодать ему приходится не въ первый разъ, а еще въ Сибири, на Карѣ, по приговору товарищей, онъ пробылъ безъ пищи 12 дней, а теперь или получить табакъ и книги или умереть голодной смертью. Заркевичъ, не находя признаковъ цыгги у арестанта и не считая куренія табаку мѣрою противопыготной, не призналъ возможнымъ назначить ему табакъ. Вечеромъ того же дня (19-го августа), во время раздачи ужина Заркевичъ раздавалъ лекарства больнымъ и, проходя по тюремному корридору, слышалъ, какъ арестантъ изъ камеры № 1 кричалъ, чтобы ему не давали пищи, такъ какъ этимъ напрасно мучаютъ его. 20-го августа утромъ Заркевичъ снова зашелъ къ арестанту камеры № 1, который заявилъ, что, подавая ему аккуратно пищу, напрасно думаютъ, что это его соблазнить: ѣсть онъ не будетъ и просить не подавать ему ничего съѣстнаго, подачу же пищи противъ его желанія онъ считаетъ варварствомъ“... „При посѣщеніяхъ этого арестанта 12-го, 22-го и 23-го чисель сего августа, Заркевичъ не находилъ перемѣны, но по прежнему арестантъ просилъ книгъ и табаку, говоря, что не ѣстъ и напрасно ему подають пищу“.

Унтеръ-офицеръ Федоръ Блиновъ пояснилъ, что 24 августа онъ находился на дежурствѣ въ тюрьмѣ и вмѣстѣ съ капитаномъ Соколовымъ, врачомъ Заркевичемъ и унтеръ-офицеромъ Громовымъ вошелъ въ камеру № 1, около 9 часовъ утра. Арестантъ въ то время сидѣлъ на кровати, сложа руки. Унтеръ-офицеръ Блиновъ сталъ съ правой стороны арестанта и

совсѣмъ близко къ нему, а унтеръ-офицеръ Громовъ съ лѣвой стороны арестанта. Врачъ Заркевичъ сталъ противъ арестанта, сзади же и съ лѣвой стороны врача стоялъ капитанъ Соколовъ. Врачъ спросилъ арестанта о его здоровьѣ, на что тотъ отвѣтилъ, что чувствуетъ жаръ. Врачъ взявъ арестанта за лѣвую руку и, ощупавъ пульсъ, сказалъ, что онъ слабъ. Послѣ сего арестантъ, медленно поднимаясь съ кровати, спокойно разговаривалъ съ врачомъ о своей болѣзни, когда же арестантъ всталъ на ноги, то въ это время такъ быстро правой рукой ударилъ врача Заркевича по лицу, что защитилъ его отъ этого удара Блиновъ не имѣлъ возможности. Послѣ нанесенія удара, арестантъ, обращаясь къ врачу сказалъ: „ты меня до смерти доведь, ну, а теперь меня хоть сейчасъ вѣшайте!“

Унтеръ-офицеръ Громовъ не прибавилъ ничего новаго къ вышеизложенному и слышалъ только слова арестанта: „ты меня отравилъ!“

29-го августа 1884 г. Показаніе Минакова.

Зовутъ меня Егоръ Минаковъ, имѣю отъ роду 30 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, ссыльно-каторжный государственный преступникъ.

Въ камеру мою 24-го числа сего августа приходилъ врачъ утромъ, но часа опредѣлить не могу. Врачъ спросилъ о моемъ здоровьѣ; такъ какъ въ продолженіе семи дней я не принималъ пищи, то чувствовалъ слабость, нервное подергиванье, лихорадочный ознобъ, общій упадокъ силъ; тогда врачъ, ощупавъ мой пульсъ, сказалъ, что пульсъ, дѣйствительно, очень слабъ. Я спросилъ врача о причинѣ бывшихъ у меня дня три передъ этимъ сильныхъ судорогъ, теперь прекратившихся, на что врачъ сказалъ, что мой организмъ нѣсколько привыкъ къ голодному состоянію и освоился. Болѣе разговора моего съ врачомъ не помню. Ударъ врачу нанесъ потому, что я былъ твердо убѣжденъ, что мои страшно мучительныя судороги произошли у меня три дня передъ этимъ по винѣ врача; вызваны онѣ были, по моему подозрѣнію, врачомъ помощью какого-нибудь ядовитаго вещества, которое могло быть имъ дано во время осмотра моихъ десенъ, языка и проч., причемъ каждый разъ послѣ его ухода мнѣ казалось, что (я) чувствовалъ нѣсколько сладковатый вкусъ, напившись воды. Входя ко мнѣ, врачъ всегда держалъ правую руку въ карманѣ пальто; осматривавъ десны въ одинъ день, почему-то осматривалъ и на другой день, спрашивалъ уже не первый разъ, была ли у меня цынга. Послѣ его посѣщенія я замѣтилъ, что кровь въ кистяхъ моихъ рукъ особенно живо играетъ, — обстоятельство не мало меня удивившее, такъ какъ голоданіе было для меня вещь не новая (года два тому назадъ на Карѣ я 12 дней не принималъ пищи). Въ шестой день моего голоданія, послѣ ухода врача, я, напившись воды, почувствовалъ вкусъ трубоч-

наго нагара и нѣсколько сладковатый; спустя часа полтора послѣ этого со мной сдѣлался почти внезапно сильный припадокъ судорогъ, зубы мои задрожали, я чувствовалъ страшныя боли подъ ложечкой, сердце сильно щемило, голова похолодѣла, личные мускулы исказились, обѣ руки и лѣвая нога сильно скорчилились, мнѣ казалось, что каждый палецъ мой раздвигается и что мускулы какъ бы отдѣляются отъ костей. На мои страшные крики, раздававшіеся болѣе четверти часа, прибѣжалъ докторъ, блѣдный, перепуганный, вмѣстѣ со зрителемъ и на мои объясненія происшедшаго со мной, а также и на вопросъ, почему это со мной случилось, онъ проговорилъ что-то о нервныхъ центрахъ и сейчасъ же предложилъ ѣсть, объясняя, что иначе никакія лекарства здѣсь не помогутъ; когда я вслухъ удивлялся, почему ни у меня, ни у кого изъ около 60-ти товарищей, голодавшихъ со мною два года тому назадъ на Карѣ, ничего подобнаго не происходило за всѣ 12 дней нашего голоданія, онъ отвѣчалъ, что мой организмъ былъ заранѣе истощенъ предварительными желудочными болѣзнями, обстоятельство, не имѣвшее для меня убѣдительности, такъ какъ, въ числѣ вышеупомянутыхъ 60-ти товарищей, были организмы гораздо слабѣйшіе моего, которые на 5-ый день голоданья не могли уже вставать безъ посторонней помощи, между тѣмъ какъ я на 5-й день имѣлъ еще настолько силъ, что могъ вставать легко съ постели и открывать и закрывать отдушину, становясь при этомъ на ватерклозетъ. Послѣ этого сильнаго судорожнаго припадка, другого у меня не повторялось, хотя продолжало болѣть сердце, иногда подъ ложечкой и бывали легкія передергиванія мускуловъ и какъ бы иглочные уколы по всему тѣлу, о чемъ я и заявлялъ обыкновенно доктору. На 3-й или 2-й день послѣ этого докторъ съ помощью трубки изслѣдовалъ мое сердце и легкія, причемъ спрашивалъ, больно ли у меня подъ ложечкой, бываютъ ли у меня попрежнему легкія вздрагиванія мускуловъ и проч., на что я отвѣчалъ утвердительно. На 8-й день моего голоданья, послѣ того, какъ я нанесъ ударъ по лицу доктору и меня одѣли въ горячечную рубашу, у меня опять произошли легкія судороги въ кистяхъ рукъ. Все это вышеупомянутое и вмѣстѣ взятое привело меня къ несомнѣнному убѣжденію, что мой ужасный судорожный припадокъ былъ вызванъ докторомъ искусственно съ цѣлью побудить меня принимать пищу.

Всѣ эти подозрѣнія созрѣли у меня только въ послѣднюю ночь передъ нанесеніемъ удара.*) За все время моего пребыванія здѣсь докторъ лекарствъ мнѣ не прописывалъ, и я ихъ не

*) Для всякаго безпристрастнаго читателя очевидно, что вышеизложенныя подозрѣнія Минакова представляютъ несомнѣнныя «бредовыя идеи» на почвѣ перваго разстройства, вызваннаго строгимъ одиночествомъ и отсутствіемъ мало-мальски занимательнаго чтенія, противъ чего Минаковъ и протестовалъ своею голодовкою. Видно не легкія были эти лишенія, когда они довели въ такое короткое время молодого, энергическаго человѣка до психическаго разстройства. Ред.

принималъ. Пищу отказался принимать вслѣдствіе того, что на мое желаніе имѣть табакъ и книги не духовнаго содержанія, мнѣ было отказано въ томъ и другомъ, несмотря на мое заявленіе, что табакъ можетъ быть мнѣ прописанъ, по примѣру другихъ каторжныхъ и государственныхъ тюремъ на Карѣ, врачемъ, такъ какъ я страдаю постояннымъ нытьемъ зубовъ и слабостью десенъ. Послѣ нанесенія удара сказалъ: „пусть меня теперь повѣсятъ“. Пищу ко мнѣ приносили ежедневно и ставили на столъ, но я къ ней не прикасался, въ же началъ 24-го числа послѣ нанесенія удара и того же числа утромъ въ 7 часовъ выпилъ кружку чая, чувствуя сильный ознобъ.

21-го сентября 1884 г.

... „Приговоръ военного суда о государственномъ преступникѣ Минаковѣ приведенъ въ исполненіе 21-го сентября въ 8 часовъ утра въ Шлиссельбургской крѣпости.“

II.

Мышкинъ.

26-го декабря 1884 г.

25-го числа сего мѣсяца, въ 7 часовъ вечера, ввѣреннаго мнѣ управленія старшій помощникъ, ротмистръ Соколовъ, въ присутствіи дежурныхъ и старшаго унтеръ-офицера, отворилъ дверь камеры № 30, въ которой содержится Ипполитъ Мышкинъ, чтобы передать ему ужинъ, но упомянутый арестантъ, схвативъ съ своего стола мѣдную вѣскую тарелку, которая въ то время была порожняя, бросилъ ее въ ротмистра Соколова безъ всякихъ видимыхъ поводовъ; къ счастью, ротмистръ Соколовъ успѣлъ уклониться и тарелка, пролетѣвъ мимо него верхкакъ въ двухъ, ударилась о перила галлерей. Можно предположить, что тарелка, попавъ въ голову, могла бы убить (?) ротмистра Соколова или причинить ему увѣчье. Послѣ того надѣта была на Мышкина горячая рубашка, такъ какъ онъ кричалъ, чѣмъ и вызвалъ беспорядокъ со стороны другихъ заключенныхъ, выразившійся тоже криками, а именно начали кричать заключенные: въ камерѣ № 11 Василій *Ивановъ*, въ камерѣ № 7 Аполлонъ *Немоловскій*, въ камерѣ № 36 Людвигъ *Кобылянкскій*, въ камерѣ № 17 Михаилъ *Поповъ* и въ камерѣ № 26 Вѣра *Фигнеръ* (Филиппова). Когда Мышкинъ нѣсколько успокоился, то, бывъ спрошенъ ротм. Соколовымъ, почему бросилъ въ него тарелку, отвѣтилъ, что сдѣлалъ это потому, что желаетъ смертной казни. Беспорядокъ со стороны 5 человѣкъ упомянутыхъ заключенныхъ продолжался недолго и прекратился въ то время, когда Мышкинъ пересталъ кричать послѣ того, какъ на него надѣта была горячая рубаха.

О чемъ донося Вашему Превосходительству, покорнѣйше прошу разрѣшенія о наложеніи ручныхъ и ножныхъ кандаловъ на Мышкина, такъ какъ онъ самъ заявилъ о дѣли своихъ преступныхъ дѣйствій, которыя безъ строгихъ мѣръ могутъ повториться, присемъ докладываю, что къ подобнымъ азартнымъ выходкамъ способны, какъ оказывается по наблюденію, еще арестанты: Вас. Ивановъ, Людв. Кобылянскій и Михаилъ Поповъ, и что для прекращенія какихъ-либо буйственныхъ дѣйствій съ ихъ стороны, полагалъ бы полезнымъ слѣдующую мѣру: — розги или кандалы. Впредь до приказанія Вашего Пр—ства — Мышкинъ лишенъ мною чтенія книгъ, прогулки и оставленъ въ своей камерѣ безъ перевода въ темный карцеръ исключительно въ видахъ того, что за заключенными въ свѣтлой камерѣ представляется болѣе возможности имѣть усиленный надзоръ.

Полковникъ Покрошинскій.

(Всеподданнѣйшая записка по этому дѣлу была представлена графомъ Д. Толстымъ 28-го декабря.)

Телеграмма Начальнику жанд. управленія. Шлиссельбургъ

О поступкѣ Мышкина прошу приступить немедленно къ производству дознанія. Прошу также сообщить какія мѣры взыскапія приняты противъ остальныхъ шумѣвшихъ арестантовъ.

28 дек. 1884 г.

И. д. директора П. Дурново.

19-го января 1885 г. С.-Петербургъ (отъ помощника главнокомандующаго войсками гвардіи Петерб. военнаго округа). Графу Д. А. Толстому.

М. Г., Графъ Дмитрій Андреевичъ! Временный военный судъ, открытый въ Шлиссельбургской крѣпости, признавъ содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости ссыльно-каторжнаго государственнаго преступника Ипполита Мышкина виновнымъ въ оскорбленіи въ высшей степени дерзкимъ дѣйствіемъ начальника, находившагося при исполненіи служебныхъ обязанностей, 15 сего января приговорилъ: подсудимаго Мышкина, за преступленіе его, на основаніи пункта б 2 ч. 98 ст., и 279 ст. XXII кв. С. В. П. 1869 г., и § 5-го Высочайше утвержденаго 19-го іюля 1884 г. положенія о Шлиссельбургской тюрьмѣ, какъ лишеннаго уже всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни растрѣляніемъ.

Приговоръ этотъ, 18-го числа текущаго мѣсяца, я утвердилъ и передалъ къ исполненію. Имѣю честь увѣдомить объ

этомъ Ваше Сіятельство, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ почтеніи и совершенной преданности. Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

А. Костанда.

26-го января 1885 г. (телеграмма).

Приговоръ надъ ссыльно-каторжнымъ государственнымъ преступникомъ Ипполитомъ Мышкинымъ исполненъ сего числа въ восемь часовъ утра; трупъ будетъ погребенъ въ предѣлахъ крѣпости (согласно распоряженію тов. мин. вн. дѣлъ, который „призналъ необходимымъ“, „предать тѣло Мышкина землѣ не-премѣнно на Островѣ“). Мышкинъ пріобщался, вель себя покойно.

Полковникъ Покрошинскій.

Телеграмма изъ Шлиссельбурга Директору Департамента Полиціи.

15 января 1885 г.

Осужденный арестантъ Ипполитъ Мышкинъ подалъ заявленіе черезъ защитника, прося разрѣшенія написать матери прощальное письмо.

Полковникъ Покрошинскій.

16-го января.

Осужденному арестанту разрѣшается написать письмо матери. Письмо это представить въ Департаментъ.

Директоръ П. Дурново.

19-го января 1885 г.

Имѣю честь представить при семъ два письма осужденнаго ссыльно-каторжнаго госуд. преступн. Ипполита Мышкина: одно изъ нихъ адресовано на имя Евдокіи Терентьевой Соколовой. Другое же — Григорію Никитичу Мышкину.

Полковникъ Покрошинскій.

Надписано рукою Дурново: Представить эти письма для прочтенія Его Пр—ству Г. Тов. Министра.

Рукою Оржевскаго: Отправить по назначенію по приведеніи приговора въ исполненіе. 25-го января (1884 г.).

29-го января Г. Товарищъ Министра изволилъ приказать: письмо Мышкина къ брату оставить при дѣлѣ; письмо же къ матери препроводить для врученія по принадлежности Началь-

нику Новгородскаго Губ. Жанд. Упр. съ указаніями, переданными лично Его П—ствомъ.

Секретарь Зволяскій.

Письмо Мышкина къ брату уничтожено.

29-го января.

Зволяскій.

29-го января 1885 г.

Г. Начальнику Новгородскаго Жандармскаго Управленія.

Осужденный приговоромъ особаго присутствія Правит. Сената, 6-го января 1878 г., по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, къ каторгѣ на 10 лѣтъ, солдатскій сынъ Ипполитъ Мышкинъ, по приговору С.-Петербургскаго военно-окружнаго суда, за оскорбленіе дѣйствіемъ зрителя Шлиссельбургской тюрьмы преданъ 26 го сего января смертной казни черезъ разстрѣліаніе.

Принимая во вниманіе, что въ *Новгородѣ, по Забавской ул., въ домѣ Смѣлковой* проживаетъ мать казненнаго Мышкина, Евдокія Соколова, я имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокородіе пригласить къ себѣ Соколову, объявить ей осторожно о послѣдовавшей смерти ея сына, и передать затѣмъ прилагаемое письмо отъ него. При передачѣ этой покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., передать Соколовой, что письмо отъ сына лично къ ней разрѣшено передать лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не предавала его гласности и оно отнюдь не могло бы служить для агитаціонныхъ цѣлей или быть напечатаннымъ въ какомъ-либо подпольномъ изданіи, предупредивъ ее, что, въ противномъ случаѣ, отвѣтственность за это падетъ прямо на нее и она подвергнется строгому административному взысканію. О послѣдующемъ прошу увѣдомить.

Директоръ П. Дурново.

9-го февраля 1885 г.

Отъ Начальника Новгородскаго Жандармскаго Управленія.

Во исполненіе отзыва Вашего Пр—ства ко мнѣ отъ 29-го января за № 69, имѣю честь увѣдомить, что содержаніе упомянутаго отзыва, мною лично сего числа объявлено матери казненнаго преступника Ипполита Мышкина, вдовѣ фельдшера Евдокіи Терентьевой Соколовой, при чемъ передано ей и приложенное къ отзыву письмо, съ предвареніемъ и разъясненіемъ, что за передачу такового или сообщеніе его содержанія кому-либо она подвергнется строгому административному взысканію.

При этомъ, по поводу установленныхъ въ отзывѣ Вашего Пр—ства условій, считаю долгомъ высказать, что хотя Соколова, несмотря на крайне осторожную бесѣду съ нею, повиди-

тому, очень встревоженная известіемъ о казни сына, и выражала впослѣдствіи твердое желаніе выполнить предъявленныя ей условія о передачѣ письма въ другія руки и даже безъ всякихъ поводовъ, какъ простая женщина, по общепринятому въ средѣ ихъ обычаю, неоднократно порывалась подтвердить свои слова клятвой, но я, зная почти безумную любовь ея къ сыну, Григорію Мышкину, съ которымъ она живетъ, предающемуся пьянству и страдающему запоемъ, склоненъ предполагать, что сынъ этотъ, пользуясь любовью и полнымъ довѣріемъ матери, не преминетъ при случаѣ выманить у нея письмо брата для передачи онаго въ свое время въ извѣстныя руки. дѣйствуя въ семъ случаѣ и не по собственной инициативѣ, но несомнѣнно для агитаціонныхъ и при томъ больше изъ корыстныхъ своихъ цѣлей, на что также съ моей стороны было обращено вниманіе Соколовой при передачѣ ей сказаннаго письма.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что вышесказанный Григорій Мышкинъ, согласно предписанія Департамента отъ 13-го октября 1883 г., состоитъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи.

Полковникъ (подпись неразборчива).*)

Ш.

Клименко.

Шифрованная телеграмма изъ Шлиссельбурга отъ 5-го октября 1884 года.

Сего числа, въ 7 часовъ утра арестантъ Михаилъ Клименко повѣсился на вентиляторѣ; медицинская помощь оказалась безуспѣшною. О чемъ подробно буду имѣть честь донести почтой.

Полковникъ Покрошинскій.

Доложено г. Директору и г. Товарищу Министра. Г. Министру послана всеподданнѣйшая Записка.

Зволянскій.

*) Любопытенъ этотъ страхъ сыскаго приказа касательно проникновенія въ ублю какихъ бы то ни было свѣдѣній о шлиссельбургскихъ узникахъ, — страхъ такъ краснорѣчиво выразившійся въ этой сложной перепискѣ насчетъ передачи матери Мышкина прощальнаго письма ея сына! Письмо же его къ брату было уничтожено, точно какой то опасный разрывной снарядъ! — Курьезно также это увѣреніе, что брошенная въ Прода оловянная тарелка могла убить его! Ясно, что жандармъ умышленно говорилъ такую дичь, чтобы усугубить вину Мышкина и превратить его протестъ противъ ужасныхъ тюремныхъ репрессій въ покушеніе на убійство.

Начальник Шл.
ланд. Упр. 5-го
кт. 1884 г.

*(Оповѣсившемся
осудар. преступ-
никъ Мих. Кли-
менко.)*

Указать полковни-
у Покрошинско-
у на недостатокъ
адзора за арес-
тантами и пред-
ложить ему принять
мѣры для преду-
прежденія возмож-
ности повторенія
подобнаго случая.
) послѣдующемъ
со стороны полк.
Покрошинскаго до-
ложить мнѣ.

Ш. Оржевскій.
6-го октября.

*(Рукою Дурново
подъ замѣткою
Оржевскаго:)*

Исполнить, прося
полков. Покрошин-
скаго сообщить о
мѣрахъ для преду-
прежденія подоб-
ныхъ случаевъ.*)

Сего числа, въ 7 час. утра, ссыльно-катор-
жный государственный преступникъ Михаилъ
Клименко, содержащийся въ Шлиссельбург-
ской тюрьмѣ въ камерѣ № 26, лишилъ себя
жизни, повѣсившись на вентиляторъ, помѣ-
щенномъ съ лѣвой стороны, при входѣ въ
камеру надъ ватерклозетомъ, при чемъ вмѣ-
сто веревки употребилъ подкладку отъ ку-
шака халата, и, хотя ему немедленно была
оказана медицинская помощь, но таковая ока-
залась безуспѣшною, т. к. арестантъ былъ
уже мертвъ. Изъ рапорта старш. помощника
капитана Соколова отъ сего же числа за
№ 44 видно, что онъ въ ночь съ 4-го на 5-ое
обходилъ тюрьму въ 3 часа и въ 5¹/₂ час.,
причемъ видѣлъ оба раза арестанта въ ка-
мерѣ подъ № 26 спокойно лежащимъ на кро-
вати. Спусти около часа послѣ второго его
обхода, онъ былъ вызванъ звонкомъ въ тюрьму,
и когда пришелъ туда, то дежурный унтеръ-
офицеръ доложилъ ему, что арестанта въ
№ 26 не видно, вслѣдствіе чего капитанъ
Соколовъ немедленно отворилъ дверь камеры
и увидѣлъ арестанта висящимъ на вентиля-
торѣ. При семъ имѣю честь присовокупить,
что трупъ Клименко сего же числа въ 7 ч.
вечера погребенъ на особо отведенномъ съ
вѣдома полиціи мѣстѣ около кладбища близъ
г. Шлиссельбурга.

Полковникъ Покрошинскій.

*) Этотъ запросъ Дурново повелъ только къ тому, что тюремное начальство отвни-
ило не только вентиляторы, но и оконныя задвижки — какъ выдающіяся части,
а которыя можно зацѣпить петлю — и забила окна наглухо гвоздями, вслѣдствіе
его утратилась возможность отворять окна въ лѣтнее время, что въ теченіе многихъ
лѣтъ причиняло много лишнихъ сраданій заключеннымъ. Повидимому, эти практи-
ескіе мудрецы исходили изъ того предположенія, что люди вѣшаются потому, что
стѣна на чемъ давиться. Ред.

IV.

Тихановичъ.

28 декабря 1884 г.

Начальнику Шлиссельб. Жанд. Управленія.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія, что содержащійся въ Шлиссельб. тюрьмѣ въ камерѣ № 2, ссыльно-каторжный госуд. преступникъ *Александръ Тихановичъ*, въ ночь съ 28 на 29 числа сего мѣсяца, умеръ отъ чахотки. Докладываю при этомъ, что трупъ умершаго будетъ погребенъ за чертой городского бѣльничнаго кладбища.

Полковникъ Покрошинскій.

V.

Софья Гинсбургъ.

Заключена въ Шлиссельбургскую тюрьму 1 Декабря 1890 г. 18 Декабря 1890 г. ею подано прошеніе на имя Командира Отдѣльнаго Корпуса Жанд., въ которомъ она проситъ перевести ее куда бы то ни было, на какія угодно тяжкія работы. но избавить отъ одиночнаго заключенія въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, такъ какъ она чувствуетъ, что оно пагубно дѣйствуетъ на ея психику. Исполненіе этого прошенія навѣдено преждевременнымъ.*)

18 января 1891 г.

Въ тетради, оставшейся послѣ умершей государственной преступницы Софіи Гинсбургъ имѣется, между прочимъ, такая записъ: „Обращаю вниманіе начальства тюрьмы на положеніе сумасшедшаго заключеннаго. Жандармы для времяпрепровожденія останавливаются у его дверей и начинаютъ всячески издѣваться надъ нимъ, доходя до невѣроятной животной гнусности... Я два раза останавливала жандармовъ, но такое обращеніе къ ихъ нравственному чувству было недостаточно и лишь угроза пожаловаться начальству заставила ихъ отступить отъ этого дикаго развлеченія.“

По докладъ сего г. Директору, Его Превосходительство изволилъ приказать сообщить копію этой записки полковнику Кореневу и просить его представить по ней объясненіе...

Дѣлопроизводитель Зволянскій.

*) А чрезъ нѣсколько дней послѣ этого мудраго и гуманнаго отвѣта, именно 7-го января 1891 г. въ три съ полов. часа дня, С. Гинсбургъ зарѣзалась ножницами, доказавъ этимъ, что она нѣсколько вѣрнѣе судила о своевременности измѣненія несомнѣннаго для ея души режима. Замѣтимъ, что она находилась въ худшихъ условіяхъ чѣмъ остальные заключенные. Тѣ съ самаго начала упорно перестукивались межъ

22 января 1891 г.

Для разъясненія случая, упомянутаго въ выпискѣ, приложенной къ требованію Департамента Полиціи отъ 19-го числа сего мѣсяца за № 283, своевременно произведено было негласное разслѣдованіе, по которому оказалось, что 26-го числа минувшаго декабря мѣсяца унтеръ-офицеры: Мелентовичъ, Вичуненковъ и Голушко были дежурными въ старой тюрьмѣ, куда послѣ обѣда прибылъ нестроевой Марковъ, начавшій разносить дрова и топить камерныя печи, а унтеръ-офицеръ Вичуненковъ, помогая ему, подкладывалъ въ вытяжной каминъ, (находящійся въ корридорѣ, по сосѣдству съ камерою № 4, гдѣ содержалась арестантка № 33) коксъ и мѣшалъ его кочергою; въ это время, безъ всякой побудительной причины, арестантъ № 3-й, въ порывѣ буйнаго помѣшательства, подоидя къ двери своей камеры, началъ громогласно кричать, произнося самыя неприличныя слова и матерную брань противъ жандармовъ, какъ это бывало съ нимъ и ранѣе неоднократно, за что собственно, какъ нарушающій общее спокойствіе заключенныхъ, онъ и перемѣщенъ сюда изъ Новой тюрьмы; эти то крикъ и брань, совершенно неожиданно испугавшіе арестантку № 33, пробудили ее, посредствомъ стука въ дверь изъ своей камеры, вызвать дежурнаго унтеръ-офицера Мелентовича, который немедленно явился и къ которому она обратилась съ вопросомъ: „Скажите, пожалуйста, отчего тотъ арестантъ такъ шумитъ?“ А когда Мелентовичъ объяснилъ ей, что на арестанта этого нашелъ кризисъ бывавшихъ съ нимъ болѣзненныхъ припадковъ, когда онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, то арестантка № 33, видимо не довѣряя такому объясненію, возразила: „вы его (т. е. арестанта) не трогайте, а то я буду жаловаться начальству“. Обо всемъ происшедшемъ, какъ значится выше, въ тотъ же день и 27 числа декабря, когда болѣзненный припадокъ у арестанта № 3 повторился, было вахмистромъ доложено начальнику тюрьмы, который, уже лично объяснивъ арестанткѣ № 33 въ чемъ дѣло, окончательно ее успокоилъ. Надо полагать, что это самое обстоятельство и записано было въ тетрадь умершею арестанткою. Къ вышеизложенному объявляюсь присовокупить, что при всѣхъ посѣщеніяхъ моихъ Старой Тюрьмы, я всегда спрашивалъ означенную арестантку: не беспокоитъ ли ее больной своимъ пронзительнымъ крикомъ, и она всегда отвѣчала мнѣ, что пока не знала въ чемъ дѣло, то сильно волновалась, придавая ему превратное значеніе, теперь же къ этимъ случаямъ будетъ относиться совершенно покойно, такъ какъ сама непосредственно

собою, не смотря ни на какія строгости и изысканія. Она же слыла въ «сараѣ» со-
всѣмъ одна, прислушиваясь только къ крикамъ помѣшаннаго Щедрина въ отвѣтъ на
подразниванія жандармовъ. О ея пребываніи въ Шлиссельбургѣ и смерти остальные
заключенные узнали лишь черезъ два или три года послѣ ея кончины.

*) Н. И. Щедринъ.

успѣла уже убѣдиться, что съ заключенными здѣсь обращаются по-человѣчески и содержатъ ихъ хорошо.

Испр. должн. Нач. Упр. подполковникъ Кореневъ.

Отъ редакціи. Считаемо не бесполезнымъ указать на тотъ фактъ, что этотъ отвѣтъ жандармовъ на «загробное» обвиненіе изъ Софьи Гинсбургъ подать позволено Кореневымъ послѣ ея смерти, когда она не могла уже возразить ему, и представляеть собою одинъ изъ обращеній извѣстнаго правила: „ври, какъ на мертвѣго“. Если бы С. Гинсбургъ признала справедливость якобы даннаго ей объясненія, она не оставила бы обвинительной записи въ своей тетради, очевидно, предназначенной для вѣстей. Кромѣ того, по свидѣтельству другихъ заключенныхъ, Щеринъ въ эти годы не буйствовалъ безъ повода, а поддразниванія его и Кошашевича жандармами не разъ наблюдался и ранѣе, при чемъ жандармы всегда отворачивались на протестъ остальныхъ заключенныхъ.

Изъ области правительственнаго ханжества.

Печатаемое ниже официальное письмо по начальству бывшего коменданта Шлиссельбургской крѣпости Яковлева относится къ пресловутымъ посѣщеніямъ Шлиссельбургской тюрьмы покойной княжной М. М. Дондуковой-Корсаковой, представляющимъ одинъ изъ образчиковъ того ханжества, которымъ такъ характерно «сдабривалась» бездушная жестокость правленія послѣднихъ Романовыхъ.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Алексѣй Николаевичъ!

Въ письмѣ Вашего Превосходительства отъ 28-го минувшаго іюня за № 9442 было изложено, что Его Высокопревосходительство покойный Министръ Внутреннихъ Дѣлъ*) разрѣшилъ княжнѣ Маріи Михайловнѣ Дондуковой-Корсаковой посѣщать всѣхъ заключенныхъ Шлиссельбургской тюрьмы. На основаніи этого разрѣшенія, а также разрѣшенія даннаго покойнымъ Министромъ и самой княжнѣ, какое ея было мнѣ предъявлено, княжна Дондукова-Корсакова пріѣхала ко мнѣ въ крѣпость и заявила мнѣ, что она желаетъ посѣщать заключенныхъ ежедневно и что для этого желаетъ поселиться у меня въ квартирѣ. Я ей объяснилъ, что ежедневное посѣщеніе заключенныхъ въ желаемые ея часы будетъ крайне затруднительно, такъ какъ въ этомъ случаѣ должно измѣниться существующее распредѣленіе времени въ тюрьмѣ, измѣниться порядокъ ихъ прогулки, которой они очень дорожатъ и что для выполненія ея желанія самое удобное время для ея посѣщенія

*) В. К. Плевѣ.

это время послѣ окончанія ихъ прогулки, т. е. послѣ 6 ч. 30 м. до 8 ч. вмѣстѣ съ этимъ я заявилъ ей, что при всемъ желаніи не могу оказать ей гостепріимства въ своей квартирѣ на два мѣсяца, какъ она этого желала. 30-го іюня княжна первый разъ посѣтила заключенныхъ и была допущена мною къ №№ 11, 14, 25 и 2.*) Она была впускаема въ камеру одна, при чемъ дверь затворялась настолько, что я и мой помощникъ могли слышать каждое ея слово и вмѣстѣ съ этимъ наблюдать въ дозорное стекло, чтобы предупредить возможность какой-либо взаимной передачи. Передъ допущеніемъ ея къ заключеннымъ, я сказалъ ей о чемъ она не можетъ говорить, согласно тюремнымъ правиламъ. Желая узнать, какое впечатлѣніе произвело на заключенныхъ посѣщеніе княжны, я приказалъ на другой день моему помощнику, ротмистру Парфенову, и унтеръ-офицерамъ, наблюдающимъ за прогулками, прислушаться, не будетъ ли какого разговора между заключенными, гуляющими по два, и не будутъ ли они высказывать что-либо о своемъ впечатлѣніи, вынесенномъ ими изъ разговора съ княжной. По окончаніи прогулки, мнѣ было доложено, что заключенные, которыхъ посѣтила накануне княжня, насмѣхались надъ ней, передразнивая ее всячески и глумились надъ ея желаніемъ просвѣтить ихъ. Съ 3-го сего іюля княжна поселилась въ г. Шлиссельбургѣ и въ назначенные мною часы черезъ день пріѣзжала въ крѣпость на посылаемомъ мною катерѣ и посѣщала преимущественно заключенную № 11. Слѣдя постоянно за ея разговоромъ, невольно бросилось въ глаза, что при всемъ ея желаніи сводить разговоръ на религіозныя темы, посѣщаемые ею заключенные всегда старались свести разговоръ на посторонніе предметы и видимо слушали ее лишь изъ учтивости. Княжна сказала мнѣ, что ей очень совѣстно передо мною и помощникомъ моимъ, что мы, хотя и затворяемъ дверь камеры, но всетаки присутствуемъ и слышимъ ея разговоры, что намъ это трудно и что это нѣкоторымъ образомъ стѣсняетъ и ее, и высказывала просьбу предоставить ей разговоръ безъ возможности слышать таковой, на это мною было заявлено, что это долгъ нашей службы и чтобы она этимъ не стѣснялась, а что касается до того, что это стѣсняетъ ее, то я сказалъ, что это дѣлается согласно существующимъ тюремнымъ правиламъ, существующей инструкціи, нарушить какую-либо я не имѣю права.

16-го сего іюля княжна имѣла прибыть въ обычный свой часъ для посѣщенія заключенныхъ, но я, по случаю кончины министра, не нашель возможнымъ продолжать допускать княжну къ посѣщенію заключенныхъ до особаго распоряженія, о чемъ лично и заявилъ ей. Княжна 17-го сего іюля выбыла изъ г. Шлиссельбурга.

*) Какъ извѣстно, заключенныхъ въ Шлиссельбургѣ администраціи называла не по именамъ, а по номерамъ камеръ. Вотъ имена указанныхъ номеровъ: 11) Фигнеръ, 23) Новорусскій, 14) Ашенбреннеръ и 2) Фроленко.

Теперь, Ваше Превосходительство, позволю себѣ высказать мой взглядъ на неблагопріятный результатъ, могущій произойти отъ продолженія разрѣшенія княжнѣ посѣщать заключенныхъ. Изъ постоянного наблюденія за ея разговорами, я могу по сѣвѣсти сказать, что благотворное вліяніе ея разговоры о религіи и наставленія могутъ оказать свое дѣйствіе лишь на людей мало образованныхъ, людей простыхъ, но никакъ не на заключенныхъ ввѣренной мнѣ тюрьмы, которые въ большинствѣ не только люди интеллигентные и образованные, но и изучившіе философію, люди, которые съ видимымъ сожалѣніемъ относились къ религіознымъ разговорамъ княжны, (ея стремленіямъ религіозно просвѣтить ихъ и для которыхъ посѣщенія ея могутъ служить лишь только развлеченіемъ въ однообразной тюремной жизни и больше ничего. За два съ половиною года моего завѣдыванія тюрьмой Шлиссельбургской крѣпости я, хотя и не слышалъ никакого разговора о религіи и о Богѣ, но вмѣстѣ съ этимъ мною не было замѣчаемо и глумленія надъ религіей и надъ Богомъ, а посѣщенія и разговоры княжны вызвали подобные разговоры среди заключенныхъ и, допуская все желаніе княжны, женщины глубоко вѣрующей, благотворно повліяли на заключенныхъ въ смыслъ обращенія ихъ къ религіи и познанію Бога, результатъ получился обратный и, откровенно говоря, крайне непріятный. Считаю долгомъ доложить Вашему Превосходительству, что изъ разговоровъ съ княжной и изъ ея желанія пробить здѣсь до 1-го сентября я понялъ, что ей кѣмъ-либо сообщено, что № 11 освободится 1-го сентября, тогда какъ по имѣющимся у меня документамъ въ дѣлѣ арестантки № 11. срокъ освобожденія ея долженъ послѣдовать не 1-го сентября, а 4-го октября сего года.

Имѣю честь быть Вашего Превосходительства
покорный слуга Н. Яковлевъ.

20 июля 1904 г. Кр. Шлиссельбургъ.

Изъ печатаемаго далѣе письма княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой на высочайшее имя и изъ помѣтки на ней рукой Дурново видно, что неутомимой княгинѣ удалось преодолѣть сопротивленіе скептика Яковлева и добиться вторичнаго разрѣшенія на посѣщеніе Шлиссельбургской тюрьмы.

Собственною Е. И. В. рукою написано: „разрѣшаю“. Въ Петергофѣ, 31-го Іюля 1904 г.

Тов. Министра Дурново.

Ваше Императорское Величество
Всемилоствѣйшій Государь!

„Невозможное человѣкамъ возможное Богу“ — говорить Спаситель. Съ глубокой вѣрой въ эти Божественныя слова, принявъ благословеніе Митрополита Антонія и получивъ прилагаемую при семъ бумагу съ драгоценными строками Христіанина, и мнѣ отошедшаго въ Царство Небесное*), я имѣла доступъ къ несчастнымъ преступникамъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Для 76-ти лѣтней старушки немислимо надѣяться на собственныя силы, но въ Церкви обитаетъ Господь, „имѣющій всякую власть на небѣ и на землѣ“ и черезъ меня, какъ члена Церкви, можетъ и для нихъ открыться сила любви Христовой къ людямъ.

Когда я говорила почившему Вячеславу Константиновичу о моемъ долготѣннемъ желаніи послужить шлиссельбургскимъ заключеннымъ, то онъ, давая мнѣ разрѣшеніе осуществить это желаніе, сказалъ: „Можетъ быть, это есть средство для смягченія ожесточенныхъ сердецъ“.

Словами: „Помоги вамъ Богъ“, Вячеславъ Константиновичъ выразилъ свою вѣру въ дѣло, превышающее силы человѣка.

Мнѣ дано было утѣшеніе услышать отъ самихъ заключенныхъ, какъ духовно обрадовало и оживило этихъ забывшихъ Бога, но не забытыхъ Богомъ, людей появленіе Архипастыря Митрополита Антонія среди нихъ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ.**). Если Вашему Императорскому Величеству благоудобно будетъ утвердить разрѣшеніе посѣщать заключенныхъ въ крѣпости, данное мнѣ почившимъ Вячеславомъ Константиновичемъ, то я приму эту милость съ великой благодарностью.

Во имя Христа нашего Спасителя усердно прошу Ваше Императорское Величество разрѣшить мнѣ посѣщать несчастныхъ, которыхъ любить Господь!

Благоволите дать мнѣ отвѣтъ черезъ Митрополита Антонія.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная
княжна Марія Михайловна Допдукова-Корсакова.

Іюль 26. 1904 г.

*) Этотъ отошедшій — явл. вѣриѣ, «вознесшійся» — въ Царство Небесное Христіанинъ — В. К. Палеа! O Sancta Simplicitas!

**) Оставляемъ на совѣсти покойной книжки это утвержденіе, такъ мало согласное съ вышеприведеннымъ донесеніемъ Яковлева, а также съ тѣмъ, что намъ случилось позже слышать отъ бывшихъ узниковъ, по словамъ которыхъ это посѣщеніе очень «завтриговало» ихъ своей неожиданностью и странностью и тѣмъ, конечно, очень «оживило» на время ихъ бесѣды по поводу этого загадочнаго визита.

Политическая дѣятельность П. Л. Лаврова.

(Изъ десятилѣтію со дня его смерти.)

Политическая дѣятельность П. Л. Лаврова состояла главнымъ образомъ въ его руководствѣ революціонными изданіями и въ его собственныхъ литературныхъ работахъ и рѣчахъ на социальнореволюціонныя темы. Такъ какъ *политическіе* взгляды Лаврова, составляющіе предметъ настоящей статьи, были всегда не только тѣсно связаны, но и прямо обусловлены его общими воззрѣніями, то мнѣ придется коснуться въ главныхъ чертахъ и этихъ послѣднихъ. Въ цѣляхъ возможно точной передачи взглядовъ Лаврова, я постараюсь вездѣ приводить его подлинныя слова.

I. ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. ССЫЛКА.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, обращенныхъ къ представителямъ русской колоніи въ Парижѣ, Лавровъ замѣтилъ въ шутку, что для него цифра 3 имѣетъ какое-то великое, полумистическое значеніе. А именно, въ 1873 году появился подъ его редакціей первый номеръ „Епереди!“; въ 1883 г., при его редакціонномъ участіи, вышелъ первый номеръ „Вѣстника Народной Воли“ и, наконецъ, въ новомъ 1893 году, при встрѣчѣ котораго и была сказана эта рѣчь („Три эпохи“). Лавровъ съ группой старыхъ народовольцевъ началъ новое предпріятіе: изданіе „Матеріаловъ для исторіи русскаго революціоннаго движенія“ и хроники „Съ роины и на родину“. Лавровъ не упомянулъ, однако, что на цифру 3 начинался и другой, не менѣе знаменательный годъ. — 1863, годъ возстанія и усмиренія поляковъ и окончательнаго поворота правительства въ сторону реакціи. Это умолчаніе Лаврова, разумѣется, не случайно. Въ 60-ые годы онъ былъ довольно далеко отъ политики, занимаясь, главнымъ образомъ, философскими вопросами. По его собственному выраженію, онъ имѣлъ тогда „скорѣе репутацію умѣреннаго и нѣсколько педантичнаго кабинетнаго ученаго“ („Три эпохи“, „Съ роины на родину“, № 3, стр. 155). „Мои личныя литературныя сношенія и работы въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, не вызвали большой близости между мною и тою радикальною группою литераторовъ, которая въ это время имѣло самое рѣшительное вліяніе на русскіе умы“. А, между тѣмъ, „всѣ мои связи съ людьми радикальнаго образа мыслей, продолжаетъ Лавровъ, ограничивались литературой... Вообще радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею

ни во время моей ссылки, ни при проѣздѣ черезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ за границу“. Въ частности сношенія Лаврова съ тогдашней „Землей и Волей“, завязанныя черезъ А. Н. Энгельгардта, были, по его выраженію, крайне ничтожны (Народники-пропагандисты, стр. 51—53, женевское изд.).

Въ сторону политики направило Лаврова само почитательное начальство. Вскорѣ послѣ покушенія Каракозова на Александра II, Лавровъ, въ качествѣ не очень благонадежнаго человѣка, былъ арестованъ. Военный судъ (въ августъ 1866 г.) призналъ его виновнымъ въ сочиненіи стихотвореній, неуважительно отзывавшихся о Николаѣ I, въ близости къ неблагонадежнымъ людямъ и т. п., и приговорилъ къ аресту. Но затѣмъ арестъ, съ согласія Александра II, былъ замѣненъ высылкой подъ надзоръ полиціи въ Вологодскую губернію, сперва въ Тотму, а затѣмъ въ Кадниковъ. Въ ссылкѣ Лавровъ написалъ свои знаменитыя „Историческія письма“, имѣвшія огромный (и неожиданный для автора) успѣхъ среди передовыхъ слоевъ общества, а также рядъ другихъ статей въ періодическихъ изданіяхъ того времени. Въ 1870 г. Лавровъ, при содѣйствіи Г. А. Лопатина, бѣжалъ изъ ссылки и благополучно прибылъ за границу.

II. СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. ЖУРНАЛЬ И ГАЗЕТА „ВПЕРЕДЬ!“

Въ первое время Лавровъ не имѣлъ въ виду какихъ-либо опредѣленныхъ плановъ дѣятельности. „Уважаая за границу и до самаго марта 1873 г., писалъ въ послѣдствіи Лавровъ, я оставался въ полномъ убѣжденіи, что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбежно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ подпольной литературѣ, но что руководство какой-либо отраслью этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки“ (Матеріалы, X, стр. 52). Вышло, однако, иначе.

Въ началѣ 1872 г. къ Лаврову явились изъ Россіи делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ; по направленію они принадлежали къ лѣвымъ либераламъ, но въ общемъ выражались довольно туманно. Лавровъ предполагалъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о группѣ радикальныхъ литераторовъ, желавшихъ основать за границей политической органъ и поручить его веденію ему, Лаврову, какъ человѣку, отрѣзавшему себѣ пути въ Россію. Лавровъ составилъ программу этого изданія, причемъ онъ, по его словамъ, стремился „придать заграничному органу общесоціалитической характеръ, предоставляя обработку внутреннихъ политическихъ вопросовъ русскаго движенія людямъ, находящимся на мѣстѣ“ (тамъ же, стр. 54). По провѣркѣ оказалось, что радикалы не думали организоваться, и въ частности денежныя и др. общія, данныя делегатами, сказались миеомъ. Это обстоятельство дало Лаврову лишній поводъ разочароваться въ либералахъ и перенести свои симпатіи въ болѣе крайній лагерь, гдѣ въ это время замѣчался значительный подъемъ. „Нѣкоторыя совершенно личныя обстоятельства, писалъ въ послѣдствіи Лавровъ, вызвали именно въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и письменно, какъ возможное. Съ Парижемъ меня ничего тогда не связывало. Въ концѣ 1872 года я поѣхалъ въ Цюрихъ съ рѣшимостью посмотрѣть своими глазами на тѣ группы (всѣ примыкавшія болѣе или менѣе къ бакунистскому движенію), которыя могли дать

матеріаль для редакціоннаго и для технического персонала „Впередь!“, и на мѣстѣ опѣнить возможность соединиться въ общее литературное дѣло съ тѣми личными силами, которыя присутствовали среди бакунистовъ. Пріѣхавъ въ Цюрихъ, я нашель многое какъ разъ соотвѣтствующее тому, что мнѣ сообщали мои корреспонденты. Въ средѣ бакунистовъ Цюриха существовалъ расколъ, едва прикрываемый внѣшними приличными отношеніями и нѣсколько весьма замѣчательныхъ личностей (мужчинъ и женщинъ), на которыхъ мнѣ указывали уже письменно (одинъ знакомый еще изъ ссылки въ Тотьму). Обѣщали быть весьма надежными, умными и энергическими помощниками, при чемъ очень быстро оказалась и возможность провѣрить ихъ личныя связи въ Россіи... Одна изъ моихъ новыхъ молодыхъ пріятельницъ поѣхала въ Россію добывать матеріальную поддержку съ ручательствомъ продолжать ея и въ будущемъ и вернулась очень быстро съ блестящимъ успѣхомъ. Около „Впередь!“, еще только предполагавшагося, не выставившаго своей окончательной программы, повидимому, стали группироваться надежныя силы и за границей, и въ Россіи“.

Лавровъ попытался было дѣйствовать совмѣстно съ бакунистами, и съ этой цѣлью написалъ второй согласительный проектъ программы „Впередь!“. Однако, принципиальные вопросы даже не были обсуждаемы, такъ какъ дѣло разстроилось прежде всего изъ-за редакціонныхъ разногласій.

„Я рѣшился, говорить Лавровъ, взять на себя всю тяжелую отвѣтственность веденія „Впередь!“, вмѣстѣ съ тѣми силами, которыя были на лицо“.

Для этого изданія Лавровъ написалъ третью программу, которая и являлась „личной программой редактора, принимавшаго полную и исключительную отвѣтственность за помѣщеніе въ изданіи одного и за непомѣщеніе другого“ (стр. 57).

„Впередь!“ сталъ выходить съ 1873 г. сперва въ видѣ „непериодическаго обозрѣнія“ (всего вышло подъ редакціей Лаврова 4 тома, изъ которыхъ послѣдній цѣликомъ представлялъ его работу „Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ“; пятый выпускъ вышелъ безъ участія Лаврова), а затѣмъ въ видѣ газеты (въ 1875—1876 гг. вышло всего 48 номеровъ).

Въ журналѣ „Впередь!“ перу Лаврова принадлежать статьи: Наша программа (т. I), Изъ исторіи социальныхъ ученій (тт. I и III), Званіе и революція (тт. I и III), Въ память столѣтія пугачевщины, 1773—1783 (т. I, вышла затѣмъ отдѣльно въ двухъ изданіяхъ), Кому принадлежитъ будущее (т. II, вышла отдѣльнымъ изданіемъ, заграницей и въ Россіи), Кто разрушаетъ основы общества (т. II), нѣсколько статей въ отдѣлѣ „Что дѣлается на родинѣ“ (часть ихъ вышла отдѣльно въ двухъ изданіяхъ подъ заглавіемъ: „По поводу самарскаго голода“), и друг.

Въ руководящей статьѣ „Наша программа“ Лавровъ выставляетъ на первый планъ социальный вопросъ, считая ближайшей задачей русскихъ социалистовъ подготовленіе социальной революціи въ Россіи. Въ газетѣ „Впередь!“ Лавровъ посвятилъ цѣлый рядъ статей принципиальнымъ вопросамъ социализма: „Социально-революционная и буржуазная нравственность“, № 13; „Рабочій социализмъ“, № 19 (отпосланіе его къ теоріи Дарвина („Социализмъ и борьба за существованіе, № 17), къ христіанству („Социализмъ и историческое христіанство“, № 25, „Христіанскій идеалъ предъ судомъ социализма“, № 44). Онъ

подробно останавливался также на „общих законахъ подготовки социальной революціи“ (№ 26), на „возможныхъ и невозможныхъ путяхъ къ социальной революціи“ (№ 28), на „задачахъ организаціи социально-революціонныхъ силъ въ Россіи“ (№ 29), на отношеніи „роли народа и роли молсдежи“ (№ 34), на формахъ социально-революціонной пропаганды“ (№ 39), въ частности на роли въ ней періодической прессы (№ 40). Въ общемъ получалась довольно разработанная схема общихъ идей социальной революціи. Въ заключительной статьѣ „Впередъ!“ Лавровъ резюмировалъ ее такъ. Соціальная революція, составляющая прямую и ближайшую цѣль социалистовъ, въ томъ числѣ и русскихъ, можетъ быть совершена лишь самимъ рабочимъ народомъ, судячи подготовлена тайной организаціей революціонныхъ силъ на слѣдующихъ основаніяхъ: „убѣжденные социалисты-революціонеры изъ интеллигенціи составятъ первый кадръ этой организаціи“, затѣмъ они сгруппируютъ вкругъ себя силы народа, объединяя эти группы въ федераціи; въ частности пропаганда внесетъ разстройство въ войска. Въ надлежачій моментъ эта разросшаяся организація, воспользовавшись неизбежными волненіями въ народѣ, обратитъ ихъ въ революціонный взрывъ, взрывъ же этотъ направитъ его къ осуществленію революціоннымъ путемъ началъ рабочаго социализма“: общей собственности, всеобщаго труда, солидарности трудящихся (№ 48, страницы 789—790).

Лавровъ надѣялся, что все это совершится очень быстро, что обшеровское восстаніе, влекущее за собою социальную революцію „можно подготовить систематической пропагандой въ небольшое число лѣтъ“ (№ 34, стр. 313); онъ даже составилъ цифровой расчетъ, по которому 100 пропагандистовъ черезъ 6 лѣтъ создадутъ социально-революціонный союзъ, заключающій не менѣе 10.000 членовъ, не считая обширнаго числа сочувствующихъ (№ 33, стр. 311—313).

Впослѣдствіи, и самъ Лавровъ, и его послѣдователи отказались отъ этого оптимистическаго „максимализма“. Но именно онъ былъ одной изъ причинъ пренебрежительнаго отношенія Лаврова къ вопросамъ политическаго переустройства. Если социально-революціонная организація въ очень короткій срокъ способна произвести социальную революцію, то всякая борьба за политическую свободу оказывается излишней и даже вредной тратой силъ. Это и утверждалъ Лавровъ, руководясь также своими общими воззрѣніями на государство, въ которомъ онъ видѣлъ антипрогрессивный элементъ.

„Вопросъ политическій, писалъ Лавровъ, для насъ подчиненъ вопросу социальному и въ особенности экономическому. Государства, такъ, какъ они существуютъ, враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю“... Поэтому „въ борьбѣ политическихъ партій и политическихъ программъ, продолжаетъ Лавровъ, мы будемъ постоянно обращать вниманіе на расширеніе элемента свободнаго союза на счетъ государственности“. Въ силу этого Лавровъ относится безразлично и даже враждебно къ приобрѣтенію массами политическихъ правъ. „Всѣ нынѣшнія централизаціонныя политическія программы намъ прямо враждебны“, заявляетъ онъ въ статьѣ „Наша программа“. Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной

республикой... все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строе и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи“.

Это принципиальное равнодушіе къ политической свободѣ и отрицательное отношеніе къ конституціоннымъ формамъ и парламентаризму проходить черезъ всѣ статьи Лаврова во „Впередъ!“. Такъ, въ статьѣ „Въ память столѣтія пугачевщины“ („Впередъ!“, т. I, 1873) Лавровъ противопоставляетъ политическую борьбу Северо-Американскихъ колоній въ 1773 г., происходившей въ томъ же году социальной борьбѣ крестьянъ, выступившихъ за Пугачевымъ противъ помещиковъ. Первый типъ общественныхъ движеній принадлежитъ, по его мнѣнію, невозвратному прошлому. „Періодъ политическихъ революцій исчерпалъ свою программу, говоритъ Лавровъ. Государственная форма оказалась безсилна передъ общественнымъ зломъ. Конституція и кодексы обратились въ пустыя формальности“ (Отд. изд., Лондонъ. 1874 г., стр. 24). Наоборотъ, второй, социальный типъ движеній имѣетъ огромное жизненное значеніе. Точно также въ брошюрѣ „Русской социально-революціонной молодежи“ (1874), въ главѣ „Съ кѣмъ можно вмѣстѣ идти“, Лавровъ говоритъ, что молодежи нельзя идти вмѣстѣ съ либералами-конституціоналистами. „Пойдетъ ли она вмѣстѣ съ конституціоналистами, которые тоже могутъ составить заговоръ съ цѣлью ограниченія императорской власти всероссійскимъ представительнымъ соборомъ, съ либеральными гарантіями?... Забыла ли она (молодежь), что при союзѣ народныхъ партій съ партіями буржуазіи *всегда* проигрывалъ, *всегда* былъ обманутъ народъ? Неужели она думаетъ, что есть что-либо общее между народной социальной революціей и революціей въ пользу либеральной конституціи, которую прежде всего воспользуются капиталисты и адвокаты?“ (стр. 39).

Еще опредѣленнѣе заявленія Лаврова въ его навѣстной статьѣ „Кому принадлежитъ будущее“, гдѣ отъ лица русскаго социалиста-революціонера онъ заявляетъ слѣдующее: „нашъ государственный строй — врагъ всякому мыслящему человѣку на моей родинѣ... Борьба съ нимъ есть самый насущный вопросъ для насъ, борьба не въ смыслѣ исправленія, частной передѣлки, но борьба въ смыслѣ окончательнаго искорененія всѣхъ его основъ. Но именно потому *въ* насъ, представителяхъ радикальной мысли на моей родинѣ, вкоренилось глубокое убѣжденіе, что *всякая* политическая власть вредна въ своей сущности, что нельзя и не должно ждать постепеннаго ослабленія и вымиранія политическаго элемента, но слѣдуетъ разомъ, путемъ самой радикальной социальной революціи, не только разрушить существующій порядокъ, но и устранить всякую форму возстановленія государственной принудительной власти“ (Заграничное изд., 1902 г., стр. 77—78).

Такія заявленія постоянно встрѣчаются также и въ газетѣ „Впередъ“. Исторія указываетъ рабочимъ, говоритъ, напримѣръ, Лавровъ, что всѣ прежніе политическіе перевороты, всѣ прежнія „либеральныя завоеванія“ буржуазіи, не только не послужили въ пользу рабочимъ, но напротивъ, постепенно ухудшали ихъ положеніе“. (Раб. социализмъ. № 19, стр. 592). „Мы боремся не противъ варварскаго правительства, писалъ Лавровъ въ другомъ номерѣ, не противъ дурного правительства, а противъ правительства вообще, каково бы оно ни было“ (Готовавшаяся процессъ, № 11 стр 326), и т. п.

Нужно замѣтить, что Лавровъ въ своихъ статьяхъ удѣлялъ довольно много вниманія варварству русскаго правительства. Въ жур-

налѣ „Впередь!“, не считая отдѣльных мѣстъ, былъ постоянный отдѣлъ „Что дѣлается на родинѣ“, гдѣ, между прочимъ, Лавровъ помѣстилъ свои прекрасныя статьи о самарскомъ голодѣ. Еще болѣе вниманія удѣляла русской дѣятельности газета „Впередь“, и Лавровъ, разумѣется, не могъ не видѣть, что цѣлый рядъ наиболѣе безобразныхъ фактовъ русской жизни связанъ именно съ русскимъ политическимъ строемъ. Достаточно напомнить, что газета „Впередь“ выходила послѣ знаменитаго движенія въ народъ 1873—1874, закончившагося громадными арестами и жандармской вакханаліей, и воочію показавшаго необходимость хотя бы самыхъ элементарныхъ гарантій человѣческихъ правъ. Лаврову приходилось даже специально касаться дикихъ мѣропріятій правительства, напр., запрещенія (22 мая 73 г.) русскимъ женщинамъ учиться въ Цюрихскомъ университетѣ и политехникумѣ, такъ какъ Цюрихъ представлялся правительству центромъ социалистической эмиграціи. Въ своей брошюрѣ, написанной по этому поводу, („Русскимъ цюрихскимъ студенткамъ“, 1873 г.) Лавровъ превосходно критиковалъ это нелѣпое распоряженіе. Онъ справедливо указывалъ, что „нѣтъ закона, нѣтъ силы, нѣтъ нравственнаго начала которое оградяло бы личность русскаго или русской отъ власти, надъ ними тяготящей“ и т. д.

И тѣмъ не менѣе Лавровъ, повидимому, не видѣлъ самостоятельной цѣнности свободныхъ политическихъ формъ и еще не представлялъ себѣ необходимости борьбы за нихъ. Его очень немногочисленные разсужденія на эту тему очень туманны. „Къ организаціи революціонныхъ силъ въ Россіи, говоритъ онъ, напимѣръ, принадлежить и требованіе (?) борьбы съ существующимъ правительствомъ. Въ надлежащую минуту эта борьба будетъ имѣть форму энергическаго напора на центральныя власти и ихъ органы всюду, гдѣ это можно будетъ сдѣлать; ранѣе она должна имѣть форму искуснаго заговора, который позволялъ бы революціонной организаціи по возможности знать мѣры, предпринимаемыя властями противъ нея и противъ волненій вообще, быстро передавать полученныя свѣдѣнія въ разные пункты организаціи и своевременно парализовать правительственныя мѣры своими мѣрами“. (Задачи организаціи социально-революціонныхъ силъ въ Россіи, № 29, стр. 140).

Очевидно, однако, что это собраніе свѣдѣній, при всей его важности, занимаетъ очень скромное мѣсто среди способовъ подлинной политической борьбы. Между тѣмъ, Лавровъ, далеко не выяснивши этихъ способовъ, довольно рѣзко критиковалъ съ своей максималистской точки зрѣнія тотъ способъ, который оказался наиболѣе дѣйствительнымъ въ усиленіяхъ русской жизни, а именно террористическую борьбу.

„Строитель царства справедливости, говоритъ Лавровъ, обращается къ социалистамъ, борись не противъ людей, а противъ принциповъ... Тебѣ кажется, что жизнь этого человѣка, этого врага тебѣ необходимо взять. Но обдумаль-ли ты, что ты сдѣлаешь? Чѣмъ заслужишь этотъ презрѣнный, этотъ дрянной врагъ — будь онъ хоть императоромъ или Бисмаркомъ — чѣмъ заслужишь онъ мнѣніе, будто отъ его жалкой жизни зависитъ торжество социальной революціи, или даже движеніе ея впередъ на одинъ шагъ?“ Лавровъ полагаетъ, что это мнѣніе ничѣмъ незаслужено, и отсюда дѣлаетъ выводъ: „употребляй всѣ свои силы, все свое время на подготовленіе социальной революціи, и знай, что одно горячее слово пропаганды, которое приобрѣтеть

тебѣ двухъ-трехъ новыхъ братьевъ, во сто разъ цѣннѣе въ процессъ подготовленія социальной революціи, чѣмъ жизнь самаго опаснаго врага“. („Соціально-революціонная и буржуазная нравственность“, „Впередь!“, № 13, стр. 397-398). — На эти разсужденія Лаврова самое лучшее опроверженіе дала впоследствии сама жизнь.

Въ 1876 г. Лавровъ вышелъ изъ редакціи „Впередь!“. Неудача движенія въ народъ вызвала раздоры и разногласія между членами группъ. Въ частности лица, распространявшія „Впередь“ въ Россіи, разошлись съ Лавровымъ, „какъ по своему стремленію монополизировать въ рукахъ своей фракціи распространеніе изданій въ Россіи, такъ и по своему рѣшенію не допускать въ организаціи фракціи и въ ея программѣ усиленія ея боевого характера, — что редакторъ (т. е. Лавровъ) считалъ своевременнымъ, по общему настроенію молодежи“. („Народники пропагандисты“, стр. 209) Въ декабрѣ 1876 г. состоялся въ Парижѣ съѣздъ делегатовъ различныхъ впередовскихъ кружковъ.

Здѣсь дѣятельность Лаврова подверглась критикѣ со стороны болѣе умѣренныхъ элементовъ, и онъ сложилъ съ себя званіе главнога редактора „Впередь!“.

„Группы пропагандистовъ, поддерживавшія „Впередь!“, — писалъ Лавровъ въ другомъ мѣстѣ, — рѣшили въ концѣ 1876 г. (противъ мнѣній прежняго редактора) прекратить его періодическое изданіе и, подавъ этимъ самимъ сигналъ къ гибели своего направленія, черезъ полгода оказались принужденными прекратить всякую пропагандистскую дѣятельность, перешли къ политикѣ „выжиданія“, которая есть для всякой партіи синонимъ самоубійства, а въ бурные годы, которые пришлось переживать послѣ того Россіи, могли вызвать лишь нравственное возмущеніе во всякомъ искреннемъ дѣятелѣ“. („Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго социализма“, „Календарь Народной Воли“, 1883 г. стр. 105).

III. ВѢСТНИКЪ НАРОДНОЙ ВОЛИ, РЪЧИ И СТАТЬИ 80-хъ ГОДОВЪ.

Подводя впоследствии итоги движенія въ народъ, Лавровъ писалъ: „пропагандисты принуждены были сознавать, что ихъ апостольству социалистическихъ идей на первыхъ же шагахъ, являлись самыми трудно одолжимыми препятствіями полицейскій строй Россійской имперіи, отсутствіе въ ней самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ у проповѣдниковъ новаго евангелія и у его слушателей, наконецъ, какъ реальныя, такъ и мистическія традиціи, созданныя русскимъ абсолютизмомъ“. (Нар. проп., стр. 246) „Подготовители социальной революціи, продолжаетъ Лавровъ, должны были на фактахъ увидѣть, что готовить приходится интеллигенцію и массы не только къ воспріятію социалистическихъ идей, но также къ политическому перевороту, ... и этотъ переворотъ, въ своемъ подготовленіи, требовалъ организаціи не только проповѣднической, но и боевой; при этомъ не въ народныхъ массахъ, а въ интеллигенціи приходилось искать элементовъ подготовляющей боевой организаціи.“ (Тамъ же, стр. 247).

Въ своей интересной статьѣ „Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго социализма“ („Календарь Нар. Воли“, 1883), Лавровъ подробно описываетъ дальнѣйшій ходъ русскаго движенія. Въ 1877 г. демонстрація передъ Казанскимъ соборомъ и процессъ 50 и 193 „въ особенности усилили раздраженіе противъ правительства и стали все болѣе укоренять въ большинствѣ дѣятелей мысль, что самодержав-

ное императорство составляет того врага всякому улучшенію положенія русскаго народа, отъ котораго надо отдѣлаться не одновременно со взрывомъ социальной революціи противъ класса обладателей капитала. *но прежде всего* (курсивъ Лаврова, стр. 106). Въ частности безчеловѣчная расправа Трепова надъ политическими заключенными имѣла своимъ послѣдствіемъ „вызовъ и мечь съ стороны всѣхъ органовъ русской заграничной прессы“, а послѣдовавшій за этимъ „выстрѣлъ В. Засуличъ въ Трепова обозначалъ начало новаго періода въ развитіи социально-революціонной партіи въ Россіи“ (107). А именно партія Народой Воли выставила своей задачей „сперва раздѣлаться съ самодержавіемъ, а затѣмъ осуществить социальный переворотъ въ той формѣ, въ которой захочетъ его осуществить народъ“ (стр. 108)

„Большинство должно было признать, говорить Лавровъ, что Исполнительный Комитетъ своей „энергической дѣятельностью въ невѣроятію короткое время довель дѣло расшатыванія русскаго императорства весьма далеко, оно находило, что и организація народныхъ силъ и пропаганда социалистическихъ идей невозможна при современныхъ политическихъ условіяхъ, и что остается или присоединиться къ Комитету, или ограничиться совершенно ничтожной индивидуальной дѣятельностью, или остаться при безнравственной теоріи выжиданія, въ эпоху самаго живого общественнаго волненія. Въ то же время Исполнительный Комитетъ имѣлъ досугъ признать, что его дѣятельность получить значителную опору, если она будетъ поддержана въ своихъ политическихъ отрасляхъ, — которыя фатально сближали его съ политическими радикалами буржуазіи, — чисто социалистической литературой, которая могла бы быть признана разработкой программы русскихъ социалистовъ-революціонеровъ, независимо отъ ихъ разногласія, приступившихъ въ настоящую минуту къ политической программѣ партіи „Народной Воли“. (стр. 117)

Эту именно задачу веденія народническаго органа, въ пѣляхъ разработки социалистическихъ вопросовъ, и взялъ на себя Лавровъ, причѣмъ, какъ онъ писалъ впоследствии, онъ „не былъ членомъ организаціи „Народной Воли“ (Послѣсловіе къ брошюрѣ „Революція или эволюція“, стр. 7).

„Социалисты-революціонеры, говорилъ впоследствии объ этомъ моментѣ Лавровъ, имѣли уже на нашей родинѣ свою исторію. Забота была о томъ, чтобы теперь, на литературной почвѣ, при помощи заграничнаго органа, продолжать эту исторію достойнымъ образомъ, когда въ прошедшемъ она имѣла за собой не столько литературнаго дѣла, сколько славы энергической борьбы и длиннаго уже мартиролога“. (Три эпохи, стр. 156). Принципы социализма и задачи борьбы съ самодержавіемъ, это и были двѣ руководящія идеи „Вѣстника Народной Воли“. Въ предисловіи къ первому номеру (1883 г.) редакторы (Лавровъ и Тихомировъ), выставляя, прежде всего, принципы социализма, заявляютъ, что ближайшей задачей партіи является „подготовить и ускорить измѣненіе политическаго строя въ Россіи“. Но такъ какъ „Вѣстникъ Народной Воли“ былъ заграничнымъ органомъ, который не могъ ни дѣйствовать непосредственно, ни даже достаточно быстро отзываться на отдѣльные событія, то Лавровъ ставитъ его задачей „преимущественно группировать событія и уяснять ихъ, показывая ихъ связь между собою, такъ и съ общимъ ходомъ событій нашей эпохи или общими началами социализма.“ (стр. VII.

Редакция оговаривалась, что въ органѣ участвуютъ лица расходящіяся между собой въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но всё они сходятся въ существенномъ, т. е. въ общихъ цѣляхъ социализма, и въ общемъ убѣжденіи о низверженіи самодержавія, какъ необходимой ступени къ социализму. Бывали статьи, писалъ впоследствии Лавровъ, которыя на мой взглядъ были слишкомъ рѣзки по боевымъ вопросамъ, но разъ вступивъ въ союзъ съ народолюбцами, какъ съ партией, успѣвшей наилучше концентрировать русское революціонное движеніе, я считалъ себя обязаннымъ принимать всё естественныя слѣдствія этого союза". (Письмо товарищамъ въ Россію по поводу Тихомирова, 1888 г. стр. 28).

„Вѣстникъ Народной Воли“ (съ 1883 г. — по 1886 г., всего вышло 5 номеровъ) былъ составленъ очень содержательно, разнообразно, и интересно. Лавровъ помѣстилъ въ немъ нѣбольшой рядъ цѣнныхъ статей: „Задачи социализма“ (№ 1), „Тургеневъ и развитіе русскаго общества“ (2), „Соціальная революція и задачи нравственности“, „Открытое письмо къ молодымъ товарищамъ“ (№№ 3 и 4), „Старые вопросы“, „Ученіе гр. Л. Н. Толстого (№ 5), „некрологи“ В. В. Ткачева и П. К. Никитиной. Кроме того, Лавровъ велъ отдѣлъ „За предѣлами Россіи“ (№№ 1 и 2) и написалъ рядъ рецензій.

Изъ этихъ статей Лаврова особенный интересъ представляетъ работа о „Соціальной революціи и задачахъ нравственности“. „Во имя социалистическаго убѣжденія, писалъ здѣсь Лавровъ, то, что составляетъ препятствіе росту социализма, должно быть разрушено какою угодно цѣной“ (38). „Препятствіе должно быть разрушено“, снова и снова повторяетъ Лавровъ (стр. 50, 52, 55 и т. д.). Рѣчь шла, разумѣется, о самодержавіи. „Безнравственная форма государственной власти должна перестать существовать“, неустанно твердитъ Лавровъ. При этомъ, по его словамъ, „закрывать глаза на необходимость насилія въ этой борьбѣ, было бы лицемеріемъ или самообольщеніемъ“ (стр. 41).

Искренній теоретикъ социализма, по словамъ Лаврова, „долженъ всегда помнить, что справедливость можетъ требовать борьбы, но что въ самый періодъ борьбы, она уступаетъ расчету необходимости; когда же онъ призналъ борьбу необходимою, онъ долженъ помириться и съ ея условіями, какъ мирятся съ самымъ противнымъ лѣкарствомъ, съ самой жестокой операціей, когда дѣло идетъ о спасеніи жизни человѣка... Самое широкое осуществленіе нравственныхъ требованій социализма въ эпоху его торжества, и самое тщательное ограниченіе области его борьбы въ настоящемъ „крайне необходимомъ“, составляютъ столь же существенный моментъ дѣятельности социалиста, какъ и энергическое и безпопачное веденіе борьбы за торжество социализма въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ эта борьба необходима, и на которые требованія нравственности не могутъ (?) распространяться“ (№ 4, стр. 75). Эта послѣдняя фраза не совсѣмъ удачна, такъ какъ террористическая и вообще насильственная борьба является не отрицаніемъ принциповъ нравственности, а только примѣненіемъ ихъ къ частному случаю — къ необходимости устранить несомнѣнное зло.

Это утверждаетъ и самъ Лавровъ въ своей интересной критикѣ ученія Толстого о непротивленіи злу. Пусть убѣжденный человѣкъ, говоритъ Лавровъ, „перенесъ бы даже зло, ему лично сдѣланное, не чувствуя ни гнѣва, ни желанія мести, но будетъ ли согласно съ его убѣжденіемъ не препятствовать злу, которое совершается надъ дру-

тими, когда онъ можетъ помѣнать злу?... Нѣтъ ли безусловнаго противорѣчія между представленіемъ о злѣ, особенно же о нравственномъ злѣ, и о томъ, что я позволяю этому злу совершаться безпрепятственно?" (V, стр. 174). Послѣ подробнаго разбора аргументаціи Толстого, Лавровъ заключаетъ: если мы прониклись солидарностью съ другими людьми, то наша обязанность заключается въ охраненіи ихъ отъ ала и въ противленіи этому злу во всѣхъ его формахъ. Если мы поняли, что убѣжденіе требуетъ дѣль и что всякое противленіе злу словомъ и мыслью есть уже начало борьбы и требуетъ борьбы, борьба же почти всегда требуетъ насилія, то мы не можемъ остановиться передъ насильственными мѣрами въ борьбѣ истины противъ лжи, свѣта противъ тьмы" (V, 197).

Нужно замѣтить, однако, что все это относится скорѣе къ революціонной борьбѣ вообще, чѣмъ къ террору въ частности, такъ какъ послѣднему Лавровъ никогда не сочувствовалъ вполне. Такъ напр., въ замѣткѣ по поводу Тихомірова, онъ пишетъ: „я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о террорѣ, который и прежнимъ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ не былъ возводимъ въ систему, (?), такъ какъ комитетъ никогда не признавалъ своими мнѣній, высказанныхъ въ брошюрахъ Морозова и Тарковского. Но революціонный путь былъ и остался, насколько мнѣ извѣстно, для всѣхъ фракцій русскихъ социалистовъ, неизбѣжнымъ приемомъ борьбы за прогрессъ нашей работы.“ („Революція или эволюція“, стр. 7).

Съ прекращеніемъ въ 1886 г. „Вѣстника Народной Воли“, Лавровъ, помимо легальной литературной дѣятельности (анонимныхъ статей въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“), постоянно читалъ въ Парижѣ лекціи, приносилъ рѣчи на разныя темы, и т. п.; обыкновенно эти рѣчи и лекціи выходили затѣмъ отдѣльными изданіями. Вышелъ также и рядъ его статей. Такъ, въ 1887 г. вышла лекція Лаврова „Национальность и социализмъ“, „Роль и формы социалистической пропаганды“, „Черезъ восемь лѣтъ“ (въ память Парижской Коммуны). Письмо по поводу шпіонскихъ продѣлокъ и „Предисловіе къ статьѣ Маркса о Гегелевской философіи права“. — Въ 1888 г. ренегатство Тихомірова вызвало сперва небольшую замѣтку Лаврова въ послѣсловіи къ брошюрѣ „Революція или эволюція“, а затѣмъ его обстоятельное „Письмо товарищамъ въ Россію“. Въ томъ же году Лавровъ напечаталъ біографію Г. Лопатина въ приложеніи къ брошюрѣ о процессѣ „21“, письмо въ редакцію выходившаго тогда органа социалистовъ революціонеровъ „Самоуправленіе“ (№ 2, май 1888). Въ 1889 г. Лавровъ началъ печатать въ газетѣ „Соціалистъ“ свои „Письма къ русскимъ людямъ“ и составилъ отчетъ для социалистическаго конгресса въ Парижѣ въ 1889 году, подъ заглавіемъ: „Situation du socialisme en Russie“ (положеніе социализма въ Россіи). Въ 1891 г. Лавровъ издалъ свою рѣчь „Русская развитая женщина“ (памяти С. Ковалевской) и (гектографированное) „Открытое письмо къ русской молодежи 90-хъ годовъ, въ 1892 г.— Введеніе и послѣсловіе къ брошюрѣ Сергѣевского „Голодъ въ Россіи“, въ 1893 г. „Послѣдовательныя поклобнія“ (въ память Елисева и Шелгунова).

Господствующій мотивъ этихъ статей Лаврова все тотъ же. „Въ настоящую минуту, пишетъ онъ напр., никакое экономическое улучшеніе положенія массъ невысимо въ Россіи иначе, какъ въ связи съ низверженіемъ произвола императорскаго абсолютизма, составляющаго позоръ нашей родины передъ всѣми цивилизованными странами.“

нами.“ (Письмо къ молодежи стр. 2, см. также Самоуправленіе № 2, стр. 30.)

Кое-какія старыя аполитическія ноты звучать однако и въ этотъ народо-вольческій періодъ. Весьма важнымъ результатомъ социалистической критики, говоритъ онъ напр., было, между прочимъ, уясненіе той истины, что „для массъ всѣ политическіе перевороты безплодны, если они не сопровождаются соотвѣтственнымъ экономическимъ переворотомъ“. („Вѣстн. Нар. Воли“ IV стр. 33). Такимъ образомъ самостоятельная цѣнность „свободныхъ политическихъ учрежденій“ попрежнему отрицается Лавровымъ. Точно также въ письмѣ редакціи „Самоуправленія“, касаясь слуховъ о политической оппозиціи либераловъ, Лавровъ писалъ: „мѣшать организаціи и агитаціи враговъ русскаго самодержавія было бы едва ли полезно... Но какъ группа, какъ партія, социалисты едва ли могутъ вступить въ союзъ съ группою и партией, отвергающей социалистическіе принципы“. (№ 2, стр. 31). Такимъ образомъ, Лавровъ отвергаетъ даже временный союзъ социалистовъ съ либералами въ цѣляхъ достиженія политической свободы. Однако, вскорѣ ему пришлось отказаться и отъ этого положенія. Такъ, напр., въ послѣсловіи къ брошюрѣ „Голодъ въ Россіи“ Лавровъ заявляетъ: „социалисты, во имя своихъ убѣжденій, обязаны вести неутомимую борьбу съ абсолютизмомъ, и неизбѣжно ставятъ своею политической программой настоящей минуты его низверженіе. Но факты настоящаго народнаго бѣдствія и отношеніе къ нему русскаго правительства выказываютъ совершенно ясно, что эта же обязанность, эта же программа является обязанностью и программой для всѣхъ русскихъ, любящихъ свое отечество, независимо отъ ихъ экономическаго положенія и социальныхъ убѣжденій. Русскіе либералы оказались до сихъ поръ, по недостатку ли политической традиціи, или по „недостатку гражданскаго мужества“, не въ состояніи организовать либеральную революціонную партію для борьбы съ абсолютизмомъ, и нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы они способны были въ ближайшемъ будущемъ организовать ее. Нынѣшніе социалисты поставили своею задачею именно эту организацію. Что же мѣшаетъ каждому мыслящему русскому человѣку стать въ ряды этой же организаціи для дѣла, общаго социалистамъ и не социалистамъ, для борьбы противъ общаго, противъ народнаго врага? Русскіе люди! Не замѣняйте русскому народу! — Русскіе люди! Низвергнемъ вмѣстѣ его врага! — Послѣ того, мы усѣнемъ разобраться въ томъ, въ чемъ мы не согласны между собою.“ „Стр. 47 — 48. См. также „Послѣдовательныя поколѣнія“, стр. 51. Письмо къ молодежи, стр. 3 и т. д.)

IV. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ.

Съ 1893 г. Лавровъ принимаетъ ближайшее участіе въ литературной дѣятельности группы старыхъ народо-вольцевъ, выпускавшей „Матерьялы для исторіи русскаго социально-революціоннаго движенія“ (съ приложеніемъ текущей хроники, подъ названіемъ (Съ родины и на родину“.)

Лавровъ написалъ для этого изданія статью „Исторія, Соціализмъ и русское движеніе“ (XI), упоминавшуюся выше статью „Три эпохи“ (Съ род. и на род., № 4), обширную работу „Народники проагандисты 1873 — 1878 г.г.“ и статьи, составленныя изъ его рѣчей: „Задачи людей новаго поколѣнія“, „Четверть вѣка“ (Съ ро-

дины и на родину № 5), „Понимание и жизненные цѣли“ (Съ родины и на родину № 6 — 7), „Царскіе гости“ (отд. изд. 1896 г.) Письмо въ редакцію Летучаго Листка (№ 4, 1895 г.) группы народо-вольцевъ о программныхъ вопросахъ, а также рядъ рѣчей и статей, вышедшихъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ рукописей 90-хъ годовъ“. Въ это же время (1894) вышло начало громаднаго (и неоконченнаго) труда Лаврова „Опытъ исторіи мысли новаго времени“ (Т. I, Вступленіе. Задачи исторіи мысли. Отдѣлъ I. Доисторическое подготовленіе человѣка. Отд. II. Антропологическая жизнь, а также ввидѣ одного изъ выпусковъ этого труда книга „Переживанія доисторическаго періода“. (1898).

Говоря объ этомъ новомъ періодѣ русской жизни, Лавровъ замѣчаетъ: „для русскихъ революціонеровъ теперь настолько же не можетъ уже существовать сомнѣній, что ихъ революціонное дѣло можетъ опираться лишь на принципы социализма, на столько для русскихъ социалистовъ безспорно, что, во мнѣя ихъ социалистическихъ убѣжденій, они должны стать на почву революціонной агитаціи противъ императорскаго абсолютизма.“

Но наряду съ этимъ въ статьяхъ Лаврова, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ предательствъ и измѣнъ революціонеровъ, стала пробиваться новая струя. Еще въ своей рѣчи „Роль и формы социалистической пропаганды“ (1887 г.) онъ намѣчалъ троякаго рода пропаганду социализма: словомъ, дѣломъ и примѣромъ. Социализмъ, писалъ Лавровъ, „требуетъ отъ личности обыденной жизни, ежедневныхъ привычекъ проникнутыхъ отвращеніемъ къ элементамъ капиталистическимъ въ этой жизни, проникнутымъ чувствомъ солидарности съ борцами за социалистическую истину... Онъ требуетъ непрерывной пропаганды примѣромъ. А это едва ли не труднѣе пониманія неизбежности процесса, выработывающаго социалистическій строй изъ капиталистическаго, и героическаго терроризма.“ (стр. 12.)

Точно также въ статьѣ „Три эпохи“ Лавровъ писалъ: „Начиная новое литературное социально-революціонное предпріятіе, какъ одинъ изъ его сотрудниковъ и совѣтниковъ — единственная роль, на которую можетъ быть способенъ человѣкъ въ мои годы — я позволю себѣ высказать убѣжденіе, что всѣмъ участникамъ этого дѣла точно такъ же, какъ и тѣмъ социалистамъ-революціонерамъ, которые не найдутъ для себя удобнымъ помогать ему, приходится ставить рядомъ съ прежними элементами борьбы, если даже не на первомъ мѣстѣ пропаганду *примѣромъ*, доступную всякому: примѣромъ жизни, примѣромъ самоотверженія, примѣромъ поддержки въ личной дѣятельности знамени русскихъ социалистовъ-революціонеровъ чистыми и достойными руками; примѣромъ жизни, въ которой личныя влеченія и симпатіи, личныя непріязни, были бы подавлены во имя социально-революціоннаго идеала; въ которой проявлялось бы опредѣленное стремленіе выработать въ себѣ и около себя, по возможности, дѣйствительныхъ строителей будущаго царства социалистической справедливости и социалистической нравственности.“ (Стр. 158 см. также стр. 160).

Лавровъ оговаривался при этомъ, что „было бы горькимъ заблужденіемъ для социалиста, если бы онъ полагалъ, что ведя социалистически безупречную обыденную жизнь, онъ тѣмъ самымъ исполнилъ всѣ свои обязанности“. (Роль и формы соц. проп., стр. 14.)

Лавровъ былъ несомнѣнно правъ, отмѣчая, что для социализма

имѣеть огромное значеніе достойная личная жизнь его послѣдователей. Но врядь ли можно согласиться съ нимъ, что примѣръ личной жизни стоитъ въ социальномъ-политическомъ отношеніи важнѣе прямой борьбы, въ томъ числѣ и террористической. Нужно думать, что это возрѣніе Лаврова было отголоскомъ того стремленія къ личному самоусовершенствованію, которое охватило молодежь въ годы апатій и реакціи послѣ напряженной народолюбческой борьбы. А это лишній разъ указываетъ, что въ чисто политическихъ вопросахъ онъ не былъ вождемъ и творцомъ новыхъ теченій, а только авторитетнымъ выразителемъ мнѣній, получившихъ преобладаніе въ жизни. Именно потому политическіе взгляды Лаврова 70-хъ годовъ, эпохи „социалистической пугачевщины“, какъ онъ выражался, смѣнились въ значительной мѣрѣ прямо противоположными возрѣніями во времена „Народной Воли“.

Значеніе и заслуги Лаврова относятся къ другой области. Въ качествѣ философа и социолога онъ далъ замѣчательное принципиальное обоснованіе социализма и разработалъ цѣлый рядъ связанныхъ съ нимъ философско-историческихъ вопросовъ, но тѣмъ самымъ онъ оказалъ громадное вліяніе на общее развитіе русскаго социализма, а слѣдовательно и на политику въ широкомъ смыслѣ этого слова.

М. Антоновъ.

И. Л. Лавровъ о письмѣ В. Гольцева во „Впередъ!“

Въ недавно изданномъ сборникѣ автографовъ Гольцевъ говоритъ о своемъ письмѣ, напечатанномъ въ журналѣ «Впередъ!». Онъ, повидимому, имѣлъ въ виду письмо, которое напечатано въ 21 № «Впередъ!» (15 ноября 1875 г.). Мы цѣлкомъ перепечатаемъ и это письмо Гольцева и отвѣтъ ему редакціи, написанный, очевидно Лавровымъ. Ред.

Письмо В. Гольцева.

М. Г.!

Вы неоднократно высказывали въ вашемъ изданіи желаніе встрѣтить возраженіе на Вашу программу дѣйствій; вы не находите въ русской „законной“ печати сколько-нибудь серьезныхъ критическихъ замѣчаній; вы не встрѣчаете ихъ, по вашимъ словамъ, и на „свободной почвѣ“. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ нѣсколькими соображеніями, которыя возбуждены во мнѣ чтеніемъ вашего изданія.

Я далеко, безъ сомнѣнія, отъ мысли считать эти соображенія рѣшающими вопросомъ. Вашу программу, мнѣ кажется, можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: социальная революція посредствомъ самихъ объединенныхъ народовъ.

Нужно, слѣдовательно, поднять, просвѣтить народъ. Необходимо, чтобы онъ вполнѣ сознательно произвелъ эту революцію, ясно понималъ и средства, и цѣли ея.

Какия же мѣры слѣдуетъ употребить, чтобы довести народъ до подобнаго сознанія? Неужели распространеніе книжекъ вродѣ „Хитрой механики“ наилучшее для этого пособіе? Вы, вѣроятно, согласитесь, что поднять народъ для рѣзни, внушить измученному, умирающему съ полу-голода крестьянину и рабочему необходимости кровавой расплаты еще не значитъ сдѣлать изъ него гражданина будущаго свободнаго, идеальнаго общества. Вы не станете, я думаю, отрицать и того, что пропаганда, предполагагая ее честной и горячей, еще не обезпечиваетъ прочныхъ измѣненій въ томъ, кого она имѣетъ въ виду. Восстаніе, положимъ, произошло. Что же потомъ? Развѣ народъ окажется вполне приготовленнымъ къ рѣшенію своихъ судебъ? Развѣ въ дѣйствительности онъ достигъ высокой степени просвѣщенія, необходимой для прочности его матеріальныхъ завоеваній? Я думаю потому, что толкать народъ къ кровавой расправѣ — опасное и едва ли хорошее дѣло.

Я имѣю въ виду не возможность пораженія, разгрома, весьма правдоподобныхъ, а именно неприготовленность массы ни къ чему иному, кромѣ натиска, вѣроятность появленія на обломкахъ стараго цезаря или нѣсколькихъ цезарей.

Кромѣ того, вы утверждаете сами, что революція въ изолированной мѣстности — нелѣпость, что дѣло должно рѣшиться общими усилиями всего человѣчества. Прекрасно. Слѣдовательно, ушедшій впередъ народъ долженъ подождать своихъ меньшихъ братьевъ, иначе, все равно, сосѣди, т. е. правительства сосѣднихъ народовъ, не позволятъ ему реализовать вашу социальную теорію. Неужели Вы предполагаете, что Коммуна 1870 г. могла бы долго продолжаться въ какомъ бы то ни было случаѣ? А если такъ, то цѣлесообразна ли зажигательная пропаганда, которая, разумѣется, не можетъ внушить народу желанія ждать?

Не необходимо ли, что касается Россіи, прежде всего добиться чего-либо подобнаго хоть германской конституціи, дающей возможность рабочимъ объединяться и идти впередъ при свѣтѣ науки? Не имѣетъ ли также глубокаго значенія введеніе въ жизнь русскаго общества новаго принципа народнаго верховенства, на мѣсто императорскаго „быть по сему“? И можно ли поэтому обвинять русскихъ конституціоналистовъ, желающихъ оставаться на законной почвѣ?

Позвольте мнѣ, М. Г., не сообщать вамъ своего имени, которое, само собою разумѣется, не можетъ имѣть никакого значенія въ разрѣшеній вопроса, безусловная важность и настоятельность котораго заставляетъ меня написать эти строки.

Отвѣтъ редакціи „Впередъ“

Мы никогда не имѣли въ виду открывать страницы нашего журнала господамъ русскимъ либераламъ для защиты ихъ точки зрѣнія. Мы пригласили ихъ высказаться въ ихъ собственныхъ изданіяхъ, для чего у нихъ, конечно, достаточно средствъ, если бы была лишь рѣшимость и опредѣленная программа. Наши же страницы открыты лишь для полемики разныхъ отгѣнковъ социалистическихъ партій. Поэтому, помѣщая теперь письмо неизвѣстнаго намъ парижскаго конституціоналиста и отвѣчая на него, мы заранѣе отказываемся помѣщать другія какия-либо догматическія или полемическія статьи изъ того же лагеря.

Господамъ конституціоналистамъ нечего прибѣгать къ социалистической прессѣ для высказыванія своихъ мыслей. Имъ открыто много типографскихъ станковъ.

Нашему же неизвестному корреспонденту мы ответим следующее: Вплоть истории не происходило ни одного вполне сознательного движения. Полное сознание целей и средств существовало в небольших группах и в отдельных единицах. Около них стояло множество лиц и групп, в которых ясность сознания постепенно ослабывала. Наконец, большинство партий, подготовленной к движению, только *соучествовало в общих чертах* новым задачам, но за то было проникнуто ненавистью к тому порядку, против которого готовилась борьба. Победа же революционеров зависела всегда от того, что еще далее, за плечами вполне сознательных, полусознательных и горячо-сочувствующих революционеров, история подготовила еще более обширные слои людей, страдающих с тем старым порядком, способных еще ненавидеть и нуждающихся лишь в знамени, около которого они могли бы соединиться против этого старого порядка, чтобы его низвергнуть. Пока эти страдающие люди не вьются другому знамени, способному их вести против старого порядка, они возможные и даже неизбежные союзники сплотившихся и выставивших свое знамя революционеров. Но как только против старого порядка выставлено несколько знамен новых партий, то каждая из них не может уже навстречу разчитывать на то, что именно к ней пристанет этот слой, разрывающий с ней вражду к старому порядку, но не приступивший еще ни к какому знамени.

То же самое положение теперь перед нами в России. Русское самодержавие невыносимо и ненависто всем, кроме тех, которые извлекают личную выгоду из настоящего порядка вещей. Но масса народа невыносимо не *только* оно, а в еще большей степени экономический порядок, им охраняемый и поддерживаемый. Для конституционалистов тяжелее первое, так как большинство их пользуется вторым. Нам, социалистам-революционерам, приходится, следовательно, одновременно стремиться к разрушению и политического, и экономического строя в нынешней России, постоянно напирая на их тесную связь, приходится и всеми силами противодействовать той партии, которая уверяет будто, избавившись от императорского самодержавия, народ русский поправит свое положение.

Как же действовать для этого? Укрепляя и уясняя в тех, которые уже приступили к нашему знамени, сознание условий социальной революции и ее необходимости, расширяя число вполне сознательных; но рядом с этим приходится работать и над расширением числа *сочувствующих*, числа *ненавидящих* настоящий порядок, как источник всех общественных бедствий; для этого именно служить та литература „Хитрой Механики“, о которой Вы упоминаете; наконец, рядом с этим приходится бороться с конституционалистами, чтобы те, которые только сочувствуют нам, а не прониклись еще социалистическим сознанием, не могли пристать к фальшивому, ненадежному знамени конституционализма.

Нам приходится обращаться к уму, приходится обращаться и к страсти. Мы несколько не имеем утопической надежды довести народ в его целом пропагандою до „ясного сознания“ и до „высокой степени просвещения“. Но мы убеждены, что систематическая и хорошо организованная пропаганда, веденная лицами, частью принадлежащими к самому рабочему классу — а между нами уже *есть* и теперь не очень мало таких — способна образовать во многих местах России довольно значительные группы *вполне сознательных*

соціалистовъ-революціонеровъ, тѣмъ болѣе, что начала соціальной революціи несравненно проще старыхъ политическихъ программъ и доступны въ своей полной ясности безъ особенно „высокой степени просвѣщенія“. Около этихъ *вполнѣ сознательныхъ* группъ будетъ стоять, да и теперь уже стоитъ немалое число сочувствующихъ социализму и ненавидящихъ настоящей порядокъ въ его экономическихъ и политическихъ основахъ. Когда крѣпкая организація свяжетъ эти группы и слои, то въ минуту варыва къ нимъ неизбѣжно пристанетъ масса страдающихъ отъ нынѣшняго экономического и политическаго строя, если она не поидетъ въ эту минуту за какимъ-нибудь призрачнымъ знаменемъ, на примѣръ, за знаменемъ „народнаго верховенства“ въ смыслѣ конституціалистовъ.

Наше дѣло — предупредить этотъ случай, убѣждать какъ народъ, такъ и всѣхъ искреннихъ друзей народа, что „народное верховенство“ есть иллюзія, пока оно не связано съ разрушеніемъ экономической эксплуатаціи большинства меньшинствомъ, что на „законной почвѣ“, созданной народными эксплуататорами съ цѣлью облегченія эксплуатаціи народа, *невозможно* оставаться народу, не налагая на себя новыхъ цѣпей; что онъ не долженъ допускать не только императорскаго „быть по сему“, но и „быть по сему“ группы капиталистовъ — его естественныхъ враговъ. Если группы *сознательныхъ* социалистовъ-революціонеровъ вполнѣ усвоятъ невозможность довѣрять представителямъ капитала и сохранять старый общественный порядокъ, если они внушатъ это убѣжденіе массамъ, *сочувствующимъ* социальному перевороту, то новые цезари будутъ невозможны послѣ переворота, и въ этихъ сознательныхъ и сочувствующихъ группахъ будетъ достаточно подготовки, чтобы создать строй, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, будетъ несравненно выше нынѣшняго, а — главное — не будетъ въ себѣ заключать именно тѣхъ элементовъ монополіи, изъ которыхъ развилось самое большое количество современнаго зла.

Послѣдняя замѣтка. Мы никогда не вѣрили утопіи, будто соціальная революція должна произойти „общими усилиями всего человѣчества“, хотя, конечно, не думаемъ, чтобъ она могла восторжествовать въ „изолированной мѣстности“. Исторія пока зависитъ отъ Европы и части Сѣверной Америки; остальное же человѣчество въ счетъ неидетъ. На этомъ же пространствѣ „изолированныхъ мѣстностей“ нѣтъ, и соціально-революціонное движеніе готовится всюду, хотя разными способами. Можетъ весьма легко настать минута, когда противъ востанія крестьянъ на Волгѣ, на Днѣпрѣ, на Уралѣ не будетъ имѣть возможности двинуть свои войска князь Бисмаркъ, потому что городскіе рабочіе Саксоніи, Баваріи, Брауншвейга, Гамбурга *не дозволятъ* ему сдѣлать это. Нельзя ручаться, чтобы въ то же время и могучіе союзы Англіи, давно уже организованные, не захотѣли перейти отъ легальныхъ мѣръ къ нелегальнымъ. А въ подобную минуту неужели вы думаете не развернется красное знамя на берегахъ Сены? Неужели не поднимутся итальянскіе и испанскіе рабочіе, повидимому, организующіеся втайнѣ для революціи? Нѣтъ, на этотъ счетъ мы спокойны. Наши враги сильны и повсемѣстны, но соціально-революціонное движеніе дѣлаетъ успѣхи *всюду*, и съ каждымъ годомъ предстоитъ все менѣе опасности, чтобы соціально-революціонный варывъ, происшедшій гдѣ бы то ни было, остался „изолированнымъ“.

Изъ записокъ А. А. Петрова.

Отъ редакціи. — Александръ Алексѣевичъ Петровъ, казенный въ Петербургѣ по дѣлу о взрывѣ на Астраханской улицѣ, оставилъ въ рукахъ товарищей подробныя записки о своихъ сношеніяхъ съ Департаментомъ полиціи и съ охраной, сношеніяхъ, которыя онъ началъ хотя и безъ вѣдома товарищей, но съ исключительной цѣлью отомстить охранѣ путемъ контръ-провокаціи за азефщину.

Записки эти, представляющія крупный общественный и историческій интересъ и вскрывающія всю тайную и до сихъ поръ мало извѣстную систему правительственной провокаціи, появились недавно отдѣльнымъ изданіемъ. Мы приводимъ здѣсь ту часть записокъ, которая относится къ саратовскому періоду, т. е. къ тому времени, когда заключенный въ саратовской тюрьмѣ по одному дѣлу съ Миноромъ, Петровъ сдѣлалъ первые шаги на пути придуманнаго имъ плана контръ-провокаціи.

О самомъ дѣлѣ Петрова мы подробно писали въ „Общемъ Дѣлѣ“ (№ 3) и возвращаться здѣсь къ характеристикѣ и оцѣнкѣ его считаемъ излишнимъ. Излишне было бы также дѣлать какія либо комментаріи къ печатаемымъ нами запискамъ, отличающимся большой детальностью и воспроизводящимъ, по словамъ Петрова, съ подлинной точностью разговоры, которые онъ вѣлъ съ охранниками. Предполагая въ Петровѣ уже вполне предавашагося имъ челоуѣка, охранники говорили съ нимъ со всей откровенностью и раскрыли ему очень много изъ того, что необходимо знать всѣмъ революціонерамъ о тайнахъ все-россійской провокаціи.

Замѣтимъ лишь, что имѣя въ виду появленіе уже полностью записокъ Петрова отдѣльнымъ изданіемъ, мы сочли возможнымъ сдѣлать въ печатаемой нами части нѣкоторыя сокращенія.

... Прошло немного дней — меня вызываютъ въ жандармское. Проводятъ въ кабинетъ полковника; кромѣ него, тамъ никого. Остаемся одни. Отвѣчаю на привѣтствіе. Сажусь.

— Ваше положеніе теперь опредѣлилось вполне, и для васъ самихъ оно тоже совершенно ясно, такъ я и хочу съ вами поговорить объ этомъ прямо и откровенно. Мнѣ ротмистръ передалъ вашъ разговоръ съ нимъ, и теперь, когда вы подумали, какъ слѣдуетъ, о многомъ, я думаю, что мы можемъ разговаривать съ большей откровенностью и опредѣленностью...

— Я съ вами, полковникъ, помните, говорилъ однажды вполне откровенно и серьезно, но теперь...

— Ха, ха, ха! Вы предыдущіе официальные разговоры принимаете за настоящую монету?! Ха, ха, ха! Это были оф-

официальные шаги, которые необходимо было сделать, чтобы свободно продолжать наши прежние переговоры.

— Что у вас нужно принимать за настоящую монету: официальные ли допросы, или такие, как сейчас, разговоры, если это только разговоры, а не заигрывания? Я не хочу двойной игры и хитраго дипломатничанья, я могу говорить только безхитростно и прямо, и всё ваши заигрывания мнѣ противны.

— Какъ вы не хотите понять, что я работаю не одинъ, что намъ, жандармамъ, ставятъ всевозможныя препятствія, стѣсняють свободу дѣйствій, все время приходится работать подъ контролемъ прокуратуры. Тѣ официальные шаги я долженъ былъ сделать, иначе нельзя. И то я массу энергій затратилъ на то, чтобы обставить ваше положеніе возможно лучше, чтобы намъ можно было, не стѣняясь ничьего вмѣшательства, разговаривать и обсуждать сообща ваше положеніе, чтобы могли прійти къ обоюдному соглашенію. Вы сами виноваты въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше усложняется ваше положеніе и все больше и больше препятствій къ ликвидированію вашего дѣла келейнымъ способомъ — только между нами. Вы упорно не хотѣли намъ открываться, пока мы это сами не установили.*) Скажи вы это раньше, мы бы не стали и дѣлать запроса о васъ никуда, слѣдовательно — не были бы связаны въ своихъ дѣйствіяхъ ни съ какими другими учрежденіями, и если бы пріишли къ соглашенію, такъ выслали бы васъ административно куда-нибудь, откуда бы вы могли свободно бѣжать, и дѣло бы съ концомъ. А теперь оно такъ запуталось, — что самъ чортъ не разберется! Но не скажу, что дѣло непоправимо. Поправить еще пока можно, если вы опять не будете его затягивать.

— Будемте, полковникъ, говорить, дѣйствительно, откровенно и прямо, безъ всякихъ обиняковъ, и называть вещи ихъ собственными именами.

— Я именно этого и желаю.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Не смотря на то, что вы старше меня, опытиѣе въ своихъ дѣлахъ и можете очень умно вести ихъ, можете очень умно и хитрить, но я заявляю вамъ, что я васъ нисколько не боюсь, не опасаясь вашей и хитрости и всевозможныхъ ходовъ и подходовъ, потому что и я увѣ-

*) Арестованный въ Саратовѣ въ Январѣ 909 г., Петровъ, убѣжавшій за годъ до этого изъ Вятской тюрьмы, называлъ себя Филатовымъ. Справедливо предполагая въ немъ нелегальнаго «боевика», — на что указывали его израненныя ноги, — саратовскіе жандармы пытались всякими мѣрами установить его личность. Сначала они предложили въ немъ разыскиваемое ими лицо по имени Лещатникова. Затѣмъ, по фотографической карточкѣ, они приняли его за бѣжавшаго съ каторги бывшаго офицера Севастопольскаго гарнизона, Андрея Исенко. Такъ какъ Петровъ не возражалъ, то жандармы окончательно утѣривали въ то, что онъ — Исенко. На это именно намекаетъ въ разговорѣ полковникъ, начальникъ саратовскаго жандармскаго управления Семигановскій.

ренъ въ себѣ, увѣренъ, что вы своимъ всевозможнымъ хитрымъ политиканствомъ никакого вреда все равно не причините, не удастся вамъ этого, т. к. я иду безъ всякой задней мысли, прямо, открыто, и это то отсутствие желанія хитрить съ вами меня и спасаетъ, выносить изъ всѣхъ затрудненій. И теперь, не смотря на такое, совершенно незаслуженное мной, отношеніе ваше ко мнѣ, несмотря на дипломатичанье и политиканство, которое меня глубоко обижаетъ, я, несмотря на все это, готовъ говорить съ вами, по прежнему, вполне откровенно и серьезно, если и съ вашей стороны увижу дѣйствительную откровенность и прямоту.

— Если такъ, то извольте, — да, я хитрилъ съ вами, потому что не былъ увѣренъ въ искренности вашей. Насъ не разъ надували, вы это знаете...

— Да, знаю, знаю и то, что и вы въ свою очередь не мало надували нашего брата, кто легко поддавался на вашу удочку. Вы не обижайтесь, — мы будемъ говорить совершенно откровенно.

— Отлично! Всѣ предисловія, слѣдовательно, въ сторону, и прямо къ дѣлу.

— Начинайте!

— Вотъ что, въ виду того, что мы, наконецъ, можемъ вести чисто дѣловой разговоръ, безъ всякихъ сантиментальничаній и предисловіій, такъ я хотѣлъ бы пригласить для участія въ нашемъ разговорѣ начальника здѣшняго охраннаго отдѣленія.

— Зачѣмъ это? развѣ я не могу дѣло закончить только съ вами? вѣдь, знать меня не должны многіе, потому что...

— Знаю, знаю, но вотъ именно съ нимъ то вы и должны будете разсуждать обо всемъ, а не со мной. Онъ завѣдуетъ этимъ, а не я. Онъ здѣсь вотъ, въ сосѣдней комнатѣ, я его сейчасъ позову.

— Подождите, подождите, полковникъ! Я долженъ сказать, что я вступать въ какія либо соглашенія иначе ни съ кѣмъ не желаю, какъ только съ петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ, и разговаривать съ начальникомъ здѣшняго охраннаго отдѣленія мнѣ собственно не о чемъ и не для чего. А я просилъ бы васъ меня отправить въ Петербургъ для переговоровъ съ петербургскимъ охраннымъ или же вызвать начальника его сюда.

— Вотъ даже и для разрѣшенія этого вопроса вы и должны переговорить именно съ нимъ, а не со мной.

— А вы этого сдѣлать не можете?

— Не могу... Позвать?

— Ну, что жъ, зовите...

Входитъ средняго роста прилично одѣтый въ штатское го-
сподинъ лѣтъ 35, шатень, съ бородкой клинышкомъ, волосы
подъ гребенку, — юркій, живой, глаза маленькіе, хитрые, хитрые.

Ну, думаю, съ нимъ нужно держать ухо востро. Здоровается сразу же за руку. Рекомендуемся другъ другу, я — какъ Филатовъ, онъ — какъ ротмистръ Мартыновъ, начальникъ саратовскаго охраннаго отдѣленія.

Онъ сразу же приступаетъ къ „дѣлу“.

— Всѣ предисловія уже закончены вами съ Владимиромъ Конст...

— Съ кѣмъ?

— А вотъ съ полковникомъ — Владимиромъ Константиновичемъ. И со мной вы будете, слѣдовательно, говорить уже какъ свой съ своимъ. Не правда ли, — такъ?

— Да, если вы общаетесь, если на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно, будете говорить со мной, какъ говорится, безъ всякихъ подходовъ, а прямо и откровенно.

— Скажу вамъ — иначе намъ и разговаривать невозможно. Если съ вами до сихъ поръ Влад. Конст. говорилъ не совсѣмъ откровенно, какъ вы выражаетесь, — съ подходцемъ; хе-хе-хе! такъ это онъ долженъ былъ сдѣлать, и, во всякомъ случаѣ, это его дѣло... Согласитесь, что и вы, вѣдь, не сразу же намъ довѣрились, такъ что наши взаимныя, но скажу неизбѣжныя недораумѣнія вполнѣ понятны и теперь, какъ я вижу, вполнѣ улажены. А о нашемъ довѣрїи можете судить по одному тому, что вы разговариваете со мной. А это я дѣлаю не со всякимъ, и съ тѣмъ, къ кому у насъ есть малѣйшее недоувѣріе, я разговаривать не стану. Итакъ, — мы предлагаемъ вамъ давать намъ кое-какія свѣдѣнія о дѣлахъ партїи, а вы, слѣдовательно, *принимаете* это предложеніе и ставите намъ свои требованія и условія. Вотъ объ этомъ то мы и поговоримъ сейчасъ.

— Мнѣ кажется, вы нѣсколько неправильно поняли полковника, со словъ котораго вы дѣлаете такой выводъ о характерѣ предстоящаго между нами разговора.

— Какъ такъ? Позвольте...

— Я изъясилъ согласіе на сдѣланное мнѣ предложеніе сотрудничать въ охранномъ, это совершенно вѣрно, но, вѣдь, я говорилъ, что желаю войти въ соглашеніе и вести переговоры о немъ съ петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ, а съ вами хотѣлъ говорить только о предоставленїи мнѣ возможности говорить съ начальникомъ его, и только.

— Слѣдовательно, вы хотѣли бы работать въ Петербургѣ. А почему бы вамъ не работать у насъ, въ Поволжьѣ? Вы Поволжье уже знаете, васъ здѣсь тоже знаютъ, людей здѣсь нѣтъ изъ видныхъ партійныхъ работниковъ, такъ что вы съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Петербургѣ, могли бы рассчитывать на болѣе видную роль въ организаціи и, слѣдовательно, болѣе солидныхъ свѣдѣнія можете давать намъ. А чѣмъ солиднѣе свѣдѣнія, тѣмъ солиднѣе за нихъ и вознагражденіе. Если ужъ служить, такъ, по моему, служить по настоящему, и нужно извлечь изъ своего положенія наибольшую пользу для своей

жизни. Мы даже помогли бы вамъ создать партійную карьеру. Вотъ, на примѣръ, въ концѣ марта мѣсяца за границей собирается съѣздъ представителей отъ всѣхъ партійныхъ болѣе или менѣе крупныхъ организацій, такъ вы могли бы быть делегированы туда отъ Поволжья. Вотъ вамъ и карьера! А претендентовъ на такого делегата, конкурентовъ вашихъ вы укажете намъ, а мы ихъ своевременно удалимъ, если они будутъ мѣшать вамъ, а тѣхъ, которые будутъ поддерживать васъ, мы оставимъ, даже если они и арестованы, такъ мы ихъ можемъ освободить на то время, пока они будутъ нужны вамъ. Въ вознагражденіи мы тоже не постоемъ. Вы будете и нами довольны, если сумѣете дѣйствовать подъ нашимъ руководствомъ. Ну, что на это скажете?

— Видите ли, вступая въ соглашеніе съ вами ли — съ здѣшнимъ охран. отдѣлен., съ другимъ ли какимъ, все равно. — я говорю вамъ прямо, — что дешево я себя не продамъ! Я цѣну себѣ знаю! На мелкую роль я не пойду! Скажу еще, что я ищу не только матеріальной выгоды, но и личнаго внутренняго удовлетворенія. Я довольно самолюбивъ и не желаю быть какой-нибудь мелкой сошкой, а хочу предоставленія мнѣ права широкой инициативы и проявленія самостоятельности. Потомъ, мои требованія отъ васъ, отъ охран. отдѣленія, таковы, что врядъ ли будутъ удовлетворены вами, и условія работы таковы, что врядъ ли могутъ быть приемлемы вами.

— А вотъ, вы скажите намъ эти условія и требованія, тогда мы и посмотримъ, — могутъ быть они удовлетворены или нѣтъ, а пока вѣдь мы ихъ еще не знаемъ.

— Моя сфера дѣятельности — боевая, и именно въ этой области я и могу всего скорѣе занять въ партіи видное мѣсто, а если это такъ, то правительству всего важнѣе освѣдомленность именно о террористической дѣятельности партіи и въ особенности — освѣдомленность о планахъ проведенія „центрального“ террора. А ближе всего и, кажется, исключительно этимъ занято именно петербургское охранное отдѣленіе.

— Но вѣдь боевая дѣятельность партіи не ограничивается только проведеніемъ центрального террора. Террористическую дѣятельность теперь она намѣрена развить особенно широко, такъ почему бы вамъ не занять постъ отвѣтственнаго руководителя всей боевой дѣятельностью въ Поволжья? Согласитесь. что здѣсь то вы и могли бы быть наиболее независимы и здѣсь болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, вамъ предоставлена будетъ возможность проявить инициативу и самостоятельность. Ей-богу, мнѣ думается, здѣсь, въ Поволжья, вы скорѣе всего могли бы сдѣлаться своего рода генераломъ.

— Такъ то это такъ, но я скажу вамъ прямо, что я и теперь именно съ такими полномочіями и пріѣхалъ сюда изъ за границы, такъ что мнѣ нечего добиваться того, про что вы говорите, — я есть завѣдующій всей боевой дѣятельностью

партии въ Поволжьи. Мнѣ не хотѣлось бы здѣсь оставаться еще и потому, что я вступаю съ вами въ соглашеніе изъ за идейныхъ стремленій, изъ желанія способствовать скорѣйшему уничтоженію партіи и этимъ дать возможность возникнуть новой. А наиболѣе сильные и вѣрные удары партіи можно нанести именно въ ея боевомъ стремленіи провести центральный терроръ. Пусть я тамъ не сразу займу видное положеніе, не сразу приобрету довѣріе Ц. К-та, но довѣріе я приобрету скоро, и, слѣдовательно, моя освѣдомленность будетъ широкая вскорѣ же. А, вѣдь, охранному отдѣленію нужно именно это, т. е. широкая освѣдомленность, а не отвѣтственное и видное положеніе.

— Даже еще лучше, если, не занимая отвѣтственнаго положенія, удастся быть хорошо освѣдомленнымъ. Но возможно ли это?

— Вотъ именно возможно! У насъ, какъ обыкновенно происходитъ въ организаціяхъ-то? Кумовство, своего рода именно кумовство между товарищами по организаціи, и они между собой говорятъ о вещахъ, которые ни въ коемъ случаѣ не нужно было бы сообщать другъ другу, а говорятъ просто потому, что вѣрятъ другъ другу, даже до извѣстной степени любятъ другъ друга. Да, наконецъ, и тамъ мнѣ развѣ не поможетъ охранное сдѣлать карьеру въ партіи. Если же вы предлагаете это и считаете возможнымъ продѣлать такую штуку, такъ и тамъ тоже возможно сдѣлать, даже еще скорѣе чѣмъ здѣсь можетъ упрочиться мое положеніе въ партіи.

— Вы говорите все это такъ, какъ будто уже имѣли дѣло съ охраннымъ отдѣленіемъ. Вамъ извѣстна обоюдная тактика въ этихъ случаяхъ.

— А почему вы думаете, что я не служилъ раньше въ охраннымъ?

— А вы думаете мы и не справлялись объ этомъ. И если бы служили вы раньше, такъ не вели бы себя, какъ всякій новичекъ, да и мы бы разговаривали съ вами иначе. А то, что вы приблизительно знаете технику работы въ охраннымъ, такъ это доказываетъ, что вы безъ всякихъ съ нашей стороны намековъ и вообще безъ лишнихъ разговоровъ понимаете, что именно *намъ* нужно отъ васъ и что *вы* можете получить отъ насъ. А это значительно упрощаетъ наши переговоры. Вотъ, если бы вы все это изложили на бумагѣ, такъ въ случаѣ, если бы намъ предварительно нужно было охарактеризовать васъ предъ петербургскимъ охраннымъ отдѣленіемъ, изложенное вами же было бы далеко лучше всевозможныхъ вашихъ отзывовъ о васъ, къ тому же и самой вѣрнѣйшей характеристикой, а мы можемъ, пожалуй, нѣсколько перефразировать, или какъ нибудь измѣнить смыслъ вашихъ словъ и получится уже совсѣмъ не то. Какъ вы находите, Влад. Конст., — обращается онъ къ полковнику, — по моему гораздо лучше было бы,

если бы онъ свои взгляды на работу изложилъ письменно?

— Я тоже нахожу, что это было бы самое лучшее. Чѣмъ намъ здѣсь тратить время по-пустому, мы лучше поговоримъ теперь такъ о чемъ нибудь, а вы тамъ въ тюрьмѣ изложите письменно все, что касается вашихъ взглядовъ на характеръ совмѣстной съ нами работы, а теперь мы могли бы перейти ко мнѣ на верхъ, тамъ расположиться можно уютнѣе...

Я сижу и хохочу. Смотрю на нихъ, не двигаясь съ мѣста.

— Вы чего?

— Жду продолженія вашей игры...

— Игры?!... удивился полковникъ.

— Полковникъ, полковникъ, вѣдь, вы общались бросить это, не дурачить себя, потому что меня то вы не одурачите. Говорили бы прямо, что намъ, молъ, нужна документальная гарантія въ томъ, что вы, — т. е. я, — не надуваю васъ, что все, что я говорю — не фразы только, а дѣйствительно серьезные мои убѣжденія...

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ вы опять насъ въ чемъ то подозреваете, бросьте свои подозрѣнія. Никакихъ намъ реальныхъ гарантій не нужно отъ васъ. Вы свою запись всегда можете потребовать обратно, мы не задерживаемъ ее силой.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, меня, ей-Богу, начинаетъ раздражать ваше убѣжденіе моей не то наивности, не то глупости. Смѣшно говорить мнѣ и выслушивать вамъ то, что я сейчасъ скажу. Допустимъ, я написалъ такую программу или взгляды на совмѣстную съ охран. отдѣленіемъ работу и вотъ сейчасъ отдалъ вамъ, а потомъ поднялся на верхъ въ вашу квартиру, покутилъ тамъ, а къ утру отправился бы въ тюрьму. И что же? Вы же бы, хохоча надо мной, называли бы меня дуракомъ, идиотомъ, и я увѣренъ, что отъ желанія со мной работать, отказались. Къ чему вамъ такіе болваны. Они если и возьмутся за такую работу, такъ съ первыхъ же шаговъ провалятъ и васъ и себя. Дай я вамъ такой документъ теперь, я, на вашемъ мѣстѣ, послалъ бы меня ко всѣмъ чертямъ и дѣло съ концомъ, или нѣтъ, велѣлъ бы выпоротъ сначала, а потомъ бы послалъ къ черту.

— Зачѣмъ, зачѣмъ, что вы...

— Нѣтъ, вы не перебивайте и не скрывайте своихъ намѣреній, если вы ужъ такъ плохо замаскировали ихъ. Допустимъ, что вотъ сейчасъ уже у васъ имѣется такой документъ отъ меня. Какъ бы вы стали со мной разговаривать?!...

Оба смущенно переглядываются.

— То-то же и есть. Пожалуй, къ верху то и не позовали бы, а...

— Слушайте, — говоритъ начальн. охран. отдѣлен., — нельзя же ужъ такъ объяснять наши намѣренія. Помилуйте, за кого

же вы насъ принимаете? Ну, скажите прямо, подлецы что-ли мы, чтобы такъ поступать, какъ вы заподозрили?...

— Я не говорю, что — подлецы, но прошу васъ бросить эти заигрыванія, если вы, дѣйствительно, серьезно хотите меня имѣть въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Повторяю, что если я еще разъ замѣчу неискренность и двойственность или подходецъ подь меня съ вашей стороны, такъ я безъ всякихъ объясненій плюну и уйду отъ васъ и ужъ ни разу въ жизни не рѣшусь разговаривать по-человѣчески съ жандармами и охранниками.

— Bravo, bravo, bravo! — срываясь съ мѣста, хватая меня за руку и крѣпко пожимая ее, говоритъ начальн. охран. отдѣлен. Мартыновъ. Теперь мнѣ больше не нужно отъ васъ ничего, никакихъ гарантій, ни подробныхъ разсказовъ о себѣ и о томъ, какъ вы пришли къ рѣшенію работать совмѣстно съ нами. Я теперь убѣжденъ, что вы серьезно хотите работать, а не такъ, какъ другіе, которые легко бросаются на всякое удовольствіе и стараются только извлечь пользу изъ насъ, а потомъ катая за-границу и забываютъ о насъ.

— А оставленный документъ?

— Документъ! Да вы что? Неужели мы его можемъ предъявлять куда-нибудь? Ни за что! Иначе развѣ стали бы отпираться къ намъ съ довѣріемъ другіе. Вотъ, напри-мѣръ, вы?

— Я? Я не знаю, а про себя скажу вамъ слѣдующее: никакихъ документовъ вы отъ меня не получите, ни теперь, ни послѣ, — ни въ видѣ писемъ, ни въ видѣ денежныхъ расписокъ. Вы хотите имѣть документъ, который давалъ бы вамъ надо мной право, т. к. угрожая опубликованіемъ такого документа, вы можете меня заставить работать у себя. А этого я не хочу. Я хочу работать свободно, безъ всякихъ принужденій и угрозъ. Буду работать такъ, какъ захочу, и столько, сколько захочу. Проработаю годъ — ладно, проработаю — два, пять лѣтъ — прекрасно. Захочу отдохнуть, уйти и отъ партійныхъ дѣлъ и отъ васъ, — уйду. Или, быть можетъ, захочется уйти только отъ васъ, — тоже, не стѣняясь и ничего не боясь, уйду. Я это вамъ говорю прямо и совершенно откровенно. Прямо же говорю и то, что я вступаю съ вами въ соглашеніе совершенно свободно и работать хочу съ вами тоже свободно, безъ всякаго давленія. Теперь скажите мнѣ: принимается это мое условіе?

— Разумѣется, можно и безъ всякихъ документовъ обойтись, особенно сейчасъ, но впослѣдствіи то придется же, напри-мѣръ, письма къ намъ писать. Иначе, какъ же будете сообщенія дѣлать? Положимъ, что и это возможно устранить. Я, напри-мѣръ, могу періодически пріѣзжать видѣться съ вами или другой кто.

— Нѣтъ, не хорошо и то, если меня многіе изъ вашихъ бу-

дуть знать, могут провалить скоро, я больше чѣмъ съ однимъ человѣкомъ дѣлать имѣть не буду. А письма? письма очень опасная вещь. Чертъ ихъ знаетъ, кому они могутъ попасть въ руки. А вотъ у васъ, вѣдь, и Лопухины и Бакаи и т. п. личности есть, такъ что скомпрометировать меня могутъ легко. А, вѣдь, я вамъ только тогда и цѣненъ, пока мое положеніе въ партіи прочно. На кой чортъ я вамъ буду нуженъ, если мои сношенія съ вами будутъ замѣчены? Проваль въ партіи влечетъ за собой конецъ моего сотрудничества у васъ. Куда же мнѣ тогда дѣваться? Нѣтъ, вы если хотите умно дѣйствовать, такъ всѣми силами должны охранять меня отъ всего того, что можетъ повести за собой мой провалъ въ партію. Чѣмъ меньше у васъ моихъ документовъ о моемъ сотрудничествѣ, тѣмъ на большее время вы обезпечиваете себя моимъ сотрудничествомъ. Не правда-ли? .

— Конечно, правда, но вотъ теперь - то нужно намъ чтонибудь имѣть, чтобы чтонибудь представить о васъ въ Петербургское охран. отд. Вѣдь оно потребуетъ это отъ насъ, а иначе, — я увѣренъ, — оно не захочетъ и вступать съ вами въ переговоры, — говоритъ полковникъ.

— Вотъ что, Вл. Конст., — говоритъ Мартыновъ полковнику, — быть можетъ переговоры съ Петерб. охр. отдѣленіемъ вести и не нужно будетъ. Быть можетъ, вы, — обращается ужъ онъ ко мнѣ, — еще и согласитесь работать у насъ, въ Поволжьи. Я совершенно съ вами согласенъ, что вы въ дѣлахъ боевыхъ всего скорѣе могли бы выдвинуться въ партію и оказывать цѣнныя услуги намъ именно въ Петербургской боевой организаціи партіи, но, чтобы занять тамъ возможно скорѣе подобающее положеніе, вамъ именно необходимо сначала себя зарекомендовать у насъ, здѣсь въ Поволжьи. Здѣсь вы приобретете цужую репутацію и даже славу безъ всякаго риска для себя, мы васъ сумѣемъ охранить отъ всякаго рода случайностей, а роль исполнителя вы и сами не возьмете, у васъ будутъ въ вапемъ распоряженіи другіе. И вотъ тогда-то вамъ и можно будетъ безъ всякихъ усилій занять роль руководителя въ Петербург. боевой организаціи... Повторяю, что въ вашихъ же интересахъ вамъ выгоднѣе поработать сначала у насъ.

— Я тоже такъ думаю, — говоритъ полковникъ, — здѣсь вы сами заставляете другихъ работать, а тамъ наоборотъ — будутъ заставлять васъ, особенно сначала. А чертоломить-то вамъ, поди, и надоѣло и безъ этого. Мы уже до нѣкоторой степени знаемъ другъ друга, говорить можемъ по-просту, не нужно ни съ кѣмъ инымъ знакомиться изъ нашихъ. А что касается вашего освобожденія, такъ это устроить для насъ ничего не стоитъ. Вышлемъ васъ куданибудь административно, ухватить откуда вы сумѣете. Вотъ и все.

— Это все такъ, и я, пожалуй, долженъ признать, что дѣй-

ствительно, лучше будетъ, если я вначалѣ поработаю въ Поволжьи, а не сразу въ центральную боевую организацію войду. Да, вы правы. Мнѣ нужно сначала зарекомендовать себя здѣсь. Кстати и условия - то работы достаточно знакомы мнѣ. Я, вѣдь, кое что уже здѣсь приготовилъ.

— Какъ, что? — говоритъ Мартыновъ.

— Что именно вы приготовили? — спрашиваетъ полковникъ.

— Вѣдь, я уже и сюда - то изъ за - границы ѣхалъ, собственнo говоря, не соц.-револ., а вѣрнѣе — авантюристомъ.

— Это страшно интересно!

— Поясните намъ... — почти въ одинъ голосъ говорятъ они.

— Что же тутъ пояснять? Я уже и изъ за - границы приѣхалъ съ опредѣленной цѣлью, а именно — нажиться. Устроить солидную экспроприацію, прикарманить тысячъ 50, а потомъ ѣхать въ Америку и жить тамъ припѣваючи.

— Ха, ха, ха!

— Хе, хе, хе! Ловко, это ловко! Вторымъ Бѣленцовымъ хотѣли быть! Хе, хе, хе!

— Да такъ же, какъ и онъ, влопаться съ деньгами... — замѣчаетъ полковникъ.

— Нѣтъ! — говорю я, — я бы такой глупости не сдѣлалъ. Деньги взять не хитро, но нужно сумѣть умно скрыть и умѣло ими пользоваться. А Бѣленцовъ что? Дуракъ, форменный дуракъ! Нѣтъ, ужъ извините, если я возьму деньги, такъ использовать то ихъ сумѣю, не беспокоитесь! Комаръ носу не подточить!

— И на старуху бываетъ проруха! — промовиль Мартыновъ.

— Вотъ въ томъ то и штука, что я — не старуха.

— Ха, ха, ха, ха!

— Хе, хе, хе!.. — Въ чемъ же заключались ваши приготовления?

— Ну, это долго рассказывать.

— И люди уже приготовлены были?

— Да, да...

— Тамъ, пожалуй, они могутъ привести это намѣреніе въ исполненіе и безъ васъ, въ вашемъ отсутствіи?

— Пожалуй и могутъ. Но это не скоро, не беспокоитесь! Захотите, такъ получите предупрежденіе объ этомъ во время.

— Нѣтъ, слушайте, нельзя ли, не можете ли вы сообщить это сейчасъ? Это же намъ страшная неприятность! Вы скажите намъ сейчасъ, — заерзавъ на стулѣ, просить Мартыновъ. А полковникъ добавляетъ:

— Мы можемъ и не арестовать указанныхъ вами лицъ сейчасъ, а просто вы намъ дадите только указанія, чтобы мы могли своими силами прослѣдить и предупредить эту экспроприацію, все равно она уже, вѣдь, не интересна вамъ теперь, а намъ - то это большая неприятность. Къ тому же вы, такъ давно не будучи на волѣ, не можете съ увѣренностью говорить, что она совершится не скоро?

— Нѣтъ, я имѣю сношенія съ волей и знаю положительно о каждомъ шагѣ оставшихся на волѣ моихъ товарищей.

— Ну, будто-бы... — сомнѣвается полковникъ.

— Какъ же вы сообщаетесь съ волей? — спрашиваетъ одновременно Мартыновъ.

— Очень просто. Будто вы ужъ и не знаете, что, не смотря на дьявольскій режимъ въ здѣшней тюрьмѣ, мы всетаки умудряемся такъ или иначе сноситься съ волей. Для того существуетъ масса способовъ, и чѣмъ режимъ суровѣе, тѣмъ способъ сношенія съ волей хитрѣе и строже замаскированъ.

— Но, вѣдь, вы свиданіями ни съ кѣмъ не пользуетесь, следовательно, вамъ передаютъ черезъ другихъ на словахъ...

— Нѣтъ, такія вещи развѣ можно разглашать среди многихъ и даже не посвященныхъ въ это дѣло. Нѣтъ, у меня имѣются письма.

— Даже!

— Вотъ какъ! — восклицаютъ они одновременно.

— Ну, объ этомъ послѣ. Такъ вотъ я вамъ говорю, что и изъ за-границы я пріѣхалъ сюда уже не кѣмъ либо инымъ, а авантюристомъ, и, если бы могъ рассчитывать на ваше добросовѣстное ко мнѣ отношеніе, такъ мы разговаривали бы вотъ такъ, какъ сейчасъ, много раньше бы, даже съ первыхъ же дней моего пріѣзда сюда.

— Напрасно, очень напрасно такъ не сдѣлали вы! — говорить полковникъ. А Мартыновъ горячо подхватываетъ эту фразу полковника и говоритъ:

— Даже очень напрасно! И откуда, съ чего, на какомъ основаніи у васъ недовѣріе къ намъ? Неужели вы не понимаете, что партійные сотрудники намъ цѣнны, безъ нихъ, вѣдь, какъ говорится, хоть лавочку прикрывай, безъ нихъ мы безсильны...

— Однако, — вставляю торопливо я, — почты, телеграфы, телефоны, армія тайной и явной полиціи, деньги... и т. д.

— Да что-жъ изъ этого? Телеграфы, полиція, деньги — хе, хе, хе, хе,—да вотъ, однако, не смотря на все это... — разводя руками и дѣлая головой жестъ, давая понять безнадежность положенія, говоритъ Мартыновъ.

— Эхъ, чортъ возьми, да будь такая организованная сила у партіи!

— Э-э-э, батенька мой! — перебивая меня, говоритъ Мартыновъ, — если бы у партіи..., вотъ въ томъ то и штука что для насъ и эта организованная сила — не сила..., а деньги? Деньги есть и у партіи. Для насъ цѣннѣе всего не эта организованная сила, не деньги, а указанія партійныхъ сотрудниковъ нашихъ. Вы это прекрасно понимаете, и меня удивляетъ, какъ вы могли колебаться сколько нибудь, если намѣренны были сотрудничать у насъ! Этого я не понимаю.

— Однако мои предположенія не совсѣмъ напрасны были?

— Оставьте, хотя теперь то ужь оставьте, ради Бога, говорить объ этомъ. Неужели вы еще не убѣдились, неужели и теперь еще не вѣрите намъ? — говоритъ полковникъ.

Мартыновъ снова горячо начинаетъ:

— И какъ вы могли предположить, что мы васъ достаточно не оцѣнимъ? Видный партійный дѣятель, а главное, боевикъ, и не рядовой какой нибудь, а представитель цѣлой боевой организации — предлагаетъ намъ свои услуги, а мы его, по вашему, сцапали и засадили въ тюрьму?! Да, что толку то намъ, что вы уйдете въ каторгу или будете повѣшены? Пользы намъ отъ этого ни на грошъ. Если бы вы согласились даже не на полное сотрудничество, а на періодическое, такъ и тогда бы мы встрѣтили васъ съ распростертыми объятями.

— Этого что-то я не вижу.

— Да, вѣдь, вы вотъ не сразу къ намъ пришли, а наоборотъ, мы зовемъ, зовемъ, тянемъ, тянемъ васъ, а вы все упираетесь. Повѣрьте, что такой человекъ, какъ вы, намъ очень цѣненъ. Указанія намъ изъ боевой дѣятельности партіи важнѣе всего. Мы цѣнимъ одно указаніе изъ области боевыхъ дѣлъ важнѣе цѣлаго ряда другихъ указаній изъ области пропаганды и агитаціи. Одно указаніе боевика намъ важнѣе цѣлаго года службы другого сотрудника изъ сферы агитаціонной работы партіи. Такъ что вы то во всякомъ случаѣ можете вполне рассчитывать на то, что вы то у насъ будете оцѣнены гораздо лучше, чѣмъ въ партіи. Хотя это мнѣ, собственно говоря, и не слѣдовало вамъ говорить, чтобы вы не были весьма требовательны къ намъ съ перваго же момента сотрудничества у насъ, но я рассчитываю на ваше благоразуміе и не думаю, чтобы вы стали злоупотреблять своимъ выгоднымъ положеніемъ, а наоборотъ — будете умѣрены, такъ какъ понимаете и сами, что мы васъ можемъ отблагодарить впоследствии гораздо щедрѣе, чѣмъ это можемъ сдѣлать вначалѣ. Ну-съ, такъ вотъ, давайте договоримся окончательно до чего нибудь определеннаго. Я вамъ снова говорю, что и мнѣ и Вл. Конст. очень было бы желательно, чтобы вы согласились работать именно въ Поволжьи съ нами вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, первое время, ну, а тамъ сами увидите.

— Хорошо! я согласенъ остаться въ Поволжьи, но вѣдь здѣсь мнѣ волей-неволей придется работать не только въ сферѣ боевой, но взять на себя и общеорганизационную работу, а этого мнѣ бы не хотѣлось.

— Не хочется, такъ и не берите, а заставляйте работать другихъ, есть, вѣдь, еще у васъ кое кто здѣсь.

— Конечно, есть, но недостаточно, такъ какъ потребность въ организаторахъ большая, дѣло требуетъ ихъ и требуетъ вездѣ, а людей у насъ не хватаетъ.

— Ну, это я думаю, — говоритъ полковникъ, — это мы можемъ обсудить и послѣ, а теперь, какъ сказать, общіе раз-

говору нужно довести до чего либо опредѣленнаго. Если разъ вы соглашаетесь съ нами работать, такъ должны вѣрить намъ во всемъ, безъ довѣрія къ намъ работать у насъ невозможно. Вы вотъ теперь же объясните намъ все о положеніи дѣлъ въ Поволжьи, мы это запишемъ, а вы подпишитесь, или сами все запишите и этимъ дѣлу будетъ положено начало. Безъ такого рода съ вашей стороны авансовъ мы освободить васъ не можемъ. Это вы сами понимаете, и все равно, рано или поздно, а придется же это сдѣлать, такъ чѣмъ время тянуть, такъ я вамъ вотъ это сейчасъ и говорю. Я дѣйствую прямо. Мы съ вами не маленькіе, и разводить разговоры намъ не пристало. Теперь вамъ ясно, что вы намъ нужны, что ваши услуги намъ очень важны и мы это цѣнимъ въ васъ, и что поэтому вы можете рассчитывать на гораздо большее по сравненію съ другими, что поладивъ съ вами окончательно въ смыслѣ принципиальнаго вашего согласія сотрудничать у насъ мы васъ освобождаемъ изъ тюрьмы, ну, а относительно денежнаго вознагражденія, надѣюсь, столкнемся. Вотъ дайте намъ письменное согласіе на это и дѣло съ концомъ, черезъ нѣсколько же дней вы будете высланы административно куда нибудь, а дѣло о васъ я постараюсь замять.

— Гм!..

— Эта подписка намъ нужна обязательно, безъ нея мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ принять на себя погашеніе вашего дѣла и освобожденіе васъ при попощи высылки. Если вы послѣ побѣга изъ ссылки, допустимъ, захотѣли бы отказаться отъ сотрудничества у насъ, такъ мы бы все равно не дали бы работать вамъ въ партіи. Если же вы выйдете изъ партіи, то тогда, конечно, и подписка ваша не при чемъ. Я ее тогда могу вамъ возратить обратно, ибо она и намъ не нужна. Давши подписку, вы должны или работать у насъ и въ партіи, конечно, или же, если захотите уйти отъ насъ, такъ должны будете уйти и изъ партіи. Мы ужъ больше работать тамъ не дадимъ однимъ безъ насъ. А посудите сами, что за дураки бы мы были, если бы освобождали только на слово! Вѣдь, и съ насъ тоже требуютъ отчетовъ и объясненій.

— Ну, такъ вотъ слушайте: я принимаю ваше предложеніе работать совмѣстно съ вами въ Поволжьи, но повторяю, что дешевле себя я не продамъ, я цѣну себѣ знаю, освобожденіе меня при помощи высылки я не считаю, что будто-бы вы этимъ что нибудь дѣлаете только для меня, ибо освобожденіе мое нужно вамъ настолько же, насколько и мнѣ, а вотъ я хотѣлъ бы знать каково матеріальное вознагражденіе было-бы мнѣ съ самаго начала? Это я долженъ узнать теперь-же, т. к. вы понимаете, что матеріальный расчетъ долженъ быть прежде всего. Я молодъ и не жилъ еще, а теперь хочу пожить, что называется, во всю.

— Такъ, такъ, а сколько же мы, Вл. Комст., можемъ предло-

жить ему въ мѣсяцъ? — спрашиваетъ Мартыновъ полковника. — Думаю, что ему-то мы можемъ предложить наибольше, что для насъ возможно. Получивъ утвердительный кивокъ головы полковника, Мартыновъ продолжаетъ: „рублей 300 въ мѣсяцъ мы можемъ предложить вамъ“.

— 300? Только-то?! — А самъ, въ дѣйствительности, былъ пораженъ, что они такъ много мнѣ могутъ обѣщать. Если такъ много обѣщаютъ, такъ это значить одно изъ двухъ: или они мнѣ только обѣщаютъ столько, а потомъ надуютъ и сбавятъ, или же значить я имъ на самомъ дѣлѣ предствляю очень нужный источникъ для получения свѣдѣній. Въ томъ и въ другомъ случаѣ мнѣ не нужно показывать вида, что я такую сумму нахожу солидной. Нужно, думаю себѣ, убѣдиться, если я имъ *очень* нуженъ, такъ нельзя ли отъ нихъ сразу-же вытянуть что либо больше, чѣмъ то, что они сами даютъ. Рѣшимъ, что называется, раскусить ихъ и узнать, чѣмъ собственно вызвано такое солидное обѣщаніе, а потому продолжаю: „300 руб., да вы что, господа, неужели 300 руб. считаете крупной суммой?“

— Послушайте, сумма эта сама по себѣ не маленькая, да и вы, вѣдь, жить-то, собственно говоря, будете на партійный счетъ, такъ что эти деньги вы будете откладывать про запасъ, за годъ это вѣдь составитъ 3600 рублей, а это, вѣдь, не маленькія денежки. Да и при томъ, это только вначалѣ, а потомъ вы будете получать больше, и, кромѣ того, будутъ еще наградные. Такъ что года черезъ 3—4 у васъ составитъ цѣлое состояніе.

— Да вы что думаете? что я эти 3—4 года намѣренъ жить аскетомъ, что-ли, чортъ возьми! Я, вѣдь, и къ вамъ то поступаю ради того, чтобы имѣть возможность пожить въ свое удовольствие, а этихъ несчастныхъ 300 руб. развѣ достаточно будетъ для меня!

— Вотъ вы, что называется, и пролетѣли бы по вѣтру. Развѣ вамъ удобно будетъ на глазахъ у товарищей шиковать? они васъ, во-первыхъ, любить не будутъ, во-вторыхъ, заподозрятъ — откуда дескать у него деньги берутся на такіе расходы, вотъ вамъ и капутъ.

— На глазахъ у товарищей я, конечно, не сталъ бы шиковать, можно кутить и такъ, что никто изъ товарищей не увидитъ и не узнаетъ. Развѣ я до сихъ-то поръ не устраивалъ кутежи, а, однако, объ нихъ никто ничего не знаетъ.

— Конечно, можно кутить и такъ, что не узнаютъ объ этомъ тѣ, кто не долженъ этого знать, — говоритъ Мартыновъ; — такъ не каждый же день будете устраивать ихъ, а периодически. Даже не каждый мѣсяцъ, такъ что 300 р., во всякомъ случаѣ, вамъ должно хватить. Да вѣдь, повторяю, это только вначалѣ 300 р., а потомъ, если вы оправдаете наши надежды на васъ, такъ безусловно эта сумма будетъ увеличена. А надежды на васъ у насъ большія. Боевое дѣло партіи насъ

интересуетъ больше всего и прежде всего.

А полковникъ добавляетъ:

— А освобожденіе ваше изъ тюрьмы вы ставите ни во что? Это вѣдь, тоже не шутка! Намъ многое, очень многое нужно будетъ сдѣлать, прежде чѣмъ васъ послать въ ссылку. Вы вѣдь, арестованы не одинъ, вотъ въ чемъ бѣда! Вы того и не подумаете, что если-бы мы васъ выслали одного, а другихъ бы продолжали держать въ заключеніи, такъ развѣ это никому бы не показалось подозрительнымъ? Сразу же бы заподозрили, что тутъ что-то не просто! Вы, вѣдь, арестованы вмѣстѣ съ Бартольдъ, а о немъ изъ Казанскаго жандармскаго управленія вонъ какія вещи сообщаютъ..... Въ письмахъ, отобранныхъ у его жены, противъ него имѣется солидный матеріалъ, который подтвержденъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній, между прочимъ и той особой, которая писала эти письма. Такъ что, если бы даже матеріалъ, поступившій изъ Казанск. жанд. управленія, и можно бы было на время скрыть (и то замѣтите — на время, а совершенно его уничтожить или навсегда о немъ замолчать мы не можемъ, нельзя намъ), такъ вотъ если бы этотъ матеріалъ еще и можно бы съ великимъ трудомъ на время скрыть, такъ письма-то эти куда мы дѣнемъ? Вѣдь, они уже извѣстны и прокуратурѣ. Такъ что видите сами, что Бартольдъ засѣлъ крѣпко. У него чертъ знаетъ теперь, какъ можетъ оформиться дѣло, да не одно дѣло, а цѣлый рядъ дѣлъ: и экспроприаціи, и террористическіе акты, и типографіи и чертъ знаетъ, что такое..... Это такая каша, такая каша, что онъ самъ запутается въ ней. Такъ что, видите, каково онъ не только скомпрометированъ, а какъ крѣпко запутанъ. А вы арестованы вмѣстѣ съ нимъ, такъ что теперь, до суда, положеніе ваше должно считаться одинаковымъ, даже и въ томъ случаѣ, если мы весь о васъ матеріалъ, поступившій изъ Севастопольскаго жандарм. управленія*), и попридержали бы у себя. Выходитъ, что высылать однихъ васъ нельзя, чтобы не скомпрометировать васъ и не навлечь на васъ подозрѣнія среди товарищей. Это, вѣдь, и намъ не выгодно. Вы для насъ тѣмъ цѣннее, чѣмъ ваше положеніе въ партіи будетъ прочнѣе. Вы это сами понимаете. Приходится, слѣдовательно, высылать и Бартольда.

Мартыновъ вставляетъ: — „Онъ вѣдь былъ уже неоднократно высылаемъ и въ послѣдній разъ бѣжалъ изъ Нарымскаго края, такъ его мы туда и пошлемъ обратно, а матеріалы то, я думаю, можно будетъ временно скрыть, это, я думаю, можно? Какъ по вашему, Вл. Конст.? Вы съ прокуратурой, я думаю, сумеете сладить. А въ виду того, что Бартольдъ бѣжалъ изъ ссылки, такъ его тамъ должны будутъ предварительно выдержать въ тюрьмѣ 3 мѣс., прежде чѣмъ отправить на мѣсто

*) Т. е. матеріалъ, касавшійся, въ дѣйствительности, не Петрова. л. соопера Андрея Яценко, за котораго саратовскіе жандармы принимали тогда Петрова. — Ред.

ссылки. А за это время вы, — обращаясь ко мнѣ, продолжаете Мыртыновъ, — успѣете уже уйти изъ ссылки и устроиться здѣсь, въ Поволжьи. Бартольда-же мы вновь тогда можемъ вернуть, не давъ ему возможности выйти изъ тамошней тюрьмы. Мы сдѣлаемъ требованіе о доставленіи его сюда подѣ тѣмъ предлогомъ, что матеріалъ, имѣющійся противъ него, будто бы только-что получился. Точно такъ же можемъ вновь арестовать и другихъ лицъ, которыхъ придется только временно или гоже выслать или освободить подѣ залогъ, т. к. высылая Бартольда, этимъ самымъ мы на время какъ бы прекращаемъ все дѣло, какъ бы уничтожаемъ его.“

— А Миноръ? — спрашиваю я.

— Э-э! Это особъ статья. Онъ останется и одинъ. Это ничего. Его дѣло можно обособить, выдѣлить, — говоритъ полковникъ; — а вотъ съ Перковскимъ не знаю, какъ и поступить. Его ни выпускать, ни высылать нельзя, т. к. онъ связанъ уже судебнымъ дѣломъ по Асхабадской орг-ціи. Выслать туда его, что-ли?

— Конечно, конечно, — говоритъ Мартыновъ :— Перковского можно отправить туда, дѣло Минора выдѣлить и обособить пока отъ другихъ, а всѣхъ остальныхъ освободить на время подѣ разными видами, а нѣкоторыхъ выслать, а потомъ можемъ нѣкоторыхъ, вѣдь, и съ дороги воротить, такъ что опасаться, что они ускользнутъ отъ насъ, нечего. А вы постарайтесь, конечно, какъ можно скорѣе удрать оттуда. Здѣсь-то мы васъ съумѣемъ охранить.

А полковникъ добавляетъ :

— А вы говорите, что освобожденіе ваше вы не считаете авансомъ нашимъ, даннымъ вамъ. Нѣтъ, батенька мой, тутъ намъ потѣть и потѣть придется, чтобы вызволить васъ чистымъ отъ всякихъ подозрѣній. — Видите, какъ мы заботливо оберегаемъ васъ отъ неприятностей. И впредь мы очень зорко будемъ слѣдить, чтобы на васъ не пала-бы какая либо тѣнь подозрѣній. Вы думаете, что, получая отъ васъ сообщенія о лицахъ, мы прямо вотъ такъ и будемъ ихъ ловить и сажать въ тюрьмы. Нѣтъ, тутъ очень сложная процедура. Нужно будетъ ихъ такъ обставить, чтобы указанные вами лица сдѣлали очевидную для всѣхъ глупость, нетактичность и тогда только ихъ арестовать, чтобы для всѣхъ была очевидна причина ареста. Такъ что вы не опасайтесь дѣлать намъ указанія; мы ни одного изъ нихъ не используемъ и не имѣемъ права использовать, не совѣтовавшись съ вами. Вотъ, видите, и теперь, чтобы выпустить васъ отсюда чистымъ, безъ тѣни подозрѣній, намъ приходится временно освобождать цѣлый рядъ лицъ.

Вотъ, думаю себѣ, нельзя-ли, такимъ образомъ, сдѣлать такъ, чтобы освобожденіе товарищей было не временное, или если и временное, но чтобы такое, при которомъ бы они имѣли возможность скрыться. А то что же изъ того толку, что ихъ свозятъ куда нибудь, да привезутъ обратно. Только время зря

протянуть и зря проморять дощше въ тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ, нужно теперь же навлекать отъ жандармеріи и охраны всю возможную и наибольшую пользу для насъ, для партіи. Ясно, что если Бартольда освободятъ, то должны освободить и всѣхъ другихъ. Но этого мало. Если они такую подтасовку дѣлаютъ ради освобожденія Бориса Бартольда, такъ нельзя ли ихъ заставить продѣлать то-же самое по отношенію и къ Минору. Во всякомъ случаѣ, нужно попытаться, а потому начинаю говорить такъ:

— Конечно, я сознаю и вижу, что моя высылка должна быть обставлена серьезно, иначе вся наша затѣя не удастся. Вы сами говорите, что чѣмъ солиднѣе мое положеніе въ партіи, тѣмъ это и для васъ лучше, что для созданія моеи партійной карьеры вы въ нужныхъ случаяхъ можете освобождать, выпускать изъ тюрьмы тѣхъ лицъ, кои могутъ содѣйствовать моему упроченію въ партіи. Это совершенно вѣрно. Я вамъ говорилъ и говорю, что я очень самолюбивъ, и быть какой либо мелкой сошкой мнѣ совсѣмъ не хочется; а чтобы быстро подняться, такъ мнѣ нужна поддержка моихъ нѣкоторыхъ товарищей, которые мнѣ безгранично вѣрятъ, которые уважаютъ, даже до известной степени любятъ меня и, кромѣ того, сами имѣя прочное положеніе въ партіи, прочищаютъ дорогу и для меня; они своими отзывами обо мнѣ рекламируютъ меня, дѣлаютъ меня популярнымъ среди товарищей и упрочиваютъ въ партіи за мной определенное мнѣніе. И въ этомъ отношеніи незамѣнными людьми были бы Миноръ и Бартольдъ...

— Да вы ужъ не хотите-ли и того, чтобы мы и Минора освободили?! — удивленно въ одинъ голосъ спрашиваютъ они меня.

— Вотъ именно, что-жъ тутъ удивительнаго?

— Ну, нѣтъ, нѣтъ, все что хотите, а Минора — ни, ни, выпустить нельзя, — говоритъ полковникъ.

— Минора? Минора?! Что вы, Филатовъ, въ своемъ ли вы умѣ, что вы? Минора! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

— А вы выслушайте меня, да тогда и возмущайтесь. Чего-жъ тутъ удивительнаго? Чего вы такъ испугались?

— Какъ чего?!

— Какъ чего?!

— Да, конечно, ничего тутъ удивительнаго нѣтъ и не будетъ; развѣ Чайковский не освобожденъ?

— А то Чайковский, а это Миноръ!

— Не все ли равно?

— Конечно, не все равно, — говоритъ полковникъ.

— Да, вѣдь, за Чайковскаго не много не мало, а 20 тысячъ внесено. — добавилъ Мартыновъ.

А полковникъ продолжаетъ:

— Да, вѣдь, и освобожденъ то не нами, а Петербургомъ.

такъ у нихъ свои соображенія и власти больше. Да и тамъ такая махинація была пущена въ ходъ, что чортъ знаетъ, — тутъ было и давленіе англичанами на нашего министра финансовъ и просьбы ихнія предъ премьеромъ и все прочее. Нѣтъ, это было нѣчто необычное, и намъ продѣлать такой вещи не удастся, да и въ Питерѣ теперѣ вторично ничего подобнаго не согласается продѣлать. Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ вы оставьте!

— Ничего не оставьте, а вы выслушайте и тогда увидите, что все это можно уладить самымъ прекраснымъ образомъ.

— Ну, ладно, послушаемъ, что вы намъ скажете.

— А вотъ и послушайте. Если вамъ нуженъ серьезный про-вокаторъ, серьезный сотрудникъ, — поправляюсь я, — такъ вы не должны останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы имѣть дѣйствительно виднаго сотрудника. Вы только вообразите, каково тутъ можно обставить дѣло, какія дѣла будутъ можно раздѣлывать. Вы только не стѣсняйте меня ни въ чемъ, дайте мнѣ развернуться во всю. Вѣдь, и ваша карьера почти всецѣло зависитъ отъ солидности партійныхъ сотрудниковъ, находящихся на службѣ именно у васъ, а не въ другомъ охранномъ. Тутъ у насъ, собственно говоря, обоюдная услуга: — вы выдвигаете меня въ партію и этимъ самымъ выдвигаетесь сами, — выходитъ, что и я тоже выдвигаю васъ, составляю вамъ карьеру. Не правда ли?

— Такъ-то оно почти такъ.

— Конечно, конечно, хе, хе, хе, хе!

— Ну, такъ вотъ, — зачѣмъ вы не хотите собственной же пользы, себѣ добра. Сколько я ни популяренъ среди товарищей, но въ Поволжѣ я все-жъ таки не достаточно еще популяренъ, и Бартольдъ въ этомъ отношеніи просто незамѣнимъ. Онъ мнѣ поможетъ не только въ томъ, что я буду делегированъ на съѣздъ отъ Поволжья, но онъ вообще будетъ посвящать абсолютно во всѣ дѣла, о которыхъ только онъ самъ знаетъ, такъ что освѣдомленность у меня будетъ огромная. Такъ что Бартольда придется освободить не временно, а дать ему возможность скрыться и жить на нелегальномъ положеніи. Лучше было бы его не посылать въ ссылку, а просто теперь-же освободить подъ залогъ. Это сдѣлать прямо необходимо. Необходимо въ прямыхъ нашихъ съ вами интересахъ.

— Какъ жетакъ — подъ залогъ?! — возмущенно удивляется полковникъ; — человекъ трижды бѣжалъ изъ ссылки, попался вновь и вдругъ мы его подъ залогъ выпускаемъ! Да что вы это? Вѣдь это же невозможная, немислимая вещь!

А Мартыновъ добавляетъ:

— Мы если и говорили объ освобожденіи для нашихъ пѣ-лей, такъ, во всякомъ случаѣ, говорили не о такихъ лицахъ, какъ Бартольдъ.

— Послушайте господа, что-жъ въ этомъ удивительнаго?

Ничего удивительнаго нѣтъ и не будетъ если и Минора освободите подъ залогъ...

— Минора?

— Опять Минора?!

— Да, и Минора, потому что Миноръ мнѣ необходимъ для поддержанія меня тамъ вверху, въ центральномъ комитетѣ. Вѣдь, теперь пойдетъ перестройка, перетасовка тамъ у насъ въ верхахъ-то, и этимъ нужно намъ воспользоваться. Развѣ можно упускать такой случай?! Нужно умѣть пользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ. Теперь дѣломъ Азефа Ц. К. скомпрометированъ непоправимо, такъ почему не употребить всѣ усилія на то, чтобы новый Ц. К. состоялъ изъ друзей и пріятелей вашихъ сотрудниковъ? Вѣдь, это все равно, что сами ваши сотрудники засѣдаютъ тамъ въ Ц. К. Будь Миноръ или Бартольдъ въ Ц. К., такъ я бы былъ освѣдомленъ чрезъ нихъ абсолютно обо всѣхъ дѣлахъ, планахъ и начинаніяхъ во всѣхъ подробностяхъ и деталяхъ. А потомъ, при помощи ихъ, чрезъ нѣкоторое время и самъ бы былъ кооптированъ въ Ц. К. Вотъ вамъ и снова Азефъ. А это развѣ вамъ не важно? Да за это вамъ правительство будетъ такъ благодарно, такъ благодарно, что вы всегда съ благодарностью будете вспоминать меня за то, что я надомилъ васъ на это.

— Гм!...

— Да, это все заманчиво вы рисуете.

— Эхъ, да только вы не мѣшайте мнѣ, такъ я надѣла дѣловъ. Ужъ если я раздѣлывалъ дѣла будучи революционеромъ, когда приходилось работать, чертъ знаетъ, въ какихъ условіяхъ и бороться, чертъ знаетъ, съ какими препятствіями, а тутъ — почты, телеграфы, телефоны, деньги, желѣзныя дороги, цѣлая сфера полиціи — все къ твоимъ услугамъ, такъ тутъ ли не работать! Чертъ возьми, да мы натворимъ такихъ дѣлъ, что Азефъ предо мной будетъ казаться мальчишкой.

Они, тотъ и другой, самодовольно и весело улыбаются. Эхъ, думаютъ, разошелся малый! А я продолжаю:

— Деньги-то изъ насъ всякій любитъ, такъ мы нобъ этомъ сумѣемъ позаботиться. Не всю же жизнь будемъ чертоломить, захочется же и намъ отдохнуть, такъ имѣть денюжки про запасъ никогда и никому не мѣшаетъ. Вѣдь, все равно придется же мнѣ для упроченія своего положенія въ партіи совершать какіе либо боевые акты. Это необходимо. Такъ не будемъ же мы кого либо убивать изъ сановниковъ, а мы лучше устроимъ двѣ-три крупныхъ экспроприаціи, и часть денегъ постараемся сумѣть прикарманить. Это можно обставить такъ, что будетъ возможно нажать и мнѣ и вамъ.

— Ну, батенька мой, вы тутъ начинаете ужъ уголовщину разводите, вы насъ въ такую еще исторію впутаете, что и жизни то не радъ будешь! — говоритъ полковникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этакія экспроприаціи не можемъ мы допу-

-скасть, тутъ чуть-что, такъ и сами мы подь судь угодимъ. Нѣтъ, это ужь вы слишкомъ!.. — говорить другой.

— Ничего не слишкомъ, а вотъ потомъ сами согласитесь и благодарить еще будете. Я говорю, что только не стѣсняйте меня, такъ я сумѣю дѣйствовать.

— Прекрасно, прекрасно все это, но все-жъ таки Минорато освободить ни подь какимъ видомъ нельзя будетъ. Да и Бартольда-то тоже, вѣдь, невозможно освобождать такъ, какъ вы предлагаете. Какъ ни заманчивы ваши планы, но осуществлять такимъ способомъ, какимъ вы предлагаете, мы не можемъ согласиться, мы не имѣемъ права сдѣлать это. Вѣдь, мы работаемъ подь руководствомъ Департамента Полиции и, прежде чѣмъ продѣлать такую штуку, я обязанъ, снестись съ департаментомъ, а онъ на подобную авантюру, на подобный рискъ не пойдетъ. Скажете, что чуть-что неладно что нибудь, чуть-что гдѣ нибудь прорвется, такъ выйдетъ такой скандалъ, такой скандалъ!.. Нѣтъ, тутъ съ вашими затѣями, пожалуй, еще въ Думу попадешь, да будешь виновникомъ какого либо запроса по этому поводу, такъ вотъ вамъ и служебная карьера, которую вы расписали такими заманчивыми красками. Нѣтъ, на такой рискъ я, напимѣрь, лично не пойду! — говорить полковникъ.

— Да и у меня смѣлости на это не хватитъ, — добавляетъ Мартыновъ. — Да, прежде всего, намъ и не дадутъ этого сдѣлать, если бы мы и захотѣли все это устроить.

— Эхъ, вы!.. Я говорилъ вамъ, что съ вами я врядъ ли столкуюсь.

— А вы думаете въ Петербургѣ, тамъ дурачье что-ли?

— Наоборотъ, я про нихъ-то и думаю, что они не такіе дурачье, какъ вы! Ха, ха, ха, ха! — смѣюсь я.

— Ха, ха, ха, ха! А все таки не споетесь вы на этомъ и съ ними, и тамъ не согласятся съ вашими планами и вашими требованіями! — говорить полковникъ.

— Вы подумайте только, чего вы требуете, — освободить не только всѣхъ, начиная съ Бартольда, но даже и Минорат! Нѣтъ, это ужь слишкомъ! — говорить Мартыновъ.

— А насъ спроситъ департаментъ полициі о васъ, что мы про васъ-то скажемъ? Вы, вѣдь, до сихъ поръ ничего намъ не дали, а требуете невозможнаго, — говорить полковникъ.

— Да, да, вы хоть что нибудь намъ дайте, чтобы мы хоть могли бы вступить въ переговоры съ департаментомъ о васъ самихъ, а то, вѣдь, мы до сихъ поръ не имѣемъ отъ васъ ничего, даже не можемъ рѣшиться и на вашу только высылку, — говорить Мартыновъ.

— Послушайте господа, ужь если вы говорите, что я долженъ вамъ во всемъ довѣрять, такъ, въ свою очередь, и вы мнѣ должны тоже вѣрять. Довѣріе, такъ довѣріе взаимное. А если гарантіи и подписки, такъ тоже взаимно. Хорошо, я дамъ

вамъ письменное согласіе на принятіе сотрудничества у васъ на условіяхъ, на какихъ мы согласились, но, въ свою очередь, и вы мнѣ выдайте отъ себя съ приложеніемъ печати подписку, письменное обѣщаніе выполнить эти условія и вознагражденіе за нее, о чемъ мы договоримся. Контрактъ, такъ контрактъ съ той и другой стороны пусть будетъ. На это я согласенъ. И какъ только вы освободите подъ залогъ Минора и Бартольда, такъ я дамъ вамъ такую подписку и въ свою очередь беру подобную же и отъ васъ и только тогда соглашусь отправляться въ ссылку. До тѣхъ же поръ вы отъ меня не получите никакихъ свѣдѣній и никакихъ подписокъ. Согласитесь сами, что выдача мною подписокъ сейчасъ значило бы дать противъ себя оружіе. Подучивъ отъ меня какія либо свѣдѣнія, а тѣмъ болѣе подписку или росписку въ чемъ либо, вы могли бы оказывать на меня давленіе, да я и самъ бы чувствовалъ себя какъ-бы связаннымъ. Я не могъ бы уже съ вами говорить такъ просто, такъ свободно, какъ говорю теперь. А работать съ вами я хочу именно свободно, безъ всякаго давленія и принужденія. Нѣтъ, я иду къ вамъ самъ, меня никто и ничто не гонитъ. Допустимъ, что мнѣ бы удалось бѣжать, если бы мерзавецъ Воронцовъ не донесъ на меня, такъ я бы, вѣдь, все равно пришелъ къ вамъ и предложилъ бы свои услуги.

— Ой ли?

— Пришли бы?! — испытующе смотритъ на меня полковникъ.

— Хотите вѣрять, хотите — нѣтъ, — это ваше дѣло. А вотъ, можетъ быть, въ этомъ и убѣдитесь скоро.

— Вы, что же, бѣжать, опять бѣжать валадилитесь?

— А вы думаете нѣтъ?

— Ну, это вы нарочно, только страшаете насъ. Мы, вѣдь, знаемъ, что изъ тюрьмы бѣжать невысказано теперь.

— Конечно, конечно, я только, вѣдь, такъ говорю, потому что къ слову пришлось, а бѣжать я не собираюсь, да и сами подумайте — возможно ли это? Нѣтъ, это я только къ слову сказать. Не беспокойтесь, не уйду, — говорю я такимъ тономъ, что мои слова истолковать можно только такъ, какъ будто я хочу скрыть отъ нихъ опять какой либо планъ побѣга, а ихъ только успокаиваю.

— Станный вы человѣкъ Филатовъ! Сколько съ вами ни говори, договориться все-же таки ни до чего не можешь. Все какъ-то вокругъ да около. Такъ разговаривать мнѣ еще не приходилось ни съ однимъ человѣкомъ, — говоритъ полковникъ; — вы не то соглашаетесь съ нами работать, не то не соглашаетесь. Скажете: да, согласенъ, а самъ такія требованія выставитъ, что отъ удивленія глаза на лобъ повыскачатъ. Такъ, вѣдь, разговаривать нельзя.

— Да это, вѣдь, вы въ этомъ виноваты сами. Не то вы соглашаетесь со мной принципиально о характеръ моей совѣст-

ной съ вами работы, не то не соглашались. А если и соглашались принципиально, такъ отмахиваетесь отъ способовъ осуществленія этой работы.

— Вотъ и разсуждай съ вами. Ну скажите, наконецъ, намъ ясно и кратко, что именно хотите вы отъ насъ, а мы вамъ скажемъ, что именно мы хотимъ отъ васъ, — говоритъ полковникъ.

— Извольте: вы должны освободить Минора и Бартольда, подѣ залогъ того и другого, и этимъ дать имъ возможность открыться и жить легально. Они мнѣ и вамъ нужны на волю, а не въ тюрьмѣ. Про остальныхъ-же товарищей мнѣ наплевать. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, — вы только послѣ этого, а не ранѣе, получаете отъ меня нужную вамъ подписку и свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Поволжѣ; а въ третьихъ, — вы меня послѣ этого высылаете куда либо вмѣстѣ съ другими товарищами, разными Филимоновыми и Царевскими, куда нибудь въ Астраханскую что-ли губернію. И въ четвертыхъ, съ сегодняшняго дня обязуетесь платить по 500 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ и все. Ясно?

— Та, та, та, та, какъ онъ махнулъ...! — ужаснулся полковникъ.

— Ну, слушайте, нужно же знать мѣру своимъ требованіямъ. Я васъ считалъ серьезнѣе. А такія требованія серьезно предъявлять ни въ коемъ случаѣ нельзя, — говоритъ Мартыновъ. — Вы поставьте себя на наше мѣсто и подумайте — могли-ли бы вы удовлетворить подобныя требованія человѣка, который себя еще ничѣмъ не показалъ, ничѣмъ не зарекомендовалъ, кромѣ своихъ обѣщаній. А согласитесь сами, что когда обѣщанія ничѣмъ еще пока не подтвердились, мы не можемъ, даже не имѣемъ права удовлетворить ни одного изъ вашихъ требованій. Мы тоже связаны очень многимъ. Наша дѣятельность тоже строго контролируется, и мы не можемъ поступать по своему усмотрѣнію, даже если бы и рѣшились на подобный рискъ.

— Какъ угодно! А я иначе работать совмѣстно съ вами не могу. Согласны, — ладно, а не согласны тоже прекрасно. Но предупреждаю, что въ послѣдствіи покаетесь въ своей теперешней нерѣшительности. Вѣдь, я все равно уйду, рано или поздно, объ этомъ я откровенно вамъ заявляю теперь-же. Да вы и сами, вѣроятно, убѣждены въ томъ, что такой человѣкъ, какъ я, все равно рано или поздно, а уйдетъ изъ тюрьмы. А тогда я ужъ пойду не къ вамъ съ предложеніемъ услугъ, и, слѣдовательно, просто напросто выйдетъ, что вы проворонили случай извлечь и для себя и для правительства огромную пользу.

— Можетъ быть, можетъ быть, но теперь-то мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ выполнить ни одного изъ вашихъ условий и требованій, — говоритъ полковникъ; — вы, по моему

сами хорошенько не разбираетесь въ томъ, чего вы хотите отъ насъ. Мы этого дать вамъ не можемъ, а если и можемъ что дать, такъ дадимъ слѣдующее: начиная съ Бартольда, въ томъ числѣ и васъ — высылаемъ административно, это разъ. Предъ своей высылкой вы даете намъ подписку въ томъ, что, убѣжавъ изъ ссылки, вы не скроетесь отъ насъ — это два. А третье то, что теперь же, вотъ здѣсь, сейчасъ расскажете или напишете подробно о наиболѣе серьезныхъ вещахъ въ Поволжьѣ и укажете нѣкоторыхъ изъ оставшихся еще на волѣ товарищей. И четвертое — то, что, съ момента вашего прїѣзда сюда къ намъ обратно изъ ссылки, вы будете получать по 300 р. въ мѣсяцъ. И повѣрьте мнѣ, что это предлагаемъ мы только первому вамъ въ такомъ выгодномъ для васъ видѣ. Если мы вамъ отдаемъ должное и цѣнимъ ваши услуги высоко, такъ и вы, въ свою очередь, должны оцѣнить наше отношеніе къ вамъ и не предъявлять невыполнимыхъ требованій.

— Какъ хотите, а я сказалъ все, что могъ. Я высказалъ все откровенно, чтобы потомъ не было между нами недоразумѣній. Если находите мои условія неприемлимыми, такъ чтоужь подблещь, — распрощаемся да и только. Сердиться мы другъ на друга не будемъ, не изъ-за чего, не сошлись, вотъ и только.

— Послушайте, Влад. Конст., — говоритъ Мартыновъ полковнику, — прежде чѣмъ считать дѣло поконченнымъ такъ, какъ сейчасъ высказались вы, Филатовъ, я думаю мы можемъ еще кое что предпринять, чтобы какънибудь прійти-же въ концѣ концовъ къ соглашенію. Я вамъ, Филатовъ, откровенно, наконецъ, скажу, что относительно васъ департаментъ полиціи уже освѣдомленъ и мы получили на этотъ счетъ извѣстныя указанія и инструкціи, отступать отъ которыхъ мы не имѣемъ права. Департаментъ очень цѣнитъ ваши услуги въ будущемъ, указанія о боевой дѣятельности партіи ему очень важны, а потому онъ намъ заявилъ, что если мы съ вами не придемъ ни къ какому соглашенію, такъ онъ просилъ выслать васъ туда, въ Петербургъ, но вы, я думаю, понимаете, что отпускать намъ отъ себя такого сотрудника, какъ вы, крайне не хотѣлось бы. Вы совершенно вѣрно поняли, что въ извѣстной степени могли-бы способствовать и созданію нашей карьеры. Скажу болѣе того, что между нами, начальниками охранныхъ отдѣленій, существуетъ соревнованіе въ пріобрѣтеніи серьезныхъ сотрудниковъ и мы, дѣйствительно, на этомъ карьеру и создаемъ. Но мнѣ хотѣлось бы имѣть васъ сотрудникомъ не вообще въ нашемъ дѣлѣ, а лично при себѣ, въ предѣлахъ Поволжья. И если разъ мы съ вами такъ до извѣстной степени сошлись, такъ давайте общими усилиями постараемся прійти къ обоюдному соглашенію. Это, я думаю, сдѣлать возможно и вамъ и намъ. То, что полковникъ считаетъ невыполнимымъ сейчасъ, т. е. связанъ инструкціями департамента, а когда вы хотя чѣмъ

бы то ни было докажете департаменту свою искренность, такъ, я думаю, онъ согласится и на большее для васъ. Намъ то лично отъ васъ не нужно никакихъ гарантій, мы-то вѣримъ вамъ, но, вѣдь, департаментъ не знаетъ васъ, онъ стоитъ на формальной точкѣ зрѣнія. Вѣдь у насъ уже такое правило, своего рода законъ для насъ, что пока мы не получили отъ сотрудника никакого письменнаго документа, закрѣпляющаго его у насъ, мы не можемъ, не имѣемъ права входить съ нимъ въ соглашеніе и дѣлать для него что либо.

— Вотъ въ томъ-го и штука, что я не хочу никакихъ закрѣпленій, закабаленій себя, я хочу работать свободно, безъ всякихъ принужденій. Пока я вѣрилъ въ партію, я работалъ въ ней свободно и отдавался этой работѣ весь, теперь я не вѣрю въ нее и хочу работать противъ партіи и тоже свободно, безъ принужденій, и отдамъ этому дѣлу съ неменьшимъ энтузіазмомъ. Неужели вы все еще не поняли меня? Къ чему вамъ отъ меня эти закрѣпленія? Что вы пристааете ко мнѣ съ ними? Не могу и не хочу я имѣть никакихъ закрѣпленій, обязательствъ и т. п. Я и безъ всякихъ закрѣпленій буду работать у васъ прекрасно. Неужели вы не видите меня, не поняли меня до сихъ поръ? А если поняли, такъ чего еще вамъ отъ меня нужно!..

— Да повѣрьте, что намъ-то съ Вл. Конст. отъ васъ никакихъ гарантій не нужно, мы вамъ вѣримъ, но, вѣдь, департаментъ-то, говорю, не знаетъ васъ, а потому и не можетъ такъ довѣряться вамъ, какъ мы. Что съ ними, съ бюрократами, подѣлаешь, — представьте, говорятъ, письменную гарантію, тогда и разрѣшеніе на его высылку получите. Вотъ и толкуй съ ними!

— Какъ-же я могу вамъ дать какую либо письменную гарантію, если и я и вы не можемъ быть увѣренными въ томъ, что это моя подписка вскорѣ же не очутится въ рукахъ партіи, вѣдь, эта возможно вполне. Среди вашихъ, вѣдь, тоже есть наши сотрудники. Такъ что какъ-же это департаментъ можетъ дѣйствовать такъ нецѣлесообразно. Вонъ благодаря такимъ же документамъ вы лишились теперь Азефа. Нѣтъ, я совсѣмъ не хочу, чтобы обо мнѣ имѣлись въ департаментѣ полиціи какіе либо документы.

— Напрасно вы этого опасаетесь. Документъ этотъ вамъ будетъ возвращенъ немедленно-же, какъ только вы вернетесь къ намъ изъ ссылки. Затѣмъ онъ намъ тогда? — горячо доказывается Мартыновъ.

— А затѣмъ, — отвѣчаю я, — что этотъ документъ у васъ будетъ сильнымъ оружіемъ противъ меня. Вы тогда, пожалуй, мнѣ и 300 то рублей не дадите, а я долженъ буду согласиться, боясь оглашенія этого документа.

— Да вы за мерзавцевъ что-ли насъ считаете? Вѣдь, это подлость, если бы мы такъ сдѣлали! Мы этого даже только по-

тому не сдѣлали бы, чтобы не обмануть довѣрія къ намъ другихъ сотрудниковъ.

— Потомъ еще есть и другое неудобство, а именно — мою подписку хотите послать въ департаментъ, а потому ее какъ же мнѣ возвратить? Вѣдь, вы говорили мнѣ, что такія подписки должны храниться въ департаментѣ?

— Могутъ храниться тамъ, могутъ быть и возвращены вамъ, это какъ мы договоримся теперь. Это можете вы оговорить въ своей подпискѣ, — говоритъ полковникъ.

А Мартыновъ быстро вступаетъ снова съ горячими убѣждениями:

— Вы, наконецъ, можете дать намъ не подписку, а просто письмо, обращенное даже не къ намъ, а просто яко-бы къ кому либо изъ товарищей и будто бы перехваченное нами. Въ письмѣ этомъ вы укажете кое на что изъ дѣятельности Поволжскаго Област. Комитета...

— О чемъ, напримѣръ? говорю я.

— Да, ну, напримѣръ, о типографіи въ Сызрани, о той же, наконецъ, экспроприаціи, которую вы намѣрены были совершить, вотъ и только. Вѣдь это не намъ нужно. Нужно, чтобы только отвязаться отъ департамента. Вы даже ничего намъ новаго не сообщите. Мы сами вамъ расскажемъ о революціонной дѣятельности въ Поволжьѣ не хуже какого либо вашего областника.

И, на самомъ дѣлѣ, удивленъ былъ его словами о типографіи въ Сызрани. Объ этомъ знали только мы трое: я, Борисъ и „Дѣдъ“. А потому я рѣшилъ выяснить откуда бы могло явиться у нихъ такое сообщеніе. Ужели „Дѣдъ“? Не можетъ этого быть! А, вѣдь, онъ, одинъ онъ остался не арестованнымъ, между тѣмъ онъ же самъ намъ говорилъ, что за нимъ слѣдятъ по пятамъ. Странно! Послѣ Азефа и даже такимъ, какъ „Дѣдъ“, довѣрять нельзя. Попробую выяснить.

— А интересно, откуда это вы знаете, что типографія у насъ въ Сызрани, б. м., это совсѣмъ и не правда?

— Не правда? А вотъ читайте, — говоритъ полковникъ, подавая мнѣ листокъ письма.

Смотрю, — читаю „сообщеніе о типографіи П. С-Р. въ г. Сызрани“ и начинается изложеніе канцелярскимъ слогомъ о томъ, какъ онъ, пишущій это донесеніе, „преодоливъ массу приключеній“ (такъ буквально и написано) добрался, наконецъ, до Сызрани, гдѣ „съ первыхъ же шаговъ почувалъ, что эсерская типографія именно здѣсь въ Сызрани“ (это тоже буквально выраженіе донесенія). Дальше читать мнѣ не дали.

— Что? Не правда, — скажете?

— Ну, такъ вѣдь я и не намѣренъ былъ скрывать отъ васъ этого, — говорю я имъ.

— Однако, сами не сказали же пока мы вамъ не дали понять и даже доказали, что намъ все извѣстно, что отъ васъ

ничего новаго мы и не надѣмся получить. Намъ только нужно ваше показаніе для проформы.

— Ну такъ что же, т. е. о чемъ, да о чемъ я вамъ долженъ написать.

— Такъ вотъ напишите все, что знаете, — говоритъ полковникъ. А Мартыновъ перебиваетъ его: „Нѣтъ, ужъ разъ мы скавали ему, что теперь намъ свидѣній отъ него не надо, такъ пусть такъ и будетъ. Пусть напишетъ только то, что известно намъ. Пусть успокоится и не подозрѣваетъ насъ больше ни въ чемъ“.

— Ну, ладно. Пусть такъ. Такъ вотъ напишите, что вы такой то и такой-то — Андрей Григорьевичъ Яценко, напишите полностью вашу формулярный, послужной списокъ, были командированы сюда изъ за-границы отъ Ц. К. П. С. Р., какъ завѣдующій всей боевой дѣятельностью въ Поволжѣ и, пріѣхавъ въ Саратовъ вмѣстѣ съ Бартольдъ, Перковскимъ, Воронинымъ и Миноромъ, при участіи мѣстныхъ дѣятелей партіи Милашевскаго, Смолдовскаго и Петровой, образовали областной комитетъ Поволжской области П. С. Р. Что вами всѣми сообща прислужено было къ партійной работѣ и что вы, между прочимъ, намѣрены были издавать здѣсь, въ Саратовѣ, свой партійный органъ, матеріалъ для котораго былъ отобранъ при арестѣ у Минора. Что вы для своей боевой дѣятельности получили санкцію отъ Ц. К. въ лицѣ Минора, Виктора Чернова и Аргунова на совершеніе экспроприаций и на совершеніе террористическаго акта надъ командующ. войсками Казанск. Воен. Окр. Сандецкимъ. Далѣе напишите, что вы принимаете наше предложеніе сотрудничать у насъ и устно, на словахъ, дали намъ освѣщеніе всей дѣятельности партіи въ Поволжѣ и, въ частности, о типографіи въ г. Сызрани. Вотъ и все. Дальше вы можете оговорить, что подписку эту даете съ условіемъ получить ее обратно, какъ только вернетесь къ намъ изъ ссылки.

Чортъ возьми, они и объ актѣ на Сандецкаго узнали! Ну, да неудивительно! Это могли знать и многіе заграницей отъ N, такъ что слухъ этотъ легко могъ просочиться и сюда. Но какъ они могутъ знать, что актъ этотъ былъ санкціонированъ и знаютъ даже кѣмъ именно. Я лично не зналъ состава Ц. К., когда обсуждался вопросъ о санкціи Ц. К., и Аргунова, напимѣръ, такъ никогда въ жизни ни разу и не видѣлъ, не только что имѣлъ съ нимъ дѣловыя обсужденія. Затѣмъ, ни Смолдовскаго, ни Милашевскаго тоже ни разу не видѣлъ и объ ихъ участіи въ партійныхъ дѣлахъ и не подозрѣвалъ даже. Минора же я считалъ не членомъ Ц. К., а уполномоченнымъ послѣдняго, такъ что недоумѣвалъ, почему они вообразили, что въ санкціи на актъ надъ Сандецкимъ принималъ участіе и Миноръ, какъ членъ Ц. К. Потомъ, самъ собою разумѣется, я не могъ согласиться на выдачу подобнаго документа противъ другихъ. Если ужъ давать документъ, такъ

только противъ себя. Но чтобы не вести опять дальнѣйше споры и пререканія относительно характера и содержанія моей подписки, которую я, въ концѣ концовъ, рѣшилъ имъ дать, я сказалъ имъ, что я подумаю объ этомъ и отвѣтъ дамъ завтра. На самомъ дѣлѣ я долженъ былъ серьезно обдумать этотъ шагъ — выдачу имъ подписки, нужно было серьезно обдумать каждую фразу, каждое слово въ ней. На ихъ уговариванія написать это сейчасъ я отговорился и тѣмъ, что поздно молъ ужъ сегодня, а писать придется долго. Возвращаться же въ тюрьму такъ поздно неудобно.

— Ну, такъ вы принципиально то согласны, наконецъ, что написать то это вы должны?

— Да, согласенъ.

— Такъ, такъ! — потирая руки, говоритъ Мартыновъ весело, — намъ, видите ли, для ускоренія всей этой ликвидаціи вашего дѣла нужно возможно скорѣе поставить въ извѣстность Департаментъ Полиціи о томъ, что вы, наконецъ-то, дае те или дали намъ такую подписку. Такъ что вы намъ это сейчасъ же окончательно скажите, и мы при васъ же вотъ сейчасъ напишемъ туда телеграмму. Ну-съ, такъ можно, слѣдовательно, писать? Вы насъ не подведете?

— Зачѣмъ подводить? Если я сказалъ, такъ, слѣдовательно, сказалъ разъ навсегда и отъ своего слова никогда не откажусь.

— Прекрасно, прекрасно! Ну, такъ, Вл. Конст., давайте, пишите сейчасъ же туда телеграмму, а я пойду, мнѣ нужно торопиться туда...

— Слѣдовательно, мы завтра съ вами опять увидимся и здѣсь же? — обращается онъ ко мнѣ. — Когда удобнѣе вызвать васъ сюда, я думаю — пораньше, такъ часовъ въ одиннадцать дня?

— Да, лучше, если пораньше.

— Ну, это вы уславливайтесь съ Вл. Конст., а я пойду. До свиданія, до свиданія! — крѣпко трясетъ онъ мнѣ руку и уходитъ.

— Уф!.. — вздыхаетъ полковникъ. Уморили вы меня, ни съ однимъ сотрудникомъ мнѣ не приходилось возиться такъ. Но я надѣюсь, что мы зато ужъ не зря и попытѣли. Ради Бога, ужъ вы дальше то хоть не будьте такъ упрямы и напрасно не подозрѣвайте насъ въ желаніи напакостить вамъ или эксплуатировать васъ. Вы, вѣдь, понимаете, что своими указаніями вы сразу же становитесь у насъ прочно и чѣмъ солиднѣе указанія, тѣмъ на большее можете разсчитывать отъ насъ. Только бы намъ съ вами заручиться согласіемъ Департамента, а тамъ ужъ наше дѣло, что и какъ устроить. Я съ своей стороны совсѣмъ ничего не имѣю ни противъ освобожденія Бартольда и другихъ и ничего не имѣю даже, если бы Департаментъ согласился освободить и Минора. Намъ что?

Лишь бы обезвредить ихъ и держать все время подъ своимъ наблюденіемъ, такъ пусть, намъ все-равно на волѣ ли они на-ходятся или гдѣ. Даже лучше, если на волѣ, такъ какъ, бу-дучи намъ извѣстны и находясь подъ нашимъ наблюденіемъ и благодаря вашимъ указаніямъ, они намъ могутъ принести су-щественную пользу, а не вредъ. Ну-съ, такъ вы, слѣдова-тельно, намъ завтра напишите, что нужно, и дѣло съ кон-цомъ.

— Конечно, ужъ скорѣе бы кончить, да и только.

— Вотъ, вотъ, и я тоже говорю. Ну-съ, такъ завтра въ сколько часовъ васъ вызвать?

— Да лучше бы послѣ обѣда, а то на тощахъ...

— Вы можете пообѣдать и у насъ, такъ что объ обѣдѣ то вы не заботьтесь.

— Ну, что-жь, прекрасно! Такъ вызовите завтра часовъ въ одиннадцать.

— Хорошо. А не послать ли на ваше имя денегъ въ тюрьму, чтобы и тамъ вы не терпѣли нужды, да и товарищамъ бы могли помочь?

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо, этого дѣлать ни въ коемъ случаѣ не нужно. Опасно. Вы рискуете подвести меня подъ подо-зрѣнія.

— Зачѣмъ! Дѣлаетъ же, вѣдь, организація, посылая деньги нѣкоторымъ изъ своихъ работниковъ отъ имени неизвѣстнаго. Такъ и мы можемъ сдѣлать то же самое. Вѣрный намъ человѣкъ придетъ и передастъ въ контору, только и всего.

— Нѣтъ, всетаки не дѣлайте этого, не надо.

— Ну, какъ хотите. Такъ, завтра въ одиннадцать. Я такъ и напишу требованіе. До свиданія, до свиданія!

* * *

Ясно, что дать такую подписку, какую они хотятъ, я не могу, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и то, что дать я что нибудь долженъ. Ясно, что довѣріе у нихъ достигается только путемъ предательства. Безъ этого никогда и ничего отъ нихъ не получишь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на предательство я пойти не могу, въ противномъ случаѣ вышло бы, что я служу не партіи, а, дѣйствительно, охранѣ. Съ другой стороны, чтобы извлечь для партіи пользу изъ общенія съ охраннымъ отдѣл., нужно заручиться его довѣріемъ, довѣріе же достигается путемъ предательства, путемъ выдачи партійныхъ тайнъ, а этого сдѣ-лать я не могу. Какъ же поступить въ такомъ случаѣ? Ду-малъ, думалъ и рѣшилъ поступить такъ: дѣйствительныхъ указаній не дѣлать (кромѣ тѣхъ, что уже извѣстно имъ), а нужно выдумать для нихъ что нибудь похожее на правду, но такъ, чтобы они не могли докопаться до истины, т. е. чтобы не могли убѣдиться въ томъ, что я ихъ надуваю, что то, что имъ сообщено, есть не болѣе, какъ миѣ. Чтобы моя выдумка

сразу же не показалась милою, нужно придумать какое либо вещественное подтверждение его, что доказывало бы мои слова несомненно. Что именно я придумалъ и какъ это проведъ видно будетъ изъ слѣдующаго моего разговора съ жандармскимъ полковникомъ и начальн. Саратовскаго охран. отдѣл. Мартыновымъ.

* * *

Противъ обыкновенія, изъ тюрьмы меня конвоировали не двое, а трое жандармскихъ унтеровъ. Въ самомъ жандармскомъ управленіи слѣдять за мною строже обыкновеннаго. Но вхожу въ кабинетъ полковника, тамъ онъ съ Мартыновымъ уже дожидаетъ меня, и на столѣ готовъ горячій кофе и закуска. Они предупредительны и очень вѣжливы, а полковникъ такъ даже напустилъ на себя какое то благодушіе, что - ли. Однимъ словомъ, стараются дать понять мнѣ, что они меня считаютъ уже своимъ и довѣряютъ мнѣ. Они начали съ объясненій, почему ко мнѣ примѣнены строгости, что это только для видимости, для отвода глазъ, и что про то, въ какой мы обстановкѣ разговариваемъ, про это не догадывается даже ни одинъ жандармъ, что все это — кофе и проч. является сюда черезъ особый ходъ, вотъ этотъ, указываетъ мнѣ, изъ квартиры полковника, такъ что видѣть это никто не можетъ и завѣряютъ меня, чтобы я былъ спокоенъ въ этомъ отношеніи и не стѣснялся бы, что ими принимаются во вниманіе мельчайшія подробности предосторожностей въ переговорахъ со мною.

— Ну - съ, рассказывайте намъ, что вы придумали за ночь то? — говоритъ Мартыновъ.

— Что придумалъ? а вотъ думаю, что освободить меня при помощи высылки не годится.

— А какъ же тогда быть?

— А нужно мнѣ устроить побѣгъ.

— Вотъ, опять придумалъ штуку, опять новость, — говоритъ недовольно и въ отчаяніи полковникъ. — Тутъ насъ Департаментъ Полиціи торопитъ съ вашимъ дѣломъ, прокуратура тоже торопитъ, чтобы кончали скорѣе слѣдствіе, потому что нѣтъ никакихъ причинъ не кончать его, а вы тутъ, ей - Богу, опять чортъ знаетъ, что затѣваете, опять канитель, да этакъ у насъ и конца никогда не будетъ.

Полковникъ взволнованно ходитъ по кабинету, размахиваетъ руками и съ видомъ отчаянія садится къ столу. А Мартыновъ болѣе спокойнымъ тономъ, но тоже возбужденно говоритъ, доказываетъ, что дѣло затягивать нельзя и въ заключеніе показываетъ бумагу Департамента Полиціи, въ которой говорится, чтобы полковникъ немедленно же выяснилъ, насколько серьезно мое предложеніе, получилъ бы отъ меня письменное согласіе въ случаѣ моего на то желанія и немед-

ленно же бы телеграфировать о конечномъ результатѣ переговоровъ и что только въ зависимости отъ этого ему, т. е. полковнику, будутъ даны дальнѣйшія инструкціи, но чтобы онъ, т. е. полковникъ, дѣйствовалъ возможно энергичнѣй, такъ какъ мои услуги для Департамента Полиціи теперь могутъ быть особенно нужны и важны. Дальше, на другой страницѣ, читать мнѣ не дали; но когда полковникъ бралъ эту бумагу изъ рукъ Мартынова, листъ этотъ перевернулся, и полковникъ положилъ его на сосѣдній столикъ, стоящій рядомъ съ его кресломъ, какъ разъ сверху той, не прочитанной мной, стороной и онъ этого не замѣчалъ сначала, а потомъ уже прикрылъ бумагу портфелемъ. Однако я успѣлъ схватить кое что изъ нея. Смыслъ таковъ, что Департаментъ совѣтуетъ мнѣ употребить всѣ усилія на то, чтобы выяснитъ и убѣдиться въ искренности моихъ намѣреній, а что касается выполнения моихъ требованій, такъ чтобы на нихъ не скупились бы, не останавливались бы ни передъ какими обѣщаніями. Ясно, что Департаментъ имѣетъ обо мнѣ преувеличенное понятіе, что мое положеніе и значеніе въ парти преувеличиваютъ. Но этимъ то и нужно пользоваться. Здѣсь, слѣдовательно, можно держаться съ большимъ достоинствомъ и апломбомъ.

— Волноваться, господа, все-жъ не изъ-за чего,—говорю я имъ. Вѣдь, мы, какъ говорится, теперь свои люди, а потому сообщая и нужно обсудить, какъ это устроить получше. Я вотъ думаю, что, какъ ни какъ, а высылка моя товарищамъ, знавшимъ меня, покажется все-жъ такъ странной. Сами посудите: боевикъ, съ пораненіемъ ногъ и рукъ, пораненіями, характеръ коихъ очевиденъ для всѣхъ, и вдругъ принимается за какого то Филатова или Лещатникова и вмѣстѣ съ разными Бартольдами высылается административно. Это хоть кому покажется подозрительнымъ.

— Какъ же тогда быть? — спрашиваетъ полковникъ.

— Я говорю, что мнѣ должны вы устроить побѣгъ. Это же не трудно.

— Изъ тюрьмы?

— Или изъ тюрьмы или съ дороги. Отправьте меня хоть въ тотъ же Тамбовъ, какъ будто для опознанія, и дайте мнѣ возможность бѣжать съ дороги. Вотъ и только!

— Что-жъ, Вл. Конст., конечно такъ будетъ лучше. А побѣгъ такой обставить еще гораздо проще, тогда и освободить никого не придется, — говорить Мартыновъ.

— Такъ то оно такъ, — вадыхая, говоритъ полковникъ; — но придется, вѣдь, или посвящать въ это унтеровъ, или же подвести ихъ подъ судъ. А ни то, ни другое крайне не желательно.

— Однимъ словомъ, скажите, Вл. Конст., — обращается Мартыновъ къ полковнику, — вы принципиально то согласны

на побѣгъ для него? — и при этомъ очень выразительно смотреть на полковника.

— Да, согласенъ!

— А согласны, такъ детали мы обсудимъ и послѣ; да вы, — обращается Мартыновъ ко мнѣ, — вѣроятно, придумали и всѣ детали, весь планъ побѣга въ подробностяхъ, такъ что намъ то собственно придется только согласиться съ вами. Ну, вотъ видите и улаженъ этотъ вопросъ и напрасно такъ волновались вы, Владимиръ Константиновичъ.

— Конечно, напрасно, да ужь очень все это затягивается, и мнѣ хочется поскорѣе отдѣлаться отъ этого, такъ какъ я думаю, что, въ концѣ концовъ, намъ съ нимъ работать все равно не придется...

-- Почему это? — спрашиваю я.

— А потому, что васъ отнимутъ у насъ стоящіе выше насъ. Я такъ думаю, что Департаментъ пишетъ намъ подѣ диктовку Петерб. охр. отдѣл., которое, утративъ Азефа, подозрѣваю, что сильно точитъ зубы на васъ. Вотъ почему. А неприятностей то съ вами вонъ сколько, и все это не для насъ собственно. Такъ что все то, что мы дѣлаемъ для васъ, мы дѣлаемъ именно только для васъ, тутъ корысти нашей нисколько нѣтъ.

— Ну-съ, господа, — говоритъ Мартыновъ, — давайте кончайте всѣ эти предисловія скорѣе, нужно продолжать то, на чемъ мы остановились вчера. Слѣдовательно, вмѣсто высылки вы желаете, чтобы вамъ устроили побѣгъ? Прекрасно. И на это мы согласны. Это еще для насъ лучше, т. к. не придется освобождать другихъ.

— Вотъ въ томъ то и штука, что для меня вы должны устроить побѣгъ, а Минора и Бартольда освободить подѣ залогъ?

— Помилуйте, да зачѣмъ же мы ихъ то будемъ освобождать.

— А зачѣмъ, что они *мнѣ* нужны будутъ.

— Ну, это вы сможете устроить и другимъ путемъ.

— Конечно! — подхватываетъ эту мысль Мартынова полковникъ. — Разъ вы беретесь за это дѣло, такъ должны сумѣть создать себѣ и поддержку въ верхахъ партіи.

— О, это онъ сумѣетъ! — добавляетъ Мартыновъ. Вонъ онъ, братъ, какія вещи обдумываетъ, а уже это не сумѣетъ? — сумѣетъ, да еще какъ. Я вамъ, — обращаясь ко мнѣ, — предлагаю Мартыновъ, — предсказываю блестящую будущность. Начали-то вы безусловно великолѣпно. Да вы, Вл. Конст., представьте только — у человѣка славное революціонное прошлое, широкое знакомство среди товарищей въ верхахъ партіи и популярность въ широкихъ партійныхъ кругахъ и у насъ сразу же занимаетъ такое положеніе, или, по крайней мѣрѣ, можетъ занять такое положеніе. Ну, развѣ не подѣ счастли-

вой звѣздой вы родились? Только держитесь за насъ крѣпче, такъ раскаиваться не будете.

— Да я и теперь не раскаиваюсь, какъ ни въ чемъ другомъ въ жизни не раскаивался. Я дѣлаю только то, во что я вѣрю; и въ то, что я дѣлаю, — вѣрю. А утративъ вѣру во что либо, такъ, не моргнувъ глазомъ, бросаю, и если не возникла во мнѣ вѣра во что либо иное, такъ ничего не дѣлаю, а появилась вѣра во что либо новое, такъ я отдаюсь этому со всѣмъ пыломъ молодыхъ силъ и иду напроломъ прямо, захватывая настолько широко, насколько позволяетъ мнѣ мой кругозоръ. Вотъ и теперь я изъ вашего заклатаго врага превратился въ друга и ничего страннаго въ этомъ не вижу. И здѣсь я на новомъ поприщѣ буду такъ же энергично работать, какъ энергично работалъ до сихъ поръ въ партіи. Только не расхалаживайте меня, сдѣлайте для меня теперь все, что я прошу, послѣ я ни съ какими просьбами къ вамъ приставать не буду. Не портите только моего настроенія и нашихъ взаимоотношеній вначалѣ, а послѣ мы съ вами такъ сживемся, что... Я, вѣдь, очень привязываюсь къ людямъ. Вотъ и теперь меня, напимѣръ, страшно смущаетъ что? А то, что я вотъ съ вами здѣсь бражничаю, благодушествую, можно сказать, а тамъ въ тюрьмѣ томятся лучшіе мои друзья. Это сознаніе будетъ и впредь отравлять все удовольствіе въ жизни. Я вступаю съ вами въ соглашеніе, чтобы пользоваться жизнью, чтобы пожить въ свое удовольствіе, а какой чортъ тутъ удовольствіе, когда ежеминутно будешь сознавать, что твой близкій другъ въ тюрьмѣ. Тутъ всякая прелесть жизни утрачивается, а я ищу именно наслажденій и прелестей жизни. Вотъ еще почему, откровенно говоря, я и настаиваю на освобожденіи Минора и Бартольда.

— Такъ вы прямо такъ бы и говорили сразу! воскликнули они въ одинъ голосъ.

— А то вѣдь видно, что что-то замалчиваетъ человѣкъ; нужно все откровенно высказывать сразу, а не скрывать! — продолжаетъ полковникъ.

А Мартыновъ довольнымъ тономъ и весело-успокаивающе говоритъ: „Вотъ и прекрасно, что откровенно высказались. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, что другъ другу нужно.“

Мартыновъ все время идетъ быстро на уступки, поддерживаетъ меня и старается улаживать остроту споровъ съ полковникомъ. Полковникъ, очевидно, въ глубинѣ души чуялъ, понималъ, быть можетъ, смутно, но понималъ меня и недоувѣрялъ мнѣ. Хотя возражать на мои доводы и не могъ, а въ душѣ то чувствовалъ, что я имъ не другъ и другомъ быть никогда не могу. Онъ это безусловно чувствовалъ, но дать себѣ отчетъ, почему именно онъ это чувствуетъ, очевидно, не могъ. А Мартыновъ, тотъ менѣе наблюдателенъ, и я на него, очевидно, подѣйствовалъ сильнѣе. Онъ увѣрился во мнѣ почти

сразу. Полковникъ всегда уперто, проникательно уставлялся на меня, когда я смотрѣлъ ему въ глаза открытымъ взглядомъ, желая дать понять, что у меня не скрывается за моиими словами никакой другой мысли, особенно мысли враждебной имъ — жандармамъ и охранкѣ. Мартыновъ же, наоборотъ, всякій разъ какъ будто смущался, когда я обращалъ на него свой открытый, ясный взоръ. У него или на совѣсти нечисто, или наоборотъ, онъ не такой еще подлый, какъ полковникъ, и моя подлость его смущала. Вѣдь, они, мерзавцы, должны же сознавать и безусловно сознавали, что я дѣлаю именно подлость, принимая ихъ предложеніе сотрудничать у нихъ. Какъ ни оправдывали они мой поступокъ въ моихъ глазахъ, называя провокацію не провокаціей, а „информацией“, и называя это чуть ли не святымъ дѣломъ для страны, для спасенія отечества.

Мартыновъ продолжалъ:

— Я васъ вполне понимаю и раздѣляю ваши взгляды на это... Я прекрасно понимаю, что ваша несчастливая жизнь была бы въ значительной степени оравлена сознаніемъ, что ваши товарищи лишены возможности пользоваться близкими жизни. Что же, это вполне понятно, и мы, съ своей стороны, готовы сдѣлать для васъ все возможное. Васъ, вѣроятно, связываетъ и общее участіе ваше въ какихъ либо боевыхъ дѣлахъ и т. п.

— О моихъ отношеніяхъ къ моимъ товарищамъ намъ говорить совсѣмъ излишне; я, напримѣръ, ничего не могу вамъ объяснить о нашихъ взаимоотношеніяхъ. Скажу только, что Бартольдъ, напр., во время моей болѣзни ухаживалъ за мной, какъ мать родная, и этого я ему забыть никогда не могу. Точно также и Минору. Я вамъ откровенно заявляю, что я на всѣхъ одинъ, безъ нихъ, ни за что не пойду. Освободить, такъ освободите всѣхъ, а одинъ я не поѣду.

— Я лично, — говоритъ Мартыновъ, — ничего противъ этого не имѣю, но откровенно говорю, что врядъ ли департаментъ согласится на освобожденіе Минора. Трудно это, трудно, прямо невозможно, а вотъ Бартольда и, конечно, съ женой...

— Да, да, конечно съ женой вмѣстѣ, — говорю я.

— Такъ ихъ то хотя и съ большими затрудненіями, и я думаю, что можно будетъ освободить — говоритъ Мартыновъ. Чего же давайте, Вл. Конст. — обращается онъ къ полковнику, — оборудуемъ это дѣло; ужъ если начали, такъ давайте доведемъ дѣло до конца.

— А вѣсь, и насъ постъ не забудете за это вы! — обращается онъ ко мнѣ. — Я охотно иду и пойду навстрѣчу вашимъ желаніямъ. Мнѣ, признаться, очень нравитеесь вы; въ васъ есть что то такое... ну какъ бы это сказать... хорошее, смѣлое, удаливъ какал-то, что-ли, а это мнѣ очень нравится. Ей Богу, вы, въ концѣ концовъ, заставите, пожалуй, полюбить васъ.

— Ну, это мы вотъ вскорѣ же можемъ увидѣть на дѣлѣ, какъ вы относитесь ко мнѣ. А теперь я хочу высказать вамъ слѣдующее: Не смотря на наши всевозможныя размолвки и недоразумѣнія я все таки съ большимъ удовольствіемъ, съ большей охотой сталъ бы работать именно совместно съ вами. Всѣ бывшія недоразумѣнія, вѣдь, въ сущности — мелочи. Не правда-ли?

— Да, да... конечно!

— О, конечно!

— Все бывшее между нами только дало намъ возможность узнать короче другъ друга, и только. Такъ что я, напр., противъ васъ ничего на душѣ не имѣю. Все неприятное безслѣдно канетъ, какъ только мы сообща приступимъ къ дѣлу, а потому я готовъ все сдѣлать, только бы покончить со всей этой канителью, какъ говорить полковникъ. Вамъ нужно, чтобы я далъ вамъ подписку? Извольте, я напишу. Потомъ вамъ нужно, чтобы я сдѣлалъ вамъ сообщенія о партійной работѣ въ Поволжьѣ, и вы даже мирились на томъ, чтобы я подтвердилъ уже имѣющіяся у васъ свѣдѣнія; но я заявляю вамъ, что я готовымъ пользоваться не желаю. Кромѣ того, какія либо мелочи изъ жизни партіи я передавать не буду, этимъ я и пачкаться не стану, не буду размѣниваться на мелочи. А если и сообщу что либо, такъ сообщу нѣчто крупное, цѣлостное, цѣнное для васъ. На сообщенія по мелочамъ вы отъ меня и не рассчитывайте, я буду дѣлать провалы крупныхъ предприятий, а мелочи меня только могутъ скомпрометировать. А если я скомпрометирую себя крупной выдачей, такъ, по крайней мѣрѣ, будетъ за мной нѣчто вѣсомое, послѣ чего я вправѣ рассчитывать на поддержку со стороны правительства и въ то время, когда я уже не буду имѣть возможности оказывать услуги вамъ. Чтобы убѣдить, наконецъ, и васъ и департаментъ въ серьезности моихъ намѣреній и въ томъ, что я вамъ теперь безусловно довѣряю, я вамъ теперь же готовъ сдѣлать крупныя равоблаченія партійныхъ тайнъ. Только вы оба должны мнѣ дать честное слово, что безъ моего согласія не будетъ арестовано ни одно лицо изъ указанныхъ мною. Арестъ ихъ или даже простой обыскъ у нихъ сразу же провалитъ меня. То, что я вамъ сообщу, есть строжайшая тайна. Тайна эта есть постоянное вѣсколькихъ лицъ, всѣ они на перечесть, и потому не трудно будетъ догадаться, кто именно выдалъ эту тайну.

— Раазумѣется, даемъ честное слово! Мы, вѣдь, и раньше говорили то же самое, что указанное вами лицо безъ вашего на то согласія арестовываться не будетъ. Повторяю, я даю вамъ честное слово, что я не нарушу даннаго мною вамъ обѣщанія въ этомъ, — говоритъ Мартыновъ.

— Я тоже даю честное слово вамъ въ этомъ, — промолвилъ полковникъ.

— Ну съ, такъ слушайте. Прежде, чѣмъ пріѣхать въ Сара-

товъ, я заѣхалъ въ Казань и прожилъ тамъ около 2 1/2 недѣль, а потомъ уже явился и въ Саратовъ и будто бы прямо изъ за границы, такъ какъ о своихъ дѣлахъ въ Казани я не имѣлъ права говорить абсолютно никому, даже Минору. Изъ дальнѣйшаго моего разсказа вы убѣдитесь насколько серьезно это дѣло. Не задолго предъ своимъ отъѣздомъ изъ за границы сюда, меня упорно приглашали въ боевую организацію сѣвернаго отряда партіи. Переговоры со мной велъ Савинковъ и сначала черезъ посредство одного изъ видныхъ партійныхъ работниковъ, а именно по кличкѣ „Янъ“, иного имени его я не знаю.*) Но предложеніе было мнѣ сдѣлано въ такой обидной для меня формѣ, что я его отвергъ сразу же и, далъ, понять, чтобы ко мнѣ обращались не съ такими предложеніями, если разсчитываютъ на мое участіе въ ихней боевой О-ціи.

— А интересно, что они вамъ предлагали?

— Предлагали взять на себя технику, т. е. завѣдываніе лабораторіей для изготовленія взрывчатыхъ снарядовъ. Я, вѣдь, и этой части спеціалистъ своего рода. Химію террориста, если только такъ можно назвать эту область химіи, я знаю теоретически въ совершенствѣ. Я имъ заявилъ, что я боевикъ не пассивный, а активный, что у меня для этого достаточно силъ и энергіи, да, наконецъ, и сообразительности. Темперамента у меня достаточно, хватить, чтобы дѣйствовать не только въ лабораторіи. Потомъ Савинковъ видѣлся самъ со мной.

— Когда это, въ какомъ мѣсяцѣ?

— Въ августѣ. Видѣлся самъ со мной и снова приглашалъ работать съ собой и уже не въ качествѣ техника, но какъ своего ближайшаго сотрудника. Но я прекрасно понять, что именно онъ отъ меня хочетъ. Онъ просто хотѣлъ сладкими пѣсеньками расположить меня къ себѣ и баобѣщать для видимости чортъ знаетъ что, а на самомъ дѣлѣ онъ хотѣлъ использовать меня, какъ исполнителя какого либо террористическаго акта. Ему понравилось мое прошлое, понравилась моя біографія, и онъ разсчитывалъ, что если я и погибну, совершая какой либо актъ, такъ смертью моею можно будетъ воспользоваться въ агитаціонныхъ цѣляхъ. Вотъ молъ какіе хорошіе люди у насъ есть и идутъ умирать за наше правое дѣло и т. д. Я за это его глубоко возненавидѣлъ и злобу свою глубоко за тайлъ и никогда не прощу ему этого. Я ему отомщу обязательно! Я, вѣдь, очень злопамятенъ и мстителенъ. Я не забываю добро, сдѣланное мнѣ кѣмъ-либо, но я не забываю и зла. Я ему при первомъ же удобномъ случаѣ отомщу за это**) Я предложеніе его отклонилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что я — да, готовъ пойти на все, но хочу вложить все свое творчество, всѣ свои знанія и силы, что роль простого

*) Разумѣется, имя это мною вымышлено, такого имени нѣтъ среди товарищей.

**) На самомъ дѣлѣ я тогда не видѣлся съ Савинковымъ, и онъ мнѣ никогда полезныхъ предложеній не дѣлалъ.

выполнителя мнѣ не улыбается, меня не сможетъ удовлетво- рить, что я вѣрю въ себя и считаю себя ничуть не худшимъ организаторомъ, чѣмъ „нѣкоторые иные“... Онъ сначала было разсердился, очевидно, на меня, потому что это послѣднее вы- раженіе ему не могло понравиться, но спустя нѣсколько дней онъ снова и ужъ серьезно предлагалъ мнѣ совмѣстно работать въ одной организаціи. Онъ предлагалъ раздѣлить сферы дѣя- нія и дѣйствовать самостоятельно, каждой въ своей сферѣ. Но я и отъ этого уклонился и сказалъ, что хочу ѣхать на Волгу и тамъ развернуться, что называется, во всю. Я тогда раски- нулъ предъ нимъ во всей широтѣ картину предстоящей моей дѣятельности на Волгѣ и этимъ далъ понять съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Я такъ увлекся, рассказывая ему о своихъ пла- нахъ, что онъ съ восторгомъ и даже завистью слушалъ меня. Иначе, какъ только съ одобреніемъ, онъ ко мнѣ отнестись, ко- нечно, не могъ. И вотъ тогда то онъ далъ мнѣ адресъ къ одному чиновнику въ Казань и сообщилъ пароль къ нему. Просилъ обставить свое свиданіе съ нимъ абсолютной тай- ной отъ всѣхъ, даже, чтобы ни одна душа не знала и въ Ц. К. О сущности дѣла ничего не сказалъ, такъ какъ не имѣлъ на это права, а сказалъ, что узнаю это отъ человѣка, съ которымъ буду видѣться. Я такъ и сдѣлалъ. Пріѣхалъ въ Казань и, послѣ нѣсколькихъ этаповъ, увидѣлся съ тѣмъ, съ кѣмъ было нужно видѣться. Это оказался человѣкъ, котораго я раньше прекрасно зналъ. Зналъ и онъ меня отлично. Сна- чала мы говорили о дѣлахъ партіи вообще и моихъ намѣре- нійхъ въ частности. Онъ такъ обрадовался мнѣ, такъ обрадо- вался тому, во что я посвятилъ его, что безъ всякихъ предо- сторожностей посвятилъ меня въ то дѣло, о которомъ зналъ и Савинковъ и о которомъ онъ послалъ меня переговорить съ этимъ человѣкомъ. *Дѣло касается Общероссійской военной орга- низаціи высшихъ чиновъ*. Не смѣшивайте съ вообще военной организаціей. Это военная организація именно *высшихъ военныхъ чиновъ**). Видите ли, отчасти, а можетъ быть и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ примѣра младотурокъ, среди нашихъ выс- шихъ военныхъ возникла мысль о возможности создать въ Россіи государств. переворотъ при помощи военной орг-ціи. Конечно, тутъ не малую силу имѣли и чисто кастовые инте- ресы. И это вполне понятно. Положеніе, какое теперь зани- маетъ военный классъ въ Россіи, очень многимъ самимъ же военнымъ не нравится. Съ тѣхъ поръ, какъ военные суды и смертные приговоры, въ изобиліи выносимые ими, стали обыч- нымъ явленіемъ въ нашей россійской дѣйствительности, такъ съ тѣхъ поръ взглядъ общества, взглядъ всей страны на во- енный классъ измѣнился. Въ военной силѣ теперь никто не

*) Ничего похожего въ дѣйствительности я не зналъ и ни съ кѣмъ въ Казани не видѣлся по той простой причинѣ, что я въ Казань и не заѣзжалъ.

хочетъ видѣть защитниковъ и славу отечества, а наоборотъ позоръ и угнетеніе страны. Военный мундиръ теперь сталъ не менѣе позорнымъ, чѣмъ мундиръ полицейщика или жандарма. (При этихъ словахъ мои слушатели характерно переглянулись. Я дѣлаю видъ, что не замѣчаю этого). Отъ участія въ военныхъ судахъ многіе изъ высшихъ военныхъ чиновъ уклоняются, даже не останавливаются предъ выходомъ въ отставку. А такое, напримѣръ, положеніе офицерства, какое царитъ подъ эгидой Сандецкаго въ Казанскомъ военномъ округѣ, представляетъ весьма благоприятныя условія для броженія среди офицерства. Если къ этому прибавить еще общее положеніе дѣлъ въ нашемъ „конституціонномъ“, съ позволенія сказать „конституціонномъ“ отечествѣ, такъ ничего нельзя желать лучшаго для зарожденія названной мной организаціи. Организація эта поставила себѣ серьезныя цѣли и устроилась очень умно. Я не буду подробно излагать вамъ уставъ этой Организаціи, я его постараюсь вамъ доставить написаннымъ. Въ общемъ-то онъ очень напоминаетъ уставъ Пестеля. Теперь я укажу только на нѣкоторыя его части. Такъ, напримѣръ, въ о-цію они принимаютъ только послѣ тщательнаго освѣдомленія о лицѣ. Узнаютъ его, что называется, насквозь. Молодыхъ офицеровъ и особенно „горячія головы“ рѣшено не принимать совсѣмъ. Принимаются только люди уравновѣшенные и установившіеся. За выдачу тайны — смертная казнь. Средства о-ціи составляются и изъ членскихъ взносовъ, но главнымъ образомъ, экспроприруются для сей цѣли средства казенныя.

— Какъ такъ — экспроприруются?

— А очень просто, въ интендантство они стараются втирать своихъ членовъ, и экспроприаціи тамъ совершаютъ безъ всякаго шума, — тихо, мирно, безъ хлопотъ. Такъ что интендантскія хищенія не всѣ и не вездѣ идутъ на личныя потребности интендантовъ, а и въ кассу ихъ о-ціи Кроме того, ей приходится революціонными же путями бороться и за свое собственное существованіе, такъ, напримѣръ, путемъ устраненія нѣкоторыхъ лицъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ, которые препятствуютъ росту этой о-ціи. Сандецкій, конечно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду такихъ лицъ, кои подлежатъ устраненію. Но о-ція свои силы на это затрачивать безъ крайней необходимости и особенно въ началѣ своего существованія не хочетъ, а потому она охотно будетъ пользоваться услугами, помощью въ этомъ отношеніи революціонныхъ партій. Въ данномъ случаѣ — помощью П. С. Р.; но она, т. е. Военная Организація высшихъ чиновъ непосредственно связывается съ партіей, связывается организаціонно не желаетъ. Это, говорятъ, не прочно. У васъ, говорятъ они, въ партіи и провокація и провалы частые и составъ членовъ не такъ строго партійскій, такъ что, оберегая существованіе о-ціи, мы съ

партией С.-Р. будемъ сношаться только черезъ одного своего представителя, да и то не непосредственно, а при посредствѣ третьяго нейтральнаго лица, которое мы, т. е. Воен. О-ція, можемъ выбирать даже не постоянно, а только для отдѣльныхъ случаевъ и даже каждый разъ мѣнять, а не одно и то же лицо, чтобы такимъ образомъ не могли насъ преслѣдить. Денежныя записки у нихъ ведутся всѣ подъ видомъ счетовъ карточной игры. Даже термины для обозначенія нѣкоторыхъ вещей у нихъ взяты изъ карточной игры. Такъ что организация законспирировалась очень строго. Несмотря на то, что я пользовался тамъ безусловнымъ довѣріемъ и несмотря на то, что эта о-ція имѣла ко мнѣ непосредственно просьбу, я видѣлся съ посредникомъ и только съ однимъ представителемъ. Но отъ нихъ узналъ я о другихъ лицахъ. Такъ что я теперь могу указать только на трехъ членовъ этой о-ціи, а именно полковника Кречетовичъ, Черноглазовъ и Панафутинъ. Последній, несмотря на то, что слыветъ какъ ярый монархистъ, но въ о-ціи онъ, на самомъ дѣлѣ, ярый сторонникъ прѣмѣненія террора къ нѣкоторымъ изъ высшихъ сановниковъ. *)

Позднѣе я, конечно, смогу заручиться и документальными данными о дѣятельности о-ціи и спискомъ ея членовъ. О томъ конкретномъ дѣлѣ, для котораго я прѣзжалъ къ нимъ, я умолчу, я о немъ вамъ сообщу позднѣе. Это, вѣдь, не къ спѣху, можете не торопиться съ мѣрами преслѣденія ихней дѣятельности.

— О это важно, это очень важно! — говоритъ Мартыновъ.

— Объ этомъ непременно нужно сообщить въ Петербургъ, это очень важно, — говоритъ Колосовникъ.

— Такъ. Ну вотъ объ этомъ я пока такъ и закончу. Подробностей много, рассказывать о нихъ нужно долго, а теперь я вамъ сообщу о другомъ, не менѣе важномъ дѣлѣ. Это — о подготавливающейся мною экспроприаціи Чебоксарскаго казначейства. Указать на лицъ, содѣйствовавшихъ мнѣ, и на тѣхъ, которые должны были сами непосредственно принимать участие въ этой экспроприаціи, я не могу, нельзя. Но чтобы не дать возможности совершиться ей, такъ я вамъ все же кое-какія указанія сдѣлаю.

— А развѣ и безъ васъ ее могутъ совершить?

— Да, могутъ; я вамъ говорю, что я съ ними все время поддерживаю сношенія и даю имъ кое-какія руководящія инструкціи. Чтобы помѣшать этой экспроприаціи, вы должны спугнуть ихъ, должны сдѣлать видъ, что вы напали на вѣрный

*) Эти три полковника — члены Казанскаго Военнаго Суда. Я ихъ отлично знаю. Панафутинъ — настоящий мерзавецъ, сволочь, а не человѣкъ. Кречетовичъ отличается отъ другихъ нѣкоторой гуманностью, а Черноглазовъ этимъ же, но только рѣже, въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ. Но всѣ они трое выносили не разъ смертные приговоры товарищамъ, такъ что оговоръ такихъ лицъ въ сущности для нихъ ничего не стоитъ, не опасенъ.

слѣдь и сможете ихъ накрыть, нужно произвести переполохъ среди нихъ и этимъ отсрочить моментъ совершенія экса. Нужно спугнуть руководителя этого дѣла, которому я передалъ уже изъ тюрьмы все веденіе боевыхъ дѣлъ въ Поволжьѣ. Для этого вы должны произвести обыскъ въ г. Казани у зубного женщины врача Гурляндъ и, если у ней окажется нелегально проживающій человекъ, такъ его нужно временно арестовать, но именно — только временно и въ тюрьму не помѣщать, а выдержать съ недѣлю въ участкѣ и потомъ освободить. Самую же Гурляндъ ни въ коемъ случаѣ не трогать. *) Нужно ее оставить. Она послѣ произведеннаго у ней обыска сейчасъ же предупредить кое-кого, и это произведетъ такой переполохъ, что чертъ знаетъ что. А если у ней никого изъ нелегальныхъ не накроете, то цѣль все равно будетъ достигнута. Ясно будетъ для всѣхъ, что за руководителемъ слѣжка и, слѣдовательно, съ нимъ дѣло имѣть нельзя. Онъ долженъ скрыться, чтобы не дать возможности полиціи и шпикамъ пользоваться имъ, какъ маякомъ, по которому могли бы выслѣдить и другихъ. Это значительно разстроитъ планы. Ну а потомъ я самъ, выйдя на волю, сдѣлаю еще кое-что, что совершенно сдѣлаетъ невозможной эту экспроприацію.

— А вдругъ, да они какъ нибудь такъ измѣнятъ планы, что мы все равно не сумѣемъ предупредить этотъ эксъ? Вы что нибудь намъ еще сообщите, чтобы мы подробнѣе знали объ обстоятельствахъ этого дѣла. А мы даемъ вамъ честное слово, что ни одно лицо не будетъ арестовано прежде, чѣмъ мы не посоветуемся съ вами, а съ Гурляндъ и съ нелегальнымъ, котораго у ней арестуемъ, мы поступимъ такъ, какъ вы говорите. Вы намъ что нибудь еще дайте, дайте болѣе подробныя свѣдѣнія, чтобы мы не тревожились и могли бы предупредить этотъ эксъ во время, — просить Мартыновъ.

— Извольте! Эксъ этотъ долженъ совершиться не ранѣе открытія навигаціи. Слѣдите за пароходомъ Андреева „Тѣсопромышленикъ“, онъ вамъ укажетъ все. Вотъ и только. Вы понимаете меня.

— Да, понимаемъ. Вотъ какъ у васъ обставлено дѣло!

— Такъ, такъ... За пароходомъ мы установимъ тщательное наблюдение. Онъ теперь гдѣ?

— Здѣсь, около Саратова.

*) Въ своихъ «Запискахъ» Петровъ затѣмъ еще разъ возвращается къ этому указанію на Гурляндъ и пишетъ:

... «Паканунѣ Пасхи нагрянуть проклятые архангелы къ женщинѣ ни въ чемъ повинной, ничего не знающей, перепугаютъ ее, перероютъ все... Это ей скривить передъ праздникомъ... А помню, когда я сидѣлъ въ казанской тюрьмѣ, она приходила въ тюрьму и, по моей просьбѣ, бесплатно пломбировала зубы политическимъ заключеннымъ всей тюрьмы, въ томъ числѣ и мнѣ. За добро я ей плачу неприятностью! Но, думаю, когда она впоследствии пойметъ въ чемъ дѣло, такъ все же не будетъ бранить, порицать меня...»

— Такъ, такъ... Мы на него, Влад. Конст., пожалуй, можемъ поставить своего человѣка въ видѣ служащаго.

— Да, пожалуй, можно. Однако, какъ это все вы успѣли такъ обставить ловко!

— Да это что? А вотъ онъ, не смотря на то что въ тюрьмѣ сидитъ, а умудряется руководить дѣломъ и оттуда. Вотъ это ловко, такъ ловко.

— Вотъ я, пожалуй, сейчасъ передамъ и вамъ кое-что изъ моей переписки. Нѣтъ, пожалуй, это послѣ.

— Зачѣмъ же послѣ? вы дайте намъ сейчасъ.

— Нѣтъ, сейчасъ вы этого отъ меня не получите. Не дамъ, а вотъ я, пожалуй, сообщу еще вамъ и о третьемъ дѣлѣ.

— Прекрасно, давайте за одно уже, — весело, говорить Мартыновъ.

— Конечно, вы должны намъ все сообщить, все что знаете, — говоритъ полковникъ.

— Нѣтъ, ошибаетесь, вовсе я не долженъ вамъ сообщать даже не только что всего, а вообще ничего, до тѣхъ поръ пока не получу что либо съ вашей стороны. Вы вотъ, полковникъ, все время твердите мнѣ — то я долженъ сдѣлать, другое долженъ сдѣлать, это долженъ сообщить, это долженъ написать, все долженъ, долженъ, а за что, собственно говоря, долженъ? Что вы для меня сдѣлали? Ровнымъ счетомъ ничего. Обѣщанія пока только обѣщаніями и остаются. Довольно. Мы съ вами должны пока быть какъ коммерсанты: первымъ долгомъ расчетъ выгоды. Такъ вѣдь? ха, ха, ха, — смѣясь, весело говорю я.

— Конечно такъ! — соглашаются со мной оба.

— Ну, вотъ что, — говоритъ Мартыновъ. — Вы скажите мнѣ откровенно: того, что вы намъ сообщили, достаточно будетъ для своевременнаго предупрежденія этого экса?

— Да, достаточно!

— Я вамъ вѣрю и спрашивать васъ больше не буду. То, что нужно, вы и сами сообщите, когда это найдете нужнымъ.

— И я тоже самое скажу. Вы, слѣдовательно, берете это на свою отвѣтственность?

— Да, беру.

— Ну вотъ и прекрасно. А то, третье-то дѣло не требуетъ немедленнаго же вмѣшательства?

— И даже очень возможно, что требуетъ и очень возможно что возможно скорого, но... но пока все-же опасности нѣтъ. А будетъ, такъ я сообщу, не беспокойтесь. Теперь же говорить объ этомъ я не хочу. А то я выжму изъ себя все и этимъ пожалуй обезцѣню себя, ха, ха, ха! Не то что на самомъ дѣлѣ обезцѣню, но вы это можете вообразить. Пожалуй, удовольствуйтесь и тѣмъ, что уже получили отъ меня. А то, что вы получили, это вѣдь дѣла огромной важности. Вы это понимаете.

— Мы это понимаемъ и глубоко благодарны вамъ и по-

вѣрите, сумѣемъ опрѣнить васъ. Напрасно только вы насъ подозреваете въ недобросовѣстности. Ну, да я надѣюсь, что скоро у васъ это пройдетъ совершенно. Вы увидите, что мы за люди. Во всякомъ случаѣ, мы то вамъ вѣримъ и полагаемся на васъ.

— И знайте, что ваше довѣріе я сумѣю оправдать. Докажу это на дѣлѣ, — говорю имъ я. — А теперь давайте, я напишу вамъ бумажку, нужную для Департамента Полиціи.

— Бумага эта вамъ будетъ возвращена вскорѣ же, такъ какъ я туда пошлю ее только для того, чтобы показать имъ. Бюрократы, вѣдь, тамъ у насъ засѣдаютъ. Имъ документы представъ. А вамъ то, конечно, она ненужна. Зачѣмъ? Мы и такъ вѣримъ вамъ. А я попрошу ее мнѣ немедленно возвращать, тогда вы ее можете куда угодно дѣвать. Она намъ ненужна, а Департаменту скажу, что буду ее хранить у себя. А потомъ, когда и деп. убѣдится въ вашей дѣятельности, такъ, само собой, и ему никакой бумаги ненужно будетъ и про эту бумагу совершенно забыть.

— Да это все равно, — говорю имъ я; — конечно, лучше если она тамъ не застрянетъ.

Бумагу эту я написалъ такъ:

„1909 года, марта 21 дня, я, бывший офицеръ Севастопольскаго гарнизона Андрей Ясненко, *состоялъ* членомъ партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ: сфера моей дѣятельности боевая; былъ судимъ и сосланъ въ каторжныя работы, но въ концѣ 1907-года бѣжалъ изъ Александровской каторжной тюрьмы и скрылся за границу. Проживъ нѣкоторое время тамъ и оправившись отъ болѣзни, возникшей вследствие полученныхъ мною во время оно ранъ, я рѣшилъ вѣхать вновь въ Россію на партійную работу. Отъ предложенія, сдѣланнаго мнѣ Савинковымъ, работать совместно съ нимъ въ Северномъ Боевомъ Отрядѣ я отказался, а имѣя широкое знакомство въ широкихъ партійныхъ кругахъ и благодаря личнымъ хорошимъ отношеніямъ съ руководителями партіи, членами Центральнаго Комитета, мнѣ самому были предоставлены широкія полномочія въ сферѣ моей дѣятельности, и, пользуясь этимъ, я поѣхалъ сюда, на Волгу, какъ руководитель всей боевой дѣятельности въ Поволжьѣ. Отъ Центральнаго Комитета мною была получена санкція на совершеніе террористическаго акта надъ командующимъ войсками казан. Воен. Округа, генераломъ Сандецкимъ, и на совершеніе экспроприаціи казенныхъ суммъ изъ Чебоксарскаго казначейства.

А эти эти были санкціонированы членами Ц. К-та Викторомъ Черновымъ, Натансономъ и Аргуновымъ.

Совмѣстно съ Миноромъ и Бартольдомъ было приглашено нѣсколько лицъ для совмѣстной съ нами работы, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1908 года мы выѣхали разными путями и въ разное время сюда, въ Саратовскую и Самарскую губерніи.

Вслѣдствіе разныхъ между товарищами по партіи, недоразумѣній, возникшихъ еще до моего пріѣзда изъ заграницы и обострившихся еще сильнѣе здѣсь, я здѣсь пришелъ къ рѣшенію бросить партійную работу, выйти изъ партіи.

Но чтобы имѣть средства для существованія и желая вознаграждать себя за цѣлые годы самоотверженной и безкорыстной работы въ партіи, я рѣшилъ совершить здѣсь крупную экспроприацію и прикарманить изъ нея солидную сумму для себя, а потомъ скрыться въ Америку, заявивъ партіи, что я въ силу того, что сталъ извѣстенъ почти вездѣ и всюду полиціи, что вслѣдствіе этого дальше мнѣ работать невозможно, а потому и устраниюсь на время отъ партійной работы. Но 2-го янв. 1909 года я былъ вмѣстѣ съ другими арестованъ въ г. Саратовѣ подъ фамиліей Филатова.

Принявъ предложеніе Нач. Саратов. Губ. Жанд. Управления и Начальника Саратов. Охран. Отд. поступить на службу къ нимъ въ качествѣ секретнаго сотрудника, я подробно объяснилъ имъ о партійной работѣ въ Поволжьи вообще и въ частности сдѣлалъ имъ указанія объ Общероссійской Воен. О-ціи Высшихъ Чиновъ, объ экспроприаціи въ Чебоксарахъ и партійной типографіи въ г. Сырани. А также и о своей личной дѣятельности въ Саратовской, Самарской и Пензенской губерніяхъ.

1909 г., 21 марта.

А. Яценко.

Передаю имъ написанное и спрашиваю — „довольно?“ Они оба сіяютъ и едва сдерживаютъ охватившее ихъ радостное волненіе. Потомъ полковникъ беретъ эту бумажку и кладетъ въ ящикъ своего стола и запираетъ его на ключъ. Онъ точно боится, какъ бы я не взялъ ее у него обратно, но не хочетъ показать, что запираетъ ее отъ меня и говорить:

— Видите, какъ я берегу подобные документы, ни на минуту не оставляю ихъ незапертыми, чтобы какънибудь не забыть, и чтобы не прочли ихъ другіе. Теперь все можно будетъ устроить и скоро и хорошо. Я вотъ сейчасъ же поѣду совѣщаться съ Татищевымъ.

— Съ кѣмъ это еще? — перебиваю я его.

— Съ нашимъ губернаторомъ, съ нашимъ непосредственнымъ высшимъ начальствомъ.

— Зачѣмъ это и о чемъ вы съ нимъ хотите говорить?

— Да вы не безпокойтесь, онъ уже обо всемъ освѣдомленъ. Я обязанъ былъ освѣдомить его, а теперь тѣмъ болѣе, т. к. на побѣгъ вашъ безъ разрѣшенія его я не могу согласиться. Тутъ какъ никакъ, а долженъ пострадать и я и унтера, которые поведутъ васъ. Нужно это обставить какъ слѣдуетъ.

Я гляжу на нихъ пристально на того и другого. Теперь они чувствуютъ себя своего рода побѣдителями, хозяевами положенія. Да, еще бы, какъ имъ этого не чувствовать. Бумага

то моя, вѣдь, теперь у нихъ. Они понимаютъ, что этимъ я за-кабалилъ себя безвозвратно. Но ни тотъ, ни другой явно своего торжества не показываютъ, а, наоборотъ, стараются со мной быть еще вѣжливѣе, еще предупредительнѣе и слятся скрыть свое внутреннее волненіе. Мартыновъ не выдержалъ, — началъ говорить мнѣ комплименты, рисовать заманчивыми красками жизнь мою послѣ выхода моего на волю и потомъ закончилъ тѣмъ, что о планѣ моего побѣга и о способѣ освобожденія изъ тюрьмы Минора, Бартольда, Петровой и другихъ товарищей: „вы, дескать, переговорите съ Влад. Конст., а мнѣ, говорить, нужно ѳбжать, тороплюсь въ одно мѣсто на свиданіе по „серьезному“ дѣлу“. Прощается и уходитъ.

Остаемся одни съ полковникомъ. Онъ мнется, не зная съ чего начать и какъ начать. Я рѣшилъ и виду не подавать, что считаю взаимоотношенія наши измѣнившимися, и начинаю развязно и отчасти весело говорить:

— Я думаю, что для Департамента бумажки этой будетъ достаточно...

— О, да! — перебиваетъ меня полковникъ.

— Я не сталъ тамъ много писать о себѣ. О себѣ я могу подробно написать и послѣ. Да я, собственно, и теперь и послѣ писать о себѣ не хотѣлъ бы, а лучше рассказалъ бы. А то я самъ буду чувствовать себя не свободно, если вамъ будетъ извѣстно изъ моей дѣятельности нѣчто такое, что могло бы мнѣ угрожать серьезнымъ наказаніемъ. Даже и рассказывать я о себѣ подробно, пожалуй, не буду. Для чего вамъ? Знайте меня такимъ, какимъ видите. А если вы будете за мной знать кое-что, я говорю, что можете мнѣ угрожать серьезной карой, такъ я все время буду беспокоиться и тревожиться, предполагая, что чуть-что не поладишь съ вами, такъ вы цапъ-парапъ да и только. Я свободно могу работать тогда, когда мнѣ ничто не угрожаетъ, когда мнѣ нѣтъ основаній скрываться, бѣгать отъ васъ, когда я не связанъ никакими контрактами. Такъ вѣдь?

— Само собой разумѣется, и мы именно такъ вѣдь и хотимъ, чтобы работали у насъ свободно, безъ принужденія. А эта бумага ваша, я говорю, что только для Департамента. Нужно, вѣдь, заручиться отъ нихъ согласіемъ на удовлетвореніе всѣхъ вашихъ требованій.

— Ну, а если Департаментъ не дастъ своего согласія?

— Тогда? Тогда я не знаю, что съ вами дѣлать. Вотъ я и хочу посоветоваться, на всякій случай, съ Татищевымъ. Онъ очень интересуется вами, и, если Департаментъ не пойдетъ на встрѣчу намъ, такъ мы постараемся это дѣло уладить своими силами.

— Прекрасно! Когда же я узнаю о результатахъ вашихъ переговоровъ съ нимъ?

— Да завтра же.

— Какъ же вы извѣстите меня объ этомъ? Такъ часто вызывать меня сюда нельзя?

— Ничего, не бойтесь, мы сумѣемъ это сдѣлать. Я думаю, черезъ день можно опять здѣсь же видаться?

— Ну, хорошо. Слѣдовательно, черезъ день мы увидимся?

— Да, да, чрезъ день я вызову васъ сюда, если все будетъ обстоять благополучно. Я, вѣдь, завтра же жду отвѣта изъ Департамента, что онъ скажетъ о васъ. Если все благопріятно, такъ черезъ день я васъ вызову.

— Отлично! До свиданія!

Ухожу.

* * *

Итакъ, въ этотъ разъ мною былъ сдѣланъ шагъ, безповоротно закрѣпившій мое вступленіе въ непосредственную связь съ охраннымъ. Документъ, выданный мной, есть документъ огромной важности. Въ немъ я, кромѣ указаній на характеръ своей дѣятельности, кромѣ того, что я въ немъ себя выставилъ негодяемъ, авантюристомъ, пользующимся партией для своихъ пѣлей, — въ немъ я указалъ еще и то, что Борисъ Бартольдъ пріѣзжалъ въ Саратовъ, какъ членъ П. С.-Р. для партійной работы, что для сей же цѣли пріѣзжали сюда и Миноръ, Перковскій и Воронинъ. Хотя это имъ и безъ меня извѣстно и хотя у нихъ имѣлись документальныя данныя противъ всѣхъ этихъ лицъ, какъ членовъ П. С.-Р., но это теперь подтверждено, слѣдовательно, и моей бумагой. Кромѣ того, они мнѣ говорили, что имъ извѣстно, что акты эк-совъ и на Сандецкаго санкціонированы членами Ц. К. Миноромъ, В. Черновымъ и Аргуновымъ. Слѣдовательно, у нихъ и объ этомъ имѣлись свѣдѣнія, хотя и не совсѣмъ вѣрныя. Акты эти я не знаю были ли санкціонированы Ц. К.-омъ на самомъ дѣлѣ, но отъ Бориса я слышалъ, что актъ на Сандецкаго санкціонировалъ Ц. К., но при какомъ составѣ, онъ не сказалъ, а я его не спрашивалъ. Полагая, что В. Черновъ, Натансонъ и Аргуновъ, люди достаточно скомпрометированные и находящіеся на волѣ, нисколько не пострадають, если я на нихъ наклею въ своей бумагѣ, а это дастъ мнѣ нужное довѣріе. Это подло, но я рѣшилъ переступить чрезъ это. Только вмѣсто Минора вписалъ Натансона. Итакъ, въ этой бумагѣ, чтобы ничего не выдавать дѣйствительно существующаго, я, создавая миенъ о Воен. Орган. высшихъ чиновъ и объ экспропріаціи чебоксарскаго казначейства, оклеветалъ цѣлый рядъ лицъ. Хотя, я, поступая такъ, прежде всего подумалъ и о томъ, какъ это можетъ отразиться на оклеветанныхъ мною. Рѣшилъ, что они пострадать не должны. Къ тому же, вѣдь, въ скоромъ времени обнаружится истинная цѣль выдачи этого документа, такъ ясна будетъ для всѣхъ и кле-

вета, слѣдовательно — бумага эта будетъ совершенно обезцѣнена. Самое ужасное то, что я на этотъ разъ окунулся съ головой въ грязь и подлости, въ какой и благодаря которой и существуетъ охранное. Но я, вѣдь, заранѣе зналъ это. Рѣшаясь на двойную игру съ охраннымъ въ цѣляхъ интересовъ партіи, я зналъ, что мнѣ придется по горло встать въ грязь и атмосферу мерзости, но я пошелъ и на это. Я говорилъ себѣ: — пусть я встану въ грязь, но я перенесу чрезъ эту грязь въ поднятыхъ рукахъ подъ головой своей, хотя бы для того пришлось и захлебнуться въ грязи, — перенесу чрезъ грязь, высоко держа, чистымъ и незапятнаннымъ знамя партіи.

* * *

Съ полученнымъ отъ Петрова документомъ начальн. саратовскаго жандармскаго управления, полковникъ Семитановскій, отправился въ Петербургъ. За время его отсутствія Петровъ видѣлся еще разъ съ начальникомъ саратовской охраны Мартыновымъ, изъ продолжительной бесѣды съ которымъ мы опускаемъ лишь ея вступительную часть.

— Прежде чѣмъ рассказать вамъ въ чемъ дѣло, вы отвѣтите мнѣ еще на одинъ вопросъ и тоже совершенно правдиво, при чемъ я даю вамъ слово, что каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ на него, я о немъ абсолютно никому и никогда не скажу. Какъ будто я о немъ не слыхалъ отъ васъ. Только отвѣчайте правдиво.

— Обѣщаю, охотно обѣщаю. Спрашивайте.

— Желательно вамъ или полковнику убійство Сандецкаго?

— Что вы?! Какъ можно! Ни въ коемъ случаѣ!

— А если не вамъ, такъ можетъ ли быть это желательнымъ казанскому жандармскому управленію?

— Также ни въ коемъ случаѣ. Если только Сандецкій будетъ убитъ, казанское жандармское управленіе полетитъ къ черту.

— Быть можетъ, полетитъ, но съ повышеніемъ?

— Завѣряю васъ чѣмъ хотите, что это не такъ. Что мнѣ доподлинно извѣстно, что начальн. казанск. жандармск. управл. чуть не головой отвѣтственъ за сохранность Сандецкаго и онъ взялъ на себя эту отвѣтственность. У него есть серьезный сотрудникъ, и онъ вполне надѣется на него, такъ же какъ мы на васъ.

— Чѣмъ же тогда объяснить попустительство какое дѣлается организаціей, задавшей цѣлью убить Сандецкаго?

— Ей-Богу не знаю, — растерянно говоритъ Мартыновъ.

— А вы развѣ не освѣдомлены о всѣхъ дѣлахъ партіи въ Поволжьѣ?

— Освѣдомленъ по столько, по сколько это является нужнымъ для моего района.

— А вы развѣ не областникъ?

— Нѣтъ. У насъ и вообще не существуетъ теперь областника. У насъ теперь нѣтъ такой централизаціи, какая была и есть въ с.-р.-овскихъ организаціяхъ. Мы обязаны немедленно же сообщать другъ другу все, что только знаемъ о томъ, что можетъ касаться того или другого района. Потомъ мы часто съѣзжаемъ, совѣтуемся, такъ что надобности въ областникѣ не встрѣчается. Но, хотя я и не областникъ, мнѣ извѣстно, какъ обстоятъ дѣла въ Казани. Насколько мнѣ извѣстно, тамъ у насъ дѣло поставлено великолѣпно. Тамъ есть у насъ серьезный сотрудникъ, и мѣстное отдѣленіе бываетъ всегда хорошо освѣдомлено о всемъ, что нужно. А что, развѣ вамъ чтонибудь извѣстно?

— А вы что-нибудь знаете о готовящемся покушеніи на Сандецкаго?

— Знаю, но не все. Однако, достовѣрно знаю, что въ скоромъ времени опасаться за него пока нечего.

— Вы думаете? А знаете вы что-нибудь о переполохѣ, какой произошелъ въ тамошней боевой организаціи, благодаря одной ихней неосторожности?

— Нѣтъ, не знаю и тамъ ничего не знаютъ. Ни о какомъ переполохѣ тамъ не слышали. Я видѣлся на дняхъ съ начальникомъ казанск. жандармск. управл., онъ же завѣдуетъ и охраннымъ отдѣленіемъ.

— А завѣряете, что тамъ не можетъ быть попустительства. Какъ же не попустительство, когда они и отъ васъ это скрыли?

— Что, что такое?!

— Нѣсколько недѣль тому назадъ, такъ приблизительно недѣли 2-3-3¹/₂ тамъ, въ Казани, произошла „проруха“ у боевиковъ. Изъ одной конспиративной квартиры, гдѣ обыкновенно часто бываетъ начальникъ боевой летучки, была отправлена съ боевикомъ же „пикриновая кислота“ въ коробкѣ. Извѣстно, что „милинить“ готовится изъ этой кислоты. Отправляли ночью, а несшій ее не замѣтилъ, что когда онъ уронилъ этотъ свертокъ по выходѣ изъ воротъ квартиры, такъ на деревянномъ тротуарѣ и на снѣгу остались слѣды отъ немножко высыпавшейся изъ свертка пикринки. Свертокъ этотъ у нихъ таскался давно, коробка была помята, и изъ нея сильно сыпалось содержимое, но пока не было замѣтно, т. к. она была завернута въ нѣсколько слоевъ. При паденіи же бумага немножко разорвалась, и мало того, что на мѣстѣ осталось немного высыпанной пикринки, она продолжала понемножку сыпаться и всю дорогу. Такъ что путь къ человѣку, приготовлявшему снарядъ, былъ указанъ. А пикринка передавалась именно тому, кто долженъ былъ приготовить снарядъ. Пикринка окрашиваетъ въ характерный желто-зеленоватый цвѣтъ и ни съ платя ни съ тѣла не смывается въ продолженіи цѣлаго мѣсяца. Вечеромъ окраску пикринкой совершенно

не замѣтили, а на утро, конечно, всё только ахнули, увидать слѣды пикринки. Полиція, конечно, не могла не замѣтить тѣхъ слѣдовъ и не могла не знать, чѣмъ именно окрашены вѣдъ-вѣды у двухъ домовъ и путь между ними. Такъ что ясное было, что вотъ-вотъ нагрянуть на эти квартиры. Всё наши, конечно, бѣжать, кто куда могъ, наскоро расчитавшись съ хозяевами, которые только глаза таращили; что это, дескать, съ нашими постояльцами вдругъ случилось? А на одной изъ этихъ квартиръ расчитаться то расчитались, а за багажемъ то такъ и не приходили, — бросили его совсѣмъ. Согласитесь сами, что подобная исторія не могла быть незамѣчена никѣмъ хотя бы изъ филеровъ. Не слѣпными же они ходятъ по городу то.*) Вотъ почему я и думаю, что въ Казани у васъ обстоитъ дѣло не совсѣмъ чисто. Развѣ нельзя предполагать, что тутъ въ дѣйствіяхъ казанскаго жанд. управленія существуетъ еще и закулисная сторона. Сандецкій будетъ убитъ, официально сначала начальника казанскаго управленія какъ бы накажутъ, а потомъ... Развѣ не бываетъ этого? Тутъ у васъ, вѣдь, такая неразбериха идетъ... кто противъ кого или за кого и самъ чертъ не разбереть.

(Думаю себѣ, что хорошо бы было пустить между ними раздоръ; перессорить ихъ другъ съ другомъ, пусть собаки грызутся, отъ этого мы только въ выигрышѣ!).

— Правда то правда это. Вы объ этомъ пока не говорите съ Вл. Конст., я съ нимъ самъ поговорю, и безусловно объ этомъ придется сообщить куда слѣдуетъ. И за нами, вѣдь, тоже слѣдятъ и насъ, вѣдь, тоже обставляютъ слежкой не меньше, пожалуй, чѣмъ васъ, сотрудниковъ. Чертъ знаетъ, какъ вы меня этимъ озадачили. Я и самъ за нимъ кое-что замѣчалъ, но сообщенное вами меня все-таки сильно удивляетъ. Во всякомъ случаѣ, это очень важное, очень важное сообщеніе. Быть можетъ важнѣе, чѣмъ все сказанное вами раньше.

— Такъ вотъ я и спрашиваю васъ, — увѣрены ли вы въ томъ, что въ ближайшемъ будущемъ за Сандецкаго опасаться нечего?

— Нѣтъ, теперь не увѣренъ; даже болѣе того, я склоненъ думать, что теперь именно и нужно за него опасаться всего сильнѣе.

— Почему вы думаете, что именно теперь?

— Да, вѣдь, наступаетъ пасха, будутъ парады войскъ, онъ поѣдетъ въ церковь, съ визитами поѣдетъ и т. д., т. ч. опасности подвергается болѣе, чѣмъ въ обычное время.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно. Планъ убійства его именно на это и расчитанъ. Я объ этомъ имѣю свѣдѣнія. Скажу прямо — онъ будетъ убитъ въ первый день пасхи.

— Что вы! Неужели?!

— Да! Будетъ убитъ!

*) Вся эта исторія, конечно, выдуманна мною.

— Слушайте, неужели ничего нельзя предпринять для предупреждения убійства?

— Можно.

— Скажите, скажите пожалуйста!

— Скажу, если...

— Что если? Скажите, я очень прошу вас!

— Скажите, вы распорядились о томъ, чтобы у Гурляндъ въ Казани былъ произведенъ обыскъ и арестовать на нѣскольکو дней нелегальный человекъ, живущій у нея?

— Нѣтъ, это не сдѣлано пока, такъ какъ...

— Что такъ какъ?

— Видите ли, мы безъ объясненія причинъ не можемъ передавать такое распоряженіе казанск. жандармск. управленію. Какому либо другому могли бы, на примѣръ, самарскому, а казанскому не можемъ.

— Почему это?

— А потому, что такъ оно въ такія условія поставлено.

— ?...

— Да, потому что казанское управленіе имѣетъ своего сотрудника изъ вашихъ и о всѣхъ дѣлахъ бываетъ детально ознакомлено, такъ что начальнику казанск. управленія даны широкія полномочія, и онъ насъ можетъ запросить о причинахъ такого распоряженія, мы же, какъ вы это знаете, объяснить ему этого пока не можемъ. Не можемъ, потому что мы вамъ обѣщали не говорить объ этомъ, а еще и потому, что вашими сообщеніями мы совсѣмъ не хотимъ дѣлиться съ другими, не хотимъ, чтобы другіе составляли на этомъ карьеру. Вы вотъ видите, что разъ начальн. казан. управленія имѣетъ серьезнаго сотрудника, такъ благодаря этому и полномочія имѣетъ болѣе широкія. У насъ, вѣдь, на этомъ и карьера создается: солиднѣе сотрудникъ — власти больше у начальника охраннаго отдѣленія. А казан. начальн. жандарм. управл. благодаря этому состоитъ и начальникомъ охран. отд. Два дѣла ведетъ, два жалованья получаетъ. А вонъ у самарскаго нѣтъ теперь ни одного серьезнаго сотрудника, такъ съ нимъ почти и не считаются у насъ. Да съ мая мѣсяца его районъ, вѣроятно, перейдетъ ко мнѣ, если съ вами поладимъ. Вотъ почему я и не сообщалъ въ Казань о производствѣ обыска у Гурляндъ. Но все-таки какъ же, нужно же, вѣдь, какъ-нибудь предотвратить покушеніе на Сандецкаго?

— Да, какъ-нибудь нужно, чтобы вы предприняли?

— Я? Я не знаю, я ничего сдѣлать не могу. Что скажете, то и сдѣлаю.

— Когда пріѣдетъ полковникъ?

— Вѣроятно, завтра вечеромъ.

— Послѣ завтра утромъ вызовите меня въ управленіе, тогда я вамъ сообщу.

— А теперь ничего не скажете?

— Ничего! Нужно подумать.

— Но чего же тут думать, вы скажите мнѣ планъ убійства, такъ въ зависимости отъ этого и можно будетъ что-нибудь придумать.

— Какъ по вашему, могу я вамъ рассказать вотъ теперь, сейчасъ, планъ этотъ? Я его анаю детально, но я васъ спрашиваю, могу я вамъ рассказать его?

— Почему же не можете?

— Ха, ха, ха. Какой вы наивный человекъ! Послѣ завтра я вамъ и это объясню.

— Ладно! Я не буду къ вамъ приставать съ разспросами. Вы сами знаете, что нужно дѣлать, но я хочу напомнить вамъ, что сегодня ужъ 25-е, а послѣ завтра, слѣдовательно, будетъ 27-е, а паска 29-го, такъ успѣемъ ли мы предупредить Савдецкого, не поздно ли будетъ?

— 27-го? Если увидимся утромъ, пожалуй не будетъ поздно.

— Хорошо. Я вѣрю вамъ. А что это вы тутъ въ своемъ заявленіи писали относительно свиданій тюремныхъ?

— А это нужно было, чтобы не дать намека на что-либо иное тюремной администраціи — во-первыхъ, а во-вторыхъ, — вѣроятно, придется и на самомъ дѣлѣ воспользоваться ими.

— Для чего?

— А у меня велась съ волей переписка при помощи передачи грязнаго бѣлья на волю и получения его оттуда чистымъ. Писалось на швахъ бѣлья и зашивалось. Чтобы у васъ не явилась мысль о голословности моихъ предположеній объ убійствѣ Савдецкого, такъ вы бы могли сами убѣдиться въ этомъ.

— Какимъ же образомъ? Да, и не нужно этого. Господи Боже мой, да развѣ же мы сомнѣваемся въ васъ, развѣ мы и такъ, на слово, не вѣримъ вамъ. Вѣримъ, вѣримъ и никакихъ доказательствъ намъ не нужно.

— А если бы захотѣли повѣрить, такъ вы распорядитесь, чтобы тюремная администрація задержала грязное бѣлье у некоторыхъ заключенныхъ, доставила бы вамъ, а я бы указалъ вамъ, въ которомъ именно бѣльѣ имѣется моя переписка. Вы бы распоролли его, прочли, а потомъ бы опять зашили. Что морщитесь? Вѣдь, такія вещи продѣлываются же вами?

— Избавьте, ради Бога, отъ этого насъ хоть въ данномъ случаѣ. Ей-Богу такъ это неприятно, такое это неприятное занятіе, что, право, лучше не предлагайте и не настаивайте на немъ.

— Нѣтъ, отчего же, если разъ это нужно?

— Ради Бога избавьте! Мы вамъ и такъ вѣримъ. Я лично вамъ довѣряю, какъ никому, и къ тому, что вы говорите, мнѣ не нужно никакихъ доказательствъ.

— Однако, бумагу то тогда просили же меня написать.

— Ахъ, эта бумага! Да, развѣ, она намъ нужна? Вѣдь, это только для департамента.

— Ну, ладно, ладно. Я только указываю на то, что другие то мнѣ все жь-таки не такъ вѣрятъ, какъ вы.

— Не вѣрятъ, потому что не знаютъ васъ, а узнаютъ, такъ и тѣни сомнѣнія не будетъ у нихъ.

— Ну, это вотъ видно будетъ изъ того, что привезетъ полковникъ изъ Питера, а теперь, я думаю, что вы могли бы все жь-таки кое-что сдѣлать по пути исполненія моихъ требованій, разъ ихъ все равнѣ придется же выполнять вамъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, т. е. согласится или нѣтъ департаментъ.

— Напримѣръ, что же именно?

— А хотя бы и то, что сдѣлать намеки Бартольдъ, Милашевскому, Царевскому и другимъ, что они, быть можетъ, могутъ быть освобождены подъ залогъ. Къ тому же приближается Пасха, и такой фактъ по отношенію къ заключеннымъ вполне естествененъ. Нужно имъ заранѣе дать понять о возможности выпуска ихъ подъ залогъ, пусть эта мысль принимается имъ, пусть они сживутся съ ней, это нужно.

— Да, конечно, нужно, но безъ полковника я этого сдѣлать не могу. Милашевскому и Смалдовскому мы уже сдѣлали на дняхъ такіе намеки, и ихъ родные уже начали осаждать насъ, но вотъ нужно подождать пріѣзда полковника изъ Петербурга. Если департаментъ не согласится, такъ мы будемъ дѣйствовать на свой страхъ при поддержкѣ губернатора, и освобожденіе всѣхъ этихъ лицъ будетъ нѣсколько сложнѣе, такъ какъ намъ нужно законспирироваться отъ департамента.

— Прекрасно. Но я говорю вамъ, что медлить не желательно, нужно торопиться. Мнѣ надоѣли всѣ эти переговоры и ожиданія. Да и наконецъ — весна вѣдь, чертъ возьми! Солнце, зелень... На волю скорѣе бы!

— Да, да, весна, весна! Погода чудная, тепло, оживленіе всюду, Волга скоро вскроется...

И Мартыновъ пустился расписывать прелесть весны на Волгѣ. Мнѣ больно было выслушивать это отъ него, — слова о красотѣ природы въ его устахъ казались мнѣ какимъ то святотатствомъ, оскверненіемъ красоты и величія природы. Я постарался остановить потокъ его краснорѣчія, сказалъ, что долго на допросѣ быть не удобно, и что хорошо было бы, если бы онъ вызвалъ на допросъ еще кого-нибудь изъ арестованныхъ въ одно время со мной, ну, напримѣръ, Полякова что-ли, и кое-что поговорилъ бы съ нимъ, разспросилъ бы его про меня кое-что и вообще далъ бы понять, что вы на меня вли и проч., и что стараетесь узнать про меня кое-что. Даже побѣщайте ему освобожденіе, если онъ вамъ сообщитъ что-либо.

— А вдругъ да онъ и на самомъ дѣлѣ сообщитъ намъ о васъ, тогда какъ? Вдругъ, какъ да опять получится нѣчто

похожее на сообщеніе Воронцова? Вѣдь, это испортитъ опять многое?

— Нѣтъ, онъ ничего не скажетъ. Я увѣренъ за него, онъ очень честный, очень порядочный человѣкъ.

— Ну, ужъ будто бы! Ручаться нельзя ни за кого. Я звать его, пожалуй, вызову, но очень то не буду налегать на него. Буду распрашивать, но такъ, чтобы онъ воздержался, не выболталъ бы что-нибудь про васъ. Я его постараюсь сразу же обозлить, возстановить противъ себя, пусть позлится, погорячится малый, а потомъ съ удовольствіемъ и гордостью за себя раскажетъ товарищамъ въ камерѣ. Хе, хе, хе...

— Вотъ, вотъ именно. Ну-съ, такъ мы можемъ попрощаться до 27-го. Утромъ, слѣдовательно, мы увидимся?

— Непремѣнно, обязательно! Пріѣдетъ, не пріѣдетъ полковникъ, — все равно я вызову васъ. До свиданья, до свиданья! Не сердитесь только, ради Бога, на насъ. Вѣдь не сердитесь вы? Да? Ну, конечно, такъ. Я увѣренъ, что какія бы недоразумѣнія ни были между нами, а въ концѣ концовъ мы все-жъ таки столкнемся съ вами.

— Я тоже такъ думаю. Ну, до свиданья!

— До свиданья, спасибо, спасибо вамъ. Вѣрьте мнѣ, что все устроимъ, все уладимъ и черезъ нѣкоторое время займемъ съ вами великолѣпно.

Я уйду. — „Ужъ я тебѣ, прохвостъ, и покажу, какъ мы заживемъ великолѣпно! Погоди, покусаешь свои локти, узнаешь какова наша дружба можетъ быть!“

Какъ понимать все сказанное Мартыновымъ? Ясно одно, что надувать они меня такъ скоро не намѣрены. Ясно, что хотятъ они использовать меня именно какъ провокатора.

Все, что я сказалъ въ сегодняшній день, должно еще болѣе внушить ко мнѣ довѣріе.

Ладно! Поиду дальше. Только бы хватило силы терпѣливо переносить безъ видимой брезгливости общеніе съ ними. Вѣдь это же нужно, необходимо нужно. А разъ нужно, я долженъ сумѣть сдѣлать и это.

* * *

Изъ Петербурга полковникъ Семигановскій вернулся съ приказомъ отправить Петрова для дальнѣйшихъ переговоровъ въ Петербургъ. Приводимъ здѣсь послѣдній разговоръ Петрова съ саратовскими охранниками, происходившій наканунѣ отъѣзда Петрова въ Петербургъ.

— ... Васъ приглашаетъ для личнаго объясненія самъ Герасимовъ. Это начальникъ петерб. охран. отдѣленія. Онъ очень интересуется вами и мнѣ строго запретилъ пользоваться вашими свѣдѣніями для нашихъ нуждъ, для нуждъ Царства. Это для того, чтобы сбережъ васъ для болѣе важнаго.

— Но я вамъ уже, вѣдь, сдѣлалъ сообщенія и сообщенія важныя; съ ними какъ?

— А мы ни одно, кромѣ послѣдняго, т. е. для предупрежденія убійства Сандецкаго, ни однимъ сообщеніемъ не воспользуемся. Вы все это сами расскажите генералу, и что онъ намъ разрѣшить использовать, тѣмъ мы и воспользуемся, а на что наложить вето, про то должны будемъ забыть, не повиноваться ему не можемъ. Герасимовъ — кромѣ того, что начальникъ надъ всѣми нами, но онъ — и сила. Имѣетъ огромное вліяніе вообще на всѣ дѣла внутренней политики, и съ нимъ считаются всѣ, а не то что мы.

— А моя бумага?

— Ахъ, Боже мой, эта бумага! Да, вотъ, извольте ее. Возьмите... гдѣ она у меня... подождите, я розыщу ее. Вотъ она, извольте. Что хотите, то и дѣлайте съ ней. Теперь намъ и это не нужно. Если какая бумага нужна, такъ генераль пусть самъ получаетъ отъ васъ.

Я беру свою бумагу, осматриваю ее. Вижу, что она довольно таки помята, но никакихъ пятенъ и слѣдовъ скопированія какъ будто нѣтъ, а потому и говорю:

— Что же мнѣ съ ней дѣлать?

— Да, если она такъ смущаетъ васъ, такъ сожгите, что ли, — говоритъ Мартыновъ.

— Ладно, къ чему ее вамъ.

Мартыновъ любезно предлагаетъ спичку, и я сжигаю ее на металлической пепельницѣ, а пепель размельчилъ.

— Ну, вотъ, устроили а-у-то-дафе, — улыбаясь говорятъ они.

— Ну, вотъ видите, теперь вы въ Петербургѣ можете разговаривать свободнѣе, — хотите — соглашайтесь, не хотите — не соглашайтесь. Вы ничѣмъ не связаны.

— Когда, Влад. Конст., хотѣли бы вы устроить отъѣздъ его въ Петербургъ? Давайте, обсудимъ этотъ вопросъ. Вамъ, — обращаясь ко мнѣ говоритъ Мартыновъ, — вамъ, вѣдь, я думаю, все равно, когда бы ни отправиться, даже чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, видите ли, мнѣ на этихъ дняхъ еще кое-что должны послать съ воли, еще кое-какія важныя сообщенія, такъ что лучше было бы мнѣ отправиться послѣ Пасхи.

— Что вы, что вы, — возмущенно протестуетъ полковникъ, — да мнѣ строго, на-строго приказано безъ малѣйшаго промедленія отправить васъ, отправить сію же минуту, съ первымъ же поѣздомъ. Даже запрещено вести съ вами всѣ предварительныя объясненія. Герасимовъ боится, какъ бы мы, прощаясь съ вами, не стали бы выспрашивать васъ еще о чемъ-нибудь. И я не имѣю права не отправить васъ завтра же. Ну, сегодня на поѣздъ вы все равно уже не успѣете, а завтра утромъ непременно должны выгнаться. Такъ что вы на насъ не сердитесь; ибо я иначе поступить не могу, мнѣ это строго наказано.

— Но, подумайте, какъ же вы это меня отправите въ Пе-

Петербургъ? Зачѣмъ, — скажутъ товарищи, — въ Петербургъ? Да, вѣдь, это сразу же всѣмъ бросится въ глаза, покажется подозрительнымъ. Чѣтъ, это такъ дѣлать нельзя. Послушайте, вы отправляли въ тотъ же Петербургъ Соболева, потомъ Гребнева, и что же? Для чего было тайной истинная цѣль этой отправки? То то же и есть. Нельзя такъ вотъ просто взять да и отправить. И такъ не поѣду, не позволю отправлять себя, какъ какую то вещь.

— Но, вѣдь, намъ приказано и мы послушаться не можемъ.

— А вы должны кое-что предварительное сдѣлать, кой-чѣмъ обставить мой отъѣздъ, иначе я не поѣду.

— Но какъ же, какъ же это обставить? поѣдете вотъ и все, и знать не будутъ, куда именно.

— Вы думаете, что не будутъ? Ничего, господа, не можетъ быть тайнымъ, если дѣлается не однимъ собой, а двумя, тремя лицами. Тайна? Да, не такіе еще ваши секреты расходятся по тюрьмѣ съ быстротой телеграфныхъ сообщений.

— Такъ что же таки дѣлать? Вѣдь, ѣхать то вамъ туда нужно. Какъ бы вы хотѣли обставить свой отъѣздъ?

— А вотъ какъ: личность моя не установлена окончательно, по крайней мѣрѣ, такъ объ этомъ думаютъ товарищи и тюремная администрація, такъ вы и въ бумагѣ къ тюремной администраціи такъ и напишите, что меня вы берете для отправки въ такой то городъ для установленія моей личности.

— Что жъ, это можно!

— Кроме того, вы сегодня же должны въ тюрьму послать ротмистра, и пусть онъ вызоветъ кого-либо изъ заключенныхъ, изъ общихъ камеръ, знавшихъ меня, ну, напримѣръ, хотя изъ бы 26-й камеры, и пусть ротмистръ при допросѣ его кое-что поразспроситъ про меня, да такъ, чтобы дать понять, что вы меня отправляете для установленія моей личности и именно туда то. А вотъ куда? объ этомъ нужно подумать. По моему, такъ безъ всякаго неудобства можно сказать, что отправляете въ Севастополь, потому что въ тюрьмѣ уже кое-кто знаетъ, что я именно изъ Севастополя; объ этомъ разгласилъ Воронцовъ. Да я и тоже такъ прямо и скажу товарищамъ, простучу имъ черезъ стѣнку, что меня выдалъ Воронцовъ и сеобидилъ вамъ в севастопольскихъ monkъ дѣлахъ, а потому меня и отправляютъ туда.

— Отлично, отлично, — говоритъ Мартыновъ, — а васъ, вѣроятно, тамъ, въ Петербургѣ, такъ прямо освободятъ, такъ версію о побѣгѣ не трудно будетъ и сочинить: бѣжалъ, молъ, съ дороги по пути въ Севастополь, вотъ и все.

— Ну, относительно побѣга-то, положимъ, не такъ просто разрѣшается вопросъ, такимъ способомъ уходить я не согласенъ.

— Но, вѣдь, они именно такъ и хотятъ сдѣлать.

— Мало-ли, что они хотятъ, а я сдѣлаю то, что я хочу. Вы-

ходить такъ, какъ вы сейчасъ говорите, я не желаю. Побѣгъ мой нужно обставить серьезно, чтобы, какъ говорится, комаръ носу не подточилъ.

— А если не такъ, то они мнѣ наказали слѣдующее: чтобы вы просимулировали побѣгъ здѣсь, по цути изъ тюрьмы въ жандармское. И въ Петербургъ ѣхали бы уже свободнымъ человѣкомъ. Это можно продѣлать завтра-же. И завтра-же, не задерживаясь здѣсь ни минуты, вы отправитесь въ Петербургъ. Все это вполне естественно, т. к. васъ здѣшняя полиція знаетъ и задерживаться, слѣдовательно, вамъ здѣсь ни въ коемъ случаѣ нельзя, а потому немедленный отъѣздъ изъ Саратова подозрителенъ. не будетъ.

— А самый актъ побѣга?

— А тутъ дѣло наше. Поведеть васъ одинъ унтеръ, т. к. вы больной человѣкъ, вы бросаетесь въ сторону, гдѣ будетъ васъ ждать на извозникѣ вотъ Ал. Павл., загримированный такъ, что его и свой жандармъ не узнаетъ. Ему мы скажемъ, что здѣсь, въ Саратовѣ, есть какой-то важный революціонеръ, но что мы его найти никакъ не можемъ, и что если дать бѣжать вамъ, такъ вы пойдете обязательно къ нему т. к. онъ вашъ пріятель, и что мы васъ тогда накроемъ обоихъ. Онъ стрѣляетъ вамъ вдогонку вверхъ на воздухъ, тѣмъ дѣло и закончится. Къ тому же вы, вѣдь, и готовились къ такого рода побѣгу, — намъ, вѣдь, извѣстно, извѣстно и то, кто именно изъ техниковъ хотѣлъ помочь вамъ. Теперь уже не тайна, что среди техниковъ мы имѣемъ соотрудника. Такъ вотъ это можно продѣлать завтра-же.

— Господа, вы — люди взрослые, серьезные, а разсуждаете, какъ ребятишки. Вотъ техникамъ, конечно, простительно строить такіе планы побѣговъ, а вамъ-то, слава тебѣ господи, — стыдно! Вы думаете, что такой способъ побѣга никому не покажется подозрительнымъ? Нѣтъ, господа, какъ хотите, а я не пойду такимъ способомъ. Нужно придумать что-либо другое.

— А вотъ, Вл. Конст., почему бы не выполнить тотъ планъ, который мы обсуждали съ вами и съ Татищевымъ (Татищевъ это саратовскій губернаторъ), — говоритъ Мартыновъ полковнику.

— Какой-же это? — спрашиваю я.

— А это таковъ: мы васъ вызываемъ сюда въ жандармское и вы, улучивъ удобный моментъ, убѣгаете. Тутъ можно обставить даже такъ, что вы убѣжите на глазахъ у своихъ товарищей, одновременно съ вами вызванныхъ тоже сюда. Этотъ планъ сложнѣе, но за-то выполнить его можно не такъ-то скоро, какъ первый.

Дальше полковникъ развиваетъ планъ моего побѣга до мелочей. Я слушаю и молчу. Мартыновъ тоже вставляетъ свои замѣчания и дополненія. Однимъ словомъ, они разрабатыва-

ють планъ моего побѣга, какъ будто они мои пріятели, только у нихъ главная задача въ выполненіи плана является законспирированіе симуляціи побѣга, законспирированіе даже отъ своихъ коллегъ.

Когда они просили меня высказать свое мнѣніе по поводу этого плана, то я и къ этому отнесся отрицательно, приводя всевозможныя соображенія, и когда они эти соображенія каждый разъ находили и нашли окончательно неосновательными, такъ я прямо и откровенно имъ объяснилъ, что пусть они и не рассчитываютъ на мое согласіе уходить изъ тюрьмы при помощи ихъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены мои требованія, т. е. пока не будутъ освобождены всѣ товарищи, начиная съ Минора.

Тогда и полковникъ и Мартыновъ отказались предлагать мнѣ что либо и сказали, что они сдѣлать для меня ничего не могутъ теперь и если я свой уходъ изъ тюрьмы ставлю въ зависимости отъ выполненія моихъ требованій, такъ я долженъ обо всемъ договариваться тамъ, въ Петербургѣ.

Я въ концѣ концовъ согласился съ ними и сказалъ, что согласенъ ѣхать въ Петербургъ и завтра, если они сегодня же пустятъ по тюрьмѣ слухъ, что меня везутъ въ Севастополь на уличку. Они обѣщали это послѣднее, и я утромъ слѣдующаго дня, т. е. въ страстную субботу, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, былъ отправленъ сначала въ Москву, а потомъ уже съ московскими жандармами въ Питеръ.!

.

* * *

Въ Петербургѣ Петровъ, не выдержавъ роли, былъ заподозрѣнъ Герасимовымъ въ неискренности, и оттуда его въ кандалахъ отправили, дѣйствительно, въ Севастополь для установленія его личности. По дорогѣ Петровъ сталъ симулировать сумашествіе. Въ Севастополѣ тотчасъ же установили, что онъ не офицеръ Ясенко, за котораго его до тѣхъ поръ принимали жандармы, и его отправили въ Саратовъ, гдѣ подвергли самымъ жестокимъ издѣвательствамъ и преслѣдованіямъ. Такъ какъ Петровъ продолжалъ — и очень удачно — притворяться сумашедшимъ, то его помѣстили въ психіатрическую больницу, откуда скоро, въ маѣ 1909 года, онъ бѣжалъ.

Очутившись на свободѣ, но не оставивъ своего плана контръ-провакаціи, Петровъ снова вступаетъ въ переговоры съ саратовскимъ охранникомъ Мартыновымъ и черезъ его посредство съ Герасимовымъ, который, послѣ всего произошедшаго, относится уже къ нему съ полнымъ довѣріемъ и заключаетъ съ нимъ тотъ договоръ, о которомъ мы подробно говорили въ статьѣ о дѣлѣ Петрова въ „Общемъ Дѣлѣ“ (№ 3).

Тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ за границу и при первой же встрѣчѣ своей съ нѣкоторыми товарищами, Петровъ сообщилъ имъ свой планъ и, понятно, встрѣтилъ съ ихъ стороны единодушное и категорическое осужденіе. Скоро онъ самъ убѣдился въ опасности, непригодности и недопустимости такого плана дѣйствій.

Дальнѣйшее извѣстно.

Вотъ что самъ Петровъ, убѣдившись въ своей ошибкѣ, писалъ впоследствии о своихъ сношеніяхъ съ охранкой и о своей попыткѣ служить революціонному дѣлу путемъ контръ-провокаціи:

То, что я вначалѣ считалъ единственно правильнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимо нужнымъ, теперь я считаю это глубочайшимъ моимъ заблужденіемъ, непониманіемъ, даже величайшей ошибкой. Встрѣчаясь съ людьми, перечитавъ многое изъ литературы, вышедшей за послѣднее время, познакомившись детально съ обстоятельствами нѣкоторыхъ дѣлъ, выслушавъ мнѣнія и взгляды нѣкоторыхъ людей на вещи сходныя по характеру съ задуманными мною, я пришелъ къ сознанию ошибочности, неправильности, нецѣлесообразности, неприемлемости и недопустимости своихъ выводовъ, своихъ рѣшеній. Какъ это ни тяжело, но я долженъ былъ сказать себѣ: — „да, я ошибся!“

Припоминая свои разсужденія и взгляды, высказываемыя нѣкогда мною товарищамъ, по поводу вступленія въ двойную игру съ охраннымъ отдѣленіемъ въ интересахъ партіи, я съ удивленіемъ и къ немалому своему удовольствію вижу въ нихъ если не полное тождество, то, во всякомъ случаѣ, огромное сходство съ тѣмъ, что я думаю по этому поводу теперь, а именно: и теперь и тогда я говорилъ, что ни подъ какимъ видомъ, ни съ какими цѣлями входить съ охраннымъ въ соглашеніе нельзя, что подобный поступокъ не можетъ быть оправдываемъ ни чѣмъ, ни какими расчетами пользы и выгоды, что малѣйшій шагъ въ этомъ направленіи наноситъ партіи страшный вредъ, и только вредъ, и противорѣчитъ традиціямъ партіи и является поступкомъ недостойнымъ члена П. С.-Р., *что входя въ соглашеніе съ охраннымъ, рискуешь не собственной только честью, какъ это я понимала нѣкогда, а честью партіи и, пожалуй, главнымъ образомъ, именно честью партіи, и не своей.* Своей я честью рисковать еще, пожалуй, и могу, но честью партіи рисковать я не имѣю права.

Самый тяжкій проступокъ передъ партией это тотъ, когда членъ ея честь партіи подвергаетъ риску. А я это сдѣлалъ. Да, я рисковалъ честью партіи, я могъ бы ее запятнать, но... но я остановился во время, мною еще не пройдена грань, я остановился на этой грани.

И такъ, благодаря чему, какимъ образомъ я могъ дойти даже до этой грани?! Умомъ я постигаю всѣ причины и факты, приведшіе меня къ рѣшенію необходимости войти въ соглашеніе съ охраннымъ въ интересахъ партіи, но чувства мои отказываются понимать, уяснить это. Какъ я могъ допустить подобное?! Я, я, именно я, а ни кто другой! Я, который всю жизнь въ партіи шелъ такъ прямо, твердо, не уклоняясь съ прямого пути — открытой, прямой борьбы — ни въ ту, ни въ другую сторону, — поступки, поведение котораго были безупречны, я это смѣло могу теперь сказать, чисты и прямы. А путь?! Двойная

игра, притворство, взаимное надувательство, хитрость, низкая хитрость, постоянное соприкосновение съ гнусной подлостью, въ атмосферѣ которой и благодаря которой только и можетъ существовать охранное! Я заклинаю васъ, товарищи, всѣмъ святымъ для васъ, во имя для васъ всего чистаго и дорогаго, не позволяйте въ своей жизни ничего похожаго на то, что я позволилъ себѣ въ своемъ ослѣпленіи, надѣясь извлечь изъ этого пользу, въ своемъ глубокомъ заблужденіи неправильно взглянувъ и односторонне понявъ задачи и цѣли, какія я преслѣдовалъ. Не дѣлайте и даже не задумывайтесь надъ возможностью принести пользу партіи отъ соприкосновенія съ охраннымъ, заклинаю васъ, я говорю, что лучше будетъ, если вы убьете себя въ тотъ моментъ, когда только что придется вамъ въ голову о подобномъ рѣшеніи. Или откажитесь отъ этого рѣшенія немедленно, или убейте себя сейчасъ-же! Ибо можетъ случиться, что уже и смерть не въ силахъ будетъ избавить васъ отъ этой ошибки, и смерть ваша не сможетъ примирить, не явится искупленіемъ вашей вины! Ибо кто можетъ опредѣлить ту грань, черезъ которую перешагнуть нельзя, дальше которой идти не можно? Мнѣ думается, мнѣ кажется, и, я въ этомъ убѣжденъ, я въ это вѣрю, что я, что я-то не перешагнулъ этой грани, я не пошелъ дальше ея, я не запутался. Но представьте, какъ было легко запутаться, какая масса случайностей окружаетъ меня, какъ было легко остуниться, и... и дальше уже не было бы выхода. Ни что тогда, — ни геройство, никакіе подвиги, ни смерть, ни самыя ужасныя страданія души, ничто уже не искупило бы содѣяннаго. И теперь, когда я образумился, остановился во время, и теперь я пережить ужаснѣйшія страданія. Отчаяніе, крайнее отчаяніе безвыходности и ужасъ, только одинъ *ужасъ собственнаго существованія!*

А. Петровъ.

Р

О пыткахъ въ Рижскомъ Сыскномъ Отдѣленіи

Рижской администраціей, по инициативѣ Начальника Рижскаго Сыскаго Отдѣленія Грегуса и полицеймейстера Нилендера, выработана проектъ реорганизациіи сыскаго и для этой цѣли испрашивается черезъ Министра Вн. Дѣлъ ассигновка въ 47000 руб. Рижскому Сыскаму Отдѣленію. Это тотъ же, извѣстный по запросу, въ II Государ. Думѣ, Грегусъ, начальникъ знаменитаго «Музея» пытокъ. Если же Грегусъ успѣлъ при 13,000 рублѣхъ надѣлать столько всякихъ дѣлъ, то можно представить, что будетъ при 47000 рублѣхъ.

(Изъ сообщеній столичныхъ газетъ).

Объ испрашиваемой Грегусомъ суммѣ для болѣе успѣшнаго развитія пытокъ правительству внести, вѣроятно, отдѣльный законопроектъ въ Гос. Думу, и поэтому не безынтересно будетъ сообщить какъ нашимъ депутатамъ оппозиціи, такъ и всему культурному міру о тѣхъ ужасахъ пытокъ, которымъ Грегусъ до сихъ поръ подвергаетъ политическихъ арестованныхъ. Писущій эти строки прошелъ два раза, въ 1906 и въ 1907 году, всю серію пытокъ въ Рижскомъ Сыскаму Отдѣленіи. Находясь почти два года въ русскихъ тюрьмахъ, я, кромѣ того, встрѣтилъ массу лицъ, тоже подвергнутыхъ пыткамъ въ „Музеѣ“, и теперь хочу сообщить только нѣкоторые извѣстные мнѣ факты, еще до сихъ поръ нигдѣ не опубликованные.

Система пытокъ арестованныхъ какъ въ Ригѣ, такъ и во всемъ Прибалтійскомъ краѣ возникла и получила широкое примѣненіе въ концѣ 1905 года и въ началѣ 1906 года, когда нѣсколько полицейскихъ приставовъ, во главѣ съ Грегусомъ и сообщая съ нѣмецкими баронами, основали „Тайную каморру расправы“ (selbstschutz), заданіемъ при этомъ цѣлью фабриковать, при помощи пытокъ, дѣла и „доказательства“ противъ тѣхъ, которыхъ подозрѣвали какъ революціонеровъ, чтобы на основаніи этихъ сфабрикованныхъ пыткой „уликъ“ военный судъ могъ выносить смертные приговоры.

Въ началѣ 1906 г. пытки производились въ подвалѣ подъ сысканымъ отдѣленіемъ. Осужденные теперь на каторгу по дѣлу 36-ти: *Рубинштейнъ, Грудбергъ, Навле* и находящійся теперь въ Рижской Центральной Тюрмѣ *Любовъ Боровскій* описали мнѣ тѣ методы пытокъ, какіе къ нимъ примѣнялись въ ту пору. Привели въ подвалъ, гдѣ по стѣнамъ были развѣшаны орудія пытокъ: нагайки, щипцы, клещи, резиновые и проволоочныя тиски, ремни. По серединѣ подвала, — скамья пытокъ, а противъ нея — висѣлица. Били ихъ нагайками рвали волосы и тѣло щипцами. У Грудберга каблуклами сапоговъ совершенно грудь разбили — въ тюрмѣ все время кровью

харкалъ. Наконецъ, видя, что и эти пытки не могутъ заставитьъ ихъ подписаться подъ фантастически составленными протоколами палача потащили Рубинштейна и Грундберга къ висѣлицѣ. Надѣли петлю, поставили на подмостки и говорятъ: если не подпишешься подъ протоколѣмъ, то мы тебя повѣсимъ — даемъ 3 минуты сроку на размышленіе. Проходитъ одна, вторая и третья минута мучительнаго ожиданія смерти. Считаютъ: „разъ, два, три“ — тѣ отказываются подписаться — тогда натягиваютъ веревку и вѣшаютъ. Видя, что повѣшенный уже посинѣлъ, близокъ къ смерти — опускаютъ веревку, приводятъ въ чувство и требуютъ опять подписаться и оговорить ложно товарищей. Послѣ новаго отказа дать „откровенныя признанія“ опять вѣшаютъ и опять, въ послѣднюю секунду, опускаютъ на землю. Опять отказываются, опять вѣшаютъ и почти мервыхъ вынимаютъ изъ петли. Грундбергъ не выдержалъ этой пытки и оговорилъ ложно нѣсколько лицъ, на основаніи чего военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни.

Не менѣе ужасенъ и другой фактъ, относящійся къ тому же дѣлу 36-ти. Въ началѣ января 1906 года были случайно арестованы на улицѣ: нѣкто по кличкѣ „Звѣзда“, Бушманъ, Ревальдъ и Андре. Послѣ того, какъ полиціи ничего не удалось выколотить изъ нихъ, ихъ подъ конвоемъ солдатъ и въ сопровожденіи офицера вывели за городъ, въ мѣстность, называющуюся Гризенбергомъ. Офицеръ обращается къ нимъ со словами: „Тотъ, кто не сознается и не укажетъ своихъ товарищей, будетъ разстрѣлянъ.“ Перваго вывели и поставили подъ разстрѣлъ „Звѣзду“. Тотъ отказывается вступить въ какіе бы то ни было разговоры съ офицеромъ. Радается команда: „рота пла!“ и „Звѣзда“ падаетъ, пронзенный десятками солдатскихъ пуль. Очередь за Бушманомъ. Онъ тоже отказывается исполнить требованіе офицера и падаетъ, тяжело раненный нѣсколькими пулями въ шею и плечо. Чтобы удостовѣриться дѣйствительно ли Бушманъ мертвъ, офицеръ зажженной спичкой поджигаетъ ему губы. Но тотъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, и офицеръ оставилъ его, хотя, въ дѣйствительности, Бушманъ еще былъ живъ. Ревальдъ, мальчикъ 18 лѣтъ, охваченный дикимъ ужасомъ смерти разстрѣлянныхъ на его глазахъ товарищей, „признался“ офицеру и даже ложно оговорилъ много лицъ. То же сдѣлалъ и Андре. Въ мертвецкой, передъ вскрытіемъ, Бушманъ очнулся. Его вылѣчили, и впоследствии мнѣ пришлось сидѣть съ нимъ нѣкоторое время. На военномъ судѣ по этому дѣлу присяжные повѣренные Шобловскій, Н. Д. Соколовъ и кн. Андронниковъ цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ документовъ доказали, какъ самый фактъ разстрѣла „Звѣзды“, такъ и то, что показанія Андре и Ревальда фантастичны. Несмотря на это, военный судъ, основываясь только на добытыхъ такимъ образомъ „свидѣтельскихъ“ показаніяхъ, приговорилъ массу лицъ къ смерти и на каторгу. Такъ дѣйствуетъ въ Ригѣ „правосудіе“, но объ этомъ напишу въ другой разъ.

Теперь возвращусь къ пыткамъ въ Сыскомъ Отдѣленіи.

Я былъ арестованъ въ мартѣ 1906 г. Привели въ сыское, обыскали, нашли паспортъ на чужое имя. Допрашиваютъ — я отказываюсь отъ всякихъ показаній. Входитъ въ мою камеру тов. прокурора Бусло и жандармскій подполковникъ фон-Арониусъ. Спрашиваютъ, какъ меня зовутъ, и требуютъ, чтобы я сознался въ „преступленіяхъ“. — я отказываюсь отъ всякихъ разговоровъ. Тогда Бусло

выходя из камеры, обращается къ начальнику сыск. отд. Пятницкому: „Поговорите Вы съ нимъ по своему“, а ко мнѣ со словами: „Завтра Вы будете иначе разговаривать“. И смѣется противной улыбкой палача. Скоро я понялъ, что означаютъ слова прокурора. Часовъ въ одиннадцать вечера врывается въ мою камеру цѣлая свора солдатъ во главѣ съ шпикомъ Давусомъ. Начинается дикое избіеніе прикладами, кулаками, каблуками; кровь течетъ изъ глубокихъ ранъ на рукахъ, на ногахъ, на всемъ тѣлѣ. Затѣмъ меня схватываютъ и тащатъ на третій этажъ, куда въ это время была, изъ подвала, перебедена инквизиціонная камера. Солдатъ ударомъ приклада въ спину вталкиваетъ меня въ большую комнату, посрединѣ которой стоить, покрытый краснымъ сукномъ. На немъ судейскій пюпитръ съ двуглавымъ орломъ. За столомъ засѣдаетъ инквизиціонный трибуналъ: тогдашній начальникъ сыскн. отдѣленія Пятницкій, смотритель арестн. дома Собецкій, помощн. начальн. Михѣевъ, помощн. пристава II московской части Александровъ, Давусъ и еще незнакомый мнѣ офицеръ.

На стѣнѣ красуется царскій портретъ — торжественный полицейскій судъ. Передъ столомъ площадка, огороженная высокими перилами. Меня поставили на площадку, а по сторонамъ стали двое палачей съ плетками изъ толстаго корабельнаго проволочнаго каната, облитыхъ въ концахъ свинцомъ. Въ углу комнаты цѣлая куча отбросныхъ при обыскахъ книгъ, газеты, какая то арестованная типографія. Собецкій тогдашній руководитель пытокъ, обращается ко мнѣ со слѣдующими словами: „Молодой человекъ, здѣсь кругомъ четыре стѣны, Богъ, да я. Что захочу то и сдѣлаю — захочу убью, захочу искалѣчу, и мнѣ за это ничего не будетъ; поэтому совѣтую во всемъ сознаться намъ чистосердечно.“ Давусъ перечисляетъ цѣлый рядъ убійствъ, увѣряя, что это я сдѣлалъ. Тогда, по поданному знаку, на меня набрасываются палачи. Начинается борьба неравная, отчаянная. Вскрываютъ изъ-за стола всѣ сидѣвшіе. Собецкій колѣномъ налегаетъ на горло, душить. Михѣевъ каблуками сапоговъ бьетъ по головѣ, Давусъ держитъ за ноги, другіе за руки, и палачи приступаютъ къ своей звѣрской работѣ. Боль отъ ударовъ оглушительная, кажется, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ ударяють, тѣло разсѣчено по поламъ. Отъ нечеловѣческой боли и отъ потери крови я лишился чувствъ. Очнулся, облитый холодной водой, среди большой лужи крови. Тотчасъ же мнѣ затагнули руки на спину въ желѣзные тиски „браслеты“ до того, что все мясо до костей было раздавлено. Подняли на воздухъ руки и повѣсили на высокой барьеръ. Я очнулся висячимъ на затанутыхъ рукахъ. Одинъ палачъ нажимаетъ „браслеты“, подъ которыми кости рукъ хрустятъ, а другой, Александровъ, толстой резиновой пинкой, наполненной свинцомъ, начинаетъ наносить удары по затылку, шеѣ и плечамъ. Пытка эта невѣроятная — голова какъ будто лопается, глаза выкатываются изъ орбитъ, на губахъ цѣна. Въ ушахъ оглушительный звонъ, передъ глазами огненные круги. Разумъ мутится, и наступаетъ обморокъ. Привели въ чувство, требуютъ „приванія“ — откаиваюсь. Тогда съ дикимъ бѣшенствомъ набрасывается на меня вся эта свора кровожадныхъ собакъ и начинаетъ бить и истязать кто какъ можетъ: кто рветъ щипцами волосы, поджигаютъ тѣло сигарами, папиросами, а палачи наносятъ пинками одинъ ударъ за другимъ, одинъ страшнѣе другого. Лицо опухло, однимъ глазомъ я уже ничего не вижу. Въ головѣ хаосъ, безуміе. Все тѣло лижетъ, какъ огненными языками, боль. Въ

душу заползаетъ предсмертная тоска, въ груди клокочетъ яростъ обиды отъ смертельнаго оскорбленія, униженія. Изъ ранъ сочится кровь. А пытка все длится, все длится. Когда же кончится... Силь больше нѣтъ. Готовъ уже вырваться, такъ долго и нечеловѣческими усиліями сдерживаемый вопль... на потѣху палачамъ. А пытка все длится. Къ счастью, наступаетъ разсвѣтъ, палачи торопятся кончить свое темное дѣло. Составляютъ протоколъ и бросаютъ меня обратно въ карцеръ.

Измученный до смерти, я кое-какъ доползъ до наръ, но ни сидѣть, ни лежать нельзя отъ ощущаемой повсюду невыносимой боли. Днемъ вошелъ еще ко мнѣ Александровъ съ солдатами. Еще разъ набили, предъявили какимъ то лицамъ, которые опознали меня. После этого оставили меня въ покоѣ, но морили голодомъ: въ день давали только полъ фунта бѣлаго хлѣба. Черезъ нѣкоторое время опять пришли ко мнѣ тов. прокурора Бусло съ жандармскимъ полковникомъ фонъ-Андрюсомъ. Я заявилъ, что меня подвергли страшнымъ пыткамъ.

— Это насъ не касается, жалуйтесь губернатору.

— Конечно, насъ не касается, насъ не пытали, но, какъ блюститель закона, вы должны на это обратить вниманіе и прошу объ этомъ составить протоколъ!

— Не разсуждать! — былъ грозный отвѣтъ.

На военномъ судѣ свидѣтельница Экерныя, которой полиція меня предъявила для опознанія, удостовѣрила подъ присягой, что въ сыскомъ отдѣленіи я былъ изуродованъ до неузнаваемости, и что, когда она меня видѣла, я былъ весь въ крови. При пыткѣ Давусъ, чтобы остановить сильное кровотеченіе, засунулъ вату въ раны. Я сохранилъ эту вату съ запекшейся кровью и волосами и предъявилъ ее суду.

Осужденныхъ на каторгу по тому же дѣлу, по которому привлекался и я, *Алексея Плотникова, Мавскаго, Шимкунаса и Лазерсона* подвергли такимъ же пыткамъ, какъ и меня, и въ сыскомъ я слышалъ ихъ вопли подъ пыткой.

Интересно свидѣтельское показаніе на томъ же засѣданіи Рижск. воен. суда (5 сент. 1906 г.) караульнаго офицера, георгиевскаго казачка. Привожу его дословно

„Будучи назначеннымъ стоять на караулъ въ Рижскомъ Сыскомъ Отдѣлѣ, я повелъ на верхъ, по требованію нач. сыска: отд., арестованнаго Алексѣя Плотникова. Спустя нѣкоторое время слышу стоны изъ той комнаты, куда былъ введенъ Плотниковъ. Открываю двери и вижу, что Плотниковъ лежитъ связанный на полу и ему резной пинкой наносятъ полицейскіе пристава удары. Я вырвалъ изъ рукъ одного пинку и не позволилъ больше пытать.“

На вопросъ предсѣд. суда, какова же была эта пинка, офицеръ отвѣтилъ, что у него въ дѣтствѣ была подобная пинка но разбѣравъ гораздо меньше и то онъ могъ ею палку перешибить!

Подъ невыносимой пыткой меня ложно оговорили *Гроубиль и Виролъ*. Но на судѣ они взяли свои показанія обратно. И такъ какъ мнѣ и еще двоимъ подсудимымъ удалось доказать, что насъ подвергли пыткѣ, то насъ оправдали.

Пытка страшнѣе смерти, страшнѣе всего. Люди подъ пыткой не только ложно оговариваютъ другихъ и тѣмъ самымъ, при рижскихъ порядкахъ, посылаютъ тѣхъ на смерть и каторгу, но и берутъ на себя обвиненія, влекуція смертную казнь. Сыскн. Отд., въ буквальномъ смыслѣ, фабрикуетъ дѣла, нисколько не разбираясь въ винов-

ности. Следователь и прокуроръ подтверждаютъ, военный судъ санкционируетъ смертнымъ приговоромъ, попъ передъ висѣлицей свящаетъ, а палачъ на вѣки закрываетъ уста тѣхъ, которые могли бы сказать страшную, душу леденящую правду о тѣхъ пыткахъ и страданіяхъ, которымъ они были подвергнуты въ сыскномъ отдѣленіи. Палачи умѣютъ хоронить своихъ обличителей. А тѣхъ, которыхъ даже военно-полевой судъ отказывался послать на разстрѣль, этихъ Грегусъ отправлялъ или въ Рижскій уѣздъ или въ Гробинь, недалеко отъ Либавы, а тамъ ихъ разстрѣливали безъ суда подъ нѣвѣстнымъ предлогомъ: „убить при попыткѣ бѣжать.“ Такими сообщеніями пестрѣли въ 1906 и 1907 годахъ всѣ прибалтійскія газеты. Особымъ усердіемъ отличался въ убійствахъ „при попыткѣ бѣжать“ помилеванный недавно Сенатомъ приставъ Іонинъ. О немъ, между прочимъ, собранъ обширный матеріалъ въ запросѣ въ II Гос. Думѣ о пыткахъ въ Ригѣ. Здѣсь упомяну только про одинъ выдающійся своимъ особымъ звѣрствомъ фактъ.

Недалеко отъ ст. „Олхи“ драгуны отвели неизвѣстнаго молодого челоуѣка въ лѣсъ, привязали ему ноги къ двумъ лошадямъ и погнали. Живой челоуѣкъ былъ разорванъ пополамъ. Осужденный теперь на безсрочную каторгу и находящійся въ Рижской тюрьмѣ Осисъ, вмѣстѣ съ другими товарищами нашли, его въ такомъ разорванномъ видѣ.

Въ концѣ 1906 г. начальникомъ сыскн. отд. былъ назначенъ приставъ рѣчной полиціи Грегусъ и тотъ довелъ систему пытокъ до чудовищныхъ размѣровъ.

Я былъ арестованъ во второй разъ въ Петербургѣ 17 окт. 1907 г. и отправленъ въ Ригу специально для пытки. Нѣкоторые мои товарищи подѣ пыткой въ Сыскн. Отд. выдали меня. Приводятъ меня въ канцелярію къ Грегусу, и тотъ начинаетъ перечислять по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, что я организаторъ-техникъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и т. д. Кончилъ и говоритъ: „вотъ видите, я про васъ все знаю, даже еще больше знаю, но неважѣмъ раскрывать свои карты; совѣту сознаться во всемъ; внайте, что здѣсь „музей“ и что здѣсь не шутятъ. Даю полчаса на размышленіе.“ Когда я выходилъ изъ кабинета, онъ еще спросилъ меня: „Въ 1906 г. здѣсь были?“ — Былъ. „Получилъ? — Получилъ. „Ну, что въ шестомъ году, пустыки. Мы теперь почище работаемъ“.

И дѣйствительно, я скоро убѣдился, что „почище работаютъ.“ Прошло полчаса, а у меня лишь одно размышленіе: выдержать бы только ту адскую пытку, которая меня ожидаетъ. Но разъ въ 1906 г. выдержалъ, почему бы теперь не выдержать? Вдругъ отворяется дверь моего карцера, и тащатъ меня въ инквизиціонную камеру, которая теперь, послѣ запроса во II Госуд. Думѣ и сдѣланнаго Трусовичемъ выговора Грегусу „въ неосторожности“, была перенесена со того этажа*) на первый этажъ, рядомъ съ кабинетомъ Грегуса. Всѣ инструменты пытки изъ историческаго „музея“ перенесены тоже внизъ и днемъ хранятся подѣ кроватью главнаго палача Паволота, который спитъ въ томъ же корридорѣ, гдѣ карцеръ арестованныхъ. А историческій „музей“ находится какъ разъ надѣ карцерами. Снаружи, на дверяхъ, большими буквами написано: „музей“; внутри надѣ дверью, челоуѣческой черепъ, надѣ нимъ черное знамя анархи-

*) Раньше она находилась на третьемъ этажѣ, но осенью 1906 г. была переведена на этажъ ниже.

стова съ надписями, — напротивъ красное знамя с.-д., въ углу стоитъ вышедшій изъ употребленія теперь желѣнный стулъ, на которомъ поджаривали людей, въ другомъ углу скамейка съ ремнями, „самолетка“. Инструменты же пытокъ перенесены изъ шкафовъ внизъ.

Вводить меня въ комнату пытокъ. За столомъ засѣдаютъ: полицеймейстеръ Нилендеръ, его помощникъ, три или четыре полицейскія пристава, пом. нач. сыскн. отд. Михѣевъ, какой-то жандармскій полковникъ, кажется нач. охр. отд. Грегусъ лежитъ на кушеткѣ и руководить всей пыткой. Передъ столомъ стоятъ „с.-д. скамейка“ со сложенными на ней веревками. Въ сторонѣ отъ скамейки сидятъ нѣсколько сыщиковъ во главѣ съ Давусомъ и Пупиломъ, тамъ же смотритель II-го мирового арестнаго дома Геригуть или Геригроссъ. Палачи стали по обѣ стороны скамьи пытокъ съ засученными руками красныхъ рубашекъ, въ страшныхъ маскахъ. Одна эта картина нѣквизиціи наводитъ ужасъ — видно, что здѣсь не то, чтобы разсвирѣпѣвшій противникъ, вымещающій свою злобу — нѣтъ, здѣсь собрались изверги человѣчества на оргію сладострастія, жестокости, здѣсь пахнеть утонченной пыткой, кровью, позоромъ человѣчества. Предлагаютъ мнѣ „сознаться во всемъ“, т. е. выдать и свое дѣло. Я отказываюсь. Тогда вяжутъ на скамейкѣ. Геригуть садится на голову, затыкаетъ ротъ какой-то смрадной тряпкой изъ отхожаго мѣста, пропитанной кровью человѣческой, и начинаетъ нажимать въ углубленіи головы подъ ушами. Постепенно темпъ тренія костями согнутыхъ въ кулакъ пальцевъ становится все болѣе и болѣе быстрымъ. Боль отъ этой „операци“ можетъ свести человѣка съума. Грегусъ же въ это время командуетъ:

— Ну, начинай съ Божьей помощью!

Надо сказать, что „Божьей помощью“ называется на языкѣ этихъ палачей палка съ свитой въ серединѣ проволокой, облитая гутаперчей и съ концами, наполненными свинцомъ. Одинъ палачъ начинаетъ въ тактъ наносить удары все по одному и тому же мѣсту, отчего все мясо превращается въ какую-то черную массу, въ одинъ сплошной кровоподтекъ и рану. Страданіе дикое, невыносимое — грудь отъ боли готова разорваться; кажется, что кто-то за сердце зацѣпилъ крючкомъ и терзаетъ и тащитъ по горлу изъ груди. Второй палачъ, Хвѣтковъ, снимаетъ сапоги и такой же пинкой начинаетъ ударять по пяткамъ. Отъ этихъ страшныхъ ударовъ разумъ мутится, кажется, что кто-то тупымъ ножомъ разрѣзалъ тебя отъ пятокъ до головы и сверлить въ мозгу. Палачи дѣлаютъ свое дѣло съ дикимъ опяненіемъ, издавая время отъ времени только какое-то звѣрское рычаніе. Удары все учащаются и наносятся съ все возрастающимъ остервенѣніемъ... Вотъ близокъ ужъ обморокъ, но палачи не допускаютъ человѣка до блаженной минуты отдыха — обморока, останавливаются, поднимаютъ со скамьи.

— Скажи!

— Ничего не знаю, — отвѣчаю я.

Тогда опять вяжутъ на скамью и пытка возобновляется.

— Скажи!

— Нѣтъ.

Оргія пытокъ продолжается. „Судьи“ уже не могутъ усидѣть на своихъ мѣстахъ. То Грегусъ, то другой подсакиваютъ, вырываютъ

ишь рукъ палачей пинку и со словами „такъ надо работать!“ — наносить удары, съума сводящие отъ боли.

Все чаще и чаще раздается грозное слово:

— Скажи!

— Ничего не знаю, — одинъ и тотъ же отвѣтъ.

Съ дикимъ бѣшенствомъ палачи вцѣпляются зубами въ израненныя мѣста, кусаютъ, рвутъ тѣло, какъ кровожадные собаки. Бросаютъ на землю и мѣсятъ каблуками страшно болящія раны, схвативъ за волосы ударяютъ головой о скамью, о полъ. Нѣтъ словъ передать весь тотъ ужасъ пытки, которой подвергается всякій, попавшій въ лапы этихъ кровожадныхъ собакъ. Ночь проходитъ, а пытка страшная, безумная все длится, длится. Наконецъ, устали палачи и съ проклятиемъ бросаютъ меня обратно въ карцеръ. Тамъ уже сидѣлъ подвергнутой пыткѣ *Эмертс*. Я самъ видѣлъ его тѣло, превращенное въ какую-то черную массу. Его тоже топтали ногами, рвали ему щипцами волосы, ломали руки и ноги. Мы рѣшили какъ-нибудь покончить съ собой, чтобы не испытать дальше пытки и униженія. Вѣдь жизнь по сравненію съ пыткой чепуха! Сдѣлали изъ бѣлья веревки, но негдѣ повѣсить: кругомъ голыя стѣны, окно высоко — а за дверью наблюдаетъ недремлющій часовой. Рѣшили затянуть петлю руками, — но это невозможно: въ послѣднюю минуту, когда начинаешь уже терять память, руки дѣлаются бессильными и петля растягивается. Три раза такъ пытались, — но съ однимъ и тѣмъ же результатомъ. Тогда нашли осколокъ стекла и пытались перерѣзать артерію — стекло кожу и тѣло разрѣзало, а жила упругая, и ее перерѣзать не могли. И судьба, вопреки нашей волѣ, заставила насъ выпить чашу страданія до дна.

Пытка страшнѣе смерти, и смерти истязуемой ждешь, какъ величайшаго счастья, избавленія. Только за то время, пока я находился въ сыскномъ отдѣленіи, я былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ попытокъ къ самоубійству. *Саука* былъ подвергнутъ страшной пыткѣ и, не чувствуя себя больше въ силахъ выдержать, принялъ ядъ, но порцію четыре раза сильнѣе, отчего получилась такая сильная реакція, что моментальной второй ядъ выбросило обратно. Сейчас его отправили въ больницу, гдѣ вылѣчили, хотя, по словамъ доктора, если бы его привели на 5 минутъ позже — то было бы поздно. Еще больного его привели изъ больницы обратно въ сыскное отдѣленіе. Тамъ его опять подвергли пыткѣ по пяткамъ и, „по американски“ связаннаго по рукамъ и ногамъ и стянутаго въ комокъ, били по половымъ органамъ. раскачивали въ воздухъ и съ силой ударяли о полъ. Больной чело-вѣкъ не выдержалъ пытки и указалъ полиціи какой-то адресъ на Ревельской ул. Застигнутые тамъ товарищи оказали сопротивление, и на утро въ сыскное привезли пять звѣрски изуродованныхъ труповъ.

„*Сампер*“ — *Бернгардъ* — чело-вѣкъ съ слабымъ организмомъ, чтобы избавиться отъ дальнѣйшей пытки, принялъ какой-то медленно дѣйствующій ядъ, — но это замѣтили и ему въ сыскномъ же дали противоядіе и вылѣчили, послѣ чего продолжали надъ нимъ звѣрскую пытку: били пинками, топтали сапогами, рвали волосы; когда же приступили къ пыткѣ „по американски“ и со всего размаха ударили его о полъ, то кровь стала бить фонтаномъ изъ горла.

Крулишь и одинъ анархистъ (имя его позабылъ, онъ теперь лежитъ теперь сумасшедшимъ въ тюремной больницѣ) приняли морфій. Находившійся въ ихъ камерѣ уголовный сообщилъ сейчасъ объ этомъ

Граусу. Полицейскіе вмѣстѣ съ нѣкъ фельдшеромъ гурьбой завалили въ камеру и стали насилу вливать имъ въ ротъ теплое молоко и разныя противоядія, заставили выпить маосу холодной воды, пока не вызвали рвоту. Потомъ по четыремъ угламъ камеры стали палачи и ударами пинокъ гнали несчастныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ нѣ одного угла въ другой, пока тѣ, измученные до кельзы, усталые не свалились въ безсознательнѣ съ ногъ. Послѣ ихъ подвергнн пыткамъ въ продолженіи нѣсколькихъ ночей, пока не „сознались“ въ очень многомъ.

Въ декабрѣ 1909 года заключенный въ Либавской тюрьмѣ Лякайсь, узнавъ, что его отправятъ въ рижское сыскное отдѣленіе на пытки, рѣшилъ лучше покончить съ собой. Онъ надрѣзалъ себѣ ножомъ въ 13-ти мѣстахъ обѣ руки и нанесъ себѣ двѣ раны въ шею, но такъ неудачно, что не перерѣзалъ ни одной артеріи, и его вылѣчили и отправили въ „Музей“, гдѣ жестоко пытали по пяткамъ и на „с.-д. скамейкѣ“. Я сидѣлъ въ сыскомъ въ одномъ карцерѣ съ нимъ и видѣлъ эти ужасныя раны, нанесенныя себѣ человекомъ въ безумномъ отчаяніи. Нѣкоторые шрамы были длиной въ 2—3 дюйма. Понятно, почему люди въ Ригѣ, при арестѣ, иногда оказываютъ отчаянное сопротивленіе, рѣшаются лучше умереть, нежели попасть въ руки палачей, попасть въ музей пытокъ, гдѣ царствуетъ дикій ужасъ. По цѣлымъ днямъ слышны стоны измученныхъ людей, сидящихъ въ карцерѣ товарищи слышатъ каждый ударъ палачей, каждый крикъ истязуемыхъ и съ чувствомъ безконечнаго ужаса ждутъ съ минуты на минуту, что вотъ придутъ и за ними, поведутъ на новыя страшныя пытки и униженія.

Въ такомъ тревожномъ ожиданіи провелъ я 2-й день. Израненныя мѣста за сутки опухли — малѣйшее прикосновенію къ нимъ причиняетъ невыносимую боль. Вдругъ, часовъ въ 11 ночи, отворяется нашъ карцеръ и тащатъ меня на пытку. Вяжутъ руки веревкой и за желѣзную палку „по американски“ поднимаютъ на воздухъ, такъ что я очутился головой внизъ, какъ на трапеціи. Отъ такого стянутого положенія израненныя прошлой ночью мѣста натягиваются и горятъ какъ въ огнѣ. Палачи начинаютъ свою звѣрскую работу. Отъ ударовъ по пятнамъ и израненнымъ вчера мѣстамъ боль, какъ огонь, охватываетъ все тѣло, разумъ мутится, члены цѣпенѣютъ. Но я не признаюсь — тогда, чтобы окончательно оболванить и лишитъ разсудка, начинаютъ меня вертѣть въ воздухѣ вокругъ желѣзной полки, раскачивая во все стороны, и время отъ времени со всего размаха ударяютъ спиной о полъ такъ, чтобы ударъ пришелся какъ разъ на израненныя части тѣла. Трудно передать какими бы то ни было словами переживаемое при этомъ страданіе. Ночь уже проходитъ — пытка все длится, а я „не сознаюсь“. Тогда во все избитое тѣло впѣвлияются, кто когтями, кто зубами, кто щипцами и производятъ такъ называемый „массажъ“—расправляютъ раны и опять пытаются и опять раскачиваютъ въ воздухѣ и опять ударяютъ о полъ. Я потерялъ сознаніе, былъ близокъ къ смерти. Очнулся облитый водою, развязанный. Палачи видя, что въ эту ночь больше пытать нельзя, ибо близокъ къ смерти, отнесли меня обратно въ карцеръ. Было еще темно, подъ утро — чувствую, что я близокъ къ сумасшествію, что въ головѣ какой-то хаосъ безумія, что гдѣ то въ одной только точкѣ еще бьется живая мысль — но вотъ-вотъ и она замретъ и наступитъ безумія. А что если въ бреду безумія я выдамъ палачамъ то, чего отъ

меня добиваются? Это ужасная возможность леденить всего. Нѣтъ, нѣтъ, только до этого не дойти. Что же дѣлать? Врать и врать безъ конца, прикидываться, унижать себя — но только не выдавать, не признаваться. Вдругъ вижу, въ углу карцера, стоитъ бѣлая тѣнь. Что это, начинается сумасшествіе или галлюцинаціи? Тѣнь поплыла, за ней— другая, третья и такъ безъ конца. Передъ глазами пронесится цѣлая вереница призраковъ... Тамъ и знакомыя лица замученныхъ здѣсь, въ „Музеѣ“, товарищей и незнакомыя фигуры, но всѣ страдальческія, скорченныя, точно подъ пыткой. Жутко. Кажется, что всѣ замученные и загубленные здѣсь днемъ живутъ гдѣ-то надъ поломъ, а ночью выходятъ посмотреть на своихъ товарищей, которыхъ ожидаетъ та же участь.

Пришла третья ночь. Связали меня опять „по американски“ и стали пытать такъ, чтобы ударъ „Марьей Ивановной“ (такъ называется пинка размѣрами больше и дѣйствиѣмъ страшнѣе „Божьей помощи“) пришлись по половымъ органамъ. Это страданіе невѣроятное — кажется, что вся перенесенная боль ничто по сравненію съ этой пыткой. Еще нѣсколько ударовъ и я сойду съума „Довольно“, говорю, — и тутъ началъ имъ рассказывать мнѣ, разыгралъ роль „сознашшагося“ такъ ловко, что повѣрили и оставили меня въ покоѣ. При дальнѣйшемъ слѣдствіи мнѣ, конечно, оказался миеомъ, не подтвержденнымъ никакими фактами и пришло дѣло прекратиться.

Подъ пыткой Грегусъ фабрикуетъ, часто или совсѣмъ несуществующія дѣла, въ родѣ разныхъ заговоровъ, покушеній, или заставляетъ сознаться завѣдомо невиныхъ людей въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь. Въ концѣ ноября 1907 года былъ изъ Петербургскихъ „крестовъ“ привезенъ въ „Музеѣ“ *Пидриксонъ*. Его пытали втеченіе ночи по пяткамъ, топтали каблуками, бросали о землю. Пытали его за то, что онъ, будучи въ 1906 г. приговоренъ военнымъ полевымъ судомъ къ смерти, успѣлъ за два часа до разстрѣла бѣжать и, пріѣхавъ въ Лондонъ, опубликовалъ въ англійск. газетахъ о тѣхъ срашнихъ пыткахъ, какимъ его подвергли.

Когда онъ пріѣхалъ обратно въ Россію и очутился въ лапахъ Грегуса, судебный слѣдователь ему въ сыскномъ же отдѣленіи предъявилъ два протокола, составленныхъ Грегусомъ и подписанныхъ *Гуртманомъ* и еще другими (фамилинъ забылъ), которые въ нихъ чистосердечно признаются, что ограбили кассира Кузнецовской фабрики. Пидриксонъ, знавшій всѣхъ дѣйствительныхъ участниковъ этой экспроприаціи, съ ужасомъ на лицѣ мнѣ передавалъ, что эти люди невинно осуждены военнымъ судомъ. Онъ заявилъ это и судебному слѣдователю въ присутствіи Грегуса, — на что послѣдній сказалъ: „Ну такъ что же — они у меня были извѣстными грабителями, если не по одному, то по другому дѣлу, но ихъ все равно бы повѣсили.“ Такъ просто этотъ извергъ человѣчества распоряжается человѣческими жизнями!

Страшнѣе всего попасть подъ пытку, когда всѣ они цѣны до бѣлой горячки — тогда забываются ими всѣ мѣры „предосторожности“ о не оставленіи внѣшнихъ знаковъ, и человекъ калѣчится. Такъ былъ искалѣченъ нѣкто *Ракисъ*, человекъ не причастный къ революціи, но должно быть изъ личной мести, по указанію провокатора Пупила, который теперь служить палачемъ въ „Музеѣ“, былъ избитъ до то, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ полученныхъ въ Музеѣ ранъ умеръ въ тюремной больницѣ. Я видѣлъ его скорбный листъ, — въ которомъ тюремной врачъ ни однимъ словомъ не обмолвился, что

болѣзнь и смерть Ракиса наступили отъ того, что ему въ сыскомъ искалѣчили грудь. Врачи написали, что причина смерти: „*Peritonitis tuberculosa*“. Подъ пытками Ракисъ „признался“, что участвовалъ самъ и зналъ такихъ — то лицъ, какъ участниковъ нападенія на Рижск. Центр, тюрьму. Въ дѣйствительности же Ракисъ не участвовалъ въ этомъ нападеніи и совершенно не зналъ тѣхъ лицъ, которыхъ Грегусъ вписалъ въ протоколъ.

Кривина, котораго я самъ видѣлъ въ сыскомъ, то-же оговаривалъ себя подъ пыткой. Его, послѣ многихъ другихъ истязаній, бросили на полъ, а Михѣевъ сталъ на скамью и прыгалъ ему на грудь, переломавъ ему нѣсколько реберъ. Грегусъ набросился на него, лежащаго, и ножомъ рѣзалъ и ковырялъ тѣло. Потомъ шпорами ударялъ до тѣхъ поръ, пока на бокахъ не осталось нѣсколько глубокихъ ранъ. Ему вырывали изъ головы волосы, — выбили зубы. Товарищи его до самой смертной казни несли его на рукахъ — ходить не могъ. Зоммера били по пяткамъ впродолженіи двухъ ночей пытали по „американски“ потомъ по половымъ органамъ. Онъ все время мочился кровью. Человѣкъ былъ сильный, никого не оговорилъ, не смотря на всѣ эти адскія пытки, только самъ сознался, что участвовалъ въ убійствѣ барона Будберга. *Судмала* и *братъевъ Цируль* пытали въ теченіи нѣсколькихъ дней самыми различными способами — вплоть до прижиганія тѣла, вырыванія волосъ, отколачиванія ногтей. Пытки были подвергнуты *Дуббелштейнъ*, *Булкниса*, котораго судебный слѣдователь, ведшій втеченіе 9 мѣсяцевъ его дѣло и не смогшій открыть его настоящаго имени, прислалъ наконецъ въ сыское для „антропометрическаго измѣренія“, какъ было сказано въ бумагѣ. Грегусъ, конечно, Книса такъ „измѣрилъ“, что тотъ долженъ былъ открыть свое имя, чтобы набавиться отъ пытки. Всю серію пытокъ въ то время, пока я былъ въ сыскомъ, прошли еще слѣдующія лица, фамили которыхъ я знаю: *Кувалдинъ*, *Слона*, *Домбровскій*, *Салминъ*. „*Гарайс Анна*“ (кличка) *Муринъ* и *Абольтели*. Къ сожалѣнію, я не могу въ данное время восстановить въ своей памяти и другихъ именъ, такъ какъ всего, за время моего пребыванія въ сыскомъ, было подвергнуто пыткамъ, по моему тогдашнему подсчету, болѣе ста лицъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о томъ, что часто люди, прошедшіе черезъ „Музей“, сходятъ съума отъ пережитого ужаса и потрясенія. Я лично знаю слѣдующихъ лицъ, не выдержавшихъ ужаса пытки и сошедшихъ съума: *Вольдемаръ Озолтъ*, *Озолъ Катенсъ*, выше упомянутой *Кривина* и *Келле*, котораго кромѣ пытки, травили еще полицейскими собаками. Въ тотъ моментъ, когда измученный человѣкъ заснулъ, выпускаютъ свору собакъ, которыя набрасываются на спящаго и начинаютъ кусать и рвать. Знаю еще и другіе подобныя факты, но объ нихъ въ другой разъ. Думаю, что здѣсь рассказаннаго достаточно, чтобы выставить къ позорному столбу передъ всѣмъ человѣчествомъ этихъ людей — звѣрей, въ руки которыхъ отдаю реакціей и баронствомъ столько человѣческихъ жизней. Самъ Грегусъ хвастается, что черезъ его руки прошло 5000 людей. Столько ужаса заключается въ этой цифрѣ, сколько среди этихъ пять тысячъ звѣрски убитыхъ, искалѣченныхъ и сколько среди нихъ невинныхъ на въ чемъ людей, погибшихъ отъ рукъ палачей. И когда же будетъ конецъ этой инквизиціи?

Карлъ Мицтъ («Мартынь».)

Парижъ. Ноябрь 1909 г.

Письмо Л. Н. Толстого къ Николаю II.

И теперь еще, послѣ революціи, послѣ дней свободы, послѣ конституціи, великій Толстой далеко не сталъ еще вполнѣ достояніемъ легальной печати. Напомнить ли тѣ многочисленныя преслѣдованія, которымъ подвергались за послѣднее время и продолжаютъ подвергаться издатели религіозно-философскихъ произведеній „великаго писателя земли русской“? Кто не знаетъ, дальше, что предсмертный крикъ ужаса и негодованія, его „Не могу молчать“, облетѣвшій весь міръ, было заглушено въ Россіи полицейскими запретами и административными карами и что на родинѣ его этотъ крикъ великой совѣсти былъ услышанъ лишь сквозь цензурныя, черносотенныя, толмачевскія и прочія стѣны, ограждающія нашу „свободу“?

Были все же дни, недавніе и уже столь далекіе дни, когда многія до тѣхъ поръ запретныя произведенія Толстого появились и широко распространились въ Россіи. Но и тогда не рѣшились легально издать печатаемое нами ниже письмо Льва Николаевича къ Николаю II, въ которомъ, несмотря на крайне сдержанную форму, Толстой далъ такую уничтожающую характеристику начатаго и продолжающагося въ крови царствованія.

Но упоминаемыя Толстымъ «дѣла» Николая II были до 9 января, до погромовъ, до массовыхъ разстрѣловъ, до кровавыхъ зорь, привѣтствуемыхъ висѣльцами, до усмирительныхъ отрядовъ и тюремныхъ пытокъ, до военныхъ экзекуцій, до Плеве и Столыпина.

Вѣроятно и даже несомнѣнно, что послѣ этого письма, послѣ манджурской войны, послѣ всѣхъ кровавыхъ расправъ, послѣ братанія царя съ черносотенцами, послѣ его объединенія съ Сашкой Косымъ и прочими погромщиками, послѣ всѣхъ николаевскихъ ужасовъ, которые пришлось еще пережить Толстому, онъ измѣнилъ свой взглядъ на Николая II, не считалъ его больше своего рода жертвой «легкомысленныхъ помощниковъ» и «совѣтчиковъ», а убѣдился въ собственной его злой волѣ, въ личной его отвѣтственности за многія, слишкомъ многія «дурныя и жестокія дѣла». И эту отвѣтственность Николая II Толстой подчеркнул въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній, въ предсмертномъ «Не могу молчать», въ которомъ онъ царя поставилъ морально ниже подлaga палача.

И всѣ, кому дорога свобода, должны дорожить той оцѣнкой, которой геній міра заклеилъ и самодержавіе и наиболѣе жестокаго представителя его — Николая II.

Въ многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ въ нашей легальной печати памяти «великаго писателя земли русской» мы напрасно искали хотя бы отдаленнаго намека на это письмо Толстого къ Николаю II. Въ нѣкоторыхъ газетахъ было вскользь упомянуто объ извѣстномъ письмѣ Толстого къ Александру III. Но никто не рѣшился упомянуть хотя бы о томъ, что Толстой пытался усовѣстить личнымъ своимъ обращеніемъ Николая II.

Мы тѣмъ болѣе считаемъ поэтому своей обязанностью помѣстить это письмо на страницахъ нашего журнала, что оно является однимъ изъ наиболее яркихъ политическихъ актовъ Льва Николаевича Толстого, обычно сторонившагося отъ политической жизни и политической борьбы.

Прибавимъ еще, что письмо это, въ свое время доставленное лично Николаю II, было, какъ видно изъ собственныхъ словъ Л. Н. Толстого, написано имъ въ 1902 г., когда Толстой переживалъ тяжелую болѣзнь, представляющую опасность фатальнаго исхода.

Напечатано оно было нѣсколько лѣтъ спустя послѣ доставки его по назначенію въ «Свободномъ Словѣ» и «Освобожденіи».

Редакція.

Любезный братъ!

Такое обращеніе я счелъ наиболее умѣстнымъ потому, что обращаюсь къ Вамъ въ этомъ письмѣ не столько какъ къ царю, сколько какъ къ человѣку — брату. Кромѣ того еще и потому, что пишу къ Вамъ какъ бы съ того свѣта, находясь въ ожиданіи близкой смерти. Мнѣ не хотѣлось бы умереть не сказавъ Вамъ того, что я думаю о Вашей теперешней дѣятельности и о томъ, какою она могла бы быть, какое большое благо она могла бы принести миллионамъ людей и Вамъ, я какое большое зло она можетъ принести людямъ и Вамъ, если будетъ продолжаться въ томъ же направленіи, въ которомъ идетъ теперь.

Третя Россіи находится въ положеніи услезливой охраны, т. е. внѣ закона. Армія полицейскихъ, явныхъ и тайныхъ все увеличивается и увеличивается. Тюрмы, мѣста ссылки и каторги переполнены, сверхъ сотенъ тысячъ уголовныхъ, политическихъ, къ которымъ теперь причисляютъ и рабочихъ. Цензура дошла до нелѣпности запрещеній, до которыхъ она не доходила въ худшее время сороковыхъ годовъ. Религіозныя гоненія никогда не были столь часты и жестоки, какъ теперь, и становятся все жесточе и чаще. Вездѣ въ городахъ и фабричныхъ центрахъ сосредоточены войска и высылаются съ боевыми патронами противъ народа. Во многихъ мѣстахъ уже были братоубійственныя кровопролитія и вездѣ готовятся и неизбежно будутъ, новыя и еще болѣе жестока.

И какъ результатъ всей этой напряженной и жестокой дѣятельности правительства, земледѣльческій народъ, тѣ 100 милл., на которыхъ зиждется могущество Россіи, несмотря на непомерно возрастающій государственный бюджетъ, или скорѣе вслѣдствіе этого возрастанія, нищаетъ съ каждымъ годомъ, такъ что голодъ сталъ нормальнымъ явленіемъ. И такимъ же явленіемъ стало всеобщее недовольство правительствомъ всѣхъ сословій и враждебное отношеніе къ нему.

И причина всего этого, до очевидности ясная, одна: та, что

помощники Ваши увѣряютъ Васъ, что останавливая всякое движеніе жизни въ народѣ, они этимъ обезпечиваютъ благоденствіе этого народа и Ваше спокойствіе и безопасность.

Но, вѣдь, скорѣе можно остановить теченіе рѣки, чѣмъ установленное Богомъ всегдашнее движеніе впередъ чело-вѣчества.

Понятно, что люди, которымъ выгоденъ такой порядокъ вещей, и которые въ глубинѣ души своей говорятъ; „après nous le deluge!“*) могутъ и должны увѣрять Васъ въ этомъ; но удивительно, какъ Вы, свободный, ни въ чемъ не нуждающійся чело-вѣкъ, и чело-вѣкъ разумный и добрый, можете вѣрить имъ и, слѣдуя ихъ ужаснымъ совѣтамъ, дѣлать, или допускать дѣлать столько зла, ради такого неисполнимаго намѣренія, какъ остановка вѣчнаго движенія чело-вѣчества.

Вѣдь, Вы не можете не знать того, что съ тѣхъ поръ, какъ намъ извѣстна жизнь людей, формы жизни этой, какъ экономическія и общественныя, такъ религіозныя и политическія, постоянно измѣнялись, переходя отъ болѣе грубыхъ, жестокихъ и неразумныхъ къ болѣе мягкимъ, чело-вѣчнымъ и разумнымъ. Ваши совѣтчики говорятъ Вамъ, что это неправда, что русскому народу, какъ было свойственно когда то православіе и самодержавіе, такъ оно свойственно ему и теперь, и будетъ свойственно до конца дней, и что потому, что для блага русскаго народа, надо во что бы то ни стало поддерживать эти двѣ, связанные между собой формы: религіознаго вѣрованія и политическаго устройства. Но, вѣдь, это двойная неправда.

Во-первыхъ, никакъ нельзя сказать, чтобы православіе, которое когда то было свойственно русскому народу, было свойственно ему и теперь. Изъ отчетовъ оберъ-прокурора синода Вы можете видѣть, что наиболѣе духовно развитые люди народа — несмотря на всѣ невыгоды и опасности, которымъ они подвергаются, отступая отъ православія, — съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе переходятъ въ такъ называемыя секты. Во-вторыхъ, если справедливо то, что народу свойственно православіе, то не-зачѣмъ такъ усиленно поддерживать эту форму вѣрованія и съ такой жестокостью преслѣдовать тѣхъ, которые отрицаютъ ее.

Что же касается самодержавія, то оно точно такъ же, если и было свойственно русскому народу, когда народъ этотъ еще вѣрилъ, что царь — непогрѣшимый земной Богъ и самъ одинъ управляетъ народомъ, то далеко несвойственно ему уже теперь, когда всѣ знаютъ, или, какъ только немного образуются, то узнаютъ, во-первыхъ, то, что хорошій царь есть только „un heureux hasard**), а что цари могутъ быть и бывали и изверги,

*) «Послѣ насъ хоть потопъ».

**) «Счастливая случайность».

и безумцы, какъ Іоаннъ IV и Павелъ; а во-вторыхъ, то, что какой бы царь и ни былъ хорошій и мудрый человекъ, онъ никакъ не можетъ управлять самъ 130-милліоннымъ народомъ, а управляютъ народомъ приближенные царя, заботящіяся больше о своемъ положеніи, а не о благѣ народа.

Вы скажете: царь можетъ выбирать себѣ въ помощники людей безкорыстныхъ и хорошихъ. Къ несчастію, царь не можетъ этого дѣлать, потому что онъ знаетъ только нѣсколько десятковъ людей, случайно или разными происками приблизившихся къ нему и старательно загораживающихъ отъ него всѣхъ тѣхъ, которые могли бы замѣстить ихъ. Такъ что царь выбираетъ не изъ тѣхъ тысячъ живыхъ, энергичныхъ, истинно просвѣщенныхъ и честныхъ людей, которые рвутся къ общественному дѣлу, а только изъ тѣхъ, про которыхъ говорилъ Бомарше: „*Médiocre et rampant et on parvient à tout*“.*) И если многіе русскіе люди готовы повиноваться царю, — они не могутъ безъ чувства оскорбленія повиноваться людямъ своего круга, которыхъ они презираютъ и которые такъ часто именемъ царя управляютъ народомъ.

Васъ, вѣроятно, приводитъ въ заблужденіе о любви народа къ самодержавію и его представителю — царю то, что, вездѣ, при встрѣчѣхъ Васъ въ Москвѣ и другихъ городахъ толпы народа съ криками „ура“ бѣгутъ за Вами. Не вѣрьте тому, чтобы это было выраженіемъ преданности Вамъ, — это толпа любопытныхъ, которая побѣжитъ точно также за всякимъ непривычнымъ зрѣлищемъ. Часто же эти люди, которыхъ Вы принимаете за выразителей народной любви къ Вамъ, суть ничто иное, какъ полиціей собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный Вамъ народъ, какъ на примѣръ, это было съ Вашимъ дѣдомъ въ Харьковѣ, когда соборъ былъ полонъ народа, но весь народъ состоялъ изъ переодѣтыхъ городовыхъ.

Если бы Вы могли также походить во время царскаго проѣзда по линіи крестьянъ, разставленныхъ позади войскъ, вдоль всей желѣзной дороги, и послушать, что говорятъ эти крестьяне: старосты, сотскіе, десятскіе, сгоняемые съ сосѣднихъ деревень, и на холоду и въ слякоти, безъ вознагражденія, съ своимъ хлѣбомъ, по нѣсколькимъ днямъ ожидающимъ проѣзда, — Вы бы услышали отъ самыхъ настоящихъ представителей народа, простыхъ крестьянъ, сплошь, по всей линіи, рѣчи, совершенно несогласныя съ любовью къ самодержавію и его представителю. Если лѣтъ 50 тому назадъ при Николаѣ I еще стоялъ высоко престижъ царской власти, то за послѣдніе 30 лѣтъ, онъ не переставая, падалъ и упалъ въ послѣднее время такъ, что во всѣхъ сословіяхъ, никто уже не стѣсняется смѣло

*) «Будь ничтоженъ и подобоострастенъ и до всего доберешься.»

осуждать не только распоряженія правительства, но самого царя и даже бранить и смѣяться надъ нимъ.

Самодержавіе есть форма правленія отжившая, могущая соотвѣтствовать требованіямъ народа гдѣ нибудь въ центральной Африкѣ, отдаленной отъ всего міра, но не требованіямъ русскаго народа, который все болѣе и болѣе просвѣщается общимъ всему міру просвѣщеніемъ и потому поддерживать эту форму... можно только, какъ это и дѣлается теперь, посредствомъ всякаго рода насилія, усиленной охраны, административныхъ ссылокъ, казней, религіозныхъ гоненій, запрещеній книгъ, газетъ, извращенія воспитанія и вообще всякаго рода дурныхъ и жестокихъ дѣлъ.

И таковы были до сихъ поръ дѣла Вашего царствованія, начиная съ Вашего возбудившаго общее негодованіе всего русскаго общества, отвѣта тверской депутаціи, гдѣ Вы самыя законныя желанія людей назвали „безсмысленными мечтаніями“, — всѣ Ваши распоряженія о Финляндіи, о китайскихъ захватахъ, Вашъ проектъ Гаагской конференціи, сопровождаемый усиленіемъ войскъ, Ваше ослабленіе самоуправленія и усиленіе административнаго произвола, Ваша поддержка гоненій за вѣру, Ваше согласіе на утвержденіе винной монополіи, т. е. торговли отъ правительства ядомъ, отравляющимъ народъ, и, наконецъ, Ваше упорство въ удержаніи тѣлеснаго наказанія, несмотря на всѣ представленія, которыя дѣлаются Вамъ объ отмѣнѣ этой, позорящей русскій народъ, безсмысленной и совершенно бесполезной мѣры. Все это поступки, которые Вы не могли бы сдѣлать, еслибы не задались, по совѣту Вашихъ легкомысленныхъ помощниковъ, невозможной цѣлью, — не только остановить жизнь народа, но вернуть его къ прежнему, пережитому состоянію.

Мѣрами насилія можно угнетать народъ, но не управлять имъ. Единственное средство въ наше время, чтобы дѣйствительно управлять народомъ, — только въ томъ, чтобы, ставъ во главѣ движенія народа отъ зла къ добру, отъ мрака къ свѣту, вести его къ достиженію ближайшихъ къ этому движенію цѣлей. Для того же, чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желанія и нужды, исполнить тѣ изъ нихъ, которыя будутъ отвѣчать требованіямъ не одного класса или сословія, а большинства его.

А тѣ желанія, которыя выскажетъ теперь русскій народъ, если ему будетъ дана возможность это сдѣлать, по моему мнѣнію, будутъ слѣдующія:

Прежде всего рабочій народъ скажетъ, что желаетъ избавиться отъ тѣхъ исключительныхъ законовъ, которые ставятъ его въ положеніе парія, не пользующагося правами всѣхъ сословныхъ гражданъ; потомъ скажетъ, что онъ хочетъ свободы

передвиженія, свободы обученія и свободы исповѣданія вѣры, свойственной его духовнымъ потребностямъ; и, главное, весь стомилліонный народъ въ одинъ голосъ скажетъ, что онъ желаетъ свободы пользоваться землей.

И вотъ это то уничтоженіе права земельной собственности и есть, по моему мнѣнію, та ближайшая цѣль, достиженіе которой должно сдѣлать въ наше время своей задачей русское правительство.

Въ каждый періодъ жизни человѣческой есть соответствующая времени ближайшая ступень осуществленія лучшихъ формъ жизни, къ которой она стремится. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такой ближайшей ступенью было уничтоженіе рабства. Въ наше время такая ступень есть освобожденіе рабочихъ массъ отъ того меньшинства, которое властвуетъ надъ ними, — то, что называется рабочимъ вопросомъ.

Въ Западной Европѣ достиженіе этой цѣли считается возможнымъ черезъ передачу заводовъ и фабрикъ въ общее пользованіе рабочихъ. Вѣрно или невѣрно такое разрѣшеніе вопроса, и достижимо ли оно или нѣтъ для западныхъ народовъ, — оно, очевидно, не примѣнимо въ Россіи, какова она теперь.

Въ Россіи, гдѣ громадная часть населенія живетъ на землѣ и находится въ полной зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, освобожденіе рабочихъ, очевидно, не можетъ быть достигнуто переходомъ фабрикъ и заводовъ въ общее пользованіе. Для русскаго народа такое освобожденіе можетъ быть достигнуто только уничтоженіемъ земельной собственности и признаніемъ земли общимъ достояніемъ, — тѣмъ самымъ, что уже съ давнихъ поръ составляетъ задушевное желаніе русскаго народа и осуществленія чего онъ все еще ожидаетъ отъ русскаго правительства.

Знаю я, что эти мысли мои будутъ приняты Вашиши совѣтчиками, какъ верхъ легкомыслія и непрактичности человѣка, не постигающаго всей трудности государственнаго управленія, и, въ особенноти, мысль о признаніи земли общей народной собственностью; но знаю я и то, что для того, чтобы не быть вынужденнымъ совершать все болѣе и болѣе жестокія насилія надъ народомъ есть только одно средство; а именно — сдѣлать своей задачей такую цѣль, которая стояла бы впереди желаній народа. И не дожидаясь того, чтобы накатывающійся вѣсъ билъ по колѣнамъ, — самому везти его, т. е. идти въ первыхъ рядахъ осуществленія лучшихъ формъ жизни. А такой цѣлью можетъ быть для Россіи только уничтоженіе земельной собственности. Только тогда правительство можетъ — не дѣлая, какъ теперь, недостойныхъ и вынужденныхъ уступокъ фабричнымъ рабочимъ, или учащейся молодежи, — безъ стра

за свое существованіе быть руководителемъ своего народа и дѣйствительно управлять имъ.

Совѣтники Ваши скажутъ Вамъ, что освобожденіе земли отъ права собственности есть фантастическое, неисполнимое дѣло. Но какъ мнѣнію, составить стомилліонный живой народъ перестать жить, или проявлять признаки жизни, и втиснуть его назадъ въ скорлупу, изъ которой онъ давно выросъ, — это не фантазія и не только исполнимо, но самое мудрое и практическое дѣло. Но, вѣдь, стоитъ только серьезно подумать для того, чтобы понять, что дѣйствительно неисполнимо, хотя оно и дѣлается, и что, напротивъ, не только исполнимо, но своевременно и необходимо, хотя оно и не начиналось.

Я лично думаю, что въ наше время земельная собственность, есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крѣпостное право 50 лѣтъ тому назадъ. Думаю, что уничтоженіе ея поставитъ русскій народъ на высокую степень независимости, благоденствія и довольства. Думаю тоже, что эта мѣра несомнѣнно уничтожитъ все то социалистическое и революціонное раздраженіе, которое теперь разгорается среди рабочихъ и грозитъ величайшей опасностью и правительству и народу.

Но я могу ошибаться, и рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону можетъ быть дано опять только самимъ народомъ, если онъ будетъ имѣть возможность высказаться.

Такъ что, во всякомъ случаѣ, первое дѣло, которое теперь предстоитъ правительству — это уничтоженіе того гнета, который мѣшаетъ народу высказать свои желанія и нужды. Нельзя сдѣлать добро человѣку, которому мы завяжемъ ротъ, чтобы не слышать того, что онъ желаетъ для своего блага. Только узнавъ желанія и нужды народа, или большинства его, можно управлять народомъ и сдѣлать ему добро.

Любезный братъ, у Васъ только одна жизнь въ этомъ мірѣ, и Вы можете мучительно потратить ее на тщетныя попытки остановки установленнаго Богомъ движенія человѣчества отъ зла къ добру, отъ мрака къ свѣту, и можете, вникнувъ въ нужды и желанія народа и посвятивъ свою жизнь исполненію ихъ, спокойно и радостно провести ее въ служеніи Богу и людямъ.

Какъ не велика Ваша отвѣтственность за тѣ годы Вашего царствованія, во время которыхъ Вы можете сдѣлать много добраго и много злого, но еще больше Ваша отвѣтственность передъ Богомъ за Вашу жизнь здѣсь, отъ которой зависитъ Ваша вѣчная жизнь, и которую Богъ Вамъ далъ не для того, чтобы предписывать всякаго рода злыя дѣла, или хотя участвовать въ нихъ и допускать ихъ, а для того, чтобы исполнять Эго Волю. Воля же его въ томъ, чтобы дѣлать не зло, а добро людямъ.

Подумайте же объ этомъ не передъ людьми, а передъ Богомъ, и сдѣлайте то, что Вамъ скажетъ Богъ, т. е. Ваша совѣсть. И не смущайтесь тѣми препятствіями, которыя Вы встрѣтите, если вступите на новый путь жизни. Препятствія эти уничтожатся сами собой, и Вы не замѣтите ихъ, если только то, что Вы будете дѣлать, — Вы будете дѣлать не для славы людской, а для своей души, т. е. для Бога.

Простите меня, если я нечаянно оскорбилъ или огорчилъ Васъ тѣмъ, что написалъ въ этомъ письмѣ. Руководило мною только желаніе блага русскому народу и Вамъ.

Достигъ ли я этого — рѣшить будущее, котораго я, по всѣмъ вѣроятіямъ, не увижу. Я сдѣлалъ то, что считалъ своимъ долгомъ.

Истинно желающій Вамъ истиннаго блага братъ Вашъ

Левъ Толстой.

Гаспра. 16-го января 1902 г.

У гроба Сазонова.

Умеръ Сазоновъ. Отравился... А 27 января кончался срокъ его каторги.

Не соблазнила близость воли: нужно было протестовать, и онъ оказалъ свой послѣдній протестъ.

Онъ былъ молодъ и силенъ. Онъ зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ждуть его на волѣ. Онъ любилъ жизнь, любилъ свободу. Мечталъ о томъ, какъ встрѣтить ее, что станетъ дѣлать. Онъ зналъ цѣну своей жизни; зналъ, что является послѣднимъ и самымъ главнымъ свидѣтелемъ по дѣлу Азефа. Зналъ, какъ нужна и желательна его смерть русскому правительству.

И вотъ, на рубежѣ къ желанной свободѣ, отказался отъ нея; отказался отъ самой жизни.

Что побудило его къ этому?

Что то огромное, вопіющее... Иначе и быть не можетъ. Краткое правительственное сообщеніе не заключаетъ въ себѣ и одной сотой той ужасной правды, что разыгралась въ ноябрѣ въ стѣнахъ Горнаго Зерентуя, этой самой далекой изъ сибирскихъ каторжныхъ тюремъ.

Часто случаются подобныя правды на русской каторгѣ, но никто почти не узнаетъ объ нихъ, а если и узнаетъ, то изъ короткихъ и лживыхъ правительственныхъ сообщеній. И только много времени спустя, вырывается тюремная правда на свободу.

Объ одной изъ такихъ правдъ я и хочу рассказать теперь. Случилась она въ прошломъ году, тамъ же, въ Горномъ Зерентуѣ, съ тѣмъ же самымъ Сазоновымъ, и тоже въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Сазоновъ сидѣлъ тогда въ одиночной камерѣ, но ввиду обычнаго тюремнаго переполненія, съ нимъ разрѣшено было поселиться еще двумъ политикамъ — Фролову и Сидорчуку.

Часовъ около десяти вечера, когда больше половины заключенныхъ нашей общей камеры лежали уже по нарамъ, а остальные сидѣли за столами и чѣмъ нибудь занимались, — со стороны одиночекъ раздалось послѣдовательно одинъ за другимъ нѣсколько выстрѣловъ. Затѣмъ выстрѣлы загремѣли и подъ окнами нашей камеры и повсюду вокругъ тюрьмы.

Стрѣльба продолжалась минуты двѣ. Съ улицы, изъ за тюремной стѣны, слышались площадная ругань и торопливый бѣгъ конвоя, во весь духъ несшагося съ винтовками изъ своей казармы, а въ корридоръ — бѣганье надзирателей, голоса начальника и помощниковъ.

Мы привыкли къ подобнымъ исторіямъ: за послѣдніе полтора мѣсяца это было уже двѣнадцатый случай стрѣльбы по окнамъ. Очень многіе поэтому такъ и остались лежать по угламъ; нѣкоторые даже не прескучились. Остальные повскакивали съ своихъ мѣстъ, и бросились къ дверямъ, къ форточкѣ.

— Въ кого?... Почему?... Куда?...

Минутъ черезъ десять узнали отъ проходившаго мимо надзирателя, что стрѣляли въ одиночку Сазонова, но что все обошлось благополучно. Больше узнать такъ ничего и не удалось.

Мнѣ, какъ тюремному бібліотекару, въ опредѣленные часы разрѣшено было ходить съ книгами по всѣмъ камерамъ и одиночкамъ. Поэтому, на слѣдующій день, я лично могъ убедиться, на сколько серьезно жизнь Сазонова накануне вечеромъ подвергалась опасности. Онъ только на волосъ былъ отъ смерти. Въ оконныхъ рамахъ разбито пулями шесть стеколъ; пробитъ каменный подоконникъ; пробита рама; по стѣнамъ — царапины отъ рикошетовъ, а въ потолокъ кромѣ царапинъ, двѣ громадныя, величиною въ кулакъ, выбоины. На полу — осыпавшаяся известька и отбитая штукатурка. А на столѣ лежать куски и кусочки свинца, обломки никелевыхъ оболочекъ и двѣ, почти цѣлыя, только смятыя и изуродованныя, пули. Все это собрано было на полу, въ разныхъ мѣстахъ; большой обломокъ одной изъ пуль найденъ былъ даже подъ кроватью.

Стрѣлялъ, стоявшій на дворѣ, подъ окномъ, солдатъ-часовой. Онъ выпустилъ всего пять пуль: четыре въ сазоновскую одиночку и пятую, которая была первой, по ошибкѣ — въ соседнюю. Поведа къ стрѣльбѣ не было никакого. Сидорчукъ и Фроловъ уже спали, а Сазоновъ сидѣлъ за столомъ и писалъ письмо. Тишина была абсолютная, тѣни на окно ни отъ чего попасть не могло. Вдругъ — трахъ!... трахъ!... и посыпались стекла, известь, штукатурка, куски и кусочки пуль.

— Что же это такое, Егоръ?

— Да, ничего... Пострѣляли немножко... Вѣдь, мнѣ скоро на волю выходить, ну вотъ и...

Улыбнулся своей свѣтлой ласковой улыбкой. Но и въ улыбокѣ его, и въ словахъ, сквозила глубокая грусть.

— А начальникъ что говоритъ?

— То же, что и раньше. Говорить, что военный караулъ не въ его вѣдѣніи, что онъ не можетъ ничего съ нимъ сдѣлать, ничего не можетъ приказать ему... Словомъ, по его словамъ, начальникъ тюрьмы и даже начальникъ каторги сами

по себѣ, а военный караулъ тоже самъ по себѣ. Потомъ говорить, что зря солдатъ стрѣлять не станеть; чѣмъ нибудъ да вызвана же была стрѣльба. А по словамъ часового кто то въ одиночкѣ нашей полѣзалъ на окно. Когда я сказалъ ему, что это — неправда, и описалъ, какъ было дѣло, онъ только плечами пожалъ, да сказалъ, что обязанъ вѣрить не арестанту, а солдату; долгъ службы заставляетъ дѣлать это. Иначе какой же онъ начальникъ... Ну и т. д. Словомъ, все то же, что намъ не разъ приходилось уже слышать.

Снова грустная, но добрая улыбка.

— А, вѣдь, еще цѣлый годъ впереди...

У меня сердце сжалось отъ этихъ, повидимому, неопредѣленныхъ, но много говорящихъ словъ.

Черезъ нѣсколько дней меня отправили изъ каторги на поселеніе.

Прошелъ годъ. Глухо доносилось кой что за это время изъ Зерентуя. Умерло нѣсколько человекъ отъ туберкулеза; одинъ убитъ былъ надзирателемъ изъ револьвера, въ упоръ: пуля вошла въ глазъ и пробила черепъ насквозь; другого изъ винтовки пристрѣлили часовой во время прогулки; и много еще другихъ разныхъ „сѣрыхъ каторжныхъ обыденностей“ случилось тамъ за этотъ годъ.

И вотъ, наконецъ, — умираетъ Саоновъ.

Годъ тому назадъ его хотѣли убить, — теперь заставили отравиться. Видно не суждено было герою-мученику снова увидѣть свою свободу...

Вчерашній зерентуецъ.

Отъ редакціи „Былого“.

До 1905 г. за границей было издано 6 №№ „Былого“ 1906-7 г.г. „Былое“ печаталось въ Петербургѣ, и такъ же 22 №№ этого журнала. Въ настоящее время „Былое“ выходитъ за границей, и мы выпускаемъ здѣсь пятый №. 1908 г. въ Парижѣ вышли: 7, 8, 9-10, 11-12 и 13 номера.

Еще въ 7 № „Былого“, вышедшемъ въ Парижѣ, мы подробно говорили о задачахъ нашего журнала. Последніе номера, надѣмся, ясно даютъ понятіе читателямъ, какия дачи мы преслѣдуемъ и какъ мы ихъ выполняемъ. Теперь намъ нѣтъ необходимости еще разъ говорить о томъ, какъ деть дальше вестись нашъ журналъ. Скажемъ только, что изданіи „Былого“ мы преслѣдуемъ не чисто литературныя и историческія задачи, — даже не главнымъ образомъ ихъ. Давая „Былое“, мы стремимся послѣдно отвѣчать на запросъ современнаго освободительнаго движенія въ Россіи. То изучая наше *былое*, мы научаемся, какъ бороться дальше. Мы рѣя для участниковъ освободительнаго движенія и должна и можетъ быть великимъ учителемъ.

Мы желали бы только начатое дѣло продолжать въ лучшихъ размѣрахъ, чаще выпуская книжки нашего журнала. Это зависитъ не столько отъ насъ, сколько отъ тѣхъ, кто нимаеть и сочувствуетъ нашимъ задачамъ. Къ нимъ-то мы обращаемся въ настоящее время съ призывомъ посмотреть издаціе „Былого“ какъ на наше *общее дѣло* и откликнуться.

Мы просимъ сочувствующихъ намъ читателей продолжать присылать намъ:

- 1) Матеріалы по исторіи оппозиціонныхъ и революціонныхъ движеній.
- 2) Все, что можетъ характеризовать личность и дѣятельность царя, великихъ князей, представителей высшей бюрократіи.
- 3) Все, что относится къ выясненію дѣятельности непосредственныхъ враговъ освободительнаго движенія (провокаторовъ, охранниковъ, ихъ руководителей и т. д.)

За всѣми разъясненіями относительно „Былого“ можно обращаться по адресу:

„Le Passe“, 50, B-d. St. Jacques, Paris (XIV arr.).

Вл. Бурцевъ.

Въ книжномъ магазинѣ и складѣ

„Общее Дѣло“

(адресъ : Librairie " La Cause Commune", 50 Bd. Saint-Jacques,
Paris, XIV arr. Téléphone: 829-49. Métro: St. Jacques.)
имѣются слѣдующія изданія В. Л. Бурцева:

„БЫЛОЕ“ (1908-10 гг.) №№ 7, 8, 9-10, 11-12, 13 по 3 фр.	
„ОБЩЕЕ ДѢЛО“ (1909-1910 гг.), №№ 1, 2, 3, 4.	50 с.
„Да здравствует Народная Воля!“ (сборникъ)	1 „
„Царскій Листокъ“ 1-й вып.	2 „
Бурцевъ, Вл. „Отвѣтственность царя“ 1910 г.	30 „
„Царь и внѣшняя политика“ 1910 г.	2 „
Толстой, Л. „Письмо къ Николаю“,	
„Не могу молчать“ и „Пора понять“	1 „ 50 „
(1—6 №№ заграничнаго „Былого“, „За сто лѣтъ“,	
„Долой царя“, 1—4 №№ „Народовольца“ — съ продажъ	
не илжтется).	

Кромѣ того, книжный магазинъ „Общее Дѣло“ доставляетъ всевозможныя изданія, появившіяся какъ въ Россіи, такъ и за границей, на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ.

Каталогъ за границей высылается за 10-ти сантимную, а въ Россію за 50-ти сантимную марку.

Объ изданіи газеты

„ОБЩЕЕ ДѢЛО“

Съ сентября 1909 года въ Парижѣ, подъ редакціей
В. Л. Бурцева, выходитъ „ОБЩЕЕ ДѢЛО“.

Цѣна отдѣльнаго номера 50 сант., съ пересылкой — 60 сант.

J. LONGUET ET G. SILBER

TERRORISTES & POLICIERS

Préface de W.-L. BOURTZEV

Un vol. de 300 pages. Prix : 3 fr. 50 cent.

Des publications périodiques de la Société des Amis du peuple russe :

L. BERNSTEIN.

L'AFFAIRE AZEFF

Paris 1909 Prix : 1 franc.

W. BOURTZEFF.

LA RESPONSABILITÉ DU TSAR

Préface de Jean Jaurès

Paris 1910 Prix : 0 fr. 30

**АЛОК® можно приобрести также в следующих
книжных магазинах:**

- LIBRAIRIE CURLORE** НЕТОН, 148, rue du Faubourg Saint-Denis.
* SCHULTZ АЛЕКСИ, 3, place de la Sorbonne.
* SOUDIER, 471-476, Bd St-Germain.
* TRENER, 44, Bd du Port-Royal.
LIBRAIRIE SCHRETTER, 2, rue de Séze, 2.
* GAMBER, 7, rue Denon.
* « LA CAUSE COMMUNE », 50, Bd Saint-Jacques.
* HACHETTE et Cie, 143, rue Bonnaire, 113 и въ близкомъ и
всѣхъ желаемыхъ дорогахъ.
PARIS 13, Avenue d'Orléans, Paris (XIVe).
BIBLIOTHÈQUE RUSSE DE THODOPOULOFF, 328, rue Saint-Jacques.
* * 29, rue Boulard.
LIBRAIRIE Mme COLLAS, 70, rue Claude-Bernard.
LIBRAIRIE AUDOT et GOIN, 34, rue Saint-Jacques.
Nice. **LIBRAIRIE BOSANOFF**, 3, rue Longchamps, 3.
* KLEIDMAN, 7, rue Colla, 7.
Menton. **LIBRAIRIE TERTINER** (Agence Franco-Russe).
Berlin. **LIBRAIRIE FROWIN-EBERHARD**, 6, Lützowstrasse, Berlin-Christen-
burg, 6.
Bruxelles. **LIBRAIRIE « La Presse socialiste »**, 33-38, rue de Sables.
* Centrale, Bd du Nord, 99.
Davos-Platz (Suisse). Ville Metta M. Avrahoff, « Za Boubescham ».
Genève. **LIBRAIRIE MENKES**, 4, rue Lechol, 4.
* du Peuple, 8, rue Carouge, 3.
Lansanc. Comité International de Secours aux Sans-Travail, Maison du Peuple
Born (Suisse). B. LIPCHITZ, 48, Gartenstrasse, 48.
Zürich (Suisse). **BIBLIOTHÈQUE RUSSE**, Kulmanstrasse, 20.
London. **GOLDENBERG**, 287, The Vale Acton.
* S. FISHER, 41, Thorn Street, Whitechapel, London E.
Karlsbad. **HENGSTENBERG** Books, Librairie Alice Weiss.
Krakovie. « Zycie », 20, ulica Straszewskiego, 20.
* BETHNER, Librairie.
* SALOMON et HOPCAS, Librairie.
Lemberg. **ALTENBERG**, Librairie.
New-York. **MAX MAISEL**, 422, Grand Street.
* M. GOUBEVITCH, 208, East-Broadway.
* BOUSSEY GOLOSS, 4-3, Cooper Square, Cor. 4th St.
* M. WASSERMAN, International Book Store, 45, Clinton Street.
Roma. G. ROMAGNA et Cie, Via Marco Minghetti, 26 & 29 (Corso Umberto).
Praha. **LIBRAIRIE GROSSMANN** a SVOBODA, Ferdinandova Trida, 40.

Адресъ редакціи журнала „Былое“ и газеты „Общее Дѣло“:

W. Bourzoff, 50, Bd St-Jacques, PARIS (XIVe Arr^e)

Métro: St-Jacques. — Téléphone: 829-49.

Для личныхъ объясненій редакціи открыта ежедневно (кроме
праздниковъ) отъ 2-хъ до 4-хъ.

Дѣловыя письма, во избежаніе недоразумѣній, просить
посылать *заказными*. — За письма, посылаемые не заказными,
редакція не отвѣчаетъ. По желанію корреспондентовъ имъ для
переписки могутъ быть высылаемы конспиративные адреса.

На письмахъ, не предназначенныхъ лично редактору, просимъ
дѣлать надпись: Въ контору журнала „Былое“ или газеты „Общее Дѣло“.

Цѣна отдѣльнаго номера „Былого“ — 3 фр.

**UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY**

Return to desk from which borrowed

RETURN TO **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

DEC 1 1977		
REC. CIR. MAR 30 77		
JAN 6 1980		
REC. CIR. JUL 6 1979		
OCT 13 1980		
REC. CIR. MAY 3 1980		

FORM NO. DD 6,

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C039582552

M153748

DKK
B89
no. 7-13

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

